

Алексей Пехов

Хроники Смолы

трилогия

Легенда

Annotation

Крадущийся в тени, Джанга с тенями и Вьюга теней - трилогия с иллюстрациями.

- [Алексей Пехов](#)
 - [Крадущийся в тени](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Алексей Пехов](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Алексей Пехов](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глоссарий](#)
 -
-

Алексей Пехов
Хроники Сиалы
(трилогия)

Крадущийся в тени

Предисловие

Спасибо Павлу Костину и Аномалии. Без их помощи эта книга никогда бы не увидела свет.

Автор

Вор и герой — понятия несовместимые? Как бы не так! Когда приходится делать нелегкий выбор между топором палача и Заказом на небольшую прогулку в мрачные могильники эльфийских лесов, трезвомыслящие люди выбирают топор палача, а герои, такие, как Гаррет, решают бросить кости и, надеясь, что выпадут шестерки, рискнуть.

Ведь всего-то надо пробраться в заброшенную башню Ордена, надуть парочку злобных демонов, избавиться от наемных убийц, подставить воровскую гильдию, выйти из десятка кровавых стычек... ну и доехать до этих тьмой проклятых могильников вместе с небольшим отрядом отчаянных королевских рубак. Стоит ли говорить, что такой Заказ просто невозможно выполнить?

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ СИАЛЫ

- ① Одинокий великан
- ② С'у-дар (Ледяной перевал)
- ③ Зам-Да-Морт
- ④ Поле Сорна
- ⑤ Спорные земли
- ⑥ Рачья Лапа
- ⑦ Пограничное Королевство

ЗАПАДНЫЙ
ОКЕАН

МОРЕ
СПРУТОВ

о. Дракона

Глава 1

Ночь

Ночь — лучшее время для таких, как я. Я выхожу на улицу, когда обычные люди уже спят в теплых постельках и лишь немногие запоздавшие жители Авендума спешат домой, рассекая июньский мрак. Ночь. Тишина. Лишь шаги ночных патрулей городской стражи гулким эхом бьются о стены домов, а затем разносятся по темным и умершим до утра улицам города.

Стража идет быстро и торопливо, едва ли не вприпрыжку, в самых темных переулках срываясь на бег. Ребята опасаются нарваться на неприятности, и я вполне понимаю наших нахрабрейших служителей закона. Нет, они не боятся людей — стражников много, и безумца, набравшегося достаточной наглости, чтобы броситься на них, ждут тяжелые алебарды. Стражники опасаются другого — кроме людей, скрывающихся в тени каменных зданий, есть иные существа, выходящие в это беспокойное время на ночную охоту. И тогда Сагот помощи страже, если эти твари слишком проголодаются.

Ночная тень является убежищем для всех: для мирных горожан, в страхе прячущихся в ней от опасных людей; для грабителей, которые сидят в тени, скрывая ножи под плащами, ожидая добропорядочных граждан; для существ, которые живут в тени и охотятся по ночам на тех и на других.

К счастью, с демонами, появившимися в городе после того, как Неназываемый и его многочисленные прихвостни зашевелились после веков покоя в Безлюдных землях, я ни разу не встретился.

Шаги стражников, недавно прошедших мимо меня, затихли на соседней улице. По приказу барона Фраго Лантэна, начальника городской стражи Авендума, столицы нашего славного королевства Валиостр, все патрули усилены втрое. То, что сдерживало Неназываемого в Безлюдных землях, слабеет, и он скоро ворвется в наш мир из покрытой вечными снегами ледяной пустыни. Война близится, как бы Орден магов и многочисленные жрецы храмов ни пытались ее оттянуть. Это вопрос времени: полгода, ну может быть, год — и настанет то, чем так пугали нас в детстве. Неназываемый соберет армию, придет из-за Игл Стужи, и начнется ужас... Война близится, и даже в столице можно нарваться на осмелевших приверженцев Неназываемого. И я не уверен, что Дикие Сердца у крепости Одинокого Великана смогут сдержать полчища огров и

великанов.

Тихо, так тихо, что слышно, как мотыльки цепляются хрупкими крылышками за ночную прохладу. Пора уже отправляться по своим делам, стража давно прошла, но я сегодня что-то слишком осторожничаю... Некое необъяснимое чувство заставляет меня задержаться возле стены здания, погруженного в тень.

Тень — моя подруга, моя любовница, моя напарница. Я прячусь в тени, я живу в ней, только она всегда готова принять меня, спасти от стрел, злобно сверкающих в лунной ночи клинков или от кровожадных золотых глаз демонов. Тень, как говорит добрый жрец Сагота брат Фор, когда хватит лишку во время наших редких встреч, тень является сестрой тьмы. А от тьмы недалеко и до Неназываемого. Чушь! Неназываемый и тьма? Абсолютно разные вещи, это все равно что сравнивать огра и великана. Тень — это жизнь, тень — это свобода, тень — это деньги, тень — это власть, тень — это репутация. Уж Гаррет-тень знает об этом не понаслышке. Тень появляется только тогда, когда существует хотя бы крупинка света, так что сравнивать ее с тьмой по меньшей мере глупо. Но моему старому учителю я, естественно, это не говорю. Яйца курицу не учат.

На узкой ночной улочке с каменными домами, заставшими Тихие времена, не раздавалось ни звука, лишь поскрипывала жестяная вывеска над лавкой булочника от гуляющего по крышам города слабого ветерка. Медленный серо-желтый ночной туман, которым славилась наша столица (говорят, фокус какого-то мага-недоучки прошлого, от которого не могут избавиться и поныне все архимаги королевства), застилал мощенную

грубым камнем и избитую телегами мостовую.

Тихо.

Тихо, словно в склепе богатея, после того как его навестила стая мелких городских воришек. Скрипит вывеска, гуляет ветерок, медленно и лениво плывут облака по ночному небу. Но я все еще стою, слившись с тенью здания и стараясь не шевелиться. Интуиция и мой житейский опыт заставляют вслушиваться в тишину ночного города. Ни одна, даже пустынная, улица не может быть такой тихой. Особенно эта, где живут только одни лавочники. В ночи должны быть звуки. Крысы, шуршащие в мусоре, храпящий тут же пьяница, которого уже успели почистить карманники, прежде чем забиться в какую-нибудь щель на ночь. Храп из окон седых домов, крадущаяся во тьме грязная собака. Тяжелое дыхание новичка-разбойника, в ожидании своей жертвы застывшего во мгле с зажатым в потной ладони ножом. Шум в лавках и мастерских — даже по ночам в некоторых из них кипела работа. Ничего этого не было на темной узкой улочке, укутанной в перину тумана. Ничего, кроме тишины и мрака.

Ветерок сильнее загулял в крышах старых зданий, и тяжелые серые облака понеслись по небу, словно стадо больших пушистых овец, обнажая небесный купол. Беспечный гуляка-ветер ласково трепал волосы, но я не смел накинуть даже капюшон.

Сагот! Что же это?

Как бы отвечая на мою молитву, славный бог всех воров дал ушам больше чуткости. Шаги. Торопливые шаги человека, которые не смог приглушить даже туман, расползающийся серо-желтой накипью над каменной мостовой. В соседней выемке, располагающейся на стене здания напротив, я заметил мимолетное колебание во тьме.

Кто-то прячется? Я всмотрелся в чернильную ночь. Нет. Показалось. Слишком волнуюсь в ожидании несуществующих неприятностей, старею, наверное. Чья-то требовательная рука удержала меня на месте, как бы говоря: стой, обожди, еще не время. Х'сан'кор меня сожри! Что же происходит на тихой темной улочке ремесленников?

Шаги между тем раздавались все громче и громче. Человек шел с улицы, куда пять минут назад свернула городская стража. Я замер и постарался слиться с тенью. Опасность ленивым призраком кружила надо мной.

Человек показался из-за поворота улицы и быстрым шагом, переходящим в бег, направился в мою сторону. Дурак или храбрец, если один шастает в темноте? Скорее всего, первое — храбрецы долго не живут в нашем мире. Хотя дураки тоже, если они не шуты нашего славного

короля. Какое неотложное дело заставило выйти его на ночную улицу, где даже масляные фонари не горели? Попробуйте найти фонарщика, который высунет в это время нос в крошечную тьму. Это ведь не Тихие времена, когда ребенок спокойно мог пройти в самую глухую ночь из одного конца Авендума в другой и с ним ничего бы не случилось.

Человек приближался. Высокий, хорошо, можно сказать богато, одетый, рука лежит на рукояти приличного меча. Служит важной шишке, наверное.

Облака снова наплзли на небо, закрыв своим телом выступившие на небе звезды, и к полной тьме добавилась тьма крошечная. Я уже не смог разглядеть лица спешащего человека. Он поравнялся со мной и даже не заметил тихо стоящую в тени тень. Если бы я захотел и протянул руку, то снял бы у него с пояса пузатый кошелек. Но я не мелкий карманник, чтобы падать так низко, времена молодости давно канули в Лету, да и судьба подсказывала, что сейчас не стоит не то что дергаться, а даже глубоко дышать.

В нише напротив тьма вновь пришла в хаотическое движение, вскипая и клубясь черным цветком смерти, и я замер, леденея от ужаса. Из тьмы вырвалась Тьма, приняв обличье крылатого существа — демона с рогатой головой-черепом, на которой сияли алые узкие глаза, и, как лавина с Гор карликов, упала на спешащего человека, придавив его своим внушительным весом. Человек издал вопль раненой кошки, попытался выхватить бесполезный меч, но тьма смяла, всосала, поглотила ночного путника, и существо, кем бы оно ни было, взмыло в ночное облачное небо, унося с собой свежее мясо, а может и душу. Угольно-черный силуэт на миг мелькнул в облачном ночном небе и исчез.

Я старался успокоить дыхание. Тварь не заметила того, кто все это время находился напротив нее, но если бы я шевельнулся, если бы я хоть на миг шевельнулся или хотя бы задышал чуть громче, то она бы бросилась на меня из ниши здания, где поджидала легкую добычу. Повезло. В очередной раз мне очень повезло. Удача вора — женщина капризная, в любой миг может отвернуться, но, пока она со мной, я могу заниматься своим воровским ремеслом.

В темном углу соседнего здания тихо пискнула крыса, за ней другая, в небе, охотясь за припозднившимися июньскими мотыльками, пролетела летучая мышь.

Опасность миновала, можно продолжать путь. Я отделился от стены и, стараясь держаться наиболее темных участков улицы, двинулся дальше. Ничто не говорило о случившемся несколько минут назад. Улица была

молчаливым и единственным свидетелем ночной охоты демона.

К счастью, луны не было, пушистые облака вновь наплзли и спрятали от города звезды, поэтому тени было сколько угодно. Быстрым шагом, не издавая сапогами ни единого звука, я перемещался от здания к зданию, из тени в тень. Улица Пекарей осталась позади, я свернул в переулок направо. Здесь туман был гуще, он обволакивал меня мягкими лапами, глушил шаги, скрывал от глаз людей и нелюдей.

В тени по соседству раздалось шушуканье. Я замер, всматриваясь в серо-желтую мглу. Воры. Молодые щенки, куда вам до мастера! Поджидают ночного гуляку или готовятся почистить спящих горожан? Зелены. Слишком шумят, слишком неопытны. Воры-профи переговариваются жестами, не издают шума даже в такой ночи, когда густеющий липкий туман гасит все звуки. Я проскользнул рядом с ними, а воришки даже не заметили тень. Тень в тени сложно увидеть неопытному глазу. Возникло дурацкое детское желание выскочить из тумана и громко сказать «Бу!» им в лицо. Но вполне можно нарваться на случайный нож, тем более что нечего пугать молокососов.

Темный переулок кончился, и нависшие мрачные стены домов, выдавших в этом мире и радость и горе, резко разошлись в стороны. Я посмотрел на небо. Ветер все-таки разогнал ленивые облака, и небо превратилось в скатерть, на которой богатеи рассыпал монеты. Сотни и тысячи звезд мерцали мне с неба этой холодной летней ночью. Светло, как днем.

Здесь горели одиночные фонари. Как-никак я находился на одной из центральных площадей города, и фонарщики, несмотря на свой страх, были обязаны выполнять свою работу. Пламя фонарей, закованное в стеклянные колпаки, разбрасывало вокруг себя пятна дрожащего света, и хаотичные тени молчаливо плясали на стенах угрюмых домов. Это плохо, надеюсь, что погонщик-ветер снова приведет серых пушистых овец на небо, а пока придется держаться тени, жмущейся к стенам высоких зданий, которая стала бледной и пугливой от вездесущего света.

Я стоял на большой площади Грока. Сам Грок находился в ее центре, безмолвно глядя на меня всевидящими глазами. Грок был, кажется, полководцем, спасшим наше королевство от нашествия орков, или каким-то королевским советником в далекую седую старину. Теперь он в виде бронзового памятника стоял посреди площади, на которой раньше в ночное время всегда было полно народу. Высокий человек в плаще, вот уже которую сотню лет стоящий на тумбе посередине мелкого круглого бассейна с черной проточной водой.

Сразу за памятником находилась цель моей ночной прогулки.

Гигантское и нелепое каменное здание. Большой дом, окруженный высокой зубчатой стеной, сложенной из огромных каменных блоков, добытых в Горах карликов, во времена, когда эта раса была более дружна с людьми. Дом с четырьмя огромными окнами, нелепыми зеркальными стеклами в этой самой стене, в которых отражаются небо и звезды. Полная безвкусица и уйма деньжищ, но с кронгерцогом Патийским надо считаться. Он был кузеном короля, ответственным за королевскую казну, поэтому на его причуды в архитектуре закрывали глаза. Правда, были еще пристрастия вроде любви к молоденьким девочкам, но об этих маленьких слабостях сплетники старались не распространяться, иначе в один прекрасный день можно обнаружить у себя под лопаткой нож.

Король пока терпел причуды родственничка. До поры до времени. Его величество, по слухам, не очень-то благоволил к людям, тратящим казну направо и налево.

Двадцатиметровая стена дома плавно переходила в две высокие круглые башни со срезанными вершинами. В левой башне располагались семиметровые ворота с тяжелыми деревянными створками, обитыми листовым железом, в которые спокойно могли бы в ряд въехать четыре всадника. Но мне не сюда. Эти ворота только для приглашенных гостей.

Я быстро перебежал освещенную площадь и замер в тени колонн здания, находящегося слева от памятника. Городская библиотека. Или королевская. Кому как больше нравится.

Библиотека была местом паломничества магов Ордена и историков. Иногда даже дворяне приходили сюда набраться ума, но уж слишком редким было их появление в этих стенах. Те дворяне, кто хотел набраться ума и знаний, отправлялись сразу в Ранненг — город знаний. Высокие колонны библиотеки с искусной резьбой устремлялись высоко вверх, отбрасывая непроницаемую тень.

Площадь, как и все улицы города, была пуста. Даже бездомные и самые нищие из нищих постарались зарыться глубоко в щели трущоб Портового города, стремясь пережить ночь, переждать до утра.

Неназываемый пробуждается. Ночь опасна. Только чистильщики домов и сокровищниц богатеев на работе. Да и то не все, а самые ловкие и смелые, или самые жадные, или самые глупые. Таких не пугает эта июньская темень. Разве что стража галопом пробежит по улицам, отчаянно вращая головами и втягивая их в плечи при каждом шорохе в тени. Страшно. Действительно страшно. Незримые пальцы страха сковали ночные улицы города. И даже слухи среди жителей Авендума, что Орден

делает все возможное, чтобы уничтожить демонов, не могли избавить людей от страха перед подступающей тьмой.

Ладно, нечего торчать на площади, пора и делом заняться. Я посмотрел на цель ночной миссии. Казалось, что замок кронгерцога вымер. Стражников не было ни у ворот, ни на стенах. Небось сидят в караулке и стучат зубами. Я их вполне понимаю, сам бы сидел в своей берлоге, если бы не Заказ.

Это задание свалилось на меня неожиданно-негаданно. Один человечек дал Заказ на некую вещь, хранящуюся в замке кронгерцога. Платил заказчик хорошо, даже замечательно. С такими деньгами я два месяца смело мог бы бить баклуши. Нужно просто войти в дом, взять вещь и выйти, тем более что герцог уехал со своей свитой на охоту в пригородные леса. Говорят, охота на оленей поднимает настроение в это сумрачное время. Риск растревожить осиное гнездо был велик, но, когда осы поймут что к чему, меня в гнезде уже давно не будет.

Как все просто на первый взгляд. Войти и выйти из замка. Ну что ж, попробовать можно, но не стоит зарываться.

Я внимательно ощупал снаряжение и одежду, в который раз за ночь проверяя, все ли взял с собой. Серый камзол с капюшоном, серые перчатки, черные брюки и сапоги. Большой и хорошо зафиксированный на бедре двумя кожаными ремешками, чтобы не болтался во время бега и не мешал двигаться, обоюдоострый нож. Можно сказать — короткий меч, чуть меньше локтя в длину. Я отдал за него кучу золотых. Окантовку лезвия клинка покрывала серебряная полоска. Можно было рискнуть и затеять драку с зомби, да и с любым другим восставшим после смерти. Мне вполне могло повезти в такой схватке, и я ушел бы пусть с оторванной рукой, но живой. Этим же ножом, а точнее его тяжелой рукоятью, можно было изловчиться и стукнуть по затылку ретивого стражника или другого неугомонного деятеля, которому не спится по ночам. Не тот мастер-вор, кто режет горло страже, поднятой по тревоге, а тот, кто бесшумно пришел, взял вещь и так же тихо ушел, оставив после себя как можно меньше следов, а следовательно, и трупов.

За спиной у меня висел миниатюрный легкий арбалет, свободно помещающийся в одной руке и нисколько не стесняющий движений. Арбалет стрелял короткими толстыми болтами с четырехзубыми стальными наконечниками. Но не только ими. В магической лавке можно купить и другие болты. Хоть зажигательные, хоть еще какие. Нужны только деньги. Большие деньги. При должном умении из этого малыша-арбалета можно попасть в глаз человеку с семидесяти шагов. Им, как и мечом, я

пользоваться умел.

В мягкой маленькой сумке из телячьей кожи, висящей на поясе, лежало несколько пузырьков на крайний случай. Знакомый торговец-карлик содрал за них все деньги, добытые мной после грабежа на приеме в доме у одного городского повесы, но эффективность магических штучек вполне оправдывала ту цену, которую я заплатил.

Все. Больше тянуть нельзя. Вперед!

Если бы стражники находились на стенах дома кронгерцога Патийского, то, посмотрев вниз на туманную ночную улицу, они бы вообще ничего не увидели, кроме серых камней и тумана, разорванного в нескольких местах ветром, играющим в пятнашки с тенями на площади. Бегом, стараясь все время держаться стены здания библиотеки, я устремился к дому герцога. Обежавцевую сторону дома, я пронесся по одной из отходящих от площади улочек. Все та же серая зубчатая стена (правда, слава Саготу, уже без уродливых окон) размытым пятном мелькала справа от меня. Вот и маленькая и почти неприметная для уличных прохожих серая железная калитка для слуг, ведущая в святая святых герцога.

Свет падал на стену, и тени здесь не было. Я абсолютно открыт, я как на ладони Сагота, и если бы мимо проходили люди, то они непременно заметили бы человека возле стены. По счастью, улочка была пуста, а патруль должен был пройти здесь только через несколько минут. Вполне могу успеть.

Я извлек из-за пояса набор отмычек, сделанных карликами по специальному заказу. Это только рядовые обыватели думают, что мастером-вором быть легко и дешево. Вранье. Чтобы что-нибудь украсть, самое главное — снаряжение, а потом уже информация.

Тысяча демонов! Совсем забыл о такой маленькой и простой вещице, как талант. Без него много не украдешь, даже имея товар всех лавок улицы Искр.

Я копался отмычкой в дверном замке, стараясь нащупать пружину. Тихо щелкнуло. Ага. Первый секрет.

В начале светлой улочки раздалось цоканье лошадиных копыт, и я заработал быстрее, у меня всего полминуты, не больше, перед тем как из-за угла появятся всадники. Щелчок. Второй секрет. Я отчаянно вращал отмычкой, стараясь нащупать последнюю пружину. Проклятый замок карликов! Умеют, недомерки, делать! Пять секунд! Я выдернул отмычку из щелкнувшего замка — все пружины встали на свои места — и быстро устремился в тень, на противоположную сторону извилистой улицы.

Вовремя. Из-за поворота появились люди на лошадях. Двое, трое, пятеро, семеро. Ого! Тринадцать! Счастливое число! Люди на высоких конях доралиссской породы. Темные силуэты на сером фоне ночи. Цоканье копыт громким эхом раздавалось меж спящих домов. Я замер в тени, натянув капюшон на голову и стараясь, чтобы глаза не блеснули в свете звезд.

Десять воинов, серо-синие мундиры, правая рука на мече, левая держит поводья. Одиннадцатый всадник на изящной пегой кобыле — женщина. Ее лицо я так и не смог рассмотреть — его скрывала плотная вуаль. Двое воинов, ехавших сразу за женщиной, прятали лица под забралами шлемов.

Из ноздрей лошадей валил пар; когда они проходили мимо меня, одно из животных всхрапнуло, но стражник дернул поводья, и кавалькада двинулась дальше по улице. (Интересно, что делают гвардейцы короля и неизвестная женщина на ночной улице? Не мое дело. Дольше проживу, а то найдут Гаррета-тень с перерезанным горлом в Холодном море.) Сразу за тринадцатью всадниками, с интервалом в минуту, проскакал отряд еще из десяти человек. Видно, эти прикрывали первых. Одежда на них была обычная, а не серо-синяя гвардии короля, как у предыдущих воинов. У одного я заметил на рукаве пурпурную нашивку. Дикие Сердца. Эти-то каким образом оказались так далеко от Одинокого Великана?

Я подождал, пока всадники скроются на другой улице, и снова направился к калитке.

Внутренний двор дома был тих, темен и пустынен. Окна в гнездышке герцога горели только на кухне и на третьем этаже.

Съежившаяся от ночного холода трава полностью заглушала мои шаги. Июньская ночь была слишком холодна для сверчков, так что во внутреннем дворике висела тяжелая длань тишины.

Вот и дверь на кухню. Дрожащее и робкое пламя факела, колеблющееся на июньском ветру, коптило стену возле входа. Я мягко повернул бронзовую дверную ручку, и дверь отворилась. Они тут совсем с ума посходили, если не запирают двери на ночь! Совсем герцог распустил слуг и стражников. Надеюсь, что после сегодняшней ночи и последующего за ней нагоняя они будут более расторопны.

Котлы и камины кухни были потушены, лишь несколько факелов на стенах освещали огромную залу мерцающим оранжевым светом. Столы с неубранной и грязной посудой, столовая утварь, спящий прямо на столе маленький поваренок. Намучился за день, бедняга. Так, так. Нужно посмотреть, чем кормят герцога. Ум-мм-м. Неплохо. Я тоже так хочу

ужинать.

Я остановился в уголке и стал сверяться с планом, который находился у меня в самом надежном месте — в голове. Вон та дверь приведет меня в обеденный зал с высокой мраморной лестницей, ведущей на второй этаж. Но не стоит светиться, есть обходной путь. Дубовая дверь направо, ведущая в крыло слуг, из которого я могу попасть на второй этаж, минуя любую стражу. Правда, стражники, насколько я знаю эту породу, уже спят, час поздний, но все же нечего рисковать понапрасну.

Дверь, полутемный коридор с факелами, горящими через один. Тень есть, если что, спрячусь у стены или на худой конец нырну в какую-нибудь комнату. Я аккуратно (под ногами скрипел разохшийся пол) пошел по коридору. За дверью справа раздавался храп здорового и довольного жизнью человека. Точно, стражник, только они способны выводить такие многообразные коленца, да еще так громко! Посмеиваясь, я двинулся дальше. Как можно медленнее и тише. Спешка тут не нужна.

Коридор поворачивал под прямым углом. Я проскользнул за угол и столкнулся нос к носу с паренком-службой, который нес на кухню поднос с грязной посудой. Поднос, естественно, перевернулся, и вся кухонная утварь с грохотом посыпалась на пол.

Сагот! Везет, как гоблину, попавшему в лапы к оркам!

Паренек отскочил, удивленно посмотрел на темный высокий силуэт, с которым только что столкнулся, и, издав вопль полузадушенного щенка, рванул от меня по коридору.

— Воо-ор! Уби-ийца!

Х'сан'кор меня сожри!!! Он так весь дом разбудит!

На бегу я выхватил клинок и устремился за службой. Догнать его удалось только в конце коридора — бегал парень отменно. Я, примерившись, стукнул его по затылку рукоятью. В этом деле главное не переборщить. А то вместо потерявшего сознание слуги будет покойник. Парень обмяк, и я подхватил его, не дав телу упасть на пол. Ну и что мне с ним теперь делать? Не оставлять же, в самом деле, в коридоре, вдруг какой-нибудь лунатик, которому не спится, наткнется на него?!

Держа парня под мышки, я осторожно толкнул ближайшую дверь. Пусто. Чудесно! Сунув бесчувственного слугу в шкаф, я аккуратно прикрыл за собой дверь комнаты. К утру оклемается, а если еще и умен, то будет молчать.

Угу. Вот и лестница, ведущая из крыла слуг к герцогским апартаментам. Подняться по ней было делом одной минуты, и вот уже передо мной тяжелые дубовые двери в крыло герцога. Естественно,

заперто, но это уже дело техники.

Коридор этого крыла, как и все здание, был мрачен и пуст. Богатая отделка стен, мраморные статуи двенадцати богов в нишах, двери, ведущие в различные комнаты, и коварный пол из мраморных исилийских плит, на которых шаги становились неестественно громкими и звонкими. Даже глухой на другом конце города услышит.

Проклятие! Если бы я умел летать! А мне нужно было пройти весь коридор — спальня в самом конце крыла. Пришлось применить все отпущенное мне Саготом мастерство, чтобы не шуметь. Дверь спальни, маячившая вдалеке, тихонько приближалась.

За спиной послышалось взрыкивание.

Я вздрогнул и замер, не донеся ногу до черно-белой мраморной плитки. Осторожно повернул голову, ожидая увидеть за спиной тридцать три тысячи демонов тьмы. Их, к счастью, там не было. Всего лишь один гарринч. Он уставился на меня белесыми глазами с весьма понятными намерениями.

И ведь подошел как бесшумно! Даже звенящий мрамор его не выдал!

Внутренне я похолодел. Гозмо, когда вручал мне Заказ, ничегошеньки не сказал про то, что в доме герцога живет такая тварь. Вот вляпался!

Гарринчи обитали далеко на юге, в степях Унгавы, почти на границе с жарким Султанатом. Эти существа были великолепными сторожами домов, особенно от таких, как я. Добыть живого детеныша гарринча было непомерно трудно, почти невозможно, поэтому их цена была просто огромной. Говорят, сокровищницу короля охраняют две такие твари.

Зверь снова взрыкнул, вопросительно-настороженно уставившись в тень, где я замер. Большая, ростом с теленка, крыса со змеиной чешуей вместо шерсти, великолепным набором зубов, способных распилить рыцаря в броне, и двумя белыми глазами-буркалами. Убить ее крайне сложно, если, конечно, вы не маг.

Гарринч все так же настороженно смотрел на то место, где я потихоньку обливался потом. На мое воровское счастье, тварь, видно, только что подошла и не успела заметить меня в тени. Зверь подумал с минуту, еще раз всхрапнул, чувствуя подвох, но не понимая, куда могла деться эта осторожно крадущаяся тень, и медленной косолапой походкой направился в сторону открытой двери, ведущей в крыло слуг. Вот будет утром веселья, когда недосчитаются парочки стражников!

Обычно дверь в крыло слуг заперта, чтобы тварь, которую, скорее всего, выпускали на ночь для патрулирования этажа, никого не съела. Но я беспечно оставил дверь открытой и немного опасался за здоровье ничего

не подозревающих спящих. Впрочем, может, у слуг есть амулет от гарринча?

Я еще раз перевел дух и убрал палец со спускового крючка арбалета, который как будто сам по себе оказался в моих руках. Пронесло. Но надо быть настороже, тварь может в любой момент вернуться, не насытившись стражниками.

Из-под двери спальни герцога выбивался тоненький лучик света. Странно.

— Чушь! Я верен Хозяину! — раздался резкий визгливый голос за дверью.

Герцог? Какого рожна он дома, а не на охоте?

— Верен? — От этого голоса по моему телу пробежали мурашки. В нем не было ни капли жизни. Могильный холод вперемешку со злой насмешкой. — Странно. Если это так, то почему же король до сих пор не бросил дурацкую затею насчет Рога?

— Его проклятая гвардия и Алистан Маркауз! Король под присмотром круглые сутки! Капитан гвардии что-то подозревает! Я не могу поговорить с королем наедине! — Мне слышались нотки страха.

— Мой Хозяин не привык, когда его приказы не выполняются. — Все такой же холодный и безжизненный голос.

— А я не привык к тому, что мне не дают то, что уже давно обещали! — Человек сорвался на крик.

Я закрыл глаза. Ошибка. Человек допустил большую ошибку. Он ведь не со слугой разговаривает. Так с обладателем такого голоса не разговаривают.

— Хорошо. Сейчас ты получишь свою плату, — чуть помедлив, как будто вслушиваясь в только ему понятный приказ, произнес мертвый голос.

— Постой, постой, я прошу... А-а-а-а!!!

За дверью раздалось мерзкое хлюпанье.

Меня как будто кто-то толкнул в спину. Мне бы отсидеться, переждать, пока неизвестный уйдет, но я не вытерпел и с арбалетом наперевес ворвался в спальню герцога.

Огонь в камине тускло трепетал, дрожащее пламя не могло осветить гигантское помещение спальни и выхватывало лишь отдельные картинки. Но я прекрасно видел сидящего в высоком красном кресле герцога Патийского с искаженным от ужаса лицом и разорванным горлом. Из рваной раны веселыми толчками ритмично вырывалась кровь.

На открытом окне я заметил темный крылатый силуэт ночного гостя. На миг я встретился с желтыми глазами, смотрящими на меня с холодной

насмешкой и превосходством самой смерти, а затем мой палец сам нажал на спусковой крючок. Тетива сухо щелкнула, и тяжелый арбалетный болт ударил в спину спрыгнувшей с окна и уже расправившей крылья твари. Раздался тупой удар, как будто сталь карликов попала не в живое тело, а в мокрый ствол дерева. Существо беззвучно растворилось в ночи, по-моему, его нисколько не расстроил болт в спине.

Пора делать ноги. Герцогу уже ничем не поможешь, а если застукают рядом с телом, то это — преступление против короны и долгие разговоры в пыточных подвалах Серых камней. Я схватил со столика золотую статуэтку собаки, за которой, собственно, и пришел, а затем бегом устремился к двери.

В начале коридора снова появился гарринч. Увидели мы друг друга в один и тот же миг. Тварь радостно взревела и огромными скачками ринулась к новоявленному ужину. Я, не останавливаясь, закинул арбалет за спину и, сунув руку в сумку, выудил флакон с синей фосфоресцирующей жидкостью. В нашем деле главное — хладнокровие. Когда гарринчу оставалась до меня пара прыжков, я кинул флакон прямо в его оскаленную морду.

Стекло лопнуло — и по физиономии твари растеклось синее облачко. Гарринч резко остановился, чихнул, а затем, забыв про меня, стал усиленно и ожесточенно тереть лапами морду. Я пробежал мимо него к выходу, в душе пожелав мерзкой твари избавиться от волшебной чесотки лет эдак через двести-триста.

Завтра весь город будет бурлить, и мне лишнее внимание теперь не нужно. Вообще, стоит получить деньги за Заказ и залечь на дно на пару месяцев.

Миниатюрный дом-дворец ныне покойного герцога Патийского маячил у меня за спиной. Заказ я выполнил и теперь направлялся к себе в берлогу, молясь Саготу, чтобы никого не встретить...

Глава 2

Неожиданные встречи

Вечерние сумерки упали на оживленный Авендум, заставляя жителей города пошевеливаться. Люди и нелюди спешили, стараясь закончить все дела до наступления ночи, которая должна была прийти в город через два-три часа. Поэтому в узеньких тесных кварталах и извилистых улочках Портового города жители пытались схватить последние часы свободы, перед тем как ночь разгонит их по домам.

Вот суетливо пробежали несколько женщин, крепко прижимая к себе корзинки с нераспроданной снедью, вот с гиканьем и свистом, взметая грязь, пронеслась пара молодых в стельку пьяных дворян на горячих конях, заставляя прохожих вжиматься в стены и гневно грозить всадникам кулаком в спину. Вот толстый лавочник отвешивает подзатыльник мальчишке-подмастерью, чтобы он порасторопнее закрывал ставни лавки, а не глазел на городских стражников, печатающих шаг по грубой каменной мостовой, давая понять жителям, какие они храбрые защитники. Знаю, знаю. Две ночи тому назад сам видел, как вы галопом носились по ночным улицам, молясь всем двенадцати богам, чтобы вернуться в караулку живыми и здоровыми.

Один из стражников, проходящих мимо, бросил на меня хмурый взгляд из-под своего рокантона. Я радостно ему улыбнулся, стараясь показать: смотри, мол, какой я вежливый и мирный человек. Стражник буркнул себе под нос что-то нелицеприятное на мой счет, покрепче сжал в руке алебарду и поспешил догонять товарищей. Я ухмыльнулся. Это всего лишь стража Портового города, она на все закрывает глаза, даже на человека, из-под плаща которого выпирают очертания миниатюрного арбалета, который, если честно, обычным гражданам в черте города носить строжайше запрещено. Обрати на меня внимание стража Внутреннего города, и я бы улыбочкой не отделался. Минимум две золотые монеты, чтобы служители порядка и справедливости забыли мое лицо до нашей следующей встречи.

Я тут все говорю — Внутренний город, Портовый город. Только житель Авендума сможет понять все эти названия столицы, протянувшей щупальца улиц и кварталов на огромную территорию в несколько лиг, а приезжий, естественно, не разберется и запутается. Так уж исторически сложилось, что столица возникла на берегу Холодного моря, на севере

Сиалы. С высоты полета дракона город представляет собой огромный треугольник. Своим основанием он упирается в свинцово-серое и суровое Холодное море, две другие стороны треугольника обнесены высокой угрюмой стеной, в которой через равные промежутки расположены мощные сторожевые башни. Имеется восемь городских ворот — по четыре на обеих сторонах треугольника. Третья сторона закрыта от врага морем и мощным фортом, в котором поставили пушки извечные враги карликов — гномы. Гномам не очень-то нравилось море, но любовь к золоту у них была посильнее, чем нелюбовь к соленой воде. Теперь форт надежно прикрывал город от врагов с моря, и мирануэхцы уже не решались напасть на своих корытах на десятипушечную серую громадину.

Говорят, в трех штурмах столицы, которые были в последние триста лет, ни одни ворота еще ни разу не пали. Вот только неизвестно, что будет, если армия Неназываемого, расправляющая плечи и выходящая из многовекового самозаточения в Безлюдных землях, попробует на свой огрский и великанский зуб нашу столицу сейчас? Да и ребята из Рачьего герцогства помогут нашим врагам. Ну что же, поживем — увидим, некоторые особо азартные, или ненормальные, уже делают ставки, сколько ворот устоит перед холодной яростью снежных огров и силой великанов тундры.

Возле самой стены раскинулся Пригород. Сотни маленьких домиков из дерева и камня, в которых ютятся те, кому не хватило места в городе или у кого просто нет денег и возможностей в нем поселиться. Сразу за воротами начинаются дома горожан со средним достатком, или Внешний город. За ним находится Внутренний город. Он обнесен дополнительной стеной (мне пару раз приходилось перелезать через нее, когда особенно ретивый патруль решал устроить старине Гаррету проверку в беге). Внутренний город — это сплошь дома аристократов, больших шишек и магов. В нем есть чем пожить, но вероятность влипнуть в историю тоже велика. Именно во Внутреннем городе находится дворец короля. Со стороны моря во Внутренний город врезались город Ремесленников и кварталы Магов. Лавки, кузницы, дубильни, пекарни, магические магазинчики, библиотеки, храмы божеств и так далее. Возле самой кромки моря располагается Портовый город. Здесь расположен порт, куда приходили корабли со всего света. Также в этой части города есть улицы, куда не рекомендуется ходить без кольчуги и надежной охраны. Особенно по ночам. То, что я рассказываю, — это лишь малая часть, капля вина в море грязи, потому как в нашей столице еще сотня кварталов и мест. В одних живут только маги, в других — карлики, которые не рассорились с людьми после того, как они

заключили пакт с гномами. Есть также Закрытая территория, обнесенная высокой и пронизанной защитной магией стеной. Никто не знает, что за ней происходит.

Закрытая территория примыкает к Портовому городу. Она появилась в результате какого-то проклятия около трехсот лет назад. С этим проклятием не смогли справиться все архимаги королевства. Поняв, что все их хваленые огненные шары и прочая балаганная мишура ну никак не действуют на черное шаманство, маги взяли и отгородили проклятую часть города от других районов волшебной стеной. Ходили слухи об оживших мертвецах в Запретной части, да и о других страшных существах, но смельчаков, чтобы проверить эти рассказы, не находилось. По крайней мере, я о таких не слышал.

Ладно, хватит! Если я начну перечислять все достопримечательности любимого города, то мне времени и до ночи не хватит.

...Из какой-то боковой улочки вынырнули две тени и направились ко мне. У одной из теней в руке блеснул металл. Совсем мелкое ворье обнаглело — уже грабят в сумерки. Я остановился и повернулся к ним лицом. Тени замешкались, и одна, та, что была без ножа, вышла на свет и виновато развела руками.

— Прости, Гаррет, — произнес едва знакомый мне по «Ножу и Топору» тощий субъект. — Не узнали.

— Богатым, значит, мне быть, — как можно более хмуро произнес я и потянулся под плащ, к арбалету.

Потянулся театральным жестом, специально чтобы он видел. Несостоявшийся грабитель нервно сглотнул, еще раз извинился и скрылся со своим напарником в подворотне — искать более слабую жертву.

Я продолжил путь по Портовому городу, стараясь спрятать улыбку. Репутация — все же хорошая штука. Все не дружащие с законом граждане Авендума знают Гаррета-тень и даже если не видели, то хотя бы слышали о нем. После того как я прострелил ноги парочке уж очень ретивых любителей дармовых деньжат, грабить меня опасаются, хотя не исключено, что смельчак, решивший заработать себе имя на моем ограблении, рано или поздно найдется. Поэтому надо всегда быть начеку.

Я остановился возле старого и ничем не примечательного здания. Таких было полно в Портовом городе. Единственное, чем оно выделялось, так это вывеской. Вполне понятной всем вывеской — «Нож и Топор». Огромных размеров жестяной нож и топор висели тут же. Даже тупому доралиссцу понятно, какой контингент собирается в этом заведении. Я толкнул деревянную дверь, погрузившись в людской шум и гам.

Трактир, в котором нашли приют мошенники и воры со всей столицы, будет работать всю ночь, в отличие от других заведений. Старый Гозмо, владелец трактира, знает, как зарабатывать денежки. Его не могут напугать даже существа в ночи, неизвестно откуда взявшиеся. (Хотя приход этих тварей и связывают с Неназываемым, но не только я глубоко сомневаюсь в этом слухе.)

Я кивнул двум вышибалам, стоявшим возле входа с дубинками наперевес, и пошел к стойке, лавируя между столами, стараясь проскользнуть как можно незаметнее, не привлекая внимания посетителей.

Некоторые личности смотрели на меня зло, исподлобья. За моей спиной раздавались шепотки. А вот это уже враги, знающие меня в лицо. Так, мелочь. Они либо завидуют моей счастливой звезде, либо был случай и мне довелось перебежать им дорогу. Пусть бормочут. Дальше шепота за спиной они не пойдут.

Наконец я пробрался между столами и кивнул Гозмо. Он сегодня самолично стоял за стойкой. Сутулый и старый прохиндей, тоже раньше любивший прогуляться по ночам в дома богатеньких жителей Авендума, теперь остепенился и открыл такое вот заведение, где относительно спокойно могли себя чувствовать не самые порядочные и чистые на руку личности. Тут ребята моей профессии отдыхали, искали новую работенку, покупателей и заказчиков. Хитрюга Гозмо не только создал отличное место для сбора всех работников ночи, но и нашел великолепный способ заработать немного денег.

— А-а-а... Гаррет, — сердечно поприветствовал он меня. Гозмо всегда был рад клиентам. Издержки новой профессии. — Давненько тебя не видел. Сто лет не навещал старика.

— Дела, дела, — произнес я, незаметным жестом толкая через стойку в руку сутулого трактирщика сверток со статуэткой.

Гозмо был хорошим наводчиком, и именно он подкинул мне Заказ на путешествие в усадьбу ныне покойного кронгерцога Патийского. Трактирщик ловко поймал сверток и так же незаметно, как и я, отправил мне в руку кошелек с обещанными двадцатью золотыми. Сверток уже схватил один из разносчиков трактирщика и, сунув его в грязную холщовую сумку, вышел из трактира. Понес товар заказчику.

Я отсчитал из полученного пять монет и отдал трактирщику.

— За что я тебя люблю, мой мальчик, это за то, что ты вовремя расплачиваешься с долгами, — весело произнес старый прохиндей, и я поморщился.

Ворую, конечно, чужие вещи, но вот расплачиваться с наводчиками

приходится своим золотом, полученным за продажу именно этих вещей. Не то чтобы я был скрягой... Но вот остаться вместо двадцати золотых с пятнадцатью все же обидно, но я задолжал старому мошеннику за прошлое дело, так что он вполне справедливо снял с меня причитающуюся сумму.

— Ты слыхал, что милорд Патийский нежданно-негаданно помер два дня назад? — как бы невзначай спросил Гозмо, протирая пивные кружки и совсем не смотря на мое хмурое лицо.

— Да? — Я выразил свое искреннее удивление нежданной кончиной вполне здорового герцога, на котором могли пахать все крестьяне Валиостра и Загорья вместе взятые.

Гозмо это удивление ни капли не обмануло, но он все так же продолжал протирать кружки, как будто ничего и не случилось.

— Да, да. Его наутро нашли с разорванным горлом. А гарринч, охранявший его богатства, чесался и не обращал никакого внимания на людей.

— Правда? — изумился я. — Кто бы мог подумать, что там был гарринч. Мне вот лично о нем никто не говорил.

Трактирщик пропустил мой упрек мимо ушей. Он умел прикидываться абсолютно глухим, и, надо сказать, временами это у него великолепно получалось.

— Тебе как всегда? — спросил он.

— Да. Мой столик свободен?

Гозмо кивнул, и я направился мимо оживленно вопящих что-то пьяных аферистов, мимо поющей на сцене полуголой девицы в полумрак зала к одинокому столику. Сел спиной к стене и лицом к входу в заведение. Что поделать, привычка, выработанная годами. Сразу как по волшебству передо мной появилась кружка портера и тарелка с запеченным в сыре мясом. Что уж говорить, у повара Гозмо иногда случались просветления, и тогда он готовил, ничуть не уступая ребятам с кухни барона или герцога. Все это принесла очаровательная служаночка, которая весело мне подмигнула, но, увидев мою вечно хмурую физиономию, фыркнула и удалилась на кухню, сердито виляя пятой точкой и срывая восхищенные взгляды сидящих за соседними столиками.

Мне было не до ее неоспоримых прелестей, пора нырять на дно. Город бурлит.

На пятнадцать золотых крестьянин мог безбедно существовать чуть ли не целый год, но для меня эта сумма была не очень большой, а с работой в ближайшие два месяца следовало завязывать. Не ровен час все же кто-нибудь свяжет смерть герцога и пропажу статуэтки, и вот тогда начнется

охота по всему Авендуму за всеми ворами. И меня могут для довеска загрести. Если поймают, конечно. В способностях подчиненных Фраго Лантэна я сомневался. Я вообще был не самого хорошего мнения о страже.

Не успел я отхлебнуть из кружки густого пива, как передо мной вырос тощий бледный субъект. Он не церемонясь сел на свободный стул напротив меня. Лично я этого парня видел впервые.

— Я разве кого-то приглашал? — спросил я как можно безразличнее.

Тип мне не понравился сразу. Его бледность и худоба наводили на мысль о том, что это был вампир, но я конечно же ошибался. Вампиров не существует. Незванный гость был человеком. И был опасным человеком. Четкие уверенные жесты, ни одного ненужного или лишнего движения, глаза смотрят на меня холодно, пронизательно и оценивающе. А это говорит о том, что мой сосед крайне, просто крайне опасен. Я было хотел потянуться за арбалетом. Но раздумал. Мало ли что. Может, он просто решил поговорить о погоде? От незваного гостя не укрылось мое мимолетное напряжение, и он криво ухмыльнулся:

— Ты Гаррет?

— Все может быть. — Я пожал плечами и глотнул пива.

— Мне просили тебе кое-что передать...

— Неужели деньги? — как можно искреннее удивился я.

— Да нет. — Бледный не собирался вступать в словесную перепалку. — Я должен передать тебе, что Маркун недоволен.

— С каких это пор наемные убийцы передают сообщения главы гильдии воров? — резко спросил я, ставя на стол кружку. — Или гильдия убийц успела снюхаться с гильдией ночного братства?

— Это не твое дело, Гаррет. — Бледного ничуть не покорило, что я догадался, кто он такой. — Маркун последний раз предлагает тебе вступить в гильдию и платить взносы.

Эх, гильдии, гильдии! Король закрывает глаза на гильдию воров и на гильдию убийц. До поры до времени. Официальные власти не трогают эти сомнительные организации, пока они не зарываются и платят налоги. И надо сказать, в казну от гильдий идут огромные налоги. Просто огромные. Чуть ли не половина от заработанных ворами-убийцами денег. Потому я и не в гильдии. Зачем кому-то дарить деньги, заработанные почти что честным трудом? Хотя, например, в соседней Исилии эти гильдии запрещены. В тамошнюю казну и так течет золото от гномов из Стальных шахт.

— Мне жаль его огорчать. — Я как можно гадливее ухмыльнулся.

Гаррет-тень, мастер-вор, о котором в Авендуме ходят легенды и

который ни разу не попадался страже, не хотел вступать в гильдию воров города.

— Я свободный охотник. И Маркуну я ничего не должен. Он и так захапал под себя всех воров Авендума, и я подчиняться разжиревшему карманнику не собираюсь.

— Хорошо. — Бледный нисколько не расстроился от моего отказа и все так же безразлично смотрел мне в глаза. — Это твое последнее слово?

Я кивнул, показывая, что разговор исчерпан. Сквозь шум и гомон заведения мое ухо расслышало тихий щелчок взводимой пружины. Я вновь перевел взгляд на убийцу. Его руки были уже под столом. Это произошло незаметно от меня и в очередной раз говорило о Бледном как о профессионале высокого класса.

Мда. Скрыга Маркун в этот раз не на шутку расщедрился и нанял одного из лучших убийц. Бледный, как я продолжал его называть, был лучшим хотя бы потому, что я раньше никогда его не видел и ничего не слышал о нем.

Я расслабился и постарался не делать резких движений. Рыпаться не стоило, тем более не зная, что там у Бледного под столом. Такой же арбалет, как у меня, или еще что похуже?

— Ты прости, Гаррет, — произнес Бледный, хотя я не верил, что этого парня мучает совесть. — Ничего личного, это всего лишь работа. Ты понимаешь.

— Ты, видно, глупец, если собираешься отправить меня к Саготу в заведении Гозмо.

— Ну что ты. Ты просто вдруг окажешься пьяным, и я, как твой лучший друг, помогу тебе выйти. Прогуляться на свежем воздухе.

Значит, снотворное. Я сжался, ожидая удара. Попался вор!!!

Но, как всегда, милая удача кинула кости, и мне выпали шестерки. Во всем «Ноже и Топоре» наступила оглушающая тишина. Замолкла певичка, замолкли пьяный хохот и оживленные разговоры. Настоящая кладбищенская тишина опустилась на зал. Я посмотрел на вход, и мои глаза, видно, тоже стали квадратными от удивления, потому как даже профессионал Бледный сделал то, чего никак нельзя делать профессионалу. Он обернулся, решив посмотреть: что же такое произошло?

Возле входа в трактир стояло человек двадцать городской стражи. Стражники крепко сжимали руками алебарды, видно готовясь пустить их в ход, если где-нибудь сверкнет нож. Было видно, что это не портовые дармоеды, а стража Внутреннего города. Слишком откормленные и холеные. Таким палец в рот не кладут. И даже вышибалы, маму которых

можно было уличить в связи с троллями, отошли в сторону, пропуская незваных гостей в святая святых воровского мира. Должно было случиться что-то важное, чтобы стражники, которым Гозмо регулярно отстегивал дань за то, чтобы они не замечали его маленького заведения и публики, которая в нем обитает, пришли сюда. Впереди всей этой оранжево-черной оравы стоял не кто иной, как начальник городской стражи — барон Фраго Лантэн. Его взгляд близоруко ощупывал замолчавший зал, бегал по столам, ища кого-то, нырнул в полумрак, где сидели я и Бледный, пошел дальше, замер, а затем снова возвратился к нашему столику и вцепился в меня. Барон кивнул сам себе и направился прямо ко мне.

— Вина, — бухнул он, проходя мимо побледневшего Гозмо, который наконец-то оставил и так чистые кружки в покое.

— Сию-с секунду, не извольте сомневаться, ваша милость. Все самое лучшее, — заюлил трактирщик, немного отойдя от потрясения, что такой человек посетил его скромное заведение, и гаркнул на служанок.

Они тут же засуетились. Гомон возобновился, но чувствовалось, что в зале повисла тяжелая длань напряжения и внимания. Девушка снова запела что-то дрожащим голосом, косясь на барона. Десятки глаз следили за идущим к моему столику низеньким человеком, который мог в любое время засунуть каждого, кто не хочет жить по закону, в Серые камни — самую суровую и страшную тюрьму северных королевств.

— Не радуйся раньше времени, — прошипел Бледный, незаметно убирая что-то себе под плащ. — У меня еще будет время для долгого разговора с тобой, Гаррет.

— А ты не только убийца, но и садист, если разговор предстоит долгий. Смотри, не уколись, — съехидничал я, но Бледный уже исчез, растворившись в полумраке, как будто его и не было здесь.

Я тихо выдохнул и вытер на удивление вспотевшие ладони.

— Гаррет? — спросил барон, останавливаясь передо мной.

Я посмотрел на низенького жилистого человека, одетого в оранжево-черную форму стражи Авендума. Правда, его камзол был намного богаче, чем у рядового стражника, на него пошло немало бархата и других тканей, а за тонкий и изящный обоюдоострый клинок из Филанда вполне можно было купить заведение, ничем не уступающее «Ножу и Топору».

Отпираться не было смысла, и я указал Фраго Лантэну на стул, где только что сидел Бледный. Кстати, я так и не узнал имени убийцы.

— Присаживайтесь, ваша милость.

Барон отодвинул стул и сел. Подскочивший Гозмо самолично принес бутылку лучшего вина, фужеры и закуску. Барон молча дождался, когда все

это окажется на столе, и тихо бросил:

— А теперь пшел вон. Будешь крутиться под ногами, сгною.

Гозмо с поклонами и глубочайшими заверениями в своей честности удалился, чуть было не споткнувшись о стул с каким-то карманником, ненароком оказавшийся за спиной у трактирщика.

Фраго молча налил полный фужер красного вина, которое делают далеко на юге, там, где Хребет мира встречается со степями Унгавы, и залпом осушил его. Затем довольно крикнул и стал изучать мое лицо. Я в долгу не остался и стал рассматривать своего неожиданного спасителя.

Мы пару раз сталкивались с бароном. Не лично, нет, слава Саготу. Сталкивались наши интересы. Я однажды позаимствовал у него одно колечко из дома. После этого барон пытался меня поймать и упечь в Серые камни, но у него ничего не вышло. Он даже объявил награду за мою голову, и мне, чтобы избавиться от этой сомнительной славы, в одну из особенно темных ночей пришлось украсть приз из его особняка. Как говорится, нет денег, нет награды, и мне забот несравнимо меньше.

Хоть мы и были на ножах и перебегали друг другу дорогу, но я очень уважал этого человека. Накажи меня Сагот, если это не так.

Барон был честен. Честен в меру своих сил и возможностей. Конечно же он брал взятки — кто не берет взятки в нашем продажном мире? Но, платя барону, человек был уверен, что все будет путем. Его не подставят, не арестуют, и слухов об их делах с бароном не будет. Лантэн был человеком чести. Он никогда не бил исподтишка, не унижал своих подчиненных, хотя и пытался держать их в кулаке. Барон был предан королю и место свое получил не благодаря деньгам и родственным связям, а заслужил. Честно заслужил, начиная простым стражником, затем получил баронство и должность за заслуги перед короной. Авендум много выиграл, когда этого человека назначили начальником стражи. Хотя нам, вора́м, после этого назначения приходилось не сладко. Количество преступлений, конечно, не уменьшилось, но душегубы, прежде чем пойти на дело, теперь оглядывались по сторонам: нет ли поблизости стражи? Небольшой пустяк, но все же победа в вечной борьбе закона и преступности.

— Не могу сказать, что рад знакомству, — буркнул барон, глядя на меня из-под густых кустистых бровей. — Я бы с радостью отправил тебя в Серые камни.

Я промолчал. У меня вертелась на языке одна подходящая фраза, но я решил попридержать ее на потом. По крайней мере, этим вечером в тюрьму я не собирался.

— Собирайся, Гаррет.

— Куда, ваша светлость? — Кажется, этот человек смог меня ошеломить. Уж не в ваши ли любимые Камни?

— Нет. Пока. — Он взглянул на меня. — Один... человек, хочет поговорить с тобой. Я должен тебя к нему доставить.

— Правда? К палачу, что ли? — съехидничал я.

— Собирайся. Нечего ёрничать, — еще сильнее нахмурился милорд Фраго. — Лучше идем добровольно.

Я, сам того не желая, бросил быстрый взгляд на скучающих возле двери стражников. Не справиться. Много. И небось еще столько же у других выходов.

— Все выходы перекрыты. — Барон как будто услышал, о чем я думаю. Деться тебе некуда. Разве что, как вампиру, превратиться в туман и смыться сквозь щелочку.

— Вампиры не могут становиться туманом, их вообще не существует. Бабкины сказки, — неосознанно буркнул я, обучая барона прописным истинам.

Буркнул и прикусил язык.

— Так ты идешь? — Фраго терял терпение. — Ночь скоро кончится, а я привык ночью спать, а не развозить ворье к...

Барон Лантэн неожиданно замолчал, поняв, что чуть было не проболтался.

Я молча отодвинул стул и поднялся, кутаясь в плащ.

— Вот и хорошо, — тихо сказал барон и, взяв бутылку дармового и дорогого вина в левую руку, направился к выходу. Я шел за ним, чувствуя, как любопытные взгляды всего заведения буравят мне спину...

Глава 3

Заказ

Возле трактира, купаясь в густых, как сливки, сумерках, стояла большая дорогая карета, в которую была запряжена четверка лошадей пепельно-серой доралисской масти. Лошади косились на стоявших вокруг них стражников огромными бархатными глазами и нервно фыркали. Не только люди хотят провести эту летнюю ночь под защитой надежных стен. Окна кареты были забиты толстыми досками.

— Это для того, чтобы я не сбежал? — буркнул я, забираясь в экипаж и садясь на мягкую скамейку, обитую красным бархатом.

Дорогая карета. Не каждый мог позволить себе такую. Да и четверка доралисских лошадок стоила больших денег.

— Это для того, чтобы тебя в темноте кто-нибудь не выдернул из окна. Кто-то очень голодный, — ответил Фраго, севший напротив меня.

Карета тронулась по ночным улицам, я сидел на скамейке, подпрыгивая, когда колесо наезжало на особенно выступающий из мостовой булыжник. Барон молчал, иногда бросая на меня хмурые взгляды, и мне оставалось только вслушиваться в цокот копыт лошадей стражников, которые сопровождали нас верхом, и думать: куда же меня везут?

Может, это ловушка? Но тогда зачем весь этот маскарад? Барон с тем же успехом мог меня связать и доставить в его обожаемые Серые камни. Тем более я сам виноват. Очень уж расслабился за последние два дня. Был плохого мнения о страже, и надо же такому случиться, что буквально через несколько минут эта стража оказалась прямо передо мной. Быстро меня нашли... Или кто-то по доброте душевной успел предупредить?

Что за человек хочет со мной встретиться? Видно сразу, что он наделен большим влиянием, если сам Фраго Лантэн приехал за моей скромной персоной. Интересно, что этому незнакомцу от меня понадобилось? Отплатить за причиненные когда-нибудь неудобства? Надеюсь, что этот человек не из магов. Не хотелось бы провести остаток своей жизни в шкуре жабы или доралиссца. Я тихонько хихикнул себе под нос, привлекая хмурый взгляд барона. Неизвестно, что лучше, тело жабы или козлочеловека. Я бы, наверное, выбрал жабу, потому как доралиссцев в Авендуме любили меньше жаб. Лучше быть маленькой и зеленой жабой, чем большим и тупым козлом. Ой, что-то ты развеселился, Гаррет! Не к добру. Хотя почему не к добру? Арбалет и нож у меня не отняли, жаль, что

магические артефакты я оставил дома, в тайнике. Ладно. Мы еще повоюем.

Внезапно возница остановил карету, и парочка ретивых стражников распахнула дверь экипажа. В лицо мне дохнула холодная июньская ночь. Она незаметно подкралась к нам, пока мы сидели в карете с заколоченными окнами. Даже летом в Авендуме довольно прохладно — сказывается близость к Безлюдным землям, — и лишь к августу на город падает благословенная жара, да и то на пару недель, а затем ветра с Холодного моря приносят дожди. Валиостр самое северное королевство Сиалы, поэтому с погодой тут дело туго.

Возле дверцы кареты стояли двое стражников с факелами в руках, остальные, целая дюжина, сидели на лошадях, внимательно осматривая пустынную ночную улицу.

— Вылазь, вор. — От одного из стражников несло крепким чесночным духом, и я невольно поморщился.

— Это что? Такая увеселительная прогулка? — стараясь не терять присутствия духа, спросил я у барона.

— Хватит пререкаться, Гаррет. Делай, что тебе сказано, и у нас будет мир и любовь.

Я многозначительно пожал плечами, показывая что любовь барона во всех ее проявлениях нужна мне, как доралиссцу зубочистка, хмыкнул и спрыгнул на каменную мостовую, оглядывая окрестности. Улочка была пустой, темные дома нависли над нами как Зам-да-Морт. По другой стороне улицы тянулась высокая беловатая стена. Так. Значит, мы где-то возле Внутреннего города.

Из городской канализации уже появились тоненькие и робкие язычки серо-желтого тумана. Он еще стелился, низко прижимаясь к мостовой, и не решался подняться выше. Но не пройдет и несколько часов, и туман вновь, как и каждую июньскую ночь, накроет город густым покрывалом, которое до самого утра будет гасить звуки ночи.

В этот раз на улице стояла непроглядная темень, облака закрыли пушистыми тушами луну и звезды, и свет лился только с факелов стражи и масляных фонарей, висящих на карете.

— Не двигайся, вор, — со скрытой угрозой в голосе произнес чесночный приятель, а затем стал тщательно обыскивать меня.

Вот в подставленную другим стражником суму лег арбалет, затем чехол с арбалетными болтами, затем нож. Рука Чесночника было потянулась к кошельку с монетами, но барон цыкнул из кареты, и стражник торопливо отдернул руку.

— Кошелек оставь, морда, — произнес барон. — Чист? Оружия нет?

Стражник еще раз торопливо ощупал меня, достал из потайного кармана на поясе отмычки, из-за голенища сапога тонкую бритву и кивнул.

— Чист, ваша милость. Как доралиссец, возвращающийся после сделки с карликом.

Стражники на лошадях заржали. Барон опять на них цыкнул, и по ночной улице вновь растеклась тишина. Где-то возле стены дома промелькнула тень одинокой крысы, выбравшейся искать пропитание для своих крысят, и один из стражников запустил в нее факелом, шепча проклятия слугам Неназываемого. Факел, естественно, пролетел мимо, ударился о стену и выплеснул сноп кружащихся в ночи искр, устремившихся в облачное небо. Крыса пискнула и исчезла во тьме.

— Хватит там! — рявкнул раздраженный Лантэн. — Повязку — и в путь.

Чесночник достал из кармана темную плотную полоску ткани и завязал мне глаза. Тьма стала непроницаемой. Клянусь Саготом, я ничего не видел. Стражники взяли меня за руки, запихнули внутрь экипажа, захлопнули дверь, и карета снова тронулась. Я поднял руки, чтобы немного ослабить давящую на глаза повязку.

— Я бы на твоём месте этого не делал, Гаррет, — крайне вежливо произнес барон у меня над ухом.

— Куда вы везете меня, ваша милость? Или это тайна?

— Можешь считать, что государственная. А теперь помолчи и наберись терпения. Не зли меня.

— Прошу прощения, ваша милость, а что будет, если я разозлю? — Темнота сделала меня разговорчивым и ехидным.

— Если ты не договоришься с тем человеком, к которому мы едем, то попадешь ко мне... Злому.

Я счел, что лучше набраться терпения и немного помолчать. Для меня не было проблемой выскочить из несущегося по ночным улицам экипажа и попытаться скрыться в тени. Стражники едут на лошадях, они расслаблены, и у меня будет несколько драгоценных мгновений, прежде чем они сообразят, что случилось. Но что-то удерживало меня от таких действий. Любопытство или боязнь неудачи? Думаю, немного и того и другого.

Тем временем экипаж быстро катил по городу. Меня иногда трясло и подбрасывало на сиденье. Скорость была приличной, видно, возница был умелым и не жалел ни кареты, ни лошадей, ни пассажиров. Но барон не жаловался. Значит, такая спешка была необходима, и я стиснул зубы, стараясь сидеть ровно, когда карету заносило на поворотах. Правда, я не

отказал себе в удовольствии один раз все же не удержаться и по инерции упасть на барона, незаметно сняв с его пояса кошелек. Надо сказать, что было там не густо, но я не мог удержаться, чтобы не проучить Фраго.

В конце концов мы все же приехали. Меня выгрузили двое стражников, передали на руки каким-то людям, крепко взявшим меня под локти. Затем мы куда-то пошли. Я автоматически переставлял ноги, спотыкаясь, когда попадались очередные ступеньки. За спиной неотрывно сопел барон. Коридоры, лестницы. Коридоры. Звуки. Мои ноги шли по глухому каменному полу, выбивали гулкое и звонкое эхо из мраморных исилийских плит, топали по скрипящему деревянному полу. Я давно сбился со счета от количества ступенек у лестниц и поворотов многочисленных коридоров огромного здания, по которому меня вели, как слепого гоблина в лесном лабиринте орков. Трещали факелы над ухом, иногда нам кто-то встречался на пути, но, как я слышал, поспешно отходил в сторону, давая нам пройти.

Наконец открылась какая-то дверь, и сквозь подошвы сапог я почувствовал густой ворс ковра. Не видя ковра, я ничего не мог сказать, но, скорее всего, это ковер из Султаната, а такой стоит больших денег. Вполне можно взять за такой коврик парочку лошадок доралисской породы. И притом не самых плохих.

— Можете снять повязку.

Я было дернулся, но стоявший сзади Фраго подошел ко мне и снял проклятую тряпку. Я на миг зажмурился от яркого света, исходящего от камина, десятка свечей и факелов, которые горели в маленькой комнатке, наполняя и топя ее в ярком дневном свете. Профессиональным взглядом окинул помещение, мельком оценив султанатские ковры, подсвечники, дорогую мебель из дерева, которое встречается в лесах И'альяла, возле самого Хребта мира, полный рыцарский доспех работы мастеров-карликов, стоявший в дальнем углу комнаты, и это не говоря о кубках и посуде, которая, кажется, вся была из золота. Мда. Вот бы где мне развернуться и похозяйничать хотя бы пяток минут.

Ну что же. Теперь надобно познакомиться с хозяином всего этого великолепия, который так вежливо и настойчиво пригласил меня на огонек. Я огляделся. Вместо одного человека я увидел сразу пятерых, если не считать меня и барона.

В кресле рядом с очагом сидел, кутаясь в толстое шерстяное одеяло и держа в правой руке посох, прекрасно инкрустированный серебром, древний старик. Маг, насколько я мог судить. Даже архимаг, если учесть то, что на посохе было четыре серебристые полосы ранга. Даже магистр — на

посохе у старика вместо пресловутого камня черная птичка.

Старичок казался маленьким и дохленьким. Он был похож на старый хрупкий лесной орех. Дед недовольно ежился, как будто жар очага, горевшего рядом, не мог согреть его древние кости. Казалось, ткни мага пальцем или подуй на него сильный ветер, и человек просто развалится. Это впечатление было обманчивым. Осмелившегося ткнуть главу Ордена магов, архимага и магистра Арцивуса пальцем ждал не очень приятный конец. Этот человек был одной из самых влиятельных фигур королевства и первым советником короля, хоть у многих, впервые увидевших тщедушного старичка, могли возникнуть сомнения насчет трезвости его рассудка. Однако на моей памяти сказавших о предполагаемом маразме старика вслух не было.

В кресле напротив Арцивуса с бокалом белого вина сидела женщина в дорогом и изящном голубом платье жительниц Миранграда. Довольно рискованный выбор одежды в нашем королевстве, особенно когда война с Мирануэхом так и не затихла. Уснула на время, пока стороны приходят в себя после кровопролитных боев, прекратившихся около пяти лет назад, но никак не затихла. Мирануэхцев у нас любят не больше чем Неназываемого, но леди, как я вижу, это не заботило.

На лицо незнакомки была наброшена вуаль, полностью скрывающая его от моих пытливых взглядов. С другой неизвестной миледи я уже встречался два дня назад, в ту памятную ночь, когда у меня было небольшое дело в усадьбе милорда Патийского. Именно она проезжала мимо меня в окружении личной гвардии короля, когда я стоял, спрятавшись в тени. Жаль, что не видно ее лица, незнакомка меня заинтриговала.

Мой взгляд метнулся к третьему человеку, который стоял, прислонившись к стене и положив правую руку на изящную рукоять батарного (полуторного) меча канийскойковки. Он с брезгливым любопытством изучал мою скромную персону, как будто перед ним была по меньшей мере крыса. Хотя именно этот человек сам был Крысой. Так называли его враги. Граф Алистан Маркауз, начальник личной гвардии его величества Сталкона Девятого, избрал своим гербом обычную серую крысу. Его всегда можно было узнать по тяжелому рыцарскому доспеху с выгравированной крысой на грудных пластинах и шлему, который был отлит в виде крысиной головы. Как говаривали злые языки, Крыса даже спал и мылся в доспехах, но не думаю, что это утверждение было верным.

Алистан был первым мечником королевства и опорой нашего дражайшего короля. Он руководил службой безопасности, был человеком своей, только ему понятной чести, уничтожал и ненавидел всех, кто злоумышлял против его славного господина. Военная рутина, стычки с ограми и великанами возле Одинокого Великана, война с орками Заграбы, пара пограничных войн с Мирануэхом, когда тамошнему королю после

войны с западными кланами заграбских орков захотелось размять кости. Он пробовал на зуб и своего северо-восточного соседа, пытаясь отгрызть небольшой кусочек Спорных земель, расположенных между двумя государствами на самой границе с лесами Заграбы. Выйдя живым из всех этих стычек, милорд Алистан Маркауз стал тем, кем и был в данный момент, — правой рукой короля и опорой трона. Воин смотрел на меня стальными серыми глазами, покусывая пышные, свисающие до груди, по моде жителей Низины, усы. Я ответил на его прищур кислым взглядом и стал изучать четвертого человека.

Ну, с человеком я, конечно, загнул. Арктически-голубыми глазами, которые сильно контрастировали с зеленой кожей, на меня смотрел гoblin. Всамделишный гoblin, один из тех, кто обитает где-то в лесах Заграбы, по соседству с орками и эльфами.

Гоблины — несчастный и забитый народец. Ростом они не выше самого маленького гнома. То есть мне где-то по пупок, не больше. С самой зари времен люди, как всегда все перепутав и посчитав, что гоблины являются союзниками орков, принялись из века в век изничтожать это несчастное и забитое всеми расами Сиалы племя. Каких только страшных сказок не ходило в те времена о гоблинах! Что это ужасные и хитрые людоеды, которые, дай им волю, уничтожат все человечество. Что они поклоняются тьме и проводят в полнолуние кровавые обряды, где мучают девственниц, зажаривая их на медленном огне и обмазывая кровавыми мозгами летучих мышей. И тому подобные страшные и безумные сказки. Мне ли вам рассказывать, на какие истории способны испуганные и невежественные люди?

Несколько веков происходило планомерное уничтожение расы гоблинов, на которых в лесах Заграбы, презрев опасность нарваться на орков, устраивали настоящие облавы. Доловились до того, что некогда многочисленный мирный народец, который страдал не только от ятаганов орков, но и от мечей и пик людей, был почти полностью истреблен. А когда наконец разобрались (то есть проглотили гордость и спросили у эльфов, хотя в итоге им не поверили), то осталось всего лишь несколько небольших племен, которые прятались в самой глухой чаще Заграбы от людей и орков с помощью магии своих шаманов. В конце концов недоразумение было исправлено (кто-то еще спустя четыре века все-таки решил разобраться, почему ужасные зеленые карлики не бросаются, оскалив зубы, на людские мечи, а в ужасе убегают в лесную чащобу), и коротышек-гоблинов оставили в покое, а лет сто назад даже стали нанимать на службу. Как оказалось, они были очень умны, находчивы, остры на свой бордовый

язык, проворны, а потому как нельзя лучше подходили для службы посыльными и шпионами. Также Орден магов очень интересовался гоблинским шаманством, берущим начало от обрядов шаманов орков и темных эльфов.

Шаманство было самым древним колдовством в этом мире. Оно первым появилось в Сиале вместе с ограми — самой древней расой Сиалы, а потому маги питали к этому колдовству огромный интерес как к изначальному первоисточнику, которое у огров переняли орки, затем эльфы, а потом и гоблины.

Гоблин оказался шутом. Об этом говорил и его колпак с колокольчиками, и шутовское трико, раскрашенное в красно-синие квадраты, и шутовской жезл, который он сжимал зеленой рукой. Гоблин расположился прямо на ковре, скрестив коротенькие смешные ножки и иногда вращая головой, из-за чего его бубенчики издавали веселый и мелодичный тренькающий звук. Заметив, что я с изумлением его изучаю, гоблин усмехнулся мне, показывая ряд острых как иглы зубов. Шмыгнул длинным крючковатым носом, подмигнул голубым глазом и показал мне бордовый язык. Великолепно! Шут за работой!

Я перевел взгляд на последнего незнакомца в комнате, перед креслом которого и сидел гоблин. Внешне человек был похож на преуспевающего трактирщика. Такой же толстенький, маленький, с плешивой головой и аккуратными руками. И одежда была более чем скромной. Простой толстый свитер из овечьей шерсти. Такие свитера вяжут крестьяне, живущие под боком у Одинокого Великана, они прекрасно защищают

человека в январские морозы. Интересно, ему в нем не жарко? Коричневые просторные брюки, которые носят обычные стражники. Абсолютно серенький и незаметный человечек, если не обращать внимания на толстое золотое кольцо с огромным рубином на правой руке и глаза. В этих карих глазах жил ум, сталь и власть. Власть короля.

Я низко поклонился и замер.

— Так, так, — пробасил Сталкон Девятый.

Именно его голос я слышал, когда меня ввели в комнату.

— Это и есть знаменитый на весь Авендум вор? Гаррет-тень?

— Именно так, ваше величество, — подобострастно произнес стоявший рядом со мной барон Лантэн.

— Ну что ж. — Король погладил сидящего шута по голове, и тот замурлыкал от удовольствия, копируя кошку. — Ты быстро нашел его, Фраго. Намного быстрее, чем я рассчитывал. Благодарю тебя.

Барон сдержанно поклонился, прижав руку к сердцу, хотя и шуту было видно, что он несказанно рад похвале.

— Подождите за дверью барон, будьте так любезны, — прокашлял из своего кресла архимаг Арцивус.

Барон еще раз поклонился и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Так, значит, ты Гаррет? — Король внимательно посмотрел мне в глаза.

— Не думал, что ваше величество наслышано обо мне. — Я еще раз поклонился, чувствуя себя неловко в окружении первых лиц государства.

— А он смел, — пискляво провозгласил шут и соорудил мне очередную рожу, сведя глаза к переносице.

— И не дурак. — Это уже произнесла таинственная женщина, водя пальчиком в перчатке по краю хрустального бокала.

Я был в роли коровы на рынке, которую обсуждает парочка крестьян-покупателей.

— Присаживайся, Гаррет, — милостиво махнул в мою сторону король, и я сел в кресло с высокой резной спинкой, изображавшее что-то из битвы, произошедшей на поле Сорна.

Кресло каким-то чудом оказалось за моей спиной, хотя, когда я входил, его вроде как и не было. Впрочем, я могу ошибаться, так как ничего не видел, когда меня ввели сюда.

Сложив на животе руки, сплетя пальцы в замок, я ожидал, что же будет дальше.

— Ты позволишь? — небрежно спросил король, беря со столика, стоявшего рядом с креслом, мой арбалет.

Клинок, отмычки и бритва лежали там же, но Сталкон выбрал именно арбалет.

— Карлики делали?

Не давая мне времени даже кивнуть, король направил арбалет на стоявший в дальнем углу комнаты стародавний доспех и нажал на спусковой крючок. Щелкнула тетива, арбалетный болт взвизгнул и четко вошел в смотровую щель рыцарского шлема. Шут карикатурно захлопал в ладоши. Король умел стрелять. Вообще-то он многое умел делать. И делал это хорошо. Короля любил простой народ, хотя он и держал королевство в кулаке, жестоко подавляя бунты, которые пару раз случались во время весеннего голода. Просто его величество получил в наследство кроме короны знания от отца, деда и прадеда. Великий ум всей династии Сталконов, о котором ходили в стране легенды.

Король не завышал налоги, но и не делал их мизерными, он ослабил поводок торговцам и купцам, но сделал так, чтобы они платили подать, если хотели торговать в Валиостре, а также брал деньги с гильдии воров и убийц, не ссорился с магами, прислушиваясь к их советам, но в итоге делая то, что считал нужным. Он не притеснял другие дружественные людям расы, и те платили королю если не дружбой, то терпимостью к людям и подчинялись законам королевства. Единственной ошибкой короля, о которой шептались его враги, была идея союза с гномами, после заключения которого карлики рассорились с Валиостром и заперлись в своих горах, лишь изредка поддерживая отношения с Филандом и вольным Загорьем. Конечно, небольшая община карликов осталась в Авендуме, в основном самые жадные, хотевшие загрести еще немного золотишка с продажи дорогих поделок, хотя и они не одобряли того, что люди сговорились с врагами всех карликов — гномами. Правда, тут я был на стороне короля. Если выбирать между мечами, которые делают карлики самым богатым жителям королевства, и пушками, которые делают гномы, естественно, нужно выбирать то, что более эффективно в бою и дешевле стоит, — пушки.

— Интересная игрушка. Но речь сейчас пойдет не о твоём арбалете, — произнес король, кладя разряженное оружие обратно на столик. — Не мог бы ты мне сказать, вор, как к тебе попала эта вещь?

На моих глазах довольный шут достал откуда-то из-за кресла короля золотую статуэтку собаки и показал ее мне. В один миг моя спина покрылась липким и холодным потом. Хотя у меня на лице и нельзя было ничего прочесть — маска невозмутимости, по счастью, не пропала, — но в голове звенела паника. Та самая статуэтка из дома герцога Патийского,

украденная мной в ночь, когда милорда кронгерцога убило Нечто. Так вот кому понес ее человек Гозмо! Ай да Гозмо! Если нам доведется встретиться, его ждет не самый приятный разговор!

А теперь выходит, что все улики показывают на меня. Это же преступление против короны! Четвертование, которое ко мне применят, будет считаться еще благодатью богов и милостью королевского суда. Как бы чего похуже со мной не сделали! Я решил, что лучше помолчать и послушать.

— А он и вправду не дурак, — вновь произнесла женщина, разглядывая меня из-под плотной вуали.

Шут тихонько хихикнул только ему понятной шутке и прошелся по комнате колесом. Потом, все так же сжимая в руках статуэтку, встал рядом с Алистаном, скопировав его позу, серьезное лицо, и замер, положив руку на голову золотого пса, превратив его в импровизированный меч. Я чуть не расхохотался. Действительно похоже на Крысу и очень смешно. Гоблин не зря получал деньги.

— Это по нашему заданию ты, Гаррет, попал в дом к моему дражайшему покойному кузену. Прежде чем решить, подходишь ли ты для дела, тебя надо было испытать. А идеальнее усадьбы двоюродного братца со свободно гуляющим по ночам гарринчем просто не придумать. Согласись?

— Еще идеальнее — это королевская сокровищница, — ляпнул я.

Терять Гаррету было уже нечего. Чувствую, что утром мне предстоит путешествие в Серые камни. На всякий случай я отложил еще одну зарубку поговорить с Гозмо, подсунувшим мне этот Заказ.

— Ого! А у Гаррета-тени губа не дура! — пискнул гоблин.

Я ожег его взглядом, но он только ехидно ухмыльнулся мне и показал язык.

— Сам знаю, Кли-кли, — ответил Сталкон шуту, затем взял в руки мой клинок, вынул его из ножен и, изучая, небрежно спросил: — Что случилось ночью в доме? Как он умер?

Я проглотил ставшую вязкой слюну и под присмотром пяти пар внимательных глаз начал свой рассказ. Я рассказал о той страшной ночи, об усадьбе, о ночном разговоре герцога с существом ночи, которое пришло от неизвестного Хозяина. Никто меня не перебивал, архимаг Арцивус, казалось, дремал в кресле, а физиономия гоблина, на удивление, была задумчивой и встревоженной. Когда я закончил историю, в комнате повисла гнетущая тишина, лишь огонь в камине тихонько потрескивал.

— Говорил же я вам, ваше величество, не доверять кузену, — зло

бросил Алистан. Он почему-то сразу поверил моему рассказу, и теперь его глаза гневно сверкали. — Я усилю охрану вдвое.

Король задумчиво поглаживал подбородок, внимательно изучая меня. Он молчал, что-то обдумывая. Затем резко кивнул головой, решившись.

— О моей безопасности поговорим позже, дружище Алистан. Намного позже. А пока у меня дело к нашему гостю. Гаррет, ты знаешь, кто такой Неназываемый? — неожиданно спросил у меня король.

— Он зло и тьма. — Вопрос поставил меня в тупик.

Неназываемый и Неназываемый. Тот, чьим именем пугают вас в далеком детстве, когда вы не хотите спать.

Алистан фыркнул, как бы говоря, что от вора он ничего большего и не ожидал.

— Смотря как это понимать, — произнес монарх. — Зло. А знаешь ли ты, что Неназываемый известен, кроме Валиостра, только в Пограничном королевстве, да и то только потому, что орки атакуют эти земли с именем Неназываемого на устах? Ну, может быть, он известен еще в Исилии, частью в Мирануэхе, но там Неназываемый только легенда, страшная сказка. Он ведь не черное зло и отнюдь не тьма, просто очень сильный волшебник, который засел в Безлюдных землях и вот уже сколько времени мечтает увидеть Валиостр разрушенным.

— Позвольте... — вклинился в разговор архимаг, доселе молчавший. — Я расскажу вам, молодой человек, легенду. Правда, никакая это не легенда... Когда еще наше королевство не было таким великим и могучим, лет пятьсот назад в Авендуме жили два брата. Один из них был великолепным полководцем, другой — талантливым магом, изучавшим проблематику шаманства. Тогда эта магия была для людей еще загадочным искусством, она постоянно совершенствовалась, люди набирались ума, перенимая опыт шаманов орков, гоблинов и темных эльфов, а также светлых эльфийских волшебников. Далее мы добавляли своего и получали то, что имеем теперь. К сожалению, магия камня гномов и карликов нам не дана. Гм... Но я отвлекся... Дело было в последний год Тихих времен, как называют это время сейчас. Грок, полководец, надеюсь, тебе известно это имя?

Я кивнул. Все знали площадь Грока и памятник ему. Старик удовлетворенно побряхтел, ерзая и поудобнее устраиваясь в кресле, а затем продолжил свой рассказ:

— В последний год Тихих времен армия орков напала на город и попыталась взять его приступом. Тогда еще не было знаменитых стен Авендума, и Грок, командуя всего лишь несколькими тысячами уставших

солдат, оставшихся в живых после ряда сражений, сдерживал натиск врага, вышедшего из лесов Заграбы. Мда... Брат не пришел ему на помощь. Не знаю почему, об этом, к сожалению, история умалчивает. Ссора, зависть, болезнь, нелепая случайность — в итоге самый сильный маг того времени не пришел на помощь оборонявшимся воинам. Но Грок и его люди выстояли. Они продержались до прихода армии темных эльфов. В конце концов от армии Валиостра осталась тысяча, а затем всего неполных четыре сотни. После победы маг был схвачен и казнен...

Старик замолчал и уставился на огонь своими слезящимися глазами.

— Как звали того мага? — не удержался я.

— Его звали так же, как и брата-близнеца, — Гроком. Это был позор для Ордена магов. Страшный позор. Мы стерли имя этого брата из всех анналов. С тех пор он стал называться Неназываемым. Но Неназываемый выжил. Точнее, выжил его дух, Неназываемый еще при жизни изучал Кронк-а-мор, запретное колдовство огров. С помощью этого вида шаманства дух умершего может жить некоторое время без телесной оболочки, а затем вселиться в другое тело. Неназываемый вселился в чье-то тело, ушел на север, в тундру, далеко-далеко в Безлюдные земли, вынашивая планы мести. Сила Кронк-а-Мора была такой, что огры, великаны и часть орков признали Неназываемого своим господином и повелителем. Хотя насчет орков я сомневаюсь. Эта раса слишком умна и независима, скорее всего, им просто удобно изображать из себя жестоких варваров и нападать на врагов, прикрываясь именем Неназываемого. Как говорят эльфийские дома — большая политика! Что же до огров, великанов и отдельных людишек, то они преданы Неназываемому и душой и телом. Эти враги Валиостра уже давно бы покинули свои земли и пошли войной, если бы их не сдерживал Одинокый Великан. А Неназываемый, хоть он и получил вечную жизнь, до сегодняшнего момента не решался вторгнуться в Валиостр. Мы сдерживали его силу до настоящего момента, пока равновесие не пошатнулось не в нашу пользу.

— Ну хорошо, — что-то у меня не складывалось в голове. — Огры, орки, великаны. А те твари, которые ночами охотятся на улицах столицы? Они тоже подчиняются Неназываемому? А этот таинственный Хозяин?

— Не знаю. — Маг разочарованно покачал головой. — Может, это слуги Неназываемого, еще чьи-то, может, вырвались из каких-то глубин, когда равновесие в магическом источнике пошатнулось.

— Кстати, — перебил старика король. — Долго мои подданные будут страдать от этих тварей?

— Совет делает все возможное и невозможное, ваше величество. Мы

подготовили заклинание, и к концу недели ни одно дитя ночи не сможет проникнуть в наш город. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Почему же Совет магов не уничтожит Неназываемого? — спросил я, возвращая разговор к первоначальной теме.

— Кронк-а-Мор надежно защищает отступника. Мы, к сожалению, ничего не понимаем в шаманстве огров. Да и вряд ли теперь когда-нибудь научимся.

— Неназываемый ждал века, набираясь сил и собирая армию. Лишь Рог Радуги, великий артефакт прошлого, который эльфы подарили Гроку, отняв его у огров еще в те давние времена, сдерживал Неназываемого и его армию за горами Отчаяния. Только благодаря Рогу Неназываемый не решался выступить против нас войной. Рог каким-то образом полностью нейтрализовал его магию. Как говорят эльфы, огры сами создали этот Рог в противовес своей магии, чтобы нейтрализовать ее, если Кронк-а-Мор вдруг вырвется из-под их контроля. Пока Рог имеет силу, Неназываемый не осмеливается пройти Одинокого Великана. Что он может без своей магии? Не надо причислять этого волшебника к тьме. Просто он хороший и талантливый маг, который удачно использовал свои знания и теперь хочет отомстить за то, что его наказали. Считай его немного свихнувшимся на почве ненависти. И теперь, когда сила Рога ослабла за века и не может нейтрализовать его магию, Неназываемый поднимает голову. И клянусь всеми богами Сиалы, Неназываемый скоро нанесет удар по нашему королевству — ведь оно находится ближе всего к его владениям.

— Он почти нанес удар, — тихо сказал король. — Эльфы-разведчики докладывают, что Неназываемый готовит армию к походу. По всем Безлюдным землям собираются тысячи великанов, огров и других тварей. В Рачьем герцогстве без остановки куют оружие. К маю следующего года, может быть раньше, Неназываемый и его армия будут под стенами города. Одинокий Великан не выстоит, а я даже не могу послать им подкрепления. Сразу прознают орки и нападут с тыла, да и Мирануэх не очень-то сейчас спокоен. А нашему королевству помощи ждать неоткуда. Разве что темные эльфы и Пограничное королевство нам помогут, правда, насчет последних не уверен. Если орки решатся напасть, то они нападут и на Пограничье. В другие земли Неназываемый вряд ли пойдет, поэтому ни Гаррак, ни Империя, ни Филанд нам тут не помощники. Исилия, как всегда, соблюдает нейтралитет и отсидится в сторонке. Мирануэх только злорадно потрет руки. С Неназываемым нам придется бороться самим. Да и не только Неназываемый оживился. Орки поднимают головы в лесах Заграбы, тролли в горах стали нападать на поселения карликов, на южных границах видели

дракона. Дракона! Больше двухсот лет ни один не подлетал к границам нашего королевства. Мир завис на грани войны. Страшной войны. Я начал собирать армию. Надеюсь успеть к концу года выставить против Неназываемого хотя бы пятьдесят из семидесяти тысяч солдат. Какую-то часть придется оставить на границах с Заграбой и Мирануэхом. Плюс ополчение. Но это так, жест отчаяния. Нужно объявить набор, хотя я и боюсь, что начнется паника, цены на товары подскочат до небес, беженцы, наконец. Слава богам, что эльфы Темных домов на нашей стороне, плюс еще и гномы с пушками.

— Прошу прощения, ваше величество, — осмелился я. — Насчет гномов я не сомневаюсь, им мешок золотых отсыпать — так они на родную бабку войной пойдут, а вот эльфы... Вы в них уверены?

— Нам нет нужды врать, — произнесла женщина, откидывая вуаль. — Я сама видела готовящуюся к войне армию Неназываемого за Иглами Стужи.

На меня смотрела эльфийка. Настоящая темная эльфийка.

Очарование эльфов... Его придумал тот же самый сказочник, который сочинил кровожадность гоблинов. Только в сказках эльфы очаровательны, только в сказках они бессмертны, только в сказках у них золотистые волосы, зеленые глаза, мелодичные голоса и легкая поступь. Только в сказках эльфы мудры, правильны, справедливы и великодушны. А в жизни... В жизни неподготовленный человек может принять обыкновенного эльфа из домов Заграбы и И'альяла за орка. Потому как на самом деле сказочной красоты эльфов, раздутой до небес пьяными рассказами в тавернах, просто нет. Ну, да... Есть привлекательные лица и у этой расы, но что они — не эталон красоты, это уж точно. Эльфы похожи на людей, если не считать их смуглой кожи, желтых глаз, черных губ и пепельно-серых волос. А уж торчащие из-под нижней губы клыки совсем пугают сиволапого обывателя и знатока бабушкиных сказок. Не верьте в доброту эльфов, просто, если вам не повезет, поприбудьте на эльфийской пытке, когда они устраивают Зеленый Лист своим ближайшим родственникам оркам. Да-да. Орки и эльфы появились на Сиале в один и тот же год. Перворожденные. Хотя орки оказались здесь немного раньше эльфов, и пепельноволосые никак не могут им простить этого. И эльфы и орки были первыми, кого боги привели в Сиалу, если не считать огров. Раса орков получила гордость и ярость, эльфов — хитрость и коварство. Но те и другие получили еще один дар — ненависть. Они и до сегодняшнего дня воюют, истребляя друг друга в кровавых схватках, которые тысячами происходят в бескрайних лесах Заграбы. Это потом появились гномы и

карлики, доралиссцы и люди, кентавры и великаны, а также множество других рас, населяющих Сиалу. А первыми, первыми были неудачные дети — орки и эльфы. Это уже потом эльфы разделились на темных и светлых, хотя разница между ними только в том, что темные обращаются к шаманству, а светлые — к волшебству. Темные и светлые не враждуют между собой, они просто относятся друг к другу с небольшой долей пренебрежения. До сих пор темные эльфы не могут понять своих сородичей, пользующихся чужой, не исконной для этой расы магией. Около двух тысяч лет назад темные и светлые все же не смогли жить вместе и разделились. Темные остались в лесах Заграбы, а светлые ушли жить в леса И'альяла, что находятся возле самого Хребта мира.

— Познакомься, Гаррет, — сказал король, указывая на эльфийку. — Это леди Миралисса из дома Черной луны.

Я сдержанно поклонился, отвечая на приветственный блеск пятисантиметровых клыков. Окончание имени «сса» означало, что эльфийка из Верховной семьи дома. Попросту принцесса.

— Очень приятно, миледи.

— И мне, — проворковала эльфийка.

Выйди она в город в вуали, никто и не заподозрил бы в этой женщине

эльфа.

— Любезности потом! — произнес король. — У нас мало времени, и ты, Гаррет, должен нам помочь.

— Остановить Неназываемого? — скептически сказал я.

Если это так, то король или его советники точно выжили из ума.

— Да, — произнес архимаг.

Ну точно, в этой комнате ненормальные! Алистан внимательно смотрел на меня, стараясь обнаружить след насмешки над его королем. Я сдержался. С трудом, но сдержался. Но не Кли-кли. Гоблин захохотал и, упав на ковер, схватился за живот.

— Жизнь королевства в руках вора! Как бы он его не спер!

Я лично не находил в этом ничего смешного, как и все остальные. Только на черных губах эльфийки промелькнула вежливая тень улыбки, оценившей хорошую шутку, но решившей, что этикет дворца в данном случае лучше не нарушать.

— Помолчи, Кли-кли, — сурово произнес Алистан, не сводя с меня внимательных глаз.

— Все, замолкаю, каюсь, умираю! — Гоблин трагически развел зелененькими ручками. — Если Крыса осталась серьезной после моей шутки, то пора увольнять меня с должности придворного шута. Придется снова мне, бедному и несчастному, уходить в родные леса и ждать, пока особо ретивый орк не позавтракает моими бедными косточками или не запустит в лабиринт.

Шут трагически, как актер на подмостках рыночной площади, вздохнул, а затем взглянул по сторонам и, заметив, что на него никто не обращает внимания, весело подмигнул мне.

— Я, конечно, польщен такой честью, — осторожно произнес я. — Но не кажется ли вам, что сил и опыта у меня поменьше, чем у Ордена и Диких Сердец, и остановить волшебника в одиночку будет сложновато?

Гоблин прыснул и вновь шлепнулся на ковер. Видно, моя личность его уж очень сильно забавляла. А вот меня этот маленький зеленый негодяй начинал раздражать.

— Ох Гаррет! — Шут вытирал с глаз неподдельные слезы. — Ты не только умен и смел, но еще и самоуверен.

— Так в чем моя задача, ваше величество? — Я продолжал ломать комедию, дожидаясь момента, когда меня, может быть, отпустят.

Вот тогда я сделаю ноги. И плевать куда, хоть в сам Султанат, но так далеко, как только можно. В те земли, где нет безумных королей, ненормальных шутов и впавших в старческий маразм волшебников.

— Нам нужен Рог Радуги, — произнесла эльфийка. — Только он сможет остановить Неназываемого, потому что, боюсь, даже армия не устоит против всей рати Безлюдных земель.

— Рог Радуги? — тупо переспросил я. — А при чем здесь он?

— Я же уже объяснил, — раздраженно нахмурился Арцивус. — Ты что, стал плохо слышать со страха?

— И думать, — вставил свое веское слово Кли-кли.

Я ожег шута очередным взглядом, чем еще больше его развеселил.

— Пойми, Гаррет. Магия огров не идеальна и во многом топорна, как говорят люди, хотя мощна необычайно, но закон равновесия... — Эльфийка кисло поджала черные губы, еще сильнее обнажив клыки.

Я невольно подумал, что она вполне может пойти в рукопашную, скорее ротопашную, если враг отнимет у нее оружие. Такими зубками только шеи испарывать.

— В итоге Рог со временем теряет свои магические свойства. Его нужно...

— Активировать, — подсказал архимаг, неотрывно смотря в огонь, который весело поедал дрова в очаге.

— Да. Магически подзаряжать через определенное время. Иначе все его свойства сойдут на нет. Сейчас Рог как раз слабеет, потому Неназываемый и зашевелился за Иглами Стужи. Нам нужно, чтобы ты достал этот Рог для Ордена.

— А он что, не у вас? — опешил я, даже приподнимаясь с кресла.

В голове у меня крутилась сказка о том, как один солдат по своей глупости отдал самое ценное — свой меч — в руки врагу. Конечно же мне моя голова дороже, и я про эту сказку промолчал, хотя думаю, что гоблина она бы позабавила.

— В том-то и дело, что нет, — зло произнес Крыса. — А все по глупости Ордена.

— Орден сделал это из лучших побуждений! — резко вскинулся архимаг.

— То-то мы их и расхлебываем!

— Ваше дело, милорд Алистан, защищать жизнь короля и махать железякой, а не лезть в дела Ордена! — Старик просто кипел от возмущения. Его трясущаяся борода напомнила мне бороду доралиссца, у которого украли его самую любимую лошадь.

— Хватит! Мне еще ссор тут не хватало! — рассвирепел король. Теперь он нисколько не походил на добродушного трактирщика. — Объясните вору его задачу.

— Около трехсот лет назад, — глухо начал Арцивус, бросив недобрый взгляд из-под седых бровей в сторону капитана гвардии, который никак не прореагировал на него, — Совет Ордена решил воспользоваться Рогом Радуги и уничтожить Кронк-а-Мор, который связывает Неназываемого с этим миром. У нас... У нас немного не получилось...

Алистан громко фыркнул.

— Вас, ваше магичество, только дипломатом в Мирануэх отправлять! Авось и Спорные земли получим! Немного... — хихикнул шут, смакуя это слово, но, встретив свирепый взгляд мага, заткнулся.

— Да... Так о чем это я? А! Так вот, ничегошеньки из нашей попытки не вышло. Мы пытались управлять магией огров, которую совершенно не знали. Где-то не там замкнули силовой поток или переместили опейрон на несколько градусов относительно пятой астральной позиции... Мда... — Арцивус понял, что стал заходить в никому, кроме него, не понятные дебри. — Все вышло из-под контроля, и магический всплеск ударил по Авендуму. Точнее, по его части. Запретной части. Или Закрытой теперь территории.

— Так вот каким образом она появилась... — протянул я.

— Понимаешь, как были бы благодарны жители славной столицы Валиостра, если бы они узнали, благодаря кому они получили Закрытую территорию? — Гоблин сделал большие глаза, превратив их в два голубых озерца.

Архимаг тяжело вздохнул — видно, шут успел достать не только меня — и продолжил:

— Орден решил от греха подальше спрятать Рог. Его зарядили (по подсчетам магов того времени, он должен был профункционировать еще лет триста — как раз до сегодняшних дней), а потом отнесли Рог Радуги к усыпальнице Грока, да там его и оставили. Вот, собственно, и вся история. — Архимаг вновь стал смотреть слезящимися глазами в пламя очага.

— И вы хотите, чтобы я добыл Рог из могилы? — удивленно спросил я. — Но зачем вам именно я? С этой работенкой справится любой грабитель могил! И кстати, где похоронен Грок?

В маленькой комнатке повисла напряженная и гнетущая тишина. Эльфийка и Арцивус даже изумленно переглянулись между собой. Граф Крыса криво улыбался, как бы говоря, что от вора он ничего больше не ожидал. Про шута и его отвисшую челюсть я вежливо промолчу. Лишь король все так же задумчиво крутил в руках мой нож, иногда бросая взгляд на меня, как бы прикидывая, не ломаю ли я комедию.

— Гм-гм. Молодой человек, а вы вообще историю знаете? — осторожно спросил маг.

— Да на кой Х'сан'кор она мне сдалась?! Я же вор, а не ученая дева!!! — Мне хотелось что-нибудь разгромить.

Эти ребята знают, как достать человека, и я сорвался на грубость. Никто этого не заметил. Или сделали вид, что не заметили.

— Да он вообще и читать-то, наверное, не умеет, — с важным видом изрек гоблин.

Я проигнорировал этот очередной выпад.

— Рог похоронен вместе с Гроком в Костяных дворцах, Гаррет, — тихо произнесла эльфийка, поеживаясь, как будто ее смуглой кожи коснулся холодный ветерок, пришедший из-за гор Отчаяния.

И тут я рассмеялся, поняв, что эта сумасшедшая пятерка чудаков либо меня разыгрывает, либо просто проверяет перед каким-то важным делом. К примеру: «Сопри ночной горшок у короля Мирануэха, когда он будет мучиться кровавым поносом».

— Свихнулся. — Шут в ответ на мой смех обреченно покачал зеленой головой, и колокольчики на колпаке грустно звякнули.

— Они шутят, ваше величество? Ведь правда? А почему Храд Спайн? Может быть, проще составить новую встарскую сделку и пригласить драконов для защиты любимой родины? Или приручить для вас Х'сан'кора? Поверьте, с этим я справлюсь проще и быстрее, чем с путешествием в Храд Спайн!

— Они не шутят. — Король просто буравил меня серьезными глазами, и новый позыв смеха застрял где-то у меня в горле. Они действительно не шутили. Я внутренне похолодел. Спуститься в Храд Спайн за какой-то дурацкой волшебной дудкой... Это не укладывалось в голове.

— Нам нужен этот Рог, мастер Гаррет. — Эльфийка разговаривала со мной ласково, как с маленьким и капризным ребенком. — И нужен срочно. До наступления зимы, когда Неназываемый предпримет свою атаку.

— Но почему я?!

— Потому, что только хитрый и изворотливый человек пройдет там, где завязнет большой отряд воинов или магов. Например, лучший вор королевства. Да, да. Не скромничай. О тебе известно намного больше, чем ты думаешь.

— Значит ли это, что достать Рог уже пытались? — Я старался как можно дольше оттянуть время своего отказа.

— Сто тысяч демонов! Да! Неужели ты думаешь, что мы обратились бы к вору, не будь больше никакого способа проникнуть в проклятые

катакомбы? — Алистан несколько раз сжал, а затем разжал кулаки. — Первую экспедицию мы отправили еще зимой. Никто из тех, кто спустился в подземелье, не вернулся, а тех, кто остался на земле, посекали орки. Второй отряд ушел ранней весной. Мы, учитывая неудачу первой экспедиции, отправили в поход более ста человек. Опытные солдаты, восемь магов Ордена, поддержка темных эльфов, выступавших нашими проводниками в лесах Заграбы... И ничего, демон меня подери! Восемьдесят человек ушли в могильники, а вернулся только один, седой, как снежная сова, и полностью лишенный разума. Остатки второй экспедиции пришли в Авендум неделю назад. Все восемь магов так и остались под землей. Как и семьдесят два человека, больше половины из которых были моими солдатами!

Я потрясенно слушал. Восемь магов, и, наверное, не последних, как и несколько десятков солдат отборной гвардии короля, ушли в неизвестность, в темную дыру под зелеными сводами лесов Заграбы, и не вернулись...

— И теперь вы решили, что вор сделает то, что не сделала сотня, — констатировал я.

Интересно, в чью светлую голову пришла такая идея, а главное, почему? Что будет, если я не соглашусь?

— А если я откажусь? — Это был вопрос чистой риторики, как говаривает брат Фор.

— Барон Лантэн все еще за дверью. Прогуляешься с ним до Серых камней, — усмехнулся Алистан.

Понятно. Значит, вот как. Либо суй голову в Храд Спайн, либо подыхай в Серых камнях, и еще неизвестно, что лучше. Будь моя воля, я бы выбрал Камни, но тут, пожалуй, можно рискнуть и обмануть весь этот безумный Совет.

— Согласен, — кивнул я и встал с кресла. — Теперь я могу идти?

Что же, я получил реальный шанс дать деру, пока совсем не запахло жареным.

— Конечно. — Король вяло махнул рукой, и его огромный перстень сверкнул в пламени свечи. — Значит, ты принимаешь Заказ?

Вот тут-то я сел обратно в кресло. Хотел обмануть всех, посчитав себя самым изворотливым угрем, а обманули в итоге меня. Да-а, правду говорит молва — во Внутреннем городе водится много щук, способных одним движением заглотнуть угря.

Заказ. Когда мастер-вор идет на задание клиента, то он принимает Заказ. Заказ, который скрепляет сделку вора и заказчика покрепче золота. Беря Заказ, вор обязуется исполнить его, а в случае неудачи вернуть задаток

с процентами от общей суммы сделки, а клиент обязательно заплатит после выполнения Заказа. Заказ — нерушимый договор мастера-вора и заказчика. И нарушить, порвать, вильнуть в сторону без соглашения обеих сторон невозможно. Сагот четко следит за исполнением договора. Как говорят мастера, можно обмануть тьму и расторгнуть сделку даже с ней, но не с Саготом. Наказание последует незамедлительно. Ну, вроде попадания в цепкие руки стражи на месте преступления или заключения в тюрьму; удача может отвернуться от ночного охотника, или он наткнется на нож в темном и таком безопасном ранее переулке. Да и заказчику не поздоровится, если он без всяких причин откажется платить. Покровитель воров закрывает глаза на мелких воришек и обычное ворье, но не на мастеров-воров, работающих по выгодным наводкам.

Как вы поняли, я влип. В который раз за несколько дней!

Отказаться от Заказа — это значит расписаться в своей недавней лжи о согласии сотрудничать и отправиться в самую некомфортабельную камеру Серых камней с видом на Холодное море. Согласиться — значит уже не сбежать, потому как Заказ меня будет крепко держать. От него уже не отступишь, разве что король вдруг передумает, чтобы я искал этот проклятый Неназываемым Рог. Эх, прощайте ночные улицы Авендума и сундуки мирно спящих богатеев! Придется соглашаться.

— Какие условия? — обреченно спросил я у Сталкона.

— До начала января ты должен доставить в столицу Рог Радуги.

— Плата?

— Пятьдесят тысяч золотом.

— Задаток? — Я постарался, чтобы мой голос не дрожал.

Пятьдесят тысяч... Конечно, не половина королевства и не рука принцессы из сказки, но есть где развернуться... На такие деньги можно безбедно жить несколькими поколениями. Состояние некоторых баронов и графов будет втрое меньше названной суммы.

— Сколько нужно?

Я на миг задумался, заколебавшись. Все равно постоянно таскать с собой больше трехсот золотых — это надорвать пупок.

— Двести. Скуплю весь инвентарь магических лавок города. Нужно основательно подготовиться, прежде чем класть голову в пасть огру.

— Получишь деньги при выходе из дворца. Кстати, не забудь свои игрушки. Это все?

— Прошу вас сказать официальную фразу, если она, конечно, знакома вашему величеству.

— Я прошу принять Гаррета-тень мой Заказ, — произнес король

официальную формулировку договора вора и заказчика.

— Я принимаю Заказ, — вздохнул я.

— Услышано. — Эльфийка сверкнула клыками и накинула на лицо вуаль.

Не было ни громов, ни молний. Просто где-то там Сагот запомнил и теперь будет внимательно следить за исполнением условий сделки. Или не он, а его слуги. Самое главное, что Заказ придется исполнить. Костями лечь, но исполнить, потому что от судьбы не убежишь. И не исполнить его совсем невозможно. Нельзя уйти в Храд Спайн, притаиться у выхода, а потом сказать: извините, не вышло, хоть и пытался. Не зря говорили, что Сталкон умен. Он закрыл все щелочки и лазейки, назвав огромную сумму. И если у меня ничего не получится, я должен буду вернуть задаток и огромный процент от основной суммы. А таких денег у меня нет. Выходит, что Заказ будет нарушен.

— Пряздрявлям, Гаррет! — Кли-кли отвесил мне изящный поклон и подергал ножками, видимо пытаюсь скопировать какой-то жест из неизвестного мне придворного этикета. Смешно, не скрою, но мне сейчас не до смеха. — Теперь ты человек короля.

Я не знаю, чего он ко мне привязался. Может, моя рожа приглянулась? Кто поймет этих безумных гоблинов?

— У меня вопросы.

Все «ваши величества» были отложены на потом. Сейчас был только заказчик, мастер-вор и Сагот, следивший за нами с небес или где он там живет.

— Да?

— Я отправляюсь один?

У меня промелькнула мыслишка, что если поеду один, то точно не доеду. Или заблужусь в лесах Заграбы, или попросту не доеду — пристукнут где-нибудь по дороге.

— Нет. Но мы решили, что в этот раз отряд должен быть маленьким и двигаться надо скрытно. Чьи-то глаза следили за первыми экспедициями. Слуги Неназываемого, может кто-то еще, мы не знаем.

— Насколько небольшой отряд? — нахмурился я.

— Леди Миралисса и два ее соотечественника будут проводниками в лесу и прикроют вас магически.

— Стоп! — Я даже не обратил внимания, что перебил самого короля. Алистан нахмурился, но мне на это было плевать. Перед Заказом все равны. — Вы сказали — магически... А сколько магов поедет с нами?

— Ни одного, — отрезал очнувшийся от созерцания огня Арцивус.

Я немного помолчал, нервным жестом взлохматил волосы и произнес:

— Мне только что послышалось, будто вы сказали...

— Ни одного, — так же твердо произнес архимаг. — Мы и так потеряли в этих проклятых Костяных дворцах восьмерых лучших. Все маги понадобятся на стенах города, если ваше предприятие окончится неудачно.

Час от часу не легче. Проще скинуть нас всех в лабиринт орков. Меньше трепыхаться будем. Без хорошего мага в лесах Заграбы, а тем более в Храд Спайне делать нечего.

— Кроме троих эльфов с вами отправятся десять Диких Сердец, которые сопровождали леди Миралиссу от Одинокого Великана. И еще милорд Алистан. Он будет командовать вашим отрядом.

Алистан бросил на меня кислый взгляд. Видно, ему не улыбалось путешествовать в компании вора. Крыса и Дикие составят небольшой кулак, которым можно будет отбиться от маленького отряда нападающих, если такие встретятся на пути. Так сколько же нас? Выходило, что пятнадцать. Хотя какое мне до них дело? Мне бы выполнить свою работу.

— Хорошо. Когда выступаем?

— Чем скорее, тем лучше.

— Тогда к концу недели, — посчитав дни, сказал я.

— Что?! — Алистан сделал шаг в мою сторону. — Ты издеваешься?!

— Я? Нисколько. — Я покачал головой, давая понять рыцарю, что у меня и в мыслях не было насмехаться. — Мне нужно купить снаряжение, основательно подготовиться к походу. Я лично хочу вернуться из Храд Спайна живым. Месяц, может, два скачки до лесов Заграбы, пусть приблизительно и с огромным запасом, месяц в Храд Спайне и столько же назад, до Авендума. Вполне успеем вернуться к ноябрю — декабрю. С учетом отсутствия неприятностей, естественно. Ваше величество, мне нужен доступ в Королевскую библиотеку.

Шут сказал глупость. Я прекрасно умею читать.

— Это еще зачем? — удивился старик-маг.

— Не хочу в Храд Спайне бродить заблудившимся идиотом. Там и Неназываемый ногу сломит. Мне нужны планы и старые карты. Хотя бы той части, которую называют людской. Грок ведь похоронен не на нижних ярусах?

— Нет. Его могила на восьмом ярусе. — Архимаг покачал головой.

Про себя я облегченно вздохнул. Хотя какая-то хорошая новость. Пускай и маленькая. Лезть в ярусы огров — самоубийство. Я до них бы просто не добрался живым. Сожрали бы по дороге. А до восьмого можно

рискнуть.

— Это хорошо. Думаю, в библиотеке есть старые планы.

— Есть. — Арцивус кивнул, а затем, поколебавшись, изрек: — Только могилы Грока на них нет, я уверен.

— Почему? — изумилась Миралисса, отвлекшись от созерцания хрупкого фужера с вином.

— Маги Ордена хорошо спрятали ее. Восьмой ярус хоть и не двадцать восьмой, но построен не людьми. Кто знает, кто там живет и какие ловушки ждут нашего вора?

— Не думаю, чтобы маги Ордена не оставили записей о могиле Грока и ловушках Храд Спайна. — Я тихо-тихо стал закипать. — Они ведь где-то есть?

— Есть. — Старик кивнул и еще сильнее закутался в шерстяное одеяло.

— И где?

Ну надо же! Требуют выполнить Заказ и еще сопротивляются, удерживая какие-то там свои тайны.

— В старой башне Ордена.

— А где старая башня Ордена? — Из старика нужно было вытягивать все калеными щипцами.

— Где-то в Закрытой части города.

Вот тут-то я окончательно понял, что влип под трубы королевских глашатаев.

Глава 4

Королевская библиотека

Я пообещал королю, что через неделю вновь приду во дворец, и теперь у меня было целых семь дней для подготовки сомнительного предприятия путешествия в Храд Спайн. Перво-наперво на следующее утро я отправился в Королевскую библиотеку. Она находилась на той самой площади Грока, рядом с домом ныне покойного милорда Патийского, где я недавно уже бывал по одному важному дельцу.

Естественно, заходить через центральный вход было довольно большой наглостью и вызовом всем дворянам королевства, и я обогнул здание справа, лавируя в потоке уже проснувшихся и спешащих по важным делам обитателей города. Узкий переулок захватил меня в свои объятия. В сером здании библиотеки был вход для служащих. Я подошел к литой железной двери и громко постучал. Как всегда, мою скромную персону проигнорировали самым наглым образом. Прождав пару минут, я заколотил с удвоенной силой. Опять тишина. Уснули они там, что ли, все? Вполне вероятно, посетителей не так уж много, тем более что вход разрешен только дворянам, жрецам и Ордену. Простолюдинам книги без надобности, им бы семью прокормить. Подождав немного, я застучал так, что грохотание кулака о металл вспугнуло голубей на соседних крышах домов, и они испуганной стаей устремились в безоблачное июньское небо.

Наконец замок щелкнул, затем сняли засов, второй, и дверь немного приоткрылась. На меня подслеповато и довольно зло смотрел старик — божий одуванчик. Войти я не мог — дверь удерживала массивная цепочка, на которую вполне можно было посадить самого Х'сан'кора.

— Шо стучишь, хулюган? Пошел вон! Будешь буянить, стражу позову. Уж она-то тебя на алебарды поднимет! Задницу поколет! — Дед визгливо захохотал.

Я молча протянул ему кольцо, пока он не успел захлопнуть дверь перед моим носом. Кольцо, которое мне дал король нынешней ночью. Старик прищурился, ткнулся носом в золотой ободок и, открыв дверь, отступил в сторону.

— Чего сразу не сказал? Сразу надо кольцо показывать, а не хулюганить. Входи уж, если дома не сидится!

Спорить о том, что показать кольцо я просто не успел, не было смысла, поэтому я вошел в библиотеку, и старик быстро захлопнул за мной дверь.

— Они всегда хотят до меня добраться! Но я проворный! — хихикнул дед и радостно осклабился, показывая пеньки желтых зубов.

— Кто они? — Я все же решил поладить со сторожем — смотрителем библиотеки.

Старик поманил меня корявым пальцем, оглянулся по сторонам, ища желающих подслушать его страшную тайну, и прошептал на ухо:

— Огры!

Вот тебе раз! А дедок-то того. Совсем умишком тронулся среди книжек.

Старик несколько раз кивнул головой, убеждая меня в правдивости существующих где-то рядом с библиотекой огров, и прошаркал по узкому коридору куда-то вглубь здания. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Ты чего пришел? Знаний набраться? — ворчливо спросил дед.

— Угу.

— Ученик мага небось?

— Да.

— Ну, ну, — хмыкнул старикан, ни капли мне не поверив.

Минуту мы шли в полном молчании по служебным коридорам с тусклым светом, который струился из узеньких окошек, закрытых стальными решетками. Пылинки пролетали сквозь солнечные лучи, сверкая и искрясь, как будто это были снежинки. Интересно, сколько мы будем так петлять?

— А скажи мне, ученик, на кой у тебя под плащом «оса»? — вдруг хитро спросил старик, останавливаясь и смотря мне прямо в глаза.

— Ого! А ты глазастый, — изумился я. — Откуда про «осу» знаешь?

— Откуда, откуда. Доралиссец на ухо проблеял, — буркнул дед, возобновляя путь. — Я разведчиком в Диких Сердцах тридцать лет отслужил. Неужели не узнаю какой-то паршивый арбалетишко, пусть он и спрятан под плащом?

— Дикие Сердца? В разведчиках? Тридцать лет?!

— Ну.

Ничего себе! Да дед просто ходячая легенда и герой! Вот только что он делает на посту смотрителя? Дикие за срок своей службы сколачивали неплохие состояния и могли спокойно доживать жизнь в собственном домишке, не зная хлопот и бед, а не горбатиться днями и ночами, вдыхая книжную пыль.

— А не врешь? — Как-то не верилось, что передо мной один из Диких, пускай из бывших.

Дед зло фыркнул и закатал рукав светло-зеленой, поеденной молью, засаленной рубахи, обнажая предплечье с татуировкой. Пурпурное сердечко, такие рисуют влюбленные на стенах, вот только это было с зубами. Дикое Сердце. А ниже название подразделения — «Шиповник». Да, дед не врал. Дурака, который бы наколот себе просто так татуировку Диких Сердец, а тем более подразделения разведки, не найти. Дикие враз бы оттяпали проходимцу руку вместе с татуировкой за такое дело, не посмотрев на возраст.

Я присвистнул:

— Ого! А вылазок сколько? — Гаррет-тень стал вежлив, насколько это было возможно. Старикан заслуживал немного уважения.

— Сорок три, — скромно пробубнил дед. — До Игл Стужи доходил с парнями.

Я чуть не споткнулся. Сорок три вылазки за Одинокого Великана! Это впечатляло.

— Тяжело пришлось?

— Да уж... — немного оттаял дед. — Мы пришли.

Узенький полутемный коридорчик остался где-то позади, и мы со стариком оказались в огромном и, казалось, бесконечном зале. Множество столов и стульев для посетителей пустовали, лишь за одним из них сидел молодой человек в одежде ученика Ордена. Он листал какую-то толстую пыльную книгу, посекундно сморкаясь в носовой платок. На нас ученик не обратил никакого внимания.

По периметру библиотеки вились узенькие балкончики, чтобы посетители могли подниматься к самому потолку за нужной книгой. Чтобы прочитать все, что скопилось в библиотеке за несколько веков, не хватило бы и целой жизни. Огромные стеллажи из черного заграбского дуба уходили высоко-высоко под куполообразный потолок и скрывались где-то во мраке, который не мог разогнать даже свет, струившийся из высоких стрельчатых окон. Сотни, тысячи книг стояли на стеллажах, храня на пожелтевших страницах знания тысяч поколений Сиалы. Только протяни руку — и вмиг попадешь в другой мир, окунешься в седую древность времен. Тут были книги, написанные подслеповатыми жрецами, сидевшими возле дрожащего от ветра пламени свечи, фолианты эльфов, создававших книги, когда светила полная луна, а черная вода Иселины, медленно текущая меж корней исполинских деревьев, отражала желтый лик небесного тела. Тут были книги гномов (они писались на глиняных табличках, затем на тонких металлических листах, а в конце концов был изобретен печатный станок, надежно хранимый где-то в Стальных шахтах),

книги людских волшебников, книги, которые писали лучшие умы Сиалы, книги, создаваемые бездарностями. Книги по истории, культуре, войне, о мире, магии, шаманстве, жизни, смерти, о богах, людях, эльфах, о сотнях животных и других существ, о тысячах звезд и Сагот знает о чем еще. Все знания мира были собраны в этой древней библиотеке, основой которой послужила библиотека Ранненга, построенная чуть ли не девятьсот лет назад.

— Ого! — восхищенно произнес я, задрав голову к потолку и пытаюсь рассмотреть в полумраке, где же заканчиваются эти стены знаний.

Раньше я в библиотеках не был. Разве что в частных. Где заимствовал пару редких книжечек для других, не менее страстных любителей литературы.

— Вот тебе и ого! — с гордостью произнес старик, как будто он сам написал все эти книги. — Так чего нужно-то, хулюган? — Дед опять стал странно говорить.

— В библиотеке хранятся старые планы города? — спросил я у ворчливого старикана.

— Ну, есть немного... — прошамкал он неуверенно.

— Мне нужны планы той территории, которая сейчас называется Закрытой, или Запретной. А также планы, да и вообще все, что у тебя есть по Храд Спайну.

Старикан присвистнул, вытянув губы в трубочку, пару раз щелкнул пальцами, задумчиво смотря куда-то мне за спину, затем перевел блеклые водянистые глаза на меня:

— Эвон куда тебя занесло, милой. Ты бы еще попросил карту, где накалякано о сокровищах карликов или гномов. Не будь у тебя колечка, прогнал бы взащей, да еще бы и стражу кликнул. А то интересуются тут всякие запрещенными Орденом документами. И шастают, и шастают. Тьфу! Идем, што ль? — Старик повернулся ко мне спиной и пошел мимо стеллажей куда-то в потаенные недра библиотеки.

— А кто шастает? — осторожно стал выпрашивать я у него.

— Ты, например. Архиолог или как там вас называют?! И кой вам всем дома с девками не сидится?

— А кто еще?

— Да приходили тут вчера, — зло буркнул дед, не оборачиваясь и заводя меня в какую-то маленькую комнатку с тяжелой кованой дверью.

Сюда мы попали через очень узкий и почти незаметный проход между двумя стеллажами. Казалось, что никакого прохода тут и нет, пока дед не шмыгнул в него.

— На тебя похожи. Такие же, как ты, серые и неразговорчивые. Под вечер пришли. И тоже колечко под нос сунули. Только немного другое, но не менее влиятельное, можешь поверить. Подавай, говорят, нам, старикан, планы города, Запретной части. Хорошо хоть, не настолько обезумели, как ты. Про Храд Спайн ничего не спросили. Пришли. Погодь, я дверку отопру.

Старик принялся крутить массивную связку ключей, которую он достал откуда-то из штанов, и, чертыхаясь, стал отпирать визжащие от старости замки. Я не обращал на старика никакого внимания, усиленно соображая: на кой ляд еще кому-то вдруг неожиданно понадобились карты Закрытой, или Запретной, части города? Король пригласил к делу еще кого-то кроме меня? Не доверяет? Или это были чьи-то люди? Кого-то другого? Например, Неназываемого? По коже пробежала веселая цепь холодных мурашек. Тьфу ты! Огр меня сожри! Еще накликаю.

— Эй! Уснул, што ль? Долго я на сквозняке буду мерзнуть?! Шевели ногами! — Окрик бывшего Дикого заставил меня отвлечься от тревожных мыслей.

— Тебя как звать-то, папаша? — миролюбиво спросил я, пригибаясь, чтобы не задеть низкий потолок серого коридора, уходящего куда-то вглубь земли, в темноту.

— Болтом, — буркнул дед, зажигая припасенный факел, свет которого осветил темный коридор. — Арбалетный Болт, вот мое имечко. Смотри, не переломай себе ноги, ступеньки крутые. Все запретные книги хранятся в подземном хранилище. Возьмем, что тебе надо, и пойдешь наверх читать, иначе я тут околею.

— А как же инструкции? — хитро спросил я у Болта. — Ведь запретные книги из хранилища выносить нельзя?

— Гм... ты понял, что я готов сделать с дурацкими инструкциями Ордена? Эти разжиревшие колдуны ничего не смыслят! Повоюй они с ограми, как я, враз бы бросили дурацкие правила. Никто не украдет эту рухлядь. Вычитаешь все, что нужно, а я их потом отнесу обратно. Осторожно, ступенька отбита.

Болт. Хм. Насколько я знал, в Диких Сердцах многим солдатам давали прозвища, которые заменяли им имена. Прозвище характеризовало человека, получившего его за какие-то заслуги, поступки, умение, случай или характер. Дикие гордились новыми именами. Лишь эльфы не имели прозвищ, эта раса слишком дорожила родовыми именами.

Арбалетный Болт. Видать, старик в былые времена классно стрелял из арбалета. А может, и нет. Может, ему ночью в штаны раскаленный арбалетный болт засунули его веселые дружки. Кто знает, как Болт получил

свое имя.

Мы спустились в небольшой темный зал, факел не мог охватить его неярым светом, старик протянул руку куда-то в темноту, что-то щелкнуло. Вспыхнул ослепительный солнечный свет, и я от неожиданности зажмурил глаза и для надежности прикрыл их рукой.

— Аа-а, испугался?! — довольно захихикал дед. — Да не бойся, не бойся. Открой зенки-то.

Я приоткрыл глаза, медленно привыкая к яркому свету. Небольшой зал с металлическими стеллажами был так же, как и тот, что остался наверху, под завязку набит книгами и свитками. А над потолком висел ослепительный круглый шар, похожий на маленькое ярко сияющее солнце.

— Это карлики придумали. Ты думаешь, они в своих пещерах в темноте бегают, лбами стенки считают? Не... Вот такие светильники колдуют. Магия! Наш Орден до такого и не додумался. Шарлатаны! А карлики вот поставили одну такую свечку здесь, да и во дворце короля штук десять в подвалах имеется. Правда, сколько они денег с короля содрали, мне неизвестно. Но, согласись, удобно.

Я кивнул.

— Ладно, стой здесь, да ничего не трогай и нос свой длинный никуда не суй. Я схожу за тем, что тебе нужно. — Дед грозно посмотрел на меня, проверяя, правильно ли я его понял.

Я принял самый безобидный, какой только мог, вид, но Болт презрительно фыркнул, давая понять, что у меня ничего не получилось и его не надуришь, а затем скрылся между стеллажей с книгами. Вся безобидность с меня мигом слетела, и я стал прогуливаться, читая названия книг. Почти все были на непонятном для меня языке орков. Лишь несколько книг о магии и истории королевской династии были на человеческом языке. Мой взгляд скользнул, а затем остановился на небольшом стеллаже. Свитки. Магические свитки. Огромными вычурными буквами на стене возле свитков было выведено: «Боевые заклятия! Рунная магия. Пользоваться свитками разрешено только архимагам Ордена после получения разрешения Совета!»

Непонятно, почему боевые заклятия рунной магии валялись так просто и открыто. Любой проходимец, например такой как я, мог позаимствовать эти плохо лежащие свернутые в трубки листки пергамента.

Халатность погубит этот мир. Я быстро оглянулся по сторонам, схватил из стопки пыльных свитков один, с черной ленточкой, кажущийся мне самым новым, и сунул его себе за пазуху. А затем отошел в сторону, ожидая старика. Уподобился мелкому воришке, но свиток, думаю, никому

не будет нужен еще долгое время, а мне в Храд Спайне может пригодиться.

В чем беда всех свитков, так это в их одноразовости. Прочитал формулу, сотворил заклинание, и можно выбрасывать бесполезный пергамент. Магия уничтожает слова, стирая их и со свитка, и из памяти прочитавшего. Зато не нужно быть магом, чтобы активировать заклинание, начертанное на свитке. Нужно всего лишь уметь читать.

Откуда-то из-за книжных стеллажей послышалось покашливание Болта, а затем появился и он, неся в руках две книги. Одна была здоровой, в коричневом переплете из воловьей кожи и с поистершимся золотым тиснением, вторая — маленькая и такая ветхая, что казалось — сейчас разлетится в пылевое облачко под пальцами старика.

— Меня там чуть огр не схватил, — буркнул старик, сунув мне в руки две книги. — Под стеллажом тварь пряталась. Ну, чего застыл как истукан? Шевели копытами, или ты тут жить решил остаться?

— Это все? — недоуменно спросил я у Болта, глядя на две книги. Я ожидал большего.

— Хватит с тебя. Большая — это планы Авендума, начертанные четыреста лет назад, а маленькая — про Храд Спайн. Написана не так давно, но состояние ужасное. А карт Храд Спайна тут нет. Их маги много веков назад забрали в свою башню. Остальные книги на оркском. Ты ведь по-ихнему не кумекаешь? Во! Так что не ной. Давай иди. Я тебя сюда привел, чтобы ты книги тащил, а не пялился, будто доралиссец на кобылу.

Старик погасил солнце карликов, вынул из скобы, куда он его воткнул, когда мы спускались вниз, факел и, кряхтя, стал подниматься по лестнице. Весь путь назад мы проделали в молчании. Затем старик все так же молча запер железную дверь, провел меня к столу, но не в читальном зале, а к стоящему в маленьком закутке, окруженном книгами, и, что-то бормоча себе под нос, ушел в сторону коридора, из которого совсем недавно привел меня в библиотеку. Я был один-одинешенек в этом пустом, затерянном среди книг зальчике. Жители Авендума не очень-то любят ходить в королевство знаний, а уж в это место совсем редко кто забирается.

Я начал свои изыскания с самого простого и легкого. Отложив в сторону маленькую книжку, подвинул к себе увесистый том карт города. Их переплели и превратили в книгу. Страницы из тонкого пергамента тихо шелестели под пальцами, когда я переворачивал их, ища интересующее меня место в Авендуме. Чертежи в книге поражали своей четкостью и подробностью. Сразу было видно, что работали старательные карлики. Только их большие, но аккуратные руки могли нанести линии с такой чистотой и любовью. Вместе со страницами перед моими глазами

пролетали улицы Авендума, его история. То, что мне было нужно, я нашел на сороковых страницах. Запретная территория. Конечно, тогда маги Ордена еще не успели пообщаться с Рогом Радуги, превратив пяток улиц в проклятое место, отгороженное от всего города волшебной стеной. Три параллельные улицы, которые отходили от Портового города и направлялись к городу Ремесленников. Улицы Сонной Кошки, Людская и Кладбищенская. Последняя выходила одним своим концом на старое кладбище, где тогда хоронили умерших.

Это теперь всех хоронят за городской чертой, на берегу Холодного моря, а раньше, когда Авендум был маленьким, кладбище располагалось в черте города. Под прямым углом к улице Сонной Кошки подходила улица Магов, которая плавно переходила в площадь, где стояла старая башня Ордена. Дальше площадь переходила в улицу Кровельщиков. Я окинул нарисованную территорию взглядом, стараясь запомнить все эти улицы, дома и переулки. Назовите меня дураком, но я никогда не копировал планы на пергамент. Для чего тогда нужна голова? Я запоминал, понимая, что проникнуть на Закрытую территорию будет довольно легко, но вот что ждет меня там? Хотя ничего страшного быть не должно, иначе оно давно бы прорвалось сквозь волшебную стену магов Ордена. Так, обычные мертвяки, с которыми всегда можно разойтись по-хорошему, сделав ноги.

Как я и предполагал, эти улицы занимали большой кусок нынешнего города, и они были намного больше, чем я рассчитывал. Несколько нынешних улочек спокойно могли поместиться в самую маленькую улицу Закрытой территории — Людскую. Дело мне предстоит сложное, но в старую башню Ордена проникнуть придется, если я хочу найти могилу Грока. Не понимаю, как две предыдущие экспедиции отправлялись в Храм Спайн, не зная, где искать Рог? На что они рассчитывали?

Где-то к полудню я все же смог впихнуть в свою голову все эти дома-переулки Запретной части. Я в изнеможении откинулся на стул и, захлопнув толстый том, отодвинул его в сторону. Желудок бесстыдно дал понять, что он немного проголодался. Я спросил у проходящего мимо Болта, не мог бы он принести или купить чего-нибудь съестного. Но получил от него лишь свирепый взгляд и нотацию о том, что набивать брюхо нужно в трактире, а не в хранилище знаний. Решив пойти другим путем, я достал серебряную монету и крутанул ее на столе. Монетка еще не успела остановиться, а Болт уже схватил ее, как сорока хватает блестящую безделушку, и унесся куда-то меж книг и свитков. В конце концов он пришел с огромным количеством снеди и четыремья бутылками красного кислого вина. Моей монеты он не пожалел и купил выпивки на целую роту.

Тут же, за столом, мы и пообедали, отодвинув книги в сторону. За полдня ни один человек так и не посетил здание библиотеки, и я, догрызая ногу неаппетитно жесткого цыпленка, понял, как должно быть одиноко и тоскливо здесь старику. Болт между тем налегал в основном на вино. Перекусив, я отправил старика подальше, чтобы мне никто не мешал, и он, прихватив бутылки с вином и снедь, удалился.

Я подвинул к себе маленькую книгу, на которой черными буквами было написано: «Храд Спайн. Ночная тайна, окутанная смертью. История и предположения. Научная работа мага Далистуса Снежного, Ордена Авендума».

Ну что же. Будет интересно почитать. Хотя не думаю, что узнаю что-то новое. Вычурные буквы и гравюры, карты, рисунки непонятных существ. Страшная сказка захватила меня и погрузила в старую эпоху тайн.

Храд Спайн — это огрское название. Если перевести на людской язык, то получится Костяные дворцы. Но темные эльфы говорят, что людской язык не в состоянии передать тот вселенский ужас, который огры заключили в эти два слова. Никто не знает, кто и в какую из эпох создал Храд Спайн. Чья мысль и сила вгрызлась глубоко в кости земли, создавая глубокие каверны и пещеры, позже превращенные в архитектурные чудеса северного мира, а еще позже — в мир Тьмы и Ужаса. Первыми Храд Спайн обнаружили огры, когда они еще не ушли в Безлюдные земли. Тогда еще и орков-то не было, не говоря уж о людях. Огры исследовали Храд Спайн долго, очень долго. Именно в Храд Спайне они разгадали тайны Кронк-а-Мора. О появлении огров ничего не известно, но появились на Сиале они намного позже, чем неизвестные строители заложили основы Храда Спайна. Говорят, что сила и мощь магии огров пошла из Костяных дворцов, где они обнаружили древние записи неизвестной расы, жившей на Сиале задолго до прихода огров.

Глубоко-глубоко под землей еще не отупевшие огры обнаружили гигантские залы и пещеры. Они стали использовать Храд Спайн как свое кладбище, оставляя тут мертвецов и накладывая на могильники страшные заклятия. Затем, когда огры ушли на север, в Храд Спайне нашли свой последний приют кости орков и эльфов. Воюя между собой, они все же создавали под землей великолепные дворцы, которые потрясали красотой современников. Тысячи тысяч были погребены в Храд Спайне.

Изящные потолки, колонны, фрески, залы, статуи и коридоры — вот чем был Храд Спайн в те времена. Орки и эльфы работали в Храд Спайне сообща. Это было единственное место, в котором действовало перемирие между враждующими родственниками. Ни те, ни другие не лезли на

нижние уровни огров. Обе расы понимали, что от магии огров ничего хорошего ждать не стоит. И эльфам и оркам вполне хватало верхних уровней Дворцов. И в течение восьмисот лет обе расы строили и расширяли Костяные дворцы. Храд Спайн был целой страной, гигантской и поражающей воображение своими размерами. Это был подземный мир красоты, тайны и забвения. Огромный, живший своей, мертвой жизнью. Расы орков и эльфов, как трудолюбивые муравьи, строили и строили новые залы, гробницы и коридоры глубоко-глубоко под землей. В трудолюбии они переплюнули даже гномов и карликов, которые иногда приходили в Храд Спайн и поражались красоте и величию этого места. Но в конце концов кровожадность орков и ненависть эльфов сделали свое дело, и кровь пролилась в этом священном для обеих рас месте. Каждая раса стала строить ловушки для врага на своей территории, обычные и магические. Подземные залы трещали от темного шаманства и утопали в крови. В итоге и орки и эльфы перестали чувствовать себя в безопасности в Храд Спайне. И Костяные дворцы были заброшены, а впоследствии тайны расположения ловушек и лабиринтов нижних уровней были утеряны со смертью старых строителей. Храд Спайн стал похож на гигантский слоеный пирог, раскинувшийся под землей на десятки лиг в глубину и ширину. Уровни огров, уровни орков и эльфов. Залы, коридоры и пещеры. Гробницы, сокровищницы и магические комнаты. Все, что было в Храд Спайне, оказалось закручено в гигантский тугой и нераспутываемый клубок. К тому времени как орки и эльфы покинули эти залы, в Храд Спайн пришли уже появившиеся в мире Сиалы люди. Они тоже не решались спускаться на нижние уровни Храд Спайна. Удивительно, но на это нашей расе ума хватило. Людям достались три верхних яруса для захоронения своих воинов. Храд Спайн стал самой великой и легендарной гробницей Северных земель. Удостоиться чести быть похороненным в Храд Спайне могли только воины, храбро сражавшиеся на поле битвы, а также аристократия и видные государственные деятели. Там и похоронили Грока, а затем, сразу как началась заваруха с Закрытой территорией, и этот богами проклятый Рог. Правда, намного глубже, чем всех остальных. Восьмой ярус принадлежал уже эльфам и оркам. А около двухсот лет назад случилось то, что случилось. Никто не знал, что это было и из-за чего произошло. В Храд Спайне проснулось Зло. Зло костей огров, защищенное темным шаманством, которое все эти века дремало на нижних уровнях подземной страны. Зло проснулось, разбудило мертвых и еще кого-то. Зло поднялось до самого верхнего яруса, но не вышло за пределы Храд Спайна, навечно поселившись в древних дворцах, и больше никто не спускался в эти места.

Кроме разве что магов, носивших Рог к могиле Грока.

Вскоре леса Заграбы поглотили входы в эту подземную страну, навсегда спрятав ночной ужас под своими зелеными кронами. За века страшные сказки о Храд Спайне обросли еще большим ужасом и тьмой. Лишь однажды, около сорока лет назад, туда спустились темные эльфы, чтобы навечно оставить там главу дома Черной розы, но смогли донести тело павшего в бою с орками эльфа лишь до четвертого яруса. Они оставили его там и, отбиваясь от существ ночи, ушли наверх, теряя бойцов. В итоге лишь жалкая часть эльфов смогла выбраться на солнечный свет. И вот теперь в это темное место должен был отправиться я, ни на что не надеясь, не имея четких карт ярусов и залов, расположения ловушек, да и самой могилы Грока, которую не в меру усердные маги Ордена устроили не на людских уровнях, а на восьмом, эльфийском. Надеюсь, что в старой башне Ордена, по уверению Арцивуса, я все же найду хотя бы карты Храд Спайна и план, где указано местонахождение Рога.

Где-то на середине изучения не старой, но ветхой книги ко мне за стол подсел уже успевший под завязку набраться вина Болт и стал рассказывать о жизни и службе у Одинокого Великана. О битвах с орками и свенами, в которых он стрелял из верного арбалета. Я не очень-то обращал внимание на его пьяные рассказы, просто иногда машинально кивал головой, продолжая изучать историю Храд Спайна. Лишь уже к самому вечеру старику, видно, самому надоели его сказки, и он, наконец-то выговорившись, попросил посмотреть мой арбалет. Я оторвался от книги и поднял на него удивленный взгляд.

— Ну что смотришь так? Боишься, что я пьян и сам себя пораню? Да я арбалетом пользовался, когда ты, сопляк, еще не родился! Дай, ничего не будет!

Я, поколебавшись, молча достал из-под плаща миниатюрное оружие и протянул его Болту, проверив, установлен ли предохранитель, мешавший сорваться болту при случайном нажатии спускового крючка. Старик выхватил арбалет у меня из рук, возбужденно цокая языком, взвешивая в руках и прицеливаясь куда-то мне за спину. Предохранитель старикан нашел очень быстро и тут же его снял. Я стал жалеть, что не разрядил оружие. Затем старик, видимо наигравшись, положил арбалет рядом с собой, налил новый стакан вина, чокнулся им об оружие и, найдя себе нового и, наверное, более благодарного собеседника, продолжил историю жизни у Одинокого Великана. Я вновь погрузился в книгу и очнулся уже поздним вечером, когда Болт пронзительно заорал у меня над ухом:

— Огр!

Вой Болта был таким неожиданным и громким, что я вместе со стулом упал назад и больно ударился затылком о деревянный пол. Сквозь вспышку боли я увидел, как в стол вонзилась тяжелая стрела, пробив книгу о Храд Спайне. Стрела все еще дрожала, а Болт уже схватил арбалет и, не целясь, выстрелил куда-то вверх. Послышался чей-то крик боли, ярости и удивления. Я оглянулся на этот крик, ожидая увидеть там настоящего и ни разу не виданного мною огра. Оказалось, что это не огр, а всего лишь мой старый знакомец Бледный, он стоял, схватившись левой рукой за правое плечо, из которого торчал арбалетный болт. Его короткий лук степняков Унгавы валялся на балкончике, где Бледный и притаился, собираясь пустить стрелу мне в спину. На миг мы встретились с ним взглядом, а затем начали действовать. Я вскочил и, не обращая внимания на боль в голове, выхватил арбалет из рук пьяного старика и понесся к лесенке на балкон, на ходу перезаряжая оружие и думая, что Болт не зря получил свое имя. Будучи вдрызг пьяным, почти не целясь, попасть с такого расстояния, пусть даже в плечо. Это мастер.

Бледный между тем бросился от меня по балкону в один из полутемных коридоров второго этажа. Я неслся за ним, стараясь забыть о боли в затылке и натянуть дрожащими руками тетиву арбалета. По счастью, карлики снабдили мое оружие дополнительными пружинами и рычагами, и мне оставалось потянуть на себя коротенькую ручку, чтобы тугая тетива встала на свое место. Так же на ходу я вставил новый стальной болт и выстрелил в маячившую вдалеке спину Бледного. Видно, все же я слишком сильно ударился головой, в глазах все еще бегали радужные круги, и болт не попал в убегающего, а застрял в одной из книг на стеллаже, мимо которого пробежал Бледный. Он услышал щелчок тетивы и удар болта, резко повернулся ко мне и взмахнул здоровой рукой. Я совсем неизящно грохнулся на пол, и метательный нож, прошелестев у меня над головой, звякнул об один из стеллажей и упал на пол. Когда я вскочил на ноги, Бледного уже не было. Окно второго этажа было распахнуто настежь. Я еще раз перезарядил арбалет, подошел к окну и аккуратно высунулся наружу, готовый в любой момент отпрянуть, если Бледный не сбежал, а всего лишь затаился под окном. Но ночная улица была пустой, горело всего лишь несколько фонарей, и я поспешно захлопнул окно, чтобы больше ничто не сунулось из темноты, искренне желая, чтобы Бледного этой ночью сожрала какая-нибудь особо голодная тварь.

— Убег огр? — всплеснул руками Болт, когда я спустился вниз.

Он вырвал стрелу из книги и поливал отборной бранью все племя огров, причинившее вред старой рукописи.

— Далеко не убежит. Ты его хорошо прижал, — успокоил я старика.

Видно, Маркун все же не стал ждать прихода Гаррета в гильдию и решил отправить его к Саготу, чтобы другим бунтарям было не повадно. Надо с этим что-то делать.

— Да, я его хорошо, — важно кивнул головой дед, икая и немного шатаясь под порывом не видимого мне ветра.

— Спасибо, Болт, ты мне очень помог. Время позднее, пойду-ка я домой.

Я узнал все, что мне требовалось, и, боюсь, придется совершить экскурсию в Запретную часть города, а для этого нужно нормально выспаться.

— Ты заходи, дружище, — неожиданно прослезился старикан и достал откуда-то из-под своей одежды здоровый ножичек. — Мы с тобой этих огров порубаем!

Вполне вероятно, таким кривым лезвием можно было рубать не только огров, но и самого не к ночи упомянутого Неназываемого.

Я впихнул в ладонь старику золотой, надеясь, что ни один прохиндей города не узнает о моей позорной щедрости, и вышел в ночь.

Глава 5

Ночные сюрпризы

Вы знаете, что может быть хуже разъяренного доралиссца? Хуже разъяренного доралиссца могут быть только несколько разъяренных доралиссцев. Десяток этих полулюдей-полукозлов с яростными воплями преследовали меня по ночному Авендуму, вопя во всю мощь своих не самых маленьких легких. Узкие улицы Портового города не давали тварям подобраться ко мне всем скопом, и им приходилось гнаться за мной гуськом, стуча копытами по каменной мостовой и раздраженно блея, когда им на пути попадались какие-то ящики или бочки, из-за которых доралиссцы теряли скорость.

Ничто не предвещало в эту ночь моего бега по ночным улицам города. Я только вернулся из Королевской библиотеки и только открыл дверь своей новой и, осмелюсь сказать, тайной берлоги, как из темноты, с шипастыми дубинками наперевес, дурно блея, на меня бросились доралиссцы. Меня спасла только врожденная реакция и тупость нападающих: козлолюди отталкивали друг друга в надежде добраться первыми до моей несчастной головы. В итоге в дверях образовалась пробка. А я был таков.

Вот уже минут двадцать, несчастный, невыспавшийся, я не прекращал бега, все еще надеясь оторваться от преследователей. Твари орали и блеяли где-то у меня за спиной, ни в какую не желая отставать от невезучего Гаррета.

Никто не выскакивал на меня из темных подворотен города, требуя кошелек. Все пьянчуги и полуночные гулены, не успевшие спрятаться по домам до наступления ночи, заметив погоню, как по волшебству исчезали с дороги. Даже существа ночи слышали яростные вопли моих преследователей и не решались выходить на свет, чтобы не попасть козлам под горячую руку. Уже кончился Портовый город, и я ворвался в паутину улиц города Ремесленников, огибая кварталы Магов стороной. Волшебники — народ капризный и вздорный. Они первым делом шандарахнут по вопящей и разбудившей их толпе заклятием, а затем станут разбираться, кто виноват и что делать с вон той нечаянно пострадавшей от волшебства стеной дома и надо ли счищать с нее пепел, оставшийся от вопящей и бегущей компании.

Я начал уставать и, чтобы бежать было легче, резко дернул шнуровку плаща у себя на плечах. Черная ткань соскользнула и упала на мостовую.

Бежать стало легче, но не намного. Очень хотелось отбросить арбалет и нож, но их немалая цена останавливала меня от этого спасительного, но глупого с финансовой точки зрения поступка.

Остановившись, я, конечно, успел бы уложить из арбалета парочку козликов, но остальные меня бы все же догнали и устроили взбучку. Смертельную. Поэтому оставалось только бежать, так как при мне не было даже моей сумки с магическими атрибутами.

За спиной раздалось радостное и удивленное блеяние, твари, видно, обнаружили мой плащ и остановились, решая, куда я мог деться. На мое счастье, доралиссы плохо умеют бегать, несмотря на то что у них копыта, плюс они еще непроходимо тупы. Но лучше в козью морду им этого не говорить, так как они твари мстительные, и вполне можно получить рогами под ребра. Пару раз доралиссы из степей Унгавы пытались диктовать козлиные законы в Валиостре, но Сталкон Шестой, прадед нашего славного короля Сталкона Девятого, дал по рогам зарвавшимся козликам и погнал их чуть ли не до самых степей Унгавы, вынудив подписать мирный договор. С тех пор Валиостру и доралиссцам как-то удавалось уживаться вместе, хотя община козлов в городе насчитывала чуть больше двухсот тварей. Единственное, за что терпели этих рогатых и склочных существ, так это за лошадей. Лошади доралисской породы были самыми быстрыми и выносливыми скакунами в этом мире. В Султанате и в эльфийских домах за них платили огромные деньги. Я резко остановился на какой-то улочке, кажется на улице Мясников, и перевел дух. По-моему, эти твари что-то кричали, когда я входил в свою берлогу. Что-то вроде: «Отдай нашего коня!» Совсем доралиссы отупели. Я мастер-вор, а не конокрад. Либо произошла досадная ошибка, либо меня кто-то подставил. Вот только кто это может быть из сотни злопыхателей? Очередные происки Маркуна? Х'сан'кор меня задуши! Что за неделя? Полная невезуха. Уйти бы на дно на месяцок-другой.

С соседней улицы вновь раздалось блеяние и приближающийся топот копыт. Доралиссы, видно, наконец осознали, что в брошенном плаще я спрятаться не мог, и продолжили погоню. Попробовать укрыться в тени? Я давно бы уже это сделал, если бы не отличный нюх козлов, о котором все твердили. Я не очень-то верил в эти слухи, но рисковать и проверять, так ли это, не хотелось. Дальше так продолжаться не могло. Я вскоре выдохнусь, и твари схватят меня живехонького, но обессиленного. Или эти отчаянные вопли козлов привлекут к моей персоне ненужное внимание. Например, ночных тварей. Придется пойти на крайние меры. Я сунул руку за пазуху и выудил оттуда только недавно позаимствованный из библиотеки свиток с

боевым заклятием. Эх! А ведь хотел дотянуть до Костяных дворцов и использовать лишнее заклятие там.

Я, торопясь, сорвал черную ленточку и развернул свиток. Уж не знаю, как действовало это заклинание, но стоило поторопиться. Вопли доралиссцев приближались. Щурясь, чтобы разглядеть в свете луны вычурные мелкие буковки заклинания, я начал читать:

— Лаосто с'ха ф'надра коли сэт! И'хна аж жааах'ыда!

Мой язык отчаянно ворочался во рту, пытаюсь произнести непроезносимое. После магических фраз я театральным жестом направил руку в сторону приближающихся доралиссцев.

Ничего не случилось.

То есть совсем ничего. Я как дурак стоял посередине ночной полутемной улицы, вытянув руку и открыв рот от удивления. Рунная магия свитка не сработала! Может, я не так прочитал заклинание?

Хорошо, еще раз! Я взглянул на свиток, выругался и отбросил его в сторону. Чернила исчезли, растворив вместе с собой и буквы заклинания, видно, я все же правильно произнес проклятые слова, но тогда какого рожна они не действуют? Я решил, что, раздумывая на одном месте, представляю собой прекрасный объект для ударов доралиссскими дубинками и лучше все же додумать эту неприятную ситуацию на ходу. Через несколько минут, когда едкий пот тек в глаза, а легкие гудели, как кузнечные мехи гномов, стало ясно, что абсолютно ничего не придумывается. Козлики, может, не так быстро бегают, как люди, но вот упорства им не занимать. Доралиссцы как имперские собаки — если вцепятся, то крепко.

Все! Бежать уже не было сил, еще минута — и я упаду прямо на мостовую. Будь что будет!

Я приник к стене здания, отбрасывающего густую черную тень. В нос ударил резкий запах свежеевыпотрошенной рыбы. Запах, надо сказать, ужасный. Ну и хорошо, значит, твари смогут учуять не Гаррета, а рыбу. Арбалет был заряжен, и я замер, стараясь дышать ртом, чтобы не шлепнуться в обморок от потрясающего аромата.

Они появились спустя несколько мгновений, пыхтя и кряхтя, семена гуськом и поглядывая по сторонам, сжимая в своих руках коротенькие шипастые дубинки. Козлиные головы с бородами и небольшими, но острыми рогами, сидящие на крупных мускулистых человеческих торсах. Если бы не головы и копыта на ногах, они вполне сошли бы за портовых грузчиков.

— Эк, — ляпнул что-то первый из дюжины охотников за головой

Гаррета на своем козлином языке.

— Бэк, — возразил ему доралиссец со сломанным рогом и втянул носом воздух.

В рыло твари ударил рыбный дух, и она чихнула. Я немного расслабился. Твари были рядом, только руку протяни, но все же рыбный запах отбивал все остальные, в том числе и мой.

— Кудэ-э-э он мог дэ-э-эться? — заблеял первый на корявом человеческом и в подтверждение своих не самых лучших чувств к некоему Гаррету постучал дубинкой по стене соседнего здания.

Посыпалась каменная крошка.

— Впэ-э-эрэ-э-эд побэ-э-эжал, — вякнул кто-то из толпы добровольных палачей. — К Внутрэ-э-энэ-э-эму городу людэ-э-эй.

— Он забрал коня! Нашэ-э-эго коня!

— Да! Да! Нашэ-э-эго! Надо э-э-эго догнать! — завопил хор.

— Догоним! Впэ-э-эрэ-э-эд! — Первый махнул рукой с зажатой в ней дубиной, и твари неуклюжими козлиными прыжками устремились мимо меня по тихой улочке и исчезли в таком еще зыбком и только что начинающем появляться тумане.

Я вслушивался в удаляющийся и стихающий в тумане топот копыт, искренне желая своим новым друзьям во время пробежки по ночному городу нарваться на какие-нибудь неприятности, надеясь, что Орден во главе с Арцивусом пока не додумались, как изгнать ночных существ из города. Как бы в ответ на мою маленькую мысленную месть откуда-то из тумана и тьмы раздалось испуганное блеяние, а затем рев десятка луженых и пропитых глоток городской стражи. Видно, ребята тоже перетрусили, когда на них из подворотни выскочил кто-то лохматый и блеющий дурным голосом. А теперь стража пришла в себя и решила отплатить за свой мимолетный страх, попытавшись поймать шляющихся ночью доралиссцев и засадить их в кутузку или хотя бы содрать штраф. Я снова вжался в стенку, понимая, что страдать от рыбного запаха мне придется по крайней мере еще несколько долгих и утомительных минут. Все стадо снова протопало мимо меня. Надо заметить, что сейчас они бежали намного быстрее, чем когда гнались за мной. Могут ведь, когда захотят, сожри мою печень демоны! Козлолюди отталкивали друг друга, пихались локтями и противно блеяли, надеясь побыстрее унести копыта от стражи.

Стражники, наверное, больше всех в городе не любили доралиссцев. Эти существа вечно устраивали драки и разгромы по малейшему поводу, а то и без оного. А нагоняй за недосмотр за порядком устраивали барону Лантэну, а он в свою очередь давал перца своим подчиненным.

Доралиссцы исчезли во мгле, и на сцену выбежало десятка три обнаглевших от собственной храбрости оранжево-черных служителей гибкого и продажного закона Валиостра. Они вопили, свистели и улюлюкали, стараясь взять реванш. Стража протопала мимо и тоже исчезла. Ребят-доралиссцев ждет сегодня неплохая пробежка из конца Авендума в центр и снова в конец. А если их еще и поймает стража, то приличного штрафа золотом им не миновать. Я подождал еще немного, на всякий случай, чтобы уж наверняка не столкнуться ни с первой, ни со второй группировкой любителей ночных забегов.

Ничего, тихо. Лишь летучие мыши, появившиеся в городе откуда-то с юга, порхали в звездном небе, иногда ныряли в облако желтого тумана, рассекали его перепончатыми крылышками, хватали ночного мотылька и вновь взмывали в небо.

Интересно, какого такого ляда доралиссцам от меня понадобилось? И с чего это они решили, что я украл у них коня? Зачем Гаррету лошадь — об этом они могли подумать своими козлиными мозгами? Мда. Совсем забыл. В этих головах просто не могло быть мозгов. Как говаривает брат Фор: «У доралиссцев в башке всего лишь три извилины. Первая отвечает за сон, вторая — за жратву, третья — за спаривание». Удивительно, как эта фраза действует на доралиссцев! Один знакомый Фора сдуру произнес ее на Рыночной площади и был почти до смерти избит разъяренными козлами.

Я вслушался в молчание ночи. Тихо. Можно идти, нужно зайти домой, взять важные и ценные вещи и вновь поменять берлогу. Я никогда долго не задерживаюсь на одном месте, для меня это непозволительная роскошь и риск смертельно пошатнуть свое слабое здоровье. Забраться куда-нибудь вглубь паутины Портового города, на самое дно, куда не решится прийти ни барон Лантэн, ни чертовы доралиссцы, ни милорд Алистан Маркауз-Крыса. Хотя этот спустится за мной в самую тьму и вытащит за шкуру на ковер своего любимого короля.

Только я хотел сделать шаг из тени, как кто-то очень крепко схватил меня за грудки и с удивительной легкостью поднял на высоту около трех метров над землей.

Я опешил. Я испугался. Я открыл рот, чтобы заорать. Я поднял арбалет, который оставался все это время в моей руке, собираясь выстрелить. Я посмотрел на напавшего.

Вопль застыл у меня где-то в области живота. Арбалет аккуратно и тихо опустился. Я очень надеялся, что моя агрессия не была заметна этому существу.

Итак... Я висел на высоте трех метров, тихонько дрыгая ногами в

безнадежной попытке нащупать для них опору, а за грудки меня крепко держал... Ну, наверное, это все же был демон.

Огромный торс вырастал прямо из серой стены здания, к которой я совсем недавно прижимался, скрываясь от доралисцев. Тело монстра плавно входило в стену и исчезало где-то там. Две огромные и такие же серые, как стена, руки крепко держали меня за грудки. Голова... тут я, пожалуй, опущу описание своего нового ночного знакомого. Он выглядел как демон. То есть стандартный набор зубищ, способных перепилить рыцаря вместе с закованной в латы лошадью, смрадное дыхание — от него, видно, сдохли все крысы на лигу отсюда, хищный разрез янтарных глаз со змеиными зрачками. Так что морда демона вполне могла заставить даже его маму, если она, конечно, у него имелась, наложить на себя руки в ужасе от содеянного. Тварь, прищуриваясь и сузив желтые глазки, оценивала Гаррета, собиравшегося просто пойти домой и никому не желающего зла. Как-то нехорошо она оценивала. Так скряга-карлик разглядывает мясную вырезку в лавке. То ли он выбрал для своего ужина?

— П-привет, — как можно более вежливо и спокойно произнес я, хотя стук моего сердца слышали все не уснувшие жители города. — Я Гаррет. А ты?

Тварь еще больше сузила глаза, тряхнула меня, как кошка трясет мышку, но все же произнесла:

— Вухджааз — умный демон.

Бр-р. Ну и дыхание! Запах рыбы был намного лучше и приятнее! Он что-то не то съел или просто позабыл веков десять назад, что зубы хоть иногда нужно чистить?

— Правда? — вежливо изумился я, и демон бросил на меня еще один нехороший взгляд. — А! Да! Конечно, конечно! Самый умный из всех демонов.

Эх! Где бы на тебя найти мага Ордена с дипломом по демонологии? Я, видно, все же сумел разговорить монстра, и он на некоторое время забыл о своих гастрономических предпочтениях.

— Да. Вухджааз умный. Он ждал. Смотрел. Умный. — Тварь утвердительно кивнула рогатой головой. — Когда кто-то произнес заклинание Возврата, Вухджааз успел спрятаться.

— Ух ты, — восхищенно произнес я и заработал одобрительный взгляд твари.

Трях! В этот раз демон тряхнул не так сильно. Мои зубы даже не клацнули.

— Все демоны вновь вернулись во Тьму, а я остался. — Очередной

трях.

— Почему? — не понял я.

— Тут много еды. — Его глаза вновь сузились и, сверкнув, уставились на меня.

Х'сан'кор! Неверный вопрос!!!

— Я интересовался немного другим: почему все остальные демоны вернулись во Тьму? — поспешил я отвлечь голодное создание от своей персоны.

— А, — произнесла тварь после минутного оценивания слова «интересовался». Понятное дело, словарный запас пополнить никогда не вредно. — Какой-то смертный прочитал заклятие, и свободе демонов в этом людском муравейнике пришел конец. Поймаю его, высосу мозг из костей. Ты, случайно, здесь никого не видел?

Гаррет отчаянно покрутил головой, кажется, понимая, про какого смертного едет речь. Ай да свиток!

— А кто выпустил Вухджааза из Тьмы? — Я отчаянно искал выход из неприятной ситуации.

— Хозяин. — Еще раз трях!

— Неназываемый?

Демон только фыркнул и вновь ожег меня голодным взглядом. Тварь обладала величайшим талантом нервировать Гаррета. Ну что он во мне нашел?

— Вухджааз голоден.

— Да? — пискнул я, положив палец на спусковой крючок арбалета.

Конечно, стрелять обыкновенным болтом в демона — все равно что колоть огра булавкой. Только еще сильнее злить. Но что мне оставалось делать?

— Да. А еще Вухджаазу нужна помощь.

Вот он шанс!

— Может, Гаррет сможет тебе помочь?

— Сможет. — Вухджааз втянул носом мой запах, и из уголка его рта потекла липкая нитка слюны.

— Нет, в том деле! — отчаянно зачастил я.

— А? — Демон немного расстроился, но отодвинул свою зубастую морду от меня. — Вухджааз хочет остаться в этом мире. Во Тьме так не кормят. Гаррет поможет Вухджаазу.

— Конечно, что я должен делать? — с полной готовностью сравнять Горы карликов с землей произнес я.

— Помоги Вухджаазу.

Мда. Тварь тупа, как все доралиссцы Унгавы.

— Ты не мог бы меня опустить на землю? Я так лучше пойму твою проблему.

Демон подозрительно посмотрел на меня, но все же сделал, что я просил, и полностью вылез из стены.

— Смотри. Попытаешься убежать, поймаю и высосу мозг из твоих костей, — предупредило меня существо, опираясь на толстый серый хвост.

Я поспешил заверить, что предан Вухджаазу всей душой.

— Меня скоро затянет во Тьму. Как бы я ни прятался.

«Поскорей бы!» — подумал я, но состроил вежливую физиономию внимательного слушателя.

— Если я найду вещь, то останусь здесь надолго. Я чувствую его. Он в городе. Вухджааз умный, — в который раз напомнил мне демон.

— Что за вещь?

— Конь.

Ну естественно. В коне мяса больше, чем в человеке. А этот демон такой большой. И такой голодный.

— Хорошо. — Задача была не настолько уж сложной. — Завтра я добуду тебе коня. Какой породы ты предпочитаешь?

— Ты глуп, — прошипел демон и толкнул меня когтистым пальцем. От его тычка мне пришлось отступить на несколько шагов. — Не живого коня, а Коня.

— А-а-а. Так этого коня, так бы сразу и объяснил! — Я решил, что глупость — это прямой путь в желудок Вухджааза и что умным, но ничего не понимающим быть намного безопаснее.

— Четыре дня срока даю. Вухджааз умный. Добудь мне Коня. — Демон посмотрел на меня, ожидая ответа.

— Конечно, конечно. Все сделаю. — Сути разговора я так и не понял, но отвязаться от твари, спокойно появляющейся и исчезающей в стенах, очень хотелось.

— Я буду следить. — Демон пронзил меня золотыми глазами. — Исполни мой приказ, иначе я высосу мозг из твоих костей. Вухджааз умный. Его не обманешь.

Демон шагнул в серую стену и растворился. Я немного еще постоял, успокаивая торопливо стучащее сердце, готовое вырваться из груди.

Это что же получается? Сначала за мной несутся ополоумевшие доралиссцы и тоже требуют вернуть коня, затем я читаю заклинание, бог знает сколько веков пролежавшее в хранилище библиотеки, и делаю то, что не удавалось всему Ордену. Загоняю всех демонов обратно во Тьму. Ну или

почти всех. Затем абсолютно оголодавший и самый тупой демон, какой только есть в этом мире, хватает меня, как какого-то котенка, и тоже требует коня. Интересно, Вухджаазу и доралиссцам нужны разные кони или одинаковые? Может, их познакомить друг с другом, пусть сами договариваются о лошадях? Мода с сегодняшнего дня, что ли, такая — коней разводить?

До дома я шел абсолютно не скрываясь, в полной уверенности, что ни одна ночная тварь, кроме самого умного Вухджааза, до меня не доберется. Я не стал менять берлогу, махнув на все неприятности рукой до утра, и, упав на кровать, погрузился в глубокий младенческий сон. До похода в Храд Спайн оставалось шесть дней.

Глава 6

Дневные сюрпризы

— Бух! Бух! Бух!

Бесцеремонный долбеж в дверь заставил меня вскочить со старой разошедшейся деревянной кровати и зашарить в поисках оружия. Вчера я так устал, что лег спать не раздеваясь, и арбалет, так и оставшийся пристегнутым, впивался мне ночью в спину. Отстегнул его, морщась, потер зудящую поясницу и снял миниатюрное оружие с предохранителя. Я не стал подходить к двери, а замер рядом с ней, плотно прижавшись к стене с облупившейся штукатуркой. Стук повторился, он был еще сильнее и решительнее.

— Гаррет? Ты тут? Открывай! Именем Ордена! — раздался молодой голос.

Что Ордену понадобилось от меня в такую рань? Я бросил взгляд в окно с грязным стеклом. Солнце стояло довольно высоко. Неужели уже полдень? Силен же я спать! Хотя посмотрел бы я на того, кто падает со стула, спасаясь от стрел наемных убийц, затем делает легкую пробежку через половину города, спасаясь от разъяренных доралиссцев, и на закуску беседует с голодным демоном.

Я невольно поморщился. Проклятый демон! Днем я могу чувствовать себя в относительной безопасности, но вот ночью будет худо. А вдруг он обо мне забыл ненароком, оказался не таким уж и сообразительным, как молва приписывает это демонам.

— Гаррет! Открой дверь, или я ее вышибу!

Как же, попробуй, хотя, если это действительно маг Ордена, ему даже пробовать не нужно. Один плевок — и половина дома будет разнесена в мелкую пыль. Я начал серьезно подумывать о прогулке через окно. Как меня здесь нашли? Да, наверное, так же, как и доралиссцы. По чьей-то наводке. Надо будет потом обязательно посмотреть, нет ли у меня над дверью вывески: «Гаррет-тень. Мастер-вор. Часы приема с десяти ноль-ноль без перерыва на обед».

— Гаррет, его магичество Арцивус просит тебя прийти. Срочно!

Арцивус? Почему бы сразу не сказать, что от Арцивуса, а потом уже грозиться разнести дверь?

— Сейчас. Подождите, — крикнул я через дверь, нашаривая плащ, который подобрал на том самом месте, где бросил прошлой ночью.

Он был немножко грязноват, и на нем было даже несколько отпечатков копыт, но носить вполне можно.

Я отпер замок, снял засов и отошел назад и в сторону. Арбалет я все же не убрал — мало ли кто может прикрываться именем архимага Ордена?

— Входите.

Дверь раскрылась, и передо мной оказался довольно безобидный и худющий молодой человек с вытянутым лицом грустной лошади. На нем был синий с отливом балахон, мешком висевший на узких плечах, и маленькая шапочка на голове. Я никогда бы не подумал, что этот паренек может стучать с такой силой в мою дверь.

— Ты Гаррет? По... — Мой гость увидел нацеленный на него арбалет, посерел лицом и заткнулся.

Я убрал оружие за спину — нечего детей пугать. Показал ему раскрытые ладони:

— Да, я Гаррет.

Посыльный облизал пересохшие губы, набрал воздуха в легкие и робко посмотрел на меня. Я ободряюще кивнул.

— Мастер Гаррет. Его магичество глава Ордена магистр Арцивус просит незамедлительно явиться к нему. — Парень нервно взглянул на меня и пояснил: — Я его ученик.

— Как ты меня нашел?

— Его магичество сказал адрес.

Тут точно без колдовских штучек не обошлось!

— Ясненько. Что-то стряслось?

— Не знаю.

— Хорошо, подожди.

Я неторопливо забрал из тайника сумку с магическими ингредиентами и золото, полученное от короля. Я обычно не имею такой дурацкой привычки хранить деньги в одной куче, да еще дома. Проще отдать их нескольким надежным людям, заставив золото работать на себя. Например, в банк гномам. Деньги всегда хранятся под надежной защитой ловушек, замков, магии и разъяренных мотыжников. Но не в моем случае, мне эти королевские двести золотых понадобятся сегодня же.

— Где экипаж?

— Эээ... — ученик почему-то смутился, — я пешком.

— Великолепно! Тогда скажи мне, ученик, как ты живым-то до меня добрался через весь Портовый город? У нас таких наивных пускают плавать под пирс. А может, ты не врал, что выбьешь дверь и можешь пускать шарики-огоньки?

Ученик еще больше смутился и покраснел.

— Ну, — замялся парень. — Немножко.

— Ладно, веди, — вздохнул я.

С какой стати сам Арцивус взял его к себе в ученики, я понять не мог.

Навсегда покидая жилище, я все же не удержался и оглянулся. Как и предполагал, никакой вывески, что тут живет Гаррет, над дверью не было.

Полдень. Центральная улица Портового города была запружена народом. Кого здесь только не было! Начиная от празднующихся гуляк и заканчивая торговцами всякой всячиной. Встречались и нелюди. Доралиссец возле старой и покосившейся от гнета времен бакалейной лавки затеял драку с проходившим мимо и глазеющим по сторонам карликом. Они свирепо мутузили друг друга кулаками и изрыгали проклятия на своих языках. Вокруг дерущихся собралась уже немаленькая толпа зрителей, подбадривающих бойцов и даже дававших советы, как лучше расквасить нос сопернику. Сразу откуда-то появились букмекеры, принимающие ставки. Ставили один к трем за то, что карлик победит козла. Несколько стражников стояли тут же, опираясь на алебарды, и не спешили прекращать потасовку. Видно, кто-то из них уже успел поставить деньги в этом маленьком шоу. По моему скромному мнению, низкорослый лысый житель подземелий проигрывал. Я заметил пожилого карманника и двух его учеников, которые проходили под его присмотром практику прямо в толпе, так сказать в полевых условиях, срезая кошельки у зевак. Карманник-учитель, видимо, почувствовал взгляд, посмотрел на меня, напрягся, но, поняв, что я тоже не очень-то близок с шатким законом, весело подмигнул. Я подмигнул в ответ. Молодежь подрастает. Новая смена. Я тоже в такие далекие, но все же прекрасные времена начинал с карманов зевак на Рыночной площади. Сколько времени прошло с тех пор? Много. Уже никто не помнит Гаррета-блоху, худощавого и вечно голодного паренька, рыскающего по площадям и улицам города в поисках пропитания и спящего в грязной подворотне. Те времена прошли, Гаррет-блоха пропал, а в Авендуме появился Гаррет-тень.

— Ой! — вскрикнул мой провожатый, когда кто-то в толпе наступил ему на ногу.

— Не спи, — прошипел я ему на ухо. — Надо выбираться из этой давки. Держись левее, к стене.

Здесь людской поток был реже, и мы вполне спокойно шли друг за другом. Люди и нелюди бурлили. То тут, то там возникали стихийные кучки сплетников.

Слухи, слухи, слухи.

— А вы знаете, что Неназываемый уже выступил?
— Что же делает король?
— Да нет, чушь! Нет никакого Неназываемого!
— Еще как есть! Мне еще бабка рассказывала, живи она в свете!
— А что король? Армию собирает. Налоги вновь подскочат, а пострадают снова бедные люди.

— А что ты хотела, чтобы солдаты защищали город на пустое брюхо? Ничего, не пообедем!

— А вы знаете, что вчерашней ночью, говорят, стража поймала сотню доралиссцев с ножами?

— Сотню?! Враки!

— Клянусь светом! Именно сотню! Они на улице Мясников резню хотели устроить!

— А вы знаете...

Дальше я уже не слушал. Чего только ни выдумают люди, чтобы не скучать!

— Эй! — позвал я ученика Арцивуса.

— Да?

— До башни Ордена нам еще идти и идти. Ты так и собираешься вести меня сквозь эту толчею? Не лучше ли свернуть на улицу Клопов? Там нет такой давки.

— М-м-м, — протянул парень. — Милорд Арцивус сказал, что вам в башне Ордена делать нечего. Он попросил привести вас в один из домов, тут неподалеку.

— Ну ладно. Пошли.

Арцивус думает, что вор осквернит магическую святыню?

Количество людей на улицах в первую очередь объяснялось на удивление хорошей для июня погодой. Обычно июнь в северном Валиостре, а значит, и в Авендуме больше напоминал ранний апрель где-нибудь на южных границах королевства. Прохладная погода держалась где-то до августа, а затем наступала удушающая жара до начала сентября, сменяющаяся ливнями и хмурой погодой, плавно переходящей в снег и морозы до конца марта. И лишь в апреле у нас начиналась весна. Что поделаешь, Безлюдные земли под боком. Сейчас же ситуация была несколько другой. Начало июня — всегда прохладное время, а в этот день солнце жарит вовсю. Я обливался потом в плаще. Да и не я один. У многих людей лица блестели от пота. Мимо меня прошел житель Пограничного королевства, он потихоньку жарился и коптился в кольчуге. Броню пограничники носили не снимая, где бы они ни были. Привычка,

выработанная соседством с лесами Заграбы.

Если такая погода будет держаться до конца августа, то половина города просто вымрет от жары. Уже шли разговоры о том, что это Неназываемый наслал на нас новое испытание.

Наконец мы покинули улицу Смотра, центральную улицу Портового города, по которой раньше провозили осужденных на казнь, и вышли на улицу Сонного Пса.

— Гаррет, эй, Гаррет!

Я обернулся на крик. Стоя возле «Ножа и Топора», мне отчаянно махал владелец сего заведения, старина и «дражайший друг» Гозмо.

Чего ему понадобилось? У меня уже есть Заказ. Да еще какой! Смертельный, можно сказать. Но я все же дернул ученика Арцивуса за рукав и кивнул, чтобы он шел за мной. Парень хотел было возразить, что его магия важнее какого-то трактирщика, и уже открыл рот, но я не слушая повернулся к нему спиной и перешел на другую сторону улицы. Молодому магу ничего не оставалось, как последовать за мной.

— В чем дело, Гозмо? — не очень-то приветливо начал я. — Зачем орать на весь город, что я Гаррет?

— А. Э-э-э... — Сутулый трактирщик вопросительно посмотрел на моего спутника.

— Пивом угостишь? — Я многозначительно кивнул в сторону двери. — Там и поговорим.

— Проходи.

Трактир был пуст, чего и следовало ожидать. Посетители начнут прибывать ближе к вечеру и в подступающей темноте. Столы, стулья и табуреты были непривычно пусты и одиноки. Очаг погашен. На ближайšie от входа столы взгромождены перевернутые стулья, сиротливо смотрящие ножками в потолок. Рядом усердно елозила тряпкой певичка заведения, на данный момент сменившая профессию певицы на профессию уборщицы. Ей помогал один из вышибал. Да, персонал у Гозмо — мастера на все руки.

— Проходи, Гаррет, к стойке, а твой знакомый пусть садится вон за тот стол. Что будете пить, молодой человек?

— Воды. — Ученик мага чувствовал себя неуютно — он впервые попал в такое заведение.

На его физиономии застыло ошеломленное удивление от того, что он по собственному желанию попал в столь сомнительное место.

Гозмо скорчил кислую мину и посмотрел на меня.

— С кем это ты завел дружбу?

Я пожал плечами, и Гозмо отнес полный стакан воды к столу ученика, а затем встал напротив, за стойку бара, и налил полную кружку пива из бочки, спрятанной у него под стойкой. Специальной бочки, он сам пьет это пиво и редко с кем делится. Я сделал большой глоток и, оценив, кивнул Гозмо. Пиво было действительно великолепным, как я и предполагал. Старина Гозмо не травит свои внутренности гадостью, которую без зазрения совести наливает большинству завсегдатаев заведения.

Сам бывший вор сейчас не пил, а немного нервно переминался с ноги на ногу и бросал настороженные взгляды в мою сторону. С чего бы это? Но он молчал, а я никогда не был излишне любопытен и просто потягивал пиво, ожидая, когда трактирщик все же объяснит, зачем позвал меня.

Гозмо тихонько начал потеть. Неужели тут настолько жарко? Я отставил пустую кружку, посмотрел на нетерпеливо елозившего по стулу ученика Арцивуса и улыбнулся Гозмо. От моей улыбки он вздрогнул и отпрянул, как будто перед ним сидел не добряк Гаррет, а самый зубастый огр всей Сиалы.

— Так зачем ты меня позвал, дружище? — нетерпеливо спросил я. — Пиво ты мне налил, конечно, хорошее, но с чего бы это?

— Понимаешь, Гаррет, — нервно произнес Гозмо, настороженно смотря на меня. — Я хотел извиниться за тот случай, поверь, мне очень жаль, если бы я знал, что все выйдет именно так, то никогда бы не стал...

— Это ты о гарринче в доме герцога Патийского? — перебил я его, войдя в роль полного индюка, как бы забыв упомянуть случай с Лантэном и то, что я прекрасно знаю о том, кто был заказчиком.

Этот разговор я приберегу на потом.

— Гарринч? Д-да. Именно о нем, — неуверенно и немного удивленно произнес Гозмо, облегченно присаживаясь на стул и понимая, что я не собираюсь устраивать тут войну и пускать кровь. — Я просто хотел, чтобы ты знал, что я об этом не имел понятия.

— Да успокойся, Гозмо, что ты так разнервничался? — великодушно махнул я рукой. — Ничего ведь страшного не произошло, правда? Все живы и довольны. У меня еще есть дела, так что я пойду, пожалуй, вместе с моим провожатым.

— Это значит, что извинения приняты? — облегченно спросил Гозмо.

У него просто как будто Зам-да-Морт с плеч свалился. Странно все это, старина Гозмо не страдает от переизбытка совести. И даже то, что он не сообщил мне, что заказчик король, не должно было сделать его настолько нервным. Во всяком случае, это право Гозмо — хранить тайну имени заказчика.

— Забудь. Пошли, — позвал я паренька, и мы вышли на улицу.

— Что хотел от вас этот человек? — спросил он после минуты молчаливого шествия.

— У тебя имя-то есть? — вопросом на вопрос ответил я ему, провожая взглядом патруль стражи.

— Родерик, — смущенно произнес ученик мага.

— Ну так вот, Родерик, долго нам еще идти? Мне больше делать нечего, как шастать к разным архимагам.

— Мой учитель не разный! — задохнулся от возмущения ученик и хотел сказать еще что-то, но, вспомнив о моем арбалете, буркнул: — Почти пришли, вон через тот переулок.

— Ты хочешь убедить меня, что Арцивус ждет меня в Портовом городе? — От удивления я даже остановился. — Неужели его магичество решил посетить эту часть Авендума?

Родерик фыркнул и посмотрел на меня взглядом, в котором читалось все, что он думал о моих мыслительных способностях.

— Учитель посчитал, что нечего афишировать ваше знакомство с ним, тем более в том деле, над которым вы работаете. Поэтому карета ждет вас здесь.

Ну что же. Архимагу не откажешь в разуме. Мне тоже не нужны были слухи о том, что Гаррет-тень ведет дела с Орденом.

— Ты уверен, что нам сюда? — переспросил я молодого мага, тыкая пальцем в сторону зловонного полутемного коридора, который образовывали два рядом стоящих и тесно прижатых друг к другу здания. — На улицу Яблок?

— Да.

Я пожал плечами, кивнул ему, чтобы шел первым, и двинулся вслед за Родериком, достав из-под плаща арбалет. Что взять с этого молодого и не знакомого с обычаями Портового города паренька? В таких полутемных и вонючих переулках погибает людей больше, чем в пограничных схватках с орками или мирануэхцами. В этой обманчивой тишине могут водиться зубастые щуки, готовые сожрать почти любого. Но нет, переулочек был пуст, и выход на улицу Яблок был уже близко, оставалось пройти около двадцати метров, чтобы вырваться из этой узкой щели. Я расслабился. И, естественно, тот тип, который отвечает за мою удачу где-то там, на небесах, снова решил спугнуть ее, хлопнув в ладоши. Удача миляги Гаррета, самого доброго и симпатичного парня Валиостра, испуганно захлопав крыльями, воспарила в прозрачную и безоблачную высоту, оставив меня наедине с Родериком и пятеркой не очень дружелюбно настроенных громил. Трое

перекрыли нам выход на улицу Яблок, а двое появились с улицы Сонного Пса и медленно стали приближаться к нам.

— Ой, — тихонько пискнул Родерик и сразу как-то поник. Стало понятно, что он тут ни при чем и о ловушке ничего не знал. — Чего хотят эти люди?

— Наверное, попросят сдать несколько золотых в фонд помощи ветеранов Войны Весны, — зло бросил я.

— К-какой В-вес-сны? — От волнения мой спутник стал заикаться. — К-какие ветераны? Он-ни же все д-давно умерли.

— А этим без разницы. Главное — взять деньги. У-у-у, — протянул я, только теперь разглядев третьего в группе с улицы Яблок. — У нас большие неприятности.

— У в-вас нет денег? — испугался Родерик.

— Не то чтобы нет. Просто они пришли не за деньгами.

— А з-за чем? — еще сильнее перепугался ученик Арцивуса.

— За моей жизнью. Думаю, и тебя в довесок на тот свет отправят.

— Н-но, м-м-ожет, мы сможем договориться с ними, убедить, что это ошибка? — прошептал бледный Родерик, прижимаясь спиной к левой стене переулка.

Я прижался к правой, поглядывая на приближающихся с двух сторон убийц.

— Ты посмотри на их мечи. Какие разговоры? Когда я начну действовать, атакуй тех, что сзади.

— Н-но я не умею, — запротестовал Родерик. — У меня даже и оружия нет.

— Значит, мы умрем.

Он громко сглотнул, но ничего не ответил.

Четверка людей сжимала в лапах короткие и тяжелые мечи панцирной пехоты, которые использовали воины Пограничного королевства. Самое эффективное оружие в узких местечках или плотном строю, где нельзя развернуться с длинным клинком. Пятый, державшийся за спинами двоих сотоварищей, оружия не носил, его правое плечо было перебинтовано.

— Как здоровье, Бледный? — вежливо спросил я, когда они подошли и остановились в пяти метрах от нас.

— Лучше, чем будет у тебя через пару минут, — в тон мне ответил убийца.

— А тебе не кажется, что грубая сила — это немножко не профиль мастера-убийцы? — поддел я его.

— Время не терпит, Гаррет, приходится отбрасывать клинок и браться

за молот, — поморщился Бледный.

— Неужели Маркун настолько на меня обиделся? — удивился я.

Ребята абсолютно не обращали внимания на арбалет. Все, кроме Бледного, но тот прятался за спинами этих дегенератов-переростков и ему-то мой первый болт не грозил, а второго, думаю уже не будет.

— Кто это с тобой? — Бледный проигнорировал мой вопрос и кивком головы указал на Родерика. — Ученика взял?

Громилы громко заржали. А чего им, собственно говоря, опасаться?

— Это мой друг, маг Ордена. Шли бы вы отсюда по-хорошему.

— Ну если он маг, то я султан Султаната. Убейте их!

Все последующее произошло в течение десяти секунд. Мой арбалет щелкнул, и громила, за которым прятался Бледный, стал заваливаться назад с болтом во лбу, чуть не придавив своим телом наемного убийцу. Второй громила, крича и занеся над головой меч, бросился на меня, в то время как Бледный отпрыгивал от падающего тела первого. Я отбросил бесполезное оружие в сторону и лихорадочно стал нащаривать в сумке с магическими ингредиентами что-нибудь подходящее, краешком сознания отмечая, что я безнадежно опаздываю и что тяжелый меч упадет мне на голову намного быстрее, чем я выужу из сумки какой-нибудь пузырек. За спиной взревело, и мимо, обдав меня раскаленным жаром, пролетел огненный шар размером с хорошую лошадиную голову. Я шлепнулся на живот и закрыл голову руками, наплевав на все и вся. Что-то гулко ударило по ушам, земля ощутимо вздрогнула, посыпалась каменная крошка. Кто-то взвыл. Чем хорошо волшебство в отличие от шаманства? Волшебство активируется мгновенно, а шаманство — это целый ритуал. Гоблины танцуют, орки поют. Поэтому шаманство действует намного медленнее, хотя после его использования шаманы, в отличие от магов, не теряют силы.

Лежа на земле, я все же нащарил одну пробирку из магического стекла и, поднявшись на одно колено, собрался кинуть ее в бежавшего ко мне мечника. Но мечник испарился. В буквальном смысле этого слова. Огненный шар, так любимый всеми начинающими магами, превратил нападающего в кучку пепла, а затем, ударившись о стену здания, разорвался. Бледный выл и орал где-то возле выхода из переулочка на улицу Яблок. Его отбросило туда взрывной волной, которая, как это бывает при использовании огненных шаров, действовала только в одном направлении. Даже отсюда я видел, что его лицо обожжено и в крови от мелких осколков здания, брызнувших только в одну сторону. В левом доме образовалась не самая маленькая дыра, через которую вполне могла проехать королевская карета. Кто-то испуганно высунул из нее голову,

ойкнул и снова исчез в доме. Родерик не поскупился на заклинание.

Кстати, как он? Я, позабыв о Бледном, повернулся к ученику мага. Родерик, потеряв все силы, полусидел-полулежал, прислонившись к стене, а двое оставшихся громил с изумлением смотрели на него.

— Он и вправду маг! — Наконец-то дошло до одного из убийц.

— Бежим! — завопил второй, отбрасывая в сторону меч и, видно, не понимая со страху, что Родерик сейчас не способен обидеть даже муху.

Оба громилы побежали в том направлении, откуда только что пришли, оглушительно топая и завывая от страха. Преследовать их я, конечно, не стал. Меня больше интересовал Бледный, но его и след простыл.

— Живучий гад, — восхищенно покачал я головой.

Прямо х'варр какой-то, только эта тварь настолько живуча, что сопротивляется даже после того, как Дикий несколько раз пронзит его мечом, нанеся, казалось бы, смертельные раны. Ну и Тьма с ним!

Я подошел к Родерику:

— Ты как? Жив?

Он вяло кивнул, но глаза его сияли каким-то внутренним огнем.

— У меня получилось! У меня впервые получилось такое заклинание!

— Да ты вместо шара размером с яблоко сотворил эту махину! Я чуть не поджарился! Кстати, почему ты в этого стрелял, а не в тех двоих, что я сказал?

— Но этот тебя бы мечом... — начал оправдываться мой спаситель.

— Ладно, спасибо тебе. Идти сможешь, а то сейчас стража из щелей появится?

Так уж бывает в нашем славном Авендуме: как только серьезная заварушка, вся стража по мановению ока исчезает в щелях и закутках города и не высовывает носа до самого окончания драки.

Родерик утвердительно мотнул светловолосой головой, я помог ему подняться с земли и, поддерживая, повел к опустевшей улице Яблок.

Глава 7

Открытия

Взгляд его магического магистра Ордена Валиостра, архимага Арцивуса не предвещал моей персоне ничего хорошего.

Старикан встретил меня в собственном доме, расположенном во Внутреннем городе, совсем рядом с дворцом короля.

Архимаг сидел в глубоком кресле, обитом бархатом сочного ярко-красного цвета. Арцивус вновь закутался в гору шерстяных одеял, которыми пользуются Дикие, если спят на земле во время рейдов за Одинокого Великана. Такие одеяла способны согреть даже мертвеца в самую лютую зиму, а ведь сейчас на улице стоит умопомрачительная жара. Но, видно, она никак не трогала старые промерзшие кости архимага, и, чтобы согреться, он использовал обычные одеяла. Неужели Арцивус не может подобрать соответствующее заклинание?

— Гаррет, чтоб тебя разорвало! — заскрипел старик, со стуком ставя на миниатюрный светло-коричневый столик с вычурными резными ножками бокал с горячим вином.

Вино выплеснулось и растеклось небольшой лужицей по отполированной карликами до зеркального блеска поверхности.

— Ты что натворил? Совсем умишка лишился?

— Что случилось, ваше магичество? — Я действительно не понимал, что произошло.

Или почти не понимал.

Старик аж затрясся от возмущения, и я начал подумывать, что его либо хватит удар, либо архимаг меня поджарит. Он тяжело и гулко закашлял, сотрясаясь всем телом под горой одеял. Я даже скривился от сочувствия, кашель был страшным, казалось, он сейчас вывернет архимага наизнанку.

Резная дверь, на которой была изображена какая-то стародавняя схватка между магами Ордена и шаманами орков, открылась, и в комнату вошел Родерик. Он все еще был бледен после сотворения огненного заклинания, но его уже не бросало из стороны в сторону, и из стакана с лекарством, который он нес своему учителю, не расплескалось ни капли. Родерик протянул стакан архимагу, и Арцивус, сотрясаясь и захлебываясь от кашля, выпил бурую жидкость. Поморщился. Залпом допил вино и, облегченно вздохнув, небрежным движением худой руки отпустил Родерика. Тот молча поклонился и ушел, забрав пустой стакан. Дверь

закрылась, и мы с архимагом вновь остались наедине.

— Да, — пробормотал Арцивус и еще раз кашлянул в кулак. — Старость не радость. Мне уже девяносто шесть, Гаррет. Годы берут свое...

Я счел, что лучше промолчать. Не думаю, что Арцивус нуждается в лести и уверениях о том, что он хорошо выглядит. Тем более что это было не так.

— И знаешь, что самое обидное? Здесь все работает, как механизм карликов. — Арцивус ткнул себя пальцем в лоб. — Но проклятая телесная оболочка. Я постоянно мерзну, спасают только эти одеяла. Ни огонь в очаге, ни магия. Скоро придет мое время, я уже чувствую, как Сагра ходит у меня за спиной. Ничего, мне еще есть что сказать богине смерти.

— Всем есть что сказать, — поддержал я старика. — Главное — не забыть эти слова, когда встретишься с ней глазами у ворот Света.

— Или Тьмы.

— Вы совершенно правы, ваше магичество.

— Хм. — Архимаг еще раз бросил на меня внимательный взгляд. — Так ты говоришь, что ничего не знаешь? Невинен, как "Джок-принесший-зиму"? Хм...

Старик забарабанил пальцами по столику, размышляя, а затем резко спросил:

— Чем ты вчера занимался? Учти, подумай, прежде чем ответить мне, я распознаю ложь.

Интересно, в чем меня подозревают? Разве что в краже магического свитка? Но свиток валялся никому не нужным неизвестно сколько лет. Лет? Я напряг память, пытаюсь вспомнить, как выглядел свиток. Кажется, он был единственным не покрытым толстым слоем пыли. Потому-то я его и выбрал из всех остальных и позаимствовал на будущее. Но, если он не был пыльным, значит, его положили туда совсем недавно. Но зачем? Чтобы кто-то не смог загнать демонов обратно во тьму? Но кто? И стоит ли рассказывать о свитке Арцивусу?

Рассказ я начал издалека, но архимаг не выказывал нетерпения и не перебивал меня, только иногда хмурил кустистые брови, когда я начинал сыпать ненужными подробностями и описаниями, стараясь увести разговор в сторону. Затем я все же решился рассказать о свитке, а потом и о его неожиданном действии, когда я рискнул испытать заклинание на доралиссцах. Удивительно, но старик даже не заинтересовался этим свитком, будто не с его помощью я изгнал демонов из города. Все внимание архимаг обратил на доралиссцев.

— А ну-ка повтори, что они там кричали?

— Ну, что-то вроде «Верни нашего коня».

— Ты в эту ночь еще что-нибудь слышал о конях?

— Нет. — Хотя Вухджааз тоже твердил о каком-то коне, но я все же решил проверить, определит ли архимаг мою ложь.

— Хорошо. — Видно, Арцивус не уличил меня или просто не обратил на откровенное вранье внимания. — Свиток — это очень интересно, тем более что никто из Ордена, я уверен, не слышал ни о каком таком свитке.

Старик поелозил в кресле, поправил сползший на пол край одеяла и вновь задумчиво посмотрел на меня.

— Так где Конь? — необычайно ласково проговорил старик.

Вот только в его бесцветных глазах ласки не было. Сталь и сжатая пружина, но никак не ласка.

— Да какой к Х'сан'кору конь?! — взвился я.

Меня начинало доставать, что чуть ли не каждый теперь нуждается не только в Роге Радуги и в моей смерти, но еще и в каком-то вонючем коне.

— Зачем мне лошадь?! Что мне с ней делать?! И эти доралиссцы тоже вопили, что я украл их коня!

Архимаг молчал и лишь хмурил брови, но в его глазах появилось сомнение.

— То есть ты не крал вчера вечером Коня из дома архимага О'Станда?

— Он совсем ненормальный, если держит лошадь в доме? — изумился я, уходя от вопроса.

— Да при чем здесь лошадь, вор?! Вчера из дома архимага О'Станда, который приехал из Филанда, неизвестными был похищен волшебный Камень Конь Теней. Мы рассчитывали с его помощью загнать демонов обратно во Тьму. А теперь он пропал!

— Но демоны уже исчезли. Я же произнес это заклинание.

— Исчезли. — Архимаг кивнул. — Меня очень заботит, что ты сделал то, чего не смог сделать целый Орден. Каким образом и откуда взялся этот никому не известный свиток, кто еще приходил к этому твоему Болту и интересовался планами Запретной части, кто такой этот Хозяин? Новое имя Неназываемого? С чего на вас с Родериком напали эти убийцы? Хотя я думаю, что тут твои дела. И кому понадобился Камень? Как вообще о нем кто-то прознал?

— А почему вы сразу стали подозревать меня, ваше магичество? — Я покосился на стоявшее рядом кресло, оно было точной копией того, в котором сидел Арцивус.

— Садись уж, чего там, — бросил архимаг, заметив мой взгляд. — А кто еще, Гаррет, мог проверить такое дело? Ни одна магическая ловушка

не активирована, Камень попросту исчез. Даже дураку ясно, что работал профи.

— Ну, я не единственный вор в городе.

— Пробраться в дом архимага и украсть там не последнюю вещь — это нужно суметь.

— В столице есть, по крайней мере, еще два человека, способных на такое дело. А что говорит сам О'Станд?

— Ничего. Он мертв. — Архимаг устало закрыл глаза. — Слуги нашли его с перерезанным горлом. Убили, как какого-то ночного пьянчугу из Конюшни Старка. Не кого-нибудь, а архимага Филанда! Это не только политический скандал, но еще и удар по престижу Ордена Валиостра!

— Он прибыл сюда специально ради Коня?

— Да. Мы вызвали его давно, еще как только ночные твари появились в городе. Филанд обладал реликвией — этим Камнем. С его помощью можно загнать или вызвать демонов из Тьмы.

— Вы опасаетесь, что демоны могут появиться вновь?

— Я вообще не уверен, что они куда-либо исчезали, — буркнул Арцивус. С чего ты взял, что заклинание сработало правильно? Может, тот демон, прежде чем исчезнуть во Тьму, тебе просто наврал?

Вообще-то это я наврал Арцивусу, сказав, что после прочтения свитка видел, как появившийся демон орал, что заклинание тянет их во Тьму, а затем исчез. Конечно, все было совсем не так, но мне очень не хотелось, чтобы за мной, как тени, сновали маги-демонологи в попытке захватить Вухджааза. То есть уничтожить его, конечно, надобно, но сейчас придется идти на вынужденный риск, иначе маги посадят меня под сотню замков, лишь бы выманить и захватить настоящего живого демона. А демоны, как известно, устойчивы почти к любой магии, а поэтому представляют собой довольно большую, хоть и опасную, загадку. Загадку, над которой бьется уже множество поколений магов. Ведь нет ничего желаннее для боевого мага, чем обладать устойчивостью к заклинаниям противника. И имей Орден настоящего живого демона, он бы сделал все, что в его силах, дабы раскрыть секрет неуязвимости демонов к магии. Демоны дрожат только перед такими вот образчиками, как Камни-Кони. Да еще их можно поймать на заклинания в свитках, придуманных неизвестными умельцами или демонологами Ордена.

— Откуда я знаю? — Пожав плечами, я поднял честный взгляд на Арцивуса. — Эта тварь исчезла. Да и какая теперь разница, у кого этот Камень?

— С помощью Коня можно не только прогнать демонов, но и

вызвать, — устало произнес архимаг и вновь закашлялся.

Я ждал, когда пройдет очередной приступ кашля.

— А при чем тут доралиссцы?

— Ну, это ведь их Камень. Филандцы забрали его у козлолюдей около двадцати лет назад за то, что доралиссцы попытались их обмануть при продаже лошадей. Все было, конечно, честно, по условиям контракта, но этот Камень был чем-то вроде святыни у доралиссцев. Вот они и пытаются всеми правдами и неправдами его вернуть. Сколько раз хотели выкупить Камень, предлагая огромные деньги и целые табуны лучших лошадей, но Орден Филанда не соглашался. И правильно делал, между прочим. В Камне заключена довольно большая сила, хоть ею и могут управлять только маги с дипломом по демонологии, ну и сами демоны.

— То есть, вы хотите сказать, что если этот Конь окажется в руках демона?..

— То неизвестно, что случится. Ну, например, демон выпустит всех своих братьев Тьмы на свободу или, если умный, оставит Коня себе. И тогда никакое заклинание уже не поможет. Он будет устойчив. Магически нейтрален, если ты знаешь, что обозначает это слово.

«Вухджааз умный». — Я поежился, когда мне послышался голос демона.

— Тогда почему какая-нибудь из этих тварей уже не зацапала себе Коня? — вопрос напрашивался сам собой.

— Уж не знаю, откуда Коня взяли доралиссцы, может, кто-то из богов по какой-то прихоти им его отдал, но Камень обладает таким свойством, что ни один демон не сможет взять его в лапы, если ему его добровольно не отдаст кто-то из людей или доралиссцев.

«Вухджааз умный». — Теперь в моей голове этот голос прозвучал с искоркой превосходства.

По счастью, это было только мое разыгравшееся воображение, а не серый монстр, шепчущий мне на ухо о своих мыслительных способностях.

— И теперь я должен найти вам этого Коня? — Вероятно, на моем лице было написано, что я по этому поводу думаю.

— Ты занимайся Заказом короля, — отмахнулся магистр Ордена. — Коня мы сами будем искать, ты тут ни при чем. Тебе удалось меня убедить, хотя твоя невинная рожа все же наводит на неприятные размышления.

— Доралиссцы так не думают. — Я покачал головой.

Козлолюди могут стать большой занозой для меня в эти дни.

— С чего это они тоже решили, что Гаррет-тень замешан в этом деле? Либо они пришли к тем же выводам, что и я, либо тебя кто-то красиво

подставил, вор.

— Скорее последнее, врагов у меня хватает, — как можно небрежнее произнес я, но в голове радостной птахой затрепетала искра озарения.

Вся головоломка карликов со стоном и скрежетом шестеренок постепенно вставала на места.

— Да, будь осторожнее, ты еще нужен королю, может, не стоит рисковать? Я могу выделить тебе сопровождение из магов Ордена. Родерика, например.

— Нет, — торопливо отказался я, мага-недоучки мне только и не хватало. — Спасибо за предложение, ваше магичество, но нет. Для меня это будет лишней обузой, а с доралиссцами я сам попробую разобраться.

— Ну что же, ну что же. — К Арцивусу вернулось хорошее настроение. — Это твой выбор, и я не буду настаивать, хотя надо бы. Ладно, Гаррет, ступай. Я уверен, у тебя есть дела поважнее, чем болтать со стариком.

— Могу ли я задать вам несколько вопросов?

— Да, конечно. — Архимаг был немного удивлен. Что вору могло понадобиться от магистра Ордена?

— Вы можете рассказать что-нибудь о Запретной части? Мне будет полезна каждая крупница информации.

— А что Запретная территория? — буркнул старик. — Территория как территория. Орден практически ничего о ней не знает. Белое пятно на карте города и черное — на репутации Ордена. С башни можно увидеть ее кварталы, но ты понимаешь, что глазам в этом случае не стоит верить.

— Ну хоть что-то вы можете мне рассказать?

— Как она появилась, ты уже знаешь. Потом на Авендум налетела вьюга. Черная вьюга. Затем из Запретной поперло всякое разное. В основном зомби. Там было старое кладбище, так что твари ринулись на близлежащие улицы. Ночью. Орден магов создал Круг, и это с помощью единственного оставшегося в живых архимага, который в этот момент находился в городе! Арцисом его звали. С помощью Круга удалось воздвигнуть Стену. Она послужила границей, никто больше не лез в жилые кварталы улиц Авендума из Запретной части, а жители не суются за Стену. А что там сейчас происходит? Кто его знает, Гаррет. После того как Рог Радуги сработал не так, как рассчитывал Орден, один из архимагов все же успел его спасти, но умер по дороге. Его ученик, кстати ставший впоследствии магистром Ордена, вынес артефакт с территории, пока собиралась вьюга. А пятеро других архимагов так навечно и остались в башне. Что с ними случилось, я не знаю. Да и с жителями этого района

тоже. Умиравший архимаг сказал, что они в ком-то ошиблись. Но что означали эти слова?

В один день, точнее ночь, Орден Валиостра лишился шестерых архимагов из девяти, в том числе и магистра — Панарика. Когда все успокоилось, когда уже возникла Стена, от Рога решили избавиться. Убрать от греха подальше. Храд Спайн был идеальным местом. К тому времени он уже оказался заброшен, никто туда и не лез. Осторожно добавили в Рог силы, чтобы он держал Неназываемого, и отнесли, а после того как Рог похоронили в Храд Спайне, один из магов отнес информацию о том, где он спрятал Рог, в старую башню Ордена.

Надеюсь, что отнес. Маг так и не вернулся с Запретной территории. Видишь? Я знаю не больше бабок-сплетниц на Рыночной площади. Могу дать совет: отправляйся ночью. Да, это кажется несоизмеримо опаснее, чем днем, все мертвецы панически боятся солнечного света, и ночь — их вотчина, но... Понимаешь ли, вор, те, кто уходил в Запретную часть города ночью, все же возвращались назад. Иногда. В основном это были воры-профи и искатели сокровищ, на улице Сонной Кошки раньше находился банк гномов. Золотишка там осталось много, да ты и сам, думаю, знаешь эту легенду. Так вот, некоторые любители дармовых денег возвращались в Авендум, избегнув смерти в Запретной части. Но больше помалкивали об увиденном. Не буду рассказывать тебе детские байки. А те, кто отправлялся за Стену днем, считая себя самыми умными, — не вернулись. И хоть ты тресни, я не могу понять этого феномена. Загадка. Еще одна неразгаданная загадка для Ордена. Так что лучше иди ночью, авось получится.

Старик закашлял в кулак, вновь вошел Родерик со стаканом, но архимаг, поморщившись, отставил лекарство.

— Я устал, Гаррет. Прожитые годы давят на кости. Избавь меня от присутствия своей персоны. Будь так добр.

— Еще один вопрос, последний. А затем я уйду, — произнес я, вставая с кресла и поправляя помявшийся плащ.

— Ты хуже репейника, вор, — пробубнил архимаг. — Ну что еще?

— Где в башне мне искать информацию о Храд Спайне?

— Если она сохранилась, то на втором этаже. Там есть комнатка архивиста, не ошибешься. В башне всего два этажа. Остальные снесло проклятием.

— Ловушки, замки, стражи?

— Кто бы успел их поставить, когда это все разразилось неожиданно? — хмыкнул магистр. — Можешь не волноваться. Надеюсь, все?

Я молча склонил голову и направился к выходу. Родерик последовал за мной. Когда я уже вышел в коридор, а ученик архимага стал закрывать дверь, вновь послышался усталый голос архимага:

— Эй, Гаррет.

— Да?

— Когда ты планируешь отправиться в Запретную часть?

— Дня через три, когда буду полностью готов.

— Хорошо, не забудь, что через шесть дней тебя ждут у короля, а теперь ступай.

Я молча покинул апартаменты архимага.

Нужно было позаботиться о новом жилье, и я знал одного человека, способного мне его предоставить на неограниченный срок и абсолютно безвозмездно.

Карета архимага везла меня к Соборной площади.

— Приехали, милорд. — Кучер, разряженный в бархатную ливрею, вежливо открыл дверь кареты и поклонился.

О том, что милордом назвали мою скромную воровскую персону, я догадался только через несколько секунд. Непривычно как-то — милордом меня еще никто не называл.

Ну, естественно, кучера можно понять. Неужели человек, навещавший приболевшего архимага, может быть каким-то вором? Конечно же это, скорее всего, переодетый богатый граф, решивший прогуляться по Авендуму инкогнито.

Я вышел из кареты, кивнул кучеру и направился к главным воротам Собора Богов, находящегося на Соборной площади. Площадь располагалась на границе трех частей Авендума: Внешнего, Внутреннего и города Ремесленников и Магов. В силу исторических и географических причин только Портовый город не примыкал к площади. Она была гигантской и не уступала размерами территории дворца короля, а если уж совсем быть честным, то на Соборной площади вполне могла поместиться парочка сталконовских дворцов. Жрецы оттяпали себе не самый маленький кусок города, на котором можно было построить несколько улиц с домами, где жили бы веселые и добрые жители нашего королевства. Но старый прадед нынешнего короля позволил жрецам такой каприз, получив от служителей Собора вечную поддержку династии. Теперь Сталконы всегда могли рассчитывать на жрецов, а следовательно, и на богов Сиалы.

После заключения этого негласного пакта все жили мирно и были довольны друг другом. Жрецы — тем, что короли не лезут в их дела и

ежегодно жертвуют богам щедрые дары, а короли — тем, что если народ вдруг начинает бунтовать и задумываться, зачем ему короли, то боги сразу являют несколько знамений, которые доказывают темному люду, что король избран свыше, и народец как-то сразу приутихает. До следующего бунта.

Собор Богов раскинулся на всю территорию Соборной площади, это было самое крупное во всех Северных землях место, где почитались сразу все двенадцать сиаьских богов. Так что не надо было топтать через половину города к интересующему тебя храму, так сказать, временному жилищу какого-то бога, а нужно было просто прийти на площадь, войти в главные ворота, открытые и днем и ночью, а затем выбрать того, к кому вы хотите обратить свои молитвы.

— Боги! — Я кощунственно хмыкнул.

Боги не очень-то жаловали своим присутствием мир, который они сами и создали. Раньше, в те времена, когда мир был еще юн и наивен, во времена начала начал, когда люди только появились в этом мире вслед за эльфами, орками, ограми, гномами и карликами, боги еще бродили по миру, творили чудеса, наказывали нечестивцев, одаривали праведников, но все же земные дела им в конце концов надоели, и боги ушли заниматься собственными, непонятными для людей, «важными», как говорят жрецы, делами. Не знаю, может, и важными, только не очень-то я верю в могущество богов, одни сказки для сопливых детишек и бредни фанатиков. Ну, естественно, я верю в Сагота и его силу, но не думаю, что он был богом. Говорят, что это просто удачливый вор прошлого, о происхождениях которого и поныне сохранилось множество историй. А пронырливые жрецы не преминули возвести его в божественный ранг, чтобы увеличить приток золотишка в казну храмов. Потому как воры и мошенники — народ все же суеверный, и поклоняться кому-то и им надо. Людям нужна вера.

Ну да ладно! Существуют боги или нет, вопрос, конечно, философский, и об этом можно будет поспорить с братом Фором за кувшином-другим вина в свободное от забот время. Если, конечно, такое времечко когда-нибудь настанет. Я лично в этом сомневаюсь, у меня слишком пессимистичный взгляд на войну с Неназываемым. По моему мнению, мир со скоростью королевского гонца несется в пасть к голодному огру.

— Ты борешься с Тьмой в себе? — спросил меня один из двух жрецов, стоявших возле главных ворот.

— Я уничтожаю Тьму, — произнес я ритуальную фразу.

— Так войди же и обратись к Ним! — с пафосом произнес второй жрец.

Я не преминул воспользоваться столь гениальной рекомендацией двух стариков, которым было больше нечего делать, кроме как стоять возле ворот и жариться на горячем солнце, встречая и провожая каждого путника. Что удивительно, стража Собора, набранная из той же шайки, что и городская, но в отличие от вторых обряженная в оранжево-белую форму и вооруженная протазанами вместо тяжелых алебард, возле ворот не стояла. Как я слышал, из-за запрета жрецов, и это, в принципе, было правильно, так как бандитские рожи служителей закона вполне могли отпугнуть половину прихожан и лишить Собор значительной части доходов.

Стражники прогуливались парами и четверками, как нашкодившие детки, вокруг цветников, шумящих фонтанов, статуй богов и их храмов, потихоньку дуря от жары в кирасах и рокантонах. Естественно, все они были злы, как орки, у которых во время похода внезапно разболелись зубы. И причина злости стражи была всем очевидна. В стражу Собора ссылали провинившихся или попавшихся на взятках и вымогательстве стражников города. Отправляли на эту не очень почетную службу на разный срок — от дня до года. Эдакое искупление провинностей, где на ухо тебе все время шепчут что-то приставучие жрецы, да и деньги с прихожан изымать строжайше запрещено.

Мимо меня продефилировала парочка оранжево-белых бедняг. Их взгляды цепко скользнули по моей фигуре, выискивая, к чему бы придраться и как бы незаметно от жрецов засадить древко протазана мне под ребра. Я мило им улыбнулся и, не удержавшись, весело помахал угрюмым и злым стражникам рукой.

Эх! Люблю я дразнить великана в клетке! Особенно когда мне за это ничего не будет. Стражники нахмурились и, покрепче перехватив оружие, направились в мою сторону с явным желанием намять мне бока. Как я и предполагал, далеко они не прошли. Чуть ли не из воздуха появился жрец и стал читать им божественную мораль. На небритых рожах стражи появилось скучающее и такое тоскливое выражение, что я чуть было не прослезился. Стражникам строжайше запрещено вступать в конфликт со служителями Собора. Под угрозой исключения из стражи и лишения пенсии. Поэтому им оставалось только слушать, слушать и еще тысячу раз слушать.

Оставив жреца разбираться с двумя стражами, я прошел по аккуратной, мощенной квадратными плитками дорожке, обогнул искрящийся и пенящийся фонтан в виде рыцаря, пробивающего на полном скаку копьём здоровенного огра, истекающего водой из раны в груди, и вышел во внутренний двор Собора, где стояли статуи богов, между

которыми постоянно крутились просители и посетители из города и близлежащих окрестностей. Хотя множество паломников прибывало из других частей королевства, а то и других стран, их наплыв обычно приходился на время весеннего праздника Богов, так что сейчас двор был не так уж и многолюден. Только возле изваяния Сагры стояло несколько человек. По одежде я узнал в них воинов.

Я скучающе посмотрел на одиннадцать статуй мужчин и женщин. Передо мной стояли боги Сиалы. Мой взгляд остановился на постаменте, где должна была стоять двенадцатая статуя. Статуя Сагота.

Так произошло, что раньше в мире существовала только одна-единственная статуя Сагота. Уж не знаю, почему больше не создавалось изваяний бога воров, может, оттого, что он не желает излишнего внимания к своей персоне? Статуя находилась в Запретной части города (конечно, в те времена эта часть так не называлась), и когда случилась заварушка с Рогом Радуги, то статуя так и осталась где-то там. А воссоздать скульптуру бога воров так никто и не смог. Потому что скульптор, изваявший статую, тоже остался где-то там, за волшебной стеной. И теперь даже жрецы не знали, как должна выглядеть статуя Сагота, а поэтому решили не рисковать, не богохульничать и оставить постамент, где должен был стоять бог воров, до поры до времени пустым. Тем более что бог, как видно, нисколько не возражал против такого кощунства. Во всяком случае, жрецы никаких знамений не видели, разве что только после пятого кувшина вина, но они были так тусклы и серы, что никем не воспринимались всерьез. Так что теперь во всех храмах Сагота стояли пустые мраморные тумбы без статуи.

На постаменте в дворике Собора сидел, скрестив обутые в грязные башмаки ноги, бродяга. Он держал в протянутой руке грубую глиняную чашку. Удивительно, но жрецы как будто не видели кощунства и осквернения постамента. Меня разобрало любопытство, и я прошел вдоль ряда смотрящих на меня статуй к нищему, находящемуся в самой дальней части зеленого дворика. На ходу я снял плащ и завернул в него арбалет, дабы жрецы не бросали на меня косые взгляды. Слава Саготу, без плаща стало не так жарко. Пора менять свой наряд на более легкий и соответствующий летней погоде.

— Хорошо сидишь, — дружелюбно произнес я, останавливаясь перед нищим.

Он бросил на меня взгляд из-под темного капюшона, скрывающего лицо, и тряхнул чашкой для подаяния.

— Удобно? Ноги не затекли? — спросил я, делая вид, что не замечаю его жеста.

— Вполне, мне сейчас намного комфортней, чем тебе, Гаррет-тень, — прозвучал насмешливый голос.

— Мы знакомы? — Меня начинало раздражать, что Гаррета-тень знает, похоже, каждая крыса Авендума.

— Да нет. — Бродяга пожал плечами и вновь тряхнул чашкой. — Но я о тебе слышал.

— Надеюсь, только самое хорошее? — Я уже потерял всякий интерес к попрошайке и собрался было проследовать по едва видимой, заросшей высокой травой дорожке вглубь территории Собора к месту жительства жрецов Сагота, когда голос нищего остановил меня:

— Кинь монетку, Гаррет, получишь бесплатный совет.

— Странная мысль, — усмехнулся я, вновь поворачиваясь к сидящему на постаменте. — Если совет бесплатный, то зачем тогда давать монетку?

— Ну, Гаррет, мне же надо кушать и где-то спать, не правда ли?

Незнакомец заинтриговал меня. Я порылся в карманах, выудил самую мелкую медную монетку и, усмехнувшись, бросил нищему в подставленную им утварь. Монетка сиротливо стукнулась о стенку чашки. Нищий поднес глиняную чашку к носу, чтобы получше разглядеть, что я ему дал, и тяжело вздохнул:

— Это особенность характера или все воры такие жадные?

— Ну это уже наглость! Скажи спасибо, что я трачу свое время на тебя и дал хоть что-то! — возмутился я.

— Спасибо. Так давать совет?

— Будь так любезен.

— Тогда плати золотой, за медяшку я не работаю.

Ох! Так и хочется взять его за шкуру и встряхнуть как следует. За золотой этот проныра может безбедно питаться в течение двух месяцев. Но я уже угодил в расставленные сети прохиндея, и мне не было жалко даже золотого ради того, чтобы услышать тот бред, что он мне скажет.

— Хорошо, вот. — Я завертел между пальцами желтую монету. — Но вначале мне хотелось бы увидеть твоё лицо.

— Нет ничего проще, — произнес нищий и откинул капюшон.

Ничем не примечательная физиономия. Лицо сорокалетнего человека, заросшее седой щетиной, карие глаза и острый нос. Такие нищие десятками бродят по миру. Мне он знаком не был.

— Вот твоё монета. — Я бросил в чашку тяжелый кругляшок, и бродяга торжествующе улыбнулся. — Но учти, если совет будет плох, я вытрясу деньги из тебя назад. Ну?

— Совет такой, — сказал нищий, вновь накидывая на лицо

капюшон. — Не вставай на Селену. Ножками иди, Гаррет, ножками, тогда авось доживешь до старости.

— Селену? Какую Селену? И почему не вставать? — не понял я. — Что за загадки?

Но нищий как будто в рот воды набрал.

— Слушай, я не шучу. Или верни монету, или расскажи, откуда ты меня знаешь и что это за глупая загадка?!

— Э-э-э-х-х-х-а. Б-б-б-б-м-а-а-а-а, — промычал нищий и замахал руками, изображая из себя глухонемого идиота.

Но от моего взгляда не ускользнуло, что монета как по волшебству исчезла из рук бродяги где-то под одеждой.

— Хватит прикидываться! Возвращай деньги! — рассвирепел я и шагнул к мошеннику.

— Ты что издеваешься над блаженным? — раздался чей-то голос за моей спиной.

Я обернулся и наткнулся на пяток людей в оранжево-белых одеждах. Стража Собора.

— Да какой он блаженный, распыли меня Тьма! Он настоящий мошенник! — Я никак не мог поверить в то, что меня так красиво надули.

— Иди, милейший, иди. Тут к богам обращаются, а ты шумишь, — нехорошо улыбнулся сержант стражи, стоявший чуть впереди остальных хмурых типов. Иначе нам тебя все же придется вывести из этого богоугодного места.

— М-а-а-а-х-ы-ы, — поддержал стражу «глухонемой» и отчаянно закивал головой.

Да они тут все в одной шайке! Спорить здесь бесполезно, я только наживу кучу неприятностей и в итоге так и не попаду туда, куда шел.

— Ну ладно, обознался, наверное. — Я как можно безразличнее пожал плечами, хотя внутренне весь кипел от злости, и направился по едва заметной дорожке от нищего и стражи.

Надули меня четко и легко, попался, как сиволапый крестьянин на стандартную уловку мошенников, практикуемую от зари времен. Ну и Сагот с ними! Не обеднею. Вот только откуда этот проклятый светом нищий знал мое имя? Чьи происки на этот раз?

Дорожка петляла меж зеленых садов, цветников и клумб. Пару раз я встречался со жрецами, идущими по своим делам, они не обратили на меня никакого внимания, как будто посетители только и делают, что шастают по внутренней территории Собора. Обычная халатность и безалаберность. Раз ходит, значит, можно. Дорожка вильнула влево, обогнула клумбу с

бледными синенькими цветочками, тянущимися всеми лепесточками к теплому солнышку, и я подошел к массивному зданию из огромных серых блоков, в котором была сквозная полутемная арка, ведущая к жилищу моего единственного друга в этом мире. Я вошел в прохладный туннель. Испугавшиеся солнца тени жались к серым, оплывшим от времени стенам, а прохлада после жаркого солнечного дня наполняла меня полным и ни с чем не сравнимым блаженством. Мои шаги эхом отражались от низких сводов арки. Я почти прошел ее, выход был рукой подать, когда кто-то знакомый до боли в печенке схватил меня за грудки и приподнял над землей.

За руками из стены появились плечи и голова. Остальная часть туловища так и осталась где-то там.

— Вухджааз умный. — Демон донес до меня и так всем известный факт.

Я скривился от аромата его дыхания, стараясь удержать завтрак, которым меня любезно накормил Родерик, прежде чем я удосужился покинуть дом Арцивуса. Что же Вухджааз такое съел? И вообще, я думал, что он появится только ночью.

— Привет, — я радостно улыбнулся, как будто это был не демон Тьмы, а моя мамочка.

— Вухджааз умный. — Демон все же решил поставить меня на землю, а затем подозрительно оглядел. — Ты достал Коня?

— Ты о Коне Теней? — спросил я, стараясь потянуть время и отчаянно молясь Саготу, чтобы сквозь арку прошел кто-нибудь из жрецов.

Как назло, поблизости не было ни души, как будто всех служителей Собора вдруг поразила чума-медянка.

— Почти нашел.

— Быстрее! — прошипел демон, и его желтые глаза сверкнули в полумраке. — Мне долго не продержаться.

— Уже почти нашел, совсем чуть-чуть осталось время. — Я немного занервничал и начал заговариваться.

— Я слежу за тобой, через три дня принеси Коня, или я высосу мозг из твоих костей! — Вухджааз еще раз зыркнул на меня и растворился в стене.

Я оперся спиной о шершавую поверхность стены и перевел дух. Фу-у-у! Так и до разрыва сердца можно довести!

Я никак не ожидал, что проклятая тварь появится так скоро, да еще и днем. С Вухджаазом нужно что-то делать. Где Коня искать, я примерно уже знал, он у тех, кто натравил на меня доралисцев. Бесспорно. Теперь мне бы найти этих неизвестных и слямзить Камень до послезавтрашней ночи, а

не то мой мозг высосут...

— Ты хорошо себя чувствуешь, дитя? — раздался вежливый вопрос над ухом, и я подлетел от неожиданности на несколько метров, собираясь заорать во всю силу легких.

Но все же не заорал, разглядев, что это всего лишь жрец, который, как всегда это бывает, появился, когда представление на Рыночной площади давно кончилось.

— Все хорошо, — буркнул я и под изумленным взглядом жреца (не каждый день можно видеть, как человек ни с того ни с сего вдруг пытается улететь) торопливой походкой вышел из перехода на солнечный свет.

Вот теперь и не знаешь, что лучше, жара или прохлады. Наверное, все же жара, тут на тебя никто не выскакивает из стены и не грозит высосать мозг из костей. Я поднялся по массивной лестнице с избитыми за столетия тысячами ног людей ступенями и прошел по коридору, ведущему в жилища жрецов Сагота. Двое жрецов, стоявших у мраморной вазы, из которой торчал вялый веник, называвшийся пальмой, прекратили спор о путях и делах Сагота и уставились на меня. Воры чувствуют других воров. Ни для кого не секрет, что жрецами Сагота становятся только бывшие воры или мошенники — это уже вековая традиция, от которой никто не собирается отступать. Я кивнул и сложил пальцы знаком нашего цеха. Они расслабились, приветливо кивнули в ответ и вновь занялись философским спором. Я перестал быть для них чужаком, а следовательно, никакой опасности не представлял.

Коридор кончился, и по очередной лестнице я поднялся на второй этаж, где находились комнаты жрецов. Вторая дверь справа, очень приметная, на ее почерневшей от старости деревянной поверхности были глубокие борозды - следы, оставленные мечами не очень приветливых посетителей. Однако бывшие воры вполне могли постоять за себя, и под серыми мирными рясами всегда были спрятаны ножи. Так что посягателей на спокойствие сей обители, как рассказывал мой друг, похоронили в саду, под одной из яблонь, а мечи повесили в центральном молельном зале Храма Сагота, чтобы другим неповадно было входить в это мирное и богоугодное место с обнаженным оружием. Пусть Сагот последний из богов и не такой грозный и могущественный, как его братья и сестры, но и он, и его служители всегда могут постоять за себя.

Я постучался в дверь и, не ожидая разрешения хозяина, вошел и очутился в хорошо освещенной зале. Зала была большой, и контраст весело расписанных разноцветными красками стен после серых и тоскливых коридоров радовал глаз. Я оценивающе (что поделать, привычка) окинул

взглядом довольно приличную и богатую обстановку помещения. Дорогие картины известных мастеров прошлого, изображающие сцены из божественной мифологии, желтый султанатский ковер на полу, дорогая мебель, миниатюрный золотой постамент Сагота. Мой друг был не последним лицом в иерархической лестнице слугителей бога воров.

— Гаррет! Мальчик мой! — Из-за стола поднялся огромный толстый человек в серо-белой рясе жреца и, раскрыв объятия, направился ко мне. — Какими судьбами? Сто лет старика не навещал!

— Здравствуй, Фор, рад тебя видеть живым, здоровым и толстым! — смеясь, я обнял старого жреца.

— Что поделаешь, служба! — рассмеялся он в ответ.

— Эй! Эй! Эй! Я все видел, старый мошенник, а ну-ка верни кошелек! — вскричал я. — Все так же не теряешь хватки, старый вор?

— Куда нам, старикам, до вас, молодых? — шутливо ответил Фор и бросил мне кошелек, который только что снял с моего пояса. — Проходи, Гаррет, к столу, я как раз собирался обедать.

— Ты всегда обедаешь, когда бы я к тебе ни пришел. Служба Саготу увеличила тебя в размерах раза в три.

— Что поделаешь, на все его воля. — Фор скорбно развел пухлыми руками. — Ты посиди, я принесу вино, твое любимое.

Он усмехнулся, подмигнул мне, а затем, пыхтя и отдуваясь, ушел в соседнюю комнату. Я сел на стул, массивный и крепкий, способный выдержать вес Фора, и положил на стол плащ с завернутым в него арбалетом.

Старый Фор, Фор — Липкие Руки. Один из самых известных в прошлом мастеров-воров Авендума, который в былые годы совершал такие дерзкие кражи из самых влиятельных домов, что об этих ограблениях до сих пор говорили в криминальном мире, а молодые воры, открыв рот, слушали и внимали, набираясь опыта. Фор был тем человеком, кто первым заметил вечно голодного и худенького подростка — Гаррета-блоху и взял его себе под крыло, начав учить не мелкому карманному воровству, а искусству Высшего Мастерства.

Десять лет он мучился со мной, пока не появился Гаррет-тень, не уступающий в мастерстве учителю. Но Фор уже давным-давно отошел от дел воровских, уйдя на службу Саготу. Добрый жрец, брат Фор, Защитник Рук. Этот титул все еще вызывал у меня приступ смеха, я просто не мог поверить, что самый удачливый и талантливый вор ушел на покой. Из всех живых существ в этом сумасшедшем и опасном мире я доверял только своему учителю и другу.

— А вот и я. — Красная физиономия Фора сияла торжествующей улыбкой. В каждой руке он нес по паре запыхавшихся бутылок.

— «Янтарная слеза»! — воскликнул я.

— Именно! Старые запасы, лучшее вино светлых эльфов из-за Гор карликов доставили. Цени!

— Ценю.

— Так. Закуски, думаю, хватит. — Фор оценивающе оглядел ломящийся от всяческой снеди стол.

Пробка чпокнула и вылетела из бутылки. Густое янтарное вино потекло в бокалы.

— Ну, за встречу! Рад, что не забываешь старика.

Я пригубил вино, наслаждаясь терпким ароматом. Десять золотых за бутылку — огромные деньги, и не всякий мог позволить себе удовольствие оценить эльфийское вино. Было только еще одно редкое вино, самое лучшее в этом мире, — вино орков. Но по известным причинам не каждый мог наведаться в их погреба.

— Я и не чаял тебя увидеть в ближайшие годы, малыш. По городу ползут разные слухи.

— Слухи! — Я фыркнул. — Что за слухи?

— Ну, одни говорят, что ты на ножах с Маркуном и рано или поздно это добром не кончится. Правда, пока еще не известно, для кого из вас двоих. Но ставки делаются.

— Даже так?

— Да.

— Надеюсь, ты правильно поставил свое золото? — хмыкнул я.

— А как же? Другие болтали, что Фраго Лантэн упек тебя в Серые камни, третьи — что доралиссцы усиленно ищут некоего Гаррета. Так что, малыш, это только слухи или ты вляпался в историю? — Фор испытующе посмотрел на меня, грызя лапку цыпленка.

— Не совсем слухи, — осторожно начал я. — Весь мир как будто сошел с ума, Фор.

— Сагот спаси твою заблудшую душу, — вздохнул жрец и отложил обглоданную ножку несчастного цыпленка в сторону. — Мир завис на грани большой войны, Гаррет, а тут еще ты со своими дурацкими выкрутасами. Если все, что я слышал, правда, тебе пора исчезнуть. Куда-нибудь в Низину. Хотя не думаю, что там спокойно. Неназываемый — это только начало, мои старые кости чувствуют это. Он будет толчком, тем самым фитилем, как говаривают гномы, который подожжет бочку с порохом. А уж она догадается, как взорвать наш хрупкий мир. Орки

почувствуют свободу, Мирануэх сорвется с цепи, Гаррак вцепится в глотку Империям, а они — друг другу, карлики на гномов, гномы на карликов. Утонем в крови, помяни мое слово.

— Ты думаешь?

— Гаррет, малыш. Ты ведь образованный человек, недаром я потратил на тебя лучшие годы своей жизни. Ты получил знаний ничуть не меньше любого дворянина. Сколько ты прочитал книг из моей библиотеки? Все? А мыслишь как пятилетний ребенок. Будет война, помяни мое слово, будет. Этого не избежать. Разве что случится маленькое чудо.

— На все воля Сагота, — мрачно бросил я, крутя в руках бокал с вином.

— На все воля, — машинально повторил Фор и откусил здоровенный кусок от румяной булки. — Так что тебя ко мне привело? — прожевав, спросил он.

— Что, я уже не могу навестить своего учителя? — искренне обиделся я и нахмурил брови.

— Только не в то время, когда разумнее залечь на дно. Хотя ты всегда был упрямым и рисковал понапрасну. — Жрец обреченно махнул рукой. — Так от меня, выходит, ничего не нужно?

— Нужно, — вздохнул я.

— Ага! — торжествуяще провозгласил Фор. — Что и требовалось доказать! Я же все еще могу мыслить ло-ги-че-ски! Так что тебе понадобилось от старого толстяка?

— Убежище на пару ночей, пока я не отправлюсь исполнять Заказ.

— У нас есть пара келий, может, еще и жрецом заделаешься? — хохотнул бывший вор, вновь наполняя бокалы. — Сто-оп! Какой Заказ?! Или я ослышался?!

— Ты не ослышался.

— Ты совсем растерял последние мозги, Гаррет?! Какой Заказ?! Тут голову можно потерять, а ты все за деньгами гонишься! Нет, ну это просто верх тупизма!

— Да я сам не хотел этого Заказа, так получилось! — взвился я.

Фор внимательно глянул на меня карими бусинками глаз и с очередным вздохом наполнил вновь опустевший стакан.

— Рассказывай.

И я рассказал. Начиная с той злополучной ночи, когда тьма меня дернула пойти к герцогу Патийскому. Фор молча слушал, теребя нижнюю губу и иногда царапая вилкой деревянный стол, словно делал на нем какие-то пометки для себя. Он только раз остановил меня, подробнее расспросил

о Бледном и покачал головой, нахмутив брови.

— Не знаю такого. Странно. Очень. Откуда он взялся?

Моя история заняла немало времени, и, когда я закончил, во рту пересохло. Фор плеснул мне немного вина, и я благодарно кивнул.

— Ты четырежды дурак, Гаррет. Ты принял Заказ, хотя более безопасно для жизни было бы отправиться в Серые камни. Ты воспользовался никому не известным заклинанием, чем повесил себе на шею голодного демона. Ты не смог, когда у тебя была возможность, убить этого Бледного, а он тебе еще не раз перейдет дорожку. Тебя подставили козлам. Да еще объявился какой-то таинственный и никогда ранее не упоминавшийся в книгах Хозяин. Признаешь себя ослом?

Я кивнул.

— Ах да! Ты еще больший осел, если собираешься лезть на Запретную территорию.

— Мне нужно, это призрачный шанс выжить в Храд Спайне. Я там без карты могу бродить веками. Хочешь не хочешь, а надо, Фор.

Он молчал, думая о чем-то своем.

— Ты уверен, что без этого похода никак?

— Угу.

— Дурак ты, ох дурак. И на кой я тебя взял к себе в ученики? Хорошо, слушай. Иди только ночью. Через стену ты перелезешь без проблем. Лучше тебе это сделать в Портовом городе, возле старой конюшни Старка. Район опасный, но тебе не впервой бывать в таких местах. Оттуда сразу попадешь на Людскую, с нее сможешь добраться до Сонной Кошки, а дальше уже и на Магов. Не суйся на Кладбищенскую, сам знаешь почему. Сонная Кошка довольно спокойна, если все будет удачно, иди по крышам, надеюсь, что кровли еще не прогнили и выдержат твой вес. Идти, конечно, неудобно, но зато безопасно — мертвяки, как известно, летать пока еще не научились. На Сонной Кошке есть старая статуя Сагота — это единственное безопасное место в районе. Островок света в мире мрака. Если что, переждешь там беду. Но до утра ты должен вернуться из Запретной части, иначе останешься там навсегда.

— Откуда ты все это знаешь? — изумился я.

— Откуда? — Фор усмехнулся. — Гулял там по молодости лет, да не смотри ты на меня так и рот закрой. На Сонной Кошке банк гномов был, может, слышал? Вот я и сходил. Внутрь попасть так и не смог, двери там на совесть, но насмотрелся всякого. Нет, никаких зубов-клыков-глазищ. Врать не хочу, этого я не видел. Вообще никого не встретил. Пусто. Мертвые улицы, как будто все исчезли. Ветер да странные звуки, ну и всякие

видения, мерзости. Не буду пугать, может, ничего такого ты и не увидишь. Но возьми с собой кусок мяса да заверни покрепче в эльфийский дрокр. Эта ткань не промокает и запахов не пропускает. Если, не приведи Сагот, нарвешься на мертвецов, сможешь отвлечь их на несколько минут мясом. Вот, пожалуй, и все. Просто не верь глазам и ушам, делай дело и сваливай, Гаррет, сваливай побыстрее оттуда.

— А про улицу Магов?

— Чего не знаю, того не знаю. Не забирался я так далеко, малыш. Мне и так до конца жизни хватит впечатлений от Людской и Сонной. На первой более-менее спокойно, на второй — всякие э-э-э... Неприятности.

Фор не хотел говорить о том, что произошло во время его путешествия по Закрытой территории.

— А почему не попробовать попасть на Запретную территорию с улицы Кровельщиков? Намного ближе и безопаснее, на мой взгляд.

— Понимаешь, Гаррет, странная статистика. Тех, кто решался сунуться на Закрытую со стороны Кровельщиков, больше никогда не видели. Так стоит ли рисковать?

Мы помолчали.

— Ну что? Пойдем, покажу, где будешь спать. Хотя нет, оставайся-ка ты у меня. Кровать есть.

— Спасибо, но мне еще надо кое-что завершить в городе. — Я встал из-за стола и взял плащ.

— Все пользуешься игрушкой? — Фор кивнул на плащ, в который был завернут арбалет.

— А как же? Пользуюсь.

— Тогда купи парочку огненных болтов в магической лавке. Авось спасут тебя от зомби.

— Обязательно.

— Ты когда решил идти?

— Сегодня ночью.

— Сегодня? Ты ведь говорил Арцивусу, что через два дня? — удивился жрец.

— Что, уже передумать нельзя? — пробормотал я, направляясь к двери. — Увидимся, Фор.

— Удачи, малыш. Большой удачи, — произнес мой старый учитель. — И я подумаю, что можно будет сделать с твоим демоном.

Наступал вечер, а мне еще нужно было успеть в город Магов, пока не закрылись лавки, иначе придется воевать с теми, кто обитает за волшебной стеной, голыми руками.

Глава 8

Слишком много демонов

Арка, где я наткнулся на «умного» Вухджааза, встретила меня мрачным полумраком. Я немного помялся перед тем, как пройти сквозь нее. Встречаться с голодным демоном желания не было, но идти было нужно, и пришлось убедить себя, что два раза в одном и том же месте вселенского свинства произойти просто не должно. Поэтому я преодолел дрожь в коленях и, набрав в грудь побольше воздуха, сделал шаг.

Свинство произошло, как только я прошел половину пути. Вновь из стены вылетели лапы демона и цепко схватили меня за плечи.

— Послушай, Вухджааз, сколько можно... — раздраженно начал я, но, разглядев схватившего меня, заткнулся.

Это был не Вухджааз!!! Тварь, схватившая меня на этот раз, лишь отдаленно напоминала моего друга — «умного высасывателя мозга из костей». Этот демон был не серым, а черным, в малиновую крапинку. Он казался немного мельче Вухджааза, но баранья голова с огромными рогами, клыками и горящими изумрудными глазами не прибавляла демону ни капли миловидности или добродушия.

— Привет. — Я решил действовать по уже проверенному плану. Вежливое обхождение с таким созданием еще никому не вредило. — Я Гаррет. А ты?

— Заткнись! — прошипела тварь и, приподняв верхнюю губу, оскалила зубы.

Я решил последовать ее совету и заткнулся.

— Где он? Ты оглох?! Где он?! — Демон, выражая не самые хорошие намерения, встряхнул меня. Ну точь-в-точь как Вухджааз.

— Кто он? — спросил я, мысленно прокляв всех демонов Тьмы за то, что они никак не могут нормально сказать, чего хотят: чтобы я заткнулся или чтобы отвечал на их дурацкие вопросы?

— Вухджааз, естественно! Эта тупая тварь! Только не надо водить гоблина по лабиринту! Не поверю, что не знаешь Вухджааза, я сам только что слышал, как ты произнес его имя!

Кажется, в этот раз мне повезло меньше. Этот демон, в отличие от Вухджааза, соображал намного лучше.

— Я что, пасу его? Откуда я знаю, где Вухджааз?

— Где ты должен передать ему Коня?

— Еще не знаю.

— Так узнай! И Коня ты отдашь мне, а не ему! Уяснил?

Чего же тут не уяснить? Я очень понятливый, особенно когда рядом такое чудовище.

— Ты тоже остался в этом мире? А Вухджааз сказал...

— Мой братец туп, как пустой череп, — перебил меня демон, дыхнув несказанным ароматом помойки, на которой разлагалось по меньшей мере тысяч сорок дохлых кошек. — Я не позволю захватить ему всю власть над демонами. Ты уже нашел Коня?

— Нет.

— Так ищи быстрее, иначе я высосу мозг из твоих костей. — Похоже, это у них семейная традиция: сосать мозг из костей прохожих и ни в чем не повинных граждан. — Сейчас я тебя отпущу, человечешко, но смотри не обмани меня. Конь нужен мне, иначе от тебя останется пара косточек.

— А если меня раньше схватит Вухджааз? — запротестовал я. — Ты думаешь, он не сможет отнять у меня Камень?

— Хм-м... — Демон на миг задумался, и его изумрудные глаза затуманились. — Позови меня по имени, когда у тебя будет Конь, и я появлюсь.

С этими словами он отпустил меня и исчез в стене.

— Потрясающе! — завопил я. — А как твое имя?

— Шдуырук, тупица! — прорычала тварь, высунувшись из стены, и вновь пропала.

Шдуырук?! Сагот, ну кто им давал такие имена?! Язык свернуть можно!

Эту встречу я пережил все же намного спокойнее, чем предыдущие. Вот что значит привычка. Я вышел из проклятущей арки, решив: либо найду обходной путь в жилище Фора, либо буду ночевать под звездами, благо пока тепло, но ни за какие сокровища мира больше не сунусь в эту проклятую арку.

Клубок все запутывался и запутывался. Как говорится: «Чем глубже в Безлюдные земли, тем свирепее огры». В деле «Гаррет, похитители Коня, доралиссцы, Вухджааз, Орден Валиостра, Орден Филанда» прибавилась еще одна сторона — Шдуырук.

— Еще желающие присоединиться есть?

Теперь осталось только найти того, кто украл Камень, а затем я уж как-нибудь разберусь со всеми остальными сторонами. А если демоны подождут до конца недели, то я совсем исчезну из города, и пусть тогда они ищут другого дурака. Меня в Храд Спайне они достать не смогут.

Наверное.

Внутренний двор Собора был пуст, все прихожане давно разошлись по домам. Идя к выходу, я бросил косой взгляд на постамент Сагота. Как я и предполагал, нищий уже давным-давно исчез вместе с моим золотым.

Даже в эти беспокойные дни город Магов представлял вечером, а о ночи и говорить не надо, очень яркое зрелище. Широкие улицы с вычурной архитектурой зданий, где каждый домик был похож на миниатюрный дворец с яркой черепичной крышей, стрельчатыми окошками и фигурными башенками. Каждый домишко, каждая лавчонка пытались перещеголять и переспорить своего соседа по красоте и аккуратности. Был вечер, и фонари на улицах горели каждый своим цветом. Тут были бледно-голубые, красные, малиновые, зеленые и оранжевые оттенки.

Только здесь были волшебные фонари, неизменно горевшие каждую ночь, что бы ни случилось в нашем мире. Высокие и изящные металлические столбы, на вершине которых трепетали разноцветные солнышки огоньков, волшебные фонари Авендума, еще одно чудо Валиостра, о котором говорили на каждом перекрестке этого мира. Огни загорались сами, как только наступал вечер, и горели до утра, пока не появлялись первые солнечные лучи. Сколько совет города ни просил магов установить такие фонари на каждой улице, все без толку. Маги отбрыкивались всеми способами. Арцивус как-то смог сделать так, что волшебные фонари остались прерогативой города Магов и королевского дворца.

В этот вечер улицы города Магов были забиты народом под завязку. Стихийные пьянки-гулянки вспыхивали со скоростью лесного пожара то тут, то там. Народ гулял. Народ праздновал. Народ хоть ненадолго освободился от ночных страхов и мыслей об армии Неназываемого. Все восхваляли Орден и магистра Арцивуса.

Как я понял из услышанных мною криков радости и песен, магам наконец-то удалось изгнать из Авендума ночных тварей. И поэтому теперь можно спокойно выходить на ночные улицы, не боясь, что тебя кто-нибудь съест.

Я лишь хмыкнул. Обижаться на предприимчивого Арцивуса, присвоившего всю славу победителя демонов Ордену, я, конечно, не собирался. Мне лично этой славы не нужно. Просто очень уж насмешил этот поступок, более достойный расторопных купцов, а не магистра кичливого и важного Ордена. Вот интересно, сколько еще таких вот «победных случаев» смог повернуть под шумок Орден, укрепив тем самым свое положение? Ладно, не мое это дело.

Широкая улица Искр утопала в магических картинах. Каждая лавка считала своим долгом переплюнуть соседнюю по количеству магических иллюзий и позвать к себе возможных покупателей. Вот над одной лавкой появились яркие огненные буквы, превратившиеся в стаю иллюзорных голубей, которые, хлопая крыльями, упорхнули в вечернее небо, где сложились в маленькую белую тучку, опустившуюся на крышу лавочки и вновь ставшую буквами. Прохожие не обращали на эти чудеса никакого внимания. На улице Искр, где находились магические лавки Авендума, можно было увидеть и не такое. Чудес и иллюзий здесь было хоть черпай дырявым сапогом. Можно было целый год смотреть, разинув рот, на иллюзорные молнии, уничтожающие иллюзорного огра. Глазеть по сторонам, конечно, можно, вон тот сиволапый крестьянин, приехавший, видно, откуда-то с юга королевства, так и делает. А в это время расторопные вездесущие карманники пытаются стянуть у него полупустой и тощий кошелек. Странно, обнаглели ребята вне всякой меры. Маги обычно не допускают, чтобы в их части города происходили такие мелкие и не очень-то приятные происшествя. Мелких воришек гоняли нещадно, иногда даже используя ослабленные атакующие заклинания. Но ворье Авендума знает, когда ни-ни, а когда можно, но только потихоньку. Вот сейчас было можно. Все празднуют изгнание демонов, и Ордену в эти часы не до воришек.

Естественно, их магичества не опускались до торговли в волшебных лавках, на это были лавочники, ученики магов или еще кто-нибудь. Маги только создавали товар или оказывали магические услуги. Да и то этим делом промышляли только волшебники низших ступеней, пока не становились полноправными магами Ордена.

Пройдя сквозь очередную иллюзию дракона, я подошел к ничем особо не выделяющейся лавке. Тут не было ни картин ярких огненных дождей, ни ужасных чудовищ, ни волшебников в сияющих серебряных плащах. У уютного одноэтажного заведения не было даже вывески. Эта лавка не нуждалась в безвкусном зазывании клиентов-лопухов, которым некуда было девать денежки. Тут все было серьезно. Начиная от хмурого продавца, обилия товара и бешеных цен. Воистину бешеных.

Но знающие люди шли именно сюда, в маленькую скромную лавку, а не в раздувшиеся от магических побрякушек и красочных фантомов магазины улицы Искр.

Я толкнул дверь и вошел в ярко освещенную двумя маленькими волшебными фонарями лавку. Колокольчик на двери весело звякнул. Многих посетителей удивило бы полное отсутствие товаров. Большая

комната со столом и стульями и проход во внутренние помещения лавки. Тому, кто приходил сюда, хозяин сам подбирал и выбирал со склада, находящегося где-то там, в глубине лавочки, нужные товары.

— Кого Тьма притащила? — раздался низкий и не очень-то вежливый голос, будто шмель загудел над полем клевера. — Мы закрываемся, убирайтесь!

Из полутемного внутреннего помещения лавки вышел низкорослый крепыш. Если бы я встал рядом с ним, то макушка лавочника едва-едва доставала бы мне до груди. Обычный карлик, ничего более. Как и у всех карликов, у него был массивный лоб, глубоко посаженные черные глазки и выступающая вперед тяжелая нижняя челюсть. Крепкий бочкообразный торс, сильные мускулистые руки. И несносный характер. Многие темные обыватели откуда-нибудь из глубинки почему-то путали карликов и гномов. Они считали, что и те и другие похожи друг на друга, как две капли воды из Иселины. Ну что возьмешь с темных крестьян, которые не видят ничего, кроме плуга? Карлики отличались от своих братьев-гномов, те на вид были более мелкими и хлипкими, а также носили то, что никогда под страхом смерти не будут носить карлики, бороду.

— Добрый вечер, мастер Хонхель, — произнес я.

— А-а-а, — протянул карлик и вытер огромные руки о кожаный фартук. Мастер Гаррет. Добрый, добрый. А я уж было собрался вас из лавки выкидывать. Давно не были. Как зрение?

— Вполне. — Хонхель спрашивал о моем ночном зрении, которое я усилил с помощью эликсира, купленного полгода назад в его лавке.

— А что привело ко мне, да еще в час закрытия?

— Покупки.

— Большие? — Карлик хитро прищурился, уже начав прикидывать деньги, которые он сможет с меня содрать.

— А это уже как получится, мастер Хонхель. Смотря какой товар.

— Ну мастер Гаррет, — подчеркнуто обиженно прогудел карлик. — Разве вы когда-нибудь были недовольны товарами моей лавки?

— Пока нет, но, согласитесь, любезный мастер Хонхель, все когда-нибудь бывает впервые.

— Только не у меня! — хохотнул карлик и повел меня в глубину лавки. Я получаю товар от лучших магов Ордена. А множество вещей приходит ко мне из далеких земель.

Что правда, то правда, мастер Хонхель был одним из немногих карликов, которые остались в Валиостре и не ушли в свои горы, после того как король заключил договор с гномами о покупке пушек. Уж не знаю, как

долго будет тянуться время, пока карлики не отойдут от обиды и не вернутся со своими товарами в Валиостр, но такие, как добрейший мастер Хонхель, вполне успеют сколотить за это время три-четыре состояния.

— Что вас интересует, мастер Гаррет? Стандартное или что-то особенное?

— И то, и то, — неопределенно произнес я, останавливаясь вслед за карликом возле большого стола с кучей ящиков, ящичков, коробочек, сундуков и сундучков, стоявших на нем.

Мы сели за стол и, как всегда, начался торг, который я лично терпеть не мог. Потому как торговаться с карликами намного тяжелее, чем убить Х'сан'кора, к примеру.

— Давайте конкретней, время позднее, — поморщился Хонхель, делая вид, что он жутко занят.

Как бы не так, его от меня теперь не оттащишь всеми сокровищами драконов.

— Двадцать пять огненных болтов, столько же световых, сто стандартных, бронебойных. Пятьдесят болтов-близняшек.

— Ого, — присвистнул карлик и округлил глаза. — Пойдете гномов из Стальных шахт выбивать?

Я не ответил, да ответ и не требовался. Хонхель знал, кто я такой, чем промышляю и какой род товаров нужен для моей работы.

— Хорошо. Еще что-то? — кивнул карлик.

— «Огоньки», вязанку. Два десятка «сухарей». Веревку-спутницу, метров десять.

— Какую?

— Паутинку.

— Эльфийскую? Да где же я такую достану? — деланно удивился карлик. — У этих клыкастых разве чего допросишься?

— Ну мастер Хонхель, вы же не простой лавочник, вы пошуруйте по своим коробочкам и сундучкам, авось найдете.

— Найду, — согласился Хонхель, понимая, что в этот раз торговаться я не намерен. Или почти не намерен. — Все?

— Можете предложить что-то еще? — вопросом на вопрос ответил я.

Карлик подумал, подперев кулачищем подбородок, затем усмехнулся:

— Есть у меня тут кой-чего для таких ценителей, как вы, мастер Гаррет.

Он исчез под столом, загремел замком спрятанного там сундука, побряхтел и вылез оттуда с арбалетом в руках. Я, сам того не желая, издал восхищенный вздох, чем повысил цену арбалета еще на полсотни золотых,

не меньше.

Черный, изящный, маленький. Он был даже меньше того, что сейчас был у меня. Арбалет мог уместиться в одной руке. У оружия была довольно странная конструкция, оно оказалось спаренным. Оба арбалета, как я понимал, находились друг над другом, вначале устанавливался нижний болт, затем верхний, тетива на обоих механизмах натягивалась с помощью короткого рычага. Гладкая отполированная ручка, пара спусковых крючков. Оружие мечты.

— Вы позволите, мастер Хонхель?

Карлик улыбнулся, протянул мне оружие и два болта. Я взвесил арбалет в руке. Легкий. В два раза легче, чем мой. Вставил болт в специальную прорезь, затем второй, потянул рычаг. Он поддался на удивление легко. Щелчок — и болты замерли в ложе. Молодцы карлики, додумались же, как облегчить натягивание тетивы!

Я поискал глазами мишень, нашел на дальнем шкафу старый, запылившийся шлем, взглядом попросил у Хонхеля разрешения и, прицелившись, нажал на спуск.

— С предохранителя снимите, мастер, — насмешливо произнес карлик. — И цельтесь через вон ту стрелку, специально ведь сделано.

Я нащупал этот самый предохранитель, маленькую и почти не заметную планку, и вновь нажал на спуск.

Щелк! И первый болт ударил в шлем, пробил сталь и застрял в забрале.

Щелк! И брат первого болта сделал то же самое. Пользоваться этим миниатюрным оружием было очень легко и просто. Такие бы в нашу армию, и мы бы сровняли пикинеров Мирануэха с землей.

Я влюбился в этого малыша и теперь уж точно не собирался отдавать его.

— Вы посмотрите, какая работа, какая сталь, даже эти гномы не смогут сделать такого! Сам делал, вот этими вот ручками! — Карлик в подтверждение сунул мне под нос свои лапищи. — Моя разработка. Не буду больше хвалиться, вы, мастер Гаррет, и сами все видите.

Так он мог заливать часами, даже если бы это был не арбалет, а шкура дохлой крысы. Хонхелю главное — продать товар подороже.

— Сколько? — спросил я.

— Триста золотых.

— Сколько?! — За эту цену вполне можно было полностью экипировать десяток рыцарей.

— Триста, беру по-божески. Торговаться не намерен, или берите или

найду другого покупателя.

— А найдете ли, уважаемый Хонхель? За такую-то цену? Проще нанять отряд лучников. Сто пятьдесят.

Карлик покачал головой и пожевал губу. Затем почесал в затылке.

— Лучники будут бегать и топотать ногами. Вам это надо? Как постоянному и уважаемому клиенту — двести пятьдесят.

— Двести. Не забывайте, что я беру еще и другой ваш товар.

— Двести двадцать пять, — выставил встречное предложение карлик, сжимая и разжимая огромные кулаки.

— Тьма с вами, почтенный, беру! — Торговаться с прижимистым лавочником дальше не было смысла.

— Будем считать? — Карлик с усмешкой достал из-за спины массивные счета. — Или мастер желает еще чего-нибудь?

— Как насчет заклинаний? То, что я обычно беру.

— Пробирки? А рунную магию не желаете? Мне тут из Исилии привезли очень интересные свитки.

— Нет, никакой рунной магии. — После того злополучного свитка, посадившего мне на шею Вухджааза и Шдуырука, я до скончания веков потерял доверие к рунной магии.

Гном вскинул брови:

— Какие заклинания?

— А какие у вас есть, мастер Хонхель?

— Это смотря из какого стекла вам нужны магические пробирки.

— Из волшебного.

Волшебное стекло пробирок было создано магами и не разбивалось без желания того, у кого оно в данный момент находилось. То есть я вполне мог прыгать по пузырькам с магическими заклятиями в железных сапогах, и стекло бы выдержало, пока я подсознательно не захотел бы, чтобы оно разбилось и заклинание сработало. Волшебное стекло — прекрасный способ обезопасить себя от того, что пробирка с магическим зельем неожиданно разобьется, например, когда вы падаете на живот и налегаете на нее всем своим весом. Не случится никакого огня или бури, и вас не разметает на тысячи маленьких удивленных кусочков. Поэтому заклинания в пробирках из волшебного стекла стоили на порядок выше, чем в обычных стеклянных пузырьках.

— Посмотрим, что тут у нас есть, — пробурчал Хонхель, нацепляя на красный нос очки со стеклами из горного хрусталя. — Кстати, простите за болезненное любопытство, но как вы будете расплачиваться?

Естественно, этот вопрос не дает карликам покоя и сна вот уже какую

тысячу лет.

— Наличными, — процедил я сквозь зубы и вытащил огромную суму, весящую, казалось, побольше алебарды стражников.

— Двести золотом весит много и занимает места тоже не меньше. — Вот, здесь двести.

Карлик даже не посмотрел на деньги, а это, надо сказать, редкий случай.

— Мастер Гаррет, я вас давно знаю, вы хороший клиент, чего уж тут скрывать, но даже вам я не собираюсь отпускать товар в долг. А то, что вы набрали у меня, уже тянет на пятьсот. У вас не хватает, согласитесь?

Ну, насчет пятисот с лишним монет он конечно же загнул, подняв цену на пять десятков золотых, если не больше. Но что правда, то правда — не хватает.

— Не хватает, — согласился я.

Спорить с карликом? На такое способны только гномы и драконы.

— Вам заплатят, мастер Хонхель.

— Позвольте полюбопытствовать, кто мне заплатит, если вы, мастер Гаррет, вдруг не вернетесь со своей опасной прогулки? — ехидно спросил меня карлик, откидываясь на спинку стула.

— Он заплатит. — Я небрежно толкнул в сторону карлика кольцо.

Хонхель осторожно взял его пальцами левой руки, поднес к глазу и внимательно рассмотрел.

— Просто придете во дворец и скажете, что от меня. Заодно — и кольцо вернете.

— Гм, гм. Хорошо, впервые даю в долг, но кольцу с гербом короля можно верить. — Карлик бережно убрал золотой ободок во внутренний карман жилетки. — Так на чем мы остановились, уважаемый? А! На заклинаниях. Давайте посмотрим, что может предложить мастеру бедный лавочник.

Глава 9

Конюшня Старка

Проклятие! За два предыдущих месяца я уже успел привыкнуть к пустым ночным улицам и тишине. Но эта ночь была особенной. Через пару минут наступит полночь, а на улице еще бродят некоторые не уgomонившиеся и во все луженое горло вопящие песни личности, от которых за лигу несет дешевым вином.

Как же, праздник. Твари Тьмы изгнаны из Авендума.

По счастью, возле старой конюшни Старка, находящейся в одноименном районе Портового города, никого не было. Даже одурманенные винными парами пьяницы не очень-то стремились шляться по темной улочке, на которой стояли самые бедные и ветхие дома города, находившиеся здесь вместе с грязным и упавшим на самое дно людом. В этих домиках жило всякое отребье, и по утрам тут частенько находили покойников. Мертвецов здесь было больше, чем на поле Сорна в ту далекую памятную битву между карликами и гномами.

Да и днем неместному лучше сюда было не лезть. Как вы поняли, район возле конюшни Старка пользовался не очень-то хорошей славой, тем более что прямо под боком здесь была стена, за которой находилась Закрытая, или, как еще ее многие называли, Запретная, территория.

Я стоял во тьме возле старой и давно уже заброшенной конюшни Старка. Стена конюшни упиралась мне в спину шершавыми досками. От старости и ветхости стена наклонилась, и со стороны могло показаться, что она вот-вот упадет и придавит меня.

Запустение и тишина властвовали в этом месте. Лишь иногда в ночи промелькнет быстрая человеческая тень, которая старается не попасть на глаза существам, способным за пару медяков перерезать горло. Таких существ уже давно перестали называть людьми. Это была грань, грань между тенью и тьмой. Страшные твари, а не люди. Намного опасней стаи голодных гголов. И самое мерзкое, что это все же были люди, люди, скатившиеся на самый низ и превратившиеся в вечно голодных, коварных и беспринципных убийц. Убийц, ставших такими не по своему желанию, а потому, что это единственный шанс выжить здесь, в самом трущобном районе Портового города — Конюшне Старка. Район, который, как и Закрытая территория, жил своей, обособленной жизнью, не терпевшей прихода чужака. Ни король, ни маги, ни городская стража, ни совет

Авендума, ни жрецы даже не думали что-то исправлять в этой ситуации, закрывая глаза на пока маленькую гноящуюся язвочку города, руководствуясь принципом: «Если не мешает, то потерпит еще немножко».

Это «еще немножко» длилось уже не одну сотню лет, и конца истории Конюшни Старка видно не было. Все наплевали на это место и живущих здесь людей, а они, в свою очередь, наплевали на всех наплевавших и превратились в опасных зверей в человеческом обличье.

Я взглянул прямо перед собой, где в нескольких десятках метров от конюшни находилась стена — ослепительное ярко-белое пятно в ночной мгле. С виду в ней не было абсолютно ничего волшебного, обычная стена белого цвета, с потрескавшейся и кое-где облупившейся штукатуркой. Такие окружают дома во всех районах города. Только на этой коряво и неграмотно были нацарапаны мерзости и непристойности. Ясное дело, жители Конюшни Старка постарались выразить свои познания в литературе и живописи. У них это не очень получилось, если честно.

Высота преграды — два с половиной метра, не так уж и много. Перелезть через нее — раз плюнуть, но желающих сходить на прогулку не наблюдалось. Да и те, кто обитает в Запретной части, что-то не очень уж и стремились высунуть нос из-за стены в обжитые части Авендума. Приходилось признать, что Орден постарался и сделал стену на совесть. За все время, что она стоит в Авендуме, ни одна тварь не вылезла к нам в гости с Запретной территории.

Я снова бросил взгляд на созданную Орденom защиту, разделявшую жилые и мертвые районы Авендума. Иногда стена становилась желтой, это очередной сгусток июньского тумана накрывал ее белое тело вязкой периной.

Туман жил своей призрачной и загадочной жизнью. Он тихо клубился и сиял в свете июньской луны. То тут, то там туман выпускал осторожные и дрожащие на ласковом теплом ветерке усики, которые нежно ощупывали воздух между собой и стеной, пытаясь найти щель и преодолеть этот низенький, но неприступный для них барьер. Вот один из желтеньких усиков, сверкая и извиваясь, почти преодолел стену, но, лишь коснулся ее белой поверхности, вспыхнула маленькая искорка, и усик тумана испуганно дернулся, а затем, извиваясь, как раненый червяк, отпрянул от стены. Магия.

Магически сотворенный туман, от которого, кстати, могущественный Орден уже и не пытался избавиться, встретился с магически сотворенной стеной. Магия столкнулась с магией. Магия стены оказалась сильнее. Она не пропускала туман, хоть тот пытался попасть в единственную не

захваченную им часть города. И так каждый июнь. В первые дни июня, как только появляется туман, он мечется, бьется о стену, вызывая по всему ее периметру холодные голубые искры. Но потом туман понимает, что ему с ней не справиться, и прекращает штурм. Лишь изредка такие вот усики пытаются найти брешь в белой крепости, но безуспешно. Июнь заканчивается, и туман исчезает до следующего года, чтобы потом вновь начать безуспешный штурм.

Туман перестал искриться и на миг погас. Это сырно-желтая луна домчалась до одинокой гряды облаков, медленно плывущих в ночном небе, и скрылась в них на несколько секунд, укутавшись в мягкую перину. Но облака проплыли дальше, и вновь луна озарила бледным светом окрестности конюшни Старка. Если не считать одинокой вереницы облаков, небо было безоблачным, и разноцветные стеклышки звезд, мерцая и искрясь в ночном куполе мира, сияли мне с непостижимой высоты. Яркой алмазной подвеской на полнебосвода раскинулась Корона Севера. Ее Камень, самая яркая звезда наших мест, указывал на север, туда, где в Безлюдных землях готовится к войне Неназываемый. Многие рассказывают, что там, за Одиноким Великаном, на Корону Севера невозможно смотреть — такими яркими и крупными становятся звезды. Не в пример нашим, городским, хотя и тут Камень поражал своим размером и красотой ярко-голубого сияния.

Ночь была теплой, если не сказать жаркой, но меня сотрясала мелкая дрожь, а зубы тихонько отбивали дробь. Дрожал я не от холода, а от нервного возбуждения, которое обычно появляется у меня перед очень важной и опасной работой. Ничего страшного в этом нет, как только надо будет делать дело, дрожь исчезнет, развеется в мелкую пыль, и на ее место придут сосредоточенность и осторожность.

Находясь во тьме, возле стены конюшни Старка, я нетерпеливо дожидался наступления полуночи. Как говаривала молва, время между полуночью и первым часом самое безопасное. Так что я решил дождаться благоприятного времени, тем более что оставалось всего лишь несколько минут.

Теплая погода вынудила меня снять плащ и облачиться в черный камзол, к которому умелый портной пришил капюшон. Чует моя печенка, что в эту ночь я набегаюсь, а плащ уж слишком стесняет движения. Да и по крышам не попрыгаешь, когда плащ то и дело норовит оплести ноги.

Новый арбалет висел за спиной, как и тонкая веревка-спутница. Она была скатана в тугий комок размером чуть больше моего кулака. Веревку, арбалет и десяток различных болтов я взял у мастера Хонхеля, а остальное

попросил доставить во дворец короля на следующее утро. Карлик клятвенно пообещал исполнить мою просьбу. В том, что он поступит так, как ему сказали, я ни на минуту не усомнился. Хонхелю слишком дорога репутация честного торговца, чтобы он выкинул что-нибудь глупое.

Озноб ожидания прошел, сгинул, как холодный ветер из Безлюдных земель. Я потерял широкий пояс с кармашками, в которых уютно дремали арбалетные болты. Миниатюрная сумка с несколькими пузырьками Хонхеля и нож, висящий на правом бедре, также добавляли мне лишний вес, но за годы работы я уже не обращал на эти мелкие помехи никакого внимания. Прямо под ногами у меня лежал кусок говяжьей вырезки, который я успел купить у мясника, когда он уже закрывал лавку на ночь. Мясо пришлось завернуть в кусок эльфийского дрокра, купленный у жадного карлика. Хонхель даже не стал скрывать, что удивлен такой странной покупкой. Но я не удовлетворил его любопытство, хоть как-то отыгравшись за то, что он содрал с меня воистину сказочную сумму и обогатился за один час так, как некоторые не могут за всю жизнь. Ну и Неназываемый с ним! Деньги пришли, деньги ушли, нечего рыдать по таким пустякам.

— Бо-оо-ммм-мм! — Одинокий удар магического колокола Собора раздался в ночи.

Этот «Бомм» слышен во всех уголках Авендума и возвещает о том, что наступает полночь. Пора.

Я поднял с земли мясо и, выскочив из тени возле конюшни, быстро побежал к волшебной стене. Не успел преодолеть и половину пути, когда откуда-то из-за старого покосившегося домика с поломанным крыльцом и осевшей крышей раздался топот ног. Я выругался и метнулся назад, в спасительную тень заброшенной конюшни.

Из переулка показались силуэты людей. Я посмотрел на них глазами, усиленными магическими снадобьями. Стража. Десяток. Все в кирасах, лица напряжены и нахмурены. Какой тьмы они делают в этом районе? Стражу сюда на цепи не затащишь. Да не то что не затащишь — ее не заманишь даже кошелем с полновесным золотом. Стражников тут любят еще меньше, чем всех остальных.

Стражники вышли на освещенную луной середину пустой улицы и остановились, сжимая в руках алебарды и нервно косясь на стену.

Я с интересом стал наблюдать за ребятами, благо хоть и находился в десятке метров от них, но в темноте ретивые борцы с преступностью меня не видели.

— Никого, — буркнул один из них. — Тут никого нет, Жастин.

— А ты кого ожидал тут увидеть, Ро? Свою мамочку? — сплюнул другой стражник, наверное, этот самый Жастин.

Несколько блюстителей закона нервно хохотнули, но испуганных взглядов от стены не отвели.

— Нет, — издевательски ответил Ро. — Я надеялся поймать того гада и отправиться на боковую.

— Надеждам не суждено было сбыться, — произнес худой страж, стоявший ближе всего ко мне. — С чего ты, Жастин, решил, что вор будет тут?

Вор? Это интересно.

— И то дело, — скороговоркой начал еще один, с рыжей включенной бороденкой. — Проклятая стена большая, почему тут, а не в другом месте? И не пора ли сваливать? Не нравится мне тут.

— А тебе ничего не нравится, — поддержал Жастина еще один.

— Да пошел ты, — оскалился рыжий.

— А ну заткнуться! — рявкнул Жастин, и его голос громом раздался в ночной тишине. — Вы думаете, мне нравится здесь торчать? Я бы сам с радостью сидел дома и, попивая винцо, обнимал женушку, — уже намного тише продолжил Жастин. — Вы сами вызвались на это дело, поздно хныкать.

— Если бы я знал, — занял тот, которого называли Ро, — то никогда бы не согласился на эту работу, даже за эти поганые десять золотых.

Десять золотых для такой скотины? Хм... Большие деньги.

— Но ты ведь согласился, правда? — спросил поддерживавший Жастина стражник. — И взял деньги, как и все остальные, так что хватит причитать. И без тебя паршиво.

— Может, мы перестанем грызться и займемся делом? — вновь затараторил рыжий. — Так с чего ты решил, что этот Гаррет будет здесь? Тут вроде и воровать нечего.

Гаррет? Уж не по мою ли душу явились сии верные стражи общественного порядка? Зачем я на этот раз понадобился Фраго Лантэну?

— Почему здесь, почему здесь? — передразнил до этого молчавший гигант. В его руках алебарда казалась игрушкой. — Потому что нам так сказали, идиот.

— Кто сказал?

— Уж точно не барон Лантэн, — хихикнул Худой. — Он по десять золотых за голову какого-то вора не заплатит.

— Лучше держи язык за зубами, Ярги, — буркнул Жастин. — А то, неровен час, его отрежут.

— Ладно, Жастин, я чего, я ничего, так, к слову пришлось, — испуганно ответил Ярги.

— Т-а-ак, к слову пришлось, — передразнил Ярги рыжий стражник, растягивая слова. — Дурной язык ногам покоя не дает. Если Лантэн узнает о том, кто нам заплатил, чтобы мы порешили этого вора, с нас шкуру на дыбе спустят. Так что заткнись.

— С каких это пор ворье стало такими важными персонами, что за их безвременную кончину стали отправлять на дыбу?

— С тех самых пор, как нам заплатил этот человек.

— Но это точно, что вор будет перелезть через стену сегодня? — не удержался от вопроса стражник по имени Ро.

— Нет, не точно, — хмуро ответил ему Жастин. — Нам сказали ждать и смотреть. Если он появится в течение нескольких ночей, убить.

— Ядрена кочерыжка! — сплюнул рыжебородый. — Да, может, он совсем не придет? Он ведь не полный дурак, чтобы соваться туда!

В подтверждение своих слов рыжебородый ткнул пальцем в сторону стены, и все остальные стражники покосились на нее.

— Зачем мы тогда вообще здесь торчим, как идиоты?

— Затем, что наниматель дал тебе десять золотых! — потерял терпение Жастин.

— Интересно, — задумчиво сказал Ярги, цепко всматриваясь во тьму. — С чего это ему понадобилась смерть вора?

— Дурак, — зашипел Гигант.

— Да я так, мысли вслух, — поспешил исправиться Ярги и окончательно заткнулся.

Мда, никто меня не любит, все хотят отправить мою душу на незапланированное свидание с Саготом. Вот и еще один доброжелатель появился, который заплатил нечистым на руку стражникам, дабы заполучить мою несчастную голову. Интересно, чем я ему-то насолил? Жуткая неделя. За эти несколько дней я приобрел врагов и неприятностей больше, чем за всю прошлую жизнь.

И вот теперь еще этот неизвестный, который непонятно как узнал о моих планах и жаждет крови.

Исходя из сложившейся ситуации, я решил, что моей скромной и несчастной персоне лучше затаиться в тени и переждать, пока стражники не свалят.

— Почему здесь, почему здесь? А тьма его знает, — сам себе ответил Жастин, перекладывая алебарду из правой руки в левую. — Нам сказали проверить этот участок, и мы его добросовестно проверили.

— Но тут никого нет. — Ро сплюнул себе под ноги.

— Верно, нет. Поэтому мы сейчас пойдем вдоль стены, авось на него и наткнемся.

— На душегубов и напоремся. Они тут бешеные, на всех кидаются. На то, что мы поймаем этого человека, шансов мало, — уныло произнес Гигант. — В такой-то темени.

— Да какое нам дело? — не выдержал седой мужик, стоявший рядом с Ярги. — Мы денежки получили, теперь не наша забота.

— Да уж...

Ро не успел договорить, потому что из того переулка, откуда совсем недавно появились стражи, ужасно блея, выскочило два десятка доралисцев с дубинами наперевес.

— Трево-о... — попытался заорать крайний, до этого все время молчавший стражник, но подбежавший к нему доралиссец ударил несчастного дубиной и проломил голову.

Началась полная неразбериха. Крики, гвалт, блеяние, звон оружия. Прежде чем стражники догадались выставить перед собой алебарды, доралисцы подбежали к людям вплотную, и козьи дубинки принялись собирать кровавый урожай. Упал рыжебородый, упал Жастин, захлебываясь кровью, свалился на мостовую еще один стражник. Доралисцы глупы, это я вам не раз говорил. Вместо того чтобы развить свой успех и добить не оправившихся от неожиданного нападения стражников, все два десятка тупых козлов столпились над четырьмя трупами незадачливых стражей и принялись месить их дубинами и топтать копытами, рассерженно блея. Вояки.

Взяв на себя обязанности Жастина, Гигант принял командование над оставшимися стражниками. Они отпрянули к стене и выставили перед собой тяжелые алебарды, выглядевшие намного внушительнее, чем коротенькие шипастые дубинки доралисцев. Козлолюди не обратили на эту перегруппировку никакого внимания и продолжали заниматься важным делом — кромсать изуродованные трупы людей. Эх! Их бы энергию да в иное русло!

Гигант, хоть и был отъявленным мерзавцем, так как взял деньги за мою голову, все же, надо отдать ему должное, оказался опытным воином и хорошим командиром. Он не стал ждать, когда на его отряд обратят внимание, и сделал, наверное, то, чего я меньше всего ожидал, — повел стражников в атаку. Шесть алебард как одна ударили козлам в спину, и первые шестеро рогатых упали. Еще удар, и еще четверо доралисцев, крича от боли, растянулись на мостовой. Оставшийся десяток доралисцев,

видимо, наконец-то пришел в себя и попытался броситься на осмелевших стражников, но их встретили грозно ощерившиеся алебарды. Обе группы замерли друг перед другом, напряженно ища слабину в обороне противника. Лично я уже нашел сотню слабых у доралиссцев и не понимал, чего Гигант и его подчиненные медлят. Так они и стояли друг напротив друга, хотя, пойдя стражники в атаку, ни один доралиссец не смог бы подобраться к ним на расстояние удара дубинки.

Первым не выдержал Ро. Он бросил алебарду на землю и с криком побежал в мою сторону. Тут же от кучки доралиссцев отделился один козлочеловек и бросился вдогонку за Ро. Вопящий от ужаса стражник пронесся мимо меня и скрылся в темном переулке между покосившимися домами. Доралиссец последовал за ним, отставая от Ро лишь на несколько шагов. Старина Ро, в отличие от меня, бегал не очень быстро.

— Проклятие! Убью сукина сына! — выругался Гигант. — Всем стоять, коровьи дети. Кто побежит, лично повешу. Эй, что вам надо?

— Этот человек-э-эк наш, — проблеял один из доралиссцев и попытался обойти кучку людей с фланга, но, увидев перед собой острие алебарды, отскочил назад.

— Какой, на хрен, человек?! — взорвался седовласый стражник. — Вы соображаете, что творите?! Нападение на стражу Авендума! Да вас всех в кипятке сварят!

— Этот человек-э-эк наш, убирайтэ-э-эсь! — вновь проблеял доралиссец.

— Вы, тупые образины, — пискнул один из стражей. — Какой человек?

— Гаррэ-э-эт! Он забрал нашэ-э-эго Коня!

Ну что за хрень? И эти туда же! И этим рогатым недоумкам я понадобился! Может, выставить свою персону на аукцион? Кто даст больше за шкуру Гаррета? Эх, чуется мое сердце, обогащусь на века!

— Нам нет дела до ваших коней, а Гаррета здесь тоже нет. — Гигант крепче взялся за алебарду.

— А гдэ-э-э он?

— Вон туда полез, — нашелся Ярги и указал на белую стену. — На Закрытую территорию.

Доралиссцы забыли о стражниках и их алебардах. Они, отталкивая друг друга, принялись штурмовать стену. Вот ее перемахнул один из козлов, вот второй.

Я всегда говорил и скажу сейчас, что доралиссцы слишком тупы, чтобы жить в нашем мире. Их появление на Сиале — какая-то шутка богов,

не иначе.

Шайка Гиганта опомнилась в тот момент, когда за стеной оказался третий доралиссец. Вопя во всю мощь своих легких, стражники напали на оставшихся козлолюдей, пытавшихся перелезть через стену. Расправа была короткой, но жестокой. Последнего доралиссца Гигант нанизал на свою алебарду и, уперев древко оружия себе в бедро, перебросил извивающегося на этом импровизированном вертеле козла через стену, в Закрытую часть города.

— Пусть подохнет там, — хихикнул Ярги.

— Ага, — поддержал Седой, опираясь на алебарду и тяжело отдуваясь после скоротечной стычки. — Сегодняшней ночью твари за стеной будут питаться козлятинкой.

Кто-то из стражников нервно загоготал, все еще не веря, что остался жив после неожиданного нападения.

— А что делать с теми, кто перелез через стену? — спросил Худой.

— Ну так иди и шлепни их, — предложил Ярги.

— Ищи дурака. Сами сдохнут. До утра точно не доживут.

— А что делать с тем, который побежал за Ро?

— Дать премию и объявить благодарность, если он прибил этого труса, зло буркнул Гигант. — Если нет, то сами Ро порешим. Все, ребята, пора сваливать, а то тут стало слишком беспокойно, уходим.

— Погоди. — Ярги подбежал к телу одного из своих товарищей, кажется к Жастину, и стал рыться у него в карманах.

— Ты что делаешь, дурак? — с отвращением спросил Седой.

— Десять золотых я не собираюсь оставлять местным жителям, — огрызнулся Ярги.

— И то дело, — решили стражники и по примеру Ярги стали обыскивать тела других мертвецов.

Вот она, любовь человеческая к ближнему своему. Особенно после смерти. На такое не пойдут ни эльфы, ни орки, ни карлики, ни гномы, ни даже огры. В вопросе о мертвецах мы стоим где-то между гхолами и доралиссцами. Если первые с радостью сожрут своего павшего товарища, то вторые не обратят на его смерть никакого внимания и даже позабудут похоронить. Сравнить человечество с трупоедами или с козлами-переростками не очень-то приятно, но что поделаешь? Жизнь местами очень гадкая штука.

— Ну все? — Гигант спрятал блеснувшее в руках золото в карман. Уходим.

— А как же вор?

— Ну так оставайся и жди его тут, пока тебя не прирезали! Или дождись очередного стада доралиссцев. Они будут очень рады забить тебя дубинками.

Никто не захотел спорить, и стражники торопливым шагом скрылись во тьме проулка, находящегося напротив того, куда совсем недавно убежали Ро и погнавшийся за ним доралиссец.

Я ждал, когда их шаги стихнут в проснувшемся и окрепшем тумане. Туман уже обнял тела мертвецов своей дланью, и создавалось жуткое впечатление, что он разумен, что вот сейчас пытается поднять мертвецов и повести в бой. Что...

Стоп! Больше никаких дурных мыслей, Гаррет! Тебе сегодня еще предстоит долгое путешествие в такие места, где мертвецы — это цветочки. От графика я отставал уже минут на двадцать, проклятые стражники и не менее проклятые доралиссцы нарушили мне весь план. Придется нагонять. Летом светает рано, и часа через четыре, ну, может быть пять, я должен покинуть Запретную территорию, пока на нее не пришло утро.

Вновь подняв с земли узел с мясом, я опять уронил его, а затем грязно выругался. Естественно, про себя. В том переулочке, куда убежал Ро, раздались одинокие шаги. Нет, ну вы подумайте! В Конюшне Старка аншлаг почище, чем на Рыночной площади! Не спится люду, ох не спится!

Из темноты вышел одинокий доралиссец. Его дубинка была обагрена кровью. Видать, бедняга Ро все же медленно бегал. Этого доралиссца я узнал. Пускай они и похожи мордами друг на друга и человеческому глазу трудно отличить одного козла от другого, но доралиссцев с одним рогом встретишь редко. Именно этот гад участвовал в том памятном забеге прошлой ночью, когда я, на свою голову, вызвал Вухджааза.

Доралиссец прошел мимо и остановился не далее чем в метре от меня. Козел заметил лежащих мертвецов. Уж не знаю, сколько бы он там соображал что к чему, но мое терпение окончательно лопнуло, и я решил подстегнуть его мыслительный процесс.

— Бэ-э-э, — испуганно начал Однорогий, когда я приставил к его горлу клинок.

— Брось дубинку, козлик, — мурлыкающим голосом прошептал я из-за его спины.

Доралиссец — о чудо! — никак не отреагировал на обидное слово «козлик» и разжал пальцы. Дубинка грохнулась на мостовую.

— Вот, хороший мальчик. — Я старался дышать ртом.

Конечно, Однорогий не Вухджааз, но запах мускуса был не очень

приятным.

— Ты знаешь, кто я?

Доралиссец хотел что-то проблеять, но благоразумно промолчал. Я слишком сильно прижал лезвие к его горлу. Эти твари дьявольски сильны, и Однорогий вполне был способен переломить меня голыми руками, а шанса я ему такого давать не хотел.

— Я сейчас чуть-чуть ослаблю, чтобы ты смог говорить. Но только чуть-чуть, так что не делай глупостей. Понятно?

Доралиссец издал икающий звук, который я решил интерпретировать как согласие быть паинькой.

— Итак, повторим вопрос. Ты знаешь, кто я?

— Нэ-э-эт.

— Я Гаррет.

Однорогий напрягся, и я тут же немного вдавил лезвие ему в шею.

— Но-но! Без глупостей.

— У тэ-э-эбя наш Конь! Вэ-э-эрни! — проблеял козел, после того как я вновь немного убрал лезвие от его горла.

— Кто сказал, что у меня Конь? — быстро спросил я.

— Человэ-э-эк.

— Понятно, что не дракон. Кто конкретно?

— Человэ-э-эк. Очень белый.

— Белый? — переспросил я.

— Э-э-э... — Доралиссец защелкал пальцами, стараясь подобрать слово. — Бледный.

Ага! Что и требовалось доказать. Все нити ведут к моему раненому и обожженному, но живучему другу Бледному. А следовательно, к гильдии воров Авендума и Маркуну. Что же, как я предполагал, так и случилось. Камешек, наверное, они и сперли, а все повесили на меня. И тут мою персону озарила очередная гениальная безумная идея.

— Коня верну, но не сейчас. Позже.

— Когда?

— Через ночь.

— Следующэ-э-эй ночью? — Тварь все же слишком тупа, чтобы вести с ней дипломатические переговоры.

— Эта ночь. Потом еще одна, а затем та ночь, когда вы получите Камень. — Приходилось все разжевывать.

Комичное и душераздирающее зрелище одновременно. Ночь, самый опасный район Авендума, гора трупов возле стены, защищающей город от зла с Запретной территории, однорогий доралиссец и человек в черном,

который встал на цыпочки, чтобы достать ножом до шеи козла.

— В среду. Ты знаешь, где находится заведение «Нож и Топор»?

— Нэ-э-эт.

— Узнаешь. Так вот, через ночь. Ровно в полночь. Приходи со своими друзьями, там ты получишь Камень. Запомни, ровно в полночь, ни минутой раньше, ни минутой позже, иначе вам не видать Коня. Усек? Или еще раз повторить?

— Глок понял.

— Чудесно, сейчас я уберу нож, и ты уйдешь. Только дернись — и получишь в спину арбалетный болт.

— Понятно.

Вот видите? А говорят, что эти твари тупы. Ничего подобного! Просто им требуется все очень хорошо разжевать. Я убрал нож и быстро отошел назад на несколько шагов, одновременно доставая из-за спины заряженный арбалет. Доралиссец не шевелился.

— Свободен, передай своему вождю то, что я сказал.

Козел осторожно обернулся, увидел в моих руках направленное на него оружие, кивнул. Но морда выглядела не очень-то довольной.

— Мы подождэ-э-эм, Гаррэ-э-эт. Не обмани, иначэ-э-э ты труп.

Доралиссец растворился в ночи. Я прислушался к его удаляющимся шагам, в третий раз за ночь поднял узел с мясом, кое-как прикрепил его тесемками к поясу и подбежал к стене, стараясь не наступать на еще не застывшую после схватки людей и доралиссцев кровь. Остальное было делом техники. Подпрыгнул, схватился руками за край стены. Подтянулся, закинул ногу, перевалился, спрыгнул на землю, чуть не наступив на труп доралиссца, которого Гигант перебросил через стену. Вот так, просто и обыденно, я оказался на Запретной территории.

Глава 10

Начинается вьюга

Холодный ветер гулял по улице, и Вальдер болезненно морщился. Непривычно ходить по родному городу в сером и ничем не примечательном платье рядового горожанина, а не в мантии Ордена. Но что поделаешь, Вальдер только вернулся в Авендум после долгого путешествия в Приозерную империю и даже не успел снять сапоги, как его вызвали на срочный Совет архимагов Ордена, и пришлось идти в башню в том, в чем он приехал в Авендум.

Вальдер был самым молодым архимагом за всю историю Ордена Валиостра, получив посох с четырьмя полосками ранга в тридцать лет, чем переплюнул даже нынешнего магистра Ордена — Панарика, ставшего архимагом в сорок пять. И друзья, и недоброжелатели предсказывали Вальдеру блестящую карьеру и посох магистра в недалеком будущем. Но Вальдер слишком не любил интриги в Ордене, которые сопутствуют борьбе за посох главы. Он предпочитал грызть и внутренним интригам путешествия и выполнение особо тайных заданий Панарика. Непослушный архимаг — так его называли младшие маги Ордена за его постоянное отсутствие на Советах Ордена.

Зимой темнело рано, но сейчас небо все еще было светлым — солнце никак не желало смириться с властью подступающей зимней ночи. На улице стоял слабый морозец, и нос немного щипало от его неуверенных попыток разогнать жителей города по домам. Снег, лежавший на мостовой, весело хрустел под подошвами сапог архимага.

В этом году зима была ранней. Еще с начала ноября тучи, летящие из Безлюдных земель, принесли снег, а ветры, дующие из-за Игл Стужи, — холод. Но к середине января старухе-зиме надоело лютовать, и она решила передохнуть, сбросив на несколько дней с Авендума тяжелые ледяные оковы холода. Конечно, сейчас не лето, но в сравнении с тем, что было в декабре, погода казалась теплой. Если в этом году тут такие морозы, то каково же Диким Сердцам у Одинокого Великана?

— Эй! Сдавайся, подлый орк! — воскликнул задорный детский голос, и снежный комок, пролетев рядом с Вальдером, ударился о стену снежной крепости, сооруженной прямо напротив лавки цирюльника.

— Самь сдавайся! — ответил обиженный голосок из-за снежной преграды, и в мальчишку, кидавшего снежок, полетел ответный снаряд. —

И вообще, я не орк, я храбрый Дикий Сердц!

— Дикий Сердц?! — захохотал мальчонка, штурмующий крепость. Его шапка лежала на снегу, сбита снежком, прилетевшим из-за стен крепости, символизирующей Одинокого Великана. — Ну ты и дурак!

— Самый дурак! — раздался обиженный голос.

Вальдер усмехнулся и пошел дальше. Детишки играют. Ну и правильно, надо ловить момент, пока зима немного успокоилась и морозы не заставляют сердобольных мамаш держать своих отпрысков дома, поближе к теплой печке.

Нога Вальдера наступила на лед, припорошенный снежком, а потому невидимый, и он чуть было не поскользнулся.

Вальдер свернул на улицу Магов, и тут его кто-то окликнул:

— Мастер Вальдер! Мастер Вальдер! Подождите!

Он резко обернулся на крик и увидел спешащего к нему мальчишку. От бега теплое овечье пальтишко двенадцатилетнего мальчика распахнулось, а не по годам серьезное лицо покраснело от вечернего морозца. Гани — так звали ученика архимага.

Вальдер нашел его в одной из бедных деревушек Мирануэха, когда возвращался в Валиостр из Империи. У деревенского сироты оказался дар, дар волшебства, сильный, но пока еще не проснувшийся. Волшебство спало в нем где-то глубоко внутри, тихо мерцая, как искорка дремлющего костра. Но если в эту искорку подбросить хороших дровишек, то она превратится в пожар. И Вальдер в скором времени собирался разбудить в Гани этот пожар.

У архимага Ордена до сих пор не было учеников. Слишком опасна была жизнь волшебника до этого момента, чтобы связывать себя еще и учеником. Вальдер взял деревенского парнишку с собой в Авендум. Сказать, что сирота, горбатившийся на двоюродного дядьку, был благодарен, — значит не сказать ничего. Вальдер стал для Гани предметом обожания и преклонения. Двенадцатилетний паренек оказался смышленным и за время пути от Мирануэха до Авендума уже успел научиться азам работы с Воздухом. Да-да, именно с Воздухом, самой непостоянной и капризной стихией, а не со стабильной Землей, с которой начинали все ученики Ордена. Просто в первый день обучения Вальдера вдруг озарила шальная мысль — попробовать дать мальчику работу с воздушным потоком. Результат превзошел все ожидания. Вальдер был доволен новым учеником и в ближайшее время собирался посвятить урокам все свободное время, благо теперь его было предостаточно. В ближайший десяток лет Вальдер надеялся не путешествовать по Сиале. Хватит, нагулялся. Историй

о похождениях Непослушного архимага и делах, которые он совершал по секретным приказам Панарика во благо Ордена, хватит на несколько поколений. Пускай они останутся только в бумагах Ордена.

— Мастер Вальдер! — Гани наконец-то добежал до своего учителя. — Вот, вы забыли.

Он протянул архимагу длинный сверток.

— Что это? — немного удивленно спросил архимаг.

— Ну как же, учитель, — с обидой в голосе начал Гани. Воздух, вырывающийся из его рта, превращался на морозе в облачка пара. — Вас на собрание Ордена вызвали, а посох-то свой вы запамятовали, прямо в чем приехали и отправились. Вот я и подумал, что он вам пригодится.

— А в тряпку зачем завернул? — ворчливо спросил Вальдер, стараясь не показывать виду, насколько он доволен поступком ученика.

Приказ по мысле-почте пришел сверхсрочный, а это означало, что нужно бросить все и идти на собрание Совета немедленно. Вальдер сорвался прямо с крыльца дома, не успев даже побывать в кабинете после долгой дороги, и оставил свой посох в нераспакованном багаже. Что скрывать, посох был всего лишь данью традициям и не нес в себе никакой магической силы, поэтому во время путешествия Вальдер забрасывал эту ненужную палку на самое дно багажа. Но пока он шел от города Магов по Людской, а затем по Сонной Кошке, то успел пожалеть, что явится на Совет без символа силы. Опять пойдут шепотки за его спиной о мальчишке, который не чтит традиции славного Ордена Валиостра.

— Так стража бы точно остановила. — Гани шмыгнул носом. — Они же до всего докопаются. А уж мальчишку, несущего посох архимага, всенепременно остановят.

— Что верно, то верно. Наша стража на такое способна. — Вальдер развернул ткань и достал посох. — Спасибо, Гани, ты мне очень помог.

— Правда? — расплылся в довольной улыбке ученик.

— Правда.

— А можно я с вами, мастер Вальдер?

— К сожалению, нет. Этот Совет только для архимагов. Ты застегнись, а то простудишься, и ступай домой, уже темнеет. Дорогу найдешь?

— Найду, — кивнул паренек, торопливо застегивая пальто. — А вы туда?

Гани кивнул в сторону торчащей над крышами домов вершины башни Ордена. Прямая улица Магов, на которой, если честно, за всю ее историю не жило ни одного мага, вела на круглую маленькую площадь, где и располагалась башня.

— Туда.

— Ну ладно. — Парень шмыгнул покрасневшим на морозе носом. — Я пойду.

— Ступай, ученик. И вот еще что. Повтори до моего прихода сорок восьмую страницу.

— Это которая в синенькой книжечке?

— Именно в ней.

Гани не умел читать, но обладал феноменальной памятью. И раз прочитанное вслух Вальдером мог воспроизвести с точностью до буквы, часто даже не понимая, о чем идет речь. А Вальдер как раз ради эксперимента прочитал Гани сорок восьмую страницу.

— Постарайся разобраться.

— Только разобраться? — с хитрецей спросил ученик.

— Только разобраться. Если поймешь, не вздумай применять, пока меня не будет рядом с тобой. Ясно?

— Ясно, — кивнул Гани.

— Ну тогда ступай.

Не дожидаясь ответа ученика, Вальдер размашистым шагом, опираясь на посох, продолжил путь по улице Магов к башне Ордена. Архимаг усмехнулся своим мыслям. Он только что приказал Гани выучить «Крылья северного ветра» — заклинание, которое изучали лишь подмастерья, и то на пятом году обучения.

На улице почти стемнело, и жители окрестных Домов спешили покинуть улицу и устроиться поближе к теплу очагов. Тихо-тихо улица Магов погружалась в долгий сон зимней ночи. Сквозь сереющее небо пробился яркий голубой свет Камня. Еще не видна Корона Севера, но ее самая яркая звезда уже холодно светит людям с неба.

Вальдер часами мог смотреть на звезды. Они его успокаивали и делали этот мир куда более прекрасным и чистым, чем он был на самом деле. Говорят, в Безлюдных землях от света и количества звезд совсем некуда деться. Правда, если подняться на Зам-да-Морт карликов, то звезд можно увидеть еще больше. Но ни в Безлюдных землях, ни в Горах карликов Вальдеру не удалось побывать. Да и не тянуло его на такие рискованные авантюры, если честно.

Откуда-то подул холодный ветер, постаравшийся запустить пальцы под одежду Вальдера. Архимаг бросил заклятие и создал непроницаемый щит между собой и ветром.

Улица Магов вывела волшебника на площадь, где одиноко возвышалась старая башня Ордена, в честь которой и были названы улица

и площадь. Вальдер бросил взгляд на такую родную и знакомую башню. Ей, увы, скоро предстояло быть оставленной Советом ради новой башни, сейчас строящейся в городе Магов. Новая башня была нужна, она будет намного больше и величественнее старой, и до нее, в отличие от старой, всего лишь пять минут хода от места, где жили маги Авендума. Что делать со старой башней, Орден еще не знал, и версии выдвигались самые разные. Одни предлагали отдать ее Совету Авендума, другие — переделать в склад, третьи — снести до основания.

Зимний ветер дул все сильнее и сильнее, поднимая спящий на мостовой снег в воздух и закручивая его в яростном белом танце. Улицы Кровельщиков, находящейся напротив улицы Магов, уже не было видно из-за начавшегося снегопада. Так и бывает в Авендуме, самой северной столице Сиалы. То тишь да гладь, то вьюга и снегопад.

Но Вальдера не трогала эта поднявшаяся белая круговерть, его надежно защищал магический щит. Архимаг подошел к бронзовой двери башни, и та сама собой отворилась, подтверждая его право войти в святая святых Ордена.

Вальдер шагнул внутрь башни, и дверь за ним все так же аккуратно и вежливо закрылась.

— Д-дай! — зашипело что-то из полутьмы, и к Вальдеру метнулась маленькая тень.

Архимаг не дрогнул, безучастным взглядом наблюдая, как тень несется к нему. Когда до архимага оставалось не больше двух метров, тонкая цепь, зафиксированная на крепком ошейнике тени, натянулась, и тварь, визжа, отлетела назад.

— Д-дай! — вновь раздался шипящий голос.

— П-шел вон, — презрительно процедил Вальдер, наблюдая за закованной тенью с гримасой гадливости на лице. — Скажи волшебное слово.

Тень сверкнула на архимага огромными глазами и вновь приблизилась к нему на расстояние, которое позволяла пройти волшебная цепь.

— Пож-жалуйста. Д-дай!

Гхол вышел на свет и, усевшись, поджав под себя коротенькие кривые ножки, уставился на Вальдера кроваво-красными плошками глаз.

Маленький, не больше новорожденного младенца, с лысым деформированным гротескным черепом, толстым животом, огромными красными глазами-блюдцами, пепельной кожей, маленькими уродливыми ручками и ножками. Существо вызывало жалость. Жалость, живущую до тех пор, пока не удастся разглядеть его мощные редкие зубы, которыми так

хорошо разгрызать старые кости мертвецов. У гхола были острые крепкие когти, которыми очень удобно подцеплять могильные плиты, чтобы добраться до лакомого гниющего мяса. Гхолы — падальщики и трупоеды. Их излюбленное лакомство — подгнившие трупы на кладбище или на местах сражений. Когда гхол один, он не опасен, но если они собирались в стаи... До сих пор вспоминается участь Штуньков — деревеньки на границе с Мирануэхом, которую уничтожила стая таких вот маленьких и оголодавших тварей, не оставив после своего обильного ужина даже костей жителей.

— На. — Вальдер брезгливо сотворил из воздуха шматок мяса и отправил его в кривые и тоненькие ручки твари.

Гхол подскочил, поймал на лету кусок и, запихав его в рот, скрылся в полумраке дыры, которая специально для него и была создана.

Вальдер поморщился и направился к лестнице, ведущей в зал Совета. Илио когда-нибудь доиграется с этим Даем. Архимаг Ордена поймал гхола, когда тварь была еще маленькой, и посадил трупоеда на цепь в башне — так, ради шутки. Ради злой шутки. И как Вальдер ни убеждал Илио уничтожить мелкую тварь, ничего не вышло. Панарик, к удивлению Вальдера, встал на сторону Илио, разрешив Даю жить в башне.

«Ха! — подумал архимаг, поднимаясь по витой лестнице башни. — Просто наши разлюбезные архимаги не видели, что способны натворить эти „несчастные“ и „маленькие“ создания с человеком».

Вальдер ненавидел гголов всем сердцем и уничтожал при первой возможности, а вот с существованием Дая, любимой игрушки Илио, приходилось мириться и даже подкармливать научившегося кланчить подачки гхола, иначе тот начинал вопить, как доралиссец, которому отпилили рога.

— Вальдер, дружище! — Из прохода четвертого этажа на лестницу к архимагу вышла фигура в фиолетовом балахоне Ордена.

Архимаг опирался на точно такой же посох, как у Вальдера.

— Илио, сколько лет...

— Сколько зим, — закончил архимаг. — Заждались мы тебя, Вальдер. Все таскаешься по миру?

— А ты все забавляешься со своей тварью? — не остался в долгу Вальдер.

— Каждому свое, — ответил Илио и пожал руку другу. — Идем, Совет ждет.

— Что случилось? — непонимающе спросил Вальдер, поднимаясь по лестнице вслед за массивной фигурой Илио.

— Панарику и Земмелу пришла в голову идиотская идея, и нам нужно воплотить ее в жизнь сегодняшней ночью.

— Идиотская идея? — машинально повторил Вальдер.

Он до сегодняшнего дня не относил магистра и Земмела к категории идиотов.

— Угу, — угрюмо бросил Илио и остановился перевести дух. — Именно идиотская. Земмел копался в старых книгах огров — ты ведь знаешь, он единственный, кто разбирается в их тарабарщине. Ну так вот, он нашел способ остановить Неназываемого.

— Как?

— Ясный пень. — Илио не стеснялся своего крестьянского происхождения и простецких словечек. — Разрушить Кронк-а-Мор, который защищает Неназываемого.

— Но...

— Но, — перебил Вальдера Илио, продолжив утомительный путь по серпантину лестницы, ведущей на самую вершину шестиэтажной башни. — Земмелу удалось запудрить мозги не только Панарику, но даже Эло, а это о чем-то говорит, правда?

Вальдер задумчиво кивнул и пожевал нижнюю губу. Убедить светлого эльфа, недолюбливающего Земмела, было очень сложно. Да что там, почти невозможно! Но поди же ты, Земмелу удалось невозможное.

— И что?

— И вот сегодняшней ночью, добыв из запыленного сундука Рог Радуги, Орден решил совершить чудо.

— Ну-ну, — скептически хмыкнул Вальдер. — А я-то тут при чем?

— Как же? — искренне удивился Илио. — И я, и ты, дружище, будем резервуарами силы, заberi меня тьма! Нужно же откуда-то Панарику и Земмелу черпать энергию?

— То есть нас пригласили в виде ходячих довесков силы?

— Да не переживай ты так. — Илио остановился возле двери, инкрустированной голубоватой костью огра. — Не только нас. Еще Эло и О'Карта.

— А Сингалус, Арцис и Дидра? Банкет будет проходить без их участия? — изумился Вальдер.

Выходило, что из девяти архимагов Ордена в нелепом обуздании Неназываемого будут принимать участие только шестеро.

— Сингалус в Исилии. Арцис... ты же знаешь, как Земмел относится к нашему другу...

— Как орк к гоблину, — хмуро кивнул Вальдер. — А жаль, Арцис —

один из самых сильных.

— Ты мне это говоришь? И без тебя знаю. Но его так и не нашли. Кто там еще? А! Дидра куда-то пропала, ее мы не смогли обнаружить даже через мысле-почту. Небось вновь в Заграбе, у темных эльфов.

— Шестеро архимагов должны уничтожить Неназываемого, — прошептал Вальдер. — Сомнительно, очень сомнительно. Панарик не подумал о том, чтобы позвать магов высших ступеней? Или вообще весь Орден?

— Подумал, но Земмел его убедил, что мы и вшестером справимся.

— Ох уж этот мне Земмел, доиграется! Он все такой же?

— Хуже. Ты ведь года полтора отсутствовал?

— Два.

— Вот-вот. Земмел все сидел над книжками огров. По мне, уж проще сунуть голову в пасть великану, чем играть с этими древними фолиантами. Илио вздохнул. — Ладно, пошли, что ли?

— Пошли, — пожал плечами Вальдер.

— Ну и видок у тебя, дружище, — усмехнулся Илио. — Хоть бы одежду сменил. Негоже перед магистром в таком виде...

— Потерпит, — буркнул Вальдер, ему было сейчас не до подколов Илио.

Земмел совсем потерял разум, если решил играть с запретным шаманством огров.

— Ну, внешний вид Панарик, может, и вытерпит, а вот как быть с твоим щитом? — хохотнул Илио.

Вальдер и думать забыл, что до сих пор частичка его Я поддерживает энергию щита, которым он отгородился от непогоды.

— Ты бы убрал его, — посоветовал Илио. — Ведь знаешь, как О'Карт реагирует на необоснованные всплески магической энергии у других архимагов?

— Филандец стал слишком мнителен с тех пор, как перешел в Орден Валиостра, — фыркнул Вальдер и толкнул дверь, ведущую в зал Совета.

По какому-то глупому детскому капризу он решил пойти наперекор дружеским нападкам Илио и не убирать щит, а лишь погасить его для взгляда окружающих, мысленно подпитывая тонкой струйкой силы. Теперь щит мог увидеть только Панарик, да и то если специально будет искать.

Архимаги вошли в круглый зал, освещенный несколькими десятками факелов, колеблющееся пламя которых отбрасывало на стены бледные тени. Панарик не терпел магического освещения, и другим волшебникам приходилось подстраиваться под каприз магистра. По всему кругу зала в

стенах были высокие изящные стрельчатые окошки, застекленные зеленоватым стеклом карликов. Из окон открывался вид на ночной Авендум, благо шестой этаж башни мог поспорить высотой с дворцом династии Сталконов.

В центре зала находилось огромное волшебное зеркало. Оно было вплавлено в пол и даже днем отражало звезды. Тут же находились девять высоких кресел, на их спинках был герб Ордена Валиостра — синяя капля дождя, падающая на белое поле снега. Пять из девяти кресел пустовали. Лишь четверо архимагов молча сидели на своих местах, терпеливо и степенно дожидаясь еще не подошедших архимагов Ордена.

Илио и Вальдер вежливо склонили головы, приветствуя архимагов, те ответили такими же важными и степенными кивками. Равные приветствовали равных.

Два архимага подошли каждый к своему креслу и сели. Вальдер внимательно изучал лица тех, кого не видел целых два года.

Прямо напротив Вальдера восседал Эло. Этот светлый эльф с коротко постриженными, по людской моде, пепельными волосами и клыками, торчащими из-под нижней губы, был полноправным членом Ордена. Магистр Панарик отличался от своих коллег из других королевств более прогрессивными взглядами на вступление в ряды Ордена светлых эльфов, перенявших основы волшебства у людей и отказавшихся использовать шаманство предков. Эло был полноправным членом Ордена и архимагом. Союзник или противник? Друг или враг? За те десять лет, что Вальдер владел посохом архимага, он так и не смог определиться в своем отношении к эльфу. Вечно хмурый и не улыбающийся Эло делал так, как надо, идя путем разума, а не сердца. Иногда эльф поддерживал Вальдера на Совете, иногда нет. Как поступит Эло, предсказать было невозможно. Эльф исходил только из собственного мнения о том или ином поступке Вальдера.

Через два пустующих кресла восседал О'Карт, низкорослый и вечно хмурый филандец. Его огненно-рыжая козлиная бородка, вечно хмурый взгляд из-под кустистых рыжих бровей вызывали у Вальдера стойкую неприязнь. Вальдер не любил рыжего филандца и не скрывал этого. О'Карт отвечал Вальдеру взаимностью. В Совете они всегда оказывались по разные стороны, а в повседневной жизни старались не общаться. Вежливый поклон при встрече, вот и все. По каким-то известным только Панарику причинам О'Карт оставил место архимага в Филанде и пришел в Валиостр. О'Карт был мнителен и везде ожидал заговоров против своей драгоценной персоны. Но между тем Вальдеру приходилось признавать, что О'Карт был одним из сильнейших магов и шел сразу за Арцисом,

впереди которого стояли только Вальдер и Панарик. Вечно презрительное выражение лица отталкивало от О'Карта возможных союзников. Его терпели, но не любили.

Вот и сейчас, сложив руки на груди, он нахохлился в кресле, презрительно изучая дорожную одежду Вальдера. На лице рыжего архимага застыло гадливое выражение, как будто тут находился не Вальдер, а полуразложившаяся крыса. Вальдер вежливо кивнул и улыбнулся О'Карту. Тому ничего не оставалось, как ответить.

«Чтоб ты подавился», — мысленно пожелал филандцу Вальдер, нисколько не сомневаясь, что тот только что проделал то же самое по отношению к нему самому.

Если не хуже.

Рядом с магистром восседал длинный и тощий субъект с вытянутым, как огурец, лицом. Серые глаза, серые бескровные губы, тонкие сухие руки. Земмел был стар. Намного старше Панарика. Земмел был архимагом еще во времена ученичества Вальдера. Старый архимаг шел своей, никому не известной дорогой. Ему был неинтересен мир. Страстью Земмела было шаманство огров, особенно их запретная магия — Кронк-а-Мор. Земмел был одним из немногих специалистов в мире Сиалы, кто знал древнеогрский и умел на нем читать. Вот и сейчас он, не отрываясь, листал пожелтевшие страницы старого фолианта огров, бормоча себе под нос какие-то формулы и не обращая внимания на окружающих.

«Земмел фанатик, — подумал Вальдер. — А фанатика очень сложно убедить в том, что он не прав».

Вальдеру очень не нравилась идея Земмела. Уничтожить Неназываемого с помощью Рога Радуги, который ранее был способен только на то, чтобы удерживать колдуна в Безлюдных землях? Молодой архимаг с трудом верил в эту чушь и никак не мог понять, как Совет вообще стал слушать Земмела.

— Как съездил?

Вопрос заставил Вальдера отвлечься от гложущих его сомнений и посмотреть на Панарика. Панарик. Магистр Ордена Валиостра. Самая значительная и влиятельная фигура после короля. В свои семьдесят лет он выглядел едва ли на пятьдесят. Русые волосы, румянец на щеках и пронзительные карие глаза, смотрящие с вечным прищуром. Глаза, которые видят насквозь, вытаскивая из тебя самые сокровенные тайны и желания.

— Спасибо, магистр, хорошо.

— Все прошло удачно? Без осложнений?

— Были проблемы, но я с ними справился, — неопределенно ответил

Вальдер.

А проблемы были большими. Внутренняя разведка Приозерной империи после внезапной кончины архимага Имперского Ордена вцепилась в Вальдера мертвой хваткой. Молодой архимаг насилу отбил от подозрений. Жизнь ему оставили да и то не потому, что посчитали невиновным в убийстве. Невиновных, как говорится, не бывает, и поджарить пятки в целях профилактики никогда не помешает. Просто император, который самолично допрашивал Вальдера, не хотел осложнений с Валиостром. Пускай страны находились за тысячи лиг друг от друга, но ссоры сейчас не были нужны ни той, ни другой стране. Поэтому Вальдера выслали из Империи, запретив когда-либо возвращаться туда. Но все это Вальдер расскажет Панарику позже, когда они останутся наедине.

— Хорошо. — Магистр кивнул, ему, наверное, и так уже было известно о похождениях Непослушного архимага. — Ты в курсе предстоящих событий?

— Да, и не вижу в этом никакой пользы.

— Польза в том, Вальдер, чтобы навсегда уничтожить Неназываемого, — сказал Земмел, оторвавшись от чтения книги.

— Именно сейчас? Именно сегодняшней ночью?

— А чем тебя не устраивает нынешняя ночь? — сверкнул клыками Эло.

— Ну хотя бы тем, что нас всего лишь шестеро вместо девяти.

— Боишься надорваться? — хмыкнул Земмел, но Вальдер никак не отреагировал на этот укол.

— Я не понимаю, к чему такая поспешность, когда даже Совет не в сборе.

— А весь Совет и не нужен, — заверил Земмел. — Достаточно шестерых.

— Хорошо, но с чего ты так уверен, что у нас получится то, что не получалось последние четыреста лет у других магов Ордена? — Вальдер старался говорить спокойно, но долгая дорога в Авендум его слишком утомила.

— Вот и я о том же думаю, — подал голос О'Карт.

— Маги прошлого не знали то, что знаю я. — Земмел небрежно пожал плечами. — Все написано в книге. Кронк-а-Мор, так надежно защищающий Неназываемого, можно разбить с помощью Рога Радуги.

— Давай не будем забывать, что Рог, как и Кронк-а-Мор, был создан ограми, и мы не знаем, что от него ждать, если начнем заниматься Рогом

вплотную.

— Чушь! — Земмел фыркнул, потом открыл ларец, стоявший на зеркальном полу, и достал Рог Радуги.

Большой витой Рог, отливающий бронзовым блеском, инкрустированный перламутром и голубоватой огрской костью, дрожал от переполнявшей его силы. Силы, которая держала Неназываемого в Безлюдных землях.

— Ты чувствуешь эманации зла, Вальдер?

Архимаг отрицательно покачал головой. Сила была. Сила, созданная ограми, сила Рога, тайны которого навсегда утеряны вместе с уходом огров в Безлюдные земли. Вот только не была эта сила ни темной, ни светлой. Она была всем — вот, пожалуй, какие ощущения возникли у Вальдера.

— Неужели ты думаешь, что темные эльфы отдали бы Рог людям, обладай он хоть частицей черного шаманства?

— Если Рогом могут пользоваться волшебники, это не значит, что им не пользовались шаманы огров, — поддержал Вальдера до этого молчавший Илио. — Я тоже против поспешных действий. Дождемся Арциса, Дидру и Сингалуса. А там посмотрим.

— Неизвестно, для чего был создан Рог, а то, что он нейтрализует Кронк-а-Мор, мы узнали абсолютно случайно, — хмуро бросил филандец. — Не торопим ли мы коней?

— Чушь! Сегодня или никогда! Звездные карты благоприятствуют нынешней ночью! — Земмел сердито сверкнул глазами.

— Ну, раз решили — сегодня, — Панарик развел руками, — давайте приступать.

— Постойте! — Резкий голос Вальдера разнесся по залу Совета.

— Ну что еще? — раздраженно фыркнул Земмел, передавая Рог в руки Эло.

— Прежде чем приступить к этой безумной затее, я предлагаю официально проголосовать.

— Какой смысл? — удивился Панарик. — Нас всего шестеро.

— Давайте проголосуем, — неожиданно легко согласился Земмел. — Пусть все формальности будут соблюдены, иначе некоторые маги не дадут спокойно работать.

— Итак, — Панарик обвел взглядом присутствующих, — голосуем. Кто за то, чтобы воспользоваться Рогом Радуги для уничтожения защиты Неназываемого?

— Я — «против», — произнес Вальдер.

Архимаг понимал, что шансов у него никаких. Он и Илио — с одной

стороны, и четверо — с другой.

— Не уверен, что получится, но вполне доверяю Земмелу, — растягивая слова, сказал Эло и поставил Рог на уже подготовленный постамент в центре зеркального пола. — Я — «за».

— Я — «за», нечего слушать малодушных. У нас все получится, книги огров не врут. — Земмел прожег Вальдера взглядом.

— Я — «против», нужно дождаться собрания всего Совета и еще раз все перепроверить, — отрицательно покачал головой Илио.

Вальдер ни на миг не сомневался в старом друге.

— Я тоже «против», — произнес О'Карт, и Вальдер удивленно изогнул бровь.

Скорее орки станут мирными землепашцами, чем рыжий маг встанет на сторону Вальдера. Поди ж ты! Впервые на памяти Непослушного архимага его поддерживает филандец.

— Не надо будить спящего великана. Пусть все идет, как идет. Неназываемый нам пока не мешает. Сидит у себя за Иглами Стужи, никого не трогает.

Трое против двоих. Неплохо, неплохо. Теперь все зависит того, что скажет Панарик. В случае, если он будет «за» и голоса разделятся поровну, выиграет та сторона, которую поддержит Панарик. По той простой причине, что он все еще магистр Ордена и его голос значит намного больше, чем голоса остальных.

— Доводы Земмела вполне убедительны, — после раздумья сказал глава Ордена. — Я — «за».

А вот теперь шансов остановить безумство Земмела у Вальдера больше не было. Он проиграл.

— Встань рядом с нашим огроведом, — шепнул Вальдер, когда мимо него проходил Илио. — Если что, подстрахуешь.

Архимаги встали вокруг зеркального пола и Рога, находящегося в его центре. Справа от Вальдера встал Эло, слева — О'Карт, напротив — Илио, по правую руку от него — Земмел с книгой, слева — Панарик. Хлипкий круг. Отсутствуют трое. И архимаги должны будут собрать все свое мастерство, чтобы глупая затея Земмела окончилась удачно.

— В чем наша задача? — спросил эльф.

— Просто дайте мне силу, откройтесь и пропустите ее через Рог. Поток двенадцать, сечение восемь, если вы будете так любезны, — ответил Земмел, листая старую книгу.

— И все? — удивился Илио.

— Остальное сделаю я. И раз...

Вальдер помнил эту фразу — «И раз». Именно с помощью нее обучали учеников мгновенно концентрироваться и активировать силу. Вот и сейчас сила потекла через архимага и тоненьким пучком стала вливаться в Рог. Вальдер чувствовал как справа от него протянулась лазурно-зеленая, дышащая свежей листвой сила Эло, она переплелась с огненно-рыжей О'Карта и самого Вальдера, влилась в Рог. Панарик и Илио тоже влились в круг. Рог засиял, свет, исходящий от него постоянно пульсировал и менял цвет. Огненно-красное пламя дракона сменилось оранжевым солнцем, которое плавно перешло в желтую осень. Та, в свою очередь, превратилась в зеленую листву лесов Сиалы, в голубое небо раннего весеннего утра, в синий бездонный Западный океан и вновь, как в самом начале, — в красное, все сжигающее пламя дракона. Именно из-за этого непонятного свойства — изменять цвет сияния под воздействием чужой магии — Рог стали называть Рогом Радуги.

Пока все шло нормально, и даже головокружения от постоянного использования магии не чувствовалось. Но это только начало, разминка.

— Усиьте поток Илио, ты теперь на меня. — В голосе Земмела звучала сосредоточенность.

Магу предстояло самое сложное — то, что умели всего два-три мага в мире. Пробудить шаманство огров, магию, в корне отличающуюся не только от магии людей, но даже от шаманства орков и темных эльфов. Кронк-а-Мор самая малоизученная и самая страшная магия огров. Магия, с помощью которой Неназываемый обрел бессмертие.

— Эло, смести поток, ты отклонился на три градуса к шестой координате, — раздался в полной тишине резкий голос Панарика.

Магистр не только направлял силу, ему еще хватало внимания для того, чтобы следить за работой других архимагов. Эло дернулся, и лазурно-зеленый поток сместился туда, куда указал Эло Панарик.

— Х'сатдаро'о и'гх — стуур, — начал заунывную песню Земмел.

Второй раз за всю историю башни Ордена здесь зазвучал язык огров, пробуждающий магию Кронк-а-Мора. О первом разе Вальдер старался не вспоминать. Несколько сот лет назад именно с помощью Кронк-а-Мора архимаг Грок стал тем, кого теперь знают как Неназываемого.

— Какое-то затруднение на втором участке, — пробормотал Илио. — Вальдер, почему сила у тебя рассеивается?

Вальдер и сам начинал чувствовать, что ему приходится прилагать все больше и больше усилий и внимания, чтобы контролировать свой приток силы. Возникало ощущение, что что-то отбирало небольшое количество магической энергии. И тут Вальдера озарило. Из-за всех этих споров с

Земмелом он совершенно забыл о магическом щите, защищавшем его во время снегопада на улице, который архимаг так и не удосужился убрать. Щит слабо горел на границе его сознания, вызывая досадную помеху в направлении потока. И убрать его не было никакой возможности, секундное отвлечение — и круг будет разорван, а вырвавшийся из стабильности поток силы принесет катастрофические разрушения.

— Все в порядке, Илио, я справлюсь, — поспешно успокоил друга Вальдер.

Панарик лишь хмуро посмотрел на архимага, в отличие от других он разглядел бледный и почти погасший защитный щит. Магистр промолчал, но Вальдер знал, что после всего его ждет не самый приятный разговор.

«Опростоволосился, как зеленый ученик», — с горечью подумал Вальдер, вслушиваясь в заунывное пение Земмела.

Волшебство и шаманство. Две стороны одной великой и до конца так и не познанной силы. Древнее, возникшее на заре времен шаманство и относительно молодое волшебство. У каждого свои плюсы и минусы. Волшебство срабатывало мгновенно, но за это волшебники расплачивались болью. Чтобы активировать самое простое заклинание шаманства, требовалось время, сотни фраз, жестов, рисунков, иногда ингредиентов. Медленная магия — так презрительно называли шаманство маги Ордена и маги светлых эльфов. Последние уже давно отказались от шаманства предков и стали пользоваться волшебством людей, оставив древнее искусство для темных братьев.

В зале Совета, казалось, прошли часы. В висках Вальдера нарастала холодная пульсирующая боль магии. Магия была везде. Она теплым сияющим коконом обнимала архимагов, она пульсировала и дрожала пурпурной аурой над поющим и делающим пассы Земмелом, она водопадом силы исходила от Рога. Сила заполнила весь зал, сила сил, сила, которую Рог Радуги увеличил в сотни, тысячи раз. Она опьяняла, в ней хотелось купаться, ее хотелось взять себе в вечное пользование. С помощью этой силы можно было создать новые горы и моря, исцелять тысячи больных, даже оживлять мертвых. Крупица силы — и будут уничтожены враги Валиостра, навсегда сгинут из мира Сиалы огры, великаны, орки и десятки других враждебных людям созданий. На Вальдера напала эйфория. Эйфория вседозволенности и могущества.

— Что-то не так, какие-то колебания, — взволнованно произнес О'Карт.

— Я ничего не ощущаю, где? — Эло закрутил головой.

— Правее третьего участка, прямо над артефактом.

— Да где же?! Не вижу!

И тут Вальдер заметил это. Маленькую черненькую точку в радужном сиянии Рога. Точка колебалась, подчиняясь голосу Земмела, дрожала, как свеча на холодном порывистом ветру. Дрожала и росла.

— Прекращаем! — гаркнул Вальдер, у него внезапно пересохло во рту. — Появление незапланированного всплеска! Все пошло совершенно не так!

— Гасим круг, — скомандовал Панарик, тоже увидевший частичку родившейся Тьмы.

— Не смей! Я еще не закончил, — взвизгнул Земмел.

— Это приказ, Земмел, — сурово ответил магистр и стал гасить свой поток силы.

— Шахсстан! — вдруг выкрикнул Земмел и вытянул руку со сложенными в причудливую фигуру пальцами в сторону Панарика.

Магистр отлетел на несколько метров и замер на зеркальном полу. Не надо быть лекарем, чтобы определить, что магистр Ордена был мертв. Шаманство Земмела просто-напросто снесло Панарику голову. Со смертью Панарика круг лопнул, и четверо архимагов отлетели в разные стороны. Стоять остался только Земмел, окруженный черным сиянием враждебной магии, исходящей от Рога.

Радужное сияние дня сменилось ночью. Потоки силы перестали находиться под контролем, и четыре ослепительных жгута магии ударили вверх, испарив потолок и крышу башни. В зал Совета ворвался холодный ветер, закруживший в безумном танце боли армию снежинок. Пятый поток, поток, который до этого контролировал мертвый Панарик, ударил горизонтально, прошел сквозь поднимающегося с пола Эло, убив его на месте, а затем проделал в стене зала огромную дыру и исчез. Сила, треща, навалилась на плечи пытающегося встать с пола оглушенного Вальдера. Он посмотрел вниз, на зеркальный пол, куда его бросила магия, и увидел свое бледное лицо. Сила жгутами проходила сквозь тело, причиняя страшную боль.

Озеро силы. Океан силы. Силы, которой мог управлять только сошедший с ума Земмел.

— Убийца! — закричал слева от Вальдера уже вставший на ноги Илио.

Он выставил вперед руки и, забыв про магию, бросился на Земмела, который упивался еще только пробудившимся Кронк-а-Мором. Земмел обратил на Илио внимания не больше, чем огр обращает на комара. Щелчок пальцами, бессмысленная огрская фраза — и Илио, издав крик, упал в дыру, образовавшуюся в разошедшемся под его ногами зеркальном

полу. Края зеркала с хлюпающим звуком вновь слились, похоронив друга Вальдера.

— Ты! — закричал Вальдер, но его спеленали гибкие черные жгуты силы.

— Помолчи, Вальдер. — Голос Земмела был невозмутим. — Я немного занят.

— Что ты делаешь, безумец? — вскричал Вальдер, пытаясь освободиться из крепких объятий чужой магии. — Ты не понимаешь, что может произойти!

— Я вполне понимаю, а то, что не понимаю, мне всегда объяснит Хозяин. — Земмел безостановочно делал руками пассы, и огрская магия дрожала, подчиняясь. — Да, Вальдер, да. Хозяин научил меня, как обвести вас вокруг пальца и как стать бессмертным. Через несколько минут я стану равным Неназываемому, а то и сильнее его! Да что там! Неназываемый, этот волшебник-недоучка, склонит свою голову передо мной!

— Какой Хозяин? О чем ты? — вскричал архимаг, косясь на дернувшуюся руку О'Карта.

Рыжий филандец приходил в себя.

— Тебе не понять, кто такой Хозяин! Ты и подобные тебе остолопы лишь кичитесь могуществом Ордена, даже не понимая своим мелким и недалеким умишком, какое могущество скоро будет доступно мне! Давно, очень давно Хозяин рассказал мне, как разбудить Кронк-а-Мор. Для этого нужен был Рог и пять дуралеев, согласившихся отдать мне силу. Я изучил язык огров, я десятилетиями сидел над их книгами, постигая древние тайны шаманства огров. Я сам добыл себе бессмертие, и плевать, скольких я отправлю во Тьму вслед за Панариком!

— Отправляйся туда сам! — выкрикнул О'Карт, и в Земмела ударил молот огня.

— Ву-уу-ум! — заревел огонь в зале, и снежинки растаяли от нестерпимого жара.

Узы на Вальдере ослабли, и он добавил свою силу к удару рыжего архимага. Но Земмел лишь покачнулся, пламя жидким водопадом стекало с его одежды.

Первый удар предатель нанес по Вальдеру. Воздух дрогнул, сгустился, и в сторону архимага понесся полупрозрачный багровый шар. Вальдер разглядел плетение Воздуха, Земли и еще чего-то непостижимого. Все, что успел сделать Вальдер до того, как магия Земмела долетела до него, — это активировать свой погасший щит, бросив в него всю возможную энергию и придав щиту эффект слабого кривого зеркала. Между архимагом и

волшебным снарядом засияла ослепительно голубая стена. Магия Земмела ударила в щит, расколола его на сотни тысяч голубых искорок, разлетевшихся маленькими призраками по разрушенному залу Совета. Шар потерял свою скорость, сместился и по касательной ударил в грудь архимага.

В груди взорвался огненный сноп боли, и Вальдер рухнул на пол, хватаясь руками за место, которого коснулся шар. Архимаг корчился и извивался от боли, не видя, что О'Карт вновь ударил своим излюбленным огнем, но уже не по Земмелу, а по Рогу, над которым накапливалась черная магия. Филандец надеялся таким образом сместить центр враждебной силы и привести ее в состояние нестабильности. От легкого шлепка огнем Рог Радуги завертелся по зеркальному полу и немного сместился.

— Какого... — успел произнести Земмел, прежде чем копившаяся все это время сила Кронк-а-Мора распылила его в пыль, а затем это черное копье ударило в зеркало и исчезло, уйдя глубоко-глубоко под башню Ордена, в землю.

В зале Совета стало очень-очень тихо, лишь холодный ветер выл в дырах стен, и новые порции снежинок падали с ночного неба.

— Ты жив? — О'Карт подошел к лежащему Вальдеру.

— Да, но это вопрос времени. — Вальдер попытался улыбнуться, на его губах выступила кровь.

Грудь болела, ребра были сломаны, дышать становилось все труднее. Несмотря на щит, магия Земмела его все же достала. Вальдер был еще жив, но он не питал иллюзий на свой счет.

— Отлично, — жестко сказал рыжий архимаг. — Минут пятнадцать ты еще проживешь. Вполне достаточно.

— Достаточно для чего? — Вальдер сел, не убирая рук от груди, и сплюнул кровью на зеркальный пол.

— Для того, чтобы вынести Рог из башни; он нам нужен, несмотря ни на что. — Филандец протянул Вальдеру невесть откуда взявшийся у него в руках Рог Радуги. — Поторапливайся, Вальдер, у тебя еще будет целая вечность, чтобы налегаться.

— Отнести? Куда? — От боли он еще плохо соображал, но Рог взял.

— Как можно дальше, смотри.

Вальдер посмотрел туда, куда указывал О'Карт. По волшебному зеркальному полу пролегла тонкая извилистая трещина. Затем другая. И еще.

— Зеркало скоро треснет, и тогда от башни останется только одно воспоминание. А то, что ушло сквозь него в землю, растечется по

Авендуму. Вставай же, давай, Вальдер, ты никогда не был тряпкой!

— А что будешь делать ты? — Вальдер поднялся на ноги и постарался не упасть.

— Постараюсь удержать целостность зеркала, сколько смогу!

— Я уже мертв, О'Карт. Давай поступим наоборот! У тебя есть возможность спастись!

— Все мы уже мертвы. Если останешься ты, то зеркало лопнет очень быстро — ты слишком слаб. Я попробую продержаться хотя бы до того, как ты спустишься по лестнице. Все! Иди! Не отвлекай меня!

Они не попрощались. В этом не было никакой нужды. Каждый исполнял свое дело, каждый знал, на что идет. О'Карт отвернулся от Вальдера и, подняв руки перед собой, обрушил на трескавшееся зеркало потоки силы. Таким его и запомнил Вальдер. Сосредоточенным и не сломленным.

Серпантин лестницы дался архимагу с большим трудом. Когда Вальдер очутился на первом этаже, в глазах плясала темнота, боль в груди разрослась до огромного пульсирующего шара. Архимаг постоянно сплевывал кровь, появляющуюся у него во рту. Башня ордена мелко дрожала. Немыслимые силы сейчас схлестнулись друг с другом в борьбе за свободу, и архимаг нисколько не сомневался, что Кронк-а-Мор, пусть и не завершённый Земмелом, победит. Что за этим случится, Вальдер старался не думать.

— Д-дай! — раздался требовательный голос, и маг от неожиданности вздрогнул.

Прямо перед ним, на трупe Илио, который упал сквозь всю башню, сидел гхол. Вся его морда была в крови, кривенькие ручки сжимали наполовину обглоданную ногу мертвого архимага.

— Д-дай! — Тварь нагло посмотрела на Вальдера и втянула носом запах свежей крови.

Вальдер сделал то, о чем очень давно мечтал. Гхол взвизгнул и сгорел в огненном столбе, созданном архимагом.

Даже это небольшое использование магии истощило силы Вальдера, он тихо застонал, но продолжил путь. Башня уже не дрожала, она резко вздрагивала, как испуганная лань, чувствующая приближение смерти. Волшебная дверь мягко открылась, выпуская архимага из башни.

Холод и ледяной ветер опалили его лицо. Руки, крепко сжимающие уснувший Рог, мгновенно замерзли. Он шатающейся походкой пошел к улице Магов. Темная башня Ордена, в которой не горело ни одного огонька, угрюмо возвышалась за спиной. Лишь иногда, на самой вершине,

сверкали вспышки магии — О'Карт из последних сил пытался удержать волшебное зеркало от разрушения. Улица Магов была на удивление пустынна, ни один житель не вышел из дома посмотреть, что же такое произошло в башне Ордена. Казалось, что на всех людей упал какой-то сон или что они все умерли в одночасье. Земля колебалась, пытаясь исторгнуть из себя враждебную ей магию огров. Боль в груди нарастала, Вальдер уже почти ничего не видел, он шел наобум, по старой памяти автоматически перебирая ногами и тонко скуля, когда очередной кинжал боли вонзался в грудь. Кровь наполняла рот, стекала по подбородку и падала на камзол.

О'Карт продержался до тех пор, пока Вальдер не дошел до Сонной Кошки. Даже отсюда он слышал звон разбивающегося зеркала, а потом победный вой силы, силы, устремившейся из земли в башню. Ужасный взрыв бросил Вальдера на снег, и он зарылся горящим лицом в его нежную прохладу. Рев не прекращался, магия огров разбушевалась, теряющий сознание Вальдер чувствовал, как мнутся и рвутся цепи жизней спящих в домах, как темное и необъяснимое проклятие поглощает улицу за улицей, дом за домом, жителя за жителем. Они погибали в страшных мучениях. Сила, которой чужды были люди, не знала жалости и сострадания и забирала в свой желудок всех, кто оказывался на ее пути. Пройдет несколько минут, и Зло доберется до места, где лежит Вальдер, и тогда Рог навсегда останется здесь.

Эта мысль заставила архимага перевернуться на спину. Он подставил покрытое тонким слоем снега лицо под падающие снежинки, жадно ловя их окровавленным ртом. Ветер стих, мир в ужасе замер перед надвигающейся катастрофой, и снежинки плавно падали вниз, ожидая пришествия самой страшной за всю историю города вьюги. Нечеловеческим усилием, каждый миг рискуя потерять сознание, Вальдер поднялся с заснеженной мостовой и посмотрел в ту сторону, где находилась башня Ордена. Раньше ее прекрасно было видно с улицы Сонной Кошки. Но теперь ее не было. В разрушении здания Вальдер не сомневался. Он слышал, как взорвалось волшебное зеркало, а вырвавшаяся магия, скорее всего, не оставила от башни и камня. Теперь на том месте, где раньше была твердыня Ордена, безумным волчком крутился черный смерч. Обычному обывателю он конечно же не был виден, а вот магическое зрение Вальдера, пусть и ослабленное болью, прекрасно различало черную воронку и столб, уходящий высоко-высоко в ночное небо.

— Не смерч. Вьюга. Черная вьюга, — прошептал умирающий.

Вальдеру удалось пройти еще немного, прежде чем он опять упал, теперь уже окончательно потеряв последние силы. Он упал прямо к

подножию статуи Сагота, находящейся на маленькой площади Сонной Кошки. Верхняя часть лица бога была скрыта под слоем свежего снега, и видны были только его губы. Бог воров улыбался архимагу насмешливой, но в то же время и одобряющей улыбкой. Вальдер посмотрел туда, где под слоем снега должны были быть глаза бога:

— Я должен спасти Рог. Должен.

Но Сагот все так же улыбался и молчал. Снежок уже припорошил не только его голову, но и плечи, превратив статую в забавного снеговика.

Тихо-тихо снег кружится,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
А детишкам все не спится,
Бом-тирлим, бом-тирлим...

У архимага начался бред. От боли он уже не понимал, где находится и кто он такой. Вальдер медленно, как вода в ленивой реке, постепенно превращающаяся в лед, засыпал. С каждым ударом сердца жизнь покидала его тело, и разум уже завис на грани пропасти, из которой нет возврата.

— Мастер Вальдер, мастер Вальдер! Очнитесь, учитель! — Вот уже целую минуту кто-то не переставая тряс архимага за плечо.

Он хотел отмахнуться от этой назойливой мухи. Ведь ему было очень хорошо вот так дремать на снегу и мурлыкать детскую песенку, которую когда-то напевала ему мать.

— Учитель, это я, просыпайтесь. — Сквозь дремоту подступающей смерти Вальдер услышал плач.

Вальдер с трудом разлепил отяжелевшие свинцовые веки и увидел склоненное над ним заплаканное лицо Гани.

— Ч-что... Что ты тут делаешь? — с трудом просипел архимаг.

— Я вас ждал, а тут такое началось! — Паренек был испуган.

— Началось... — Новая волна боли захлестнула Вальдера, и он стиснул зубы, чтобы не закричать. — Вот, возьми. Это Рог. Отнеси. Арцису. Быстро. Может, он это сможет остановить.

— Я не уйду без вас!

— Неси! Это мой последний приказ тебе, ученик! Найди Арциса, отдай Рог. Скажи, что я прошу взять тебя в ученики. С-скажи... Скажи, что все пошло не так. Скажи, что мы разбудили то, что не в силах понять.

Вьюгу.

Архимаг передал слабеющими руками Рог мальчику и откинулся на снег.

— Ну же, беги, иначе будет поздно. Спаси то, что еще можно спасти!

Гани поколебался, кивнул и побежал по ночной улице, крепко прижимая к себе рог.

— Беги, малыш, беги, — прошептал Вальдер.

Снег. Снег, тихо кружась, падал на мертвого архимага, накрывая его белым одеялом тепла и покоя. Снег тихо шептал и пел свою песнь, зная, что скоро начнется его самый безумный танец.

Потому что над Авендумом собиралась черная вьюга.

Глава 11

Город серых снов

Привалившись к грязно-серой потрескавшейся стене дома на Людской улице, я застонал. Боль поселилась где-то посредине грудной клетки. Я помассировал рукой это место. Боль тихо отступала, забирая к себе в невольные попутчики мой страшный сон. Я до сих пор находился там — на покрытой снежным ковром улице Сонной Кошки, возле статуи Сагота. Все еще не верится, что я живой, что не лежу мертвым на занесенной снегом мостовой старого Авендума.

— Я всего лишь Гаррет, Гаррет, получивший в Авендуме прозвище Тень, а не погибший несколько веков назад архимаг Вальдер, — прошептал я.

Погружение в призрачно-зыбкую паутину сонной яви, тяжелой волной внезапно упавшей на меня, было резким и мгновенным. Я быстро шел по Людской улице, и в этот момент, подобно падающей звезде кошмара, появилось видение. Я продолжал оставаться собой и в то же время стал Вальдером. Сознание разделилось, двоясь и ломаясь, как нежная кромка молодого ноябрьского ледка. Существовая где-то там, на Закрытой территории, безвольно привалившись к стене, вор Гаррет прожил новую жизнь, точнее кусочек чужой жизни, которая оказалась на удивление слишком реальной и ощутимой. Не знаю, сколько прошло времени, Фор не зря предупреждал меня о странностях, происходящих на Закрытой территории, но до сих пор, даже проснувшись и вырвавшись из липкой паутины кошмарных событий прошлого, я ощущал тупую боль в груди от попадания магии волшебника-шамана, а на лице ласково обжигающий холод не существующего сейчас январского снега.

Слишком реален был этот странный сон. Или не сон? Может, что-то или кто-то специально рассказал мне трагедию, разыгравшуюся здесь более двухсот лет назад? Кто знает? Я дрожащей рукой вытер пот, выступивший на лбу, и потряс головой, стараясь выветрить из нее последние свинцовые крупы сна, ставшего моим маленьким персональным кошмаром.

Неприятные ощущения, но теперь я хотя бы понимаю, каково это умирать. И знаю, что же на самом деле произошло в ту ужасную январскую ночь в старой башне Ордена и каким образом появилось уже ставшее легендой проклятие Авендума — Закрытая территория.

Виной возникшей гекатомбы оказался этот непонятный Хозяин, который смог искусить Земмела властью и бессмертием. Хозяин. Кто же ты такой? Я уже несколько раз слышал за последнюю неделю это имя — Хозяин. Таинственная личность, большая загадка и головная боль уже не только для меня, но и для заинтересовавшегося его персоной Арцивуса, а следовательно, и Ордена. Правда, я уже точно знал, что этот Хозяин и Неназываемый — абсолютно разные субъекты. Слишком уж разнится отношение у Земмела и демонов к Хозяину и Неназываемому. Но демоны — существа загадочные, а насчет существования Земмела мне ничего не известно, ведь все, что я видел, было сном, так что вполне могу ошибаться. Хватит! Об истинной сущности Хозяина пусть думает Орден, а я пока должен сделать дело и выбраться из Запретной, или Закрытой — это уже кому как нравится, — территории.

Я поднялся на ноги и пошел прочь от дома, возле которого просуществовал (проспал?), пока видел морок.

Странное это место — Закрытая территория. Все же можно было сказать, что я был приятно разочарован. Столько слухов и ужасов бродило о ней в Авендуме, и на тебе! Тут было вполне мирно и тихо. Почти как в уютном парке короля, хотя во владения Сталкона я так и не дерзнул забраться. У серо-синих гвардейцев довольно плохое чувство юмора. Они вначале мелко шинкуют неизвестного, а потом уже интересуются, кто это к ним зашел на огонек. Дворяне, одним словом.

Из-за тишины и спокойствия на Людской появлялось искушение идти не скрываясь прямо по центру улицы.

Перемахнув через стену и оказавшись на Запретной территории, я немного не рассчитал и наступил на труп мертвого доралиссца, которого Гигант перекинул сюда с помощью пики. Пришлось тихо выругаться и тщательно вытереть кровь козлочеловека с подошв сапог. Нечего было привлекать к себе здешних обитателей раньше времени. Хотя теперь, после этого необъяснимого видения, после того как пройдена половина длинной и извилистой Людской улицы, я стал немного сомневаться в отношении слухов о заселенности Закрытой территории всякой нечистью и необъяснимыми, но жутко голодными тварями.

Планы старой части города, сделанные старательными карликами и добытые мной в Королевской библиотеке, оказались гениально точны. Я действительно очутился на широкой, полутемной Людской улице возле низенького здания со сгнившей деревянной дверью. То ли лавка, то ли дом цирюльника — по ржавой поблекшей вывеске судить было трудно. Я собрался с духом, на всякий случай воззвал к Саготу и пошел вперед,

сверяясь с картой, находящейся у меня в голове.

Улица, как я и ожидал, была пустынна. Пустынна и... абсолютно нереальна, что ли. Да, в безликих щербинах окон тихо сопел задремавший летний ветерок, иногда скрипела и качалась насквозь проржавевшая вывеска на какой-нибудь из полуразвалившихся лавок. Возле одного из домов стояли сгнившие зимние сани, громоздились кучи мусора на мостовых — в основном части разрушившихся от времени жилищ и их кровель, — но вот жизни не было. Ни души, даже ни одного самого завалявшего скелета не то что человека, но даже лошади или собаки. Серый тусклый свет и бледное серебро полной луны создавали картину мертвого, давно покинутого мира. И еще одно - отсутствовал уже успевший стать привычным за три недели июня туман.

К моему неприятному изумлению, магическое зрение вдруг наотрез отказалось работать, как только я прошел по Людской пару десятков метров. Краски погасли, мир мигнул и распался на тени и тьму. Возникло сильное желание повернуть назад, я вдруг почувствовал себя беспомощным слепым котенком, заблудившимся в конуре злой собаки. Но с довольно ощутимым усилием призрак нежданно нагрянувшего малодушия я загнал далеко-далеко, в самую непосещаемую область головы, откуда он, тихонько протестуя и пища, попытался вернуться, но потерпел неудачу и заткнулся.

Очень надеюсь, что в Храд Спайне со мной такого не случится, иначе я пропал. Самое страшное, что вообще может случиться с человеком, — это вдруг оказаться в крошечной темноте в глубоких подземных залах, где неизвестно кто живет и неизвестно чего этот кто хочет от мирного путника.

Итак, я попал в мертвое и безлюдное королевство-кладбище оттенков серого и серебряного сна. Тихий звук ветра, поющего колыбельную домам-мертвецам, и запах затхлой старости были моими спутниками на Людской улице. Иногда, скорее инстинктивно, я резко оборачивался назад и, внутренне холодея, ожидал увидеть кого-то или что-то идущее за мной по пятам, но все было мертвенно-спокойно. Я шел, стараясь не шуметь, до предела обострившимся слухом ловя звуки летней ночи. Оглушающе давящая тишина в самый неожиданный момент вдруг вспыхивала и разлеталась огнем от просыпавшегося вдруг ветра. Только ветер, всего лишь ветер дул в черных провалах мертвых домов, с таинственным свистом выскакивал из подворотен, раскачивал хлопающие о стены домов сорванные ставни, дразнил дребезжащую жестяную кровлю и вновь смолкал, погружаясь в свой беспокойный и чуткий летний сон.

Лишь один раз непонятный, а оттого пугающий звук заставил

покрыться спину холодными мурашками. Проходя мимо некогда богатого, покрашенного выцветшей зеленой краской дома, я услышал тоненький и сразу же оборвавшийся детский плач. Я замер, отпрянув к противоположной стороне улицы, слился с тенью и стал с тихим ужасом слушать. Окна первого этажа дома, откуда мне послышался плач, были заколочены, и звук, почудившийся мне, шел откуда-то со второго этажа. Я ждал, сердце учащенно колотилось, будто свободолюбивая птица, молящая, чтобы ее выпустили из тесной клетки. Ждал, слушал и боялся услышать этот детский плач, злой отчаянный крик голодного младенца, оставленного матерью на произвол судьбы, плач, которому не место в мертвом и страшном месте. Но было тихо, и я, выждав еще несколько минут, направился своей дорогой. Шел, поминутно оглядываясь, боясь поверить в то, что слышал. Постепенно страх отпустил и забылся под гнетом тревоги: как бы не случилась неприятность.

Я старался не выходить на середину освещенной луной улицы, но в то же время и не слишком сильно прижиматься к стенам мертвых домов. Они вызвали во мне какой-то инстинктивный детский страх, смотря своими разбитыми глазницами-окнами, скорбно зияющими на меня со всех сторон. Я ощущал, что дома были мертвы, именно мертвы.

В то же время они смотрели. По коже все время пробегали вереницы мурашек от буравящих меня взглядов. А может, взглядов и не было, а все это просто мое разыгравшееся воображение?

Очень хотелось плюнуть на все: на короля, Храд Спайн, карту и исчезнуть не только отсюда, но и из города. Меня сдерживала только угроза нарушения договора. Находящаяся по правую руку, за домами, Кладбищенская улица, шедшая параллельно Людской, не добавляла мне ни капли оптимизма. Я ежесекундно ждал чего-то, но это самое что-то не сильно спешило выползти на лунный свет, дабы напугать, а затем и сожрать невесту как забредшего сюда Гаррета.

Наконец-то я увидел дом судьи. Уж не знаю, действительно ли в этом здании жил судья или просто к дому приклеилось такое название из-за какого-то случая, но на городских планах эта серая трехэтажная громадина называлась домом судьи.

Вполне вероятно, что дом вправду был судебским, особенно если учесть, какие взятки брали в былые времена королевские судьи. Теперь все совсем по-другому. Сталкон прижал парочку нечистых на руку судей, еще парочку отправил в Серые камни, а самых невезучих — на эшафот. С тех пор судьи стали работать, как замысловатые механизмы карликов, — быстро и точно, а главное — честно.

Сразу за судебским домом, если верить тем же планам, находился узенький переулок, выводящий на улицу Сонной Кошки. Она, как и Кладбищенская, шла параллельно Людской, но по левую от меня руку. В принципе, можно было пройти дальше по Людской и выйти на Сонную по широкому Овсяному переулку, но до него надо было идти и идти, а Запретная территория являлась не тем местом, что располагает к долгим и приятным ночным прогулкам. Клянусь Тихими временами! Отсюда чем быстрее исчезнешь, тем лучше для здоровья, поэтому узкий переулочек как нельзя кстати срезал мой путь и сокращал опасное путешествие вдвое.

— Сожри меня Х'сан'кор! — выругался я вполголоса.

Стоявший по соседству с судебским жилищем дом развалился, и одна из рухнувших стен заполнила переулок, перекрыв мне дорогу на Сонную Кошку. К сожалению, я не был горным козлом, чтобы перебраться через все эти завалы. Тут и не к ночи упомянутый Вухджааз ногу сломит. Придется идти дальней дорогой. Мой взгляд упал туда, где в ночи таяли стены мрачных домов. Сколько еще идти до Овсяного переулка? Сколько раз придется сыграть с судьбой в кости, рискуя нарваться на неизвестно кого?

Я понимал, что на улице тихо, что тут абсолютно никого нет, а все же... Ну не горю я пылким желанием идти по Людской улице! Вот хоть режьте меня, не пойду, и все тут! Та же самая интуиция, спасшая меня в ночь вылазки в дом герцога Патийского, вцепилась руками в плечи и не пускала вперед. Но тогда как же мне попасть на Сонную? Единственный выход — пройти насквозь один из мрачных домов, находящихся слева от меня. Хотя бы через ближайший ко мне — судебский.

Находясь в густой, как сливки, тени, я мучительно медлил, решая, какое из зол меньше — пройти по Людской дальше или сунуть нос в мертвый дом? Ни тот, ни другой вариант меня не очень-то устраивал, но стоять вот так и ничего не предпринимать было не менее опасно, чем просто продолжать путь.

В доме напротив судебного вновь раздался тихий детский плач, и я вздрогнул, расширенными глазами ища источник звука. Опять откуда-то со второго этажа. Скорее всего, вон из того черного зияющего окна с истлевшей грязной тряпкой, которая раньше была занавеской. Если в первый раз, когда я услышал эти всхлипы, можно было сослаться на разгулявшееся воображение, то второй раз деваться было некуда — я действительно слышал это. И сие открытие нисколько не наполняло мое сердце благодатью и спокойствием. Призраки? Души умерших? Проклятие Рога Радуги? Что-то еще? Не знаю, что это было и что оно хотело от меня, но я уж точно не куплюсь на детский плач и не понесусь сломя голову, как

какой-нибудь сказочный дурачок-рыцарь, спасти невинную душу. Эта «невинная душа», вполне вероятно, пару сотен лет ничегошеньки не кушала и теперь представляет для меня нешуточную опасность. А поэтому нам лучше избежать встречи. Нет тут никаких детей, вот уже двести лет нет. Во всяком случае, живых.

Я аккуратно отстегнул арбалет и зарядил вместо одного из обычных болтов огненный. Он был точно такой же, как и боевой, лишь красная полоска помогала отличить его от своих неволшебных собратьев. Да еще наконечник светился во мраке тусклым светом скованного заклинанием огня. Да, конечно, свет ночью очень мешает, но с такой штукой, как огненный болт, все же чувствуешь себя немного спокойнее и увереннее. При попадании в цель из него высвобождалась разрушительная магия огня.

Прошло всего-то несколько мгновений, за которые мое сердце успело провалиться в пропасть и запутаться где-то в кишках, а жуткий плач замолк так же неожиданно, как и возник. Секундная тишина... А затем я услышал тихое хихиканье. Злой детский смешок. Так мог смеяться ребенок, который мучает кошку и знает, что взрослые его за это не накажут.

Волосы на голове зашевелились, спина покрылась холодным потом, и мне чуть ли не впервые в жизни захотелось заорать во весь голос от ослепляющего животного страха, взорвавшегося внутри моего «я». Так меня ничто не пугало. Зомби старых Штолен Ола и даже парочка знакомых демонов с непроизносимыми именами казались добрыми пушистыми щенками перед этим тихим зловещим смехом невидимого существа.

Неизвестность всегда страшит. Пора было делать ноги, причем быстро, смех не располагал к вежливой и неспешной беседе с его таинственным обладателем. У меня уже не возникало сомнений, что этот неизвестный устроил охоту за бедным Гарретом. Иначе как этот смех оказался за пару кварталов от того места, где я его услышал впервые?

Когда хихиканье раздалось уже с первого этажа здания, я отбросил сомнения и колебания. Серым вихрем взлетел по высоким ступеням крыльца дома судьи и ворвался в древний мрак. Лишь малюсенький алый круг света, исходивший от наконечника волшебного болта, разгонял тьму и давал мне скудный обзор. Видно было ровно настолько, чтобы не врезаться в ближайшую стену или мебель и найти старую, покосившуюся от времени дверь, ведущую во внутренние помещения дома. Времени не было даже на то, чтобы достать один из «огоньков» — магических и ярких источников света, купленных мной у старины Хонхеля. Смех уже раздавался на улице, перед дверью, ведущей в дом, где я до этого искал убежища.

Другой бы на моем месте пальнул по неизвестному хохотуну-

плакальщику огненным болтом, но я слишком осторожен — так уж меня воспитал Фор. Не стоит рисковать раньше времени. А вдруг огненная магия для смеющейся твари все равно что для огра запах свежей человеческой крови? И в итоге я не убью, а только еще сильнее разозлю неизвестное мне существо.

Я резко отворил дверь из и'альяльской ивы, над которой, как известно, время не имеет никакой власти, влетел в темный зал, стены которого растворялись в крошечной тьме, захлопнул за собой дверь, пронесся по залу, чуть ли не спотыкаясь о поломанную мебель, разбросанную здесь в полнейшем беспорядке. Топот моих шагов, наверное, был слышен за лигу от этого места.

Краем глаза отметил распластанный на полу скелет в истлевшей от времени одежде. Еще дверь — и следующий зал. И еще, и еще. Я несся по заброшенным комнатам, разрезая мрак тусклым светом, исходящим от огненного болта. Кровь стучала в висках, в животе расплзались холодные и не желающие таять льдинки страха. Я молился Саготу, чтобы не споткнуться в темноте и не сломать ноги.

Так я и запомнил свою попытку спрятаться. Мельтешение стен, огромные тени на них, игра света и тьмы, дрожащий красный круг от света болта. Впереди замаячила очередная дверь. Распахнув ее, я сорвал с левой руки перчатку, кинул во тьму, развернулся и побежал в обратном направлении. Свернул налево, чудом избежал встречи со столом, проскользнул в едва приметную дверь для слуг. Захлопнул ее, прижался спиной к стене, стараясь удержать судорожное дыхание, накрыл наконечник волшебного болта рукой, чтобы исходящий от него свет не пробивался сквозь щель под дверью и не выдал моего присутствия.

Теперь робкий красноватый свет проходил сквозь пальцы и озарял мне лицо. Нет, так дело не пойдет, свет все равно виден. Я вытащил болт из арбалетного ложа и спрятал обратно в сумку. Мир погрузился во мрак, и я слился со стеной в единое целое, стараясь дышать как можно тише.

Прошли века, прежде чем ухо расслышало тихие шаги. Больше всего они походили на легкие шажки разутых ног ребенка. Они приближались, я сунул руку в сумку, надеясь в темноте отыскать подходящую колбу с заклятием. Шаги замерли перед дверью. И опять раздался тихий довольный смешок. Неужели меня нашли?

Лишь прилагая страшные усилия, я не побежал, а застыл, как застывает испуганный заяц в минуту опасности, надеясь, что хищник не заметит его в снегу. Дверь резко отворилась, чуть не ударив меня, но я даже не пошевелился, молча вознося молитвы всем богам Сиалы. Рука так и

осталась в сумке, судорожно сжимая один из взятых мною наугад пузырьков. Хохотун-плакальщик так и не вошел в комнату, остановившись на пороге.

Послышалось сопение. По-моему, неизвестное мне существо пыталось найти меня по запаху, и непонятно, чего тварь не входила в комнату, она прекрасно видела в кромешной темноте (во всяком случае, я не слышал, чтобы, бродя по залам, она хотя бы раз споткнулась). Еще один хохоток, морозом отозвавшийся у меня в животе. Тварь не уходила, понимая, что я где-то рядом, но в комнату войти не решалась, так как дальняя дверь, куда я бросил перчатку, тоже была открыта и вполне вероятно, что я мог быть там, дожидаясь момента, чтобы сбежать.

Медленно тянулись песчинки времени. За этот срок я успел проклясть свою глупую идею — спрятаться в доме. Надо было бежать по улице, может, тогда мне бы и удалось скрыться. А теперь я ощущал себя гоблином, запертым в лабиринте орков.

Наконец я услышал очередной тихий смешок, а секунду спустя удаляющиеся шлепки босых маленьких ножек. Ориентируясь по затихающему звуку, я рисовал в голове следующую картину: вот существо прошло зал, вошло в дальнюю комнату, замерло... Опять шаги, победный хохоток — видно, оно обнаружило мою перчатку, — и быстрые удаляющиеся торопливые шажки, которые поглотила тишина.

Я медленно сполз по стене на пол. Руки едва ощутимо дрожали, очень хотелось выпить чего-нибудь крепкого. Например, знаменитого самогона Гозмо.

Ни в коем случае нельзя было оставаться тут, тварь могла вернуться назад, поняв, что ее надули самым примитивным образом. Возвратиться обратно на Людскую или все же рискнуть — пройти сквозь мрак и выйти из дома на противоположную улицу? Я пару раз бывал в домах подобной постройки, видно, у них был один и тот же архитектор, поэтому свободно ориентировался в доме. Сейчас я заскочил в крыло слуг, и если пройти прямо, а затем через две двери направо, то я окажусь на задней половине первого этажа дома. Там должна быть дверь на кухню, а с кухни попасть на Сонную Кошку — дело одной минуты. Я вновь достал огненный болт, не рискуя зажигать «огонек», и, держа импровизированный источник света в руке, двинулся по мрачному дому.

Переступив через упавший шкафчик с разбитой стенкой, толкнул дверь в нужную мне комнату. По привычке закрыл ее за собой. Тусклый красноватый свет выхватил из сгустка мрака стол, находящуюся на нем сиреневую вазу низинских мастеров с засохшим веником цветов. Лепестки

давно осыпались и тонким коричневым слоем увядания и смерти покрывали полированную поверхность стола. Стул с резной спинкой, стилизованной под паутинку, — не иначе как творение карликов, хотя те и не очень любят работать с деревом. Пара картин; увы, я не смог рассмотреть, что на них изображено, — от времени холст потемнел, и теперь проступали лишь отдельные штрихи. Небольшие стеллажи с рядами запыленных книг. Наверное, я попал в кабинет управляющего или эстета-дворецкого. Сам дворецкий лежал на полу, возле стола. Лицом вниз. Старый, заросший паутиной и покрытый пылью скелет. Я осторожно подошел и наклонился над ним. Кости ног у него были раздроблены, скорее, разгрызены, как будто кто-то пытался добраться до сладкого костного мозга. Гхолы?

«Непохоже. Не тот след, не те отпечатки зубов».

Я изумленно тряхнул головой. Какой след? Какие отпечатки зубов? О чем это я? Я ведь в этом ничего не понимаю! Как будто кто-то другой подумал и мысленно произнес эти слова. Кто-то очень хорошо знающий повадки этих существ, кто-то разбирающийся в остатках магических следов. Например, тот, кем я недавно был в захватившем меня сне. Архимаг Вальдер. Да нет, чушь! Я сам себе не верю. Моя голова — это моя голова, и никаких слов мертвого волшебника там быть просто не может!

Я поспешно отошел от мертвеца, вызвавшего у меня чьи-то, совершенно непонятные мне, мысли, и взглянул в окно.

Взглянул и чуть было совершенно по-детски не ойкнул. Рано я стал радоваться, рано. Странностей на Запретной территории набиралось все больше. Прямо как снежный ком.

За окном стояла зимняя ночь. Дома напротив были покрыты снегом. Как и улица. В некоторых местах даже намело неплохие сугробы. Что за чушь? Десять минут назад за окнами было лето, а теперь самая настоящая зима! С криками и хохотом по улице пробежала пара мальчишек, чуть не сбив закутанного в шубу толстяка в старинной одежде.

Улица была жива от десятков снующих по ней туда-сюда людей. Горели огни в домах напротив, да и сами дома выглядели очень уж новыми. Там ночь только наступала.

— Последняя ночь, — прошептал у меня в голове такой знакомый голос архимага Вальдера. — Ночь, когда я умер.

Я подскочил от неожиданности, плюнул на все эти чудеса и, чуть ли не выбив дверь, вылетел из помещения.

Стол посреди комнаты, ваза с засохшим веником, который раньше был цветами, картины, книги, стул, скелет на полу. Окно. Зима. Люди, жившие

двести лет назад и не подозревающие, что там у них произойдет через несколько часов. Я вновь оказался в комнате с видом на зимнюю улицу. Что за ерунда?! Очередное наваждение Запретной территории? Затем опять прошел в странную дверь и на этот раз не стал закрывать ее за собой.

Стол, ваза, цветы, мертвец, окно, зима. Оглянулся назад, в комнату, где я только что был.

Стол, ваза, цветы, книги, скелет с измочаленными костями и белый, медленно опускающийся на улицу снег. Влип. Замкнутый круг какой-то.

Я попробовал повторить эпизод прохождения сквозь дверь еще два десятка раз, но с железным постоянством оказывался в одной и той же комнате. Вот было бы забавно, если хохотун-плакальщик попал сюда вместе со мной. Тут от него долго не попрячешься.

— Гонки по одной и той же комнате, тысячу раз отразившейся в реальности. — Вновь тот же тихий и усталый голос.

— Кто ты? — испуганно прошептал я, вслушиваясь в себя и уже зная ответ.

— Не знаю... — через некоторое время раздался ответ. — Я это я. Я жив благодаря тебе. Даже не я, а частичка моего Я. Слабая искорка подобия жизни.

— Ты в моей голове! — выкрикнул я.

— Не бойся, я уйду, как только ты покинешь эту проклятую магией землю, а пока позволь мне жить, хоть немного. — Голос был молящим, и я на миг дрогнул, но совладал со своими чувствами.

— Нет! Убирайся из моей головы!

— Ты знаешь меня, ты был мной тогда, когда все это случилось. Ты должен знать, что я не причиню тебе вреда, а даже помогу.

Плевать я хотел на помощь кого-то поселившегося в голове, тем более без всякого разрешения с моей стороны! Очень хотелось завывать и выскрести голос проклятого архимага из ушей.

— Я помогу тебе выбраться и завершить твоё дело. — Голос был тихим, приходилось напряженно вслушиваться, чтобы разобрать слова.

— Какое дело?

— Ты был мной, а я стал тобой. Ты знал всю мою жизнь, а теперь я знаю всю твою. Все твои дела, все твои задачи. Мы целое.

— Мы не целое! — Я зло пнул ногой по черепу мертвеца, и тот откатился к стене. — Это мое тело!

— Пусть так. — Вальдер не собирался спорить. — Позволь мне просто уснуть, когда все это кончится, и я помогу тебе выбраться отсюда.

— Уснуть? Как уснуть? В моей голове?

— Да, я хочу покоя и забвения.

— Нет! Тысячу раз нет, сожри меня Х'сан'кор! Это моя, и только моя голова!

— Хорошо, — ответил Вальдер после молчания. — Я помогу тебе просто так, а затем уйду. Ты попал в зеркало времени. Окно. Выходи в окно. Просто прыгай и ни о чем не думай.

Голос замолчал, и я прислушался к себе. Тихо, Вальдер заснул или действительно ушел.

Окно? Попробовать выйти в окно и оказаться в зимнем мире? Но что мне делать, если я вдруг попаду на двести лет назад? Смогу ли я выбраться обратно или мне придется всю оставшуюся жизнь проторчать в совершенно незнакомом для меня месте? Архимаг молчал, и мне в общем-то не оставалось ничего другого, как последовать его совету — вылезти из проклятой комнаты через не менее проклятое окно. Время пролетало незаметно, еще пара-тройка часов — и начнется рассвет. Надо успеть убраться из этого паршивого места до того, как розовым светом окрасят горизонт первые солнечные лучи.

Я подошел к окну, которое было, как и тысячи других окон Закрытой территории, разбитым, выглянул наружу. Лицо обдало легким морозным ветерком. Как там говорил архимаг — конечно, если это говорил он, а не мое свихнувшееся изображение:

— Просто прыгай и ни о чем не думай.

Легко сказать! Разбежаться и сигануть в это окошко с покосившейся рамой и осколками старого стекла по краям! Хотя из некоторых навещаемых мною домов богатеев я уходил еще менее изящно и топорно. Когда на пятки наступает десяток ретивых стражников, только и мечтающих порубить тебя в капусту, не то что через окно, через дымоход сбежишь.

Я убрал огненный болт, света от луны, падающего в окно и отраженного от снега, вполне хватало, чтобы сносно видеть. Подумав, достал арбалет, направил в сторону окна и нажал на спуск. Тетива щелкнула, посылая болт вперед, но он исчез, так и не ударившись о стену дома, находящегося на противоположной стороне улицы. Просто исчез, и все.

— Грызи мою печень демон бездны! — сплюнул я и, разбежавшись, прыгнул в неизвестность.

Мелькнуло окно, лениво плывущая по небу луна, снег, тихо падающий на землю. Я со всего разлета ударился подошвами сапог о каменную мостовую, не удержался, стал заваливаться набок и сделал перекат через

правое плечо.

Встал. Плечо и бок саднили после удара о землю, но в данный момент я не обратил должного внимания на боль.

Морок исчез, растворился, унесенный ветром времени. Ни снега, ни новых домов с приветливо горящими окнами, ни людей, спешащих по своим делам. Мертвая улица Сонной Кошки. Мертвые дома с мертвыми окнами. И летняя ночь. Значит, я попал куда надо.

Все же архимаг, поселившийся в моей голове, оказался прав. Выход был через окно. Я оглянулся назад, на дом судьи. Вот окно, в которое я прыгнул. Меня разобрало любопытство. Я подошел к нему, заглянул в комнату, где только что находился. Стол, ваза, скелет. Дверь. А дальше — темная кишка коридора, уводящая куда-то в мрачные глубины судейского дома.

— Пойду-ка я отсюда! — пробормотал я, закидывая арбалет за спину.

В дома больше заходить не буду, а то точно застряну в них на веки вечные. Я огляделся по сторонам и, сверяясь по памяти с картой, устремился к улице Магов.

Улица Сонной Кошки ничем не отличалась от Людской. Все то же запустение, все те же тысячи несуществующих глаз, наблюдающих за мной из рваных ран окон. Улица разве что была поуже да потемней, плюс дома здесь были беднее, а те, что побогаче, фасадами смотрели на Людскую. Я шел быстро, стараясь держаться в тени и полумраке, настороженно вслушиваясь в тишину ночи и песнь унылого ветерка. Пару раз ветерок доносил рваные, скомканные расстоянием звуки детского плача, но они были такими призрачно-далекими, что я постарался не обращать на них внимания.

Шли минуты, мелькали слева и справа мертвые дома. Однажды я напоролся на скелет лошади, лежащий поперек улицы. Ее кости, как и останки безымянного мертвеца в нескончаемой комнате с вазой, были раздроблены или, точнее, разгрызены чьими-то зубами. Уж не мой ли это знакомый хохотун-плакальщик? Я обошел скелет, не отрывая глаз от чего-то белого, вдруг появившегося далеко впереди.

— У-у-у-у, — как сотня грешников, тоскливо завывал ветер в мертвых остовах домов.

Тут пахло затхлостью и пылью, как под кроватью скряги. (Поверьте, я знаю, о чем говорю. Один разок пришлось пролежать под такой кроватью битых два часа, дожидаясь, пока невесть откуда нагрянувший хозяин не захрапел рыкающим храпом здорового и довольного жизнью человека.)

В одном из домов справа от меня зияла огромная черная дыра, и я

поспешно перешел на другую сторону улицы — нечего искушать судьбу, ведь неизвестно, какая образина может там коротать эту ночь.

Вскоре я довольно близко подкрался к непонятному белому пятну и с интересом стал его изучать.

Возле деревянного и порядком развалившегося дома, скорее всего трактира, с вычурной вывеской в виде толстого кота мне путь преградило облако прозрачного серебристо-белого тумана. Круглое, пушистое, такое ласковое, похожее на безобидную овечку, облачко зависло прямо посреди улицы, не касаясь своими краями окружающих домов. Возникло стойкое впечатление, что какой-то гигантский разжиревший паук не доделал паутину, бросив ее на произвол судьбы. Края облака колебались и дрожали под ветерком, создавали впечатление вялой жизни. Туман нисколько не напоминал июньский туман Авендума — тот был желтым и непроглядно густым, а этот... Туман как туман, разве что странной формы и прозрачный. Но вот в его волшебном происхождении я почему-то ни на минуту не сомневался.

Остановившись в десяти метрах от неожиданной преграды, я решал, что делать дальше. Фор посоветовал мне путешествовать по крышам, но кто знает, выдержат ли они после долгого простоя человеческий вес? Попробовать проскочить? Под покровом тени, прижавшись к стене здания? Попробовать, конечно, можно, но вот только чем мне это грозит? А вдруг это непонятное решит приблизиться и проверить, кто залез в его вотчину?

За серебристой марью странного облака проглядывались очертания человеческого силуэта. Судя по росту, это был какой-то великан, не иначе. Голова силуэта достигала второго этажа стоящих рядом с ним зданий.

Статуя. Статуя Сагота. Что же, Фор и тут оказался прав, вот только как добраться до изваяния бога?

Как, как? Молча!

Я уже занес ногу, чтобы подойти к стене и проскочить в тени мимо облачка, когда меня остановил резкий голос, вновь зазвучавший в голове:

«Стой! Не двигайся, если тебе дорога жизнь!»

Гаррет — парень послушный, я застыл не хуже пугала на деревенском огороде. Только через несколько томительных ударов сердца до меня стало доходить, что это вновь говорит объявившийся архимаг. Я собрался ответить проклятому Вальдеру, когда он, видно поняв, что я хочу устроить ему отповедь, рявкнул:

«Молчи! Ни звука! Эта тварь слепа, но со слухом у нее все в порядке! Говори мысленно, я тебя прекрасно услышу».

«Ты обещал исчезнуть!» — Как вы понимаете, я в данный момент

больше думал не о непонятном туманном облаке, а о накрепко сидящем в голове голосе.

«А если бы я исчез? Где бы ты тогда был? В пасти Ириллы?» — резонно возразил мне он.

«И что же это такое?»

«Никто не знает. Порождение Кронк-а-Мора. Я видел записи в древнейших фолиантах, когда... — голос помедлил, — когда еще был жив. Старые гравюры вот таких созданий. Они слепы и, как пауки, замирают на заброшенных дорогах, ожидая случайных прохожих вроде тебя. Ждут, если надо, веками».

«Как же они охотятся?» — недоумевающе спросил я. Слепой охотник — это что-то новенькое.

«У них, как говорят, прекрасный слух».

«Что-то не верится. Давно бы уже схватил, если бы все было так, как ты говоришь», — недоверчиво подумал я.

«Не обольщайся, Ирилла услышал тебя метров за двести. Он просто все еще ждет, что ты подойдешь к нему».

«Не дождется. Нашел дурака. Придется искать другой путь».

«Как только ты отойдешь назад, Ирилла нападет, — раздался поспешный голос архимага. — Лучше не шевелись. Надо его обмануть».

«Интересно как? — фыркнул я, не отрывая настороженного взгляда от безмятежно колышущегося облачка. — И тебе-то какое дело, если оно меня сожрет?»

Вальдер долго молчал. Я уже было начинал подумывать, что все эти до невозможности странные голоса — лишь разыгравшееся воображение.

«Я вновь получил жизнь. Жизнь без мук. Жизнь, а не серое ничто, из которого нельзя попасть ни во тьму, ни в свет. Пусть жизнь в чужом теле, где я всего лишь незванный гость, но жизнь. Позволь мне уснуть, я не буду тебе мешать, а, может, иногда и смогу помочь. Не прогоняй... Прошу!» Голос мертвого архимага излучал мольбу и смертельную тоску.

«Ладно, по рукам. Пока можешь оставаться там, где сидишь». — Я все же пришел к выводу, что помощь архимага может быть полезной.

Будет у меня свой импровизированный покровитель. И что страшного, что в голове звучит чей-то голос? У многих в Авендуме, особенно у тех, кто находится во втором крыле больницы Десяти мучеников, в голове живут постоянные голоса, и ничего. Правда, у тех, кто слышит таинственные голоса, с умишком не все в порядке, но покажите мне хотя бы одного нормального в этом безумном мире!

«Ты можешь остаться. Но только до тех пор, пока я не покину

Запретную территорию. Договорились?»

«Да! Спасибо!» — В голосе послышалось облегчение.

Создавалось впечатление, что я подарил архимагу новую жизнь.

«Так как же мне обмануть это существо?»

«Попробуй поднять камень и кинуть куда-нибудь подальше от себя. А затем беги».

Замечательный, гениальный план! А я, грешным делом, подумал, что мне действительно посоветуют что-нибудь дельное. Хотя может и сработать. Если быстро побежать, то вскоре я окажусь возле статуи Сагота, а Фор говорил, что там абсолютно безопасно и никакая тварь меня не посмеет тронуть. Рискну.

Я поднял с земли мелкий круглый камешек и швырнул его в ближайшее от тумана окно. Камешек влетел во мрак, стукнул о стенку, и мышеловка сработала. Облако, как спущенная с лука эльфа стрела, метнулось на неожиданный звук в окно, куда за несколько секунд до этого упал камень. Видно, что этот Ирилла был очень голодным. Туман скрылся внутри дома, и я бегом пролетел опасный участок улицы, уголком зрения замечая, что моя уловка не очень удалась — белый сгусток, теперь так напоминающий какого-то слепого волшебного червя, отродясь не видавшего солнца, стремительно вытекал из здания на ночную улицу. Миг — и червь вновь стал облаком, еще миг — и облако решило поиграть в догонялки с моей испуганной и сосредоточенной на отчаянном галопе персоной. Я прибавил ходу, благо до статуи Сагота оставалось всего лишь с десятков метров. Воздух со свистом вырвался из легких, когда я поднажал из последних сил, ощущая за своей спиной безликие пальцы Ириллы.

«Быстрее!» — совсем не под руку посоветовал вновь возникший из ничего Вальдер.

Я и так выжимал из своего тела все без остатка.

Затормозить я не успел и с разлету врезался в гранитный постамент. Воздух от удара вылетел из легких, я спиной упал на пыльную мостовую, успевая разглядеть бездушное облако тумана, которое на полном ходу, как озверевший от голода гхол, летит на меня. Миг — и Ирилла, издав воистину мелодичный и никак не вписывающийся в ситуацию хрустальный звон, разлетается на тысячу маленьких клочков, багровым огнем сгорающих в воздухе. Пустота и тишина.

В ушах еще стоял звон разбитого магией статуи тумана. Что же, учитель Фор, ты, как всегда, оказался прав. Статуя Сагота — действительно безопасное место.

— Слушай, маг! Ты можешь пока торчать в моей голове, но не надо

говорить под руку! Прекрати разговаривать, если только мне не угрожает опасность! Заткнись или убирайся! — зло просипел я.

Архимаг молчал. Чудесно! На этот раз победа на моей стороне, хотя, если честно, не захоти он уходить из моей головы, я ничего бы не смог с этим поделать, по крайней мере до тех пор, пока поблизости не окажется маг Ордена.

Я встал с земли, отряхнулся от пыли, покрывающей мой черный камзол и штаны. После такой вот чистки я повернулся, представ перед очами своего бога. И задохнулся. Статуя действительно была большой — неизвестный мастер хорошо постарался, изображая бога воров. Он сидел на гранитной тумбе, скрестив обутые в башмаки ноги. Сагот выглядел чуть-чуть усталым, как будто путник после долгой, но все же приятной дороги. Руки с изящными тонкими пальцами лежали на коленях. Я перевел взгляд на его лицо. Обычное лицо сорокалетнего мужчины. Острый нос, высокий лоб. Скульптору даже удалось отобразить недельную щетину на лице бога. Лукавые глаза и улыбка. Улыбка одновременно умудренного опытом старика и озорного мальчишки. Улыбка, излучающая доброту лани и хитрость лисицы. Я знал этого человека. По крайней мере, видел. И даже заплатил золотой за его нелепый и глупый совет. Передо мной был тот самый нищий из Собора, сидевший на пустом постаменте.

Удивляться не приходилось. Я слышал несколько легенд и десяток мифов о том, что Сагот любит иногда вот так побродить по земле и поговорить с теми, кто вызывает к нему в трудные минуты. Помочь, посоветовать, наказать, разыграть.

— Видишь, я исполняю Заказ, — громко сказал я статуе. — Вот только твой дурацкий совет про Селену так и остался непонятым. Что ж, радуйся! Ты смог облапошить меня на целый золотой!

Но бог молчал, глядя на меня насмешливым взглядом. Больно ему надо отзываться на дерзости какой-то букашки по имени Гаррет. Я вздохнул. Что ж, Сагот защитил меня от Ириллы, но пора было отправляться дальше, тем более что до улицы Магов еще идти и идти.

— Интересно, — пробормотал я себе под нос. — Как раненому и умирающему Вальдеру удалось пройти такое расстояние от башни Ордена до статуи Сагота?

Но поселившийся в голове архимаг ничего не сказал.

Я осмотрелся, помня о том, что маг умер рядом со статуей, но никаких костей не обнаружил. Ну и Сагот с ним, хорошо бы, чтобы он и из моей головы вот так исчез! Тихо и незаметно.

— Прощай, Сагот. — Я умерил свою дерзость и поклонился. Передо

мной все же был бог. — Я достану этот Рог. Даже несмотря на твой непонятный совет.

Я молча развернулся и пошел по застывшей в ночной мгле Сонной Кошке, оставив статую бога воров за спиной. Побывав возле изваяния, я вдруг ощутил какую-то волшебную уверенность и спокойствие. Уверенность в том, что Заказ выполню во что бы то ни стало. Казалось, что я получил одобрение от бога, пусть он и не сказал мне ни слова.

Улица была так же бесконечна, как ненависть эльфов к оркам. Я шел по ней уже минут двадцать, а до выхода на соседнюю улицу Магов все еще надо было топать и топать. Сколько еще бродить по этому миру мертвого отчаяния, я не знал. Хотелось побыстрее отсюда свалить в более приветливые и безопасные места. Потому как интуиция мне подсказывала, что, чем дальше я тут буду находиться, тем больше наживу неприятностей.

Сперва я почувствовал запах. Запах, который ни с чем нельзя спутать. Запах, способный ввести голодного гхола в экстаз и безумие одновременно. Так пахнут трупы. Сладковатый аромат смерти и разложения. Я стал дышать ртом, попытался не обращать внимания на нестерпимую вонь, думая о том, что изо рта Вухджааза и его брата пахнет намного хуже.

Спустя пару мгновений я услышал звук раздираемой плоти. А затем хруст и чавканье. Потом раздалось знакомое для тех, кто занимается разорением древних могил, тяжелое хрипение из полусгнивших легких. Именно по этому хрипу всегда можно вычислить проклятых тварей. Я знал, кто издает такие звуки. Зомби. Мертвецы, оживленные оставшимся от огров черным шаманством, так и не исчезнувшим за тысячелетия из мира Сиалы, мертвецы, которые нет-нет да появляются в различных, в основном заброшенных и, к счастью, редко посещаемых людьми местах. И этому появлению не могут воспрепятствовать даже могучие ордена волшебников, маги светлых эльфов и шаманы орков, гоблинов и темных эльфов. Слишком сильно и до сегодняшнего момента не понято шаманство зловещей и таинственной расы огров, держащееся в мире с тех времен, когда эти существа еще не превратились в тупых кровожадных людоедов, а правили всеми Северными землями.

Магия, оживляющая трупы, препятствует их гниению, и мертвецы вполне в состоянии просуществовать несколько десятков лет, прежде чем время сжалится и убьет их плоть. Они не выносят солнечного света, от него их тела испаряются, как куски сахара в горячей воде. Поэтому основное место обитания зомби — это заброшенные пещеры, штольни, выработки, склепы, подвалы старых домов. Лишь ночью они выползают из своих убежищ в поисках поживы. Убить тварей можно. В принципе, немного

попотев, с рядовым зомби способен справиться, изрубив в капусту, хороший мечник. Отлично действуют волшебные световые кристаллы, разрушающие их плоть, огонь да много еще чего. Вот только обычно всего этого не бывает при себе, когда наталкиваешься на ходячий труп.

К счастью, у меня с собой были и огненные болты, и световые кристаллы, но пользоваться ими я не спешил, приберегая на Храд Спайн.

Зомби не так страшны, как о них рассказывают у ночных костров или за столом в трактирах. Это я вам заявляю со всей ответственностью. Однажды, еще в молодости, бродя по заброшенным старым Штольням Ола, находящимся недалеко к востоку от Авендума, в поисках несуществующих сокровищ, я наткнулся на два таких создания. Тупые, голодные, неповоротливые твари, которым спокойно не лежит в могилах. Убежать от них обычно довольно просто, особенно если это не так называемый «свежак», а полусгнившие останки, которые еле-еле передвигаются из-за отсутствия большей части мышц, сухожилий, а то и костей. Главное — не попасться в их руки-крюки, иначе живым не уйдешь, точно. В тело добычи зомби впиваются не хуже имперских собак.

Чавканье раздалось с новой силой, и меня передернуло от отвращения. Да и кто на моем месте остался бы хладнокровным? Не очень-то приятно услышать такое, и не важно, кто ты — добрый булочник, храбрый солдат, безжалостный убийца или обычный вор. Я не понимал, откуда здесь взялись зомби. До Кладбищенской улицы довольно далеко. У тварей вечерняя прогулка перед сном? Да и какие тут зомби после двухсот лет? За это время каждый порядочный оживший мертвец, хочет он того или нет, должен превратиться в прах. Ан нет! Что ж, спишем гуляющих здесь мертвецов на странности Запретной территории.

В левую руку я взял припасенное мясо, а в правую — короткий клинок. Если что, серебряная окантовка лезвия на время меня защитит. Нет, зомби не дошли от серебра, просто они становились менее поворотливыми и очень ленивыми. Порой тварь, получившая серебряную стрелу в грудь, даже не обращала внимания на проходящего мимо человека. Какое-то время. Пока какой-нибудь смельчак не решится завладеть ценной стрелой и не выдернет ее из якобы вновь умершего мертвеца. Обычно такие ребята кончали плохо, и их останки даже не хоронили, потому что хоронить, собственно говоря, было нечего.

Хрипение раздавалось из-за угла крепкого здания из красного кирпича. Окна дома были закрыты массивными стальными ставнями, а тяжелая стальная дверь могла выдержать прямое попадание ядра из пушки гномов. На фасаде огромными буквами было написано:

Б...НК ХИРГЗ...Н и СЫ...О...БЯ.

Буквы отсутствовали, но и доралиссу понятно, что здесь было написано: «Банк Хиргзан и сыновья». Довольно известный и богатый род гномов.

Значит, вот он, гномий банк. Именно до этого места дошел Фор, но не смог проникнуть в здание и вернулся назад. Я подошел к банку и аккуратно, стараясь не шуметь, заглянул за угол. В нос ударил все убивающий запах гниющей плоти, а мой взгляд уперся в точно так же выглядывающего из-за угла, только с противоположной стороны, мертвяка.

Возникла немая сцена, как в лучших спектаклях на Рыночной площади. Столкнувшись нос к носу с ожившим мертвецом, я поступил как маленький и беззащитный зверек, когда тот сталкивается с лесным хищником, — я замер.

Тварь уже была не первой свежести. Одной руки как не бывало, ребра справа обнажены и тускло белеют в туманном лунном свете, кожа грязно-серо-зеленого цвета, одно глазное яблоко отсутствует, губы давно сгнили, а покрытые свежей кровью редкие зубы оскалены в сардонической улыбке деревенского дурачка. Еще одна тварь стояла спиной ко мне, я прекрасно видел ее сгнившее тело и выступающие сквозь черное мясо белые пятна позвонков. Дальний зомби еще не успел отобедать и с превеликим энтузиазмом был занят важным делом: он, хрипя и чавкая, запихивал в рот куски мяса, которые вырывал из распростертого в переулке тела человека.

Ну, я предполагал, что это был человек, потому как по тем отдельным костям, рваным тряпкам и разброзанному мясу точно определить было нельзя. Но вот в том, что еще сегодня утром это мясо было живо, не возникало никаких сомнений. Быть заживо съеденным такими тварями... Малоприятная смерть.

Как и в хорошем спектакле, с молчанием надо не переборщить. Тварь, увидевшая меня, наконец сообразила, что немая сцена так долго продолжаться не может, отпрянула на шаг назад и, взмахнув полусгнившей рукой, ударила по тому месту, где я только что находился. Меня, естественно, давно там не было, я уже выскочил на середину Сонной Кошки, лихорадочно стараясь развернуть дрокр, чтобы достать мясо. Зомби довольно резво двинулся в моем направлении, выставив вперед единственную руку и натужно хрипя. Второй тоже оторвался от десерта и, запихивая в пасть мясо, пошел на подмогу собрату. Зомби — не хохотун-плакальщик, тут нужно быть спокойным, иметь трезвую голову, капельку проворства, и тогда у тебя есть шансы выжить.

— Будем считать это маленькой тренировкой перед Храд Спайном, —

пробормотал я, стараясь не замечать, что у дальнего мертвеца в зубах застрял не самый маленький кусок свежего мяса.

Твари приближались, и я отбежал еще на десяток метров, выманивая их на широкую улицу из темного переулка. Все же, когда просторно, есть возможность для маневрирования и увертывания от лап-веток мертвецов. Проклятый узел наконец-то поддался, я развернул эльфийскую ткань и кинул мясо в морду однорукого.

Тварь поймала кусок на лету и, на время потеряв ко мне всякий интерес, принялась с остервенением рвать нежданно-негаданно свалившуюся на нее добычу. Зомби, как известно, ненасытны, и то, что мертвец совсем недавно откусал, вырвав от ныне лежащего в переулке бедняги приличный кусок, нисколько не умерило аппетит твари.

Свободной левой рукой я выхватил из-за пояса волшебную эльфийскую веревку-паутинку. С ее помощью можно было преодолеть почти любое препятствие. Она не требовала трехзубчатой «кошки» на свободном конце и спокойно прилипала к любой поверхности так, что не оторвешь. А волшебное свойство самостоятельно поднимать хозяина вверх только добавляло ей популярности среди любителей преодолевать неожиданные преграды. Правда, и цена была высока. Не так-то просто добыть веревку, которую использовали разведчики темных эльфов.

Я взмахнул паутинкой, и свободный конец улетел в сторону крыши банка гномов, как будто к нему был привязан тяжелый груз. Держа свободный конец паутинки в руке, я ждал, когда чудо эльфийской магии самостоятельно закрепится где-то там наверху и поднимет меня подальше от голодных созданий. Первый зомби уже доедал мясо, и я успел пожалеть, что взял с собой так мало. Второй поравнялся с первым, но не остановился, чтобы присоединиться к пиршеству, а продолжил упорный путь в мою сторону. Походка у него была как у пьяницы из Портового города — того и гляди упадет. Однако мертвяк не падал, а с упорством гнома, вгрызающегося в тело земли, пер на меня.

Я почувствовал резкий рывок, волшебная веревка стала поднимать меня вверх. Зомби разочарованно захрипел, попробовал подпрыгнуть и достать меня руками, но не дотянулся и с тупым стуком шлепнулся на землю, чуть не придавив подошедшего однорукого собрата. Мне, если честно, было не до них. Упираясь ногами в стену банка, я помогал веревке тянуть меня наверх.

Тяжело отдуваясь, закинул ногу на гранитный карниз, проходящий по всему зданию чуть ниже крыши, и резким рывком перекинул себя на него. Перевернулся на спину, разглядывая звездное небо.

До рассвета осталось чуть больше двух часов, и звезды поблекли перед еще не проснувшимся, но уже таким близким утром. Лучник уходил за горизонт, Камень терял волшебную яркость, Свинопас приблизился к Луне. Созвездия еще были на ночном небе, но потихоньку тускнели, советуя мне поторопиться и до рассвета убраться из этого места.

Мертвяки рассерженно хрипели где-то внизу, тупо и бесконечно ударяясь в стену здания в тщетной попытке достать убежавшего от них человека. Я издал абсолютно безумное хихиканье. Напряжение от только что пережитого все еще не прошло. Кровь дробью боевых барабанов орков стучала в ушах, наполняя летнюю ночь хоть каким-то подобием ритма жизни.

Вот ведь работа! Дернула меня тьма быть вором! Был бы обычным лавочником или кузнецом каким-нибудь. Жил бы себе и жил, в ус не дул, хлопот не знал и голову бы дурную не совал в неприятности.

Ладно! Предаваться унынию будем несколько позже. Если доживем до этого «позже». Я встал, перемахнул на ребристую черепицу крыши, отцепил веревку, впившуюся в нее, как голодная пиявка впивается в неосторожного гулену, свалившегося в реку Хрустальной Мечты. Затем смотал паутинку в тугой моток и прикрепил к ремню, убрал так и не понадобившийся клинок, огляделся.

Луна топила весь мир в волшебном серебристом свете. Перед моим взором лежали крыши домов. Тут неоткуда взяться тени, и свет залил все вокруг, превращая крыши в какую-то сказочную равнину черепицы, ржавых труб и поломанных флюгеров. Светло как днем, и, если смотреть на крыши откуда-то с ночного неба, я буду виден, как обожравшийся таракан на хозяйском столе при свете дня.

Дома плотно подступали друг к другу, и расстояние между соседними крышами было мизерное — даже паралитик способен перепрыгнуть с одной на другую, не поломав себе костей. Что ж, пойду как по центральной улице. Легко и быстро, тем более что почти все крыши были плоские, старой постройки, а не покатые, какие стали делать последние сто лет. Я вновь достал огненный болт и зарядил его в арбалет, где он лег по соседству с обычным братом. Прятаться не было смысла, я и так находился на виду из-за лунного света, захватившего в свою власть все крыши и загнавшего пугливую соперницу-тень в самые дальние уголки чердаков, а то и вовсе прогнавшего ее вниз, туда, где она могла бы жить благодаря стенам домов. Так что тусклый свет от волшебного болта в данный момент мне нисколько не мешал.

Зомби все еще хрипели внизу, и я ухмыльнулся, видя как Однорукий с

остервенением пытается выбить прочную дверь гномов, чтобы проникнуть внутрь дома и добраться до меня. Что ж, у него есть все шансы слопать Гаррета. Лет через шестьсот. Я еще раз хмыкнул, перебросил арбалет из одной руки в другую и уже собрался идти по крышам домов, как заметил метрах в двенадцати от того места, где я стоял, здоровенную рваную дыру в крыше.

Все же время прогрызло безжалостными, не знающими усталости зубами то, что не смогли сделать все воры Авендума. Время пробило брешь в надежной защите банка. Возник соблазн спуститься вниз и узнать, так ли богат клан Хиргзан, как о нем говорит людская молва. Но на данный момент деньги мне бы только мешали, да и лезть в темное жерло дыры не особо хотелось, тем более что крыша рядом с ней, скорее всего, была не толще крылышек мотылька, а следовательно, могла рухнуть подо мной в любой момент и отправить незадачливого Гаррета в мрачную неизвестность.

— Что ж, следующему смельчаку, решившему провести банк, очень даже повезет, — пробормотал я и отправился своей дорогой.

Время сейчас — самое дорогое, что у меня есть, и стоило поспешить, дабы не встречать первые копыя лучей солнца на Запретной территории.

Разбежался и перепрыгнул на крышу соседнего здания. Разбежался, перепрыгнул. Разбежался — снова прыжок. Квартала через два я уже дышал как возбужденный кабан.

Один раз из-под ног поехала плохо закрепленная черепица, я каким-то чудом успел вцепиться в карниз, изящной волной огибающий крышу, и повиснуть на руках. Слава Саготу, вылез. В другой раз одряхлевшая от времени покатая крыша одного из домов начала рушиться прямо под ногами. Я бросился скорее на соседнюю, чувствуя, как подо мной все ходит ходуном, а за спиной раздается грохот падающей черепицы и досок. Я успел, сильно оттолкнулся и перепрыгнул на соседнюю крышу, сбив сапогами несколько продолговатых, ярко-красных и не потускневших от времени черепиц.

— Ну-ну, — довольно мрачно высказался я, наблюдая, как из дома, на крыше которого я только что находился, поднимается вековая пыль, поднятая упавшими досками.

Крыши у дома больше не было, и дом сиротливо сверкал обнаженными стенами.

Пыль, вяло клубясь в лунном свете, как-то незаметно стала принимать черты гигантского человеческого черепа, и я, решив не дожидаться, что тут произойдет дальше, поспешил к улице Магов, благо до нее было уже

недалеко.

За время своего путешествия по ночным крышам я пару раз видел зомби, вяло ходящих по Сонной. В первый раз я слышал тварь за сотню метров от себя. Мертвец хрипел внизу, вальяжной и немного подпрыгивающей птичьей походкой прогуливаясь по полутемной улице из угла в угол. По счастью, тварь не задирала вверх голову, чтобы полюбоваться полной луной, поэтому и не заметила прыгающий с крыши на крышу человеческий силуэт. Вторая встреча произошла немного позже. Пятерка мертвецов на удивление молча стояла вокруг фонтана, тупо уставившись в только им видимую точку. Казалось, их взор приковало к себе что-то пленительное и потрясающее, от чего просто невозможно отвести взгляд мертвых глаз. Не знаю, может, так оно и было. Зомби напоминали какие-то ужасные статуи, созданные эстетствующим безумцем из больницы Десяти мучеников. Я еще раз возблагодарил Сагота, что решил идти оставшийся путь по крышам зданий, а не по улице, иначе, нарвавшись на такое количество ходячих мертвяков, замучился бы от них избавляться.

Последний высокий прыжок — и я оказался на крыше здания, выходящего фасадом на улицу Магов. Улица была не в пример короче Сонной и Людской, так что цель моей ночной вылазки уже очень-очень близка. Вся проблема в том, что домов по соседству с тем, на крыше которого я стоял, не было. Создавалось ощущение, что чей-то гигантский язык просто слизнул их из этого мира. Пустые черные квадраты на месте отсутствующих зданий казались сиротливыми островками в мире таинственного и затхлого сна Закрытой территории.

Я облокотился на потемневшую от времени дымовую трубу, снял наконец с руки оставшуюся перчатку и, не глядя, отбросил в сторону. Одна мне она уже все равно не нужна, ведь ее несчастная сестра так и осталась в качестве трофея у хохотуна-плакальщика.

У меня было два варианта дальнейшего продвижения к своей цели. Первый — это спуститься вниз и, рискуя шкурой, пробежать короткую улочку до башни Ордена. Второй — это, рискуя шеей, перепрыгнуть на здание, находящееся на противоположной стороне улицы. Несмотря на глупость затеи, второй вариант был предпочтительнее первого. На крышах намного безопаснее, потому как бегать по полутемным улицам — все равно что танцевать джангу на тонком льду. Чтобы перекинуть веревку через широкую улицу, мне потребовалось две попытки. Со второй свободный конец достал до крыши нужного мне здания и основательно прилип к ней.

Я для спокойствия собственной души подергал за веревку пару раз,

проверяя ее надежность. Что ж, вполне устраивает. Теперь я должен был совершить одно из самых больших и самоубийственных безумств. А именно прыгнуть с крыши здания, пролететь над улицей и оказаться на противоположном доме. Пару раз в жизни я уже выполнял подобный трюк, правда тогда немножечко был моложе. Но паутинке я доверял.

Шаг в пропасть, мостовая сделала резкий скачок в моем направлении, и вот я уже лечу над ней, вцепившись обеими руками в веревку, которая показалась вдруг такой тонкой и ненадежной. Стена здания с темными жерлами окон с катастрофической скоростью приближалась, грозя расплющить меня в лепешку. Я инстинктивно выставил вперед ноги в безуспешной попытке смягчить удар, но паутинка напряглась, превратившись вдруг из гибкой и податливой веревки во что-то совершенно непонятное. Прямой жесткий штырь, который завис вместе со мной в воздухе, а затем медленно-медленно стал приближаться к зданию. Как только я коснулся ногами серой стены, жесткость веревки исчезла, она вновь стала сама собой и мягко, незатейливо вытянула меня на крышу здания.

— Вот и все, — прошипел я, пытаюсь рассмотреть руки.

Без перчаток все же было не очень приятно, я вцепился руками в веревку так, что на ладонях остались красные полосы. Ладно, жить буду.

Дома на улице Магов казались более новой постройки, во всяком случае настил крыш подо мной не стонал от натуги и старости, грозя обвалиться в самый неожиданный и неподходящий момент. Я продолжил путь, благо надо было торопиться — до наступления утра рукой подать.

Извилистая, петляющая, как пьяная змея, улица Магов несколько не напоминала идеально прямые, словно вычерченные по линейке карликов Сонную Кошку, Людскую и Кладбищенскую. Да и дома здесь казались богаче, несмотря на кривую улочку и не самый престижный район города. Чуть ли не на каждой второй крыше стояли изящные флюгера в виде какой-нибудь волшебной зверушки или попросту пичужки или белочки.

На паре фасадов я мельком заметил вычурные статуи, украшающие стены домов. Но что изображали эти поделки скульпторов прошлого, я разглядывать не стал, все внимание направив на то, чтобы не свалиться с очередной покатою крыши.

Вверх. Вниз. Прыжок. Приземление. Вверх. Вниз. Прыжок. Приземление. Снова вверх! Рутинка! Я двигался, как механизм карликов, — четко, точно, не тратя лишней капли сил. Прыгал по крышам, абсолютно уверенный в том, что ничего такого теперь уже просто не может случиться.

Эта уверенность меня и подвела. Во время очередного приземления на

кажущуюся такой прочной крышу я остановился перевести дух и с тревогой посмотрел на звезды. Не успеваю, чтоб мне танцевать джангу с Неназываемым!

Вот тут-то это и произошло. Под моими ногами раздался тоскливый скрип — так скрипят старые двери в покинутых жильцами домах. Крыша ходуном заходила под ногами, я замахал руками, стараясь сохранить равновесие и не грохнуться с высоты третьего этажа на каменную мостовую и одновременно отпрыгнуть подальше от рушащегося настила. Но безуспешно. Крыша ушла из-под ног вниз, и я вслед за ней. Мелькнули стены, пыль, поднимающаяся от рушащейся кровли, звездное небо. Темнота...

Глава 12

Во мраке

Без сознания я был, наверное, не очень долго. Когда, открыв глаза, я посмотрел на небо, звезды почти не сместились, да и луна была яркой, а не потускневшей, утренней. Я застонал и сделал попытку сесть. Мне это удалось, кости, как оказалось, были целы, что невероятно радовало. Сломай я ногу или, не дай Сагот, позвоночник, лежал бы сейчас на полу, ожидая прихода рассвета.

Упал я неглубоко. Потолок был совсем рядом — стоило встать, протянуть руку и немного подпрыгнуть, чтобы коснуться его пальцами. Видно, я очутился в какой-то комнате третьего этажа. Пол выдержал и меня, и обвалившуюся часть крыши, на обломки которой я так несказанно удачно приземлился. Встав с пола, аккуратно пошевелил руками, все еще не веря, что остался жив. Нужно выбираться отсюда, этот детский плач положительно плохо действовал на мои расшатанные нервы.

Стоп! Какой плач?!

Я на секунду превратился в неподвижную скульптуру, как будто меня прибили гигантским гвоздем к полу, лихорадочно соображая: откуда выплыли мысли про детский плач?

Да, что-то такое было. Что-то на границе сознания, когда я падал во тьму. Что-то же разбудило меня, вырвав из забытья. Плач. Такой знакомый детский плач.

Как бы в ответ, подтверждая все законы всемирного свинства и мои тревожные опасения, откуда-то из темного угла комнаты раздались тихие всхлипывания. Я почувствовал себя не самым лучшим образом, нервно сорвал с пояса «огонек» и швырнул его на пол, скороговоркой бормоча формулу активации. Вспышка озарила темную комнату, я прикрыл глаза, чтобы не ослепнуть от яркого света. Секунда, кажущаяся вечностью, — и вот теперь вполне можно было разлепить веки, не опасаясь огромных цветных пятен и кругов перед глазами.

Магический холодный свет исходил от маленькой палочки «огонька», освещая территорию во много раз большую, чем это делает обычный факел. Старая комната с облезлыми стенами, дощатый ободранный пол, почти весь засыпанный мусором, мой арбалет в ярко-красном круге света, исходящего от огненного болта. И девочка.

Маленькая девочка, сидящая в дальнем углу и внимательно смотрящая

на меня зелеными глазами.

Обычная девочка, человеческий ребенок, лет пяти-шести. Золотые кудряшки непокорных волос, пухлые розовые щеки со следами слез, надутые губки бантиком, грязное рваное платьице, босые ножки и затасканная плюшевая игрушка — не то щенок, не то мишка — в руках. Очаровательный маленький ребенок, с которого только фрески рисовать в храмы. Вот только в зеленых глазах застыло ожидание змеи, ненависть волка и голод огра.

А рядом с ребенком лежала такая знакомая перчатка. Моя одинокая перчатка, брошенная в доме судьи. Девочка всхлипнула, не отрывая от меня глаз. Я медленно, очень медленно, в свою очередь не отводя взгляда от нее, стал нагибаться, чтобы поднять валявшийся у моих ног арбалет. В тот момент когда пальцы сомкнулись на изящном оружии, девочка хлюпнула носом в последний раз и издала тихий зловещий смешок. Я как стоял, потянувшись за арбалетом, так и замер. Вот и свидетелись. Хохотун-плакальщик собственной персоной.

Глаза существа — язык не поворачивается назвать это ребенком сверкнули, затхлая стена воздуха ударила мне в лицо, и я, не разгибаясь, отлетел к противоположной стене. «Огонек» замигал и померк, видно, неизвестная магия существа была слишком сильной и подавляла его. В комнате быстро темнело, лишь зеленые глаза излучали свет, гипнотизируя и подавляя волю, заполняя мозг липким туманом покоя и сна. Мерзкое хихиканье твари вновь зазвенело в ушах, и ее глаза придвинулись ко мне.

— Не спи! Стреляй! — на границе сознания раздался чей-то спокойный, требовательный голос, и туман в голове стал быстро рассеиваться.

По ушам ударил протестующий визг, тварь почувствовала, что теряет надо мной власть. Я вновь мог двигаться и в почти наступившей темноте, ориентируясь только на ядовитую зелень глаз, нажал на оба спусковых крючка арбалета почти одновременно. Первый, обычный болт ударил хохотуну в плечо, развернув его в пол-оборота, но тот только издал торжествующий хохоток и, не останавливаясь, продолжил путь в мою сторону.

Оставляя во тьме огненную нитку росчерка, волшебный болт устремился вслед за своим обыкновенным братом и ударил прямо между глаз твари. Яркая вспышка высвободившегося из магического плена непокорного огня заставила заслонить лицо руками. Грохнуло, я вам скажу, о-го-го как! Уши заложило, лицо обдало раскаленным жаром дыхания проснувшегося вулкана. Тварь издала визг свихнувшейся пилы дровосека и

затихла.

Раз... два... три... Я убрал руки от лица и осторожно открыл глаза. Комната была пуста. «Огонек» вновь набрал силу и робко освещал древнее помещение и случившийся в нем разгром. Хохотун-плакальщик исчез, от существа не осталось даже горстки пепла. То ли действительно огонь уничтожил его, то ли тварь убралась в менее жаркое место. Мне, если честно, было все равно, что с ней произошло, — лишь бы это существо находилось подальше от меня.

Пол кое-где тлел, а в одном месте, в центре комнаты, уже появились пугливые язычки пламени, рожденные огненной магией. Я поспешно затоптал их — не хватало только привлечь огнем неизвестно еще кого здесь обитающего. Хотя, наверное, все в округе слышали грохот разорвавшейся магии, и беспокоиться об огне после такого шума, право слово, глупо. А может, и не слышали. На Запретной территории, как я уже успел заметить, со звуком творится тьма знает что.

Губы и подбородок были отчего-то влажными, я рассеянно провел по ним рукой и взглянул на нее. Чтоб меня разорвало! Кровь. Я и не заметил, как она потекла из носа. Видно, виной всему стена воздуха, так приятственно вмазавшая мне по лицу. Призывая на голову проклятой твари всех демонов тьмы, я задрал голову вверх, дожидаясь, когда остановится кровь.

— Спасибо, Вальдер, ты спас мне жизнь, — пробормотал я, но ответа не получил.

Архимаг снова исчез и затаился.

Кровь остановилась довольно скоро, и я, подняв брошенную на полу перчатку, вытер грязное лицо. Зеркала не было, но буду надеяться, что крови на лице осталось не очень много. Бросив испачканную и ненужную перчатку на пол, я вышел из комнаты, на ходу перезаряжая арбалет обычными болтами, втайне надеясь, что ничего более ужасного, чем хохотун-плакальщик, я тут не встречу. Да и жаль мне было тратить волшебные заряды до Храд Спайна. Ведь неизвестно, каких милых ребят я встречу в его подземных залах.

Краем глаза я заметил деревянную лестницу, ведущую вниз, на улицу. Заниматься путешествием по старым крышам не было ни охоты, ни желания. На спине и так хватает синяков, не хотелось бы еще раз грохнуться и теперь уже наверняка сломать позвоночник.

Лестница натужно скрипела, стонала, но не разваливалась под ногами, за что я вынес ей свою искреннюю благодарность. Потом подумал и присоединил благодарность Саготу, терпящему мои выкрутасы. Серо-

желтый прямоугольник, сплетенный из кружев тени и лунного света, ярко выделялся на фоне темной стены комнаты на месте отсутствующей двери. Я выскользнул сквозь него на улицу Магов и, плотно прижимаясь к стенам угрюмых домов, по возможности держась густой тени, побежал к башне Ордена.

Внутренним, непостижимым для самого себя чувством я ощущал, как безжалостные капли из часов времени утекают сквозь пальцы, хлесткими кнутами подгоняя ленивую корову-утро, готовую вскоре появиться и прогнать ночь. Час, даже меньше, и еще темный горизонт вспыхнет ярким проблеском летней неугомонной зари, за которой последует утро. Утро, являющееся в данном случае гибелью для всего живого, находящегося в этот момент на Закрытой территории. Я прибавил ходу, скользя в тенях, слившись с ними в единое целое, танцуя вместе с серыми странниками под слышную только мне музыку.

Я танцевал с теньями, и тени несли меня на своих дымчатых лебединых крыльях. Вперед и только вперед, туда, где узкая улица расширялась, превращаясь в небольшую площадь, скрывавшую башню Ордена.

Я не заметил, как очутился на границе улицы Магов и площади. Остановился, закутавшись в плащ тени, отбрасываемой стареньким двухэтажным домом без крыши. Напротив меня еще один дом, последний маяк человеческого жилья перед пустующей площадью. Хотя это было не так. Площадь не пустовала. Немым укором, ужасной болью, страшным огрызком в два этажа стояла такая одинокая, такая мертвая старая башня Ордена. Сила Кронк-а-Мора не пощадила ее — от бывшего величия и изысканности постройки не осталось ничего. Черная выюга хорошо поработала над некогда прекрасным творением магов Ордена.

— Земмел, Земмел, что же ты наделал! — простонал Вальдер.

Да, катастрофа здесь разразилась страшная, я нисколько не завидую тем, кто оказался поблизости, когда тут случился разгул неуправляемой стихии. И ни камушка на голой и абсолютно чистой площади, окруженной скелетами домов и залитой, как лесная сказочная поляна, очищающим светом заходящей луны. А ведь в башне было не три, а намного больше этажей, и во время взрыва ее обломки должны были разлететься по всей площади. Однако их нет. Чисто и пусто. Просто испарились, и все.

— Долго мы будем здесь стоять? Время уходит! — Голос, вдруг раздавшийся из густого мрака дома напротив, заставил меня оторваться от невеселых мыслей и изумленно уставиться во мрак, откуда я его услышал.

Голос принадлежал явно живому человеку, а не какому-нибудь тривиальному призраку.

— Успокойся, Шныг. Или ты хочешь кончить, как старина Ростгись? — раздался в ответ противный писклявый голос.

Ну прямо как тролль, уронивший себе бревно на самое важное место!

— Успокойся, Шныг, успокойся Шныг, — недовольно пробурчал первый. — Ростгись сам виноват: зазевался, вот и попал на зуб зомби, а тут ждать нечего! Берем планы и драпаем отсюда!

— Есьо бы зомби не напасть! Ростгись только и делал, что пил в последнее время, — хмыкнул второй. — А теперь как прикажесь лезть в эту проклятусью басню? Нахрапом? Мы ведь не тяжелая кавалерия его величества! Надо все сетко продумать, инасе не сносить нам головы!

— Додумаешься ты, Соловей! — зло бросил Шныг. — Утро на носу, сваливать пора.

— Да помолси же! Думаю! — рявкнул Соловей, и Шныг заткнулся.

Так, так, так. Эти имена мне были известны. Два мастера-вора Шныг и Соловей, работают на гильдию, а следовательно, и на слизняка Маркуна. Мастера своего дела. Работают, правда, грязновато, трупов за ними целая дорожка. Соловей хоть коротышка, да и вид у него бледненький, но умен, как сто королей. А Шныг — здоровый, с крепкой мускулатурой — казался обывателям неуклюжим и тупым. Что ж, многие так думавшие оказались на Пирсах с ножом под лопаткой.

Да и Ростгиша я тоже знал, да пребудет он в свете. Парень года два назад появился в Авендуме и присоединился к этой парочке. Тоже в средствах не очень-то стеснялся, но вор хороший, правда не мастер, слишком много пил, реакция у него была отвратная, вот и попал в итоге на ужин к зомби. Выходит, это я на его останки наткнулся на Сонной Кошке. Не повезло бедняге.

Дел у меня никаких со Шныгом и Соловьем никогда не было, мы друг друга, мягко говоря, не переваривали. Да и опасные они ребята, всякую минуту жди нож под ребро. Какой тьмы им потребовалось на Запретной территории?

— План у тебя? — пропищал Соловей.

Его комариный писк больно резал по ушам, ребята, кажись, не считали своим долгом скрываться и шумели на всю улицу. Что, кроме зомби, никого не встретили? Все остальные сюрпризы достались мне?

— Тот, который мы достали из Королевской библиотеки? Да, вот он. Посвети.

— Сем? — зло буркнул Соловей. — «Огоньки» остались у проклятого Ростгиса! Теперь ими зомбики питаются!

Ага! Так вот про кого говорил старикан Болт. «Серые и

неразговорчивые». Видно, в библиотеку наведывались Шныг и Ростгишь, Соловья бы дед точно запомнил. Выходит, у ребяток здесь Заказ, ведь сунули они под нос Болту колечко какого-то влиятельного хмыря! Эх, не догадался я расспросить старика про кольцо, посчитал глупыми выдумками старого маразматика! Нужно будет обязательно вернуться и поговорить по душам со стариком. Так кто же их послал?

— Нам надо взять проклятушие карты или что там еще, пока нас не обошел этот ублюдок.

— Ну сто ты нервнижешься? — Соловей был, как всегда, спокоен и рассудителен. — Гаррет сунется сюда не скоро. А мозет, совсем в сътаны наложит. А если и полезет, то заказсик, как я понял, нанял пару стразников, стобы, если сто, они его присюсили.

— Этот Гаррет всем порядком надоел. Маркун кипятком исходит от одного его имени, да и заказчик, если чего, приказал его убрать. А тот, кому служит заказчик, да и мы заодно, начинает высказывать недовольство.

Гаррет? Интересно, о каком Гаррете говорит Шныг? Ну уж точно не обо мне! Слово «ублюдок» ко мне не относится. И вот еще что... Выходит, таинственный обладатель кольца нанял не только воров, но и храбрых и честных стражников во главе с ныне покойным Жастином, прибитым резвыми доралиссцами. Ин-те-рес-но! Весь внимание, я стал слушать дальше.

— Убрать? — гнусно хихикнул Соловей. — Да ты последние мозги потерял, Съныг! Этот парень хоть и выглядит дохлым и худюссим, но я не собираюсь, как этот ненормальный Ролио, ссепляться с Гарретом. Делаем дело, отдаем Заказ, берем денезки и валим в теплые края. Куда-нить в Загорье. Нас там никто не найдет. Несего с тьмой осьиваться.

— Думаешь, от Хозяина так легко уйти? — раздался насмешливый голос, и я вздрогнул.

Этот голос я вспомню из тысячи. Он очень изменился, из него почти исчезла мертвенность и безжизненность, но я его узнал. То самое существо, разговаривавшее с герцогом Патийским, а затем убившее его. Та ночная тварь, получившая от меня закаленной сталью в спину и даже не обратившая на болт никакого внимания.

— Даже не думай о бегстве. Ты уйдешь только тогда, когда он отпустит тебя, человечешко. Ведь... — голос помедлил, а затем с мечтательным намеком на отрицательный ответ спросил: — Ведь ты верен Хозяину?

— Я верен. — Голос Соловья был осипшим и испуганным. — Мы верны.

— Да, да ваша милость, мы верны Хозяину, — поддержал заискивающим голосом Шныг.

Из темноты раздался тихий довольный смешок, и мне привиделось мимолетное сверкание золотых глаз.

— У-умные человечешки, — протянуло оно. — Тогда почему же вы до сих пор не добыли карты Храд Спайна? Заблудились, маленькие?

По счастью, я не видел ни это существо, ни воров, находящихся напротив меня, во мраке разрушенного дома. Только слышал. И очень надеялся, что они в свою очередь не видят мою притихшую персону. Я был абсолютно уверен, что люди меня не заметят, но вот этот Посланник... Стоит ему взглянуть в мою сторону и... О том, что могло произойти в этом случае, я старался не думать.

— Нет, что вы, ваша милость. Мы просто ждем. Ждем, когда будет благоприятный случай. — Слова из глотки Шныга вылетали сумасшедшей скороговоркой. — Вот уже почти собрались идти.

— Уже идем, уже. Не извольте сомневаться.

— Добудьте карты и уничтожьте, а затем можете убираться отсюда на все четыре стороны. — В голосе Посланника сквозило нескрываемое презрение.

— Н-н-но, ваша милость. — Шныг явно очень сильно удивился. — Заказчик сказал принести бумаги ему. Мы просто не можем...

Шныг прервал свою тираду и почему-то начал хрипеть, а его напарник испуганно ойкнул.

— Хозяин не привык слышать «не можем». Ему нужны слуги, которые могут! Те, кто не способен выполнить элементарное задание, не достойны служить ему, они просто насекомые! Досадная помеха!

Хрипение Шныга перешло в очаровательное бульканье.

— Милорд, смею заметить, что Сьныг ни в коем случае не хотел показаться ненужным! — запричитал Соловей. — Мы прямо сейчас достанем эти бумаги!

Раздался стук падающего тела и облегченные хрипы Шныга, пытавшегося вновь вогнать воздух в свои легкие.

— Вы знаете, что ваш заказчик тоже служит Хозяину, а Хозяин говорит, что карты Храд Спайна должны быть уничтожены, иначе они могут попасть в руки короля и его прислужников. Передайте это глупцу, которого вы называете заказчиком! Если он влиятелен, это не значит, что он должен считать себя звеном Борга. Пускай вспомнит покойного герцога Патийского!

— Мы все поняли, вас милость, — подтвердил Соловей. Шныг не

переставая кашлял. — Мы все передадим, как вы сказали.

— Чудесно, а теперь исполняйте! Неужели вы думаете, что, если бы я мог войти в башню, мне понадобились бы ваши услуги?

Посланник не стал дожидаться ответа на свой вопрос. В темном проеме дома возникло нечто еще более темное. Вновь сверкнуло золото глаз. Посланник медленно обвел взглядом темную улицу, взор золотых глаз скользнул по тому месту, где я стоял, на миг задержался, но я не успел даже испугаться, потому как Посланник резко подпрыгнул в воздух, хлопнули черные крылья, и он растворился в ночи.

Над улицей повисла тишина, которая лишь иногда прерывалась отчаянным кашлем Шныга.

— Про... кха-кха! Проклятая тварь... кха-кха! Чуть не за... кха!.. душила меня!

— А сто ты хотел? — окрысился Соловей. — Спороть такую сюсь при нем! Думать нужно! Скажи спасибо, что жив остался! С посланниками Хозяина так не разговаривают!

— Во тьму эту тварь! Во тьму тебя! Кха-кха! Тьфу! — Шныг сплюнул, но тут же продолжил: — Во тьму меня дурака, что я послушался Маркуна, который связал нас по рукам и ногам этим Хозяином! Во тьму этого заказчика! Во тьму проклятые бумаги! Кха-кха!

Шныга скрутила новая волна кашля. Казалось, что крыша дома не выдержит этого звука и обрушится, погребя под собой обоих воров.

В этот момент что-то очень похожее на человеческую фигуру появилось на сцене. Фигура медленно приближалась со стороны улицы Кровельщиков и пересекала площадь. Путь ее не внушал мне доверия, так как она направлялась напрямиком в сторону улицы Магов.

Великолепно! Тем более что я нахожусь чуть ли не на ее пути! Пришлось метнуться через улицу, к дому, где сидели оба вора, там мрака побольше, так что спрятаться такому прохиндею, как я, было гораздо проще. В дверь проскочить не успел, так как из нее вышли воры, и мы чуть-чуть не столкнулись носами. Но я успел отпрянуть в сторону и прижался к стене, благо тут и вправду было настолько темно, что я не мог различить собственную руку. Но мастера-воры на то и мастера, чтобы услышать незначительный шорох.

— Тут кто-то есть, — прошептал Шныг, и я услышал, как тихонько шелестит выходящий из ножен кинжал.

Соловей и Шныг застыли, вслушиваясь в ночь, но тут они тоже заметили приближающуюся к нам с улицы Кровельщиков фигуру.

— Тс-с-с. Гляди, — прошептал Соловей.

А посмотреть было на что. К нам приближался человек. Самый настоящий, вот только полупрозрачный — сквозь него было прекрасно видно башню Ордена и камни мостовой, он был соткан из какой-то призрачной дымки. Человек был одет в балахон, какие носят маги, да и опирался он на магический посох. Призрак. Призрак мага. До него было не более двадцати-двадцати пяти метров, и он целенаправленно шел в сторону улицы Магов, где затаились я и мои соперники-воры.

— Во-о-от! — донеслось до меня тихое бормотание призрака. Его

голос двоился и даже троился, отчего возникало довольно странное эхо. — В-с-се-е-е меня бросили. Предатели. Где они? Где? Ищу-ищ-щ-щу. Брожу-брожу. Найду-найду. Во-о-от. В-с-се-е-е меня бросили.

Призрак бормотал эдакую повторяющуюся считалочку, поворачивая голову из стороны в сторону, осматривая окрестности и ища этих самых предателей. Вместо лица у него было размазанное белое пятно, но я нисколько не сомневался, что этот маг все прекрасно видит. Я замер, Шныг и Соловей, стоявшие чуть дальше, тоже. Воры не могли видеть меня, но прекрасно видели мага, поэтому затихли, как мышки, учуявшие голодного кота. Кто-то лязгнул зубами, но справился с собой и вновь затих. Наверное, Шныг, всегда отличавшийся излишней нервозностью.

Призрак остановился в нескольких метрах от нас, прямо на середине улицы Магов и вновь покрутил полупрозрачной головой.

— Брожу-брожу. Найду-найду. — Он немного помолчал и очень озадаченно произнес: — Найду-найду.

Я и те, кто находился позади меня, вообще перестали дышать.

— Ага! Во-о-т они! Спрятались! Я знаю, что вы тут! Найду-найду, — вновь раздалось эхо.

Призрак вытянул посох и, как слепой, стал водить им из стороны в сторону, медленно приближаясь к нам. Вот тут-то я и понял, что, если что-нибудь не сделать, за мной придут "рачы сани". Через десяток секунд он наткнется посохом на меня, и тогда все пропало. Был один шанс, глупый до невозможности, но я все же решил им воспользоваться, тем более что пора избавляться от неожиданных конкурентов в лице Шныга и Соловья. Я дождался, когда окажусь между призраком мага и затаившимися во тьме ворами, и начал действовать.

Я шагнул из мрака на освещенную луной улицу, слыша, как из-за спины раздается изумленный выдох.

— Огонь! — громко рывкнул я, а затем шлепнулся на мостовую, закрыв голову руками.

Маг выстрелил заклятием не думая, туда, где я только что находился. Может, он был призраком, но своих талантов не растерял. Воздух взревел, когда что-то пролетело надо мной, упругий удар, грохот и крики ужаса и боли незадачливых воров, в которых попало заклятие, брошенное магом. Я правильно выбрал траекторию выстрела, встав на линии между магом и Шныгом с Соловьем. Призрак попал, правда не в меня, но попал. Что там случилось с прислужниками Хозяина, я разбираться не стал. Да и загорать на камнях прямо напротив призрака не стоило. Я вскочил на ноги, обогнул бормочущего мага и, как одуревший от весеннего солнца заяц, петляя и

подпрыгивая, понесся по площади в сторону башни.

Крики людей смолкли, уж не знаю, погибли ли воры, работающие на неизвестного слугу Хозяина, или им хватило ума заткнуться, — мне лично их несколько не было жалко. Или я их, или они меня. Или этот проклятый бормочущий призрак всех нас.

Кстати, о призраке. Бормотание за моей спиной кончилось, воздух вновь взревел, я отпрыгнул в сторону и успел заметить, как туманный шар, оставляя за собой чадающий хвост, пролетел над площадью, черкнул о мостовую, подскочил, как детский мячик, и с грохотом разорвался возле дальнего дома, оставив в его стене неплохую дырищу.

Я изменил тактику: вперед, подскок, резко влево, вперед, подскок, резко вправо, подскок, внезапная остановка, резко вправо, снова вперед. Ну точно как блоха на сковородке. Эта тактика, на удивление, помогла. Еще три дымных шара пронесли над площадью и разорвались далеко от того места, где я находился. Один раз мне вновь пришлось абсолютно неизящно шлепнуться на землю, когда магический снаряд мага ударил в башню Ордена, но не разорвался, а, отскочив от нее, изменил траекторию и понесся прямо на меня. Я еще успел заметить, как дымный снаряд увеличивается в размерах, летя мне прямо в лицо, времени на отскок уже не было, я упал и, как только магическая смерть пронеслась над головой, снова вскочил, благо башня была уже передо мной. Проклятый призрак, чтоб ему грызли кости гхолы, вопил где-то у улицы Магов, а я судорожно искал дверь. Пришлось бежать параллельно стене башни освещенным лунным светом и быть как на ладони у разбушевавшегося привидения. Оно довольно проворно приближалось, зло вопя, намереваясь поджарить Гаррета на веки вечные.

Очередной снаряд ударил в башню чуть выше моей головы, но, как и предыдущий, отскочил от нее и полетел в обратном направлении. Видно, даже после поразившего ее катаклизма башня таила в себе остаток магии, не позволяя кому ни попадя швыряться в нее заклинаниями и разрушать стены. Слава Саготу, я наконец нашел дверь! Она была на западной стороне круглой башни, как я и видел ее в своем сне-яви, когда на время стал Вальдером. Огромная массивная бронзовая дверь. Я судорожно подергал за кольцо, но дверка даже не шевельнулась. Замков никаких, так что отмычки здесь не подойдут, а проклятый призрак, скрытый сейчас от меня стеной башни, скоро вновь появится в поле зрения и начнет безумные стрельбы. Я дернул дверь еще раз, затем пнул ее и зло выругался. Время было на исходе. С одной стороны призрак, с другой — наступающее утро. Я мельком глянул на звезды. Только Корона Севера да Летний Букет еще

держатся на небе, остальные созвездия померкли, их практически не видно. Луна бледнела, буквально минута — и свет, озаряющий круглую площадь, стал рассеянным и блеклым.

Минут двадцать — и будет утро. Все. Если не случится маленького чуда, я с территории не выберусь, это точно. Можно считать, что я уже покойник! Если только раньше меня не прибьет безумный призрак, которому не сидится в свете. Бормотание мага раздалось совсем близко.

Спрятаться в башне? Может, там можно будет переждать до следующей ночи? Я ухватился за тоненькую соломинку надежды, отчаянно напрягая мышцы, чтобы хоть чуть-чуть приоткрыть проклятую дверь.

Без толку. В башню я не попаду, все мое предприятие оказалось тщетным. Я уже собрался бежать в сторону спасительных домов, когда голос Вальдера в голове произнес: «Откройся, это я».

Дверь плавно отошла в сторону, дружелюбно пропуская меня во тьму внутренностей мертвого здания.

— В-о-о-т ты! — Торжествующее эхо раздалось прямо над ухом, я поспешно прыгнул под защиту башни, и дверь резко захлопнулась, оставив меня в кромешной тьме.

Спустя секунду в нее что-то ударилось с безумным грохотом. Настырный призрак никак не хотел успокаиваться. Интересно, не собирается ли он выбить дверь и добыть меня, как улитку из раковины?

«Не беспокойся. — Вальдер ответил на мои мысли. — Этот не причинит двери никакого вреда, она специально для этого создавалась. Да и впускает она только своих и только по приказу архимагов. Этот сюда не войдет».

«Кто этот призрак?» — спросил я, нашаривая на поясе «огонек».

«Не знаю, мне он незнаком». — В голову прыгнула ассоциация пожатия плеч.

«Я смогу здесь переждать день? В башне безопасно?»

«Увы, мой друг, думаю, нет. В этой части города нет безопасного места. Прости».

— Сагот! — двадцать минут, и все.

Надо что-то делать. Нужно чем-то себя занять, иначе хоть вой от тоски.

Я прошептал заклятие, не забыв перед этим закрыть глаза, и «огонек» весело вспыхнул. Держа его перед собой, я разглядывал уже знакомую по сну обстановку. Все осталось без изменений, разве что стены закоптились, да на полу лежит одноногий человеческий скелет. Кости второй ноги валялись рядом.

«Старый друг», — с грустью прошептал Вальдер.

Друг? Ах да! Архимаг. Как же его звали? Илай? Нет... Илио. Рядом с человеческим скелетом лежал обгоревший трупик ребенка... Нет, гхола. Все как в том сне.

Но разглядывать и искать десять отличий не было времени, нужно было идти наверх, туда, где, по словам Арцивуса, располагался архив. Нужно было хватать планы Храд Спайна и бежать, благо у меня родилась очередная безумная идея. В голове тихонько хмыкнул Вальдер, видно одобряя мой план.

Я взлетел по черной мраморной лестнице, которая гигантской змеей оборачивалась вокруг центральной черной колонны. Свет огонька выхватывал из мрака опоясывающие колонну фрески на тему истории Ордена. Второй этаж, вот и дверь, ведущая в архив. Я ненароком поднял голову. Третий этаж-огрызок серпантина лестницы и предутреннее небо. Вот и все, что осталось от величия башни Ордена.

Вломившись в дверь, я попал в длинный широкий коридор. Свет выхватил истлевшие султанатские ковры под ногами, изящную резную мебель, гобелены на стенах и ни одной двери.

«Вперед! Зал архива дальше!»

Я бросился бежать, стены проносились мимо меня, но желанная дверь не появлялась. Коридор казался бесконечным, видно, маги Ордена что-то сделали с пространством, чтобы немного расширить внутренние помещения башни.

«Стой!»

Я чуть было не пронесся мимо двери, находящейся справа от меня. Дверь была полуприкрыта, как будто кто-то в спешке покидал архив. Может, так оно и было — маг, вернувшийся из Храд Спайна и понесший карты через Закрытую территорию, так и не вернулся в Орден. Вот будет смеху, если он даже не дошел до башни. Я отворил дверь и вошел в огромное помещение. Времени было совсем немного. Минут десять — и наступит рассвет.

Хм-м. Неплохо. Королевская библиотека лопнула бы от зависти. Такого количества магических книг и древних фолиантов не было даже в ней. Полки, полки, полки. Книги, книги, книги. И все это пронизано магией. Чужак тут мог бы блуждать часами и так и не найти искомого. Х'сан'кор сожри мою покойную бабушку!

«Прямо! — рывкнул Вальдер. — Налево! Держись этого стеллажа, за ним снова налево! Прямо. Дальше, дальше, дальше... Стоп! Поворачивай! Вот оно!»

Я, запыхавшись, смотрел на изящный хрустальный столик, на котором одиноко стояла большая черная шкатулка, украшенная серебристыми оленями. Ее крышка была поднята, и я различил сверток бумаг. Вот она цель! Я дрожащими руками схватил сокровище, засунул его в сумку. Теперь пора убираться.

— Шдуырук! — завопил я что было мочи. — Шдуырук, это я!

Несколько мгновений, за которые я успел изрядно понервничать, опасаясь, что мой план не осуществится, ничего не происходило, а затем прямо из стеллажа вылез мой знакомый демон с бараньей башкой. Черный в малиновую крапинку. Душка, в общем.

— Ну? Ты добыл Коня? — Зеленые глаза яростно сверкнули.

— Отнеси меня к границе Закрытой территории, к началу улицы Кровельщиков, — довольно вежливо и воспитанно попросил я.

Но демонов, видно, не учили быть вежливыми и воспитанными.

— Ты сдурел, человеке? — прошипел Шдуырук и схватил меня за грудки. Или выпил лишку? Я тебе извозчик?

— Мне нужно отсюда убраться! — Не было времени, чтобы спорить с этой тварью. — Отнеси меня туда, куда я прошу, и узнаешь, где получить Коня!

Демон зло и подозрительно посмотрел на меня, видно, раздумывая, как меня сожрать, но все же победил разум. Он разжал черные пальцы и отпустил меня.

— Ладно, отнесу, куда просишь, но, если обманешь, я высосу из костей твой мозг.

— Чудесно. — Я перевел дух.

Будь на месте демона его братишка, «умный» Вухджааз, сидеть бы мне сейчас в желудке!

— Ты готов, человеке? — Баранья голова демона с интересом наблюдала за мной.

Как вижу, он все же решил попозже попробовать мой костный мозг.

— Да. — Я не глядя схватил с ближайшей полки несколько старых фолиантов.

Что поделать, издержки профессии. Знающим людям эти книги можно будет толкнуть за бешеную сумму — чем не приработок, раз мне не удалось сунуть нос в гномий банк?

— Я вот только...

Шдуырук схватил меня за шкуру и рванул на себя.

Кляк!

Миг — на меня скакнула стена, миг — что-то серое промелькнуло

перед глазами, а уши как будто набили ватой. Еще миг — и я уже стою, изумленно моргая, возле волшебной стены, а куда-то в серое предрассветье уходит улица Кровельщиков.

— ...пару книжечек, — закончил я прерванную фразу.

— Ты и так взял, — фыркнул демон. — Ну, где Камень?

— Приходи в среду в «Нож и Топор» ровно через минуту после того, как наступит полночь. Там я отдам тебе твоего Коня.

Шдуюрук сдавленно зарычал и оскалил зубищи.

— Чую, что врешь.

— А зачем? — Я пожал плечами и нервно покосился на небо. Минуты две до рассвета, не больше. — Ты меня всегда можешь найти. Приходи, только ровно в то время, что я сказал, иначе Коня может уже не быть.

— Не учи меня, змееныш! Я буду! — рыкнул демон и скрылся в стене ближайшего дома.

Я облегченно перевел дух, аккуратно поставил книги на торец стены, забрался на нее и уже хотел слезть, когда вспомнил о незаконченном деле.

«Вальдер, ты должен уйти».

«Спасибо, я ухожу», — тут же раздался голос архимага.

«Спасибо и прощай. Живи в свете».

Я почувствовал, как что-то исчезло из меня. Архимаг ушел.

Спрыгнув со стены, я протянул руки и взял лежащие на ней магические книги. Ну вот и все, я сделал то, что никто не делал до меня, — прошел Закрытую территорию насквозь. Правда, смухлевав и воспользовавшись помощью демона, но об этом обычным обывателям знать не обязательно. Теперь спать, спать, спать.

Я уже было собирался уходить, когда из-за стены донесся крик боли:

— Гаррет, спаси!

Я положил книги на землю, подпрыгнул, уцепился руками за верх стены, подтянулся и посмотрел, кто меня зовет. По улице Кровельщиков, ковыляя, спотыкаясь и падая, бежала человеческая фигура. В ней я узнал Шныга. Выходит, выжил. Хоть он и прижимал одну руку к себе и подволакивал правую ногу, но выжил. И не просто выжил, но бегом пробежал гигантскую улицу Кровельщиков, а потом, видно, заметил, как я перелезаю через стену, и ухватился за свой единственный шанс. Самому бы ему через стену не перелезть, а вот я мог помочь.

— Гаррет, не бросай, прошу! — выкрикнул он.

Я не отличаюсь любовью к ближнему, который мечтает всадить мне под ребро нож, но помочь Шныгу нужно. Это великолепный шанс узнать и о его заказчике, и о таинственном Хозяине.

— Быстрее! — рявкнул я спешащему вору. — Прибавь ходу! Рассвет на носу!

На простоватом лице вора отразилось отчаяние. Он изо всех сил поднажал, но до стены было еще двадцать с лишним метров.

— Хватайся за руку! — Я протянул ему навстречу руку, но со стены не слезал, уже находясь ногами в кварталах города Ремесленников.

Шныг не успел. Горизонт вспыхнул проснувшейся розовой зарей и разогнал утреннюю тьму на небе. Я резко нырнул обратно, соскользнув со стены на землю, но недостаточно быстро, чтобы не заметить, как из бедняги Шныга во все стороны бьют ослепительные лучи багрового света. Сдавленный вопль с той стороны стены — и тишина.

— Чтоб по мне всю ночь маршировала армия пьяных карликов, пробормотал я и потряс головой.

Творится под носом Сагот знает что.

Все же я сильно устал, дай Сагот добраться до кровати, а там меня не поднимет и залп гномьих пушек. Я поднял с земли тяжелые книги, прижал их к себе и быстрой походкой спешащего по очень важным и неотложным делам человека пошел по просыпающимся кварталам города Ремесленников.

В этой части города вставали спозаранку. Ремесленники прощаются со сном, когда другие еще дрыхнут. Хочешь заработать, просыпайся раньше. Уже растапливает свою печь булочник, из его дома приятно пахнет свежей сдобой и тестом, спешит по делам молочник, толкая впереди себя огромную тележку, заставленную металлическими бидонами, в Портовый город спешат лудильщики, отчаянно зевая, бредет по дороге еще толком не проснувшийся старый маляр. Еще только-только начало светать, а рабочий люд уже проснулся и занялся своими обычными рутинными делами.

Ветер доносил звукиковки металла из квартала Оружейников и Кузнецов. Тем, кто живет рядом с этим районом города, я лично не позавидую. Пару раз у городских старшин возникала идея взять всех работающих по металлу и поселить в Пригороде, и каждый раз этой идее противился король. В принципе правильно противился. Если вдруг Авендум попадет в осаду, то кузнецы и оружейники, их мастерские и маленькие заводи очень понадобятся обороняющимся, а когда приходит враг, ценное лучше держать внутри стен, чем за ними.

— А ну пш-шел! — Старая тщедушная бабулька замахнулась такой же старой и растрепанной метлой на какого-то валяющегося на земле пьяного забулдыжку. В городе Ремесленников не любят лентяев. — Вставай, вставай! Ишь разлегся!

Думаю, что после объявления о том, что демоны ночи изгнаны из Авендума навсегда, количество пьяных, не дошедших до дома и уснувших прямо на улице, резко увеличилось.

Город жил, жил и даже не обращал внимания на то, что скрывается за белой стеной Закрытой территории. За двести лет люди привыкают и не к такому страшному соседству.

— Ну есть под боком зло, но ведь сидит себе за стеной, сидит тихо, никого не трогает, к нам не суется, жить не мешает. Ну и ладно! Деды жили, отцы жили, теперь мы живем. Да и на век наших внуков и правнуков хватит!

Так думает чуть ли не каждый обыватель.

— Авось пронесет, не затронет, переждем, перебудуем, Орден-то нам на что?

Иногда наслушаешься этих лопухов, и прямо такое зло берет! Это все равно что сидеть на пороховой бочке с горящим фитилем под ясным небом и надеяться, что начнется дождик. Понимаю, с этой язвой города, таинственной Запретной территорией, сделать ничего нельзя, но и закрывать глаза, надеясь, что боги спасут, тоже нельзя! Потому как...

Тьфу! Устал я, устал, вот и потянуло на философские диспуты с самим собой.

Город Ремесленников остался позади, народу было немного, и я без труда прошел пока еще полупустую в эти утренние часы часть города. Отдельные люди косились на меня, видно видок был еще тот, но мне на них в данном конкретном случае было абсолютно начхать. Ну и что, что лицо грязнее, чем у рывшегося в земле тролля, что подбородок в запекшейся крови, а камзол как будто трепали озверевшие мартовские коты? Да еще и клинок на бедре, да странноватый арбалет за спиной, да сумка, да книги в руке, да угрюмая рожа, да хмурый взгляд. В общем, шляется тут какой-то тип — то ли прячсья, то ли стражу зови.

А вам-то какое дело, господа обыватели? Не видите, что устал? Иду, никого не трогаю, по своим важным и махоньким делам.

Моя не самая радостная физиономия отпугнула любопытствующих, и я вполне спокойно протопал до самой Соборной площади. К счастью не встретив по дороге ни единого служаки Лантэна.

Повезло. Попал в пересменок. Одни стражники заваливаются на боковую, другие еще только покидают казармы. Если б нарвался на этих обалдуев, то расспросов бы точно не избежал. Стражники, пока не устали от целого дня на ногах, с утра настырные, им палец в рот не клади.

Я подошел к воротам Собора, где меня и встретили уже знакомые

старцы-жрецы. Создавалось впечатление, что эти старые развалины так и не удосужились покинуть свой пост с того самого момента, как я их видел в последний раз. Неназываемый их знает! Может, так все и было. Оба старика окинули меня не самыми радостными взглядами, но их тут поставили не для того, чтобы думать, а с очень важным и ответственным заданием — как заморские попугаи талдычить одну и ту же фразу:

— Ты борешься с Тьмой в себе?

О! Именно об этом я и говорил только что! Попугаи!

— Я уничтожаю Тьму, — устало ответил я, намереваясь как можно скорее покончить со всей этой дурацкой напыщенностью и бредом неугомонных соборников.

— Так войди же и обратись к Ним. — Второй жрец ответил мне как-то вяло и неуверенно.

Скорее всего, мой вид не располагал к долгим теологическим беседам.

— Прямо сейчас и обращусь, — буркнул я, направляясь в сторону жилищ жрецов Сагота. — Особенно к тому, кто берет по золотому за идиотские советы.

Фонтан в виде рыцаря и огра все так же весело журчал, извергая из себя водопады сверкающей воды. Вокруг статуй богов крутились жрецы. Предутренняя уборка, пока не появились прихожане. Один из жрецов тщательно протирал тряпочкой лицо Сагры, другой возлагал к ногам миловидной Сильны букет цветов. На меня не обратили внимания, что нисколько не обидело.

Перед аркой, вызывающей в голове не самые приятные воспоминания, я остановился. Поколебался мгновение и сделал шаг. Ничего не случилось. Никакая шибко умная тварь и не собиралась меня хватать. Странно. Может, что случилось? Я прогулочным шагом прошелся туда-сюда, ожидая, когда же наконец кто-нибудь меня удосужится схватить. Безрезультатно. Ну и тьма с этим Вухджаазом! Я плюнул и потащился к покоям Фора.

По дороге встретил нескольких жрецов, они гасили факелы, горевшие всю ночь. Служители Сагота не обратили на меня внимания, видать, были наслышаны от Фора о моем предстоящем визите.

Я подошел к знакомой двери, толкнул ее и ввалился в обитель Фора. Он, видно, так и не ложился спать, просидев все время, пока я отсутствовал, за столом. Стол, кстати, пустовал, ни крошки еды — еще одна странность. Учитель все же волновался за своего непутевого ученика.

— Явился все-таки, — встрепнулся Фор, когда увидел меня, но виду, что обрадовался, показывать не стал. Этим он мог обмануть кого угодно, но не меня. — Удачно?

Я молча бухнул ему на стол сумку с бумагами и книги.

— Ого! — воскликнул он. — Не ожидал. Как там было, расскажешь?

— Позже, — промямлил я. — Чуть позже. Разбуди меня, когда стемнеет.

С этими словами, едва успев скинуть с себя грязную одежду, я бухнулся на кровать и провалился в долгожданное нутро сна.

Глава 13

Что рассказали бумаги...

Ласковое шуршание перелистываемых страниц прогнало сон.

Я зевнул, потянулся, но глаза не открыл, пытаясь урвать от пирога сна еще хоть один махонький кусочек.

— Хватит валяться, вечер уже, — ворчливо произнес Фор, видно заметив, что я не сплю.

— Стемнело? — Я еще раз зевнул.

— Скоро стемнеет. У тебя опять какие-то дела? — Голос учителя прозвучал чуть ли не насмешливо.

Неужели нерадивый ученик еще в состоянии заниматься делами после путешествия по Закрытой территории?

— Угу, — буркнул я, окончательно прогоняя туман сна и открывая глаза.

Фор восседал в любимом кресле, держа на коленях один из фолиантов, принесенных мной из башни Ордена. Вторая книга и сверток манускриптов лежали рядом, на столике для бумаг.

— Твою одежду я позволил себе выбросить, ее теперь только нищим носить, да и те постесняются. На стуле новая. Как полагаю, темный цвет тебе подойдет?

Риторические вопросы я обычно оставляю без ответа. Потому как Фор и так знает, что в темной одежде ночью работать сподручнее и, что уж скрывать, безопаснее. Только безумец способен натянуть на себя белое рубище и идти в дома богатеев, которые наверняка заметят его за сотню метров и устроят форменную головомойку с последующим протыканием чем-нибудь острым.

Одежда пришлась впору, лишь рубаха немного жала в плечах, но это всего лишь досадная мелочь.

Мой взгляд упал на стол с едой возле окна, и в животе требовательно заурчало.

— Вижу, что ночные прогулки не испортили твой аппетит, а следовательно, не пора ли нам пройти к столу и благословить Сагота за еще один подаренный день жизни? — Фор отложил книгу и встал с кресла.

— С каких это пор ты стал читать магические фолианты? — Вот уж не знал, что у старого вора появилось новое увлечение.

— Да я и не читал, — пожал плечами Фор и прошествовал к столу. —

Просто беглая оценка товара. Пару сотен за обе книжки ты получить сможешь, могу посоветовать покупателя, я еще не растерял старые связи.

— Я пока в золоте не нуждаюсь, — буркнул я, садясь за стол.

Последние лучи заходящего солнца теплыми пиками пробивались сквозь изящную деревянную решетку на окнах и падали на мое лицо. Предвечернее небо окрасилось яростью пурпурной стали. Через некоторое время ярость остынет и превратится в черное спокойствие ночи.

— Но ты все же придержи их на всякий случай, вполне возможно, что когда-нибудь книги придется продать.

— Хорошо. — Фор кивнул.

У него интерес в этом деле тоже был — двенадцать процентов от цены продажи. Деньги храму Сагота никогда не помешают.

— Ты, кстати, чего уселся? Руки бы помыл, а то как свинья, право слово!

— Руки помыл, руки помыл, — буркнул я, но послушно встал из-за стола и направился к умывальнику.

Я и вправду был грязен, и умыться стоило. Ворчал я для порядка, в связи с адской усталостью, не прошедшей даже после того, как я проспал целый день.

— И побрейся заодно! Роба у тебя самая что ни на есть бандитская, малыш! — донесся до меня голос Фора.

Я машинально провел рукой по трехдневной щетине.

— И так сойдет. Я ведь не на королевский бал отправляюсь! — фыркнул я, опуская руки в воду.

Вот еще! Как будто у меня есть время на такую ерунду, как бритье! Мне бы разобраться со всей этой шайкой коневодов!

— Ну, как знаешь, кстати, расскажешь, как там было. А то все слухи, сведения, на которые нельзя положиться. Ты на моей памяти единственный человек, который смог забраться так далеко на Запретную. Надо бы записать для хроник и будущих поколений.

— Ты еще и летописцем стал? Чего только не узнаешь о старом учителе! — сказал я, возвращаясь к столу.

— Старые знания исчезают из нашего мира. Много утеряно, — вздохнул Фор. — Согласись, что твоя информация, может быть, поможет многим людям, тем более что это в первую очередь для хроник обители Сагота.

— Да я и не возражаю. — Я пожал плечами. — Почему бы и нет? Ты не против, что я буду одновременно есть и рассказывать?

— Конечно, малыш, конечно. Валяй, а после твоей истории я немного

расскажу про добытые тобой бумаги.

— Что-нибудь важное там есть? А то я схватил, что под руку попалось.

— Есть, но об этом чуть позже, время терпит. Давай уж, не томи.

Меня долго заставлять не пришлось, тем более что выговориться и поделиться своими мыслишками и наблюдениями стоило. Хотя бы для разрядки, иначе можно сойти с ума, держа в себе впечатление о ночных приключениях.

Я начал рассказ с того момента, как оказался возле конюшни Старка. Фор молча внимал — он всегда был хорошим слушателем. Я одновременно ел и рассказывал, торопиться не было смысла, пока не наступит глухая ночь, необходимая для осуществления моего архигениального плана «Конь и Компания»...

Судя по лицу моего учителя, его больше всего беспокоили нанятые неизвестным стражники и воры. На хохотуна-плакальщика или давно умершего архимага он не обратил особого внимания.

— Кто-то идет той же дорожкой, что и ты, малыш, правда, этот кто-то постоянно опаздывает, но как долго это будет продолжаться? Как долго ты сможешь оставлять Хозяина с носом, опережая его? Я навел справки, полистал наши архивы. Ни-че-го. Ни единого упоминания о каком-либо Хозяине. Такое впечатление, что его и не существует вовсе, а все это — плод твоей фантазии. Нет-нет, не возражай и жуй свою булку, не думай, я тебе верю. Но меня изумляет, что такая секретность и тайна вообще возможны. Ведь практически никто ничего ни о каком Хозяине не слышал. И ты прав, это не Неназываемый. Колдун, конечно, силен, спору нет. С ним справится разве что весь Орден, да и то при помощи Рога Радуги, но и Неназываемый вряд ли сможет выпустить на свободу всех демонов. А ведь твой Вухджааз, как я помню, сказал, что их освободил Хозяин. Кто этот Хозяин, если обладает таким могуществом? Бог? Возможно. Ему поклоняются и служат разные люди, и смею тебя заверить, малыш, что передо мной выстраивается довольно любопытная цепочка. Смотри. Герцог Патийский, не последняя фигура в Валиостре, служит Хозяину. Давай пойдем дальше. Маркун, а следовательно, и половина его прихвостней из гильдии тоже работают на этого Хозяина. Не напрямую, а через одного из его слуг, отдающих приказы. Влиятельных слуг. А вот эти влиятельные общаются уже с Посланником, которого ты имел честь пару раз видеть. И этот Посланник ой как опасен! Слуги Хозяина! Этих не самых хороших людей из самых различных слоев общества достаточно много. Даже, может, побольше, чем поклонников Неназываемого, которых наш король так любит отправлять на плаху без суда и следствия. Ты заметил ход моих

размышлений? Вижу, что нет, да я и сам нахожусь, если честно, в некотором недоумении. Непонятно, что за Хозяин и что он вообще хочет. Темная доралисская лошадка, способная устроить очень много неприятностей. И поклонники у этого Хозяина хоть куда. Если слуг Неназываемого с периодичностью вылавливают, то хозяйских прихвостней вообще не поймали ни одного.

— Просто не знают, что искать, — вставил я словечко в тираду учителя.

— Вот именно! А это говорит об очень хорошо налаженных связях, конспирации и тому подобной шелухе, которая способствует выживанию сект, не приветствующихся в нашем добропорядочном королевстве. Дела, дела. — Фор огорченно покачал головой. — Буду думать, буду искать, может, и накопаю все же в архивах что-нибудь интересное, а тебе даю совет.

— Бесплатный? — ехидно хмыкнул я с набитым ртом.

— Ну я же не Сагот, право слово, чтобы брать с тебя золотые! Ты как-никак мой ученик!

— И на том спасибо!

— Не за что. Тем более что не ты один обеднел от советов нашего бога, — внезапно ухмыльнулся Фор.

— Не верю. — Я откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Фора.

Ни тени насмешки или улыбки. Он действительно намекал на то...

— Что я тоже разговаривал с Саготом? — Как будто услышал мои мысли Фор. — Ты в это не веришь? А это действительно так, и за его совет мне пришлось тоже выложить золотой.

— Да? Расскажи. — Мне было жутко интересно, что наплел моему учителю бог воров.

— Ну, я встретил его за пять минут перед тем, как встретить тебя, — неохотно сказал Фор.

— О! — многозначительно произнес я, начиная догадываться, о чем пойдет речь.

— Вот тебе и «о»! Сагот дал совет взять тебя в ученики. Да какой там совет! Получив свой золотой, он назвался и просто-напросто приказал мне это сделать. Так вот все и вышло. Ладно, это долгая история, давай вернемся к ней немножечко позже. Так о чем мы с тобой говорили? — Фор нахмурился, вспоминая.

— О советах.

— Советах, советах. Ах да! Так вот тебе мой бесплатный совет: не

откладывая дела на милость богов, сходи-ка ты к этому Болту. Если старик опознал кольцо, которое ему показывали воры, то мы узнаем, кто эта влиятельная фигура, служащая Хозяину. Хоть какая-то зацепка.

— Сейчас уже поздно. — Я бросил взгляд в окно, на тускнеющее небо. — Библиотека закрылась, придется подождать до утра.

— Не стоит. Старик вряд ли куда уходит из библиотеки. Скорее всего, там и спит. Прежде чем ты займешься делами, все же загляни на площадь Грока, в библиотеку, думаю, тебе он дверь откроет. Нечего тянуть, этот Хозяин ведет свою, непонятную нам игру, а следовательно, он слишком опасен для нас. И кстати, он всеми силами не хочет, чтобы некий Гаррет лез за Рогом.

— Ты о том, что он приказал уничтожить бумаги, а Патийскому повлиять на короля?

— Угу. Я думаю, приказ повлиять на Сталкона — это убедить его в бесплодности попыток лезть в Храд Спайн.

Мне все больше не нравилась прояснявшаяся ситуация. Хозяин начинал доставать меня сильнее, чем чесоточный клещ.

— Ладно. Я подумаю, — сказал я, наблюдая за Фором, который внезапно встал из-за стола и направился в другую комнату.

События сплетаются в тугой комок змей, они затягиваются вокруг меня и холодят кожу. Как бы эти змеи не укусили! Замучаюсь от яда избавляться.

Фор вернулся через несколько минут, неся в руках массивные бронзовые подсвечники, в каждом из которых находилось по пять горящих свечей. Самое время, солнце уже почти село, и сумерки заползли в комнату, нагло и вальяжно, прямо как кот, обожравшийся дармовой хозяйской сметаны. Яркий свет десяти свечей заставил сумерки посторониться, и они, шипя, забились в самый темный угол комнаты.

— Что ж, твою историю я выслушал, интересно. Теперь давай займемся тем, что ты принес с Запретной территории. — Фор показал мне бумаги, добытые в башне Ордена. — Пока ты спал, я полистал их немного. Много интересного, но... Но, малыш, это все не то. Да, карты Храд Спайна есть, и даже план, как добраться до Рога, но это... Это самоубийство. Тот путь, который тебе предстоит пройти... пройти практически невозможно. Да ты и сам потом на досуге, изучив старые карты, поймешь, что это нереально. Сотни залов, переходов, штолен. И это только до восьмого яруса, что ниже, не указано даже в бумагах. Вот, бери.

Фор толкнул в мою сторону карты Храд Спайна.

— Пусть они пока побудут у тебя, спрячь в надежное место, забери

перед отъездом, — попросил я его.

— Твое дело. — Фор сгреб бумаги обратно. — Только вот нашел я в этих записках забавную страничку, смотри.

Я взял в руки пожелтевший от времени листок:

— Что это?

— Это древнеорочий. Пришлось попытеть и посидеть со словарем, чтобы перевести. Многое осталось непонятым, у орков довольно путаный язык, но у меня все же получилось, хоть и не так складно, как, наверное, должно было быть. Это что-то вроде карты-подсказки. Сплошная загадка. Читай.

Фор протянул мне листок с переводом.

Огром рожденный на снежных равнинах,
Веками проживший у эльфов в Листве,
Он Гроку был отдан как память о мире,
Возникшем меж расами в Долгой Зиме.
Предан покою он Ордена силой
В час, когда выжил Авендум в боях.
Славный средь мертвых с ним делит могилу
В мрачных пещерах на древних костях.
Годы проходят, лежит он в Храд Спайне
Ветер гробниц в свое ложе зовет.
Час подойдет, обнажит свои тайны,
Магию проклятых правдой сожжет.
Коль смел ты и быстр, коль храбр ты и ловок,
Коль легок твой шаг и остра твоя мысль,
Избегнешь расставленных нами уловов,
Земли, воды, пламени ты берегись.
А дальше — иди же! Распахнуты створки
В Уснувшего Шепота залов покой.
Здесь мозг человека, и эльфа, и орка
В безумии гаснет... Погаснет и твой.
Сквозь залы Уснувшего Эха и Мрака,
Минуя слепых сторожей Кайю,
Под взгляд Великанов, сжигающих в пепел,
К гробницам Великих, погибших в бою,
Зазубренным строем, обнявшись с тенями,
Усопшие рыцари молча стоят,

И только один не умрет под мечами,
Один, что сам тени стал ближе, чем брат.
Бледной Селены замерзшее тело
К ложу святому тебя вознесет.
Здесь тысячи лет солнце камни не грело,
Веками здесь ветер холодный поет.
И помни, пришелец, душа живет в Роге.
Во имя людей силу даст он тебе.
Но корысть воров покарает он строго.
Навек ты останешься гнить в страшной Тьме.

— Мда... Забавно и непонятно, почти непонятно.

— И что же тебе вдруг оказалось понятным, ученик? — удивился Фор.

За окном уже стемнело, и даже свет свечей не мог разогнать настырную темноту. Скоро пора двигаться по делам.

— Что понятно? — Я задумчиво стучал пальцами по столу. — Понятно то, что я не зря, кажется, услышал совет Сагота. Тут тоже упоминается какая-то Селена, которая возносит, а ведь Сагот предупреждал, что на нее лучше не вставать, и ножками, ножками.

— Хм-м... — протянул Фор и почесал подбородок.

Потом крикнул и налил себе вина из пузатой запыленной бутылки. Предложил мне, но я отказался — мне сегодня нужно иметь кристально чистую голову.

— Что ж, я тоже обратил внимание на упоминание Селены. Вообще, над этим стихом стоит поразмыслить, кстати, не забудь его показать эльфийке, она должна знать древний язык орков. Но, ты знаешь, несмотря на множество непонятностей, все же вполне можно догадаться, что речь идет о Роге Радуги. Вот смотри: «Огром рожденный на снежных равнинах» — это о Роге, о том, как шаманы огров, прежде чем совсем превратиться в зверей, создали последний артефакт. «Веками проживший у эльфов в Листве» — ты должен помнить ста-арую сказку, как глава дома Черной розы предпринял попытку вторгнуться в Безлюдные земли. Вот в том походе эльфы и отобрали у огров Рог. Дальше все тоже понятно: «Он Гроку был отдан как память о мире, возникшем меж расами в Долгой Зиме». Темные подарили Рог Гроку как заверение о мире между эльфами и людьми, воцарившемся после великого вторжения орков, получившего название Войны Весны. Дальше идет стандартная чушь, хоть тут и

древнеорочий, но видно, что писал человек. А вот над этими строчками следует задуматься: «Избегнешь расставленных нами уловов, земли, воды, пламени ты берегись». Что это, Гаррет, как не предупреждение о том, что маги Ордена нагородили невесть каких ловушек? Или же нет. Может, ловушками там и не пахнет, а это все стихоплетство сплошное. Или ловушки ставили не маги, а орки и эльфы сотни лет назад... Тут думать не передумать.

— Поэты, — понимающе хмыкнул я, зная, куда людей искусства может вывести кривая их таланта.

— Все может быть, но лучше думать о худшем, чем оказаться зажаренным-утопленным-закопанным или еще что-нибудь похуже. Так что имей в виду. Смотри:

А дальше — иди же! Распахнуты створки.
В Уснувшего Шепота залов покой.
Здесь мозг человека, и эльфа, и орка
В безумии гаснет... Погаснет и твой.

— Распахнутые створки, скорее всего, это вход в третий ярус, или Створчатый ярус, как говорится о нем в картах. Там огромные двери, через них можно проникнуть в нижние залы Храд Спайна. Вполне вероятно, что они могут быть запечатаны заклинанием.

— Обойти можно? Есть другой вход?

— Я не так много времени изучал план. В Храд Спайне четыре центральных входа. Один на севере, около Пограничного королевства. Второй — в сердце Заграбы, два других — у отрогов Гор карликов. Но последние два давно завалены и замурованы этой расой. Выходит, что остается всего два входа. И каждый ведет к Створкам. Так что, думаю, обойти их не получится.

— Замечательно, — отозвался я. — А если их не удастся открыть?

— Ты об этом не думай, меня больше всего беспокоят залы Уснувшего Шепота и предрекаемое безумие. Не для красного словца они ведь это придумали! И это полбеда, а дальше речь идет о каких-то Кайю. Кайю — это орочье слово, но диалект эльфийский, его ни с чем не спутаешь. Что это за Кайю? Магия, существа или еще чего похуже?

— Справлюсь у Миралиссы. — От всех этих дурацких стишков-

загадок потихоньку начинала трещать голова.

— А потом эти сжигающие Великаны... Тоже загадка. Хотя гробницы Великих, погибших в бою, вполне известны. Это целые залы воинов, которых люди хоронили на шестом ярусе в течение пяти с лишним веков. Считай, что это огромное кладбище, где каждый находящийся в могиле — легенда. Тут же эти усопшие рыцари с мечами, и Селена, которая укажет путь к Рогу, и, в конце концов, предупреждение о том, что Рог так просто в руки не дастся. Тут есть над чем подумать.

— Только не сейчас, — взмолился я. — Иначе у меня голова распухнет от безумного стихоплетства магов Ордена. Нельзя, что ли, было нормально написать, словами? Так-то и так-то. Там зубастый, тут клыкастый, а тут просто зажарят или в пыль обратят! Нет, нужно им было упражняться в поэзии!

— Ну что ты хочешь? — Фор вздохнул и развел руками. — Орден любит головоломки, головы у магов устроены немножечко по-другому. Я, пожалуй, еще немного подумаю над этим текстом, а ты делай то, что хотел. Ночь на дворе.

Действительно, черные крылья птицы-ночи незаметно накрыли собой Авендум, пока я беседовал с Фором. Пора заняться делом.

— Ты прав, мне действительно нужно идти.

— Давай, малыш, удачи. Кстати, ты знаешь, что сегодня последняя ночь июня?

— Угу. Проклятый туман наконец-то исчезнет с улиц. Где мой арбалет?

— Арбалет? — Фор хмыкнул. — У тебя не арбалет, а сплошное недоразумение. Приклад отсутствует, какие-то рычаги, да еще и по два болта за раз заряжается. Ты где откопал такое недоразумение?

— Зато я из него болт шагов на девяносто смогу послать. Ты не смотри, что он маленький.

— Ну-ну. И чую, что стреляет он намного быстрее, чем положено порядочному арбалету... Вон, на стуле лежит.

Я привычным жестом закинул арбалет за спину и направился к выходу.

— Не забудь расспросить этого Болта, — крикнул мне вдогонку Фор.

— Помню, помню, — ответил я, уже выходя в коридор.

Этой ночью мне нужно было поставить окончательную точку в плане Коня Теней.

Глава 14

Клинки в тенях

— Рад тебя видеть, Вухджааз, где пропадал? — поприветствовал я демона, стараясь не обращать внимания ни на огромные руки, вновь приподнявшие меня над землей, ни на зловонное дыхание, ни на злые глазищи, ни тем более на большие зубы.

Ну, демон, ну и тьма с ним! Я их за эту неделю навидался больше, чем некоторые демонологи за всю жизнь.

«Пойти, что ли, лекции в Ордене читать? — уныло подумал я, просто умирая от вони, исходящей из пасти серого монстра. — О попытках общения с „умными“ демонами и способами заговаривать им зубы».

— Где мой Конь? — зарычал Вухджааз и весьма ощутимо меня встряхнул.

Мда... Все в мире меняется, только скверные привычки демонов остаются прежними.

— Я как раз собирался тебе сообщить, где его можно найти, но ты куда-то пропал.

Демон поймал меня на улице, прямо рядом с Королевской библиотекой.

— Вухджааз умный. — Демон облизнулся и с гастрономическим интересом посмотрел на меня. — Так где Конь?

— Приходи завтрашней ночью в «Нож и Топор». В одну минуту первого, там я тебе и отдам Коня.

— Вухджааз умный, — повторила тварь, видно считая, что я совершенно глухой и все предыдущие разы не слышал, с каким наиумнейшим демоном мне приходится разговаривать. — Я высосу мозг из твоих костей.

Демон стал медленно подтягивать меня к себе, дабы насладиться ужином. Ну конечно! Я ведь сказал ему, где взять Коня, и теперь ему не нужен. О том, что без меня Коня ему не видать, тупая тварь даже не подумала.

— Стой! — пискнул я, когда до его зубов оставалось не больше полуметра. — Шдуыруку не понравится, если ты меня съешь!

— Хх-хшш-ааа? — изумленно зашипел Вухджааз и даже на миг выпустил меня из лап.

Но всего лишь на миг. Он сразу же исправил оплошность и приблизил

к моему лицу рожу, источавшую крайнюю степень подозрения.

— А что тут делает мой брат?

— Он тоже остался и тоже охотится за Конем! — вякнул я и поспешно добавил, дабы избежать неприятных эксцессов и недоразумений: — Но я на твоей стороне!

— Да? — Демон немного подумал. — Неужели?

— Точно! Пока я живой, то могу обманывать Шдуырука и говорить ему, что не знаю, где Конь. Если ты меня съешь, твой брат поймет, что тебе стало известно, где Конь, потому что я умер!

Бред? Еще какой! Но для «умного» демона вполне сойдет и такая нелепость! Уж что-что, а заговаривать зубы я мастер!

— Мой братец глуп! Хотя он действительно может понять.

— Шдуырук очень глуп, он не так умен, как Вухджааз, — льстиво заметил я демону.

Надеюсь, что Шдуырука нет поблизости и он не слышит моих слов.

— Вот-вот, так что с братом разберусь сам, а сейчас я слишком голоден и очень хочу есть.

Вухджааз вновь начал медленно подтягивать меня к себе. Во мне бурлила паника, я смотрел на не самые маленькие клыки и думал, что быть съеденным этим тупым монстром — самая худшая смерть из всех возможных.

— Меня нельзя есть! — отчаянно заверещал я и стал брыкаться.

— Почему? — опешил Вухджааз, он, видно, ожидал всего чего угодно, но не моих уверений, что пойманную добычу нельзя есть...

— Я болен заразной болезнью демонов! — Это первое, что пришло мне в голову.

— Почесухой? — испуганно рывкнул Вухджааз и разжал пальцы.

Я очень неэстетично шлепнулся на землю и отбил себе зад.

— У-у-у. — Это все, что я смог произнести от боли.

Брякнулся я, надо сказать, отменно.

— Чего «у»? Я спрашиваю, почесухой? — зашипел Вухджааз, но приближаться почему-то не спешил.

— Именно, — закивал я и в подтверждение своих слов стал отчаянно чесаться.

— Вухджааз умный демон! Не ври мне! Как ты мог заразиться почесухой?!

— От Шдуырука, конечно! — Врать, так до синей луны.

— Проклятуций братец вечно распространяет заразу! — Вухджааз расстроено стукнул кулаком по стене ближайшего дома.

Стена испуганно охнула, но удар выдержала.

— Точно!

— Ладно! Я приду туда, куда ты говоришь! Но, если обманешь, я все же высосу мозг из твоих костей!

— Не опаздывай! — Я разговаривал сам с собой, тупая тварь уже исчезла в стене здания.

Я прислушался к себе. Руки, кажется, не дрожали, и штаны тоже были вполне сухими и чистыми. Как-то неожиданно и стихийно стало доходить, что я вот только что был на волосок от пропасти. От пропасти с зубами, если быть точным. Спасла смекалка и беспросветная глупость одного воистину наиумнейшего демона, да засунут колючку под хвост его верблюда, как говорят жители далекого Султаната.

С другой стороны, я выполнил очередную часть своего плана. Доралиссцы и оба демона уже приглашены на официальный банкет в заведение плута Гозмо. Осталось оповестить еще две стороны и владельца трактира, и дело, можно сказать, в шляпе.

Библиотека была неподалеку, я направился к ней. Хотя в городе и была ночь, но на этот раз никто не прятался в домах. На площади было достаточно много народу, я даже заметил пяток стражников, которые с важным видом беременных гусынь вразвалочку ходили возле статуи Грока, видно опасаясь, что жители города, опьянев от полученной свободы, украдут неподъемную скульптуру.

Ну-ну. Я мельком бросил взгляд на дом покойного Патийского. В окнах, как и следовало ожидать, света не было. Слуги блюдут траур, но, думаю, это ненадолго. У герцога полным-полно родственников, так что его наследство пустовать не будет, и скоро вновь радостно загорится в окнах свет, и никто и не вспомнит о таинственном убийстве, произошедшем в спальне бывшего владельца апартаментов.

Центральный вход в библиотеку, как и ожидалось, был закрыт. Высокие трехметровые двери молчаливыми спящими великанами нависли надо мной. Попробую-ка я найти тот самый вход, через который старик впустил меня в прошлый раз.

Пришлось обогнуть здание и войти в узкий полутемный переулок. Тут, естественно, никого не было — ни один нормальный гуляка не будет лезть в темноту, если рядом в его распоряжении вся площадь Грока, стоит просто сделать несколько лишних шагов.

Я уже приготовился забарабанить в железную дверь, чтобы разбудить не только Болта, но и весь квартал, как вдруг заметил тоненькую полоску света, выбивающуюся из-под двери. Странно. Очень странно. Видно, Болт

снова напился и забыл закрыть на ночь библиотеку.

А что, если бы вместо меня, честного и крайне порядочного человека, к нему на огонек заглянул нечистый на руку ворюга? Ну тогда бы точно половину редких книг как ветром сдуло со всех этих стеллажей и полок. Я хмыкнул и толкнул дверь. Она живенько прянула в сторону, открывая моему взору темный туннель служебного коридора. Факел висел только перед дверью, а дальше в коридоре обитала темнота. Я беззлобно ругнулся по поводу того, что у некоторых руки не доходят создать нормальное освещение, снял факел со стены и пошел по знакомому коридору, игнорируя ответвления вправо и влево.

Я был тут уже во второй раз, а этого вполне достаточно, чтобы запомнить дорогу. Факел освещал мне путь, так что путешествие до залов с книгами составило не больше пары минут. Магическое зрение после Закрытой территории так и не вернулось, поэтому приходилось полагаться лишь на источник света в моей руке и проклятия, посылаемые на голову Хонхеля.

Наконец я добрался до библиотечного зала. Света от фонарей, надежно закрытых гномьим стеклом, дабы огонь, не дай Сагот, не вырвался из плена, было вполне достаточно, и лишь где-то в вышине, под самым потолком, шкафы и стеллажи кутались в шапку тьмы.

Я огляделся, нашел свободный держатель для факела и хотел поставить его туда, но передумал и вернулся немного назад, в коридор, где и оставил факел, повесив его в пустую скобу. Нечего злить Болта, а то его паралич разобьет, увидь он, что я притащил открытый огонь к его драгоценным книжкам.

— Эй, Болт! Это Гаррет! — крикнул я, и мой голос эхом отразился от сводчатого потолка, заметался по стенам и растворился, запутавшись в паутине книг и шкафов.

Тишина. Ни звука. Старик, видно, действительно выпил лишку и теперь дрыхнет где-нибудь под столом. Хотя возможно, что он просто-напросто туг на ухо и не слышит моих приветственных воплей.

— Болт! Ты здесь?

Я медленно пошел вдоль стеллажей, крутя головой и ища взглядом знакомую сутулую фигуру. Звуки шагов вязли в каменных плитах, которыми был мощен пол библиотеки. Никого. Тишина. Полутьма, призраки стеллажей и книги. Тут можно бродить тысячелетиями и не встретить ни одной живой души. Я резко повернул направо и двинулся в сторону столов, где в прошлый раз изучал книги. Там было место, где вполне можно принять бутылочку-другую винца, не беспокоясь, что кто-

нибудь неожиданно нагрянет и потревожит, так что надо будет попробовать поискать Болта в этом месте. Если же старикана там не будет, придется возвращаться в коридор, ведущий в подсобные помещения, и искать его берлогу.

Между стеллажей и книжных шкафов фонарей не было, и я оказался в полумраке. Мелькнула мыслишка вернуться и взять один из фонарей, висящих на стене возле входа, но впереди мигнул свет, и возвращаться смысла не было: я нашел то, что искал.

— Болт! — успел рявкнуть я, прежде чем вышел в читальный зал.

Так и есть! На одном из столов стоял ярко горящий фонарь, свет которого я заметил не далее как минуту назад.

Фонарь находился в приятной компании с бутылкой вина, наполовину обглоданной краюхой хлеба и пучком зеленого лука. Как я заметил, бутылка была почти пуста, лишь на доньшке виднелось немного вина. Сам же владелец бутылки разлегся на полу, засунув голову чуть ли не под стол. Болт лежал лицом вниз, прямо в луже разлитого красного вина. У меня мелькнула мыслишка, что так, не ровен час, можно и захлебнуться.

Я буркнул под нос что-то неллицеприятное о любителях залить за воротник в самое неподходящее для этого время и пошел к спящему пьянице, лихорадочно проигрывая в голове варианты, как быстрее вернуть его в трезвое состояние и разговорить. Работа по пробуждению Болта предстояла нелегкая.

— Болт! Это я, вставай. — Я наклонился над ним и потряс за плечо. Сколько можно дрых...

Фразу я не закончил, потому что заметил довольно поганую вещь — Болт, кажется, не дышал. И лежал он не в луже вина, как мне показалось вначале, а в луже крови. Собственной крови.

Я аккуратно перевернул старика на спину. Так и есть, какая-то сволочь перерезала бедному деду горло от уха до уха. Тело старика было еще теплым, следовательно, убийца или убийцы пришили Болта совсем недавно, может, в тот самый момент, когда я входил в библиотеку, а то и позже. А значит, велика вероятность, что они не успели далеко уйти и я вполне могу нагнать их на ближайшей улице. Я уже было поддался минутному порыву, но голос рассудка основательно остудил мою жажду ненависти и справедливости. Хозяин меня на этот раз опередил, и я уже никогда не узнаю, чье кольцо показывали Болту Ростгишь и Шныг. И бежать за неизвестными убийцами, которые могут оказаться совсем не людьми, не было никакого резона. А то, что все это дело рук прихвостней Хозяина, я нисколько не сомневался.

Закрыв глаза старику, я встал. Бедняге уже ничем не поможешь. Жаль, я успел привязаться к этому ворчливо-склочному деду.

От тела куда-то вглубь зала, виляя между столов, тянулась кровавая дорожка. Видно, Болта убили не здесь, а потом притащили сюда. Но вот зачем? Не проще ли было оставить его где-нибудь между стеллажей, чтобы его обнаружили не сразу? Странно...

Я взял со стола фонарь и, освещая себе дорогу, пошел по кровавым следам. Ба! Не успел сделать и двадцати шагов, как наткнулся на второй труп.

Этого хмыря-переростка я знал. Один из тех двоих, сбежавших из переулка, где они застали меня с Родериком врасплох. На этот раз парню не повезло, убежать ему не удалось. В груди громилы торчал ножичек, который я видел в прошлый раз у Болта. Получается, что старик все же сумел дорого продать свою жизнь, Дикие Сердца просто так из этого мира не уходят, один из убийц поплатился за св...

Три тени прыгнули в круг света, вынырнув откуда-то из-за темных стен стеллажей, и не дали закончить мне мысль. Один выскочил чуть ли не на меня. Я заметил блеск металла в его руке и отпрянул в сторону, едва не попав под нож другого.

Гнилая тьма! С чего это я решил, что убийцы успели убраться?! Ведь намного проще было спрятаться в полумраке зала и переждать, пока неожиданный посетитель не уйдет! Или дождаться момента и отправить его вслед за стариком к богам.

Я отпрыгнул назад, прижавшись к шкафу с книгами. Трое убийц приближались. Эх! Арбалет не заряжен, так что воспользоваться им я не сумею. Одна надежда на клинок и полузабытые уроки Фора. Я молча вытащил оружие и, выставив его перед собой, стал ждать нападения. Призрачных надежд на то, что мы разойдемся миром, я не питал. Такие ребята зарежут родную бабушку, да еще и всю семейку в придачу. Тем более что двоих убийц я до этого видел, и не при самых лучших обстоятельствах. Первый, тот, который выскочил прямо на меня, был напарником жмурика, убитого Болтом.

Этот выскочивший из мрака мордоворот в левой руке держал нож и сладко улыбался, как будто перед ним был не загнанный в угол человек с клинком намного большего размера, чем его нож, а мамочка, купившая Громиле карамельку.

Второй — не кто иной, как стражник Ярги, правда, не в оранжево-черной одежде стражника, а в гражданской, поэтому я сразу его и не узнал. Выходит, ребята работают на неизвестного слугу Хозяина, раз здесь один

из подкупленных стражников. Интересно, а где остальные? Отдыхают после ночного боя с доралиссцами?

Ярги тоже пришел не с пустыми руками. Клинок у него был такого же размера, как мой, да и держал он его вполне умело.

Третьего убийцу я не знал. Крепкий, можно сказать, что дубленный ветрами. Волк меж двух дворняг. Нож в его руке нервно дрожал в безумной попытке пуститься в пляс, а затем вновь замирал на несколько секунд, чтобы потом вновь отправиться в едва заметный глазу танец.

— Так, так, так, — лениво растягивая слова, заговорил Громила, остановившись вместе с напарниками в десяти шагах от меня. — Кого это к знаниям потянуло?

— Хватит болтать, кончаем его и сваливаем! Дело уже сделано, — просипел Волк.

— Успокойся, Муха, успокойся, — махнул на Волка, имя которому было Муха, Громила. — Мы за эту ночь убьем сразу обоих гоблинов. Я этого парня знаю. Гарретом кличут.

— Тот самый? — втянул в себя воздух Ярги. — За его голову наниматель награду обещал!

— Угу, вот сейчас мы ее ему иотрежем. — Громила двинулся ко мне.

— А ты осмелел. — Я как можно более гадливо улыбнулся. — Помнится, несколько дней назад ты вместе с во-он тем покойником драпанул так, что пятки сверкали.

— Ну, с тобой ведь больше нет мага, — хмыкнул Громила, перебрасывая нож из руки в руку.

— Стой, дай я его кончу, — попросил Ярги, облизывая тонкие губы и смотря на меня с алчным блеском в глазах. — Дай развлекусь.

— Смотри, как бы тебя не кончили, — хмыкнул Муха, но все же отошел назад, давая пространство для боя. Видать, ребята действительно решили устроить забаву, ни во что не ставя мою персону. — Да и нагряться могут.

— Никого здесь нет. Не волнуйся, старика ведь ты замочил, Муха, — поддакнул Громила, тоже отходя назад и оставляя меня наедине с Ярги.

— Но прежде старик завалил твоего дружка, — буркнул Муха. — Одно слово — Дикий.

— Но и ты из них.

— Заткнись! — рявкнул Муха.

Дикий? Здесь? Дезертир? Парень опаснее, чем я думал. Намного опаснее обоих других убийц.

— Ну что, вор? Пошла забава? — Ярги ухмыльнулся щербатым ртом и

прыгнул на меня, целясь ножом в живот.

Я отклонился вбок, попытался достать Ярги оружием, но не удалось, и мне пришлось отскочить к фонарю, стоявшему на полу, размахнувшись перед собой клинком для того, чтобы держать Ярги как можно дальше от себя. Теперь я подставил спину обоим убийцам, находящимся сзади, но, как видно, те не спешили втыкать в нее железо, предпочитая до поры до времени наблюдать за схваткой.

— Где же твой арбалет, вор? — раздался насмешливый голос Громилы.

— За спиной, — буркнул я, машинально ответив, и сбил себе дыхание.

Проклятие! Попасться на такую уловку!!! Муха радостно засмеялся.

Ярги вновь пошел в наступление, выписывая длинным ножом зигзаги и загогулины перед собой, не давая мне приблизиться. Вот так мы и кружили вокруг стоящего на полу фонаря, ожидая, кто первым допустит непростительную, а значит, смертельную ошибку. Пару раз наши ножи сталкивались и, противно лязгая, вновь начинали вить паутину уловов и ухищрений, медленно, но верно ведущих одного из нас к победе, а другого — в гроб. Тишина, лишь воздух неодобрительно стонет под клинками, и тени, во много раз увеличенные огнем фонаря, пляшут на стенах шкафов и стеллажей. Приходилось попотеть, проклятый стражник держал нож низким хватом. С одной стороны, плохо — этот гад почти неуловимо мог перевести укол в режущий или рубящий удар, и наоборот. С другой стороны, хорошо, потому как низинская техника предназначена для воинов в броне. Она защищает свободную руку от порезов, а для тех, у кого вместо кольчуги и кольчужной перчатки одна рубаха, эта школа была палкой о двух концах.

Вжю-у-ух! Клинок противника полетел мне в лицо, но в самый последний момент изменил направление и змеиным броском устремился в плечо. Я невероятным усилием выгнулся, стараясь избежать встречи со злым железом, и нож Ярги лишь распорол рубашку на плече и разодрал кожу. В результате моего безумного уклонения я, сам того не желая, оказался рядом с Ярги, которого в это время по инерции разворачивало после неудачного удара. Я воспользовался его заминкой и, на миг забыв про клинок в правой руке, от души вмазал кулаком левой ему в ухо. Стражник взвыл, стал отпрыгивать, и тут только я вспомнил об оружии. Серьезно достать убийцу я уже не мог, но его свободная левая рука представляла собой очень лакомый кусочек. И я был бы полным дураком, если бы этим не воспользовался. Быстрый взмах — и Ярги, шипя от боли, трясет раненой рукой.

Его шипение было очень приятно слышать. А тяжелые капли крови,

падающие на пол с руки, — просто дождь после долгой засухи. И вновь кружение, и вновь каждый ищет слабину в обороне противника.

Зачем мучиться и пытаться достать до живота или шеи врага, если можно просто нанести парочку глубоких порезов по рукам и бегать вокруг раненой жертвы, дожидаясь, когда она ослабеет от потери крови, чтобы без проблем впустить ее в благословенный, по словам жрецов, мир?

Вот только времени у меня не было.

— Какой дурак учил Ярги обращаться с ножом? — донеслись до меня слова теряющего терпение Мухи. — Сейчас этот тип его прикончит!

Рука Ярги бессильно повисла, она была вся в крови, но он яростно пошел в наступление, размахивая клинком в попытке обмануть меня ложным финтом. Я вертелся угрем, чтобы избежать встречи со смертью. В итоге получил легкий порез на груди, а от меня Ярги достался смачный пинок по ноге.

— Пора закрывать этот балаган и уходить. — Терпение Мухи было на исходе, а значит, совсем скоро придется мне сражаться сразу с тремя противниками.

Точнее, не сражаться, а умирать. Пора подстегнуть события, иначе я составлю компанию Болту и тому жмурику.

— Ярги! Недавней ночью вас хорошо потрепали доралиссы!

— Откуда ты знаешь? — От неожиданности Ярги перестал пытаться достать меня ножом и ошеломленно замер.

— Неназываемый шепнул! — сказал я и всадил локоть железа в живот Ярги.

Мне представился великолепный случай покончить хотя бы с одним из троих.

— А? — Он не сделал ни одной попытки защититься или ударить меня ножом в отместку.

Сзади зло ругнулся Громила.

— Ты меня убил, сучий сын, ты меня убил, — захрипел Ярги, роняя нож, и освободившейся рукой мертвой хваткой вцепился в мое оружие, так и оставшееся в его животе.

Когда он стал заваливаться лицом вниз, мне пришлось выпустить рукоять ножа, иначе Ярги мог повалить и меня. Нож торчал из брюха покойника, а я остался без главного и весомого аргумента, чем и воспользовались убийцы.

Оба оставшихся головореза уже безо всяких разговоров бросились на меня. Я крайне неизящно постарался разорвать дистанцию между нами и нащупать в поясной сумке пузырек. И то и другое мне удалось. Я швырнул

пузатую склянку ядовито-желтого цвета в Муху, но тот просто пригнул голову, и проклятая магическая побрякушка разбилась об одну из ножек гигантского стеллажа с книгами, находящегося за их спиной. Так что вместо головы Мухи в воздухе растворилась ножка стеллажа. Замечательно!

— Иди сюда, Гаррет! Хватит бегать! Я исполосую тебя на ремни! — Громила клокотал от жажды крови.

Стеллаж между тем, потеряв опору, стал заваливаться вперед, прямо на ничего не подозревающих убийц. Еще чуть-чуть — и оба были бы раздавлены его весом, но шум книг, не удержавшихся на полках и теперь падающих на пол, привлек их внимание. Муха, не думая, отпрыгнул в сторону, сделал вполне приемлемый перекат через плечо и ушел из опасной зоны. Громила стал поворачиваться и удивленно открывать рот, но попал под дождь знаний, состоящий из горы книг, а затем его догнал безногий стеллаж и подмял под себя.

Мне показалось, что я услышал чавкающий звук, который перекрыл даже предсмертный вопль, когда незадачливого убийцу раздавило в лепешку. Но времени на раздумья не было — еще оставался Муха, самый опасный из всей троицы.

Я огляделся, но убийцы нигде не заметил, он скрылся в темноте. Пришлось вернуться к оставленному на полу фонарю, стоявшему рядом с телом Ярги. Я, брезгливо морщась — этот покойник был мне противен, — перевернул Ярги и вытащил у него из брюха свой клинок. Кровь с лезвия пришлось вытереть чистым обрывком серой рубахи мертвого стражника. Взяв нож в одну руку, а фонарь в другую, я медленно, вслушиваясь в каждый шорох, стал пробираться назад, к выходу. Столкнуться с затаившимся где-то в темноте Мухой было бы очень неприятной концовкой сегодняшней ночи.

Я добрался до тела Болта и вернул фонарь обратно на стол, дальше дойду и так, мне требовалась свободная рука, и тут приходилось выбирать — либо свет, либо возможность быстрее двигаться.

Шорох слева — я резко повернул голову, но ничего, кроме книг, не увидел.

«Какого? — подумалось мне. — Какого рожна я держу в руках клинок, когда у меня есть арбалет?!»

Я поспешно убрал клинок, достал арбалет, зарядил его, передернув рычаг, поставил оба болта в боевое положение.

Потом, ради пущего спокойствия, взял еще один болт в зубы, чтобы, если первые два не попадут в цель, далеко не тянуться. Вот таким, можно

сказать, до зубов вооруженным я и стал организованно — другого слова подобрать не могу — отступать к выходу из библиотеки.

За каждым шкафом, за каждой книгой, в каждой тени мне чудился Муха, ожидающий меня. Но нет, ничего. Тихо и пусто, как на кладбище ночной порой. Я старался не сорваться на бег. Очень хотелось побыстрее проскочить полумрак, царящий среди книжных стеллажей. Но бежать — это потерять контроль над ситуацией, а следовательно, я буду уязвим. Поэтому идти пришлось крайне осторожно, как по капканам. Не быстро и не медленно.

Наконец-то проклятые шкафы с книгами закончились, и передо мной появился выход, ведущий в трубу полутемного коридора. Я остановился, решая, как лучше прокрасться по узкому коридору, где даже развернуться было трудно, не то что состязаться во владении ножом с Диким.

Его выдала тень. Тень, рожденная огнем фонарей, висящих на стенах. Она была бледна, слаба и почти убита мечами света, но я смог увидеть ее застывший силуэт. Может, Муха и хороший воин, но прятаться в помещениях он, увы, не умел. Проклятый убийца залез на стеллаж и, вцепившись в полки, повис, дожидаясь, когда я пройду под ним. Дождался, Неназываемый его поработи!

Мы стали действовать одновременно — я разворачиваться и поднимать арбалет, он прыгать с ножом мне на голову. Все дальнейшее произошло, как будто маг Ордена замедлил ход времени.

Щелкнула тетива. Болт, едва не задев падающего на меня Муху, ударил в один из толстых фолиантов, стоявших на верхней полке.

Второй щелчок — и смерть, посланная моим оружием, чиркает по руке с ножом и ударяется в очередную книгу. От неожиданности и боли рука Мухи разжимается, и нож в одиночестве начинает падение вниз. Я отпрыгиваю, тянусь за болтом, зажатым в зубах, но Муха уже всем весом обрушивается на меня. Арбалет отлетает в сторону, и мы падаем на пол.

Щелк! И время вновь бежит, течет горной рекой. От его медлительности ничего не остается.

Бац! Я падаю на спину, ударяюсь затылком о каменный пол, и в голове разлетается сноп огненных искр. Проклятый убийца оказался сверху и, ни секунды не мешкая, нисколько не смутившись, что потерял нож, заехал мне кулаком в лицо.

Бац! В области скулы взорвалась пороховая бочка гномов, и еще один огненный столб искр взметнулся в голове и ударил по глазам. Преодолевая боль, я крайне неизящно постарался лягнуть навалившегося на меня врага, но эта жалкая попытка успеха не имела. Муха размахнулся правой, раненой

рукой и точно с такой же силой, как и здоровой, ударил меня под дых.

Бац! Воздух вежливо помахал мне на прощание рукой и куда-то исчез из легких. Из последних сил я стукнул Муху под челюсть, но удар вышел смазанным и слабым. Муха даже обидел меня, не обратив внимания на жалкие попытки сопротивления с моей стороны. За все это время Дикий не произнес ни слова, он, в отличие от Громилы или Ярги, просто хотел сделать работу побыстрее и уйти восвояси.

Финалом нашей эпической битвы, достойной быть увековеченной в виде фрески, стало то, что крепкие жилистые руки Мухи мертвой хваткой вцепились мне в шею и довольно целеустремленно принялись душить некоего Гаррета, окончательно перекрыв доступ воздуха в легкие.

Я ударил Муху обеими руками по ребрам, но и это не возымело действия. Он, как имперская собака, еще сильнее сжал пальцы и, стиснув зубы, навис надо мной. Кто-то вполне достоверно стал хрипеть. Надеюсь, это был не я. Затем звуки хрипа начали стихать, отступили на задний план, путаясь в тенях. Тени надвинулись, обняли, черными кругами заплесали в глазах, зовя за собой. Легкие горели и просили хотя бы один глоток чистого и свежего воздуха.

Когда тень уже полностью заполонила мой взор, откуда-то из другого мира, такого прекрасного и насыщенного свежим воздухом, раздалось щелканье тетивы, свист стрелы и тупой удар. Потом что-то очень тяжелое упало на меня, окончательно придавив к полу, но дышать стало легче.

Я лежал и, не открывая глаз, вдыхал бесценный дар богов — воздух. Во мне все клокотало, хрипело и свистело. Шея нещадно болела, даже глотать было больно, но я дышал, и это в данный конкретный момент было главным.

— Живехонек, милорд! — раздался голос надо мной. До носа долетел аромат ядреного чеснока. — Дышит.

— Поднимите его! — Барон Фраго Лантэн собственной персоной, насколько я могу судить по злему голосу.

Из чистой вежливости пришлось разлепить веки и оглядеть новых действующих лиц комедии. Так и есть. Надо мной стоял необычайно хмурый барон в окружении двух десятков верных псов, рассыпавшихся по залу. И мой давнишний знакомый — Чесночный приятель с тяжелым армейским арбалетом в руке. То тяжелое, что упало на меня, было не чем иным, как мертвым Мухой. Чесночник вlepил ему стрелу промеж лопаток, и Муха в порыве лучших чувств решил помереть на мне. Что он и сделал, негодяй.

Я еще ни разу в жизни так не радовался встрече с городской стражей.

Все! Беру все плохие слова об их способностях назад и клянусь здоровьем доралисского вождя больше эти некрасивые слова никогда не произносить. Если бы не brave ребята-стражники, лежать мне синим, как дохлый цыпленок, на полу библиотеки.

— Одну секунду, ваша милость. — Чесночник поспешно отложил разряженный арбалет в сторону и стащил с меня тело Мухи.

Сразу полегчало. Чесночник и еще один стражник крепко взяли меня под руки и, крикнув, поставили на ноги. Пол почему-то довольно сильно шатался, и пришлось сделать над собой усилие, чтобы не упасть. Скула, куда минуту назад попал кулак Мухи, безбожно горела, будто к ней прижали раскаленную кочергу.

— Барон Лантэн? Вы не представляете, как я рад вашему появлению, — как можно более искренне прохрипел я.

Горло до сих пор саднило, на шее чувствовались пальцы Мухи.

— Надо думать, — фыркнул один из стражников.

— Гаррет, сукин ты сын, какой тьмы ты тут делаешь? — рывкнул Фраго, хмуро изучая мою помятую личность. Видно, мне удалось испортить ему настроение на неделю вперед. — А если бы нас тут не оказалось?

— История бы окончилась очень печально, — буркнул я. Ненавижу, когда на меня орут, особенно после того, как один ретивый парень меня чуть не придушил.

— Не только для тебя! — рывкнул Фраго. — Король бы с меня шкуру спустил!

— Откуда вы узнали, что я здесь? — недоуменно спросил я.

— А мы и не знали, — немного успокоившись, буркнул барон и сел на один из табуретов, на который становились, когда необходимо было достать книги с верхних полок.

Мне сесть, естественно, не предложили, но в моем состоянии не до дворянского этикета, поэтому я придвинул второй табурет, стоявший рядом с первым, и уселся напротив барона. Рядом остался только Чесночник и тот второй, который помогал ему меня поднимать. Остальные стражники взяли в руки фонари и расползлись по библиотеке на тот случай, если в темноте еще кто-нибудь прячется. Напрасный труд, на мой взгляд. Не думаю, что тут еще кто-нибудь был.

— Мы и не знали, — повторил барон и бросил взгляд в сторону Чесночника. — Джиг, иди прогуляйся.

— Как скажете, милорд. — Джиг и другой стражник ушли следом за остальными вглубь библиотеки.

— Мы вот этого покойника искали. — Барон брезгливо ткнул пальцем в труп Мухи. — Давно его ищем. Он из Диких. Дезертир и королевский изменник. Его и Дикие искали, но нам больше повезло. Птичка стукнула, что этот парень сейчас в Королевской библиотеке, вот мы и пришли брать его тепленьким. Так что встреча с тобой меня довольно сильно удивила.

— Меня не меньше.

Что же, раз королевский изменник — а все дезертиры Диких ими становились сразу, — то ничуть не удивительно, что сам Фраго решил принять участие в охоте. И Мухе еще повезло, что он получил стрелу в спину. Поймай его Дикие, парень бы просто так из нашего мира не ушел.

— Так я повторяю свой вопрос. Что ты здесь делаешь, Гаррет?

— Что я здесь делаю? Пришел проведать старого друга.

— И где же твой друг?

— Мертв.

— Рассказывай.

И я рассказал. Половину подробностей пришлось опустить. О Хозяине и его слугах я не сказал ни словечка, как и о том, что я видел некоторых из убийц до этой ночи.

— Можно сказать, что тебе повезло, вор, — хмыкнул барон, выслушав мою историю.

Он, как я видел, до сих пор не выносил моего присутствия. Оно его бесило. Как кошку бесит мышка, которая бежит перед носом, а вот схватить ее не представляется никакой возможности, иначе хозяин крепко оттаскает за хвост.

— Можно сказать, что мне крупно повезло. — Я уже немного отошел от схватки и теперь с нетерпением искал возможность улизнуть из этого места.

Делать тут было нечего, от покойника Болта я ничего теперь не узнаю, а барон Фраго, такой любезный и добрый, впрочем как и оранжево-черная стража Авендума, меня немного нервировал. Лучше бы они пытались меня поймать, чем быть обходительными. Недоверие к слугам закона — это сила привычки, от которой довольно сложно избавиться за пару часов.

— Дела? — ухмыльнулся барон. — Надеюсь, не поход в дом невинного богатея?

— Невинных богатеев в нашем мире не существует, — хмыкнул я и поднялся со стула с твердым намерением отправиться восвояси.

Барон было собрался задержать меня еще на несколько минут, но выскочивший из-за стеллажей Джиг оторвал его недремлющее внимание от меня.

— Милорд, там один из наших.

— Что ты мелешь? — Фраго, нахмурившись, поднялся с табурета.

— Не извольте сомневаться, он из стражи. Ярги кличут, он в ночных сменах шестого караула был.

— Из отряда Жастина?

— Теперь там другой командир, Жастина ведь возле конюшни Старка...

— Знаю, знаю. Не надо мне напоминать, — отмахнулся Фраго. — И чего его с отрядом туда ночью потянуло?

Я просто мечтал сказать, что, точнее, кто потянул к конюшне Старка продажную стражу, но тогда я до утра не отделаюсь от вопросов и подозрений, а поэтому поступил крайне разумно — попросту промолчал.

— Ну что за ночка! — сплюнул Фраго и развел руками. — Гаррет, тебе известно, что ты кокнул одного из моих людей?

— На нем не было написано, что он стражник, ваша милость. Тем более он и его напарники не спешили представляться, когда хотели пустить меня на мясную вырезку.

— Ясно, — вздохнул Фраго. — Ну что же, в любом стаде есть паршивая овца.

Хотел я сказать барону, что паршивых овец в его стаде отнюдь не одна, но вновь благоразумно промолчал. Молчание — золото, и в последнее время я стал понимать, что это действительно так.

— Гаррет, идем со мной, опознаешь своих знакомых. — Фраго повелительно махнул рукой.

Угу. Как же! Мне только и осталось, как маленькой собачонке, бегать за бароном на задних лапках.

— Простите, ваша светлость, но у меня задание короля.

Я получил очередной хмурый взгляд от Лантэна, но спорить он не стал. С приказами короля обычно никто никогда не спорит, кроме шута-гоблина.

— Ладно, ступай.

Не дожидаясь, когда Фраго передумает, я скрылся в коридоре, не забыв по дороге подхватить факел, чтобы обратный путь казался светлым и веселым. Хотя настроение мое было самое что ни на есть поганое.

Глава 15

Ответы

Прошу прощения за дурацкий и, в общем-то, тухлый каламбур, но улица Сонного Пса была погружена в сон. Она разительно отличалась от своей сестры — Сонной Кошки как домами, здесь расположенными, так и размерами. Сонный Пес была довольно короткой и извилистой улочкой, где располагались различные лавки невысокого пошиба, старенькие дома да пара трактиров не самой хорошей среди горожан славы. Возле одного из них я сейчас и находился. Огромная вывеска в виде ножа и топора висела над моей головой, грозясь когда-нибудь плюнуть на обязанности зазыва посетителей и грохнуться какому-нибудь невезучему прохожему на голову.

«Нож и Топор», как я и предполагал, был погружен в сон. Как сказал мне Фор, Гозмо ни с того ни с сего прикрыл свое маленькое заведение на время. Довольно странно, если знать, какие деньги он при этом теряет.

Двери и ставни закрыты, хотя ни первое, ни тем более второе для меня не было такой уж серьезной преградой. Я был крайне решительно настроен посетить этой ночью трактир Гозмо, и запертые двери не были для меня помехой. Между моим старым другом и мной назрел серьезный разговор, а ночь — самое удобное время для того, чтобы застать врасплох трактирщика. В третьем часу он спит без задних ног и будет не очень расположен к сопротивлению.

Ночь слизнула с полной луны маленький кусочек, и желтый круг пошел на убыль. Первая ночь июля, ночь без надоевшего тумана, пожиравшего ночные звуки и скрывавшего все подряд под щитом невидимости. С одной стороны, туман это хорошо — можно спрятаться, но с другой стороны — в нем может спрятаться еще кто-нибудь.

Вначале я хотел самым наглым образом вскрыть центральную дверь и пройти через весь трактир к Гозмо как хозяин, но умерил свой пыл и решил проникнуть в его спальню через окно. Намного проще, да и возни с замками и засовами, во время которой тебя может застукать любой мучающийся бессонницей, мало.

Окно спальни Гозмо находилось на втором этаже и было крайним. Нисколько не удивлюсь, если у старого мошенника в комнате окажется скрытый ход, ведущий в более безопасные места, поэтому мое появление через дверь тактически было бы не очень правильным. Если вдруг Гозмо не спит, он вполне может смыться.

Паутинка была при мне, и добраться до окна оказалось делом одной минуты. Намного дольше пришлось провозиться со щеколдой, особенно висая на такой высоте. Отомкнуть ее, не поднимая шума, тоже оказалось делом непростым, но я недаром занимаюсь тем, чем занимаюсь, — эта работа была выполнена безупречно. Гозмо, заунывно выводящий трели и рулады храпа, даже не пошевелился в постели. Трудней оказалось спрыгнуть с окна на пол, на пути у меня выросла пара фарфоровых кувшинов с цветочками, которые я ненароком чуть было не смахнул вниз. Поэтому пришлось приложить чудеса эквилибристики циркачей, выступающих на Рыночной площади, чтобы избежать встречи с фарфоровой преградой.

Гозмо, видя, наверное, свой пятый, а то и седьмой сон, заливался соловьем. Дрых он безмятежнее ребенка, и я даже восхищенно покачал головой. Вот что значит отсутствие совести и полное спокойствие за собственную шкуру!

Я на цыпочках подкрался к его изголовью и аккуратно запустил руку под подушку. Так и есть. Пальцы наткнулись на что-то холодное. А дружище Гозмо не так уж глуп и безмятежен, как я думал, если держит под подушкой такой кусок железа! Спать жутко неудобно, но спокойно, это точно. Что ж, я не стал доставать клинок, мороки с этим целый воз, а пользы ни на самый мелкий медяк. Да и не думаю, что трактирщик решится на глупость.

Я так же тихонько отошел от спящего и, смахнув с кресла какие-то тряпки, сел. Внедрение Гаррета в обиталище Гозмо нужно сделать эффектным, трактирщик это заслужил, так что мне стоило подумать, как это все обтяпать, чтобы хоть каким-то образом отыгаться на проклятом предателе. Тут Сагот подкинул мне шальную мысль о том, что очень давно, лет пять назад, когда я бывал в комнате Гозмо (правда, тогда я входил через дверь), на одной из стен висел тяжелый охотничий рог, инкрустированный серебром. Довольно приятственная для глаз вещица. Хотя не только для глаз. Для кармана тоже неплохая, потому как стоимость сей безделушки была чуть больше сорока золотых. Я встал, прошел к стене и методом проб и ошибок нащупал злополучный рог, удостоившийся чести сыграть в сцене пробуждения Гозмо ведущую роль.

Ух! Вещица оказалась довольно весомой.

Я подошел к креслу, достал из-за спины арбалет, проверил, что он заряжен, и сел в кресло, положив оружие себе на колени. Если честно, я пытался сдержаться и не захохотать, потому как уже представил себе рожу Гозмо, разбуженного зовом рога. Разбудить еще кого-нибудь я не боялся.

Гозмо не сдавал комнаты на ночь, так что постояльцев не было, а вышибалы после смены уходили домой. В трактире мы были одни, а что до жителей окрестных домов, так они на своем веку и не такие вещи видали. Точнее, слышали.

Ладно, пора было делать дело. Я поднес рог к губам, набрал полную грудь воздуха и дунул. Что это был за звук! Даже я не ожидал такого эффекта! Рожденный рев горной лавины вперемешку с воплем ошалевшего от ужаса великана заметался по комнате, отражаясь от стен и звеня в ушах многоголосым звоном гнева богов!

Гозмо, прервав храп на середине колена, подлетел в воздух вместе с одеялом на целый метр и, приземлившись, стал отчаянно крутить головой, спросонья ничего не соображая. Я доставил себе удовольствие и весело расхохотался.

— Кто здесь? — гаркнул Гозмо, еще не привыкший к темноте, а поэтому видевший только открытое окно.

Его рука змеей нырнула под подушку.

— Гаррет.

— Гаррет, это ты? — Гозмо, видно, не верил своим ушам, он так и замер, даже не пытаясь вытащить клинок из-под подушки.

— Именно я. Да ты высунь, высунь руку-то. Не съем. И свечу зажги.

Руки у трактирщика дрожали, поэтому огонек появился не сразу, а появившись, больше осветил не меня, а старого плута, сидящего на постели и хлопающего глазами. Я для него представлял собой лишь тень в кресле, размытый контур на границе света и мрака. Свет свечи до меня попросту не добирался, на полпути его съедала тьма.

— Ну, пришел в себя?

— Гаррет, это действительно ты! Только такой человек, как ты, мог устроить все это!

— Я рад, что ты меня узнал, а теперь поговорим.

— О чем? — Гозмо выглядел одновременно злым и ошеломленным.

— Да есть тут одно дело. Я много думал...

— Тебе полезно, — перебил меня трактирщик.

Щелкнула тетива, и, прожужжав по комнате, болт ударил в спинку кровати трактирщика, совсем рядом с Гозмо. Тот от неожиданности подпрыгнул:

— Ты сдурел?

Мне показалось или в его голосе действительно проскользнула нотка страха?

— Не надо перебивать, Гозмо, у меня сегодня была тяжелая ночь, так

что заткнись и изволь выслушать, что я скажу.

Трактирщик последовал моему совету и заткнулся, лишь тонкие губы довольно заметно побелели. Он не видел арбалета, но всей шкурой чувствовал, что сейчас он направлен на него.

— Так вот, — продолжил я. — Я много думал. О том нашем разговоре, да и о многих, казалось, случайных вещах. С чего ЭТО такой негодяй, как ты, вдруг решил извиняться? Я тогда слишком спешил и подумал, что из-за гарринча в доме герцога, о котором твоя наглая морда якобы забыла меня предупредить. Ты живо ухватился за эту ниточку, так как подумал, что я ничегошеньки не знаю, а поэтому твоей драгоценной жизни ничего и не грозило. Но ведь речь шла не о гарринче? Не так ли, Гозмо?

Трактирщик открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал и лишь облизал разом пересохшие губы. В нашем маленьком мире за подставы, особенно за такие, какие сделал Гозмо, обычно режут глотку. И Гозмо, естественно, об этом очень хорошо знал. Поэтому и помалкивал, полагаясь на случай, судьбу, Сагота и доброту Гаррета, которому так некстати стало все известно.

— Ну что же, вижу, что я не ошибся. И это радует. Начнем с того, что ты знал, кто дал тебе Заказ на статуэтку из дома герцога, и ни словом мне не обмолвился.

— Я не знал...

— Ну, догадывался, что практически одно и то же. — Я безразлично пожал плечами.

Выходило, что всему виной, изначальной ниточкой был Гозмо, благодаря которому я и влип в эти неприятности с Рогом. Поэтому церемониться с бывшим вором я не собирался.

— Видит Сагот, Гаррет! Я не хотел тебя так подставить!

— Но подставил же? — На это ему возразить было нечего. — Увидев, что Фраго Лантэн, решивший навестить твой клоповник, забрал меня с собой, ты перестал догадываться и все понял. Почти. Думал, меня отправят в Серые камни, и очень удивился, заметив Гаррета на следующий день на улице. Тебе подумалось, что я все знаю, и ты решил прикрыть тылы. Не удивлюсь, что Маркун сыграл здесь не последнюю роль.

Последнюю фразу я бросил ради пущего эффекта, для проверки дна реки, даже не ожидая, что она даст такой эффект. Гозмо громко икнул от страха.

— Маркун тут ни при чем, не в этом... — Он осекся.

— Не в этом деле? — живо ухватился я за ниточку. — Верю! Охотно верю! Тем более что в подставе мне этого Заказа ты, думаю, все же не так

уж и виноват.

Гозмо облегченно вздохнул, поняв, что резать его, может быть, и не будут.

— Но я изменю свое мнение, если ты не расскажешь о делишках Маркуна.

— Чтоб тебя сцапал Неназываемый, — устало прошептал Гозмо. — Ладно, Гаррет, я сделал глупость. И в первом и во втором случае. Но на первый тебе грех жаловаться, за статуэтку ты получил свои золотые, а недоразумения с Лантэном, как я вижу, улажены. В тот же вечер, когда ты ушел с оранжево-черными, в трактир явился Маркун со своими ребятами... И как бы невзначай обронил, что ты, мол, все же решил вступить в гильдию и ему с тобой нужно срочно переговорить. Я ему ответил, что тебя теперь ждут Серые камни и никакого вступления в гильдию не будет, но Маркун настаивал. Ты же знаешь, как он может быть настойчив.

Я знал. Ребята Маркуна всегда отличались вежливым обращением с молчунами, поэтому, думаю, Гозмо не сопротивлялся даже для виду.

— Ты ему выложил, где моя берлога, — утвердительно сказал я.

— Да! Но я думал, что там тебя не будет!

— Но доралиссы, которых навел на меня Маркун, думали иначе, потому как ночью меня ожидала теплая встреча. Спасибо, Гозмо. Удружил. Целых два раза.

Трактирщик съезжился, ожидая от меня любой гадости. Отправь я его в свет, все бы меня только поддержали и сказали, что я поступил совершенно правильно. За подставы, пускай и случайные, в нашем воровском сообществе приходится серьезно расплачиваться.

— Дружище Гозмо! — радостным голосом начал я, и мой собеседник еще больше огорчился этой необоснованной радости. — Я готов забыть все наши недоразумения и даже не трепаться о твоём поведении по городу, но за пару ответных услуг.

— Все что могу! — поспешно ответил Гозмо, понимая, что пара услуг на одной чаше весов и репутация с жизнью на другой — это такая малость!

— Перво-наперво расскажи мне об убийстве мага из Филанда и пропаже некой вещицы.

Гозмо задумчиво пожевал губу, потер подбородок, а затем изрек:

— Люди Маркуна. Шныг и Соловей, ходят слухи. Их работа. Хорошие воры.

— Хорошие и мертвые, — поддакнул я.

— Ты их... — Глаза Гозмо удивленно расширились.

Великолепно! Пусть думает, что это я отправил ребят в деревянный

ящик. Тогда будет более разговорчивым и уступчивым.

— Что ж, я знал, что когда-нибудь вам станет тесно в Авендуме.

— Не отклоняйся от темы.

— Ну так вот. Они все проделали идеально, даже маги не подкопаются. Украли какую-то доралиссскую штуковину для Маркуна. Видно, это уж очень ценная штука, раз Маркун решился на убийство мага.

— А чтобы больше запутать следы, этот слизняк, недостойный называться вором, подставил доралиссцам меня! Иначе чего они вот уже который день ищут встречи со мной?

— Угу. Маркун подставил тебя доралиссцам, а сам ушел в тень и ждет покупателя или заказчика.

— Чудесно! Вот вторая услуга. Ты ведь продаешь товар? Знаешь всех, кто желает купить что-нибудь горяченькое?

— Ну, есть немного...

— Завтра с утра ты встретишься с главой гильдии воров и скажешь, что появился человек, который купит у него эту вещь, скажем... за двадцать тысяч золотых.

— Но это же будет ложью!

Вот тут я захохотал. Искренним и веселым смехом.

— Гозмо! Только не говори мне, что ты праведник и никогда не врешь! Я тебе ни за что не поверю!

— Но Маркун и его ребята отправят меня под пирсы рыб кормить!

— Где Маркун, а где я? Вот то-то! Да ты не переживай, Саготом клянусь, что после этого дела Маркун забудет о тебе на долгие годы. Так ты скажешь?

— Скажу, — буркнул Гозмо.

— Скажи. Без десяти полночь в трактире. Завтра. Точнее, уже сегодня. Да! Еще можешь с него взять аванс с несуществующей сделки как компенсацию за разруху в твоём трактире.

— Какую разруху?!

— Это так, к слову пришлось. Пусть Маркун с ребятами будут у тебя завтрашней ночью, где-то без десяти полночь, и товар пусть возьмут. Скажешь, что покупатель может встретиться только завтра, точнее, уже сегодня или никогда. Маркун слишком жаден, он обязательно заявится. Да, пусть не забудет вещицу.

— А разруха? — Гозмо не очень понравилось это слово.

— Ничего не будет. Я же говорю, к слову пришлось, — самым честным голосом ответил я трактирщику.

— Не знаю, что ты там придумал, Гаррет, но мне это очень-очень не

нравится.

— Согласись, что это лучше, чем распрощаться с жизнью. — Тут я его уел.

— Ладно, мне пора. — Я встал с кресла. — Приятно было увидаться. Так ты окажешь мне эту маленькую услугу?

— Хорошо, Гаррет. Я сделаю, что ты просишь, но ты в свою очередь забудешь об этих маленьких неприятностях, что я не со зла тебе причинил.

— Само собой. Само собой, — соврал я.

Выходить через окно не хотелось, мне больше нравился обычный способ, правда, пришлось пятиться спиной к двери, потому как старина Гозмо славился тем, что мастерски метал даже тяжелые клинки. Доверия к Гозмо у меня было не больше, чем к рачьему герцогу, а жизнь слишком приятная штука, чтобы с ней вот так глупо расставаться, повернувшись к Гозмо спиной.

Я нисколько не сомневался, что Гозмо сделает так, как я попросил. Выбора у него действительно не было. Разве что свалить из города или передать наш ночной разговор Маркуну. Но первое невозможно — пришлось бы оставить любимый трактир, а второе... Вы бы стали заключать союз с кровожадной змеей, нисколько не сомневаясь, что в самый неожиданный момент она вас цапнет за пятку? Вот-вот. Гозмо тоже. Он лучше доверится Гаррету, да еще и денежек с гильдии постарается заработать, надеясь, что все обойдется.

Я снял с входной двери засов и выскользнул на улицу. Мне было абсолютно наплевать, закроет ли Гозмо за мной трактир или оставит его на волю богов и ночных прохожих.

Глава 16

Охотники за Конем

Следующий день прошел у меня кувырком. Пришлось побывать в десятке мест и выполнить пару-тройку задумок. Если все пройдет удачно, сегодняшней ночью меня ожидает довольно интересный спектакль, правда, актеры не догадываются, какие роли им предстоит играть. Надо выполнить финальную часть постановки и предупредить последних участников представления. Поэтому я наведалься в дом к магистру Арцивусу. Архимага на месте не оказалось, так что пришлось передать приглашение на дружескую вечеринку через Родерика. Парнишка выглядел немного изумленным, но пообещал все передать в точности. Что же, я не сомневался, что он все сделает так, как я ему сказал, и со спокойной душой отправился коротать такие долгие до ночи часы к Фору.

Фора тоже не оказалось на месте, и в его покоях я был предоставлен самому себе. Часа через два, которые я провел в метаниях по комнатам из угла в угол, до меня наконец стало доходить, что слишком сильно нервничаю, а это не очень полезно для моего хрупкого здоровья.

В заначке своего учителя я добыл бутылку вина. Задумчиво повертел ее в руках и с сожалением положил обратно. Не хватало еще прийти в трактир пьяным и запороть все веселье. Оставалось только молча лезть на стенку и потихоньку сходить с ума, ожидая наступления ночи.

Я посидел в кресле, в сотый раз перепроверил арбалет, даже побрился, благо времени было предостаточно. Затем отрешенно уставился в окно, думая, чем бы таким заняться. Как назло, ни одной нормальной мысли не находилось, и я уж совсем чуть не завыл от тоски и нетерпения, как меня осенила идея почитать бумаги, добытые в башне Ордена. Обнадеженный светлой идеей, я уже собрался окунуться в озеро знаний, но бумаги бесследно исчезли.

Я перерыл все, начиная с письменного стола Фора и заканчивая матрасом на его кровати. Я даже заглянул под нее, но, кроме довольно приличного слоя пыли — что поделать, Фор никогда не славился мастерством уборки — и перепуганного паучка, там ничего не было.

Пришлось перевести дух и даже расстегнуть воротник рубашки — так жарко мне стало. Нужно пойти другим путем. Фор бывший вор, и я уверен, что он запрятал документы так что сам Неназываемый вместе со своими приспешниками не смогли бы их и за сто лет отыскать. Несомненно, что

бумаги в этих покоях, Фор не стал бы прятать их где-нибудь далеко, если только ничего страшного не случилось. Поэтому я, полагаясь на собственный опыт и зная некоторые повадки моего старого учителя, снова начал поиски.

Стуча по полу рукоятью ножа, я надеялся услышать глухой звук, говорящий о скрытом тайнике. И я его услышал. Целых два раза. Но находки меня разочаровали: под столом, где я поддел ножом плиту и отодвинул ее в сторону, был обнаружен неплохой ларец, под завязку набитый королевскими золотыми. Этакая заначка на черный день. Возле старого стеллажа, где пол был выложен в виде плит, на каждой из которых был изображен человеческий грех, порицаемый богами, я обнаружил второй тайник. Как и следовало думать, он располагался под плитой с надписью «Жадность». У моего учителя своеобразное чувство юмора. Золота тут было побольше, чем в первом схроне, я полагаю, что обнаружил черную кассу слугителей Сагота. Тысяч шесть-семь золотых, на мой профессиональный взгляд. Огромная куча деньжищ. Хоть собственный замок строй. Но искомых бумаг, как назло, не было.

С полом я провозился часа полтора и, занятый делом, хоть немного развеял тревогу и нервозность перед предстоящей встречей с участниками спектакля «Конь и Компания». Далее я решил подождать, не пороть горячку и не лезть ощупывать стены, а проверить пока что тайники и пустоты в мебели.

Начал я это делать с той же скрупулезностью и методичностью, что раньше применил в поиске тайников в полу. В итоге обнаружилось двойное дно в одном из ящиков письменного стола, где мой дражайший учитель хранил переписку со жрецами из Гаррака. Не думаю, чтобы она была тайной, иначе бы Фор запрятал письма куда-нибудь подальше. Скорее всего, это были бумаги на дурака, чтобы отвлечь внимание от чего-то более важного. С еще большим рвением, чуя, что разгадка близка, я ринулся на поиски и тщательно ощупал все стулья и даже простучал кровать с резной спинкой в виде двух святых лошадок. Ни-че-го. Все равно что искать курящего карлика! Теперь оставалось самое сложное и кропотливое — проверить стены. Так я до самой темноты провожусь!

Но удача на этот раз была благосклонна, и под одной из фресок, после того как я ударил по ней пальцами, послышался едва заметный, почти не отличающийся от обычного, но все же чуть-чуть более глухой звук. Теперь оставалось только догадаться, каким образом забраться в тайник, потому как фреска и стена представляли собой единый нерушимый монолит. Казалось, что он создан таким со времен Сотворения мира.

Пробить в стене дыру? Ну, это, по крайней мере, пошло. Я все же мастер-вор, а не мелочь пузатая, к топорной работе без всяких причин у меня душа не лежит. Да и не ворую я, а беру свои бумаги, спрятанные заботливым Фором. Да и Фор, думаю, очень расстроится, если я нарушу эту оригинальную композицию из фресок, оставив старику на память о себе дырку в стене. Пришлось вначале ощупать каждый сантиметр стены в надежде активировать секретный замок. Ну а если в запирании тайника сокрыта магия, то тут я почти ничего не смогу сделать.

Бесполезно — тайник запирала магия. Придется дожидаться Фора. Хотя кое-что из запасов, купленных у жадного мастера Хонхеля, может помочь. Я сходил за своей сумкой, оставленной на столе, покопался в ней и в итоге выловил оттуда пузырек с жидкостью молочно-белого цвета. Открывалка для разных магических запоров и засовов. Пробка попалась тугая, пришлось повозиться, для верности вцепившись в нее зубами. После минуты жаркой борьбы пробка проиграла битву и, протестуя чпокнув, вылетела. Я широким жестом плеснул резко пахнущую жидкость на стену, где предположительно находился тайник. Капли, попав на фреску, на миг вспыхнули ослепительными рубинами, а затем растаяли в воздухе, будто секунду назад их и не было вовсе. Но стена стала прозрачной, а затем фреска с изображением быка, где и находился тайник, плавно отползла в сторону, обнажая массивную металлическую дверцу гномьей работы. Замочек был что надо.

Я хмыкнул, придвинул к стене стол, дверца была довольно высоко от пола, и пробовать вскрывать замок на цыпочках, когда торопиться особо некуда, — излишнее издевательство над самим собой. Я влез на стол, уселся поудобнее перед дверцей и, добыв из сумки верные отмычки, принялся ковыряться в замке. Победа далась нелегко. Прошло больше двадцати минут, прежде чем последний секрет неохотно щелкнул и дверца приоткрылась, на волосок отойдя от стены. Я радостно хохотнул и протянул к тайнику руку, но тут же ее отдернул. Следовало проверить тайник на предмет ловушек для дураков. Фор вполне в состоянии поставить по старой привычке. Но нет, ни скрытой пружины, ни взведенного самострела, ни еще какой пакости не было.

Тайник оказался маленьким. Ни золота, ни других ценностей. Только бумаги. Я не стал копаться в таинствах жрецовской братии — у ребят собственные маленькие игры, и негоже совать в них любопытный нос. Просто взял свои бумаги, они лежали у самой дверцы, и их можно было узнать по характерной печати времени — желтизне.

Дверцу тайника я закрыл. Как только щелкнул замок, магическая

фреска вновь встала на место, закрыв уродливое отверстие в стене. Сторонний наблюдатель, пожалуй, никогда бы не догадался, что тут есть какой-то секрет.

Я слез со стола, оттащил его на прежнее место и уселся изучать бумаги, благо времени оставалось еще часа четыре до того, как можно будет идти на представление в «Нож и Топор». Старые свитки меня разочаровали. Я еще раз прочитал стих-загадку, про который мы разговаривали с Фором, но так ничего и не понял. Пришлось оставить его на потом, до разговора с Миралиссой. Может, хоть темная эльфийка мне объяснит половину непонятных слов и завуалированных загадок?

Все остальное время я потратил на изучение старых карт Храд Спайна. Продвинулся я едва ли на дырявый медный грош. Коридоры, залы, холлы, комнаты, закутки, туннели, пещеры и подземные дворцы. Все это сплеталось в комок умирающих от безумства, агонизирующих от собственного яда змей. Лабиринт тысячелетий, основы которого были неизвестно кем заложены во времена, когда раса орков, первая раса новой эпохи, еще не появилась на Сиале. Судя по картам, заблудиться в Костяных дворцах проще, чем чихнуть или сказать «Бу!».

Уже к вечеру, когда глазам стало больно от чтения, а старина Фор так и не удосужился появиться, я оторвался от карт и убрал все бумаги к себе в сумку. Вновь возиться с тайником-фреской было лень, да и волшебную жидкость тоже жаль тратить, так что старая сумка — вполне безопасное место для документов.

Пора было отправляться в путь. В принципе я мог никуда не ходить, но меня терзало сомнение вперемишку с любопытством — сработает ли мой план? И поверит ли моим словам, переданным через Родерика, Арцивус? Потому что, если вдруг архимаг не поверит, план полетит во тьму вместе с одним из демонов, который, уверен, сможет захватить Коня в свои когтистые лапы.

Вечерело. Наступило то время суток, когда мир окрашивается во все оттенки серого цвета. Время, когда солнце еще не скрылось за горизонтом, но уже перестало посылать свои лучи к земле, собираясь на покой, а луна еще слишком бледна и бела, как снежная сова, и не может освещать тыквенно-желтым светом мир ночи. Над городом всего лишь на час воспарила гигантская дремлющая птица, имя которой — сумерки.

По улице Сонного Пса растеклась подозрительная тишина. А это говорило о том, что что-то затевается и кому-то могут пустить кровь. Поэтому жители окрестных домов с наигранной поспешностью и занятостью спешили по важным, но несуществующим делам.

Неудивительно, что расплзшиеся нежные руки ленивых сумерек почти никого не находили на улице и щупали лишь каменные стены домов. Вот в том-то и дело, что почти. Улица все же не была пустой. На ней крутилось несколько ребят довольно распознаваемой наружности. Такой наружностью обладают некоторые личности, те, что не в ладах с законом и готовы залезть в карман хоть к самому барону Лантэну.

Маркун подсуетился и выставил наблюдающих. Так, на всякий случай. В целях обнаружения нестандартных ситуаций в виде Фраго Лантэна с верными ребятами или Гаррета на худой конец. Ну-ну. Пусть себе притворяются беспечными гуляками, дышащими для здоровья вечерним воздухом. Воздух Портового города обычно здоровью не помогает. Скорее наоборот. Очень сильно вредит.

Ребята меня, слава Саготу, не успели заметить, и я свернул на соседнюю улочку, намереваясь попасть в трактир к Гозмо через черный вход. Или выход — тут с какой стороны смотреть. Но и здесь меня поджидала неудача. Как назло, вокруг крутилось слишком много достаточно злых и высматривающих мнимых врагов доралиссцев, и я от греха подальше свалил оттуда. Доралиссцы тоже прикидывались мирными овечками и делали вид, что именно сейчас и именно сегодня у них запланировано место встречи в самом для этого удобном месте — прямо напротив черного входа в «Нож и Топор». То есть, если кто не понял, этот вход для меня тоже был заказан. Придется по старинке, через крышу. Вот только следовало это сделать не при помощи паутинки, а желательно с крыши соседнего здания. Иначе и доралиссцы, и парни Маркуна очень сильно удивятся человеку, собравшемуся ни с того ни с сего покорять крышу трактира, а не входить через дверь, как все добропорядочные граждане, которым нечего скрывать ни от гильдии воров, ни от тупых козлиц.

Я приметил дом, стоявший слева от трактира. Крыши обоих строений почти соприкасались — так плотно дома стояли друг к другу. Насколько я помнил, в доме по соседству с трактиром был какой-то притон, там покуривали неплохую травку-красавку, привозимую из далекой Джашлы. Я решительно направился к этому старому дому и забарабанил в дверь.

Довольно долго никто не открывал, видно, ребята, основательно обкурившись, подумали, что их беспокоит кто-нибудь из богов, и решили попросту, что у богов навалом своего зелья и им в этом уютном притоне делать нечего. Или просто-напросто хозяева заведения позабыли, как открывается дверь.

Я постучал еще раз. И еще раз. А затем еще. Ноль внимания. Интересно, этим ребятам никто не говорил, что чрезмерное употребление красавки разжижает мозги и превращает человека в законченного идиота? Видимо, нет. Ладно, Х'сан'кор с ними! Придется искать другой путь — время поджимало, сумерки еще больше нависли над городом. Сумерки никак не переходили в ночь, а все оттого, что было лето, а летом у нас на севере темнеет очень поздно. До полуночи осталось чуть меньше часа, пора поторапливаться, если я хочу успеть попасть в трактир до начала представления.

Вот тут-то дверь притона, куда я безуспешно тарабанил последние пять минут, открылась. В нос ударил нежный аромат красавки, и я сморщился, как от зубной боли. Жуткое зелье. Знал я парочку ребятков, неплохих в общем-то людей, которых Маркун, сожри его королевские гарринчи, посадил на красавку. Очень эффективный способ безболезненно избавиться от ненужных забот. А главное — руки чисты, никто и не посмеет тебя обвинить в том, что, обкурившись, ребята сошли в могилу менее чем за два месяца.

— Ну? — хмуро спросили меня из-за полуоткрытой двери.

Интересно, почему все, к кому я стучусь в дверь, не очень рады меня видеть? С этим надо что-то делать! Прямо мания какая-то — не пускать меня, самого обаятельного и доброго парня в округе, в дом!

— Так! — Я сразу взял Х'сан'кору за рога.

Отодвинув полудохлого व्यюношу, открывшего мне дверь, вошел в дом, стараясь дышать как можно реже. Пары красавки, как я уже говорил, довольно сильно действуют на неокрепший и непривычный к этому наркотику мозг.

— Чего так? — ошалел व्यюноша от моей наглости и немного очнулся от погружения в мир грез.

— А то, сучий ты кот, — зловеще прошипел я и поманил парня пальцем.

Тот, как послушный теленок, подошел и наклонился, чтобы узнать, чего это я там шепчу. Я же проворно схватил обкурившегося обалдуя за ухо и сильно дернул.

— Ай! — завопил व्यюноша и запрыгал на носочках, когда я приподнял его ухо куда-то к потолку. — Больно!

— Нисколько не сомневаюсь. Еще не так будет больно! Вы почему не платите?! — Я грозно сдвинул брови.

— Кому-у-у-у? — взвыл व्यюноша не своим голосом.

Кажется, за минуту мне удалось сделать то, что не удавалось сделать

всем лекарям больницы Десяти мучеников за целый год. Наркотический дурман с треском вылетел из дырявой головы вьюноши.

— Вы что, считаете тут себя звеном Борга?! Почему не заплатили доблестной страже, которая не щадя живота своего защищает вас, бездарей, от бед и напастей?

— Я не знаю-ю-ю! — заныл вьюноша, видно желая, чтобы я исчез, как его наркотические видения, но не тут-то было. — Это те-етка!

— Где эта тетка? — рявкнул я и еще раз дернул беднягу за ухо.

— Здесь я, — раздался угрожающий гром у меня за спиной. — Отпусти клиента.

Не спеша выполнять прозвучавший приказ — ухо клиента могло мне еще пригодиться, — я обернулся и в буквальном смысле уткнулся носом в живот этой самой тетки. Пришлось задрать голову вверх, чтобы увидеть ее лицо. Ого! Надо сказать, что, встретить я ее в чистом поле, пробежал бы без оглядки лиг двадцать, не меньше. Клянусь родной мамочкой, но в предках у этой тетки было никак не меньше десятка троллей и парочки великанов, правда, это попросту невозможно, ни один бог не потерпит на Сиале такого существа. Но генеалогию тетки живо пришлось забыть, когда в ее руках было замечено оружие — гигантская деревянная скалка. Хотя и скалкой-то ее не назовешь. Это по меньшей мере дубина, одним ударом которой запросто можно было сшибить на землю рыцаря вместе с лошадью. Поняв, что сейчас эта штука опустится на макушку некоего Гаррета, я стал действовать.

— Ты! — грозно зарычал я и, отпустив ухо скулящего вьюноши, ткнул пальцем в объемистое брюхо тетки. — Хочешь вылететь из города вместе с отравой, которой здесь торгуешь?! А?

Тетка опешила никак не меньше вьюноши. Видно, обычно те, кто видел ее, замирали и становились махонькими неприметными мышатами, лишь бы скалкой по голове не получить. А тут пришел какой-то тип, горланит и нисколько ее не боится.

— А в чем дело... — Она помялась, а затем все же через силу произнесла на всякий случай: — Господин?

Правильно, неизвестно кем я могу оказаться, так что лучше подстраховаться на всякий случай и назвать незнакомца господином.

— И она меня спрашивает, в чем дело? — Я горестно покачал головой и цокнул языком. — Ты хозяйка этого свинарника?

— Ну, я, — уже куда решительней ответила тетка.

Еще немного, и она придет в себя, и тогда весь мой блестящий экспромт, как морские волны, разобьется об ее непробиваемую стену

уверенности и мощи.

— Что хозяйка ты, это радует, — буркнул я, обходя тетку и направляясь к лестнице. — Куда ведет эта лестница?

— На крышу. — Тетка следовала за мной по пятам, недоуменно и подозрительно хмурясь.

— Пойдем поговорим без свидетелей, — не оборачиваясь, гаркнул я, строя из себя большую шишку. — Ты почему не платишь за охрану?!

— Ты из стражи, что ли? — озабоченно спросила тетка, топая за спиной.

Лестница жалобно скрипела и ходила ходуном. Я боялся, что она не выдержит и мы вместе с теткой ухнем вниз. Самой ужасной перспективой было приземление первым. Вот будет здорово, если эта туша грохнется на меня сверху и превратит Гаррета в очаровательную круглую лепешку!

— Неужели догадалась? — презрительно фыркнул я.

— Но я же заплатила! — запротестовала тетка. — В этом месяце заплатила!

— Мда? Тогда почему я здесь? — Я продолжал ломать комедию.

На втором этаже красавкой воняло еще сильнее. Прямо на полу, привалившись к стенам, сидели бледные любители травки. Сизый дымок наводнил коридор призрачным кружевом наркотических мечтаний, и я молнией пролетел через него, иначе, с непривычки надышавшись этой дрянью, прямо тут можно отбросить копыта, улетев в далекие разноцветные сны.

Мой план почти удался. Естественно, тетка платила страже, чтобы те закрывали глаза на ее маленькое дело и не трогали этот дом. Естественно, наглым нахрапом мне удалось проникнуть туда, куда просто так меня ни за что бы не пустили. Тут я увидел еще одну лесенку, ведущую на крышу, и принялся карабкаться наверх.

— Говорю вам, господин, я самолично расплатилась с неделю назад. Пятнадцать золотых, прямо в руки капрала.

— Ага! — Я уже стоял на крыше, по соседству располагалась крыша трактира Гозмо. — Ну, раз капралу, тогда вопросов больше нет. Бывай.

Я мило улыбнулся — женщинам обычно нравится моя улыбка — и в два прыжка оказался на крыше трактира. Тетка недоуменно смотрела на меня с соседней крыши. Все же для своего размера соображала она очень быстро. Поняв, что ее просто-напросто надули, она обдала меня забористой бранью, а затем швырнула скалку. Я родился под счастливой звездой и вовремя пригнулся. Здоровенная дубина, грозно шелестя, пролетела у меня над головой и с грохотом врезалась в несчастную крышу трактира. Дыру

она не пробила, врать не буду, но пару черепиц распылила в мелкий красный порошок. Естественно, я не стал дожидаться, когда тетке взбредет в голову достать липового собирателя дани руками, и нырнул в маленькое чердачное окошко.

Нырнуть-то нырнул, но чуть не наступил на заботливо оставленный кем-то капкан. Охотнички, жарь меня темные эльфы! Таким капканом нужно ловить, по крайней мере, взрослого бура! Право слово! Узнаю гостеприимство дружка Гозмо!

На чердаке было пыльно и грязно, поэтому люк в полу, ведущий в трактир, я нашел с большим трудом, только после того, как разгреб ворох старого тряпья, постоянно чихая от пыли. Люк оказался заперт, причем с той стороны, и, прежде чем мне удалось его открыть, я раз десять успел проклясть и замок, и Гозмо, и ребят Маркуна вкупе с тупыми доралиссцами.

Лестницы вниз не было, и я просто спрыгнул на пол второго этажа, чуть не зашибив проходящего по коридору Гозмо. Трактирщик взвизгнул от неожиданности и отшатнулся к стене, со страху чуть ли не повторив подвиг Вухджааза. Какой подвиг? Тот самый, по прохождению стен насквозь.

— Гаррет! Ты меня в гроб вгонишь! — сплюнул он, когда все же узнал меня. — Нельзя было выбрать менее экстравагантный способ прихода в гости?

— Ты сделал все, как я сказал? — Я проигнорировал его вопрос.

В гости к Гозмо ходить мне в последнее время разонравилось.

— Да! Будь ты трижды неладен! Маркун с ребятами уже второй час здесь.

— Уже? — Глава гильдии воров, как всегда, нетерпелив. Решил прийти намного раньше указанного срока. — Ладно, его дело. Хотя могу поспорить настроение у него плохое.

— Плохое?! — Гозмо в отчаянии заломил руки. — Мне крышка! Как только он узнает, что никакой сделки не будет, его ребята нас порешат!

— Не ной, — беззлобно бросил я. — Теперь отступить тебе некуда.

Что верно, то верно. Даже захоти Гозмо обелиться и выдать меня Маркуну, трактирщик все равно покойник. Толстый слизняк, по ошибке богов ставший главой воровской гильдии Авендума, обмана не прощает, и при неудачном выпадении костей Гозмо ждали приветливые пирсы. А затем безымянный надгробный камень. Если он вообще будет, а то даже и камня не поставят. Городские власти не очень-то раскошеливаются, отправляя в последний путь неизвестных покойничков. Проще закопать где-нибудь за Пригородом, в братской могиле для бездомных, и забыть.

— Будь проклята та ночь, когда я тебя послушался, — буркнул Гозмо.

Скорее всего, и его посещали аналогичные мысли о братской могилке.

— Не надо паниковать, это делу вредит. Лучше подумай о приятном. Свою долю золота ты уже получил?

— Нет, — нахмурился Гозмо. — Проклятый толстяк обещал заплатить после заключения сделки.

— Будет тебе сделка, будет. Ровно в полночь. Налей пока ребятам пива, чтобы не скучали. А то они могут расстроиться и начать громить заведение.

— За чей счет налить? — Тепла в глазах старого вора было не больше, чем в сосульке на перевале С'у-дар.

— За свой, естественно, или ты думаешь, я пожертвую хотя бы медяком, чтобы наполнить брюхо Маркуна?

Гозмо так не думал, поэтому в очередной раз сплюнул на пол. Я стал беспокоиться, что во тьме его заставят лизать горячую сковородку.

— Иди займи их делом и пивом. Я — в кабинет.

— Угу, дорогу знаешь, — буркнул Гозмо и направился к лестнице, ведущей на первый этаж.

В отсутствии верности и любви к моей персоне со стороны Гозмо я не сомневался, но продавать меня ему было действительно невыгодно. Лучше положиться на то, что авось Гаррет что-нибудь придумает и все обойдется.

Кабинет находился прямо над залом трактира. Это была маленькая комнатка, совсем небольшой закуток вроде кладовки. В ней был лишь одинокий старый стул. Примечательной частицей кабинета являлся волшебный пол. Для тех, кто сейчас внизу и смотрит на потолок, он покажется обычным потолком, и ничего более. Для меня же, находящегося на втором этаже, пол был прозрачным, и становилось прекрасно видно то, что творилось внизу, на первом этаже. Насколько я знаю, Гозмо сам случайно обнаружил это волшебное свойство, после того как один подвыпивший недоучка-маг что-то со злости сотворил с ним в чем не повинным полом. Что ни говори, но иногда и от магов бывает польза! После такого неприятного казуса так называемый кабинет превратился в очень удобный наблюдательный пункт. Об этом чудесном свойстве пола я узнал совершенно случайно. Старина Гозмо в тот день слишком перебрал, и его язык работал быстрее, чем мельничные крылья. На следующий день трактирщик, конечно, все отрицал, но я все же загнал его в угол, и Гозмо пришлось признаться и даже показать мне волшебный пол. Так что сегодня представление я буду смотреть с должным удобством, а главное, с абсолютной безопасностью для себя.

Посетителей, как я и полагал, в этот день предусмотрено не было. Ни

один нормальный, да и ненормальный тоже, не полезет в осиное гнездо, особенно когда главная оса — это Маркун собственной персоной. Лучше уж пересидеть один денек дома, без выпивки. Или наведаться в трактир на соседней улице. Гозмо, видимо, не разделял мнение завсегдатаев, не решившихся навестить сегодня его заведение, но страдал, надо отдать ему должное, молча.

Роль посетителей взяли на себя верные шакалы Маркуна, рассевишиеся за столами в количестве двух дюжин штук. Именно штук. Эти парни всего лишь живые придатки мечей и грубая сила, безропотно исполняющая приказы главы воровской гильдии, и ничего более. Ребята дули дармовое пиво, поставленное им щедрым Гозмо, так и мелькавшим от стола к столу, выполняя заказы нагловатых бандюг. Вся шайка оказалась прилично вооруженной и, видно, пришла сюда на минутку, только ради того чтобы промочить горло, прежде чем начать войну с Неназываемым. Во всяком случае, имевшегося при ребятах арсенала вполне должно было хватить на маленькую войну. Да и рожи у любителей дармового пивка были мрачны, видать, только что с похорон любимого дедушки, не иначе. Я искренне не позавидовал следующей труппе актеров, которая вот-вот должна нагряться. Спектакль, чувствую, будет жарким.

Его Величество, Милорд Толстая Задница, Глава Шайки Трупоедов, недостойной звания Воровской гильдии Авендума, сидел за отдельным столиком, располагавшимся прямо подо мной. Если бы между нами не было преграды пола, я бы с огромнейшим удовольствием и несказанной радостью плюнул ему на плешивую голову, благо он это заслужил тысячу один раз.

Толстый, можно сказать жирный, глава гильдии был выряжен побогаче, чем павлины во дворце султана. Бархатный камзол темно-коричневого цвета, достойный короля, а не владельца трех подбородков и заплывших крысиных глазок. Маркун был мне противен, как вообще может быть противен слизняк, обманом подмявший под свою необъятную тушу некогда прекрасную и всесильную гильдию воров. Маркун являлся опасным противником, и раньше мы как-то могли разойтись на узенькой тропинке интересов и заказов, но вот пришло все же время, и она стала слишком узка для нас двоих.

Напротив Маркуна, спиной ко мне, сидел человек в черном камзоле и наброшенном на него плаще. Лица я его разглядеть не мог, но догадывался, что это за тип. Бледный, не иначе. Так и знал, что он будет здесь сегодняшней ночью. Что ж, актеры первой труппы в сборе.

Они о чем-то говорили, сидящий ко мне спиной человек пару раз

раздраженно и нервно взмахнул руками, но Маркун обратил на Бледного (буду называть его так, пока не рассмотрю лицо) внимания не больше, чем гуль на изглоданную берцовую кость.

Слышно ничего не было, магия звука должна подействовать на меня лишь через несколько минут. Кстати, они уже давно прошли...

— Что ты нервничаешь, Ролио? — Голос Маркуна возник в кабинете внезапно.

— Я нервничаю? — зашипел человек, сидящий ко мне спиной.

Действительно, Бледный. Его голос. Значит, парня зовут Ролио.

— Не нравится мне все это.

— Что не нравится? — Спор, кажется, шел уже давно, и Маркун потихоньку начал раздражаться.

— Покупатель. Как он узнал, что у тебя этот Конь? Да и денег у него столько откуда?

— Какая тебе разница? Не думаю, что Гозмо посмеет меня обмануть. Да и покупатель — это не наша забота, — хохотнул Маркун.

— Тут ты правильно сказал, — буркнул Бледный, вставая со стула.

Тут я наконец смог рассмотреть его рожу. Несколько ожогов и куча царапин на лице делали Бледного похожим на выходца с того света. Не так-то просто быть красивым, пострадав от достопамятного огненного шара Родерика. Да и рука до сих пор на перевязи — попадание Болта, да пребудет он в свете, давало о себе знать.

— Это не наша забота! Это твоя забота! Именно тебе наш общий знакомый дал Заказ на Коня, а не мне. И именно ты будешь рисковать своей дурной башкой, если собираешься кому-то продать Камень, обойдя стороной заказчика!

— А мне помнится, что именно наш общий знакомый приказал тебе убить Гаррета, но, как видно, вор еще жив, а вот ты выглядишь не краше нежити. А еще очень даже помнится, что мои лучшие люди так и не вернулись после твоих афер. Двое остались в безымянном переулке, трое по дури попались страже в библиотеке, тут еще надо поинтересоваться, какой тьмы страже там понадобилось. Еще трое самых опытных людей пропали где-то на Закрытой. И всех посылаю ты, прикрываясь моим именем! Мне этот Гаррет нужен как орку дудочка! Ты его должен шлепнуть, а не я! Вот и действуй!

— Не я послал твоих шакалов на Закрытую, — перебил Маркуна Бледный. — Это слуга Хозяина.

— Ой, вот только не надо, Ролио. — Маркун презрительно отмахнулся от Бледного. На толстой роже главы гильдии читалось откровеннейшее

презрение ко всему миру и Бледному в особенности. — Это ты меня втравил в ваши дела с Хозяином. Знал бы, никогда б не сунулся.

— Да ладно, Маркун. Ты служишь Хозяину с тех времен, когда меня даже в Авендуме не было! Так что не надо вешать всех утопленников на мою шею! Я просто тебе напомнил, что хватит получать деньги за красивые глаза и пора за них расплатиться услугами с нашим повелителем. Да и грех тебе жаловаться, — хмыкнул Бледный и вновь сел на стул. — Золота ты с ребятами получил достаточно.

— Мою голову золото не спасет, — буркнул Маркун.

— Твою голову ничего не спасет, если ты продашь Коня! — рявкнул Бледный, выходя из себя.

Несколько шестерок Маркуна отвлеклись от кружек с пивом и посмотрели: что это там творится за столом у начальника?

— Я не собираюсь продавать Коня! — отрезал Маркун и стукнул пухлой рукой по столу. — Мы просто заберем деньги, а покупателя — под пирс! Неужели ты считаешь меня настолько тупым, чтобы я рискнул отдать этот Камень кому-либо, кроме слуги Хозяина? Ты лучше разберись с собственным заданием и отправь наконец в свет нашу общую проблему.

— Отправлю, — уже более примирительно буркнул Бледный. — Не сегодня-завтра Гаррету не жить.

— Ты это говорил дней пять назад, — мерзко хихикнул Маркун. — Я уже начинаю сомневаться в твоих профессиональных качествах.

— Ты лучше думай, как в целости и сохранности сберечь Коня, пока за ним не придет наш заказчик.

— А чего его беречь? — Маркун искренне удивился. — Он всегда при мне.

Глава гильдии небрежно щелкнул пальцами, и один из бандюг тут же поставил ему на стол пресловутого Коня Теней.

Я всегда говорил, что доралисцы — довольно странные создания. Только они могли обозвать нечто, больше похожее на фаллос какого-то древнего языческого божка Конем Теней. Если это Конь, то я император Заозерной империи.

— Эй, Гозмо! — крикнул Маркун на весь зал. — Ну и где твой покупа...

Договорить, увы, он не успел. Сразу же случилось несколько неприятных для находящихся в зале трактира вещей.

Дурно блея, а это они умеют проделывать мастерски, в зал через обе двери стали вбегать доралисцы. За главного, как я понял, у них был мой старый друг и знакомый — Глок. Настроение у козлов было

отвратительнейшее, и, судя по зажатым в руках дубинкам, они собирались вот-вот пустить их в дело. Если людей было всего две дюжины, то козлов набилось в зал штук пятьдесят. В трактире сразу стало тесно и запахло жареным.

Доралиссцы на этот раз почти смогли меня удивить. Десяток козликов догадались захватить с собой арбалеты, но по глупости своим преимуществом воспользоваться не смогли. Им бы вначале выстрелить, а потом уже лезть в схватку. Как всегда это бывает у доралиссцев, все вышло наоборот. Те, кто арбалетов не имел, тупо поперли вперед, оставив стреляющую братию у себя за спиной. А те, кто был с арбалетами, тоже божеским терпением не отличались и решили, что чем раньше они выстрелят, тем лучше. Ну и выстрелили. Из десяти болтов три попали в стену, шесть — в спины перших напролом козлов, и лишь один болт, видно совершенно случайно, вошел в плечо сидящему за столом человеку Маркуна.

Не умеют доралиссцы пользоваться козырями. Убив шесть соотечественников, козлы в недоумении остановились, соображая, каким это образом они умудрились попасть в собственных собратьев по оружию.

Ребята Маркуна, не ожидавшие, что вот так, враз, попадут на козью ферму, вскочили из-за столов, опрокидывая стулья, и схватились за оружие, благо времени у них было навалом. Все доралиссцы до сих пор тупили, как заправские... э-э-э... доралиссцы.

В самом начале потасовки Гозмо нырнул от греха подальше под стойку. За его здоровье, если честно, я несколько не опасался. Готов заложить собственную печень — у него под пивным бочонком какой-нибудь тайный лаз, и через пару минут трактирщик будет уже далеко отсюда.

— Конь! Наш Конь! — заорал Глок, заметив одиноко стоящий на столе Камень.

— Воры! — дружно заблеяли доралиссцы, выходя из ступора.

И пошла потеха!

Вопли, крики, гвалт, звон оружия. Мертвые и раненые, кровь во все стороны. Козлы, видно, завелись серьезно и не собирались щадить новых владельцев их реликвии.

Доралиссцы, как всегда, шли напролом. Понять, что они очень даже быстро могут умереть, мозгов у козлолюдей попросту не хватало. Ребята отчаянно отбивались от нападающих врагов, размахивая мечами, ножами и табуретками, но силы все же были неравны, и ряды гильдии заметно уменьшились. Впрочем, как и доралиссцев.

Маркун что-то трусливо визжал из-за спин бандитов, те вопили и ругались, стараясь не подпускать к себе взбесившихся от ярости доралиссцев. Бледный крутился волчком, нож в его здоровой руке так и сверкал, и уже пяток козлов лежали вокруг него мертвыми куклами. Но люди были обречены, пара минут — и их просто сомнут количеством.

Кто-то из доралиссцев успел добраться до Коня. Он торжествующе блеял, отбросив в сторону дубинку и держа святыню высоко над головой. Тут же этим воспользовался один из ребят Маркуна и, всадив нож под лопатку козлу, вырвал Коня из рук умирающего.

Сколько времени эта бойня могла продолжаться, не знаю, но на сцене появились новые актеры.

Из стены выскочил Вухджааз, до смерти перепугав оборонявшихся от доралиссцев людей. Козлы же ничего не поняли, или им было просто все равно, кого мутузить дубинками, — инстинкт самосохранения у этих существ отсутствовал напрочь.

— Вухджааз умный, — сообщил демон всем присутствующим и одним ударом лапы оторвал голову Маркуну, у которого в руке каким-то чудом оказался Конь Теней.

Демон торжествующе заревел и протянул к сокровищу лапу. Нахрабрейшие доралиссцы, презрев опасность и последствия, бросились на демона, посмеявшегося посягнуть на их святыню. Вухджааз очень сильно расстроился и устроил форменную козлорубку. Видно, демон все же был немножко подслеповат, потому как пару раз довольно сильно промахнулся и попал лапами по стенам, сотворив в них большие дырки. Настолько большие, что парочка бандитов, поняв, что защищать труп Маркуна не очень интересно, а главное, опасно для здоровья, выскользнули через новоявленные двери в стенах на улицу. Остальные прорваться не успели. Путь им преградил жутко расстроенный братец Вухджааза, демон с почти непроизносимым именем — Шдуырук. Он рывкнул для затравки, протоптал в кучке перепуганных бандитов широкую просеку, подмяв под себя троих обалдевших от такого количества демонов, а следовательно, забывших вовремя отскочить из-под ног Шдуырука людей.

Видя только ненавистного брата, бараноголовый демон целеустремленными скачками направился на незапланированное свидание с Вухджаазом. Тот в это время стоял к брату спиной и был слишком занят ночной зарядкой и уменьшением количества доралиссцев в мире Сиалы. На моих глазах умный демон схапал за шкуру Глока и откусил однорогому голову, затем заработал лапами, кромсая козлов направо и налево. Но доралиссцам посчастливилось, и целый пяток из пятидесяти уцелел.

Умному демону стало не до козлов. На полной скорости Шдуырук заехал рогами Вухджаазу в спину. Серый демон потерял опору, пролетел через весь трактирный зал, сметая столы и стулья, и с грохотом врезался в стену. Я даже на миг зажмурился, удар был страшным, и стена пошла веселой змейкой трещин. Но моему умному приятелю на это было плевать, он резво вскочил на лапы и, оглушающе зарывчав, бросился сводить счеты с братом.

И люди, и доралиссцы вжались в стены, стараясь не попасть под ноги дерущимся демонам. Удивительно, но в кучке оставшихся в живых я заметил Бледного. Парень тихонько пробирался к дырке в стене, которую пробил Вухджааз. Если демоны не отвлекутся от сведения счетов, то убийца ускользнет. Клянусь Саготом, в очередной раз ускользнет!

В этот момент Вухджаазу удалось схватить своего низкорослого братца, и я стал со все возрастающим изумлением наблюдать, как Шдуырук летит к потолку. Удар, от которого, казалось, вздрогнул пол под ногами, — и перед моим ошеломленным и, чего уж скрывать, испуганным взором предстала баранья голова Шдуырука, пробившая пол. Голова была тут, тело осталось где-то в районе первого этажа. Шдуырук потряс головой, поводил изумрудными глазами из стороны в сторону и тут заметил меня. Секундная немая сцена, а затем полный ненависти рев:

— Гаррет! Подлый обманщик! Да я тебя...

Что он меня, Шдуырук ни сказать, ни тем более сделать, к счастью, не успел, потому как Вухджааз дернул братца за ноги, и голова демона исчезла, оставив после себя здоровенную дырку в полу.

Пронесло, славься все боги Сиалы! Пронесло! Я начинал подумывать: куда запропастился Арцивус с кавалерией и не стоит ли убраться подобру-поздорову, пока есть такая возможность?

Между тем схватка внизу продолжалась. Грохот в трактире стоял вселенский, оставшиеся на ногах люди и доралиссцы старались не попасть под горячие лапы демонов. Бледный, как я предполагал, в очередной раз смог ускользнуть. В кучке людей его не наблюдалось.

Жуткий вой ударил по ушам, и я схватился за голову, опасаясь, что сейчас оглохну. Шдуыруку удалось повалить на пол Вухджааза, и теперь бараноголовый победно вырывал из спины собственного братца здоровенные куски мяса. Вухджааз орал благим матом, но, видно, поделаться ничего не мог. Понимая, что победитель, кажется, определился, и зная по сказкам злопамятность демонов, я решил не рисковать и смыться, пока Шдуырук не вспомнил о моей персоне. Про Коня Теней приходилось попросту забыть и надеяться, что, овладев артефактом, Шдуырук все же свалит в далекие края и забудет о некоем Гаррете...

Хотя постойте! Он не сможет взять Коня! Ведь ему должны его отдать в руки либо люди, либо доралиссцы! Тем лучше!

Я встал со стула, и в этот момент наконец явились последние участники спектакля.

Оглушительно бумкнуло, и прямо из разреженного воздуха стали появляться маги Ордена. Пять, семь, десять, двенадцать! Да тут весь Орденский совет во главе с Арцивусом, да еще и демонологи в придачу!

Демонологи — маги в черных балахонах с золотистой окантовкой на рукавах — дружно взмахнули руками в явно театральном жесте, который так нравится толпе, и вокруг демонов засияла магическая сеть, сотканная из бледно-серых лучей. Вухджааз завыл еще яростнее, попытался порвать волшебные путы, но что-то сверкнуло, и его ощутимо обожгло. Шдуырук тоже попытался вырваться. Рывкнул что-то на гортанном и непонятном языке, сеть в одном месте побледнела, и я уже стал подумывать, что рыбка вырвется из невода, но Арцивус небрежно махнул рукой, и невидимый молот со всей силы ударил бараноголового демона в грудь. Тот шлепнулся на Вухджааза и затих.

— Стягивайте потоки, — кашлянул Арцивус и зябко поежился. Видно, старикан неуютно чувствовал себя без очага под боком. — Дело сделано.

Сеть вокруг неподвижного Шдуырука и хрипящего Вухджааза начала стягиваться, оплетая тела демонов. Я с удивлением заметил, что оба монстра стали постепенно уменьшаться в размерах. Серая сеть сияла все ярче и ярче. Вскоре на том месте, где пару минут назад воевали два здоровенных чудовища, остался маленький, слабо светящийся шарик, с кулак величиной, не больше. Надеюсь, что моим демоническим друзьям там не очень тесно и неудобно. Маги спеленали их от души.

— Возьмите их, мастер Родган, — кивнул Арцивус в сторону шарика. Поместите тварей в надежную клетку и примитесь за изучение. Совет поможет по мере своих скромных сил.

Один из демонологов, попросту не способный скрыть радость, быстро кивнул и, подняв шарик с забрызганного кровью пола, аккуратно спрятал его в небольшую сумку. Что ж, у демонологов наконец-то есть шанс изучить настоящих живых демонов, а не фолианты с их описанием.

Арцивус, не обращая внимания на мертвецов и перешагивая через трупы, как будто это были не мертвые люди и доралиссцы, а камни, подошел к обезглавленному телу Маркуна и поднял Коня Теней.

— Не двигаться! Именем короля! — этот крик отвлек меня от Арцивуса, и я увидел, как врывающиеся в двери стражники во главе с бароном Лантэном отлавливают попытавшихся скрыться с места

происшествия оставшихся в живых людей и козлов.

— А, барон, — кашлянул Арцивус. — Вы, как всегда, немного задержались...

— Что с ними делать, ваше магичество? — Фраго, казалось, несколько не смутился от горькой иронии, прозвучавшей в голосе архимага.

— Откуда я знаю? — Арцивус небрежно пожал плечами. Его несколько не заботила дальнейшая судьба участников заварушки. — Это ваше дело, барон, допросите, а затем поступайте, как считаете нужным.

Барон кивнул, приложил руку к груди и вместе со своими ребятами направился к выходу, ведя под конвоем десяток людей и пятерых доралиссцев — всех, кому посчастливилось пережить эту ночь в трактире «Нож и Топор». В бывшем трактире... То, что осталось от здания, особенно первый этаж, сложно было назвать увеселительным заведением. Разруха, кровь и мертвецы на полу. Тут придется очень хорошо поработать, чтобы придать заведению божеский вид.

Арцивус передал Коня одному из архимагов и, подняв голову к потолку, раздраженно произнес:

— Гаррет, ты долго намереваешься сидеть на стуле или все же соизволишь спуститься вниз?

Вот тебе и потолок! Для магистра он оказался так же прозрачен, как и для меня. Пришлось спускаться к Арцивусу и еще парочке архимагов, находящихся рядом с ним. По дороге возникла мыслишка улизнуть через крышу, но не думаю, что это была удачная идея. Арцивус был не в духе, впрочем как и всегда, а заканчивать век лягушкой никакого желания не было.

Как я уже говорил однажды, взгляд его магичества не предвещал моей персоне ничего хорошего. Но на этот раз архимаг не собирался немедленно спускаться с меня шкуру, хотя вопросов мне было не избежать.

— Явился, — хмыкнул старикан. — Пойдем со мной, у меня есть к тебе парочка вопросов.

Ну, что я говорил?

Старина Гозмо так и не вылез из-под стойки, и я еще больше уверился в том, что его давно и след простыл.

Стараясь не смотреть на покойников, я последовал за сгорбившимся Арцивусом, оставившим трактир на попечение двух архимагов. Думаю, они так просто это место не покинут, а перевернут его раз десять и докопаются до таких глубин, которые не снились даже Королевским песочникам.

Было темно до жути, никто не озаботился зажиганием ночных фонарей, ни в одном окне не горел свет. Но я уверен, что спавших на улице

Сонного Пса не было. При том шуме, что раздавался из трактира в последние десять минут, не смогли бы спать даже глухие тролли. Будет завтра разговоров по всему городу. Таких небылиц наплетут якобы присутствовавшие на месте происшествия и все видевшие своими глазами! В итоге все сойдутся на том, что в трактир нагрянул сам Неназываемый, которому не понравилось пиво Гозмо, но храбрые маги Ордена показали ему фигу и отправили за Иглы Стужи. А чем не история? В меру глупая, в меру загадочная, народец такие любит и ухватится за нее, как раки за добычу.

Перед трактиром стояла уже знакомая мне по поездке с бароном Лантэном карета. Выходит, она принадлежит не королю, а Арцивусу! Так вот чья это была идея — послать меня в Храд Спайн! Старенький маг-маразматик удружил, нечего сказать!

— Мне в карету? — на всякий случай спросил я.

— Можешь бежать рядом, если хочешь, — хмыкнул Арцивус и, кряхтя, стал в нее залезать. С двух сторон архимага поддерживали за локти кучера, помогая забраться внутрь. — Или ты думаешь, что я такой большой любитель прогулок пешочком? А может, мне стоит использовать на обратный путь телепортацию? Первым способом я уже лет двадцать не пользовался — прогулки пешочком остались в далекой молодости, — а второй пожирает такое количество энергии и перебрасывает на столь короткие расстояния, что пользоваться им нужно только очень редко, в необычных случаях. В таких, например, как сегодняшний.

Арцивус еще раз нехорошо посмотрел на меня. Я прикинулся невинным ягненком, но взгляд мага выдержать не сумел и поэтому стал глазеть в окно, благо на этот раз оно не было забито досками.

— Холодно, — буркнул Арцивус и взял лежащее рядом с ним шерстяное одеяло.

Лично я никакого холода не чувствовал, летняя ночь была теплой.

— Ладно, рассказывай.

«Что рассказывать?» — хотел спросить я у мага, но передумал. И дохлону гоблину понятно, что желал узнать от меня Арцивус.

— Давай я тебе помогу, — усмехнулся старик. — Начни с того, как ты узнал, у кого находится Конь и каким образом в Авендуме вновь объявились демоны, которые, по твоим словам, исчезли на веки вечные.

Я глубоко вздохнул, собрался с силами и начал рассказывать. Правду, и ничего кроме правды. Первую часть моей истории Арцивус уже слышал, так что я только чуть ее подправил, добавив разговоров с демонами. Дальше пришлось рассказывать о Закрытой территории, но я сослался на

то, что это слишком долгий разговор, и моя история ограничилась только — пришел, забрал, ушел. Все подробности я оставил на следующий раз, надеясь, что следующего раза не случится. Но Арцивус только еще раз хмыкнул и пообещал, что король будет не так добр, как он, поэтому мне придется рассказать ему всю историю полностью.

Я тяжело вздохнул, давая понять, что раз король требует, то куда тут мне деваться.

Карета везла нас по ночному городу, как я понял, без всякой цели. Кучерам дали задание просто возить нас по столице, пока Арцивус не наговорится и не удовлетворит свое любопытство. По моим подсчетам, мы колесили уже второй час, а проклятый старик никак не мог успокоиться и отстать от бедного и уставшего Гаррета. Разговор с демонов перешел на Коня, с Коня на Хозяина, с Хозяина на Храд Спайн, с него опять на Коня... Это тянулось бесконечно!

Все же архимагу это тоже надоело или он попросту замерз и рвался к горячему очагу, но вопросы у него в конце концов иссякли.

— Ладно, вор, — сказал старик и посмотрел в окно. — Скоро утро, мне давно пора спать, а не колесить по городу, сейчас я отвезу тебя...

— Куда, ваше магичество? — недоуменно спросил я.

— Естественно, к королю! За тобой нужен глаз да глаз, иначе ты попадешь в такую заваруху, из которой тебя не вытащат даже Бобровые шапки!

— Но неделя отпущенного срока еще не кончилась! — запротестовал я.

— Знаю, — отрезал Арцивус. — Вот только этой недели у нас нет. Выступать нужно немедленно. Не сегодня, так завтра. События стягиваются в тугой узел, и мы скоро будем невластны над ними. Так что ждать окончания недели — это самоубийство.

— Хорошо, но мне в любом случае нужно забрать бумаги, добытые на Закрытой территории. Я приду во дворец завтра. Точнее, сегодня утром.

— А что, бумаги разве не у тебя? — удивился Арцивус.

— Нет, я ведь не дурак таскать их повсюду с собой, — соврал я, чувствуя, как бумаги жгут тело сквозь сумку.

— И куда же ты их запрятал? — хмыкнул Арцивус, говоря этим, что он не слишком высоко оценивает умственные способности сидящего напротив него Гаррета.

— В надежное место, — уклончиво ответил я.

Ну не рассказывать же мне главе Ордена, что надежное место называется обыкновенной сумкой и висит у меня на поясе! Чего доброго

волшебник расстроится и увезет к королю, не дав попрощаться с Фором. А в том, что из дворца меня уже не выпустят заботливые гвардейцы, я почему-то нисколько не сомневался.

— В надежном месте, — недовольно буркнул архимаг. — В наше время надежных мест почти не бывает, Гаррет! И я немного удивлен, что именно ты об этом ничего не знаешь! Гм, гм... Хорошо, пускай будет по-твоему. Но учти, если к завтрашнему вечеру ты не появишься во дворце, я лично займусь твоим поиском.

— Не извольте сомневаться, ваше магичество, буду. — Я поспешил уверить Арцивуса в своей кристальной честности.

Думаю, что старый волшебник мне абсолютно не поверил, но он крикнул, чтобы остановили карету. До Фора мне придется добираться пешком.

— Всего хорошего, Гаррет. — Арцивус дал понять, что я свободен.

— Доброй ночи, ваше магичество. — Я тоже не ударил в грязь лицом.

Когда надо, я могу быть крайне вежливым. Я вылез из кареты и закрыл за собой дверцу.

Так, я, кажется, находился на границе Внешнего и Внутреннего города, до Соборной площади идти не больше одного квартала. Справлюсь.

Кучера гикнули на лошадок, и те бодро потрусили вперед. Но карета проехала всего лишь несколько метров и остановилась.

— Эй, ты! — крикнул мне один из кучеров. Ну что за люди? Ни манер, ни доброго расположения духа к несчастному ночному прохожему!

— Подойди, его магичество зовет.

Пришлось тащиться назад и открывать дверь кареты, чтобы лицезреть укутавшегося в одеяло архимага.

— Гаррет, совершенно забыл, — кашлянул Арцивус. — Спасибо за помощь, Орден этого не забудет.

Карета уже давно нырнула в лужу тьмы, поглотившую ее тело, а я все еще стоял посреди улицы с открытым ртом. На моей памяти такое случилось впервые — Орден признал чью-то помощь и даже сказал спасибо. Теперь я был абсолютно уверен, что мир катится в пропасть, а небо вот-вот упадет и придавит мою любимую мозоль.

Глава 17

Устами шута...

— Ты борешься с Тьмой в себе?

Я вздохнул с облегчением. Есть все же в нашем грешном и многострадальном мире вещи, которые не меняются веками. Старый хрен, из которого за давностью лет уже давно перестал сыпаться даже песок, вновь стоял на посту возле ворот Собора. Его напарник стоял по другую сторону от входа и тихонько клевал носом, грозя вот-вот не устоять на ногах и шлепнуться на землю. Интересно, их вообще-то хоть когда-нибудь сменят?

— Я уничтожаю Тьму, — ответил я.

— Так войди же и обратись к Ним. — Дремлющий старикан оживился. Вот что значит привычка!

— Я, пожалуй, это сделаю утром. Зачем тревожить богов по пустякам? — хмыкнул я.

— Тоже правильно, — включился в беседу первый жрец. — Боги устают от наших просьб и молитв.

Второй старикан опять стал клевать носом. Что ни говори, а устает бедняга за целый день.

— Ну бывайте, — махнул я дедкам рукой и пошел своей дорогой.

— Ты тоже почитатель Сагота? — окликнул меня старик.

— Да, — крикнул я, не оборачиваясь, но потом остановился как вкопанный и резко развернулся к старику. — Что значит тоже?

— Да не далее как с полчаса назад вошли ребята. Спрашивали, где найти прибежище Защитника Рук, жреца Фора. Ты тоже с ними?

Я не ответил, так как сломя голову понесся к обители Сагота. Не нравятся мне люди, посреди ночи ищущие моего старого учителя.

Вся территория Собора бы освещена ярким светом масляных фонарей. Не осталось ни уголка, ни маленького клочка земли, куда бы могла забиться испугавшаяся тень. Огни слились в одну размытую ярко-оранжевую линию. Танец огня и ночи, который я нарушил и разбудил, заплетался вокруг меня в яростной свистопляске видений. Теплая июльская ночь была тиха и безмятежна. Лишь одинокий сверчок весело пиликал под кустом, устроив маленький концерт для тех, кто отказывался спать. Я бежал и знал, что могу не успеть. Кто бы ни искал Фора, он уже давно сделал все, что хотел. Мною двигала безумная надежда, что, может, обойдется, хотя я

понимал, что это попросту невозможно.

Призраком промелькнул фонтан с навеки сцепившимися в схватке рыцарем и огром, пронесли статуи богов, размытые в сплошное пятно сонма лиц и фигур. Тропинка вильнула влево, но я пробежал напрямик, через клумбу, давя сонные бледно-синие цветы с грустно поникшими венчиками, обрамленные первыми капельками рождающейся росы. Вперед, только вперед! Тьма арки всосала меня и тут же выплюнула с другой стороны. Я влетел в обитель Сагота, на ходу доставая из-за спины арбалет. Проклятый пот заливал глаза, мешая нормально смотреть, а главное, целиться. Дверь в покои Сагота...

Я опоздал. Дверь попросту снесло. Она лежала на полу, разрубленная на несколько частей. Я ворвался в комнату — поступок, не спорю, наиглупейший, но в данный момент мне было попросту не до этого.

Встретили меня оружием. С десятков обнаженных мечей и парочка копий чуть было не продырявили меня в десяти различных местах. Меня спасло то, что я резко остановился. Ну и громогласный вопль Фора, конечно:

— Никому не двигаться! Он свой!

Все присутствующие застыли как вкопанные, и только тут я смог рассмотреть, что оружием мне угрожали добрые жрецы Сагота. Вид у них был решительный и не очень дружелюбный, но следует полагать, что были на то веские причины в виде пятерки мертвецов, лежавших на полу. Мечи, с которыми мертвецы пришли в гости, валялись тут же. Одежка мертвяков была отнюдь не жреческой, так одевались лишь те, кто причислял себя к гильдии убийц.

— Фор, ты цел? — спросил я, стараясь рассмотреть своего учителя за вставшими передо мной жрецами.

— Куда же я денусь? — прогудел учитель, раздвигая добровольных телохранителей в стороны.

Да, действительно, если не считать синяка на лице, почти такого же, как у меня, но более яркого и свежего, да разодранного жреческого балахона, парадного, как я понимаю, Фор был жив и здоров.

— Брат Олиго, убери этих...

— Конечно, мастер Фор, — кивнул бородатый жрец. — Места под яблонями еще много...

Все же очень интересно, какое количество покойников, покусившихся на здоровье славных жрецов, зарыто в саду под старыми яблонями? Думаю, достаточное.

Жрецы подняли тела и, ругаясь сквозь зубы на тяжесть неудавшихся

убийц, поволокли их вон из комнаты.

— Страже сообщать, конечно, не будешь? — на всякий случай спросил я.

Один из жрецов, вытирающих пол от крови, громко хмыкнул, выражая в этом незатейливом звуке все отношение к недоразумению богов, названному по ошибке стражей.

— У меня к тебе разговор. — Настроение у Фора было подавленным.

— Хорошо, — кивнул я, понимая, что разговор сугубо личный, а поэтому придется подождать, пока старательный жрец вытрет с пола в покоех Защитника Рук всю кровь. — Что хоть тут произошло?

— Что произошло? Да ничего существенного, возвращаясь я после Молельни Рук, собираюсь сытно откусать да заодно и тебя порасспросить о делах, творящихся в этом суетном мире, как тут... В общем, дорогой ученик, вижу я, что дверь в мои покои самым наглым образом изрублена на куски, а по комнатам шастают уже виденные тобой покойники в рабочей одежде гильдии убийц. И ладно шастали бы, может, тогда я бы их и простил, грешных! Так нет! Еще и шарят по столам, суют носы туда, куда не следует. Ну, я и осерчал... А тут эти ребята за оружие схватились и решили меня на всякий случай по-ре-ши-ть. К счастью, с Молельни нес эту штуку, так что успел отбиться, пока свои не подоспели.

Фор небрежно кивнул в сторону лежащей на столе тяжелой церемониальной булавы.

Ого! Судя по ее виду, чьей-то голове очень не повезло!

Между тем жрец наконец-то закончил уборку и, подхватив в одну руку ведро, а в другую тряпку, оставил нас с Фором наедине. Жрецы Сагота не то что жрецы других богов. Братья в серых рясах могут не только молиться богам, но и вымыть пол, починить обрушившуюся кровлю или отбиться от профессиональных убийц.

— Сагот! — Фор поднял руки к потолку. — Новую дверь поставят только утром, а пока нам придется коротать время без нее. Ушел?

— Угу. — Я выглянул из комнаты, а затем, вздохнув, устало сел на стул. День, впрочем как и все дни на этой неделе, выдался тяжелым и ярким на события. — Так что ты мне хотел сказать?

— Гаррет, малыш, — начал Фор. — Бумаги пропали...

— Какие бумаги? — Я поначалу даже не понял, о чем речь.

— Те самые. — Фор выделил слово «самые». — Когда я пришел, один из этих рылся в тайнике, но бумаг там уже не было.

— Не волнуйся, бумаги взял я, — успокоил я учителя и похлопал по сумке, где лежали ценности старой башни Ордена. — Еще вечером, пока

тебя дожидался.

— Слава Саготу, — вполне искренне сказал Фор, а затем с прищуром посмотрел на меня. — И как это тебе удалось открыть тайник?

— Очень просто, хотя не настолько просто, как твоим незванным гостям. Они-то, думаю, нашли и открыли его намного быстрее, вот только ничего там не обнаружили.

— Да... — Фор покачал головой. — С каких это пор гильдия убийц занялась воровством? Да и набраться смелости напасть на жрецов в обители бога...

— Я вообще не уверен, что это люди гильдии. Убийцы обычно так не работают. Да и с гильдией вы всегда жили мирно, вряд ли Ургез решился бы прислать своих ребят. Нет, это кто-то другой.

— Опять Хозяин? — ехидно бросил Фор и достал бутылку вина. Нам обоим необходимо выпить.

— Все может быть. Этот Хозяин везде успевает и до сих пор остается тайной и неуловимой загадкой.

— Как все прошло?

— Ты о моей маленькой проблеме с этой лошадью?

— Ну да. — Фор отхлебнул вина из пивной кружки.

Все его бокалы были разбиты во время схватки с неизвестными убийцами, и пришлось наливать напиток богов в не приспособленную для этого посуду.

Я рассказал Фору, как все прошло.

— Хм, ты смог разорвать звено Борга самым элементарным способом, попросту натравив все стороны друг на друга. Умно, но отнюдь не ново. Ну, это я так, старческое ворчание. Не обращай внимания, малыш. Меня вот только огорчило, что Маркун со своей шайкой и этот твой Бледный, как его звали?

— Ролио.

— Ролио, Ролио... — Фор, казалось, пробовал имя на вкус. — Ты знаешь, не слышал. Он точно не из Авендума. О чем это я? Ага! Так вот, эти тоже служат Хозяину. Куда ни ткни, одни слуги.

— Ну, Маркун уже никому не послужит, — усмехнулся я.

Жирного вора, погибшего от лап Вухджааза, мне было несколько не жаль.

— Маркун — да. Надеюсь, что теперь его место в гильдии займет более достойный человек, и она станет такой, как была во времена моей молодости. Но вот этот Ролио точно с тебя не слезет. Маркун мертв, но Заказ убийце давал не он, а какой-то влиятельный слуга Хозяина, а это

значит, что тебе лучше побереечь голову.

— Поберегу, — согласился я с учителем. — Но я вообще-то пришел попрощаться, мне к королю, а потом и в дорогу.

— Только не в пять утра! Во дворце все спят, и тебя там точно никто не ждет. Лучше бы отдохнул, Гаррет, создается впечатление, что на тебе вспахали все земли Сиалы.

С этим трудно было не согласиться. Я и сам был не прочь залечь на боковую, и как можно на более долгий срок. Пожалуй, ста лет мне хватит, может, и заварушка с Неназываемым за то время, что я просплю, кончится сама собой.

Конечно же на следующее утро в лучшую сторону ничего не изменилось. Неназываемый все так же сидел за Иглами Стужи и точил зуб на Валиостр, а я должен был отправляться за сотни лиг, чтобы добыть волшебную дудку.

Прощание с Фором было немногословным.

— Береги себя, малыш. — Вот и все, что он мне сказал, перед тем как я собрал вещи и покинул его гостеприимную обитель.

Надеюсь, что смогу увидеть старого жреца после возвращения из Храд Спайна. Как видите, сегодняшним утром я что есть силы излучал сомнительный оптимизм, рассчитывая вернуться оттуда, откуда нет возврата.

До дворца я дошел без приключений. В то время, пока я спал, в Авендуме случился небольшой дождик, хоть как-то остудивший раскаленные от летней жары камни мостовой. В воздухе чувствовался неуловимый аромат прохлады, грозящей вот-вот опять исчезнуть из-за жарких солнечных лучей. Дождь прошел и исчез безвозвратно. На ясной лазури неба, готового посоперничать цветом с глазами гоблина, не было ни облачка. Совсем недавно наступил полдень, а поэтому солнышко припекало, добираясь даже сквозь одежду до тела лапками-лучами. Ветер тоже присутствовал, но он был таким горячим, что не приносил облегчения. Да, с погодой в этом году творится непонятно что.

Во Внутреннем городе текла спокойная и размеренная жизнь богатеев, плюющих на жару и другие неприятные мелочи жизни. Дома тут были беленькие и богатенькие. Просто лакомые кусочки для любителей покопаться в чужих сундуках. Но первое, что бросалось в глаза, когда тыходишь во Внутренний город, — это чистота. Ни соринки, ни грязинки, к которым так привыкаешь в Портовом городе. И публика приличная. Эти парни кошельки не воруют. Ребята из Внутреннего города ворочают такими

суммами и крадут в таких количествах, что хоть стой, хоть падай. Мне столько не заработать за десять жизней непрерывного воровства.

Один раз меня остановила стража Внутреннего города. Моя одежда не придавала мне уж слишком благочестивый вид. Но пронесло. Они лишь спросили, куда я направляюсь, и, получив ответ, отстали. Как оказалось, их уже предупредили о моем визите.

Машина королевского дворца, окруженная отнюдь не декоративными стенами, занимала приличную часть Внутреннего города. Маленькая крепость внутри города-крепости. Каждый новый король из династии Сталконов считал своим прямым долгом что-то достроить, пристроить или улучшить. В итоге дворец разросся неимоверно, но в то же время он оставался тем, чем был с начала основания, — крепостью.

Сперва я хотел войти внутрь через ворота для слуг и поставщиков продуктов на королевскую кухню. Таких ворот было на моей памяти аж целых три штуки, но потом подумал: с чего это я буду идти через дальнюю калитку, как какой-нибудь сиволапый крестьянин? Король все же сам пригласил меня к себе во дворец, я не напрашивался, так что пусть открывают для меня центральные ворота. Я пересек Парадную площадь — одинокая фигурка на огромном пустом пространстве перед дворцом и остальной частью города — и уверенным шагом направился к воротам.

Серо-синие гвардейцы, стоявшие на посту, заметили меня и теперь внимательно наблюдали за приближением к их молчаливой и серьезной компании. Дворец Сталкона со времен вступления этой династии на престол охраняла личная гвардия короля, которой командовал вечно хмурый милорд Крыса. Гвардейцев набирали только из дворян, служба по охране короля была честью необычайной, особенно для младших сыновей, которым ловить в землях батюшки было нечего. А тут был шанс отличиться, получить собственную земельку...

Понимаю, господам дворянам было скучно стоять на посту возле ворот, к которым праздные гуляки просто так не подходят, поэтому гвардия довольно сильно оживилась, когда увидела меня.

— Чего изволим? — спросил один из гвардейцев, сжимая в руке копье с длинным и узким наконечником.

Гвардейцы не любили пускать пыль в глаза. Все эти церемониальные протазаны или гизармы охраны императоров обеих Империй не годились для нормальной защиты короля в случае непредвиденных обстоятельств. Копье — вот оружие воина. После того как на отца нынешнего Сталкона напали мятежники из числа дворян западных провинций, не согласных с политикой Спорных земель, убеждать гвардейцев сменить оружие никто не

стремился. Именно копья воинов спасли и короля и королевство. Тех мятежных дворян, которым не посчастливилось попасть на копья, долго-долго расспрашивали Королевские песочники в глубоких казематах Серых камней. Ну ладно, разговор не о том...

— Мне к королю, — произнес я, зная, что за этим последует.

Воспитание у милордов дворян, конечно, хорошее, но повеселиться над дурачком еще никому не вредило. Весь десяток искренне восхитился моей глупостью и заржал.

— К королю? — спросил меня тот гвардеец, что начал разговор. — На бокальчик винца небось? А? — Он весело подмигнул товарищам. — Право слово! Как хорошо, что к нам забежал шут с Рыночной площади!

— А как вас представить, милорд? — вкрадчиво спросил другой гвардеец и отвесил изящный, хоть и шуточный поклон. — Вы, наверное, маркиз, как и я? Или герцог? Дело к королю не терпит отлагательства, не так ли?

— Он не герцог, любезный Вартек, он истинный барон, как и я! — захохотал крупный двухметровый гвардеец, чуть не выронив от смеха копье. — Вы гляньте на этот синячище на его простецкой физиономии, маркиз! Истинный барон!

Гвардейцы вновь загоготали.

— Ты веселый парень, — отсмеявшись, сказал мне маркиз Вартек. — Иди своей дорогой, король сегодня, как и всегда, не принимает неизвестно кого.

— Чудесно! — Я безразлично пожал плечами. Пусть Арцивус попробует сказать, что я не пытался. — До свидания, милорды.

Уйти я не успел. Откуда-то из-за гвардейцев вышел человек с нашивками лейтенанта гвардии и потребовал, чтобы я назвался.

— Гаррет, — ответил я.

Гвардейцы разом поскущели, а барон с досадой плюнул себе под ноги.

— Так чего же ты комедию ломал? — спросил он меня. — Сразу не мог сказать?

— Следуй за мной, я провожу, — велел мне лейтенант. — А с вас, господа, в следующий раз нужно будет шкуру спустить за невыполнение приказа милорда Алистана.

Милордам дворянам достало ума промолчать и не спорить с лейтенантом. Но настроение у них испортилось, это несомненно.

Я вошел в калитку следом за молодым лейтенантом.

— А что за приказ, милорд? — спросил я.

— Милорд Алистан приказал, как только ты появишься, провести тебя во дворец и препятствий не чинить, а этим, как всегда, лишь бы позабавиться.

— Так ведь скучно же на воротах целый день стоять, — попытался защитить я гвардейцев. Мне еще не хватало приобрести тут дополнительный десяток персональных врагов.

— Скучно им, — хмыкнул лейтенант. — Идем, тебя уже давно ожидают.

Мы шли по территории дворца. От ворот тянулась дорога прямо к огромному серому зданию с высокими аркообразными окнами. Кажется, мы шли именно к нему. Людей было предостаточно, как слуг, так и тех, кто тут жил благодаря милости Сталкона. Я вертел головой не переставая, в прошлый раз, когда я тут был, дело было ночью и привезли меня в карете, так что я ничего не мог рассмотреть. В здание мы не пошли, лейтенант свернул в сторону, и по тропинке, выложенной желтым песчаником, мы направились куда-то вглубь территории дворца.

— А скажи мне, Гаррет, что за дело у тебя с милордом Маркаузом, если он вдруг уезжает неизвестно куда, оставляя на мою шею всю гвардию? — внезапно спросил лейтенант.

— Не могу знать, милорд. — Я не собирался первому встречному раскрывать государственные тайны.

— Жаль, — вздохнул лейтенант и вполне искренне сказал: — Не вовремя он уезжает, не вовремя. Он нужен гвардии и королю здесь.

Я промолчал. Лейтенант еще раз вздохнул, поправил перевязь с мечом:

— Тебе сюда, сядь где-нибудь и жди. За тобой придут.

С этими словами лейтенант гвардии, сверкая на солнце серебряными пуговицами на серо-синем камзоле, удалился, оставив меня.

Место, куда меня привели, оказалось маленьким садиком с площадкой посередине. Площадка была засыпана песком и являлась, наверное, чем-то вроде фехтовального плаца. Или как называют то место, где гвардейцы тренируются махать железяками?

Сад находился по другую сторону от здания дворца, вплотную примыкая к нему. Я подошел к невысокому крылечку, присел на ступеньки, положил рядом сумку и стал ждать, наблюдая за людьми, находившимися в маленьком садике.

Да-да, я тут был не один. По крайней мере, здесь присутствовал целый десяток серьезных ребят. Зрительно я их помнил, так как видел в одну из ночей. Именно они сопровождали Миралиссу по ночному городу. Дикие Сердца. Я удостоился нескольких заинтересованных взглядов, не больше.

Какое дело воинам до незнакомого человека, непонятно за каким Х'сан'кором припершегося сюда? Тем более что у Диких были неотложные дела.

Кто-то резался в кости, кто-то спал в тенике маленького фонтана, кто-то правил оружие, кто-то решил поупражняться с мечом. Так что моя персона в основном была проигнорирована самым бессовестным образом.

В углу сада, возле клумбы с алыми розами пыхтела четверка гномов. Низкорослые, узкоплечие ребята с бородами, заплетенными в косы, так непохожие на своих массивных и крупных безбородых родственников — карликов, крутились возле здоровой пушки. Похоже, они пытались ее зарядить, но что-то у них не получалось, и поэтому парни раздраженно бранились и потрясали кулаками перед покрасневшими лицами друг друга. Это делу помогало мало, и от яростной перебранки спор разгорался еще сильнее.

Пушка неисправна, и они пытаются ее починить? Тогда мне понятно их плохое настроение. Продать бракованную пушку Сталкону, а теперь возвращать ему золото, конечно, гномам не хотелось.

Солнце било прямо в глаза, поэтому я жмурился, как ошалевший от весны кот, с интересом наблюдая за перебранкой гномов. Еще пяток минут — и начнется драка с тасканием за бороды. Но гномы выдохлись, и пришлось искать компромисс. Теперь они засыпали в пушку порох из маленького ярко-красного бочонка. Ядро лежало рядом, на песке. Один из гномов, судя по короткой бороде младший, попытался закурить трубочку, но получил от напарника подзатыльник и, обиженно засопев, убрал ее в карман.

И правильно! Еще не хватало взлететь всем на воздух из-за бесшабашности гнома. Очень хочется надеяться, что засыпание пороха в орудие — лишь проверка и сварливые бородачи не станут палить из пушки в сад.

За спиной раздались легкие крадущиеся шаги, и, улыбнувшись, я произнес:

— Как жизнь, Кли-кли?

— У! — разочарованно сказал гоблин — ему не удалось застать меня врасплох. — Как ты догадался, что это я?

— Ты сопел.

— А вот и нет! — запротестовал шут и присел рядом со мной на ступеньку.

— А вот и да!

— А вот и нет! И вообще, ты чего с королевским шутом споришь? —

обиженно спросил Кли-кли и в подтверждение своих слов нацепил на зеленую голову шутовской колпак с бубенцами, до этого находившийся в его руке.

— Да я и не спорю. — Я пожал плечами.

— Хочешь морковку? — миролюбиво спросил гоблин, доставая ее из-за спины.

Морковка была размером чуть ли не в половину Кли-кли. Королева морковок. Целая морковища.

— Нет, спасибо.

— Не хочешь? Ну и не надо! Мое дело предложить, и вообще мне больше достанется!

Шут больше не стал настаивать, откусил от оранжевого овоща изрядный кусок и захрустел, довольно жмурясь на солнце.

— Овоффи полеффны, Гаррет, — с набитым ртом произнес шут. — На одном мясе не проживешь.

— У нас тут с тобой гастрономический спор намечается? — Я выгнул бровь дугой.

Шут с точностью повторил мой фокус с бровью, довольно усмехнулся и вновь захрустел морковкой.

Вот так мы и сидели, я молчал, наблюдая за работой гномов, Кли-кли обедал и иногда дергал коротенькими ногами, видно пытаясь изобразить какой-то только ему понятный танец. Получалось, надо сказать, забавно.

— Есть две новости: хорошая и плохая. С какой начинать? — спросил меня Кли-кли, когда от морковки-переростка осталась ровно половинка.

— Давай, пожалуй, с хорошей, — лениво процедил я.

Погода, несмотря на жару, была замечательной, и я попросту потихоньку млел на солнышке.

— Хорошая новость такова, — произнес гоблин и потряс кончиком колпака, чтобы колокольчики радостно зазвенели. — Ты отправляешься завтра поутру. Тру-ру-ру.

— Валяй плохую.

— Плохая новость такова. — Шут грустно вздохнул, и колокольчики печально тренькнули. — Я, увы, остаюсь во дворце и не поеду с тобой.

— Хм... У тебя нарушены понятия ценностей, шут, — хмыкнул я. — Для меня все наоборот. Хорошая новость — плохая, а плохая — хорошая.

— Фу, — обиженно засопел Кли-кли. — Ты еще пожалеешь, что я с тобой не поеду!

— Это еще почему?

— Кто будет тебя защищать в дороге? — с самым серьезным

выражением на лице спросил шут.

— Думаю, что не пропаду, — в тон ему ответил я. — Дикие вкупе с Крысой на что?

— Кстати, насчет Диких. — Кли-кли вновь впился острыми зубами в несчастную морковку. — Ты уже успел познакомиться с ними?

— Нет, а ты что, успел?

— А как же! Они у нас уже с неделю! — возмутился моему вопросу шут.

Ну конечно же! Я посмел подвергнуть сомнению его способность заводить новые знакомства.

— Я тебе их представлю, только издали, отсюда, если ты ничего не имеешь против моего предложения.

— Ты и им успел напакостить? — Нежелание Кли-кли подходить к воинам могло быть объяснено только тем, что маленький паразит устроил Диким какую-то каверзу.

— Ну почему сразу напакостить? — надулся шут и с укором, затаившимся в голубых глазах, посмотрел на меня. — Я всего лишь налил в их кровати по ведру воды, а они расстроились.

— Надо полагать, — хохотнул я. В голову прыгнула веселая картинка, как гoblin, соорудив заговорщицкую физиономию, льет в кровати Диких воду.

— Ну так вот, видишь вон тех, кто режется в кости? — Шут не очень желал распространяться о том, что же случилось, когда кто-то из воинов лег в мокрую кровать.

Клянусь всеми богами, Кли-кли был неподалеку (не мог же он не насладиться делом рук своих?) и оказался замечен!

Кли-кли ткнул пальцем в сторону троицы, бросающей кости на бочку, приспособленную для игры.

— Вон тот здоровый — это Медок. Тот, который рядом с ним, бородатый, Дядька. Он десятник всей этой угрюмой компании. А вон того, пухленького, Котом зовут. Мяу! — как можно громче сказал Кли-кли и высунул язык.

Гномы отвлеклись от пушки и хмуро посмотрели на шута, Кот же не обратил никакого внимания на паясничавшего Кли-кли.

— Ясно, — произнес я, рассматривая троих воинов, играющих в кости.

Медок был двухметровым детинушкой с руками-стволами, головой, которая, казалось, не имела шеи и росла прямо из плеч, и волосами цвета

липового меда. Из-за них он, наверное, и получил такое имечко от Диких — Медок. Воин был молодым и по сравнению с другими Дикими казался попросту великаном. Впрочем, так оно и было. Парень был здоров и силен, как два быка. Вот только простоватая физиономия и добрая улыбка выдавали в нем жителя деревни. Таких сразу отличаешь от городских.

— Оп-па! — хохотнул Дядька, бросив кости в очередной раз и склонившись вместе с товарищами над ними.

Дядьке было за пятьдесят, редкие седые волосы, еще кое-где сохранившиеся на плешивой голове, и густая седая борода, почему-то напомнившая мне овечью шерсть, старили его еще сильнее.

По сравнению с Медком невысокий Дядька казался карликом, но и он, и великан-Медок, да и все другие Дикие все же чем-то были похожи друг на друга. В них, как и в покойнике Мухе, чувствовались сила и опыт. Опыт тех, кто несет службу на стенах Одинокого Великана.

— Клянусь Д'сан-дором, — ругнулся Кот. — Тебе сегодня везет, Дядька! Я пас!

Толстенький Дикий нисколько не напоминал кота ни повадками, ни резким голосом. Единственное, что придавало ему сходство с этим животным, — это кошачьи усы.

— Не хочешь играть, не надо, — усмехнулся десятник. — А мы с Медком продолжим...

Кот махнул рукой на напарников и прилег на травку возле фонтана, рядышком со спящим воином.

— Надо полагать, что вон того зовут либо Соня, либо Храпун? — с иронией произнес я.

— Это который рядом с Котом? — уточнил шут. Дождавшись утвердительного кивка с моей стороны, он ответил: — Не, этого кличут Горлопаном.

— С чего бы это?

— Откуда же я знаю? — Кли-кли вытянул губы трубочкой. — Они ведь со мной разговаривать не хотят и норовят кинуть чем-нибудь тяжелым. А я всего-то подбросил им в комнату дохлую крысу.

— Помнится, совсем недавно ты упомянул про воду в постели. О дохлых крысах речи не было.

— Ну, крыса была немного раньше... — смутился шут.

— Ладно, забудем о крысе. — Шут был неисправим. — Ты мне расскажи лучше вот про эту парочку.

Я кивнул гоблину на двоих воинов, сидящих особняком от остальных и попивающих вино из бутылки.

— Вот гады, — пробормотал Кли-кли, игнорируя мой вопрос. — Ведь это моя бутылка вина!

— Тогда что она у них делает?

— Военный трофей, — буркнул гoblin и крепко сжал морковку, будто это был не овощ, а меч.

— Чего? — Его ответ меня удивил.

— Ты что, глуховат? Я же сказал — военный трофей. Я вон тому гаду, — показал гoblin на Дикого, который в данный момент приложился к винной бутылке, — в сапог гвоздь сунул ради шутки. А они осерчали...

— Ну естественно, я бы тоже осерчал и оторвал твою зеленую голову.

— Эти тоже пытались. — Гоблин откусил очередной кусок морковки. — Но смогли добраться только до бутылки с вином. Эх, Гаррет! Знал бы ты, каких сил мне стоило украсть ее из винных погребов короля!

— Ты ведь королевский шут. Просто взять ее нельзя было?

— Фу, Гаррет! Ну как же с тобой скучно! — Шут разочарованно помотал головой, вызывая оживленное треньканье колокольчиков. — Взять-то можно, но украсть ведь намного интереснее!

Тут я с ним спорить не стал.

— Так что ты мне о них можешь сказать? — Я вновь направил разговор в интересующее меня русло.

— Забавная парочка, не находишь? — произнес шут и показал воину, который держал в руках бутылку, язык.

Забавная? Это еще мягко сказано! Удивительная! Не думал, что на своем веку увижу картину, где гном мирно распивает бутылку дорогущего вина со своим извечным недругом — карликом. Спросите у кого угодно, что будет, если столкнуть на узкой тропке гнома и карлика, и даже двухлетний ребенок скажет, что в лучшем случае дело кончится потасовкой, а то и смертельным поединком. Что же, все верно, вот только не в этом случае. И крепко сбитый карлик, способный руками гнуть подковы, и его более мелкий и узкоплечий бородатый родственник отчего-то не спешили вцепиться друг другу в глотку к вящему неодобрению гномов, крутящихся вокруг пушки. Они что-то зло бормотали себе под нос, косясь на карлика, но тоже не стремились устраивать поединок на территории королевского дворца.

Гному тоже досталось несколько яростных взглядов от соплеменников за то, что он забыл память предков и распивает вино с самым ненавистным и исконным врагом племени гномов. Как я понял, гному было абсолютно наплевать на неодобрение со стороны родственников. Он даже снял с макушки карлика шляпу с узкими полями и нацепил себе на голову. Волосы у карлика оказались ярко-рыжими, казалось, жидкий огонь прыгнул из камина и теперь пляшет у собутыльника гнома на голове. На мой взгляд, ребята уже успели перебраться. Странно, от одной бутылки с этими расами такого не случается.

— Кли-кли, а ты уверен, что военный трофей — это всего одна бутылка? — с хитрецей спросил я у приунывшего гоблина.

— Как же, одна, — сплюнул шут. — Они у меня целый ящик уволокли, эта бутылка просто последняя.

Вот это больше походило на правду. От ящика вина вполне могут немного захмелеть даже гном с карликом.

— Этого рыжего карлика зовут Делером, а его наступивший на гвоздь дружок откликается на Халласа. Вон того, — указал Кли-кли на человека возле клумбы с розами, в одиночестве размахивающего мечами и ведущего поединок с невидимым противником, — зовут Угорь. Страшный молчун, он на мои шутки попросту не обращает внимания. Невозможно расшевелить.

Последние слова гоблин произнес с обидой. Ну как же! Кому-то было абсолютно плевать на его шалости! Такого плевать на собственный профессионализм Кли-кли просто не мог перенести.

Я никак не отреагировал на обиду шута, все мое внимание захватило наблюдение за выверенными, точными движениями Дикого. Они завораживали. Это был красивый и смертоносный танец: «брат» и «сестра» в руках гарракца — а это был именно уроженец Гаррака, их всегда можно узнать по смуглой коже и иссиня-черным волосам — танцевали в безумном серебристом вихре смерти.

Угорь перетекал из одной позиции в другую, стойки ежесекундно менялись, клинки рассекали полуденный воздух с ужасающей быстротой, «сестра» колола настолько стремительно, что мой взгляд мог уловить только размытый блеск серебристой молнии. Удар, еще удар, укол, резкий уход влево, «брат» падает вниз, на голову невидимого противника, разворот вокруг своей оси, рука Угря вытягивается на неестественную длину,

становясь продолжением «сестры», чтобы достать до живота нового врага. Как я понял по тому, что Угорь сделал отступ назад, прикрывшись «братом» от предполагаемого рубящего удара справа, и тут же из защиты ударил сразу двумя клинками. «Сестра» хищным уколом поразила голову предполагаемого противника, а «брат» нанес страшный удар снизу, под щит. Резкое обратное сальто и очередной танец уже с другим невидимым врагом.

— Красиво! — восхищенно присвистнул шут.

Я с ним был полностью согласен. Несмотря на раскаленное солнце и жару, Угорь продолжал тренироваться и делал это потрясающе красиво.

— Гаррет, отвлекись на минуту от парня, думаю, за время вашего путешествия ты еще сто раз успеешь насмотреться на то, как он размахивает мечами. Лучше глянь вон на того, смешного.

Ничего смешного в указанном шуте воине я не нашел. Он чем-то напоминал Кота, правда был не таким толстеньким. К нему бы я применил слово «пухленький». Ничем не примечательное лицо с тонкими губами и бровями домиком, бледные голубые глаза и ленивый взгляд, на миг остановившийся на мне и Кли-кли.

— И что смешного ты в нем нашел? — спросил я у шута, который вновь приобрел интерес к огрызку многострадальной морковки.

— Да не в человеке, дубина! — раздраженно всплеснул руками шут, огорчаясь моему тугодумству. — Кстати, его зовут Сурок. Я про зверушку у него на плече.

Только тут я обратил внимание на то, что ранее принял за безвкусное украшение в виде серого меха на левом плече воина. Мех оказался попросту лохматой зверушкой. Она тихонько дремала и поэтому оставалась неподвижной, что и заставило меня подумать, что это своеобразная дань моде.

— Что это? — Я с любопытством посмотрел на шута.

— Линг. Зверек с Безлюдных земель. Ручной. Я его пару раз пробовал кормить морковкой. Он меня даже умудрился цапнуть, — с нескрываемой гордостью произнес гоблин и в подтверждение того, что не врет, сунул мне под нос прокушенный палец.

— Не повезло, — посочувствовал я ему.

— Еще как повезло, — не согласился со мной Кли-кли. — Если бы Сурок застал меня в тот момент, когда я скармливал его зверушке подгнившую морковку, он бы меня по головке не погладил. Честное слово, прибил бы!

Тут я все же не удержался и рассмеялся.

— Теперь я понимаю, Кли-кли, почему ты решил не ехать со мной! Чуть ли не каждый из будущих путешественников точит на тебя зуб.

— И ничего подобного! — запротестовал гoblin и шмыгнул носом. — Это все Арцивус и Алистан. Это они меня не хотят отпускать!

Кли-кли расстроено погрозил кулаком в небо.

— Эй, Сурок, у тебя случайно нет желания пройтись до кухни? — спросил у разлегшегося на травке приятеля до этого молчавший Дикий.

Судя по отсутствию волос на голове и кольчуге, надетой на голое тело, воин был родом из Пограничного королевства. Только они готовы напялить на себя железо на таком солнцепеке. Пограничник прекратил точить меч и теперь искал, чем бы заняться.

— Это еще зачем? Чего я не видел на кухне? — с ленцой в голосе спросил Сурок.

— Покормишь Непобедимого, а то он у тебя так с голодухи помрет. Все спит и спит.

— Жарко, вот он и спит, а на кухню пошли сходим, знаю я, чего тебе там понадобилось.

— Да все знают, — откликнулся Кот, приподнимаясь с травы. — Кухарки там ох какие аппетитные!

Медок и Дядька весело рассмеялись. К смеху присоединился и сам инициатор прогулки на кухню.

— Ну идем тады, что ль? — спросил Пограничник.

— Это Арнх, — представил мне человека Кли-кли.

Лоб Арнха пересекал тонкий белый шрам. Он был бы почти незаметен, если бы не загоревшее лицо. На темной коже высокого воина шрам сверкал ослепительной белой ниткой.

Арнх в сопровождении Сурка и примкнувшего Кота направился в сторону кухни.

— Слушай, Кли-кли, — не утерпел я. — Меня сюда лейтенант привел и велел ждать, когда за мной придут. Сколько ждать-то? Я сейчас от жары расплавлюсь!

— Так я за тобой и пришел, — хихикнул шут.

— Тогда чего мы ждем?

— Ты погоди, Гаррет, куда спешить? Король отчитывает своих подданных, они молча бледнеют и потеют. Так чего тебе там делать? Вон смотри, я тебе про последнего Дикого не рассказывал.

Последний из десятка Диких сидел под раскидистой яблоней, обхватив обеими руками здоровенный биргризен. На мой взгляд, для этого невысокого и с виду не очень сильного человека двуручный меч был слишком тяжел. На мощной черной рукояти меча был изображен золотой дубовый лист.

— Он что, мастер длинного меча? — с недоверием спросил я у гоблина.

— Ты рукоять не видишь, что ли? Конечно он мастер, если только не украл эту железяку у кого-нибудь!

— Да эта штука весит больше него!

— И ничего не больше! — возразил гоблин. — Но тяжелая, это правда. Сам проверял.

— Только не говори, что ты пытался свистнуть меч у этого парня!

— Не-а, я просто хотел узнать, сколько он весит, — чуть себя не зашиб!

— Как его зовут-то? — спросил я, рассматривая человека в смешной шляпе, больше напоминающей колокол Собора.

— Мумр. Но все называют Фонарщиком. О нет!

Последняя фраза Кли-кли была обращена не ко мне. Фонарщик достал маленькую дудочку и, отложив в сторону биргризен, собрался заиграть.

— Только не это! — взмолился шут.

Мумр дунул, и дудочка разродилась мучительно хрипящим звуком одуревшего мартовского осла. Шут взвыл и зажал руками уши. Звук действительно был ужасающим, будь тут поблизости собаки, они бы точно завyli или передохли от мучений. Я стал подумывать: а не подсунуть ли эту дудку Арцивусу, выдав за Рог Радуги? Уверен, что как только Неназываемый услышит эту ужасную мелодию, то наложит на себя руки, чтобы не мучиться.

— Я сейчас кину в него вот этим! — проскрежетал зубами Кли-кли и потряс зажатой в руке огрызком морковки.

— Эй, Дядьку! — окликнул десятника Делер. — Скажи Мумру, чтобы он заткнулся, иначе я за себя не отвечаю! Могу и бритвой по глазам!

— Точно! — поддакнул Халлас и приложился к бутылке.

— Я его сейчас сам порешу! Где справедливость? Дайте же мне наконец поспать! — сонно буркнул Горлопан и перевернулся на другой бок.

Дядька, не отрываясь от игры в кости, нашарил возле себя мелкий камешек и швырнул в Фонарщика. Тому, чтобы уклониться от летящего снаряда, пришлось оборвать мучения терзаемой дудки.

— Да ну вас! — расстроился Фонарщик. — Ничего вы в музыке не понимаете!

— И вот так всю неделю, Гаррет, — перевел дух Кли-кли. — Ты представляешь, он своим дуденьем смог достать даже меня! Ух ты! А это что?

Я и не заметил, как Кли-кли успел залезть в оставленную без присмотра сумку. Теперь он держал в руке один из магических пузырьков с темно-вишневой жидкостью, в которой плавали золотистые искорки.

— А я знаю, что это такое! — завопил шут, вскакивая с места. — Смотри, сейчас будет фокус!

— Верни на место! — рявкнул я гоблину, но было уже поздно.

Кли-кли проворно избежал моих рук и, подбежав к гномам, наконец зарядившим пушку, размахнулся моей волшебной покупкой. Пузырек звякнул и разбился о ствол пушки. Вспыхнуло алое зарево, и пушка исчезла.

И дернул же меня Неназываемый купить у Хонхеля заклинание переноски! (Тяжело нести гору вещей? Нет ничего проще! Разбиваешь о вещи пузырек, и они попросту исчезают. Разбиваешь другой, и они вновь появляются.) Я приготовил это волшебство на Храд Спайн. Так, на всякий случай, если набреду на залежи алмазов или изумрудов. Прощайте, драгоценности мертвецов! В наследство мне досталась гномья пушка!

Над садом повисло ошеломленное молчание, даже Угорь прекратил вращать мечами. Но молчание длилось недолго. Его нарушили яростные вопли одуревших от злости гномов. Кли-кли не стал ждать расправы, отпрыгнул подальше от гномьих кулаков и, звеня бубенцами, во всю прыть помчался в мою сторону. У меня появилось сильное желание отвесить гоблину пинка.

— Гаррет, не зевай! — воскликнул Кли-кли, проносясь мимо меня. Он каким-то чудом разминулся с моей ногой, уже готовой лягнуть его задницу. — Давай за мной, я отведу тебя к королю!

С этими словами гoblin скрылся за дверью. Мне ничего не оставалось, как, кипя от ярости, последовать за маленьким негодяем, оставив Диких слушать вопли злых гномов.

Глава 18

Совет

Фигурка шута мелькала впереди меня, так что заблудиться в огромном переплетении коридоров и лестниц было довольно сложно. Надо было просто поспевать за одетым в серо-синее трико Кли-кли. Гвардейцы провожали шута и меня скучающим взглядом и не спешили останавливать незнакомца для вполне разумного вопроса: что вы тут делаете?

Видно, тут уже успели сообщить о моем появлении, так что вопросов ни у кого не возникало. Вышколенные слуги в серо-синих ливреях открывали перед Кли-кли двери, пропуская его, а следовательно, и меня в святая святых королевского дворца.

Желание оторвать голову зеленому вредителю потихоньку умирало, но гoblin решил не искушать судьбу и держался подальше от меня. Что, в принципе, правильно. Как сказал совсем недавно Делер:

— Могу и бритвой по глазам.

Шедший в мою сторону слуга от неожиданности застыл на месте и выпучил на меня глаза. Я понял, что сказал фразу Делера вслух, и поспешил все же нагнать Кли-кли, пока слуга не опомнился и не позвал гвардейцев вязать неизвестно откуда взявшегося тут душегуба.

Я свернул за угол, стараясь нагнать гоблина, и нос к носу столкнулся с выводком придворных матрон, выгуливающих своих великовозрастных дочурок. Шут, не останавливаясь, отвесил безупречный придворный поклон, достойный того, чтобы его внесли во все книги этикетов, и проскочил через неожиданное препятствие в виде широких юбок. Я вежливо улыбнулся дамам, но впечатления не произвел. Точнее, произвел, но совершенно противоположное желаемому. Великосветские дамы наморщили великосветские аристократические носики, как будто от меня разило выгребной ямой. На самом деле разило от них. Я чуть не потерял сознание от резкого аромата духов. По мне, так эти леди попросту нырнули ванну с духами и провели там целый год.

— Ваше сиятельство, — обратился ко мне шут, уже находящийся в дальнем конце коридора.

Понятное дело, чтобы я его услышал, ему приходилось орать на весь дворец.

— Сколько вас можно ждать, герцог? Шевелите копытами!

Услышав, что я герцог, придворные дамы резко изменили мнение о

моей персоне. Наморщенные носики пропали, и на личиках некоторых дам даже появились кокетливые улыбочки. Их уже не смущал ни мой не самый изысканный наряд, ни синяк на лице. Я был герцогом, а герцогу все простительно. Я еще раз вежливо улыбнулся и проскочил мимо них. От этих придворных матрон всего можно ожидать: задурят голову ароматом духов и, пока будешь находиться в отключке, успеют женить на какой-нибудь смазливой, но жутко обделенной интеллектом придворной дурочке. А потом хоть объясняй, что шут пошутил и ты совсем не герцог, хоть не объясняй, толку не будет. В лучшем случае папаша дочурки проткнет липового герцога мечом, дабы сохранить никому не нужную честь рода.

Шут нетерпеливо переминался, ожидая меня возле массивных белых дверей с золотыми вставками, изображающими охоту на обура. Рядом с дверьми застыли шесть гвардейцев. Пока я шел к ним, шут успел ущипнуть одного из серо-синих за ногу, показать язык другому и попытаться вырвать копье у третьего. В общем, гоблин паясничал, как мог. Гвардейцы же, находясь в почетном карауле, даже не пошевелились. Но вот в их глазах я явственно прочел желание прибить маленького змееныша, как только их сменит очередной караул.

Увидев, что я приближаюсь, шут прекратил ломать комедию и толкнул створки дверей.

— Гаррет, не зевай, — весело пропищал он.

Легко сказать! В тронном зале я оказался впервые. Огромный, настолько огромный, что в нем могли поместиться все дворяне королевства, если хорошенько их утрамбовать. А если серьезно, в тронном зале вполне можно было проводить репетиции военных парадов. По крайней мере кавалерии. Места должно было хватить с лихвой.

По правую руку от меня высились огромные окна высотой около десяти метров. Они начинались прямо от пола и заканчивались под потолком. Пол был выложен белой и черной квадратной плиткой. Где-то далеко-далеко впереди стоял трон короля. В зале никого не было, если не считать двух гвардейцев почетного караула возле трона.

— Не ты ли говорил мне, что король устраивает разнос придворным? — спросил я Кли-кли и заткнулся.

Мой голос усилился в десятки раз и эхом зазвучал в зале. Точно, без магии не обошлось: даже если говорить тихо, тебя услышит любой человек в любом месте тронного зала.

— Ну, я говорил, ну и что? Мало ли чего тебе наговорит шут? — хихикнул гоблин и прислушался к прозвучавшему эху.

Шут занялся крайне ответственным, на его сугубо гоблинский взгляд,

делом — поджав левую ногу, на правой он прыгал по белым плиткам пола, стараясь не наступать на черные.

Так мы и прошли весь тронный зал: гоблин на одной ножке, я размеренной походкой, стараясь преодолеть сильное искушение — сорваться на бег и придушить не знающего забот Кли-кли. Шут доскакал до трона, надо сказать, ничем не выделяющегося на общем фоне тронного зала. Ни литого золота, ни рубинов с голову тигра в троне не было. Ничего из тех богатых и экстравагантных выкрутасов, которыми славились Империи. Тамошние императоры стремятся перещегоолять друг друга в роскоши. Наш славный Сталкон, да просидит он на этом троне еще сто лет, предпочитал вкладывать золотые не в сомнительные, хоть и красивые, безделушки, а в армию.

Шут, не обращая никакого внимания на молчаливого гвардейца, залез на трон, взял с бархатной подушки королевский скипетр, больше смахивающий на тяжелый чекан (таким вполне можно играючи отбиться от нападающих), и соскочил на пол.

— Не поранься, — поддел я его, за что заработал презрительный взгляд.

Но все же Кли-кли положил новую игрушку обратно на подушку, присовокупив к ней огрызок морковки. Отошел назад, склонив голову набок, как какой-нибудь художник, оценил созданное им произведение искусства и, удовлетворившись результатом, повел меня дальше.

В самом конце зала были очередные двери, как две капли воды похожие на те, через которые мы вошли совсем недавно. Шут по-хозяйски пнул их ногой.

— Пр-р-росю! — Гоблин приветственным жестом пригласил меня войти, но потом сообразил, что если он будет тут стоять, то мне представится вполне реальный шанс схватить его.

Поэтому Кли-кли ловко юркнул внутрь, в очередной раз избежав расправы, ожидающей его за разбитый магический пузырек.

Я оказался в комнате, куда меня в прошлый раз привел Фраго Лантэн. Всех находившихся в ней я уже знал, так что в представлении они не нуждались. Я вежливо поклонился.

— Полноте, мастер Гаррет, — сказал король. — Оставим весь сомнительный этикет для моих придворных. Присаживайтесь. Почему так долго, Кли-кли?

— А я тут при чем? — Шут скорчил рожицу. — Пока мастера Гаррета расшевелишь... Я его целых пятнадцать минут уговаривал сюда прийти.

От такого наглого вранья я просто задохнулся от возмущения, но

переборол себя и, решив не обращать внимания на королевского дурака, ответил:

— Благодарю, ваше величество.

Перед тем как сесть на стул, подвинутый мне Кли-кли, я бросил на него внимательный взгляд. От проклятого гоблина можно было ожидать любого подвоха. Но Кли-кли выглядел невинной овечкой. Не думаю, что он рискнет при короле подложить мне под зад что-нибудь остренькое.

В этот раз король нисколько не походил на добродушного трактирщика в свитере и солдатских брюках. Королевское платье, отливающее глубоким, насыщенным серо-синим цветом, и тонкий ободок короны на голове казались мне намного более подходящей для этого человека одеждой.

— Магистр Арцивус уже рассказал нам, что твое предприятие закончилось удачно, — сказал король, кивнув в сторону старого архимага.

Арцивус хмурился и явно был не в духе. Такая физиономия была у одного моего приятеля, когда он мучился от запора. Надеюсь, у Арцивуса была другая причина для плохого настроения. Архимаг бросил на меня не самый ласковый взгляд, но ничего не сказал.

— Да, ваше величество, я вполне подготовился для нашего... э... маленького предприятия.

— У меня возникло много вопросов, не будешь ли ты так любезен еще раз рассказать нам о том, что с тобой произошло?

Воля короля — закон, я вздохнул и в который раз за эту неделю стал рассказывать о своих приключениях, правда на этот раз ничего не утаивая. Ну или почти ничего. Про Вальдера я так и не сказал ни слова. На середине повествования мое горло окончательно пересохло, и я стал говорить все тише и тише. Сталкон едва заметно пошевелил пальцем, и предупредительный шут плеснул мне вина. Я благодарно кивнул, глотнул и продолжил историю. Арцивус лишь иногда вскидывал бровь, обычно в моменты, которые он слышал впервые. Те самые, что я скрыл от него во время нашего с ним путешествия в карете. Самое интересное, что меня не перебивали и слушателям не надоедала моя бесконечная история. Но все подходит к концу, так что я смог облегченно вздохнуть и еще раз промочить горло замечательным вином из королевских погребов.

— Дела... — протянул Кли-кли, первым нарушив тишину после завершения моей истории.

— Ты слишком мягко выражаешься, дурак, — буркнул Алистан Маркауз.

На этот раз он был в обычной форме гвардейцев. Надо думать, что знаменитые доспехи, уже успевшие стать легендарными среди воинов

Валиостра, остались сегодня не у дел.

— Дела кипят, дражайший шут. И как бы нас не обожгло кипяточком. Простите, ваше величество, но как мы ни скрывались, о предстоящем походе все же стало известно врагу.

— Не только врагу, — промурлыкала Миралисса. Сегодня она была без вуали и сменила голубое мирануэхское платье на изумрудное точно такого же фасона. — Тут еще и третья сторона, этот Хозяин.

— Вы что-нибудь слышали о нем раньше? — спросил у эльфийки король.

— Если этот Хозяин и существует, то хорошо скрывается. Лично я, впрочем как и мои спутники, до этого ничего ни о каком Хозяине не слышали. Нужно будет отдать приказ перекопать семейные архивы. Может, что-нибудь и найдем в старых библиотеках.

— Сомневаюсь, — хмуро ответил Крыса. — Королевские песочники все эти дни искали и ничего не нашли.

— Ну почему же ничего? — возразил Сталкон. — Кое-что нашли.

— А, — капитан королевской гвардии махнул рукой. — Чушь это.

— О чем идет речь? — спросил Арцивус.

— Понимаете, ваше магичество, перерывая старые хроники, наткнулись мы на допрос некоего Джока Имарго. Того, кого все знают под именем Джока-принесшего-зиму. Так он говорил, что его подставили и убийство принца дома Черной розы — это дело рук прихвостней Хозяина. Ни в какого Хозяина конечно же никто не поверил, и Джока выдали эльфам.

— Он что-нибудь говорил у эльфов о Хозяине, леди Миралисса? — поинтересовался архимаг.

— Простите, милорды, но я плохо знаю этот отрывок истории. — Миралисса отрицательно покачала головой. — К тому же это было внутреннее дело дома Черной розы, дом Черной луны не вмешивался. Надо будет спросить у Эллы.

— Это один из эльфов, которые сопровождают вас? — заинтересовался Арцивус.

— Да. Он как раз из дома Черной розы.

— Будем считать этого Хозяина вполне реальным и таким же опасным, как Неназываемый. Если не опаснее. Ведь мы так и не поняли, чего он хочет, — сказал король.

— Чего он хочет, и огру понятно, — возразил Кли-кли. — Чтобы Рог в наши руки не попал.

— Многие не хотят, чтобы Рог Радуги вновь вернулся в мир. Орден тоже входит в число тех, кто считает его слишком опасным, но, увы,

необходимым. Бумаги при тебе, Гаррет? — спросил Арцивус.

Я неохотно кивнул. Слишком много сил я потратил, чтобы их добыть, и теперь отдавать планы Храд Спайна в руки Ордена не хотелось. Даже на время.

— Позволь взглянуть.

Ничего не оставалось, как залезть в сумку и отдать их архимагу. Ну не отказывать же магистру Ордена Валиостра?

Арцивус стал изучать карты, иногда он шевелил губами, натываясь на интересное для него место. Остальные терпеливо ждали, когда архимаг соблаговолит поделиться своими наблюдениями. В этот момент двери в комнату открылись, и вошел уже знакомый мне лейтенант гвардии.

— Прощу прощения, ваше величество, но там гномы. — Лейтенант выглядел немного обескураженным.

— И чего они хотят, Изми? — Сталкон удивленно посмотрел на лейтенанта.

— Гномы говорят, что гоблин, очень похожий на вашего шута, украл их, точнее вашу, пушку, когда они ее чинили.

— То есть? — Король, как и все остальные, не очень понимал, как маленький Кли-кли умудрился украсть тяжеленнейшую пушку.

— Гномы говорят, что он что-то наколдовал и она попросту исчезла. — Лейтенант сам не понимал, как такое может сотворить дурак с бубенцами.

— Кли-кли, это правда?

Судя по виду Кли-кли, он думал только об одном — как бы незаметнее улизнуть.

— Ну, не совсем... — промямлил шут, изучая носки своих сапог.

— Что значит не совсем?! — рявкнул король. — Отвечай понятно!

— Ну, правда, — буркнул шут, соглашаясь с обвинениями лейтенанта Изми. — Я всего лишь хотел попробовать заклинание из сумки Гаррета!

— Попробовал на мою голову! Кто теперь будет разбираться с гномами?

Шут вежливо промолчал, сделав вид, что ему очень-очень стыдно. В раскаяние Кли-кли никто не поверил, да он и не рассчитывал на такое чудо.

— Она все равно была бракованной, — попытался оправдаться гоблин.

— Взял я тебя на свою голову! И с чего еще терплю твои выходки? — Король раздраженно покачал головой.

Кли-кли еще раз сделал вид, что ему очень-очень стыдно, неловко и вообще он больше так не будет.

— Попробуй замять это дело.

Бедняга лейтенант, получив невыполнимый приказ, на миг замешкался, но нашел в себе силы согласно кивнуть (а ему ничего больше и не оставалось) и удалился на битву с гномами. Да, задание он получил опасное и трудное. Если не сказать невозможное. Проще уговорить огра не есть человечину, чем успокоить разбушевавшихся гномов, особенно когда они бушуют по серьезной причине, то бишь из-за денег.

— Я... — попытался оправдаться Кли-кли, но наткнулся на разъяренный взгляд короля и заткнулся.

— Вот, послушайте, — хмыкнул Арцивус. Архимаг даже не обратил внимания на только что произошедший неприятный инцидент. Все его внимание захватили старые бумаги. — Очень интересная вещь.

Магистр вслух прочитал стих-загадку, который до этого заинтересовал Фора. В отличие от моего учителя, архимагу не надо было лезть в словари, он вполне свободно владел первым языком орков и эльфов — древнеорочьим.

— Сразу могу сказать, что одно четверостишие является абсолютнейшим и самым наглым воровством, которое я только видел за свою жизнь, — встрял шут, как только Арцивус закончил читать.

— И какое же четверостишие тебе не понравилось? — удивился архимаг.

Зазубренным строем, обнявшись с тенями,
Усопшие рыцари молча стоят,
И только один не умрет под мечами,
Один, что сам тени стал ближе, чем брат,

нараспев продекламировал шут. — Это из книги Брук-грук.

— Из Книги Пророчеств гоблинов? Ты уверен, славный шут? — спросила Миралисса.

— Я в жизни еще не был так уверен. Это точно из Брук-грука. Только тут какие-то грамотеи изменили четверостишие. — Казалось, что гoblin просто лопнет от возмущения, что какие-то людишки испортили великое гoblinское пророчество.

— О какой книге идет речь? — не выдержал Алистан. Он, как и я, никогда не слышал ни о какой Брук-как-ее-там.

— Любезный граф. — Голос Кли-кли просто источал ядовитую

насмешку. — Вам иногда следует отложить меч в сторону и заняться книгами. Брук-грук, или Книга Пророчеств, была написана безумным шаманом Тре-тре три с половиной тысячи лет назад. Она в стихотворной форме повествует о самых важных и ключевых событиях, которые должны произойти в мире Сиалы. Так она предсказала появление Неназываемого. И про Запретную территорию там есть строчки, хотя Орден и не обратил в былые времена на них никакого внимания.

При этих словах гоблина Арцивус нахмурился еще сильнее, но спорить с шутотом посчитал ниже своего достоинства.

— Мой дедушка был шаманом, — продолжал Кли-кли. — И меня готовил, вот только я не уродился стать шаманом. Но Книгу Пророчеств помню наизусть, поэтому четверостишие сразу узнал — оно было вставлено в текст стиха из Книги Пророчеств. То ли автор забыл точную формулировку, то ли сделал это специально, захотев скрыть старый источник, но я узнал.

Голос шута источал гордость. Думаю, дед-шаман гордился бы внуком не меньше. Запомнить наизусть книжку, написанную каким-то психом, — для этого нужен несомненный талант.

— А каким это четверостишие было изначально?

Измучены жаждой и прокляты тьмой,
Немертвые грешники кару несут,
И только один не умрет под клыками,
Один, что с тенями танцует, как брат.

— Не так уж и складно. Предыдущее мне нравилось намного больше, — высказал я свое мнение о поэзии гоблинов.

— На себя посмотри! Великий ценитель литературы и искусства! Это сочинял великий безумный шаман Тре-тре, — осадил меня Кли-кли.

— Оно и видно. — На этот раз я не собирался оставлять последнее слово за шутотом.

— Зато мы не крадем чужие пророчества и не превращаем их в сладенькие стишочки, — фыркнул гоблин и демонстративно повернулся ко мне спиной.

Мое незнание литературного шедевра обожравшегося мухоморами шамана гоблинов окончательно расстроило маленького шута.

— Кстати, Кли-кли, что это за пророчество?

— Оно называется «Танцующий в тенях». Я могу его рассказать полностью, но это займет пару часиков.

Ого! Старикан-шаман не знал остановок! Если уж взялся сочинять стишки, так на два часа, не меньше!

— А если кратко?

— Э-э-э... — Шут наморщил лоб. — Скажем так. Это пророчество о человеке, живущем несправедным ремеслом, но решившем послужить на благо своей родины. Там много всего, но в итоге он добудет Спасение для народов Сиалы и остановит врага. Спасение из Таинственных Каменных дворцов Костей. Речь идет о Храд Спайне, если кто не понял. — Кли-кли выразительно глянул на меня, намекая, кому предназначалась эта маленькая колкость. — Это пророчество про тебя, Гаррет. Вот уж не думал, что встречу с живым героем из книги Брук-грук.

— Да ладно врать-то, — отмахнулся я. Мне не улыбалось стать героем какого-то гоблинского пророчества, да и не верю я во все эти сказки. — Этот ваш Тре-тре что-нибудь перепутал или что-нибудь не то съел. И почему именно я? Что, так мало людей занимаются несправедным ремеслом? А может, я вообще до Храд Спайна не доберусь!

— Там также говорилось, что этот человек свяжет демонов с помощью лошади, — невинно намекнул шут, вколачивая очередной гвоздь в мои надежды вывернуться из всяких там гоблинских пророчеств.

Ну и пусть занимается разгадкой никому не нужной сказки! Главное, что я не верю в бред одуревших от красавки шаманов, а с шута много не возьмешь. Он же королевский дурак.

— Так, значит, Танцующий в тенях... Интересно, интересно... Вот что, Кли-кли, перепиши-ка мне это пророчество на бумагу, я на досуге ознакомлюсь, — сказал Арцивус.

— Хорошо, ваше магичество.

— На нормальной бумаге, Кли-кли! А не как ты написал письмо герцогу Патийскому! — предупредил шута король.

— Хорошо. — Шут немного скис.

Интересно, на чем додумался накалякать письмо дражайший Кли-кли ныне покойному герцогу?

— Игру-у-ушка, — пробасили у меня за спиной, и на середину комнаты выскочил человек.

Приличная рубаша была испачкана, штаны помяты, а на голове царило самое настоящее безобразие. Подлинное птичье гнездо!

— Хочу игрушку. — Человек шлепнулся на пол и стукнул ногой.

Боль своего отца, Сталкона Девятого, старший сын и неудавшийся наследник — Сталкон Лишенный Короны. Так уж случилось, что первый сын короля был идиотом. Что это было? Наказание богов или просто так уж получилось, но старший сын короля, почти мой ровесник, обладал разумом четырехлетнего ребенка. Естественно, он не мог претендовать на корону, которую теперь должен был получить младший принц — тоже, как и все мужчины этой династии, носивший имя Сталкон. К старшему же приставили нескольких нянек, и он жил в своем сказочном, детском и, наверное, очень счастливом мирке, в котором не было боли, грязи и крови настоящего, реального мира.

— Разве ты не должен спать? Где твои няньки? — спросил король у сына. В его голосе слышалась необычайная ласка.

— Бяки! — Вот и все, что думал принц о своих воспитательницах.

— Я отведу его, — вмешался Кли-кли. — Пойдем со мной, Сталкоша, пойдем. Я тебе игрушку дам.

— Игрушка?! — Старший сын короля проворно вскочил на ноги и протопал за уже выскользнувшим из двери шутом. В комнате повисло молчание.

— Я приношу свои извинения.

— Ну что вы, ваше величество, — проворковала Миралисса, и ее желтые глаза понимающе сверкнули. — Это не ваша вина...

— А чья, если не моя? Богов? — В голосе короля слышалась горечь. Ему никто не ответил.

Я понимал боль этого человека. Когда ни с того ни с сего здоровый двадцатилетний наследник вдруг превращается в идиота с разумом четырехлетнего ребенка и весь мир катится в пропасть, это ужасно. И страшно. Но наш король всегда слыл сильным человеком, он смог пережить и это. А если не пережить, то хотя бы не показывать свое горе жителям королевства. Ходили слухи, что юного принца поразила магия. Но что это была за магия и кто ее вызвал, распространители слухов сказать не успели. Вездесущие Королевские песочники заткнули ребятам рот, навсегда спровадив их в Серые камни, а может, и в более отдаленные места, из которых нет возврата. К счастью, у короля был еще один сын, и легендарная династия северных королей не прервется.

— Значит, это пророчество о тебе, Гаррет. — Король наконец нарушил уже начинающее становиться тягостным молчание.

— Я очень сомневаюсь в этом, ваше величество. — Я действительно не верил в гоблинские байки. — Это попросту совпадение, и ничего больше.

— Вряд ли это о нашем любезном воре, — поддержал меня милорд Алистан. — Воры не попадают в пророчества. Самое лучшее, на что может рассчитывать вор, — так это попасть в Серые камни.

Последняя фраза капитана гвардии была конечно же для меня.

— Ошибка исключена. — Шут появился бесшумно и сел на ковер, туда же, где минуту назад сидел старший сын короля. — Книга Брук-грук еще ни разу не ошибалась.

— Зато шуты имеют склонность ошибаться! — не согласился Арцивус. — Давайте диспуты по поводу причастности Гаррета к различным древним пророчествам оставим на следующий раз.

— А этого следующего раза и не будет, — буркнул шут, но спорить с главой Ордена не осмелился.

Арцивус тоже мало уделил внимания гоблинской сказке. Орден в этом отношении вообще очень старомоден и не обращает внимания ни на какие пророчества, если только их не сотворили маги Ордена.

— Леди Миралисса, не подскажите, что это такое — упомянутая в стихе Селена?

— Селена? Это на древнеорочьем, первом языке этого мира, если не считать огрского. Очень странный диалект. Если помучиться и пофантазировать, то Селена — это не более чем игра слов. Селаржын — на старом языке «луна», ена — «фиолетовый». Фиолетовая луна? Мне такое встречается впервые. В наших Анналах Кроны такого упоминания точно не встречается.

— Получается, в Храд Спайне есть фиолетовая луна, — хихикнул Кли-кли. Его сей факт отчего-то очень сильно позабавил.

— Ну, это только мой предполагаемый перевод слова. — Миралисса едва заметно нахмурилась. — Над бумагами должна еще поработать сотня мудрецов, чтобы понять, что к чему.

— И поработают, не сомневайтесь, принцесса, поработают. Гаррет! — Арцивус обратился ко мне. — Ты не возражаешь, если я возьму эту бумагу себе? Совет подумает над ней на досуге.

Я безразлично пожал плечами. А почему бы и нет? Стихотворение я вполне сносно помню наизусть, пусть берет, может, Орден что и раскопает. Вот только мне это никак не поможет, я уже буду слишком далеко в тот момент, когда на светлые головы магов снизойдет озарение разгадки. Если снизойдет.

— Ну и чудесно, — обрадованно сказал Арцивус, протягивая остальные бумаги гоблину, чтобы он передал их мне.

Кли-кли отвесил мне шуточный реверанс в лучших традициях

придворных дам, сложил ножки крестиком, присел и протянул бумаги. Я убрал их в сумку, не обращая на дурака никакого внимания, что, кажется, его не очень сильно расстроило. Во всяком случае, он незаметно для окружающих скорчил мне рожицу и вновь вернулся на ковер.

— У меня еще два вопроса. Что это за залы Уснувшего шепота и эха?

— Не знаю, Гаррет. У нас в Заграбе ходят легенды о многих страшных вещах, находящихся в Костяных дворцах, но я к ним попросту не прислушивалась. По крайней мере, про такие залы в Храд Спайне я ничего никогда не слышала.

— А кто такие эти Кайю?

— Точнее, слепые стражи Кайю, — поправила меня эльфийка. — Это еще одна сказка из тех, что живут уже второе тысячелетие. Она появилась в то время, когда мы стали воевать с орками в Костяных дворцах. Чтобы защитить могилы эльфийских владык от надругательства, наши шаманы вызвали из каких-то далеких миров существ, чтобы они вечно оберегали покой мертвых. Это очень-очень старая сказка. Никто уже сотни лет не был на тех ярусах, а наши записи о Кайю противоречат сами себе.

— Интересно, как слепые могут кого-то охранять?

— Палочкой, мой любезный вор, палочкой, — объяснил мне шут. — Ходят туда-сюда и палочкой по полу стучат. Ну, иногда еще друг на друга натыкаются и ругаться начинают.

— Кли-кли, помолчи.

— Замолкаю, милорд Крыса.

— Вы выступаете завтра поутру, — сказал король. — Леди Миралисса и ее спутники поведут отряд по лесам Заграбы. Алистан, ты командуешь отрядом. Постарайтесь нигде не задерживаться и вернуться как можно быстрее. Как только настанет весна и растают снега на перевале, Неназываемый двинет армию из Безлюдных земель.

— Мой король, может, стоит послать к Одинокому Великану несколько тысяч для поддержки?

— А смысл? Дикие все равно не выстоят. Регулярная армия там будет только мешать. Одинокий Великан — это всего лишь маленькая плотина, и она лопнет под объединенным натиском Безлюдных земель. Граница всегда держалась только на храбрости Диких и из-за неспособности агрессора объединиться. Послать туда армию, Алистан, это рискнуть жизнью королевства. Да ты и сам это должен понимать. К примеру, пошлем туда сотню Бобровых шапок и Веселых висельников с пяти кораблей. Они помогут Сердцам продержаться как можно дольше. Неделю, в крайнем случае две, чтобы я успел подготовить контрудар. Ближе к зиме нужно

будет отправить еще тысячу солдат.

— Мой отец и другие главы домов собираются прислать вам в помощь около трехсот лучников, — сообщила Миралисса.

— Да? — Это известие обрадовало не только короля. — Передайте мою благодарность вашему отцу, миледи.

Многим покажется, что триста лучников — это капля в море... Что ж, это действительно так, если это не эльфы. Триста эльфийских лучников способны устроить смертельную жатву среди врагов. Прошло уже восемьсот лет с тех пор, как Филанд чего-то не поделил со светлыми эльфами И'альяла, но все до сих пор помнят, как неполная сотня эльфов разгромила отряд тяжелой кавалерии филандцев. Попадая стрелами между сочленениями доспехов или в смотровые щели шлемов, выпуская по двадцать стрел в минуту, горстка эльфов заставила отступить четыре отборные сотни кавалерии. Точнее, успели отступить только двести человек. Еще столько же осталось на земле.

— Мы пройдем через Валиостр, пересечем Иселину и войдем в леса из Пограничного королевства, — между тем сказала Миралисса.

— Места там опасные, — неодобрительно нахмурился Маркауз. — Это ведь территория орков.

— Но здесь находится ближайший к нам вход в Костяные дворцы, до второго нужно будет еще две недели пробираться через леса Заграбы. — Миралисса поправила выбившуюся из высокой прически прядь пепельно-серых волос. — Так что нам придется рискнуть, так же как и предыдущим отрядам.

Алистан Маркауз ничего не сказал, но и ежу было бы понятно, что он не очень доволен перспективой добираться до Храд Спайна через леса орков. Как и я. По мне уж лучше сидеть дома и попивать винцо.

— Думаю, что за месяц вы достигнете цели своего путешествия. То есть в первых числах августа вы должны быть на месте, — произнес Арцивус.

— Это если никаких непредвиденных обстоятельств не будет, — возразил Сталкон.

Все сразу поняли, о каких непредвиденных обстоятельствах идет речь. О тех самых, что не дали закончить экспедицию первым двум группам.

— Надеюсь, их не будет. А за то время, как мы будем в походе, нужно готовить армию. На наше предприятие надежды маловато.

Граф Алистан не очень-то стремился отправляться в путешествие.

Вполне понятное нежелание. Мало того что придется путешествовать в компании с вором, так еще и короля в самое опасное время нужно

оставлять без опеки.

— Ты же знаешь, что я уже готовлю, — раздраженно отмахнулся Сталкон. — Но нас все равно мало. Катастрофически мало. Что такое несколько десятков тысяч против бесчисленных полчищ из Безлюдных земель? Капля в море. Король Шаргаз приносит свои извинения, но он не может прислать нам ни одного солдата. Все Пограничье сейчас возле лесов Заграбы, орки обнаглели. Пограничное королевство ждет нападения, и им нужен каждый солдат. Кстати, Гаррет, все, что я хотел от тебя услышать, я услышал. Можешь быть свободен. Не думаю, что тебе будут интересны государственные дела. Кли-кли, проводи мастера Гаррета и покажи ему его вещи, комнату и все остальное.

Я понял, что разговор окончен, встал, поклонился и вышел вслед за шутом. Мне действительно не интересно слушать, сколько кавалерии перебросить на левый фланг и какое количество провианта понадобится арбалетчикам.

— Следуй за мной, Танцующий в тенях. — В голосе шута слышалось невероятное количество официальности.

— Не называй меня так.

— Почему? — невинно скосил на меня глаза гоблин.

— Потому что я так хочу!

— О, — понимающе сказал шут. — Тогда не буду.

Мы вновь пересекли громаду тронного зала, теперь уже в обратном направлении, и вышли в коридоры дворца.

— Ты что предпочитаешь увидеть сначала? Свое временное место обиталища или нового друга?

— Какого еще друга?

— Пойдем покажу.

Идти пришлось довольно долго. Мы вышли из здания, прошли мимо уже опустевшего садика, из всех Диких там был лишь Горлопан, видевший уже свой четвертый, если не пятый, сон.

— Кли-кли, — спросил я у шута по дороге, — а эти Дикие, откуда они?

— Естественно, из Одинокого Великана, — фыркнул гоблин.

— Да нет же, — раздраженно фыркнул я в ответ. — Из какого подразделения Диких?

— О! Все, кроме Арнха, из "Шипов" - разведки. Арнх из "Стальных лбов" - тяжелой панцирной пехоты.

Шипы... Вот теперь я действительно спокоен за свою шкуру. С такими ребятами очень сложно попасть в неприятную ситуацию. Даже если очень-

очень стараться. Да и о мастерстве Толстолобиков, как называли Стальных лбов другие воины, ходит куча различных историй.

Наконец шут привел меня в хозяйственные постройки, находящиеся довольно далеко от дворца. Если быть абсолютно точным, шут привел меня прямо к конюшне.

Здесь пахло свежим сеном и навозом (тоже, кстати, свежим). Лошади в стойлах с интересом косились влажными карими глазами на незваных пришельцев. То и дело кто-нибудь из лошадиного племени тянулся к нам мордой в надежде получить угощение или просто для того, чтобы обнюхать неизвестных. Лошадок тут было с полсотни. И изящные доралисские кони, и невозмутимые тяжеловозы, и мощные, кажущиеся непосвященному такими страшными боевые лошади Низины.

— Вот, познакомься. — Шут положил руку на морду крупной кобылы пепельного цвета низинской породы. — Это Пчелка. Она теперь твоя.

— Мда? — неуверенно спросил я.

— В чем дело, Гаррет? — Кли-кли с интересом воззрился на меня. — Тебе лошадь не нравится? Это подарок короля.

— Ну почему не нравится? — Я погладил потянувшуюся ко мне лошадь за ухом. — Очень даже нравится. Просто я не очень хорошо умею на них ездить.

— То есть как?

— То есть так, — раздраженно ответил я гоблину. — По-твоему, у меня дел больше не было? Только и оставалось кататься на лошадях туда-сюда по Авендуму? Куда мне раньше было ездить, скажи на милость?

— М-м-м, дела... — протянул гоблин и почесал в затылке. — Ладно, я тебя сегодня научу.

Я посмотрел на шута с таким видом, как будто он предложил мне поцеловать ядовитую змею.

— Гаррет, успокойся. Я действительно могу тебе помочь. Ездить на лошадях довольно просто, к тому же ты сам сказал, что раньше уже ездил.

— Ну, ездил в далекие времена.

— Значит, вспомнишь, — решительно отмел все мои колебания гоблин. — Пчелка умная, ее обучали. Она к тому же является боевым конем, то есть кобылицей, то есть кобылкой... Ну, ты понял... Вот! На, угости ее.

Кли-кли достал откуда-то здоровенное красное яблоко и протянул его мне.

— Не гнилое? — Я еще помнил, чем шут накормил зверушку Сурка.

Кли-кли ничего не сказал, лишь посмотрел на меня так, как будто я

ему в душу плюнул.

Пчелка весело захрумкала угощением, и в ее миролюбивом взгляде стало еще больше доброжелательности. Не очень верится, что она боевая кобылка... Тьфу! Привязалось!

— Пошли, покажу тебе комнату, — потянул меня за рукав Кли-кли. — Там, кстати, вещи. Карлик вместе с кольцом принес.

Должно быть, Хонхель все же притащил то, что я не забрал в тот вечер из его лавки. Я безропотно пошел за королевским шутом, понимая, что сегодня он с меня не слезет и придется терпеть до завтрашнего утра, когда я с радостью помашу зеленому гоблину рукой.

— Кстати, нужно зайти к оружейнику и подобрать тебе приличный меч и кольчугу. — Кли-кли прямо распырало от жажды деятельности.

— Вот уж не надо мне такого подарочка. — Я отрицательно покачал головой.

— Ы-ы-ы... — Гоблин показал мне зубы. — Что не так в этот раз?

— Меч мне нужен так же, как удавка утопленнику. Я все равно не умею с ним обращаться. Мне, любезный шут, достаточно вот этого. — Я похлопал рукой по короткому клинку на бедре и сунул под зеленый нос королевского дурака арбалет.

— Ну как знаешь. — Шуту лень было со мной спорить. — Тогда подберем тебе броню.

— Я ведь не Алистан Маркауз, Кли-кли! Не собираюсь я таскать на себе выработку целой шахты гномов!

— Не нервничай. Найдем тебе легкую и безопасную броню. — Гоблин не унывал.

— Да не нужна она мне! В кольчуге двигаться неудобно! Тем более что я не собираюсь лезть в авантюры!

— Гаррет! — Шут направил на меня палец и вынес вердикт: — Ты скучный и неинтересный тип.

Хоть в чем-то мы с гоблином пришли к единому мнению.

Глава 19

Ночь во дворце

Удача в последнее время самым невоспитанным образом отвернулась от меня. Поэтому я нисколько не удивился, что в последнюю ночь, когда я хотел отоспаться в нормальной постели (когда еще представится такой великолепный шанс?), поспать-то мне и не дали. Я тихо застонал, проклиная все и вся, и, перевернувшись на спину, уставился в потолок. Трусливый сон бежал от меня, как здоровый бежит от прокаженного. Что же меня разбудило?

Поначалу я решил, что на меня снизошла очередная проделка гоблина. Но маленького шута поблизости не было, он спал младенческим сном где-то в своей комнате, намаываясь со мной за день. Шутка ли, преподать Гаррету урок управления лошадью, да еще так достать нытьем по поводу невыбранной кольчуги, что мне пришлось уступить его требованиям и подобрать себе железную рубаху из королевской оружейной. Шут остался доволен и с победной улыбкой отправился на боковую.

Вот опять! В спальню, находившуюся на втором этаже королевского дворца, проникли разбудившие меня звуки, точнее крики. На этот раз они были гораздо громче. Крики перемежались звоном оружия, а это было уже совсем плохо. Еще полностью не проснувшись, я считал возмутителей спокойствия обычными напившимися ребятами, возвращающимися, например, с гулянки, устроенной младшим сыном Сталкона. Однако выходило, что в коридорах дворца идет схватка. Вот только кто с кем и по какой причине сражается?

Раздумывал я на ходу, стараясь в темноте попасть в штанину и одновременно нащупать оставленный на стуле арбалет и сумку с болтами. За окнами загудели горны, поднимая на ноги гвардию. Вначале один, затем другой, и через короткий промежуток времени сигнал тревоги звучал по всему королевскому дворцу.

Наконец я справился с непокорными штанами и, схватив арбалет с болтами, бросился к окну. Речи о том, чтобы зажечь свечу, попросту не было. Слишком много времени нужно потратить. Придется заряжать арбалет при свете звезд. Нет, я могу зарядить его и в полной темноте, но перепутать обычный болт с каким-нибудь из волшебных, а затем пальнуть и самому оказаться поджаренным...

— Тревога! Тревога! — перекликались горны.

По улице бегали люди с зажженными факелами, по какой-то причине ни один из волшебных фонарей, сооруженных на территории дворца Орденом, не горел.

Прямо под моим окном пробежали несколько гвардейцев, двое несли на руках раненого. Чуть дальше, направляясь в противоположную сторону, двигался еще один отряд воинов, наконечники копий в их руках грозно блестели в дрожащем свете факелов.

Две человеческие тени выскочили откуда-то из дворца и бросились бежать вглубь сада. Один из гвардейцев первого отряда заметил беглецов. Оставив раненого на попечение двух гвардейцев, остальные воины бросились преследовать убегающих.

Один из беглецов остановился и вскинул руки. Затем человек отчего-то стал крутиться и одновременно раскачиваться из стороны в сторону. Гвардейцы перешли с бега на шаг, осторожно приближаясь к беглецам и не очень-то понимая, что вытворяет этот сумасшедший и не хочет ли он притвориться деревом. Разгадка раскрылась слишком поздно для солдат короля. Человек прекратил свое безумство и резко вскинул руку в сторону воинов. Приближающихся к нему гвардейцев раскидало в разные стороны, как детские соломенные игрушки.

Тьма! Это же самый настоящий шаман!

И тут же в ответ на магию шамана откуда-то с верхних этажей дворца ударил серебристый росчерк молнии. От неожиданности я пригнулся, пытаюсь прогнать разноцветную карусель, кружившуюся в моих глазах. Когда я вновь смог нормально видеть, беглецов уже не существовало. На том месте, где они только что находились, красовался огромный черный круг выжженной земли. По его краям еще горела трава. Маг Ордена жажнул по врагам от всей души. От злоумышленников ничего не осталось. Во всяком случае, отсюда их тел видно не было. Второй отряд гвардейцев уже спешил на помощь к пострадавшим товарищам.

Вновь запели горны, возвещая о тревоге и призывая к оружию.

Гвалт за дверью стоял невообразимый, бой уже шел в начале того коридора, где располагалась моя спальня. Значит, злоумышленников было намного больше, иначе отчего не слышно победных криков многочисленных гвардейцев?

— Король! Сталкон! Валиостр! — раздался боевой клич королевской гвардии.

— Неназываемый! Месть! — ответили им.

Так вот кто решился на такой шаг! Сторонники Неназываемого! Эти гады были повсюду. Иногда в сочувствии к Неназываемому стоило

подозревать родного и любимого дядюшку-одуванчика, который и мухи-то в обычной жизни не обидит. И чем сильнее становился мятежный маг, тем больше сторонников он обретал среди рода человеческого. Не понимал я таких людей. Что ими движет? На что они надеются, вступая на дорогу предательства?

Кто-то усиленно стал долбить в мою дверь.

— Кто? — рывкнул я, не спеша подходить к двери и на всякий случай направляя на нее арбалет.

— Гаррет, это Кли-кли! Отпирай скорее!

Голос был похож на голос королевского шута, но сомневаться, что его подделали, времени не было, схватка довольно живо продвигалась в мою сторону, и если за дверью маленький гоблин, то он может попасть в очень щекотливую ситуацию, оказавшись между молотом и наковальней.

Я подбежал к двери и поспешно отпер замок.

— Я не один, не стреляй. — Маленькой мышкой ко мне в спальню прошмыгнул Кли-кли.

Сразу за ним последовали еще две тени, чуть побольше, чем гоблин, но гораздо меньше меня.

— Закрой дверь, — подкинул хорошую идею Кли-кли. — Делер, зажги огонь.

Я захлопнул дверь и повернул ключ.

Вспыхнул маленький огонек, а затем и факел, который осветил лица моих гостей.

Шут оказался без своего колпака с бубенцами, его физиономия была необычайно серьезной и сосредоточенной. На правой щеке тонким красным волоском сияла неглубокая царапина. Двумя руками Кли-кли крепко сжимал топор, наверное снятый со стены. Во дворце такого оружейного барахла, как я уже успел убедиться, предостаточно. Топор, на мой взгляд, был для гоблина слишком тяжел.

Рядом с шутом стоял Делер, держа в одной руке факел, а в другой обоюдоострую секиру, щерившуюся на меня хищными полумесяцами лезвий. В отличие от гоблина, карлик не выглядел растрепанным. Даже шляпа с узкими полями, почему-то так напомнившая мне походный котелок, на голове у карлика сидела как влитая.

Третьим моим гостем был Халлас. Он, не обращая на меня никакого внимания, как будто пришел в гости к себе в Стальные шахты, подбежал к окну и стал смотреть на улицу. Боевую мотыгу гном небрежно прислонил к стене.

— Это мастер Гаррет, — представил меня воинам Кли-кли.

Делер вежливо снял шляпу, гном просто кивнул.

— Что случилось, Кли-кли? — спросил я у гоблина.

— Что, что — нападение! Они к королю пробирались, но гвардейцы что-то заподозрили, и пошла потеха!

— И как, стервецы, обнаглели! — загудел Делер. — Переоделись в мундиры гвардии!

— Да кто они такие?

— Раки, — сплюнул гном, не отрываясь от окна. — Выкормыши Рачьего герцогства! Да и другие сторонники Неназываемого, небось из ваших городских!

Гном скорчил рожу, говорящую о том, что к городским жителям Халлас относится ничуть не лучше, чем к гхолам.

— В общем, так, Гаррет, — деловито зачастил шут. — Один из этих отрядов сейчас движется по коридору сюда. Парни Алистана его сдерживают, но все равно отступают, силы слишком неравны. Мы должны им помочь.

За окнами раздался гвалт ничуть не слабее, чем за дверью.

— Эти отвоевались, — хохотнул Халлас и от избытка чувств ударил кулаком по подоконнику. — Гвардейцы их всех на копья посадили!

— Отойди ты от окна, чудо бородатое! — не выдержал карлик. — Нам сейчас других выручать надо!

— Да не ной ты, — отмахнулся от напарника гном, но все же подошел к нам, захватив по дороге мотыгу.

— Как мы им поможем, Кли-кли? — спросил я, надевая рубаху.

Четверо против скольких? С учетом того, что двое и оружие-то толком держать не умеют. Или карлик с гномом настолько хороши, что мы им с гоблином без надобности?

— Гвардейцы отступают, эти гады за ними, как только убийцы пройдут мимо нашей двери — у них будут открыты спины. Вот тут-то мы и ударим.

— Уже близко. — Гном, приложив ухо к двери, слушал.

Видно, на лице у меня отразилось слишком скептическое отношение к безумному плану гоблина, поэтому Кли-кли добавил:

— Гаррет, пораскинь мозгами! У тебя ведь огненные болты есть. Шандарахнем им в спину, мало не покажется!

— А ты откуда знаешь, что у меня есть? — Я уже разряжал арбалет, вытаскивая обычные болты и вставляя два огненных.

Сумку с остальными зарядами я, поколебавшись, перекинул через плечо.

— А я полазил в тех вещах, что твой карлик-торговец вместе с

кольцом Сталкона притащил, — нисколько не смущаясь, ответил Кли-кли.

— Еще чуть-чуть! — Делер присоединился к Халласу и застыл перед дверью, держа секиру и факел на изготовку.

— Господа, вы сейчас не лезьте, — предупредил я Диких. — А то и вам от моих болтов достанется.

— Магия, — скорчил презрительную гримасу гном.

— Ты мне тут поумничай, — бухнул Делер. — Как скажете, мастер Гаррет. А этому умнику я, если что, бороду оторву!

— Руки коротки, — парировал гном. — Сейчас как дам мотыгой!

— Ох, договоришься ты у меня, мотыжник. — Делер нехорошо сощурил глаза. — Кэ-э-эк стукну стулом! Сунешься вперед, поджаришься! Помяни мое слово!

— Делер сейчас стулом одному из этих голову проломил, — гордо сказал шут, как будто в этом была его заслуга, а не карлика. — Мы как раз отмечали, когда они появились и весь праздник испортили. Гады!

Что они отмечали, я спросить не успел, потому как гном рывкнул:

— Пора!

Он распахнул дверь и вместе с карликом выкатился в коридор. Мы с Кли-кли последовали сразу за ними. Я успел старательно помолиться, чтобы не попасть на лезвие чьего-нибудь меча.

Гвардейцы дрались отчаянно, но отступали. А на них напирало человек двадцать пять в точно таких же, как у них, серо-синих мундирах, но с белыми повязками на руках. К счастью, коридор был довольно узок, поэтому гвардейцы с грехом пополам сдерживали нападающих, которые не могли воспользоваться тем, что их большинство. К тому же копья в руках малочисленных сторонников короля давали небольшое преимущество перед врагом. Продвигались нападающие в два ряда. Задние не вступали в битву. Воины просто шли следом. Их спины оказывались беззащитными...

И этим следовало воспользоваться как можно быстрее, чтобы помочь гвардейцам. Преданные королю, как многие называли серо-синих, из последних сил сдерживали натиск противника.

— Чего ты ждешь?! — завопил на меня Кли-кли, возбужденно взмахнув топором и чуть не попав в голову переминающегося от нетерпения гнома. — Стреляй!

Щелк! И огненный росчерк рассек коридор.

Болт попал в толпу нападающих на гвардейцев заговорщиков и взорвался. Громыхнуло, вспыхнуло, кто-то заорал от ужаса и боли. По крайней мере пятерка убийц отправилась во тьму. От человека, в которого я попал, остались одни головешки.

Но надо отдать должное нападающим — они быстренько разобрались, в чем тут дело, и семеро воинов отделились от общей кучи, продолжившей битву с воспрянувшими гвардейцами. Ребята стояли насмерть, больше не собираясь отступать.

Между тем на нас двинулись семь человек.

Гном, рыча, бросился наперерез бежавшим к нам воинам, но Делер швырнул в бегущих факел и освободившейся рукой успел схватить Халласа за бороду и резко дернуть вниз. Халлас взвыл и упал на пол. Делер и Кли-кли последовали за ним, зная, что сейчас произойдет.

Я выстрелил второй раз, целясь в здорового детину, несущегося на меня бодрой прытью одуревшего от счастья кабана.

Еще раз грохот освободившегося из магической ловушки огня ударил по ушам, а лицо лизнули языки жара. В этот раз все произошло довольно близко, и я только каким-то чудом избежал встречи с огнем.

Детина, как и следовало ожидать, развалился надвое, еще двоим, бежавшим по бокам от него, попросту оторвало все выступающие части тела. Остальные оглушенно трясли головами, протирали глаза и дружно вопили. Особенно тот парень, у которого сгорели волосы, а теперь огонь весело поедал его одежду.

Халлас сказал что-то насчет того, что дайте срок — и он доберется до скотины, посмевшей схватить его за бороду, а затем принялся мотыжить пока еще не отошедших от последствий выстрела врагов. Делер решил не оставлять всю забаву на одного гнома, подобрал с пола факел, и его секира запела песнь в унисон боевой мотыге гнома. Один из врагов попытался ударить карлика мечом сверху вниз, но рыжий Делер поднырнул под падающий клинок и перерубил ретивому воину обе ноги. Тот, захлебываясь криком, упал на пол, но его безжалостно добил гном, опустив мотыгу ему на голову.

Буквально за полминуты из бравой семерки, точнее четверки, оставшихся в живых после моего выстрела, никого не осталось. Карлик с гномом работали слаженно и вдохновенно.

— Сталкон и Одинокый Великан! — заорал Халлас и, потрясая мотыгой, побежал к оставшимся врагам, которые в это время сражались с прибодрившимися от нежданно свалившейся помощи гвардейцами.

Делер, так и не выпустивший из руки факел, ткнул его кому-то в голову, наискосок с кряканьем саданул секирой другого. Теперь перевес был уже на нашей стороне, и гвардейцы с дружным ревом сминали последнее сопротивление.

— Как мы их! — воодушевленно сказал Кли-кли.

Гоблин стоял, широко расставив коротенькие ножки, и топор, казавшийся огромным в его руках, касался лезвием мраморного пола. Шут заметил мой скептический взгляд.

— Ладно, ладно, Гаррет! Ты их, — миролюбиво согласился он. — Но если бы я тебя не охранял...

— Это ты меня охранял? — возмутился я, между делом перезаряжая арбалет, на этот раз уже самыми обычными болтами.

— Я! — Смутить шута было довольно сложно. — Ну а если ТЫ не согласен, что я спас тебя, то моя заслуга все равно стоит всех сокровищ Сиалы. Ведь это я придумал гениальный план нападения на ничего не подозревавшего противника.

— Смотри не умри от бахвальства, — ответил я Кли-кли, наблюдая, как последнего злоумышленника протыкает гвардейский меч.

— Сзади, Гаррет! — взвизгнул гоблин, и я резко обернулся.

С другой стороны коридора к нам приближался целый отряд воинов, но понять, кто это такие — гвардейцы или переодетые в гвардейскую форму враги, было сложно.

Увидев, что я направил арбалет в их сторону, неизвестные закричали:

— Сталкон и Весенний Жасмин!

— Гаррет, это свои! — крикнул шут, опасаясь, что я ненароком подстрелю младшего сына короля, получившего прозвище Весеннего Жасмина за случай, когда...

Но это уже другая история, надеюсь, на нее еще найдется и время, и место, и благодарные слушатели.

Многочисленный отряд гвардейцев под командованием Сталкона-Жасмина поравнялся с нами.

— Вижу, Кли-кли, что ты тоже воюешь, — усмехнулся принц.

Ему было всего восемнадцать, но паренек вполне уверенно держал меч, а господа гвардейцы готовы были прыгнуть на горячие угли вслед за будущим королем.

В юном Сталконе чувствовалась порода. Он не очень походил на своего отца и старшего брата — Сталкона Лишенного Короны. Стройный и гибкий принц больше взял от матери, второй жены Сталкона Девятого.

— Наш славный шут всех победит, — весело хохотнул уже знакомый мне по встрече возле ворот гвардеец-барон.

— Эх, хорошо! — К нам подошел Халлас, его мотыга по самую рукоять была в крови.

Стали подтягиваться и другие гвардейцы из отряда, которому мы помогли выстоять.

— Мой принц! — Рубаха лейтенанта Изми намочла от крови, но стоял он крепко, не обращая внимания на досадную царапину. — Я счастлив, что вы пришли нам на подмогу!

— Это не он пришел. — Шут не собирался оставаться в стороне и намеревался получить свою долю славы и благодарности. — Если бы я не придумал гениальный план, мастер Гаррет не выстрелил волшебными болтами, а славные господа Делер и Халлас не поработали железом, лежать бы вам, лейтенант, вместе с ребятами на полу.

— Я обязательно награжу тебя орденом, дорогой Кли-кли. — Принц постарался сохранить серьезное выражение лица.

— И маршальским жезлом, — немного оттаяв, буркнул гоблин.

— Я подумаю. — Все же принц улыбнулся.

Некоторые гвардейцы попросту хохотали. Как будто и не было никакого боя. Умеют ребята расслабляться в любое время!

Вновь запели горны, но теперь в их голоса уже ворвались небедные нотки, и тут же к принцу подбежал неведь откуда взявшийся гвардеец.

— Мой принц. — Он едва-едва поклонился и зачастил скороговоркой: — Северное и Западное крыло дворца полностью освобождены, в Восточном еще идут отдельные схватки, но милорд Алистан с ребятами разберутся с ублюдками сами. На третьем этаже Южного крыла идет бой, гады хорошо укрепились в зале, и мы их не можем выкурить.

— Что с отцом? — коротко бросил принц.

— Король в безопасности и вместе с тремя отрядами парней идет на соединение с милордом Маркаузом. Он попросил вас зайти в Южное крыло с Жемчужной лестницы, а Алистан пройдет из зала Цветов.

— Идемте, прижмем мокриц! — гаркнул принц.

Гвардейцы ринулись вслед за будущим королем. Гном и карлик увязались следом, причем шли они в первом ряду и чуть ли не обгоняли молодого Сталкона. Воистину карликам и гномам только бы повоевать!

— Пошли, Гаррет. — Кли-кли дернул меня за край расстегнутой рубахи. Твой арбалет еще понадобится!

— Я вор, а не солдат, — запротестовал я. — К тому же людей с арбалетами тут хватает.

Действительно, среди гвардейцев я насчитал по крайней мере восьмерых, несших тяжелые армейские арбалеты, болты которых способны насквозь прошить воина в тяжелых доспехах.

Но я все же пошел вместе со всеми, так, в общем-то, и не поняв, что меня подвигло на столь безумный поступок. Разбираться в собственных

мотивах буду после. Если это после когда-нибудь настанет.

Следы боя были повсюду. Валяющееся оружие, разбитые вазы, сорванные гобелены, кровь и тела. На полу лежали и гвардейцы, и самозванцы. К утру кто-то должен лишиться головы. Во дворец проникли не пятьдесят и даже не сто бойцов. Счет шел на несколько сотен, а эти сотни никак не могли попасть сюда без посторонней помощи. Значит, предатели есть среди дворцовых слуг и, боюсь, даже в рядах гвардии. Королевским песочникам предстоит большая работа по выявлению злодеев.

Во время продвижения отряда по коридорам, лестницам и залам дворца к нам присоединялись гвардейцы. Иногда это был один человек, иногда сразу двадцать. Бой закончился, критическая точка битвы, когда решается, на чьей стороне сегодня будет Сагра, перевалила за середину. Мы выстояли. Враг думал, что серо-синие дадут застать себя врасплох, и поплатился за это. Какую бы цель ни ставили перед собой сторонники Неназываемого, в этот раз у них ничего не вышло, а следующего раза, думаю, уже не будет. Во всяком случае, такого дерзкого нападения. Милорд Крыса приложит все усилия, чтобы даже мышка не прошмыгнула, не то что три с лишним сотни убийц.

— Изми, бери четыре десятка и заходи в Южное крыло через сад, — отдал приказ принц. — Захлопнем мышеловку!

— Маркиз Вартек, ваши люди готовы? — спросил Сталкон у беловолосого гвардейца.

— Да! — Еще один мой знакомый по встрече на воротах сейчас был необычайно сосредоточен.

— По северному коридору, прижмите их к стене, остальные за мной!

— Гаррет, мы с маркизом! — Кли-кли полностью взял на себя командование моими дальнейшими действиями.

Остальные гвардейцы между тем уже уходили за принцем в очередной коридор.

— Лишний арбалет не помешает, — кивнул Вартек, принимая в свой маленький отряд нашу компанию.

— Как и секира! — Делер все же умудрился в пылу боя потерять свою шляпу.

— Как и мотыга! — возразил гном, сунув под нос карлику окровавленное оружие.

Я тихо застонал, предвидя очередной спор, но Вартек с восемью арбалетчиками уже поднимались по лестнице, поэтому Делер только сплюнул под ноги и поспешил вслед за солдатами. Халлас решил не

отставать от напарника, закинул мотыгу на плечо и, пыхтя, тоже принялся подниматься по лестнице. Я и шут замыкали шествие, причем Кли-кли выглядел таким воинственным, что, выскочи на нас Х'сан'кор, неизвестно, что бы с ним случилось от страха.

— Тебе не тяжело? — заботливо спросил я у гоблина. — Бросил бы топорик-то.

— Ты за собой следи, — процедил шут, но все же, как только мы натолкнулись на очередные последствия дворцовой схватки, отбросил тяжеленный топор в сторону и поднял длинный кинжал с листообразным лезвием.

Шут пару раз взмахнул оружием, чуть не отрезал себе ухо и остался вполне доволен новым приобретением.

Мы свернули в широкий темный коридор, тут не было ни факелов, ни фонарей. То ли их погасили, то ли попросту не успели зажечь. Лишь шагах в ста впереди горел свет. Так что нам пришлось идти почти на ощупь. Никто, к счастью, не упал, лишь Делер разразился стонами и шипением, когда кто-то в темноте наступил ему на ногу. Но карлик приберег ругань на другой раз и поэтому только буркнул себе под нос что-то на гномьем языке, стараясь больше не попадаться людям под ноги.

Четыре коридора сходились в одном месте и приводили путников в огромный зал с зеркальными стенами. Конечно, он был не таким гигантским, как тронный, но достаточно большим, чтобы в нем собрались последние сторонники Неназываемого. Они сгруппировались в центре зала, обнажили оружие и просто ждали. Человек сорок в центре круга. За их спинами было что-то большое и темное, сверху накрытое тряпкой. Я толком не смог рассмотреть, что это такое. Спины обороняющихся надежно скрывали неизвестную вещь.

Все коридоры были перекрыты, и злоумышленникам попросту некуда было деться. С одной стороны принц с гвардейцами, с другой — отряд Изми, с третьей — Алистан Маркауз, уже успевший облачиться в свою любимую броню. Он и копейщики медленно подбирались к врагам, сжимая кольцо. А с четвертой были мы, да пяток гвардейцев, да Дикие.

— Явились, — бухнул Дядька, неодобрительно оглядывая гнома и карлика. — Где вас носило?

— Развлекались мы. — Делер небрежно протирал тряпицей лезвия секиры.

— Давай, Вартек! — крикнул Изми с другого конца зала.

Восемь арбалетчиков выдвинулись вперед, и армейские тяжелые арбалеты — склоты замерли в хищном напряжении, готовые по первому

приказу выплюнуть болты в цели.

— Эй, вы! — гаркнул Маркауз. Голос из-под его шлема, так похожего на крысину голову, звучал приглушенно. — Сдавайтесь, и король обещает вам справедливый суд!

Из рядов сторонников Неназываемого вылетело ответное предложение, советующее, что король должен сделать со своим наисправедливейшим судом и куда он его может засунуть. Ребята как минимум трижды совершили преступление против короны, поэтому надеяться на милость короля у них не было никаких оснований. Все равно они, можно считать, покойники.

Маркауз едва кивнул, и раздалось дружное щелканье склотов. Восемь болтов попросту пробили не защищенных кольчугой людей насквозь. Три болта, после того как поразили свои цели, умудрились пройти сквозь тела людей и убить стоящих позади. Капитан гвардии не собирался гнать своих воинов на убой. Проще расстрелять врагов издали.

— Перезаряжай! — раздалась команда Вартека.

Гвардейцы уперли арбалеты в землю, поставили на специальную подставку ногу и с остервенением принялись крутить механизм, отвечающий за натягивание тетивы. Да... Это не моя игрушка, тут штуки посерьезней.

Пока гвардейцы приводили арбалеты в боевую готовность, из рядов врагов вышел человек. Он молча поднял руки вверх, медленно стал крутиться и одновременно раскачиваться из стороны в сторону, как будто был деревом, борющимся с порывами осеннего ветра. То же самое делал шаман в королевском саду, пока его не испепелила молния кого-то из магов Ордена.

Я понял, что у всех нас начались большие проблемы и, если в эти секунды что-то не предпринять, на нас дубиной упадет огрское шаманство.

— Алистан! — заорал я. — Алистан, он шаман!

Арбалетчики только-только закончили натягивать тетиву и теперь накладывали болты, но опаздывали. Безнадежно опаздывали.

Я выстрелил. Сначала один болт, затем другой. И не попал. Руки слишком дрожали или смерть решила в этот раз обойти шамана стороной, но болты прошли мимо, лишь второй едва-едва задел его серо-синий гвардейский мундир.

Нас всех спас кто-то из гвардейцев отряда Изми, кинув в шамана копье. То ли шаман был простофилей, то ли неумехой, но он даже не успел выставить перед собой преграду. Тяжелое оружие ласточкой промелькнуло через весь зал и со смачным всхлипом ударило колдуна в живот, отбросив

его назад, в толпу сторонников Неназываемого.

И вот тут-то это случилось. Уж не знаю, почему он начал действовать — то ли его разозлила смерть шамана, то ли он был под контролем колдуна, то ли ему попросту надоело ждать. Но зал огласился яростным ревом, и, расталкивая последних из оставшихся злоумышленников, перед нашими глазами предстал тот, кто чуть ранее прятался под кучей тряпок, а точнее под сорванной откуда-то со стен дворца черной драпировкой.

— Огр! — закричали гвардейцы.

В их голосах звучал нескрываемый ужас.

Я смотрел на существо, ранее виденное мной только на картинках, во все глаза. Эти ублюдки умудрились протащить во дворец настоящего живого огра! Одного из племени тех, кто не ступал на землю Валиостра вот уже несколько тысяч лет! Хотя у Рачьего герцогства было несколько кораблей, и они были вполне способны рискнуть и провезти эту тварь на нашу землю морем Бурь, минуя стороной Одинокого Великана.

Несведущему трудно поверить, что огр является родственником орков и эльфов. Высотой два с половиной метра, с иссиня-черной, агатовой кожей, мордой, где сходство с эльфами и орками заключалось только в черных губах, огромных клыках, растущих из-под нижней губы, и пепельно-серой гриве волос. Маленькие черные зрачки, почти сливающиеся с радужкой на фоне голубых белков, кабанье рыло и огромные заостренные уши, причем каждое ухо размером с приличный лопух. Мощное, кажущееся квадратным тело, облаченное лишь в шкуру белого медведя, под которой жгутами переливались стальные бугры мышц. Шеи у огра вообще не было, казалось, что его голова растет прямо из плеч. В довершение всех неприятностей у монстра в руке был здоровущий топор. Его зазубренным лезвием, если постараться, вполне можно перерубить колонну, удерживающую фасад Королевской библиотеки. Я не шучу.

— Все назад! — коротко рыкнул Медок. — К стенам! Арбалетчики, не спать!

Гвардейцы дружно шарахнулись к стенам или стали отходить в коридоры. Арбалетчики дали очередной залп. Попал по закону всемирного свинства лишь один. Болт врезался в правую верхнюю часть груди огра, заставив того сделать невольный шаг назад и... И все, собственно. Вот и весь эффект. По слухам, у этих созданий два сердца, и, чтобы все сделать наверняка, нужно поразить их оба. Чего уж тут говорить, если сейчас болт практически не задел никаких жизненно важных органов.

— Сурок, справа! Горлопан, заходи со спины! Сейчас мы разделаем этот орешек! — Медок уже шел на огра, раскручивая над головой

страшный кистень - огр-шач.

Цепь, соединяющая рукоять и било оружия, рассерженно звенела.

Сурок с Горлопаном уже окружали огра, держа полоторные мечи обеими руками. Огр рыкнул, резко развернулся и ударил топором сверху вниз, в голову Горлопана. Тот отпрыгнул в сторону, и топор ухнул, разбив изящную плитку пола. Во все стороны брызнула каменная крошка.

Сурок воспользовался заминкой огра и, подскочив к нему сзади, ударил врага мечом по ноге. Даже не ударил, а небрежно царапнул ногу, подрезая сухожилие под коленом. Огр ударил древком топора назад, ткнул им Сурка в грудь, и тот отлетел на несколько метров, проехав по скользкому полу на спине.

— Штихс! — выругался Халлас, крепко сжимая в руках мотыгу, но лезть в бой не торопился. Сунуться сейчас в схватку — это помешать своим же парням.

— Кот, подсоби, — коротко отдал приказ Дядька, и толстый человечек шариком выкатился вперед и оказался впереди пытающегося встать на ноги Сурка, защищая его от возможной опасности.

В это время опомнились оставшиеся в живых враги. Поняв, что, пока все заняты огром, у них, возможно, появился единственный шанс, мерзавцы стали прорываться к коридору, возле которого находились бойцы Изми. Если бы воины Алистана не бросились наперерез противнику, презрев опасность нарваться на топор огра, ублюдкам удалось бы уйти.

В зале завязалась драка. Арбалетчики выстрелили в очередной раз, разумно полагая, что с огром справятся и Дикие, а помощь арбалетных болтов не помешает ринувшимся в драку товарищам-гвардейцам. Восемь врагов упали, пронзенные болтами. Оставшиеся без дела Дикие тоже побежали на помощь гвардейцам. В коридоре остались лишь я и шут.

— Гаррет, ты не суйся, без тебя справятся, — подал прекрасную идею Кли-кли.

Я так и сделал, предпочитая наблюдать за схваткой издали.

Огр между тем распалился не на шутку. Перед ним была лишь одна цель — проклятый желтоволосый человек, раскручивающий над головой тяжелый огролом. Огр припадал на правую ногу, но, как мельница, размахивал перед собой топором в надежде зацепить Медка. Медок, который на две головы был ниже огра, выжидал, постепенно отступая, благо зал был большим и загнать Дикого к стене у огра не получалось.

И Медок дождался. Подскочивший к врагу сзади всеми забытый Горлопан с кривой усмешкой ударил мечом по другой ноге огра, и тот упал на колени, недоуменно оборачиваясь. Горлопан уже отбежал на

недосягаемое для топора огра расстояние и с интересом наблюдал, как огролом, начав свой последний разбег, с хрустом пробивает голову отвернувшегося от Медка огра. Тварь кулем муки упала на пол и замерла.

— Здорово! — Горлопан подошел к телу огра и пнул его.

— Ф-фу, — протянул Медок, вытирая рукавом пот со лба. — Пока одного гада завалишь, полжизни растеряешь!

— Пошли нашим поможем. — Горлопан почесал переносицу.

— Чего там помогать? — К ним подошел державшийся за грудь Сурок. — Все кончено.

Действительно, все было кончено. Последний враг покинул наш мир, и гвардейцы устало садились прямо на пол. Ни одного сторонника Неназываемого не удалось взять живым, они все предпочли погибнуть в бою.

— Гаррет, пошли! — Шут вьюном проскользнул мимо воинов и залез на тело огра. — Ух ты!

— Вот тебе и ух ты! — сплюнул Фонарщик, в этот раз при нем не было огромного биргризена, и сражаться Мумру пришлось обычным мечом. — Мне еще не хватало с ограми воевать вдали от Безлюдных земель!

— Хей! Хей! — запротестовал Арнх. — Нытье — любимое занятие Горлопана, а не твое!

Постепенно вокруг тела огра стали собираться гвардейцы. Они потрясенно молчали, рассматривая труп чудовища.

— А он здоровый! — с ноткой восхищения в голосе произнес гоблин, меряя тело огра своими маленькими шажками.

— Слезь с него, Кли-кли. — Алистан Маркауз снял шлем и теперь хмуро взирал на гоблина. — Вообще, что ты тут делаешь?

— Воюю. — В подтверждение своих слов шут помахал кинжалом. — Вместе с Гарретом. Вон принц подтвердит.

— Надо проверить каждую комнату и каждый коридор. Мог еще кто-то уцелеть, — вместо подтверждения сказал принц.

— Сейчас распоряжусь. — Алистан кивнул.

Я старался не лезть в первые ряды и как можно незаметнее слинять, но возвращаться в спальню одному было боязно. А вдруг на кого нарвусь? И в общем-то не важно на кого, на уцелевших врагов или на ретивых гвардейцев, готовых сейчас нанизать на копья кого угодно. Просто так, для количества. А разбираться уже потом будут — друг я им или враг.

— Пошли, Гаррет, нас тут не ценят, — подошел ко мне Кли-кли.

— И куда идем?

— Да хоть бы и выпить!

— Ну нет! Сегодня с утреча мне в дорогу, и я намереваюсь хоть немного выспаться.

— У, вечно ты такой скучный! — расстроился гоблин, но все же увязался проводить меня до двери.

К нам присоединились Делер и Халлас. Делер намеревался поискать любимую шляпу, потерянную в горячке боя, а гном — выпить за компанию с Кли-кли.

— Как там с Сурком? — немного погодя спросил у карлика шут.

— Нормально, даже ребра целы. — Делер почесал в затылке. — Наш Сурок успел надеть броньку.

— Вот если бы огр звезданул древком Кота... — протянул гном.

Мда, Кот вообще воевал в одних подштанниках.

— Делер, ты к нам присоединишься? — Кли-кли перепрыгнул через распростертое тело гвардейца в серо-синем мундире, но с белой повязкой на рукаве.

— А то! — Дважды приглашать карлика промочить горло не пришлось.

— Вот видишь, Гаррет, — подколот меня шут. — Не все такие буки, как ты.

Я бросил на гоблина кислый взгляд, и тот заткнулся, понимая, что сегодня вор шутить не намерен.

Гном бормотал что-то себе под нос и, зажав мотыгу под мышкой, загибал пальцы на обеих руках. Как оказалось, он считал, сколько врагов за сегодня ему удалось уложить. По подсчетам гнома, выходило, что сорок пять. Услышав такую цифру, Делер споткнулся на ровном месте и сказал, что самомнение у некоторых гномов длиннее, чем их борода.

— Ну чего ты цепляешься? — недовольно спросил Халлас. — Сколько тогда, по-твоему, я пристукнул?

— Девятерых, — сказал карлик и поднял с пола свою помятую шляпу.

— Сколько? — возмутился гном. — Да мы, гномы, воюем...

— Паршиво вы воюете, — перебил Халласа Делер. — Навоевали на поле Сорна. Знаем, знаем.

— Это кто еще навоевал?! — Гном готов был устроить форменную драку. Дали мы вам под зад!

— Нам?! — Карлик остановился и сжал кулаки. — Нам под зад?! То-то у вас ни одного мага после этой битвы не осталось!

— Ничего, у нас еще будут маги!

— Ага! Во! — Карлик сунул кукиш под нос гному. — Все ваши

магические книги остались у нас! Приходите и забирайте, мотыжники проклятые!

— И заберем! И возьмем! — брызгал слюной Халлас. — Дайте срок, сровняем Горы карликов с землей! Вот прикатим пушки...

Дальше я не слушал, вошел в спальню и плотно закрыл за собой дверь. Никакая свара карлика с гномом не отвлечет меня от важного занятия — сна.

Кажется, я только-только успел коснуться головой подушки, а меня уже тряс за плечо приставучий и вездесущий Кли-кли:

— Гаррет, вставай! Просыпайся!

Я тихо зарычал и с закрытыми глазами попытался нащупать поблизости что-нибудь тяжелое, чтобы наверняка пришибить надоедливого гоблина.

— Кли-кли, — простонал я. — Побойся богов! Дай мне до утра поспать! Иди пьянствуй со своими новыми друзьями!

— Уже утро, вор, — возразил мне гоблин. — Через полчаса вы выступаете.

Эти отнюдь не радостные слова заставили меня вскочить с кровати. Я ословело потряс головой и уставился в окно. Ночное небо на востоке постепенно бледнело, ожидая нового рождения солнца. Часа четыре утра, не больше.

— Алистан совсем с ума сошел, если решил, что мы выступим в такую рань? — спросил я у севшего на стул гоблина.

— А ты хотел, чтобы тебя с фанфарами провожали? — хихикнул шут. — Днем в городе слишком много глаз. Слухи пойдут.

— Все, кому надо, уже знают о нашем маленьком путешествии, — резонно возразил я шуту.

Тот только согласно хмыкнул и промолчал.

— Кстати! — осенило меня. — Каким образом ты пробрался в запертую комнату?

— Не ты один, Гаррет, можешь вскрывать замки. — Голубые глазищи гоблина весело сверкнули. — Тут есть один тайный ход... Ты готов?

— Сейчас, дай только вещи собрать, — буркнул я.

— Уже все давным-давно собрано и нагружено в седельные сумки Пчелки. Я позволил себе позаботиться о лучшем друге.

— Это кто твой лучший друг?

Шут, как и раньше, оставил мой иронический вопрос без ответа.

По дороге мы встретили Халласа с Делером. Эта неразлучная парочка тоже вышагивала в сторону конюшни, оживленно споря по дороге. Как

говорят, горбатого могила исправит. На удивление, оба были живы и здоровы, видать, драки между ними так и не произошло. Дикие присоединились к нам, и весь остальной путь мы прошли вместе.

— Ты мне лучше скажи, куда ты ночью ходил? — обиженно ворчал Делер.

— К родственникам, в город, — невозмутимо ответил Халлас.

— Угу, как же, — хмыкнул карлик. — Нужен ты им в два часа ночи. Так они тебя и ждут. Небось опять по бабам?

— А если и по бабам! — взбеленился Халлас. — Тебе-то какое дело?

— И мешок притащил какой-то, — продолжал ворчать Делер.

Действительно, за спиной гнома болтался холщовый мешок. Такие мешки носят рудокопы и добытчики драгоценных камней в Стальных шахтах.

— Ну и что? — Халлас принялся раскуривать трубку, и Делер презрительно сморщил нос.

— Чего в мешке-то тащишь? — с любопытством спросил карлик.

— Я же не спрашиваю, что у тебя в бочонке. — Гном всеми силами стремился сменить тему разговора.

— А чего тут спрашивать? — немного удивленно спросил Делер и потряс объемистым бочонком, который он, кряхтя, нес обеими руками.

Бочонок, надо сказать, был размером в половину карлика, и в нем что-то жизнерадостно булькнуло.

— Вино в нем, вино.

— Это где же ты надыбать такую ценность успел? — хмыкнул Халлас, выпуская табачные колечки дыма.

— Кли-кли подсобил, — радостно улыбнулся карлик. — Из сталконовских погребов.

— И чего ты с ним делать будешь?

— Пить! Мотыжная твоя голова! — рывкнул карлик. — Чего еще с вином делают? Повешу на лошадку и потихоньку буду опустошать.

Последнюю фразу Делер произнес с мечтательным выражением на лице.

— Смотри, допрыгаешься! Узнает Дядька... — буркнул гном.

Мы подошли к конюшне. Первое, что бросалось в глаза, — это оседланные лошади и вооруженные люди. Тут уже были знакомые мне Дикие, вот только теперь неопытному взгляду будет трудно определить, что это Дикие Сердца, а не обычные солдаты из пограничного гарнизона. Знаменитые нашивки в виде зубастых сердечек были безжалостно содраны с потертых кожаных курток. Да и рукоять огромного меча Фонарщика, как

я заметил, была обернута полосой черной ткани, скрывающей под собой золотой дубовый листок мастера. Еще одна предосторожность или способ как можно меньше привлекать к себе посторонние взгляды. Любимую игрушку — биргрizen — Мумр каким-то чудом прикрепил рядом с седельными сумками и, видно, до смерти перепугал несчастную пегую лошадку оружием. Бедняжка испуганно прыдала ушами и косилась глазами-яблоками на Фонарщика, восседающего на ней. Тут только я понял, чего опасается эта лошадь. Мумр с самым задумчивым видом вертел в руках дудку, видно решая: погудеть или не стоит? Музыка Фонарщика пугает не только людей, но и животных. Надеюсь больше никогда не услышать этой мерзкой дудки.

— Гаррет, пора, — сказал шут.

Значит, прощальных речей и напутствий со стороны короля и Арцивуса ожидать не придется. Они даже не пришли. Действительно, больно им надо провожать смертников, да и дел после ночного нападения, должно быть, выше крыши. Когда уж тут вспомнить о маленьком отряде!

Я подошел к лошади, приветственно похлопал ее по шее, в ответ

услышал довольное фыркание и взобрался в седло.

— Моя школа! — довольно улыбнулся гоблин, обращаясь ко всем присутствующим в надежде получить одобрение.

Все были слишком заняты, чтобы обращать внимание на надоедливого шута. Лишь Угорь бросил на нас насмешливый взгляд и проверил, легко ли выходят из ножен «брат» и «сестра». Кли-кли несколько не огорчился таким явным игнорированием своей персоны и, задрав голову кверху, сказал:

— А вон и последние твои спутники. — Шут указал на эльфов рядом с Миралиссой. — Элл из дома Черной розы и Эграсса из дома Черной луны.

Я окинул эльфов заинтересованным взглядом. Элл, с густой пепельно-серой шевелюрой и челкой, почти ниспадающей на янтарные глаза, как раз надевал на голову шлем, полностью скрывающий его лицо.

Эграсса, эльф с серебристым ободком на голове, как видно являющимся каким-то отличительным знаком, о чем-то негромко разговаривал с Миралиссой. Точно такой же шлем, как у Элла, он держал в руках.

— Они с ней родственники? — спросил я у Кли-кли, наклонившись как можно ниже.

— Мда, двоюродный братец, кажется. Но что родственник и что из королевского рода — это факт! Да ты и сам по этому дурацкому «сса» в имени видишь. Ну я пойду с карликом и гномом попрощаюсь, — пробормотал гоблин и исчез.

Миралисса почувствовала мой взгляд и обернулась. Мимолетная улыбка узнавания и легкий кивок. Ее собеседник тоже приветственно кивнул мне. Уж в чем, в чем, а в вежливости эльфам не откажешь. Вначале пожелают доброго дня, а уж потом перережут горло. Культурные, стервецы!

Миралиссу, если честно, я поначалу не узнал. Шикарное мирануэхское платье ушло в небытие. Его сменила обычная мужская, пусть и эльфийская, одежда. Сложная высокая прическа тоже исчезла, превратившись в толстенную пепельную косу, спускающуюся до самого пояса. За спиной у эльфийки, как и у ее спутников, висел эльфийский боевой серп — с'каш, рядом примостился грозный лук и колчан, полный тяжелых стрел с черным оперением.

Эльфы подходят к оружию консервативно, не то что воины людей, и пользуются обычно только кривыми клинками или луками. Остальным оружием постольку поскольку.

А вот у десятка Дядьки какого только смертоубийственного железа при себе не было! Начиная с обычных мечей, арбалетов, прикрепленных рядом с седельными сумками, и заканчивая огр-шачами, боевыми мотыгами, секирами и биргрizenами. И это если не считать круглых щитов у каждого второго. Внушительный арсенальчик и внушительная компания.

Правда, милорд Алистан, отдающий последние распоряжения лейтенанту Изми, остающемуся вместо него командовать гвардией, меня довольно сильно удивил. На нем не было его доспехов. Их заменила точно такая же, как и у других Диких, куртка с нашитыми на нее металлическими бляхами. Нет, я не удивлюсь, если на выючной лошади обнаружится кольчуга или там чего потяжелее, впрочем, как и у Диких, но сам факт, что Крыса отправляется в путь без доспехов, ставших для него родными...

Между тем Алистан закончил инструктаж Изми и прыжком оказался в седле огромного черного коня. Оружия на бедном животном хватило бы, чтобы разогнать сотню орков: мощный треугольный щит без герба, копье, панцирькол, склот с болтами. Это если не считать батарного меча из особой стали - "Рубиновой крови".

Нет, положительно! И чего я, собственно, волнуюсь? В такой-то компании? Под защитой мечей меня ожидает всего лишь приятная прогулка и, может быть, маленькое чудесное приключение.

Тут вновь появился Кли-кли и устроил всем на прощание небольшой спектакль.

— Гаррет! — Шут рыдал в три ручья. — Гаррет! Не бросай меня, Гаррет!

Проклятый гаденыш заслуживал немедленной и наимучительнейшей из смертей! На нас уже стали обращать внимание. Гвардейцы, проверяющие поклажу на запасных лошадях, откровенно ржали, следя за выкрутасами королевского шута.

— Гаррет! — ныл шут, прыгая вокруг Пчелки. — Кто будет утирать тебе сопли?

Кли-кли выудил из кармана яркий цветастый платок размером с небольшое боевое знамя и шумно высморкался.

— Вперед! — Граф Маркауз ударил пятками своего коня.

— Удачи, Танцующий в тенях! — уже абсолютно нормальным голосом шепнул мне шут на прощание.

Х'сан'кор меня раздери! Мы все-таки выехали, да помогут нам все боги Сиалы!

Глава 20

В пути

Авендум остался у меня за спиной. Величественные неприступные стены, сложенные из камня, добытого в старых Штольнях Ола, растаяли в утренней дымке, которую лучи просыпающегося лохматого солнца вспугнули с земли и заставили испуганным белым мотыльком на несколько минут повиснуть в воздухе. Но утро всего лишь промелькнуло призрачной неуловимой пичугой и сгнуло за горизонтом, сменившись жарким полднем.

Все Дикие поснимали курки и остались в одних рубахах. Исключением был лишь Арнх в неизменной и не снимаемой ни на секунду кольчуге. У жителей Пограничного королевства свои заскоки, и не мне их судить. Быть может, родился я под боком лесов Заграбы и ожидая каждую минуту нападения орков, не то что кольчугу, доспехи Маркауза напялил бы, несмотря на жару.

Бритая голова худого жителя Пограничья сияла на разошедшемся солнце, как начищенное медное корыто, и, клянусь своей лошадьё, Кли-кли бы обязательно высказал парочку тупых шуточек насчет головы Арнха.

Я тоже расстегнул ворот рубахи и закатал рукава, о чем к вечеру сильно пожалел — моя кожа приобрела великолепный малиновый оттенок и следующие несколько дней мешала наслаждаться жизнью.

Все же я ненавижу жару. Уж лучше холод, чем такое душегубство. От постоянного попадания прямых солнечных лучей, уподобившихся раскаленным кнутам, мозги в моей голове вот-вот грозили вскипеть.

Впрочем, мою ненависть к упавшей на королевство жаре разделял ехавший рядом Сурок. Он и его зверек только и мечтали о том дне, когда зароятся в снег возле Одинокого Великана.

Первыми по дороге ехали Маркауз и эльфы, а дальше, разбившись на пары и тройки, двигались Дикие. Компанию мне поначалу составил Сурок, оказавшийся довольно разговорчивым и интересным собеседником, а затем присоединились Халлас с Делером.

Умелый карлик из подручных средств смастерил длиннющую трубочку и умудрился засунуть ее в винный бочонок. Теперь и карлик и гном втихаря, пока на них не смотрел Дядька, потягивали божественный нектар, иногда восклицая от удовольствия и снизошедшей на них божественной благодати. И гном и карлик постепенно становились все веселее и веселее, и я начал опасаться, что кто-нибудь из них все же

переборщит, выскользнет из седла и стукнется головой о землю. Но нет, они только немного раскраснелись и затянули бравую песню о каком-то походе. Дядька, разговаривающий с Угрем, бросал на новоявленных певцов довольно подозрительные взгляды, но молчал, постепенно мрачняя все больше и больше.

Карлик с видом знатока рассуждал о достоинствах Миралиссы как женщины. Он и Халлас сошлись на том, что достоинств довольно много, но вот клыки портили все впечатление. Гном, немного подумав, ляпнул, что, в принципе, нетрудно накрыть ее голову тряпкой, а дальше действовать, как велит мать-природа, на что молчавший все это время Сурок предложил обоим экспериментаторам заткнуться или хотя бы говорить на полтона ниже, иначе Миралисса достанет из ножен с'каш и живехонько отрубит одному бороду, а другому — кое-что пониже. На миг воцарилась тишина, а затем неугомонный карлик произнес:

— Да я же не со зла. Просто для души решил об эльфийке поговорить.

— Ты про душу будешь рассказывать в лесах Заграбы, когда тебя эльфы за оскорбление принцессы дома подвешат на каком-нибудь дереве вниз головой, — возразил Сурок и погладил линга.

После этого обсуждение эльфийки окончательно скисло, и гном с карликом углубились в двухчасовой философский спор о достоинствах и недостатках оружия на длинном древке. Как всегда, Халлас и Делер принялись спорить, поминутно сжимая кулаки и щедро обмениваясь друг с другом оскорблениями.

Сурок с интересом ученого-языковеда внимал ругательствам на гномьем языке. Некоторые из услышанных слов Сурок старательно шептал себе под нос, пытаясь запомнить и блеснуть новообретенными знаниями в дружеской компании, когда представится такая возможность.

Спор между гномом и карликом, как и следовало ожидать, окончился ничем. Каждый остался при своем мнении.

Еще спустя час Делер принял воистину трудное решение и сказал, что на сегодня вино дегустировать хватит, иначе вскоре надо будет искать новый бочонок, а вероятность обнаружить его на проезжей части крайне призрачна, если не сказать равна нулю. Это фраза отчего-то очень насмешила Фонарщика, который ехал последним в нашем отряде. Он наигрывал на дудочке какую-то незатейливую мелодию. Надо признать, что по сравнению с тем разом, когда я впервые услышал игру Мумра, от этой музыки мне не хотелось скорбно выть на луну.

Надвинув на глаза нелепую шляпу, Фонарщик находился в гордом одиночестве, лишь иногда перебрасываясь парой-тройкой фраз с Котом, едущим впереди него и следящим за четырьмя лошадьми, на которых был навьючен весь наш груз.

— Слушай, Сурок, — спросил я у воина, в данный момент кормящего линга с гордым именем Непобедимый.

Зверек, усевшись на шее несколько не смутившейся от этого лошади, с благодарным видом хрустел сухарем.

— А почему Мумра называли Фонарщиком?

— А, — неопределенно ответил Сурок, пихая в любимую зверушку очередную порцию снеди. — Он раз фонарь хотел потушить...

— Волшебный, тот, который находился на улице Искр, — вступил в разговор раскрасневшийся от вина Халлас. — Он, видите ли, поспорил с одним идиотом, что погасит фонарь во что бы то ни стало.

— Ну и погасил? — с интересом спросил я у гнома.

— Угу, — фыркнул Халлас и от переизбытка чувств дернул себя за бороду. — Притащил ведро воды и вылил с крыши какого-то дома.

— И?

Гном отчего-то не был расположен к душевной беседе, и все из него приходилось вытаскивать клещами.

— И промахнулся!

— Ну не совсем промахнулся. — Мумр, услышав, что говорят о нем, присоединился к нашей компании. — Я просто не попал туда, куда надо.

— Точнее, попал... куда не надо, — зло ответил Делер.

— Не надо было меня поить вашим карликовским пойлом! — возразил Фонарщик.

— «Ярость глубин» не пойло! — возмутился карлик.

— Пойло, пойло, — поддержал человека гном. — Настоящее пойло. Если бы не твоя бутылка, Делер, может, Мумр и не облил бы того мага.

— Ах ты! — Карлик не мог поверить в то, что Халлас его не поддержал. — Да ты сам нахваливал «Ярость», а как какой-то маг намочил

себе одежду, так ты сразу в кусты?!

— Это я в кусты?! — Борода Халласа гневно встопорщилась. — Гномы никогда не ходят в кусты! — И он добавил, немного подумав: — От опасности, я имел в виду.

Карлик презрительно фыркнул и надвинул шляпу на глаза, показывая, что разговор с изменщиком-гномом закончен.

— Ну нет, не надо нахлобучивать на уши свой кошкой дранный горшок! — Халлас разошелся не на шутку. — Я, что ли, спорил с Мумром о том, что он никогда не потушит волшебный фонарь?

— Так это ты меня идиотом тогда назвал?! — наконец осенило Делера.

Я живенько ткнул Пчелку пятками в бока и поспешил вперед, оставив позади очередной спор карлика и гнома. Ребята не могут без ссоры прожить и дня. Того и гляди вцепятся друг другу в горло.

Я потихоньку пристроился позади лошадей Миралиссы и Маркауза.

— По моим подсчетам, если будем и дальше идти такими темпами, то через две недели мы достигнем Иселины, а от нее еще почти столько же до Пограничного королевства. А потом еще неделя до лесов Заграбы, — сказала эльфийка внимательно слушавшему ее Маркаузу.

— Значит, полтора месяца? — задумчиво пожевал ус милорд Алистан и тут только заметил, что я присоединился к их компании.

— Это с учетом незапланированных происшествий. — Эграсса был склонен рассчитывать на худшее.

Надо же! Среди эльфов, оказывается, тоже есть пессимисты! А я уже думал, что только люди способны сомневаться и предполагать худшее.

— К тому же мы не можем круглые сутки скакать в седле. И нам и лошадям требуется отдых. На нашем пути будет Ранненг, если мы в него будем заезжать, то потеряем там еще несколько дней.

— Не думаю, что у нас будут дела в Ранненге, — встрял я в разговор.

— Спасибо, Гаррет, за совет, — довольно невежливо ответил Алистан.

Было видно, что ни в чьих советах он не нуждается, а уж в советах вора нужда придет в самую последнюю очередь.

— Простите, милорд Алистан, но вы не понимаете, — настойчиво продолжил я. — Мало того что мы едем по одному из самых оживленных трактов королевства, привлекая к себе ненужное внимание, а мы его привлекаем, потому как эльфы, гном, карлик и десяток вооруженных до зубов людей — очень странная компания. Поверьте, милорд: крестьянам и обычным путникам будет о чем посудачить. Станный отряд. Слухами земля полнится. Те, кому эти слухи интересны, вполне могут прийти к определенным выводам и устроить нам встречу. А вы, как я понимаю, еще

хотите заехать во второй по величине город королевства! Думаю, нас уже ищут различные малоприятные господа. Те, кто пропустил врагов в королевский дворец, без всякого сомнения, успели сообщить, что наш отряд выехал. Нам нечего делать в Ранненге.

— Вор дело говорит, — поддержал меня Элл, на мгновение сверкнув клыками. — Нам нужно сторониться оживленных мест.

— Так что ты предлагаешь? — Миралисса посмотрела на эльфа. — Уйти с центрального тракта и брать юго-восточнее?

Элл едва заметно пожал плечами, показывая, что решение за Алистаном.

— Юго-восточнее? — Алистану это предложение не очень понравилось. — Свернуть с хорошей, пускай и оживленной дороги и сунуться в поля, леса и буреломы? Мы потеряем уйму времени и не доберемся до Заграбы даже к сентябрю!

— Сейчас тракт идет прямо на юг, — ответил Эграсса. — После Ранненга он уходит на запад. Южнее нет крупных городов, лишь замки баронов и небольшие городки, точнее деревушки с гарнизонами. Поблизости от Заграбы люди жить не желают. Поэтому, чтобы не терять время, нам придется рискнуть и двигаться прежней дорогой. До Ранненга чуть больше недели пути. Это если путешествовать по тракту. От города повернем на юго-восток к Иселине. Там есть в одном местечке паром, нас переправят. А дальше уже и до границы с Пограничным королевством и лесами Заграбы недалеко.

— Так и сделаем. А в Ранненг заходить не будем, пройдем стороной, — кивнул Алистан, давая понять, что разговор на эту тему закончен.

С самого начала путешествия граф Маркауз задал лошадам темп, и те шли бодрой рысцой. Скажем так, мы не очень-то торопились, но и не плелись слепыми улитками. Каждые несколько лиг лошадям давали отдых, разрешая им идти быстрым шагом, или как там это у лошадников называется.

Места, по которым мы проезжали, были людными. Туда-сюда по тракту сновали верховые, двигались телеги с товаром в Авендум и с товаром из Авендума. Шли крестьяне, мастеровые, члены гильдий, направляясь по своим делам. Один раз мы повстречались с ехавшим навстречу отрядом воинов. Бобровые шапки направлялись к Одинокому Великану.

Пчелка оказалась на удивление крепкой лошадкой. Я не заметил, чтобы она уж очень сильно устала. Ее бег был таким же, как и утром, —

ровным и легким. Скорее, больше лошади устал я. К вечеру у меня болело все тело, и теперь я узнал, как чувствуют себя преступники в Султанате, когда их сажают на кол. Ощущение, надо сказать, не из приятных.

Уже в сумерках Алистан решил остановиться в опрятной и чистой деревушке под названием Подсолнухи, находящейся недалеко от тракта.

Аккуратные беленькие домики, чистые дорожки и приветливые жители. Все говорило о том, что тут не бедствуют. От обилия растущих повсюду подсолнухов, уже наклонивших венчики под тяжестью созревших семечек (и это в начале июля!), пестрило в глазах.

Постоялый двор был огромным, и для всего нашего отряда нашлись комнаты. Таверна называлась «Золотая курица», и она вполне оправдывала это название. Как тем, что приносила моему хозяину неплохие барыши, так и тем, что во дворе бродило десятков пять куриц, которых, казалось, нисколько не смущало наступление сумерек. Во всяком случае, ни одна из клуш не собиралась отправляться на насест в курятник. Куры продолжали с важным квохтаньем рыться в песке в поисках припозднившегося ужина.

Я с усилием слез с лошади и позволил гостиничному слуге отвести Пчелку в конюшню. Чтоб мне никогда больше не держать в руках золотых! Ездить на лошади с непривычки довольно непростое и сомнительное удовольствие. Все тело как бы превратилось в одну сплошную мозоль. Но это еще не все. Солнышко тоже успело поработать, немного поджарив меня со всех сторон, и чувствовал я себя старым, разбитым и больным.

— Эй, Гаррет! — От компании Диких отделился хитро улыбающийся Медок и показал мне кулак.

Остальные воины с интересом наблюдали за мной. Я внимательно разглядывал сунутый мне чуть ли не под нос э-э-э... объект. Из сжатого кулака торчало несколько соломинок.

— Что это? — с осторожным любопытством спросил я у Медка, не спеша дотрагиваться до протянутых мне соломинок.

— Жребий! — весело хохотнул высокий Дикий. — Мы с ребятами посоветовались и решили, что ты тоже должен участвовать.

— В чем участвовать? И кстати, почему эльфы и наш славный граф уже в таверне, а мы играем в жребий?

— Эльфы и Алистан не играют, — ответил мне вместо Медка Дядька. — А жребий очень прост. Кто вытянет короткую, тот разделит комнату с Фонарщиком.

— До конца путешествия, — быстро сказал Арнх.

Мумр следил за всеми этими приготовлениями с плохо скрываемой злостью. Решив выразить протест, он грянул на дудке что-то из боевых

маршей гномов, переполошив мирно пасущихся у его ног кур.

Мне, собственно говоря, было все равно, кто окажется в моей комнате, и поэтому я с как можно более небрежным видом вытянул из кулака Медка первую попавшуюся соломинку. Она оказалась короткой.

Вокруг слышались облегченные вздохи. Кто-то ободряюще хлопнул меня по плечу, кто-то стал весело перемигиваться. Все же непонятно, отчего с Фонарщиком никто не хотел ночевать в одной комнате.

В таверне уже были накрыты столы, а радушный хозяин собственноручно разливал по бокалам свое лучшее вино. Постояльцев было мало, в зале находились в основном жители деревни.

А вот из еды подавали только курицу во всех ее проявлениях. Куры жареные, куры, запеченные с яблоками, куры пареные, куриные крылышки с перцем. Того и гляди, что сам закукарекаешь от такого изобилия курятины. А если прибавить к этому, что я попросту не выношу курицу в любом гастрономическом проявлении, то всем станет понятно мое не самое приподнятое расположение духа.

Сославшись на усталость, я отправился в комнату и лег на одну из двух кроватей. В отличие от меня, Дикие были бодрыми и веселыми, будто они и не провели целый день в седле.

В который раз за последнее время я пожалел, что дал втянуть себя в подобную авантюру.

Только к середине ночи мне стало понятно, какую свинью подложила судьба-насмешка с короткой соломинкой. Фонарщик явился поздней ночью, когда я уже спал. За день в седле я намаялся настолько, что даже не услышал его прихода.

Зато я очень хорошо слышал Мумра, когда он принялся воодушевленно храпеть. Куда уж тут старине Гозмо с его ночными трелями и руладами! Храп Гозмо по сравнению с храпом Мумра — это все равно что писк маленького комарика супротив рева голодного обура.

Естественно, я проснулся. Естественно, я попытался всеми силами заглушить эти ужасные звуки. Я пробовал свистеть. Я пробовал затянуть песенку. Я швырнул в Мумра сапогом. Все оказалось бесполезным. Он даже не подумал проснуться или хотя бы перевернуться на другой бок.

После целого часа мучений, когда я уже приноравливался и вот-вот готов был погрузиться в сон, Фонарщик менял тональность, и я вновь просыпался. Измучившись, я залез с головой под подушку и наконец-то заснул, дав себе зарок в следующий раз найти более спокойное место для отдыха.

Мумр разбудил меня утром. Я бросил на него хмурый взгляд. Небось

ему-то никто видеть сны не мешал.

Удивительно, но за ночь боль прошла абсолютно, как будто я и не сидел на лошади. Спасибо Эллу, заметившему вчера не самое лучшее состояние и плеснувшему мне в вино что-то из собственной фляжки. Что бы это ни было, но оно помогло.

— Поздновато мы сегодня встали, — сказал я Мумру. Уже было светло, и по сравнению с предыдущим днем мы встали поздно. — Мы уже никуда не спешим?

— Леди Миралисса ждет гонца, он ей что-то должен передать, — ответил мне Фонарщик, шаря у себя под кроватью. Выудив из-под нее биргрizen, Мумр положил его себе на плечо и направился к выходу из комнаты.

— Пошли завтракать, Гаррет.

— Иду, — сказал я и протянул руку за арбалетом и ножом.

Хм... Странно... Очень странно... Нож был на месте, а вот мой стреляющий малыш бесследно исчез. Ну не Фонарщик же его захватил с собой, право слово!

Вдруг с улицы в приоткрытое окно комнаты проник звук арбалетного выстрела, а затем раздалось испуганное куриное кудахтанье. Я на миг выглянул в окно, выругался, выскочил из комнаты и стал спускаться по лестнице на первый этаж.

Несколько Диких уже завтракали в зале таверны. Меня поприветствовали и вежливо спросили, как спалось сегодня ночью. Я вежливо сказал, что хорошо. Ни себя, ни их мне обмануть не удалось.

— Гаррет, ты куда? — удивился Халлас, держащий в одной руке шматок сала, а в другой — кусок копченой колбасы. Гном был в затруднении и не знал, с чего ему начать свой завтрак. — Все же остынет!

— Я на минутку, — отмахнулся я от гнома и вышел на улицу.

Арнх, Кот и Горлопан с интересом наблюдали за оригинальным состязанием между Угрем и одним маленьким и очень хорошо мне знакомым субъектом. К вящему неудовольствию хозяина таверны, состязание состояло в том, чтобы за как можно более короткий промежуток времени подбить как можно больше бегающих по двору кур. Штук пятнадцать куриных трупиков уже застыли комками перьев тут и там на песке.

Угорь стрелял из склота, взятого у Маркауза. Кли-кли — а это был именно он, я его физиономию теперь и с закрытыми глазами узнаю — лупил по курицам из моего арбалета.

— Развлекаешься? — спросил я у гоблина.

— Доброе утро, Гаррет, — сказал мне в ответ Кли-кли и метким выстрелом подстрелил очередную несчастную птичку. — Десять — шесть. Я выиграл!

Это он сказал уже Угрю, и тот согласно кивнул, даже не помышляя спорить.

— Спасибо, что разрешил воспользоваться арбалетом. — Шут протянул мне оружие.

— Не помню, чтобы я тебе разрешал.

— Да не придирайся ты к словам, — поморщился гоблин. — Я целую ночь был в седле, всю задницу себе стер, пока вас догнал! Должен же я был хоть немножечко расслабиться!

— И зачем, позволь спросить, ты приехал?

— Мне показалось или я расслышал в твоём голосе недовольство? — Шут внимательно посмотрел мне в глаза. — А приехал я для того, чтобы передать Миралиссе одну штучку, которой у короля не было в тот момент, когда вы уезжали.

— Так это мы по твоей милости никуда не спешим? — хмыкнул немногословный гарракец.

— И вообще, — сказал шут, отменяя все возможные возражения, — остальной путь я проделаю в вашей компании.

— В качестве шута? Вот еще! — фыркнул Горлопан.

Он вместе с Котом подошел к нам, пока Арнх занимался тем, что выдергивал из трупиков кур болты и разбирался с огорченным хозяином «Золотой курицы».

— Разве на мне колпак? — Шут демонстративно ткнул пальцем в свою голову.

Ни шутовского колпака с бубенцами, ни трико на гоблине не было. Обычная дорожная одежда и плащ на плечах.

— Я с вами отправляюсь не как шут, а как проводник. То место, куда мы направляемся, моя родина. В Заграбе я чувствую себя не хуже эльфов. И к тому же я являюсь доверенным лицом короля.

— Если бы я был на месте короля, то не доверил бы тебе, дорогой шут, охранять даже свой ночной горшок, — сказал Горлопан.

— Да у тебя отродясь ночного горшка не было! — пихнул кулаком в бок Горлопана Кот.

— Был или не был, это не важно! — отмахнулся от усатого воина Горлопан и почесал длинный нос. — Прости, гоблин, но оберегать еще одного гражданского от всех неприятностей — это уже слишком. Особенно зная твою привычку устраивать всем гадости...

— Меня зовут Кли-кли, а не гоблин, сударь Ворчун и Нытик, — отрезал шут. — И ни в чьей охране я не нуждаюсь. Я сам способен за себя постоять.

С этими словами шут откинул в сторону полы плаща, предлагая нам полюбоваться поясом, на котором висело четыре тяжелых метательных ножа. Два слева и два справа.

Подошедший Арнх уважительно присвистнул, оценив оружие гоблина:

— Кли-кли, ты сегодня явно в ударе. Может, ты нам еще и песенку споешь?

— Не сомневайся, спою, — согласился шут. — Наступает время потехи! Или ты думаешь, что от меня так просто избавиться?

К сожалению, я так не думал. Пока мы шли завтракать, я успел попросить Сагота наделить меня божественным терпением.

За следующие дни ничего важного не произошло. Мы продолжали пробираться на юг, останавливаясь на ночевки в окрестных полях. Ночи были теплыми, и никто не ощущал неудобства от капризов погоды. Будь она обычной, то есть такой, какой всегда была в июле последние десять тысяч лет, мы бы немного померзли ночами. А так, спи на травке да смотри на звездное небо. Если бы не комары, тоже, кстати, одуревшие от невесть откуда взявшейся жары, жизнь вообще была бы прекрасной.

Ночевки в полях объяснялись просто, вот уже второй день, как тракт обходил деревни стороной, делая изящную петлю на юго-запад. В ближайшую деревушку мы должны были попасть только к завтрашнему вечеру.

Удивительно, но под открытым небом Мумр не храпел. Как сказал мне Сурок, Фонарщик начинает ночные концерты только тогда, когда у него появляется крыша над головой. Так что за прошедшие дни я вполне сносно выспался.

Постепенно мы с Пчелкой настолько привыкли друг к другу, что я, к своей несказанной радости, обнаружил отсутствие у себя усталости после целого дня скачки. Хотя вру. Усталость все же была, но отнюдь не смертельная. Не та, после которой хочется упасть на землю годика эдак на четыре и больше не вставать ни за какие сокровища короны.

Маркауз вначале не хотел брать с собой шута, но гоблин с совершенно невиннейшим выражением на плутоватой физиономии протянул графу бумагу с королевской печатью, и суровому воину скрепя сердце пришлось разрешить ехать Кли-кли с нами.

Конь Кли-кли размером был не меньше коня Алистана, и если низкорослые Халлас с Делером смотрелись на лошадях, скажем так,

немножечко забавно, то гоблин на огромном черном коне, получившем кличку Перышко, выглядел попросту комично. Его ножки даже не доставали до стремян. Но следует заметить, что в седле Кли-кли чувствовал себя вполне уверенно, а Перышко подчинялся всем командам по первому требованию хозяина.

Гоблин вел себя удивительно тихо. В понятие «тихо» я вкладываю следующий смысл: проснувшись поутру, можно было не опасаться змеи в сапоге или колючки в лошадином хвосте.

Гоблин целый день черным вихрем носился из головы растянувшегося по дороге отряда в хвост, а из хвоста — в голову. Кли-кли успевал везде. Он был вездесущ, как чума-медянка в зараженной деревушке. В течение дня его можно было заметить распеваящим песни с Делером и Халласом, рассказывающим очередную историю Коту и Угрю, ведущим заумную беседу с эльфами, или до хрипоты спорящим с неуступчивым Алистаном Маркаузом.

На второй день нашего совместного с гоблином пути на Кли-кли снизошло вдохновение в виде проснувшегося поэтического дара. Гоблин горланил на весь тракт только что придуманную им так называемую дразнилку про весь наш отряд. Или, точнее, почти про весь наш отряд. Кли-кли благоразумно умолчал, а скорее всего, попросту не пропел ту часть, которая предназначалась темным эльфам. Гоблин пришел к вполне здравому выводу, что эльфы могут не оценить его гениального чувства юмора, зато вполне в состоянии пустить кровь тому, кто, по их мнению, оскорбил их род, а тем паче дом.

Песенка начиналась с того, что мы куда-то едем, а затем плавно и незаметно переходила на личности. Оказалось, что Медок жрет, как лошадь, Дядька все время чешет бороду, у Горлопана плохо пахнет изо рта, Алистан упрям и мечтает кого-то проткнуть. И так про всех. Как только гоблин принимался орать новый куплет, так сразу все начинали смеяться над тем, о ком в данной момент шла речь. Естественно, не смеялась только цель шутовских насмешек. Но стоило начаться новому куплету, и кто-то смеяться переставал, а тот, кому совсем недавно перемывал косточки гоблин, начинал хохотать как сумасшедший. Конечно же основную роль добрый парень Кли-кли отвел вору по имени Гаррет. То есть мне.

Хмурый, мрачный, злобный Гаррет
На лошадке ехал в путь,
Но пришла беда лихая,

Гаррет в луже стал тонуть...

Ну и так далее в течение десяти минут. Не могу сказать, что я злился на него. Ну развлекается и развлекается, надо отдать Кли-кли должное — он поднял всем настроение, и дорога перестала быть скучной.

Катастрофа произошла на следующий день после того, как Кли-кли пропел дразнилку. Мы как раз проехали большой тележный обоз, груженный репой, которую везли на продажу торговцы, и до деревни, а значит и до доброго ужина, оставалось всего ничего... В это самое время Кли-кли спелся с Фонарщиком, и они стали изводить меня в два голоса, хотя Халласу их незатейливая песенка очень даже понравилась.

А дело было так.

Фонарщик довольно долго ехал молча, лишь иногда лениво отвечая на вопросы Медка. Дядька поставил Медка ехать рядом с заснувшим в седле Горлопаном (Горлопан ехал впереди Фонарщика) и следить за тем, чтобы его лошадь не отстала по дороге.

— А не спеть ли мне Тихую Бом-тирлимку? — довольно задумчиво спросил Мумр у вечернего неба.

И спел. Причем пел не прерываясь чуть ли не целый час — на это ведь ума много не надо. Вставляй между бом-тирлимами любую пришедшую в голову чепуху и радуйся жизни. Я запомнил только краткий отрывок:

Тихо-тихо песнь мурлычу,
Бом-тирлим, бом-тирлим,
Тихо огр подкрадется,
Бом-тирлим, бом-тирлим...

Затем к пению Фонарщика присоединился Кли-кли. Он вместо Мумра стал выкрикивать все бом-тирлиммы, причем делал это шут противнейшим голосом донельзя маленькой и плаксивой девчонки. Фонарщик в это время с остервенением наярывал на дудке-недоразумении нечто отдаленно напоминающее вопль запутавшегося в сетях водяного.

Прекратить маленький концерт смогли только объединенные усилия Дядьки, Делера и Сурка.

Когда появилась деревня, Мумра и гоблина уже хотело удавить больше половины нашего отряда. Лишь эльфы, Алистан и Угорь сохраняли ледяное спокойствие.

Таверна в деревушке была намного хуже, чем в Подсолнухах, но выбирать не приходилось, к тому же после стольких дней ночевки под открытым небом я был рад любой кровати.

Жители заинтересованно поглядывали на нас — не каждый день тут можно было увидеть такое количество новых людей и нелюдей. Особенно больше всего охов и ахов заслужили эльфы и гоблин. И те, и другие довольно редко появляются в землях людей, а поэтому нужно обязательно бросить все дела и смотреть во все глаза на приезжую диловинку. Когда представится еще такой случай?

Хозяин безымянной таверны попросту обалдел от стольких гостей и, раскрыв рот, статуей застыл на крыльце. На наше счастье, дородная жена хозяина ткнула мужа локтем под ребра и заставила поторапливаться не только его, но и двух сонных дочурок, удостоившихся крайне заинтересованного взгляда Арнха. Но, несмотря на тычки матери, молодки двигались все так же медленно и сонно, пока дело не подправил линг. Он попросту прыгнул с плеча Сурка на голову одной из девок, а находившийся рядышком Кли-кли, который и являлся инициатором этой сценки, крикнул:

— Крыса! Бешеная!

В поднятом переполохе Непобедимого едва не затоптали, за что Кли-кли удостоился чести получить подзатыльник от Сурка. Теперь обиженный на весь белый свет гоблин дулся и не хотел ни с кем разговаривать.

К концу ужина шут заявил о желании спать в комнате вместе с Гарретом и Фонащиком и очень удивился, не встретив возражений ни с чьей стороны.

— Гаррет. — Эграсса подошел незаметно и, склонившись надо мной, произнес: — Треш Миралисса хочет поговорить с тобой, идем. Я провожу.

Я встал из-за стола и пошел вслед за высоким эльфом.

Поговорить? О чем? И почему сейчас, а не раньше?

В комнате кроме Миралиссы находился Маркауз, задумчиво смотревший в окно, и Элл, снимающий ножом кожуру с яблока.

— Добрый вечер, Гаррет. — Раскосые золотистые глаза эльфийки приветственно блеснули в пламени свечей. — Ты знаешь, что это? — Миралисса протянула мне какой-то предмет. Я взял его в руки и едва сдержал возглас восхищения. — Красиво, правда?

Я нашел в себе силы только кивнуть, замороженно рассматривая

драгоценность, по воле случая оказавшуюся в моих руках. Это был ключ. Но не просто ключ, а настоящее произведение искусства.

Мелькнула кощунственная мысль, что знающие люди, те, что коллекционирует древние вещи, щедро отдадут мне за право обладать ключом не одну гору золота.

Ключ казался хрустально-ледяным и настолько хрупким, что на него даже страшно было дышать. Того и гляди растает. Но я знал, что, даже если взять секиру Делера и бить по ключу не переставая целый день, с кажущейся на первый взгляд такой хрупкой вещью ничего не случится, а вот секиру придется брать новую. Ключ свободно помещался у меня на ладони, но был ощутимо тяжелым.

— Слеза дракона? Карлики делали?

— Ты прав, — кивнул Эграсса. — К нему приложили руки карлики, только они могут так обработать этот минерал. Видишь, какая тонкая работа?

Тонкая — это не то слово! Идеальная, изящная, совершенная и древняя. В наше время такое не смогут создать даже мастера-карлики. Для обработки наиредчайшего минерала слеза дракона, обладающего прочностью самих гор, которые его и создали, нужны не только обычные инструменты, но и магия. А сейчас магия карликов находится в упадке, и на такие творения они, увы, не способны. Слишком многое оказалось забыто за Пурпурные годы.

— От чего этот ключ? — спросил я, неохотно возвращая драгоценность Миралиссе.

— Ты что-нибудь слышал о Створчатом ярусе?

— Третий ярус Костяных дворцов? — уточнил я, припоминая давнишний разговор с Фором и планы на древних картах Храд Спайна. — А дальше иди же, распахнуты створки...

— Совершенно верно, Створчатый, или Третий, ярус Храд Спайна с волшебными дверями. Двери запечатаны очень сильным заклинанием, но вот этот ключ, созданный две с половиной тысячи лет назад карликами по просьбе владык Темных домов, на время нейтрализует магию и откроет дорогу вниз.

— Этот ключ нам привез Кли-кли, — вступил в разговор Алистан, обернувшись от окна. — Когда шут уезжал, он был... Впрочем, это уже не важно. Главное, что сейчас ключ у нас, и, если створки, о которых говорила леди Миралисса, окажутся закрытыми, мы не будем топтаться и искать обходной путь.

— Если он вообще есть, этот обходной путь.

— Есть, Гаррет. Или был. Прошли же как-то к могиле Грока маги Ордена, относившие Рог. Тогда ключа у магов не было, он находился в Заграбе.

— Ключ уже побывал в Храд Спайне этой весной. — Алистан сложил руки на груди. — Перед тем как направиться в Безлюдные земли, леди Миралисса отдала ключ королю, а король — магам из второй экспедиции. Благодарение богам, единственный пришедший из могильников несчастный, сошедший там с ума, смог вынести ключ.

— Благодаря ему маг и остался жив. — Эграсса зажег еще одну свечу и поставил подсвечник на стол, к двум уже стоявшим. — Что бы там ни обитало, но человека не тронули.

— Мало радости быть живым, но ненормальным, — хмыкнул я. — Ключ у нас, это чудесно. Но зачем рассказывать про него мне сейчас?

— Потом у нас просто не будет времени, или сил, или возможности, — Эл наконец бросил чистить яблоко и подошел ко мне. — Ключ не игрушка. Чтобы он открыл створки, нужно настроить его на тебя. Подчинить.

— Чудесно, — без всякого энтузиазма проговорил я.

«Держаться подальше от тех, кто колдует» — вот один из моих многочисленных девизов.

— Все уже готово. Держи. — Миралисса вновь протянула мне ключ, не обращая никакого внимания на мою кислую гримасу.

С моего согласия или без оного эльфы намеревались немного пошаманить, и брыкаться не стоило, а то они перепутают еще какое-нибудь слово, и ходить мне до конца жизни с рогами на голове или еще с чем похуже.

Пришлось снова взять в руки ключ.

— Садись на кровать. — Эграсса зажег свечу, но поставил ее не на столе, а у изголовья кровати. — Милорд Алистан, вы не будете так любезны оставить нас на то время, пока совершается шаманство?

Граф без всяких возражений вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

— Чего ты ждешь. Гаррет? На кровать! — Эльфийка доставала из своей дорожной сумки пучки сухих трав.

По комнате пополз сладковатый запах болотных цветов и поздней осени.

Я сел на кровать, и подошедший ко мне Эл с чашкой в руке окунул в нее палец, а затем начертил на моем лбу и щеках какие-то знаки.

Миралисса уже стояла над одной из свеч и, шепча, подбрасывала в

воздух пыль. Как я понял, это была какая-то истолченная трава. Пыль почему-то очень медленно падала, а касаясь пламени свечи, на миг вспыхивала и, родив тоненькую струйку белого дыма, исчезала.

Вот оно, шаманство темных эльфов. Долгие шепотки, танцы, фигуры и различный мусор вроде сушеного дерьма летучей мыши. Да, подчас шаманство может сделать то, чего никогда не сделает волшебство, да, древняя магия, если все сделать правильно, намного мощнее, но цена... Одна ошибка, один неправильно произнесенный слог, отсутствие, казалось, самого бесполезного реактива, а главное — время приготовления к сотворению магии, которое так важно в бою, ставит шаманство отнюдь не на лучшую позицию по сравнению с тем же волшебством. Одни эльфы это поняли и стали светлыми, другие до сих пор, как орки, гоблины и огры, не хотят отказываться от древних знаний и упорно продолжают использовать малоэффективный анахронизм, как говорят маги Ордена. Впрочем, я уверен, что и у волшебства есть оборотная, слабая сторона, о которой Орден магов просто вежливо умалчивает.

Между тем Миралисса уже не шептала, а пела. Ее низкий грудной голос тугой спиралью слов закручивался в воздухе. И это пение завораживало. Несмотря на всю свою врожденную грубость, орочий язык, а точнее его эльфийский диалект (эльфы считали себя слишком гордыми, чтобы пользоваться языком орков), был подобен горному ручью. Его журчание было очень приятно слушать.

Эльфийка пела и приближалась ко мне. В комнате остались только я, она и ее голос. Эграсса с Эллом отделились куда-то в стороны, став одними из многих теней, навалившихся на меня со всех сторон.

Голос, тени и глаза. Золотистые глаза Миралиссы, в которых вспыхнули язычки янтарного пламени. Они затягивали меня, уводили в далекие дали и времена. Вот уже два миндалевидных глаза заполнили всю комнату, лицо в тех местах, где Элл нарисовал знаки, начинало гореть, да и ключ в зажатом кулаке становился все теплее и теплее. Стены комнаты вспыхнули, зашатались и рухнули в разные стороны, а затем горящими флагами стали падать в бесконечную тьму. Я вскрикнул, безнадежно ища ногами несуществующую опору, и раскинул в стороны руки в бесплодной попытке взлететь. Тьма взорвалась огнем. Яростное пламя, родившееся из тьмы, ринулось на меня со всех сторон, опалило шею, спину, плечи. От нестерпимого жара, лизнувшего тело, вспыхнули волосы на голове, боль тупым ножом пронзила мозг. Не помню, кажется, я закричал, но чернильная тень, неведь откуда взявшаяся в этом янтарно-огненном аду, упругим ударом коснулась моей спины и толкнула вперед, в желтые глаза, в

ревуций жар.

Миг.

Полет. Ослепление. Тишина. Ночь.

Глава 21

Ключ

— Клянусь верхушкой Зам-да-Морта, да не растают ее снега! Вы, уважаемый, пока сюда шли, случайно в старые штольни не заходили? Там сейчас опасно, гномы совсем оскудоумели, выработанную породу скидывают прямо на головы. Чай не зашибло?

Темный эльф, к которому обращался старый карлик, с усилием сдержался. Наверное, только хорошо знающие эльфов могли понять, чего эта выдержка стоила жителю Заграбы. Ни темные, ни светлые эльфы, побери их пламя дракона, не отличались сдержанностью характера и на любое оскорбление, настоящее или мнимое, отвечали железом.

Но этот эльф оставался спокоен и не спешил вытаскивать из-за спины кривой с'каш с нефритовой рукоятью.

Кто сможет лучше уговорить карлика-мастера выполнить особый заказ, как не старший сын владыки дома Черного пламени?

Элодсса был не только хорошим воином (а его считали хорошим воином даже враги-орки), но и прекрасным дипломатом. А познания в шаманстве, пусть и не такие, как у темных шаманов, давали шанс добиться от карликов того, чего хотели эльфы, пускай карлики и не будут подозревать о том, что их немножечко подтолкнули.

Но Элодсса не торопился испробовать на карликах тайные знания. Это последняя надежда, а пока можно обойтись обычными переговорами.

— Нет, почтенный Фрахель, мне на голову ничего не падало.

— Мда? — Карлика чуточку расстроило это обстоятельство. — Что ж, ваша раса сдвинута на голову и без всяких камней.

— У каждой расы свои недостатки. — Эльф сделал попытку улыбнуться и оскалил клыки, хотя хотел он совсем другого — взять упрямого недомерка за шкуру и несколько раз стукнуть головой об стенку!

Но нельзя! Никак нельзя срываться! Так уж получилось, но мастер Фрахель, вырви лесное пламя его печень, был одним из немногих, кто являлся Мастером, Мастером с большой буквы. Именно этот карлик способен создать то, что нужно народу эльфов.

— Это точно! Недостатков хоть лопатой черпай, — хохотнул Фрахель и отложил в сторону золотую игрушку-птичку, которую собирал по чьему-то заказу.

Элодсса готов был заложить обруч дома Черного пламени, символ власти своего отца, если после завершения работы умелого карлика эта золотая птичка не будет распевать песенки. Еще как будет! Почище живого соловья.

— У каждой расы свои недостатки! — между тем продолжил карлик. — Вот взять, к примеру, наших родственничков, чтоб им пусто было, господ гномов. Ничего делать не умеют, только руду добывать да коридоры сверлить. Хотя бы одну вещьцу сотворили, прихлебатели!

— Давайте не будем говорить о ваших родственниках, — поспешно сказал Элодсса.

Эльфа абсолютно не интересовали постоянно обостряющиеся отношения между карликами и гномами. Каждый обвинял друг друга в лени и ничегонеделании. Некоторые подгорные жители уже начинали поговаривать, что обеим расам в одних чертогах становится тесно и пора кому-нибудь найти себе новый дом. Естественно, карлики считали, что горы должны покинуть гномы, а гномы — что карлики. А зная вспыльчивость, упрямство и готовность обеих рас спорить по любому пустяку, вполне можно предположить, что вскоре назреет драка. Лет эдак через триста-четыреста, когда количество обвинений переполнит бездонную бочку терпения.

— И то правда, о родственниках не будем, — крикнул карлик и встал из-за рабочего верстака. — Вы-то с орками испокон веков друг дружке глотки рвете и все никак не успокоитесь.

А вот теперь Элодссе пришлось стиснуть зубы. Фрахель откровенно издевался, понимая, что раз уж эльф стерпел предыдущие оскорбления, то стерпит это, да и многие другие.

— Ладно, ладно, достопочтимый эльф, — примирительно поднял руки карлик. — Знаю, что задел вас за живое, и прошу прощения. А насчет вашего маленького предложения... Заманчиво, но, увы, невозможно!

— Почему?

— Понимаете, — хитро прищурился карлик, — я не настолько талантлив.

— Ну полноте. — Эльф раздраженно поморщился. — Скромность, любезный мастер Фрахель, идет вам так же, как гномам отсутствие бороды.

Карлик оценил шутку, представив безбородого гнома.

— Слава о мастере Фрахеле гремит по всем Северным землям Сиалы. Не вы ли создали колокол, волшебный колокол, или комплект оружия для императора? К кому еще обратиться эльфийским домам? К Врахмелю? Он слишком жаден. Смерхелю? Его слава мастера намного громче, чем он того

заслуживает. Или, может быть, побеспокоить Ирхеля? Он полная бездарность. Так что, любезный мастер, для нашего заказа нужен самый лучший. Вы!

Насчет того, что лучшие мастера карликов ничего не умеют, эльф врал, желая польстить упрямому недомерку. Карлику лесть пришлось по душе, и он еще больше оттаял.

— Что же, — Фрахель задумчиво почесал подбородок, — я, может, и возьмусь за ваш мелкий заказик, когда у меня будет немного свободного времени. Вы ведь сами видите...

Карлик небрежным жестом указал на верстак, и у него на лице появилось выражение фальшивого сожаления.

Эльфа это маленькое представление нисколько не смутило — Фрахель просто набивал себе цену.

— У эльфов нет времени ждать. Створки уже сотворены, и теперь нам нужен ключ. Хотя бы один.

— Ключ им нужен, — буркнул карлик, бросив быстрый взгляд на эльфа. — Как создать створки для своих Подземных дворцов — вы мастера. А как сделать маленький ключик — так сразу к карликам. Я вообще не уверен, что ключ будет работать. Созданное эльфами и созданное карликами слишком разное.

— Это, конечно, так, — вежливо улыбнулся Элодсса. — Но для этого эльфы и обратились к вам, а не к кому-нибудь другому. Только вы способны создать ключ, подходящий для дверей Створчатого яруса.

— Хорошо, — немного раздраженно ответил карлик. — Способен. Но ключ должен быть особым, думаю, вы понимаете, о чем я говорю. Тут нужен материал, достойный створок. А у меня нет ничего подходящего, и сколько времени понадобится, чтобы его добыть, я не знаю.

— Думаю, я могу вам помочь. — Эльф достал из сумки длинный изящный футляр, сделанный из красной вишни, и отдал его карлику.

— Хм? — Гном задумчиво повертел футляр в огромных ручищах и открыл его.

Внутри лежал бархатный мешочек черного цвета, перевязанный золотой ниткой.

Карлик недовольно фыркнул себе под нос. Эльфы слишком любят всяческие выкрутасы. Нет бы попросту отдать, так они еще и завернут вещь в сто одежек, а ты разворачивай!

Но все недовольство Фрахеля испарилось, когда он увидел, что ему дал эльф. Большой продолговатый камень неправильной формы, грязного белого цвета. На первый взгляд ничего существенного — таких

булыжников полно на берегу любой речки. Но это только на первый взгляд. Стоит только суметь обработать этот камушек, и из невзрачного он превратится в подлинный бриллиант, заиграв на свету всеми красками мира и брызгами мироздания. Волшебное дитя гор, самая большая редкость, которую земля уж очень неохотно отдает в руки чужаков.

— Слеза дракона! Да еще такой огромный! — В глазах карлика появился искренний детский восторг. — Но откуда он у вас? Последний минерал мы нашли больше двухсот лет назад!

— Этот камень у нас уже больше тысячи лет, — ответил эльф. — В те времена слеза дракона встречалась намного чаще, чем сейчас. Дом Пламени, когда еще мои родственники не стали трогать людское волшебство и не ушли в И'альялу, купил его у вас.

— Карлики никогда бы не продали такую ценность, — негодуя сказал карлик.

— Да, нам его продали гномы, — согласился эльф.

— Эти бородатые недомерки! — Из уст карлика, который был ненамного выше гнома, слышать такие слова было по меньшей мере забавно. — И мы еще с ними делим одни стены! Вы можете в это поверить, треш Элодсса?

Эльф безразлично пожал плечами, ему уже надоедало слушать о гномах.

— Потребуется очень много времени. — Карлик постучал пальцами по верстаку. — Обработка, сами понимаете. Магия. Через два месяца смогу сделать первые наброски.

— Через неделю ключ должен быть готов, — резко ответил Элодсса.

— Вы хотите, чтобы я работал целые сутки? — возмутился Фрахель.

— А почему бы и нет, если мы вам хорошо заплатим?

— Насколько хорошо? — сощурился карлик.

— Назовите вашу цену.

Фрахель немного подумал и назвал. Хорошую цену назвал, надо сказать.

— Согласен на четверть вашей суммы.

— Этот разговор несерьезен, — отрезал карлик.

— Плюс все, что останется после обработки слезы, — ваше.

— Обьедки предлагаете? — возмутился Фрахель.

Но опять же больше для порядка. Хитрый карлик знал, что даже маленькие кусочки минерала, которые обязательно останутся после обработки, бесценны.

— Ладно, пусть будет по-вашему, треш эльф. Примусь за работу прямо

сейчас.

— Не смею вас больше отвлекать, — поклонился эльф.

Карлик небрежно махнул рукой, прощаясь с Элодссой. Мыслями он уже был в работе.

Элодсса всей душой ненавидел проклятые подземные чертоги. Упорные бородачи-гномы, пробивавшие все эти коридоры, как-то не подумали о том, что рост у эльфов намного выше, чем у гномов и карликов. Поэтому большую часть дороги до покоев, которые карлики выделили принцу дома Черного пламени, приходилось идти, сгорбившись и согнувшись чуть ли не вдвое, чтобы не задевать головой низкий потолок. А от мысли, что над ним лиги скалы, готовые вот-вот рухнуть и завалить коридоры, Элодссе мутило.

Коридоры, коридоры и еще раз коридоры. Ответвления, штольни, воздушные шахты нижних ярусов, где по какому-то непонятному капризу жили мастера карликов, — весь этот лабиринт мог привести в уныние любого, кто родился не в подземельях, а под зелеными кронами дубов.

Свернул не в тот коридор, зазевался на одно мгновение и можешь петь Песню Прощания. Окажешься в какой-нибудь старой выработке, давным-давно забытой даже создателями-гномами, — и прости прощай голубое небо и деревья родных лесов.

Можно надеяться, что обнаружат твои останки года через два, когда какой-нибудь гном или карлик по пьяни сунется не в тот коридор. А самое обидное, что обжитые места вот они — руку протяни, шаг сделай, заверни в нужный коридор и будешь спасен. Эльфа передернуло. Жуткая смерть!

Поэтому он старался не потерять из виду спину карлика, выделенного ему в провожатые. Воздух в низких полутемных коридорах был спертым, и Элодсса мечтал как можно быстрее оказаться наверху, в более обжитых ярусах страны карликов и гномов. Там и потолки высокие, и дышать легче, и света больше. Главное, конечно, свет. От всей этой полутьмы у эльфа очень болели глаза. Если тут на стенах висели слабенькие фонарики, так похожие на хрупких светляков из лесов Заграбы, которые почти не дают света, то в главных залах подземного королевства сияли маленькие солнца — большие ослепительные творения магии карликов.

Элодсса и карлик шли долго. Эльф уже давно запутался в капризных изгибах коридоров, видно прорубленных гномами после того, как они изрядно обкурились красавки. Лишь однажды им попался отряд бородатых рудодобытчиков. С фонариками-светляками, крепившимися к гномьим шлемам, и с рабочими мотыгами, а также другим инструментом гномы, весело горлая незатейливую песенку, спускались куда-то к сердцу земли.

— Почему здесь так мало народу? — спросил Элодсса у своего провожатого.

— А кто тут согласится жить? — удивился карлик вопросу. — Это же пятьдесят вторая штольня! Отсюда до поверхности восемь часов топать! Все живут выше. Это нашим мастерам, таким как уважаемый Фрахель, нужно уединение для работы. Чтобы никто не мешал, да и под их магию не попал ненароком. Ну и гномы тут иногда шастают к выработкам. А так места здесь пустынные. Пришли, любезный эльф.

Карлик остановился перед подъемником. Внизу была ночь. Наверху тоже. Им предстояло подняться по круглому туннелю более девятисот метров. Можно, конечно, этот путь проделать и по крутой каменной лестнице, хищной спиралью пронизывающей тело гор, но на это нужно слишком много сил и времени. Так что придется доверить жизнь ненадежному подъемнику.

Эльф с недоверием ступил на старые разохшиеся доски и покосился на толстый канат. Канат, несмотря на внушительную толщину, как и дощатый пол подъемника, к доверию не располагал. Того и гляди оборвется, а лететь эльфу до земли очень и очень долго. Он вполне успеет два раза пересказать Анналы Кроны, прежде чем разобьется о самое дно.

На подъемнике находился барабан, и карлик три раза стукнул в него. Звук ласточкой упорхнул куда-то вверх, и через некоторое время до ушей Элодссы долетел тихий, приглушенный расстоянием ответ.

— Па-аехали! — улыбнулся карлик и вцепился в поручень.

Принц дома Черного пламени поступил точно так же, он помнил, как его опускали вниз. О безалаберности гномов, а именно они опускали и поднимали подъемник, ходили легенды. Пока эльф спускался до этого яруса, седых волос на голове прибавилось.

На миг вместе с сердцем эльфа подъемник ухнул вниз. Хотя почти сразу же медленно, но верно стал ползти вверх. Мимо Элодссы со скоростью пьяной улитки проплывала стена грубого необработанного базальта. Гномы тут не постарались, оставив после пробивания туннеля все как есть.

К чему здесь шлифовать стены, украшать их скульптурами и росписями, создавать шедевры архитектурной мысли, если для этого существуют верхние ярусы, где искусство гномов и карликов могут оценить проходящие в их королевство гости? Желающих сунуться куда-нибудь поглубже почти не было, так что горбатиться несколько веков для того, чтобы вырубить из твердого камня очередную колонну, смысла не было никакого.

Иногда в стенах появлялся вход в очередной ярус, но подъемник проплывал мимо него, и вновь вокруг тянулись каменные стены кишки туннеля. Один раз из очередного коридора на подъемник прыгнул карлик. Он с интересом взглянул на эльфа и принялся разговаривать с провожатым Элодссы.

Гномьего языка эльф не знал, поэтому оставалось надеяться, что разговор идет не о его персоне.

Карлик спрыгнул через шесть ярусов, напоследок махнул рукой и скрылся в коридоре. Тут уже пошли обжитые места. Коридоры стали шире и просторнее. Количество гномов и карликов, спешащих по делам, увеличилось в несколько раз. Элодсса понял, что они уже почти приехали.

— Эй, вы! — гаркнул карлик, задрав голову вверх. — Крутите быстрее, сколько можно поднимать?!

— Я тебе щас покручу быстрее! Я тебе щас так покручу! — донесся сверху злой голос. — Щас вообще все брошу или попросту держатель ослаблю! Будешь лететь два года! Как можем, так и крутим!

Карлик в сердцах махнул рукой и посмотрел на Элодссу, видно ожидая поддержки:

— Гномы...

Эльф усмехнулся уголками рта, очень надеясь, что поднимающие их гномы не осуществят угрозы. Про себя же Элодсса решил, что больше ничто не заманит его не только в пещеры подземного королевства, но и в горы.

Карлик снова ударил в барабан, и подъемник остановился.

— Вот и приехали, — благодушно сказал карлик, сходя с подъемника. — Двадцать восьмой чертог, если считать с самого верха. Сами дорогу найдете, господин эльф?

— Не думаю.

— Все очень просто: прямо по центральному коридору, через зал с изумрудными сталактитами, а затем считайте ответвления. Шестое справа ваше. Оттуда после каждого второго перекрестка три раза налево, и вы как раз попадете в сектор, где мы размещаем наших гостей. Не бойтесь, заблудиться здесь практически невозможно, если что, спросите дорогу у кого-нибудь из наших. Только у гномов лучше не спрашивайте, эти бородатые за последнее время совсем соображать разучились. Только и знают, что новые штреки прорубать!

С этими словами карлик вновь залез на подъемник и, стукнув по барабану, поехал вниз.

Элодсса пошел искать свою комнату. Он ни на миг не собирался

оставаться в проклятом подземелье. Нужно забрать вещи и подняться на первый ярус, поближе к небу и солнцу. Если торчать под землей целую неделю, пока Фрахель делает ключ, можно сойти с ума. Уж лучше он вернется к сроку обратно, заберет ключ и никогда, больше ни-ког-да даже близко не подойдет к горам.

Эльф шел и смотрел по сторонам. В отличие от нижних ярусов тут было на что обратить внимание. С творениями рук гномов и карликов могли посоперничать только творения орков и эльфов в Храд Спайне. Правда, в Костяных дворцах Элодсса не чувствовал себя крысой, заживо погребенной глубоко-глубоко под землей. Но надо отдать должное подземным строителям все, буквально все, начиная с самых маленьких деталей и заканчивая устремляющимися куда-то ввысь восьмигранными колоннами, было прекрасно.

Он вошел в зал с изумрудными сталактитами, поражающими своими размерами, и застыл в восхищении. Откуда-то с потолка, из маленького окошка, добравшись до такой глубины неизвестно какими путями, на зеленые сталактиты падал, рассекая специально созданный полумрак, солнечный луч. От ласкового касания луча зеленые сталактиты начинали искриться, как будто их все обсыпали мелкой алмазной крошкой. А в центре столкновения сына солнца и сталактита проявлялось изображение — карлик и гном.

— Это Великие Грахель и Чигзан — первый карлик и первый гном, братья, — раздался слева от Элодссы голос.

Он обернулся и увидел заговорившего с ним. Точнее, заговорившую. Она стояла возле одного из зеленых столбов и поглаживала его рукой.

— Говорят, это изображение нашли гномы, когда кто-то догадался поднести к сталактиту свет. Так что можешь потом рассказывать, что видел одну из реликвий подземного королевства.

— Мидла. — Элодсса церемонно поклонился, стараясь согнать с лица удивление.

— Треш Элодсса. — Она поклонилась не менее изящно, застыв в поклоне на несколько секунд, как того требовал этикет, когда эльф встречается с представителем королевской фамилии дома.

— Очень удивлен тебя здесь увидеть, — сказал Элодсса.

— Надеюсь, приятно? — улыбнулась ему гибкая эльфийка.

Волосы у нее были острижены не по моде темных эльфиек. Не высокая прическа и даже не толстая коса, а пепельно-стальная шапка коротко подстриженных волос. Темно-зеленая одежда разведчицы, за спиной вместо привычного с'каша два коротких изогнутых клинка с точно

такими же, как и у с'каша Элодссы, нефритовыми рукоятями. Он сам подарил ей оба меча в те времена, когда жизнь казалась слишком простой. Какими же молодыми они были!

— Это зависит от того, что ты тут делаешь, — как можно более отстраненно сказал Элодсса.

— Что может тут делать разведчица дома Черного пламени, как не охранять наследного принца? — Она криво улыбнулась.

Это проклятое слово встало между ними пять лет назад, навсегда разрушив возможное счастье.

— Глава дома приказал мне быть твоей тенью.

— Этого не может быть! Отец никогда бы не послал тебя!

— Разве я когда-нибудь тебе лгала? У меня нет на это родовой способности. — Она насмешливо изогнула бровь, намекая на то, что произошло между ними.

— Я не обманывал тебя! — вырвалось у Элодссы. — То, что произошло между нами, не было ложью!

— Ну конечно. — Еще одна горькая улыбка. — Во всем виноват твой отец и глупые предрассудки.

— Я не могу преступить закон, и ты это знаешь! Не моя вина, что вместе нам не быть! Сын главы дома не может связать себя узами с...

— Ну, продолжай, Элодсса. С кем? С той, кто размахивает клинками? С той, кто шляется по Заграбе в поисках прорвавшихся на территорию нашего дома отрядов орков? С той, кто обучает маленьких эльфов держать в руках с'каш или стрелять из лука? Или с той, у которой в жилах не течет кровь главы дома?

— Этот разговор, как и все предыдущие, ни к чему не приведет.

— Ты прав, — грустно кивнула Мидла.

— Можешь отправляться назад к отцу и сказать, что со мной все в порядке.

— Я похожа на посыльного? — В желтых миндалевидных глазах мелькнула плохо скрываемая ярость.

Он слишком хорошо знал этот взгляд. В то время, когда они встречались, он пару раз видел эту ярость в ее глазах. Теперь впервые она была направлена на него.

— У меня достаточно охраны, — отрезал Элодсса.

— Твоя охрана вон там. — Мидла ткнула пальцем в потолок. — В лиге над нами. Пока они спустятся сюда, наследник дома Черного пламени превратится в нечто мертвое и неподвижное.

— Кто на меня здесь нападет? Карлики и гномы не настолько психи!

— Я выполняю приказ главы дома. — Она безразлично пожала плечами.

— А я приказываю тебе отправляться домой, — вспыхнул Элодсса.

— Ты пока еще не имеешь власти отца. — Она торжествующе улыбнулась.

Эльф скрипнул зубами, сжал кулаки и, развернувшись, пошел своей дорогой, проклиная упрямство Мидлы. Еще посмотрим, кто кого будет охранять!

Мидла наблюдала за уходящим Элодссой. В глазах у нее застыла боль.

Неделя, казалось, тянулась бесконечно. Элодсса раздумал подняться наверх, смысла не было — Мидла последовала бы за ним, а эльф не хотел разговоров у себя за спиной. Все еще помнили об их отношениях и о запрете на их свадьбу отца Элодссы.

Поэтому Элодсса большей частью сидел в покоях, выделенных ему карликами, и лишь иногда прогуливался по ближайшим залам, наслаждаясь красотой и величием этих мест. В такие минуты его сопровождала молчаливая Мидла. Каким-то образом она узнавала о том, что Элодсса покинул покои, и тут же появлялась рядом с ним.

Оба держались подчеркнуто вежливо и холодно. И оба чувствовали себя не в своей тарелке. Все прогулки заканчивались тем, что Элодсса злился и возвращался в надоевшие покои.

Когда подошел срок, который он назначил карлику, эльф наконец-то вздохнул с облегчением. Он ушел, каким-то образом не потревожив Мидлу, хотя ее комнаты были напротив. Скорее всего, это случилось потому, что эльф специально не предупредил карлика-сопровождающего о том, что собирается посетить Фрахеля. Элодсса подозревал, что именно благодаря этому маленькому стукачу о его прогулках становится известно Мидле.

Путь до подъемника он нашел без всякого труда. Тут стояли несколько гномов, закованных в броню и с боевыми мотыгами вместо обычных. Бородатые о чем-то горячо спорили.

— Добрый день, почтенные, — поприветствовал их Элодсса.

— Какой уж он добрый, — буркнул один из гномов. — Слыхали небось, что происходит?

— Нет, а что?

— На сто пятнадцатых воротах, это далеко отсюда, возле Загорья, весь пост вырезали. Пятнадцать карликов и столько же гномов погибли.

— Кто сделал, знаете?

— Нет. — Гномы были мрачнее тучи. — Но есть вероятность, что они проникли в королевство.

— Может, оно, конечно, и так, вот только какого распердую мы тут торчим? — зло спросил другой гном. — До сто пятнадцатых восемьдесят лиг отсюда! Ни один смертный, если он, конечно, не гном или не карлик, так далеко сам не пройдет! Заблудится в штольнях!

— А как не заблудится? — возразил первый.

— А как только летучие мыши гадят! — ответил гном. — Уже сколько времени прошло? Во! И никто на них не натолкнулся из наших! Кто бы там ни был, не стал он суваться так глубоко под землю! Перебил охрану и ушел!

— Ладно, нас тут поставили, мы и стоим, — примирительно сказал другой гном. — Куда надо-то?

Последние слова предназначались Элодссе.

— К мастеру Фрахелю.

— Это в пятьдесят вторую штольню? Заходите на подъемник, дорогу знаете?

— Не очень.

— На каждом втором перекрестке сворачивайте налево и так пять раз. Затем шесть перекрестков прямо и в третий левый коридор. Найдете?

— Да, спасибо.

— Эй, мужики! — крикнул гном вверх. — Почтенного до пятьдесят второй!

— Сделаем! — донеслось сверху.

Подъемник вздрогнул и поехал вниз.

Фрахель с облегченным вздохом откинулся на спинку стула. Глаза и руки болели. Тысячи маленьких раскаленных иголочек впивались в зрачки. Необходимо было хоть немного отдохнуть. Карлик был удовлетворен работой, сделанной за неделю, ключ — это, пожалуй, лучшее, что он смог сделать за свою долгую жизнь.

Работа захватила Фрахеля, вызов, брошенный его умению, требовал полной отдачи, но вот подошел срок, и он сотворил невозможное — на черном бархате лежал ключ, созданный из слезы дракона. Тонкий и изящный предмет заключал в себе огромную силу даже до того, как клыкастые темные наделят ключ нужными возможностями, чтобы он подходил к их створкам.

Фрахель ухмыльнулся. Орков ждет большой сюрприз, когда створки перестанут раскрываться перед ними. Эльфы хитры, решив лишить орков памяти предков, закрыв дверь перед самым их носом!

Фрахель посмотрел на гудящее в горне лиловое пламя, все еще

помнившее вкус слезы дракона. Волшебное пламя целую ночь лизало минерал, отдавая ему силу вечной ярости и жизни. Ключ родился в огне и из огня.

Карлик с сожалением посмотрел на двенадцать сточенных алмазных резцов. Ну ничего, тех денег, что заплатит ему эльф, хватит на несколько сотен точно таких же, если не лучше.

Оставалось последнее, самое быстрое и самое сложное, — наделить творение жизнью и памятью. Фрахель встал, раскрыл старую книгу и поднял руку над дремлющим ключом.

В дверь его мастерской вежливо постучали. Карлик зло выругался. Должно быть, эльф приперся! Рановато! Что же, принц он там или еще кто, но ему придется ждать, пока Фрахель не доделает все, что нужно.

— Ждите, уважаемый! — крикнул Фрахель. — Я еще не закончил!

Вновь раздался вежливый стук в дверь.

— Войдите! — Фрахель уже приготовился сказать эльфу пару ласковых.

Дверь открылась, и в мастерскую вошел человек. Все слова застряли у Фрахеля во рту. Гостей он не ждал.

— Мастер Фрахель? — спросил человек, внимательно осмотрев мастерскую.

— А кто спрашивает? — не очень любезно ответил карлик.

— О! Позвольте представиться, меня зовут Суовик.

— Суовик? — Карлик нисколько не сомневался, что у этого Суовика есть титул.

Хотя бы потому, что на камзоле был вышит золотой соловей. Кажется, такой герб имел кто-то в Валиостре на границе между Заграбой и Пограничным королевством.

— О! Не утруждайте себя, мастер! Просто Суовик, и все, — замахал руками человек.

Просто Суовику было под пятьдесят, высокий, худой как жердь, с седыми висками и такой же проседью в аккуратной бородке. Усов Суовик не носил. Карие глаза смотрели на карлика с дружелюбной насмешкой.

— И что вам угодно? — стараясь скрыть раздражение, спросил Фрахель.

Грубить он не хотел, человек мог быть неплохим клиентом.

— О! — Фрахелю уже начинало надоедать это оканье незваного гостя. — Я бы хотел купить одну вещь. Точнее, не я, а тот, кто меня послал. Мой Хозяин...

— Но позвольте, — перебил Фрахель гостя и развел руками. — Я не

лавочник. У меня ничего нет для продажи! Я выполняю частные и очень хорошо оплачиваемые заказы. Если вам нужно что-то купить, обратитесь к мастеру Смерхелю, два яруса выше, триста двадцать второй штрек.

Фрахель повернулся к Суовику спиной, давая понять, что разговор окончен.

— О! Вы меня не так поняли, почтенный мастер! — Человек и не собирался уходить из мастерской.

Он довольно бесцеремонно подошел к стулу и сел, закинув ногу на ногу.

— Мой Хозяин хочет купить вещь, сотворенную именно вашими руками.

— И что же он хочет у меня купить? — с явной издевкой спросил карлик, уперев руки в бока.

Вежливость вежливостью, но этого человека он с удовольствием вышвырнет из своей мастерской.

— Вон ту забавную вещицу! — Суовик приподнялся с кресла и ткнул пальцем в искрящийся ключ.

На миг карлик потерял дар речи.

— Вы с ума сошли, уважаемый?! Эльфийский ключ? Но у меня на него другой заказчик, он предназначается не вашему хозяину! Да и зачем он вам?

— М-м-м... Мой Хозяин — человек... — На слове «человек» Суовик почему-то запнулся. — Человек с определенным вкусом. Скажем так. Он коллекционер, а этот замечательный ключ великолепно подойдет к его замечательной коллекции.

— Нет! — отрезал карлик. — К тому же у вас не хватит денег, чтобы купить ключ, да и слово свое я не нарушу.

— О! Насчет денег вы можете не волноваться, мастер Фрахель!

Суовик встал со стула и, подойдя к столу, на котором ключ дожидался последнего штриха мастера, стал выкладывать из сумки камни.

Зубы у Фрахеля клацнули, а глаза приобрели вид больших блюдец. Человек положил на стол слезу дракона — камень, ни в чем не уступающий тому, что принес ему эльф. Затем еще один. И еще. И еще.

— Мой Хозяин очень щедр, вам не придется жалеть, — улыбнулся Суовик.

Карлик молчал и во все глаза смотрел на камни, ожидая, что в любой момент они исчезнут. Такого просто не могло быть! Тут лежало равноценное количество того, что карлики с гномами нашли за последнюю тысячу лет!

Не дождавшись ответа, Суовик положил на стол еще два камня, последний был просто огромным.

— Согласитесь, любезный мастер, такая цена заставляет задуматься. Пусть ваш заказчик подождет еще неделю, вы сделаете еще один ключ, материала у вас теперь предостаточно.

— Но ключ еще не готов, он еще не наделен жизнью! — Карлик убеждал уже сам себя.

— Тут вам не стоит беспокоиться, я сам позабочусь и вдохну в него жизнь.

— Людское волшебство тут не поможет, — покачал головой гном.

— Кроме людского волшебства есть еще разная магия. — Человек улыбнулся.

— Разная магия? — Фрахель подозрительно сощурился. — Есть еще магия камня моего народа и шаманство. Магия гномов и карликов не подходит для людей, а шаманство ваше племя может изучать только огрское...

— А даже если и так? — Суовик пожал плечами.

— Кто вы? — выпалил карлик, шаря взглядом по мастерской в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Это так важно? Так мы договорились? — Суовик протянул руку к ключу.

— Нет, — через силу выдавил карлик. — Забирайте свое барахло и выметайтесь!

— Это ваше последнее слово?

— Да!

— Очень жаль. — Человек вздохнул. — Я хотел по-хорошему.

В открывшуюся дверь проскользнули пять теней, и Фрахель побледнел.

По дороге Элодсса все же умудрился заблудиться и свернуть не в тот коридор. На миг смуглая кожа эльфа покрылась потом, когда в голове возникла мыслишка о том, что он заблудился. Однако он не поддался панике, не стал сломя голову носиться в лабиринте коридоров, а остановился и постарался вспомнить всю дорогу. Пройдя назад и дважды повернув направо, эльф оказался в знакомом коридоре с низким потолком. Оказалось, что он неправильно сосчитал перекрестки, поэтому и свернул не в ту сторону.

Остальной путь Элодсса проделал без приключений, хотя ему и казалось, что стены нарочно пытаются его раздавить и заставляют тяжело дышать. Элодсса шел по коридору, ища знакомую дверь в мастерскую

Фрахеля. Дорога оказалась даже длиннее, чем в прошлый раз. Очень часто приходилось останавливаться, чтобы сориентироваться и узнать свое местонахождение, но такова цена прогулки в одиночку. Сам не желал звать карлика, сам не хотел присутствия Мидлы. Когда эльфийка была рядом с ним, Элодсса ощущал злость и вину одновременно. Злость на себя, что поддался на уговоры отца, будто Мидла не пара королевскому сыну. Нельзя, видите ли, преступать древний закон. Он до сих пор любил ее, и она, как подозревал Элодсса, тоже не смогла забыть его.

Наконец он оказался возле мастерской Фрахеля и без стука толкнул дверь.

Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить ситуацию. Карлик лежал на полу мертвее мертвого. Над ключом, над его ключом, застыл человек, распевая песню на огрском языке, а ключ отвечал ядовитым багрянцем, пульсируя, как живое сердце, в такт словам.

Человек бросил на застывшего эльфа всего один взгляд и коротко бросил:

— Убить!

Пять орков, стоявших рядом с человеком, ринулись на эльфа, обнажив ятаганы. С'каш с тихим шелестом покинул ножны, второй рукой Элодсса сорвал с пояса кинжал и метнул его в человека рукоятью вперед. Оружие несколько раз кувыркнулось во время полета и вошло тому глубоко в грудь. Человек схватился за рукоять эльфийского кинжала и упал. Багрянец, разливающийся над ключом, моргнул в последний раз и исчез. Но забрать ключ уже не было возможности — первый орк заносил ятаган для удара. С'каш и ятаган столкнулись, разошлись и вновь столкнулись. Орк отпрыгнул назад, дожидаясь, пока подойдут его соплеменники:

— Тебе конец, выродок!

Элодсса ничего не сказал. Конечно, пятеро против одного — это очень много, но эльфа спасало то, что он стоял в дверях и напасть на него одновременно могли только двое.

— Пригнись! — раздался за спиной резкий голос.

Элодсса быстро пригнулся, и появившийся над его плечом лук выстрелил. Стрела глубоко вошла орку в глаз, заставив того схватиться за нее, исполнить ногами предсмертный танец и рухнуть на пол.

Сердитым шмелем прожужжала следующая стрела и, возбужденно дрожа, впиалась в шею второго орка, с жадностью извергая из него кровь.

Третью стрелу Мидла пустила прямо в лицо подбежавшего врага.

Стрелы на таком расстоянии были уже неэффективны, и Элодсса вступил в бой, давая время эльфийке убраться с лука и обнажить клинки.

Избежав удара справа, Элодсса поднял с'каш над головой, поставив оружие плашмя, чтобы встретить падающий на него ятаган противника. Орк попался на банальнейший слив: его ятаган скользнул по направленному вниз с'кашу Элодссы, и, благодаря силе собственного удара, орк сделал лишний шаг вперед, обнажив бок. Взвизгнув, изогнутый клинок эльфа распорол воздух и, перерубив левую руку противника, глубоко ушел в не защищенный доспехами бок. Едва уловимое движение назад, разворот вокруг собственной оси с одновременным поднятием оружия вверх, шаг в сторону — и с'каш перерубает шею раненого врага, заставляя голову прокатиться на полу и остановиться где-то под столом.

Элодсса уже поворачивался на помощь Мидле, но она и сама справилась с последним орком. Два изогнутых клинка так и остались в теле мертвого врага. Мидла привалилась к стене и, шипя от боли, перевязывала распоротую ятаганом ногу.

— Ты в порядке?

— Нет, тысяча демонов! С какой дури тебя потянуло сюда одного? А если бы я не успела?

— Пришлось бы справляться своими силами.

— Своими силами, — буркнула Мидла, затягивая последний узел. — Этот волчий выкормыш все же достал меня!

— Идти сможешь?

— Не думаю, что я смогу ходить в ближайший месяц.

— Надо убираться отсюда, неизвестно, сколько орков проникло в шахты.

— Это те, кто вырезал охрану дальних ворот?

— Скорее всего. Я понесу тебя.

Мидла только кивнула:

— Вытащи из трупа клинки — они мне слишком дороги.

— Хорошо. — Элодсса выдернул из мертвого орка оружие Мидлы, передал клинки ей и направился к телу человека, намереваясь вытащить из его груди свой кинжал.

Человек оказался счастливым. Шаман до сих пор был еще жив, хотя на губах у него проступила кровавая пена, хлопьями стекающая на подбородок и бороду.

— Ты... — Человек попытался задержать взгляд на Элодссе, склонившемся над ним. — Хозяин все равно завладеет ключом.

— Вот уж не знаю, кто твой хозяин, но эльфы просто так не расстаются со своей собственностью.

Элодсса уперся правым коленом в грудь умирающего, вытащил

кинжал и перерезал шаману горло, наблюдая, как стекленеют карие глаза. Затем он взял со стола ключ, немного подумал и сгреб в лежащую на полу сумку все слезы дракона, вполне трезво рассуждая, что мертвецам они уже без надобности, а гномы с карликами как-нибудь обойдутся.

— Мертв? — спросила Мидла, когда он подошел к ней и взял эльфийку на руки.

— Да, он колдовал, когда я пришел. Что-то с ключом делал.

— Это не наше дело, пусть шаманы разбираются. Он служил оркам?

— Скорее, наоборот, — пропыхтел Элодсса, вынося Мидлу в коридор. — Это они служили ему.

— Как такое вообще возможно? Орки никогда не служили низшей расе.

— А эти служат. Кстати, ты заметила, что у них не было нашивок клана?

— Да. Все это очень странно.

— Вот и я о том же.

— Что ты намерен теперь делать?

— Сообщить обо всем гномам или карликам и убраться из-под земли.

— А потом?

— Потом? — Элодсса на миг задумался. — Потом собираюсь отдать ключ отцу и изменить парочку старых законов, не считаясь с мнением главы дома.

— Это каких? — удивилась Мидла.

— Тех, что запрещают быть вместе сыну королевской династии и разведчице. Ты не возражаешь?

Мидла только улыбнулась, давая понять Элодссе, что с ее стороны никаких возражений не будет.

Ни он, ни она не видели, что в глубине ключа, лежавшего в сумке у эльфа, мерцает едва заметная багровая искорка.

Глава 22

Разговоры в огне

Многие думают, что во мраке нет жизни. Это большое заблуждение. Может, в крошечной пустоте Ничто жизнь не так и заметна, как в нашем красочном мире, но то, что она есть, несомненно.

То тут, то там на короткую долю секунды с отчаянным скрипом распахивались двери — столбы света в безграничном мраке, ведущие неизвестно куда. Эти двери появлялись лишь для того, чтобы через краткий миг с оглушительным грохотом захлопнуться, поглотив свет.

Но мир склонен меняться, и спустя века двери пропали, надолго оставив меня в абсолютной тьме и тишине. Ни звука, ни дуновения, ни искорки света, способной отпугнуть вековечный мрак этого места.

Я висел в пустоте и видел сны. Много снов. Красивых и страшных одновременно. Снов, где я просто был наблюдателем, снов, где я проживал тысячи жизней, снов, которые были правдой, и снов, которые были просто снами. Сны шли и шли, сменяясь, как разноцветные картинки игрушечного калейдоскопа моего далекого детства. Сны, ни к чему не обязывающие, сны, над которыми стоило задуматься, сны, которые стирались из моей памяти, как только они заканчивались, и уступали место другим, ни на что не похожим снам.

Сколько это длилось? Не думаю, что больше, чем вечность, да и та когда-нибудь должна была кончиться. Вечность, как и сны, имеет такую неприятную особенность — кончаться в самое неподходящее для этого время.

Спустя несколько веков, показавшихся мне минутами, во мраке родились первые багровые искры. Это были дети гигантского и пока еще не видимого мною костра. Они вырывались откуда-то снизу, взлетали мерцающими угольками вверх, туда, куда до этого уползали мои сны. Искры вздымались высоко-высоко и, мигнув на прощание, таяли, пожираемые голодным мраком.

Одна из искорок пролетела прямо возле меня, на миг зависла перед лицом и, обернувшись огненной снежинкой, медленно кружась во мраке, стала падать. Я инстинктивно подставил ладонь, горящая снежинка огня упала на нее и растаяла. Ладонь обожгло легким морозцем. Огненная снежинка была холоднее льдинки.

Искорок-снежинок стало гораздо больше, они ускорили свой полет,

теперь летая не только снизу вверх, но и горизонтально, как будто их гонял хулиган-ветер. Иногда, когда огненного снега становилось ужасно много, снежинки закручивались в огненный смерч. В такие минуты у меня перед глазами возникали картины прошлого.

Прошла еще вечность, и в одном месте мрак набух, пожелтел — так желтеет бумага, когда ее подносишь к пламени свечи, — и лопнул. Появились языки багрового огня. Затем еще и еще. Спустя мгновение пламя сожрало мрак, заполнив все пространство моего бесконечного сна.

Багровый огонь был беззвучным, и от него не было никакого жара. Я почувствовал небольшой холодок, когда особенно рьяный и неугомонный язычок пламени лизнул мне лицо. Я провел по лицу ладонью, и на ней остался тонкий слой инея. Огненного инея.

Он нагрелся и багровым дымком заструился с ладони, нежно клубясь перед лицом и маня меня прыгнуть за ним в пламя.

Куда дальше? Я и так находился в самом центре этого беззвучного холодного ада, но дымок превратился в безжалостный янтарный огонек и толкнул меня в бездну. Появился звук, и мой крик жалкой мошкой потонул в реве огненного прилива. В ответ огонек только весело подмигнул мне янтарным глазом. Но я уже и сам видел, что это не обычный огонек, а глаза, просящие вернуться в какой-то забытый мною мир.

Забытый? Но я же помню, что глаза, смотрящие в меня, — это раскосые золотисто-янтарные глаза эльфийки. Ее, кажется, звали Миралиссой.

— Потанцуй с нами, Танцующий! — Веселый смех заставил меня отвлечься от глаз и обернуться.

Закручиваясь в вихре танца, на языках пламени двигались три тени. Их несколько не пугало присутствие света, они оставались такими же черными и непрозрачными для него, как будто и не было вокруг них никакого огня.

— Ну же, Танцующий, не бойся! — засмеялась одна из теней и сделала вокруг меня оборот.

— Я не танцую, леди. — В горле пересохло. То ли от холодного огня, то ли от снов.

— Смотрите, он не хочет танцевать, — весело хихикнула другая тень, подлетая ко мне вплотную.

На мгновение мне показалось, что в тени промелькнуло очертание женского лица. Промелькнуло и исчезло. А жаль, личико вполне даже ничего.

— Отчего же, Танцующий, ты отказываешься танцевать? Почему ты

не хочешь подарить нам всего лишь один танец?

— Мне нужно идти. — Пламя за спиной выло не переставая и, кажется, начинало теплеть.

— Идти? — Третья тень оказалась рядом с первой и второй. — Но чтобы уйти, ты должен подарить нам танец. Давай, Танцующий! Выбирай! Какая из нас троих больше тебе по душе?

— Я не умею танцевать. — Я покачал головой и обернулся.

Янтарные глаза все еще никуда не исчезли, но потихоньку отдалялись, скрываясь за стеной пламени. Я бросился к ним, и тут же пламя ударило в меня волной жара. Я в страхе закрыл лицо руками.

— Вот видишь, Танцующий. Ты пройдешь сквозь огонь только в танце. Танцуй или навеки останешься здесь!

Я уже мог отличить каждую из трех теней по голосу. Они одновременно были такими похожими и... такими разными.

— Какую из нас ты выбираешь? — вновь спросила третья тень, а жар за спиной становился нестерпимым.

— Всех троих, — хмуро сказал я.

Одной глупостью больше, одной меньше. Какая, собственно, разница? Минутное замешательство среди теней.

— Ты и вправду Танцующий, — удивленно произнесла первая тень. — Берешь от жизни все.

— Что же, мы проведем тебя через барьер. Держись!

Тени обняли меня, закрывая черными телами от подступающего со всех сторон огня. И повели. Вихрь кружения, стрела скольжения и легкости, черная молния, пронзившая стену пламени и толкнувшая меня к янтарным глазам.

Падаю...

— Мы еще станцуем с тобой джангу! — слышу я слова, брошенные в спину.

Последняя, злая вспышка багрового и сходящего с ума от собственного бессилия пламени. Ночь...

— Что с ним?

Голос пробивается через густую паутину беспамятства, разрывает ее нити, подобно кинжалу. Голос выхватывает меня со дна сна, ставшего явью, поднимает к поверхности, чтобы я глотнул свежего воздуха жизни.

— Приходит в себя! Эграсса, дай цветы лазуритки! Быстро! — Голос Миралиссы напряжен и... Растерян? Испуган?

— Что, подери меня тьма, здесь происходит?! — Опять первый голос. Его я тоже, кажется, знал... Алистан Маркауз.

— Успокойтесь, граф, все объяснения после! Эграсса, что ты медлишь?!

— Вот. — Эльф кажется спокойным.

Я почувствовал кислый запах травы и невольно поморщился.

— Ну же, Гаррет, хватит ломать комедию! Открой глаза! — Голос у невозмутимого Элла был резок.

Я попробовал. Я честно попробовал! Но веки были ужасно тяжелые, попросту налитые свинцом и отказывались подчиняться.

— Гаррет! Ты меня слышишь?

Что они все ко мне привязались? Ведь так хорошо спалось! Вонь от проклятой травы стала невыносимой. Пришлось чихнуть.

Холодная рука легла на мой лоб.

— Давай, Танцующий, открой глаза! Я знаю, ты меня слышишь!

Миралисса тоже называет меня этим именем — Танцующий! А все Кли-кли! Это гoblin первым ляпнул, будто я какое-то там пророчество. Удавил бы, да жалко зеленого.

Сожри меня Х'сан'кор! Долго они будут пихать мне под нос вонючую траву? Видно, все же придется открыть глаза, иначе эльфы не отстанут.

Еще одно усилие. В этот раз все оказалось намного проще. То ли трава так подействовала, то ли настойчивость Миралиссы.

Первое, что я увидел, — это лицо Миралиссы, склонившейся надо мной. Даже несмотря на смуглую кожу, эльфийка была необычайно бледна, а левое веко у нее предательски дергалось. Чуть дальше стояли два невозмутимых, но напряженных, как хорошо натянутая тетива лука или струна музыкального инструмента, эльфа. Рядом с ними — Маркауз. Он был хмур. Впрочем, это его постоянное состояние духа, и все уже давно к этому привыкли.

— Как ты себя чувствуешь? — Миралисса вновь положила руку мне на лоб.

Как я себя чувствую? Я вслушался в себя... Руки, ноги целы. Хвоста, по-моему, нет. Все в порядке. Чего они, собственно, все переполошились?

— Нормально я себя чувствую. А что?

Я сделал попытку встать с кровати, но Миралисса мягко толкнула меня назад.

— Полежи пока.

— Кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит?! — Милорд Алистан все же не выдержал.

— Кто бы мне объяснил, — с раздражением бросила Миралисса и поежилась, как от зябкого сквозняка. — Все шло как всегда. Стандартная

процедура настройки на ключ — ее может выполнить любой ученик третьего года, почти ничего не понимающий в шаманстве. Все было нормально, а затем ключ полыхнул багровым, и я потеряла связь с Гарретом. Сознание унесло его в такие далекие дали, что мы с большим трудом вернули его назад. Точнее, он сам как-то вернулся, все наши попытки оказались безуспешными. Ничего не понимаю!

Ключ полыхнул багровым? Такое было в одном из снов. Какой-то человек... Сулик? Суоник? Не помню уже. Что-то он сделал вот с таким же, как этот, ключом. Что-то не слишком хорошее. Еще один хозяйский прихвостень, не иначе.

— Гаррет, ты хоть что-нибудь помнишь? — спросил Эграсса.

— Ну, помню, — протянул я.

— Не нукай! Чего помнишь, вор? — Алистан все еще злился.

— Сны, тысячи снов.

— Каких снов?

— Их столько было за это время!

— Какое время, Гаррет? — нехорошо нахмурился Эграсса. — С того момента, как ты сел на кровать и как проснулся, прошло не больше двух минут!

Я остался лежать с открытым ртом. По моим меркам, пока я видел сны, прошла целая вечность.

— Это все ваш ключ, самим надо было его делать, а не отправлять принцев к карликам! — обвиняюще сказал я.

— Откуда ты знаешь, что ключ заказывал принц? — Глаза Миралиссы удивленно распахнулись.

— Из сна, наверное... — немного подумав, сказал я. — Я даже имя эльфа того помню — Элодсса.

— Элодсса Разрушитель Законов, — кивнул Элл, подтверждая, что я не вру. — Был такой правитель дома Черного пламени. Очень давно, больше тысячи лет назад. Вот только я не знал, что он заказывал ключ.

— А он и не заказывал. — Я нарушил запрет Миралиссы и сел на кровати. — Это его отец заказал. Даже не отец, а все эльфы. И темные, и светлые, а этот Элодсса поехал к карликам. Там все это и случилось.

— Что это?

— Не обращайтесь внимания, — отмахнулся я. — Это всего лишь один из множества снов.

— Сны имеют такое свойство — показывать прошлое. Или будущее. Вполне возможно, что ты мог, сам того не зная, увидеть страницу прошлого.

Пришлось вкратце рассказать им тот сон.

— Выходит, — закончил я, — что, если основываться на моем сне, с ключом что-то сделали и он работает не так, как надо.

— Но раньше-то с ним было все в порядке! — возразил Алистан.

— Раньше мы и о Хозяине ничего не слышали, — возразил графу Элл. — Вот и в ключе что-то проснулось, и он чуть не затянул Гаррета.

— Ладно! — Миралисса в раздражении щелкнула пальцами. — Всеми этими разговорами мы ничего не добьемся! Будем продолжать делать то, что делали все это время. К тому же ключ Гаррета запомнил.

— Я, пожалуй, пойду. Если с вашей стороны нет никаких возражений. — Я встал с кровати и пошел к двери.

— Ключ не забудь.

— Какой тьмы он мне сейчас нужен? — запротестовал я.

Таскать у себя за пазухой ключ, в любой момент способный превратиться в ядовитую гадюку, я не собирался.

— Гаррет, ты ведь не Вастарскую сделку заключаешь, правда? — произнес Маркауз. — Чего торгуешься? Бери этот проклятый ключ.

— Нет, пусть он побудет у меня, — неожиданно поддержала меня Миралисса. — Я еще раз проверю ключ. Нужно убедиться, что он абсолютно безопасен.

Вот и чудненько! Я покинул задумчивых эльфов и недовольного графа Крысу.

По дороге в свою комнату я натолкнулся на хмурого Кота.

— Алистана не видал? — бросил он на ходу.

— У Миралиссы был.

Кот кивнул и двинулся по коридору к комнате эльфийки.

— Ты где это шлялся? — Такими словами встретил меня шут, когда я вошел в комнату.

Фонарщика еще не было, и Кли-кли стелил себе постель на полу, между двух разошедшихся кроватей.

— Ты любитель спать на жестком? — спросил я, игнорируя вопрос гоблина.

— И тебе советую, для здоровья полезно, — сказал шут, взбивая подушку.

— Спасибо, перебыюсь. — И я стал вставлять в уши хлопковые пробки, которые озаботился попросить у заботливой жены хозяина таверны.

— Это еще зачем? — подозрительно сощурившись, спросил Кли-кли.

— А без них уснуть не могу. — Я невольно криво ухмыльнулся, и

гоблин, приняв пробки за какое-то мое чудачество, перестал спрашивать.

Кровать после нескольких ночевок под открытым небом показалась подарком богов. В эту ночь я спал как младенец.

Как и следовало ожидать, на следующее утро Кли-кли был хмурым и молчаливым. Он дулся на весь свет, а в особенности на Фонарщика и почему-то на меня. И до того момента, когда взошло солнце и немного растопило его настроение, Кли-кли отказывался со мной разговаривать и лишь сердито фыркал в ответ на мои жалкие попытки наладить отношения. Видно, его очень расстроило то, что он не был предупрежден о ночном храпе Мумра.

Ни Миралисса, ни Алистан ни словом не обмолвились этим утром о ключе и лишь поторапливали нас, намереваясь как можно быстрее отправиться в путь.

Выехали мы рано, еще не наступил рассвет, а Алистан уже торопил весь отряд, и додремывал я прямо на Пчелке, благо лошадка не неслась галопом. Сурок, едущий рядом, лишь хмыкнул, понимая мое состояние, и так ненавязчиво принялся следить за Пчелкой.

Лошади пошли рысью, и я, уже проснувшись, довольно лихо сидел в седле. Вот что значит постоянная практика!

Только через час я заметил, что в нашем небольшом отряде произошли некоторые изменения, отчего отряд стал еще меньше.

— А где Кот и Эграсса? — удивленно спросил я у проезжающего на Перышке Кли-кли.

— У них появилось важное задание. — Гоблин впервые открыл рот за это утро. — Все, Гаррет! Хиханьки и хаханьки остались за спиной! Теперь у нас впереди суровые, а может, и опасные будни. Что-то должно произойти, я носом чую!

В подтверждение своих слов Кли-кли громко шмыгнул носом.

— Что случилось, Сурок? — не унимался я.

Дикий лишь пожал плечами, но выглядел он обеспокоенным.

— Неназываемый их знает! Кот вчера весь день ходил сам не свой. Бормотал что-то, к вечеру все оглядываться начал. А сегодня утром прихватил эльфа для компании и вовсе пропал. Вон, слышал, что Кли-кли сказал? Что-то происходит. Ненавижу я, когда вокруг непонятки!

— А кто навидит? — спросил Горлопан. — Вон Алистан как гонит! Чай, к вечеру с такой прытью в Султанате окажемся!

— Горлопан, иди к Мумру песни петь! И без тебя тошно! — хмуро бросил едущий впереди Дядька.

— Что-то я не слышу, чтобы наш музыкант дудку мучал! — возразил

Горлопан, но заткнулся и всю остальную дорогу молчал, лишь иногда привставая на стремянах и оглядываясь.

Мы свернули с тракта на более старую и пустынную дорогу, ведущую на юго-восток, хотя Медок сказал, что она затем вновь поворачивает на юг и сливается с трактом перед самым Ранненгом, но по этой дороге путь выходит короче на десяток лиг. Правда, есть и отрицательные стороны такого пути места тут не очень обжитые, деревень нет, вновь придется коротать ночь под открытым небом. Прошло утро, наступил жаркий полдень, а он сгинул в подступающем вечере, но Алистан все гнал и гнал, не щадя ни лошадей, ни всадников. В моей душе заворочался червячок беспокойства. Что-то случилось — иначе к чему такая спешка?

Ни эльфийка, ни граф, ни Дядька не отвечали на расспросы шута и только еще сильнее подгоняли коней. Три коротких перерыва — лишь для того, чтобы дать отдых измученным лошадям, — и снова пыльная дорога мелькает под ногами, да диск медно-красного солнца скатывается за горизонт по правую руку.

Лишь когда небо приобрело огненно-малиновую окраску, постепенно переходящую в темно-фиолетовую, а от солнца остался махонький краешек над горизонтом, наш отряд остановился на ночлег.

От дороги далеко уходить не стали. От чего бы мы ни убегали (или чего бы мы ни догоняли — в последнем варианте я склонен сомневаться), видно нас все равно как у Сагота на ладони. По правую и левую сторону от тракта тянулись неспаханые поля, и огонек от ночного костра увидят на лиги вокруг.

Бледный рогатый месяц, сменивший за время нашей поездки луну, появился на небе и завел беседу с первыми звездами. Очарование летней ночи подступало к нам. Но наслаждаться природой времени не было, нужно еще успеть насобирать дров для того, чтобы костер не нуждался в пище всю ночь.

Найти в чистом поле дрова, да еще и в потемках, довольно проблематично. Если кто сомневается, пускай как-нибудь сам попробует выйти на просторы, где вместо деревьев растет зеленая травка, несколько очаровательных, но абсолютно бесполезных цветочков да стадо полусонных кузнечиков, ливнем выпархивающих из-под ног. Так что попробуйте разжечь из вышеперечисленного приличный костерок. Очень сомневаюсь, что у вас получится, особенно если учесть, что весь день до этого нужно было еще проскакать в седле.

К счастью, мы с Сурком наткнулись на заросли низкого густого кустарника, а подоспевший Делер срубил его секирой.

Обязанности в нашем отряде были четко распределены. Кто-то собирает дрова и поддерживает огонь, кто-то кашеварит, кто-то смотрит за лошадьми, кто-то обустраивает место для ночлега. Все занимались делами, и никто не отлынивал. Даже Маркауз, будь он хоть трижды граф, каждый вечер проверял лошадей, следя за тем, чтобы, не дай Сагот, ни одна не захромала или того хуже — заболела.

Лично меня никто ни о чем не просил, но чувствовать себя бездельником не хотелось (мне с этими людьми еще придется делить последний кусок хлеба), так что я тоже оказывал посильную помощь. Я в основном помогал Сурку собирать дрова или занимался кормежкой Непобедимого. Линг оказался забавным зверьком и к тому же чертовски сообразительным. Мы с ним вполне мирно ладили, я позволял ему забираться к себе на плечо, он в ответ разрешал его погладить. Такая любовь и идиллия сильно удивили Сурка, рассказавшего мне, что Непобедимый не шибко приветствует, когда его кто-нибудь гладит. Если, конечно, это не его любимый хозяин — Сурок.

Когда я, Сурок и Делер дотащили до разожженного костерка остатки дров, не захваченных в первую ходку, на огне уже весело булькал котелок, а Халлас, чуть не окуная в него бороду, помешивал варево деревянной ложкой. Неизменный мешок, ставший уже привычным за время нашего путешествия, висел за спиной гнома. Кажется, Халлас даже спал вместе с ним, положив рядышком еще и боевую мотыгу для успокоения души. Делер первые два дня все пытался разузнать о содержимом мешка, а потом плюнул. И теперь лишь иногда презрительно фыркал, когда ему на глаза попадалась гномья сумка.

Кли-кли, как примерный помощник поваров (кашеварили через день Халлас и Дядька), подавал гному снесь. Халлас жестом профессионального королевского повара сыпал в котелок всего до кучи. В итоге такого подхода к приготовлению пищи получалось нечто ужасное на вид, но вполне питательное и вкусное.

— Опять этот страх готовишь? — Делер наморщил нос и бросил ветки кустарника на землю.

— Не хочешь — не ешь! — отрезал гном, кинув в бурлящий котелок луковицу.

Халлас не очень любил, когда его талант повара подвергался сомнениям.

— Да ладно тебе, Делер, — примиряюще сказал Медок. — Чего ты взъелся?

— Я от его снеди полночи в кусты бегаю! Уж лучше пусть Дядьку

готовит!

Делер отчего-то менял окончание в имени Дядьки на манер жителей Загорья, но я не видел, чтобы десятник возражал.

— Дядька кашеварит завтра, — издевательски сказал Халлас, помешивая в котелке. — А насчет кустов, это вам, карликам, очень полезно. Избавитесь от одной вредной штуки, а то ее у вашей расы слишком много.

— Это о какой такой штуке ты разговор ведешь, мотыжник недобитый? — уперев руки в бока, спросил Делер.

— Той, что начинается на «г», а заканчивается на «о». Посредине буквы «о», «в», «н». — Халлас неотрывно смотрел в кипящий котелок, как будто ничего оскорбительного он и не произносил.

Делер стал загибать пальцы на правой руке и шевелить губами, чтобы понять, что имел в виду гном.

Кли-кли уже понял, о чем говорил Делер, и радостно осклабился, приготовившись наблюдать вселенскую драку. Сурку тоже не понадобилось много времени, чтобы догадаться, но он, в отличие от шута, схватил Непобедимого и направился помогать Горлопану, Арнху и Фонарщику кормить лошадей. Медок же незаметно встал так, чтобы в случае чего оказаться между карликом и гномом.

— Говно, — недоуменно пробормотал Делер, уставившись на собственные пальцы, будто они сами собой сложились в фигу. — Говно. Говно?! Ты говоришь о том, что в карликах слишком много говна?!

Делер бросился к Халласу, но на его пути выросла массивная фигура Медка.

— Говно?! Ах ты, маленькая бородатая вошь! — Карлик попытался обойти воина справа, но Медок как бы невзначай вновь перегородил Делеру дорогу.

— Иди сюда, и мы посмотрим, сколько говна у твоей расы! — Попытка обогнуть гиганта Дикого слева тоже не привела к успеху.

Халлас невозмутимо мешал походную кашу и ухмылялся в бороду.

— Мало мы вас на поле Сорна отщучили! Да пусть же ты меня, Медок!

— Успокойся, Делер. — На крики подошел Дядька. — И так Кот с эльфом до сих пор не вернулись, да еще ты тут свару начинаешь!

— Я начинаю?! — возмутился карлик и в сердцах сорвал с головы шляпу точную копию того котелка, что сейчас шкварчал на огне, но только с узенькими полями. — Этот... Этот выкормыш подземных глубин сказал, что в карликах слишком много говна!

— А ты наплюй, — подал идею Медок.

— Как наплевать? — опешил от такого предложения Делер.

— Смачно, — абсолютно серьезно ответил Дядька.

Карлик немного подумал и плюнул. К счастью, ни в котелок, ни тем более в Халласа плевков Делера не попал, иначе драка точно бы состоялась.

— Ты давай готовь нормально! — сказал Халласу поостывший карлик. — И бороду в котелок не суй! Больно мне там нужна твоя борода!

Оставив последнее слово за собой, карлик протопал в ту же сторону, где до этого скрылся Сурок.

В эту ночь Алистан впервые расставил караульных. Первыми заступили Арнх и Угорь, через три часа их должны были сменить Дядька и Медок. На следующую ночь на посту будут коротать время другие. Только четверо избежали этой сомнительной радости — стоять на посту: Маркауз, Миралисса, Кли-кли и я. Не скажу, что я очень огорчился. Все понимали, что нельзя поручать вору солдатские обязанности.

А вот Кли-кли огорчился и сказал, что, несмотря ни на какие настроенные против гоблина личности, он собирается исполнить свой долг караульного. Только не сегодня, а как-нибудь попозже, ну вот хотя бы во время дежурства Делера и Халласа. Гном и карлик, уже успевшие помириться и мирно откусывать из одного котелка, с радостью согласились на компанию гоблина.

И еще в эту ночь я впервые видел, что Элл кладет рядом с собой лук и втыкает в землю две стрелы.

Не спалось. Сон бежал от меня. Поэтому я просто лежал, закинув руки за голову, и смотрел в озеро звездного неба. Теплый ночной ветерок мягкой ладошкой касался высокой полевой травы и уснувших цветов, нежно пригибая растения к старушке-земле. Трава притворно сердилась, шелестела, но стоило ветру отвлечься — и она озорно поднимала голову, приглашая вернуться и продолжить забавную игру.

Худосочный старикан-месяц степенно плыл над миром, и его свет серебристой мукой падал в траву, придавая ей вид драгоценной ювелирной поделки, вышедшей из-под руки талантливого мастера. Запах ночи, травы, аромат полевых цветов, летней свежести и простора дразнил мои ноздри. После постоянных каменных ароматов города запах природы опьянял.

Где-то в полях раздался тоскливый крик одинокой птицы. Не только мне не хотелось спать нынешней ночью.

По лицу промелькнула тень, спустя мгновение черный силуэт закрыл собой звезды и бесшумно растворился в ночи, чтобы спустя краткий миг вновь вернуться назад. Тень сделала круг над нашим лагерем и, поняв, что ничем интересным возле огня поживиться не удастся, лениво шевельнула

крыльями и, почти касаясь телом травы, исчезла где-то в посеребренных месяцах полей. Филин на охоте. Берегитесь, мышки! Как бы он нашего Непобедимого не утащил! Хотя линга не утащишь. Попробуй такого зубастого схватить — вмиг останешься без клюва и перьев! Вон до сих пор слышно, как линг шуршит в опустевшем котелке, доедая все, что не доели люди.

Костер догорал, и рожденные за это время угли тихо перемигивались с далекими сестрами — звездами. Кто кого пересветит.

Надо бы подкинуть дровишек, но вставать было лень — еще разбужу кого-нибудь. Рядом со мной, перевернувшись на спину и открыв рот, спал Горлопан. Кли-кли, если бы сейчас не спал, обязательно бы воспользовался такой неосторожностью Горлопана и ради веселой шутки засунул бы тому в открытый рот одуванчик или какую-нибудь мелкую букашку — от зеленого гоблина можно ожидать любой пакости в самый неожиданный момент.

Я до сих пор не мог понять характер гоблина: то ли он попросту играет роль королевского шута, паясничая направо и налево, то ли действительно это обычное состояние его зеленой гоблинской души. До Кли-кли я с этой малочисленной расой серьезно не общался, так что общее впечатление о гоблинах у меня начало складываться совсем недавно.

На этот раз Горлопану совсем ничего не грозило — шут слишком устал и сопел, подложив руку под щеку, ничуть не хуже, чем Горлопан.

Все остальные тоже спали. Фонарщик с любимым биргризенном в обнимку, Делер чуть ли не головой в костер — так близко он от него лежал. Как бы во сне он не угодил на угли! Халлас с ценным мешком улегся на границе света и тени.

Это те, кто находился по эту сторону костра. Остальные спящие, лежащие по другую сторону от затухающего огня, сливались с мраком, превращаясь в темные силуэты, и четко рассмотреть, кто где спит, было невозможно.

Несколько раз мимо тихо проходил несший службу Угорь. Но потом, убедившись, что все тихо, он присел неподалеку и просто стал ждать, когда подойдет время его смены.

Угорь, наверное, единственный из моих спутников, о ком я так и не сложил определенного мнения. Всегда молчаливый и прямой, как боевой посох, смуглый гарракец редко вступал в разговоры, лишь иногда бросая с десяток скупых слов. Это происходило только в тех случаях, когда Угорь считал, что стоит поделиться своим мнением по данному вопросу с остальными.

В отряде его уважали, это было видно сразу, но вот друзей или приятелей среди Диких я у Угря не заметил. Для него мы все были товарищами по походу, теми, кто будет с ним, если потребуется, рядом драться против общего врага, но никак не друзьями, с которыми можно с удовольствием выпить пивка в один прекрасный весенний денек. Угорь держался на расстоянии, не влезая в дела других и не позволяя лезть в душу к нему. Никто из воинов не обижался и принимал характер гарракца как что-то само собой разумеющееся. Однажды я спросил у Фонарщика о том, как к ним попал Угорь.

— Не знаю, он не склонен рассказывать о своей прошлой жизни, — развел руками Мумр. — Да мы и не лезем. Прошрое — это личное дело каждого. Вон Пепел — это командир Шипов у Великана — раньше был мелким воришкой. Еще мальчишкой к Диким попал. А теперь мы с ним хоть за Иглы Стужи пойдем. И плевать мне, кем он был раньше — вором, убийцей или похитителем старушек. То же самое и про Угря. Не хочет рассказывать о своем прошлом — это его личное право. Я Угря десять лет знаю, и никаких сомнений в его храбрости никто из наших ребят никогда не испытывал. Правда, ходил слухок, что он из какого-то знатного рода. Не простой парень. Ты посмотри, как он с клинками обращается — будто бы с ними и родился! Истинный дворянин.

Тут я склонен согласиться с Фонарщиком. Сам видел, что Угорь двумя мечами в королевском дворце вытворял.

Вновь крикнула ночная птица. Тягучий короткий звук разнесся по полям, и Угорь резко повернул голову в ту сторону. Но нет, крики замолкли, видно, сама виновница этих воплей испугалась собственного голоса.

Сон все не шел. Мою подозрительную натуру слишком беспокоило долгое отсутствие Кота и Эграссы. Гоблин не зря говорил, что что-то назревает. Что могло задержать двоих воинов на казалось бы безопасной и мирной дороге?

Такой уж безопасной? Такой уж мирной? Если до Авендума чуть больше недели верхом, это не значит, что на тракте все тихо и спокойно. Случиться могло все что угодно. Разбойники, непогода, лошадь сломала ногу, булыжник на голову упал, в конце концов! И не важно, что над головой голубое небо, камни могут упасть откуда угодно в самый неожиданный момент и здорово задеть темечко ничего не подозревающего обывателя. Наколдовал что-то маг-недоучка, и привет! Гм... Что-то я отвлекся.

Насколько помню, в последний раз я видел толстенького Дикого в тот вечер, когда Миралисса решила познакомить меня с эльфийским ключом.

Да, да, именно так!

Кот был хмур и очень взволнован, если не обеспокоен. Хотя если копнуть еще дальше, то весь тот день Кот не скрывал волнения, особенно под вечер. Воин слишком часто оборачивался назад, на пустую дорогу, нервно поглаживал кошачьи усы и бормотал что-то себе под нос. Что он мог увидеть такого? Ведь все остальные, включая Миралиссу и Эграссу, владеющих какой-то толикой шаманства, оставались безмятежными.

Кто поймет следопыта? Ребята этой профессии обязаны видеть то, чего не замечают другие.

Потихоньку звезды перестали быть четкими, и мир погрузился в сон.

Я проснулся внезапно. Просто в какой-то момент сон улетучился, и я открыл глаза.

Месяц довольно хорошо прогулялся по небу за то время, пока я спал, и теперь был уже в объятиях Солнечного Стрелка, огромного созвездия, располагавшегося на самой границе с горизонтом.

Угорь спал возле Горлопана, рот последнего все так же оставался открытым. Прошло более трех часов, как я уснул, и теперь уже стражу несут Дядька с Медком, сменившие отправившихся спать Угря и Арнха.

Кто-то позаботился о дальнейшей жизни костра, и теперь он маленьким цветком огонька весело поедал дрова. Рядом с огнем сидела Миралисса, иногда окуная палку в пламя. Костер задорно шипел и стрелял искрами, несущимися в ночное небо, прочь от языков пламени.

Я встал и, стараясь никого не разбудить, тихо пошел к огню. По дороге чуть не наступил на Делера. Карлик все же умудрился перекатиться во сне, к счастью, в противоположную от костра сторону.

Я осторожно присел рядом с эльфийкой и стал смотреть, как огонь слизывает кору на палке.

— Тоже не спится? — после долгого молчания наконец спросила Миралисса.

— Да.

— Хорошая ночь, — вздохнула она.

— Если учесть, что мне не так часто удавалось за свою жизнь ночевать в полях, то да. Ночь хорошая.

— Ты даже не знаешь, какой ты счастливый человек, — задумчиво проговорила эльфийка и на миг блеснула клыками.

Я до сих пор не мог привыкнуть к эльфийским клыкам. Человек, наверное, подсознательно опасается кого-то не слишком похожего на него, в особенности если у неизвестного во рту имеются такие зубки.

— Если попасть в безвыходную ситуацию и в итоге отправиться в

Храд Спайн — это счастье... — довольно мрачно ответил я, но продолжать не стал.

— Я не о том. Как часто ты выходил за стены Авендума?

— Раза три, — немного подумав, сказал я. — И не дальше чем на лигу.

— Вот-вот. Счастливый. Ты всегда рядом с родным домом.

— Не очень уж он мне и родной.

Никаких ностальгических чувств по стенам Авендума я не ощущал.

— Но ведь все равно это дом. Знаешь, какое у меня заветное желание? — внезапно спросила она.

Я встретился взглядом с желтыми глазами.

— Хочу наконец вернуться домой. Увидеть родной лес, близких, дворец, свои покои, дочь. Скажешь, глупо?

— Да нет. Все хотят когда-нибудь вернуться домой. Тем более если там осталась дочка.

— Я не была в Заграбе больше двух лет. Моталась с отрядом по всей Сиале, последний раз дошли до самого С'у-дара, вернулись только я, Элл и Эграсса. Остальные так и остались в снегах.

— Сочувствую.

— Оставь, у нас свое отношение к смерти, у людей — другое. Мы легче к ней относимся и легче принимаем. Все когда-нибудь уходят, рано или поздно. Весь вопрос только в том, как уйти и за что стоит расстаться с жизнью.

Вновь повисла тишина, только иногда что-то шипело между углей, да ветер трепал выбивающиеся из косы волосы эльфийки.

— Я все хотел спросить, — начал я. — Зачем вы ввязались во все это? Ведь это наша беда. Это проблема людей.

— Темные заключили союз с Валиостром.

Я промолчал. Союзы как заключаются, так и расторгаются. Это дело большой политики, и из-за какого-то союза, пускай и продержавшегося несколько сотен лет, не стоит совать голову в пасть голодного огра.

Миралисса вполне поняла мою невысказанную мысль:

— Гаррет, ты всегда настроен так мрачно?

— Все зависит от обстоятельств.

— Пойми, если мы не поможем вам сейчас, то расплатимся за это намного позже. Орки номинально признали над собой власть Неназываемого, пускай он даже и человек. Но признали-то они его, потому что это им выгодно. Ведь после Войны Весны им ни разу не удалось далеко продвинуться по континенту. Неназываемый сомнет Валиостр, и Пограничное королевство останется без поддержки. Пограничники против

всех сил орков не выстоят. Если Неназываемый удовольствуется местью и его армии останутся в Валиостре, ничего не кончится. Орки возьмут Исилию, со временем подточат Мирануэх, а потом что-нибудь придумают против Неназываемого. Они горды и склонны думать, что с помощью ятаганов победят человека, пускай он хоть тысячу раз маг. А может, оставят Валиостр в покое — на юге полно других земель. Озабоченные величиим своей расы, они будут вырезать всех под корень. Ведь именно орки Первые дети богов. Именно им была подарена Сиала, куда по какому-то недоразумению попали остальные червяки — расы. Только орки достойны жить, а остальных надо отправить во тьму. Рано или поздно настанет и наш черед. А один на один, без поддержки людей, война будет кровопролитной. Мы захлебнемся в крови, Гаррет. Вот почему эльфы помогают Валиостру. Мы хотим, чтобы вы выстояли, иначе падет все. Неназываемый — это только начало, комок снега, который обрушит лавину нового передела мира.

Я кивнул, показывая ей, что понимаю. Действительно, орки уже давно копят силы и не лезут попробовать остроту ятаганов только потому, что совместные силы Валиостра, Пограничного королевства и темных эльфов еще кое-как их сдерживают. Но погибни хоть кто-то из этих троих, и дышать Первым будет намного легче и проще. В плотине появится небольшая лазейка для махонького ручейка. А, как известно, вода камень точит. Пройдет некоторое время, и плотина рухнет.

— Завтра я поведу отряд, — вдруг сказала Миралисса. — Милорд Алистан и Угорь поедут назад. Нужно узнать, что произошло с Котом и Эграссой.

— Не пропадут ли и они?

И Маркауз и Угорь были отличными воинами, и их помощь в случае чего окажется крайне важной.

— Кто знает, кто знает. Будем надеяться, что моего кузена и Кота задержали непредвиденные обстоятельства.

— Что вообще случилось? Почему они так быстро покинули наш отряд?

— Кот что-то увидел.

— Кот что-то увидел? — удивился я. — Но из-за того, что кто-то что-то увидел, не посылают людей неизвестно куда! Мало ли кому что привиделось!

— Кот видит то, чего не видят другие, — тихо сказала Миралисса и положила обугленную палку на землю. — Ты знаешь, что раньше, перед тем как уйти к Диким, он был в учениках у Ордена?

— Кот? — Я как-то не мог представить себе этого толстячка с усами, как у заправского деревенского кота, учеником мага.

— Да, Кот, — кивнула Миралисса. — Он был учеником второй ступени, но не выдержал испытания, или ему таланта не хватило, хотя в последнем я очень сомневаюсь... В итоге он ушел из Ордена. Но какие-то знания остались. Не знаю, на какой диплом он шел, но Кот замечает то, что не замечают другие, хотя в основном это его инстинктивные ощущения, которые он часто и сам не может объяснить. Разбуди любого из Диких и спроси, чему они доверятся? Что выберут в опасную минуту? Будут ли мыслить разумно, опираясь на факты, или поверят призрачным ощущениям Кота? Могу поклясться, Гаррет, что все выберут последнее. Слишком часто этот невзрачный человек оказывался прав и проводил отряд стороной от опасности. В тот вечер, когда ты увидел ключ, Кот пришел сразу после того, как ты нас покинул, и сказал, что чувствует опасность. Даже не опасность, а ее призрака. Что-то готовилось у нас за спиной, а еще что-то шло прямо за нами, метрах в ста, он чувствовал чей-то взгляд, но, сколько ни смотрел, не смог ничего обнаружить.

— Вы поверили?

— Почему нет? Какой смысл ему врать? Правда, он все никак не мог объяснить, что за опасность готовится по нашу душу, но вот что ее можно остановить, это несомненно. Рассудив, что мы не можем разворачивать отряд назад и нестись сломя голову незнамо куда, чтобы предотвратить неизвестное, мы с Алистаном решили ехать дальше, но свернуть с людного тракта на эту дорогу. Тут нас и заметить сложнее, и, если что случится, другие не пострадают. А Кот, который «видел», где творится зло, и Эграсса, как младший принц дома, знающий шаманство, должны отправиться назад и посмотреть, что происходит.

— И помешать...

— По возможности, но это не было основной целью. Кот сказал, что это недалеко, три лиги, не больше. По всем подсчетам, они должны были уже нагнать нас, несмотря на то что Маркауз хотел оказаться как можно дальше от того места, где находилась эта самая опасность.

— Шаманство? — догадался я.

— Ты прав, шаманство. Но даже я ничего не почувствовала. Если бы не настороженность Кота, получили бы магией в спину.

— И долго мы будем так бежать?

— До Ранненга точно. Согласись, вступать в схватку неизвестно с кем слишком опасно, мы можем потерять даже то преимущество, что имеем сейчас. А в городе есть маги Ордена, туда шаманы не сунутся.

— Простите, миледи, но тут я не согласен, — покачал я головой. — Если уж шаманы проникли во дворец короля, то за стены Ранненга они уж точно попадут.

— Ты предлагаешь нам совсем не заезжать в Ранненг?

— Не исключено, что нас именно туда и заманивают.

— Откуда такое предположение? — Она с интересом посмотрела на меня.

— Скажем так, предчувствие.

— Как у Кота?

— Нет, в отличие от Кота я иногда ошибаюсь.

Черные губы Миралиссы дрогнули от грустной улыбки.

— Через три дня мы будем в Ранненге. До рассвета еще два часа, иди спать.

— Да я уже не усну.

— Мне нужно составить несколько заклятий. На всякий случай. Чувствую, что и впереди нас могут ждать неприятности.

— Что-то мне спать захотелось, — соврал я, отходя от костра. Спокойной ночи.

Едва заметный наклон головы, она уже была занята тем, что чертила вновь подобранной с земли палкой какие-то фигуры на золе. Действительно, лучше не мешать тому, кто строит заклинание шаманства.

Я вернулся на свое место и расправил смятое одеяло. Под утро стало прохладно, на стебельках травы появились первые сапфиры росы.

— Чего не дрыхнешь? — ворчливо спросил меня совершающий обход лагеря Дядька. — Вон, даже кони спят без задних копыт, а ты тут, понимаешь, шорох наводишь. Эх, зелень необученная! Я бы на твоём месте каждую минутку ловил!

Тихонько ворча, Дядька удалился. Что же, Дикий дело говорит. Надо ловить моменты и использовать их по назначению, иначе весь день буду как вареный. Что бы ни произошло с Котом и Эграссой, это уже случилось, и мы не в силах ничего сделать.

Я лег на импровизированную постель и тут же вскочил, стараясь сдержать крик. Какая-то сволочь подложила мне в одеяло колючку. Хотя не какая-то, а истинно зеленая. Только Кли-кли мог это сделать, пока я сидел у костра. Я бросил злой взгляд на шута, но тот безмятежно спал. Или мастерски притворялся.

Горбатого могила исправит, я махнул на все рукой, выбросил колючку как можно дальше и лег. В этот момент я чуть не подавился смехом. Кому-то было даже хуже, чем мне, хоть он об этом не догадывался. Пока.

Горлопан все так же спал с открытым ртом, а вот изо рта у него одиноко торчал стебель одуванчика.

Последнее, что я увидел, прежде чем заснул, была фигурка Миралиссы возле костра, что-то рисующей на земле палкой.

Глава 23

Вишки

Как вы думаете, кто с утра оказался виновником всеобщего переполоха? Ну конечно же Кли-кли.

Миралисса застала гоблина в тот момент, когда он рисовал «палку, палку, огуречик» на золе возле магических фигур эльфийки. Естественно, она едва не оторвала ему руки за художества. Поэтому все утро гoblin старался держаться от Миралиссы подальше.

— Гаррет! — виновато канючил он, не найдя более благодарного слушателя в нашем маленьком отряде. — Я ведь честно не хотел ничего такого! Я думал, это просто эльфийские каляки-маляки, и ничего больше!

— Кли-кли, зачем ты мне все это рассказываешь? — удивился я. — Ты иди перед Миралиссой оправдывайся.

— Но ты мой друг и должен узнать о несправедливом отношении к гоблинам в этом мире!

— Друг? — хмыкнул я. — Другьям не кладут колючки в постель.

— Но это лучше, чем одуванчик в рот. — Кли-кли и не собирался ничего отрицать. — Вон Горлопан до сих пор плюется.

— Хватит валять дурака, гoblin! — К нам подошел Алистан.

— А я и есть дурак. Хотя торжественно клянусь прекратить всякую ерундику. — Кли-кли с самым серьезным видом поднял ладонь, прямо как гвардеец, принимающий клятву.

Алистан кивнул, будто он действительно поверил обещанию гоблина.

Угорь уже давно был в седле и ждал только графа.

— Все, мы отправляемся. Скачите этой дорогой, никуда не сворачивайте. Мы постараемся вас догнать к вечеру.

— Если не удастся встретиться на дороге, ищите нас в Ранненге. Трактир «Ученая сова», — на прощание сказала им Миралисса.

Алистан кивнул, и они с Угрем, вжимая пятки в бока коней, помчались назад, туда, где предположительно должны были находиться Эграсса и Кот.

— Давайте, мужики, — хлопнул в ладоши Дядька. — По коням.

Этот день был самым жарким за все время нашей поездки. Безжалостное солнце расвирипело до такой степени, что даже стойкий и упрямый Арнх снял с себя кольчугу и остался в тоненькой рубашке. Медок так вообще разделся по пояс, являя всему миру бугры мышц, обилие шрамов и татуировку Дикого Сердца. Кли-кли выпросил у Сурка какую-то

тряпку и повязал ее себе на голову, предварительно намочив водой из фляги.

Дорога подставляла спину жаркому солнцу, петляла меж полей и зарослей низкого кустарника. Облаков не было, лазурь неба била по глазам так, что становилось больно и постоянно приходилось щуриться. Весь отряд, кроме невозмутимых эльфов, походил на стадо окосевших от счастья доралисцев.

Густой раскаленный воздух липкой тягучей волной с едва заметной ленцой обжигал легкие. Я отдал бы жизнь за то, чтобы пошел дождь, который разбил бы летнюю жару, как молоток разбивает хрупкий фарфор низинских мастеров.

Часа через два непрерывной скачки под неусыпным оком не на шутку разбушевавшегося солнца обширные поля скользнули за спину и слились с горизонтом, уступив место холмистой местности, щедро обсыпанной низенькими соснами. Вместо запаха полевых трав и цветов, а также непрерывного жужжания насекомых и стрекота кузнечиков на нас обрушился аромат сосновой смолы вкупе с безмятежной тишиной умиротворенного леса.

Дорога петляла меж низких холмов, иногда поднималась на один из них и тут же, не задерживаясь, ныряла вниз. Плавные подъемы чередовались точно такими же плавными спусками, и такой путь продолжался довольно долгое время, лошади стали уставать, в результате чего по настоянию Дядьки, который смог уговорить Миралиссу сделать привал, животным дали небольшой отдых. Именно небольшой. Я только-только слез с Пчелки, как вновь пришлось садиться в седло и скакать, скакать, скакать... Как мне это надоело!

Лес по обочинам дороги сгустился, сдвинул стволы деревьев, скрыв от нас под листьями почти все небо. Низенькие кривоватые сосенки сдались, отдавая место под солнцем осинам и березам. Всю территорию придорожного леса и окружающих холмов захватил густой подлесок. Из-за плотной стены деревьев на дороге царила благословенная прохлада, обессиленные солнечные лучи уже не лупили по нашим плечам горячими плетками, отряд вздохнул с облегчением, а Арнх вновь напялил кольчугу, благо ему представилась такая возможность.

Следующий час мы путешествовали в относительной прохладе приветливого леса.

Но хорошее настроение долго не продержалось. Да и с чего ему быть? Ну да, больше никто не заботился о том, что мозги вскипят в черепашке, но для поднятия боевого духа этого слишком мало. До сих пор нам было

ничего не известно о пропавших Коте и Эграссе, да и Алистан с Угрем покинули отряд и, если все будет хорошо, догонят нас поздним вечером. Где уж тут повод для веселья?

Так что все были напряжены и немногословны. Фонарщик совсем забыл про любимую дудку, от Кли-кли не было слышно его извечных тупоумных шуточек, даже Делер с Халласом перестали спорить, а это за все время нашего путешествия попросту небывалый случай. Делер хмурился и поглаживал лезвие огромной секиры, Халлас не переставая дымил трубкой. Дядька рычал, дергал себя за бороду и советовал всем сосункам или перестать ныть, или поворачивать назад и сидеть дома с мамочкой.

Как только дорога поднималась на очередной холм и стена леса более-менее переставала загораживать обзор, кто-нибудь из моих спутников обязательно оборачивался назад, но дорога была пустой, знакомых фигур на лошадях видно не было, и мы вновь продолжали путь, постепенно мрачняя все больше и больше.

Миралисса о чем-то тихо разговаривала с Эллом, иногда кусая губы то ли от бессилия, то ли от бешенства. Ожидание — это самая плохая штука, по себе знаю. Иногда терпение просто кончается, не выдерживая пытки временем. В такие моменты хочется выть, чтобы хоть чем-то себя занять.

Возле пересекающего дорогу лесного ручья из высоких зарослей крапивы прямо под копыта лошади Сурка вылетел ошалевший заяц. Лошадь испуганно всхрапнула, прянула в сторону и чуть не сбросила седока. К счастью, Сурук смог удержаться в седле и не отправился на свидание с крапивой, уже застывшей в радостном предвкушении вот-вот готовой свалиться в нее поживы. Будь я на месте Сурка, точно бы рухнул в жгучую зелень.

Виновник этого маленького переполоха попытался скрыться в лесу на другой стороне дороги, но был настигнут стрелой Эллы. Несчастный заяц вскрикнул, как ребенок, перевернулся через голову и испустил дух.

— О! — Горлопан свесился с седла и поднял серое тельце за длинные задние ноги. — Хоть какое-то разнообразие в ужине!

Свежая зайчатина должна оживить кухню Дядьки и Халласа.

— Остановимся на том холме, — сказала Миралисса, после того как, наверное, в сотый раз за день обернулась через плечо на пустую дорогу. Сделаем привал.

— Вот и ладушки, — поддержал Дядька предложение эльфийки. — Ребятам нужен отдых. Уже вечер скоро, а мы все скачем.

Дядька был прав: спина от долгой скачки ныла безбожно. Очень

хотелось слезть с Пчелки, лечь на травку и просто потянуться. Потянуться до сладкого хруста в позвоночнике, чтобы спина отозвалась приятной болью и затихла до завтрашнего утра.

— Гаррет. — Подъехавший Фонарщик отвлек меня от мечтаний. — Как думаешь, милорд Алистан сможет нас догнать?

— Не знаю, Мумр, — вяло ответил я. — Еще не вечер.

— Надеюсь, у Миралиссы хватит ума больше никого не посылать в эти сомнительные разведки?

Я тоже очень надеялся на разум темной эльфийки. Если еще кто-нибудь покинет отряд, нас останется смехотворно мало. Нашей компании стоит держаться вместе как можно более долгий срок.

Дорога пошла в горку, лес неохотно сполз вниз — холм для него был слишком высок, и время для деревьев взобраться на его вершину еще не пришло.

— Привал. — Горлопан резво соскочил с лошади на землю.

— Не думаю, — покачала головой Миралисса. — Вернись в седло.

Я проследил за ее взглядом. Там, впереди, чуть больше чем в лиге от нас, над лесом поднималось несколько толстых столбов густого жирного дыма. Что-то очень хорошо горело.

— Что там? — спросил Дядька, сощурившись.

— Насколько я помню, Вишки, маленькая деревушка, дворов сорок — сорок пять, — ответил Медок.

Парень великолепно знал местность, он и сам был родом из этих мест. Тоже небось какая-нибудь маленькая и всеми богами забытая деревушка в глуши, подальше от трактов и королевских сборщиков податей, вспоминающих о существовании вот таких поселений раз в пять лет, да и то им лень туда ехать.

— И что же там может так гореть? — Делер, сам того не замечая, вновь потянулся к секире.

— Ну уж точно не дома, дым слишком черный, будто уголь жгут. — Халлас ожесточенно пыхтел трубкой.

— Проверим? — Дядька вопросительно посмотрел на встревоженную Миралиссу.

— Да. — Она нерешительно кивнула. — Все равно эта дорога проходит через деревню, так что обойти мы ее можем только лесом.

— Гей! Робяты! Надевайте броньки, и проверим, чего там огонек покушивает! — отдал приказ десятник.

— Еще надо проверить, какая сволочь его разожгла! — сказал Фонарщик.

Появилось хоть какое-то дело, кроме утомительной и надоевшей за эти дни скачки, и воины сразу же оживились. Лучше уж хоть какая-то цель, чем нахождение в полной неизвестности в течение нескольких дней, когда ты не знаешь, где враг и в какую тварь засунуть метр железа, чтобы улучшить свое не самое хорошее настроение. Я вполне понимал этих людей: бездействие для воинов — самое страшное испытание.

— Гаррет, тебе особое приглашение нужно? — Ко мне на Перышке подъехал гоблин. — Где твоя кольчуга?

— Какая кольчуга?

— Та, что мы тебе тогда подобрали! — раздраженно ответил Кли-кли.

— Я не собираюсь натягивать на себя никакое железо! — невежливо произнес я.

— Очень зря! — Сурок уже снял с вьючной лошади кольчугу и надевал ее поверх рубахи. — Броня, знаешь ли, иногда прекрасно спасает жизнь.

— От арбалета все равно простая кольчуга не спасет. Склот ее насквозь прошьет!

— Склоты не у всех есть, да и не только одними арбалетами враги пользуются! Надень, это тебе не помешает!

Раздери меня на сто частей! Ну вот есть у меня предубеждение против железа на теле! Привык я обходиться без брони всю свою жизнь и теперь в кольчуге чувствовал себя не лучше, чем некоторые ощущают себя в гробу. Тесно и неудобно. Правда, если подумать, те, кому довелось полежать в гробу, уже ничего не чувствуют.

— Да ты глянь на остальных! — не унимался Кли-кли.

Остальные уже облачались в доспехи, ранее находившиеся на лошадях из-за достаточно жаркой погоды.

На мой взгляд, обычный, пускай и большой пожар не стоил таких мер предосторожности.

Эльфы уже щеголяли в темно-синих кольчугах со стальными нагрудниками, на которых были выгравированы эмблемы их домов. У Миралиссы — Черная луна, у Эллы — соответственно Черная роза. Эльф надел шлем, скрывший его лицо, а Миралисса накинула на голову кольчужный капюшон, спрятав под ним толстую косу и густую челку. Халлас, облаченный в нечто более напоминающее рыбу чешую, помогал Делеру застегнуть стальные поножи. Карлик отложил шляпу в сторону, нахлобучив на голову плоский шлем с выступающими вперед частями, закрывающими щеки и нос.

Чтобы не выглядеть белым доралиссцем, пришлось доставать и свою

«одежку». Кольчуга тяжело давила на плечи, и я недовольно поморщился.

— Да не переживай ты так! Скоро привыкнешь, — утешил меня Фонарщик.

На нем были доспехи, состоящие из плотно пригнанных друг к другу стальных полосок.

Он перехватил мой взгляд и улыбнулся:

— Великолепная штука для тех, кто любит помахать биргризенем из стороны в сторону. В отличие от панциря этот доспех не стесняет движений и позволяет совершать перехваты длинного меча с минимальным усилием.

Вместо шлема Мумр повязал на лоб тонкую полоску ткани, чтобы волосы не лезли в глаза.

— Тронулись? — Дядька вопросительно посмотрел на Миралиссу.

— Да, — односложно скомандовала она, но затем подумала и добавила: — Бери командование на себя.

Такое предложение Дядька воспринял как должное, эльфийка попросту не так хорошо, как десятник, знает, на что способны его воины в минуту опасности.

— Халлас, Делер — вперед! У вас броньки покрепче, коли что...

Дальше десятник не продолжал. И так всем было понятно это «коли что». Коли что, воины в более крепкой броне, может быть, выдержат попадание тяжелого арбалетного болта, отвлекут стрелков от менее защищенных товарищей на себя.

— Про меня не забыл, десятник? — Глухо раздалось за моей спиной. — Я с ними.

Я обернулся, не узнав голоса. Вместо старой кольчуги Арнх надел тяжелый доспех. Плюс шлем, больше похожий на желудь, с узкими прорезями для глаз, полностью закрывающий лицо. Это если не считать поножей, наплечников, кольчужных рукавиц и круглого щита. Одним словом, Стальной Лоб.

Щиты были почти у всех, исключая Фонарщика, Медка и эльфов. У Делера так вообще прямо из середины щита торчал острый шип. Таким по доброте душевной по личику заедешь, и одним покойником в мире станет больше.

Как я понял, мои спутники настроились на хорошую драчку и будут очень разочарованы, если окажется, что в деревушке всего лишь заурядный пожар, возникший по недосмотру какого-нибудь пьяного крестьянина.

В этот раз мы уже никуда не спешили, ехали медленно, внимательно вглядываясь в заросли, ожидая возможной засады. Арбалет я держал

наготове и до сих пор недоумевал, что это все так всполошились из-за какого-то невольно встретившегося на нашей дороге пожара. Хотя в свете последних событий и загадок от судьбы можно было ожидать любой гадости.

Потянуло дымом и гарью, а ведь до Вишков было еще ехать и ехать. Кли-кли сморщился, как от зубной боли, — дым щекотал горло и жег глаза. Кстати, гоблин-то как раз был без кольчуги. С каких это пор защитой стали считать дорожный плащ?

— Кли-кли, что же ты меня дергал, а сам без всего остался? — прошипел я, ткнув пальцем себе в грудь, показывая на кольчугу.

— Да на меня все равно размера нет, — небрежно отмахнулся гоблин. — К тому же и попасть по мне очень сложно.

— Тихо вы! — прошипел Горлопан.

По деревянному мостику, крепенькому и основательному — сразу видно, что строили его рассудительные крестьяне, — мы переехали широкий ручей, или же небольшую речушку, это кому как нравится. Вода под мостом текла со скоростью ожиревшей улитки и вся заросла какой-то болотной травой.

Поворот и резкая остановка...

— Ядрена мать! — тихонько присвистнул Дядька.

Халлас сказал еще более емко и понятно, вплетая в разговор довольно цветастые эпитеты гномьего языка, но заткнулся, получив шлепок по шлему от Делера.

Дорогу преграждали стволы деревьев. И это были не просто поваленные деревья. Ладненькие прямые сосенки с обрубленными ветками были заботливо притащены откуда-то из другого места (в этом месте сосны не росли) и положены одна на другую в виде хорошенького и крепенького заслона. А вот за заслоном... За заслоном развевались знамена. Первое — серо-синее, знамя королевства, а вот от вида второго волосы у меня на голове зашевелились. Желтое полотнище с черным силуэтом песочных часов. Стяг смерти. Знамя самой страшной болезни из всех существующих в мире — чумы-медянки.

Рядом со знаменами стояли воины, человек тридцать, все облаченные в белые кафтаны и малиновые штаны. Бездушные егеря. Суровые ребята. На лице у каждого повязка, закрывающая нос и рот. Нелепый вид, если бы не оружие и не их расторопность.

Едва заметив нас, люди за преградой вскинули луки. А за нашими спинами, выскочив из засады, которую мы даже не заметили, быстро и деловито, как муравьи, выстраивались пикинеры. Миг, и дорога

превратилась в рассерженного ежа. Теперь уже не отступишь. Да и отступать под таким количеством нацеленных луков никто не собирался. Броня под градом стрел имеет неприятное свойство становиться дырявой, несмотря на все ухищрения мастеров-оружейников.

— Стоять! — Резкий окрик из-за завала. — Кто такие?!

— Именем короля! — выкрикнула Миралисса и в подтверждение своих слов взмахнула бумагой с огромной серо-синей печатью королевского дома Сталконов.

Даже с расстояния в тридцать метров, что отделяли нас от завала, печать прекрасно было видно Бездушным. Луки в руках воинов немного ослабли.

Первый испуг от неожиданной встречи у меня прошел. Это не разбойники, и нас, прежде чем нашинковать стрелами по самые уши, выслушают. А насчет знамени... Мало ли что тут происходит? Может, крестьяне бунтуют. Может, знамени другого не нашлось, вот это и добыли, а никакого мора в деревне нет.

— А почему я знаю, что эта королевская печать не фальшивка? — раздался тот же голос.

— Да я десяток таких намалюю! — крикнул кто-то из находящихся за спиной пикинеров.

Выходить к нам из-за заслона не спешили.

— А ты это вот видел? — рявкнул Дядька. — Или мне к тебе поближе подъехать?

Десятник, несмотря на кольчугу, уже успел обнажить правую руку до локтя. На руке была явственно видна татуировка.

— Или кто из вас, бело-малиновых, посмеет сказать, что Дикие не служат Сталконам?

Никто не сказал. Язык не повернулся. Если уж Дикие окажутся предателями, то кому еще остается верить? В подлинности татуировки никто не сомневался. Как я уже говорил ранее, с самозванца татуировку Дикие обычно срезают вместе с рукой. А то и с головой.

Луки и пики перестали нам угрожать и опустились. Но убирать оружие егеря не спешили, держали при себе, чтобы в случае чего использовать его по назначению.

— Довольно далеко от Одинокого Великана забрались. — К нам вышел воин с нашивкой капрала на рукаве. — Кто вы такие и что тут делаете? В деревне чума.

Лицо капрала, как и у его подчиненных, было скрыто под повязкой. Обычная предосторожность во время мора, но я в нее не очень-то верил.

Как может спасти какая-то обыкновенная тряпка там, где не спасает даже хваленая магия Ордена? Заразившемуся чумой-медянкой оставалось только одно — очень постараться и успеть выкопать себе могилу. В древние времена от этой ужасной болезни вымирали целые города, да что там города! Целые страны! Достаточно вспомнить одну из самых ужасных эпидемий, когда еще цельную Империю поразила эта зараза. Из десяти человек умирало девять. Из выживших потом погибала еще половина. Давно, ох давно об этом проклятии не было слышно на сиальской земле. Лет сто пятьдесят никаких намеков на чуму. А тут так неожиданно в самом сердце Валиостра, ни с того ни с сего. Дело нечистое. Обычно чума сперва появляется на границе королевства, занесенная беженцами из другого государства, а затем уже эта болезнь со скоростью лесного пожара устремляется вглубь страны. Но, с другой стороны, должна же она сперва где-нибудь появиться...

— Здесь все написано. — Миралисса протянула капралу королевскую грамоту.

Тот даже руки не протянул, чтобы взять бумагу.

— Вы не поняли? В деревне мор. Нам запрещено прикасаться к чужим вещам, дабы не разнести или не занести заразу. Нам также запрещено впускать или выпускать кого бы то ни было. Все ослушавшиеся немедленно должны быть убиты как королевские изменники и распространители мора. Я еще раз спрашиваю: кто вы такие и что тут делаете?

— Не твое дело, проклятый егерь, — тихонько буркнул себе под нос Халлас, но, по счастью, капрал ничего не услышал.

— Мы выполняем задание короля. — В голосе Миралиссы проскользнула тень гнева. — И направляемся в Ранненг — это все, что вам надо знать, капрал. И те, кто будут чинить нам препятствия, сами приравниваются к королевским изменникам.

— Ничего не могу сделать. — Капрал попал между двух огней.

Понятное дело — с одной стороны, приказание никого не пускать, с другой — королевский приказ. И поди пойми бедный капрал, что делать. Пропустишь — голову снесут. Не пропустишь — тоже неприятностей не оберешься.

— У меня приказ от моего командира, — схватился егерь за последнюю соломинку.

— Что может быть выше королевского приказа? — надавила Миралисса, чувствуя, как в буквальном смысле трещит оборона противника.

— Угроза жизни и благополучию Валиостра, — раздался из-за заслона

чей-то голос.

Ряды егерей раздвинулись, и к капралу подошли двое. Повязки скрывали лица людей, но в этих двоих вполне можно узнать выходцев из Ордена. Волшебник и волшебница.

— Мор ставит всех на одну ступеньку. Если болезнь выйдет из локализованного очага, в стране разразится катастрофа, треш Миралисса.

— Не имею чести, — холодно сказала эльфийка.

— Маги Ордена Валиостра — Балшин и Клена, отвечающие за контроль над сдерживанием болезни, возникшей в деревне под названием Вишки, — произнес мужчина. — Конечно же вы меня не узнали под этой защитной маской, но мы встречались с вами, треш Миралисса, на одном из приемов во дворце его величества.

— Все может быть. — Миралисса равнодушно кивнула. — Что здесь произошло? Вы можете рассказать, господа маги?

— Позвольте полюбопытствовать? — попросила волшебница.

Миралисса, стараясь, чтобы на ее лице не дрогнул ни один мускул и чтобы через напускную маску холодного спокойствия не пробился гнев, протянула бумагу Клене. Не привыкла эльфийская принцесса, чтобы ей чинили препятствия.

На магичку, видно, страх разнести заразу не распространялся, она смело взяла грамоту из рук Миралиссы и стала ее изучать.

— Свободен, капрал, — негромко сказал Балшин, и егерь, облегченно вздохнув, ретировался к солдатам, оставив разбираться с нами магов Ордена.

— Подлинная, — кивнула женщина и сделала над грамотой несколько пазов.

Королевский документ на долю секунды полыхнул розовым светом.

— Это должно уничтожить возможную инфекцию. — Она протянула документ Миралиссе.

— А происходит тут следующее. — Мага несколько не смущало, что ему приходится задирать голову вверх, чтобы смотреть в лицо всадникам. — Мы с госпожой Кленой как раз находились в этой несчастной деревеньке, когда появился первый заболевший. Это было три дня назад...

— Но откуда? — перебил Балшина Элл. — Откуда он тут взялся?

Выходит, не я один недоумевал по поводу странного появления болезни, да еще в такой опасной близости от Ранненга. Всего лишь несколько дней пути до второго по величине города Валиостра. Города знаний, как еще называли Ранненг.

— Мы не знаем, откуда взялась болезнь, с этим вопросом еще предстоит разобраться, — сказала Клена. — Но симптомы достоверны. Мы смогли вызвать из города расквартированный там полк Бездушных егерей. Они перекрыли все дороги и тропинки, чтобы ни один житель не смог покинуть деревню и разнести заразу по стране.

— А что, были попытки? — прогудел из-под шлема Арнх.

— Были, — небрежно кивнул маг.

Очень уж небрежно. Никто дальше расспрашивать не стал, хотя всем было ясно, что стало с отчаявшимися людьми, оказавшимися в одном капкане вместе с больными. Их утыкали стрелами издали, и все дела. И плевать, кто пытался прорваться сквозь блокаду егерей — здоровые мужики с вилами или женщины с детишками. Никто не осуждал Бездушных — или убить сейчас несколько десятков, или подставить под угрозу тысячи.

— А как же сами егеря? — спросила Миралисса.

— Надежно защищены магией.

— С каких это пор магия спасает от Медного губителя?

— Магия не стоит на месте, — напыщенно произнесла Клена. — Орден научился не подпускать болезнь к людям, но тем, кто заразился до того, как на них подействовала наша магия, уже ничем нельзя помочь.

Чем дальше шел этот разговор, тем меньше он мне нравился. Что-то слишком много нестыковок в рассказе волшебников. Это даже если учесть, что больше половины они нам не рассказали. Если существует такая магия защиты, понятно, почему Бездушные еще здесь, а не несутся подальше от чумного места. Но почему маги использовали свое волшебство на то, чтобы обезопасить целый полк егерей, но не сделали то же самое в начале эпидемии, когда, по их же словам, болезнь была только у одного человека? Либо они врут, либо тут происходит совсем не то, о чем нам говорят, и они снова врут.

Как будто прочитав мои мысли, Балшин бросил быстрый взгляд на меня.

«Тру-ля-ля», — промурлыкал я про себя.

Может, все это сказки, что некоторые выходцы из Ордена умеют читать мысли, но рисковать мне не хотелось. Если этот Балшин вдруг надумал прощупать мои мыслишки — его дело. Ничего умного он в моей голове не найдет, пусть даже не пытается.

— Сколько осталось в деревне незараженных? — полюбопытствовала Миралисса.

— Ни одного, — бесстрастно сказал маг, отвлекшись от меня.

Ни одного?! Это как?! Ведь известно, что умирают на седьмой день, а прошло всего три-четыре.

— Какая-то новая форма болезни? — Элл так и не снял шлема.

— Вот именно, — все тем же бесстрастным тоном ответил ему Балшин.

Миралисса ничего не сказала, она думала и крутила между пальцами левой руки обгорелый кусочек палочки. Той, которой она чертила на золе заклинания.

О нет! Что она задумала? Вступить в схватку с магами — безумие! Уверен, стоит эту палку переломить, поплевать, лизнуть или сделать еще какую-нибудь наипростейшую вещь, и дремлющее шаманство проснется. Я как бы невзначай обернулся назад, на дорогу. Пикинеры еще были там, но уже беззаботно стояли на обочине, переговариваясь друг с другом. Наш отряд опасности для них уже не представлял, тем более что нами были заняты оба мага, так почему же не поболтать в сторонке, прислонив громоздкую трехметровую пику к стволу дерева?

— Вы направляетесь в Ранненг? — спросила Клена.

— Да, — односложно ответила Миралисса.

— Зачем?

— По заданию короля. Это все, что вам нужно знать.

— И поэтому вы поехали по безлюдной дороге, а не по хорошему тракту? — ехидно спросил маг.

Чего они хотят, раздери меня снежные упыри?! Ведь ясно же, что бумага у нас настоящая, и, чиня нам препятствия этот волшебник нарывается на большие неприятности не только из-за гнева короля, но и из-за Ордена, который ни в коем случае не одобряет такого самоуправства своих питомцев.

— Нас не предупредили, что по этой дороге нельзя ездить, — буркнул не вытерпевший Халлас.

— Тем хуже для вас, — пожал плечами Балшин.

— То есть нам нельзя здесь проехать? — уточнила Миралисса.

— Не только проехать, но и выехать. Увы, — с деланным сожалением развел руками маг. — Вам придется задержаться, пока мы не победим болезнь. Мы не можем рисковать благополучием королевства. Естественно, вам будет предоставлен максимально возможный комфорт.

— Но мы здоровы! — возмутился доселе молчавший Фонарщик.

— Возможно, — согласилась волшебница. — Но, как уже говорилось, мы не можем рисковать. Вас придется задержать.

— И долго вы будете побеждать болезнь? — ядовито плюнул Элл.

— О нет! Всего три-четыре месяца! Потом мы снимем карантин с этого места.

— Три месяца?! — задохнулся несдержанный Халлас.

Все планы летят коту под хвост. Если мы подчинимся, то в Храм Спайне окажемся лишь глубокой осенью, а следовательно, не успеем вернуться к сроку. Что делать? Прорываться назад? Но скольких мы потеряем во время этого прорыва? Сколько падет под стрелами, пиками и магией волшебников. Почти все.

Остается лишь одна надежда — на припасенное шаманство Миралиссы. Теперь я уже неотрывно следил за порхающей между ее пальцами обгорелой палочкой.

— Помолчи, Халлас, — резко оборвала гнома Миралисса. — Вы намерены задержать нас, несмотря на приказ короля?

— Да.

— У вас могут возникнуть неприятности с советом Ордена. Я обязательно сообщу об этом магистру Арцивусу, — сделала последнюю попытку избежать драки эльфийка.

— Как вам будет угодно, — вежливо улыбнулся Балшин. — Вы сообщите, но только после снятия карантина, не раньше.

Мне показалось, что на совет магу чихать с купола Собора. А вот его напарница нервно дернула щекой, когда Миралисса упомянула совет магов.

— Что будет, если мы откажемся подчиниться? — спокойно спросил Элл.

— Мы будем вынуждены применить силу, — огорчился Балшин.

— Успокойся, к'лиссанг, — обратилась Миралисса к Эллу. — Мы не станем проливать кровь и подчинимся.

Элл неохотно кивнул, лицо Делера пошло бордовыми пятнами. Дай знак, и он пойдет крушить головы секирой направо и налево, несмотря на численный перевес противника и двух магов в придачу.

— Я так и знал, что вы прислушаетесь к голосу разума, — вежливо поклонился маг, стараясь скрыть победную улыбку.

— Где вы нас разместите? — Миралисса небрежным жестом разломил палочку на две половинки и отбросила ее в сторону.

Маги не обратили на поступок эльфийки никакого внимания. Ну мало ли чего она сломала и выбросила? Балшин и Клена слишком радовались, что надменная эльфийка не схватилась за с'каш, чтобы обращать внимание на какую-то палку.

А вот я заметил. И не только я. Глаза Кли-кли хитро сверкнули, он тоже знал, для чего ранее применялась эта палочка и какие каляки-маляки

она вырисовывала на золе костра.

— О, вам не стоит беспокоиться, треш Миралисса! Вы останетесь в лагере егерей, там очень...

Что «там очень», Балшин сказать не успел, потому что возле знамен раздались вопли ужаса. Я, чего греха таить, сперва тоже очень сильно испугался. До сегодняшнего дня мне не приходилось видеть свободно разгуливающую по дорогам человеческую руку. Да, да, на первый взгляд это была всамделишная человеческая рука, только немного крупнее. Раз в сто. На ее ладони могли поместиться три всадника вместе с лошадьми.

Рука бодро перебирала пальцами и ползла со стороны деревни прямо на заграждение и испуганно кричащих лучников. При этом она печально пыхтела, а ее многочисленные красные глазки, расположенные на фалангах каждого пальца, осуждающе косились на разорвавшихся людей.

Все кричали, орали, вопили, к голосам лучников прибавился нестройный хор поддержки пикинеров. Крики становились громче, в них звучала все большая паника, но никто не двигался, как будто с людьми случился столбняк.

Чудовище остановилось, оперлось на большой палец и мизинец, три остальных задрало к небу, представив нашим глазам ладонь, которую занимала огромнейшая пасть с редкими иглами-зубами. Рука уже вдосталь напыхтелась и, чтобы немного разнообразить ситуацию, заревела.

Вот тут-то все и начали бегать. Парочка самых больших смельчаков выстрелила по чудовищу из луков, но стрелы застряли в ногах-пальцах, не причинив руке никакого вреда.

— Спасайся! Бежим! Караул! В лес! — Пронзительный вопль Кли-кли подхватили метавшиеся по дороге егеря.

— В лес! В лес! Бежим! Бежим!

Бело-малиновых егерей как будто ветром сдуло, остались только самые глупые и те, кто попросту не успел спрятаться.

В бой вступили маги, обрушив на руку огненные снопы света.

— Гаррет! Ты долго собираешься глазеть на это представление?! — пытаюсь перекричать грохот рвущихся заклятий, заорал у меня над ухом Кли-кли.

Панические нотки, совсем недавно звучавшие в голосе гоблина, когда он всем советовал скрыться в лесу, исчезли. Шут великолепно воспользовался ситуацией и дал егерям хороший совет смыться, очистив тем самым нам дорогу назад.

— Давай! Наши уже свалили! Или ты надеешься прокуковать тут три месяца? — Кли-кли всадил пятки в бока Перышка и помчался за

улепетывающими по дороге Дикими.

Я последовал за ним, оставив у себя за спиной эльфов, отходящих последними, а также битву магов и самых храбрых егерей с чудовищной рукой.

Взвыл порыв ветра, и я невольно обернулся. Миралисса и Элл скакали прямо за мной, пригибаясь к шеем лошадей. Рука-монстр отлетела в сторону, подмяв под себя несколько берез. Маги без усталости размахивали руками, и было видно, что перевес на их стороне.

Копыта Пчелки застучали по деревянному мосту, на миг мелькнул знакомый ручей и с бешеной скоростью унесся назад. Мы выпутались, и нас даже никто не остановил. Все были слишком заняты спасением собственных жизней.

— Нам нельзя задерживаться, — выдохнул Горлопан. — Если эти за нами устроят погоню...

Отряд остановился на вершине холма, с которого мы впервые увидели, как горят Вишки. Ничего так и не изменилось — черный дым до сих пор коптит небо и не думал исчезать. Знатный костерок там запалили!

Я еще не отошел от той сумасшедшей скачки, мне все еще казалось, что я нахожусь в седле Пчелки и несусь прочь от боя с чудовищем.

— Успокойся. — Арнх снял шлем и провел рукой по вспотевшей лысине. — Ты ведь слышал, у этих в деревне как его.

— Карантин, — подсказал Кли-кли.

— Во! Карантин! Они три месяца носа не высунут! Погони можешь не опасаться.

— Значит, сообщат в тот же Ранненг, чтобы нас перехватили, — не успокаивался Горлопан.

— Тьфу ты, дурак-человек! Я ж говорю, карантин! Они ни гонца, ни самого паршивого голубя не пошлют! Правильно я говорю, леди Миралисса? — Арнх обернулся к эльфийке, чтобы она подтвердила его правоту.

— Если там действительно была чума-медянка, — задумчиво сказала она, не отрывая взора от чадящего дыма, поднимающегося над лесом.

— А что там было, если не зараза? — искренне удивился Сурок.

— Да что угодно! — произнес Халлас. — От этого Ордена всего можно ожидать! Это вы, люди, уши развесили, а маги тем временем за вашими спинами какую-нибудь пакость скрывают! Что, не прав, скажете?

Гном сурово оглядел отряд, ища несогласного с его мнением. Дураков ввязаться в спор среди нас не нашлось.

Да и прав был во многом Халлас. Орден постоянно играет с огнем, я

сразу вспомнил сон о вьюге, разразившейся в Авендуме после неудачной попытки уничтожить Неназываемого с помощью Рога. В итоге получили Запретную территорию. И ведь почти никто не знает о том, какую роль сыграл в этом всеми любимый Орден. Даже слухов в народе не ходит о событиях прошлого. Отсюда можно запросто предположить, что если мы не знаем одну часть неприятных промашек Ордена, то можем не знать и другую. Причем эта другая может быть намного больше. Намного.

— Что они там делали? — между тем продолжил гном. — Этот ваш карантин? Так я и поверил! А если даже там и была чума, то сами небось напустили. Наколдовали грамотей, и нате вам!

Гном согнул руку в жесте, известном всему миру с давних времен. Халлас просто клокотал от ненависти к Ордену. С чего бы это? Маги наступили гному на любимую мозоль?

— Да хватит тебе, Халлас, — примирительным тоном сказал Фонарщик.

— Хватит?! Ты защищаешь этих двух крыс, которые чуть нас на три месяца не заточили?! И скажу я вам, что через три месяца нас бы уже в живых не было! Так сказать, нежданно-негаданно за три дня померли от чумы-медянки! Это вот только всякие карлики верят в такую чушь!

Делер молчал и терпел. Заведенного гнома сейчас лучше было не трогать.

— Где это видано, чтобы деревню выкосило за три дня?! Во-во! В этом самом месте! Простите, леди Миралисса, но наболело! Сами маги все и устроили, уж не знаю, что там у них случилось и какая промашка вышла... А потом грохнули с неба десяточком молний да сотней огненных шаров, чтобы улики скрыть. Сровняли деревню с землей!

— А ты-то откуда знаешь, что сровняли? Ты ее видел? — грохнул Медок.

— А гному не надо видеть! Мы с огнем с детства работаем, а такой дымина бывает, только когда в топках сталелитейных печей гору угля - костей земли сожжешь! Да и то не всегда! Магический это огонь! Носом чую! Потому и егерей сюда согнали, чтоб они всех задерживали, пока маги работать не закончат!

— Ладно! — наконец пресек Горлопан обвинения Халласа. — Была там чума или что-то другое, мы уже никогда не узнаем, но в любом случае нужно уехать как можно дальше от этого места, и осторожность не помешает. Если не голуби, так мысли. Слыхал я, что маги на такое способны.

— Они еще и не на такое способны. — Гном хотел было перечислить,

что умеют делать воспитанники Ордена, но покосился на Миралиссу и решил, что ее ушам это лучше не слышать. — Вон какую тварюгу прикормили! Может, этих рук в деревне — как карликов в пещерах!

— Только архимаги способны переговариваться набольших расстояниях, — сказал Кли-кли Горлопану. — И эта тварь была не их, это Миралисса ее создала! Кстати, а откуда вы узнали, леди Миралисса, что понадобится именно такая ручонка?

— А я и не знала, бесценный Кли-кли. — Черные губы эльфийки растянулись в ядовитой улыбке. — Я вообще-то подготовила заклинание усыпления. Все должны были заснуть. Все, кроме магов. Простой ночью я не рассчитывала, что мы повстречаем людей из Ордена. Пришлось рискнуть, надеясь, что с двумя магами мы как-нибудь справимся.

— Но откуда тогда появилась эта тварь, треш Миралисса? — неподдельно изумился Элл.

— Откуда, мой верный к'лиссанг? Спроси у нашего зеленого попутчика, это ведь он рисовал рядом с моим заклитием! Так что появление этой твари целиком заслуга Кли-кли.

— Откуда же я знал? — виновато шмыгнул носом гоблин. — Я думал, что это просто так написано.

— Нам еще повезло, что появилось это чудовище, а не обыкновенная корова, — иронично заметила Миралисса. — Вот бы маги посмеялись над шаманством!

— Да мы же вообще могли запросто сгореть или улететь на луну! — с ужасом прошептал Горлопан, осознавая всю степень риска, которая тяготела над нами благодаря художествам королевского шута, пускай он это и делал не со зла.

— Тебя, Кли-кли, надо от общества изолировать, — добродушно хохотнул Делер.

— Да вы мне спасибо должны сказать! — возмутился шут. — Если бы не эта ручка, еще неизвестно, как бы все дело обернулось! Говорил же я, что мой дедушка был шаманом. Это у нас наследственное!

— Устраивать пакости? — спросил Сурок. — Из тебя такой же шаман, как из меня вождь доралиссцев!

— Да я тебе докажу, что во мне течет кровь лучших шаманов гоблинов, включая великого Тре-тре!

— Хватит! Горлопан прав! Нужно уехать как можно дальше, — оборвала Кли-кли Миралисса.

— Попробуем леском? — предложил Медок.

— Обойти деревню? Не думаю, что это хорошая мысль, — не

согласился Дядька. — Секреты егерей могут быть под каждой елкой, если нарвемся, так просто нас уже не отпустят.

— Ты предлагаешь возвращаться назад? — Такая идея Миралиссе не очень нравилась. — До тракта ехать столько же сколько до Ранненга, мы потеряем уйму времени.

— Есть еще одна дорога. — Медок, как и я, уже успел снять кольчугу и теперь пальцем чертил на песке схему. — Вот тракт. — По песку прошла прямая линия, в середине изгибаясь как подкова, а затем вновь выпрямляясь. — Вот Ранненг.

Линия упиралась в нарисованную точку города. От того места, где тракт изгибался, резко отходила линия вниз и вправо. Она все дальше отползала от тракта, потом в какой-то точке шла с ним параллельно и затем сближалась, встречаясь с трактом возле самого Ранненга.

— Это наша дорога. А вот тут, — ткнул Медок пальцем в то место дороги, где она отходила от тракта на самое далекое расстояние, — тут есть заброшенная тропа. Во всяком случае, была, она идет абсолютно прямо и упирается в тракт.

— Ты предлагаешь нам вернуться назад и пройти по этой тропе?

— Да, леди Миралисса. Это хоть какой-то выход в нашем случае. Через Вишки дорога перекрыта, назад на тракт возвращаться слишком долго, можно проехать около трех лиг назад, и мы как раз окажемся на этой тропке.

— Решено, — согласилась эльфийка. — Доберемся до тропы, как раз к полуночи будем там, но подождем возвращения милорда Алистана, иначе он поедет дальше и угодит в руки к магам.

— А как там местность, не потеряем ли мы больше времени, пробираясь до тракта по этой тропе? Холмы все-таки, — засомневался Фонарщик.

— Нет, холмы останутся по левую руку. Местность называется Харьганова пустошь. Редкий лесок, овраги, заросли вереска, и ни одного человека на двадцать лиг в округе. Пустые места. Если нас будут искать, то им придется очень постараться.

— Тогда чего мы стоим? — буркнул Горлопан, ставя ногу в стремя.

— погоди, торопыга! Дай железо снять! — Делер стащил с головы шлем и вновь надел любимую шляпу.

Пока воины снимали броню, я подошел к Миралиссе. Был уже поздний вечер, июльское небо постепенно бледнело, солнце почти скрылось до наступления завтрашнего дня, но эльфийка безотрывно смотрела на столбы дыма, которые не могли скрыть даже сумерки. Она

почувствовала, что я стою рядом, и, не оборачиваясь, сказала:

— Тревожно что-то, Гаррет. Эта чума, эти маги. Не кажется ли тебе, что нас просто отпустили?

— Или скорее подтолкнули назад, — поддержал я ее.

Мне тоже не нравились странности последних нескольких дней.

— Да, верное слово! Подтолкнули. Им ничего не стоило нас задержать, рука — лишь повод отпустить. Будь у них желание, будь в деревне действительно чума, это чудовище оставили бы на потом, пожертвовав лучниками, но нас бы поджарили в первую очередь. Путь впереди перекрыт, возвращаться назад слишком далеко, и мы не очень терпеливы, а значит, нам придется ехать через эту пустошь.

— Может, и обойдется, — попытался я успокоить в первую очередь себя. Это всего лишь пустошь, не стоит ждать от нее ничего ужасного.

— Может быть, и обойдется. Очень даже может быть. Но где-то за нами шаманство, почуянное Котом.

В наступающей нам на пятки ночи мы двинулись в обратный путь. Настроение у всех было подавленное. Люди молчали, лишь Халлас пыхтел трубкой и тихо ругался, да Кли-кли вязал на веревке узелки, грозясь показать всем знаменитое шаманство гоблинов.

Глава 24

Харьганова пустошь

Тропку пришлось искать в густых зарослях кустов остролиста по бокам дороги. Нам предстояло довольно сильно помучиться, потому что ночью найти маленькую тропку довольно непросто. Медок несколько раз останавливал отряд, спешивался и ходил вдоль стены кустов, задумчиво почесывая у себя в затылке, но, не найдя никаких признаков тропы, вновь взбирался в седло, и мы скакали дальше, все больше и больше отдаляясь от холмов и несчастной деревушки Вишки. В какой-то момент пришлось зажечь факелы — света месяца не хватало. Горлопан тут же стал ворчать, что нас теперь даже слепой увидит.

Когда Медок в десятый раз спешился, застонал даже невозмутимый Сурок:

— Ну и где твоя тропа? Сколько можно искать в потемках? Давай отложим до завтра! Все устали, и линга не мешает покормить.

— Да погоди ты, Сурок, со своей мышью, — отмахнулся Медок, отвлеченный от раздумий. — Я знаю, что дорога начинается где-то тут. Помоему, мы должны повернуть и немного проехать назад.

— Ты это говорил полчаса назад, — буркнул Халлас.

— Давайте поищем утром, — подал прекрасную идею Кли-кли.

Гоблин почти не отрывался от вязания узелков по всей длине веревки, теперь у него их было несколько сотен, они просто гроздьями облепили веревку, и шуту пришлось выудить еще одну, привязать к первой и создавать узлы уже на ней. По словам Кли-кли, очень скоро у него должна получиться страшная гоблинская магия.

Никто на его треп не обращал внимания, лишь Делер попросил предупредить его, когда все будет готово, чтобы он успел спрятаться подальше от места демонстрации способностей несостоявшегося шамана.

— Медок, а ты уверен, что эта тропка где-то здесь? Ты сам по ней ходил? — спросил Угорь.

— Да нет. — Медок неловко пожал плечами. — Я тогда еще мальцом был, мне дед ее разок показывал. Старая тропка, по ней пастухи на все лето уводили стада пастись на пустошь. Трава там о-го-го какая была!

— Неудивительно! — хмыкнул Кли-кли.

— Ты что-то знаешь про это место? — спросила Миралисса.

— На привале расскажу одну занимательную историю, если не

заснете.

— Вспомнил! — внезапно завопил Медок и хлопнул себя по лбу. — Вспомнил! Она начиналась возле двух деревьев, которые друг к другу наклонены! Такие, будто два старых друга встретились!

— Было нечто подобное. — Эл убрал волосы, упавшие ему на глаза. — Метрах в пятистах за нами.

Все вздохнули с облегчением, понимая, что скоро наступит долгожданный привал. Лично я уже еле-еле держался в седле, поэтому слезть с Пчелки было моим самым заветным желанием.

— Точно! Они, родимые! — воскликнул Медок, когда из темноты вынырнули силуэты двух деревьев.

Они в полном одиночестве возвышались среди кустарника.

— Так какие же это деревья? — разочарованно протянул Арнх. — Они уже сто лет как мертвы.

Высокий житель Пограничного королевства был прав — от деревьев осталось одно название. Ни веток, ни листьев, одни стволы, черные от старости и времени.

— Да какая разница? Главное, что нашли! — воодушевленно сказал Медок. — Тропка аккурат между ними и начинается!

— Ну тады привал! — Халлас облегченно сполз с седла, и я последовал его примеру. — Дядька! Мы жрать чего-нить сегодня будем или на пустой желудок завалимся? Там заяц еще не протух?

— Тебе только брюхо набить, бородатый! — хохотнул Делер.

Надо ли говорить, что на это ответил гном? Все вновь вернулось на круги своя.

— Так! Нам кто-то обещал рассказать историю, — сказал Арнх, когда спустя некоторое время мы все сидели у костра, а жареная зайчатина приятной тяжестью осела в животе.

— Извольте. — Кли-кли отложил в сторону вязанку веревочек и узелочков. — Что бы вы хотели услышать?

— А ты что, знаешь много историй?

— Я же все-таки королевский шут, — обиделся гоблин. — Мне по должности положено.

— Ты обещал рассказать про Харьганову пустошь, если не ошибаюсь, — запихивая последний кусок зайчаткины в рот, промычал Фонарщик.

— А... — протянул Кли-кли. — Только неужели никто из вас не слышал про отряд Харьгана?

Все отрицательно покачали головами.

— Короткая же у вас, людей, память, — вздохнул гоблин. — А ведь прошло всего лишь чуть меньше пятисот лет!

— Ну ты даешь, зеленый! — засмеялся Горлопан. — Да за это время можно забыть все что угодно!

— Только не отряд Песьих Ласточек, благодаря которому может, и существует сейчас Авендум.

— Песьи Ласточки? — нахмурился Дядька. — Что-то не припомню я такого отряда. Во всяком случае, в Валиостре его нет.

— Теперь нет и никогда уже не будет, — грустно сказал Кли-кли. — Это произошло во время Войны Весны. Орки хлынули из лесов Заграбы нескончаемым потоком, неожиданно для всех. Несколько тысяч обрушились на Пограничное королевство, но основная сила удара пришлось на Валиостр.

— Не надо твердить нам прописные истины, — перебил гоблина Арнх.

— Кто тут рассказывает, ты или я? — рассвирепел Кли-кли. — Если такой умный, сам разглагольствуй, а я спать лягу! А не можешь, так молчи и слушай!

Арнх примиряюще поднял вверх обе руки, мол, ладно, погорячился.

— Первыми армию орков встретили пограничные гарнизоны. Они пытались задержать врага, пока гонцы доберутся до столицы. Кто не знает, тогда столицей был Ранненг, это только после войны ее перенесли в Авендум, подальше от Ллее. Так вот. — Шут на миг задумался, потеряв нить рассказа. Орки опрокинули пограничные гарнизоны. Те отступали и огрызались, дожидаясь, когда подойдут основные силы людей. Гонцы успели, Грок двинул армию и на берегах Иселины дал бой. Шесть дней Первые пытались форсировать реку, но люди стояли крепко. На седьмой день, неся огромные потери, орки в четырех местах прорвали оборону Грока и опрокинули армию людей, вынудив ее отступить на север. Весь южный Валиостр был потерян. Из Шамара не приходило никаких вестей, и Грок счел, что Пограничье уже уничтожено.

— Ха! Пограничье просто так не сдается! — бахвальски сказал Арнх, но, наткнувшись на взгляд Кли-кли, замолк.

— Исилия, как всегда, не вмешивалась ни в какие войны, понадеявшись, что чаша войны ее минует, у Мирануэха просить помощи не имело смысла — ваше государство никогда не жило с этой страной в мире. С темными эльфами после того, как наступила Зима из-за нелепой гибели их принца, разговаривать было попросту не о чем, их уже много лет не было видно в Валиостре... Королевство осталось один на один с врагом. Только судьба, боги да армия могли остановить волну орков. Никогда еще

Первые не нападали таким количеством. Люди слишком презирали все другие расы, чтобы вести с ними крупные войны. Как можно воевать с полуживотными? А тут такое. Никто не ожидал их прихода, и за беспечность поплатились. Уставшая армия после долгого отступления встретила орков под стенами Ранненга и проиграла битву. Столица была взята, а затем уничтожена. Армия и король отступали к северу. Измученные люди, основательно потрепанные передовыми отрядами орков, отходили к Авендуму, чтобы дать там последний бой — дальше отступать было некуда. Разве что в Холодное море или за Одинокого Великана в Безлюдные земли. И первое, и второе было самоубийством. Оставалось только умереть достойно. Гроку нужно было время, чтобы подготовиться к решающей битве. Время, которого у него, увы, не было. Армии требовался отдых, хотя бы день. Раньше все эти места густо покрывал лес. Деревень еще не существовало... То есть, конечно, они были, но в таком мизерном количестве... Про постройку этой дороги, или главного тракта, в те времена еще никто не думал. Существовал всего лишь один достаточно крупный путь из Ранненга в Авендум. Он как раз проходил через ту местность, которая сейчас носит название Харьганова пустошь. Это в наше время старая дорога забыта и заброшена, а тогда она была связующей нитью между центральными городами Валиостра. По ней и отступала армия. На совете, где присутствовали не только военные, но и представители тогда еще совсем недавно основанного Ордена, решили, что нужно пожертвовать какой-то частью солдат, чтобы они задержали наступающих хотя бы на несколько дней. Местность благоприятствовала: вокруг леса, дорога всего лишь одна, по ней должны пройти наступающие. В одном месте дорога пересекала глубокий овраг. По правую и левую сторону от оврага было непролазное болото, тут и решили сдерживать врага столько, сколько нужно, пока основные силы людей не отойдут как можно дальше. Кликнули клич. Искали добровольцев, тех, кто решит остаться и дать бой. Удивительные вы существа, люди. Иногда готовы перегрызть друг другу глотку за медяк или другую чушь, а иногда решаете прикрыть собой спины товарищей, понимая, что живыми выбраться не удастся. Откликнулись чуть больше трех тысяч. Три тысячи человек, согласившихся стать смертниками, ногтями впиться в склоны оврага, но не пропустить орков. Из них выбрали триста человек, остальными жертвовать было просто глупо. Три тысячи продержатся немного дольше, чем триста, но все равно полягут, а армию обескровят сильно. Воинов и без того оставалось мало. Решивших остаться называли Песьими Ласточками. Уж не знаю почему, история это до нас не донесла. Они остались, а армия ушла.

Командовал ими старый вояка, раньше он был сотником у Грока. Сотника звали Харьганом. По его имени «благодарные потомки» и назвали это место. Основной целью Харьгана было задержать врагов хотя бы на полдня, не больше. А они остановили продвижение армии на целых четыре дня. Ни один орк не прошел, пока были живы бойцы отряда. Солдаты Харьгана дали армии Грока драгоценную передышку и время подготовиться к встрече врага под Авендумом. Не будь Ласточек, неизвестно, как бы сложилась история королевства. Дальше события вам известны. Грок принял бой, орки все же ворвались в Авендум, последние четвереста воинов готовились принять смерть, когда подоспели темные. Их никто не ждал. Ни люди, ни тем более орки. Эльфы забыли обиду на людей и пришли к ним на помощь в самый последний момент. Темные не могли упустить такого случая — поквитаться с родичами. Война Весны была выиграна. Вот, пожалуй, и все.

— А эта пустошь?

— Пустошь? — переспросил шут. — Пустошь осталось пустошью. Как-то сама собой появилась новая дорога. Никому не хотелось тревожить кости павших воинов. Их, если честно, большей частью даже не похоронили. Не до этого было людям — надо было страну после войны восстанавливать. Шли годы, и про отряд Харьгана потихоньку стали забывать. Слишком много других проблем было. Неназываемый, например, появился, или еще что-нибудь. А кости они кости и есть. Земля сама заберет. Дорога потихоньку приходила в запустение, по ней никто не ездил. Только пастухи перегоняли стада. Землица-то тут ого-го какая жирная, и трава соответственно высокая. Осталось только название — Харьганова пустошь, да и то со временем забыли, откуда оно пошло. Теперь только старики помнят о подвиге людей. Маленькая война на просторах большого мира. Маленькая драма и маленькая смерть. Сколько их было? Сколько их еще будет? Скольких героев незаслуженно забудут поколения и скольких негероев будут помнить, хотя они этого не заслужили?

Над костром повисла гнетущая тишина. Каждый думал о тех людях, что грудью встали перед кривыми ятаганами орков, но не отступили.

— Гномы никогда бы не забыли героев!

— И карлики!

Я почувствовал стыд за свою расу. Наверное, впервые в жизни мне было стыдно за людей, забывших такую жертву...

— Пошли, Горлопан, — крикнул Фонарщик, поднимаясь с земли. — Нам с тобой сегодня первыми заступать на дежурство.

Все постепенно укладывались спать, лишь одинокая фигурка шута так

и осталась сидеть возле огня, наблюдая за пляской маленького костерка...

Дождь лил как из ведра. Боги распоролы животы низких мглистых туч, и водопады воды низвергались со свинцовых небес на землю. Тучи закрыли собой солнце, и мрачный день стал еще мрачнее и тоскливее. Дождь лютовал вовсю, пытаясь доказать утопавшим в размокшей жиже солдатам, что не стоит им оставаться здесь, дожидаясь наступающего врага.

Ливень срывался с неба водопадом, стегал по одежде косыми плетями, моросил мягкими лапками, холодный, теплый, злой, колючий, жалящий, ласкающий, кусающий. Десятки разных обличей одного проклятущего сына погоды, поставившего своей задачей довести людей до изнеможения.

Солдаты устали, замерзли и насквозь промокли. Лучники зло косились на небо — влага портила луки, и никакие эльфийские хитрости по сохранению тетивы при таком дожде не помогали.

— Шлюха! — негромко позвал Харьган, вытирая ладонью мокрое лицо.

— Да, — на зов подбежал командир мечников.

— Бери своих ребят, хватайте все топоры, что найдете в отряде, и рубите деревья на той стороне оврага.

— Хорошо, — не моргнув глазом, сказал Шлюха.

Сотник вообще не привык удивляться приказам командиров, а тем более друга Харьгана.

— Разрешешь выполнять?

Острроверхий шлем был слишком велик и налезал Шлюхе на глаза, но сотник, сколько его помнил Харьган, от этого никаких неудобств не испытывал.

— Давай. Стаскивайте стволы к нам, затем разберем мост и устроим Первым приятную встречу.

Шлюха улыбнулся щербатым ртом, сжал руку в воинском салюте и убежал поднимать отдыхающих ребят.

Харьган вздохнул. Тяжело. Боги! Как тяжело смотреть на них всех! Он старик, уже почти шестьдесят стукнуло, пускай и выглядит он всего лишь на неполные пятьдесят, — ему умирать не страшно. Но вот те, кем судьба уготовила ему командовать... Мальчишки. Двадцатилетние, тридцатилетние мальчишки. Он всех их считал слишком молодыми, чтобы они вот так умирали здесь, возле дороги, перед мостом, перекинутым через пропасть глубокого безымянного оврага. Будь его воля, только ветераны остались бы встречать врага, те, кому уже нечего терять в этой жизни, те, кому некуда возвращаться, те, чья семья — это друзья-солдаты, а родная

мамочка — орущий на всех десятник.

Капли дождя юркими ящерками стекали по волосам и лицу Харьгана, чтобы затем упасть на захлебывающуюся, перенасыщенную водой землю. В этот поздний август было очень много дождей, казалось, сам мир плакал, наблюдая за происходящей на земле войной.

Орки пришли внезапно. Никто не ждал этой войны, поэтому в первые дни катастрофы, обрушившейся на землю Валиостра, армия потеряла слишком много солдат. Случилось то, что никак не должно было случиться, — они проигрывали сражение за сражением. Битва при Иселине, черная вода которой на века нахлебалась крови и трупов воинов как с той, так и с другой стороны. Пылающие стены Ранненга. Еще с десяток неизвестных и менее значительных битв, это уже не говоря о сотнях никому не известных стычек, проходящих по всему фронту боевых действий.

И вот теперь у них последняя надежда, последняя зацепка за ускользающую свободу королевства — битва, которая спустя некоторое время разразится под Авендумом. Но ни Харьган, ни его люди уже не смогут принять в ней участие. За них перед армией орков встанут другие...

Старый воин несколько не сомневался, что он и его люди найдут последнее пристанище в этой мокрой земле на склонах глубокого оврага. У них только одно задание — задержать врага на столько, на сколько можно, пока основные силы людей не укрепятся под новой столицей Валиостра. Теперь отступающая армия находилась где-то далеко позади них, а впереди, за завесой тумана, ждала армия орков.

Первые не очень спешили. Какая разница, когда пустить кровь людишкам? Часом раньше или часом позже. Они Первые, и они будут владеть всеми этими землями, а люди... Люди отправятся кормить червей. Вначале валиострцы, затем Мирануэх, потом настанет черед гномов и карликов, а уж напоследок придет очередь мерзких родственничков — эльфов.

— Харьган! — Молодой воин, совсем еще мальчишка, подошел к стоявшему возле моста командиру. — Приехали еще два обоза со стрелами.

— Чудесно! — Харьган кивнул, наблюдая, как вереница людей с топорами бежит через мост к одинокому лесочку с унылыми от серой погоды деревьями. — Распредели среди лучников. И давай мне сюда пять десятков, начнем строить укрепления.

— Не мало ли?

— Остальные пусть отдыхают. Да и тебе надо сил набраться, Кляю.

Застучали топоры, не прошло и полчаса, как все деревья маленькой

рощицы были срублены, а солдаты, кто на руках, кто волоком, кто, привязав к стволам веревки, стали перетаскивать деревья, с которых уже успели обрубить ветки, на ту сторону оврага, где расположились люди.

— Шлюха! — вновь крикнул Харьган. — Распрягите лошадей из обоза, и пусть они вам помогают! Чего горбатитесь?

— Будь сдел! — скороговоркой крикнул лысый сотник с моста.

Дождь немного успокоился, теперь он лишь тихонько моросил, и в воздухе повисла водяная пыль. Было раннее утро, с земли поднимались густые молочно-белые клубы тумана. Уже в трехстах метрах, на противоположной стороне оврага, дорога скрывалась в стене тумана, и оставалось только гадать, как далеко от людей находится враг. Вчера разведка сообщила, что передовые сотни орков находятся в одном дневном переходе от них.

Дна оврага видно не было, его, как и дорогу, скрывал вездесущий туман, но, что овраг глубокий, у Харьгана не было никаких сомнений. Где-то внизу, иногда заглушая дождь, звенел ручей.

Стены преграды, созданной природой, не были отвесными, что, конечно, очень жаль, но и назвать их пологими язык не повернется. При неосторожном спуске вполне можно сломать шею. Так что, когда разберут мост, оркам придется вначале спуститься по одной скользкой глиняной стене, а затем подняться по другой. Только таким способом они смогут добраться до людей. А штурмовать укрепления под непрерывным градом стрел — это крайне неприятное занятие.

— Харь, — обратился к командиру отряда старый ветеран в черной кольчуге, надетой поверх кожаной рубахи. — Хорошее укрепление из этих деревяшек мы не построим, может, послать еще сотню, пусть тут лес валят? Вон березовый лесок так и просится под топор.

— Давай, Лис, — одобрительно кивнул Харьган.

Лис, такой же старый вояка, как и Харьган, невесело усмехнулся в усы и пошел отдавать новое распоряжение командира Песьих Ласточек.

Отряд получил это название лишь сегодня утром, когда последние воины армии Грока отступали, оставляя добровольцев в одиночестве встречать врага.

Лис тоже не питал иллюзий остаться в живых после сражения. Орки живых не оставляют. Да и никто не надеялся пережить грядущую битву, все воины отряда знали, на что шли, когда в рядах армии искали добровольцев, точнее смертников.

«Мы ведь уже все мертвы, — с какой-то необъяснимой тоской подумал старый воин. — Мы ходячие мертвецы. И я, и Лис, и Шлюха, и

волшебница, которой взбрело в голову стать героиней, и еще триста мужчин и женщин, решивших добровольно расстаться с жизнью только для того, чтобы другие хоть ненадолго прожили дольше, чем они».

Дождь зарядил с новой силой, мягко шелестя по земле, успокаивая и убаюкивая уставших людей, вселяя в их души обманчивую уверенность и покой безграничной тишины.

— Сделано, — сказал Шлюха, когда последний древесный ствол волоком протащили через мост и положили на этой стороне оврага.

Деревьев срубили много, но все же недостаточно, чтобы построить надежное укрепление. Харьган надеялся, что ребята Лиса внесут щедрый вклад в доставку строительного материала на оборонительные сооружения.

— Пойдем, надо разбирать мост.

— Это довольно трудно, командир. — Шлюха потер переносицу. — Мост строили основательно, его просто так не разберешь, нужно дня два.

— У нас нет этих двух дней.

— Дык и я о том же! Может, подпалим?

— Без толку, дождь третий день льет не переставая. Дерево все водой пропиталось, а ты глянь, какие там бревна! Вовек не загорятся. Зови-ка ты нашу колдовницу, посмотрим, на что способна девчонка.

Шлюха громко фыркнул. Он уже не раз говорил, на что могут быть способны молодые девчонки в этом возрасте, но Харьган посоветовал ему держать все эти разговоры при себе, если Шлюха не хочет доживать жизнь воровушкой после пары пассивов, сделанных леди Съеной.

Волшебнице не было и восемнадцати. Круглое конопатое личико с вздернутым носиком и большим детским ртом, короткие русые волосы и голубые глазенки. Харьган до сих пор не понимал, как дал себя уговорить, чтобы молодая волшебница осталась с его отрядом. Все равно она слишком молода, чтобы хорошо колдовать и противостоять многоопытным шаманам орков в магическом поединке. Лишь зря сложит здесь голову.

Если уж маг, так старый и с бородой! Но вот только ни одного опытного мага в отряде не осталось, все ушли с армией, маги будут нужны в последней битве, а если уж Харьгану нужен волшебник, то пусть берет лучшую ученицу одного из архимагов Ордена.

— Вы звали меня? — За его спиной раздался звонкий девичий голос.

Он обернулся.

Капюшон упал с ее головы, и мокрые волосы одинокими прядями облепили лоб. На шее на серебряной цепочке висел медальон в виде капельки воды.

Волшебница смотрела на Харьгана с вызовом, знала, что он не очень-

то верит в ее способности.

— Да, гм... гм... леди Съена. Вы можете сделать что-нибудь с этим мостом?

Она проследила за его взглядом:

— То есть разрушить?

— Если вы на это способны.

Она вспыхнула и метнула на него гневный взгляд.

— Пусть люди отойдут подальше от моста.

Харьган кивнул Шлюхе, и тот со скептической гримасой на физиономии отдал распоряжение солдатам уйти от края оврага на безопасное расстояние.

Молодая волшебница сосредоточенно покусывала обветренную нижнюю губу и сверлила взглядом огромный мост.

С ним долгое время не происходило никаких изменений. Шлюха нетерпеливо переминался с ноги на ногу, а Харьган уже подумывал, что придется все же попытаться поджечь этот треклятый мост, когда волшебство Съены наконец подействовало.

Не было ни громов, ни молний, ни прочих эффектов, которых так ожидают обыватели от волшебства. Мост просто жалобно застонал, закрипел, а затем с грохотом ухнул на дно оврага. В воздухе повисло облако из мельчайшей древесной пыли и стружки.

— Ог-го! — восхищенно выдохнул Шлюха. — Это, ядрить вашу мать, сломала так сломала!

Шлюха осекся, поняв, что позволил себе грубость, недостойную ушей волшебницы Ордена.

Съена радостно улыбнулась, не обращая на слова Шлюхи никакого внимания, и посмотрела на Харьгана. Прямо счастливая деревенская девчонка, которой отец купил обновку на местной ярмарке.

— Благодарю вас, леди Съена, хорошая работа.

Она еще раз улыбнулась:

— Я могу идти?

— Конечно, — сказал Харьган.

Она сделала несколько шагов, покачнулась и, не удержавшись на ногах, шлепнулась на мокрую землю.

Харьган и Шлюха подбежали к ней одновременно:

— Что с вами?

— Ничего страшного. — Ее лицо побледнело, и конопушки выделялись на его фоне яркими пятнышками. — Это всегда... после магии... слабость. Сейчас пройдет.

— Шлю... Клард! — поправился Харьган, нечего девчонку смущать глупыми прозвищами. — Помоги леди Съене дойти до ее палатки. И чтоб...

— Да ладно, командир, — обиженно пробасил Шлюха. — Что я, маленький, что ли? Провожу со всей почтительностью, на какую способен.

Харьган не сомневался, что сотник сделает все как надо, а потом где-нибудь добудет Съене молока, которое, как говорят, хорошо восстанавливает силы волшебников. Бой не за горами, и способности молодой волшебницы им всем еще понадобятся.

Старый воин окинул взглядом эту сторону оврага, воины уже вооружились лопатами и строили укрепления, присыпая древесные стволы землей или обтесывая их топорами. Вопреки его приказу работало не пятьдесят человек, а все.

Харьган поманил к себе молодого десятника, одного из воинов Пограничного королевства, прорвавшегося через окружение орков. Парень доказал свою смелость под Иселиной и получил под командование десяток мечников.

— Нашу волшебницу видел, десятник?

— Да, командир.

— Бери своих людей и чтобы ни на шаг от нее. Если что, сами под стрелы орочьи подставляйтесь, но девчонку мне сохраните! Сам понимаешь, что она нам во как нужна!

Сжатый кулак стукнул в грудь, десятник развернулся и пошел в сторону, где только что скрылись Шлюха и Съена, на ходу собирая десяток.

Харьган поплевал на руки и поднял с земли лопатку. Отлынивать от работы он не привык.

А дождь, не останавливаясь, падал с плачущих небес...

Самая страшная пытка — это ожидание. Оно сломило, а то и убило множество людей. Что может быть хуже, чем стоять за невысокими стенами из наваленных бревен, присыпанных землей, и вглядываться в осеннюю мглу в течение целого дня, наблюдая лишь одну и ту же картину — дорогу, съедаемую белесой стеной тумана.

Проклятый дождь никак не кончался, казалось, нескончаемые облака никогда не иссякнут. Они грозно клубились над землей и ждали, когда под ними прольется кровь.

День близился к концу, а о враге не было ни слуху ни духу. Правда, около часа назад из-за покрывала тумана донеслись звуки, очень похожие на грохот боевых барабанов орков, но все стихло, так и не успев начаться, и над землей вновь повисла гнетущая тишина ожидания. В этой тишине было

слышно, как звонкие капли воды падают с набухших стеблей травы и как журчит разлившийся от дождя ручеек где-то в глубине оврага, скрываясь под фатой так и не соизволившего расползтись за целый день тумана.

Удивительно, на что способны три сотни людей, если они связаны единой целью. Там, где недавно был мост, возвышалось вполне приличное укрепление, состоявшее из десятков стволов деревьев и горы земли, перекопанной за день. Даже известные мастера укреплений — гномы — умерли бы от зависти, увидев, что можно сделать из земли и дерева за столь короткое время. Стена начиналась у самого края оврага и была не выше человеческого роста. На большее не хватило ни времени, ни материалов, да и лучники из-за такой стены могли стрелять не только навесом, но и прицельно.

На самом склоне оврага, перед стеной укрепления, строители вбили в землю длинные и острые колья. Теперь нападающим нужно будет очень постараться, чтобы быстро преодолеть заграждение. Они наверняка застрянут, протискиваясь между кольев, скорость у них замедлится, и лучники Харьгана в это время соберут кровавую жатву.

У людей все было готово к встрече гостей, лишь сами гости отчего-то задерживались. Харьган начинал волноваться: скоро настанет непроглядная темень, а ночью лучники — главный шанс его ребят пережить атаку — будут не так метки, как днем.

— Может, орки дожидаются ночи? — высказал свои опасения командир Песых Ласточек. — Но с каких это пор раса Первых осторожничает с людьми? Они ведь нас считают животными, говорящими обезьянами!

— Я вот чего боюсь, — крикнул Лис, сидевший рядом с ним. — Не нашли ли они другой путь к Авендуму? Лесами пробраться можно или через болота...

— Через болота? Нет, дорога тут одна, — покачал головой Харьган. Если орки решат пойти лесами или обойти нас по болотам, то к Авендуму они придут в начале следующей весны. Тут вокруг такие дебри, что на трезвую голову не выберешься.

— Значит, будем ждать их тут, — философски заключил Лис.

И они ждали.

День кончился. Так и не соизволившее показаться из-за туч солнце закатилось, пришла ночь. И звезды и луна были скрыты тучами. Только костры, поддерживаемые воинами, разгоняли темноту.

Сьена предложила Харьгану заклинание, которое разгонит тьму и осветит все окрестности на несколько часов, но он, поколебавшись,

отказался. После фокуса с мостом старый командир стал более уважительно относиться к способностям волшебницы. Нечего девчонке напрягаться по пустякам, магия понадобится во время боя, а пока можно обойтись стандартными средствами.

Харьган приказал каждые две минуты стрелять огненными стрелами на ту сторону оврага, чтобы осветить скрывающуюся во тьме дорогу. Стрелы горящими каплями пробивали броню ночи, разрывали так никуда и не исчезнувший туман, воткнувшись в землю на противоположной стороне оврага, сгорали, освещая окрестности, давали хоть какой-то, пускай и тусклый, обзор.

На душе у Харьгана было тревожно, проклятушие Первые что-то задумали.

Харьган решил обойти посты, хотя и валился с ног от усталости. Многие воины спали, ловя момент в нежданно свалившейся на них длительной передышке. Если ты собираешься умереть, это не значит, что стоит отказывать себе во сне.

— Как настроение?

Воин, которому был задан вопрос, держал в руке мощный боевой лук почти в человеческий рост. Из такого выстрелишь, так стрела насквозь прошьет за четыреста шагов. В отряде было сто пятьдесят профессиональных лучников, они составляли ровно половину Песьих Ласточек. Да и другие воины тоже знали, какой стороной накладывать стрелу на тетиву.

— Прорвемся, — усмехнулся лучник и натянул лук.

Солдат, стоявший рядом с лучником, поднес к стреле, обмотанной паклей, факел, и она вспыхнула. Тетива щелкнула о перчатку лучника, и горящая стрела по крутой дуге устремилась вверх, осветила укрепления и черную пасть оврага, задернутую поволокой тумана, яркой звездой на миг зависла в самой высокой точке полета и сорвалась вниз, одиноким светлячком оставшись гореть на ночной дороге.

— Пш-ш-ш!

Еще с десятков огненных стрел воспарили с разных мест укреплений и дружным каскадом усталых светляков упали там же, что и выпущенные ранее.

— О! — одобрительно сказал воин, до этого подносивший к стреле факел. — Теперь не будем глаза мозолить. Все прекрасно видно.

— Давайте, ребята, отдохните, — сказал Харьган.

— На том свете отдохнем! — пошутил лучник, а затем добавил уже только себе: — Уже недолго осталось ждать... отдыха.

— Идут! Идут! — раздались крики, а затем одиноко запел горн.

Харьган поднял голову и протер глаза.

Сон не принес никакого облегчения, проклятая ночная прохлада за ночь вгрызлась в кости, и старому воину казалось, что он провел всю ночь в узком деревянном ящике.

Командир отряда со стоном встал и потянулся.

— Харь, — подскочил Шлюха. — Разведка заметила движение на дороге!

— Далеко? — резко спросил Харьган.

— Метрах в восьмистах отсюда. Одного нашего подстрелили, двое ушли!

— Все по своим местам! — рявкнул Харьган, надевая на голову легкий шлем.

С кольчугой Харьган, как и все воины, не расставался ни на минуту. Если враг нападет, то вряд ли будет дожидаться, когда солдаты облачатся в доспехи. Так что броню носили все время, даже спали в ней, хоть это и причиняло некоторое неудобство, особенно бойцам, не имеющим большого опыта.

Туман поредел, теперь он был похож на порванное полотнище знамени, побывавшего в жестокой сече. Лишь овраг был под завязку заполнен туманом.

Наступило раннее утро, солнце едва-едва показалось над лесом, и солдаты зябко ежились, железо на теле за ночь успело крепко промерзнуть.

— Лучники на первую линию! В ряд! — отдал команду Харьган.

Сейчас не до стандартных королевских трех линий и уж точно не до четырех эльфийских. Эти построения хороши в чистом поле, а тут, спрятавшись за стеной из дерева и земли, лучше стрелять навесом, а потом напрямую. Наверняка. Прицельно. Чтобы каждая стрела достигла цели. К тому же из трех линий невозможно стрелять вниз, в овраг, когда враг будет на самом его дне.

На мощные боевые луки уже натянуты тетивы, на руки надеты верные и истрепанные тысячами ударов тетивы перчатки, колчаны ломаются от стрел.

Одна стрела в руке, еще две воткнуты в землю. Стрелы толстые, с большой палец диаметром, с хорошими бронебойными наконечниками. Это не обычный срезень, которым только легкую пехоту бить, это таран, пробивающий хорошую сталь.

В семи шагах за лучниками выстроилась угрюмая линия воинов с мечами и огромными прямоугольными щитами. В отличие от лучников

мечники стоят редко, между каждым из воинов промежуток в два шага. Если враг пройдет сквозь дождь стрел, мечники дадут время лучникам отойти сквозь специально оставленные для них промежутки и поменять оружие на более эффективное в ближнем бою, а сами сомкнутся, сдвинув щиты.

— Слушай, командир! — К нему подскочил Лис. — Там я ребят собрал, они из Головорезов Эркайна...

— А что, разве они не все под Майдингом погибли? — удивился Харьган.

Отряд набирался в спешке, сюда попали люди почти из всех подразделений армии, и Харьган просто еще не успел узнать всех своих подчиненных.

— Сорок семь человек выжило. Ты ведь знаешь, они великолепно лупасят из склотов. Сорок семь арбалетов! Может, пригодятся?

Капля в море, но, как говорят, вода камень точит. К тому же арбалеты-склоты в ближнем бою гораздо опаснее луков. Хороший залп, при отсутствии должной брони у врага, способен смести ажно целых два ряда нападающих.

— Давай их перед лучниками. Вот еще что! Прикажи им залечь прямо за стеной и не высовываться, пока орки не подойдут вплотную. Как только выстрелят по врагу, пусть сразу отходят за мечников. Кто ими командует?

— Я, — хитро прищурился усатый воин. — Тока извиняй, отходить мои ребятки не будут.

Лис усмехнулся и скосил взгляд на свои руки. Каждая рука обхватывала рукоять тяжелого кистеня. Рукояти лежали на плечах, а за спину Лиса были перекинuty две цепи, заканчивающиеся на уровне пояса мощными стальными шарами с шипами. Конечно, кистень — это не огролом, но и им тоже можно вдарить так, что мало не покажется даже тяжелому пехотинцу. Лис был истинным виртуозом во владении парными кистенями, таких во всей армии было не более тридцати человек. Раскручиваемые шары метались в разные стороны наподобие гигантской мельницы смерти. Тем, кто будет прорываться через Лиса, Харьган не завидовал.

Сам он предпочитал обычный и ничем не выделяющийся боевой топор на длинном древке. Многие сотники смотрели на это оружие крестьянина с плохо скрываемым презрением, все больше полагаясь на мечи, но Харьган за многие годы службы так и не изменил своему первому оружию, и оно отвечало ему взаимностью, ни разу не подведя в пограничных стычках с Мирануэхом.

— Удачи, Лис, может, и свидимся!

— А то!

— Шлюха!

— Да?

— Кто над Играющими с ветром?

— Блидхард! Ну, такой маленький, щупленький! Он с нами после Иселины. Ветеран.

Ветеран! Все они теперь ветераны. И глубокие старики, и зеленые мальчишки. Те, кто пережил битву на берегах Черной реки, под Ранненгом, под Майдингом, становились ветеранами или покойниками. Последних, как это ни печально, было большинство.

— Хорошо, передай через ребят, чтобы он действовал по обстоятельствам.

— Моя помощь потребуется? — К советуемым сотникам подошла Сьена.

На волшебнице уже был надет стальной панцирь, голову прикрывал кольчужный капюшон. Оружейники за ночь постарались и сварганили из подручных средств приемлемую защиту для невысокой волшебницы. У Сьены, как и вчера, не было никакого оружия, лишь медальон в виде капельки сверкал на шее.

— Ваша помощь, леди Сьена, понадобится в самом скором времени. — Харьган перевел взгляд на десятника ее охраны.

Тот кивнул, показывая, что все в порядке. Двое из его десятка держали тяжелые щиты панцирной пехоты. Если начнется дуэль на луках между армиями, волшебница будет надежно защищена от шальной стрелы стальными листами щитов.

— А что мне теперь делать? — как-то тоскливо и разочарованно спросила она.

— Ждать.

Но ждать пришлось недолго. Из стены тумана выскользнули фигуры.

— Орки!

— Гото-о-овьсь! — раздался по рядам лучников крик десятников.

— Поднять знамя, — скупно бросил Харьган.

Его приказ тут же выполнили. Над укреплениями взметнулось желтое полотнище. Ткань на него пожертвовала Сьена, позволив отодрать часть собственной палатки. Отряд был сформирован только вчера, но, несмотря ни на что, у него должно быть знамя, пускай это обычная тряпка, прибитая к молодой осине вместо древка. На тряпке чьей-то неумелой рукой было намалевано нечто напоминающее собаку с крыльями и хвостом ласточки. А

также что-то на орочем языке. Харьган нисколько не сомневался, что художник-полиглот впихнул в эти непонятные закорючки самые страшные оскорбления для расы Первых.

Люди молча смотрели на приближающуюся волну врагов. Сейчас начнется...

Враг остановился, не подходя на расстояние полета стрелы, слишком далеко, чтобы рассмотреть лица. Сейчас Ласточкам были видны лишь фигуры, неясные темные силуэты в занавесе растворяющегося тумана.

Из рядов врагов вышли трое воинов. Средний нес знамя с белым полотнищем, левый затрубил в горн, призывая к переговорам.

— С каких это пор орки идут на переговоры и пользуются горнами, а не барабанами? — пробурчал Харьган, надевая латные перчатки.

— Это... — произнес воин, стоявший рядом. — Это... не орки... это... люди! Точно! Это люди!

По рядам оборонявшихся пробежал шепоток:

— Люди? Откуда? Вся армия давно отступила! Кто-то из наших? Подмога? Но почему со стороны врага?

Между тем троица переговорщиков подошла к краю оврага и остановилась.

Действительно, люди.

— Эй вы! Слышите меня? — крикнул тот, что стоял справа, высокий, крепко сбитый воин с густой окладистой бородой.

— Чай не глухие! — ответил Шлюха откуда-то с правого края укреплений, куда его отослал командовать Харьган.

Резкие голоса разгоняли очарование летнего утра.

— Тут вроде мостик через эту пропасть был? Куда дели-то?

— Съели! Вы кто такие будете и какого хрена на той стороне делаете? — вновь заорал Шлюха.

Харьган в разговор не вступал, у Шлюхи язык подвешен гораздо лучше, пусть себе болтает.

— Мы — это доблестная Шестая южная армия Валиостра, теперь Первая ударная людская! Образованная по приказу славных орков из доблестных воинов, желающих благоденствия и счастья всему человечеству.

— Постой-ка, постой-ка! Что за Первая ударная людская? И про Шестую южную ты врешь, никто из них не выжил, они в котел под Болтником попали!

— Да что вы, ребята, не понимаете, что ли?! — раздался злой голос из рядов лучников. — Перебежчики это! Предатели! Крысиные хвосты! Они

на орков теперь пашут!

— Со своими драться?!

— Ублюдки!

— Неужели не понимают, что орки их потом посекут?!

— Перебить этот позор!

— Нет пощады предателям!

— Ну полно! — рявкнул Бородач, вволю наслушавшись оскорблений, сыпавшихся на него с другой стороны оврага. — Я пришел сделать вам выгодное предложение!

— Иди сюда, и мы засунем его тебе в задницу, мерзкий трус! — заорал Шлюха, вскакивая на укрепление и размахивая мечом.

— Ты командир?!

— Я командир! — Харьган во весь рост встал на другом краю стены. — Что ты хочешь нам предложить?

— Что ты его слушаешь, командир? — прошипел Лис, сидевший со своими ребятами прямо под стеной, но Харьган даже не обернулся.

— Славная армия Первых, достойных властвовать на Сиале, предлагает вам сложить оружие и войти в состав Первой ударной людской армии. Соппротивление бесполезно, нас намного больше вас, через несколько часов подойдут силы орков, и мы вас сомнем! Зачем попросту терять свою жизнь?! Война проиграна, это даже доралиссу понятно! Вступайте в наши ряды — и останетесь живы, и, быть может, даже хорошо заработаете! Орки справедливы. Им нет нужды убивать всех подряд!

— Ты ответствен делать такие заявления и предложения? — спросил Харьган, ощущая, как за его спиной начинает клочкотать гнев воинов.

— Да! Я правая рука славного командующего Ольми!

Харьган знал одного Ольми из бывшей Шестой... Точнее, слышал об этом человеке. В основном только хорошее. Тем удивительнее и ужаснее было то, что он перешел на сторону врага.

— А не боишься ли ты, сучий выкормыш, получить стрелой в глаз? — крикнул Шлюха.

По рядам прокатился одобрителный гул.

— Я пришел с белым флагом на переговоры! Вы не будете стрелять! — нагло ухмыльнулся Бородач.

— Наш ответ — нет! Мы не подчинимся! — сказал Харьган.

— Ну и дураки! — зло рявкнул Бородач. — Сколько вас за этими хлипкими деревяшками? От силы двести, а нас почти тысяча! Мы умоемся вашей кровью!

— Приди и возьми! Вам еще надо спуститься, а затем подняться по

овражку! — распалялся Шлюха. — Стрел у нас на всех хватит!

— Солдаты! Не слушайте этого идиота! — заорал парламентар. — Вы получите жизнь! Это не предательство, это разумный выход! Вам все равно не выстоять! Я даю вам еще один шанс! Рубите командиров и переходите на нашу сторону!

Харьган не сомневался в верности солдат и не опасался удара в спину, но с этим горластым разговор надо было заканчивать.

— А теперь послушай меня, парламентар! Я тоже дам тебе один шанс! Ты трус, предавший собственную расу! Надеюсь, ты быстро бегаешь? Тогда обгоняй наши стрелы! Вот тебе мой ответ.

Уже разворачиваясь, он видел, как знаменосец отбрасывает в сторону бесполезный белый флаг и бежит назад, как заметался горнист по краю оврага, как округляются глаза у Бородача.

Шлюха и Харьган спрыгнули со стены, и десяток лучников, только этого и дожидавшихся, выстрелили.

Все воины целились только в Бородача, и он, получив в грудь десять стрел, упал, так и не успев сделать ни шагу в сторону.

— Кто так стреляет, кур-рвы?! — В маленьком жилистом человечке Харьган узнал Блидхарда, которого назначили командиром над всеми лучниками. — Вот как надо с предателями!

Боевой лук рядом с Блидхардом казался гигантом, но человечек плавно натянул тетиву и так же плавно ее отпустил. Стрела чиркнула в воздухе и воткнулась прямехонько между лопаток уже довольно далеко успевшего убежать знаменосца. Человек раскинул руки и упал, так и не успев добежать.

— Кончайте эту сволочь — и в строй! — Блидхард уже спешил на дальний фланг.

Убегающего горниста сбила меткая стрела одного из лучников, и тот свалился в овраг, скрывшись в тумане. Так и осталось неизвестным, то ли он ранен, то ли действительно сразу же отправился во тьму.

— Солдаты! — рявкнул Харьган. — Сейчас мы будем сражаться не с орками, а с такими же, как мы! С людьми! С предателями, забывшими вкус молока собственной матери и перешедшими на сторону врага! Пусть ваши руки не дрогнут! Убивать отступников без пощады!

И по рядам стоявших насмерть, решивших умереть, но не пропустить врага, разнеслось:

— БЕЗ ПОЩАДЫ!!!

Черная стена врагов заколебалась, дернулась, и людские волны пошли на штурм. Предатели атаковали линиями, в каждой по сто — сто пятьдесят

человек. Они были еще далеко, но вот-вот, через минуту, может быть, две уже будут видны их лица.

С обеих сторон затрубили горны. Нападающие подбадривали себя криками, на бегу потрясали оружием. Тысяча. Тысяча тех, кто пойдет на все, раз уж они перешли на сторону орков. Им уже нет возврата, поэтому они будут сражаться до последнего. Но Харьган не сомневался, что его ребята выдержат, ведь их атакуют не орки... Песьи Ласточки имели небольшое преимущество овраг с более высокой стеной.

Первая волна врагов катилась и катилась, становилась все ближе и ближе. Воины бежали, надеясь как можно быстрее преодолеть опасную зону полета стрелы, оставить целыми своих товарищей, тех, кто бежит в двадцати шагах за ними, в другой волне.

— Какой идиот ими командует? — пробормотал Харьган.

Бежать толпой, попросту напрашиваясь на стрелы, даже не выставив перед собой щиты, было глупо. Очень глупо. Но другого выбора у нападающих сейчас не было.

— Дуга пять пальцев вверх! Залп! — Команда Блидхарда заглушила даже вопли нападающих.

Лучники задрали луки вверх, резкий щелчок, свист стрел, уходящих в свинцовое небо.

— Дуга семь пальцев вверх, поправка на ветер полпальца влево! Залп!

Новые пчелы смерти сорвались с луков в тот самый момент, когда первая волна стрел рухнула на головы нападающих. Кто-то успел выставить перед падающей смертью щит, кто-то попросту по счастливой случайности избежал встречи со стрелой. Но в основном первая волна вкусила всю горечь смерти-мандрагоры. Ее коса прошла по рядам предателей, падая на головы, на плечи, разгоняясь, прошибала кирасы и кольчуги, впивалась в грудь.

На земле осталось более восьмидесяти тел, выжившие с упорством бежали вперед, стараясь как можно быстрее нырнуть в туман оврага, скрыться с глаз стрелков.

Вторая стая стрел была направлена по более крутой дуге, они упали на людей чуть ли не вертикально. Крики... От первой волны осталось всего тридцать человек, остальные нашли свою смерть под стрелами Песьих Ласточек. До спасения им оставалось пробежать около пятидесяти метров.

— Вторые номера! Три шага назад! Дуга шесть пальцев вверх! Первые номера! По оставшимся! Прицельно! Залп!

Линия лучников дрогнула, рассыпалась на две половинки. Вторая линия стрелков выстрелила по дуге, посылая стрелы навстречу уже

накатывающейся новой волне. Первая линия стреляла по прямой, добивая уцелевших воинов первой волны.

Конечно, людские лучники — это не эльфы, у которых седьмая стрела срывается с лука, пять стрел находятся в полете, а первая уже пьет кровь врага, но и люди способны нанести сокрушительный урон врагу из мощных луков, конструкция которых была скопирована именно с эльфийских боевых асимметричных луков.

Первая линия лучников расстреляла оставшихся, ни один солдат первой волны так и не успел добежать до спасительного тумана оврага. Черные тела, утыканные стрелами с белым оперением, остались на коричневой земле.

В это время стрелы второй линии уже сыпались на головы новой волны атакующих.

— Вторые номера! Три шага вперед! Сомкнуться! Все вместе! Дуга восемь пальцев вверх! Залп!

Вновь слившаяся линия лучников дружно выстрелила.

— По врагу! Прицельно! С поправкой на ветер полпальца влево! Стрелять по своему усмотрению!

Правая рука плавно идет за правое плечо, к спине, тянется к колчану, стрелы, воткнутые в землю, уже давно израсходованы, стрела шурша покидает колчан, ложится на тетиву. Плавное движение рукой, тетива скрепит, сопротивляется изо всех сил, задержка дыхания, далеко-далеко, на той стороне оврага, белеет расплывчатое пятно — лицо врага. Не дыша, плавно, не дергая, лучник отпускает тетиву, и та зло щелкает о перчатку, выплевывая стрелу, отправляя ее в полет... Жужжание рассерженного шмеля. Такой быстрый и краткий миг полета... Удар! И вот стрела уже гневно дрожит, глубоко войдя в глаз человека...

Из второй волны два десятка воинов все же умудрились избежать стрел и нырнуть в туман. Некоторые лучники, перегибаясь через стену, стреляли в овраг, надеясь поразить скрывшихся там врагов.

— Отставить, кур-рвы! Вы лучники или сапожники?! Нечего лупить в молоко! По третьей волне! Дуга шесть пальцев вверх и полпальца влево! Залп!

Харьган одобрительно хмыкнул. Не зря Блиндхард командир лучников. Так скорректировать и направить огонь может только истинный Играющий с ветром.

— Лис! Готовься! Сейчас прорвавшиеся придут! — крикнул Харьган.

— Не придут! — усмехнулся Лис. — Они ведь не дураки двадцатью

душами идти на прорыв! Своих будут ждать!

— Если еще будут свои! — рявкнул в ответ знакомый Харьгану по ночному обходу лучник, отправляя в цель очередную стрелу. — Стрелы!

Между линиями лучников и мечников бегали разносчики стрел. Один из них подлетел сзади к лучнику и сунул пучок стрел ему в колчан.

Блидхард безостановочно отдавал команды, ежесекундно меняя направление стрельбы и заставляя взлетать стрелы то по крутой, казалось неподъемной, дуге, то по прямой, сея смерть в рядах наступающих. В третьей волне счастливицов было даже меньше, чем во второй, в овраге скрылось не больше пятнадцати человек.

— Стрелы! — крикнул кто-то из воинов.

Командир нападающих поставил лучников лишь в четвертую волну. Пока ребята Блидхарда разбирались с третьей линией атакующих, четвертая, вооруженная короткими и не такими дальнобойными, как у Песых Ласточек, луками, подошла на дистанцию стрельбы.

Харьган, прежде чем нырнуть под специально для такого случая сколоченный из досок обоза огромный деревянный щит, успел заметить в воздухе стаю стрел, летящих к ним...

Мечники падали на колени, поднимая над головой щиты, те, у кого щитов не было, старались спрятаться под щитами товарищей. Тяжелее пришлось солдатам Блидхарда — не все успели положить луки и поднять лежащие под ногами дощатые преграды для стрел.

Харьган почувствовал, как в щит ударила одна стрела, затем другая. Еще одна вонзилась в землю рядом с его ступней. Соседний солдат, попытавшийся скрыться за маленьким круглым щитом, вскрикнул, когда одна из стрел угодила ему в бедро, на мгновение открылся и, получив запоздавшую стрелу в шею, захрипев, повалился на землю.

Наконец обстрел закончился, и Харьган отбросил утыканную стрелами доску в сторону.

— Подавить стервецов! — надрывался Блидхард. — Ну же! Кур-рвины дети!

Лучники вновь взяли за луки.

— Свободный залп!

Вражеские стрелы были повсюду — и в земле, и в щитах, и в стене укрепления, и в людях.

— Шлюха! — заорал Харьган. — Потери?!

— Восемнадцать убито! — донеслось через некоторое время. — Ребята Блидхарда в основном! Раненых не считал!

— Залп!

Щелк! Щелк! Щелк! Тетива щелкает о рукавицу, стрелы свистят в воздухе, заглушая даже вопли умирающих.

Пятая волна, воспользовавшись заминкой лучников Блидхарда, слилась с четвертой и подбегала к оврагу, а за ней уже накатывала шестая. Лучники врага не стреляли, им не хотелось становиться мишенями для мощных луков Песьих Ласточек. Лучники отряда начали прицельный огонь, ежесекундно кто-нибудь из врагов падал, но время было упущено, масса людей подбадривая себя криками, скрывалась в овраге.

— Не спать, кур-рвы! Смотреть в оба! Как только появятся супостаты, отойти за мечи! По шестой линии! Залп!

— Пусть не стреляют! — К Харьгану подскочила Съена. Ее кольчужный капюшон сполз с головы, русые волосы растрепались, личико бледное и решительное. — Как только шестая волна скроется в тумане, пускай отбегают от стены!

— Не стрелять! — рявкнул Харьган. — Отойти за мечников!

— Не стрелять! Отход! Отход! — пронеслось по рядам, и линия стрелков, выпуская последнюю партию стрел, отошла от стены.

— Вы уверены в том, что делаете, леди Съена? — Сейчас Харьгану приходилось рисковать, доверившись таланту юной волшебницы.

— Да! А теперь не мешайте мне!

Харьган встал у нее за спиной. Возле стены остались стоять только волшебница и два щитоносца из ее телохранителей.

Шестая волна с победными криками стала спускаться в овраг, седьмая и восьмая были на подходе.

— Не удержим! — просипел сквозь зубы командир десятка телохранителей Съены. — Клянусь Сагрой, не удержим!

Харьган молчал, слыша только шепот Съены, который, казалось, заглушал даже крики врагов.

Туман вспыхнул, превратившись в стену жидкого огня, и внутренности оврага стали больше напоминать горнило гномов. Плотная рука жара ударила Харьгану в лицо, ему почудилось что брови и волосы вспыхнули. Люди отшатнулись от разверзнувшейся огненной бездны, закрывая лица руками от нестерпимого жара неведь как вспыхнувшего тумана, и лишь одна волшебница, не сгибаясь, смотрела в горящее пламя.

Харьган нисколько не сомневался, что все, кто оказался в овраге, сгорели.

В один присест Съена спалила добрые четыре сотни человек!

Туман горел не более двух секунд. Огонь исчез точно так же, как и появился, съев туман и обнажив обугленные, дымящиеся стены оврага.

Сьена стала медленно оседать на землю, но подскочившие щитonosцы подхватили волшебницу, не дав ей упасть.

— Жива?! — Десятник-пограничник подлетел к ней.

— Д-да... — Она неуверенно улыбнулась и сплюнула кровью.

Рука волшебницы не отпускала медальон. По серебристой капельке пробегали всполохи искорок.

— Быстро! К лекарю ее! — рявкнул Харьган. — Лис! Ты жив?!

— Еще как! — Воин с двумя кистенями откинул тяжелую доску, которой закрывался от жаркого волшебства. Ни он, ни его подчиненные так и не соизволили отбежать от стены вместе со всеми. — Ну и задала же девчонка им жару!

— Не спать, кур-рвины дети! — Блидхард с луком уже стоял возле стены. — По отступающим! Два пальца вверх! Залп!

Седьмая и восьмая волны, видя, какой ужас произошел с их товарищами в овраге, поспешно отступали назад. Подчиненные Блидхарда успели выстрелить еще несколько раз, прежде чем противник отступил на недостижимое для стрел расстояние.

По рядам оборонявшихся разлилась тишина.

Противоположная сторона огромного оврага и дорога, усеянная мертвецами, черные обугленные стены, источавшие запах гари и горелого мяса, густой дым, исходящий из этого адского пекла, поднимался над воинами. Ручей молчал, но тут-то как раз все было понятно — пекло, сотворенное волшебницей, просто испарило его.

Миг — и тишина взорвалась радостным ревом:

— По-бе-да-а!!!

— Ур-ра!

— Эх! Хорошо мы их потрепали! — К Харьгану подскочил довольный Шлюха. — Жаль только, мечами не дали нам поработать!

— Еще успеешь! Не всех же мы перебили.

— Да, сотни три, может, четыре, осталось. Но они вряд ли полезут, орков дождуся.

— Все может быть, — с сомнением сказал Харьган. — Всех лекарей или тех, кто хоть как-то умеет лечить, — к раненым и волшебнице.

— Сделаю!

А над укреплениями раздавались радостные крики людей, праздновавших маленькую победу и еще несколько часов подаренной богами жизни...

Шлюха, как и думал Харьган, оказался неправ. В течение дня враг еще два раза бросал силы на штурм и два раза в бессильной ярости откатывался

назад, неся потери. По итогам дня в завязавшихся дуэлях лучников отряд потерял двадцать девять человек убитыми и восемнадцать ранеными, трое из которых уже не могли продолжать бой. По сравнению с потерями противника мизер, но каждый воин был у Харьгана на счету, и каждая потеря ставила под удар способность отряда эффективно сражаться в следующих боях.

Волшебница, так и не восстановив силы после использования волшебства, лежала в палатке. Харьган возносил молитвы всем двенадцати богам, чтобы к Съене вернулись ее способности до подхода передовых отрядов орков. Шансов выстоять против сокрушительного натиска нескольких десятков тысяч Первых у людей не было.

Ночь сгустила краски мира, и лишь шипящие огненные стрелы разгоняли ее черноту. Ночной атаки, которой опасался Лис, так и не последовало. Лишь однажды под покровом темноты кто-то из врагов, подкравшись к краю оврага, заорал, что все сидящие за стеной — покойники, но Блидхард, пославший стрелу на звук голоса, заткнул дураку пасть на веки вечные.

Наступило утро. Оно плавно перешло в день. Дорога оставалась пустынной, враг отошел, скрываясь за темным леском, и лишь карканье ворон, пировавших на трупах, доносилось с той стороны укреплений. К полудню небо еще сильнее заволокло тучами, и дождик превратился в ливень. Дорога почти скрылась под пеленой падающей воды.

— Коз-злияная жизнь, — пробормотал Шлюха, зябко ежась и стуча зубами. — Вот уж не думал, что я когда-нибудь стану мечтать о приходе орков!

— Чтоб тебе оторвало! — сплюнул сидевший под огромным щитом, который являлся защитой от дождя для четырех командиров, Лис. — Ты что, последние мозги за эти дни порастерял? Такую чушь несешь!

— Мне эта погода уже вот где сидит! — Шлюха зло чиркнул ребром ладони себя по горлу. — Еще два дня, и я тут от тоски завою, а из ушей вода потечет!

— Ты смотри на это с другой стороны. — Блидхард облизал ложку. — Еще два дня дадут Гроку уйму времени, хотя ты прав, дождь — это проблема. Стрелы летят тьма знает как, да и тетива становится хлипкой.

Откуда-то из-за дождя раздался грохот барабанов.

— Начирикал, кур-рва! — Блидхард зло бросил ложку, и она звякнула о дно металлической миски.

— Все по местам! — Харьган выскользнул из-под щита-навеса, на ходу нахлобучивая на голову шлем.

— Я на правый фланг! — Шлюха бросил Харьгану его топор и, подхватив меч, побежал на другую сторону обороны, на ходу поднимая людей.

— Даст Сагра, свидимся. — Блидхард спрятал ложку за голенище сапога.

— Труби тревогу! — отдал приказ горнисту Харьган.

Над укреплениями раздался сигнал горна, призывающий к битве. Но в этом не было нужды, рокот боевых барабанов орков слышали все воины.

— Харь, я с арбалетчиками на место. — Лис грозно потряс кистенями.

— Давай, давай! Если что, отходи за мечников!

— Посмотрим!

— Это приказ, Лис! — резко одернул друга Харьган. — Я не собираюсь терять людей из-за твоей глупости!

— Хорошо. — Лис стал серьезным. — Не пропадай!

— Угу.

Лис свистнул, созывая подчиненных, и направился к стене, где уже выстраивалась линия лучников.

Из палатки вышла Съена, за локти с обеих сторон ее поддерживали воины. Харьган мельком заметил, что она так же бледна, как и вчера, но хоть на ногах держится, пускай и еле-еле. Вдруг сможет помочь отряду в трудную минуту?

Рокот барабанов приближался, орки шли в атаку.

— Ничего не видать! — сказал лучник с соломенными волосами и без шлема, как будто он бросал вызов судьбе, вглядываясь в пелену дождя.

— А ты слушай! — рявкнул ходящий вдоль линии стрелков Блидхард. — Слушайте, что вам командир скажет!

Харьган терпеть не мог произносить пламенные речи. Он не Грок и не какой-нибудь тысячник, чтобы орать про долг, честь и верность, но в данный момент все же стоило как-то поддержать ребят.

— Воины! Вот и дождались! Покажем Первым! Пускай обломают о наши мечи свои зубы! Чем больше тварей убьем, тем меньше нашим придется пускать им кровь под Авендумом! Облегчим работу Гроку! Рубить, колоть, резать! Убивать их так же, как они нас! Без пощады!

И, как и в прошлый раз, по людским рядам разнеслось:

— Без пощады!

Первыми из-за стены дождя появились остатки Первой людской армии. Орки трезво рассудили, что пускай людишки ловят на себя стрелы своих соплеменников, а они уж как-нибудь проскочат.

Блидхард вновь стал отдавать команды стрелкам, и вновь в воздухе

запели стрелы. Люди падали, но на их место вставали все новые и новые, слишком много еще оставалось тех, кто встал на сторону орков. Враги двигались плотной толпой, как стадо овец или баранов, которых подгоняет пастух, и лучникам не надо было выбирать мишени — почти каждая их стрела попадала в цель. Две сотни перевалили край оврага и, скользя по мокрой стене, скатились на дно.

Лучники перегибались через стену, стреляли вниз, в людскую массу, катящуюся по дну оврага. Барабаны орков продолжали бить, но Первые обманули своих союзников. Орки, подтолкнув людей на штурм, остались в отдалении наблюдать за битвой.

Вот уже нападающие оказались на другой стороне оврага, закрываясь от стрел щитами, они поднимались все выше и выше, приближаясь к заветной цели.

Стрелки, чтобы усилить эффективность огня, забирались на стену. Встав на нее, они со всей возможной скоростью и сноровкой посылали стрелу за стрелой в штурмующих.

И враг дрогнул. До вкопанных в землю кольев оставалось совсем немного, всего два-три метра, но волна нападающих рухнула назад, на дно оврага, в ужасе отступая под непрерывным дождем стрел. Люди карабкались по противоположной стороне под прицелом ребят Блидхарда. И лучники, не колеблясь, стреляли в спины предателей. Отдельные счастливчики смогли выбраться из капкана и броситься назад, только для того чтобы погибнуть под ятаганами подошедшего вала орков. Жителям Заграбы не нужны были плохие воины. От Первой людской армии не осталось ни одного человека.

— Со стены! — скомандовал Харьган.

Лучники горохом посыпались назад, поспешно выстраиваясь в линию с намерением начать обстрел орков, подошедших к оврагу. Спрыгнуть со стены успели не все. Орки тоже неплохо стреляли из луков. Замешкавшиеся лучники падали на руки товарищей или на дно оврага, усыпанное людскими телами. Стрелы шли хорошо, кучно, и, если бы не расторопность мечников, успевших прикрыть и себя и стрелков тяжелыми дощатыми щитами, орочьи иглы нанесли бы по отряду катастрофический удар.

— Не спать! — Блидхард уже натягивал лук.

Очередная порция стрел ударила по оркам, но в отличие от людей Первой людской орки разумно пользовались щитами. Огромные прямоугольные листы, закрывшие головы Первых, помогли им перенести атаку лучников Блидхарда практически без потерь. Щиты раздвинулись, и

сквозь щели в людей полетели ответные стрелы-иглы. Теперь уже солдатам Харьгана нужно было пережить обстрел, спрятавшись за щитами. Воспользовавшись этим, орки, не теряя времени, продвинулись вперед, оказавшись возле самого края оврага.

Снова залп лучников — и неприступная преграда для стрел из орочьих щитов, и тут же ответный залп лучников орков.

Стрела с дребезгом отскочила от нагрудника не успевшего спрятаться за щитом Харьгана, и он зло выругался, видя, как орки хлынули сплошным потоком в овраг.

— Давайте, кур-рвы! Стреляйте! Или орки вам пятки поджарят!

За то время, как орки спускались, а затем поднимались по оврагу, лучники успели сделать шесть залпов. Во время штурма оврага щиты орков были не так эффективны, строй распался, и стрелы наконец-то стали приносить должный эффект. По приказу командира стрелков Играющие с ветром вновь разделились на две части. Первые стреляли по накатывающемуся валу противника, вторые выискивали в кипящей массе орков лучников, непрерывно обстреливающих людей.

Еще одна стрела свистнула рядом с головой Харьгана, другая попала в живот белокрысому лучнику, легкая кольчуга его не спасла, и он, выронив лук, упал в овраг.

— Мечники! — отдал приказ Харьган. — Еще на двадцать шагов назад! Сохранять промежутки!

Приказ оставить стену многим мог показаться глупым, ведь тут так прекрасно можно закрепиться и отражать атаку за атакой! А отойти — это дать противнику возможность собраться после подъема и пойти в атаку. Так, да не так. С орками фокус обороны укрепления не пройдет. Тут спасет только плотный строй, а для этого нужно отойти назад.

Людская линия, ощерившись копьями, мечами, топорами и прикрывшись щитами, стала медленно пятиться. Орки уже добежали до частокола кольев, последние стрелы лучников ударили по оркам, насквозь пробивая их доспехи.

Орки замешкались, протискиваясь между острыми кольями, и командир лучников, перекрикивая гвалт битвы, отдал самый разумный приказ:

— Отходим за вторую линию!

Стрелки уже бежали к ждущим их мечникам, проскальзывая между ними и образуя вторую линию обороны.

Харьган отходил вместе со стрелками, оставляя за спиной только солдат Лиса и почти подбежавших к стене орков.

— Давай, Лис!

Но старому вояке не надо было отдавать приказы. Он и сам знал, что делать.

Сорок арбалетов неожиданно появились перед изумленными орками, уже начавшими перелезать через стену.

Щелк!

Огромный невидимый цеп ударил по рядам Первых, заставляя их отлетать назад, сбивая собственных товарищей и увлекая их на дно оврага.

Солдаты закинули арбалеты за спины и задали стрекача к надежной стене из щитов и мечей. Лис походя снес одним из кистеней голову самому прыткому орку, по глупости высунувшемуся из-за стены первым, и бросился догонять арбалетчиков.

Через стену перелез один орк, затем другой, за ними сразу четверо, и вот уже десятки солдат расы Первых спрыгивали со стены на землю к ожидающему их строю людей.

— Мечники! На колено! — рявкнул Харьган.

Десятники повторили приказ командира, и первая шеренга опустилась на правое колено.

— Залп, кур-рвы!

Стоявших во второй шеренге лучников не надо было учить прописным воинским истинам — если первая линия упала на колено, то лупи по врагу, пока рука не устанет или он до тебя не добежит! Стрелы вжикнули над головами мечников, останавливая разогнавшихся орков.

— Ты смотри! — присвистнул кто-то рядом с Харьганом. — Упорные, собаки!

Орков несколько не смутила гибель товарищей, перед людской стеной их было уже не меньше сотни. А новые враги все лезли и лезли через стену. На укреплениях, так заботливо выстроенных воинами Харьгана, появились лучники орков.

Один из солдат Шлюхи упал, в смотровой щели его шлема застряла стрела. На место упавшего тут же встал лучник из второй шеренги, сменив лук на малую секиру.

Прежде чем отряды сшиблись, блиндхардовские подчиненные выстрелили по второму разу. И если лучники в основном пытались перебить стрелков орков, то парни Лиса, уже перезарядившие склоты, метили в напирающих Первых.

— Встать! Сдвинуть щиты! Копья!

Сшибка! Щиты ударили о щиты, издав оглушительный и ни с чем не сравнимый грохот. Гвалт, крики, звон оружия. Копья не смогли остановить

лавину орков, и Первые сблизилась на расстояние удара ятаганом. Всего несколько секунд люди сдерживали натиск врага, а затем их линия, не выдержавшая свирепости атаки, лопнула, как ненадежная тетива лука.

Теперь с орками дрались отдельные разрозненные отряды солдат, в лучшем случае натиск Первых сдерживали десятки или пятерки воинов, в худшем — люди в одиночку противостояли врагам.

Как-то неожиданно Харьган оказался на самом острие атаки орков. Справа и слева от него орки глубоко вгрызлись в ряды воинов, оставив Харьгана и еще человек двадцать в самом авангарде людских сил.

Прямо на Харьгана вылетел орк с занесенным для удара ятаганом. Все, на что был способен командир отряда, это тычковым ударом заехать длинной рукоятью топора орку в лицо. Орк выронил ятаган и щит и, забыв про все на свете, закрыл лицо руками. Из тычка рукоять топора резко нырнула вниз, и разогнавшееся лезвие впилося орку в шею. Едва уловимое движение на себя, чтобы освободить оружие из раны, упругая струя алой горячей крови бьет в лицо, застилает глаза, но Харьган уже разворачивался, направляя топор на помощь сдерживающему двух орков молодому воину. Не успевает. Один из орков принимает удар чекана на щит, а второй ныряет вниз, падает на землю и перерубает пареньку ноги.

Из груди Харьгана вырвался хрип бешенства и ярости. Топор рухнул на так и не успевшего встать орка, со скрежетом разорвал звенья кольчуги и врезался в бок корчащемуся от боли Первому. Второй орк, не размышляя, ударил Харьгана щитом в грудь. От удара воин попятился, выпустил топор и, понимая, что сейчас получит укол ятаганом в живот, перекатился через спину, разрывая дистанцию с врагом. Перекатился, надо сказать, очень удачно, в особенности для лучника в легких доспехах, с трудом сдерживающего атаку не на шутку разошедшегося орка с двумя ятаганами. Харьган попал прямо под ноги орку, сам того не желая, ударил врага плечом под колени, подсекая. Орк, не ожидавший такого развития событий, взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и спиной рухнул на поднимающегося Харьгана. Недолго думая Харьган воткнул кинжал врагу в печень и, подхватив с земли один из его ятаганов, помог лучнику одолеть орка, который до этого ударил Харьгана щитом.

С ятаганом старый воин чувствовал себя непривычно. Нет, он вполне сносно владел мечом, но топор для него был удобнее и роднее. Это все равно что сесть на чужую лошадь. Ездить умеешь, но непривычно и немного неудобно. А неудобство в бою — это прямой путь в могилу.

Харьган поднял с земли чей-то щит и снова вступил в рубку. Положение его отряда немного окрепло, люди уже не пятились, пытались

сдержать, а в некоторых местах даже откинуть врага за стену. Линия фронта постепенно выравнивалась.

Ятаган орка скользнул по щиту, Харьган прямым ударом попытался достать Первого в грудь, но тот, небрежно отмахнувшись щитом от кривого клинка и сбив ятаган Харьгана вниз, нанес удар в открывшуюся у командира отряда брешь. Доспех выдержал, ятаган соскользнул с правого наплечника, оставив под доспехом внушительный синяк. Забыв про боль, Харьган тут же атаковал орка в голову ударом справа. Проклятый Первый вновь закрылся щитом и внезапно выбросил руку вперед, метя острием ятагана под шлем Харьгану. Неимоверным усилием ему удалось подставить под этот бросок змеи щит. Но орка и его оружия там уже не было.

«Опытная тварь!» — мелькнуло у Харьгана в голове, прежде чем вражеский клинок впился ему в правое плечо, на этот раз немного ниже бронированного наплечника.

— При-и-гнись!

Харьган втянул голову в плечи, и шар кистеня с чавкающим всхлипом врезался в голову орка. Второй кистень ударил врага в грудь.

— Живой?

— Да, — поморщился Харьган, плечо болело, и пришлось взять ятаган в левую руку.

— При-и-гнись!

Шипастые шары получили разгон и одновременно рухнули на головы двум оркам, пытающимся зайти с фланга.

Один из орков успел закрыться щитом, но кистень разбил легкий щит в щепы и сломал орку руку. Харьган довершил дело, добив врага ятаганом.

Бой шел на равных. Люди успешно выдержали первый, самый опасный натиск орков и теперь медленно, но верно оттесняли Первых к стене.

Сам того не ожидая, Харьган вновь оказался возле оброненного топора и, швырнув ятаган в спину орка, поднял свое оружие.

Чтобы метать мечи, нужно прирожденное мастерство, а им Харьган, увы, не обладал. Ятаган ударил рукоятью орку промеж лопаток и в общем-то не причинил врагу никакого вреда. Только отвлек на время от противника, чем и воспользовался один из копейщиков, всадив оружие в живот отвернувшемуся орку.

В воздухе мелькнула стрела, еще одна... Харьган выругался, полагая, что орки вновь умудрились прислать лучников, но, приглядевшись, заметил в самом тылу своего отряда три десятка лучников во главе с Блидхардом.

Стрелки смогли разорвать дистанцию, отошли на безопасное расстояние и теперь прицельно вгоняли стрелы в орков. Несколько Первых попытались прорваться к лучникам, но на их пути встали мечники, прикрывающие отряд Играющих с ветром.

Сагра поколебалась, не зная, на чью сторону встать, но начавшие сыпаться из дождевых облаков молнии убедили богиню войны поддержать в этот день людей.

Голубые нитки молний с сухим треском сыпались с неба, разя орков одного за другим. От магии Съены доспехи не спасали. Прямо на глазах у Харьгана сорвавшаяся с облаков молния разделилась на несколько частей и поразила сразу семерых орков, оставив от них лишь черную землю и обугленные доспехи, по которым все еще бегали цепочки разрядов, оставшихся после молний.

И Первые дрогнули, не выдержав дождя из молний и стрел. Где-то за оврагом загремели боевые барабаны, командующие отступление.

Орки отступали организованно и четко, оставив небольшой отряд прикрывать отход основных сил. Но люди, воспрянувшие духом, молотом ударили в стену щитов, круша Первых направо и налево, а подоспевшие лучники из тех, кто так и не сменил во время битвы лук на меч, не обращая внимания на кипящую вокруг них битву, стали осыпать стрелами преодолевающих овраг орков.

Из отряда Первых, прикрывающего отступающих, не осталось никого. Последнего орка настигли парные кистени Лиса.

К стрелкам присоединились выжившие во время сечи лучники, вновь поднявшие грозные луки. Жалкое сопротивление вражеских лучников, попытавшихся отстреливаться с другой стороны оврага, было безжалостно подавлено. Следующие минуты шел планомерный отстрел отступающих. В который раз за два дня колчаны опустели.

— Отлично, кур-рвы! — Блидхард довольно заметно подволакивал левую ногу, из которой торчал обломок стрелы. — Хорошо поработали!

— Шлюха! — крикнул Харьган, тяжело опираясь на топор и наблюдая, как последних орков, не успевших отбежать на безопасное расстояние, поражают стрелы лучников.

— Нету больше Шлюхи, — хмуро сказал один из воинов.

— Да пребудет он в свете, — пробормотал Лис.

Харьган стоял под так и не закончившимся за время битвы дождем, зажмурив глаза и стиснув зубы. Потеря друга была такой неожиданной. Любой другой, но не Шлюха. Слишком уж хорошо обращался с мечом старый друг, чтобы вот так просто дать себя зарубить орочьим ятаганам.

Выйти без единой царапины под Ранненгом и Иселиной и погибнуть тут...

— Как? — наконец выдавил Харьган.

— Стрелой, точнее стрелами, — ответил Кляю, правая рука Шлюхи. —

Он ребят повел на орков, прорвавших линию, и наравался...

Говорить больше было не о чем.

— Кляю.

— Да?

— Принимай командование.

— Слушаюсь!

— Оцени потери отряда, всех раненых — к лекарям. Мертвых...

Мертвых сложите в стороне, похоронить всех не сможем.

— А орков?

— Этих в овраг.

— Их там и так полно, — нахмурился Лис. — Через день вонять начнут так, что не продохнем.

— А что ты предлагаешь? — К ним подошел Блидхард. — Поменьше этих кур-рв убивать? Так ты скажи, мы тогда с моими ребятками во время следующей атаки отдохнем, а то надоедает тетиву дергать.

— Ты бы лучше к лекарю сходил, — миролюбиво ответил Лис.

— А-а, — махнул рукой Блидхард. — Стрела зазубрена, хрен такую вытащишь. Уж лучше пусть там сидит. Я и с ней в глаз любой кур-рве попаду.

— Смотри, ногу оттяпают, — пригрозил Харьган.

— А нам и так недолго осталось, — сплюнул Блидхард и, посмотрев в глаза Харьгану, произнес: — Ты думаешь, что мы отбились? Это ведь только авангард орочьей армии. Основные силы еще не подошли, а эти попробовали взять нас нахрапом — не получилось. И ни одного шамана, иначе бы волшебница тут много не наколдовала. А вот когда подойдут Кровавые топоры или Груунские ухорезы, нас сметут, как пылинку. Против этих кланов мы не продержимся и часа. Так что уж лучше я сразу лишусь башки. Чем вначале ноги, а потом еще и башки.

— Дело твое. — Харьган и сам знал, что против элитных войск орков при теперешнем состоянии отряда им тут не продержаться.

И так-то они выстояли лишь благодаря внезапной помощи Съены.

— Кстати, как там наша волшебница? — спросил Харьган.

— Жива, — ответила Съена.

Она, как всегда, подошла незаметно. Действительно жива. И даже стоит без помощи телохранителей. Харьган мельком отметил, что от десятка воинов-телохранителей осталось только шестеро. У молодого

жителя Пограничья на голове повязка, уже успевшая пропитаться кровью.

— Рад, что ваше здоровье в порядке, и спасибо за помощь.

— Да это и не я, — смутилась девушка.

— Да? — приподнял бровь Харьган. — А кто тогда?

— Ну, точнее не совсем я. — Волшебница смутилась еще сильнее. —

Это все амулет.

Харьган перевел взгляд на магическую капельку серебристого металла.

— Его мне дал мой учитель, сказал, что он защитит меня от шаманства орков. Амулет его нейтрализует, если шаманство направлено непосредственно на меня. А оказалось, что он еще и силы восстанавливает. Я тут попробовала пользоваться им немножечко по-другому, так от избытка силы меня чуть не раздавило!

— Командир! — Это вернулся Кляо. — Командир, потери... — Сотник на миг запнулся.

— Продолжай.

— Семьдесят шесть мертвы, двадцать легко раненых, еще семеро при смерти.

— Скажи ребятам отдыхать, Кляо. Блиндхард, пусть лучники тоже передохнут, следующая атака состоится не скоро.

— Будем надеяться. — Лис вздохнул и стянул с рук перчатки. — Ну, кто поставит, что мы продержимся до завтрашней ночи?

Ставок никто делать не хотел, зачем ставить на то, что попросту абсолютно невозможно?

— Шестая? — Лис присел рядом с Харьганом и облокотился спиной о полуразрушенную стену укрепления.

— Какая шестая? Восьмая только что была, вон сейчас девятая пойдет, слышишь? — усмехнулся Харьган и сплюнул кровью.

Боль в груди и постоянная кровь изо рта — последствия удара орочьего молота в доспех.

Над просыпающимся и отходящим от ночи миром раздавался рокот боевых барабанов орков. За ночь Первые атаковали укрепления людей восемь раз, три раза им удалось прорваться за стену, несмотря на стрелы лучников и вставших насмерть воинов. Каждый раз орков отбрасывали назад со все большими и большими потерями. Первые как заведенные пробовали на зуб Песьих Ласточек. Овраг заполнился трупами наполовину, стрел у лучников осталось по двенадцать штук на каждого, приходилось собирать стрелы орков, чтобы хоть как-то отстреливаться от вала наступающей армии.

Отряд Харьгана совершил невозможное — выстоял против врага почти четыре дня, дав армии Грока огромную фору во времени.

Харьган окинул взглядом немногих выживших. Тридцать девять человек. Тридцать девять уставших, перебинтованных, измазанных кровью людей. Все, кто выстоял атаки орков, все, кто выжил.

Не стало Кляю, погибшего от глупой одинокой стрелы, не стало Блидхарда, не стало молодого пограничника, охранявшего волшебницу. Да и сама волшебница погибла из-за того, что смогла прибить шамана противников. После этого орки целенаправленно устроили за Съеной охоту и в предпоследней из вылазок добились удачи, окружив ее и телохранителей.

Солдаты похоронили волшебницу в неглубокой могиле возле опрокинутой палатки, положив на могильный камень амулет-капельку.

И между тем неся огромные, катастрофические потери, люди заставили Первых уважать себя, заставили расу, относящуюся с презрением ко всем другим живущим на Сиале, осторожничать и не лезть через проклятый овраг сломя голову.

Девятую атаку солдаты не переживут. Это знал каждый из выживших людей.

— Покажем Первым, как должны умирать воины! — Лис взялся за любимые кистени, вслушиваясь в рокот приближающихся барабанов.

— Покажем. — Харьган встал с земли. — Смотри, Лис, дождь-то кончился!

— Это к счастью.

— Поднять знамя! Горнист, труби! Луки к бою! Бить врагов без пощады!

И орки, наступавшие на проклятые, не сдающиеся укрепления, услышали то, что слышали во время каждого отступления от стен оврага:

— Без пощады!!!

Глава 25

Танцующий в тенях

— Гаррет! — Кто-то осторожно дотронулся до моего плеча. — Гаррет, вставай!

Я открыл глаза и посмотрел на наклонившегося надо мной шута.

— Кли-кли! — с отчаянием простонал я. — Ну чего тебе не спится-то?

Он укоризненно посмотрел на меня и по-хозяйски уселся на седельной сумке.

— Ну и стонал же ты нынешней ночью! — сообщил Кли-кли. — Кошмары снились?

— А все из-за тебя, — промычал я.

— ?

— Порасскажешь сказок, а потом они всю ночь покоя не дают!

— Каких сказок? Это ты про отряд Харьгана? — догадался шут.

— Угу, все ночь снилось, как они с орками воевали.

— Ух ты! — с завистливым восхищением протянул Кли-кли, жалея, что это не ему приснился такой замечательный сон.

Замечательный ли? Не думаю. В ушах до сих пор еще слышен крик «Без пощады!», а тело бьет легкий озноб, как будто я очень долго, несколько дней, находился под проливным дождем.

— Кстати, Алистан с ребятами ночью приехали! — как бы невзначай бросил гоблин.

— Чего же ты сразу не сказал?! — вскочил я.

— Ш-ш-ш! — зашипел шут, делая страшные глаза. — Ты чего орешь? Не видишь, все спят?

Действительно, хоть уже и было светло, все еще спали. Только Делер с Халласом находились на границах лагеря, сторожа наш покой.

Шут не соврал насчет прибытия воинов. Я заметил огромного коня Маркауза и лошадей Эграссы, Кота и Угря.

— Так чего же ты меня тогда разбудил?

— Я же говорю, что ты стонал! И мне хотелось быстрее всех рассказать тебе о том, чего унюхал наш Кот.

— Рассказывай.

— Да, собственно, рассказывать и нечего, — сказал шут. — Кот действительно оказался прав: кое-что затевалось у нас за спиной. Они с Эграссой вовремя успели. Чутье Кота привело их на небольшую полянку,

довольно далеко от дороги, а там трое типов, все как один похожие на тех колдунов, что ночью пробрались во дворец Сталкона. Кот говорит, что у них были такие же перстни, как у ночных налетчиков.

— Какие еще перстни?

— У-у-у... — разочарованно протянул гоблин. — Ты, как я вижу, все проспал. У всех нападающих на дворец на мизинцах были колечки в форме плюща. Это один из гербов Неназываемого. Чтоб они друг друга отличать могли. Так вот, ребятки на полянке костерок развели и котелок поставили. Уж не знаю, чего они там готовить собирались, но точно не праздничный торт. Как только из котла стал подниматься багровый дым...

— Багровый? — переспросил я.

Ненавижу этот цвет после того, как Миралисса отправила меня неизвестно в какие дали во время знакомства с ключом.

— Я тоже удивился, но Кот ночью рассказывал именно так. Да ты не перебивай! Так вот... Сбил ты меня, Гаррет! — свирепо зашептал Кли-кли.

— Багровый дым, — подсказал я ему.

— А! Ну да! Так вот, как только из котла стал подниматься багровый дым, Эграсса взял лук и перебил всех шаманов, они даже понять ничего не успели. Кот перевернул котелок, затоптал костерок. А тут и та тварь, что шла за нами всю дорогу, из воздуха появилась. Кот ее давно почуял, но только она невидимой была. Это какая-то ищейка. В общем, убили ее и отправились нас догонять...

— И ехали так долго, что смогли догнать нас только сейчас, — ехидно продолжил я историю гоблина.

— Да погоди ты, — раздраженно отмахнулся от меня Кли-кли. — Ну вот! Опять сбил! Не буду я тебе ничего рассказывать!

— В обратный путь они отправились, нас догонять, — поспешно произнес я.

— Только далеко не уехали. — Уже собравшийся уходить гоблин снова сел рядом. — То ли Кот с Эграссой упустили кого-то из этих гадов, то ли эльф стрелял недостаточно быстро, но один из шаманов успел передать тревогу. В общем, ребятам дорогу перекрыли. И спереди и сзади. Сразу несколько отрядов, неизвестно откуда взявшихся. Кот снова почувствовал, что стали шаманить совсем недалеко от того места, где они только что были. Еще одна группа шаманов в лесу была, вот только они до этого совсем не рыпались, потому-то Кот их и не почуял. Взяли наших ребяток в клещи сторонники Неназываемого. Коту с Эграссой пришлось уходить в леса, чтобы оторваться от преследования, поэтому их так долго и не было. Преследователи отстали, смысла гоняться по буреломам за нашими не

было — слишком хорошо эльф умеет запутывать следы. Через день, когда Кот с Эграссой выбрались на дорогу, они наткнулись на Алистана с Угрем. Вот, собственно, и вся история.

— Бр-р-р! Ничего не понял!

— Не ты один, — вздохнул шут. — Алистан с эльфами всю ночь проговорили. Выходит, что шаманов в Валиостре больше, чем доралиссцев в степях Унгавы. А также всяких сторонников Неназываемого. И колдуют они чего-то и против кого-то. А тут еще твой Хозяин с приспешниками, и маги странные в чумной деревеньке. На нас охотятся и на нас колдуют. Вполне вероятно, что если бы Кот с Эграссой не успели помешать тем шаманам, то отряда бы уже не было.

— Но шаманство же состоялось! Ты сам говорил, что кто-то другой смог заменить убитых шаманов!

— Ну и что? — Шут пожал плечами. — Ты пойми, шаманство — это не магия, тут совсем другие законы. Стоит его немного сбить, волшебство идет совсем не так, как было задумано творящим. Помнишь ту руку-монстра? Вот и тут то же самое. Фиг его знает, во что оно в итоге преобразовалось. Мы-то пока еще живы.

— И в кого же ты такой умный, Кли-кли?

— В дедушку, он у меня шаманом был.

— Да, ты уже говорил. Значит, считаешь, что, кто бы ни строил нам козни, они теперь успокоятся?

— Отчего же?

— Ну ты ведь только что сказал, что шаманство не получилось!

— Не получилось в первый раз, получится во второй, — пожал плечами гоблин. — Велика ли наука — колдовать? Эти ребята денек отдохнут и еще раз поколдуют, пошлют за нами страсть зубатую да отвалят, будто их на земле и не существовало. Дело сделано, задание господина исполнено, теперь можно и скрыться до тех времен, когда Неназываемый явится из-за Игл Стужи.

— Так им недолго осталось ждать.

— Вот и я о том же. Нужно как можно быстрее добраться до Храд Спайна и испортить Неназываемому настроение лет на пятьсот.

К нам подошел Халлас:

— Слушайте, мужики. — Гном вытащил изо рта трубку и выпустил колечки дыма. — Пора всех будить, а то они так до пришествия Неназываемого проспят.

— Ну так давай разбудим, — вскочил на ноги шут, разом позабыв о тревогах. — У тебя не найдется лишнего ведерка холодной воды?

Из-за полного отсутствия ветра день обещал быть очень жарким. Почти таким же, как вчерашний, а также позавчерашний, а также позапозавчерашний, а также... Я так могу продолжать до бесконечности.

Никто особо не изумлялся, когда к полудню нас всех подстерегла очаровательная маленькая жаровня.

Лично я всегда переживал это время дня с содроганием. Не спасала ни намокшая тряпка, ни шутки-прибаутки шута. Впрочем, к шуткам прислушивались и даже хохотали. Кли-кли из кожи лез, показывая все мастерство придворного королевского дурака.

Отряд снова в сборе, настроение, несмотря на жару, было замечательным. Вот только нет-нет, а по лицу Миралиссы пробегала тень тревоги. Один раз, поравнявшись с лошадью эльфийки, я услышал обрывок ее разговора с Эграссой. Миралиссу до сих пор беспокоили шаманы, готовившие где-то далеко за нами в котлах какую-то гадость. С ее слов выходило, что, пока шаманы не завершат колдовство, они не успокоятся.

Я вполне доверял чутью эльфийки. В любой момент нам на головы может ухнуть что-нибудь из забав недобитков Неназываемого. Как говорят, законы всемирного свинства срабатывают в самый неожиданный момент, когда их совсем не ждешь.

Поэтому, чтобы быть совсем уж спокойным, через каждые пять минут я косился на Кота — вдруг он заранее что-то учует. Но толстенький неудавшийся маг Ордена оставался спокойным, безмятежным и веселым. Поэтому тревога, охватывавшая меня, потихоньку отступала.

Харьганова пустошь утопала в высокой траве и зарослях вереска. Иногда узкую тоненькую тропинку даже не было видно, ее полностью скрывал травяной покров. От стрекота сотен кузнечиков, на все лады пытающихся доказать нам, кто из них самый лучший музыкант, закладывало уши. Когда мы въезжали в особенно густую траву, кузнечики водопадами срывались из-под копыт наших лошадей, сетуя на то, что мы вторглись в их растительное королевство.

К вечеру первого дня мы пересекли старый овраг с оплывшими стенами, и мое сердце предательски екнуло. Но это было совершенно не то место, что я видел во сне ночью. Здесь овраг был маленьким и неглубоким и никак не походил на громадину, что в давние времена являлась преградой для наступающих на людей орков.

Лошади без всяких проблем перебрались на другую сторону оврага, и мы продолжили путь в мире травы и кузнечиков.

Через некоторое время, пробравшись между огромных и непонятно как здесь оказавшихся валунов черного гранита, каждый величиной с

небольшой дом, мы наткнулись на ветхую избушку. Медок сказал, что тут ночуют косари, заготавливающие сено на зиму для окрестных деревень. Длиннющие ряды стогов сена, лежащие на полянах пустоши, подтверждали его слова.

— До ближайшей деревни далеко, это же сколько им их возить надобно будет? — удивился Дядька.

— Зато здесь самая лучшая трава в округе. Сюда за двадцать лиг приезжают, — сказал Медок. — Да и косари приходят на целое лето. Сена здесь на всех хватит да еще останется!

— Да тут ведь ни один обоз не пройдет! Ты посмотри, сколько от дороги надо ехать! Полдня, не меньше! — не согласился Дядька.

— Эх ты! Сразу видно, нет в тебе деревенской крови!

— Это ты, бородач, из деревни! А я всю молодость в Майдинге прожил! — сказал Дядька.

Еще через час, когда тропинка вовсе исчезла и отряду пришлось ехать, не разбирая дороги, прямо по травяным полянам и лабиринту кустов вереска, Горлопан заметил большое стадо коров, голов, наверное, в двести. Животные с достоинством щипали сочную траву, лениво отгоняли хвостами тучи мошкары, кружащиеся вокруг них звенящим облаком. Нас заметили, и с десятков лохматых пастушьих собак бело-черного окраса с лаем бросились к незванным путникам. Арнх зашипел сквозь зубы и потянулся к арбалету, но над поляной раздался резкий свист, и собаки, недовольно ворча, вернулись назад. Лишь самый здоровый пес, ничуть не меньше имперской собаки, наверное вожак, остановился недалеко от нас и с настороженным интересом стал наблюдать за проезжающим мимо него отрядом.

— Ишь как смотрит, зверюга, — пробормотал Делер.

— А они карликами питаются, — хохотнул Халлас, за что получил недобрый взгляд от напарника.

— Ты у меня когда-нибудь договоришься, борода. Возьму любимый стул и как двину!

Гном даже не посчитал нужным отреагировать на выпад Делера.

Пастух, отозвавший собак, тоже наблюдал за нашим отрядом, прикрывая глаза от солнца ладонью. Смотрел с интересом, как на какое-то чудо, будто мимо него проезжали не обычные всадники, а все двенадцать богов Сиалы вкупе с Неназываемым. А вот мальчишка-пастушок, стоявший рядом со старшим товарищем, удивления не скрывал. Рот у него был попросту раззявлен до такой степени, что я испугался, как бы туда не залетела сотня-другая мух.

Вообще-то было чему удивляться: не каждый век встретишь в сердце пустоши, куда не все пастухи-то рискуют забираться, так далеко она находится от обжитых мест, целый отряд незнакомцев, вооруженных до зубов, да еще и неизвестно куда направляющихся.

Кли-кли не удержался и показал пастушонку язык, перепугав того до полусмерти. Видать, деревенский паренек впервые в жизни видел живого гоблина.

— Ну вот, Кли-кли, — впервые за день открыл рот Угорь. — Теперь у него на целую зиму будет разговоров. Паренек скажет, что видел живого огра.

— Это кто огр? — возмутился гоблин. — Это я огр? Огры ведь воют! Вот так!

Гоблин завыл, чем перепугал не только пастушонка и вновь начавших брехать собак, но и половину лошадей отряда.

— Успокойся, Кли-кли! — раздраженно сказал Сурок. — Ты Непобедимому аппетит на целый день испортишь!

— Да я просто показал, как огры воют! — оправдался гоблин.

— Тьфу ты! Неумеха! — пробурчал Делер. — Так твоя покойная бабушка воет, а не матерый огр! Мумр, изобрази!

Фонарщик, ехавший позади меня, с радостью исполнил просьбу карлика, издав звук, от которого я чуть не свалился с лошади. Пастушьи собаки за нашими спинами испуганно завыли.

— Ну, вы, там! — крикнул нашей компании Дядька. — Комедианты долбаные! Хар-рош кузнечиков пугать!

— Да ладно тебе, Дядьку! — крикнул Делер. — Все равно неча делать! Дядька обреченно махнул на нас рукой.

Весь оставшийся день ничего важного с нашим отрядом не произошло.

Пролетели еще два дня путешествия по пустошам. Мы пересекали огромные территории в сердце Валиостра, до обустройства которых у людей так и не дошли руки. По правую руку от нас потянулись знаменитые непроходимые леса пустоши.

— Послезавтра мы должны выйти на тракт, — сказал Медок на третий день нашего путешествия.

— Эх, поскорей бы! Пива хочу, — вздохнул Делер. — Это сейчас я пока добрый. Терплю, терплю, а могу и бритвой по глазам!

Халлас хмыкнул.

— Чего хмычишь, бородатый?!

— Да я вот тоже пивка захотел.

— А-а-а, — разочарованно протянул Делер, поняв, что спора с гномом, изнывающим от жары, не выйдет.

В небе звенела песнь жаворонка.

— Дождь будет, — сказал Кот после долгого молчания.

— Эх, хорошо бы! — Горлопан с тоской посмотрел на безоблачное небо. Не так жарко станет!

— Зато мокро! — не согласился с Горлопаном Фонарщик.

— Жарко, мокро, — буркнул Арнх. — Всем все равно не угодишь.

— А ты вообще не встревай, — оборвал воина Горлопан. — Полируешь себе тыкву, вот и полируй! А то заговоришься и отрежешь что-нибудь важное!

В общем-то замечание Горлопана было вполне своевременным. Арнх, достав из сапога изогнутый кинжал, на ходу брил себе голову, уничтожая на ней мелкую поросль волос. Воины Пограничного королевства следовали только им понятной моде и сверкали лысыми тыквами на радость себе и солнышку.

Лично я, как и Горлопан, тоже немного боялся за судьбу головы Арнха. Казалось, что вот сейчас у него дрогнет рука и остро отточенный кинжал оттяпает воину ухо или голову.

— Слушай, Арнх, — с хитрецей спросил Халлас. — А не боишься, что дождик тебе лысину намочит?

— А ты не боишься? — лениво спросил Арнх, пробуя большим пальцем остроту лезвия.

— Чего? — опешил гном.

— Что твоя борода от воды намокнет! — отпарировал воин.

— Уел он тебя! — радостно кудактнув, сказал Халласу Делер.

— Ты бы помолчал, герой! — обозлился на карлика Халлас. — У самого небось любимая шляпа промокнет!

— Да с чего вы решили, что дождь-то будет? — не оборачиваясь, спросил ехавший впереди нас Сурок. — Кот! Точно будет дождь?

— Угу.

— Мне бы твою уверенность, — вздохнул Горлопан.

— Ты ее можешь обрести, если, как и Кот, обернешься назад, — весело хихикнул шут.

Предсказание Кота насчет погоды стало абсолютно ясным, как только мы последовали совету шута.

По всей линии горизонта медленно и величественно разрасталась темно-лиловая, кое-где иссиня-черная полоса грозowych облаков.

— А мы-то думали, что ты теперь кроме опасности еще и погоду навострился предсказывать! — разочарованно протянул Фонарщик.

Вид у него был как у ребенка, у которого зараз отняли и леденец, и душистый крендель.

— Я тебе лягушка, чтобы погоду предсказывать? — хмыкнул Кот, а затем еще раз внимательно глянул на далекий грозовой фронт.

— Ур-ря! — сказал Сурок. — Долгожданная прохлада близится!

Линг на его плече оживился и возбужденно подергивал розовым носом. Видно, тоже ощущал подступающую грозу.

— Как бы не вляпаться, — пробормотал Кот и бросил обеспокоенный взгляд на черную линию.

Она уже набухла, как переполненный бурдюк с водой, и, кажется, немного приблизилась к нам. Да на нас движется не дождь, а целая буря!

Слов Кота никто не услышал. Ну или почти никто.

Делер залихватски сдвинул котелок на затылок и запел:

Если веревка на шее
быть под горами измене.
Ногами месишь ты глину
получишь стилет острый в спину.
Если в дозоре заснет
сон твой стрелою прервется.
И не скуешь ты крепких оков,
чтоб удержать в них друзей иль врагов!
Если не хочешь уйти в мир теней
первым ударь и, коль сможешь, — убей!
Первым ударь и, коль сможешь, — убей!

— Чего так мрачно? — внимательно выслушав незатейливую песенку карлика, сказал Кли-кли.

— Так и должно быть! — с достоинством сказал Делер. — Это военный марш карликов.

— Под такой марш лучше маршировать к ночному горшку, а не на врага! — презрительно сказал Халлас.

— Тоже мне, знаток боевых маршей! — не остался в долгу Делер. — У

вас, бородатые, и таких-то нет!

— А «Ударь молотом по топору»?

— Ха! — презрительно сказал карлик.

— А «Песня безумных рудокопов»?

— Ха! — Еще более презрительный ответ.

— А как дам мотыгой по башке?

— Это еще что за марш? — удивленно спросил Делер. — Опять твои родичи по пьяни в Стальных шахтах новую песенку сочинили?

— Это не песенка! Это я тебе сейчас как дам мотыгой по башке, чтобы ты больше не вякал!

— Ты-то?

— Угу!

— Руки коротки!

— Я тебе покажу коротки! — взревел гном, потерявший последнее терпение.

Халлас пытался нашарить любимую мотыгу.

— Заткнуться! Живо! — рявкнул Кот. — Беда!

Гном и карлик прекратили спор и изумленно уставились на Кота.

— Да ладно тебе, Кот! — прокашлялся Делер. — Ничего страшного и не будет. Мы уже и помирились. Правда, Халлас?

Халлас поспешно кивнул.

— Да при чем тут вы? — Кот остановил лошадь и неотрывно смотрел на небо.

Тучи еще больше приблизились, слизав четверть небесной лазури. Легкий ветерок донес до нас далекий раскат грома.

— Какая беда? — спросил Горлопан, тоже не отрывая взгляда от горизонта. Тревога следопыта передалась и нам.

— Да заткнись же ты! — раздраженно буркнул Кот, втягивая носом воздух.

Лично я ничего не ощущал. Ну будет дождик, ну намочит нас немножко... Чего так беспокоиться и волноваться?

— А день так хорошо начинался! — расстроено сказал Кли-кли.

— Этим убудочным детям долбанных козлов все же удалось! — прошептал Кот и, всадив пятки в бока лошади, помчался догонять эльфов и Алистана, оставив нас недоумевать в хвосте отряда.

— Это он о ком так выразился? — удивленно смотря на отчаянно жестикулирующего Кота, разговаривающего с Миралиссой, спросил Халлас.

— О тебе! — Делер никогда не упускал возможности подковырнуть

напарника.

— Хватит, Делер! — одернул карлика рассудительный Сурок. — Оставь подколы на потом! Ты, Халлас, кстати, тоже! Видите, что с Котом творится?

— Да уж, — с тревогой покачал головой Фонарщик. — В последний раз я видел Кота таким встревоженным, когда мы вляпались в засаду в Д'сан-доре.

— Может, он ошибается? — с надеждой спросил у воинов Горлопан.

— Ага! Как же! Ни разу не ошибся, а тут, значица, ошибается! — сплюнул Делер.

Чего бы там ни почуял Кот, но лица у Миралиссы и Маркауза были встревоженными. Элл то и дело бросал взгляд на надвигающиеся тучи.

— Что я тебе говорил, Гаррет, — прошептал Кли-кли.

— Что? — машинально спросил я, как и все, стараясь углядеть в тучах то, что заметил Кот.

— Ты чем слушаешь? Я же говорил, что, пока шаманы не наколдуют, они не успокоятся!

— Ты думаешь? — Меня пронзила запоздалая догадка.

— Уразумел наконец!

— Они вызвали грозу? Но зачем?

— А тьма их знает! — устало сказал Кли-кли. — Я ничего не ощущаю. Никакого следа шаманства. Но Кота взбаламутила эта гроза, вот я и подумал: а не наши ли это знакомцы-недрузи позаботились?

— Очень хочу услышать, что ты не прав!

— Ты знаешь, я тоже хочу этого, — сказал шут.

Между тем Кот закончил что-то объяснять Миралиссе. Она посмотрела на Алистана, и тот решительно кивнул.

— Что случилось-то? — Дядька не находил себе места.

— Давай подъедем и спросим, — высказал мудрое решение Арнх.

За время путешествия в нашем отряде сложился некий порядок передвижения. Первыми всегда ехали Алистан и эльфы. Они разговаривали на свои, только им интересные темы и принимали за нас решения в важных для отряда вопросах. Дикие общались в своем кругу, стараясь не вступать в разговоры эльфов и Маркауза. О том, чтобы заговорить с ними в дороге просто так, безо всякой причины, не могло быть и речи. Разве что Угорь вел пространные беседы с Эллом. Нет, воины не чурались и не избегали верхушки нашего отряда, просто они считали, видно исходя из опыта многолетней службы, что каждый должен заниматься своим делом и нечего лезть к командирам по пустякам. Надо будет — позовут. Да и сами Дикие

были разбиты во время дороги на маленькие группки. То ли по интересам, то ли по только им известным симпатиям друг к другу. Но это вполне естественно — во время путешествия очень сложно ехать одной плотной кучей. Медок и Дядька, Угорь, Кот и Арнх, Халлас, Делер, Сурок, я и Кли-кли, Горлопан и Фонарщик. Хотя Кли-кли, единственный из всех, носился на Перышке из головы отряда в хвост и обратно, успевая переговорить со всеми по сто раз на дню.

Мне, собственно, было плевать на эти правила, но так уж сложилось, что, попав в компанию, где кроме Сурка были гном и карлик, с которыми меня накрепко связала ночь во дворце Сталкона, я стал держаться их общества.

Предложению Медка о том, чтобы подъехать и все узнать, не суждено было осуществиться. Миралисса сама подъехала к нам:

— Кот говорит, что надвигающаяся буря имеет искусственное происхождение.

— А попроще? — жалобно попросил Горлопан.

— Чего тут не понять?! — удивился Кот. — Наколдовали эти тучи, дурья твоя башка!

— Шаманы? — спросил Фонарщик и с укоризной посмотрел на Эграссу.

Конечно же Мумр считал, что Эграсса недостаточно поработал луком в том лесу, где слуги Неназываемого пытались колдовать. Будь Мумр на месте эльфа, он бы не упустил возможности пару раз взмахнуть тяжелым биргризенном.

— Может, шаманы, а может, и нет, — пожал плечами Кот. — Но что это магия, могу гарантировать.

— Точно шаманы, некому больше! — вздохнул Кли-кли.

— Ну и как нам спастись от этого? — Маркауз дернул себя за усы.

— Я ничем помочь не смогу. — Миралисса бессильно развела руками. — Тут моего мастерства не хватит. Я даже ничего не ощущаю.

— Это погодное колдовство. Стихия дождя довольно нестабильна, — пробормотал Кот.

— Что ты там шепчешь? Говори нормально! — не выдержал Халлас.

— Нас учили... — Кот на миг запнулся. — Нас учили, что дождевая магия, созданная шаманством, нестабильна. Она существует от силы четыре, ну, может быть, пять часов и сильно зависит не только от мастерства шаманов, но и от природных явлений. Например, ветра.

— Хочешь попробовать уйти из-под туч? — Элл одним из первых понял задумку Кота.

— Угу. Ветер сейчас дует точно на юго-запад, а мы поскачем на юго-восток. Авось и разойдемся с грозой.

— Как же, — хмыкнул Медок. — Ее будто кто-то погоняет! Смотри, как несется!

Я невольно еще раз взглянул на настигающую нас стихию.

— А на что способна эта тучка? — невольно вырвалось у меня.

— Ни на что. — Вместо Кота мне ответил Эграсса.

— Тогда от чего мы собираемся бежать? — опередил меня с вопросом милорд Маркауз.

— От того, что пытается скрыть эта туча, — крайне нехорошим голосом ответила ему Миралисса.

— Можно я, — встрял в разговор Кот, видя, что, кроме Миралиссы и Эграссы, единственных кроме него в отряде разбирающихся в волшебстве, никто ничего не понимает. — Сотвори такую тучу весь совет Ордена, тогда бы это была реальная опасность. Они бы ее нашпиговали молниями, правда, для такой магии понадобилась бы уйма сил и пара недель подготовки. Как боевому заклятию и сотворению тучи с молниями — медяк цена. Если говорить простыми словами, можно наколдовать что-нибудь другое, более эффективное, но гораздо менее дорогое. К тому же тучей невозможно управлять. Ее можно послать в определенном направлении, хоть за Иглы Стужи, но тот же ветер снесет ее за время пути на сотню лиг в сторону. Так вот, это людское волшебство. Что касается шаманства, хоть альфийского, хоть орочьего, тут оно способно только на то, чтобы создать тучу с дождем. И все.

— Короче давай! — Горлопан обеспокоенно глянул на чернеющее небо.

— Это будет обычная туча с дождем, с обычными молниями и громом. Максимум, на что она будет способна, это промочить нас насквозь. Ну, при очень хорошем шаманстве случится буря. Не направленная. То есть она не будет пытаться уничтожить именно нас. Это будет обычная буря, как сотни других до нее. Если кто и пострадает, так только случайно.

— Тебе бы только лекции в Ранненгском университете читать! — буркнул Делер. — Как насчет того, что тучи пытаются что-то скрыть?

— Дождевой фронт с его молниям и громами всегда накрывает любую другую магию, — пояснила Миралисса. — Ни один волшебник на Сиале, будь он хоть трижды Неназываемым, не способен увидеть внутри грозы враждебную магию до той поры, пока волшебство не окажется у волшебника буквально под самым носом. Кот чувствует, что гроза создана шаманством, но не знает, что она может скрывать. В ней шаманы могли

спрятать что-то такое, что не должны увидеть волшебники Ордена. Тучи — великолепная ширма.

— До волшебников отсюда десятки лиг, могли бы и не опасаться, — буркнул Арнх.

— Значит, они прячут что-то такое, что видно за десятки лиг, — не согласился Кли-кли.

Вновь вспышки далеких зарниц и грохотание грома. Теперь намного ближе.

— Хватит болтать! Кот, раз у тебя чутье на эту грозу, значит, тебе нас из этого и вытаскивать! Веди! — Маркауз не собирался дожидаться дождя.

И начались наши безумные пятнашки с грозой. Пустошь так и мелькала под копытами лошадей.

Кот взялся за дело уверенной рукой и задал лошадам темп ничуть не хуже, чем когда мы уносили ноги из Вишек. Гром гремел все ближе и ближе. Ветер усиливался, заставляя высокую траву пригибаться к самой земле. Смолкли музыканты-кузнечики, замерли птицы. Весь мир застыл в ожидании приближающейся грозы, надеясь, что она принесет облегчение и прохладу.

То и дело один из нас оборачивался назад, проверяя, далеко ли мы сможем еще проскакать, прежде чем нас накроет дождем. Я смотрел только вперед, боясь обернуться. Для этого было две причины: при такой бешеной скачке я боялся свалиться с Пчелки, и один раз, оглянувшись назад, я так перепугался, что чуть не заорал. Черноты неба, наступающей нам на пятки, хватило бы на сотню миров. Тучи просто не могут быть такими черными, если только боги по недосмотру не пролили в них добрую бочку чернил.

Даже Угорь побледнел, а это просто небывалая вещь для хладнокровного гарракца.

— Ветер изменился! — крикнул Кли-кли. Капюшон черного плаща он предусмотрительно натянул на голову. — Восточный! Фронт сносит в сторону!

Я заставил себя обернуться. Теперь, как ни старайся гроза, в ее сердце мы уже не попадем, оно сместилось далеко восточнее нас. Но край волшебной бури заденет отряд, это точно. И пускай он будет не так силен, как мы того ожидали, но, что дождь будет знатный, ни у кого не возникало сомнений.

Темные тучи надвинулись, заслонив собой жаркое светило. Поднявшийся яростный ветер бросал гроздь песка, метя мне в лицо, и пришлось набросить капюшон плаща, сшитого из эльфийского дрокра, на голову.

Другим было еще хуже, чем мне. Делер щурил слезящиеся глаза и беспрерывно ругался до тех пор, пока ему в рот не попал песок. Ветер трепал бороду Халласа и гривы лошадей. У Мумра сорвало с головы шляпу, но он даже не остановился, чтобы отобрать у ветра новую игрушку. Ветер тысячью демонов завывал в ушах, и тучи, словно стадо взбесившихся коров, надвигались на нас угрюмой стеной. Непрекращающиеся алмазные гирлянды молний, сливающиеся в зарницы, то и дело сверкали по всему горизонту, освещая потемневшую, а оттого еще более мрачную пустошь. Ветер, словно сошедший с ума пастух, гнал беременные дождем тучи на нас. Дождь еще не начался, но скоро, очень скоро за грохотаньем грома и сверканием молний тугие струи дождя устремятся к замершей в нетерпеливом ожидании земле.

Сверкнуло, и ветер донес до нас сердитое рокотание грома как будто это шумел суровый морской прибой, с нескончаемым упорством пытаясь уничтожить прибрежные скалы в вечной и бессмысленной борьбе тысячелетий, которая продолжится даже тогда, когда исчезнет с Сиалы последний человек.

Сверкнуло.

— Ща-ас кэ-эк грохнет! — крикнул шут.

Грохнуло знатно. Небеса раскололись от рева богов, лошади испуганно заржали.

— Вперед! — где-то впереди, пытаясь преодолеть шум ветра, крикнул Кот.

Но ветер стихал, он уже не завывал яростно, не пытался засорить нам глаза, мы вновь могли нормально видеть и не бояться ослепнуть в самый неподходящий момент. Приближающиеся валы туч подкрались, яростный свирепый ветер магии исчез, на смену ему пришел обычный ветер. Он гнал и гнал толстые и неуклюжие тучи глубоко в пустошь.

Вот одна низкая туча, клубясь и неохотно направляясь на наш отряд, огрызнулась пастуху-ветру молнией, а затем гроыхнула на него злым ударом грома.

Туча злилась на ветер, но тот, усмехаясь, подтолкнул ее еще сильнее, и вновь сверкнула молния. Я зажмурился — такой ослепительной и неожиданной была эта вспышка. А затем небеса раскололись. Так звучали залпы пушек гномов на поле Сорна. Так древние и забытые всеми герои огров в гневе раскалывали небо топорами.

Сочный звучный удар грома диким жеребцом пронесся по небу, и у меня на миг заложило уши. Гром раздался прямо над нами и перепугал лошадей.

Я еле удержался на Пчелке, конь Горлопана встал на дыбы, едва не сбросив с себя седока. Делеру не повезло: он шлепнулся на землю, и если бы не Сурок, проворно схвативший лошадь карлика за ухо, перепуганная животное сбежала бы. Делер одарил «тупую скотину, недостойную возить карлика на своем трижды проклятом горбу», жуткой бранью и вскарабкался обратно в седло. Нам всем пришлось приложить невероятные усилия, чтобы успокоить испуганных животных.

Первая тяжелая капля дождя, не удержавшись в животе тучи, сорвалась с черного неба и упала вниз. Она ударилась о нос Кли-кли и разбилась, как разбиваются дорогие хрустальные фужеры, на тысячу мелких и сияющих стеклышек. За первой дождевой каплей упала вторая. За второй — третья. Капли небесной воды барабанили по плащу и жадно раскрывшейся, потянувшейся к дождю земле.

— Вперед! — Кот не собирался останавливаться и пустил лошадь в галоп.

Отряд, растянувшись цепью, последовал за Котом.

Дождь накрыл нас влажными крыльями, и редкие капли сменились ревушим водопадом, низвергнувшимся с небес. В мгновение ока все, кто не надел эльфийские плащи, вымокли до нитки. Дождь тарабанил по капюшону, отдаваясь в ушах тихим шелестом.

— Чтоб я спал на иглах, если мы не запомним этот ливень надолго! — сказал Халлас.

Борода у гнома походила на намокшую старую мочалку. Да и сам Халлас был мокрее мокрого.

С его утверждением я был согласен на все сто. Давно я не попадал под такой дождь.

Гроза с громом, молниями, водопадами и другими атрибутами, положенными приличной и уважающей себя грозе, сместилась восточнее. Теперь гром рокотал в отдалении, уже не угрожая нам.

Но дождь никуда не делся. Но по сравнению с тем ливнем, что обрушился на нас в первые минуты грозы, этот дождь был маленьким мальчонкой. И все же согласитесь — не очень приятно ехать под дождем, пускай и не сильным, целых четыре часа.

Все небо затянуло сплошной пеленой угрюмых облаков, льющих воду на землю из нескончаемых небесных кладовых. Ни одного голубого просвета, ни одного солнечного лучика. Над Харьгановой пустошью разлилась мрачная осенняя атмосфера. Земля пропиталась дождем, и невесть откуда, поглотив траву, под копытами лошадей появилась жирная грязь.

Погода была серой, мерзкой, унылой и холодной, особенно для тех, кто уже успел привыкнуть к постоянной жаре.

Отчего-то хуже всех пришлось Халласу. Вымокший до нитки, он стучал зубами и дрожал от холода. Клацанье его зубов было слышно за десять метров. На предложение Миралиссы надеть плащ упрямый гном ответил отказом.

— Мы еще пос-смотрим, кто из нас проч-ч-нее! — Вот и все, что сказал Халлас, косясь на падающие с неба капли.

— Ты смотри, заболеешь, я с тобой носиться не буду! — пробурчал Делер из-под плаща. — Никаких лекарств на ложечке не жди!

— От-т тебя-то? — хмыкнул Халлас. — От т-тебя я никаких лекарств пр-ринимать не буду. З-знаю я вашу с-сволочную пород-ду! Нас-сыпешь какого-нибудь яд-да, а я потом хрипи, синей и заг-гибайс-ся! Такого удовольствия я т-тебе не доставлю!

— Больно ты мне такой мокрый нужен! — пробурчал Делер.

Халлас фыркнул и больше ничего не сказал, продолжая упрямо играть с дождем, кто кого пересидит. Отряд уже не неся сломя голову по полям пустоши, лошади перешли на быстрый шаг.

Часа через три начнет темнеть, так что скоро придется нам останавливаться на ночлег.

— Ну ког-гда же он кончитс-ся?! — взмолился наконец не вытерпевший гном.

Губы у Халласа посинели, а зубы уже отбивали отчетливую дробь, соревнуясь по издаваемому звуку с боевыми барабанами орков. Скажу честно: услышь этот звук барабаны, они бы попросту лопнули от зависти.

— Дождь кончится не раньше чем к завтрашнему утру, — сказал Медок, бросив взгляд на серое небо.

— К утру?! — простонал Халлас.

— Угу. И никак не раньше.

— Слушай, Халлас. — К нам подъехал Угорь. — А ты пока объяви дождю перемирие.

— Перемирие? — крайне подозрительно сказал Халлас, чувствуя какой-то свинский подвох в этом предложении.

— А что? Продолжишь войну с ним попозже.

— А разве т-так можно? — с сомнением спросил гном.

— Почему нет? — Фонарщик, ехавший рядом со мной, пожал плечами. — Войны иногда прерываются перемирием.

— Только не в-войны гномов! — запальчиво ответил Халлас.

— Считай, что у тебя кончился порох и перемирие необходимо, —

нашелся Угорь.

Гном обстоятельно подумал, выжал намокшую бороду и, состроив рожу, будто он делал наиглубочайшее одолжение всему миру, сказал:

— Ну ладно. Давайте ваш плащ, что ли?

Делер уже открыл рот, чтобы высказаться о нестойкости гномов, идущих на уступки в боях, но поймал предупреждающий взгляд Угря и промолчал. Халлас укутался в плащ.

К вечеру дождь усилился, он уже полностью пропитал землю, и теперь луга превратились в огромные лужи. Копыта лошадей чавкали в этом маленьком болоте, и животные стали уставать, хотя продвигались мы довольно медленно. Только через две лиги травяные луга пустоши остались позади, и лошади вынесли нас на некое подобие дороги.

— Это остатки старой дороги. Той самой, что вела из Ранненга в Авендум, — будто услышав мои мысли, произнес из-под капюшона Кликли.

— Удивительно, как она сохранилась, — пробормотал Сурок. — Почти пятьсот лет минуло, а она лишь травой поросла.

— Нич-чего удивительного, — пробурчал Халлас. — Ее г-гно-мы строили.

— Да ладно тебе, Счастливчик, заливать! — отмахнулся Фонарщик.

— И нич-чего я не заливаю. Наша это работ-та. Я нюхом чую. Делер, подт-тверди.

— Ваша, ваша, — миролюбиво согласился карлик. — Ты бы лучше помолчал да погрелся. У тебя зуб на зуб не попадает.

— Ч-чей-то ты о моем здоровье так з-заботишься?

— Так помрешь, мне тебе могилу рыть.

Халлас поплотней закутался в плащ и ничего не сказал.

Несмотря на дождь, с земли стал подниматься туман. Точнее, не туман, а легкая, пока еще прозрачная белесая дымка. Она стелилась над землей, просачиваясь между травинок, окутывала копыта лошадей. Но как только появлялся ветер, дымка рассеивалась и на время отступала.

К нам, придерживав коня, подъехал Маркауз:

— Эй, Кот! Ты уверен насчет неприятностей? Ничего не напутал?

— И то верно, — поддержал Алистана Горлопан. — Гроза давно прошла, мы вот уже четвертый час мокнем под дождем, а никаких громов с небес так и не случилось.

— Ну и слава Сагре, чтоб ничего еще сто лет не случилось, — прокряхтел Дядька.

— Да не мог я напутать. — Кот наконец-то смог вставить слово. —

Сам не могу понять, что происходит. Раньше чувствовал, а теперь ничего. Пусто. Я уже начинаю думать, что почудилось.

Кот имел самый что ни на есть смущенный вид.

— А Миралисса и Эграсса ничего не чувствуют? — осторожно поинтересовался Мумр у Алистана.

— Нет. У них тоже пусто.

— Значит, пронесло, — с облегчением вздохнул Горлопан.

— Не надо радужных надежд, — построил кислую физиономию Кли-кли. — Пронесет, пронесет, а потом кэ-эк вдарит!

— Чего ты каркаешь, чудо зеленое? — зло одернул гоблина Медок. — Надо говорить, что пронесет, и не думать о плохом.

— Я, конечно, оптимист, но путешествие с Гарретом вносит в мой характер пессимистические зернышки.

Кли-кли бросил в мою сторону многозначительный взгляд. Я ответил ему тем же, пообещав устроить гоблину чудесную жизнь, если он не заткнется. Шут только хихикнул.

Гоблинское зрение раз в десять острее человеческого. То, что мне казалось серой тенью, проступающей сквозь дождь и дымку, для Кли-кли было чем-то уж очень неожиданным. Он удивленно вскрикнул, гикнул, ударил Перышко пятками и стал нагонять эльфов.

Под копытами лошадей в траве, проросшей на заброшенной дороге, иногда что-то шуршало и скрипело, как будто лошади наступали на снежный наст. Я свесился с седла, но кроме травы ничего увидеть не смог. Под копыто Пчелки попал обломок какой-то палки. Лошадь наступила на обломок, и я услышал тот самый заинтересовавший меня звук. Еще десяток метров — и очередная палка. Теперь я смог хорошо рассмотреть ее. Черная, чернее и'альяльской ивы, неровная и бугристая. Это была отнюдь не палка, а осколок человеческой берцовой кости.

Я похолодел. Лошади шли по костям. Мы топтали останки неизвестных мертвецов.

Конечно, костей было не так уж и много, но то тут, то там слышался хруст и скрип.

— Чтобы мне целовать сковородку! — выругался Фонарщик. — Да тут битва была.

Вернулся Кли-кли, и видок у него был мрачнее, чем та туча, что гналась за нами поутру.

— Еще какая битва, друг Фонарщик. Битва отряда Харьгана.

— Быть того не может, — не согласился Сурок. — За пятьсот лет кости глубоко уйдут в землю, да они совсем исчезнут, а не будут лежать на

поверхности, словно со времени битвы прошло не больше двух лет.

— Не нравится мне здесь, — протянул Горлопан.

— Кости хрупкие, как низинский фарфор, — пробормотал Кли-кли. — А насчет того, что это не останки со времен той битвы, ты не прав, Сурок. Впереди овраг, о котором я вам рассказывал.

Но мы уже и без рассказов гоблина могли увидеть возникшую перед нами преграду. Овраг. Почти такой же, каким я видел его во сне. Только в реальной жизни он казался еще больше, угрюмее и страшнее. Весь заросший высокой, достигающей груди травой, с громко журчащим, располневшим от дождя ручьем, он воистину был непреодолимой преградой для осаждающих во время штурма.

Противоположный берег возвышался перед нами на целых пятнадцать метров. Легкая дымка в жерле оврага обрела очертания, загустела и почти скрыла дно. Вот только стены оврага были уже не такими отвесными и обрывистыми. За пять столетий вода, снег и растения расширили овраг на несколько десятков метров, сгладив его стены.

Я и не заметил, что все молчат. Никто не произносил ни слова. Мы просто смотрели сквозь усиливающийся дождь на ту сторону, туда, где триста человек несколько столетий назад сдерживали атаки орков.

Первым тишину нарушил Фонарщик:

— Ну и как мы переберемся на ту сторону?

— Очень просто. Вначале спустимся, а затем поднимемся.

Вот уж не замечал раньше в Маркаузе иронии.

— Боюсь, лошадки не поднимутся, милорд Алистан, — крикнул Дядька.

— Да не бойсь, десятник! — Делера никакие склоны не смущали. — Подтолкнем если что!

— Идти нужно, пока не стемнело. Или завтра, — Миралисса сбросила с головы капюшон, подставив волосы под дождь.

— Лучше сейчас. Вперед! — Алистан первым направил лошадь к спуску в овраг.

Я последовал примеру Арнха и Фонарщика и слез с лошади. Еще не хватало грохнуться во время спуска. Травы здесь было на всю Харьганову пустошь. От терпкого запаха калькиных усиков и дикого пустоцвета горчило в горле.

Трава оплетала ноги, замедляла спуск, и один раз я чуть было не попал под копыта собственной лошади. Как и на лугах, под травой обнаружилась грязь, и копыта животных стали скользить. Мы спускались вниз медленно и осторожно. Звон ручья приближался, но его до сих пор не было видно из-

за зарослей травы.

Сходящие со склонов оврага дожди и снег смывали останки людей и орков вниз, на дно, и теперь ручей звонко журчал, преодолевая гигантскую запруду из черных веток-костей различной величины и формы. Ожиревший от дождя, мутный и грязный, ручей журчал, пробираясь между ребер, берцовых, плечевых костей, позвонков и наполовину развалившихся черепов.

— Мать вашу! — выругался Медок, обозрев огромные залежи костей.

— Понятное дело, почему такую дорогу забросили. Кому охота пробираться через этот могильник, — тихо сказал Сурок.

— Где старые кости, там и гхолы. — Фонарщик положил руку на рукоять биргризена.

— Кости слишком старые, к тому же хрупкие. Слышишь, как хрустят под копытами? Никаких гголов здесь уже давно нету.

— Неприятно, — пробормотал Кот.

— Чего? — Фонарщик тянул за уздечку лошадь, никак не желавшую переходить через ручей.

— Я говорю, неприятно вот так вот лежать. Не погребенным. Чтобы твои кости остались не в земле, а под ветрами столетий.

— Что-то ты о смерти стал думать, смотри, как бы Сагра не услышала, — попытался пошутить Фонарщик.

Шутки не вышло. Кот лишь хмыкнул и скрылся вместе с лошадью в высокой траве на той стороне ручья.

Я перепрыгнул через ручей, раздавив пару костей, и потянул за собой Пчелку.

— Одни покойники! Ходить по костям воинов... Кот прав, от этого места веет смертью и чем-то неправильным. — Арнх отбросил в сторону травинку, которую мусолил в зубах битый час.

— Да кто тебе сказал, что кости человеческие? — Элл, как и другие эльфы, так и не спешился. — Вот, смотри.

Эльф спрыгнул с лошади, покопался рукой в грязи и бросил что-то черное в руки Арнха. Тот на лету поймал предмет и принялся вертеть в руках, а затем безразлично выбросил в ручей. Я успел заметить, что это была нижняя челюсть с неестественно большими и длинными зубами. Точнее, с длинными клыками. Прямо как у Эллы или любого другого эльфа. Или орка.

— Орки? — Арнх заинтересованно посмотрел на к'лиссанга Миралиссы.

— А кто же еще? — Золотистые глаза эльфа сверкнули. — Кости

людей тоже встречаются, но по сравнению с орочьими их мизер. Орков хорошо посекали.

— Да, им несладко пришлось, — крикнул Фонарщик.

— Тут не только стрелы были. — Кот вернулся назад уже без лошади и стал помогать Фонарщику подгонять его упрямую клячу. — Здесь еще и магия поработала. Стены оврага оплавлены. Кто-то устроил в овраге жаровню.

Мне сразу вспомнилась волшебница из сна и горящий по ее воле туман в овраге.

Подъем оказался трудным. Горлопан поскользнулся и упал в грязь, обдав овраг отборными матюгами. Лошадей пришлось втаскивать чуть ли не на себе, и это при постоянном дожде. Когда наконец отряд выбрался наверх, все чуть ли не попадали от усталости на траву. Лично я был жутко мокрым не столько от дождя, сколько от пота.

— Фу! — Арнх тяжело дышал. — Ну и подъемчик! Будь моя воля, я бы прикончил ослов, недостойных называться лошадьми, на половине подъема.

— Побывал бы ты у нас в горах, еще не так бы запел! — хмыкнул Делер.

Пока все отдыхали, я осматривал окрестности. Дорога на противоположной стороне оврага лежала передо мной как на ладони, и, если бы не дождь с туманом, думаю, отсюда открывался бы потрясающий вид.

Я попытался поискать остатки стены старых укреплений и земляного вала, но, естественно, за пятьсот лет от них не осталось ничего, кроме памяти. Кости павших просуществовали намного дольше. Я поискал глазами останки тех, кто встречал стрелами орков, и ничего не увидел. Совсем ничего. То ли кости смыло в овраг, то ли земля была к ним более благосклонна, чем к штурмующим овраг врагам.

— Эй, Танцующий в тенях! — Ко мне подошел Кли-кли. — Маркауз решил, что мы заночуем прямо здесь.

— Я, кажется, просил меня так не называть, — зарычал я на гоблина, но маленький засранец даже глазом не моргнул.

Да и смотрел он не на меня, а на дорогу, по которой мы совсем недавно ехали.

— Гаррет, — очень проникновенным и веским голосом сказал Кли-кли. — Как говаривает Горлопан, мы в полной заднице. Или еще дальше.

Сказав эту фразу, Кли-кли бросился назад. Наши уже разбивали лагерь на ночлег. Гоблин орал, как будто великаны отдавили его любимые

колокольчики на колпаке.

Я бросился вдогонку за шутом, опасаясь, что он ненароком сошел с ума. Этих гоблинов очень сложно понять, особенно когда они находятся в таком панически-приподнятом настроении.

Заслышав крики Кли-кли, в лагере все перестали работать и уставились на подбегающего гоблина. По крайней мере, на лицах Алистана и Эграссы отразилась та же самая мысль, что возникла у меня, — гоблин наконец-то соизволил сойти с ума.

Кли-кли подбежал к воинам и стал исполнять нечто похожее на безумный танец обкурившейся красавки блохи. При этом королевский шут не переставая орал о том, что Кот был прав, и про тучу.

Когда я добрался до гоблина, Кли-кли все еще танцевал и орал, а остальные изумленно на него смотрели.

— Гаррет! — Кли-кли обратился ко мне. — Ты-то меня хоть послушай! Туча!

— Какая туча, дружище? — как можно более вкрадчивым голосом, а именно так разговаривают с психами, спросил я.

— Раскрой zenки! Да не на меня смотри, идиот! На небо!

С больными на голову спорить себе дороже, и поэтому под пристальным взглядом гоблина я стал смотреть на дождевые тучи. Некоторые из отряда последовали моему примеру. Ни они, ни я ничего не видели.

Те же самые, что и час назад, серые, сплошные тучи изрыгали на землю дождь.

— М-м-м... По мне, они все одинаковы.

— Вот она! — Вместо Кли-кли мне ответил Кот и ткнул пальцем куда-то вдаль.

В ответ на горизонте полыхнула молния, и сразу же одна из туч на миг осветилась багровым огнем.

Кто-то тихонько ойкнул.

— Я же говорил, что никогда не ошибаюсь, — с какой-то горечью произнес Кот.

То, что скрывала гроза, сотворенная сторонниками Неназываемого, наконец-то добралось до нас, пусть ему и потребовалось на это слишком много времени.

— Спаси нас Сагра!

— Что это за дрянь, Кот?

— Всем заткнуться! — рявкнул Маркауз, перекрыв вопли и вопросы остальных. — Кот, ты что-нибудь можешь с этим сделать?

— Нет.

— Леди Миралисса, Эграсса?

— Мы попробуем.

Миралисса и Эграсса принялись рисовать на размокшей земле помесь осьминога и звезды с сотней лучей-щупалец. Миралисса скороговоркой шептала слова. Контуры фигуры на земле стали пульсировать желтым огнем.

Я очень, просто очень надеялся, что шаманство эльфов нам поможет. Элл стоял впереди колдующих, почти возле самого обрыва оврага, держа наизготовку лук, хотя не думаю, что стрелы будут эффективны против магии. Остальные, включая и меня, столпились позади эльфов и наблюдали за приближающейся опасностью.

А туча спешила к нам на всех парах. Где-то внутри нее, в самой середине, разгоралось багровое пламя, причудливо освещающее соседние тучи. Туча клубилась и клочкотала. Она двигалась против встречного ветра с одной-единственной целью — догнать нас.

Миралисса перестала шептать и начала петь на орочьем языке. Каждое слово, казалось, звенящим колокольцем повисало в воздухе, вибрировало и гудело, отдаваясь мерцающим светом в желтой фигуре, нарисованной на земле.

— Это что еще за твари? — выдохнул Горлопан.

Он был белее мела, но уверен, что моя физиономия в эту минуту была

не намного лучше.

Из облака вынырнуло крылатое существо. Одно, другое, третье.

И вот их уже десяток, длинных, ширококрылых созданий, замелькавших в кольце хоровода. Они парили под брюхом приближающейся тучи, то скрываясь в ней, то снова возникая. Их полет был плавным и завораживающим, но сейчас я не спешил восторгаться грацией этих созданий.

— Что это, заморозь мои потроха ледяной червь? — прошептал Медок, с отчаянием сжимая в руках бесполезный огролом.

— Не знаю! — Кот не отрывал от существ глаз.

Они были небольшие, едва ли в половину человеческого роста, с длинными шеями, изящными крыльями, чем-то похожими на крылья бабочек, и багровыми. Это мне не понравилось больше всего.

— С'алай'яга х'тар агр т'хханг! — выкрикнула последние слова заклятия Миралисса.

Из рисунка на земле выплеснулось нечто желтое и со скоростью гномьего ядра устремилось в сторону багрового облака. Что бы это ни было, но за время пути оно успело вырасти и стать размером с небольшой дом.

Желтое встретилось с багровым и ворвалось в тело тучи. Она вздрогнула, будто была живым существом, отпрянула, внутри нее взорвалась ослепительная вспышка багрового огня. И все. Больше никаких изменений не произошло.

Туча съела то, что послали в ее сторону Миралисса и Эграсса.

Магический багрянец с кружащимися в хороводе тварями завис над нашими головами, а затем хоровод распался. Существа атаковали.

Из десяти багровых летунов шесть прошли высоко над нашими головами, а четверо упали на нас. Упали стремительно и настолько быстро, что мы едва-едва смогли среагировать.

Щелкнула тетива, Элл отправил стрелу в первую тварь и попал. Но стрела, пройдя сквозь летуна, исчезла, не причинив врагу никакого вреда.

Элл едва успел отпрыгнуть с пути атакующего летуна, его спасла только природная ловкость всех эльфов. Существо, едва не задев брюхом траву, издало разочарованный крик, пронеслось мимо нас и вновь стало набирать высоту, присоединяясь к кружащей под облаком шестерке.

— Не зевай!

Делер упал на землю и дернул за ноги размахивающего мотыгой Халласа. Тот издал протестующий вопль, грохнулся в лужу, и вторая тварь вжикнула у него над головой, а затем повторила путь своей

предшественницы, устремившись в небо.

Два других существа нападали синхронно. Они одновременно снизились и пошли на нас, на ходу выбирая себе жертву. Все бросились врассыпную, но существа уже успели наметить себе цели. Первым был Кот, замерший возле самого обрыва, а вторым оказался я.

Щелк! Время в песочных часах богов замерло, почти остановилось. Я видел, как ме-е-едленно летело на меня багровое создание. Теперь можно было рассмотреть его лицо. Да-да, именно лицо, а не морду. Обычное человеческое лицо, которое могло бы принадлежать мужчине лет тридцати. Только вот это лицо было похоже на маску.

Твари приближались. Нам что-то кричала Миралисса, но я не слушал, мой взор приковал полет надвигающейся смерти. Отчего-то я понимал, что после встречи с этим меня ждет даже не Сагра, не свет или тьма, а полное, всепоглощающее ничто, из которого уже не будет возврата.

Кот медленно взмахивает рукой, из его пальцев вылетает одинокая голубая искорка. Отчаянная попытка задействовать что-то из арсенала, который волшебник-недоучка берег именно вот на такой день. Искра ударяется летящему на Кота существу в лицо, разрывая кожу и мясо, обнажая череп, но тварь даже не замечает боли, если она вообще умеет чувствовать боль, и с торжествующим воплем врывается в Кота. Миг, и она облачком багрового тумана, пройдя сквозь его тело, устремляется вверх, к облаку, а Кот с абсолютно бескровным лицом начинает очень медленно заваливаться на бок.

— Га-а-ар-рет! — Крик шута доносится до меня сквозь кисель времени, и я перевожу взгляд на вторую тварь.

«Вот и все!» — Дурацкая мыслишка проскальзывает в голове.

Я понимаю, что слишком засмотрелся на Кота. Существо приближается ко мне быстро, очень быстро, я не успею сойти с пути его полета. До него уже не больше четырех метров.

— Я помогу, — прошептал в голове до боли знакомый голос.

И боль пришла. Нутро обожгло огнем, боль адская, нереальная, во мне что-то зарождается, кипит, булькает. И это что-то вырывается из меня и бесшумно врывается в тварь, одновременно отбрасывая меня с траектории ее полета.

Вопль муки и ужаса. Крылатый распадается под заклятием, как туман под действием урагана.

Земля несется мне навстречу.

Щелк! Время вновь набирает обороты.

Удар при падении выбил из легких почти весь воздух. Мне оставалось

только таращить глаза от боли и натужно хрипеть, стараясь восстановить дыхание. Чьи-то руки подхватили меня с двух сторон под локти, приподняли и попытались поставить, но ноги отчего-то были слишком мягкими, будто я перепил молодого вина. Медок выругался и вместе с Горлопаном принялся оттаскивать меня подальше от обрыва.

— Вальдер! Сукин ты сын! — вслух прохрипел я. — Ты же обещал оставить меня в покое!

Естественно, мне никто не ответил. Волшебник затаился, и я его совсем не ощущал. Когда стало жарко, он вынырнул из глубин моего «я» и спас мне шкуру.

— С кем это он? — опасливо спросил Горлопан. — Ты уверен, что тварь его не коснулась?

— Уверен!

Между тем девять оставшихся существ кружили над нами с явным намерением продолжить атаку. Скорость хоровода все увеличивалась, твари слились в один нечеткий, размытый круг. Круг лопнул, как лопается мыльный пузырь, и создания стали падать на нас.

— Й-ее! — Горлопан отпустил меня и выхватил меч.

Я потерял опору и свалился на землю. Сагот, почему у меня такая слабость?

По всей длине берега оврага воздух заколебался, и перед нашими глазами стали появляться тени. Они были едва заметны, но можно было различить в них силуэты людей. Каждая тень держала в руке огромный лук. Тени становились все темнее и темнее.

— Ты это видишь? — прошептал потрясенный Медок.

Я не ответил и только кивнул.

А багровые твари в это время все падали и падали на нас с облака. В настоящем времени прошло не более двух секунд, нам же они показались часом.

По захлебывающемуся от дождя оврагу прогремел голос:

— По врагу! Прицельно! Поправка полпальца правее цели! Залп, кур-рвы!

Серые тени стрел устремились в небо и встретились с падающей на нас смертью. Вопль боли — и багровые летуны растворились в воздухе. Багровая туча издала стон.

— Залп!

Когда-то давным-давно, наверное, в прошлой жизни, а может, во сне, я уже слышал этот голос.

Не было слышно щелчков тетивы и полета стрел. Лишь дождь шуршал

по земле, да беспрерывно стонала туча. Веер призрачных стрел, как личинки наездника, вгрызлись в брюхо тучи, оставив после себя огромные рваные дыры.

Вопль, раздавшийся спустя несколько секунд, не поддается описанию. Я зажал уши руками, молясь Саготу не потерять слух навечно. Думаю, крик багровой тучи был слышен даже в Джашле.

Призраки выстрелили в третий раз, и туча ярко вспыхнула, на миг осветив окрестности.

Так за две минуты я ослаб, оглох, а теперь и ослеп. Не оставалось ничего другого, как свернуться клубочком и попытаться вынырнуть из этого страшного кошмара...

Когда я пришел в себя, все уже кончилось. Не было больше багровых туч на небе, исчезли призраки, будто они мне приснились, да и дождь кончился. Облака пропали, вновь уступив место безоблачному голубому небу.

Солнце светило мне прямо в глаза, но прежней удушающей жары я не ощущал. Была самая обычная, теплая летняя погода, какой она и должна быть в середине июля.

Скосив глаза вниз, я увидел, что лежу на одеяле, а сверху чья-то заботливая рука укрыла меня еще одним.

Я попробовал пошевелить вначале одной рукой, затем другой, потом пришел черед дернуть ногами. Вроде живой.

— С пробуждением, — раздался надо мной голос, а затем в поле зрения появилась бородатая и улыбающаяся физиономия Дядьки. — Очнулся? Мы уж думали петь по тебе Прощение.

Я попытался сесть. Мне это удалось без всякого труда, значит, после сотворенного Вальдером волшебства я вновь пришел в норму. Я еще раз попробовал мысленно позвать архимага, променявшего Закрытую территорию на проживание в моей голове. Как всегда, безрезультатно. Архимаг то ли затаился и не хотел отвечать, то ли попросту пропал.

— Сколько я провалялся? — В тот день, когда на нас напали багровые летуны, был вечер, а сейчас, если за время моей отключки боги не успели поменять правила, было раннее утро.

— Немного, — подошел Алистан.

— Сколько немного? — не сдавался я.

— Чуть больше суток.

Не слабо.

— Как ты себя чувствуешь? — Миралисса пришла вместе с Кли-кли и положила мне руку на лоб.

— Да вроде я в порядке. Что произошло?

— Это мы у тебя должны спросить, — сказал Алистан. — Что произошло на обрыве, вор?

— Не знаю. — Я нахмурился. — Не помню.

— А ты постарайся, Гаррет. — Голос Маркауза приобрел вкрадчивость, он даже забыл назвать меня вором. — Это очень важно.

Сказать, что у меня в голове поселился умерший несколько сотен лет назад архимаг, — значит прослыть умалишенным или стать объектом интереса для всего Ордена. Но и ничего не сказать нельзя.

Весь отряд смотрел на меня с ожиданием.

— Вначале на нас летели эти твари, потом Кот что-то сделал, но это не помогло. Потом я увидел, как ко мне приближается одна из них, и что-то случилось.

— Что-то? — Миралисса удивленно приподняла бровь. — Ты и вправду не знаешь, что случилось?

— И вправду, — нисколько не покривив душой, сказал я.

Я действительно не знал, что сделал архимаг, чтобы убить летуна и отбросить меня с его дороги.

— Кто-то за сотую долю секунды сотворил атакующее заклятие такой мощи, что я думала, у меня волосы вспыхнут! На такое способен, по крайней мере, очень опытный архимаг.

— Ну уж точно это сделал не я.

— Естественно, — холодно сказал Алистан. — Но нам интересно, кто? Я пожал плечами.

— А призраки? Кто, то есть что они были такое? — спросил Горлопан.

— Я же тебе уже говорил, — всплеснул руками Кли-кли. — Это призраки тех, чьи кости лежат на этой стороне оврага. Воины отряда Песых Ласточек вернулись в наш мир, когда почуяли творящееся шаманство.

— Может, ты и прав, Кли-кли. — Миралисса не спускала с меня задумчивого взгляда.

Думаю, она прекрасно знала, что я ей не все рассказываю, но давить на меня сейчас эльфийка не стала.

— То, что создали шаманы Неназываемого (если только это их работа, в чем я очень сомневаюсь — слишком уж сложна для них такая магия), могло разбудить души павших.

— А что с той тучей? — спросил я.

— Исчезла.

— А с Котом?

Все стали отводить взгляды.

— Он умер, Гаррет, — наконец ответил мне Дядька.

— Что случилось? — Я отчего-то все еще не мог поверить в смерть следопыта отряда.

— То существо, чем бы оно ни являлось, прошло сквозь него и убило. Не спрашивай меня, кто были эти твари и как одна из них смогла убить Кота. Я просто не знаю. — Миралисса покачала головой.

— Ты в состоянии сесть в седло, вор? — спросил Алистан, поднимаясь на ноги.

— Да.

— Вот и чудесно, мы и так потеряли один день, а нам нужно еще выбраться на тракт. Дядька, все готово?

— Все готово, — кивнул десятник Диких.

— Вставай, Гаррет, надо отправить Кота в последний путь.

Кота похоронили, когда я еще не пришел в себя. Он нашел свой последний приют под молодой рябинкой с серебристой корой, раскинувшей ветви над большим могильным камнем. На камне кто-то вывел: «Кот. Брат Диких Сердец. ? — 1123 Э. С.».

— Прощай, брат, — сказал Дядька за всех.

— Спи спокойно. — Миралисса, шепча, провела над могилой рукой.

Кли-кли часто моргал, стараясь сдержать слезы. Арнх бессильно сжимал и разжимал кулаки. Делер и Халлас сейчас казались братьями — оба угрюмые и хмурые.

А затем Фонарщик затянул песнь-Прощение. Песнь, которую поют Дикие над могилами и телами своих братьев, не важно, пали они в бою или умерли от старости. Песнь странную и даже неподходящую для воинов. Ведь как воины могут прощать своих врагов?

Но этой песне было столько же лет, сколько Диким Сердцам и Одинокому Великану, и она звучала в такие далекие и седые столетия, что сейчас уже и неизвестно, кто и с чего стал ее петь, отправляя воинов в последний путь. И я, и Кли-кли, и Алистан, и Миралисса с эльфами слушали эту странную, нелепую для воинов, но в то же время горько-щемящую и завораживающую песнь, которую спустя один куплет подхватили все Дикие:

Мне лучше лежать,
Ведь все-таки я — мертвец,
И греет гнилью холодный склеп,

Ржавчиной пахнет доспех.
Снаружи веют другие ветра,
Не помнят они моих,
И мертвое знамя лежит на мне,
Словно без смеха — смех.
Улыбкой скалюсь — приди, мой враг!
Ты видишь, теперь я мертв,
Бояться нечего, былъ такова,
Что ты пережил нас всех.
Я был последним, кто шел за тобой,
Забыв про сладость сна,
Жизнь прошла мимо, любовь прошла...
Отметим же твой успех!
Умей прощать, говорили мне,
Иначе не жить — а ждать,
И месть — это, в общем-то, тоже грех.
Как пить? Как любить? Как лгать?!
Мой склеп надежен, словно тюрьма,
Кладке износа нет,
Дубовых столбов поминальный ряд
Держит гранитный верх.
Лет вереница, червей приплод.
Что лучше считать? Как знать...
Скрипнула дверь. Да чтоб я истлел!
Меня пришли поминать.
Камень рычит, в знамя — молотом свет,
Мой враг? Почему мне не встать?!
Не дрогнули плечи, и рук — как нет...
...На грудь мне легли цветы.
Прости, сказал он мне,
Прости и — спокойно спать!
Я — тот, кто сумел пережить вас всех,
Теперь я умею прощать.
Хорошо, мой враг, ответил я,
Хорошо, да — я буду спать.
Как одуряюще пахнут цветы...
Спасибо. Пора умирать.
Осколки чести и павшим знак,
И склепа могильный вздох,

Прогнили столбы, мой любимый враг!
Выдержишь тяжесть плиты?!
Нам лучше лежать,
Ведь все-таки мы — мертвецы,
И греет гнилью холодный склеп,
Ржавчиной пахнут цветы.

Песня давно смолкла, и лишь стрекот кузнечиков нарушал тишину этого утра. Никто не произнес ни слова, боясь первым нарушить скорбное молчание.

Отряд потерял товарища. Но последнего ли? Неизвестно, кто или что ожидает нас впереди. Еще слишком многое мы должны преодолеть, чтобы добраться до лесов Заграбы, скрывающих могильники Храд Спайна.

— Все. — Голос у Дядьки был как наждачная бумага. — Пора.

— Удачной зимы, Кот.

Кли-кли отвернулся, стараясь скрыть слезы. На душе было горько. Вместе с болью утраты у людей закипал яростный гнев. Если бы те, кто сотворил ту тучу, сейчас находились рядом с нами, то, клянусь всеми богами Сиалы, их попросту разорвали бы на куски.

Почти весь день отряд проехал без разговоров. Прекратились ссоры Халласа и Делера, не было слышно вечных песенок и дудки Фонарщика, Кли-кли забыл про шутки и иногда шмыгал носом, глаза у него заметно покраснели. Суток хмурился и небрежными движениями поглаживал Непобедимого, изваянием застывшего на плече воина.

Я ехал отдельно от всех, сразу позади Дядьки и Медка. Настроение

было паршивое, и разговаривать ни с кем не хотелось. Лишь однажды мое уединение было нарушено подъехавшим Алистаном.

Он как-то незаметно возник справа от меня, и мы вместе проехали несколько лиг. Я не возражал против его молчаливой компании и даже немного удивился, когда он первым нарушил тишину:

— Ты знаешь, Гаррет, Кот лежит в хорошем месте.

— Да? — Это все, что я мог выдать, удивившись его словам.

— Рядом с могилой героев. Хорошее соседство.

— Для него — да, — помолчав, ответил я. — Но кто о нем вспомнит через десять лет? Могила в пустоши. Сюда доберется, дай бог, один пастух в десятилетие.

— Ты не прав, вор. Его будут помнить в отряде. — Дядька услышал наш разговор. — Возле склонов гор Отчаяния, недалеко от Одинокого Великана есть кладбище. Там покоятся все воины отряда, не важно, есть ли их тела в могилах или они навеки остались в снежной тундре. Кота будут помнить.

За весь оставшийся день мы больше не обмолвились ни словом.

Казалось, с пролившимся на землю дождем отступила эта невыносимая жара. Следующие дни мы путешествовали по пустоши при относительно теплой и очень приятной погоде. Луга с сочной зеленой травой и непроходимыми зарослями кустарника остались позади, и пустошь сменилась сосновым редколесьем.

Настроение в отряде постепенно восстанавливалось. Смерть Кота не забылась, просто насущные проблемы отодвинули ее на задний план.

То тут, то там стали возникать разговоры. Делер вновь поцапался с Халласом из-за того, что они никак не могли прийти к единому мнению, росли ли на полянке, где мы остановились прошлой ночью, ядовитые поганки или это были всего лишь грибы-бурышки. Фонарщик извлек из кармана дудку, наигрывая незамысловатую мелодию. Кли-кли, по доброте душевной, устроил Эллу утренний подъем при помощи шляпы Делера, в которую была налита вода. За этакое самоуправство гоблин чуть было не схлопотал на орехи от Эллы и Делера.

Несколько раз за время путешествия я ловил на себе задумчивый взгляд Миралиссы, но она ничего у меня спрашивала, видно дожидаясь, когда мы останемся наедине, поэтому в последние дни я старательно избегал ее общества. Сам не знаю почему, но о Вальдере и его помощи я никому не хотел рассказывать.

День сменялся днем, и я уже думал, что никогда не увижу тракта, к которому все так стремились. На восьмой день нашего пути, когда июль

уже давно перевалил за середину, Кли-кли издал вопль радости и ткнул пальцем на показавшуюся между деревьев дорогу. Мы наконец-то выбрались с Харьгановой пустоши на тракт.

В тот же день, ближе к вечеру, на совете отряда, стихийно вспыхнувшем возле горящего в ночи костра, было решено в Ранненг не заезжать.

Никто, кроме Горлопана, у которого в городе, как оказалось, жили дальние родственники, заезжать в Ранненг не стремился. Горлопан недовольно сопел, но возражать против решения большинства не стал.

— Где справедливость? Ответ — ее нет.

Вот и все, что он сказал по поводу нашего решения.

Но боги так распорядились, что нам суждено было оказаться в Ранненге. На следующее утро после нашего голосования у Халласа разболелся зуб. Уж не знаю, какая хворь напала на гнома — то ли он простудился под дождем, то ли просто сработал закон всемирного свинства, — но Халлас шипел от боли и ругался с Делером.

На предложение выбить гному больной зуб Фонарщик получил крайне злобный взгляд, обещающий ему все муки гномьих пыток. Оставался единственный выход — везти больного к цирюльнику. А ближайший цирюльник находился как раз в Ранненге.

Маркауз, скрежеща зубами от досады и проклиная весь упрямый гномий род, предпочитающий не носить плаща под дождем, но ходить с большими зубами, повел отряд к Ранненгу.

Чем сильнее болел зуб у Халласа, тем невыносимее становился его характер. За день до нашего приезда в город даже Делер плюнул на напарника и перестал с ним разговаривать. Халлас болезненным взглядом обшаривал отряд в надежде с кем-нибудь поругаться, но все делали вид, что не замечают этих взглядов, и поэтому гном становился еще злее.

— Эк его раздуло, — тихонько сказал мне Кли-кли, косясь на шипящего от боли и держащегося за щеку Халласа.

— Цирюльник избавит его от мучений.

— Если Делер раньше не избавит его от головы, — хихикнул гoblin и тут же заработал злющий взгляд Халласа.

— У, как смотрит!

— А ты не обращай на него внимания, — хмыкнул я.

Халлас готов был убить всех, включая и себя, лишь бы прекратить зубную боль.

Тут только я заметил, что вертит в руках гoblin.

— Откуда это у тебя, Кли-кли? — спросил я, когда ко мне вернулась

способность разговаривать.

— Ты о чем? — не понял шут, а затем проследил за моим взглядом и понимающе сказал: — А! Ты об этой безделушке? Ты просто не поверишь! Когда ты лежал в отключке, мы стали искать место для могилы Кота, да прибудет он в вечном свете. Так я отошел немного дальше всех и нашел его.

— Прямо так и нашел? Как гриб?

— Почему как гриб? — удивился Кли-кли. — Грибы они, Гаррет, как? Грибы под деревцами, березками там или осинками прячутся, а эта штучка лежала на камешке, покрытом мхом. На нем даже было что-то написано, но я ничего разобрать не смог.

— И ты взял? — спросил я.

— А почему нет? — Гоблин пожал плечами. — Сам же видишь, штучка хорошая, красивая. Чего же добру пропадать? Я ее продать смогу.

— Не продавай ее, Кли-кли, — вкрадчиво сказал я.

— Ты думаешь? — Кли-кли еще раз окинул находку любовным взглядом, а затем, застегнув цепочку на шее, спрятал амулет в виде серебристой капельки под плащ. — Вот и Миралисса мне сказала то же самое. Вы сговорились, что ли?

— Да нет, просто поверь мне. Может, он спасет когда-нибудь нам жизни.

Кли-кли серьезно посмотрел на меня.

— Ты полон загадок, Танцующий в тенях.

— Все мы полны загадок и тайн, Кли-кли. И я, и Миралисса, и ты. Ведь так?

— Ага! Значит, ты уже не возражаешь, что я тебя называю Танцующим в тенях?

— А мои возражения что-то значат? Тебя не переучишь, Кли-кли. Называй меня как хочешь, я теперь в любом случае всеми силами попытаюсь добыть Рог.

— Ну вот и еще одно из пророчеств шамана Тре-тре сбылось, — торжественно сказал гоблин. — Танцующий в тенях принял новое имя и решил идти до конца.

— Ты опять со своей дурацкой книжонкой! — вспыхнул я. — А если не я, а кто-нибудь другой примет имя Танцующий в тенях? То пророчество тоже можно считать, что сбылось?

— Не-а.

— Это почему?

— Ты мне найди идиота, что согласится, чтобы его называли таким

дурацким именем, — ехидно сказал Кли-кли.

Эх, жаль, маленький стервец увернулся от моих рук!

Ранним утром двадцать восьмого июля, когда Дикие уже сговорились скрутить Халласа и общими усилиями вырвать зуб у неугомонного гнома, из утренней дымки перед нами выросли стены города.

Отряд прибыл в Ранненг.

Июль 2001 — апрель 2002 г.

Алексей Пехов
Джанга с тенями

Предисловие

Автор выражает глубочайшую признательность Аномалии — за ловлю маленьких зеленых гоблинов и Сергею Бондаренко — за уроки Длинного меча.

Автор

Кости Судьбы упали, показав единицы, и это значит, что отряд влип в очередную историю, а отдуваться за всех придется вору. Или герою? Или просто человеку, который оказался не в том месте и не в то время? Нет, ну вы подумайте сами, как можно назвать того, кто оказался между слугами Хозяина и Неназываемого, залез в гадючье гнездо за ключом от Створок эльфийских могильников, пересек Иселину, Пограничное королевство и добрался до лесов Заграбы? А также каким-то чудом избежал клинка, стрелы и еще множества неприятных для здоровья "сюрпризов". Так как его прикажете называть? Правильно, по меньшей мере, дураком и самоубийцей, раз он влез в грызню за Рог Радуги.

И теперь, когда отступить уже поздно, тени сгущаются, окружают отряд и уже неясно, где друг, а где враг, где та неуловимая грань между ответом и тайной, жизнью и смертью. Ведь не многим известно, что джанга с тенями не всегда ведет правильной дорогой...

Глава 1

Ранненг

Жители южного Валиостра, ни разу не бывавшие на севере страны и не видевшие Авендума, склонны считать Ранненг очень большим городом. Ранненг действительно город немаленький, но все же размерами он сильно уступает Авендуму.

Кто не знает, Ранненг — бывшая столица королевства, утратившая это почетное звание в период Войны Весны, когда произошло вторжение орочьей армады из Заграбских лесов. Это самый старый город Валиостра. Камень, послуживший основой фундамента для первого здания города, заложили в такие далекие и седые времена, что о них теперь не вспомнят даже лучшие историки королевства.

За полторы тысячи лет своего существования Ранненг пережил сотню

властителей, несколько десятков поколений жителей, шесть больших пожаров, начисто стиравших город с лица земли, несколько переворотов, бунтов и эпидемий.

Почти уничтоженный орками и заново отстроенный после войны, Ранненг воистину считается самым красивым городом королевства. Старинная архитектура, многочисленные храмы богов, множество парков, широкие улицы, фонтаны чуть ли не через каждые сто метров — все это привлекает в город многочисленных путешественников, зевак и торговцев.

В Ранненге в самом начале правления династии Сталконов по высочайшему указу тогдашнего короля был основан Университет наук, в который приезжают учиться чуть ли не со всех северных королевств. Напротив достопочтенного Университета находится большой парк, и если пройти через маленький лес, разросшийся в городской черте, в Верхний район города, то упруешься в огромные бронзовые ворота школы Ордена магов. Из этой школы начинают путь все маги королевства, и именно здесь будущим волшебникам закладывают основы основ, и только после пяти лет обучения в Ранненге они отправляются в школу Авендума для дальнейшего совершенствования магического искусства. Из-за школы магов и старого Университета город называют Городом Знаний.

Ранненг раскинулся на пяти холмах, находящихся как раз на пересечении главных южных торговых путей королевства, так что лучше места для закладки города было просто не найти. Ранненг красив, даже прекрасен — недаром его воспевают поэты, — но у него есть один существенный недостаток: он намного ближе к лесам Заграбы, чем Авендум а, следовательно, оркам, появившись у них вновь нездоровое желание повоевать, намного проще добраться сюда, а не к Холодному морю. Поэтому-то пятьсот лет назад Ранненг перестал быть столицей. Орки научили людей осторожности и отучили рисковать, как в Войну Весны, сердцем королевства. Что ни говори, а династия Сталконов не собиралась дважды наступать на одни и те же грабли, поэтому король со всем двором перебрался на север, в Авендум, подальше от страны лесов и возможных опасностей. А где у нас король, там у нас что? Правильно, где у нас король, там у нас и столица.

Ну да ладно! На этом позвольте свой краткий историко-географический экскурс закончить, благо мы наконец-то добрались до городских ворот.

Наш отряд въезжал в Ранненг поздним утром, в то время, когда народ из деревень, городов и других стран направляется к городским воротам, чтобы купить, продать, украсть, получить работу, пойти учиться, посетить

родственников, слышать сплетни, или попросту от нечего делать поглазеть на красоты города. Давка у ворот была такая, что попасть в Ранненг я надеялся не раньше чем после обеда.

Гвалт в толпе стоял неописуемый. Сотни людей разговаривали, орали, кричали и спорили, с пеной у рта доказывая свое право первыми пробиться к воротам. Возле телеги, груженной репой, вспыхнула драка за спорное место в очереди. Стража Ранненга попыталась навести порядок, но только сделала еще хуже — безнадежная попытка успокоить мутузивших друг друга деревенщин к успеху не привела, а все нездоровое внимание толпы оказалось сосредоточено на нерасторопных стражниках. Назревала потасовка, и в воздухе ощутимо запахло жгучим гарракским перцем. Немногочисленные стражники сами были не рады, что вмешались в драку деревенских детинушек.

— Что за ерунда? — раздраженно бросил тип с унылым лицом, отзывающийся на имечко Горлопан. — Сколько себя помню, у Северных ворот никогда не было такой давки! Все всегда прут через ворота Триумфа. Ополоумел народец, что ли?

— И чего мы через эти ворота поперлись? — зло прошипел Халлас, держась рукой за щеку.

Что может быть хуже хмурого, сварливого и злого на весь белый свет гнома? Только хмурый, сварливый, злой на весь белый свет гном, да к тому же еще и с больным зубом.

— Да они ближе всех к тракту! — попытался оправдаться Горлопан.

— Ближе они, — хмуро сказал Халлас, теребя косички в своей бороде. — А то, что сейчас кто-то загнется от зубной боли, об этом дурья твоя башка не подумала?!

— Хватит, Халлас, — вступился за Горлопана Делер. — Ты терпел целые сутки, потерпи еще часок.

— Так это не он терпел, это мы его терпели, — не согласился с карликом пухленький Сурок, и его тонкие губы дрогнули в едва заметном подобии улыбки.

Тут я был склонен поддержать Сурка. С того времени как у гнома заболел зуб, он стал просто невыносим и довел до кипения не только Делера, но и обычно всегда спокойного флегматика Фонарщика. Только каким-то чудом видно, провидение богов, не иначе, — отряд не скрутил Халласа на дороге и не выбил ему проклятуций зуб.

— Помолчи, Сурок! — От боли Халлас не мог даже спорить. — Вот когда у тебя зуб заболит...

— А у него не заболит, он, в отличие от гнома, на плечах которого

пустая тыква, невесть каким умником названная башкой, в дождь плащ надевает! Давай я тебе этот зуб вырву! Делов-то на пару минут! — громыхнул Делер.

Гном нехорошо посмотрел на широкоплечего безбородого карлика с явным намерением дать ему в нос. Драке воспрепятствовал Горлопан, как бы невзначай поставивший свою лошадь между карликом и гномом.

— Чего так медленно-то? — простонал Халлас, наблюдая, как стража пропускает в ворота телегу, доверху заставленную деревянными клетками с курами.

— Так каждого же осмотреть надо, пошлину взять, узнать, зачем в город приехал, — пискнул Кли-кли.

— Небывалое для стражи рвение, — хмыкнул я. — С чего бы это?

— А кто их, стражников, знает, — пожал плечами маленький зеленый гoblin и обратился к гному: — Ты не волнуйся, Халлас, к обеду мы в город попадем.

— Может, попробуем въехать через другие ворота, милорд Алистан. — нерешительно спросил Медок, покосившись на главу нашего отряда.

Милорд Алистан несколько секунд обдумывал предложение самого большого и сильного воина нашего отряда, а затем задал встречный вопрос:

— Сколько ехать до других ворот, Горлопан?

— За часок доберемся, — лениво протянул Горлопан, щурясь на солнце.

Лицо у Халласа стало бордовым, и я начал опасаться, что его хватит удар.

— За часок?! — зарычал он. — До обеда?! Я столько не вытерплю! — Гном решительно направил лошадь к воротам.

— Куда это он? — ошалело спросил Горлопан, но Алистан ударил пятками в бока своего огромного коня, и нам не оставалось ничего другого, как следовать за ним и гномом.

Публика, собравшаяся возле ворот, с интересом глазела на нас, а затем, сообразив, что мы лезем без соблюдения очереди, начала угрожающе роптать.

— Побьют! Клянусь Сагрой, побьют, — пробурчал Сурок, ехавший рядом со мной.

Гном бесцеремонно раздвигал лошадью возмущающуюся толпу и орал, как заправский сапожник, требуя, чтобы ему освободили дорогу.

— Сто-ой, гном! Сто-о-ой! — Перед Халласом возник стражник с алебардой. — Куда прешь? Не видишь очередь?!

Халлас было открыл рот, чтобы высказать стражнику все, что он

думает о нем и его родственниках вплоть до седьмого колена, но Миралисса, каким-то чудом оказавшаяся рядом с Халласом, оттеснила гнома в сторону.

И правильно. В таком мрачном состоянии духа гном способен впутать нас в любую неприятность, из которой выпутываться придется с помощью полновесного золота. А если золото разбрасывать направо и налево из-за любого гномьего каприза, то его просто не напасешься (золота, а не гнома).

— Доброе утро, почтенный! Почему сегодня такая очередь у ворот? Что-то произошло? — улыбнулась пепельноволосая эльфийка.

Стражник сразу же сбавил тон и даже попытался поправить мундир. Как учат нас мамочки с самого раннего детства, с эльфами, будь они хоть темными, хоть светлыми, надо вести себя как можно вежливее, если, конечно, не хочешь получить кинжалом под ребра в тот момент, когда расе лесных жителей покажется, что их ненароком оскорбили.

— Какое же оно доброе, миледи?! Видите, что у нас творится? Каждого проверь, проверь и еще раз проверь! Времена-то какие. В мире творится тьма знает что! Помяните мое слово: это все козни Неназываемого!

— Что тут у вас произошло, почтенный?

— А вы будто не знаете? — Стражник удивленно посмотрел на эльфийку. Об этом же на каждом перекрестке кумушки с утра до вечера талдычат!

— Мы по дороге пропустили все перекрестки, — вежливо улыбнулась Миралисса, блеснув клыками.

— Дык говорят, что несколько недель назад на дворец короля напал Неназываемый!

— Так уж и Неназываемый? — недоверчиво хмыкнул Дядька и усмехнулся в густую седую бороду.

— Угу, как есть Неназываемый! А еще пять тысяч его прислужников! Если бы не гвардия и Алистан Маркауз — убили бы короля!

— Так уж пять тысяч? — опять недоверчиво хмыкнул Дядька и почесал плешивую голову.

— Народец говорит, что пять, — немного смутился разговорчивый стражник, похоже только сейчас начинавший понимать, что пять тысяч число довольно большое.

На самом деле на дворец Сталкона напало не пять тысяч, а всего лишь человек триста, и, естественно, без всякого Неназываемого. Шаманов пара штук была, а вот Неназываемого я что-то в ту ночь не разглядел. Будь во дворце маг, познавший тайну бессмертия Кронк-а-Мора, никого бы из нас

уже не было в живых.

— Ну-ну, — хохотнул Дядька, присутствовавший, как и все мы, во дворце той памятной ночью, когда сторонники Неназываемого решили попробовать на зуб королевскую гвардию.

— А очередь-то у ворот тут при чем?! Нападение ведь было в Авендуме, а ворота-то в Ранненге?! — не выдержал Халлас.

— Король, да просидит он на троне еще сотню лет, отдал приказ об усилении бдительности! Вот мы и бдим!

— Да если мимо них протопает армия орков, они ее и не заметят, тихонько прошептал мне на ухо Кли-кли.

Гоблин был прав, потому как весьма сомнительно, что обычный стражник сможет распознать в проходящем мимо него человеке сторонника Неназываемого. Сочувствующие главному врагу Валиостра изменники до поры до времени ничем не отличаются от других мирных обывателей.

— Это хорошо, что вы так добросовестно несете службу! Королевству должно быть спокойнее, когда в его городах такая стража, — сказала Миралисса.

Халлас хотел презрительно фыркнуть, выразив свое отношение к доблестной страже, но получил от Делера кулаком в бок и, поперхнувшись, заткнулся, при этом чуть не выронив изо рта трубку.

Толпа за нашими спинами зашумела еще сильнее:

— Что такое?! Почему задержка?!

От ворот к нам шел хмурый воин с нашивками капрала. К милой беседе сегодня он был явно не расположен.

— Да погоди ты, Мис, — невзирая на звание отмахнулся от капрала говорливый страж. — Видишь, леди эльфийка новостями интересуется!

Капрал споткнулся, разглядев наш пестрый отряд. Зеленый голубоглазый гоблин, три темных эльфа, хмурый рыцарь. Девять воинов, один из которых вроде бы гном злобного вида, а другой вроде бы карлик в нелепой шляпе-котелке. Плюс худой тип с явно воровской рожей. Не каждый день встретишь в городе такую компанию.

— А-а... — протянул капрал, подбирая слова. — Ну раз так... Не будем вас задерживать. — Еще одна улыбка Миралиссы.

— Так мы можем проехать?

Улыбка эльфа способна ввести неподготовленного человека в долгий ступор, особенно если он раньше не видел эльфийских клыков, двумя белесыми клинками торчащих из-под нижней губы.

— К-конечно, можете проезжать. — Капрал махнул рукой в сторону ворот, чтобы стражники нас пропустили. — Но помните, оружие в черте

города имеет право носить только городская стража и эльфы!

— А дворяне и солдаты? — молчавший все это время Угорь изумленно вскинул бровь.

— Кинжалы и ножи допустимого размера — это единственное исключение.

— Но мы на службе у короля! Мы не наемный отряд!

— Простите, закон один для всех, — безжалостно отрезал капрал

Слышал я об этом законе, он появился лет триста тому назад. Потасовки в Ранненге в то время вспыхивали со скоростью лесных пожаров. Времечко было беспокойное, три дворянских дома грызлись за власть, и когда в бучу, оторвавшись от важных государственных дел, все же вмешался король, трупов на улице было поболее, чем на поле Сорна после битвы гномов и карликов. Половина графов, баронов, маркизов и прочей мелочи, в жилах которой текла дворянская кровь, полегло на улицах города. Но другая половина — вот жалость — осталась, и до сегодняшнего времени Кабаны, Обуры, Соловьи и их сторонники точили зуб друг на друга. Так что те, кто теперь таскает с собой по городу железки с руку величиной или, не дай Сагот, арбалет, рискуют нарваться на очень большой штраф и пару деньков отдыха в неуютной тюремной камере. Последнее обстоятельство являлось великолепным отрезвляющим средством для господ дворян. Побывав в местах сырых и унылых до невозможности, милорды на какое-то время становились тихими и кроткими, как ягнята.

— Но как же так... — начал было протестовать Фонарщик, который сразу же всей душой воспротивился такому закону.

Мумр нигде не расставался со своим огромным биргризенем, а тут выходило, что в Ранненге Мастеру длинного меча придется запрятать страшную железку куда подальше и обходиться коротким ножичком.

— А я ведь даже не спрашиваю вас, по какому делу вы приехали в наш город и какому дому будете здесь служить. — Стражник многозначительно посмотрел на нас.

— Мы не собираемся поступать на службу к дворянским домам, — отрезал милорд Алистан.

— Мне все равно, милорд рыцарь. — Капрал примиряюще поднял обе руки. Не служите, так не служите. Ваше право. Вот только первая мысль, которая приходит в голову, когда видишь новый вооруженный отряд в городе, что кто-то из домов нанял себе на службу еще нескольких рубак.

— В городе опять беспокойно? — спросила Миралисса, перекидывая толстую пепельную косу через плечо.

— Есть немного, — кивнул стражник. — Соловьи с Кабанами совсем

недавно устроили потасовку в Верхнем городе. Двух баронов распороли от шеи до пупка. М-м-м... Прошу прощения, если смутил, леди эльфийка.

— Ничего страшного и спасибо за ответы, любезный. Так мы можем проехать?

— Да, миледи. Вот вам бумага, она поможет избежать вопросов патрулей. — Капрал достал из деревянного футляра, висевшего у него на бедре, свернутую грамоту и лротянул эльфийке. — Здесь говорится, что вы только что прибыли в наш славный город и не успели убрать оружие. Добро пожаловать в Ранненг!

— Вот вам. За службу. — Эграсса, свесившись с лошади, сунул капралу в ладонь монету.

— Благодарс-с-с... — стражник не договорил. Он увидел, какую монету вручил ему эльф, и застыл, как статуя в королевском парке.

Не каждый день капралу выпадает подержать в руке полновесный золотой. Чую, что сегодня в караулке будет праздник и ни один стражник к полуночи не сможет устоять на ногах.

Оставив позади себя изумленную и несказанно обрадованную щедростью темного эльфа стражу, отряд проехал ворота и очутился в Ранненге.

* * *

Как только мы оказались внутри городских стен, Халлас ринулся вперед, но его тут же остановил грозный окрик Маркауза:

— Куда?!

— Зуб выдирать, милорд Алистан! Сил нету терпеть! — застонал гном.

— Вначале в трактир, оставишь там оружие, а уж потом иди к цирюльнику! — приказал гному Дядька.

Халлас нахмурился, мучительно соображая: почему он не может пойти к цирюльнику вместе с любимой боевой мотыгой? Думаю, глупым людским законам, не позволявшим таскать оружие в черте города, гном не придал никакого значения.

— Штраф за тебя платить кто будет? Я, что ли? — пояснил гному Делер.

Только карлик в доступной и простой манере способен объяснить

родственнику-гному, где тот может потерять золотые.

— А сколько штраф-то? — мучительно морщась, спросил Халлас.

— Шесть золотых, — ответил за Делера Горлопан.

— У-у, — протянул гном, с тоской разглядывая проходящий мимо нас отряд стражи.

— Ну ты можешь, конечно, идти к цирюльнику, а мотыгу отдать мне, — с совершенно невинным видом, предложил Халласу Делер и подмигнул ухмыляющемуся Кли-кли.

Это решило дело.

— Чтобы гном доверил оружие карлику?! Не бывать этому! Где ваш проклятый тьмой трактир?!

Гном стукнул пятками лошадку и пристроился сразу за Маркаузом и Миралиссой, ненавязчиво пытаясь хоть немного поторопить командиров отряда.

С улочки, начинающейся у городских ворот, мы свернули на широкую улицу, ведущую в самое сердце города. Трактир, в который вела нас Миралисса, находился на одном из холмов Ранненга, и пока мы до него добирались, я вовсю крутил головою, изучая улицы.

На улочке, начинающейся у памятника защитникам Ранненга, погибшим в Войну Весны, нас остановила стража, но, увидев бумагу, выданную капралом, разочарованно отстала.

— Во! Видал? — обернулся к Халласу Сурок. — Где бы ты оказался, если бы тебя сцапали с мотыгой и без такой бумаги?

— Да я бы их всех, если что! — запальчиво возразил гном.

— А потом они тебя за бороду, — не согласился Делер.

Халлас свирепо глянул на напарника и усиленно запыхтел трубкой, ставя в памяти зарубку: припомнить когда-нибудь Делеру его выпад в сторону главной гордости любого порядочного гнома — его бороды.

— Ладно, — неожиданно крикнул Горлопан. — Мне родственников надо проведать, встретимся в трактире!

— А у нее подружки нет? — хитро ухмыльнулся Арнх. Горлопан бросил удивленный взгляд на высокого воина и переспросил:

— У кого нет подружки?

— Кто о чем, — обреченно вздохнул Сурок. — Вы бы лучше не о бабах думали, а о том, что нам делать дальше!

— Мышку корми! — в один голос ответили на реплику Сурка Горлопан и Арнх.

— Да кормлю, кормлю, — вяло отбилась от обоих Суток и пересадил линга с одного плеча на другое.

— Ты хоть найти-то нас потом сможешь, Горлопан? — Арнх отбросил шутки в сторону и теперь говорил совершенно серьезно.

— Обижаешь! Я вырос в Ранненге, каждую улочку тут знаю. Неужели "Ученую сову" не найду?

— Ну смотри! — Уроженец Пограничного королевства хмыкнул. — Только Дядьке скажи, чтобы он потом тебе шею не намылил.

— Уже давно сказал. Свидимся!

— Подружке привет! — крикнул Арнх, но Горлопан уже смешался с толпой, оставив свою лошадь на попечение недовольного таким неожиданным подарком Фонарщика.

Мы ехали по одной из центральных улиц города, — вот уж не знаю, как она называлась, — но народу на ней было, как гхолов на заброшенном кладбище.

— Праздник у них, что ли, какой-то? — пробурчал Фонарщик, обозревая толпу не самым дружелюбным взглядом.

— А то! — ответил всезнайка Кли-кли. — Неделя экзаменов в Университете. Весь город гуляет.

— Угораздило же нас, — тоскливо сказал я. — Терпеть не могу толпу!

— Я думал, что ты вор, — протянул гоблин.

— Ну вор, — ответил я ему, немного не понимая, куда клонит королевский шут.

— Я думал, воры любят толпу.

— Это еще почему я должен любить давку?

— Я думал, что в давке кошельки воровать сподручнее, — пожал плечами Кли-кли.

— Не мой уровень, — фыркнул я. — Я кошельками, дражайший дурак, не промышляю.

— Угу, ты промышляешь Заказами, — хихикнул мерзкий гаденьш. — Ты знаешь, Гаррет-баррет, по мне уж лучше таскать кошельки с медяками из карманов простофиль, чем получить твой теперешний Заказ.

— Иди Халласа доставай, — зарычал я на гоблина.

Кли-кли ткнул меня в больное место. В последний Заказ, Заказ короля, я вляпался под звуки боевых фанфар. Самое гадкое в этой истории то, что выбор у меня был небольшой. Либо уютная камера в Серых камнях, а затем топор палача, либо королевский Заказ. Я, немного подумав, выбрал последнее, хотя спустя некоторое время с начала нашего путешествия из Авендума к лесам Заграбы начал жалеть и размышлять: правильный ли выбор я сделал? Уж лучше быстрая смерть под топором или пожизненное заключение в сырой камере, чем поджидающая нас в могильниках Храд

Спайна тьма и неизвестно какие прелести. Призрачных надежд и золотистых иллюзий на счет успешности нашей миссии я не питал. Залезть в сердце орочьей Заграбы, проникнуть в Костяные дворцы, спуститься на восьмой ярус могильников, найти тьмой проклятый Рог Радуги, без которого, видите ли, королевство отбросит копыта, да еще и вернуться назад! Это попросту не-воз-мо-жно! Не понимаю, на что рассчитывал король, посылая наш немногочисленный отряд в такое путешествие? Или он надеялся, что удача на нашей стороне и мы проберемся там, где споткнулись две предыдущие экспедиции?

— Гаррет! — Фонарщик оторвал меня от раздумий. — Что это ты загрустил?

— Это его обычное состояние духа, — бесцеремонно влез в разговор королевский шут. — Наш Танцующий в тенях в последнее время слишком мрачен и угрюм.

— Зато кто-то у нас весел и счастлив, — буркнул я. — Как бы ты не накаркал чего не надо.

— Каркает у нас Горлопан, — не согласился со мной Кли-кли. — Я же говорю только то, что есть на самом деле.

— А еще цитируешь предсказания объевшихся мухоморами шаманов гоблинов, — ответил я шуту. — Все их пророчества про Танцующего в тенях не стоят тухлого яйца воробья!

— Поздно отбрыкиваться! Ты сам принял имя "Танцующий в тенях", прямо как в пророчестве! Книга Брук-грук ни разу не врала! — запальчиво начал Кли-кли, но, поняв, что я всего лишь дразню его, обиженно умолк.

У Кли-кли одно слабое место — обожаемая им Книга Пророчеств гоблинов, которую он знает от корки до корки. И какая тьма меня дернула согласиться, чтобы гоблин называл меня Танцующим в тенях? Теперь, видите ли, я не вор Гаррет, а ходячее пророчество, которому суждено спасти королевство и весь мир. Ага. Как же! Будь моя воля, я бы его не спасал, а грабил.

— Ты лучше скажи, Кли-кли, — встрял в разговор Арнх, — есть в твоей книжонке, написанной шаманом Трю-трю...

— Тре-тре, а не Трю-трю, неуч! — возмущенно перебил лысого воина гоблин.

— Написанной шаманом Тре-тре, — как ни в чем не бывало продолжил Арнх, но гоблин его снова перебил:

— Великим шаманом Тре-тре!

— Хорошо. Написанной великим шаманом Тре-тре. Так есть там хоть что-нибудь, кроме твоих обожаемых пророчеств?

— Например? — Кажется, уроженцу Пограничного королевства удалось сбить гоблина с толку.

— Ну, например, как лечить больные зубы у гномов?

Халлас, вновь поравнявшийся с нашей группкой, услышал разговор Арнха и Кли-кли и наострил уши, хотя постарался сделать вид, что ему это совсем не интересно.

Кли-кли заметил прислушивающегося к разговору Халласа и улыбнулся улыбочкой "сейчас что-то будет". Эта улыбка возникала на физиономии гоблина, когда он совал кому-то в сапог колючку или устраивал другую не менее неприятную пакость.

Шут выдержал такую театральную паузу, что Халлас от нетерпения стал ерзать в седле, а затем, когда гном уже был готов вскипеть от злости, Кли-кли изрек:

— Есть.

— И что же это такое? — спросил я, отчаянно дергая уздечку и пытаюсь направить Пчелку так, чтобы она больше не шла между Кли-кли и Халласом.

Гоблин как пить дать затевал какую-то гадость, и я не собирался находиться на пути полета тяжелых предметов, когда бородатый гном решит пустить кровь королевскому шуту.

— О! — загадочным голосом изрек Кли-кли, довольно ухмыляясь. — Это очень действенная штука. Ее в принципе можно было использовать в самом начале болезни Халласа, и зуб сразу бы прошел! Клянусь шляпой великого шамана Тре-тре, если это не так, Гаррет!

— Так чего же ты молчишь, душегуб! — Гном взревел так, что переполошил половину улицы.

Дядька обернулся и грозно показал нам кулак, затем ткнул пальцем в сторону Алистана и провел ребром ладони себе по горлу.

— Заканчивай балаган, Кли-кли, — беззлобно сказал Сурок гоблину. Люди смотрят.

— Все, больше ни словечка, — клятвенно пообещал гоблин, жестами показывая, будто закрывает рот на замок.

— Как ни словечка? — возмутился гном. — Делер, скажи, этому зеленому, что, если он не даст мне лекарство, я за себя не ручаюсь!

— Он правду говорит, Кли-кли, — хмыкнул карлик. — Гномы — это такое шелудивое племя, они маму родную из-за больного зуба прибьют, не то что какого-то королевского шута.

— Я не какой-то! Я единственный королевский шут! — с нескрываемой гордостью произнес гоблин, как будто эта должность могла

спасти его от рук скорого на расправу гнома.

— Это гномы шелудивое племя? — Халлас враз забыл о гоблине и обратил все свое внимание на Делера. — Да вы, карлики, только и делаете, что жируете в горах, которые принадлежат нам по праву!

— Заканчивай балаган, Делер, — опять повторил Сурок.

— А я что? — Делер пожал плечами. — Я ничего. Я вообще молчу! Это Халлас чего-то взъелся!

— Вот и молчи! Я сейчас не с тобой разговариваю, морда в шляпе! — отрезал гном. — Ну, Кли-кли, какое средство?

Кли-кли перевел голубые глазищи на гнома и с крайне сомневающимся видом произнес: — Не уверен, что гоблинский способ лечения зубов тебе понравится, Халлас.

— Ты можешь просто сказать, Кли-кли?! Без всякого там "не уверен"?

— Ты все равно им не воспользуешься, — продолжал ломаться Кли-кли. — А мне зря придется раскрыть страшную гоблинскую тайну лечения зубов.

— Я обещаю, что воспользуюсь твоим способом прямо сейчас! — Гном из последних сил сдерживался, чтобы не открутить Кли-кли голову.

По зеленой физиономии Кли-кли от уха до уха растянулась улыбка, и гoblin сразу же стал походить на жутко довольную лягушку.

Я еще отчаяннее заработал уздечкой, придерживая Пчелку, пока не очутился рядом с Фонарщиком, оставив Кли-кли и Халласа впереди себя. Мой гениальный маневр не остался незамеченным, и Сурок, Делер и Арнх в точности его повторили. Халлас и Кли-кли остались наедине, потому как желающих очутиться между молотом и наковальней среди нас не было.

— Учти, ты обещал воспользоваться способом гоблинов! — напомнил гному Кли-кли. — Так вот, чтобы вылечить больной зуб, надо взять стакан ослиной мочи и часок подержать ее во рту, а затем выплюнуть через левое плечо, желательно в правый глаз лучшему другу. Зубную боль как рукой снимет!

Ожидаемого взрыва не последовало. Халлас лишь зло посмотрел на гоблина, смачно харкнул под копыта его коня и послал лошадь вперед. По моему, Кли-кли немного расстроился. Он, как и все, ожидал от гнома громов и молний, которые обычно в большом количестве появляются во время споров Халласа и Делера.

— Скажи мне, друг Кли-кли, — спросил я у приунывшего гоблина, — а сам-то ты этот способ пробовал?

Шут посмотрел на меня как на умалишенного:

— Я похож на идиота, Гаррет?

Я так и знал, что услышу от него что-то в этом роде.

* * *

— Трепещи, Гаррет, — сказал Медок.

— Трепещу, — ответил я, не спуская глаз с фонтана Королей.

А на фонтан стоило посмотреть! Раньше я много слышал о нем, но увидеть это чудо довелось впервые.

Огромный водяной столб пятидесяти метров в высоту считался одной из достопримечательностей Ранненга. Фонтан занимал целую площадь, и его ревущие струи устремлялись высоко в небо, а затем падали вниз, разбиваясь водяной дымкой, тонкой пеленой висящей над всей площадью. Водяная пыль и солнечные лучи сливались в жарких объятиях и создавали радугу, гибким мостом рассекающую небо над площадью на две половинки, а затем ныряющую в фонтан.

Как говорили знающие люди, при создании мастерами-карликами этого чуда не обошлось без помощи Ордена. Только магия способна создать водяной столб такой изумительной красоты и радугу, каждый день и в любую погоду, появляющуюся из водяных брызг. Казалось, протяни руку, дотронься до семицветного чуда, — и ощутишь всю хрупкость и воздушность небесного моста.

— Благодать, — довольно вздохнул Арнх, ловя свежесть, несущуюся к нам от фонтана.

— Угу, — ответил я.

Конец июня и половина июля выдались очень жаркими, настолько жаркими, что даже Арнх пару раз за время нашего путешествия снимал с себя любимую кольчугу. А для жителя Пограничного королевства, привыкшего носить броню чуть ли не с рождения, снять кольчугу — слишком большая жертва, так что можно себе представить, насколько ему было жарко.

К счастью, в последние несколько дней небывалая удушающая жара сгинула без следа, но все равно было достаточно оснований, чтобы опасаться за вскипание мозгов в черепушке. Поэтому возле фонтана, где властвовала прохлада, а воздух был свеж и чист, отряд блаженствовал.

Как подумаю, что после Ранненга нас вновь ждет путешествие под летним солнцем, так мне сразу становится очень нехорошо. Х'сан'кор знает

что творится с погодой в этом году.

— Не задерживаемся! — Алистан даже не посмотрел на фонтан.

Нашего графа беспокоили намного более насущные дела, чем струя воды, бьющая из-под земли. Например, забота об отряде, командиром которого он являлся. На мой взгляд, король поступил совершенно правильно, доверив капитану своей гвардии вести нас к Заграбе, пускай Маркауз и остался недоволен таким решением его величества. Милорд Крыса до ужаса не хотел бросать короля в то время, когда Неназываемый вот-вот ринется походом на Валиостр из-за Игл Стужи. Оставить гвардию без капитана, который лучше всех сможет организовать охрану владыки королевства от различных неожиданностей, например таких, как нападение на дворец Сталкона сторонников Неназываемого той памятной ночью, о которой сегодня упомянул стражник возле ворот, было по меньшей мере глупо. Но король не очень-то хотел прислушиваться к мнению графа. На взгляд Сталкона, с охраной его королевской персоны способен справиться любой лейтенант, а вот довести людей до лесов Заграбы и могильников Храд Спайна может только граф Алистан Маркауз — один из трех, кому король мог всецело доверять. (Двумя другими приближенными, заслужившими доверие короля, были вездесущий королевский шут — гоблин Кли-кли, ставший маленьким проклятием нашего отряда, и глава магического Ордена — магистр Арцивус, старый волшебник, который являлся инициатором идеи "всучить Гаррету Заказ и отправить в Костяные дворцы", за что, как вы можете понять, я был архимагу «благодарен» до глубины своей воровской души.)

— Да что с тобой сегодня такое? — раздался у меня над ухом возмущенный голос Кли-кли. — Я тут, понимаешь, распинаясь перед тобой, как жаворонок перед петухом, а ты и ухом не ведешь!

— А ты что-то интересное балаболил? — спросил я.

— Балаболил, — фыркнул шут. — Я не балаболил, а описывал красоты этого славного города.

— Красот поблизости не замечаю, — буркнул я, осмотрев улицу, по которой мы сейчас ехали.

Улица как улица. Старенькие двухэтажные дома с обшарпанными стенами, правда, надо отдать должное жителям, не все дома казались такими уж старыми. Но красоты я все равно упорно не замечал. Не знай я, что нахожусь в Ранненге, предположил бы, что это Внешний город Авендума.

— Ты все красоты пропустил, пока думал, — возразил Кли-кли. — Но погоди, сейчас в парк приедем, там такие деревья, прямо как в Заграбском

лесу!

— Ты тут бывал, Кли-кли? — спросил Фонарщик, подъехав к нам на своей чалой лошаденке по прозвищу Упрямица.

Лошадь Горлопана трусила за Упрямицей и недовольно пряла ушами, протестуя, что ее так бесцеремонно тащат за собой.

— Да, был я тут разок, — сказал Кли-кли, мечтательно причмокивая губами. — Выполнял задание короля.

Халлас от неожиданности поперхнулся и, позабыв о зубной боли, уставился на Кли-кли.

— Только не рассказывай мне сказок, гоблин! Я в жизни не поверю, что король мог тебе доверить важное дело!

— Бе! — Кли-кли показал гному язык.

— И все же, Кли-кли, расскажи свою байку, скучно ведь! Когда мы еще до трактира доедем, — попросил Сурок.

— Да тут ехать всего ничего! Сейчас через парк попадаем в Верхний город, это где Университет, магическая школа и прочая и прочая. В общем, райончик еще тот. Ехать совсем чуть-чуть осталось.

Гоблин попросту ломался и ждал, чтобы его еще немного попросили.

— Давай уж, не томи, — сказал Фонарщик.

— Угу, сейчас только придумаю, с чего начать, — милостиво согласился Кли-кли и нахохлился, делая вид, что мучительно вспоминает, с чего начинать свою историю.

— Гаррет, поддержи Непобедимого, я куртку сниму, — попросил меня Сурок.

— Давай, — согласился я, и Сурок перекинул линга мне на плечо.

Ручная лохматая крыса Сурка по кличке Непобедимый принялась хрюкнута и, посопев, затихла на моем плече. Удивительно, но кроме Сурка линг из всего отряда не кусал только меня и даже позволял себя гладить, когда находился в благодушном состоянии духа.

Не знаю, отчего у лохматого грызуна Безлюдных земель вспыхнула ко мне такая любовь. По крайней мере видя, как крыса воет и пытается укусить Кли-кли за палец, когда он протягивает к ней руки, я весело ухмыляюсь, чем очень раздражаю гоблина. Вот и сейчас он не смог смолчать:

— Ты поаккуратней с этим зверем, Гаррет. Он враз тебе ухо оттяпает!

— Ты историю обещал, Кли-кли, — напомнил я гоблину.

— А, ну да! В общем, год назад Обуры и Кабаны решили заключить союз и устроить Соловьям кровавую ночь. В Ранненге должна была начаться буча, а Сталкону это невыгодно. Начнут с Соловьев, а закончат

королем. Поэтому меня сюда и прислали.

— И наш воистину бесстрашный друг всех победил! — хохотнул Делер.

— У вас, карликов, фантазии на медный грош! — фыркнул Кли-кли. — Меня сюда прислали сделать так, чтобы Кабаны рассорились с Обурами, а Обуры — с Кабанами. И чтобы эти дворянские шайки больше никогда и не подумывали о союзе... Что я и сделал! — Последние слова гoblin произнес не без гордости.

— И как же ты это провернул? — хмыкнул я, возвращая линга Сурку.

— А точно так же, как ты в истории с Конем Теней. По плану — "Натрави всех на всех"!

Да, в той истории, о которой упомянул шут, я выкрутился блестяще. В то время, если выражаться образно, я летел над мостовой, практически касаясь ее щекой. Сантиметром ниже — и все...

— Натрави всех на всех? Это он о чем, Гаррет? — не понял Фонарщик.

— Не бери в голову, Мумр, — отмахнулся я, не желая сейчас распространяться насчет того дела. — И насколько твоя задумка понравилась Обурам и Кабанам, Кли-кли?

— Ты знаешь, в чем странность, Гаррет? Моя задумка им абсолютно не понравилась! — весело хихикнул шут. — Особенно Обурам. Господа дворяне расстроились, узнав, что один из графов-Кабанов отдает свою дочурку за Соловья, и Обуры недолго думая устроили Кабанам горячую помолвку! Те в долгу не остались и прирезали парочку Обуров. Такой кавардак в городе начался, что ни о каком союзе и речи больше быть не могло! Дворяне юга снова потихоньку грызутся, вспоминая давние обиды, а мой король не беспокоится за целостность трона. Бунт и гражданская война откладываются на неопределенный срок, а все королевство идет благодарить шута за мир и спокойствие в Валиостре!

— А наш шут парень хоть куда! — хмыкнул, звеня кольчугой, Арнх.

Нашему королю дворяне юга были словно рыба кость в горле. Проглотить больно, а выплюнуть нельзя — может стать еще хуже. Потому как если милордов дворян оставить без присмотра, то они того и гляди снюхаются с западными провинциями, и тогда пропал трон. Как только спорам и интригам придет конец, дворянам, а тем более дворянам, объединившимся в союз, делать станет абсолютно нечего, и они начнут искать, куда бы направить лишнюю силушку.

Во времена отца нынешнего короля уже был неприятный случай, когда западные дворяне решили свергнуть династию. Не нравилось им, видите

ли, что король не хочет отдать Спорные земли Мирануэху. К счастью, тогда у мятежников ничего не получилось. Королевские гвардейцы устроили бунтовщикам сюрприз, появившись в самый неожиданный для них момент. Дворяне юга не поддержали мятеж западных соседей. Кабаны, Соловьи и Обуры были слишком заняты друг другом, чтобы обращать внимание на призывы поучаствовать в заговоре. У ранненгских ребят своих заговоров не перечесать, так зачем же связываться с королем?

Пока дворяне грызутся между собой и не вспоминают, что на юге Валиостра есть несколько родов, которые могут поспорить своей древностью с родом короля, Сталкону опасаться нечего.

Мы миновали парк, заросший исполинами-дубами. Мне даже не верилось, что такие деревья могут расти в городской черте, а не в лесу. В Авендуме даже на территории королевского дворца больших деревьев не было, не говоря уж о других районах города. С теми холодами, что приходят к нам вместе с ветрами из-за Холодного моря и Безлюдных земель, все деревья зимой в один миг отправятся на дрова. Народец из Портового города и Пригорода быстро бы оставил от деревьев одни пеньки.

Дорога стала взбираться на холм, и, выехав из парка, мы очутились в районе Ранненга, который напрямую примыкал к Университету и школе Ордена. Тут дома были поновее и покрасивее, чем те, мимо которых мы проезжали раньше. Но народу на улице было все равно тьма тьмущая. Больше, чем блох на немойтой собаке, это уж точно.

Прежде чем мы достигли трактира, облюбованного Миралиссой еще во время ее прошлых путешествий по Валиостру, гном пару раз успел поругаться с пешеходами, крутившимися возле лошадей, и один раз привлечь к отряду ненужное внимание очередного отряда стражи, за что Дядька получил нагоняй от Маркауза. Отдуться за всех десятник Диких Сердец не захотел и устроил разнос гному. Халлас надулся, встопорщил бороду и замолчал, лишь его черные глазки злобно сверкали из-под насупленных бровей. Но разнос пошел гному впрок, весь остальной путь мы проделали без происшествий и, проехав еще два квартала, оказались возле цели такой долгой поездки по городу.

Отгороженный от улицы забором трехэтажный трактир был очень большим и солидным заведением.

— Чтоб я лопнул! — присвистнул Делер, оглядывая наше временное место жительства. — Раз тут такой домище, то и кухня должна быть огромной! А огромная кухня, — это верный признак хорошей еды! Как думаешь, Халлас?

Гном бросил тоскливый взгляд на напарника — зубная боль причиняла

бедняге кучу мучений, отнявших у Халласа силы спорить и ругаться.

— Твоя правда, Делер, — прогудел гигант Медок. — Хватит нам есть Дядькину и Халласову снесь. Эх, сейчас бы молочного поросеночка с хреном! Э-эх!

Медок мечтательно провел рукой по желтым волосам, из-за которых он и получил свое прозвище.

— Будет, господин хороший! Всенепременно будет вам молочный поросеночек! И даже два! Думаю, такой богатырь, как вы, одним не насытится! — ответил воину невесть откуда взявшийся пузатый краснолицый человек. Доброго дня, леди Миралисса! Счастлив вас снова лицезреть в моем наискромнейшем заведении!

— И я рада видеть тебя живым и здоровым, мастер Пито, — вежливо улыбнулась эльфийка. — Как идут дела в трактире?

Халлас весьма громко застонал, намекая, что любезности и вопросы нужно отложить до того срока, как он разберется с больным зубом. Мастер Пито недоуменно покосился на хмурого гнома, но намек, увы, не понял:

— Да живем потихоньку, кое-как сводим концы с концами.

— Ну не прибедняйся! — улыбнулся Элл и спрыгнул с лошади. — Ты за полгода, пока мы отсутствовали, даже потолстел!

— Куда там, — протестуя отмахнулся от слов эльфа-телохранителя Миралиссы трактирщик. — Это все от бед! О! Треш Миралисса привела в мое заведение новых спутников? А где же те, что были у меня в прошлом году? Я вижу только господ Эграссу и Эллу.

— Их больше нет, — неохотно произнесла Миралисса.

Я не знаю этой части истории, но из тех отрывочных фраз, что роняла темная эльфийка в разговоре со мной, понял, что все ее спутники, кроме Эграссы и Эллы, выехавшие с ней из лесов Заграбы, остались в снегах Игл Стужи. Живыми из Безлюдных земель выбрались только трое эльфов да десяток Дядьки, с которыми Миралисса и прибыла в Авендум. Дикие Сердца, сопровождавшие эльфов от самого Одинокого Великана, отправились с нами.

— Беда-то какая! — заломил руки трактирщик. — Как же это?!

— Лучше покажите нам наши комнаты, мастер Пито, — сказал Эграсса.

— О! — Трактирщик понял, что затронул болезненную тему. — Покорнейше прошу простить мое любопытство! Следуйте за мной, господа хорошие! Одного вашего спутника я уже поселил. И пива налил!

— Кого это вы поселили, любезный мастер? — подозрительно сощурился Маркауз, и его рука упала на меч.

— Я что-то не так сделал? — испуганно зачастил трактирщик, остановившись как вкопанный. — Он пришел, сказал, что с вами и...

— Кто пришел-то, мастер Пито? — перебил трактирщика граф Алистан.

— Да я пришел, милорд Маркауз, я! — Горлопан вышел с кружкой пива из двери трактира.

— Ого! — Арнх втянул в себя воздух. — Ну ты прямо как молния! Я тебя к вечеру ожидал, а ты так быстро обернулся!

— Как подружка? — Фонарщик прошел мимо Горлопана и, не услышав его ответа, скрылся в трактире.

— Да не к подружке я ездил! — вяло попытался отбиться Горлопан.

— Угу! Ты ездил по грибы! — Сурок последовал за Мумром.

— Проходите, господа, проходите! — Пито вновь обрел почву под ногами. — Все комнаты уже приготовлены!

Кли-кли обвел отряд взором голубых глаз и изрек:

— Никто не возражает, что я размещусь в комнате Гаррета и Фонарщика?

Возражающих конечно же не нашлось. Уже все в отряде знают народную мудрость: чем дальше спишь от гоблина, тем крепче твой сон. Когда по соседству со спящими нет Кли-кли, то им не надо ожидать ведра холодной воды в самый неподходящий момент.

— Если Кли-кли извращенец, то это его дело! — пробурчал Халлас, проходя мимо нас.

— Я-то страдаю по жребию, а ты чего решился? Одного раза не хватило? — спросил я у гоблина.

— А может, я получаю эстетическое наслаждение от храпа? — задал мне встречный вопрос Кли-кли.

— Ну-ну, — недоверчиво хмыкнул я.

— Ты идешь? — Кли-кли остановился у входа в трактир и взглянул на меня. — Угу, — бросил я и переступил порог заведения.

Размерами зал трактира не уступал маленькой площади. Люстры со свечами под потолком, ажурные, но крепкие стулья, длинные скамьи и кряжистые столы. На одной из стен висела огромная фигура совы, вырезанная из цельного ствола дерева. Лестница, ведущая на второй этаж, стойка, крепкая дубовая дверь на кухню.

— Много у вас постояльцев, мастер Пито? — спросил граф Маркауз, снимая кожаные перчатки и бросая их на ближайший столик.

— Никого, кроме вас, — не моргнув глазом сказал трактирщик.

— Вот как? — изумленно вскинул бровь капитан королевской гвардии.

Дела действительно идут так плохо?

— Не волнуйтесь, милорд! — Трактирщик хитро улыбнулся. — Треш Миралисса оплатила содержание трактира на два года вперед.

— Мы решили сделать из "Ученой совы" то, что вы, люди, называете штаб-квартирой, — поясняя слова Пито, сказал Эграсса. — Кузина заплатила мастеру Пито, чтобы он пока никого здесь не селил, а без других постояльцев мы можем чувствовать себя более комфортно.

— Мастер Пито, — Мумр оперся на свой огромный биргризен, — нам бы пивка.

— Всенепременно! — засуетился трактирщик. — Только железяку, которую вы, господин хороший, в пол воткнули, вытащите, а то вы мне все заведение попортите.

— А к пиву баньку, — поддакнул Дядька.

— И поросенка, — вставил Медок.

— Все будет буквально через пять минут! — Трактирщик бросился раздавать поручения прислуге.

Я прошел к дальнему столику, блаженно откинулся на спинку стула и, поколебавшись, достал из дорожной сумки планы Храд Спайна. Я до сих пор не смог нормально изучить карты глубоких подземных лабиринтов могильников. Сейчас у меня выпала минутка наконец-то заняться изучением бумаг, которые с таким трудом попали в мои руки.

— Гаррет, хватит изучать бумажки! Успеешь еще! Ты с нами идешь?

— Куда? — Я поднял взгляд на Кли-кли.

— Халласа к цирюльнику провожать.

— Мы же его не в последний путь отправляем. Я-то на кой вам понадобился?

Кли-кли приблизился ко мне и, заговорщицки оглянувшись по сторонам, прошептал:

— Делер говорит, что Халлас до ужаса боится! Если что, его нужно будет подержать.

— Так возьмите Медка, — отмахнулся я от шута. — Он здоровый, пятерых гномов за раз удержит. А мне мои зубы слишком дороги, чтобы я давал Халласу стучать по ним кулаками.

— Медок теперь зад не поднимет со скамьи, — разочарованно произнес гоблин. — Арнх, Фонарщик и Сурок сваливают погулять по городу, эльфов и Алистана не допросишься — они тоже куда-то уходят. Горлопан, Дядька и Медок теперь пиво будут дуть, пока не лопнут. Кого мне звать как не тебя?

— Угря. — Я кивнул в сторону смуглого гарракца.

— Он и так идет с нами.

— А его, значит, тебе не хватит?

После долгой дороги я не горел желанием куда-то идти.

— Ну, Гаррет, хватит ломаться! Делер очень просил!

Я зарычал на гоблина, но собрал со стола бумаги, завернул их в дрокр и убрал в сумку.

— Пошли же! — зашипел Халлас, когда я и Кли-кли подошли к нему.

— Куда же вы, господа хорошие? — удивился трактирщик, заметив, что мы собираемся уходить. — Пиво сейчас будет!

— Нам не до пива, — с сожалением вздохнул Делер, нахлобучивая шляпу-котелок на голову. — У Халласа зуб болит, к цирюльнику надо идти.

— Ай, ай, ай. — Трактирщик покачал головой, поцокал языком и с сожалением покосился на едва живого от зубной боли гнома. — А зачем же к цирюльнику? Давайте к зубу крепкую ниточку привяжем, ниточку к двери прикрутим. Я дверь открою, и зуба как не бывало!

— Спасибо, не надо, — поспешно сказал Делер и как бы невзначай перегородил Халласу путь к трактирщику.

Гном бросил свирепый взгляд на сердобольного мастера Пито. Трактирщик понял, что был на волосок от взбучки и испуганно скрылся на кухне.

— Гаррет, — промурлыкала Миралисса. — Не забудь оставить арбалет в трактире.

Вот Х'сан'кор! А я и вправду забыл о своем малыше!

Пришлось доставать миниатюрную поделку карликов, свободно уместившуюся в одной руке и стреляющую сразу двумя болтами. Расставаться с дорогой, а главное нужной вещью не хотелось. Без арбалета за спиной я чувствовал себя голым и беззащитным.

— И клинок оставь, — произнес Элл, наблюдая, как я отдаю оружие Дядьке.

— Да, Гаррет, нож тебе тоже придется оставить, — поддержал Эллу Дядька.

— Мы тебе чего-нибудь менее заметное выдадим! Вилку, например! — хихикнул Кли-кли.

— Это почему я должен клинок оставить? — Я посмотрел на желтоглазого к'лиссанга Миралиссы, пропустив укол Кли-кли мимо ушей.

— Стража в него вцепится не хуже чем имперская собака в кусок мяса.

Ладно, признаю! Эльф прав. Мой обоюдоострый нож был длиной в целый локоть, с серебряной окантовкой по лезвию. Клинок вполне мог сойти за короткий меч, а следовательно, я нарывался на неприятности при

разговоре со стражей Ранненга.

Скрепя сердце, пришлось оставить оружие на попечение Дядьки.

— Медок, — обратился Сурок к помощнику Дядьки. — Кинь-ка мне мой мешок, негоже Гаррету без железа по городу шастать.

Сурок поймал брошенный ему мешок, порылся в нем, выудил сухарь, сунул его в лапки запищавшего от восторга Непобедимого, вновь обратился к мешку и извлек оттуда кинжал в простеньких потертых ножнах.

— Держи.

Я взял оружие и наполовину вытащил клинок из ножен.

— Рубиновая кровь?

— Угу, канийская ковка. Хорошая сталь.

— Ух ты! Прямо как меч у Алистана! — восхищенно присвистнул шут, посмотрев на клинок, отливающий красноватым цветом.

— Спасибо, Сурок! — Я с сожалением вернул оружие воину. — Сталь действительно великолепная, но излишне шумная. Попроще ничего нет?

— Да у нас железа сколько угодно! Возьми мой. — Фонарщик протянул мне кинжал.

— Сойдет, — благодарно кивнул я, пристегивая оружие к поясу.

Если что, в потайном кармане у меня есть бритва плюс в сумке целый арсенал магических фокусов, купленных мной в волшебной лавке накануне отъезда из Авендума. Прорвемся...

— Кли-кли! — Алистан подошел к шуту. — У тебя ничего лишнего с собой нет?

Шут надулся, будто его обвинили в королевской измене, и откинул в стороны полы своего темного плаща, показывая широкий пояс, на котором висело четыре тяжелых метательных ножа. Два справа и два слева. Не припомню, чтобы за время поездки он хоть раз вынимал оружие из ножен.

— Это точно? Ты ничего такого не припрятал? Я не собираюсь вытаскивать тебя из лап закона, если ты носишь под плащом что-нибудь запрещенное.

— Я пуст, как бутылка вина в руках пьяницы, милорд, — искренне ответил Кли-кли.

— Ладно. — Кажется, Алистан поверил словам гоблина. — Учти, если будешь слишком остер на язык со стражей, тебя могут ждать неприятности!

— Учту, — сказал шут, всем своим видом показывая, что и без наставлений Алистана знает об отсутствии чувства юмора у стражников.

Гоблин принялся копаться в своих многочисленных карманах и выудил спутанный клубок веревочек и узелочков. Помнится, он поспорил с нами, что сотворит с помощью этой штуки страшную гоблинскую магию. Пока у

него ничего, кроме безумной паутины из веревок и узелков, не получалось. Кли-кли перехватил мой взгляд и весело подмигнул:

— Если что, то о-го-го!

— Предупреди, когда будешь испытывать свое о-го-го, — попросил я его. — Я уеду в соседнее королевство.

Шут бросил на меня взгляд, ясно говоривший, что он во мне разочаровался на веки вечные, и убрал клубок веревок обратно в карман.

— Ты еще очень удивишься, Гаррет, когда я грохну свое шаманство.

— Делер, ты ничего не хочешь мне оставить? — очень грозно спросил Дядька.

Делер построил невиннейшую физиономию и честным взглядом из-под насупленных рыжих бровей уставился на десятника.

— Что я, маленький, что ли? Мне пары кинжалов хватит. А если что, я их всех стулом!

— Делер!

— Да что Делер! — возмутился карлик. — Я всю жизнь почитаю Делер!

— Тогда где твоя секира?

— У меня она, у меня, — хмыкнул Горлопан и радостно осклабился. Делер ее нечаянно «забыл» возле двери, так я подобрал и сюда принес.

Несмотря на зубную боль Халлас весело хохотнул, радуясь, что его дружку испортили все планы.

Делер посмотрел на Горлопана как на врага всего народа карликов, разочарованно плюнул на пол и, печатая шаг, направился к выходу.

— Жду вас на улице! — буркнул он, проходя мимо нас.

— Прямо как маленький! — вздохнул Дядька.

Если бы Горлопан не подсуетился и Делер захватил с собой страшную двулезвийную секиру, мы не прошли бы и десятка метров, без того чтобы не привлечь внимание стражи.

— Сурок! — Немногословный Угорь протянул воину ножны с «братом» и «сестрой». — Побереги их.

— Конечно, дружище, конечно, — произнес Сурок, принимая клинки из рук гарракца.

— Пошли Гаррет, иначе от зубной боли я помру прямо на полу! — буркнул гном, выходя из трактира.

Глава 2

Старые знакомые

— А куда мы идем? — Шут вприпрыжку бежал рядом со мной.

Коротенькие ножки гоблина были не приспособлены для темпа, который задал нашей компании Халлас.

— К цирюльнику. Сам будто не знаешь!

— Я понимаю, что не к сапожнику, Гаррет! Я спрашиваю, куда? Цирюльников за этот час мы повидали много!

— Тогда ты с этим вопросом обратился не по адресу, это тебе к Халласу надо.

— Спасибо, но я хочу дожить до старости! Он сегодня не в духе, и вопросы я ему задавать не намерен.

— Раз не хочешь у него спрашивать, помолчи, ладно?

— У! — обиженно протянул гоблин и бросился теревить вопросами Делера, но тот ответил ему почти то же самое, что и я.

— Знаешь, Гаррет, — Угорь впервые заговорил с тех пор, как мы вышли из трактира, — мне начинает надоедать эта прогулка.

— И не только тебе одному, — вздохнул я.

Мы уже битый час бродили по Ранненгу в поисках нужного цирюльника. Как гном хотел из всех цирюльников выбрать именно нужного, оставалось для нас загадкой. Те цирюльники, у которых мы уже успели побывать, под ярлык нужных никак не подходили. Жесткие требования Халласа к человеку, который соберется драть ему зуб, оставляли разочарованных цирюльников с пустыми карманами, а гнома с больным зубом. Причин в отказе вырывать зуб у того или иного зубодера у Халласа набралось с целую гору. У одного лавка была слишком грязной, у другого цены слишком высокими, у третьего глаза голубые, четвертый оказался слишком старым, пятый слишком молодым. Шестой был сонным, седьмой странным, восьмой заикался, у девятого рожа по кулаку плакала. Капризам гнома было просто невозможно угодить!

И еще одна странность, замеченная мной у гнома, — как только Халлас подходил к лавке очередного цирюльника, его шаги самым волшебным образом замедлялись, он начинал плестись, как пьяная улитка, и мелко дрожать. Даже слепому доралиссцу было понятно, что Халлас попросту ужасно боится встретиться с щипцами цирюльника.

— На нас уже смотрят, — буркнул гарракец.

— На нас смотрят с того момента, как мы вышли из трактира, — буркнул я в ответ. — Тут уже ничего не поделаешь!

Компанией мы были любопытной, и поэтому на нас глазели без зазрения совести. Перво-наперво, конечно же, все смотрели на гоблина, представителей его расы не так часто можно встретить в городах королевства. Но, конечно, как только люди замечали гнома и карлика, про Кли-кли забывали напрочь. Если гоблинов еще иногда можно увидеть на белом свете, то гномов и карликов, мирно идущих рядом друг с другом, — никогда.

Гномы и карлики — близкие родственники, все равно что эльфы и орки. Но, несмотря на родственные узы, жажда ненависти крепко сжала эти четыре расы (то бишь орков и эльфов, а также карликов и гномов) в своих объятиях. И если эльфы с орками возненавидели друг друга с момента своего появления в мире Сиалы и сразу же устроили кровавую войну, то гномы и карлики тысячелетиями жили вместе в Горах карликов. И жили вполне дружно, надо сказать. Так и не известно, из-за чего между ними произошел раскол. Ни гномы, ни карлики, не склонны распространяться о причинах ссоры, Окончившейся Пурпурными годами. После череды Пурпурных лет гномы покинули свою родину в Горах карликов и перебрались в Стальные шахты Исилии. Апофеозом ненависти, возникшей между расами, явилась битва на поле Сорна. Сколько воинов полегло с обеих сторон во время этого побоища, неизвестно до сих пор. Родственнички здорово помутузили друг друга, пушки гномов и секиры карликов собрали для Сагры кровавую дань, но победы в той бойне не было. Слишком много оказалось жертв с обеих сторон, чтобы можно было решить, кто выиграл битву. Правда, гномам во время битвы пришлось хуже — они потеряли всех своих магов, и теперь эта раса осталась без волшебников. Конечно, теоретически, если немного помечтать, когда-нибудь гномы смогут вернуть себе магию, если только проберутся в Замда-Морт и отберут у карликов спрятанные там книги. Право на обладание магическими книгами — это еще одна капля ненависти, упавшая в чашу бывших родичей.

"Покажи карлику гнома, а гному карлика — и они тут же вцепятся друг другу в горло" — это довольно верная и справедливая поговорка. Поэтому знающим ее людям вдвойне было удивительно видеть Халласа и Делера вместе.

Еще одной причиной, привлекающей к нам внимание прохожих, являлся Делер. Карлики встречались в городах не в пример чаще гоблинов,

но с тех пор, как Сталкон заключил договор с гномами на покупку пушек для Одинокого Великана и форта, охраняющего гавань Авендума, карлики разругались с Валиостром и покинули королевство. Осталось всего лишь несколько представителей этой расы, да и то только в столице. Это были либо самые жадные, те, кто хотел сделать состояние на продаже своих товаров людям, или те, кого просто не принимали в родных горах.

— Гаррет, ты глянь! — Кли-кли дернул меня за рукав.

— Куда? — Ничего интересного я не видел.

— Да вот прямо сюда! — Кли-кли ткнул пальцем в сторону лавки, торгующей овощами. — Погоди, я мигом!

Не успел я и рта открыть, как гоблин уже унесся за покупками.

— Чего это он? — недоумевающе спросил меня Делер.

— У каждого свои слабости, — ответил я. — Кто-то не хочет драть зубы, а кто-кто обожает морковку.

Халлас пропустил намек про зубы мимо ушей и картинно застонал.

— Не стони! — безжалостно прикрикнул на гнома Делер. — Кто тебя заставлял уходить от цирюльников?! Теперь мучайся!

— Они все плохие цирюльники!

— А ты-то откуда знаешь?

— А вот и знаю!

— Знаток, ядрить твою кочерыжку! Ты уж честно скажи, что до ужаса боишься! — презрительно сплюнул карлик.

— Это кто боится? — тут же вскинулся Халлас. — Гномы ничего не боятся! Это ваше безбородое племя боится! Заперлись в наших горах и дрожите как осиновый лист на осеннем ветру!

— Тогда чего ты зуб не дерешь?!

— Говорю же, глупая твоя черепушка! Это плохие цирюльники!

— Угу, так я тебе и поверил!

Гном лишь фыркнул, показывая карлику, что разговор с ним закончен.

— И чего ты опять со своим мешком таскаешься? — не отставал от Халласа Делер. — Ты можешь его хотя бы на минутку оставить?! У тебя там что, гномья книга заклинаний?!

— Ну что ты расстрекотался?! — взорвался Халлас. — Мой мешок! Что хочу, то и ношу!

С этим мешком гном был попросту неразлучен. Куда бы ни направлялся Халлас, он всегда таскал мешок с собой. Что там лежит, не смог узнать даже проныра Кли-кли. Делер просто умирал от любопытства и терялся в догадках. Уж не знаю, какие в мешке хранились сокровища, но гном, раздобывший его у родичей, несущих вахту в форте Авендума,

крутился вокруг собственности, как курица вокруг первого в своей жизни яйца.

— Ты мне скажи, ты зуб драть решился или мне придется заклеить тебя трусом? — не сдавался Делер.

— Будь у меня мотыга, ты бы так не разговаривал, — буркнул гном. Решился я драть, решился! Чтоб у тебя глазки повылазили!

— Когда? — Делер ухватил быка за рога и не обратил внимания на оскорбление.

— Как только найду первого попавшегося цирюльника!

— Заметано!

— А вот и я, — весело хрустя морковкой, к нам подошел Кли-кли. — Ну что, зуб будем драть или станем ждать, когда он сам отвалится?

— И этот туда же! — буркнул гном. — Дался вам мой зуб! Что хочу, то с ним и делаю!

Халлас развернулся и решительным шагом протопал к дому, где висела вывеска цирюльника. Нам ничего не оставалось делать, как последовать за ним, в душе надеясь, что гном наконец-то решится и вырвет проклятый зуб.

Естественно, судьба бросила кости, и нам выпали "Глаза смерти". Лавка, как и следовало того ожидать, оказалась закрыта.

— Клянусь Д'сан'дором! — прогудел Делер. — Я сейчас разнесу эту улицу в щепки! Или сам вырву тебе зуб, Халлас! Мне эта тягомотина уже надоела!

— Идем! Тут недалеко Большой рынок! Там точно должен быть цирюльник, поспешно предложил Кли-кли, опасаясь, что карлик и в самом деле попытается вырвать гному зуб и на драку сбежится вся городская стража.

Кто-то тихонько застонал. Очень надеюсь, что это был не я.

* * *

Большой рынок действительно был большим. Нет, не так! Он был просто огромным! Как по размеру, так и по количеству товаров. А народу, шатающего между торговых рядов, было вовсе не сосчитать.

— Купите лошадь! Настоящая доралисская порода! Посмотрите, какая у нее грация!

— Яблоки, яблоки!

— Лучшая сталь севера! Лучшие клинки юга!
— Заходите!
— Купите обезьянку, господин!
— Это я дура? Да ты на свой товар посмотри, стерва! Разве это репа?
Это одно название!
— Вор! Держите вора!
— Лови его!
— Султанатские ковры высочайшего качества! Не боятся моли!
— Эй! Поаккуратнее! Это фарфор низинских мастеров, а не глиняный горшок твоей бабушки!
— Да хватит мне на ноги наступать! Щас как врежу!
— Испугал! Сейчас сам врежу!
— Семечки!
— Милорд, у нас в заведении лучшие девочки в этой части Валиостра! Пройдемте! За серебряный сразу три штуки! А за два они вам такое сделают!
— Ма-а-а-ам! Хочу крендель! Ну ку-п-и-и-и-и! А-а-а-а-а!
— Не толкайся!
— Вожжи, уздечки, седла! Вожжи, уздечки, седла!
— Щенки имперской собаки! Уже кусаются!
— Имперской? Да ладно врать! Это же крысята, а не собаки!
— Пира-ажки!

Гвалт тут был почище, чем у ворот во время нашего въезда в Ранненг. Угорь что-то пытался мне сказать, но вопль толстой бабки, сунувшей мне под нос одуряюще воняющую рыбу никак не меньше чем месячной свежести, не дал мне расслышать слова воина. Я отмахнулся от торговки и бросился догонять Угря.

Халлас, видать от боли лишившись последних мозгов, привел нас в толпу народа, наблюдающую представление балагана прямо посреди рынка. Халлас, никогда не отличающийся вежливостью по отношению к ближнему своему, распахивал народ локтями, наступал на ноги и сквернословил, как заправский житель Портового города. Буквально через несколько секунд популярность гномьего племени в Ранненге упала ниже цен на навоз.

Мы все же сумели пробраться через эту давку, а Кли-кли, не удержавшись, вылез на сцену, сделал колесо, стойку на руках, вырвал у жонглера изо рта факел, сел на него задницей, вскочил, залез по столбу на канат, перебрался на другой столб, плюнул на лысину силача, поднимающего гирию и, сорвав гром аплодисментов, смылся.

— Все развлекаешься? Бом-тирлим и труль-ля-ля? — спросил я гоблина, когда он догнал меня.

— А ты все бурчишь и думаешь о худшем? — не остался в долгу Кли-кли. Дурацкая у тебя жизненная позиция, Гаррет!

— Не согласен! У меня прекрасная жизненная позиция!

— Думать о худшем — это прекрасная жизненная позиция? — Шут наморщил лоб. — Это кто же тебя надоумил?

— Я сам. Вот смотри, я тебе сейчас все объясню...

— Послушаем, послушаем, — заинтересовался шут.

— Вот ты бегаешь, песенки поешь и говоришь, что все будет хорошо.

А когда это хорошо не случается, что ты делаешь?

— Я расстраиваюсь, конечно!

— Вот! А я нет, так как всегда склонен ожидать худшего, и, когда оно случается, не расстраиваюсь, а продолжаю жить дальше, да еще и пытаюсь выпутаться из случившейся неприятности. А если неприятность не случается, а происходит совсем наоборот, я искренне радуюсь неожиданному сюрпризу!

Шут внимательно посмотрел на меня.

— Ты сам-то во все это веришь, Танцующий в тенях?

— Не очень, — честно признался я Кли-кли.

— Вот то-то и оно, что не очень! Пошли быстрее, а то мы наших в этой толпе уж точно потеряем!

Гоблин ринулся вперед, благо его маленький рост позволял без проблем пробираться через толпу. Мне же раз двадцать успели отдавить все ноги, раз десять постарались продать абсолютно ненужные мне вещи, начиная с мочалки и заканчивая драной и отчаянно вопящей кошкой на последней стадии издыхания.

Какой-то неопытный воришка попытался залезть ко мне в карман, но я, извернувшись, приставил к его животу кинжал Фонарщика, а затем прижал паренька к стене одной из лавок.

— Кто учитель?! — рявкнул я на карманника.

— А? — Холодная сталь у живота не очень способствует мыслительному процессу.

— Я спрашиваю, кто твой учитель, щенок?!

— Шлюд-филин, го-осподин!

— Он из гильдии?

— А?

— Ты плохо меня слышишь? Если да, то хорошего вора из тебя не выйдет!

— Да, мой учитель из гильдии, господин.

— Тогда передай ему, чтобы он тебе показал, кого стоит грабить, а к кому лучше не лезть, пока опыта не наберешься!

— Л-ладно, — паренек был ошеломлен. — Вы не будете звать стражу, господин?

— Нет, — буркнул я, убирая кинжал обратно в ножны. — Но если еще раз ко мне сунешься... Понял, что я хочу сказать?

— Да, — паренек все еще не мог поверить, что легко отделался.

— Тогда пошел вон!

Говорить карманнику-неудачнику дважды не пришлось. Он юркнул от меня, как испуганная мышка, и вмиг затерялся в толпе. Я проводил его долгим взглядом. В далекой молодости я сам лазил по карманам лопухов до тех пор, пока меня не подобрал мой учитель Фор, научивший всем тайнам высшего искусства воровства. Но в годы промысла по карманам я, в отличие от этого неумехи, старался не лезть к тем, кто может поймать меня за руку! (Хотя, чего скрывать, один раз меня чуть было не поймали.)

— Гаррет, ты долго намереваешься тут стоять? — Ко мне подскочил Кли-кли. — Мы только тебя и ждем! И кто был тот паренек, с которым ты вел такую непринужденную беседу?

— Просто прохожий, идем!

Делер, Угорь и Халлас нетерпеливо дожидались нас на пяточке, свободном от торговых рядов, а следовательно, и толпы.

— Вот, цирюльник! — Делер ткнул толстым пальцем в сторону лавки. Вперед, Халлас!

— Вперед! Я тебе лошадь, что ли? — Гному очень не хотелось идти.

— Давай, давай, — поддержал я карлика. — Вот увидишь, Халлас, тебе сразу станет ле...

Мой взгляд вперился в толпу, и я не закончил фразу. Возле рядов, торговавших лошадьми, мелькнула до боли знакомая фигура. Я, ни секунды не раздумывая, ринулся вдогонку за увиденным мною человеком, не обращая внимания на удивленные вопли товарищей, зазвучавшие за моей спиной. Мне, если честно, было не до этого. У меня перед глазами застыло лицо, которое я видел не больше одной секунды. Следовало во что бы то ни стало догнать замеченного человека и по возможности отправить его во тьму.

По дороге я едва не сшиб какого-то торговца, перевернул корзину яблок и, не слушая поднявшуюся вокруг меня брань, выхватил кинжал из ножен. Лезвие оружия легло вдоль предплечья, чтобы клинок в моих руках был менее заметным для окружающих. Я подбежал туда, где несколько

секунд назад увидел старого знакомого.

Никого. Я побежал дальше, отчаянно вертя головой в бесплодной попытке отыскать скрывшегося человека.

— Что случилось, Гаррет? — рядом со мной тенью вырос Угорь. — Ты будто призрака увидел!

— Угу. — Я так и не оторвал взгляд от толпы. — Призрака. Только, к сожалению, живого.

— Кто это был?

— Старый враг, — сказал я и убрал оружие в ножны. — Очень старый и очень опасный.

— Может, тебе показалось? Тут столько людей... мог и обознаться.

— Да, — помолчав, ответил я воину и еще раз обвел рынок взглядом. Наверное, мне показалось. Наверное...

Я сам себе не верил. Не могло мне привидеться! Уж очень этот человек был похож на Ролио.

— Пошли, нужно наконец отвести гнома к цирюльнику и убраться в трактир.

Пока мы возвращались назад, я всю дорогу ежесекундно оглядывался, но знакомой фигуры не было видно.

Халлтас и Делер куда-то пропали, и Кли-кли в одиночестве переминался с ноги на ногу.

— Гаррет, что такое с тобой сегодня творится? Ты здоров? — Кли-кли заботливо посмотрел мне в глаза. — Кого ты там увидал, если понесся по рынку похлеще стада ополоумевших доралиссцев?

— Думал, старый знакомый, но, кажется, обознался. Куда делись Делер с Халласом?

— Карлик потащил гнома к цирюльнику, — ответил мне Кли-кли, а затем вновь задал вопрос: — И что это за старый знакомый такой, если он заслужил от тебя сталь под ребра?

— Бледный, — односложно ответил я.

— О! Он тебя видел? — озабоченно спросил Кли-кли.

— Ты знаешь, дружище, меня самого волнует тот же вопрос. Надеюсь, что он меня не видел, иначе неприятности ждут не только меня. Тот тип, на которого работает Ролио, очень будет рад прихлопнуть нас всех.

— Хозяин? — догадался гоблин.

— Угу.

— Вы о чем? — Угорь ничего не слышал ни о каком Хозяине, что и немудрено. Мы не удосужились рассказать ему об этом.

— Не забивай себе голову! — сказал я воину. — Просто считай, что

можешь в любой момент получить чем-нибудь острым под лопатку. Как только Халлас вылечит зуб, мы отправимся назад, и пускай Алистан с Миралиссой ломают голову, что делать дальше. Я же говорил, что нам не следует заезжать в Ранненг!

— Если бы не зуб гнома, мы были бы уже на полпути к Иселине.

— Ты сегодня разговорчив, Угорь-бугорь! Есть причина? — спросил Кли-кли.

— Скаль зубы с кем-нибудь другим, Кли-кли, — беззлобно обронил гарракец. — Идем к цирюльнику, Делеру может понадобится помощь.

— Предупреждаю сразу, — поспешно сказал я, — гнома держать не нанимался!

Досадно, что и гoblin, и Дикий пропустили мое предупреждение мимо ушей. Интересно, почему в некоторых ситуациях некоторые личности страдают избирательной потерей слуха? Я огорченно вздохнул и поплелся за товарищами к лавке цирюльника.

Халлас с бордовым лицом выскочил из двери лавки нам навстречу и чуть не сшиб с ног Кли-кли. Гоблин едва успел отскочить в сторону. Вслед за Халласом вылетел Делер. Цветом лицо гнома могло посоперничать со свеклой.

— Что случилось? — спросил я.

— Этот! — на весь рынок заорал гном и ткнул пальцем в сторону двери в лавку. — Этот!

— Заткнись, Халлас! — зашипел Делер и надвинул шляпу себе на глаза.

— Но Делер! Этот!

— Я говорю, заткнись! Потопали отсюда!

— Да что случилось-то? — переспросил я.

— Этот переспавший с ослом кретин хочет денег! — не выдержал гном.

— Э-э-э... — Угорь тоже ничего не понимал. — Но ведь цирюльнику обычно платят деньги?

— Но не три же золотые монеты! Ты где-нибудь слышал, чтобы за гнилой зуб брали три золотые монеты?

— Не слышал.

Я тоже не слышал. Три золотых — это большие деньги. За них можно выдрать все зубы у половины армии Валиостра.

— Пошли, Халлас! — не отставал Делер.

— Эй ты! Барыга проклятый! Иди сюда! Я тебе за медяк все зубы выбью! А шею вообще бесплатно сверну!

— Халлас, закрой рот и пошли отсюда! — не выдержав, заорал карлик.

— Угорь, заткни их обоих, пока стража не подошла! — шепнул я гарракцу, видя, как вокруг нас начинают собираться зеваки.

На свою беду из лавки выглянул цирюльник.

— Но позвольте, — пролепетал он. — Я удаляю зуб с помощью заклинаний, купленных в магической лавке! Это совершенно безболезненная процедура, поэтому у меня такая цена! Но вам, почтенный гном, я удалю зуб за две золотые монеты.

— Держите меня, — попросил нас Халлас и с кулаками ринулся на цирюльника.

Цирюльник взвизгнул и скрылся в лавке. Делер повис на плечах у гнома, а Угорь преградил Халласу дорогу. Я сделал вид, что вообще пришел не с ними, а просто стою и дышу свежим воздухом.

Кто-то сознательный уже вызвал стражу, и десяток воинов пробирались через толпу в нашу сторону. Быстро обернулись! Стража Ранненга работала намного добросовестнее стражи Авендума. Видно, частые стычки Кабанов, Соловьев и Обуров держали служителей гибкого и продажного закона в постоянной боевой готовности.

Смыться мы не успели.

— Проблемы? — спросил у меня десятник стражников.

— Проблемы? Ну что вы! Никаких проблем! — поспешно ответил я, мечтая лишь о том, чтобы Делер любым возможным способом заткнул гному рот.

— Не надо сказок! — сурово сказал страж. — Чего тогда этот бородатый так разорался?

— У него зуб разболелся.

— Угу. И поэтому он мечтает пристукнуть уважаемого цирюльника, хмыкнул другой стражник, — Злонамеренное нарушение порядка и подстрекательство к драке. Сами с нами пойдете или... как?

Не важно, из какого города стража, достаточно побывать в одном и узнать об этой породе людей всю подноготную. И доралиссу понятно, чего от нас хотят эти ребята.

— Мы никуда не пойдем, любезные, — пришел мне на помощь Угорь, оставив Халласа на попечение Делера и Кли-кли.

Было в глазах гарракца что-то такое, что заставило стражников отступить на шаг назад. Волк против стаи дворняг, вот что подумалось мне, когда Угорь встал напротив стражников. За ними было количественное преимущество и что самое главное — алебарды супротив наших кинжалов. Надо сказать — это очень веский аргумент в драке.

— Еще как пойдете, господин хороший, — процедил сквозь зубы десятник и поудобнее перехватил алебарду. — Мы не в вашем Гарраке, у нас закон соблюдается!

Губы Угря дрогнули в едва заметной улыбке.

— Если бы в моей стране закон соблюдался так же, как у вас, то преступников в Гарраке было бы больше, чем стражников-взяточников в вашей караулке.

— Это ты на что намекаешь? — нехорошо сощурил глаза десятник.

Угорь еще раз едва заметно улыбнулся и стал раскачиваться с носков на пятки и с пяток на носки. Обе его руки скользнули на рукояти парных гарракских даг. Этот жест послужил для стражников неким сигналом, и они как по команде сделали еще один шаг назад. Халлас наконец-то успокоился и с удивлением глазел на окружавших нас зрителей и стражу, не веря, что это благодаря его скандальной натуре собралось столько народу.

— Господа, господа! — Неожиданно из толпы вышел человек и подошел к стражникам. — Это мои друзья, они не здешние и к законам славного Ранненга еще не успели привыкнуть!

Незнакомец был приблизительно моего возраста, острый нос, голубые глаза с искринкой, тонкие губы. Одет прилично, как зажиточный горожанин, наверное, это и заставило стражу ответить ему, а не прогнать взащей.

— Они нарушают порядок и оскорбляют стражу. — Десятник неприязненно посмотрел на незнакомца.

— Конечно, конечно, — участливо зашептал человек и, осторожно взяв стражника под локоток, отвел его в сторону. — Но вы понимаете, они из деревни, места там дикие, и мои друзья совсем не обучены хорошим манерам. В городе они впервые. А вон тот, худой, племянник моей тетушки и, соответственно, мой родственничек! — Человек ткнул в мою сторону пальцем.

— Что делает этот хмырь? — потрясенно спросил Халлас.

— Вытаскивает нас из задницы, в которую мы попали по твоей вине, объяснил гному Делер.

Халласу хватило ума не начинать очередной спор.

— Я должен был смотреть, чтобы у них не было неприятностей, — между тем продолжал объяснять стражнику человек. — Войдите в мое положение, господин десятник! Ежели что, тетушка мне голову оторвет и домой непременно не пустит!

Из руки человека в руку стражника перекочевала серебряная монета.

— Ну... — протянул десятник. — Мы все же должны выполнить свой

прямой долг и обязанности. Еще одна монета перетекла из рук в руки.

— Хотя, — стражник стал немного оттаивать. — Хотя после небольшого внушения я вполне смогу отпустить ваших... м-м-м... почтенных родственников.

Третий серебряный поменял хозяина.

— Да! — Десятник решительно кивнул. — Думаю, у стражи Ранненга найдутся более важные дела, чем наказание безвинных прохожих, которые еще просто не обвыклись в городе. Всего хорошего, почтенный!

— Всего хорошего, — попрощался с десятником человек.

— Пошли, ребята, — сказал десятник своим подчиненным, и стража, потеряв к нам всякий интерес, исчезла в толпе.

Зеваки, поняв, что балаган окончен, занялись другими делами. Рынок вновь забурился своей жизнью, и на нас перестали обращать внимание.

Человек подошел к нам, улыбнулся и, посмотрев мне в глаза, сказал:

— Привет, Гаррет!

Мне не оставалось ничего другого как ответить:

— Привет, Басс.

* * *

— Привет, Гаррет.

— Привет, Басс, — лениво ответил я, приоткрыв один глаз.

— Ты все дрыхнешь? — спросил мой друг.

— Угу.

— Есть охота. — Басс скривился и похлопал себя по животу.

— А я при чем?

— Ну ты же мой друг!

— Ясный пень, что друг. Но в свои одиннадцать лет пора бы и научиться добывать себе пропитание не только игрой в кости и карты с мелочью пузатой!

— Эх! — разочарованно вздохнул Басс и присел на краешек моего соломенного матраса. — Если ты старше меня на год, это не значит, что ты умнее и должен учить меня как жить!

— Если я не могу тебя учить, чего же ты тогда ко мне пристаешь с нытьем про еду? — хмыкнул я.

— Дело есть, — уже совершенно другим голосом сказал Басс.

— Ну? — Я сел.

— Тут в кости у Сопливого Кра играл один человек...

— Ты-то как в трактир Кра попал? — удивленно спросил я.

В игровое заведение Сопливого Кра нас не пускали.

Кра от детишек-карманников никакой выгоды не было. Такие, как мы, только под ногами крутятся да приличных клиентов чистят.

— А вот попал! — хитро сощурил голубые глаза Басс.

Басса недаром называют Бассом-пронырой. Он мог пролезть куда угодно, другое дело, что за эти вылазки моему приятелю довольно часто перепало на орехи.

— Так что насчет этого человека?

— А! В общем он играл с Кра в кости и выиграл три золотые монеты!

Я присвистнул. Три золотые монеты! Лишь однажды я смог выудить из кармана прохожего золотой, так мы на него с Бассом целых два месяца жили припеваючи! А тут сразу три!

— Ты думаешь, что сможешь их у него позаимствовать? — осторожно спросил я у Басса.

— Я вряд ли, а вот ты сможешь, — болезненно поморщившись, признался Басс.

— Угу, — хмуро сказал я. — А если что, за руки поймают меня, а не тебя.

— Да не волнуйся ты! — беспечно отмахнулся Басс. — Этот тип похож на простофилю. Если что, я подсоблю. Мы же команда!

Команда... За два года нашего знакомства и жизни в трущобах Пригорода мы многое пережили вместе. И за этот срок у нас были как плохие, так и хорошие дни (плохих все же больше).

По сравнению со мной Басс не очень хорошо копался в карманах прохожих. У него вообще не было таланта чистить кошельки, и этот груз полностью лег на мои плечи. Зато Басс владел другими талантами: он мог заговорить зубы самому Неназываемому, облапошить и надуть ближнего своего, смухлевать в кости или карты или навести меня на человечка с оттянутым от монет карманом.

— Тебе хорошо говорить, — не согласился я.

— А вот тебе не надо быть таким угрюмым. Я тебе хоть раз не того человека показал?

— Ладно, — вздохнул я. — Где твой золотой дядя?

— Сидит в "Грязной рыбе" и наполняется под завязку вином.

— Пойдем, покажешь, — неохотно произнес я.

У нас еще оставалась одна серебряная и пять медных монет, и

рисковать шеей не было смысла, если бы не три золотых. За эти деньги стоило вылезти на холод.

Мы выскользнули из старой покосившейся лачуги, служившей домом для двадцати с лишним душ. Здесь жили такие же, как мы, бездомные бродяги.

Над Авендумом властвовала ранняя весна, на земле лежал снег, а по ночам стояли такие же холода, как в лютом январе, когда многие, не имевшие крыши над головой, замерзали прямо на улице. И все равно, несмотря на холодную погоду, неприветливое серое небо и обилие сугробов, в воздухе чувствовалась весна. Этот весенний, почти неуловимый запах распускающихся листьев, журчащих ручьев и грязи. Да-да! Именно грязи, которая незнамо откуда каждый год появлялась в Пригороде Авендума. Но грязь это, конечно, ерунда, маленькое неудобство, и ничего больше, главное, что скоро будет теплая погода и я наконец смогу скинуть эту опостылевшую и драную в пяти местах собачью шубу, украденную у пьяного конюха еще в ноябре прошлого года. Шуба верно грела меня всю зиму, но в ней я был не так ловок и быстр, как без нее, и эта вынужденная неуклюжесть уже не раз подводила меня. На той неделе я чуть не попался в лапы стражников, потому что запутался в собственной одежке.

"Грязная рыба", покосившаяся от времени таверна, находилась в самом центре Пригорода, возле площади Кислых Слив. Ни один нормальный человек в городе не пойдет набивать себе брюхо в «Рыбу» — кислое вино и обилие клопов отпугивало от таверны приличных посетителей.

Мы остановились на противоположной стороне улицы, прямо напротив двери таверны.

— Ты уверен, что твой человек до сих пор еще внутри? Что ему делать в такой тошниловке при трех золотых? Лучше места найти не мог, что ли? — на всякий случай спросил я у Басса.

— Значит, не мог, — буркнул Басс. — Он там, и у него на столе два кувшина с вином. Не думаю, что он успел вылакать их за то время, пока я за тобой бегал.

— Ты просто не знаешь, как некоторые наострились лакать вино. Он уже может быть за лигу отсюда.

— Гаррет, ты вечно паникуешь по пустякам, — фыркнул Басс. — Говорю же тебе, что он внутри!

— Ладно, — вздохнул я. — Будем ждать.

И мы стали ждать, а ждать на морозе, пускай и легком, не очень-то приятное удовольствие. Всякий раз, когда дверь таверны открывалась, мы с Бассом вскакивали, и каждый раз Басс говорил, что это не тот человек.

— Слушай, — не вытерпел я через два часа ожидания. — Я жутко замерз.

— Кому сейчас легко? Я тоже замерз, но этот человек точно там!

— Ждем еще полчаса, если он не выйдет, я отсюда сваливаю, — решительно сказал я. Басс горестно вздохнул:

— Давай я схожу и проверю?

— Угу. Еще не хватало, чтобы Кра тебя отдубасил. Стой, где стоишь.

Морозец жадно лизал пальцы, поэтому я стал притоптывать ногами и хлопать руками, пытаюсь хоть немного согреться. У Басса еще несколько раз вспыхивало желание сходить в таверну и проверить, как там поживает владелец трех золотых, но каждый раз, после недолгих препирательств со мной, Басс оставался на месте.

— Может, он перепил? — неуверенно спросил мой друг, когда мне стало казаться, что пальцы на руках превратились в сосульки.

— Может... — стуча зубами от холода, ответил я. — Мне уже не хочется ничего, кроме тепла.

— Вот он! — неожиданно сказал Басс и показал пальцем на человека, выходящего в этот момент из таверны.

— Простофиля.

— Я же тебе говорил, — шмыгнул носом мой дружок. — Ох заживем!

— Рано радуешься, — сказал я, провожая человека взглядом. — Ты узнал, где он прячет деньги?

— Угу. Правый карман. Там у него кошелек.

— Идем.

Мы старались держаться так, чтобы человек нас не заметил. Лезть к нему в карман сейчас — это значит напрашиваться на неприятности, людей не так уж и много, незаметно к нему не подойдешь, поэтому нам оставалось только дожидаться удобного случая.

— Ты уверен, что он выпил два кувшина вина? — прошипел я Бассу, не спуская глаз с незнакомца.

— А что? — зашипел он в ответ.

— Уж очень уверенно он идет. Совсем не похож на пьяного.

— Пьяные разные бывают, — не согласился Басс. — По моему папаше вообще нельзя было заметить, пьяный он или трезвый, пока он за полено не возьмется.

Между тем человек без всякой видимой цели петлял по Пригороду, как заяц петляет в лесу, когда путает следы. Мы держались в отдалении и не лезли незнакомцу на глаза до тех пор, пока он не пришел на Рыночную площадь. Народу здесь было много, и нам не стоило большого труда

оказаться прямо за спиной у человека с золотыми монетами.

Я быстро кивнул Бассу, и тот юркнул в сторону.

Я постарался дышать носом, приноровиться к шагам человека и избавиться от нервной дрожи. Пальцы на руках слишком замерзли и были не такими ловкими и послушными, как обычно. Не будь в кармане у человека целых трех золотых монет, я бы ни за что не стал рисковать.

Кто-то подтолкнул меня в спину, на секунду я оказался почти прижат к человеку и, воспользовавшись этим подарком богов, запустил руку ему в карман. Я сразу же нащупал кошелек и, схватив его, собрался дать деру, но в этот момент незнакомец неожиданно вцепился в мою руку. Его бледно-голубые глаза встретились с моими.

— Попался, воришка! — прошипел он.

Я тоненько взвизгнул и попытался вырваться, но человек был намного сильнее, и моя рука даже не шелохнулась в его медвежьей лапе. Молнией в голове сверкнула мыслишка, что я, кажется, влип в крупные неприятности.

Невесть откуда взявшийся Басс подлетел к поймавшему меня человеку сзади и ловко пнул его по ноге. Человек взвыл и выпустил мою руку.

— Ноги! — крикнул Басс и дал деру.

Я не раздумывая последовал за другом, крепко сжимая вожаденный кошелек и слыша, как за нами несется ограбленный человек.

— Воры! — орал он. — Держите воров!

Мы продрались через толпу и вылетели с Рыночной площади на какую-то узенькую улочку. Проклятуший человек не отставал от нас ни на шаг. Бежать было тяжело, шуба путалась под ногами, и топот преследователя раздавался все ближе и ближе. Басс впереди меня улепetyвал во всю прыть, расстояние между нами постепенно увеличивалось. Я застонал от разочарования: собачью шубу, позаимствованную с таким трудом, придется бросить. Сунув кошелек в зубы, я на бегу стал расстегивать пуговицы. Шуба слетела с моих плеч и упала в снег. Бежать сразу же стало значительно легче, я прибавил ходу и смог нагнать Басса.

— В переулок! — крикнул я ему и резко свернул направо.

Басс последовал за мной, а преследователь, уже готовившийся схватить меня за шкуру, отчаянно ругаясь, пролетел мимо. Теперь у нас появился призрачный шанс затеряться в лабиринте переулочков Пригорода.

— Он нам головы открутит! — с трудом пропыхтел Басс.

Я ничего ему не ответил и лишь поднажал еще сильнее, очень надеясь, что предсказание Басса не осуществится. Мы в очередной раз повернули, слыша, как человек грозитя оторвать нам руки. Я начинал терять силы, а

проклятый незнакомец, казалось, не ведал усталости.

Вдруг из какого-то полутемного закутка узенького переулка появились чьи-то руки и, схватив меня и Басса за шиворот, втащили в полумрак ниши. Басс испуганно заорал, замолотив воздух руками, я, не отставая от друга, попытался вырваться и пнуть схватившего нас ногой.

— А ну заткнитесь, если жить хотите! — прошептал чей-то голос. Стойте тихо!

Было в этом голосе что-то такое, что враз заставило нас умолкнуть.

Преследователь пронесся мимо ниши, топая и оглашая переулок отборной бранью.

Человек, спасший нас, так и не разжал рук, он вслушивался в тишину, и я, воспользовавшись моментом, попытался убрать кошель с золотыми в карман.

— Можешь не трудиться, — сказал незнакомец. — Я не ворую у карманников.

— Я не карманник! — запротестовал я, стуча зубами от холода. Без теплой шубы было тяжело.

— Не карманник? А кто же ты? — усмехнулся спасший нас от неприятностей человек.

— Я вор!

— Во-ор? Ну-ну. Клянусь Саготом, может, ты и станешь хорошим вором с моей помощью. А может, и не станешь, малыш. Давай-ка я посмотрю на свой сегодняшний улов.

Человек разжал руки, вышел на свет и внимательно рассмотрел меня и Басса.

— Ну и кто вы такие? — спросил у нас незнакомец.

— Я Басс-проньера, — шмыгнул носом Басс.

— А я Гаррет-блоха, — ответил я, изучая нашего неожиданного спасителя.

— Ну что же, — улыбнулся человек. — А я Фор. Фор — Липкие руки.

* * *

— Гаррет, ты знаешь этого хмыря? — голос Халласа вырвал меня из воспоминаний прошлого.

— Да, это мой старый... друг, — буркнул я.

— Очень старый, — улыбнулся Басс. — Рад видеть тебя живым и здоровым, Гаррет!

— Я тоже, — не слишком-то приветливо ответил я ему.

— Как Фор? — Басс, казалось, не заметил моего сухого тона.

— Жив, по воле Сагота.

— Все так же наставляет молодежь? — улыбнулся Басс.

— Нет, он теперь жрец. Защитник Рук Сагота.

Басс присвистнул.

— Слушай, Гаррет, — не выдержал гном. — Может, ты со своим знакомым поговоришь в следующий раз? Огромное вам спасибо за помощь, почтенный, но нам нужно идти.

— Делер, — обратился я к карлику. — Отдай Бассу деньги.

Удивительно, но карлик, не протестуя, залез в свой кошелек и вручил Бассу три серебряные монеты.

— Хей! — возмутился Басс. — Мне не нужны деньги! Я же помог другу!

— Деньги еще никому не мешали, Басс, — сказал я. — Бывай. Ах да! Если тебе интересно, Маркуна на этом свете больше нет.

— И это все? — Он удивленно развел руками. — Ты даже не поговоришь со мной? Вот так вот просто уйдешь после того, как мы больше десяти лет не виделись?

— Нет времени, дружище, — бросил я.

— Как мне тебя найти, Гаррет? — крикнул мне вслед Басс.

— Я не думаю, что мы встретимся, Басс, — обернулся я к нему. — Я тут проездом, завтра меня уже не будет в городе.

Сказав это, я отвернулся от немного удивленного Басса и поспешил за Халласом. Кли-кли не удержался и спросил:

— Это был твой друг? — спросил гоблин.

— Нет... То есть да... Вроде бы.

— Бр-р-р, — потряс головой Кли-кли. — Так да, нет или вроде бы? Ты бы определился.

— Отстань от него, Кли-кли, — посоветовал Угорь.

— Да я же ничего! — Кли-кли развел руками. — Просто спросил. Слушай, Гаррет, а ты со всеми друзьями так изысканно вежлив и обходителен, или только с избранными? Это я так, на будущее спрашиваю, чтобы не слишком сильно удивляться, когда ты при встрече меня так откровенно и ненавязчиво пошлешь.

— Жуй свою морковку! — зарычал я на гоблина. По всему Большому рынку разнесся вопль:

— Почте-енные! Почте-енные!

— Это не нас? — на всякий случай обернулся Угорь.

— Не все из нас почтенные, — возразил гарракцу гoblin и бросил на меня укоризненный взгляд. — Некоторые даже очень непочтенные... А еще хмурые и вечно злые.

— Почте-енные! Подождите! — К нам бежал прилично одетый паренек, отчаянно махая рукой.

— Нет, это точно нас, — сказал Угорь и остановился.

— Вот только каких подземных королей мы ему понадобились? — подозрительно буркнул Делер, сощурив глаза.

— Пошли, — подтолкнул напарника Халлас. — Если мы так каждого крикуна станем дожидаться, то к цирюльнику и до ночи не дотопаем!

— А если мы пойдем дальше, то он будет бежать за нами и орать в три горла, — резонно возразил я гному. — Нам такого счастья не надо.

— Угу, — согласился Кли-кли, впиваясь зубами в морковку. — Халлас, у тебя рукав задрался.

Гном выругался и опустил рукав коричневой рубахи, скрыв под ним татуировку в виде красного зубастого сердечка — эмблемы отряда Диких Сердец.

— По-о-чтенные! — Паренек тяжело дышал, видно, пока он нас догонял, совсем выбился из сил.

— Чего тебе, человеке? — грозно нахмурился Халлас. — Дел других нет, кроме как орать на весь город?! Мы и без тебя знаем, что мы почтенные.

— Я хотел предложить, — начал паренек, но Делер не дал ему договорить:

— Не покупаем!

Карлик с гномом развернулись и пошли своей дорогой, перестав слушать то, что собирался сообщить им паренек. Я едва заметно пожал плечами. Не судьба выюноше продать что-нибудь карлику.

— Погодите! — крикнул он. — Вы ведь ищите цирюльника?

Халлас застыл, не донеся ногу до земли, затем медленно опустил ее и развернулся в нашу сторону. Лицо гнома не предвещало пареньку ничего хорошего.

— Сколько? — спросил Халлас, разминая кулаки.

— Бесплатно!

Это заставило гнома крепко задуматься. Он крякнул, почесал в затылке и произнес:

— Мне тут показалось, что ты сказал, что удалить зуб можно

совершенно бесплатно. Это так?

— Совершенно верно!

— А? — задумчиво произнес Халлас и вновь поскреб затылок. Сейчас гном разрывался между жадностью и желанием подраться.

— Да ерунда все это, бородатый! — прогудел Делер. — Бесплатно ничего не бывает!

— Я тоже так считаю. — Халлас вновь воззрился на паренька нехорошим взглядом.

— Да нет, почтенные! Я не вру! В Университете на факультете врачей вам все сделают бесплатно. К тому же не цирюльники, а самые настоящие врачи! Светила науки! Профессора!

— М-да? — все еще недоверчиво сказал Халлас. — И этим твоим профессорам больше делать нечего, как только зубы у всех драть?

— Так сейчас же неделя экзаменов в Университете, — объяснил нам студент. — Профессора старшим курсам рассказывают, как лечить, ну и показывают заодно, а затем спрашивают, как мы материал усвоили.

— Веди, студент, — согласился за Халласа Кли-кли.

— Постой, постой зеленый! — Халлас, чуя, что предстоит скорое прощание с зубом, стал упрямиться. — Так тебя, студент, специально для этого в город и послали?

— Да, почтенный, я ненароком услышал ваш разговор с цирюльником.

Халлас вздохнул, подумал, затем еще раз вздохнул и, зажмурившись, кивнул:

— Веди.

Естественно, никакой повозки, а тем более кареты, для нас не предполагалось. И если гном с карликом шли так, будто они даже не успели устать за это время, то мои ноги гудели и решительно требовали отдыха.

Нам пришлось пилить в обратном направлении через весь Ранненг в Верхний город, где располагался Университет.

Неожиданно Кли-кли испуганно ойкнул и дернул меня за рубаху.

— Гаррет, смотри! Бездушные! — прошипел он театральным шепотом и указал на солдат.

Пятерка воинов, одетых в белые мундиры и малиновые штаны, шла нам навстречу.

— Гаррет, что нам делать?

Кли-кли действительно паникует, или от нечего делать попросту ломает комедию?

— Улыбайся, — на всякий случай произнес я.

— Что? — опешил гоблин.

— У-лы-бай-ся, — процедил я сквозь сжатые зубы и растянул губы в идиотской улыбке в качестве примера для гоблина.

Кли-кли испуганно икнул и ощерился в улыбке от уха до уха, показывая всему белому свету многочисленные иглы зубов. Теперь гоблину было не до меня, он старательно улыбался и не замечал, что я улыбаться перестал. Халлас с Делером тоже заметили Бездушных, я видел, как мгновенно одеревенели их спины. А вот Угорь даже бровью не повел. Железный парень.

Бездушные егеря прошли мимо, даже не удостоив нас взглядом, и Кли-кли облегченно вздохнул:

— Фу, пронесло!

— Чего ты их так испугался? — спросил я у гоблина.

— Ну как же, после Вишек... — озадаченно ответил Кли-кли.

— Вишки? Успокойся, Кли-кли, — улыбнулся Угорь. — Не думаю, чтобы маги разстреляли на весь свет, что мы от них сбежали. Они не знают что творили в той деревеньке и поэтому будут молчать, чтобы не привлекать к себе ненужное внимание.

— Но весточку-то в город маги могли послать! — возразил Угрю гоблин.

— Не пошлют. Мы ведь уже разговаривали на эту тему, помнишь? И маги, и те егеря, что остались возле Вишек, просидят там как минимум три месяца, прежде чем бросятся нас искать. Если вообще мы им потом понадобится. А на этих егерей не обращай внимания, они просто расквартированы в Ранненге и про нас ведать не ведают.

— Ну ладно, — неохотно согласился Кли-кли с доводами гарракца.

Я вообще не понял, чего он ломал комедию и строил из себя трусливого дурака. У Кли-кли с мозгами все в порядке, если нужно, то он без проблем обыграет в карты самого Арцивуса, а все, что сейчас сказал Угорь, гоблин и так прекрасно знал.

— Кстати, Гаррет, — обратился ко мне Кли-кли. — А зачем ты посоветовал мне улыбаться?

— У тебя улыбка дурацкая, — пожав плечами, ответил я.

— И что? — не понял меня королевский шут.

— Ну... — протянул я и, не удержавшись, улыбнулся. — Когда у тебя дурацкая улыбка, ты становишься похожим на идиота. Улавливаешь?

Гоблин споткнулся на ровном месте, а Делер попросту подавился смехом. Пожалуй, это был один из немногих случаев, когда я побил Кли-кли его же картой.

Глава 3

Гномий зуб

Огромные бронзовые створки ворот Университета Ранненга, на которых был герб этого древнейшего и почтеннейшего заведения, выгравированный в виде раскрытой книги, переплетенной виноградной лозой, оказались приветливо распахнуты настежь и гостеприимно встречали всех тех, кто подходил к ним из парка, разросшегося между Верхним городом, Университетом и школой Ордена. Парк действительно был огромен, велик и прекрасен, и, очутившись в нем, у меня создалось впечатление, будто я попал в сказочный лес из детских снов, в которых дубы круглый год подпирают зелеными кронами небо.

Проводник провел нас в ворота, и мы свернули на одну из тенистых каменных дорожек, ведущую мимо седых зданий факультета в сердце Университета.

— Почему здесь так мало людей? — с интересом спросил Делер, озираясь по сторонам.

— Студенты или на практике, или сдают последние экзамены, или уже разбрелись на каникулы, почтенный. Все зависит от факультета, — пожал плечами паренек. — Видели бы вы, какие попойки здесь случаются в начале осени! А сейчас застой, как в старом болоте, к тому же центральное здание в той стороне Университета, почти все факультеты сейчас располагаются там...

— А этот ваш... — Делер пощелкал пальцами, вспоминая название. — Лечебный факультет где?

— А! Лечебный факультет рядом с моргом, так что мы почти никого из студентов и не увидим, пока не придем на место.

— С моргом? — опасливо переспросил Халлас.

— Это на тот случай, если тебе зуб неправильно выдерут, — поддел гнома Делер. — Чтобы труп далеко не тащить.

— Чего ты каркаешь, морда? — ругнулся Халлас. — Все ваше карликово племя такое, только каркать и можете. Все века каркаете, а мы за вас все шахты и штольни пробивали!

— Вы за нас?! Да вы ни одной достойной вещи своими руками сделать не сумеете! Мотыжниками родились, мотыжниками и умрете!

— Может, мы и мотыжники, но зато не ворует у других магические

книги!

— И ничего мы не воровали! — возразил Делер. — Это наши книги!

— Хватит! — не выдержав, рявкнул Угорь. — Заканчивайте дразги!

Как это ни удивительно, но слова Угря произвели на гнома и карлика точно такой же эффект, как ведро холодной воды на двух дерущихся котов. Халлас и Делер закрыли рты и грозно засопели.

Что бы ни говорил наш проводник, но все же мы встретили по пути нескольких студентов. Два бледных молодца, измученных то ли экзаменами, то ли обильной дегустацией молодого вина, прошли мимо нас, беседуя о том, есть ли сущность у света или свет всего лишь антитьма без права распада на составляющие.

Еще одна компания студентов сидела на травке под деревьями и лениво перелистывала книжки.

— Это с литературного факультета, — перехватив мой взгляд, презрительно ответил наш провожатый. — Богема.

Кли-кли весьма картинно хрюкнул, услышав такое словечко.

— Чего ты хрюкаешь? — не удержавшись, спросил я у него.

— Он такие новомодные словечки знает, — хмыкнул гоблин. — Прямо хоть в профессора его определяй.

Не знаю, чему он удивляется — мир не стоит на месте, науки развиваются, и вскоре обычный сиволапый крестьянин будет не только знать, что означает слово богема, но еще и напишет трактат "О филологических изысканиях нецензурной лексики, встречающейся в южных районах Валиостра".

Гномы нашли секрет пороха, разработали печатный станок, ходят слухи, что сейчас они мастерят у себя в шахтах какой-то паровой котел. Пройдет сто лет, и уже никого не удивит, что книги написаны не от руки, а набраны на печатном станке. Авось, через тысячу лет люди еще и летать научатся.

— Не хмыкай, Кли-кли, — поддел я шута. — Это не красит культурного гоблина.

— Зато ты не знаешь, что такое богема! — не остался в долгу Кли-кли.

— Представь себе, знаю, — разочаровал я его. — Библиотека моего учителя может поспорить с Королевской.

— Не очень-то я тебе и верю, образованный вор — это нонсенс.

— Угу. Как и образованный гоблин. Чего вы в Заграбе читаете, кроме книжек вашего Тре-тре?

— Великого Тре-тре, — машинально поправил меня Кли-кли. — У нас много древних книг, Гаррет-баррет. Намного больше, чем ты думаешь!

Многие люди душу готовы заложить, чтобы взглянуть на них хоть одним глазом.

— Охотно верю, тайный рецепт гоблинской дряни, что затуманивает мозги, ищут многие...

— Бя-бя-бя! Мы, кажется, пришли.

Из-за деревьев показалось желтое трехэтажное здание с широкой лестницей, на которой студентов было как гномов на поле Сорна.

— Экзамены? — спросил Делер, оглядывая листающих книжки студентов.

— Да, сегодня анатомия у второго курса, — поморщился паренек. — Все сдавшие пойдут в "Солнечную каплю" праздновать. Так что пьянка вечером будет знатная!

— Ясно, — ухмыльнулся Делер, будто он сам только что сдал эту самую анатомию и уже пьянствовал — Э... друг мой Халлас! Ты чего-то побледнел. Никак сдрейфил?

— Гномы не дрейфят! — гордо сказал Халлас и на негнущихся ногах стал подниматься по лестнице.

— Как бы он в обморок не шлепнулся, — шепнул мне Кли-кли.

Гном, который первым врубился в схватку во дворце Сталкона и не испугался тварей, появившихся после волшебства слуг Неназываемого в Харьгановой пустоши, сейчас дрожал, как осиновый лист на осеннем ветру.

— Если вдруг шмякнется, его Делер поймает, — успокоил я Кли-кли.

Мы вошли в здание и, пройдя по длинному коридору, под завязку забитому волнующимися студентами, очутились в зале, где, видимо, читают лекции.

Пол зала резко уходил вниз, к кафедре, возле которой какой-то седовласый преподаватель заставлял два десятка студентов смотреть, как он кромсает некой помесью пилы и ножа лежащий на железном столе труп.

— Господин профессор! — крикнул наш провожатый. — Я привел!

Профессор оторвался от попыток распилить череп несчастного покойника и, подслеповато сощурившись, посмотрел на нас:

— Ну наконец-то! Да как их много!

— Зуб болит только у него, — поспешно сказал Делер, ткнув пальцем в сторону Халласа.

Халлас дернулся и, недобро сощурившись, посмотрел на карлика.

— Гном? Хм... Что же, это будет познавательно, — сказал профессор, откладывая пилу в сторону.

— Проходите почтенный, проходите.

— Все, друзья, — обреченно сказал Халлас. — Пришли за мной "рачы

сани".

— Иди, не бойся, — подтолкнул его Делер. — Гаррет, ты с нами?

— Нет, — сказал я. — Я лучше вот здесь на скамейке посижу.

— Ну и зря, такое представление пропустишь! — Кли-кли весело поскакал по лесенке вслед за Делером и Халласом.

Я сел на одну из скамеек и принялся наблюдать, как Халласа усаживают в кресло, поставленное рядом со столом, где лежал труп. Профессор помыл руки и взялся за нечто похожее на пыточный инструмент палача-садиста.

— Кто тот человек? — спросил Угорь, садясь рядом со мной.

— Ты о ком?

— О твоём друге. Басс, кажется?

— Да он мне и не друг. Теперь... — я запнулся и в свою очередь спросил: — Тебя терзает обыкновенное любопытство или есть серьёзная причина интересоваться моим прошлым?

Угорь немного помолчал. Он вообще по жизни молчун, иногда за целый день рта не раскрывает.

— И то и другое, если честно. Очень уж меня заботит, что неожиданно появился человек, хорошо тебя знающий.

— Думаешь, это не простое совпадение?

— Не знаю. — Угорь пожал плечами. — Ты вдруг увидел какого-то старого врага. Совпадение? Затем, буквально через несколько минут, появляется ещё один твой знакомый. Опять совпадение? В последнее время я склонен с опаской относиться ко всяким совпадениям и случайностям. И, прости, не доверяю никому, кроме себя. Нас ищут, ищут те же самые неизвестные, с чьей помощью погибли первые две экспедиции к Костяным дворцам.

— Откуда ты знаешь об этих экспедициях? — удивленно спросил я.

— А это тайна? — Угорь посмотрел на меня. — Весь дворец об этом по углам только и шепчется. И этот Басс, незнамо как свалившийся на нас, начинает меня немного волновать.

Зная железный характер Угря и то, что его практически нельзя смутить никакими неожиданностями, это «немного» в его устах имеет очень большое значение.

Угорь взволнован как никогда за все время нашего знакомства.

— Поэтому меня он и заинтересовал, — между тем продолжил гарракец. Сейчас надо держать ухо востро и никому не доверять. Сторонники Неназываемого вылезают на свет как грибы после дождя.

Сторонники Неназываемого? Ха! Любезный гарракец ещё не

сталкивался со сторонниками Хозяина! Вот кто способен подкинуть улей неприятностей в самый неожиданный момент! Это не говоря уже о Посланнике Хозяина, упоминание о котором навевает на меня такой животный ужас, что я готов отрезать собственную руку, лишь бы больше никогда с ним не встречаться и не слышать его голоса.

Я помолчал, собираясь с мыслями, потому как не люблю разговаривать с людьми о своей жизни. Чем меньше о тебе знают другие, тем сильнее ты защищен от разных неожиданностей. Фор вбил мне эту мудрость давным-давно, и со временем я стал понимать, что мой старый учитель был абсолютно прав. Никто в Авендуме не знал о чувствах и привязанностях Гаррета-тени, и никто не мог надавить на меня, используя для этой цели моих друзей и близких. Поэтому, мало болтая и занимаясь своими делами, я не очень беспокоился о неожиданном ударе в спину.

Молчаливому гарракцу я доверял. Наверное, Угорь был одним из немногих людей, кому я не боялся раскрыть и излить душу, зная, что все, что он от меня услышит, уйдет с ним в могилу.

— Мы были дружны с самого детства, — неожиданно для себя начал я свой рассказ. — Два вечно голодных и чумазных мальчишки, живущих в трущобах Авендума. Нам пришлось многое пережить вместе, Угорь... Голод, зимнюю стужу, облавы стражи... Чего только мы не испытали за те годы... Я и Басс держались друг друга и в общем-то кое-как сводили концы с концами до той поры, пока нас не взял под свое крыло один мастер-вор. Его звали Фором... Этот человек многому нас научил... Он попросту вбил в меня все, что должен знать приличный вор, чтобы в конце концов получить от гильдии звание мастера.

Фор говорил, что у меня природный дар к воровству, может, так оно и есть. Басс оказался не таким. Когда мы жили на улице, по карманам прохожих шарил я, а не он. У Басса была другая страсть — карты и кости. Фор в конце концов махнул на моего друга рукой, а Басс все больше и больше затягивался в игру. Пару раз он влипал в неприятные ситуации, проигрываясь в пух и прах. Фор в то время был не последней фигурой в криминальном мире Авендума и мог отмазывать Басса от неприятностей. Но всему когда-нибудь должен наступить конец. Однажды, когда Бассу стукнуло двадцать, он крепко влип. Мой друг остался должен большую сумму Маркуну, этот человек долго был главой гильдии воров Авендума. Басс ничего не сказал ни мне, ни Фору. Он попросту взял наши деньги и пропал. Украл золото у своего учителя и у своего друга.

Потом пошел слух, что ребята Маркуна пустили его под Пирс, но тела так и не нашли. Все эти двенадцать лет я и Фор считали Басса мертвым. Ну

не мог он просто так исчезнуть и ничего не сообщить нам! А теперь представь себе мое изумление, когда я увидел его спустя все эти годы в Ранненге живым и здоровым. Все это время он был жив и даже ничего нам не сообщил!

— Да уж... — крикнул Угорь.

— Я удовлетворил твоё любопытство?

— Да, Гаррет. Будем надеяться, что ваша встреча была всего лишь совпадением... Ты не собираешься с ним встретиться и поговорить?

— Нет, он выбрал другую жизнь...

Угорь ничего не сказал. Он обратил своё внимание на то, что происходит у кафедры.

Профессор, зажав в руке пыточный инструмент, читал студентам лекцию.

— ...Как видите, зубочелюстная система гномов довольно близка к зубочелюстной системе человека. Но есть и определенные отличия: строение черепа и альвеолярных отростков челюстей гномов немного другое. Прикус у них прямой, а зубов у этой расы меньше, чем у людей, их всего лишь двадцать четыре, по двенадцать на каждой челюсти. Отсутствуют клыки и вторая пара премоляров. К сожалению я не имею возможности показать вам зубы орков или эльфов. Но поверьте, у обеих рас они абсолютно идентичны, что доказывает их крайне близкое родство. Гиперразвитие клыков нижней челюсти привело у эльфов и Первых к развитию довольно специфического прикуса, при котором во время открывания рта нижняя челюсть смещается... Впрочем, мы отвлеклись. Причиной, заставившей прийти нашего сегодняшнего пациента, является верхний правый четвертый зуб. Я склонен предполагать, что фактором для возникновения боли послужило резкое переохлаждение организма. Но тут, конечно, желательно собрать анамнез, потому что на предположениях далеко не уедешь. Помню, был случай, когда мой пациент...

— Думаю, так продолжаться будет еще очень и очень долго, — хмыкнул Угорь.

Так думал не только гарракец. Некоторые из студентов откровенно скучали, Кли-кли с интересом приглядывался к блестящему ножу, оставшемуся лежать возле трупа, а Делер отчаянно зевал, прикрывая рот массивной ладонью. Халлас нетерпеливо ерзал в кресле, постепенно меняя цвет лица с бледного на багровый. В тот самый момент, когда говорливый профессор стал разбирать десятый клинический случай из своей практики, терпение гнома лопнуло.

— А-а-а! Клянусь ледяными червями! — взревел гном. И, соскочив с

кресла, решительно протопал в нашу сторону.

— Куда вы, милейший?! — вскричал удивленный профессор. — А как же зуб?

Все студенты очнулись от спячки и, открыв рты, принялись глазеть на гнома.

Услышав вопрос, Халлас остановился, развернулся, показал всем присутствующим неприличный жест, от которого бедняга профессор схватился за сердце. Оставшись доволен результатом, гном с гордо поднятой головой направился к выходу.

— Вот и выдрали! — сплюнул Делер, поравнявшись с нами.

Кли-кли вообще ничего не сказал, лишь трагически вздохнул и шмыгнул носом.

— Ну и куда мы теперь, Халлас? — спросил Делер.

— Пить! — буркнул гном.

— Что? — переспросил карлик.

— Я сказал, что мы идем пить — рывкнул Халлас. — Ты оглох? Может, хоть выпивка заглушит эту проклятую боль!

На выходе из здания мы столкнулись с тем самым пареньком, что привел нас к говорливому профессору. Гном вцепился в парня, как голодный гхол в кость с протухшим костным мозгом:

— Где здесь ближайший кабак?!

— Кабак?

— Да! Кабак, трактир, таверна или любое другое место, где можно напиться?!

— А! "Солнечная капля". Она совсем рядом с Университетом! Через парк и направо.

Гном потерял всякий интерес к нашему проводнику и стал спускаться по лестнице.

— Спасибо, — сказал пареньку Кли-кли. В отличие от гнома гoblin всегда старался оставаться вежливым и предупредительным парнем.

* * *

"Солнечную каплю" мы нашли без всякого труда, и Халлас решительно вошел в дверь этого заведения. Наверное, в Верхнем городе это был худший из всех трактиров. Несмотря на близость к Университету и

школе магов, здесь собрались не самые благонадежные личности города. Мой настороженный взгляд сразу выцепил столик с пятью доралиссцами и столик, где сидели ребятки, у которых на груди висели бляхи гильдии каменотесов. Доралиссцы и каменотесы недовольно косились друг на друга, но к активным боевым действиям пока не переходили. Склонен предполагать, что до драки дело не дойдет, пока ребята не опустошат еще пяток кувшинов с вином.

Еще одной опасной зоной в зале "Солнечной капли" являлись столы, за которыми расположился десяток Бездушных егерей, отмечающих, как я понял, увольнительную. Эти парни косились и на доралиссцев и на каменотесов. На простецких лицах воинов застыла мрачная решимость начистить рыло и тем и другим.

Конечно, в зале было полно и обычного, настроенного на более мирный лад люда, но напряжение явственно витало в воздухе, и хозяин трактира носился как угорелый, пытаясь разрядить обстановку.

— Гм... — произнес я, пытаясь перекрыть гул. — Может, поищем более спокойное место?

— Не бойсь, Гаррет, ты со мной! — произнес Халлас, садясь за единственный свободный столик, находящийся возле самой стойки.

Да я и не боялся. Попади завсегдатаи сего трактира в "Нож и Топор" не сомневаюсь, они бы в обморок со страху упали. А здесь... Просто на кой лезть в берлогу, где ожидается драка? Себя по возможности надо беречь.

Перед нами как по волшебству выросла служанка.

— Этим четверым пива, а мне что-нибудь очень-очень крепкое, — сказал гном.

— Есть пшеничная настойка.

— Пшеничную настойку смешай с крудром, добавь темного пива и немного "Гномьего жара", — после недолгого раздумья решил гном. — "Гномий жар" у вас найдется?

— Поищем, господин.

Если служанка и удивилась странному выбору Халласа, то не подала вида.

— Слушай, Халлас, — обратился к гному Делер. — Если ты жаждешь покончить жизнь самоубийством, то не стоит пить всякую гадость. Скажи мне, и я без колебаний отправлю тебя в свет.

На выпад Делера Халлас выбрал довольно странную для себя тактику — он попросту проигнорировал слова карлика.

— А мне, если можно, не пива, а морковного сока, — встрял в разговор Кли-кли.

— Такого у нас не подают.

— Ну, тогда какого-нибудь другого сока.

— Сока у нас нету, — уже не очень любезно сказала служанка.

— А молоко?

— Пиво.

— Ну тогда пива, — огорченно вздохнул Кли-кли. Служанка удалилась выполнять заказ.

— Какие люди и в каком месте! — раздался знакомый голос.

К столику подошли Фонарщик, Арнх и Сурок. Линг спрыгнул с плеча Сурка, шлепнулся к нам на стол и стал шевелить розовым носом в надежде чем-нибудь поживиться. Кли-кли сунул Непобедимому под нос морковку, но тот лишь оскалился и тихонько завыл. Линг попросту плевал на попытки гоблина завязать с ним дружбу.

— Вас-то каким ветром сюда занесло? — не очень-то приветливо спросил гном вновь прибывших.

— Не вижу, чтобы ты радовался нашей встрече, — усмехнулся Арнх, присаживаясь на свободный стул.

Мумр и Сурок последовали примеру своего спутника, правда, Сурку пришлось брать стул от соседнего столика, где как раз сидели козлолюди. Доралиссцы окинули воина нехорошими взглядами, но связываться не стали, посчитав, что рога и борода не стоят какого-то стула.

— А он сегодня никому не рад, — ответил за гнома Делер.

— Зуб выдрали? — спросил Фонарщик.

— Слушай, Мумр, — раздраженно начал Халлас, — играй в свою дудку и не трогай меня!

— У-у-у, как все плохо, — огорченно покачал головой Фонарщик.

— Чего не выдрали-то? — включился в беседу Арнх.

— Передумал я! — не выдержал гном. — Передумать, что ли, нельзя?!

— Да ладно, Халлас, ладно, — добродушно успокоил гнома Арнх. Передумал так передумал. Чего кричать-то?

Служанка принесла нам пиво, а Халласу его огненную болтушку и, получив заказ от трех присоединившихся к нам Диких, вновь удалилась.

— Вы сами-то как здесь очутились? — спросил я у Сурка, который усадил линга к себе на плечо.

— Да Арнх нас потащил по городу гулять, а на обратном пути мы сюда зашли горло промочить и вас увидели.

— А что интересного в городе? — спросил Кли-кли, осторожно нюхая принесенное ему пиво.

— Слушай, Кли-кли, — игнорируя вопрос гоблина, сказал Сурок. —

Хватит болтать ножками! Ты мне все штаны испачкаешь.

— Извиняюсь, — сказал шут, хотя по его виду не очень было заметно, чтобы он сильно раскаивался. — Халлас, а ты чего не пьешь?

— А ты? — огрызнулся гном, уставившись в свою кружку с пойлом, как будто там плавала змея.

— А я нюхаю! — нашелся Кли-кли. — Мне этого вполне достаточно!

— Я тоже.

— Да уж. Крудром из кружки воняет почище чем от козлов, — хмыкнул Фонарщик.

— Ну что за раса такая гномы?! — отхлебнув густого темного пива, хитро ухмыльнулся Делер. — Зубы драть боятся, заказывают огненную смесь, а пить опять же боятся.

— Кто это боится?! Это на кого ты намекаешь, шляпа?! На поле Сорна мы не побоялись вам рога пообломать, а выпить эту воду боюсь? На!

Халлас схватил кружку, способную поспорить размером с целым кувшином, и залпом, не передохнув, опрокинул ее себе в глотку. Меня передернуло. От капли гремучей смеси, которую с горя заказал гном, загнулся бы даже Х'сан'кор.

Гном выпил, крикнул, стукнул кружкой об стол, собрал разбежавшиеся в разные стороны глаза в одну точку и прислушался к своим ощущениям, раздувая ноздри. Все мы взирали на Халласа с неподдельным восхищением.

— Ну хы... — выдал гном, обдав нас непередаваемым ароматом смеси. — Ну хы... Ну хымия, мать вашу!

— Ты жив? — опасливо покосился на друга Делер.

— Нет! Я уже в свете! Так хорошо было только тогда, когда ты вытащил мою задницу с эшафота рачьего герцога! Зуб совсем не болит! Служа-анка! Еще три кружки того же самого!

— Ну что? — помедлив, спросил Сурок. — За Кота надобно выпить.

— Чтобы земля ему пухом, а травка покрывалом, — поднял свою кружку Фонарщик.

— Чтобы шел в свете, — поддержал Фонарщика Халлас.

— Удачной зимы ему, — пожелал Угорь.

Мы выпили молча, не чокаясь.

Вот так в жизни бывает: кто-то уже в свете, а кто-то еще жив. Кот навсегда остался в земле возле старого оврага Харьгановой пустоши. Первый погибший из нас. Очень надеюсь, что, кроме разведчика Диких, больше за время нашего путешествия никто не умрет.

Время текло незаметно, люди приходили в трактир и уходили, каменотесы, доралиссцы и егеря планомерно накачивались вином, и уже часа через два, когда передо мной стояла третья кружка пива, а перед Халласом восьмая кружка его огненной «лечилки», невесть откуда появился дед с дудочкой и заиграл веселую джангу. Самые трезвые и способные твердо стоять на ногах пустились в пляс. Арнх, подхватив под руки визжавшую вначале от возмущения, а потом от восторга служанку, влился в круговорот танца. Каменотесы весело подпевали, доралиссцы стучали кружками об стол, а мы притоптывали ногами, стараясь попасть в такт музыке, и лишь Халлас не обращал внимания на всеобщее веселье и планомерно накачивался своим пойлом. Гном или карлик может выпить, не захмелев, столько, сколько не выпьет целая толпа людей. Но шести кружек, стоявших перед Халласом, вполне хватило, чтобы его язык стал весьма заметно заплетаться, нос покраснел, а глаза заблестели. Апофеозом лечения явилось признание гнома в искренней любви к Делеру.

— Эх ты! Шля-ляпа! Ик! Не будь твоей мо-морды передо мной, что бы я с-стал делать? — пьяно пробормотал гном и попытался снять с Делера его любимую шляпу. — Слу-луж-анка! Ик! Па-автарить!

Но Сурок еще полчасика назад незаметно от Халласа сказал хозяину трактира, что гному наливать хватит. Трактирщик было возмутился этому предложению, лишавшему его заведение законного дохода, но, услышав, что пьяный гном способен устроить в "Солнечной капле" погром, с неохотой согласился больше не подносить Халласу хмельные напитки.

Прошло еще немного времени, а мои товарищи никуда и не собирались уходить. Теперь у них появилось новое развлечение — Мумр и Сурок принялись играть в гляделки с доралиссцами. Каждая партия старалась пробуравить друг в друге дырку. Каменотесы, поняв, что у них, возможно, появились союзники, приободрились, а егеря задумались, на чью сторону вставать в предстоящей драке.

В трактир веселой гурьбой ввалились господа студенты, решившие отметить успешную сдачу экзамена. Халлас тихонько закемарил на плече у Фонарщика, и Делер вздохнул с облегчением — гном-непоседа наконец-то от него отстал.

Как-то неожиданно за нашим столом возник спор о кулинарных изысках рас Сиалы. Карлик бил себя кулаком в грудь и говорил, что лучше, чем его народ, готовить никто не умеет, на что Кли-кли предложил разбудить Халласа и узнать его мнение на сей счет. Делер поспешно сказал, что будить его напарника не стоит, все равно гномы в еде ни шиша не понимают, достаточно вспомнить хотя бы, как Халлас кашеварил во время

нашего путешествия.

— Вообще-то гоблины мастера приготовить что угодно, — высказал свое мнение Кли-кли.

— Угу, только нормальные люди вашу снедь употреблять не способны, фыркнул Фонарщик.

— Вас, Диких, нормальными людьми назвать довольно сложно, — возразил Кли-кли. — Вы, небось, сами во время рейдов в Безлюдные земли всякую дрянь лопаετε!

— Бывало, — согласился Фонарщик. — Помню, однажды пришлось жрать мясо снежного тролля, еда, я тебе скажу, еще та!

— Тьфу! — Сурка передернуло от воспоминаний

— Да ладно вам, — не согласился с товарищами Делер. — Мясо как мясо, только говнецом отдает.

— Во-во! Именно им, родимым, — поддакнул Фонарщик. — Меня тогда чуть наизнанку не вывернуло!

— Что-то я не заметил, — хмыкнул карлик. — После недели голодовки в снегах ты накинулся на это мясо, как будто это был не тролль, а телячья отбивная. За ушами так и трещало! А если бы дождался, пока я его прожарю, и не ел сырым, вообще бы на ура прошло.

— Гаррет, на меня можешь не смотреть, — отрекся от откровений Делера Арнх. — Я "Стальной лоб", а не "Шип", мне такие страсти тоже в новинку.

— Все вы, "Лбы", одним прахом мазаны, — махнул на Арнха рукой Сурок. То ли мы, разведка! По всем Безлюдным землям мотаемся, а не сидим за стенами!

— Сомнительное удовольствие мотаться по Безлюдным землям, — не согласился житель Пограничного королевства. — Того и гляди огр на топор насадит или свену на глаза попадешься.

— Да ладно, — не вытерпел Кли-кли, нюхнув для бодрости пивка из кружки. — Разве это страсти в кулинарии? Мясо тролля! Ха!

Кли-кли соорудил гримасу, будто он пять раз на дню только и делает, что лопает мясо троллей.

— А ты пробовал более экстравагантные блюда? — с интересом спросил у гоблина Угорь.

— А то! — гордо произнес Кли-кли. — У нас даже есть древняя застольная песенка о такой еде!

— А ну-ка сваргань, — попросил Мумр.

— Лучше не надо! — замахал руками Делер. — Знаю я ваше зеленое племя! Вы хуже бородатых! Как начнете петь, так собаки на лигу в округе

воюют!

— Так петь или не петь? Вы определитесь. — В глазах у шута танцевали маленькие демоны.

— Да пой, пой, — вздохнул Сурок. — Ты ведь все равно теперь не успокоишься, пока не споешь.

— Ага! — радостно осклабился шут и тоненьким голоском придворной фрейлины запел незатейливую гоблинскую песенку о полезной еде.

По шаткой лестнице скорей, глотая копоть фонарей, спускаюсь я на склад.

Спешу вдоль пыльных стеллажей, отведасть квашеных мышей, горит мой хищный взгляд.

— Хватит! — вместе завопили Фонарщик и Делер. Кли-кли прервал песенку и с веселой улыбкой оглядел наши вытянутые огурцами лица.

— Меня сейчас вывернет наизнанку, — процедил сквозь стиснутые зубы Арнх.

Лицо у него заметно позеленело, тонкий белый шрам, надвое рассекавший загорелый лоб, стал более заметен.

Сурок сгреб линга в охапку и убрал его подальше от Кли-кли.

— Теперь я понимаю, почему Непобедимый тебя кусает, — произнес Сурок. — Вздумаешь сожрать линга — убью!

— Дураки! — обиделся Кли-кли. — Это всего лишь застольная песенка. Мы не едим такую гадость.

— Кто вас, зеленых, знает, — переведя дух, ответил Делер. — Вы добренькие, добренькие, а потом бац, и нету.

— Да ладно вам! Что вы как маленькие? Давайте я лучше другую песенку спою, называется "Муха в тарелке".

— Еще одна такая песенка, Кли-кли, и я тебя стукну. Больно! — очень грозным голосом предупредил гоблина Мумр.

Кли-кли глянул на Фонарщика и решил не петь, трезво рассудив, что рисковать головой ради какой-то песенки не стоит.

— Господа хорошие! — К нашему столику подошел какой-то старикан. Помогите инвалиду, купите ему кружку пива!

— Ты не очень похож на инвалида, — буркнул Делер, не получивший от богов дара щедрости.

— Но это так, — трагически вздохнул попрошайка. — Десять лет я

скитался по пустыням далекого Султаната и оставил в песках все свои силы и состояние.

— Угу, — недоверчиво хмыкнул Делер. — В Султанате! Думаю, что ты от стен Ранненга за всю жизнь дальше десяти метров не отходил.

— У меня есть доказательство. — Старика немного качало, видно, за сегодняшний день он просил уже не первую кружку пива. — Вот!

Старик театральным жестом достал из-под грязного латаного плаща нечто напоминающее палец, только размером раза в три больше, да еще и зеленого цвета, да еще и с шипами, да еще и в цветочном горшке.

— И что это за зверь? — спросил Делер, опасливо отодвигаясь от непонятного предмета на безопасное расстояние.

— Эх, молодежь, молодежь, — покачал головой старик. — Совсем ничему не обучены. Это же кактуз!

— Какой еще на хрен кактуз? — не понял карлик.

— Всамделишний! Это ведь редкий цветок пустыни, обладающий целебным даром и цветущий раз в столетие.

— А! — недоверчиво рассмотрев редкий пустынный цветок, вынес свой вердикт Арнх. — А мне он больше напомнил не растение, а кое-что другое, вот только зеленое и колючее.

— Да ладно вам, купите деду пива, — вклинился в разговор Фонащик.

— И не только деду, — пробурчал Халлас, открывая глаза. — И мне тоже! Только не пива, а той фигни, что я пил до этого. Зуб опять заболел!

— Ты спи, — шикнул на гнома Делер. — На сегодня пить хватит.

— Ага! — фыркнул гном. — Как же! Старикану, значит, можно, а мне ни-ни?! Я тебя даже слушать не буду! Вот сейчас встану и сам все себе возьму!

— Да куда ты встанешь, Халлас? Тебя же ноги не держат!

— Еще как держат! — возразил гном и, отодвинув табурет, встал. — Ну?! Съел?!

Халлас довольно заметно качало из стороны в сторону, сейчас он был похож на матроса во время шторма, разразившегося в море Бурь.

— Ты неисправим, — вздохнул Делер.

Халлас победно хмыкнул и, сделав пару шагов, столкнулся с идущим ему навстречу доралиссцем. Доралиссец возвращался к своему столу с полной кружкой крудра, и ненароком подвернувшийся ему под ноги Халлас расплескал весь напиток козлу на грудь.

Гном пьяным взглядом окинул возвышавшегося над ним козлочеловека, улыбнулся и сказал то, что совсем не стоит говорить

представителю расы доралиссцев:

— Привет, козел! Как жизнь?

Доралиссец, услышав смертельное для его народа оскорбление (то есть слово "козел"), без всяких заминок влепил кулаком гному по зубам. Делер видя, что какой-то козел смеет бить его друга, обиженно взревел и, схватив стул, на котором только что сидел Халлас, обрушил его на голову доралиссцу. Стул разлетелся в щепки, а вот голова оказалась не в пример прочнее — она, как того и следовало ожидать, не развалилась, но доралиссцу такого удара все равно хватило за глаза, и он как подкошенный рухнул на пол.

— Мумр, подсоби! — попросил Делер.

Фонарщик бросился к карлику, помог поднять потерявшего сознание доралиссца и отправить его в далекий полет к столу егерей. Солдаты приняли доралиссца с распростертыми объятиями и сразу же отправили домой, к столику, из-за которого уже вставали злые и расстроенные козлолюди. У Бездушных опыта в запуске бессознательных тел было не так много, как у Делера и Фонарщика, поэтому доралиссец не долетел до намеченной цели и рухнул на каменотесов. Те будто только и ждали такого сюрприза — ребята повскакивали с мест и с кулаками ринулись на егерей. Доралиссцы проигнорировали начавшуюся бучу между воинами и каменотесами и бросились к нам.

Кли-кли пискнул и нырнул под стол. Я, зная, какой невероятной силищей обладает ошибка богов, имя которой доралиссец, схватил со стола легендарное растение кактуз и запустил его в рыло ближайшему нападающему. Владелец кактуза и моя цель закричали в одно и то же время. Старикан бросился спасать из-под копыт козла свое бесценное растение, а доралиссец, противно блея, выдергивал из носа колючки.

К этому времени драка приняла вселенский размах и боевой задор Веселых висельников. Все дрались со всеми. По воздуху летали пивные кружки, выискивая зазевавшихся остолопов. Одна чуть было не угодила в голову Сурку, и если бы он не успел выставить перед собой табурет... лежать бы Сурку на полу рядом с потерявшим сознание Халласом.

Причитающий хозяин заведения попытался остановить разгром его собственности, но словил на темечко кружку, брошенную чьей-то ловкой рукой, и, удивленно икнув от такой несправедливости, свалился куда-то под стойку. Еще одна кружка грохнулась в кучку студентов, и они с воплем "Наших бьют!" ринулись в атаку на егерей.

Я отпрыгнул за стол, предоставляя право Диким получать все пинки и шишки, благо это их прямая обязанность — защищать меня от

всевозможных неприятностей.

— Гаррет! Не крутись под ногами! — прорычал Делер, устремляясь к одному из доралисцев.

Карлик подбежал к врагу, примерился и пнул его между ног. Доралиссец отпрянул, а Делер взвывая, схватился за ушибленную ногу. Угорь, Фонарщик и Сурок образовали клин и давали жару всем, кто рисковал подойти на расстояние удара. Угорь, служивший острием клина, выдавал скупые удары кулаками, точные и размеренные, и тот, кто после ударов гарракца еще держался на ногах, попадал под раздачу к Фонарщику или Сурку. Линг на плече у последнего впал в бешенство и пронзительно визжал, норовя укусить любого, кто подвернется под его зубы. Поняв, что остаться на плече у хозяина — это пропустить все веселье, Непобедимый прыгнул на лицо ближайшего врага и вцепился тому зубами в нос. Непобедимый так и провисел на носу горемыки, пока на помощь ему не подошел Сурок, сваливший укушенного на пол тремя точными ударами.

— Гаррет! Подвинься!

Арнх оттеснил меня в сторону и, схватив за грудки одного из егерей, ударил того головой в нос. Затем еще одного драчуна постигла та же самая участь. А затем еще одного. Воистину, лысая голова жителя Пограничного королевства оказалась страшным оружием. Но на любого дракона найдется своя баллиста. Один из каменотесов подкрался к Арнху сзади и ударил воина по затылку бутылкой. Бутылка разлетелась вдребезги, Арнх покачнулся, а каменотес, ободренный успехом, стал поднимать острые осколки для повторного удара. Выскочивший из-под стола Кли-кли со всей дури огрел врага по ноге. Тот выронил из рук оружие и, сыпля проклятиями, попытался схватить Кли-кли за шкуру, но проворный гoblin проскользнул между ног человека и отвесил каменотесу сочный пинок в задницу. Я внес свою скромную лепту тем, что для полного счастья подарил парню смачный удар в живот. Каменотес согнулся в три погибели и постарался удержать ужин в желудке. Кли-кли самым бесцеремонным образом повторно пнул врага в пятую точку, а я врезал ребром ладони по шее. Парень обиженно закатил глаза и рухнул на пол.

— Ты в порядке? — спросил я у Арнха, на всякий случай придерживая его за плечо.

— Угу, — промямлил воин. На его затылке выростала очаровательная лиловая шишка. — Кто это так меня?

— Вот он! — Кли-кли ткнул пальцем в лежавшего на полу человека.

— Пни его за меня, пожалуйста — попросил Арнх, и Кли-кли старательно исполнил просьбу товарища.

— Становится слишком жарко! Пора сваливать! — Под глазом у Фонарщика появился огромный синяк.

— Фигу вам! — пропыхтел Делер, отбиваясь табуретом сразу от двух доралиссцев. — Веселье только начинается! Вы будете глазеть, или мне хоть кто-нибудь поможет с этими козлами?!

— За козлов отвэээтишь! — проблеял один из доралиссцев, обрушивая кулак на низкорослого карлика сверху.

Делер отскочил в сторону, вмазал табуретом по ребрам бывшего его доралиссца и отпрыгнул назад, пропуская на свое место "тяжелую кавалерию" в виде пятерых воинственно настроенных егерей. Ребята виноградной гроздью повисли у доралиссцев на плечах и с солдатской основательностью принялись обрабатывать их морды кулаками.

Вокруг Угря образовалось свободное пространство. Никто больше не рисковал попробовать свои силы на гарракке. Наверное, мне показалось, но, по-моему, Угорь немного расстроился из-за такого поворота событий. Он только вошел во вкус, и на тебе такое горе!

— Стоять можешь? — спросил я у Арнха, осторожно опуская его на единственный уцелевший табурет. (Все другие пали жертвой Делера).

— Да что со мной сделается? Чай не фарфоровый, — морщась, зашипел он и потрогал шишку у себя на затылке.

— А студенты-то ребята бойкие! — Сурок наконец закончил чесать кулаки о рыло самого здорового каменотеса и теперь с академическим интересом наблюдал за свалкой в соседнем углу трактира.

Студенты подошли к драке со студенческой находчивостью и бесшабашностью. Перевернув несколько столов, они устроили с их помощью импровизированную баррикаду и сначала провели, как говорят гномы, артиллерийскую подготовку, используя для этого пивные кружки, и только потом с дружным ревом набросились на Бездушных егерей и им сочувствующих.

Кто-то из побитых попытался поползти до выхода и улизнуть, но не успел. Дверь попросту слетела с петель, и в заведении появились стражники.

— Никому не двигаться! Все арестованы! — заорал кто-то из стражи, но тут же получил пивной кружкой в шлем и, тряся головой, рухнул на колени.

Стража обиделась, что никто не воспринимает ее серьезно, и каменотес, собравшийся отправить в их сторону бутылку, упал с арбалетным болтом в ногу.

— Тикаем! — закричал кто-то из студентов.

Самые сообразительные стали покидать "Солнечную каплю" через разбитые окна.

Сурок недолго думая вытащил из-под стойки перепуганную служанку:

— Где черный ход?

— Там! — девушка кивнула в сторону кухни.

— Сваливаем, ребята! Я не собираюсь объясняться со стражей! — Сурок бросился в указанном служанкой направлении.

Весь наш отряд дружной гурьбой последовал его примеру. Фонарщик и Делер во время тактического отступления не преминули настучать по тылке последнему из оставшихся на ногах доралиссцев.

— Сто подлунных королей! — хлопнул себя по лбу карлик. — Халласа, ядрить его бороду, забыли!

Стражи в таверну битком набилось. Они уже теснили дерущихся, и Халласа пришлось вытаскивать чуть ли не из-под ног служителей закона.

Гном кое-как очухался и, поддерживаемый Делером и Мумром, стал ковылять к черному ходу. Мы, перепугав повариху, проскочили кухню и выбрались на улицу. Делер по дороге пел боевой марш карликов, Кли-кли подпевал ему тоненьким голосочком, Фонарщик довольно хрюкал. Ребята искренне радовались, что размялись.

Мы, как оказалось, довольно долго просидели за пивом, на улице уже успело стемнеть. Выскочив в какой-то темный переулок, мы бросились прочь от трактира, но Халлас остановился как вкопанный и заорал:

— Мой мешок!!!

Гном оттолкнул в сторону попытавшегося задержать его карлика и нырнул назад, в дверь таверны.

— Вот идиот! — зашипел Сурок.

— Вляпается! Как пить дать вляпается! — Делер собрался ринуться на помощь другу.

— А ну стой на месте! — осадил его Угорь. — Я не собираюсь сразу двоих из кутузки вытаскивать.

Делер пробурчал сквозь зубы гномье ругательство, но остался на месте, с нетерпением глядя в сторону светлого прямоугольника распахнутой двери трактира. Минута тянулась бесконечно долго...

Наконец Халлас попросту вылетел из двери и помчался в нашу сторону. Его вожаемый мешок уже был закинут за спину.

— Эх, жаль, тот козел не проломил твою тупую голову! — произнес Делер, но в его голосе сквозило несказанное облегчение.

— Пошли, — скупно сказал Угорь, принявший командование над нашим немногочисленным отрядом.

— Сурок, ты мышку в таверне не забыл? — встревоженно спросил Кли-кли.

— Я быстрее тебя забуду, чем Непобедимого, — проворчал Сурок.

— У-у-у, злой ты, — обиделся гоблин. — И вообще, плохой сегодня выдался день!

— Это еще почему? — удивился Арнх. — У тебя же, по определению, не бывает плохих дней.

— Ну посуди сам, — сказал Кли-кли, стараясь приноровиться к шагу Арнха. — Приперлись в город, прошастали весь день, Халласу зуб так и не выдрали, а завтра нужно двигаться дальше, если, конечно, мы не намереваемся прибыть в Заграбу к ноябрю.

— Да ладно, не опоздаем. У нас до января куча времени, — не согласился Сурок.

— Эх, — огорченно вздохнул Халлас. — Забыл!

— Чего ты еще забыл? — недовольно спросил Мумр. — Мешок же у тебя.

— Трубку забыл! Трубку! Выпала, должно быть, когда этот огром драный козел саданул меня по роже!

— Ну и славно. — Делер не переваривал табачного дыма. — Хоть немного отдохнешь от курения.

— Трубка! Из вишни! — между тем продолжал сокрушаться Халлас. Фамильная реликвия! Вернуться, что ли?

— Только попробуй. С Дядькой сам будешь разбираться, — предупредил гнома Угорь.

— А, ладно, — сплюнул Халлас. — У меня в седельной сумке запасная была.

— Как твой зуб? — не удержавшись, спросил я у гнома. Халлас что-то подозрительно долго не ныл.

— Нету его, слава Сагре!

— ...?

— Да этот козел так саданул, что выбил его к карликовой бабушке!

— Видишь, Халлас, — захохотал Делер. — Какого ты себе знатного цирюльника нашел. Рогатый, тупой, и бороденка имеется! Ну прямо как ты! Ребята! Они нашли друг друга!

В темном переулке раздался взрыв смеха, причем Халлас смеялся наравне со всеми.

Три раза мимо пробежали поднятые по тревоге стражники, и нам приходилось таиться в тени зданий. Угорь решил не рисковать, и мы сделали большой крюк, чтобы не попасть под руки растревоженным, будто

осы ранней осенью, блюстителям порядка. Наконец мы вышли на улицу, ведущую к "Ученой сове".

Во время прогулки до дома от нас шарахались те из немногих прохожих, что оставались на улицах. Вполне оправданная предосторожность. Как бы вы себя повели, если бы вдруг наткнулись на донельзя странных типов, совсем недавно побывавших то ли в драке, то ли в битве, то ли в самой тьме? У гнома разбиты губы, у Фонарщика фингал под глазом, на голове Арнха большущая шишка, да и остальные выглядели весьма потрепанными.

Возле нашего трактира зазевавшийся и все еще немного не отошедший от огненного пойла Халлас второй раз за день столкнулся с каким-то прохожим. Прохожий отпрыгнул и осоловело уставился на нашу разномастную компанию. Я узнал этого человека — цирюльник с Большого Рынка, просивший за удаление зуба три золотые монеты. Он нас тоже узнал и, еще раз оглядев наши побитые рожи, встретился взглядом с крайне хмурым Халласом. Понимая, что сейчас его могут очень-очень сильно побить, цирюльник пошел на уступки:

— Один золотой, почтенный гном! Только для вас!

Удивительно, но Халлас в драку не полез, а сложил из пальцев кукиш, поднес его под нос цирюльника, попытался улыбнуться так, чтобы была видна щель между зубами, и злорадно произнес:

— Один золотой? А фигу с маслом не желаешь?!

Глава 4

Неприятности начинаются...

До трактира мы добрались без всяких приключений. Когда я говорю "без всяких приключений", то подразумеваю, что во время пути домой не произошло ничего ужасного. Мумр не пытался выдуть из дудки клич одуревшего от счастья осла, Халлас ни с кем не поругался и не подрался, Кли-кли не задирали юбки у почтенных матрон, не пел пошлых песенок и не корчил рожи страже, а Угорь никого не прирезал по доброте душевной. Гулять с моими товарищами по городу — все равно что танцевать джангу с Неназываемым на тонком фарфоровом блюде, подвешенном над пропастью, заполненной кипящей лавой (того и гляди, то ли колдун тебя поджарит, то ли блюде разобьется, и ты примешь довольно неприятную ванну в горячей лаве).

— Дом, милый дом! — пропел Кли-кли, проскальзывая в ворота "Ученой совы". — Ай! Ты что?! Больно же!

Последние фразы гоблина относились к Угрю, который рачьей хваткой вцепился в плечо шута.

— Стой на месте, — прошептал Угорь. — Здесь что-то не так. Гаррет, что-нибудь замечаешь?

— Слишком тихо, — ответил я, осматривая полутемный двор. — Фонарь над входом не горит! Он, кажется, разбит... Ни одного слуги, а утром они во дворе вились как мухи. Огни горят только на первом этаже.

— Неприятности? — Кинжал Сурка, тихо звякнув, покинул ножны.

— Не знаю, — буркнул Угорь, отпуская Кли-кли и обнажая парные гарракские даги. — Но не припомню, чтобы утром в стенах торчали арбалетные болты! — Только тут я заметил, что в стене трактира, сейчас прекрасно освещенной светом луны, сиротливо застрял арбалетный болт.

— Рассыпаться, — отдал команду Делер. — Гаррет, ты вор, подкрадись и попробуй заглянуть в окно. Надо узнать, какие гости к нам пожаловали.

Угу! Я вор, но не самоубийца!

Но сказать я это не успел. В тени возле двери шевельнулся темный силуэт, сверкнули янтарные глаза, и неизвестный произнес:

— Где вы были столько времени?

На несколько долгих секунд мое сердце рухнуло куда-то вниз и на три

удара замерло испуганным кроликом. Увидев желтые глаза, я решил, что мы нарвались на Посланника Хозяина, и я так перепугался, что не сразу узнал голос Элла. Желтые глаза эльфа светились в темноте ничуть не слабее глаз проклятого Посланника.

— Что случилось, Элл? — Кли-кли было ринулся к эльфу, но его остановил холодный приказ Угря:

— Стой, Кли-кли.

Гоблин замер как вкопанный и посмотрел на воина. Гарракец так и не убрал даги обратно в ножны.

— Ты Элла не узнал?

— Выйди на свет, Элл. Будь так добр, — вместо ответа гоблину, мягко попросил гарракец у эльфа.

Слишком уж мягко и спокойно! В эту минуту Угорь был напряжен, как натянутая тетива лука, вот-вот готовая послать стрелу в цель.

В чем он подозревает эльфа?

Глупый вопрос. Воин, как и я, должен был помнить рассказ Миралиссы о том, что некоторые слуги Неназываемого могут менять облик и становиться чьими-то знакомыми или вообще невидимыми. Одну из таких тварей Кот и Эграсса убили во время нашего пути возле лагеря шаманов.

— В чем дело, Угорь? — довольно неприветливо процедил эльф.

Гарракец не доверял темному, а для эльфа необоснованное недоверие это достаточно серьезно оскорбление. Настолько серьезное, что дело может дойти до поединка. Но Угорь — парень не робкого десятка, он знает, на что идет.

— Ты просто выйди на свет, и все. Сам знаешь, в последнее время странные вещи вокруг нас творятся.

Элл не стал дальше спорить и, выйдя из тени трактира на лунный свет, вопросительно посмотрел на Угря. Элл как Элл, точно такой же, каким я его видел в тот момент, когда мы покидали трактир. Смуглая кожа, черные губы, пепельные волосы с челкой, ниспадающей на желтые глаза, здоровущие клыки, вышитая черная роза на рубашке — эмблема дома Элла, тяжелый асимметричный эльфийский лук в руках и неизменный с'каш за спиной. Губы к'лиссанга Миралиссы растянулись в едва заметной насмешливой улыбке.

— Ну как? Похож? Я смог убедить тебя, воин?

Угорь угрюмо молчал, изучая лицо эльфа. Делер как бы невзначай прянул влево, а Арнх вправо, обходя темного по флангам.

— Если бы я захотел, то вы бы и десяти шагов не сделали, — выложил

на стол козырного туза эльф.

Что верно, то верно. Элл, в отличие от Миралиссы и Эграссы, не обладал познаниями в шаманстве (магия — это дело высших родов эльфийских домов и шаманов), а вот стрелял Элл из своего страшного лука отменно, и каждый из нашей семерки, захоти этого эльф, получил бы стрелу в глаз, прежде чем Кли-кли успел бы сказать "Бу!".

— Да, это ты, — кивнул Угорь и, не спуская взгляда с эльфийского лука, убрал даги в ножны. — Прости. — Раскаяния в голосе гордого гарракца не чувствовалось.

— Похвальная предосторожность. — Губы Эллы дрогнули в улыбке. Эльф решил забыть об оскорблении, по крайней мере на время.

— Что случилось, Элл? — спросил Кли-кли.

— Идите в дом, Миралисса все расскажет. А потом кто-нибудь смените меня... Медка еще надо найти.

— Куда он поперся на ночь глядя? — Делер недоумевал, как и все остальные.

— Все вопросы к Миралиссе, — ответил ему эльф и скрылся в тени.

— Так, чую, на нас свалилось какое-то дерьмо! — с горечью сказал Сурок, направляясь к двери трактира.

— Чего это с Эллом? В тени прячется да загадками говорит? — спросил у меня Кли-кли. — И Угорь сегодня какой-то странный...

— Я знаю столько же, сколько и ты, шут.

— В тени прячется! Ха! А глазищи так и сверкают! Даже слепой его заметит, а уж гном точно! — бахвальски рассудил Халлас.

— Ты не прав, — покачал головой Угорь. — Он захотел, чтобы мы его заметили. Не недооценивай эльфа, гном.

Халлас крикнул, дернул себя за бороду и вошел в трактир, но своего мнения об эльфийской способности сидеть в засаде гном, по-моему, не изменил. Я последовал за Халласом и остолебенел на пороге, едва не врезавшись гному в спину. Сил присвистнуть от удивления хватило только Фонарщику.

А свистеть было от чего! Во-первых, по трактиру вился просто одуряющий винный запах. Пол был мокрым от впитавшегося в доски вина, густой винный дух поселился в зале трактира и теперь стучался в наши головы. Причиной всего этого безобразия оказалась большая винная бочка на стойке, которую продырявила арбалетными болтами какая-то сволочь. Все вино, естественно, вылилось на пол и чуть не затопило трактир.

В дубовой двери, ведущей на кухню, было полно болтов, еще столько же мы увидели в стенах. Столы и стулья большей частью перевернуты или

сдвинуты. Но не это заставило свистеть Мумра. Возле стойки лежало шесть тел. Одного мертвеца я узнал — это был трактирщик, мастер Пито. Трое других, как я понял, — его помощники-слуги. Два оставшихся тела мне были незнакомы, но в отличие от несчастного трактирщика и его слуг, убитых болтами, эти двое были изрублены на куски.

В самом центре зала, возле стола, заваленного оружием, сидели Миралисса, Эграсса и Алистан. Милорд Маркауз невозмутимо очищал от крови батарейный меч канийской ковки, эльфы негромко разговаривали друг с другом. Дядька сидел прямо на стойке трактира, сжимая в левой руке пивную кружку. Правое плечо у десятника оказалось забинтованным. Сквозь белую ткань повязки проступила кровь.

— Явились, гори ваши души! — выругался он, как только увидел нас. Какого дьявола шляетесь, когда вы здесь нужны?! Я вам, мать вашу, сейчас головы поотрываю, засранцы! Я, ядрючий козел танцуй на ваших костях, сам должен за всех отдуваться?!

— Что случилось, Дядьку? — спросил Делер.

Дядька, нисколько не стесняясь Миралиссы, принялся излагать в доступной для нас форме, более подходящей в разговоре между портовыми грузчиками, что тут произошло и что нам теперь следует со всем этим делать. Из его монолога я смог вынести всего четыре более или менее ценных слова «у», «на», «пошли», «в».

Никто перебивать Дядьку не рискнул, и десятник, выговорившись, махнул на нас рукой:

— А! Что с вами, раздолбаями, разговаривать!

Граф Алистан ничего не сказал по поводу нашего долгого отсутствия, но взгляд его был отнюдь не ласковым.

Дела, как оказалось, приняли крутой оборот.

После того как мы ушли из «Совы», Арнх, Сурок и Фонарщик тоже решили свалить в город. У темных неожиданно появились свои дела, и трое эльфов отправились узнавать у какого-то информатора об обстановке на восточном берегу Иселины. В трактире остались только Алистан, Дядька, Горлопан и Медок, начавшие дегустировать пиво и закуски мастера Пито, да пребудет он в вечном свете!

Не прошло и часу, как в трактир вломились неизвестные с арбалетами. Ребята без всяких объяснений попытались отправить всех находившихся в трактире в свет. Медок вовремя сдернул Дядьку со стула, и десятник вместо сердца получил арбалетным болтом в плечо. Мастеру Пито и его слугам повезло меньше. Несчастных хладнокровно наспиговали болтами. Медок с Дядькой рванули в сторону спасительной кухни, а Алистан, прежде чем

отступить вслед за Дикими, поработал мечом и отправил двоих врагов, уже разрядивших арбалеты, во тьму. Воевать с остальными не было смысла, против арбалетного болта, пущенного в упор, спасал не каждый доспех, не говоря уж о простых рубахах, бывших в это время на воинах. Дикие забаррикадировали дубовую кухонную дверь, а нападающие даже не попытались ее выбить.

— Мы для них были всего лишь помехой, и не более того. Раз не мешаем, то и нечего с нами связываться, — с горечью произнес милорд Маркауз.

А вот Горлопану не повезло — когда воины отступали на кухню, он находился на другой стороне зала под прицелом троих арбалетчиков.

— Когда они ушли, а мы выбрались, — продолжил Алистан, — вся стена, возле которой эти ублюдки застали его врасплох, была утыкана болтами, а на полу море крови.

— Я не вижу его тела, — Угорь кивнул в сторону лежащих возле стойки мертвецов.

— Мы тоже не увидели.

— Думаете, они забрали его с собой? Но зачем?

— Не знаю, может, он был еще жив?

Жив? В нашем мире слишком мало чудес, чтобы надеяться на такой исход событий.

Я отчего-то несколько не сомневался, что Горлопан уже мертв. Если нападавшие без зазрения совести убили безобидного трактирщика, то опытного воина они должны были пристрелить на месте. А тело? Мало ли для чего им могло понадобиться тело?

Еще одна невосполнимая потеря для отряда. Прощай, Горлопан. "Ржавчиной пахнут цветы..."

— Чего хотели эти люди? — спросил я у Миралиссы, отвлекаясь от раздумий о гибели еще одного нашего товарища.

— Ключ, Гаррет. Они забрали ключ.

Час от часу не легче! Сегодня судьба со своей сестричкой-удачей явно от нас отвернулись.

— Какой еще ключ?! — Делер, впрочем, как и все Дикие, ничего не знал ни о каких ключах. Миралисса и Алистан не посчитали необходимым рассказать членам отряда об эльфийской святыне.

— Без этого ключа будет довольно проблематично попасть в сердце Храд Спайна, — пояснил я карлику. — В общем — это важная штука, без которой нам можно никуда не ехать, а спокойно дожидаться прихода Неназываемого в Ранненге. Нет ключа, нет Рога Радуги.

— Штихс! — Карлик произнес ругательство на гномьем языке и еще больше нахмурился. — И как они про этот ваш ключ смогли прознать?

— Кто знает? — Эграсса снял с головы серебряный обруч и швырнул его на стол. — В людских городах слишком много болтливых птичек! Кто-то знал, кто-то сболтнул, кто-то услышал и начал действовать. Мы потеряли одну из главных эльфийских святынь!

— Без ключа мне проще сунуть голову в пасть огру и целой и невредимой вытащить ее обратно, чем совершить прогулку по Храд Спайну. Все наше предприятие становится очень и очень безнадежным. Есть какие-то идеи по поводу, что нам делать дальше?

— Ждать, — ответил мне Эграсса и машинально провел пальцем по серебряному обручу. — Теперь мы будем ждать...

— Чего ждать? Или кто-то надеется, что эти парни будут настолько глупыми, что вернут нам ключ вместе с искренними извинениями?

— Треш Эграсса дело говорит — не нервничай, Гаррет. — Дядька окунул бороду в пивную кружку.

— Я и не нервничаю.

— Ну вот и правильно. Медок пошел следом за похитителями.

— Медок?!

— А кто еще?! Не вас же, оборотов, дожидаться, — ворчливо ответил мне десятник. — Господ эльфов не было, я ранен, милорд Алистан рыцарь, а не следопыт. Вы шляетесь по кабакам да морды бьете! Только Медок и оставался.

— Давно он ушел? — спросил Сурок.

— Давно, часа два...

— Халлас, хватит расслаживаться. — Делер двинулся к выходу. — Элл просил его сменить, думаю, он еще сможет нагнать Медка.

Гном с карликом вышли на улицу, чтобы сменить эльфа на страже. Оставалось надеяться, что Элл отыщет нашего великана, прежде чем с Медком случится какая-нибудь неприятность.

— Я думал, вы всегда носите ключ с собой, леди Миралисса, — прервал затянувшееся молчание Кли-кли.

На этот раз от шута не было слышно его вечных хиханек и хаханек. Даже неунывающий гоблин понимал, в какое положение мы попали.

— Моя ошибка, шут.

Эльф признал свою ошибку?! Небывалый случай. Обычно эльфы винят в ошибках других.

— Да нет тут вашей ошибки, — успокоил Миралиссу милорд Алистан. — Мы ведь даже не предполагали, что кому-то станет известно,

что у нас есть ключ.

— Надо было предположить! — Эльфийка сверкнула глазами. — Моя беспечность и моя вина! Я не потрудились даже установить вокруг ключа защиту!

— Как они вообще прослышали о нашем появлении? — задумчиво сказал Эграсса.

Темный эльф как будто читал мои мысли. Как? Ну как они могли узнать о нашем появлении? Мы ведь только что приехали в город — и нате вам!

Ответ на этот вопрос был только один — нас здесь ждали, и ждали давно. Но откуда они знали, что у гнома заболит зуб? Это же абсурд! Это ведь такая мелочь! А если бы он не заболел, мы бы никогда в Ранненг не заехали! А если бы...

Стоп! Хватит предполагать. Случилось то, что случилась. Очередная веселая шутка старушки-судьбы. И сейчас надо не просчитывать варианты, что было бы, если бы кто-то поехал бы куда-нибудь в совершенно другое место, а думать, как вылезти из лужи и остаться при своих...

— Кто-то кому-то успел о нас донести, — ответил эльфу Алистан. — Пока ехали по городу, мы были как на ладони. Город — это не чисто поле, здесь сотни глаз, нас могли искать... Сами знаете...

Знаем. Никому не доверяйте и глядите в оба — магистр Арцивус всегда дает полезные советы.

Угорь встал со стула, прошел через весь зал и склонился над телами неизвестных. Он довольно долго изучал лица мертвецов, а затем без всякой брезгливости проверил карманы покойников и их руки. Руки-то зачем?

— Без сомнения, они воины — наконец вынес гарракец свой вердикт.

— Что они воины, а не жрецы богини любви, мы и так видим, — фыркнул Дядька. — Интересно, кому эти гады служили?

— Если бы они попросту постреляли нас, я бы предположил, что кто-то из дворянских домов решил избавиться от отряда, посчитав, что их соперники наняли нас на службу. Тогда бы это было предупреждение... — после недолгого молчания сказал Алистан.

Ничего себе предупреждение! Предупреждение — это когда тебе ломают палец и обещают в следующий раз сломать руку, а затем шею. А когда тебя шпигуют арбалетными болтами, то это не предупреждение. Или у дворянских домов предупреждения в корне отличаются от предупреждений преступного мира? Сагот поймет этих дворян!

— Но люди домов не занимаются грабежами, — задумчиво продолжил милорд Крыса. — По крайней мере в таких масштабах, а целью этих

незнакомцев был именно ключ. Так что дворяне отпадают...

— И кто у нас остается? — спросил Угорь, возвращаясь на свое место.

— Остаются либо сторонники Неназываемого, либо Хозяина. Только им мог понадобиться ключ, — вместо Алистана гарракцу ответил Кли-кли.

М-да, выбор великолепный. И ребята Неназываемого, и слуги загадочного Хозяина — еще те гадюки! Цапнут и смоются, будто их и не было. И связываться с теми или с другими абсолютно нежелательно, если вы, конечно, хотите встретить седую старость и увидеть своих правнуков.

Если бы боги сказали, что избежать драки невозможно и дали мне право выбирать, с кем потягаться силами, я бы без колебаний указал на шакалов спятившего от ненависти к Валиостру колдуна. Если кто удивлен моим выбором, объясняю. Сторонники Неназываемого — фанатики. Они гниль, грязь и сорняки нашего королевства, и прополкой этих сорняков с радостью занимаются палачи-огородники Королевских песочников. И еще один плюс в пользу выбора сторонников Неназываемого: этих ребят хотя бы можно понять и предугадать их действия. А вот поступки слуг Хозяина, которые непонятно чего хотят и к чему стремятся, совершенно непредсказуемы, и у них полностью сдвинут колпак, а следовательно, эти парни опаснее стаи бешеных волков и роты сторонников Неназываемого.

— Осталось совсем немного, мой умный дурак, — хмыкнул я, обращаясь к шуту. — Узнать, кто из двоих названных тобой перебежал нам дорогу.

— Не знаю, о каком Хозяине говорит Кли-кли, но вот что я нашел у них в карманах. — Угорь бросил на стол два кольца.

Я взял тяжелый ободок и повертел его в руке. Кольцо в виде ветки ядовитого плюща — герб Неназываемого. Такие кольца носят его слуги, когда выполняют волю своего владыки.

— Понятно. — Я бросил колечко на стол и вытер руки.

Коснувшись золотого ободка, я, пожалуй, впервые испытал отвращение к вещице из чистого золота, и, будь сейчас передо мной целый сундук этого добра, я бы ни за что его не прикарманил. Сталкон поступает совершенно правильно, отправляя вариться в кипятке людей, состоящих на службе у Неназываемого.

В зал вошел незнакомый мне человек. Миралисса представила его, сказав, что это племянник покойного мастера Пито — мастер Квилд. Семейное сходство было несомненным, с той лишь разницей, что Квилд был лет на двадцать моложе своего мертвого дяди.

— Горе-то какое, треш Миралисса! Хоть бы боги покарали проклятых убийц! — запричитал наследник, в отчаянии заламывая руки.

— И покарают, мастер Квилд, можете в этом не сомневаться. — Миралисса ободряюще похлопала по плечу нового владельца трактира. — Я позабочусь, чтобы затеявший все это злодей не ушел безнаказанным.

— Спасибо, леди Миралисса. — Квилд с благодарностью кивнул эльфийке. Такое завертелось... Я даже не знаю, что мне теперь делать...

— Стража знает о случившемся?

— И не узнает! — ответил трактирщик. — Эти дармоеды только и могут пошлины стричь и взятки брать! А когда случается вот такое, их днем с огнем не сыщешь!

— Если стража ничего не узнает... Тогда вам лучше вынести тела из зала, пока кто-нибудь ненароком не заглянул в трактир.

— Да... — Квилд скорбно кивнул. — Да, действительно, я так и поступлю. Сейчас позову помощников, треш Миралисса, и отнесем убитых ко мне домой, а там уж женщины разберутся что да как. К похоронам приготовят... — вновь загрустил Квилд. — А этих двоих супостатов я, с вашего позволения, на заднем дворике, возле скотного двора закопаю.

— Это на ваше усмотрение, мастер Квилд.

Трактирщик, скорбно стелая, удалился. Дядька допил пиво и подошел к нашему столу.

— Как плечо-то? — немного виновато спросил у него Арнх.

— До свадьбы доживет и мясом зарастет. Спасибо леди Миралиссе, помогла шаманством, через неделю буду как новенький.

— Горлопана жалко, — вздохнул Кли-кли.

— Ты погоди, зеленый, его хоронить-то! Может, и жив еще наш Горлопан, — одернул шута Сурок. — Не стали бы люди Неназываемого с собой труп тащить, живого уволокли, чует мое сердце.

Может, и живого... А может, и нет... Без постоянного нытья и брюзжания Горлопана в отряде сразу стало как-то пусто...

* * *

Минуты текли со скоростью улитки, которая ненароком попала в королевские винные погреба и накалаась в них дармового пойла по самое не хочу. Капли времени падали на раскаленные угли ожидания, но никто из богов даже не попытался ускорить их бег, превратить капли в дождь и затушить их жар.

Вернулся Квилд с помощниками, и, погрузив тела на носилки, они вынесли их из трактира.

Два раза в трактир заглянул Халлас. В первый раз для того, чтобы сообщить, что все тихо, а второй раз — за двумя кружками пива. На вопрос Дядьки, что они с Делером будут делать с пивом на посту, бесхитростный гном ответил очень лаконично — пить. Дядька нахмурился, но ничего не сказал, видно решив не ввязываться в бесполезный спор с Халласом.

Алистан с невозмутимостью, которой позавидовали бы особы королевской крови, продолжал наяривать точильным камнем по мечу, видно желая сделать его самым острым во всей вселенной. Пример графа оказался заразителен, и Угорь, обнажив один из двух своих клинков, принялся за работу. На мой взгляд, точить гарракский клинок — ненужная трата времени. Узкий и изящный «брат» без всяких усилий мог располосовать эльфийский дрокр, не говоря уже об обычном шелке. Я поинтересовался у Дядьки, где мой любимый арбалет и нож. Десятник ткнул пальцем в сторону дальнего стола, где было свалено все наше оружие.

Сурок продолжал запихивать в Непобедимого очередную порцию снеди, и создавалось такое впечатление, что воин кормит свою зверушку на убой. Арнх, Дядька и Эграсса занялись игрой в кости на интерес, и эльф уже успел выиграть шесть раз.

Кли-кли с совершенно серьезной миной шептался с эльфийской принцессой. На мою попытку подойти к ним шут ответил не очень приветливым взглядом, и я отошел. У гоблина и эльфийки появились общие секреты?

Фонарщик потихоньку наигрывал грустную мелодию на дудочке, и лишь я остался не у дел. Решив заняться чем-нибудь полезным, я извлек из сумки карты Храд Спайна и изучал их до той поры, пока не вошел Элл.

Миралисса вопросительно изогнула бровь, но эльф лишь отрицательно покачал головой.

— Не нашел.

— Никаких следов? — отвлекся от меча Алистан.

— Да нет, совсем наоборот — слишком много следов. Я по ним прошел через весь город и даже нашел тех, кто украл у нас ключ, но они все уже были мертвы.

— То есть?! — одновременно вскричали Миралисса и Сурок.

— То есть абсолютно мертвы. Их утыкали стрелами. Если эти люди и несли ключ, то у них его отобрали. В карманах покойников я ключа не

нашел. Шесть трупов в темном переулке, никакого ключа, никакого Медка и полное отсутствие следов. Как будто по ним метлой прошлись. Я поискал, но без толку...

Нападавшие на нас сами попали в засаду? Этих-то кто успел пришить? Свои или в дело вступила третья сторона? Просто как пауки в банке!

— Надеюсь, с Медком ничего плохого не случилось, и он будет поудачливее, чем наш Элл, — ворчливо сказал Дядька.

— Мумр, — негромко произнес милорд Крыса. — Позови в трактир Халласа и Делера. Все равно без толку на улице торчать. Никто к нам этой ночью больше не нагрянет.

Фонарщик отложил в сторону дудку и пошел выполнять приказ Алистана.

В трактир ввалились гном с карликом. Оккупировав стойку, они принялись уничтожать стратегические запасы пива, заодно добрым словом вспоминая друга Горлопана, да пребудет он в свете.

Все вновь занялись своими делами и лишь иногда бросали обеспокоенные взгляды в сторону двери.

Я вернулся к изучению бумаг. Проклятые лабиринты Костяных дворцов наотрез отказывались оставаться в памяти, я от силы смог запомнить путь от первого яруса до лестницы на второй. Буду надеяться, что у меня еще найдется время основательно посидеть над старыми бумагами магов Ордена.

Наконец, когда время перевалило за полночь и наше терпение уже почти полностью себя исчерпало, а волнение за судьбу исчезнувшего Медка достигло своей наивысшей точки, Медок вошел в трактир. Воин молча взял у Делера полную кружку густого темного пива и осушил ее одним глотком.

— Нашел я их, — усмехнулся молодой великан, тыльной стороной ладони вытирая усы. — Они в доме в южной части Ранненга.

— В южной? — нахмурилась Миралисса. — Но там только особняки высшего дворянства!

— Я же говорю, что в южной, леди Миралисса. Халлас, повтори пивка. Медок протянул кружку гному, и тот безропотно ее наполнил.

— О Горлопане что-нибудь узнал?

— Ничего. Как в воду канул, — отхлебнул пива воин.

— Что вообще произошло? Элл тебя так и не смог найти.

— Да? — Медок посмотрел на эльфа.

— Я обнаружил только трупы...

— Ах да! Я когда вышел из трактира, отставал от наших убийц минут

на десять. Да еще и стража в Верхнем городе разбегалась. Из-за стражи пришлось хорониться и идти с оглядкой, я ведь с собой меч на всякий случай прихватил. В общем, к месту схватки я немного опоздал. Пришел, на мостовой одни лишь мертвецы и десяток ребят с луками, уходящих из темного переулка. Ну, на безрыбье, как говорится... Я за ними пошел.

— Они что-нибудь говорили?

— Да нет... — подумав, сказал Медок. — Правда потом, когда убийцы встретились с каким-то человеком, тот сказал, что Хозяин теперь может быть ими доволен.

— Хозяин? — с тревогой переспросила у Медка Миралисса и бросила предупреждающий взгляд в мою сторону.

— Так они сказали, — пожал плечами Медок и отхлебнул из кружки. — Мне довольно долго пришлось за ними идти, а потом еще дольше торчать в каком-то закутке, пока неизвестные ожидали человека. Они передали ему тот предмет, что украли у вас, треш Миралисса, получили деньги, восхвалили Хозяина и свалили.

— А тот неизвестный?

— Этот человек, получив то, что желал, поперся совершенно в другую сторону. Тут уж мне пришлось выбирать, за кем идти. Я рассудил, что украденная штука важнее, и пошел за новым знакомцем. Ловким он оказался, зараза! Я его чуть было не потерял. Да и он меня не засек только чудом, я еле успел спрятаться, когда он ни с того ни с сего решил тылы проверить.

— Он тебя точно не заметил? — обеспокоилась Миралисса.

— Да нет... Не должен был.

— Чего же ты его не пришил, раз у него ключ был? — разочарованно спросил гном.

— Видел бы ты его, Халлас! — попытался оправдаться Медок. — Опасный тип. Было в его походке что-то такое... Ты бы понял, если бы встретился с ним. Да к тому же он еще и шаманом мог оказаться — больно бледная у него кожа...

— Ты сказал "бледная"?! — вскинулся я.

— Ага. Кожа у него, стало быть, как мел. Белая-белая.

Уж не мой ли это был знакомец Бледный? Выходит, что на Большом Рынке мне не почудилось и я видел именно Бледного. Думаю, Ролио тогда тоже меня заметил. Случайно ли Бледный оказался на Рынке или он меня специально выискивал — это уже не важно, ключ теперь у него.

Бледный оказался даже хитрее, чем я думал, — он не стал лезть напрямик, решил дождаться удобного момента и добыть ключ для своего

Хозяина. Как же повезло проклятому сучьему коту! Такой шанс сам приплыл в его лапы!

Сторонники Неназываемого все сделали за Бледного, и слугам Хозяина оставалось лишь подкараулить свою добычу в темном переулке и, расстреляв воров из луков, завладеть ключом. То, что не удалось шаману Хозяина полторы тысячи лет назад в горах Карликов, удалось наемному убийце сегодняшней ночью, и Хозяин наконец-то смог заполучить вожаденный ключ в свои лапы.

— Продолжай, Медок, — попросил Эграсса.

— А что продолжать? — пожал плечами Медок. — Я не Кот, да пребудет его душа в свете, следопыт из меня, как из Халласа ювелир, но все же этого парня я смог довести. Он в огромном особняке в южной части города. Вот и весь рассказ.

— Что за дом? Где он расположен?

— Да тьма знает это расположение! Я в Ранненге, как и вы, впервые. Насилу дорогу обратно нашел, а вы у меня расположение спрашиваете. Да и названий этих городских улочек вовек не запомню.

— Но дом-то ты опознать сможешь? — спросил милорд Алистан.

— А как не опознать? — крикнул Медок. — Не дом, а целый дворец, и ворота вычурные, с птичками всякими.

— Вот и славно! Мы этим птичкам сейчас крылышки-то и пообломаем! — Халлас запихнул в рот кусок хлеба, отряхнул руки и взялся за боевую мотыгу.

— Ты куда это такой бойкий собрался? — Дядька с нескрываемым интересом наблюдал за гномом.

— Как куда? — опешил от такого странного вопроса Дядьки Халлас. — Надо ведь ключ у этих отобрать.

— Одним неполным десятком? Не зная, к кому мы идем? Не зная численности охраны? Не зная, где в доме они прячут этот ключ и вообще там ли он? Побойся богов, Халлас! Видать, тебе слишком сильно приложили по зубам! — съязвил карлик.

— Сядь, Халлас, — негромко сказал Алистан, и пристыженный гном, собравшийся начать грызню с Делером, вернулся к стулу. — Вначале нам нужно узнать, с кем мы имеем дело, а уж потом лезть в бой.

— С кем мы имеем дело? Тут, пожалуй, я смогу вам ответить, милорд Алистан, — не подумав, ляпнул я и тут же прикусил язык, но было уже поздно.

— Ты стал прорицателем, вор? — спросил меня граф Маркауз.

— Да нет, милорд Алистан, — подчеркнуто вежливо ответил я на

выпад графа. — Просто, по словам Медка, тот человек, что получил от напавших на сторонников Неназываемого ключ, не кто иной, как Бледный. А Бледный, как вы должны помнить, милорд, служит Хозяину. Смею предположить, что кто бы ни жил в доме, он так же, как и Бледный, на побегушках у Хозяина.

— Что же, звучит дельно, — согласилась с моими доводами Миралисса, а затем раздраженно щелкнула пальцами. — И снова нам дорожку перебегает Хозяин.

Алистан хмыкнул, показывая, что я его нисколько не убедил своими предположениями, и еще яростнее заработал точильным камнем по лезвию батарного клинка.

— Прошу прощения, леди Миралисса, — лениво процедил наконец-то открывший рот Угорь. — Мы с ребятами в последнее время только и слышим от вас об этом Хозяине. Вы не могли бы рассказать о нем подробнее? Что это за человек, чего он от нас хочет? А то мы как слепые котята — даже не знаем, откуда может нагрянуть опасность. Мы все же охраняем вас.

— Да я и сама мало что знаю, Угорь. Это мастер Гаррет у нас знаток историй о Хозяине и его слугах. Гаррет, не будешь ли ты так любезен рассказать о Хозяине еще раз?

Взоры Диких обратились в мою сторону, всем было интересно послушать о попортившем нам немало крови Хозяине. Эльфы, Алистан и Кли-кли уже были знакомы с моей историей, и теперь пришло время посвятить в нее Диких, рассказать ребятам о более опасном враге, чем Неназываемый. Хотя желания по второму разу пересказывать те события у меня было мало.

Почему более опасном? Враг, о котором ты ничего не знаешь, всегда более опасен.

— Мумр, налей мне пивка, — вздохнув, обратился я к Фонарщику. Рассказ будет долгим.

— Ну я уже твою историю слышал, да и на дворе глубокая ночь, так что пойду-ка я спать, — зевнул Кли-кли.

— Я тоже на боковую, — поддержал гоблина гном и бахвальски закончил: Вы мне просто завтра, то есть уже сегодня, скажите, где башка у этого вашего Хозяина, и я его стукну мотыгой, чтобы он козни нам не чинил!

— Герой ты наш, — фыркнул Делер.

— Ага, не то что некоторые карлики, носящие на пустой башке глупую шляпу! — И гном вышел до того, как Делер успел найти более-менее

достойный ответ.

Передо мной очутилась пузатая кружка пива, и я начал свой рассказ...

— М-дя... — шмыгнул носом Делер, выслушав мою историю. — В интересные дела мы ввязались, а, Дядьку?

— Не ной, — ответил карлику десятник. — Знал, на что шел, когда из Одинокого с нами уходил.

— Знал, — согласно кивнул Делер. — Да нам и не привыкать! В снегах Страны огров выживали, неделями голодали, до изумрудного льда Игл Стужи доходили! Так что мы теперь и перед каким-то Хозяином не отступим!

— Не отступим, карлик, — тихо произнес Алистан. — Нам теперь отступать просто некуда. В первую очередь нам следует разузнать, кто живет в этом доме, как в него пробраться и где лежит ключ.

— Надо расспросить мастера Квилда. Он может что-нибудь знать про дом и его хозяина.

— Возможно, — согласился с Миралиссой Алистан. — Но по тому описанию, что нам дал Медок, трактирщик вряд ли что поймет. Завтра поутру узнаем точный адрес и тогда уже начнем расспрашивать. Не думаю, что за ночь ключ покинет дом. Раз там живет кто-то из дворян, да к тому же ранненгских, то дом должен быть истинной крепостью, и было бы глупо переносить ключ в другое место.

— Лучше не рисковать, — посоветовал Эграсса. — Один раз мы уже поступили глупо, и не следует возводить глупость в привычку. Шанс, что ключ покинет особняк, все-таки существует, и если мы потеряем ключ сейчас, то вряд ли сможем его найти.

— Ты прав, оставим возле дома наблюдателей. Дядька, распорядись!

— Ну дык... Добровольцы до конца ночи имеются?

Воины переглянулись.

— Утром отосплюсь, — наконец сказал Сурок и, сняв с плеча Непобедимого, передал его мне. — Посмотри за ним.

— Погоди, я с тобой прогуляюсь. — Из-за стола встал Эграсса и, взяв с'каш, вместе с Диким вышел из таверны.

— Ох! — Медок хлопнул ладонью себя по лбу. — Они же не знают, куда идти!

И воин побежал догонять Сурка и Эграссу.

— М-м-м, — задумчиво протянул Делер. — Мне показалось или треш Эграсса действительно захватил с собой клинок?

— На эльфов закон Ранненга не распространяется, Делер, —

улыбнулась Миралисса. — Мы можем носить оружие где угодно.

Делер разочарованно крякнул и пробурчал себе под нос, но так, чтобы не услышала Миралисса:

— Как зубастый, так можно с собой хоть катапульти таскать, а как честный карлик, так не разрешают взять в город какую-то безобидную секиру!

Я подхватил дремлющего линга и отправился спать, мучительно вспоминая: вытащил ли я из седельных сумок затычки, спасающие меня от храпа Мумра? Слушать всю ночь трели и рулады Фонарщика мне абсолютно не улыбалось...

Кли-кли как всегда кинул одеялко на пол между двумя кроватями. Из ушей маленького паршивца торчали пучки ваты. В этот раз гoblin подготовился к звуковому штурму Дикого на «отлично».

Глава 5

...И продолжают

На следующее утро меня разбудили резкие и злые визги Непобедимого. Со сна я поначалу вообще не мог понять, отчего слышу вопли линга, если у меня в ушах две прекрасные пробки, спасающие от звуков, издаваемых храпящим Фонарщиком?

Божественное озарение сверзилось на меня как всегда неожиданно. Разгадка была очень простой — я слышу Непобедимого потому, что какая-то маленькая зелененькая гоблинская вонючка каким-то немыслимым образом умудрилась вытащить затычки из моих ушей, пока я спал!

— О! Смотри! — раздался голос Кли-кли. Линг завыл еще сильнее.

— Попробуй поднести палец к нему поближе! — В голосе Мумра слышался искренний интерес.

— Угу, сам поднеси! Цапнет!

— Да не цапнет!

— А я говорю, цапнет! Посмотри, как он зубы оскаливает!

— Слушай, Кли-кли! Когда тебе еще представится такая возможность его погладить? Сурка нет, а его Непобедимый под твоим боком. Можешь наконец-то попробовать с ним подружиться! Поверь, он тебя не укусит!

— Говоришь складно, только вот доверия у меня к твоим словам ни на медный грош!

— Ну, твое дело, — уж очень безразличным голосом произнес Фонарщик. Не хочешь гладить, не гладь. Буди Гаррета и пошли завтракать.

— Пока некоторые храпели за всю армию Мирануэха, я уже успел позавтракать, — ворчливо ответил Кли-кли, а затем, деланно вздохнув, сказал: — Ладно, поглажу, авось не укусит.

Тут же предупреждающе завизжал Непобедимый, давая понять, что фамиллярностей он не потерпит.

— Ай! Больно! Он меня цапнул! Клянусь великим безумным шаманом Тре-тре, крысеньш меня цапнул! — заорал гoblin.

— И мало, — сказал я, открывая глаза. — Чего к нему лез?

— Гаррет! Ты на чьей стороне? Ты за меня или за эту лохматую ненормальную крысу? Посмотри! Он меня цапнул!

Кли-кли в качестве доказательства и обвинения сунул мне под нос свой прокушенный палец.

— Мало тебе, — злорадно произнес я. — Вот Сурок узнает, что ты над его зверем издеваешься, он тебе голову оторвет.

— Дурак ты, Гаррет, — сказал Кли-кли и облизал раненый палец.

— Э нет! Позволь, — сказал я, вставая с кровати. — Дурак не я, а ты.

— Верно, дурак, — благосклонно согласился Кли-кли. — Но к тому же я еще и мудрец. А вот ты просто дурак!

— Это отчего же ты мудрец? — вмешался Фонарщик, прислушивающийся к нашему спору.

— Как отчего? — фыркнул я, надевая рубаху. — Его в детстве головой с крылечка уронили, вот он и считает себя мудрым дураком.

— Может, я и мудрый дурак, но ты, Гаррет, дурак самый настоящий! И знаешь почему? Потому что мудрец знает, что он дурак, а следовательно, он мудрый дурак! А такие, как ты, считающие себя наиумнейшими и наимудрейшими, даже не догадываются, какие они круглые дураки!

— Ну у тебя и рассуждения, — заметил я — Ты не пробовал в Университет профессором философии пойти?

— Какие мы слова знаем! — Это легкое утреннее переругивание очень забавляло маленького гоблина. — Фи-ло-со-фия! Небось такой дурак, как ты, десять лет это слово учил? А насчет рассуждений, я тебе очень быстро докажу, что ты дурак! Хочешь?

— Нет.

— Потому что ты дурак! — не преминул напомнить мне гоблин. — Боишься?

— Просто от королевского дурака я никаких доказательств слышать не хочу. Ты пустомеля, Кли-кли.

— Я пустомеля?! Нет, я тебе докажу, что ты дурак, который не слушает мудрецов! — распалился гоблин. — Вот смотри! Доказательство первое! Кто может впутаться в Заказ о Роге Радуги?

— Дурак! — Мне скрепя сердце пришлось признать правоту зеленого.

— О! Да ты мудреешь не по дням, а по часам! — искренне восхитился шут, заматывая прокушенный палец носовым платком.

Платок был далеко не первой свежести, да к тому же по его краям были вышиты голубые цветочки весьма пошлого вида. Скорее всего, этим платочком пользовался еще дедушка Кли-кли, а когда пришло время, он передал его в подарок внуку (естественно забыв перед этим постирать подарочек).

— Продолжим нашу дискуссию, — не унимался шут. — Доказательство второе! Когда ты отказался признавать верность гоблинских пророчеств, рассказывающих о Танцующем в тених, то есть о

тебе, ты разве повел себя не как наикруглейший из самых круглых дураков?

— Я повел себя как умный человек. Больно мне надо быть в ваших нелепых пророчествах. Дураком я стал в тот момент, когда разрешил называть себя Танцующим в тенях!

— Ох, — разочарованно вздохнул шут. — Вот опять глупеть стал. Но ничего, пускай ты дурак, но имя принял и тут уж тебе не отвертеться! Пророчество исполнится!

— А как он принял имя, Кли-кли? — поинтересовался Мумр.

— Как, Фонарщик-монарщик? Да очень просто. Он же дурак!

Чувствую, что у гоблина что-то перевернулось в мозгах, и теперь он будет целый день твердить, что я дурак. Фонарщик ответом личного шута Сталкона не удовлетворился, и Кли-кли продолжил разглагольствовать:

— Ладно, Мумр. Сейчас расскажу. Пророчество о Танцующем в тенях говорит о том, что этот самый Танцующий, который будет непременно вором, спасет весь мир от зла. А прежде чем он это сделает, случится еще куча событий или знамений. Там много всего того, по чему можно узнать Танцующего, то бишь нашего всеми любимого круглого дурака Гаррета по прозвищу Тень. Вначале Танцующий должен связать демонов с помощью Коня Теней, потом уничтожить багровую птицу, затем обрести имя!

— А при чем тут Гаррет? — недоуменно спросил Мумр.

— Ох! И тяжело с вами, дураками, разговаривать! — деланно разозлился Кли-кли и от досады топнул ножкой. — Демонов Конем Теней Гаррет, можно сказать, связал?

— Не я, а маги Ордена связали демонов.

— Да это не главное, — отмахнулся от моих попыток возразить Кли-кли. Шут сел на своего любимого конька — пророчества безумного мага Тре-тре, чтоб ему в свете пусто было!

— Орден связал демонов с твоей помощью? Связал! Знамение свершилось? Свершилось! Идем дальше! Багровая птица в Харьгановых пустошах была? Была, да к тому же не одна!

— Если этих летающих тварей гоблины называют птицами...

— Это образное литературное выражение, дурак! Ничего ты в искусстве не понимаешь! Так была птица?

— Ну будь по-твоему, — вздохнул я. Ну не спорить же мне с дураком о том, что порождение Кронк-а-Мора шаманов Неназываемого можно назвать ночным кошмаром с крыльями, но никак не птичкой? — Была птица.

— Во! А имя ты обрел?

— Угу! Еще с детства. Гарретом кличут.

— Тьфу ты, горе мое! Ты действительно дурак или просто притворяешься так искусно, что и не отличишь?! Я не о твоём имени от рождения, а об имени свыше! Танцующий в тенях — вот твоё имя! Ты сам согласился, что я тебя могу так называть! Так что имя ты принял!

Я ещё раз проклял тот день, когда разрешил Кли-кли называть меня Танцующим в тенях. Да я и разрешил-то, чтобы неугомонный маленький шут отстал от меня, а он завопил на все четыре стороны света, что раз я согласен так называться, то значит, знамение исполнилось. И теперь следует ожидать следующих, не менее глупых гоблинских предсказаний!

— И какое из пророчеств-предзнаменований у тебя на очереди? — с пренебрежением спросил я у гоблина.

— На очереди? — Шут хитро прищурился, посмотрел на меня и продекламировал:

Когда багровый ключ уйдёт,
Как влага сквозь песок уходит,
И Путь туманом порастёт,
Работа для вора придёт.
С Клубникой встретится он в ночь,
И ключ решит, кому помочь!

— Угу, — не удержавшись, хохотнул я — Я всегда говорил и буду говорить: твоему безумному шаману Тре-тре следует на завтрак поменьше мухоморов кушать.

— Попр-рошу без необоснованных оскор-рблений! — гоблин показал мне зубы. — Тре-тре был самым великим шаманом моего народа! Арцивус со своим Орденом и в подметки ему не годится!

— Годится или не годится, это пусть другие решают. Ты хоть сам-то догадался, о чём говорится в этом пророчестве? Я вот ничего не понял.

— Потому что ты дурак, — не преминул напомнить мне шут. — На то оно и пророчество, чтобы понять его, когда оно свершится! Но оно вот-вот сбудется, ведь "...багровый ключ ушел...". То есть, если говорить нормальным языком, ключ у нас сперли.

— А этот ваш ключ? Он что, багровый? — заинтересовался Фонарщик, ни разу не видевший, как и другие Дикие, ключ.

Миралисса не показывала одну из самых главных ценностей темных и светлых эльфов воинам.

— Да нет... — сказал сбитый с толку вопросом Мумра Кли-кли. — Он

на хрустальный похож...

Багровый, ха! Еще как багровый, пускай об этом маленький шут и не знает.

— Ладно, Гаррет. Иди набивай живот, а то у нас с тобой еще есть дела!

— У меня есть только одно дело, Кли-кли, то самое, о котором я поклялся на могиле Кота. Я достану Рог Радуги, всучу его Ордену, сграбастаю честно заработанные денежки и грамоту с помилованием, а затем отправлюсь жить в свое удовольствие. Остальное, если, конечно, это не угрожает моей жизни и не сулит барыша, меня не касается.

— И все же у нас есть дело, — очень серьезно сказал Кли-кли. — Мумр и Угорь идут сменять Сурка и Эграссу.

— Не улавливаю связи. При чем здесь я?

— Во-первых, отдашь линга Сурку...

— Я могу передать его и здесь, — перебил я гоблина.

— Во-вторых, — невозмутимо продолжил Кли-кли, — Миралисса попросила тебя осмотреть дом и сказать, сможешь ли ты в него забраться и слямзить ключ из-под носа у хозяйских слуг.

— Слямзить? Из-под носа? — эхом переспросил я. — Я?

— Ну не я же! Ты ведь у нас вор!

Крыть было нечем. Я взял с подушки линга и, посадив его себе на плечо, произнес:

— Пошли. Куда идти-то, знаешь?

— Угу. Медок утром пришел и все мне рассказал. Фонарщик, ты идешь?

— Да, дай мне минутку, у меня тут дельце небольшое, — произнес Мумр, доставая из-под кровати страшный двуручник.

Кли-кли с подозрением посмотрел на жутко довольного воина, но от комментариев воздержался.

— Но учти, — предупредил я гоблина, выходя из комнаты. — Пока я не позавтракаю, ни о каких прогулках по городу не может быть и речи.

— Нисколько в этом не сомневался. Будет тебе завтрак. Мастер Квилд уже давно накрыл стол.

* * *

— Фонарщик, ты куда? — спросил Кли-кли у Мумра, когда после

обильного завтрака мы вышли из трактира.

— Я сейчас, — невразумительно ответил нам воин и скрылся за углом.

— Чего это с ним? — удивленно спросил у меня гоблин, как будто я только и занимаюсь тем, что разгадываю мысли Фонарщика.

Я, естественно, ничего Кли-кли не ответил, а Угорь лишь недоуменно пожал плечами. Фонарщик появился спустя минуту. На плече у воина лежал огромный сверток, из которого торчали грабли и метла.

— Решился заняться добровольной уборкой Ранненга? — Наверное, Кли-кли подумал, что Мумр сошел с ума.

— Ну ты и гусь, Фонарщик! — восхищенно усмехнулся Угорь. — Думаешь, стража не проверит, отчего метла и грабли занимают так много места и завернуты в эту дерюгу?

— Стража проверяет только карманы жителей этого славного города. Грабли представляют для стражи такой же интерес, как дворцовый этикет для воробушков! — хохотнул очень довольный собой Фонарщик.

— А я догадался, что у тебя там кроме метлы и граблей! — торжествующе сказал Кли-кли и в восторге от собственной проницательности запрыгал на одной ножке.

Я тоже догадался — любимый двуручный биргризен Мумра. Хитрец завернул его в тряпки вместе с граблями и метлой, резонно полагая, что бдительная стража Ранненга не станет проверять такой малопривлекательный для них сверток.

— А чего же ты его сквозь двери не вынес, а в окошко выкинул?

— Если сквозь двери, Дядька бы заметил.

Резонно. Дядька бдительно следил за Дикими. Десятнику не очень-то хотелось платить деньги страже за провинившихся воинов...

Теперь Мумр был единственным в нашей компании, кто обладал хорошим оружием. Если будет стычка, то к моему кинжалу и гарракским дагам Угря (метательные ножи шута не в счет, они у него, как видно, для красоты) присоединится клинок Фонарщика.

Огромный двуручный меч, предназначенный для прорубания брешей в рядах линейной пехоты противника и уничтожения копий и пик, размерами мог поспорить чуть ли не с самим Мумром. А уж о тяжести этого клинка я мог только предполагать.

Ножен для биргризена попросту не полагалось, и Мумр таскал меч, взвалив его на плечо, а когда ехал на лошади, то просовывал его в специальные петли возле седла. Ничего удивительного, что при такой жизни лошадь Мумра отличалась вздорным характером. Животина попросту постоянно нервничала и боялась, что во время скачки Мумр

ненароком приготовит из нее фарш.

В тот день, когда я увидел оружие Мумра в первый раз, вообще не поверил, что Фонарщик умеет владеть биргризенем. Техника работы и фехтования клинками такой длины, как я слышал, была крайне сложна, и для нее требовался не только опыт, но и физическая сила намного большая, чем у невысокого и хлипкого, на первый взгляд, человека. Но Сурок уверил меня, что Мумр способен перерубить страшным двуручным мечом летящего комара. К тому же еще одним доказательством мастерства Фонарщика было золотое тиснение дубового листа на рукояти меча, говорившее о том, что владелец оружия — Мастер длинного клинка. Мумр — Мастер и почти что бог среди воинов-мечников. Таким, как он, в регулярной пехоте платили полновесным золотом наравне с тяжелыми кавалеристами, а то и поболее.

— Далеко нам идти, Кли-кли? — спросил я у гоблина.

— Не очень, — пробормотал шут.

Правой рукой он держался за мой рукав и прыгал на одной ножке на радость себе и прохожим. Отодрать его от себя мне не удалось, шут вцепился в рукав рубахи, как клещ впивается в собаку, так что пришлось перейти к увещаниям. На вежливую и проникновенную просьбу прекратить валять дурака и идти как все нормальные люди на двух, а не на одной ноге, Кли-кли ответил мне отказом, и пришлось не обращаться на гоблина-попрыгунчика внимания. Ну не драться же с ним на виду прохожих, право слово!

— Насколько не очень? — вновь спросил я у Кли-кли после очередной безуспешной попытки выдрать рукав из цепких рук гоблина.

— Ну с часок, — безразлично ответил Кли-кли и перепрыгнул через лежащую на дороге палку. Я застонал.

— Но нам же надо в южную часть города на Пестрый холм. До него топать и топать.

— Вот в том-то и дело, что кому-то топать, а кому-то прыгать и строить из себя дурака, — не удержался я от комментария.

— Прости, но карету нам сегодня не подали, — съязвил королевский шут.

Гаденыш откровенно наврал, наверное, чтобы меня позлить. От трактира до нашей цели идти было не больше двадцати минут.

Улица, ведущая к Пестрому холму, забиралась на него под немыслимым углом. Пока я добрался до района Больших шишек, с меня, в отличие от воинов, сошло семь потов, и слава Саготу, что гоблин меня все же отпустил и сейчас шел сам по себе.

— Вот бы прокатиться! — почти на самой вершине холма мечтательно пробурчал шут.

Я проследил за его взглядом. Возле одного из домов стояла старая рассохшаяся телега, под колеса которой был подбит деревянный брус, чтобы она ненароком не покатила вниз и не придавила какого-нибудь нерасторопного прохожего.

— Даже не думай! — предупредил я Кли-кли.

— Ничего ты не понимаешь в объездах, Гаррет! Дурак, одним словом! Смотри, какая горка! Мы же как ураган помчимся!

— Не нравится мне твоя идея.

— Какая идея? Что помчимся как ураган? — уточнил Фонарщик.

— Нет, — ответил я. — Что мы помчимся как ураган. Если ты, Кли-кли, решил покончить жизнь самоубийством, то не надо впутывать в свои безумные идеи нас!

— Гаррет, ты все такой же бука! Расслабься, нам ничего не грозит! Почему сразу самоубийство?

— Да потому, дурья твоя голова! Эта горка длиной больше четырехсот метров! Поехать-то ты поедешь. Разогнаться разгонишься! Как ураган, передразнил я Кли-кли. — Но тормозить мы как будем? Твоей головой? Нам потом кости по всему Ранненгу собирать придется!

— О! — глубокомысленно сказал шут, обдумав мои соображения и с сожалением посмотрев на телегу. — Над этой проблемой я не подумал!

— И кто из нас дурак, а кто мудрец?

— Ты дурак, я мудрец — это даже тупому доралиссцу понятно. Кстати, мы уже пришли, вон поместье!

Вокруг поместья, находящегося на самой верхотуре холма, в ста метрах никаких других построек не наблюдалось. Как и говорил Медок, размерами домине мог позавидовать королевский дворец. Правда, отсюда я плохо мог разглядеть изыски создателей этого творения архитектурной мысли, от моего взгляда большую часть дома скрывали густые кроны деревьев, растущих в парке этого самого поместья. Вход в частное владение перегораживала высокая серая стена, на вершине которой

находились замысловатые стальные фигурки. Вид этих фигурок несколько меня не обманул — в первую очередь они были шипами и преградой для тех, кто решится перебраться через стену, и только потом — украшением. Не сомневаюсь, что кроме шипов внутри нас поджидают или собаки, или гарринчи, или стражники (или все вместе).

Стальные ворота поместья пестрели от нарисованных на них изображений птичек. Тут были летающие, поющие и еще Сагот знает какие птахи. Я пригляделся к рисункам и понял, что на воротах нарисованы соловьи, а из этого следовало, что в этом гадючьем гнезде живет кто-то из милордов дворян Соловьев.

Надеюсь, пока мы тут торчим, Миралисса сможет разузнать, кому принадлежит эта берлога.

— Впечатляет! — сказал Фонарщик, оценивая взглядом дом. — Как тебе, Гаррет?

— Сложно.

— В смысле?

— В смысле выбраться оттуда.

— Но ты же мастер в таких делах. Не так ли?

— Угу. Но от этого дело не становится проще. Где Сурок и Эграсса?

— Наверное, притворяются деревьями, вот мы их и не замечаем, высказал предположение Кли-кли. — Спрятались они, Гаррет, спрятались. Или ты думаешь, что два парня, постоянно крутящиеся вокруг дома на пустом участке земли, не привлекут к себе никакого внимания?

— Ну, раз спрятались, тебе их и искать. Я в прятки играть не собираюсь.

— А вот и найду! Потому как не такой дурак, как некоторые! — сказал наш мудрец и решительно принялся крутить головой.

Естественно, гоблин никого не нашел. Если эльф захочет, чтобы его не увидели, его не увидят. Да и Дикие, в особенности их разведчики, всегда славились хорошей маскировкой и умением спрятаться даже там, где спрятаться казалось бы, невозможно (например, в огромном пчелином дупле). Без хорошего умения спрятаться в Безлюдных землях, так и кишачих не слишком дружелюбными созданиями, делать нечего.

Сурок с Эграссой двумя призраками вынырнули из зарослей кустов, растущих возле стены, огораживающей поместье. Я вообще не подумал бы, что в таких кустах могут сидеть два здоровых воина.

— Вы припозднились, — поприветствовал нас Сурок.

— Еще бы! Вас сам Х'сан'кор не сыщет! — сказал я, передавая радостно пищащего линга хозяину. — Не узнали, кому принадлежит дом?

— Нет. А вы?

— Нет, — ответил Угорь. — Все тихо?

— Как на погосте. По крайней мере, через эти ворота из дома никто не выходил, но где-то за час до рассвета туда въехало семь всадников. В кустах удобно, мы там хорошую берлогу соорудили, и с дороги ее не видно, так что заступайте. Можете спокойно сидеть, ворота оттуда видны как на ладони.

— Удачи, — пожелал воинам немногословный Угорь и направился к кустам. Он нырнул в какую-то щель, и ветки тут же скрыли его с наших глаз.

— Пошли, Гаррет. Чего ты пнем на улице торчишь? — позвал меня Кли-кли.

— Слушай, Кли-кли, — запротестовал я. — Ведь ты говорил, что мне надо только осмотреть дом, и все. Уговору, что я должен лезть в кусты, не было!

— Ну какой же ты все-таки вредный! — уперев руки в бока, сказал маленький шут. — Почему я должен тебя постоянно уговаривать, словно ты дите малое?

— Ладно, ладно, — примирительно поднял я руки. — Сдаюсь, только не ной!

— Вот так-то лучше! — победно пропищал шут и скрылся в кустах.

Я последовал за ним, успокаивая себя мыслью, что, пока Миралисса не узнает, чей это дом, и не придумает с Алистаном, как нам в него пробраться, мне все равно делать нечего. Разницы никакой — что в кустах лежать, что в трактире сидеть. Правда, в трактире нет надоедливого Кли-кли, зато там есть Миралисса.

После того как призрак Вальдера спас меня в Харьгановой пустоши от багрового летуна, темная эльфийка поглядывала на меня с очень большим интересом. Я не рассказал ей, да, впрочем, и никому другому, что-в моей голове живет дух мертвого архимага. И после событий, произошедших на пустоши, играл роль круглого дурака: мол, не знаю я, что тогда произошло и как я спасся! Не знаю, чье это было желание — мое или Вальдера, — но рассказывать эльфийке о том, что действительно произошло возле старого оврага, я наотрез отказывался и всячески избегал разговоров на эту скользкую тему.

За ночь Сурок с Эграссой и Медком постарались и создали великолепное укрытие. Если смотреть со стороны дороги, то кусты казались нетронутыми, но стоит только попасть внутрь зарослей, и тут же оказываешься в уютной зеленой берлоге с примятыми ветками и травой.

Места в ней было достаточно для того, чтобы спокойно уместилось два человека. Нас, конечно, было не двое, а четверо, но Кли-кли не отличался крупными размерами, а я немного потеснился, и мы вполне удобно разместились в этом наблюдательном пункте.

Фонарщик тут же улегся на траву, сунул мне под бок сверток с мечом, выдрал травинку, взял ее в зубы и принялся наблюдать сквозь ветки «крыши» за облачками, плывущими по небу. Прекрасное занятие для тех, кто желает быстренько заснуть.

Угорь занялся делом — он наблюдал за воротами, ведущими в дом, и лишь мы с Кли-кли страдали от жуткой скуки. Непоседливый гоблин ни минуты не мог посидеть спокойно, и чем дольше мы находились в засаде, тем сильнее он маялся от тоски.

— Сам сюда залез, теперь терпи, — со злорадством произнес я.

Гоблин лишь осуждающе хрюкнул и прилег на травку рядышком с Мумром. Шут тоже принялся считать пролетающие над нами облака, но вскоре ему это надоело, и не прошло и пяти минут, как он заерзал, пихнул меня ногой в бок и подполз к Угрю.

— Никого? — с любопытством прошипел Кли-кли.

— Никого, — односложно ответил гарракец, не отрывая взгляда от ворот.

— А-а-а... — разочарованно вздохнул гоблин, затем снова пихнул меня ногой в бок и опять стал считать облака, не обращая внимания на мой не самый доброжелательный взгляд.

Через десять минут вся история повторилась. Пинок в бок, ползком к Угрю, вопрос, ответ, разочарованное "А-а-а...", пинок в бок.

На третий раз я не выдержал:

— Кли-кли! Ложись на место, или я за себя не отвечаю!

— Да я просто на минутку к Угрю!

Пинок в бок. Я рассвирепел и попытался в ответ пнуть шута, но тот каким-то немыслимым образом разминулся с моей ногой и, радостно хихикнув, показал мне язык. Что ж, — я подожду, когда он пропрыгает обратно!

— Никого?

— Никого.

— А-а-а... Ой!

Кли-кли хотел вернуться на место, но Угорь, не глядя на гоблина, прижал его рукой к земле:

— Лежи здесь.

— Но почему?!

— Хватит Гаррета задевать.

— Ну я же любя! — попытался оправдаться Кли-кли.

Воин не ответил, и шут, надувшись от смертельной обиды, обозвал меня ябедой, но перечить Угрю не посмел и остался на месте.

Время тянулось бесконечно. Мумр жевал травинку, Кли-кли задремал, сморенный бездельем, я отлежал себе бок и перевернулся на другой. Лишь Угорь все так же неподвижно, как и два часа назад, наблюдал за воротами. Движения и каких-либо признаков жизни там не наблюдалось. Несомненно, они охранялись, и охранялись хорошо, раз тут живет кто-то из воинственной ранненгской дворянской братии, но отсюда никаких стражников мы не видели.

По истечении третьего часа Угорь зашипел:

— Наконец-то!

Я встрепенулся и, аккуратно отодвинув ветку, посмотрел на ворота. Два стражника, видно из личной охраны хозяина дома (на их одежде были вышиты какие-то эмблемы, хотя с такого расстояния я их не мог четко разглядеть), торопливо раскрывали тяжелые створки ворот.

— Что происходит? — спросил очнувшийся от дремы Кли-кли.

— Тараканье гнездо оживилось, — буркнул Мумр. — Гаррет, потеснись немного, я ни шиша не вижу.

Из ворот выехали всадники. Один, три, пять. И Бледный, заberi его тьма!

— С ними Бледный! — прошептал я.

— Где? — Кли-кли так захотел увидеть Ролио, о котором я ему рассказывал, что чуть не выпал из кустов прямо на дорогу.

Было бы не до смеха, если бы шут угодил под копыта лошадей проезжающих мимо нас всадников! Но Угорь не дремал и дернул Кли-кли за ногу, вернув его обратно в кусты.

— Вот Бледный. Всадник во всем черном, — объяснил я. Руки так и чесались угостить убийцу болтом, но арбалета при мне, увы, не было. — Куда это они направляются?

— А, вселенская тьма! Уйдут! — выругался Угорь. — Уйдут, клянусь драконом!

— А вдруг у него ключ? — подлил я масла в огонь. Всадники стали удаляться в сторону виднеющихся вдали домов.

— Мумр! Живо за ними! — отдал приказ Угорь.

— Так у них же лошади!

— А у тебя ноги! По городу не поскачут, видишь же, что едут медленно! Постарайся узнать, куда они собрались.

— Ладно, — выплюнул травинку Фонарщик. — Попробую.

— Меч оставь!

— Я к нему слишком привык. Мумр подхватил сверток, водрузил его на плечо и последовал за всадниками.

— А, тьма! Надеюсь, Бледный его не заметит!

— Надо все рассказать Маркаузу и Миралиссе. — Угорь встал из кустов. У нас еще есть призрачный шанс перехватить их возле городских ворот.

— Городских ворот много, — оспорил эту идею Кли-кли. — Нам надо поторопиться!

До трактира добраться мы не смогли. Точнее, нам просто не дали этого сделать. Как только мы очутились на улице, по которой проходили несколько часов назад, дорогу нам перегородили двое. Неброская одежда ремесленников, хмурые лица, холодные глаза. Парни были очень самоуверенны, но их уверенность была совершенно оправданной и понятной — у каждого в руке по обнаженному мечу.

— Похоже, в поместье все же заметили нас, — протянул я, извлекая из ножен кинжал.

Кинжал против меча — это все равно что арбалет против баллисты. Не знаю, как Угря, но меня самым тривиальным образом изрубят в капусту, как только я полезу с кинжалом на меч.

— Гляньте назад! — пискнул Кли-кли.

Сзади к нам подходили шестеро. Очередная неприятность находилась еще достаточно далеко. У каждого был арбалет. Заряженный.

Только тут я заметил, что арбалетчики выходят не из поместья, ворота которого оставались закрытыми, а из здоровенной кареты.

— Это не Соловьи! Это прислужники Неназываемого! Нас выследили!

Угорь глухо зарычал и извлек из ножен даги.

— Гаррет, не стой дураком! — зашипел Кли-кли, наблюдая за приближением арбалетчиков. — Сумка с магическими безделушками у тебя с собой?

— Нет, оставил вместе с арбалетом.

Гоблин сдавленно застонал:

— Это твой самый дурацкий поступок из всех возможных!

Но я, уже не слушая его, отчаянно пытался достать из кармана в рукаве припрятанный козырь. Это была магическая пробирка с зельем, которая, после того как разбивалась, создавала вспышку, шум и дым. Абсолютно бесполезная штука, но я получил ее совершенно бесплатно, и выбрасывать волшебный пузырек было жалко, а испробовать не

представлялось возможности. Я уже очень давно не носил «шумелку» в сумке, чтобы случайно не перепутать с другими. Убрал пробирку в специальный карман на рукаве и забыл про нее, благо весила она всего ничего.

— Прикройте глаза! — рявкнул я товарищам и швырнул пузырек под ноги мечникам.

Пузырек разбился. Вспыхнуло, бухнуло, и часть улицы стало затягивать густым молочно-белым дымом. Один из мечников испуганно вскрикнул.

— Держитесь за моей спиной! — приказал Угорь и бросился на ошеломленных врагов, невзирая на их мечи.

Один из мечников сидел в дыму на мостовой и удивленно хлопал глазами. Про меч, лежавший в нескольких шагах от него, парень даже не вспомнил. Второй враг был менее пуглив. Он, не очень умело размахнувшись, попытался снести Угрю голову, но тот поднырнул под меч, заблокировал его левой дагой и воткнул правую в шею противника. Угрю пришлось довольно неизящно отскочить в сторону, чтобы кровь, хлеставшая из раны, не попала на его одежду.

Второму парню, который все также продолжал сидеть и ошеломленно хлопать глазами, я врезал ногой по челюсти. Неудавшийся убийца клацнул зубами и рухнул на мостовую.

— Бери меч! — сказал мне Угорь, подбирая с земли клинок убитого.

Я мечом владею, как пекарь штурвалом королевского фрегата, но в данном случае не было времени об этом распространяться. Как только арбалетчики увидели, что произошло с их товарищами, они перешли на бег. К сожалению, мой магический фокус не произвел на них должного впечатления — бежали они не от нас, а к нам. Самый нетерпеливый разрядил в нас свой арбалет, и болт чиркнул о мостовую в опасной близости от ноги Угря.

— Живыми хотят взять! — прорычал Угорь.

— За мной! — пискнул Кли-кли, понимая, что воздух тут вскоре станет свистеть от пролетающих арбалетных болтов, а в таких местах приличному гоблину делать абсолютно нечего.

Гоблин скрылся в белесом дыму, я резво потопал за ним, Угорь прикрывал нас. Всего лишь десять шагов, и мы вырвались из стены дыма, застилавшей улицу. Арбалетчики стали стрелять, уже не заботясь о том, чтобы взять нас живыми. Нас скрывала стена дыма, и только поэтому наши шкуры все еще оставались целыми и невредимыми. Один из болтов пролетел возле моей головы и со стуком вонзился в борт телеги с

подпорками под колесами. Кли-кли намеревался прокатиться? Кажется, его мечта осуществится через несколько секунд.

— Гаррет, что это за дрянь ты кинул? — кашляя, спросил Угорь про содержимое волшебного пузырька.

— Пустячок, спасший нас от неприятностей! Стой, Кли-кли! — Я схватил гоблина за шкуру. — В телегу!

— Ты дурак?!

— Ага! В телегу, мудрец!

Угорь, не став ничего у меня спрашивать, зашвырнул протестующего гоблина в телегу. Воин знал, что от арбалетчиков бегом не скроешься. Через десяток секунд они поймут, что дымовая завеса никакой опасности для них не представляет, а потом за наши шкуры никто не даст и дырявого медяка. Я запрыгнул в телегу следом за Кли-кли.

— Гаррет, надеюсь, ты знаешь, что делаешь! — Кажется, я впервые видел шута испуганным.

Ни во время атаки сторонников Неназываемого на королевский дворец, ни в Вишках, ни в Харьгановых пустошах его изумрудная кожа не имела такого бледно-салатового оттенка.

Угорь мощным ударом выбил из под колес деревянные подпорки, фиксирующие телегу на месте, и та покатила под горку. Хладнокровный гарракец еще и подтолкнул ее, хотя этого абсолютно не требовалось. Спуск был достаточно крутым, и наш транспорт быстро разогнался.

— Я-я-й д-ду-мма-ю, ч-чт-то эт-то был-ла плох-х-ай! Я! Ид-де! Я! — колеса подскакивали на камнях мостовой, и Кли-кли, вцепившись обеими руками в борт, заикался от тряски и расширенными от страха глазами наблюдал за пролетающими мимо нас домами.

В этом месте, в отличие от местности вокруг особняка, было полно людей. Они с криками отпрыгивали в сторону, чтобы не попасть под колеса взбесившейся телеги, и награждали нас отборнейшей бранью и пожеланиями отправиться во тьму.

В борт стукнул еще один болт.

— Пригнитесь! — рявкнул Угорь, стараясь перекрыть грохот колес и шум ветра, воющего у нас в ушах.

Мы так и сделали. По заднему борту застучал самый настоящий дождь смерти. То ли преследователей было намного больше, чем мы видели, то ли они оказались виртуозами владения арбалетами. Стрелять и заряжать с такой скоростью могли далеко не все королевские солдаты.

Кли-кли все же высунул голову за борт, посмотрел вперед и выдал многозначительное восклицание:

— Ой!

Глаза у гоблина в это время могли поспорить размерами с луной. Я не утерпел и решил узнать, что означает это «Ой» в устах нашего Кли-кли.

А дело в том, что улица, как ни прискорбно об этом говорить, заканчивалась через сто метров и поворачивала под прямым углом налево. Вот тут-то нас и поджидал сюрприз — прямо на пути резво летящей вниз телеги возвышалась стена одного из домов.

Я оглянулся назад — преследователи сильно проигрывали в скорости нашему безумному экипажу, но с упорством имперских псов, которые почуяли долгожданную добычу, неслись по следу.

— Прыгаем! — заорал я.

Скорость у телеги была сумасшедшая, и если мы ненароком решим остаться в ней, то нас попросту размажет по стене дома.

— Если мы прыгнем, мы можем испортиться! — возразил мне Кли-кли.

— А если не прыгнем, то точно испортимся! Прыгаем на «два»!

— Раз...

Мы не успели. Телега догнала стену или стена догнала телегу, не суть важно. Мы врезались. Мы вмазались.

Мы с треском влетели в очень твердую поверхность. В общем, если есть те, кто не понимает нормальный человеческий язык, объясняю по буквам — мы в л я п а л и с ь в неприятности. Как говорят гномы — из огня да в полымя!

Удар телеги о стену был страшен. Кли-кли, стоявший как заправский канатоходец на борту телеги и так и не дождавшийся моего «два», попросту улетел в неизвестном направлении. Гоблина как ветром сдуло, и ему еще крупно повезло. В отличие от шута, мы с Угрем находились в телеге.

От столкновения мир в глазах содрогнулся. Мне показалось, что из Безлюдных земель прибежала парочка ретивых великанов и станцевала джангу на моих ребрах. Как они (ребра, конечно же!) остались целы, это еще тот вопрос. В ушах стоял звон, в глазах сверкали звездочки, левый бок я отбил себе полностью, к тому же голова казалась невероятно тяжелой.

Неизвестно сколько времени я так пролежал. Может, секунду, а может, целый век. Звезды из глаз исчезли не сразу, то и дело одна или две появлялись незнамо откуда, танцевали в веселом хороводе не менее веселую пляску и вновь пропадали. Ко всем вышеперечисленным неприятностям можно добавить, что от удара соображал я с трудом и какими-то урывками. Все дальнейшие события я лицезрел как бы со стороны.

Вот надо мной склонился Кли-кли. Надо сказать, что гоблин был цел и невредим, если не считать ссадины на щеке и порванного плаща.

— Гаррет! Да Гаррет же! Тьма тебя раздери! Вставай! Вставай же!

Чего он так кричит? Я же не глухой. И откуда здесь столько досок? Ах да! Телега!

— Вставай, Танцующий в тенях! Они близко!

Х'сан'кор съешь его язык! Ну чего этот шут ко мне пристал? Мне бы с часок отлежаться, и я буду как новенький. Пусть Угря достает! Кстати, как он там поживает?

Пришлось совершить над собой усилие, отвлечься от Кли-кли, который пытался мне что-то втолковать, и повернуть голову в сторону предполагаемого нахождения воина. Ага! Угорь рядом со мной, только руку протяни. Лицо у парня залито кровью, он опирается руками на трофейный меч и пытается встать с колен. Я даже зауважал Дикого еще сильнее. Упорный все-таки парень наш Угорь!

— Беги, Кли-кли! Предупреди! — просипел воин.

Бежать? От кого? И предупредить кого? В глазах Кли-кли, услышавшего приказ воина, вспыхнула борьба демонов.

— Давай, шут, — сам не знаю для чего сказал я. Голос у меня был ничуть не лучше, чем у Угря. — Предупреди кого надо, и мы с тобой выпьем пивка...

В горле у меня настолько пересохло, что я готов был вылакать все Холодное море, несмотря на то что оно очень соленое.

— Постарайся выжить, Танцующий! — Кли-кли бросил на меня прощальный взгляд и исчез из поля зрения.

Куда это он? А! Ну конечно! Побегал куда-то предупреждать кого-то. Вон как смылся, видать, тоже пива хочет. Большой ему в этом удачи! И личного счастья...

Угрю встать не дали. Какие-то люди окружили его, выбили из руки меч и ударили по затылку. Угорь упал на землю и больше не шевелился. Я сделал попытку подняться, но отчего-то руки и ноги меня не слушались, и я попросту закрыл глаза, давая понять этим нехорошим людям, что разговаривать с ними не намерен.

Тысяча демонов тьмы! Ну и вмазались же мы в так некстати подвернувшийся дом! Ну не мог он, что ли, отойти в сторонку?!

Тьма! Не о том я думаю. А о чем надо думать? Эх! Голова моя голова!

— Этот жив? — спросил кто-то стоявший надо мной.

— Угу! Но в отключке! — Говоривший весьма ощутимо пнул меня под ребра.

Я же говорю, нехорошие люди!

— Берем с собой, или одного нам хватит?

— Одного хватит. — Еще один пинок. — Этого в расход.

— Я тебя в расход быстрее отправлю! — Еще один голос. — Обоих с собой берем! Или ты такой умный и с Ризусом сам будешь разговаривать?

— Да я же пошутил!

— Пошутил, мать твою! Недомерка упустили!

— Да что может этот гоблин?

— Может! Еще как может принести нам целый воз неприятностей!

— Послать ребят вдогонку?

— Ха! Ты бы еще через год опомнился! Он на своих коротеньких ножках нас всех обгонит! Гоблина уже не достанешь, он в переулках затеряется так, что днем с фонарем не сыщешь. Хватит разговоров. Грузите этих, пока стража не нагрянула и народ не стал собираться!

Меня взяли за ноги и за руки и куда-то понесли. Вот так всегда. Как только в городе случается серьезная заварушка, всех стражников и прохожих попросту сдувает с улиц. Потом, когда наступает тишь да гладь, они, конечно, появляются и бьют себя пяткой в грудь. Мол, задержали нас неотложные дела, а то бы мы их всех!

Меня бросили на что-то жесткое. Кто-то ругнулся, хлопнула дверь, и пол дернувшись, закрипел. Кажется, я очутился в карете. Но почему же меня так бесцеремонно уронили? Ребята могли вежливо пригласить прокатиться с ними. Неужели они думали, что я, такой вежливый и безотказный, не соглашусь залезть в карету?

Х'сан'кор! Не о том я думаю!

Кто-то тихо застонал у меня над ухом. Угорь?

Пришлось открыть глаза, чтобы удовлетворить свое любопытство. Как оказалось, я лежу на полу кареты по соседству с потерявшим сознание Угрем. Кроме нас тут находились ребята-арбалетчики, которые не далее как пять минут назад попытались подстрелить некоего Гаррета и его компанию.

У орков есть великолепная поговорка: "Любопытство гоблина в Лабиринт завело". Один из нехороших парней заметил, что я открыл глаза и воскликнул:

— Эй, этот пришел в себя!

Я хотел ему сказать, что я, собственно, никуда и не уходил и я не этот, у меня есть имя, но язык отчего-то отказался слушаться.

— Так выруби его, — безразлично посоветовали арбалетчику.

Последнее, что я увидел, прежде чем погрузился в темное ничто,

камнем падающую на меня дубинку.

Глава 6

Разговоры в темноте

Я шел по широкому темному коридору, стены которого были выложены грубым булыжником и покрыты чем-то очень похожим на мох или лишайник. Света здесь практически не было, и мне приходилось касаться стены рукой, чтобы не пропустить случайный поворот.

Потолок плясал, как спятивший дождевой червяк. Трижды я касался его макушкой, но стоило сделать всего лишь несколько шагов — и сколько ни тяни руку вверх, никакого потолка под пальцами не ощущается — лишь пустота, тьма и слабый сквозняк, гуляющий в высоте.

В голове у меня роились тысячи вопросов. Как я сюда попал? Куда иду? Зачем? Что ищу во тьме этого подземелья? И подземелье ли это?

Очень сомнительно, особенно если исходить из того, что через каждые двадцать шагов моя рука натывалась на дверь. Металлическую дверь с маленьким решетчатым окошком. Двадцать шагов грубого камня и мха под рукой, а затем пальцы ощущают холодный и мокрый от подземной сырости металл. А затем снова двадцать шагов камня.

У меня создавалось ощущение, что я нахожусь на самом нижнем ярусе какой-то огромной тюрьмы.

Коридор казался бесконечным. Иногда из-за дверей доносились стоны и бормотание, но большей частью за металлическими преградами жила оглушающая тишина. Кто находился в этих подземных казематах? Узники, безумцы, пленные или души тех, для кого дорога в свет или тьму закрыта на веки вечные? Ответа на эти вопросы у меня не было, так же как и желания узнавать, кто же на самом деле сидит в камерах.

Когда я проходил мимо очередной двери, из-за нее раздался безумный хохот. Я от неожиданности отпрыгнул к противоположной стене коридора и ускорил шаги, стараясь оказаться как можно дальше от сумасшедшего узника. Но хохот еще долго эхом отражался от стен и потолка и, подгоняя, бил меня по спине.

Спустя три вечности, когда я уже сбился со счета шагов, мне почудился слабый запах моря.

Да, так пахло в Портовом городе Авендума, когда ветер дул со стороны Холодного моря. Это был запах соли, запах водорослей, запах морских капель, оставшихся после набегающих на пирс волн, запах чаек, которые

по вечерам встречаются рыбацьи лодки. Запах свежей прохлады, запах рыбы, запах бриза и запах свободы.

Чернильная тьма отступила, и медленно, жутко медленно из тьмы стали проступать призрачные очертания коридора. Откуда-то сверху пробивался робкий луч дневного света. Я остановился и, задрав голову, посмотрел на голубое пятнышко неба, видимое через маленькое окошко, пробитое в высоком, просто недостижимом для меня потолке. На лицо мне упал солнечный луч, и я невольно зажмурил глаза. Ветер, который вместе с солнечными лучами проскользнул в отверстие, донес мерный гул, как будто недалеко от меня вздыхал уставший после целого дня тяжелой работы великан. Где-то поблизости находилось море, и прибой было очень хорошо слышно.

Море?! Но каким образом? Как оно тут могло очутиться?! Куда же я все-таки попал? И самое главное, как я сюда попал?

Оставшись торчать на одном месте, я точно не найду интересующие меня ответы, поэтому я распрощался со светом и направился дальше по коридору, вновь нырнув в неласковую тьму. Глаза к мраку привыкали долго, и один раз, едва не потеряв опору под ногами, я чуть было не грохнулся. Остановившись и вытянув вперед правую ногу, пощупал пол.

Так я и думал. Лестница. Как назло, она уходила куда-то вниз, в еще более густой и непроглядный (если такое вообще возможно) мрак. Я остановился и принялся размышлять, что мне делать дальше?

Дорога вниз, в глубокое подземелье тюрьмы (буду называть это место так, пока точно не узнаю, где нахожусь) для меня была крайне нежелательна. Сагот знает, на что я там наткнулся. Да и бродить во тьме я могу очень и очень долго. Мне бы вместо этой лестницы найти лестницу вверх, и желательно к выходу из этой странной и загадочной тюрьмы.

У меня, собственно, было всего два выхода из создавшейся ситуации: вернуться назад, в самое начало своего пути, или все же спуститься вниз и поискать лестницу, ведущую вверх. Первый вариант был даже более разумен, чем второй, но пройти весь этот долгий и утомительный путь назад я был просто не в состоянии.

Оставалось идти вперед, и только вперед. Решившись, я стал осторожно спускаться по лестнице. При мне не было ни масляного фонаря, ни факела, ни тем более магического «огонька», и идти приходилось на ощупь. Спускаясь и держась рукой за стену, я считал ступени. Их оказалось шестьдесят четыре. Крутые и избитые то ли временем, то ли тысячами ног, ходивших здесь, ступеньки привели меня в очередной коридор.

Этот коридор оказался полным близнецом того, по которому я шел

совсем недавно. Тот же чернильный мрак, тот же затхлый и холодно-влажный, пробирающий до мурашек воздух, те же стены, сложенные из грубого камня и покрытые шершавым мхом-лишайником, те же металлические двери с решетчатыми оконцами. Единственное отличие этого коридора от первого я заметил только тогда, когда стал считать шаги. Двери в стенах находились через каждые сто, а не через двадцать, как было раньше, шагов.

Здесь было намного холоднее, чем в верхнем коридоре, и я спустя какое-то время, сам того не замечая, начал дрожать. Идти приходилось медленно, в темноте я боялся налететь на неожиданную преграду или попросту свалиться в провал, яму или попасть еще в какую-нибудь неприятность. После того как справа от себя я оставил седьмую по счету дверь, стены коридора изменились. Грубая каменная кладка и мох пропали, уступив место базальтовой скале. Неизвестные строители прорубали весь дальнейший коридор прямо в горной породе. У меня возникло подозрение, что я попал в казематы гномов или карликов. Скорее всего, карликов, потому как, если вспомнить о неожиданном существовании моря и освежить знания по географии, можно предположить, что я на востоке гор Карликов. Именно здесь горы граничат с морем Бурь, или Восточным океаном, как называют это море жители Пограничного королевства. Спрашивать себя, каким образом я очутился в такой дали от Ранненга, бесполезно. В голову лезли самые нелепые мысли.

Далеко-далеко впереди во мраке мигнул светлячок света. Я остановился как вкопанный и стал всматриваться в даль. Огонек еще раз мигнул. Ага! Скорее всего, это пламя еще плохо разгоревшегося масляного фонаря. Пламя тихонько покачивалось в такт чьим-то шагам и медленно удалялось от меня.

Сейчас я не раздумывал. Огонь — это разумные существа, даже если они и не очень дружелюбно настроены к неожиданным посетителям. Надо просто держаться от несущего фонарь человека в небольшом отдалении, вести себя как можно незаметнее и надеяться на то, что нечаянный проводник выведет меня из этой воистину странной и загадочной тюрьмы.

Я устремился за огоньком, презрев опасность споткнуться о неожиданное препятствие и поломать себе ноги. Нагнать незнакомца оказалось довольно легко — он плелся со скоростью огра, обжеванного человечины.

Пробежав мимо лестницы, ведущей наверх (именно, по ней пришел сюда неизвестный), я догнал путника.

Старик. Лица его я не видел, но по сгорбленной спине, шаркающей

походке, дрожащей старческой руке, которая сжимала масляный фонарь, и по седым волосам я без всяких сомнений и колебаний понял, что этот человек старик. Неизвестный путник был одет в старую рваную дерюгу грязно-серого цвета, хотя я готов заложить последний золотой, что в далекие седые годы эта дерюга была великолепным камзолом. Массивная связка ключей, висящая на потертом поясе, противно дребезжала в такт его шагам. В другой руке дед стиснул то ли миску, то ли тарелку. Что в ней находилось, я разглядеть не смог, но старик нес миску аккуратно, и его рука, в отличие от руки, несущей фонарь, не дрожала. Дед шел, держа фонарь в вытянутой руке, и его тень, увеличенная в несколько раз, танцевала на стенах.

Я крался в десяти шагах от старика, стараясь держаться на границе тьмы и света фонаря. Старик шествовал молча и лишь иногда гулко кашлял. Кашель деда отчего-то напомнил мне кашель старого магистра Арцивуса. Да, старый волшебник Ордена со своими молниями и огоньками был бы сейчас очень кстати. Но полно мечтать, Арцивус далеко в Авендуме, готовит магов к «торжественной» встрече Неназываемого.

Дед шаркал, кряхтел, кашлял и ругался. Я боялся, что старикан развалится прямо на ходу, так и не добравшись до цели своего похода в этом подземелье. Но коридор, на мое счастье, неожиданно закончился, и дед, покряхтев, остановился возле крайней двери. Надсмотрщик, как я прозвал про себя старика, поставил миску и фонарь на пол и снял с пояса связку ключей.

Я так и не смог разглядеть лицо старика, он стоял ко мне вполоборота. Дед бормотал и придирчиво перебирал ключи в руках. Наконец он остановил свой выбор на огромном медном ключе и сунул его в замочную скважину. Старый хрыч попробовал повернуть ключ в замке, но из этого у него ничего не вышло, и надсмотрщик, кляня тьму и того, кто ее породил, вытащил ключ и вновь стал греметь связкой, ища более подходящий.

Тут до меня стало доходить, что, когда старик двинется в обратный путь, я окажусь прямо на его дороге, если только не потороплюсь добежать до лестницы. А в крошечной темноте бежать бесшумно, не видя ни стен, ни ступенек, довольно проблематично, если не сказать что сложно. Как бы медленно ни шел старик, если он меня и не увидит, то услышит обязательно.

Дед возился с ключами, а я отчаянно искал выход из возникшей неприятной ситуации. Можно, конечно, дать старику по тылке, но где гарантия, что без него я найду дорогу наверх? Новая лестница вполне способна привести меня в незнамо какой лабиринт, и бродить я в нем буду

до скончания веков. Так что вариант с оглушением старика отпадает.

Спрятаться мне на его пути негде — свет от фонаря захватывает коридор во всю ширину, и как бы я ни жался к стенам, все равно меня сможет заметить даже слепой крот.

Напротив двери, с которой сейчас возился старик, была дверь, ведущая в другую камеру. Вот именно, что была. Теперь на ее месте зиял угольно-черный проем, ведущий в открытую, а следовательно, пустую камеру (ну какой ненормальный будет сидеть в камере, у которой отсутствует дверь?). Дверь с сорванными петлями, приличными вмятинами на стальном теле и покореженной решеткой на окне аккуратно лежала возле стены. Не знаю, кого держали в камере, но, увидев, что узник смог сотворить с дверью, я не позавидовал стражам тюрьмы, когда это существо вырвалось на свободу. Да-да, именно существо! Ни один нормальный человек не способен оставить на толстых стальных листах такие вмятины.

Старик наконец нашел ключ, поднял с земли фонарь, осмотрел находку при более ярком свете, удовлетворенно крикнул и вставил ключ в замок. Пока дед нутужно кряхтел и возился с дверью, я проскользнул в двух шагах от него и нырнул в темноту ниши.

Старик перестал ворочать ключом в замке и резко втянул носом воздух. Сейчас он напоминал застывшую в стойке охотничью собаку, почуявшую, что за ее спиной проскользнула лиса.

Но мне было не до странностей дедули. Я чуть было не выскочил обратно в коридор, потому как вонь в пустующей камере заставляла предположить, что в ней без перерыва в течение десяти лет блевала армия гномов. Я закрыл лицо рукавом камзола и постарался дышать ртом.

Получалось это с трудом, потому как запах был резким и отталкивающим и у меня начали слезиться глаза. Все время, пока я стоически пытался бороться с вонью, старик неподвижной статуей стоял возле отпираемой двери. Неужели проклятый дед что-то заподозрил?

Надсмотрщик еще раз втянул носом воздух, потряс головой, как будто прогонял невесту каким образом свалившееся на него наваждение. Как же, папаша, как же! Меня сквозь такую вонь ты не почуешь! Даже если у тебя нюх имперской собаки!

Запах из камеры старику пришелся не по нраву, и он продолжил войну с упрямым дверным замком. Пока надсмотрщик открывал дверь, я старался сохранить остатки завтрака в желудке. Если только смогу выбраться из подземелья, то выброшу пропахшую одежду, а сам на месяц залезу в горячую ванну, чтобы избавиться от ужасающей вони, которая, казалось, проникла в каждую частичку тела.

Замок все же поддался, лязгнул, и дед торжествующе хохотнул. Ржавые, несмазанные петли завизжали, а затем дверь камеры приглашающе отворилась. Старикан поднял миску и, освещая себе путь фонарем, вошел в камеру.

До моих ушей донеслось слабое звяканье цепи.

— Проснулись? — Голос у старика сейчас был резким и хриплым. Оголодали, небось, за три дня-то?

Ответом надсмотрщику была тишина. Лишь цепь еще раз звякнула, как будто невидимый мне узник пошевелился.

— А! Гордые! — хохотнул дед. — Ну-ну! Вот вам вода. Хлеб, простите, забыл в караулке. Но вы не волнуйтесь, красавицы. Я вам в следующую ходку обязательно захвачу. Денька через два.

И опять довольный смех. Плохой смех, злой.

Я выглянул из своего укрытия, надеясь рассмотреть, что творится в камере напротив, но увидел лишь приглушенный свет от фонаря и спину старика.

— Ну, я пошел, приятно оставаться. А водичку ты пей, она, конечно, не павлины в грибах или клубника со сливками, но тоже скусная!

Дед вышел из камеры, и дверь, заскрипев, начала закрываться.

— Постой! — Один из узников все же решился заговорить.

Женщина!

— Ишь ты! — удивился дед, и скрип двери прекратился. — Одна заговорила. Чего тебе?

— Сними цепь!

— А больше ты ничего не хочешь?

— Сделай, как я сказала, и получишь тысячу золотых.

— Не унижайся перед ним, Лета! — резко произнесла вторая женщина.

— Тысячу? Ого! Много, — крикнул старик, и дверь камеры снова заскрипела.

— Пять тысяч! — в голосе Леты послышались нотки отчаяния.

Дверь продолжала закрываться.

— Десять! Десять тысяч!

Дверь с грохотом захлопнулась, и я вздрогнул. Казалось, что с этим грохотом само небо рухнуло на землю. Зазвенела связка ключей, и я отошел от стены, из-за которой выглядывал все это время, в глубь камеры, подальше от света фонаря. К тому же с нового места я мог увидеть лицо старика. Я просто должен был увидеть лицо человека, который вот так просто и обыденно отказался от десяти тысяч золотом!

Ключ сухо звякнул в замке, и старикан повесил связку на пояс. Затем он отвернулся от двери, и я смог разглядеть его лицо.

Я испугался. Сильно.

В последний раз я был так напуган в ту ночь, когда залез в Закрытую территорию и встретился с очаровательным и голодным хохотуном-плакальщиком.

У старика была желто-пергаментная кожа, острый прямой нос, синие бескровные губы, грязная нечесаная борода и глаза...

Эти глаза меня напугали до дрожи в коленках. Они были черные. Абсолютно черные...

У старого хрыча были холодные, агатовые глаза, в которых не наблюдалось никаких признаков зрачков или радужки. Разве можно назвать темные провалы черноты и пустоты глазами?

Такого попросту не должно, да и не могло существовать в нашем мире. Черные глаза казались мертвее камня, холоднее льда, безучастнее вечности.

Не выдержав взгляда этих страшных глаз, я отшатнулся назад.

По всем вселенским законам свинства мне под ноги попала какая-то дрянь. Не надо быть гением, чтобы догадаться, что эта дрянь оглушительно звякнула. Оглушительно — не очень подходящее в данной ситуации слово. Мне показалось, что звук от злосчастной посуды, оставшейся в камере после покинувшего ее узника, разнесся по всей Сиале.

Старик, как и следовало предполагать, тут же застыл на месте и уставился мертвой чернотой глаз во тьму. Туда, где я прятался.

Я не нашел ничего лучшего, как вообразить себя бездушным бревном или камнем. Говоря простым языком, я старался не только не шевелиться, но и не дышать.

Дед потянул носом воздух, и я вознес молитву Саготу, чтобы меня не заметили. Надсмотрщик с черными озерами мрака вместо глаз пугал меня до мокрых подштанников.

Старик переложил фонарь из правой руки в левую. В освободившейся руке как по волшебству появилось оружие. Больше всего эта штука была похожа... На что может быть похожа большая берцовая кость человека, к тому же заостренная? Только на заостренную большую берцовую кость человека, и ни на что больше.

Кость в свете фонаря казалась желтой, и лишь острый край отломка, так напоминающий по форме наконечник копья, был грязно-ржавого цвета. Цвета засохшей крови. Старик оскалился, во рту мелькнули желтые пеньки гнилых зубов, а затем покрепче перехватил странное оружие и, подняв фонарь, двинулся в мою сторону.

Не верьте тем, кто говорит, что в последние оставшиеся секунды перед смертью человек видит всю свою прошедшую жизнь, которая табуном доралисских лошадок проносится перед его глазами. Врут. Откровенно, нагло и безбожно врут. Никаких видений у себя я в эти секунды не заметил. Да и о видениях ли речь, если ты перепуган до дрожи в коленях? Страшный дед решил меня прикончить — никаких сомнений.

То ли бог всех воров услышал мою молитву, то ли запах, к которому я почти смог привыкнуть, ударил по чувствительному носу надсмотрщика, но дед остановился в трех шагах от моего убежища.

Сейчас старик смотрел прямо на меня, а граница света его фонаря пролегла в пяти шагах от моих ног. Сделай надсмотрщик еще несколько шагов, и я окажусь прямо в круге света от фонаря!

Я мысленно проклял свою беспечность и любопытство. Будь я умнее прижался бы к стене, а не стоял как истукан в центре камеры напротив дверного проема, полагаясь на то, что тьма защитит меня от глаз старика.

Черные глаза не мигая смотрели в мою сторону, и сердце у меня в груди гремело сильнее, чем кузнечный молот гнома. Неужели ему не слышно?

Дед смотрел долго. Очень долго. Не меньше минуты. Минуты, показавшейся мне годом. Минуты, за которую я успел состариться на целый век.

— Проклятые крысы, — наконец проскрипел старик. — Расплодились, твари! И чего они здесь только жрут?

Старик засунул оружие-кость за пазуху, переложил фонарь из левой руки в правую и зашаркал по коридору в сторону лестницы. Дед скрылся, и теперь я мог видеть только маленький кусочек коридора и дверь, за которой томились пленницы. Чем дальше старик уходил от меня, тем сильнее тускнел свет в коридоре.

Я не стал совершать безумных поступков и красться следом за надсмотрщиком. С того времени, как мне довелось увидеть его глаза, все желание вылезать из вонючей камеры пропало. Я лучше пережду, а потом потихоньку-полегоньку дотопаю до лестницы, пускай и в кромешной тьме. Так что я остался на месте, ожидая, когда старик уйдет как можно дальше от моего убежища.

А что если вообще не подниматься по ближайшей лестнице, а дойти до той, по которой я попал в этот коридор, доковылять до места, где я очнулся, и поискать другой выход? Теперь мне было не лень протопать огромный путь назад. Я был готов сделать все что угодно, даже сровнять горы Карликов с землей, но только не встречаться со стариком. Не знаю, почему я так сильно напуган, но с такими гла...

Я прервал свою мысль и сосредоточился на настоящем. Шарканье ног старика смолкло, на коридор опустилась оглушающая тишина. И свет! Свет от фонаря не померк до конца! В коридоре сгустились глубокие сумерки...

Внезапное отсутствие шарканья и присутствие света говорило лишь об одном: старик остановился, так и не дойдя до лестницы. Но зачем, выдери его тьма?

Я, не отрывая взгляда от дверного проема, сделал аккуратный шаг влево, затем еще один и еще, и еще.

И тут у меня чуть разрыв сердца не случился! Честное слово, еще никому не удавалось напугать меня целых два раза за столь короткий срок!

Старик никуда не ушел. Этот хитрый ублюдок разлегся на полу и заглядывал в камеру. Находишь я сейчас на том месте, где стоял всего несколько секунд назад, и проклятый дед так и остался бы для меня незамеченным. А если бы я совершил еще большую глупость и вместо того, чтобы отойти в сторонку, направился к выходу из камеры, то просто-напросто нос к носу столкнулся бы с надсмотрщиком. Сейчас дед внимательно смотрел на то самое место, где я совсем недавно стоял.

Какой хитрец! Какой опасный хитрец! Куда пропала эта показная медлительность и шарканье?! Как ловко, бесшумно и незаметно он вернулся назад! Тьма выпей мою кровь, если его уход не был всего лишь очень хорошо разыгранным спектаклем!

Высмотрев все, что хотел, старик стал подниматься с пола. Поднимался ловко и бесшумно, стараясь держаться так, чтобы я, находящийся, по предположению старика, совсем другом месте, не смог его увидеть.

И не увидел бы, стой я на прежнем месте! Спасибо Саготу, надоумил отойти в сторону!

Рука деда нырнула под камзол и вытащила кость-оружие. Моя спина в один миг стала мокрой от пота.

Всего лишь за три удара сердца дед проворно выскочил на середину коридора, встал напротив дверного проема и едва уловимым движением руки швырнул кость туда, где, по его мнению, находился я. Кость, словно живая, взвизгнула в воздухе, пронеслась через всю камеру и, глухо

стукнувшись о дальнюю стену, упала на пол.

Старик удивленно хмыкнул и задумчиво почесал в затылке.

— Действительно крысы, — немного разочарованно произнес дед. — Вот ведь померещится всякое! Эх, какую кость посеял! Теперь, пока вонь не пропадет, в эту яму не сунешься.

Бормоча и ругаясь, старик пошел к фонарю. Шаркающие шаги удалялись, затем на несколько секунд затихли (видно, дед поднимал с земли фонарь) и вновь раздалось шарканье. С затихающими шагами в коридоре становилось темнее, и вскоре здесь вновь наступил непроглядный мрак.

Я старался успокоить сошедшее с ума сердце, готовое вот-вот вырваться из грудной клетки. Пронесло! Как же мне повезло! Не уйди я со старого места, и оружие старика пробило бы меня насквозь! Бросок деда оказался настолько быстрым, что я не успел бы не то что уклониться, я бы даже ничего не смог понять!

Меня спасли удача, помощь Сагота и капризная судьба. Так что спасибо им всем за вновь подаренную мне жизнь.

Уже давным-давно затихли шаги старика, а мои глаза настолько привыкли к тьме, что она перестала быть непроглядной, и я смог различить контуры дверного проема. Вокруг меня было очень и очень тихо, но страх не собирался никуда пропадать. Сейчас я самым банальнейшим образом боялся пошевелиться. А вдруг это еще одна хитрость ужасного старика? Я ведь уже видел, насколько бесшумно он может передвигаться. Что ему стоит сделать вид, что уходит, отнести фонарь и теперь поджидать меня во мраке коридора?

Поджидать... Во мраке... Коридора... Вереница холодных мурашек пробежала между лопаток и продолжила свой путь по спине. Волосы на голове явственно зашевелились. Проклятый дед с проклятыми черными глазами проворен, как десять орков, и, затаившись в засаде, вполне способен отправить меня на последнюю прогулку в свет.

— Стоп, Гаррет, стоп! Перестань думать об этом, иначе страх проберет тебя до костей! Еще немного таких мыслей, и ты начнешь паниковать! Ты вор, Гаррет, спокойный и расчетливый мастер-вор по прозвищу Гаррет-тень. Гаррет-тень, гроза сундуков богачей. Гаррет, которого маленькие зеленые гоблины с острыми языками называют не иначе как Танцующим в тенях. Ты никогда не предавался панике во время своей работы, так не предавайся ей и сейчас! Спокойно... Спокойно... Восстанови дыхание, дыши носом, вот так... Вдох, выдох... Молодец! Сваливай отсюда, пока не стало еще хуже!

Не знаю, сам ли я бормотал эти слова или кто-то невидимый нашептывал мне их на ухо, но страх, зло зарывав и напоследок клацнув зубами, отступил на границу моего сознания.

Бродить во тьме безоружным — настоящее безумие, поэтому я задержал дыхание и пошел к дальней стене камеры, туда, где осталось лежать оружие, брошенное стариком. Пришлось вслепую довольно долго топтать ногами пол, пытаясь нащупать кость. Глаза от вони слезились, в нос, казалось, насыпали воз гарракского перца. Наконец я нащупал кость и, нагнувшись, взял в руки это странное оружие.

Тяжелая! Взвесив кость в руке, я сразу почувствовал себя увереннее. ЕСЛИ не дай Сагот что-нибудь случится, у меня будет чем защититься от нападающих. Я засунул кость за пояс и осторожно выглянул из камеры в коридор.

Ничего и никого. Тьма и мрак.

Огонька фонаря не было видно, должно быть, старик успел подняться по лестнице... Или старый хрыч погасил фонарь и теперь ждет, когда я выберусь из своей норы.

Я вновь прогнал из головы нехорошие мысли и, отчаянно напрягая слух, вышел из своего убежища. После одуряющей вони камеры душный и спертый воздух коридора показался мне освежающим нектаром богов.

* * *

Я все никак не мог избавиться от воспоминаний — проклятые черные глаза теперь вечно будут преследовать меня в кошмарах. Эх, был бы со мной Угорь...

Угорь! Как я мог забыть о нем!

Пелена забвения спала с моих глаз, и все прошедшие события дня развернулись передо мной. Я вспомнил то, что произошло этим утром. Вначале прогулка к поместью неизвестного нам слуги Хозяина, затем нападение сторонников Неназываемого, наше бегство на безумной телеге, столкновение со стеной, плен и потеря сознания. Очнулся я уже в коридорах подземной тюрьмы. Но если я здесь, то куда же враги дели Угря? И почему меня оставили на полу коридора, а не посадили в камеру, как других пленников? И вот еще одна странность — чувствовал я сейчас себя так, как будто и не влетал на полной скорости в стену того злосчастного

дома... Руки-ноги целы, голова не трещит, бок не саднит. Хоть сейчас пробегу сто метров наперегонки со стражей.

В странное, очень странное место я попал... Неужели у Неназываемого, а точнее, у его сторонников в самом сердце Валиостра имеется такая огромная тюрьма? А в Валиостре ли находится эта тюрьма? Я явственно слышал рокот морского прибоя, а близ Ранненга никакого моря нет. Ручаюсь в этом головой. Ближайшее море — это море Бурь, а до него недели конного пути. И если предположить, что я не в Ранненге, а где-то у моря Бурь, то без сознания я провалялся очень, просто очень долго!

Эх! Чего без толку гадать? Надо поскорее выбираться из этого гадюшника, а по дороге попытаться найти и освободить Угря. Он вполне мог находиться в какой-нибудь из камер коридора.

Найти. Ха! Сказать это просто, а вот сделать очень тяжело. Если я буду слепо тыкаться в каждую дверь, то на это может уйти целый год. Да и нарваться на неприятности, если откроешь не ту дверь — раз плюнуть. Мало ли какие ненормальные могут обитать за дверью? Значит, чтобы найти Угря, следует пробраться в караулку и посмотреть книгу заключенных. Такая штука обязательно должна быть даже в тюрьме, пускай на службе здесь старики с черным мраком вместо глаз.

Я направился по коридору в сторону лестницы и, не пройдя и десяти шагов, остановился. Узницы! Как я мог о них забыть! Женщины должны знать, что это за тюрьма. Да и оставлять их на милость проклятущего старика — не дело. Может, попробовать освободить пленниц, благо отмычки в моем кармане сторонники Неназываемого не тронули?

Тут же в голове разыгралась буря противоречивых мыслей: "Гаррет, ты не рыцарь на белом коне из слащавой детской сказочки, — шепнул мне голос, в котором проскальзывали циничные нотки. — Бери ноги в руки и дуй отсюда как можно дальше! Ты все равно не спасешь женщин".

"Еще как спасу! — возразил другой голос. — Ты бы смог оставить человека гнить во мраке, если бы существовала хотя бы призрачная возможность его спасти?"

Ого! А у меня не один, а два внутренних голоса! Плюс мой настоящий, да еще и голос Вальдера! Итого нас Четверо! Самое время занять койку в комнате с мягкими стенками в больнице Десяти мучеников!

"Смог бы, — ответил первый голос. — Таскаться во тьме с полудохлыми от голода бабами — это безумие! Пропадем".

"И слушать не желаю! А если бы ты гнил за решеткой? Например, в Серых камнях?"

Я возвратился к камере, где томились узницы.

"Гаррет, Гаррет. Что же ты творишь?! Выбираться надо, а не спасать неизвестно кого".

Я достал отмычки, созданные карликами по моему специальному заказу, и аккуратно, чтобы не издать ни малейшего звука, вставил отмычку с треугольной насечкой в замочную скважину. Попытался повернуть. Не вышло. Хм, попробуем-ка четырехуголку с пазом ноль-восемнадцать... Так... Есть! По крайней мере, в замке что-то тихонько звякнуло.

А замок-то непростой. В нем не меньше девяти пружин, да еще две скрытые. Заденешь такую ненароком — и начинай всю работу сначала. Не иначе как карлики делали! Недомерки, как всегда, создали вещь на совесть, и теперь мне придется приложить массу усилий, чтобы вскрыть дверь. Чисто теоретически возиться мне с таким замком — от двух до пятнадцати минут.

"Не торопись. Подумай. Эти женщины не боялись старика!" — неожиданно раздалось в моей голове.

Я вздрогнул. Это были не мои "внутренние голоса", не глупый спор с самим собой, это был голос Вальдера. Архимага Вальдера, умершего несколько веков назад и нашедшего приют в моей гостеприимной башке, которая впускает всех кого не лень.

"Ты считаешь?" — испуганно подумал я.

"Да, Гаррет, да. Этот старик напугал тебя?"

"Напугал?! Ты еще спрашиваешь?!"

"И меня. Меня тоже напугал, пускай я видел «это» совершенно другим зрением. А голоса у женщин во время разговора... Их голоса даже не дрогнули! Так стоит ли нам... — шепот Вальдера в голове на мгновение осекся. — Стоит ли тебе лезть в логово паучих?"

"Куда я... мы попали, Вальдер?"

"Не знаю. Не могу вспомнить. — В первый раз на моей памяти Вальдер чего-то не знал. — Мы просто очутились здесь, и все... Как будто нас сюда кто-то забросил..."

Просто очутились? То есть кто-то добренький щелкнул пальцами, и я бац, оказался в тюрьме?!

Я мысленно пожелал этому ретивому щелкуну распрощаться не только с пальцами, но и с рукой. Чтобы знал, как посылать неизвестно куда порядочных людей!

"Что же мне делать?" — на всякий случай спросил я у Вальдера.

"Это твоя голова, — донесся до меня ответ. — Сам решай, что тебе делать".

"Нет, позволь! Благодаря тебе это теперь не только моя голова! Ты влез

в нее, не спрашивая разрешения, и теперь будь так добр, раз уж ты никуда не собираешься из нее исчезать, дать мне совет: как поступить?"

Ответом мне была тишина. Проклятый архимаг, как это уже бывало прежде, исчез, будто его и не было. Но тут меня не обманешь, Вальдер только притворяется немым до той поры, пока моей шкуре не угрожает реальная опасность, в основном магического содержания. Он уже несколько раз вытаскивал меня из самых неприятных неприятностей, и не сомневаюсь, что еще не раз вытащит.

— Ну и тьма с тобой. Можешь молчать до посинения! — ругнулся я.

Принять решение, что делать дальше, я не успел. Решение приняли за меня, и приняли не самым лучшим образом.

Откуда-то со стороны лестницы донеслись звуки шагов. Кто бы это ни был, но шел он уверенной твердой поступью. Незнакомец направлялся в мою сторону, и я подумал, что сегодня все тюремщики только и мечтают, что прогуляться по тюремным коридорам. Фор всегда учил меня опасаться тех, кто внаглую бродит по местам, в которых передвигаться следует исключительно на цыпочках и не привлекать к себе ненужного внимания. Раз шумит, значит, ничего не боится. Раз ничего не боится, значит, может быть опасным. Раз может быть опасным, то следует всеми силами избежать встречи с ним.

Этой мудрости своего старого учителя я всегда старался следовать и оттого был до сегодняшнего дня жив и здоров. На этот раз я тоже не собирался ничего нарушать.

Я вытащил из замка отмычку и юркнул в уже ставшую мне родной тюремную камеру с выбитой дверью. Вонь вновь забралась в нос, но на этот раз я смог привыкнуть к ней намного быстрее, чем во время предыдущего посещения камеры. Я встал так, чтобы видеть коридор и дверь камеры неизвестных узниц, не боящихся черных глаз старика, и стал вслушиваться в приближающуюся поступь.

Когда я покидал коридор, то бросил быстрый взгляд в сторону идущего человека, но не смог заметить никаких признаков огня. Это говорило о том, что у нежданного прохожего в руках мог находиться тайный фонарь, огонь которого можно увидеть только с близкого расстояния. Был еще один, самый неприятный вариант — неизвестный попросту не нуждался в свете и прекрасно видел во мраке. А если это так, то парень явно не имеет никакого отношения к роду человеческому, а следовательно, он вполне мог заметить меня, пока я копался в замке.

Шаги идущего раздавались всего лишь в пяти метрах от моего убежища. В трех... Двух...

У неизвестного действительно был тайный фонарь, во мраке виднелся узкий оранжевый серп света, который совершенно не давал никакого обзора. Во всяком случае, для меня. Я смог разглядеть лишь черный контур, темную тень на фоне едва отступившей тьмы.

Неизвестный остановился перед дверью, и замок, щелкнув, открылся. Хм... Что-то я не услышал, как ключ входит в замок.

Дверь жалостливо взвизгнула. Сегодня в тюрьме приемный день? Уже второй посетитель за последние полчаса. Я старался смотреть во все глаза, хотя ничего увидеть в таком мраке, кроме силуэта очередного незваного гостя, было попросту невозможно. Оставалось держать ушки на макушке.

Незнакомец вошел в камеру, и я услышал, как вновь звякнула цепь.

— Здравствуй.

На этот раз первой говорила вторая женщина.

— Самое главное — всегда быть вежливой, не так ли, Лафреса? — насмешливо произнес нежданный посетитель. Услышав его голос, я тут же захотел оказаться за тысячу лиг отсюда.

Тьма! Х'сан'кор и тысяча демонов! Чтобы мне пятки на сковородке поджарили! Чтобы меня всю оставшуюся жизнь за руку ловили! Вот влип так влип!!!

Я узнал этот голос. До этого я слышал его всего лишь дважды, и каждый раз мне очень хотелось оказаться как можно дальше от его обладателя. Это был «он», верный пес Хозяина, тот, кого называют Посланником.

Я очень надеялся, что больше никогда не услышу этого голоса и не встречу с его обладателем. И вот тебе раз! Встретился с ним в самый неподходящий момент!

— А что у меня есть, кроме вежливости? — В голосе женщины послышалась горечь. — Или ты думаешь, что я начну умолять тебя сохранить мне жизнь?

— Сохранить тебе жизнь может только воля Хозяина, — холодно ответило существо. — Я всего лишь Посланник, выполняющий его волю. А насчет того, что ты не будешь меня умолять... Будешь! Если только я этого захочу. Еще как будешь, Лафреса!

Женщина промолчала.

— Так-так, — не ожидая ответа, совсем уж по-человечески хмыкнул Посланник. — Вижу, Благ держит вас на одной воде.

— Я вырву ему сердце! — яростно прошипела женщина.

— Не думаю, что это ему повредит, — хмыкнул Посланник. — Ты же должна знать, как следует поступать с Продавшимися. Проще отрезать

Благу голову, чем пытаться вырвать и так не нужное ему сердце... Хотя могу тебя обнадежить — ты вскоре сможешь осуществить свою угрозу, милая Лета. В последнее время я все чаще подумываю сделать из тебя такого же Продавшегося, как старина Благ. Нашему общему другу требуется помощница м-м-м... для разного рода... утех.

Посланник хохотнул. Да, с ним происходят какие-то изменения. В первый раз, когда я его услышал, у Посланника в голосе не было никаких эмоций, но через несколько дней при разговоре с ворами, работающими на Маркуна, голос Посланника уже был больше похож на человеческий. А сейчас... Сейчас его голос был полон эмоций и ярких красок.

— Ты всегда отличался гнилыми шутками, раб! — презрительно ответила женщина.

Я втайне порадовался, что не стал спасать узниц. С человеком, разговаривающим на равных с Посланником, мне точно не по пути.

— А ты всю свою коротенькую жизнь отличалась большим самомнением, насмешливо парировал Посланник. — Ты слишком много на себя взяла, милая Лета, впрочем, как и красотка Лафреса, и поплатилась за это.

— Я всегда была верна и выполняла все приказы Хозяина! — вспылила Лета.

— Всегда ли? Ну-ну, Лета! Старого друга не стоит обманывать. Тут только ты, я и Лафреса, так что можешь смело рассказывать, как вы умудрились провалить такое простое задание.

— Мы сделали все, как повелел Хозяин! Во благо...

— Не надо речей про благо! Оставь их для жрецов и расфуфыренных павлинов, которые называют себя дворянами! Ты лучше ответь, почему твое багровое облако не подействовало?! — рявкнул Посланник. — Почему ключ еще не у Хозяина?!

Багровое облако! Уж не про грозу-шаманство говорит сейчас верный пес Хозяина? Похоже, речь сейчас идет про ту самую мерзость, что чуть было не уничтожила наш отряд в Харьгановой пустоши.

— Я не знаю, почему оно не подействовало, — устало произнесла женщина. — Ты же знаешь, я все сделала точно и правильно, как и повелел Хозяин. Слуги перебили всех шаманов Неназываемого, они тоже охотились за отрядом, затем мы воспользовались варевом этих магов-недоучек, прикрыли шаманство грозой, чтобы Орден не дай тьма ничего не пронюхал, и отправили волшебство с нужным ветром. Все было рассчитано, и никто не должен был выжить. Ни эльфы, ни эльфийка не обладали должными познаниями, чтобы помешать мне. Они не могли

уничтожить облако!

— Но взяли и уничтожили! — В голосе Посланника прозвучало едва скрываемое раздражение.

— Это не они, — заспорила Лета. — От шаманства темных и Первых за лигу разит, а тут ничего!

— Не оправдывайся перед ним, Лета! — резко произнесла Лафреса. — Он всего лишь слуга.

— Это не они! — упрямо продолжала твердить женщина, не обращая внимания на слова Лафресы.

— Не они? Тогда кто?! Кто, скажи мне ради Купели Кровавой Росы?! — зашипел Посланник.

— Не знаю. Кто-то сильный. И, наверное, волшебник, потому-то мы не смогли ничего почувствовать. Тот, кого ты не принял в расчет.

— Не зарывайся, Лета! Вы и так ходите по тонкому волоску! Все было принято в расчет! Все!!! Или ты хочешь убедить меня, что среди этих муравьев прячется волшебник? Игрок из Авендума ничего не говорил ни о каком волшебнике. Никто из Ордена с отрядом не поехал, он об этом позаботился.

— Я не доверяю Игроку, Посланник, — пробурчала Лета. — Игрок хитрый лис, он в любой момент может спутать нам все планы.

— Ошибаешься! Игрок слишком верен Хозяину. Бессмертие и знания великолепный стимул для верности.

— Если он так верен Хозяину, тогда с какой дури он указал на этого вора?

— Такова была воля Хозяина.

— Вначале Хозяин указывает Игроку на вора, а через день просит его укокошить! Где логика?

Этой Лете надо брать пример с молчаливой Лафресы — дольше проживет.

— Помолчи, Лета, пока я не вырвал тебе язык! Не тебе обсуждать волю Хозяина!

— Не надо угроз, Посланник! Я знала тебя в другой жизни, так что трать свое красноречие на баранов, которых Хозяин называет слугами! Их тебе удастся пугать намного лучше, чем меня!

— О да! Они намного покладистее, чем ты. Хотя ты ничем не отличаешься от них. Ты так же смертна, хотя и помнишь все свои прошлые жизни. Но разговор сейчас не о слугах, а о тебе, любезная Лета. О тебе и твоей соседке по камере. Вы допустили ошибку, страшную ошибку. Вы не оправдали доверия Хозяина и поэтому очутились здесь. Так что теперь вас

ожидает расплата.

— За этим ты сюда и пришел? Как низко пал тот, кого теперь называют Посланником! Что ж, я готова к смерти, — гордо заявила Лафреса.

— Хочешь что-нибудь сказать напоследок? — Голос Посланника был невозмутимым.

— Нет.

Лета хрипло и истерично рассмеялась:

— В отличие от тебя я всегда могу возвратиться в Дом Любви. А вот ты, мой дражайший Дж...

Неожиданно женщина захрипела. Знаем, проходили! Когда Посланник немного расстроен, он любит хватать ненароком подвернувшихся под его лапы людей за шеи.

— Ни-ко-гда, — тихо процедил он. — Слышишь, Лета? Ни-ко-гда не смей называть мое настоящее имя! Да, благодаря тебе я родился в Доме Любви, жил в Доме Боли и в Доме Страха, но теперь я нахожусь в Доме Силы, и не тебе, мелкая вошь, произносить мое имя!

Хрипы плавно перешли в бульканье — обходительный парень этот Посланник. А затем в камере разлилась тишина.

— Будь моя воля, и ты бы никогда не вышла из этой камеры, Лафреса. Осталась бы здесь, как ныне покойная Лета. Я ничего не забыл! Так что можешь поблагодарить Хозяина при личной встрече за сохранение жизни! Твое счастье, женщина, что ты еще нужна Хозяину. Для тебя есть работа.

— Что я могу сделать для моего Хозяина? — Голос Лафресы даже не дрогнул. Как видно, она нисколько не расстроилась из-за того, что Посланник только что придушил Лету.

— Ты одна из немногих, кому Хозяин может доверить ключ. Ты должна взять его и привезти сюда.

— Ключ?

— Ты стала плохо слышать, Лафреса? Ключ в руках одного из слуг. Ты должна приехать к нему и забрать артефакт, или для тебя это настолько сложно?

— Нет... Не сложно. Но почему я?

— Да, ты правильно подумала, милашка Лафреса. На твоём месте могла быть Лета, да и любой человекишка, даже не обладающий твоими способностями, мог бы принести Хозяину ключ, но вот беда... Ключ подчинили. Проклятая эльфийка сотворила шаманство, и теперь ключ нельзя сюда принести, пока кто-нибудь не разрушит узы. А кроме тебя лишь пятеро человек смогут сотворить такое. Предвосхищая твой вопрос, почему вместо тех пятерых выбрали тебя, отвечу: Игрок в Авендуме

слишком занят, а остальные слишком далеко. Им потребуется много времени, чтобы подготовиться хотя бы к начальной магии... Зная же твой воистину природный дар к Кронк-а-Мору, смею предположить, что подготовка тебе не требуется. Или почти не требуется...

— Когда Хозяину нужен ключ?

— Крайний срок — две недели.

— Отсюда до Ранненга мне придется добираться четыре месяца.

— Ты будешь там через неделю. Забери ключ, разрушь связь, принеси Хозяину, и тогда, может быть, наш повелитель забудет о твоём досадном промахе. Ты все уяснила?

— Да.

— Хорошо.

— Мне понадобится время, чтобы дождаться благоприятного положения звезд, иначе узы не разорвутся.

— У тебя не так много времени.

— Сними с меня цепи.

Раздалось негромкое щелканье.

— Бери фонарь и выходи отсюда.

— С радостью, — отозвалась женщина.

— Лафреса! Помни, в этот раз тебе лучше не ошибаться, иначе в Доме Любви ты окажешься нескоро.

— Я запомню твои слова, Посланник.

Ноги женщины были босы, только так можно объяснить, что я не услышал ее шагов, когда она выходила из камеры. На миг в коридоре промелькнул луч фонаря и темный силуэт женщины. В полумраке я лишь смог рассмотреть, что она невысокого роста. М-да... Слишком мало примет для того, чтобы я смог ее опознать впоследствии. Если эта Лафреса собирается нагрянуть за ключом в усадьбу Соловьев, то я любыми средствами должен успеть опередить ее. За женщиной из камеры вышла другая тень — Посланник. Он пошел следом за Лафресой.

Когда я раньше сталкивался с Посланником, мне не удалось разглядеть его лица. Он так и остался для меня черным крылатым силуэтом с глазами, горящими золотом.

Ну и Х'сан'кор с ним! Я не собираюсь рисковать головой только ради того, чтобы разглядеть рожу Посланника. Уверен, что она такая же мерзкая, как и он сам. Лучше я пережду в моем убежище, пока опасная парочка не покинет коридор, а уж затем направлюсь своей дорогой.

Я остался стоять на месте, ожидая, когда стихнут шаги.

"Гаррет, ты совсем перестаешь думать", — неожиданно посетовал

Вальдер.

"Ты сегодня просто болтаешь без остановки, — ответил я архимагу. — Что случилось?"

"Ты слышал, что он сказал? До Ранненга добираться четыре месяца, а она там будет через неделю", — намекнул мне Архимаг и вновь исчез.

А, тьма! Когда я доберусь до города, ключа там уже не будет! И ни Миралиссу не предупредить, ни Маркауза! Единственный выход — пусть он мне совершенно не по душе — следовать за этими двумя и...

Что и? Что?! Помешать им?! Или напроситься в попутчики?!

Сагот, укажи путь!

Я вышел из камеры и, коснувшись одной рукой стены, направился к лестнице, туда, куда две минуты назад ушли Посланник и женщина. Идти я старался по возможности быстро и тихо. По крайней мере, пытался проделать это в крошечной темноте. Самое время пожалеть, что, пока был в Авендуме, не запасся волшебным зельем, наделяющим глаза ночным зрением. Когда я набирал в магической лавке всего до кучи, то не озаботился купить так нужную сейчас пробирку. Ну зачем тратить золотые, когда ты меньше чем полгода назад уже выпил это волшебное пойло? Я не знал, что на Закрытой территории все мое хваленое ночное зрение попросту исчезнет и мне придется бродить в мертвом городе чуть ли не вслепую. А потом... Потом то Конь Теней, то демоны, то король с советом, то нападение сторонников Неназываемого на дворец. Закрутился и забыл. В итоге не купил нужную вещь и отправился в поход без нее. Одна была надежда — заглянуть в магическую лавку в Ранненге, но и тут ничего не получилось. События закружились волчком и тут уже не до магических пузырьков и склянок.

Те, кого я преследовал, двигались метрах в пятнадцати впереди меня. Подойти к ним на более короткую дистанцию я не решился, опасаясь оказаться замеченным. Об удаленности от меня слуг Хозяина я ориентировался по звуку. Как только шаги становились тише, я прибавлял ходу и нагонял идущих впереди. Если перебарщивал и звуки шагов становились громче, я останавливался и дожидался момента, когда можно будет продолжать путь.

Вот так мы и шли до самой лестницы. Здесь мне пришлось дожидаться, пока Лафреса и Посланник не поднимутся по лестнице наверх.

Когда звуки их шагов почти совсем затихли, я ступил на лестницу.

Поднимался я долго. Очень долго. Во-первых, было все так же темно, а ступеньки оказались совершенно разного размера, и идти приходилось

чуть ли не на ощупь, поэтому плелся я со скоростью улитки. Во-вторых, лестница была уж очень длинной. Поначалу она казалась прямой и вела четко вверх, а затем стала завиваться спиралью и тянулась, тянулась, тянулась.

Я думал, что отдам Саготу душу прямо на этих зловредных ступеньках. Естественно, я потерял из виду тех, за кем шел все это время. Сегодня день сплошных разочарований: мало того, что я оказался в берлоге, а точнее, в тюряге Хозяина, так еще умудрился отстать от женщины-шаманки. Теперь возвращение в Ранненг за четыре дня ставилось под большое сомнение.

Когда лестница кончилась, я осторожно выглянул в коридор, освещенный редкими чадящими факелами. Никого. Ни Посланника, ни женщины с довольно странным именем Лафреса. Придется догонять, на мое счастье, очередной коридор идет от лестницы только в одном направлении, так что не заблужусь.

Стены, сложенные из массивных каменных блоков, большей частью были покрыты копотью, оставшейся от горения тысяч факелов. Покатый аркообразный потолок тоже не блистал чистотой. Кое-где на нем еще сохранились остатки самой настоящей побелки, но на мой неопытный взгляд, возраст этих остатков исчислялся десятилетиями. Если не столетиями. Никаких дверей в стенах, лишь надписи на непонятном языке. То ли огрский, то ли язык Первых, я в письменах этих рас полный профан...

Прошел я недалеко, всего шагов сто — сто пятьдесят, и коридор оборвался очередной лестницей, правда, на этот раз в ней было от силы ступенек двадцать, не больше. А за лестницей вновь сгущался мрак. Я сделал первый шаг, и тут же в ноздри ударил слабый запах гнили, тления и пыли.

— Ну уж дудки, — пробормотал я себе под нос и снял со стены крайний факел.

Хватит, набродился в темноте до скончания жизни!

Пламя от сквозняка, неведь каким образом пробравшегося в подземелье, трепетало и плевалось искрами. Я кинул факел во мрак и, охнув, отступил назад. То, что я увидел за те несколько секунд, пока пламя освещало маленький зальчик, мне очень не понравилось. Почерневший от времени грубо сколоченный стол, на котором разлегся скелет. Могу сразу сказать, что это не был скелет человека — уж слишком большие зубы — или орк или эльф. В черепушке мертвеца торчал маленький довольно ржавый топорик.

Я не боюсь мертвецов, особенно тех, что лежат и никого не трогают. Я не очень-то опасюсь и тех тварей, которых члены Ордена кличут зомби, а простой народ — бродунами или, попросту, живыми мертвецами. Эти твари довольно неуклюжи и безобидны, главное правило при общении с ними держаться подальше от их рук и зубов. Ну и по возможности не вставать у покойника на пути.

Живые мертвецы существуют, согласен. Но вот о живых скелетах до сегодняшнего дня я не слышал. Такого чуда просто не могло существовать в природе. Как, ну как могут двигаться кости, если на них отсутствуют мышцы, хрящи, жилы и тому подобное? Напрашивается сразу два ответа: либо какой-то идиот дергает кости за веревочки, что мало вероятно, либо тут не обошлось без шаманства огров, что очень даже возможно.

В общем, мне было недосуг выяснять причину, отчего лежащий на столе с топором в черепушке скелет довольно резво дрыгал ногами и, кажется, пытался встать. Сейчас меня занимал немного другой вопрос: способен ли он встать, и если да, насколько может быть опасен этот костяк? Буду стоять на месте, так ничего и не узнаю, да к тому же если у скелета (вот дурость-то!) имеются глаза, то он уже давно меня увидел.

"А раз увидел и не пришел, значит, не опасен. Или не очень опасен", для собственного успокоения подумал я, и, достав из-за пояса кость-оружие, вступил в зал и поднял с пола факел.

Скелет все еще дрыгал ногами, пытаясь подняться. Это ему не очень удавалось, потому что кто-то пригвоздил его позвоночник к столу железными скобами и отрубил руки по самые плечи.

Все же любопытство — мой порок. Я сделал шаг к столу, чтобы рассмотреть небывалую картину получше. Тварь повернула башку в мою сторону и зашипела. Клянусь Саготом, зашипела, не имея ни легких, ни языка, ни всего чего полагается иметь, чтобы издавать звуки!

— К-х-х-ш-шшш-ша-а-а-а...

Топорик застрял во лбу, но он (топорик, а не лоб) был не настолько тяжел, чтобы скелет не смог приподнять голову над столом. Черные дыры глазниц, в которых тлели мириады багровых искорок, уставились на меня. Ну точно без магии не обошлось!

— Ососсвобод-ди, чч-человек!

Я на миг опешил. Если скелеты научились разговаривать, то пора занимать место на кладбище, — конец света близок.

— Не в этой жизни, — для чего-то ответил я и отступил подальше от стола.

Скелет уронил голову, зашипел, будто масло, попавшее на докрасна

раскаленную сковородку, и стал дергаться и извиваться. К делу он подошел с душой (если у этой твари она была), и стол заходил ходуном.

— Я всс-ссе равв-но осс-вобожуссс-сь!

Каждое слово сопровождалось резким дерганьем и содроганием стола. Скоба возле поясицы мертвеца стала едва заметно поддаваться. Я счел за умное пойти своей дорогой и не испытывать судьбу. Позвоночник удерживается по всей длине, кроме шеи, и твари придется дергаться не меньше недели. Но главное ведь начать! Первая скоба поддалась, а за ней сдадутся другие. Как говорится — вода дырочку найдет. Если, конечно, сюда не явится тот добрый парень, что так плохо прибил скелет к столу и не исправит положение. В любом случае я не собирался оставаться и наблюдать, что же произойдет дальше.

На протяжении следующих минут никаких странностей, а тем более неприятностей не произошло, за что Саготу честь и хвала на веки вечные!

Пол едва заметно пошел в горку. Факел освещал унылые серые камни, блестевшие от подземной влаги, и надписи на стенах, сделанные чьей-то небрежной рукой. Потолок ушел куда-то ввысь, и пламя факела уже не могло высветить его из мрака. Появилось слабое эхо, двоившее мои шаги, и пришлось идти чуть ли не на цыпочках.

Посланник и женщина канули во мраке, и догнать их не представлялось никакой возможности.

— Займись Нижним Северным ярусом. — Голос Посланника разнесся по коридору и заставил меня бросить факел на пол и затоптать его ногами. — Эти Хозяину уже не нужны.

— Я могу их?.. — Голос Блага дрожал от возбуждения.

— Мне неинтересно, что ты сделаешь с этими двумя, Продавшийся! — В каждом слове Посланника сквозило презрение. — Хочешь жрать — жри, хочешь резать из их костей безделушки — режь, но перед этим сделай то, что я сказал!

— Будет сделано, господин! Уж старый Благ позаботится об их косточках! Да-да! Позаботится!

Голоса Блага и Посланника текли отовсюду, они обволакивали меня и не давали определить, где же находятся говорившие. Я был уверен, что Посланника и старика не было в коридоре, иначе они бы обязательно увидели огонь моего факела. Создавалось ощущение, что разговаривали где-то за стеной, но, пока горел факел, никакой двери я увидеть не успел.

— Позвольте, господин, сказать... Прошу меня покорнейше простить, если лезу не в свое дело... но зря вы эту девку отпустили!

Теперь голос Блага раздавался прямо над моей головой. По потолку,

что ли, они ходят?

— Займись тем, чем я сказал! — отрезал Посланник. — Иначе ты окажешься там, откуда тебя вытащил Хозяин. Давно червей не кормил?

Благ испуганно забормотал, раздалось шарканье, и стена прямо передо мной уползла в сторону, открывая взору комнату, освещенную светом масляного фонаря. Я даже не успел отскочить в сторону — уж очень неожиданно передо мной открылась секретная дверь. Я оказался в кругу света, и Благ, как раз выходявший в коридор, меня увидел.

Клянусь головой, но на миг в черных озерах глаз вспыхнуло изумление. Старик оскалился, и я не думая швырнул в него его же оружием костью.

Надо сказать, что я не отличаюсь мастерством в метании не то что костей, но даже обычных ножей. Но, видно, в этот раз мою руку кто-то направлял.

Я попал. Только не в старика, а в фонарь. Масляный фонарь разбился и высвободившееся пламя накинулось на Блага. Старик взвыл и, упав на пол, стал кататься, пытаясь сбить пламя. Огонь уже пожирал его бороду и одежду. Я стоял, завороженный этим страшным зрелищем, и заметил яростный блеск янтарных глаз в самый последний момент.

Черная тень бросилась на меня, я инстинктивно отпрянул назад, и когтистая лапа, готовая вырвать мне сердце, промахнулась. Почти.

Когти разорвали рубашку, а затем сгусток боли лопнул где-то возле живота. Кажется, перед тем, как мир разбился на тысячу осколочков боли, я успел закричать.

Глава 7

Друзья и враги

Мрак Вселенной и ледяной огонь магии. Мир в мире, сон во сне, капля в капле, зеркало в зеркале...

Однажды я уже находился здесь. Когда это было? Вечность до, вечность спустя или вечность после? Ах да! Кажется, припоминаю — это произошло в далеком будущем, в тот день, когда Миралисса подчинила моему сознанию ключ от Створок Храд Спайна. В тот памятный вечер я провалился во мрак Ничто, в сон сна, заполненный огненными снежинками багрового пламени Кронк-а-Мора.

Но в отличие от прошлого раза сейчас мне было холодно... Очень холодно... Холод и боль — вот, пожалуй, и все, что я мог ощущать.

Тело сводило жесткой судорогой, причиной которой являлся то ли холод, то ли боль. Что из двух зол причиняло большие страдания? Сейчас мне на это было ровным счетом наплевать, я просто хотел всеми силами свалить отсюда в более приветливое и менее загадочное место. Но из моих тщетных попыток выбраться из Ничто ничего не выходило. Я был абсолютно беспомощен и все сильнее и сильнее замерзал...

Холодно-холодно-холодно-холодно-холодно...

Холодно! Сагот, как же мне холодно! Такого холода просто не может существовать! Как, ну как огненный снег может нести холод?!

Как я мог забыть, что здесь, в черном Ничто магии, мире снов и призраков прошлого, совсем другие законы?!

— Здравствуй, Танцующий!

Я, как и в прошлый раз, пропустил тот краткий миг-явь, когда они появились передо мной. Сквозь мрак ко мне проскользнули живые тени. Хозяйки и гости Ничто. Старые подруги.

Про себя я называл их Первой, Второй и Третьей. Три тени, три подруги, три сестры, три любовницы... Они ничуть не изменились с момента нашей последней встречи, нашего последнего танца, благодаря которому в прошлый раз я смог выбраться из Ничто. Может, и в этот раз с их помощью мне удастся выкарабкаться на волю?

— 3-здравствуйте, лед-ди. — Зубы стучали друг о друга, и слова

давались мне с большим трудом.

— Разве ты не знаешь, Танцующий, что некоторые сны так же опасны, как явь? — В голосе Второй слышалась печаль.

— Сны опас-сны? — Мне вспомнились все сны-кошмары о прошлом, которые я видел за последний месяц. — Д-да, пожалуй, з-знаю...

— Тогда зачем же ты призываешь их к себе, Танцующий? Пророчества и судьба не всегда смогут защитить тебя! — Со мной вновь заговорила Вторая.

Первая и Третья стояли рядом с сестрой и просто наблюдали.

— Я не хотел появляться в вашем мир-ре сна, — попытался оправдаться я. — Я даже не з-знаю, как оказался с-среди этого багр-рового снега!

— Ты считаешь наш мир сном? — наконец заговорила Первая тень. — Ты ошибаешься, Танцующий, наш мир настолько же реален, как твой. Если не реальнее — ведь он был первее всех миров. Мир Хаоса, послуживший основой для тысяч других, когда такие, как ты, стали строить и уничтожать тени. Наш мир не сон, и мы не сон, и ты сейчас находишься не во сне...

— И ты умираешь, Танцующий! — вклинилась в разговор Третья. — Ты на самом деле умираешь, потому что слишком часто бродишь в снах, которые опасны.

— Я не пон-нимаю, о чем вы... — Холод убаюкивал мое сознание.

— Сны могут убивать, — прошелестела Первая. — Достаточно поверить, что сон — это уже не совсем сон, что ты не только видишь его, но и начинаешь жить в нем... Как только сон перестает быть сном, он становится опасен для того, кто верит в него! Тот, кто сделал тебе это, был в твоём сне...

— Или ты в его... — перебила Первую Вторая.

— Это уже не важно. Ты поверил и поэтому получил такую рану...

Тюрьма Хозяина — сон?

Напоминание о ране и нескрываемое сочувствие, которое слышалось в голосе тени, заставили меня посмотреть на свой живот. Лучше бы я этого не делал! И это называется "Посланник промахнулся"! Отчего до сих пор я еще был живой — не знаю. С такими ранами гарантированно отправляются в свет без всяких шансов вернуться под синее небо.

Пиявки боли принялись грызть меня с удвоенным усердием, и я не смог сдержать крика.

— Вот видишь, Танцующий, как могут быть опасны сны?

— К-как... Как я с-сюда попал? — просипел я, преодолевая боль.

— Это мы у тебя должны спросить — ты попал в наш дом по своей

воле.

— Я не хотел с-сюда приходить! Я хотел ддо-до-мой!

— Теперь и навсегда твоим домом станет наш мир. На Сиале ты уже давно бы испустил дух. Только здесь ты сможешь жить!

— Мне н-нужен свой!

— Свой?! — Третья, разогнав искрящийся занавес багровых снежинок, закружилась вокруг меня. — Чем он лучше этого? Разве в твоём мире, мире, в котором ты родился, можно сделать вот так?

Третья придвинулась ко мне почти вплотную, на миг передо мной мелькнуло женское лицо. Тень слилась со мной, и я почувствовал, как во всем теле разливается волна щекотки, как пиявки боли с разочарованным скрежетом разжимают присоски и уплывают во мрак, искать для себя более слабую и покладистую жертву.

Миг — и Третья опять находится возле своих сестер, а я со все возрастающим изумлением смотрю на то место, где всего лишь секунду назад зияла страшная рана.

Ничего. Никакой раны. Абсолютно гладкая кожа. Лишь порванная рубаха является единственным напоминанием об ударе Посланника.

— Способен ли твой мир на такое, Танцующий? — В голосе Третьей звенит торжество победительницы.

Я лишь ошеломленно качаю головой. Никто, даже Орден не сможет сделать так, чтобы вместо дырки величиной с кулак, из которой хлещет кровь и вываливаются кишки, вновь оказалась целая и здоровая кожа, как будто никакой раны и не существовало. На Сиале такие фокусы могли проделывать только боги.

— Тогда зачем же ты в него так стремишься?

— У мен-ня дела, — буркнул я. — К тому ж-же здесь слишком холодно.

Первая засмеялась, и, отвечая ее смеху, снежинки лопнули и превратились в огоньки. Холодный ветер поспешно скрылся, уступив во мраке место все разрастающимся и разрастающимся огонькам. Огоньки слились друг с другом и превратились в голодного хищного зверя, имя которому — пламя. Пламя за один удар сердца сожрало мрак мира и окружило теней и меня плотным коконом.

Я в который раз подивился, что тени нисколько не боятся багрового пламени и остаются такими же черными и непроглядными, какими они были, когда весь мир состоял из Ничто.

Один из самых проворных, а может быть, попросту везучих языков пламени мелькнул передо мной, и лицо обдало волной жара.

— Ну что, Танцующий, так теплее? — насмешливо спросила Первая.

— Да... — Сил удивляться уже давно не было. Насколько всеильны эти три тени? И почему у них такой интерес к моей персоне?

— То есть твой ответ можно расценивать как положительный? Ты остаешься с нами?

— Зачем я в-вам нужен? — спросил я, отогреваясь и стараясь потянуть время.

— Зачем ты нам нужен? — переспросила Вторая. — Ты — Танцующий с тенями. Первый Танцующий, появившийся у нас за десять тысячелетий! Ты можешь делать то, чего не могут делать другие люди. Ты еще сам не знаешь, на что способен! Ты нужен нам, ты нужен этому миру, ты поможешь нам вдохнуть в него жизнь, Танцующий! Жизнь, ушедшую в другие миры благодаря таким, как ты! Без тебя наш мир умрет окончательно!

— Без меня умрет мой мир! — Я попытался перекрыть рев злого пламени. — Мой долг...

— Твой долг?! — с сарказмом проговорила Вторая. — Вор заговорил о долге. С каких это пор ты стал рассуждать о нем?

— Мне нужно вернуться и закончить дело, — упрямо настаивал я. — Я принял Заказ, и пока он на мне, я не волен над своими желаниями!

Тени склонили головы одна к другой и стали тихо переговариваться. Неужели я смог их убедить? В этом мире, мире-пустоте, заполненном то огненным снегом, то жарким пламенем, в мире, где я не имел под ногами надежной опоры, мне не было места. Неужели тени этого не понимают?

— Хорошо, ты можешь уйти, — объявила Вторая. — Мы ждали много лет, подождем еще немного. Ты все равно когда-нибудь вернешься к нам. Те, кто узнали дорогу в изначальный мир, всегда возвращаются. Ты еще поможешь нам, Танцующий. А теперь иди!

— Куда идти?

— Вперед.

Я бросил опасливый взгляд в сторону огненной стены:

— Вы же знаете, что без вас я не смогу пройти сквозь огонь! — Я постарался погасить вспыхнувшее раздражение.

— Знаем. Но в этот раз ты должен пройти сквозь огонь сам. Не всегда мы будем рядом с тобой. Не всегда джанга с тенями проведет тебя через ловушки Дома Силы. Когда-нибудь тебе придется бороться с ним один на один.

— Дом Силы?! — вскричал я. — Вы сказали Дом Силы?! А про Дома Любви, Боли и Страхы вы тоже знаете?!

— Знаем.

— А про Хозяина?! Кто или что он такое?! Про Хозяина вы...

— Знаем, — перебила меня Третья.

— Тогда расскажите мне! Это очень важно!

— Совсем недавно ты торопился убраться отсюда, Танцующий, а теперь жаждешь знаний, — холодно ответила на мою просьбу Первая. — За знания надо платить, ты готов к этому?

— Смотря что вы за них потребуете! — Мои старые воровские привычки требовали осторожности. Не стоит соглашаться, пока не узнаешь, какую цену попросят от тебя взамен.

— Если ты хочешь узнать про Дома и Хозяина, тебе придется остаться с нами.

— Тогда цена этому знанию — одна медная монета. Здесь мне оно не понадобится.

— Прости, но твой мир еще долго не будет готов к этим знаниям, — с сожалением ответила мне Вторая. — Вперед, Танцующий, огонь ждет тебя!

— Прощайте, тени!

— Прощай и до скорой встречи, Танцующий! Помни, что не всегда джанга с тенями ведет правильной дорогой!

— Помни!

— Опасайся!

Они еще что-то кричали мне в спину, но я уже не слышал их слов. Огонь угрожающе замахнулся на меня шипящими языками.

— Ты мой! — проревело багровое пламя.

— Ты наш-ш-ш! — вторили голодные языки огня.

Я не склонен к безумным и безрассудным поступкам, но, видно, пришло для них время. Как там говорили тени? Не всегда можно пройти сквозь огонь с помощью танца с тенями? Нет, как-то по-другому...

Огонь опалил лицо, волосы угрожающе затрещали. На руках, которыми я закрыл глаза, начала лопаться кожа.

В прошлый раз только джанга, безумный танец, в котором меня закрутили три тени, помог пройти сквозь пламя этого негостеприимного мира и вернуться назад на Сиалу.

Сейчас со мной не было ни танца, ни теней, проводших меня через багровое пламя. Я остался один на один с голодным огнем.

— Ты мой!!! — гудела стена жара.

— Ты мой!!! — каркнул я в ответ.

На миг в огне мелькнула нитка пути, и я, не раздумывая, прыгнул в духовку алчущего пламени. Стена торжествующе взревела, принимая меня.

Боль от ожога распустилась пунцовым бутоном, но одежда и волосы даже не вспыхнули. Пламя лишь разочарованно выло у меня за спиной. Перед тем как на меня рухнула тишина, я успел понять, что все-таки смог прорваться сквозь границу миров без джанги с тенями...

* * *

В голове гудело, во рту поселилось множество ежей, затылок отчетливо пульсировал и не давал ни на секунду забыть о себе. Я зашипел похлеще, чем кипящий котел, и соизволил открыть глаза. Перед глазами все расплывалось, так что мне потребовалось заметное усилие, чтобы понять, где я очутился на этот раз.

— С добрым утром! — Раздавшийся голос заставил меня повернуть голову в сторону говорившего.

— Это, по-твоему, доброе утро? — хмыкнул я.

— По крайней мере мы все еще живы, Гаррет, — ответил мне Угорь.

— Давно мы здесь?

— М-м-м? Уже утро следующего дня. Весь прошлый день и ночь мы проторчали тут. Как твоя голова?

— И не вспоминай, — со стоном попросил я гарракца. — Гудит, как растревоженный пчелиный улей. Меня довольно сильно приложили в карете.

— Угу. Я уже беспокоиться за тебя стал, ты все в себя никак не приходил и стонал без перерыва.

— Мне снились плохие сны, — пробормотал я, вспоминая прогулку по мрачным коридорам хозяйской тюрьмы и загадочный огненно-снежный мир теней, первый мир, мир Хаоса, мир, который, по словам теней, должен умереть.

Сон! Это был всего лишь очередной сон из нескончаемой связки кошмаров! Я скосил глаза и посмотрел на свой живот. Как и следовало ожидать, рубашка не порвана когтями Посланника и не обгорела в багровом пламени. Да и я цел и невредим, если не считать головной боли после знакомства с дубинкой и ноющего зуда в ребрах после столкновения телеги со стеной дома.

— Ты-то как? Тебе ведь больше моего досталось, — спросил я у Угря.

— Выживу, — односложно ответил он мне.

Ну, раз гарракец говорит, что выживет, значит, выживет.

Я попробовал пошевелить руками, но из этого ничего не вышло — какая-то сволочь крепко-накрепко связала их у меня за спиной.

— Даже не пытайся, — усмехнулся Угорь, заметив мою попытку проверить крепость веревок, перетянувших запястья. — Веревка из волокон арта, от нее просто так не избавишься. Я целый час провозился, но так ничего и не получилось.

Арт — это дерево, дохленькое, кривое и ничем не примечательное. Но из его волокон, после того как их должным образом обработают, получают великолепные прочные веревки. Их можно перерезать или перегрызть, но разорвать или вывернуться из таких пут способен только очень сильный или же очень ловкий человек. Веревка из волокон арта крепко и надежно оплетает запястья, но не пережимает их, так что если не пытаться вырваться, можно чувствовать себя более-менее комфортно.

— Нас в тюрюгу, что ли, посадили? — немного туповато пробормотал я.

Мне никак не удавалось избавиться от наваждений снов. Все еще не верилось, что долгое путешествие в подземных коридорах и разговор с тенями — это всего лишь сны. Пускай они и были очень реальны.

— Конечно же в темнице! Или ты ожидал, что сторонники Неназываемого нас с тобой на званый обед пригласили?

М-да. Все же меня довольно сильно приложило, глупые вопросы так и сыплются. Я огляделся, стараясь получше ознакомиться с местом нашего заключения.

Темницей это назвать было трудно. Нет, тут, конечно, наличествовали серые стены, маленькое решетчатое окошко под потолком, грязная солома на полу и одинокий факел на стене. То есть на первый взгляд самая обычная и не очень-то располагающая к постоянному жительству камера. Но вот в чем была странность — я ни разу в жизни не слышал от людей, побывавших в тюрюге, что в камере должно быть две двери.

— Вторая дверь запасная? Если тюремщики ключ от первой потеряют? — не удержавшись, попытался я пошутить.

Очередной глупый вопрос с моей стороны остался без ответа. Тьма! Как же гудит в голове!

Первая дверь — деревянная, обитая узкими стальными листами, располагалась прямо напротив нас. Вторая дверь, полностью железная, находилась на левой стене камеры, и засов у нее, в отличие от первой, находился здесь, а не снаружи, как у любой уважающей себя двери в тюрьме.

— М-м-м... Наконец-то осенило меня. — Железная дверь ведет не к свободе, а куда-то еще. Иначе с чего бы на ней устанавливать засов с этой стороны? Уж точно не для того, чтобы мы спокойно отсюда вышли.

— Гаррет, тебя, по-моему, слишком сильно стукнули. — Угорь думал в том же самом направлении, что и я. Меня действительно слишком сильно стукнули. — Ты лучше помолись своему Саготу, чтобы нас отсюда вытащили.

— Вытащат-то нас в любом случае и, кажется, вперед ногами. — Настроение у меня было мрачновато-говорливым. — Какова вероятность того, что отряд отыщет нас раньше, чем ребята Неназываемого избавятся от лишней обузы?

— Были бы мы обузой, нас бы не стали хватать, а почихали прямо на улице.

— Верно. Мы им для чего-то нужны, но как долго продлится такая ситуация? Кли-кли, слава Саготу, смылся, и, думаю, прошло достаточно времени, чтобы Алистан и Миралисса начали действовать.

Из маленького окошка до нас донесся крик горластого петуха.

— Вот тебе и ответ, — произнес Угорь. — Мы не в Ранненге, мы за городом, а навряд ли Алистан догадается искать нас на таком расстоянии от стен.

— Почему ты думаешь, что мы с за городом? По-твоему, в городе не может быть петухов?

— Да нет, их навалом, но я в карете пришел в себя, и перед тем как меня опять вырубили, смог увидеть, что за окнами простирается отнюдь не городской пейзаж.

Угу. Приятно слышать. Теперь уже точно известно, что шанс найти нас в подвале, да еще так далеко от городских стен — нулевой.

— Умеешь ты обнадежить, — горестно вздохнул я.

Нам оставалось только ждать и надеяться на чудо, Сагота и всех готовых нам помочь личностей. Первое нас избегало, второй, кажется, не слышал, третьих попросту не существовало (по крайней мере, на расстоянии лиги от нас). Как говорят матросы из Портового города, мы сели брюхом на мель. Крепко сели.

Прежде чем тюремщики почтили нас своим присутствием, петух успел прокричать еще раз.

Лязгнул засов на двери, обитой металлическими полосками, и в камеру вошли двое. Первый был широкоплечим мужиком лет пятидесяти, с лиловым носом и льдисто-голубыми глазами. Невысокий, плешивый, в мятой, заляпанной жиром одежде и с кривой ухмылкой во всю мерзкую

рожу. Вторым посетителем оказался... Горлопан. Живой и абсолютно здоровый.

Я в первую секунду даже не поверил, что вижу именно Горлопана, а не какой-то морок или призрака, восставшего из могилы.

Лицо Угря, когда он увидел, кто пришел нас навестить, не дрогнуло, и

лишь глаза цвета стали грозно сверкнули.

— Я вырежу тебе сердце, Горлопан.

— Я постараюсь быть осторожным и не попадаться тебе в руки, — очень серьезно ответил тот. — Приношу свои извинения за причиненные вам неудобства.

Угорь все таким же ледяным голосом пожелал Горлопану засунуть все неудобства куда подальше.

— Жаль, — огорчился Горлопан. — Я искренне сожалею обо всем случившемся, но судьбу не выбирают. Вы выбрали свою сторону, а я — свою.

— И давно ты ее выбрал? — угрюмо спросил я, наконец заметив то, что с самого начала увидел Угорь, — махонькое колечко в виде листка ядовитого плюща на пальце Горлопана.

С этим колечком все сразу же встало на свои места. Вот от кого сторонники Неназываемого узнали о том, где мы остановились и где находится ключ! Да и выследили они нас у дома Соловьев тоже не без помощи Горлопана.

Как же ловко этот ублюдок все провернул! И ведь перед нашим носом, и никто ничего не заподозрил! Да и как можно заподозрить своего товарища, товарища, с которым успел столько всего пережить?! Как можно заподозрить Дикого в служении Неназываемому?! Это все равно что назвать солнце зеленым, а огров — очаровательными созданиями!

Горлопан все точно рассчитал: сказал, что поехал к родственникам, а в это время сообщил своим соратникам о нас и вернулся в трактир. Все остальное было делом техники. Парни Неназываемого ворвались в трактир, подстрелили слуг, Маркауз с воинами укрылся на кухне, а Горлопан инсценировал свою смерть и был таков вместе с помощниками и нашим ключом. Кто, ну кто связал бы Дикого с Неназываемым? Да никто! И о Горлопане мы бы больше никогда не слышали, исчез бы он с нашей дороги, если бы не слуги Хозяина, отобравшие у шакалов Горлопана ключ.

— Давно, очень давно Гаррет, — усмехнулся предатель. — Ты не представляешь, сколько поколений моей семьи помогают вернуться Владыке в Валиостр.

— Но ты ведь Дикий. Как ты мог?

— Гаррет, ты мне глубоко симпатичен, но не надо мне говорить про Диких! Я отдал им четырнадцать лет жизни только потому, что Неназываемый велел мне и другим Верным сделать это.

Слуги Неназываемого называют себя Верными? Ха!

— И много вас среди нас? — Голос Угоря излучал вселенское

спокойствие.

— Что ж, я отвечу тебе, дружище, — улыбнулся предатель. — Теперь тебе это можно узнать, и знаешь почему?

— Потому что вы не выберетесь из этого подвала, — наконец-то открыл рот человек с лиловым носом и визгливо захохотал. Я узнал его голос — именно этот гад хотел прибить меня, когда я отходил от удара об стенку после гонки на повозке.

— Заткнись! — резко одернул своего напарника Горлопан. — Нас было шестеро, шестеро тех, кто стал ушами и глазами Неназываемого среди Диких Сердец, Угорь. Удивлен? Ты был бы еще сильнее удивлен, если бы узнал имена. Одно я тебе, так и быть, по старой дружбе назову. Помнишь Огрызка помощника капитана Сыча? Он был главным в нашей группе, жаль, что Верный так и не вернулся из Безлюдных земель.

— Жаль, что ты не остался вместе с ним, — глухо сказал Угорь.

На этот раз гарракец не смог скрыть своих истинных чувств. И ему было понятно, как он потрясен, узнав, что в Дикие Сердца затесались сорняки-предатели. ШЕСТЕРО! Немыслимо!

— И остался бы, не вытаци ты меня из той заварушки, — согласно кивнул Угрю Горлопан. — Ну ладно, это дело прошлое, и для разговоров у нас еще будет время. А пока я просто пришел вас провести и узнать, что вам нужно. Напой их!

Последние слова адресовались Лиловому Носу. Горлопан пошел к выходу, но я его окликнул.

— Горлопан!

— Да, Гаррет?

— А это того стоило?

— Стоило что? Четырнадцать лет жизни коту под хвост или служба Владыке?

— Второе.

— Ты не понимаешь, Гаррет, и не поймешь. Ни ты, ни Дикие, татуировкой которых я испоганил свое тело. Для вас Неназываемый — зло. Чистое, незамутненное зло — и ничего больше.

— Эк как ты заговорил, — пробормотал Угорь.

— Ты привык видеть Горлопана вечно ноющего, спящего и недовольного всем светом, дружище? — Горлопан впервые за все время улыбнулся. Горлопан! Если бы ты знал, как мне надоела эта собачья кличка! Четырнадцать лет я был собакой, четырнадцать лет я гавкал для вашего короля! У меня есть имя, и я, может быть, даже знатнее тебя, гарракец, скрывающий свой титул.

— Знатность тебя уже не спасет, я убью тебя без всякой дуэли.

— Все может быть, но вряд ли, — поморщился Горлопан. — Что же насчет твоего вопроса, Гаррет, — стоило. Это того стоило. С самого начала. Если бы не Рог Радуги, Неназываемый давно бы сокрушил династию Сталконов.

— Столько сотен лет ненавидеть какую-то династию! Твой Неназываемый сумасшедший!

— Сталконы сделали его таким! Сталконы очернили имя лучшего мага Ордена перед народом! От него отвернулись все, все кого он любил, включая брата-близнеца, жену и детей! У него не оставалось другого выбора, как Кронк-а-Мор и бессмертие! А теперь он хочет отомстить!

— Мстить некому. Все уже давно мертвы, а его брат Грок давно лежит в могиле Храд Спайна.

— Наш разговор ни к чему не приведет, — покачал головой Горлопан и вышел из камеры.

— Горлопан! — рявкнул Угорь, и я подскочил от неожиданности.

— Да? — Удивительно, но он вернулся.

— Помни, я вырежу тебе сердце!

Горлопан ничего не сказал, лишь цепко с прищуром взглянул на связанного гарракца, криво и не очень-то уверенно ухмыльнулся и вышел вон.

— Вот вам вода. — Лиловый Нос поставил перед нами две миски.

— И как, по-твоему, мы будем пить со связанными за спиной руками? — спросил я у него.

— Это уж, звиняйте, не моя проблема. Я не самоубийца и руки вам распутывать не буду. Поищите дурака в другом месте. А вообще, дам я вам совет: можете не пить — все равно вам недолго осталось.

— Зачем же сюда тащили? Шлепнули бы на улице.

— Да я бы с радостью, особенно такого говорливого, как ты, но нельзя. А зачем вас схватили, вопрос любопытный. Но это вы у Ризуса спросите, когда он приедет посчитать ваши кости. Хр-ха!

Лиловый Нос направился к выходу.

— Эй, быдло! — негромко окликнул тюремщика Угорь. Голос гарракца просто сочился презрением высшего к низшему. — Кто этот Ризус?

— Быдло? Это ты меня быдлом назвал? — Лиловый Нос сжал кулаки.

Он подскочил к гарракцу и замахнулся на него кулаком. Угорь не отвел взгляда, и Лиловый Нос так и не решился ударить.

— Хотите узнать, как вы умрете? — нехорошо усмехнулся

Лиловый. — Вас сожрут ваши соседи по камере. Впрочем, я вас сейчас познакомлю.

Лиловый Нос подошел к железной двери и с натугой отодвинул визжащий засов. За дверью оказалась мощная кованая решетка, преграждающая проход в следующую камеру. Я с неприятным удивлением заметил, что на нижней части решетки осталось нечто, похожее на следы зубов. Кто-то усиленно пытался прогрызть в преграде проход на свободу, и этот кто-то мне очень сильно не понравился. Тварей, у которых во рту такие зубы, лучше обходить стороной. Желательно за лигу.

— Я их три недели не кормил, так что от вас даже косточек не останется! Оставляю дверь открытой, чтобы вы смогли насладиться их видом. Когда Ризус с вами потолкует, я поверну рычаг в коридоре, решетка поднимется, и кого-то скушают, хе-хе!

Лиловый еще раз премерзко хохотнул и покинул камеру.

— Что там, Угорь? Тебе не видно? — напряженно спросил я у гарракца.

— Ш-ш-ш! — зашипел на меня воин, не отрывая взгляда от решетки и темноты соседней камеры. — Не нравится мне это.

— Еще бы, когда оттуда такая вонь! — согласился я с ним.

Запах из-за решетки заставлял немножечко паниковать. Он оказался не слишком уж и резким — это было всего лишь слабое дуновение той вони, которая обычно предшествует запаху, но и этого легкого дуновения было достаточно, чтобы я насторожился. Так пахло гнилое мясо. Так пахла падаля. Так пахли трупы.

— Этот сукин сын держит у себя оживленного мертвеца! — воскликнул я.

— Похоже, мы пришли к одному и тому же мнению.

За решеткой властвовала тишина и тьма. Ни шевеления...

Меня передернуло — быть сожранным ходячим трупом, оживленным с помощью хаотичной магии огров, до сих пор самостоятельно парящей над нашим миром. Страшная смерть!

Угорь заерзал и опрокинул свою миску с водой.

— Что ты делаешь? — обратился я к нему.

— Пытаюсь встать на ноги, что и тебе советую сделать. Надо отсюда выбираться.

Встать на ноги оказалось не так уж и сложно, к счастью, нам связали только руки, и после минутных усилий и я и Угорь уже крепко стояли на своих двоих. Сложнее было перевести связанные руки из-за спины вперед. В итоге получасовых упражнений и одновременного наблюдения за

решеткой мы вновь уселись на солому, так и не достигнув желаемого результата. Руки как были связаны за спиной, так там и остались. Веревка из арта подтверждала свою легендарную надежность.

— Знали бы мои родственники, как я низко пал! — ни с того ни с сего расхохотался Угорь. — Сначала угодил к Диким, теперь оказался за решеткой и готовлюсь стать завтраком для полусгнившего мяса! Узнай об этом отец, его бы второй удар хватил!

— Ты о чем? — вырвалось у меня.

Угорь посмотрел на меня и горько усмехнулся:

— Я стал Диким около десяти лет назад, Гаррет. Дикие Сердца — моя новая семья, а Одинокый Великан — мой новый дом. Я отринул все, что было в моей прошлой жизни, я стал тем, кого раньше в большей степени не любил и не очень-то уважал. У нас в Гарраке не любят тех, кого вы называете Дикими. Сам знаешь почему.

Кто же не знает? Однажды, в далекие седые времена Вастарской сделки, Дикие наголову разгромили "Дракона" Гаррака.

— Двадцать семь лет своей прошлой жизни я носил другое имя, Гаррет. Горлопан правильно сказал — у всех Диких раньше были имена. Поменять свое родовое имя, которое с гордостью носили мои предки, на кличку Угорь — что, кажется, должно быть страшнее для дворянина? Ты слушаешь меня, Гаррет?

Я старался не только слушать, я старался даже не дышать, чтобы не прервать речь Угря. По словам Сурка, никто среди Диких до сей поры не знал, кем был Угорь и чем он занимался, прежде чем прийти к Одинокому Великану, хотя все чувствовали, что гарракец не простого рода. Он всегда держался на расстоянии от других, всегда был спокоен, холоден, не болтлив и великолепно владел парными клинками дворянского сословия Гаррака. Угорь был загадкой для многих, в том числе и для меня. Скала, Лед, Непробиваемый, Молчаливый, Холод — вот те немногие прозвища, которыми наградил воина Кли-кли.

То, что Угорь сейчас изливает мне душу, было несколько неожиданным для него поступком. Он не был склонен к сантиментам, и некоторые из Диких до сегодняшнего дня считали, что Угорь унесет тайну своего появления в Одиноком Великане в могилу.

— Мой отец — "зуб Дракона", Гаррет, — продолжил Угорь. — Тебе известно, что это означает?

Мне хватило сил лишь на то, чтобы ошеломленно кивнуть. "Зуб Дракона" высший воинский чин в армии Гаррака! "Зубом Дракона" по вековой традиции могли становиться только близкие родственники короля,

а из этого следовало, что в Угре течет королевская кровь! Это не простой дворянчик, это даже не герцог! Это кронгерцог с правом наследования трона, если род короля неожиданно прервется.

— Мой отец Марлед ван Арглад Дас, кузен короля Гаррака, является уже шестым "зубом Дракона" в нашем роду. Высокая честь, вор! Высшая честь, какая только может выпасть дворянину нашего королевства.

Угу. Знаю, слышал не раз. Гарракскому дворянину ничего не надо в жизни, кроме высшей чести сохранения лица рода, вековых дворянских традиций и тому подобной не очень-то понятной мне чуши. Дворяне Гаррака просто помешаны на словах «честь» и "верность королю".

— Я старший сын рода, так что мне тоже предстояло стать "зубом дракона". Предстояло... — Угорь заскрежетал зубами.

— Что тебе помешало? — осторожно спросил я. Он посмотрел на меня, и я увидел, что в его глазах плещется озеро застарелой боли.

— Что помешало? — задумчиво переспросил он. Было видно, что Угорь сейчас находится очень далеко от меня, где-то там, в прошлом. — Молодость, самонадеянность и, наверное, гордыня... В то время я думал, что мне можно брать от жизни все. Старший сын "зуба Дракона", племянник короля — меня ждала прекрасная карьера военного... Лучший мечник королевства, исключая самого короля и отца. Я был всем и делал все, что только хотел. Я считал себя лучшим, первым во всем, и многие считали так же, как и я. А те, кто был иного мнения, слегли в могилу после дуэлей. Я был неприкасаемым и слишком уж бесшабашным. Любимец знати, женщин... Я! Я! Я! Это меня в итоге и погубило...

— Что же случилось?

Мне не стоило прерывать гарракца. Угорь тряхнул головой, отгоняя воспоминания прошлого, и, уставившись на решетку камеры, произнес:

— Не важно, что тогда случилось, Гаррет. Это уже дела давно минувших дней. Я допустил ошибку, опозорил себя, отца, род и своего короля. А позор смывается только смертью. И я умер. Улис ван Арглад Дас перестал существовать, и появился Угорь... Так, наверное, было лучше для всех... В ту ночь я умер и сохранил честь своему роду. Никто так и не узнал, что на самом деле я остался жив. Я... я просто не смог в нужный момент направить кинжал себе в горло... Ни отец, ни тем более король не знают, хотя думаю, что мой младший брат подозревает... Я покинул страну... Ни родового имени, ни возможности вернуться в Гаррак... У меня не осталось ничего, кроме оружия и умения им владеть. Я ушел на другой край северных земель и стал Диким. Стал тем, кого раньше, будучи первым в «Драконе» Гаррака, не очень-то любил и уважал. Тут никто не спрашивал

о моем прошлом и.... Разговорился я что-то сегодня, — одернул себя Угорь. — Да и неудивительно десять лет хранить даже собственную и никому не нужную тайну очень тяжело, прости, что взвалил на тебя все это.

— Забудь.

— И ты забудь этот разговор, я зря его затеял, Гаррет.

— Но затеял ведь?

— Наверное, я просто хотел попросить тебя оказать мне услугу, пробормотал Угорь и посмотрел в потолок. — Если вдруг я умру, а тебе доведется выжить, передай «брата» и «сестру» моему младшему брату. У него намного больше прав, чем у меня, носить родовые клинки рода ван Арглад Дас.

— Не думаю, что смогу это сделать, — помолчав, сказал я. — Мы с тобой в одной лодке, и сожрут нас вместе.

— Ты просто пообещай, — попросил Угорь.

— Ну хорошо, я обещаю.

— Спасибо, Гаррет. Я никогда этого не забуду.

"Естественно, ты этого не забудешь, — подумалось мне — За тот срок, что нам отмерен безжалостной Сагрой, довольно сложно успеть что-нибудь забыть".

За решеткой, отделяющей нас от камеры, кто-то чирикнул. Мы с Угрём одновременно повернули головы в сторону странного звука.

— Ты слышал? — слишком уж поспешно спросил я у воина.

— Угу, — угрюмо ответил он мне. — Это еще хуже, чем голодные мертвецы.

Хуже, чем голодные мертвецы? Хм-м? Ну не Х'сан'кора же туда запихнули сторонники Неназываемого в самом деле?!

— М-м-м... Улис... э-э-э... Угорь, ты не мог бы просто сказать, а не заставлять меня нервничать еще сильнее? — попросил я.

— Ну раз ты так хочешь... Смотри!

Угорь изловчился, подцепил носком сапога перевернутую миску и швырнул ее в сторону решетки. При столкновении со стальной преградой глиняная миска разлетелась дождем черепков.

Чирикание воробушков перешло в угрожающее шипение, и из мрака на решетку бросились четыре существа. Они кинулись на нее с остервенением и ненавистью голодных демонов. Одна из тварей попробовала перекусить стальные прутья, и по камере разнесся одуряющий, просто пробирающий до мурашек скрежет. Я похолодел и принялся молиться Саготу, чтобы преграда выдержала пробу на зуб.

Путья выдержали, но на них все же остались глубокие борозды.

Слава об этих зубах гуляла по всей Сиале. Они играючи перемалывают в муку старые кости мертвецов на кладбищах.

— Гхолы, спаси нас Сагот! — выкрикнул я. — От них такая же вонь, как от разлагающихся трупов. Этот ублюдок приручил гхолов!

Угорь ничего мне не сказал, он внимательно изучал прикипших к решетке тварей.

Так прошло несколько томительных и не очень-то приятных для нас минут. Мы наблюдали за ними, они — за нами. У гхолов, в отличие от нас, интерес был чисто гастрономический.

Лишь небольшой процент городских жителей, столкнувшись с гхолом где-нибудь в чистом поле, поймет, с кем свела его нелегкая. Гхолы довольно редки, после основательной прополки Орденом, этих существ можно встретить лишь в самых глухих местах Сиалы, на старых заброшенных кладбищах, курганах и могильниках, которые эти твари покидают лишь тогда, когда случаются большие битвы. На сражения у гхолов просто магический нюх.

Гхолы — падальщики и трупоеды. Они в основном предпочитают человечинку, желательно полежавшую недельку-другую на свежем воздухе, но не гнушаются и любой другой падалью. Нет для гхола большей радости, чем сожрать гнилой костный мозг мертвеца, поэтому маленькие челюсти трупоедов, вооруженные хоть редкими, но чрезвычайно острыми зубами, способны разбивать кости покойников, как молоток каленые лесные орехи.

Гхолы, особенно гхолы одиночки, трусливы, а поэтому не шибко опасны для взрослого человека, исключая те случаи, когда он по глупости решает уснуть возле старого могильника. А вот ребенка, даже десятилетнего, одинокий гхол порвет запросто.

Ситуация резко меняется, когда гхолы собираются в стаю, поголодав перед этим длительное время. То, что случается с тварями, когда они находятся в состоянии безумного голода, можно охарактеризовать словами — им попросту сносит колпак. В седые века прошлого известны были случаи, когда гхолы сбивались в огромные стаи и стирали с лица земли целые деревни. А уж сказку о двух рыцарях, которые отправлялись на какую-то войну, а наткнулись на шестерку год не кушавших гхолов, знает каждый ребенок. От рыцарей, как и следовало этого ожидать, остались только их доспехи, да и то порядком подпорченные.

Чего уж говорить о двух связанных пленниках? Гхолы, три недели не державшие во рту ни кусочка, от нас даже косточек не оставят.

У одного из гхолов, вцепившегося ручонками в прутья решетки и зырящего на нас, как на самую большую ценность в мире, изо рта потекла

липкая струйка слюны.

У-у-у, как все запущено. Как они друг друга-то еще не умудрились съесть?

Гхол бросил на меня плотоядный взгляд и склонив голову набок, насмешливо чирикнул. Сейчас тварь была очень похожа на птенца какой-то невиданной птицы. Хотя на самом деле с птицами гголов объединяет только одно: их дурацкое чириканье. Внешне же гголы больше похожи на очень несчастных и довольно безобидных, пускай местами и странноватых, существ. Маленького роста, не больше новорожденного младенца, с пепельно-серой гладкой кожей, огромными плоскими кроваво-красных глаз, непропорционально большой головой, маленьким тельцем, выпирающим животом, коротенькими кривыми ножками, длинными тонкими ручками и редкими желтоватыми зубами, гголы могли вызвать у ни разу не видевших их и не знающих, с чем они столкнулись, жалость или смех, но никак не страх. Это погубило многих самоуверенных горесмельчаков, которые умудрились повернуться спиной к такому с виду безобидному, но уж очень голодному гголу.

— Съем! — вдруг произнес один из гголов, смотря прямо на нас. Съем-съем-съем! Съем! Ага! Съем!

У гголов, как и у огров, имеются в башке какие-то крохи мозгов. И если огры из самой могущественной расы Сиалы, единственной расы Темной Эпохи, дожившей до наших дней, расы, создавшей первую новую магию мира — шаманство и страшный Кронк-а-Мор, превратились в тупых и крайне свирепых чудовищ, то гголы, наоборот, из века в век умнели. К счастью, слишком медленно. Гголы могли запоминать и повторять отдельные слова не хуже людей, и были намного умнее обезьян, которых иногда можно видеть в балаганах на Рыночной площади.

— Съем! — в последний раз сообщил нам ггол и скрылся во мраке.

Два других последовали примеру маленького говоруна, оставив четвертого сторожить у решетки. Ггол вцепился в нее руками, несколько раз дернул, а затем разочарованно зашипел.

— Ты посмотри, какие у паренька когти, — довольно нервно сказал я Угрю.

Да и как тут не нервничать, зная, что Лиловый Нос в любой момент может дернуть рычаг и поднять решетку, которая сейчас являлась единственным, что отделяло нас от встречи с гголами.

— Это для того, чтобы могильные плиты подцеплять. Не смотри на их рост, Гаррет. Гголы сильны и, чтобы добраться до покойника, порой вытворяют на кладбищах такие вещи, что лучше не рассказывать, —

немного помолчав, произнес Угорь.

— Вещи? Какие вещи? — Мне очень хотелось пить и желательно, чтобы это была не вода, а вино.

— Я же говорю — лучше не рассказывать. Спи, Гаррет.

Я посмотрел на Угря как на умалишенного.

— Нет, я абсолютно серьезен. Спи, делать нам все равно нечего.

— Уснуть, когда под боком такое соседство? Это не для меня!

— Ну как знаешь.

Угорь закрыл глаза. Этот ван Арглад как-там-его отличался просто железными нервами. Не удивлюсь, что Угорь уснул бы, даже если бы за его спиной стоял сам Неназываемый.

А, Сагот! Неужели Миралисса со всем своим хваленым шаманством так и не сможет нас обнаружить и меня сожрут эти мелкие гады? Я вновь посмотрел на гхола, стоявшего на посту возле решетки. Все демоны тьмы! Сколько же в нем этой вонючей слюны? Если гхолы раздумают нас жрать (что очень маловероятно), то тогда мы просто утонем в их слюне или же задохнемся от ее воню.

Гхол, заметив, что я смотрю на него, отчего-то занервничал и чирикнул. Тут же из тьмы показался другой гхол, бросил на нас подозрительный взгляд, проверяя, не собирается ли завтрак смыться, и, убедившись, что все спокойно, вновь пропал во мраке.

Ого! Да они нас пасут! Гхолы решили поиграть перед едой в охотничьи игры.

"Вальдер, — мысленно позвал я архимага. — Вальдер, ты здесь?"

Нет ответа.

Насколько я знал из сна прошлой жизни Вальдера, он просто ненавидел гголов, поэтому я очень сильно надеялся, что Вальдер в крайнем случае изжарит тварей.

"Вальдер!"

Нет ответа. Архимаг на этот раз вмешиваться не намерен. А жаль, я бы с радостью глянул на поджаренного гхола. Поджаренные намного безобиднее сырых и живых.

Я скорчил гхолу-постовому рожу. Тот, как заправское зеркало, скорчил ответную морду, и, надо сказать, у трупоеда это получилось намного лучше и... страшнее.

Прошло чуть больше четырех часов, а Угорь так и не соизволил проснуться. Гхолы за это время успели два раза сменить часовых. Часовые старательно торчали на виду, таращили красные глаза, иногда угрожающе шипели, чирикали, пускали слюну, пробовали решетку на съедобность и нервировали намного лучше, чем целый отряд продажных стражников, застукавших меня в неподходящий момент в сокровищнице одного графа. В общем, ребята развлекались как могли, пока это им не надоело и очередной стражник-гхол (видно, самый умный из всей четверки), поняв, что я никуда не денусь, отошел от решетки и скрылся во мраке. Но у меня все равно оставалось ощущение, что из темноты за мной наблюдают очень внимательные и очень голодные глаза.

Солнце уже давным-давно сияло на небе, и лучи копьями света влетали в узенькое решетчатое окошко, расположенное под самым потолком камеры. Солнечные лучи падали на середину пола, образуя на нем ровный круг света. Время уходит сквозь пальцы, как золотой песок, и ничто не может замедлить его бег. А сейчас время работает не на нас.

Поначалу я даже не обратил внимания на писк, раздавшийся где-то над моей головой. Зато на него обратили внимание гхолы и Угорь. Первые, встревоженные неизвестными звуками, прилипли к решетке, а второй резко распахнул глаза, будто он и не спал вовсе.

— Хвала всем богам! — выдохнул воин, и я увидел радость, проступившую сквозь обычную маску спокойствия и невозмутимости.

Я повернул голову в сторону окошка, откуда исходил этот тоненький писк.

— Линг! — воскликнул я.

— Точно. А это значит, что ребята нас отыскиали!

— Эй! Есть тут кто? — неожиданно раздался из окошка голос Сурка.

— Мы здесь! Чего так долго?

— Да вы бы еще за десять лиг спрятались, мы бы вас еще неделю искали! Живы?

— Да!

— Двигаться можете?

— Руки связаны!

— Это не проблема, сейчас Непобедимого спущу!

— Найди дверь, Сурок! — сказал Угорь.

— Мы этим и занимаемся. Здесь сторонников Неназываемого собралось чуть ли не со всего королевства! Остальные ребята их патрульных добивают, а я вот вас предупредить пришел. Все, бывайте!

На миг в лучах солнца что-то сверкнуло, а затем сапожный нож воткнулся острием в солому. Прямо за моей спиной. Хо-хо! Осталось только дотянуться.

Издав писк, со стены спрыгнул линг и, упав в сено, засеменял к нам.

— И что теперь? — нервно спросил я, наблюдая за лохматой крысой.

— Теперь возьмем нож.

— Не знаю, как ты, но я своими руками даже пошевелить нормально не могу, не то что до ножа дотянуться. Проклятая веревка!

— Не торопи события, Гаррет.

Тем временем лохматый крыс с гордым именем Непобедимый юркнул к Угрю и стал перегрызать веревку, стягивавшую его запястья.

— Удивлен? — усмехнулся Угорь. — Сурок даром времени не терял и обучил животину разным фокусам.

— Вижу.

Я воспрянул духом, понимая, что спасение не за горами. Скоро кто-нибудь из Диких доберется до камеры, отопрет дверь, и мы окажемся на свободе. Минуты тянулись и тянулись, и в сердце заползала тревога. Что же их нету? Неужели ребят заметили, и им пришлось отступить? Да нет, о чем это я! Дикие не отступают и не оставляют своих товарищей в беде. Вот сейчас лязгнет засов и...

Но засов не лязгал. Никаких звуков, кроме злого шипения гголов, кажись догадывающихся, что их завтрак намерен сделать ноги. Непобедимый издал удовлетворенный писк и направился в мою сторону, а Угорь принялся растирать освобожденные запястья.

— Ну вот теперь мы повоюем. — Гарракец встал, несколько раз присел, разгоняя застывшую от долгого сидения кровь в ногах, и сделал шаг в сторону ножа. В этот момент на двери лязгнул замок.

— Ну наконец-то! — зашипел я. — Эй! Ты чего?

Угорь бросился на свое старое место и сложил руки за спиной.

— А если это не они?

М-да, Гаррет. Пора тебе менять голову на тыкву. У овоща мозгов будет побольше, чем в черепушке, где, кроме ветра и Вальдера, ничего путного нету. О том, что к нам могут прийти совершенно нежеланные гости, я отчего-то не подумал. Старею, что ли?

Угорь, к несчастью, был прав. Вошли к нам не спасители.

Горлопан, такой невозмутимый и такой непривычный, слишком уж выбивающийся из того образа, в котором он находился последнее время, прислонился к дальней от нас стене, сложил руки на груди и с самым что ни на есть безучастным видом уставился в только ему видимую точку над

головой Угря.

Лиловый Нос встал недалеко от меня и указал на нас пальцем третьему человеку:

— Вот, господин Ризус, это тот ворюга, а этот с ним.

Господин Ризус был невысоким парнем с черными блестящими волосами и глубоко посаженными серыми глазами. Тонкогубый рот и идеально прямой нос выдавали в нем человека, не склонного прислушиваться к чужому мнению, а нездоровый желтый цвет лица навевал на мысль о чуме-медянке. От Ризуса резко пахло лошадиным потом, и его богатая одежда была изрядно помята и испачкана. Парень, наверное, скакал целые сутки без остановки, чтобы лицезреть мою персону.

— Я задам вам всего два вопроса. — Голос Ризуса для человека такого хлипкого телосложения был необычайно низким и глубоким. — От ваших ответов будет зависеть ваша жизнь. Точнее, смерть. Скажите мне правду и умрете быстро. Будете отпираться — гхолы обглодают ваши кости.

Угорь выразительно посмотрел на господина Ризуса, но ничего не сказал.

— Позвольте, я им все объясню, господин Ризус, — подал голос Горлопан. — Так мы сохраним много времени.

Человек внимательно посмотрел на Горлопана и неохотно кивнув, процедил:

— Только быстро. У тебя десять минут, пока я переодеваюсь с дороги.

Ризус расстегнул застёжку, удерживающую плащ на плечах, аккуратно положил его на пол, бросил на него какие-то корни, видимо, магические ингредиенты, и вышел из камеры. Я вслушивался в удаляющиеся шаги и одновременно молился, чтобы ни Лиловый Нос, ни тем более Горлопан не услышали скрип зубов линга, продолжающего грызть мою веревку.

Сагот! Куда запропастились наши спасители?

— Друзья... — начал Горлопан.

— Неназываемый тебе друг, — угрюмо ответил я ему.

— Допустим, — не стал спорить со мной предатель. — Если вы еще не поняли — господин Ризус шаман, и, могу заверить вас со всей ответственностью, очень хороший шаман. Он специально приехал в Ранненг, чтобы забрать ключ для Неназываемого. Теперь вы можете представить, как он расстроился, узнав, что ключа у нас нет?

— Наверное, геморрой себе заработал? — сочувственно спросил Угорь.

Лиловый Нос хохотнул, но, встретившись взглядом с Горлопаном, враз потускнел и заткнулся.

— От вас господину Ризусу нужно всего лишь два простых и правдивых ответа на два очень простых вопроса, — как ни в чем не бывало продолжил Горлопан. — Если вы ответите на них, то ручаюсь, я самолично убью вас. Убью быстро и безболезненно, а затем прослежу, чтобы вас достойно похоронили.

— Что за вопросы?

Я решил тянуть время до той поры, пока линг не перегрызет веревку.

— Я всегда знал, что воры отличаются большой сговорчивостью, довольно хмыкнул Горлопан. — Вопрос первый: кто убил шаманов, которые готовились напасть на наш отряд?

— Ты же был тогда с нами! — искренне изумился я. — И должен помнить, что засаду уничтожили Эграсса и Кот!

— Это я помню, — кивнул Горлопан и опасно сощурился. — Мне пришлось закрыть глаза, когда моих братьев убивали эльфийские стрелы! Но сейчас разговор не о тех, кто отвлекал внимание Кота, а о тех, кто готовил основной удар по вам! Кто их убил?!

— Откуда мы знаем? — Я пожал плечами. — Нашлись добрые люди, вот и все.

— Добрые люди не способны убить шестерых лучших шаманов Неназываемого! — отрезал Угорь. — Теперь из его Высших в Валиостре только господин Ризус.

— Горлопан, твой Ризус псих! Он что, думает, что мы, будучи в Харьгановой пустоши, могли узнать, кто шлепнул его дражайших колдунов за десятки лиг от нас? Да после того как они наслали багровое облако...

— Они не насылали багровое облако, Гаррет.

— Не насылали? — тупо переспросил я.

— Именно. Они в это время давно были покойниками.

— Тогда кто сотворил то волшебство?

— И мы возвращаемся к первому вопросу: кто убил шаманов Повелителя?

Помнится, Кли-кли рассказывал, что после того, как Кот и Эграсса перестреляли у котла с варевом группку людей, собирающихся поколдовать, Кот почувствовал, что где-то совсем рядом кто-то из шаманов творит еще большее по силе волшебство. Кот, да пребудет он в свете, не мог ошибиться, и я уверен на все сто, что речь в тот момент шла именно о шестерке шаманов Неназываемого. Ни Эграсса, ни Кот не смогли толком разглядеть новую опасность, потому как на шум сбежались все кому не лень и нашим ребятам пришлось очень быстро смываться.

Значит, во время вынужденного отступления эльфа и Дикого шаманы

Неназываемого были еще живы и готовили волшебство, чтобы нанести по нам удар. Но не нанесли. Не успели. Зато успел кто-то более сильный и ловкий. Тот, кто без проблем прибил шестерых могущественных шаманов, а затем сотворил гадость в виде багрового облака. Но кто мог такое сделать?

— Слуги перебили всех шаманов Неназываемого, они тоже охотились за нашей целью, затем мы воспользовались варевом шаманов, прикрыли шаманство грозой, чтобы Орден, не дай тьма, ничего не пронюхал, и отправили волшебство с нужным ветром. Все было рассчитано, и никто не должен был выжить! Ни эльф, ни эльфийка не обладали должными познаниями, чтобы помешать мне! Они не могли уничтожить облако! — В голове так некстати раздался голос Леты из моего сна.

Сна ли? А что, если предположить, что это был не сон? Или не совсем сон?

Лафреса и компания перебили шаманов, а затем пустили вдогонку за нами багровое облако. Думаю, люди Хозяина способны на такие сюрпризы.

— О чем задумался, Гаррет? — спросил меня Горлопан.

— О том, кто мог завалить твоих шаманов.

— И?

— У меня нет ответа.

Горлопан разочарованно цокнул языком, а затем признался:

— Да я в общем-то и не сомневался в этом. Это точно были не вы, не Миралисса и не Кот. Не тот уровень, тут поработала птичка высокого полета.

— Тогда зачем спрашиваешь? — подал голос Угорь.

— Да не смотри ты на меня так, дружище! — поморщился Горлопан. — Дырку просверлишь. Господин Ризус интересуется и я должен спросить. Хорошо, тогда второй вопрос: где ключ?

— Вы же сами его украли! — Я решил прикинуться дурачком.

Линг ткнулся мне носом в ладонь, прыгнул на спину и стал подниматься по ней. Поначалу я испугался, что Непобедимый сейчас залезет ко мне на плечо и Горлопан, увидев его, обо всем догадается, но линг остановился на спине, где-то на уровне лопатки и, вцепившись коготками в одежду, замер. Я попробовал пошевелить руками. Свободны, хвала Саготу! Пушистый грызун сделал работу на совесть!

— Гаррет, не прикидывайся глупцом! Мне прекрасно известно, что вы знаете, где ключ.

— Ничего мы не знаем, — отрезал Угорь. — Можете открывать решетку!

— Откроем, — сказал Горлопан. — По крайней мере Гаррет до этой минуты доживет, а вот ты — не думаю.

— Давай я им займусь, — предложил Горлопану Лиловый Нос.

Горлопан болезненно поморщился, но ничего не сказал.

Угорь пробормотал себе под нос что-то очень нелицеприятное про маму Лилового Носа. Расчет гарракца оказался абсолютно верным — вспыльчивый Лиловый Нос взревел и, потеряв терпение, схватил Угря за грудки, приподнимая с пола. — Да я тебя на куски разорву! Я тебя...

Руки Угря неведомым каким образом оказались на подбородке и затылке Лилового Носа. Резкий поворот, рывок, хруст — и тело сторонника Неназываемого безжизненным кулем оседает на солому.

— Тьма! — выругался Горлопан и бросился к выходу.

— Гаррет, не зевай! — крикнул Угорь.

Я разворошил солому и бросил ему нож Сурка, который лишь каким-то чудом не заметили Горлопан и Лиловый Нос. Угорь поймал оружие за рукоятку и выбежал из камеры вслед за Горлопаном. Я и линг, уже успевший надежно обосноваться на моем плече, остались в одиночестве.

Встал я с трудом — ноги затекли, и создавалось ощущение, что какой-то невидимка с остервенением всаживает в них тысячи иголок. Превозмогая неприятные ощущения, я доковылял до двери и выглянул в коридор.

— Может, ты мне поможешь вместо того, чтобы стоять и смотреть? — пропыхтел у меня над ухом Угорь. Пришлось помочь затащить тело Горлопана в камеру.

— Он жив?

— Жив, но бегают, зараза, быстро. Вон у того, со свернутой шеей, веревка. Давай сюда!

Гарракец мастерски оплел руки бесчувственного пленного веревкой и, подняв с пола плащ, набросил его на Горлопана.

— Это еще зачем?

— Так интереснее, Гаррет. Мышка у тебя? Тогда уходим!

В дверях появились три знакомые низкорослые фигуры.

— Что я тебе говорил, Халлас? — радостно пропищал самый маленький. — Я говорил, что найду их первым? Говорил?

— Кли-кли! Это ты?

— Странная у вас, людей, привычка констатировать очевидные вещи. Естественно, это я, Гаррет!

— Только тебя мне все это время и не хватало!

— Я тоже тебя люблю и рад видеть живым и здоровым! — состроил

рожицу королевский шут. — Ух ты! Гхолы!

Гоблин напрочь забыл обо мне, подошел к решетке, возле которой бесились обезумевшие трупоеды и сунул туда палец, видно желая познакомиться с гхолами поближе. На счастье Кли-кли, гоблины обладают куда большим проворством, чем гхолы, поэтому шут вовремя успел выдернуть палец назад, и челюсти гхола поймали лишь воздух.

— Угорь, твои клинки. — Делер прислонил к стене секиру и достал из-за спины ножны с «братом» и «сестрой».

— А арбалет ты, случайно, не захватил? — с надеждой спросил я у карлика.

— Захватил, но он у Сурка, так что держись пока за нами. Кли-кли, ты остаешься?

— Иду, они все равно злые. Ух ты! Мертвец! Угорь, ты ему шею, что ли, свернул? Чего он за спину себе смотрит? Вот здорово! А этот, в плащ завернутый, еще шевелится! — продолжал возбужденно тараторить гоблин. Чего это вы его не того? Можно я его пну? А? А-а-а... Понял! Этот сторонник Неназываемого будет нашим заложником, правильно?! Нет, Угорь, скажи! Я прав, а?

Взгляд Угря, обращенный на меня, говорил: "Ни слова о том, кто это такой!" Лицо Горлопана было закрыто плащом, и ни гном, ни карлик, ни гоблин не смогли узнать бывшего Дикого.

— Закрывай балаган, Кли-кли, — буркнул я шуту. — Позже будешь веселиться.

— Тяжело с вами, дураками, — вздохнул Кли-кли. — Идем что ли?

— Давайте вперед, — скомандовал нам Угорь. — Я сразу за вами.

Я вновь встретился с гарракцем взглядом и прочитал в его стальных глазах приговор Горлопану.

— Давно пора! Наши выход уже минуты две удерживают! — пропыхтел из-под шлема гном.

Халлас выскочил в коридор, за ним Кли-кли, следом Делер. На пороге камеры я задержался и бросил последний взгляд на Горлопана. Тот делал безуспешные попытки встать, но запутался в плаще.

— Гаррет, иди за ними, — холодно приказал мне Угорь.

— Я дождусь тебя. — Во мне проснулось упрямство, причину которого я сам не мог понять.

— Как знаешь! — Мимолетное пожатие плеч.

Угорь наклонился над Горлопаном. Тот уже умудрился сесть и теперь резкими движениями головы пытался скинуть с лица плащ.

— Помнишь, я обещал, что вырежу твое сердце? — спросил гарракец

у предателя. Горлопан не произнес ни слова.

— Я тебя обманул, — прошептал Угорь и перерезал веревку на руках Горлопана.

Прежде чем захлопнулась дверь и упал засов, я успел увидеть, как Горлопан срывает с головы плащ и удивленно смотрит в нашу сторону.

— Ну чего вы там копаетесь? — крикнул нам с другого конца коридора Делер.

— Не говори ребятам о Горлопане, Гаррет, — попросил меня Угорь. Пускай они думают, что он умер еще в трактире. Не нужно им знать, кем Горлопан был на самом деле.

— Угу. — Я все еще не мог поверить, что гарракец вот так просто отпустил врага.

— И о том, что я тебе говорил о себе, тоже молчи.

— Угу, — повторил я.

— И еще... О том, что среди Диких есть враги, тоже молчи. Сейчас не время для тревог. Когда мы вернемся к Одинокому Великану, я сам поговорю с Сычом.

— Угу.

— Вот и ладушки! — кивнул воин и резко дернул за незамеченный мной рычаг, находящийся в стенной нише.

Где-то загрохотал механизм, поднимающий решетку. Гхолы теперь на свободе. Меня передернуло — уж лучше нож, чем такая смерть. Не думаю, что даже с развязанными руками Горлопан долго продержится против четырех голодных трупоедов, пусть они в три, а то и в четыре раза ниже человека.

Если Горлопан и кричал, то я его не услышал — дверь камеры прекрасно изолировала все звуки.

— Идем! — скупно бросил мне Угорь и, не оглядываясь, поспешил к нетерпеливо переминающемуся с ноги на ногу Халласу.

— Чего вы там делали? — спросил гном.

— Расплачивались со старыми долгами, — сухо сказал Угорь и, обнажив клинки, прошел мимо гнома.

На вопросительный взгляд Халласа я лишь соорудил унылую рожу, не посчитав нужным что-либо объяснять.

Кли-кли и Делер уже поднялись по лестнице и ожидали нас возле двери, ведущей к свободе.

На полу рядом с дверью разлегся господин Ризус. Мертвый. В его спине немым укором справедливости торчали две черные стрелы. Элл, намазавший лицо черно-зеленой краской, стоял тут же. Эльфы не

отличаются великодушием по отношению к своим врагам и не гнушаются тыкать стрелами в спину противников, если они предоставляют желтоглазым ребятам такую великолепную возможность.

— Как ты его завалил? — удивленно спросил я у темного эльфа, покосившись на труп шамана.

Теперь Ризус не был таким грозным. Маленький и тщедушный человечек, нашедший свою смерть от эльфийских стрел. Смерть стирает страх.

— Гаррет, ты слепой? Как он умер? — издевательски спросил у меня Кли-кли. — Не видишь, что его стрелами нашпиговали?

— Я не о том! — поморщился я, сетуя на недогадливость Кли-кли. — Я спрашиваю, как он умудрился убить шамана?

— Шамана? Хм... — пророкотал только что подошедший к нам Арнх, закованный с головы до ног в железо, и с интересом поглядел на тело Ризуса.

— Будь он хоть сто раз шаман, Гаррет, но когда неожиданно и без всякого предупреждения тебе под лопатку вгоняют стрелу, то о всяком шаманстве враз забываешь, — пояснил Элл. — Ты думаешь, мы с шаманами орков в Заграбе на мечях сражаемся?

Нет. Не думаю. Стрела из кустов, и все дела.

— Быстрее, тьма вас раздери! — откуда-то издали раздался крик Сурка, а затем послышались крики людей и звон оружия.

Звон перебивался резкими визгами и воем — это в бой включился милорд Алистан с мечом из поющей стали.

Когда мы выскочили на улицу, все было кончено. На дубовом щите Алистана появилась вмятина, у Сурка был разорван правый рукав куртки, но никто не пострадал, чего не скажешь о противниках. Трое сторонников Неназываемого лежали мертвыми, еще один корчился на траве и, схватившись за живот, стонал.

Да, это не сказка. Только в сказках умирают с честью и безмолвно. В жизни обычно долго корчатся, вопят и истекают кровью. Из-под побелевших пальцев раненого сочилась кровь. Парня прокололи не хуже чем какую-нибудь свинью.

Меч Арнха поднялся и опустился. Человек затих на веки.

— Отходим! — отдал приказ Маркауз, увидев нас. — Сейчас на шум слетится все гнездо!

И мы побежали. То есть побежали я и шут, остальные организованно отступили на заранее подготовленные позиции, охраняемые на данный момент не участвовавшим в схватке Дикими в составе Медка и Фонарщика

и группы дальней поддержки в виде Эграссы и Миралиссы, вооруженных луками. Дядьки нигде не было видно. Должно быть, по причине ранения десятника оставили в трактире.

За спиной слышались крики, в воздухе прошмыгнул арбалетный болт, и я зарылся носом в землю, чуть не придавив собой линга. Эграсса, Миралисса и присоединившийся к ним Эл начали ответный обстрел врага, целя в окна и проем двери здания. Трое самых прытких преследователей, решивших догнать нас и попытать счастья в честном бою, словили стрелы в грудь и растянулись на земле, отбив у остальных негодяев все желание высовывать нос из-за каменных стен.

— Со всеми все в порядке? — спросила Миралисса, оттягивая тетиву с наложенной на нее стрелой к уху. Треньк!

— Да, если не считать моих нервов! — не преминул пожаловаться Кли-кли. — Я не привык чувствовать себя подушечкой для арбалетных болтов!

— То ли еще будет, — пробормотал я, вставая с земли.

— Отходим к лошадям, пока преследователи не опомнились!

Приказ Алистана так и не был исполнен. С верхнего этажа крепкого двухэтажного дома, в подвале которого нас продержали без малого целые сутки, сорвалось нечто белое, но увы не пушистое.

— Берегись! — крикнула Миралисса.

Я повторно шлепнулся на землю, и моему примеру последовали все остальные, включая эльфов. Ослепительно-белый диск весело прошуршал в воздухе и врезался в яблоню, разметав несчастное дерево на тысячу маленьких щепочек.

Шаман, тьма меня раздери! В доме еще один шаман Неназываемого, а ведь Горлопан говорил... Мало ли чего он нам говорил! Факт остается фактом: шаман только что шандарахнул по нам чем-то нелицеприятным, и только по счастливому стечению обстоятельств и воле богов он промазал на добрых десять метров.

Миралисса уже была на ногах и, шепча, закручивалась в завораживающем волчке танца шаманов темных эльфов. Эх! Владей эльфийка не шаманством, которое надо слишком долго подготавливать, а обычным волшебством людей и светлых эльфов, у нас был бы хоть какой-то шанс, а так... так это игра в кошки-мышки. Или, точнее, в жмурки в полной темноте. Кто быстрее — тот и выиграл.

Эл и Эграсса сосредоточили обстрел на окне, из которого вылетел диск.

— Милорд Алистан! — крикнул кузен Миралиссы перед тем, как

послать в окно очередную стрелу. — Уводите людей!

Все внимание эльфов было сосредоточено на окне. Темные позабыли о двери и этим тут же воспользовались сторонники Неназываемого. Двое арбалетчиков прошмыгнули через дверь с явным намерением подпортить нам шкуры.

— Ничего не можем сделать! — Эграсса доставал новую стрелу из изрядно опустевшего колчана. — Они ваши!

Шаману нельзя дать сосредоточиться на новом заклинании. Ослабь обстрел хоть на секунду — и белый диск распылит нас всех в кровавую пыль.

— Сурок, арбалет! — рявкнул я и, сам себе удивляясь, вскочил с земли.

Дикий, не мешкая, бросил мне в руки моего малыша, слава Саготу, уже заряженного.

Один из арбалетчиков успел выстрелить первым. Он присел и лупанул по мне с колена. Навскидку. И пусть меня теперь попробуют разубедить, что Неназываемому не служат профессиональные воины! Только в армии есть такие искусники.

Быть бы мне с болтом в легком, если бы невесть откуда взявшийся Алистан не поставил передо мной свой мощный дубовый щит треугольной формы. Болт успешно тюкнул в неожиданно возникшую преграду, а я, выбрав целью арбалетчика, который еще не произвел выстрела, нажал на спусковой крючок.

Грохнуло, я вам скажу, ничуть не хуже, чем пресловутое шаманство! Беднягу попросту разорвало, а второму, тому, кто сейчас торопливо перезаряжал свой арбалет, оторвало правую руку и почти полностью сожгло лицо. По-моему на разгром, учиненный моим выстрелом, не обратила внимания только Миралисса, шепчущая заклятие, и эльфы, не дающие сосредоточиться шаману Неназываемого.

Я даже не посмотрел, чем было заряжено мое оружие. Огненный болт! Ну точно!

— Сурок, заberi тебя тьма! Ты что зарядил?!

— Что было, то и зарядил! Они же у тебя почти все одинаковые!

Почти?! Неужели не видно, что на этих три красные полоски?! Я, было, стал вынимать болт, чтобы заменить его на обычный из протянутой мне Сурком сумки, но тут влез Кли-кли:

— Гаррет, надо быть щедрее! Давай в дверной проем!

Болт стоил пять золотых, но сейчас не время, чтобы ныть и жадничать. После того как в дверном проеме расцвел бутон огня и слышались

вопли, Миралисса наконец-то перестала петь песню и кружиться, как детский волчок на ярмарке.

Эльфы прекратили обстрел, и тут же, как будто только дожидаясь этого момента, из окна вылетел очередной белый диск. Он несся на нас и, право слово, я думал, что это уже точно все! Но тут, сработало заклятие эльфийки, и на миг перед нами вспыхнула зеленая стена. Вспыхнула и пропала, а диск, то ли отбитый, то ли отраженный, полетел в обратную сторону. К сожалению, он попал не в окно, где прятался шаман, а в угол дома.

Взрыв! Мелкое каменное крошево брызнуло во все стороны, разя выскочивших из дома сторонников Неназываемого не хуже, чем камни пращников. Нас от ран и увечий защитил магический щит.

Очередной диск, очередной отскок и полет в сторону дома, за стенами которого засел враг, но на пути диска вырос точно такой же, как у нас, зеленый щит, и белый снаряд, отразившись, ушел в сторону и разнес сарай, находящийся метрах в тридцати от дома. Испуганно заржали лошади.

Еще диск. И еще. Шаман Неназываемого отличался куда большим мастерством, чем эльфийская принцесса. Наш щит от каждого попадания стал довольно заметно прогибаться и дрожать. Следующий магический диск улетел высоко в небо и взорвался.

— Да уходите же, идиоты! Я не могу долго удерживать защиту! — рявкнула побледневшая от напряжения Миралисса.

— Я помогу! — Кли-кли отчаянно стал рыться в своих карманах.

— Уходим, Кли-кли! — Милорд Маркауз протянул руку, чтобы схватить Кли-кли за шкурку, но тот выудил из кармана клубок веревочек и узелочков и дернул за какой-то неприметный с виду шнурок.

Вся конструкция, так долго и заботливо плетенная гоблином, обещавшим всем показать "ужасное шаманство гоблинов", расплелась в один миг, а затем самым что ни на есть волшебным образом растворилась в воздухе.

— Ой! — Кли-кли ошалело уставился на свои пустые руки, видимо, он сам не ожидал такого эффекта. — Чего это она?

Янтарные глаза Миралиссы полезли на лоб, она шлепнулась лицом в грязь и закрыла голову руками, успев перед этим крикнуть:

— На землю!!! Живо!!!

Вид эльфийки, упавшей лицом в грязь, послужил для нас великолепным примером для подражания, потому как если уж Миралисса не гнушается сотворить не свойственный эльфу поступок, то нам и раздумывать нечего.

Я в третий раз за последние две минуты рухнул на землю, успевая заметить, как крыша здания подлетает на добрых пять метров в воздух, а затем ухает обратно в ревущее пламя, хлещущее из окон и дверей.

Бу-у-уу-ух! Над нами прокатилась волна жара неимоверной силы. Раскаленным воздухом нельзя было дышать, он обжигал горло и легкие. Одежда тоже не спасала, жар лизал кожу даже сквозь рубашку и штаны.

Прошло еще секунд двадцать, прежде чем я решился поднять голову. Массивного двухэтажного каменного здания с красной черепичной крышей больше не существовало. На месте дома стояла одна каким-то чудом уцелевшая стена. Огонь ревел и лизал камни. Черная копоть дыма широкими крыльями устремлялась в небо.

Вот какие вещи случаются! Порвал глупую веревку — раз, и ничего нету! Ни дома, ни людей, в нем находившихся.

Все, как и я, во все глаза смотрели на пожар. Медок тряс головой, он ближе всех находился к месту пожарища, и его легонько приложило волной, пронесшейся у нас над головами. Я встал с земли и, отряхиваясь, с опаской посмотрел на гоблина.

— Я... Я... Я не хотел! — испуганно зачастил Кли-кли, отступая под нашими не очень-то ласковыми взглядами. — Я даже не думал! Правда! Должен был пойти всего лишь маленький дождик!

— Дождик?! — заревел Делер, выплевывая изо рта песок. Затем карлик ткнул пальцем в гудящее пламя и язвительно спросил: — И это твой дождик?!

— Ну я же, правда, не думал, что так получится! — виновато шмыгнул носом шут. — Мне дедушка-шаман еще в детстве показывал... Я, наверное, не там сорок пятый узелок завязал.

Физиономия у маленького шута была покрыта копотью и грязью и выражала высшую степень виноватости.

— Кли-кли, — выдохнула Миралисса, вытирая грязное лицо тыльной стороной ладони. — Если ты еще раз устроишь такое, не предупредив меня...

Гоблин закивал с таким пылом, что, казалось, его голова вот-вот свалится с плеч.

Вдалеке послышались крики спешащих к месту происшествия людей. Лишние глаза нам ни к чему, пора уходить подобра-поздорову.

— К лошадям! Быстро! — Алистан забросил щит за спину и первым побежал туда, откуда недавно доносилось лошадиное ржание.

Я передал линга Сурку и постарался не отставать от капитана королевской гвардии.

— Здорово! — пропыхтел бегущий рядом со мной Кли-кли. — Недаром мой дедушка был шаманом! Как я им всем показал!

На физиономии гоблина уже не было ни следа раскаяния.

— Ты чуть нас вместе с ними не зажарил, гений!

— Это ты злой, потому как завидуешь моим способностям, — произнес шут.

Я презрительно фыркнул. Кли-кли только строит из себя дурака, пустобреха и шута. Если быть честным — гоблин умнее магистра Арцивуса и лишь работает на свой образ. Но вот в такие минуты я готов поверить, что шут на самом деле паясничает по скудости своего ума.

Мы пробежали мимо дымящихся развалин сарая и за яблонями увидели наших лошадей. Несчастные животные испуганно всхрапывали, пряли ушами и в ужасе таращили глаза. Чувствовалось, что они не очень-то рады, когда рядом с ними творят разрушительные заклятия.

Я поздоровался с Пчелкой легким хлопком по боку и вскочил в седло.

Ух! Ай да я! Скажи мне кто-нибудь месяц назад, что я способен одним прыжком оказаться на лошади, я рассмеялся бы этому фантазеру прямо в лицо.

Алистан сразу же пустил лошадей в галоп, и все свое внимание мне пришлось сосредоточить на скачке, чтобы ненароком не влететь в какое-нибудь некстати подвернувшееся дерево. И лишь когда мы увидели город и приблизились к стенам Ранненга, на меня всей тяжестью неба обрушилась усталость.

Глава 8

Гоблинские идейки

Когда отряд на взмыленных лошадях влетел во двор трактира, нас уже поджидал нервно ходящий из угла в угол Дядька. Увидев нас, он быстро зашевелил губами, считая всадников и, удовлетворившись результатом, улыбнулся. Все целы, все живы, десятнику нечего волноваться за Диких. Потерь нет, и теперь можно перевести дух.

Медок спрыгнул с лошади и вполголоса стал рассказывать ему, что произошло во время нашего спасения. Дядька кричал и разочарованно цокал языком, жалея, что из-за раны не смог поучаствовать в битве.

Отдав поводья Пчелки подскочившему слуге, я в изнеможении сел прямо на землю. До чего довели, последние силы потерял!

— Эй, дружище! Ты жив? — участливо спросили меня. Я вскинул глаза и увидел возвышавшегося надо мной Басса.

— А ты что здесь делаешь?

— Он находится на испытательном сроке, — сказал шут и шлепнулся задницей на траву рядом со мной. — Ну или типа того.

— Ну или типа того? — как эхо переспросил я.

Басс ничего не сказал, он выжидательно смотрел на меня. Чего ему надо-то? Кли-кли между тем выудил из-под плаща (плащ был новый, взамен порванного) любимую морковку и, хрумкнув, произнес с набитым ртом:

— Фтафти фете фафо фнать...

— Чего? — не понял я.

— Я говорю, кстати, тебе надо знать, что, если бы не твой дружок, кормить бы вам с Угрем гголов! — прожевав, пояснил гоблин. — Это он показал, где вас прячут.

Я с немым вопросом посмотрел на бывшего старого друга. Тот осторожно присел рядышком и стал рассказывать. Иногда Кли-кли отвлекался от морковки и вставлял в повествование Басса свое веское слово.

Как оказалось, Басс был на улочке, по которой мы катались на телеге с горки, и видел, как меня и бесчувственного Угря грузили в карету. Вмешиваться Басс не стал (что абсолютно правильно, один против дюжины не воин), но сумел проследить за каретой до самого частного владения

сторонников Неназываемого, находящегося за городом. Как это удалось Бассу, я не спрашивал, но, помня его детскую кличку (Проныра), не стал ничему удивляться. Узнав, где нас держат, Басс отправился назад в Ранненг, но городские ворота уже были закрыты, и ему пришлось коротать ночь под стенами города. Сегодняшним утром Басс сразу же поспешил в трактир "Ученая сова".

— А про него-то ты откуда знаешь? — не удержался я, впрочем уже зная ответ.

В тот день, когда мы впервые встретились с ним на Большом рынке, Басс-проныра проследил за нашей компанией. Вначале до Университета, затем до "Солнечной капли", а потом уж и до "Ученой совы". Так что куда идти за помощью, Басс знал. Правда, он не подозревал, что наткнется на эльфа, с утра вставшего не с той ноги.

Перво-наперво Эл собирался пустить Бассу кровь, потому как существует народная мудрость: если ты доверяешь первому встречному, то ты рано или поздно покойник. Но Халлас и Делер, а затем и Кли-кли, вернувшийся с безрезультатных поисков, подтвердили, что да, видели, как этот хмырь разговаривал с пропавшим Гарретом. Эл попридержал коней и убрал нож, а Миралисса с Алистаном подвергли Басса допросу с пристрастием.

Надо отдать должное эльфийке — она подозревала Проныру до самого последнего момента, вполне разумно предполагая, что перед ней заурядный мошенник, или сторонник Неназываемого, или слуга Хозяина, или тьма знает кто еще. Поэтому Бассу в случае обмана было обещано вырывание глаз и отрезание всех выступающих частей тела особо жестоким способом.

Эл, Эграсса и Медок отправились на разведку по указанному Бассом адресу и убедились, что дом попросту кишит типами не очень приятной наружности. Затем прибыла кавалерия в лице почти всего отряда (Дядька остался приглядывать за Бассом и залечивать так и не затянувшуюся даже после вмешательства Миралиссы рану). Дальнейшая история мне была известна...

— Спасибо, Басс. — Мне пришлось сделать над собой небольшое усилие, чтобы поблагодарить его. — Если бы не твоя помощь...

Дальше говорить не было нужды.

— Мир? — Он протянул мне свою узкую ладонь и нерешительно улыбнулся.

— Угу, — я пожал ему руку — Но у меня к тебе будет серьезный разговор.

Я все еще злился на него за тот случай, когда он не сообщил мне и

Фору, что жив-здоров.

— Хорошо, только немного позже, думаю, тебе следует отдохнуть пару деньков. Еще увидимся.

Басс встал на ноги и пошел к воротам трактира, но на его пути призраком вырос Элл:

— Куда это ты направился, человек?

— Вам придется остаться, мастер Басс. — Рядом с Эллом встала Миралисса.

— Но почему, тысячадохлых гоблинов?!

Кли-кли от неожиданности подавился морковкой и с укоризной поглядел на Басса.

— Наши дела в Ранненге требуют конфиденциальности, и, простите, мы не можем вам доверять даже после того, как вы нам помогли.

— Вы собираетесь посадить меня под замок, что ли? — Брови Басса удивленно поползли вверх.

— Ну почему же под замок? — вмешался в разговор Алистан Маркауз. — Мы обеспечим тебе все удобства до той поры, пока отряд не покинет город. Еды здесь вдосталь, кровать тоже найдется, так что оставайся-ка.

— А если я не соглашусь? — Басс всегда был упрямым.

Лицо Эллы прорезала кривая многообещающая ухмылка.

— Не советую вам этого делать, мастер Басс.

Басс улыбнулся и обезоруживающе развел руками.

— Ну я могу надеяться, что после всех ваших «дел» вы меня отпустите?

— Конечно, — не моргнув глазом сказал Элл.

А вот я немного в этом сомневался. Эльфы — народ практичный, им проще перерезать Бассу глотку, чисто из благих намерений и заботы о судьбе нашей миссии, чем отпустить свидетеля гулять на все четыре стороны. Надо будет поговорить с Миралиссой, когда придет срок, а то ее клиссанг отправит Басса в свет. Элл на такие дела скор и не в меру горяч.

— Гаррет, дружище, как я рад, что ты жив! — Халлас обнял меня за плечи (низкорослому гному удалось это сделать лишь потому, что я сидел на земле). — Пойдем, я тебе пивка налью.

— Пойдем, дружище, — улыбнулся я, вставая с земли.

Идя к двери трактира, я с горечью (или нет?) думал, что тихонько, даже сам не желая этого, меняюсь. Гаррет-тень, мастер-вор, лучший потрошитель сундуков во всем Авендуме, одиночка, хмурый тип, никогда не имевший настоящих друзей и никогда не показывающий окружающим

своих настоящих эмоций, — меняется. К добру или к худу?

Назвал бы я два месяца назад кого-нибудь своим другом? Настоящим? Нет. У меня просто не было друзей, исключая моего наставника, учителя и второго отца — Фора. А уж выпить пивко за компанию... Не было такого.

Вор, если он хороший вор, — должен всегда быть один. Ни семьи, ни привязанностей, ничего такого, что повлияет на его работу и безопасность. Так и было до недавнего времени.

Я с удивлением понял, что вечно спорящие и ругающиеся друг с другом Делер и Халлас, надоедливый и непоседливый Кли-кли, Миралисса, Фонарщик, да и все остальные стали теми, кого я без всяких колебаний могу назвать своими друзьями.

* * *

Мы с Угрем утоляли голод и параллельно рассказывали всем присутствующим (за исключением Басса, отправленного наверх) о том, что с нами произошло. Вообще-то рассказывал я, так как Угорь передал инициативу в мои руки. Один раз я чуть не опростоволосился и не упомянул Горлопана, но в последний миг исправился и заменил его на безликого, но очень нехорошего парня, собиравшегося пустить нам кровь. Угорь бросил в мою сторону одобрительный взгляд и вновь уделил все свое внимание жареному угрю.

— Одно радуется во всей этой истории, Гаррет, — вздохнул Арнх. — Теперь сторонники Неназываемого оставят нас в покое.

— Не будет у нас покоя. Еще остался этот ваш Хозяин, — пробасил Медок.

— Но согласись, Шип, большая разница, как воевать — на два фронта или на один?

— Соглашусь, Лоб.

— А меня заботят очередные загадки, — задумчиво протянул Элл. — Мы с Котом, да пребудет он в вечном покое, не убивали никаких шаманов, кроме тех, что стояли у котла. Так что остается вопрос: кто их убил?

Я вздохнул и решил дать краткую выдержку из виденного мною сна.

— Я видел сон, — начал я.

Алистан презрительно фыркнул, он не очень-то хорошо относится к моим «видениям». Кли-кли страдальчески застонал и схватился за голову.

Миралисса, напротив, ободряюще кивнула.

Я рассказал о тюрьме Хозяина и разговоре Посланника с таинственной женщиной.

— Интересно, Гаррет, очень интересно! — после недолгого молчания сказала Миралисса. — Тебе просто везет на Хозяина! Я обязательно расскажу хронистам дома Черной луны о виденной тобой тюрьме. Вдруг что и удастся обнаружить. А вот эта...

— Лафреса, — подсказал я.

— Да, Лафреса. Если ты действительно видел пророческий сон, эта Лафреса опасна для нас. Если она первой заполучит ключ — все пропало. Я почему-то нисколько не сомневаюсь, что эта женщина сможет разрушить узы ключа.

— М-м-м, — протянул я, подбирая слова. — Леди Миралисса, почему хозяйские слуги просто не могут доставить ключ своему господину, не дожидаясь женщины?

— Действительно, — поддержал меня Алистан. — Чего проще доставить стекляшку куда следует и не дожидаться этой ведьмы?

— Понимаете, милорд Алистан, ключ настроен на Гаррета, с ним его связывают узы, и если, не разрушив уз, доставить ключ туда, где обитает Хозяин... В общем, артефакт будет слишком опасен для нашего врага.

— Стоп! — Невозмутимый Угорь оторвался от еды и удивленно воззрился на эльфийку. — Вы знаете, где живет Хозяин?!

— Я догадываюсь, — неохотно ответила принцесса дома Черной розы. Хозяин, если он управляет такими существами, как Посланник, и наделяет такой магией своих слуг, должен быть в месте сосредоточения огромной силы, а ключ, связанный узами с другим, создаст в том месте такие возмущения в магическом потоке, что Хозяин на до-о-олгое время лишится всех своих сил и возможностей. Поэтому и нужно сперва уничтожить узы, а это способен сделать только очень сильный шаман..

— Какие у тебя познания, любезная кузина!

— Ну не все же время махать с'кашем, Эграсса! — сверкнула клыками Миралисса.

— Место силы, Дом Силы, — пробормотал я, вспоминая фразу, сказанную Посланником Лафресе.

— Что ты сказал?! — резко спросила Миралисса.

Я поднял взгляд от тарелки с супом и удивленно посмотрел на темную эльфийку. Она вцепилась в стол так, что у нее побелели костяшки пальцев.

— Я сказал, Дом Силы... вы что-то об этом знаете?

Миралисса обменялась быстрым взглядом с Кли-кли.

— Весь вопрос, откуда ты узнал о Доме Силы? — уклонилась она от ответа.

— Из сна. Дом Силы, Дом Боли, Дом Любви...

Кли-кли подавился ватрушкой и закашлялся. Делер вежливо и от всей широкой карликовской души шарахнул гоблина по спине.

При каждом новом названии дома смуглая кожа эльфийки бледнела все сильнее и сильнее.

— Мне не нравятся твои сны, Гаррет! Что еще ты узнал?

— Да... ничего. — Я был немного удивлен неожиданным напором и горячностью обычно всегда спокойной эльфийки.

— Точно?! — Янтарь желтых глаз буравил меня, стараясь вытянуть из моего «я» все тайны Вселенной.

— Точно, — абсолютно честно ответил я, не отводя взгляда от ее глаз.

Она вся как-то сразу обмякла и постарела, в уголках раскосых глаз появились морщинки усталости, пальцы с черными ногтями нехотя отпустили крышку стола.

— Что я такого сказал? Что это за странные дома?

— Это слишком долгая история, Гаррет, у нас сейчас на нее нет времени, — очень уж поспешно сказал Кли-кли.

Голос маленького гоблина звенел от... напряжения?

Я хмыкнул и устоял в тарелку, продолжая машинально помешивать ложкой суп и думать о том, что у Кли-кли и Миралиссы намного больше общих дел и тайн, чем они стараются нам показать.

Я не стал ничего спрашивать у эльфийки и гоблина — все равно Миралисса отделается от меня умными речами, а Кли-кли притворится круглым дураком и покажет язык.

Аппетит пропал, но я стоически доел суп, все время чувствуя на себе испытующий взгляд Миралиссы...

* * *

— Нам надо поговорить, вор, — сухо бросил мне Алистан Маркауз, после того как я вылез из-за стола.

— Да, милорд?

— Не здесь. — Алистан поморщился. — Идем со мной.

Крыса, даже не посмотрев, иду ли я за ним, стал подниматься на

второй этаж трактира, и мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Алистан привел меня в свою комнату, где нас уже поджидали Эграсса и Миралисса. Элла не было, он взял на себя обязанность присматривать за Бассом, который в данный момент обедал в зале и пытался научить Фонарщика играть в какую-то жутко мухлежную карточную игру.

— Присаживайся, Гаррет. — Эграсса указал мне на кресло. — Выпьешь вина?

Я машинально кивнул и отхлебнул терпкого и, на, мой взгляд, чрезвычайно крепкого вина.

Молчание в комнате затягивалось, и я, прочистив горло, спросил:

— Зачем я понадобился?

Вопрос прозвучал несколько нелюбезно, но чего они хотят от вора? Любезных манер? Не умею... Точнее, умею (спасибо Фору), но не хочу. Сейчас опять будут спрашивать, что спасло меня в Харьгановой пустоши или откуда я узнал о Доме Силы.

— Потерпи, вор, — бросил стоявший у окна Алистан Маркауз. — Сейчас придет Кли-кли, и мы начнем...

— Кли-кли пришел. Можете начинать, ваша милость!

Шут проскользнул в дверь и, подмигнув мне, уселся на кровать. Сейчас расслабленный и дурачащийся гоблин несколько не напоминал мне того парня, что напряженно сидел за столом, услышав мою невинную фразу о Доме Силы.

— Ну что же... Я не стал говорить об этом внизу, там твой дружок, Гаррет, а нам еще только не хватало раскрывать свои планы перед незнакомцем, пускай он и помог нам вытащить вас с Угрем.

— Я считаю, что этого Басса надо запереть на время, — сверкнул клыками Эграсса. — Смешно сказать — мы таимся и терпим неудобства в своем доме!

— Все остальные уже посвящены в новости, так что остались только ты и гарракец, — продолжил Алистан Маркауз, хотя было видно, что он полностью разделяет мнение эльфа. — А вот, кстати, и он...

Угорь бесшумно проник в комнату, кивнул и замер, прислонившись к стене возле двери. Сейчас смуглый гарракец очень напоминал статую воина начала Эпохи Снов.

С появлением очередного посетителя в небольшой комнатке стало тесновато. Она не очень-то была приспособлена для всякого рода сборов и военных советов.

— Мы узнали, кому принадлежит поместье и где находится ключ, вор,

сурово сказал Маркауз, отворачиваясь от окна.

— Если только он все еще там, милорд Маркауз.

— Он там, Гаррет. Или, по крайней мере, в городе, — отхлебнув вина, проворковала эльфийка. Казалось, что ее нисколько не смущают неприятности, свалившиеся нам на голову.

— Простите, треш Миралисса, но как вы можете быть в этом уверены?

— Я связывала ключ узами. Я знаю и чувствую. Не будь его в городе... Впрочем, и ты, как тот, с кем ключ связан, должен его ощущать.

— Я ничего не чувствую, треш Миралисса, — недовольно буркнул я ей.

Ничего, кроме усталости и шума в голове, если быть абсолютно честным.

— Ты просто толстокож, как стадо мамонтов, Гаррет! — Кли-кли не упустил возможности меня уколоть.

— Может, сейчас не чувствуешь, но почувствуешь, когда окажешься достаточно близко к нему. Это что-то вроде щекотки.

— Вы позволите мне продолжить? — ядовито осведомился капитан гвардии короля.

— О! Конечно, милорд Алистан, приношу свои извинения.

— Ничего страшного, леди Миралисса. Ну так вот, Гаррет. Этот дом принадлежит графу Балистану Паргайду, — произнеся это, милорд Маркауз уставился на меня будто ожидая от моей скромной персоны каких-то немедленных действий.

— И что? — тупо спросил я.

Кли-кли в отчаянии обхватил голову руками и застонал, как будто у него разболелись все зубы.

— Гаррет, ты заперся в своем маленьком мирке и дальше своего носа ничего не видишь! — произнес гоблин. — Граф Балистан Паргайд — самая влиятельная фигура юга нашего королевства. Его род может поспорить древностью со Сталконами, это не говоря уже о том, что он глава всех Соловьев и очень, просто очень опасный тип. Он не пылает любовью к нашему королю, хотя пока сидит тихо, но дай ему волю, Паргайды попытаются оспорить свои права на престол. Поверь, они у них есть. А теперь узнав, что Паргайд снюхался с Хозяином, я вдвойне опасаюсь за благополучие короля.

— Паргайд и его знаменосцы могут выставить восемь тысяч мечей, не считая мелкой дряни. А с такими силами следует считаться, — буркнул Алистан.

С первого взгляда было ясно, что граф не очень-то обожает графа.

Дворянская любовь — что с нее возьмешь? Все грызутся за земли, пыряются кинжалами, плескаются ядами, а отдуваться приходится простым солдатам.

— У него земли тянутся отсюда и чуть ли не до Заграбских дубов, а уж золота... Опасный тип.

— По мне было бы лучше, чтобы он оказался невинным ягненком. У такого и ключ украсть проще. Хорошо, кто владелец поместья, мы узнали, что мы будем делать дальше? — Я посмотрел на Алистана.

Тот дернул себя за моржовый ус — и неохотно произнес:

— Не думаю, что мы вот так просто сможем проникнуть в дом к Паргайду. Без карты патрулей и знания, где в доме находится ключ... самоубийство. Стража Соловьев спать не будет. Дом большой, и обежать все комнаты ты просто не сможешь, вор. Риск слишком велик.

— Вы абсолютно правы, милорд. Просто так в этот дом не попадешь, а если и попадешь, то надо располагать точными сведениями о местонахождении ключа.

— Кли-кли предложил план, как мы можем попасть в дом графа.

Кли-кли? Предложил? План? Я соорудил самую кислую из всех возможных физиономий и посмотрел на Кли-кли.

— А что? — запальчиво спросил он меня — Думаешь, я не могу предложить гениальный план?

— Можешь, — не став с ним спорить, произнес я. — Вот только я нисколько не сомневаюсь, что твой гениальный план заведет нас напрямик в могилу.

— Оставь свое красноречие на потом, вор. — У милорда Алистана Маркауза сегодня было не самое лучшее настроение.

— Ну ладно, Гаррет. Это не гениальный план, а так, маленькие гоблинские идейки. О чем это я? Фу, Гаррет! Ты всегда сбиваешь меня с умных мыслей. А! Вот! Отнюдь не секрет, что через два дня граф Балистан Паргайд устраивает ежегодный прием в честь какой-то победы Соловьев над Кабанами, случившейся двадцать лет тому назад. Так что у нас есть вполне реальный шанс попасть на праздник...

— Прошу прощения, Кли-кли, — вклинился в разговор Угорь. — Но как-то не верится, что нас за здорово живешь пропустят в святая святых Соловьев.

— Не волнуйся, Молчаливый. Еще как пропустят. И не только пропустят, но еще и сами пригласят! Балистан Паргайд слывет заядлым коллекционером древностей, и это нам очень поможет.

— Кли-кли, неужели у тебя в кармане завалялся раритет любимого

дедушки? — не удержавшись, спросил я.

— Дурак ты, Гаррет! Леди Миралисса, покажите ему...

Эльфийка молча протянула мне браслет. Я повертел его в руках, внимательно рассматривая. Черная сталь, грубая ковка, руны, кажется, письмена огров.

— Это действительно то, о чем я подумал? — Я поднял глаза на Миралиссу.

— Я не умею читать мысли, Гаррет. — Мимолетная улыбка тронула черные губы. — Да, это большая редкость. Браслет ковали огры еще в те времена, когда они не ушли в Безлюдные земли.

Да, именно так. Браслет — обычная железяка, в которой не было ни одной унции драгоценного металла или магических свойств, но древность и то, что это одно из немногих творений, оставшихся от огров, поднимало цену браслета до двухсот, а то и трехсот золотых. Большие деньги.

— То есть мы купим пропуск в дом за это? — уточнил я у шута.

— Уже купили, Гаррет! Пока ты на соломке дразнил аппетит гголов, мы без дела не сидели. Граф Балистан Паргаид уже узнал о том, что в городе имеется такая редкость, и любезно прислал приглашение герцогу Ганету Шагору посетить его скромный прием, а заодно захватить с собой интересующую его ценность.

— М-м-м... — протянул я. — Не улавливаю связи между нами и каким-то там герцогом.

— А связь-то прямая, Гаррет. — Кли-кли смотрел на меня насмешливо и весело. — Герцог Ганет Шагор — это не кто иной, как ты!

Вот тут-то я и понял, что сейчас придушу маленького мерзавца за его дурацкие идейки...

— Кли-кли. — Я постарался, чтобы мой голос звучал тихо и вкрадчиво. Кли-кли, друг мой, ты снова мухоморов на завтрак переел? Какой из меня герцог?

— Всамделишный. Хочешь попасть в дом к Паргаиду? Будешь герцогом, — бесцеремонно отрезал шут.

— Да я не умею быть герцогом! — взорвался я. — Я вор, Кли-кли! Вор, а не дворянин и светский павлин! Что, не нашлось другой кандидатуры?!

— А кого ты можешь предложить, Гаррет? — с искренним интересом спросила у меня Миралисса. — Дикие отпадают, они воины, и стать герцогом хотя бы на время никто из них просто не сможет. Любой тут же распознает в них простого человека. Милорд Алистан не может, его знают

при дворе. Кто остается? Ты.

— Почему сразу герцог, а не эльфийка или скуперддй-карлик? Я не могу стать герцогом, — упрямо талдычил я.

— Еще как можешь. Карликов и эльфиек на такие приемы не приглашают. Так что ты сможешь.

— Да не знаю я всех этих дурацких дворянских правил, этикета и тому подобной великосветской чуши! Меня же раскусят в первые пять секунд!

— Ой, Гаррет, не смей меня! — Кли-кли, сидя на кровати, беспечно болтал ногами. — Ты думаешь, эти дармоеды что-нибудь поймут? Ты герцог, а не какой-то там занюханный маркиз. Сострой свою извечно хмурую рожу, и к тебе никто даже не подойдет с вопросами. Будь важным, холодным и уверенным в себе, как индюк мастера Квилда, вот и все!

— Ты даже не знаешь, о чем говоришь, — я покачал головой. — Это авантюра...

— Все наше предприятие до Храд Спайна — авантюра, Гаррет, — серьезно произнес Кли-кли. — У нас есть два дня, за это время я постараюсь научить тебя хоть чему-то. И расскажу тебе легенду.

— У нас в королевстве герцогов как мух на тухлом пне? Кли-кли, побойся богов! Все герцоги наперечет! Откуда возьмется еще один? Из-за моря? Да по моему выговору даже доралиссцу ясно, что я всю жизнь провел в Валиостре!

— Да не волнуйся ты так! Есть такой герцог, троюродный братец нашего короля по линии бабки. Он человек со странностями, живет затворником, лет двадцать не покидал свой замок, так что никто не опознает в тебе самозванца.

— Но есть же...

— Если я говорю, что никто не опознает, значит, никто. Не беспокойся, я буду рядом с тобой и коли что...

— Нет! — отрезал я.

— Что нет?

— Нет! Тебя рядом со мной не будет!

— Это еще почему?

— Кли-кли, ты бедствие на двух тоненьких ножках! Если ты пойдешь со мной, нас точно оттуда живыми не выпустят!

— Я иду с тобой, Танцующий в тенях, это вопрос уже решенный. К тому же тебе понадобится свита и подсказчик. Герцоги, если ты не знал, одни по гостям не ходят.

— Хорошенькая свита! Маленький зеленый дурак!

— Вот именно что дурак, дурак! Кто будет смотреть на тебя, когда в

доме появится шут?

Хм? Ну, пришлось признаться самому себе, что гоблин дело говорит, все будут глазеть на шута, а не на какого-то герцога со странностями.

— Кли-кли, а не опознают ли в тебе королевского шута? — озабоченно спросил я, уже смирившись с безумной идеей стать на несколько часов герцогом.

— Ну что ты, Гаррет! — возразил гоблин. — Очень невелика вероятность встретить среди Соловьев знакомое рыло. Да к тому же для вас, людей, все гоблины на одно лицо. Все будет шито-крыто, и никто ничего не заподозрит. Мастер Квилд уже достал нам приличествующую случаю одежду. Тебя будет сопровождать Эграсса. И шестеро ребят как почетный караул.

— Простите, но весь ваш план шит белыми нитками! Я не похож на дворянина, я не похож на герцога, и что бы вы ни говорили, один вопрос по геральдике — и сразу же все станет ясно! Клянусь Саготом, мы завалимся! Уж лучше я рискну и без всяких планов и знаний попытаюсь проникнуть в дом! Повторяю, гоблин, повторяю со всей ответственностью того, кого милорд Алистан привык называть скользким типом, — у нас нет шансов!

— У нас нет не только шансов, но и выбора, — вздохнул гоблин. — Или у тебя на примете есть другой герцог?

— Есть. — Я посмотрел на Угря, замершего у стены.

С Угрем, дворянином до мозга костей, все было бы намного легче. Странно, что Миралисса не выбрала в герцоги его.

Воин прищурился и посмотрел на меня.

— Пойми, Угорь, я не знаю ни манер, ни этикета, ни многого другого. Я скорее выживу в клетке с Х'сан'кором, чем в роли герцога на этом приеме!

Гарракец колебался.

Алистан привычным жестом дернул себя за ус. Все в отряде подозревали, что Угорь дворянин, но никто не подозревал, «насколько» он дворянин. Скажи я им, что Угорь герцог...

— Он не сможет стать герцогом! — возмутился Кли-кли. — Пускай он хоть тысячу раз был дворянином до Диких Сердец, но он гарракец! А Ганет Шагор не гарракец!

— Я смогу в этом помочь, — встряла в разговор Миралисса. — Личину наложить сложно, но стоит попытаться, к тому же Угорь действительно больше похож на герцога. Что скажешь, воин?

— Думаю, я справлюсь с ролью дворянина, миледи, — бесстрастно сказал гарракец.

Я облегченно выдохнул и благодарно кивнул.

— Гаррет, ты рано обрадовался, — грозно нахмурился Кли-кли. — Тебе все равно придется пойти на прием.

— Кли-кли прав, — подтвердила Миралисса. — Тебе придется пойти. Только ты сможешь почувствовать, где прячут ключ.

— Но ведь вы, леди Миралисса, говорили, что чувствуете, что ключ в Ранненге.

— Я могу сказать, что он в Ранненге, но конкретное место можешь указать только ты, — пояснила эльфийка. Я вздохнул:

— Слуги ждут господ во время приема снаружи.

— Да, и поэтому ты не будешь слугой. — В голубых глазах гоблина сияло торжество.

Я даже побоялся спросить, какая гениальная идея на этот раз пришла в зеленую голову шута. Поняв, что я не собираюсь любопытствовать, в кого меня хотят превратить на этот раз, Кли-кли сказал: — Мы сделаем тебя драланом, заслужившим дворянство!

Что ж. Это может пройти.

— Кли-кли, весь высший свет будет исходить кипятком, если рядом с ними окажется дралан.

Не секрет, что тех, кто раньше копался в грязи, а теперь носит дворянский титул, не очень-то жаловали те, кому этот титул достался от именитых предков.

— Тем забавнее все это будет выглядеть.

— Что мы должны делать на этом приеме? — вздохнул я, смиряясь с неизбежным.

— Пить игристое вино, кушать фазанов и говорить умные речи про погоду.

— Да нет же, Кли-кли! Что мы должны делать на самом деле?

— Ты должен постараться узнать, где Паргайд прячет ключ. Не волнуйся, Миралисса говорит, что как только ты окажешься достаточно близко к нему, то сразу почувствуешь с ним связь.

Ну, раз так говорит Миралисса... Но боюсь, что темная на этот раз ошибается. Почему я не чувствовал ключ, когда он был у нас?

— Мне нужно только узнать, где он лежит?

— Да. Не думаю, что ты сможешь его взять нахрапом, когда вокруг будет столько людей, — сказала эльфийка.

Ну... и не такое проделывал в молодые годы, а уж ключ-то украсть я как-нибудь смогу.

— Есть еще одна небольшая проблема, треш Миралисса. Бледный

может вернуться в любой момент, а он знает меня в лицо. Фонарщик что-нибудь смог узнать? Куда отправился Ролио?

— Мумр узнал только то, что твой Бледный покинул город и умчался по юго-западному тракту. Будем надеяться, что он не вернется ко времени приема.

— Тебе придется рискнуть, вор.

Вот вы, милорд Алистан, и рисковали бы. Нет, ну что за авантюра, поberi меня тьма! Проще взять поместье штурмом.

* * *

Следующие два дня я был просто невыносим и заставил Кли-кли пожалеть о его гениальных идейках превращения меня в дралана. На все мои доводы, что простолюдину, совсем недавно попавшему в дворяне, это попросту не нужно, Миралисса и гоблин отвечали совершенно иначе, чем я рассчитывал.

Вот уж не думал, что дворянином быть так сложно. Держать в голове массу абсолютно глупых и ненужных вещей — на это способен только тот, в чьих жилах течет высокородная кровь.

За эти дни я узнал, как надо брать в руки бокал, пить, кланяться, вести себя за столом, говорить комплименты, многозначительно молчать, вызывать на дуэль, рассуждать о вечном, лошадях, соколиной охоте, военных парадах, турнирах, геральдике и прочей дребедени, которой нет места в обычной жизни уважающего себя мастера-вора. К концу второго дня обучения моя голова просто трещала от переизбытка ненужных знаний.

Как оказалось, гербом герцога Шагора был еж на фиолетовом поле, и я, постаравшись не ударить в грязь лицом, стал колючим и едким, как стадо зверьков моего нового господина — Угря. К концу второго дня при виде меня Кли-кли шипел и плевался, словно рассерженный кот, но все равно на пару с Алистаном продолжал вбивать в мою голову знания. Последней пыткой для меня стала родословная герцога. Как оказалось, любой дралан должен знать родословную того, кто пожаловал его дворянским званием.

Родословная, я вам скажу, еще та вещь! Помнить, кто на ком, с кем, как, зачем, почему и сколько в итоге у них родилось детишек, которые кто на ком, с кем, как, и так до бесконечности. В итоге я окончательно запутался в новоявленных родственничках Угря и обозвал двоюродную бабушку,

добрейшую герцогиню Де Ларанден троюродной кузиной внучатого племянника по линии шестой сводной сестры, находящейся в браке с дядей двенадцатой сестры матери по линии отца-деда-бабки. Кли-кли в раздражении плюнул и, сказав, что я не исправим, раз не могу запомнить такую простую вещь, печатая шаг, скрылся на кухне трактира, оставив потешаться надо мной Арнха и Фонарщика, которые в процессе всего обучения-мучения просто надрывали животы от смеха.

— Будь у меня столько родственников, я бы сбежал из дома! — сквозь хохот выдавил из себя Арнх.

— А ты и так сбежал, — напомнил жителю Пограничного королевства Мумр.

Это вызвало у Арнха еще больший смех, и он, вытирая слезы, чуть не опрокинул кружку пива себе на кольчугу.

К вечеру на меня напала нервная дрожь, и я шастал из угла в угол трактира, как гарринч, которого посадили в клетку. Я знал, что все наши выкрутасы и игры с судьбой добром не кончатся. Доиграемся, клянусь Саготом! А все из-за Кли-кли, чтоб его орки поймали!

— Сурок, — спросил я у воина, дрессирующего Непобедимого. — Ты не видел, куда Кли-кли делся?

— Глянь у себя в комнате, он вроде там ошивался.

Ну естественно, заботливый гоблин готовит мне костюм для приема. Кстати, до сегодняшнего дня я не удосужился разглядеть свое парадное платье. Кли-кли наотрез отказывался показывать его, видно заботясь о целостности моих нервов. Все остальные участники маскарада уже получили обновки — зеленые парадные костюмы для Диких, на груди которых был вышит серый еж на фиолетовом поле. Угорь приделался в дорогущее дворянское платье с высоким накрахмаленным воротником и широкими рукавами глубокого коричневого цвета, а Эграсса уже успел облачиться в сине-желтый камзол, на котором была вышита черная луна — знак его дома. Из-за двери комнаты, которую я делил с Фонарщиком и Кли-кли, раздался незнакомый голос:

— Обвиняемый! Ты признаешь себя виновным?

— Нет, не признаю! — пропищал Кли-кли.

— У тебя есть последнее слово, перед тем как будет оглашен окончательный и справедливый приговор.

— Идите вы все в задницу! — торжественно произнес шут.

— Тогда услышь свой приговор, несчастный!

В разговор включился третий голос:

— В связи с покушением на личную собственность ты

приговариваешься к четвертованию. Приговор привести в исполнение немедленно!

Я изумленно приоткрыл дверь и заглянул в комнату, отчего-то надеясь увидеть там весь королевский суд и палача в придачу. Но нет, комната была пуста, если не считать сидевшего за столом Кли-кли. Перед ним стояла огромная тарелка крупной белой черешни, но гoblin сейчас не обращал на нее никакого внимания. В этот момент он был занят насущными делами — отрыванием крылышек и лапок у пойманной им мухи.

— Тебе не надоело изображать из себя дурака? — спросил я, входя в комнату и беря горсть черешни.

— Работа у меня такая, Гаррет, — вздохнул гoblin и выбросил все, что осталось от мухи, в окошко. — Не изображай я из себя дурака — сидел бы дома, в Заграбе, учился на шамана. Эх!

— Неужели жалеешь? — спросил я, выплевывая косточку.

— Да нет... Все, что ни делается, — к лучшему. К тому же не будь меня, кто бы тебя защищал?

— Меня? Ты хочешь сказать, что ты меня защищаешь? — Мы в сотый раз вернулись к нашему старому разговору.

— А кто же, если не я? Только благодаря мне ты еще жив. — Шут раздулся от важности.

— Благодаря тебе, мой маленький зеленый пакостник, я получил колючку под задницу, холодную воду в постель, дурацкое пророчество и звание лжедралан вместе с павлиньим нарядом — подарком герцога. Кстати, где он?

— Как где? Он там же, где последние двадцать лет, — в родовом замке на Морском утесе, что близ Исилии.

— Я про костюм, а не про Ганета Шагора! Хотелось бы взглянуть, что по твоему заказу подобрал для меня наш любезный трактирщик? В чем я поеду на этот прием?

— А! — понял шут и спрыгнул со стула. — Скоро увидишь.

— Скоро? А почему не сейчас?

— У нас есть еще одно важное дело. Следуй за мной, Танцующий в тенях, сейчас ты получишь свой последний урок.

— Да иди ты во тьму! Сколько можно? — рассвирепел я. — Ты меня весь день этой геральдикой мучил, в ней сам Неназываемый ногу ломит, не то что обычный вор. На сегодня уроков достаточно!

— Ты не обычный вор. Ты мастер-вор. — Шут направил на меня палец, будто это был самый настоящий арбалет. — И тебе надо хотя бы показать, как следует танцевать в приличном обществе!

У Кли-кли идеи одна безумнее другой.

— Ты меня еще роды научи принимать. Вор — повивальная бабка. Драланов не зовут танцевать! Я к тому же умею это делать без твоих уроков.

— Умеешь. Какую-нибудь джангу или галкаг. — Кли-кли слопал черешенку, зажмурил левый глаз, прицелился и плюнул в окно. — А у дворян танцы совсем другого содержания. Пошли, не хочешь же ты опростоволоситься в самый неподходящий для этого момент?

Я в который раз за сегодняшний день застонал, но делать было нечего и пришлось топать за шутком в общий зал трактира, на ходу проклиная тот день, что свел нас вместе.

Дикие собрались в зале. Только Сурок не был одет в зеленый костюм — он оставался в трактире вместе с Алистаном, Миралиссой и Эллом. Здесь же находился и Басс, он озадаченно хмурился, смотрел на довольно странную для Диких одежду — одежду слуг.

— Эй, Делер! — позвал карлика Кли-кли. — Подь сюды!

Делер отвлекся от спора с Халласом и вразвалочку, не торопясь, подошел к нам. В костюме слуги-охранника карлик был похож на корову в мундире Диких егерей.

— Чего вам?

— Слушай, Делер. Ради общего дела, сделай милость!

— Ну? — подозрительно покосился он на нас, понимая, что милость — это всегда бесплатно, а бесплатно карлики делать ничего не любят.

— Обними Гаррета.

Лицо Делера посуровело.

— Ты это... Кли-кли, хоть ты мне и друг... Я ведь и в рыло могу дать... Я не из этих... самых.

— Дурак ты, Делер! Мне Гаррета надо танцевать научить!

— А-а-а, — понимающе протянул карлик и, сняв с головы шляпу-котелок, взъерошил свои огненно-рыжие волосы. — Тогда я ростом не вышел, вам Медок нужен.

— Медок, — проворчал Кли-кли насупившись. — Медок еще тот медведь, он Гаррету все ноги отдавит...

— Ну, тогда Арнх.

— Арнх?

— А что! Я согласен! Это должно быть очень забавно! — усмехнулся лысый воин, вставая из-за стола.

Забавно? Я отчего-то не разделял горячего энтузиазма Арнха пуститься в пляс.

— Вот и славно! Значит так, Арнх, обнимай Гаррета. На талию ему руки. На талию! Ты вообще знаешь, что такое талия? Во! Гаррет, а ты чего как статуя стоишь?! То же самое делай! Так! Спину! Спину прямее держите! Что вы, как паралитики, поberi меня орки! Во! Теперь глядите, что надо делать!

Гоблин изобразил несколько замысловатых и совершенно диких па.

— Ну как? — спросил он, отдышавшись.

— Напоминает пляску доралиссца, после того как ему в штаны насыпали раскаленных угольев, — выразил всеобщее мнение Халлас.

Последние слова гнома потонули в хохоте.

— Вот дураки! Это сейчас самый модный танец! — Кли-кли постарался перекрычать хохот.

Хохот перешел в рев.

Кли-кли раздраженно фыркнул и набросился на нас с Арнхом:

— Чего стоите как замороженные?! Делайте, как я! На счет!

Я чувствовал себя полнейшим идиотом.

— И... раз-два-три, раз-два-три! Четче шаг! Три... Спину прямее!.. два-три! Гаррет, не волочи ногу! Раз-два-три!

Арнх отдал мне пальцы на правой ноге, один раз мы чуть не рухнули на пол, когда Кли-кли стал ускорять темп. Все хохотали без умолку, Фонарщик достал дудку и стал наигрывать нам мелодию. На бесплатное представление пришел посмотреть мастер Квилд. В зал спустились эльфы. Потом приперся Алистан. У нашего разлюбезного графа рожа была довольная-предовольная. Действительно, не каждый день увидишь такое...

— Раз-два-три! Выше ногу! Раз-два-поворот-три!

Неугомонный Кли-кли не замолкал ни на минуту. Арнх снова наступил мне на ногу, и я зашипел от боли. Наконец-то все это кончилось, и я перевел дух.

— Кли-кли, а зачем нужно было прямо сейчас учить Гаррета танцам? — с любопытством спросила у гоблина эльфийка. — Ведь тебе же известно, что Балистан Паргайд терпеть не может танцы и на приемах их никогда не бывает.

Кли-кли замялся и бросил в мою сторону опасливый взгляд.

— Ну, может, на будущее пригодится, — промямлил шут.

Надули!

Я сделал шаг к Кли-кли, но гоблин уже юркнул за спину Басса и показал мне язык. Теперь, чтобы достать шута, мне придется обогнуть стол, а за это время маленький поганец как пить дать успеет смыться.

— Ах ты...

— Гаррет, я же должен был вас всех развеселить, и поднять моральный дух нашего войска! — обиженно проговорил гоблин. — Чего ты злишься?!

Я взял себя в руки.

— Гаррет, у тебя не больше четверти часа, чтобы переодеться, — напомнил мне Угорь.

Гарракец уже облачился в предоставленный ему наряд. Истинный герцог, клянусь светом! Лицо его благодаря магии Миралиссы на время стало не таким смуглым. Черные волосы посветлели, и теперь уже никто не опознал бы в Угре гарракца. Правда, магия Миралиссы будет действовать всего лишь до завтрашнего утра.

— Ба! Угорь! Тебя прямо хоть сейчас на гарракский престол сажай! — восхищенно воскликнул Медок. Щека Угря предательски дернулась.

— Кли-кли, где моя одежда?

Гоблин опасливо выглянул из-за спины Басса, взвешивая свои шансы на долгую жизнь, затем решился и буркнул:

— Пошли.

— Куда это вы собираетесь, Гаррет? — как бы невзначай спросил Басс.

Перед ним тут же вырос Элл и холодно предложил проводить Басса до его комнаты. Басс, усмехнувшись, встал и последовал за эльфом. Язык Проныру до добра не доведет.

Кли-кли привел меня комнату. На застеленной кровати была аккуратно разложена моя одежда. Я окинул ее скептическим взглядом и, повернувшись к Кли-кли, зарычал:

— Издеваешься?!

— Даже не думаю, — поспешно ответил гоблин. — Что тебя на этот раз не устраивает?

— Вот это! Это не одежда, это наряд павлина!

— Все герцоги немного павлины, Гаррет. Это самая обычная одежда для дворянина. Не говоря уж о драланах. Эти ребята любят пышные одежды.

— Алистан так не одевается!

— Алистан — капитан королевской гвардии, а не дралан, которого пригласили на торжественный прием.

— Я не дралан, и это тебе прекрасно известно! К тому же ума не приложу, как все это надевать?!

— Сейчас разберемся, — храбро выпалил Кли-кли и, высунув язык, принялся ворошить богатые тряпки.

Когда гоблин подвел меня к зеркалу, я потерял дар речи.

На мне была ослепительно белая шелковая рубашка с узкими рукавами и ажурным воротником. Бархатный дублет глубокого сливового цвета с золотыми пуговицами и высоким воротником. Справа на груди искусно вышитый серебряной нитью герб в виде плуга, вспахивающего поле. Бриджи были немного узковаты, а потому не очень-то и удобны. Высокие сапоги с вышивкой, широкий, в полторы ладони пояс, кинжал из поющей стали в дорогих ножнах с рукоятью из голубоватой кости огра. Весь этот безумный наряд довершали длинный атласный плащ с черной подбивкой, три перстня с рубинами, широкополая шляпа с зеленым пером и массивная золотая цепь тройного плетения. Упав я с такой цепью в реку — точно бы не всплыл. Наряд Угря был намного богаче моего, но от этого мне было не легче.

Я посмотрел на Кли-кли, и тот открыл рот, чтобы поделиться своими впечатлениями.

— Ни слова! — оборвал я его.

— Но я...

— Ни слова!

— Хорошо, Гаррет, — смиренно сложив ручки, будто он жрец Сильны, согласился Кли-кли.

На мой взгляд, я был похож на настоящее огородное пугало, хоть сейчас можно отправляться ворон пугать. Такая одежда не для меня, это точно!

— А как тебе мой наряд, Гаррет? — Кли-кли стянул плащ и крутанулся на месте.

Гоблин облачился в нечто сине-красно-лоскутковое, а на голову нахлобучил незнамо откуда взятый колпак с колокольчиками.

— Пестро.

— Значит, то, что надо!

Когда мы спустились в зал трактира, отчего-то никто над моим костюмом не засмеялся.

— Да помогут нам боги. Поехали. — Миралисса поймала мой удивленный взгляд и пояснила: — Я еду с вами, мне обязательно надо проверить дом на наличие магических ловушек, иначе впоследствии могут быть неприятности.

Она сменила привычный серо-зеленый костюм эльфийской разведчицы на шикарное шелковое платье пурпурного цвета с приколотой брошкой из черного железа, изображавшей луну. Неизменная коса пепельно-серых волос превратилась в высокую прическу по мирануэхской моде, на шее нитка желто-дымчатых топазов, так прекрасно

гармонирующих с ее глазами. С профессиональной точки зрения могу заметить, что такая нитка потянет на пять лет безбедного существования с каждодневными загулами.

— Браслет. — Она протянула мне браслет огров. — Когда Балистан Паргайд спросит о нем у Угря, будь рядом и подари браслет.

— Что? — опешил я.

— Невелика потеря, для нас он ценности не представляет. Зато это шанс подобраться к ключу, если ты расположишь к себе нашего графа.

— Нет, я не про то, — поморщился я. — Почему браслет будет у меня, а не у Угря?

— Расскажу по дороге.

— Карета подана, леди Миралисса, — подскочил к нам трактирщик.

— Благодарю вас, мастер Квилд, — милостиво улыбнулась эльфийка, — вы нам очень помогли.

— Ну что вы, это ведь все ради дядюшки-покойника! Вы ведь за его душу отомстили, вся моя семья вам обязана.

— Помни, Гаррет, — сказала мне эльфийка, пока мы шли к великолепной карете, запряженной шестеркой доралисских лошадей, невесть откуда добытой Квилдом. — Мы будем в доме слуги Хозяина.

Буду надеяться, что на приеме все тупицы и ни один слуга Хозяина, если они, конечно, там будут, не вспомнит, что из Авендума выехали гоблин и эльфы. Мы надеемся на чудо и заключаем Вастарскую сделку с судьбой.

В доме слуги Хозяина. Не стоило ей напоминать мне об этом.

Я помнил.

Глава 9

Дралан герцога Ганета Шагора

Уже стемнело, и карета плыла по пустеющим улицам и паркам Ранненга, как призрачный корабль из старых морских легенд. Я, Кли-кли, эльфы и Угорь заняли мягкие скамейки кареты, Фонарщик и Арнх взяли на себя управление нашим экипажем, а Делер, Халлас, Медок и Дядька сопровождали нас на лошадях.

Миралисса строго-настрого запретила Диким брать с собой любое оружие, кроме кинжалов. Соловьи слишком опасаются лазутчиков и убийц от Кабанов и Обуров, чтобы разрешить незнакомам войти в их дом с большим и острым предметом на поясе. Делер тут же ворчливым и недовольным голосом спросил у эльфийки:

— А не могли бы вы, треш Миралисса, отвести им глаза, как страже Ранненга, после того как мы спасли мастера Гаррета и Угря?

Миралиссе тогда пришлось приложить кучу усилий, чтобы во время проезда отряда по городу стражники не заметили торчащего из тряпок оружия. Делеру ответили вежливым и холодным отказом, и карлику пришлось оставить любимую секиру в трактире. Надо ли говорить, что Делер был не очень-то доволен этим обстоятельством?

Чем ближе мы приближались к поместью Соловьев, тем быстрее ко мне приходило спокойствие. Нервная дрожь, как правило возникающая перед каждым делом, стихала. Впервой мне, что ли, влезать в разного рода рискованные ситуации? Стать на время драланом куда менее опасно, чем украсть награду за собственную голову из дома барона Фраго Лантэна, начальника городской стражи Авендума. И уж тем более это не опаснее прогулки по Закрытой территории или спуска в могильники Храд Спайна. Гори оно все синим пламенем! Прыгнуть в яму, кишашую гадюками, и вылезти обратно — не это ли испытание для настоящего мастер-вора?

— Гаррет, — проговорил Эграсса, проверяя большим пальцем остроту своего кривого кинжала. — Как только почувствуешь ключ, дай нам знать и направляйся к выходу из дома.

— Понял.

Эграсса прав — не стоит дразнить демонов больше обычного. Чем дольше мы проторчим в доме, тем больше у нас шансов нарваться на возможные неприятности. Сейчас я усиленно молился Саготу, чтобы в доме

Балистана Паргайда не нашлось умника, который бы знал настоящего герцога Ганета Шагора в лицо. А то мы влипнем в такие неприятности, что нам не поможет даже шаманство Миралиссы. Да и про моего лучшего дружка — Бледного ни в коем случае не стоит забывать. Пускай он и покинул город, даже не попытавшись разобраться со мной, но... Этот гад может объявиться в самый неподходящий момент так же неожиданно, как и исчезнуть.

— Гаррет, о чем задумался? — звякнул колокольчиками шут.

— О превратностях судьбы и возможных неприятностях, — совершенно честно ответил я ему.

— Да не беспокойся, Танцующий в тенях. Я ведь с тобой!

Это меня и беспокоило.

— Мы теряем дни, — глухо сказала Миралисса, поправляя локон прически. — Уже начался август, а мы даже не пересекли Иселину. Если дела пойдут так и дальше, мы окажемся возле Храд Спайна только к сентябрю.

— Ты не права, — не согласился с ней Эграсса. — До Черной реки от Ранненга два дня скачки, затем две недели до границы с Пограничным королевством и оттуда три дня до Заграбы. В Заграбе еще неделя, пока доберемся до Храд Спайна. Так что в конце августа мы должны уже быть на месте.

— Это не наши территории, Эграсса, — вздохнула эльфийка. — Восточные ворота Храд Спайна на территории лесов орков. Неизвестно, сколько времени мы будем пробираться через Золотой лес.

А также неизвестно, с чем мы еще столкнемся в пути. И сколько мне понадобится времени в Храд Спайне. И смогу ли я открыть Створки. И найду ли я в лабиринте Костяных дворцов Рог. И смогу ли я вернуться с ним обратно.

— Время покажет, — ответил Миралиссе Эграсса и убрал кинжал в ножны.

Время! Проклятое время! Мы слишком много его потеряли в Харьгановой пустоши, а теперь теряем в Ранненге. Если так будет продолжаться и дальше, мы не успеем доставить Рог в столицу к началу зимы.

Между тем наша карета уже оказалась на том памятном подъеме, с которого я скатился на телеге несколько дней тому назад.

— Подъезжаем, — буркнул Кли-кли и поежился. Ого! Гоблин-то и сам нервничает! А еще меня пытается успокоить!

— Ладно, Гаррет, что делать, ты знаешь. Сострой рожу поугрюмее и

молись своему Саготу, чтобы узнать, где ключ.

Сделать угрюмую рожу? Такая подойдет? Я покосился на шута, и тот одобрительно поднял вверх большой палец.

— Тпр-ру! — раздался голос Арнха.

Карета остановилась. К двери подошел человек, одетый в парадную форму с эмблемой золотого соловья и застыл возле двери.

— Почтенные милорды, назовите себя.

— Его милость герцог Ганет Шагор, почтенные Милле и Эралье из дома Черной луны, дралан Пар! — гаркнул шут почище чем десяток королевских герольдов. — Ну и любимый дурак герцога, конечно! Это я, если кто не понял!

Мы заранее договорились, что говорить будет шут. Не знаю, чем Миралисса руководствовалась, отдавая почетную обязанность объявления наших самозванных персон Кли-кли, но я убедился, что гоблин знает свое дело. И Миралисса и Эграсса сменили имена на более простые, что само по себе уже дело небывалое. (Гордые обычаи расы Вторых не позволяли эльфу называться другим именем ни при каких обстоятельствах, пусть это могло привести его к прямой отправке во тьму. Выходит, сегодняшний случай — особый, раз два эльфа высших семей дома Черной луны пошли на изменение своих имен.) Особы высшей семьи дома могли привлечь к себе самое пристальное и ненужное внимание, и поэтому эльфы на время лишились своего гордого «сса».

К тому же Паргайд, хоть и ни разу не видевший нас, мог знать от информаторов из Авендума об эльфах по имени Эграсса и Миралисса. Так что лишняя предосторожность и смена имен нам не повредит. Эльфы поменяли имена, но не название дома. Дом для эльфийской расы — вещь неприкосновенная.

— Могу я посмотреть приглашение, ваша милость?

Шут нагло сунул под нос стражнику конверт из голубой бумаги, на котором явственно была видна печать с оттиснутым на ней Соловьем.

— Видел? Еще вопросы? Или ты хочешь, чтобы его светлость рассердился?

— Прошу прощения, — испуганно пробормотал воин и стал пятиться назад, едва не запутавшись в ножнах собственного меча. — Проезжайте!

Арнх на козлах чмокнул, подгоняя лошадей, карета тронулась, но, не проехав и метра, остановилась.

К нашей карете подошел очередной стражник. В отличие от первого, на нем не было кольчуги. Шелковая рубашка и кожа. Редко можно встретить стража, обряженного в шелк. Голый череп мог послужить

причиной зависти для всех воинов Пограничья, нос, как клюв горного орла, густые кустистые брови и оттопыренные уши. Над его внешностью можно было бы посмеяться, если бы не глаза. Глаза — цепкая голубая сталь — смотрели на нас всего лишь секунду, но я нисколько не сомневался, что стражник запомнил наши лица на всю оставшуюся жизнь.

— Прошу прощения, ваша милость, но могу я взглянуть на приглашение? — вежливо поклонившись, попросил нас человек.

— Ты забываешься, страж! Перед тобой герцог! — холодным тоном отчеканил Угорь.

— Еще раз приношу свои глубочайшие извинения, милорды, но это приказ Балистана Паргайда, и такая проверка в целях вашей же безопасности.

— Дай ему бумагу, дурак! — процедил Угорь. — Учти, стражник, о твоём поведении будет доложено графу, и я самолично выпорю тебя кнутом!

— Как будет угодно вашей светлости. — Ни один мускул не дрогнул на лице человека. — И я не страж, милорд.

— Да, печать подлинная, — внимательно изучив письмо, поклонился лысый. — Еще раз примите мои искренние извинения за неудобство.

— Вот тебе, за труды, — насмешливо сказал Угорь и бросил человеку медную монетку. Тот машинально поймал ее, и в глазах воина плеснулось пламя гнева. Плеснулось и тут же погасло.

— Благодарю, ваша милость, — поклонился человек. — Я запомню ваш дар.

Карета тронулась, и ворота поместья остались позади. Сейчас мы медленно ехали сквозь небольшой парк, ведущий к дому графа.

— Не стоило унижать его, Угорь, — помолчав, сказала Миралисса.

— В Гарраке знать не привыкла к вежливому обхождению с простолюдинами. Я делаю то, что мне велит мой образ, — безразлично пожал плечами Угорь.

— Здесь не Гаррак, и этот человек опасен.

— Знаю, и все же я сделал то, что следовало сделать.

— Этого человека зовут Мейло Труг, — тихо сказал шут.

— Ты знаешь его?

— Да. Я его видел лет пять назад на турнире, проводимом в честь именин Весеннего Жасмина — младшего сына Сталкона. В свободной схватке среди пеших он вышел победителем. Мастер длинного меча.

— Он мог тебя узнать, — опасливо пробормотал я.

— Не думаю. Я видел его с трибуны, но вряд ли он видел меня.

Карета остановилась возле поместья. Каждое окно в доме горело огнями. Дверь открылась, и слуги с эмблемами золотого соловья склонились в вежливом и глубоком поклоне.

Первым из кареты выскочил Кли-кли и, чтобы не терять времени даром, начал строить рожи.

— Милорд, благородные господа! — поклонился нам человек, сжимавший в руке массивный и богато украшенный то ли жезл, то ли посох. — От лица графа Балистана Паргайда счастлив приветствовать вас! Следуйте за мной, милорды, вас уже ждут.

Угорь кивнул. Парень будто только этого и дожидался. Он развернулся и повел нас по ковровой дорожке в здание. Кли-кли обогнал нашего провожатого и теперь скакал впереди него, весело звеня колокольчиками. Глашатай старался не замечать крутящегося у него под ногами гоблина.

Зал приемов начинался сразу же за дверью и просто трещал по швам от приглашенных. Не думал я, что в Ранненге и его окрестностях такое количество высокородных! И это всего лишь одна воинствующая партия! А ведь еще существовали Обуры и Кабаны. Этих было ненамного меньше Соловьев.

Зал ломился от людей, стонал и жмурился от яркости и богатства их нарядов, умирал от разнообразия причесок, задыхался от аромата духов. Я наметанным глазом, стараясь сохранять презрительно-скужающее выражение на лице, оглядел зал. Да, драгоценностей на высокородных дамах хватит на целую драконью сокровищницу. Есть где пожить...

Горели тысячи свечей, и в зале было светло как днем. Возле фонтана, который чья-то безумная прихоть установила прямо посередине зала, развлекая публику, играли музыканты. Кругом сновали слуги, разносящие подносы с бокалами игристого вина. То тут, то там слышались разговоры и веселый смех.

Парень, который провожал нас до зала, трижды стукнул посохом по полу и заорал так, что едва не заставил меня выпрыгнуть из собственной шкуры:

— Герцог Ганет Шагор из дома Шагоров! Почтенные Милле и Эралье из дома Черной луны! Дралан Пар!

— И еще шут Кря-кря, ты, балбесина! — крикнул Кли-кли, изящно поклонившись публике.

На нас обратили внимание и почтили поклонами. Шут подскочил ко мне.

— И что теперь? — едва открывая губы, спросил я у него.

— Выпей вина и строй умную рожу, от тебя сейчас больше ничего не

требуется. А я пойду познакомлюсь с народом.

Не успел я и рта раскрыть, а Кли-кли уже скрылся среди господ — только его и видели. Миралисса быстро нашла общий язык с парочкой расфуфыренных дам, и с неожиданным знанием дела без умолку болтала об эльфийских мужчинах и хитростях эльфийской моды. Например, о том, как сохранить кожу молодой. При этом она так отчаянно хлопала глазами и щебетала, словно полная дура, что, не зная я ее, никогда бы не подумал, что это всего лишь маска. Дамы внимали с открытыми ртами. Эграсса с видом знатока пошел вдоль стены, на которой было развешано старинное оружие.

— Милорд Шагор?

К нам с Угрем подошел человек, облаченный в сине-черный бархатный дублет. Высокий, с черной аккуратной бородой, белоснежной улыбкой и насмешливыми карими глазами. Седящие виски, прямой нос. Физиономия пускай и благородная, но вполне к себе располагающая. С таких парней очень любят рисовать героев на фресках храмов. Этот парень мне кого-то очень и очень напоминал. Было в его чертах нечто смутно знакомое.

— С кем имею честь? — едва поклонился Угорь. Герцогу, как говорит Кли-кли, можно вообще не утруждать себя гнуть спину. Я отвесил более глубокий поклон.

— Граф Балистан Паргайд. Рад, что вы ответили на мое приглашение, герцог, — поклонился человек.

— Благодарю за любезное приглашение на этот чудесный прием, граф. Позвольте вам представить моего сюзерена, дралана Пара.

Едва заметный кивок. Драланов, пусть они хоть трижды дворяне, не очень чтят.

— Вы всегда вместе с герцогом, дралан? — блеснул белозубой улыбкой Балистан Паргайд.

— Я люблю путешествовать, милорд. А путешествие в компании с любезным герцогом — замечательная вещь.

— Что вы говорите? — Еще одна улыбка. — Надеюсь, герцог, я не оторвал вас своим несвоевременным приглашением от более важных дел?

— Ну что вы! Мне стоило развеяться.

Легкая музыка плыла по залу, окружающие с интересом косились в нашу сторону, но лишь вежливо кланялись, не пытаясь вступить в беседу.

— Я не успел вас встретить возле моего дома, но слышал, что вы путешествуете с эльфами. Простите за нескромный вопрос, герцог, но что вас связывает с этой расой?

Прежде чем Угорь успел ответить, откуда-то из-за широких юбок уже

немолодой дамы, скучающе потягивающей вино, вынырнул шут. В каждой руке гоблин держал по пирожному с кремом.

— Постель, — проговорил он.

— Что? — моргнул граф.

— Мой хозяин, да просидит его задница на Морском утесе еще двести лет, путешествует с эльфами, потому что они хороши в постели. Не обращайтесь внимания на дралана. Он просто путешествует.

Я на мгновение лишился дара речи от такой наглой и откровенной лжи. Думаю, услышь эти слова сами эльфы — они бы выпотрошили гоблина как рыбу, несмотря на то что он носит шутовской колпак. Угорь принял новость о своих постельных предпочтениях со спокойствием истинного герцога. Балистан Паргайд же, напротив, усмехнулся и понимающе посмотрел на него.

— Жизнь нужно разнообразить, — как можно небрежнее пожал плечами Угорь.

— Это ваш шут, милорд? — Граф с интересом разглядывал Кли-кли.

— Это наш хозяин, милорд? — в тон графу спросил Угря гоблин и запихнул в рот оба пирожных. Кли-кли тут же стал похож на хомяка. Шут немного подумал, а затем выплюнул оба пирожных прямо на султанатский ковер.

— Мой шут остер на язык, но не приучен к хорошим манерам, прошу простить его, граф.

Кли-кли скорчил рожу и отвесил Балистану глубокий реверанс, едва не ткнувшись носом в пол.

— Я мог бы сказать, что мне приятно, если бы вокруг не было столько набитых дураков, любезный граф, — пропищал шут.

Граф Балистан Паргайд весело расхохотался:

— Назвать моих гостей набитыми дураками отважится не каждый человек!

— Если граф не заметил с первого раза, то с прискорбием сообщаю, что я не человек, а гоблин, — звякнул колокольчиками Кли-кли.

— Герцог, ваш шут забавен! Уступите его мне!

— Не продавай меня дешевле чем за тысячу золотых! — влез в разговор шут. — И не забудь после сделки отдать мою долю!

— Боюсь, граф, если герцог уступит вам своего шута, то мой лорд станет вашим кровным врагом. Поверьте, Кря-кря — это ходячее бедствие! — Я решил, что пора раскрыть рот.

Граф вновь рассмеялся.

Тем временем герольд вновь ударил палкой по полу и объявил

очередных гостей.

— Ах, прошу простить меня, герцог. Но обязанности хозяина, вы же понимаете! Мы обязательно найдем время поговорить, не правда ли?

— Конечно, граф. Конечно.

— Герцог. Дралан.

И снова эти дурацкие поклоны. Если так будет продолжаться весь вечер, у меня точно голова отвалится.

Граф оставил нас в одиночестве. В одиночестве, ха! (Особенно если учесть группки разговаривающих дворян, натканные по залу, как грибы после летнего дождика)

— Я пройду до фонтана. Встречаемся возле лестницы, Гаррет. — Угорь двинулся прочь от нас.

— Ну как он тебе? Я про графа.

— Не сейчас, — уголком рта прошипел шут, отчаянно подпрыгивая и звеня колокольчиками, чтобы даже самые чуткие уши не смогли расслышать его шепота. — Ты чувствуешь ключ?

Клин-дон! Трим-бом! Трам-пам!

— Нет.

Кли-кли разочарованно хрюкнул.

Клин-дон! Клин-дон! Тирлим-бам!

— Возьми вина. Погуляй! — шепнул мне Кли-кли, прежде чем затеряться среди Соловьев.

Я огляделся, но ни эльфов, ни Угря не увидел. Чем дальше вечер, тем он чудеснее!

Я небрежным жестом остановил слугу, разносящего напитки, и взял у него бокал розового игристого вина. Лучше бы здесь было что-нибудь другое. Терпеть не могу эту филандскую мочу. Как выпью, так все нутро горит, будто яда подсыпали.

— Господин желает сладких фруктов? — Мне под нос сунули целое блюдо заморских фруктов, обсыпанных сахарной пудрой.

— Господин желает, чтобы ты убрался, — буркнул я слуге.

Со скучающей рожей я стал прохаживаться по залу. На меня косились. Такое впечатление, будто я притащил в этот зал полуразложившуюся кошку и бросил ее на главное блюдо вечера!

Прошелестев широкими юбками, чуть ли не впритирку мимо меня проскользнула какая-то женщина. Лицо скрыто вуалью.

— Прошу прощения, милорд.

Да, разминуться, конечно, было сложно. Понимаю. Еще пара шагов, и все повторилось по новой, только эта дама уронила мне под ноги веер:

— Прошу прощения, милорд, я такая неловкая.

Хм? Пришлось наклониться, поднять с пола веер и подать его ей. Она мило улыбнулась и присела в реверансе, предоставляя моему взгляду насладиться глубоким декольте. Пришлось сделать над собой вселенское усилие, чтобы оставить миледи в одиночестве, иначе гоблин мне устроит выволочку.

И еще несколько шагов. Третья миледи кокетливо стреляла в мою сторону глазками:

— Прошу прощения, милорд!

— Не обращайтесь внимания, дорогой дралан! Я сейчас вас спасу! — Мне на плечо упала тяжелая рука. — Простите мою фамильярность, но я всего лишь барон, владения мои граничат с Пограничным королевством, и мечу нас учат намного раньше, чем этикету. Да, думаю, и вы не очень-то ему следуете! Впрочем, все же разрешите представиться. Барон Оро Габсбарг к вашим услугам!

Я сдержанно поклонился.

Огромный, почти как Медок, заросший густой черной бородой, с маленькими черными глазками, красным лицом и гремящим голосом, Оро Габсбарг больше всего был похож на медведя, а не на барона. И как и у всех в этом зале, у него на одежде, по соседству с собственным гербом (черная туча, изрыгающая молнии на зеленом поле) была приколата брошь в виде соловья.

— Что вы думаете об этом вине? — неожиданно спросил меня новый знакомый. Я сказал абсолютную правду:

— Пойло.

Барон оглушительно расхохотался и от переизбытка энтузиазма хлопнул меня по спине, едва не перебив позвоночник.

— А вы мне нравитесь! Я всегда говорил: побольше бы в нашем королевстве драланов и, глядишь, ни одного белоручки среди дворян не останется! Когда вы только появились в зале, все сразу же сказали, что вы тупы и невежественны! Я же вижу, что это не так!

— И кто же так сказал? — спросил я, стараясь восстановить дыхание после медвежьего удара барона.

— Да все эти гнилоеды! — Барон, не стесняясь, обвел рукой зал. — Вы думаете, любезный, они чем занимаются? — Черные глазки Оро Габсбарга гневно сверкнули. — Сплетничают! Им же больше делать нечего. Эти хлыщи, смеющие называть себя мужчинами, льют на свои носовые платки духи!

Мне показалось, что сейчас барона стошнит прямо на мой дублет.

— Вы представляете?! — Барон втянул носом воздух и подозрительно посмотрел на меня, пытаясь уличить в использовании духов. — Вижу, что вы все же отличаетесь от этих щенков в лучшую сторону, — удовлетворенно буркнул Оро Габсбург и, ухмыльнувшись в бороду, хитро подмигнул мне. — Ну, как я вас спас от этих змеюк?

— Простите? — не понял я.

— Ну, от тех демонов в юбках? Каково, а?! Как я их всех оставил с носом?! Это вдовушки. Им больше делать нечего, как мужика к себе в постель затаскивать. Нет, постель — дело, конечно, благородное и важное, но прежде чем вы сделаете свое дело, эти дамы, которых лучше называть шлюхами, напичат вас ядом по самые яй... Я хотел сказать, что все их мужья предпочли быть заколотыми Кабанами и Обурами. Согласитесь, это лучше, чем терпеть рядом с собой шлюху.

Я согласно кивнул. Похоже, барону требовался благодарный слушатель, и он его приобрел.

— Мельчают, мельчают дворяне, — горестно вздохнул барон. — Уже совсем не то, и в жилах у знати давно течет не кровь, а жи-и-иденькая водица. Конечно, исключая нас с вами, дралан.

— Конечно.

Несмотря на горластость и не самые изысканные манеры, этот человек начинал мне нравиться.

— Сколько мечей у вашего герцога?

Вопрос Оро Габсбурга поставил меня в тупик. Действительно, сколько у герцога Ганета Шагора мечей? И каких мечей? Тех, что носят на поясе или тех, которыми командуют?

Видя мое замешательство, барон хохотнул. Этот хохоток больше напоминал медвежий рык, а не смех человека.

— Вот что значит безвылазно сидеть на Морском утесе! Земля у вас мирная, Заграба далеко, вы даже не помните, сколько воинов у вашего лорда!

— Что поделать, мой друг, — развел я руками.

— Друг? — Барон с интересом посмотрел на меня. — А что?! Мне это нравится, дралан!

Он схватил мою руку и сдавил в своей медвежьей ладони.

— Как вы относитесь к Соловьям, любезнейший?

— Э-э-э... — осторожно начал я.

— Никак, — заключил Оро Габсбург, новоявленный друг вора Гаррета-тени, прочитав ответ у меня в глазах. — Признаюсь вам от всего сердца, дружище, прошипел он, наклоняясь к моему уху. — Я тоже. Только

об этом молчок! Тс-с-с!

— Но тогда что соловей делает на вашей одежде?

— Эх, северяне, северяне, — с тоской пробормотал барон. — Времена тяжелые, любезный. Мой родовой замок Фарахолл не так уж далеко от Заграбы. Конечно, передо мной еще земли милорда Альгерта Далли, Опоры Трона и Хранителя Западной Границы Пограничного королевства, но Первые проникают даже ко мне. Только за этот год мы уничтожили два отряда орков, но третий полностью вырезал одну из моих деревень и скрылся в лесах. У меня всего лишь сто пятьдесят воинов, плюс еще сотня по патрулям раскидана. Мечей не хватает, орки находят бреши в обороне. Ходят слухи, что орочья Рука собирает армию. Так что, друг мой, я готов стать даже бабочкой, лишь бы Балистан Паргайд дал мне воинов!

— Ясно.

— Ничего вам не ясно, любезный дралан! — с неожиданной злостью пророкотал Оро Габсбарг. — Простите за резкий тон, но рассказывать вам о наших бедах — все равно что объяснять слепому, как выглядит катапульта! Земли вашего герцога слишком далеко от Заграбы, вы не сможете почувствовать и понять ту угрозу, что постоянно висит над нами, жителями Пограничья. После Войны Весны орки безвылазно сидят в Золотом лесу, но всякому терпению приходит конец, и всякие уроки забываются. Я писал королю трижды, просил прислать мне людей, я достаточно богат, чтобы прокормить лишние три сотни ртов, но король не ответил! Не думаю, что в этом виноват он, письма могли не дойти или затеряться. Вы же знаете, как просто можно потерять письмо! Моих людей просто не пустили во дворец, они слишком незначительны, чтобы топтать тамошний мрамор своими ногами! А самому мне добраться до столицы не удастся, нельзя оставлять надолго землю предков. Не в это время... Я и сюда-то выбрался только потому, что рассчитывал на помощь графа, но, видимо, зря. На границе беспокойно и, если что случится, мы не выстоим... Так что приходится довольствоваться не опытными воинами, а собственным ополчением из окрестных деревень и наёмниками. Ганет Шагор ведь родственник короля?

— Дальний.

— Выполните мою просьбу! Будете в столице, пусть герцог расскажет Сталкону о нашем с вами разговоре. Король человек умный, он должен понять, что наша южная граница трещит по швам.

— Но ведь гарнизоны...

— Шайка ленивых и спившихся стражников! — с презрением ответил Оро Габсбарг. — Десятилетия мира и спокойствия развалили дисциплину! Четверть крепостей стоят пустыми. Еще в стольких же воины не знают, как

держат меч. Да, я пристрастен, да, есть гарнизоны, где еще не забыли, что такое орки, но ситуация плачевная. Очень плачевная! Если что, не дай Сагра, случится, нас погонят до Иселины, а может, и дальше. Вы понимаете меня?

Я кивнул. Уверен, что в Авендуме ничего такого не знают. По крайней мере, король. Все считают, что после Войны Весны южная граница королевства неприступна и надежно защищена от вторжения из Страны лесов. Узнай король, как на самом деле обстоят дела, — и полетят чьи-то головы.

— Вы передадите мои слова герцогу?

— При первой же возможности, — совершенно искренне ответил я. — И не герцогу, а сразу королю. Дайте только срок вернуться в Авендум.

Черные глаза барона неотрывно смотрели на меня.

— Клянусь.

— Чудесно! Спасибо, дружище, век этого не забуду! Э-э-э, прошу прощения, дралан, но меня требует моя супруга. Вон видите, как смотрит. Бабенка она ничего, но вся беда — слишком горяча на руку. Открою вам секрет: у нее есть великолепная шипастая булава. Клянусь всеми богами, я проигрываю ей три поединка из пяти! Так что сами понимаете... Будете в моих землях, непременно прошу в гости. Фарахолл всегда к вашим услугам!

Барон неловко поклонился и оставил меня в одиночестве.

Вот такие дела творятся в нашем королевстве!

Ветреные леди в это время заинтересовались Угрем. Я ринулся к нему на выручку, но меня опередили. На помощь Дикому пришла старушка с маленькой лохматой собачкой на руках. Бабка оттеснила очередную вдовушку, как будто той и вовсе рядом не было.

Соблазнительница недовольно прошипела сквозь очаровательные зубки какую-то гадость и, шелестя юбками, решительно направилась прочь. Понятное дело, миледи всего лишь маркиза, на цепочке у нее всего лишь маленький гербик, а вот у бабульки графская корона. Силы не те.

— Вот молодежь нынче пошла! Были ведь у нас времена романтики, ухаживаний, а теперь что? Теперь им только бы...

Далее милая старушенция произнесла фразу, от которой покраснели бы даже матросы. Новая знакомая Угря имела вид колоритный и, не побоюсь этого слова, забавный. Черное платье висело на ней как на вешалке, фиолетовый парик казался полным недоразумением. На морщинистом лице слой белой пудры в палец толщиной. Все это очарование гардероба дополнялось весьма упитанным песиком с огромным

синим шелковым бантом на шее.

— Графиня Рантер к вашим услугам.

Интересно, чего это они все сегодня предлагают свои услуги?

— Я...

— Ох, не трудитесь, герцог. Я прекрасно знаю, кто вы такой. Впрочем, как и все в этом зале.

— Сплетники? — подскочил я на помощь к Угрю, вспоминая недавний разговор с бароном.

Я заработал довольно пренебрежительный взгляд старушечки.

— Это вам сказал Оро-медведь? О чем это он так долго с вами беседовал? Впрочем, не трудитесь отвечать, дралан, это даже моему милому лохматому Тоббиандру понятно. Правда, мой маленький? — засюсюкала графиня, обращаясь к дремлющей собачке. — О чем может рассуждать этот пропахший пивом варвар? Только о мечях, боях и глупых орках, которых просто не существует в природе! Правда, мой масенький?

— Вы не верите в орков, графиня?

— Верю. Но Тоббиандр такой впечатлительный! Кстати, вы выглядите намного моложе, чем я думала, герцог!

— Правда? — это все, что смог сказать Угорь.

— Да, когда я вас видела в последний раз, лет сорок тому назад, вы важно маршировали под стол с деревянным мечом в руке. А сейчас вам не дашь больше тридцати пяти. Северяне обладают секретом вечной молодости?

Я натужно рассмеялся, Угорь хранил ледяное спокойствие. Проклятая старуха видела настоящего герцога! Пускай в это время он и был в младенческом возрасте!

Не волнуйся, Гаррет! Не паникуй, Гаррет! Герцог жил затворником, Гаррет! Никто его не узна-а-ает, Гаррет! Я с тобо-о-ой, Гаррет!

Чтоб демоны съели этого Кли-кли с его гениальнейшими идейками!

— Наверное, молодость — это от предков, графиня.

— Кстати о предках! Вы совсем не похожи на своего отца, герцог. Совершенно! И я не вижу в вас ни одной знакомой черты моей любезнейшей троюродной кузины!

Троюродной кузины? А! Якобы матери Угря! Я быстренько перебрал в уме родословную по линии матери герцога. Да, точно! Есть пересечение с ветвью рода Рантеров. Пускай дальше, но есть.

— С этими вопросами вам лучше обратиться к моей матери, любезная графиня.

— Как же, позвольте спросить? Она же давно умерла!

Оп-па! Пора заканчивать разговор.

— Да, великая потеря, — встрял я в разговор, беря Угря под локоть. Но позвольте вас покинуть, у нас еще множество дел.

И не дав сказать ей ни слова, мы направились к широкой мраморной лестнице на противоположном конце зала. Удивленный взгляд графини буравил мне спину. Ничего, переживет. А что она хотела от только что оторванного от сохи дралана? Вежливых манер?

Слева от меня раздался смех. Конечно же это был Кли-кли, развлекающий господ дворян. Шут взялся за дело всерьез, и все эти разодетые павлины гоготали не хуже чем обычные простолюдины. Гоблин пел песенки, жонглировал тремя полными фужерами вина и загадывал загадки. На мой взгляд, шутки эти были слишком тупы, но у знати они имели оглушительный успех.

— Наверх, — сказал я Угрю. — Проверим, что там.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж и очутились на балконе. Этот балкон кольцом опоясывал зал, и отсюда открывался великолепный вид. Здесь же начинались два коридора, ведущие вглубь здания. В ближайшем от меня коридоре оказалось множество картин в огромных позолоченных рамах — целая портретная галерея. Ради любопытства я подошел к первому полотну. С картины на меня насмешливым взглядом смотрел граф Балистан Паргайд собственной персоной. На следующем полотне был изображен человек, который являлся копией Паргайда. Отец, вне всякого сомнения. Я сделал шаг, чтобы увидеть деда любезного графа, и тут в животе у меня защекотало. Я было подумал, с чего это вдруг такая неприятность, но вспомнил слова Миралиссы о ключе и щекотке.

Ключ! Клянусь Саготом, ключ где-то рядом!

— Я что-то почувствовал, Угорь, прикрой, если что!

Я прогулочным шагом углубился в коридор, все больше и больше отдаляясь от зала, где проходило празднество Соловьев, и остался наедине с картинами, с которых на меня смотрели многочисленные предки Балистана Паргайда.

Щекотка в животе усиливалась. Ключ звал и манил к себе.

— Я здесь! Я тут! Я здесь! Скорей! Узы зовут! — чудилось мне.

Оставалось пройти совсем немного, ключ за какой-то из двух дверей, что возле последнего портрета в коридоре. Я подошел к дверям и невольно остановился, разглядывая портрет, привлечший мое внимание. Только сила воли не заставила меня охнуть.

Портрет был старым. Очень старым. Об этом говорили и краски, потемневшие от времени, и манера письма, использованная художником.

Оценив картину сугубо профессиональным взглядом мастера-вора, не гнушавшегося в свое время кражей произведений искусства, могу с уверенностью утверждать, что полотну не менее пятисот лет, а человеку, которой изображен на нем, все полторы тысячи.

Мужчине с картины было за пятьдесят, худой, с седыми висками и такой же проседью в аккуратной бородке. Усов человек не носил. Карие глаза смотрели на меня с дружелюбной насмешкой. И этого человека я знал, а точнее, видел, пускай он и жил в те времена, когда Ранненг был всего лишь небольшой деревушкой, а Авендума даже не существовало. Где я видел этого парня? Конечно же во сне! В том самом сне, где этот человек убил мастера-карлика и попытался захватить ключ, но нашел смерть от кинжала эльфа. Мне помнится, что у этого человека на камзоле был вышит золотой соловей. Вот кого мне так напоминал Балистан Паргайд! Фамильное сходство между нынешним слугой Хозяина и человеком, нашедшим свою смерть в Горах карликов, очевидно! Как же его звали...

— Суовик Паргайд, — раздался негромкий голос за моей спиной.

Я обернулся. Ну конечно же за моей спиной стоял хозяин особняка. Я даже не слышал, как он ко мне подошел. А ведь на полу не султанатские ковры, а мраморная плитка. Да и Угорь не подал мне никакого сигнала. Выходит, граф вышел вон из той полуприкрытой двери.

— Приношу свои извинения, граф. Я увидел картины и не смог преодолеть любопытство, — нашелся я.

— Далеко вы забрались, дралан, — как-то не очень хорошо усмехнулся Балистан Паргайд. — А-а-а, вот и любезный герцог!

К счастью, Угорь, видимо почуяв неладное, появился из-за поворота коридора.

— Надеюсь, дралан Пар не оскорбил ваших предков, граф? Он интересуется стариной...

— В самом деле? — спросил герцог.

"С каких это пор такое неотесанное рыло интересуется стариной? С тех пор как у него отняли плуг и возвысили?" — Вот что говорили глаза графа.

— Расскажите, граф, кто изображен на портрете? — поспешил перевести тему в более спокойное русло Угорь.

— Вы оказываете честь моим предкам, милорд! Это Суовик Паргайд, как я уже говорил. Третий в роду Паргайдов. К сожалению, в однажды он отправился в горы Карликов и так и не вернулся оттуда.

— Сожалею.

— Он многое сделал для нашего рода. Очень многое, но, впрочем, что

это я все о родственниках и о родственниках. Идемте, я познакомлю вас с моей страстью!

Граф извлек тонкий изящный ключ и отомкнул замок ближайшей к нам двери. Хороший замок, прежде чем такой откроешь, с тебя семь потов сойдет.

— Будьте как дома, герцог. И вы, дралан, проходите. Ну? Что скажете?

— Впечатляет.

— Моя маленькая страсть.

— По цене она не такая уж и маленькая, граф, — сказал я, осматривая экспонаты коллекции Балистана Паргайда.

— О! Вы в этом разбираетесь?

— Немного. Герцог ведь сказал, что я интересуюсь стариной...

— Ну и во сколько же вы оцените этот набор безделушек, дралан?

— Тысяч в семнадцать золотом. Но это только приблизительная оценка.

— О! Вы действительно разбираетесь в предметах старины. Шестнадцать с половиной тысяч, если быть точным. Герцог, вы, случайно, не захватили ту безделушку, о которой я упомянул в письме?

— Браслет? Да, но он не мой. Это дралан Пар у нас интересуется такими вещами.

— Вот он, прошу, граф.

Я протянул творение огров Балистану Паргайду.

— Кстати, как вы узнали о том, что у меня есть эта вещичка? — как бы между прочим спросил Угорь, разглядывая изъеденный ржавчиной меч.

— Слухи, — усмехнулся граф, с вождением рассматривая древнюю и почти стершуюся надпись на браслете.

— Должно быть, кто-то из моих слуг...

— Да, слуги — люди ненадежные. Но послушайте моего совета, герцог. Ничто так не вразумляет слуг, как хорошая порка. Кстати, вы надолго прибыли в Ранненг?

— Нет, я здесь проездом и сегодняшним утром намереваюсь в обратную дорогу.

— Путешествуете?

— Да, — односложно ответил гарракец графу, внимательно рассматривая занятную вещицу Эпохи Свершений.

Подойдя к окну, я увидел парк, посеребренный светом месяца.

— Вы озаботились поставить решетку на окна, граф?

— Простите, что вы сказали, дралан? — Балистан Паргайд на миг оторвался от созерцания черного браслета. — Ах да, решетки! Это от

воров. Я поставил решетки в этом крыле. Здесь и в моей спальне. Хотя после того, как с двоих ворюг мои люди живьем содрали кожу, гильдия воров решила не рисковать головами своих подопечных.

— Думаю, это ненадолго, граф. Здесь у вас целое состояние...

— Поживем — увидим.

Как же! Уверен, что решеткой дело не ограничилось, и на окнах, а может, на дверях есть еще пара магических и горячих в буквальном смысле этого слова сюрпризов.

— Сколько вы хотите за него? — спросил Балистан Паргайд, возвращая браслет мне. — Эта вещь меня заинтересовала.

Я подержал браслет в руке, мысленно прощаясь с ним навсегда. Эх! Содрать бы с графа полновесным золотом, но раз Миралисса сказала...

— Берите, граф, это подарок. Все равно он мне ничего не стоил.

Балистан Паргайд не стал отказываться, что явно говорило о нем как о человеке умном и берущем все, что плохо лежит, но он был порядком ошеломлен.

— Дралан Пар! — Он впервые назвал меня полным именем. — Я ваш должник.

— Что ж, — я выдавил улыбку. — Тогда давайте поскорее вернемся в зал, иначе все вино выпьют без нас.

Балистан Паргайд улыбнулся, аккуратно положил браслет рядом с боевым топором Седой Эпохи и кивнул.

— А что за этой дверью? Еще одна ваша маленькая коллекция на шестнадцать тысяч золотых? — спросил я у графа, когда мы вышли из комнаты.

— О нет! Здесь моя спальня. Я специально ложусь спать поближе к своим сокровищам, — засмеялся граф. — Но идемте, а то гости подумают, что я и вправду о них позабыл.

Может, там и вправду спальня, но и ключ тоже. Теперь я явственно чувствовал его зов. И раз там спальня, зачем запирать дверь? На миг мне захотелось ударить повернувшегося ко мне спиной Балистана Паргайда по голове и под шумок, проникнув в спальню, украсть ключ. Но нельзя. Эльфийка велела мне только узнать, где лежит ключ, но ни в коем случае не трогать его... А раз темная считает, что до поры до времени не стоит прикасаться к ключу без надлежащей подготовки, значит, так оно и должно быть.

В зале, как и прежде, играла музыка, люди внизу вели светскую беседу, а Кли-кли, взгромоздившись на ближайший стол, жонглировал четырьмя пирожными с кремом. Пятое по нелепой случайности упало ему

на колпак под хохот зрителей и шквал аплодисментов.

Мое внимание привлекла женщина в кроваво-красном платье, стоявшая в одиночестве возле журчащего фонтана.

Невысокого роста, русые волосы едва достают до открытых плеч, скуластое лицо, нос с едва заметной горбинкой, голубые глаза задумчивы. Я не назвал бы эту женщину красивой, скорее она была миловидной. И все же несмотря на это я не мог отвести от нее взгляда. В ней было что-то такое... Даже не могу описать это словами. От женщины буквально исходили волны силы и мощи.

Силы и мощи? Интересно, сейчас это мои ощущения или ощущения Вальдера?

Балистан Паргайд заметил мой взгляд и понимающе улыбнулся.

— Идемте, герцог, дралан. Я познакомлю вас со своей гостьей.

Она, наверное, сама того не замечая, водила пальцем по краю своего бокала. Никаких драгоценностей на ней я не заметил, разве что маленькие серебряные сережки в виде паучков, которые нежно обхватывали лапками мочки ушей. От незнакомки пахло свежей клубникой.

— Леди Йена! Разрешите вам представить моего дорогого гостя — герцога Ганета Шагора. А это дралан Пар.

Она отвлеклась от своих мыслей и посмотрела на нас. Пухлые губы раздвинулись в улыбке. Легкий наклон головы и небрежный реверанс.

— Мое почтение, герцог. Дралан...

От ее голоса по моей спине пробежали холодные мурашки. В тюрьме Хозяина было темно, и я не мог разглядеть узницу Посланника. Но вот голос ее я узнал, пусть говорила она не так много, как покойная Лета.

Леди Йена и Лафреса — одна и та же женщина.

— Что с вами, дралан? — участливо спросила меня Лафреса, видимо заметив, как я вздрогнул.

— Не волнуйтесь, миледи. Ничего страшного. Я не привык находиться на таких замечательных приемах, вот и все.

Мне очень хотелось как можно быстрее уйти из этого дома. Помнится, Посланник обещал ей, что она окажется в Ранненге через неделю. Времени прошло гораздо меньше, чем неделя, а она уже здесь.

Неприятности! У нас оч-чень большие неприятности!

— Все ли вам по душе, миледи? — между тем спросил граф.

— Да, благодарю. Я просто устала с дороги, прошу простить меня. Герцог. Граф. Дралан.

Она покинула нас и стала подниматься по лестнице на балкон второго этажа.

Все это время Кли-кли, стоявший в отдалении, строил мне страшные рожи и отчаянно тыкал пальцем то на белую скатерть небольшого столика с напитками, то на свою физиономию. Я едва заметно покачал головой. Не понимаю. Вновь тычок на белую скатерть, затем себе на лицо, а затем многообещающий жест ребром ладони по шее. Что он мне хочет сказать?

Кли-кли разочарованно оскалился и поспешил к нам.

— Милорд, я, конечно, понимаю, что вечер удался, а ваш дралан даже порозовел от выпивки, но господам Милле и Эралье, к глубокому прискорбию и величайшему сожалению, придется покинуть прием. У них засвербило в одном месте, если вам будет угодно об этом узнать. Они интересуются, вы поедете с ними или прибудете позже?

Глаза шута кричали, что нам лучше поехать с ними. Да что там у них стряслось?

Угорь скучающе зевнул, небрежно прикрывая рот перчаткой, и кивнул.

— Увы, граф. Я вынужден покинуть ваш замечательный дом, пора отправляться. Вы же знаете, какой народ эти эльфы.

— Что ж, будете в Ранненге, непременно посетите меня и мой дом.

— Обязательно, и при первой возможности. — Угорь простился с графом.

Думаю, Балистан Паргайд даже не представляет, как скоро мы вновь нанесем визит в его владения.

Кли-кли скакал впереди нас, звеня колокольчиками и размахивая позаимствованным со стола бубликом.

— Дорогу самому талантливому шуту герцога Ганета Шадора! Дорогу!

Так он орал до тех пор, пока мы не вышли из зала.

— В чем дело, Кли-кли?

— Бледный вернулся.

Я заставил себя продолжать путь и не оглядываться по сторонам.

— Ты уверен?

— Еще как! Он и та дама в красном, от которой ты чуть слюни не пустил, полчаса назад приехали. Так вот куда уезжал Ролио! Он встречал Лафресу.

— Тогда мы очень вовремя покинули празднество.

— Ты нашел ключ?

— Да.

— Слава богам!

Наша карета стояла у входа, Миралисса и Эграсса уже сидели внутри. Дикие на лошадях составляли почетный кортеж.

Старуха-усталость, как всегда, пришла неожиданно. Я понял, насколько опасным было то, что я сделал, только когда уселся в карету.

— Гаррет, ты нашел ключ? — спросила Миралисса.

— Да, — ответил за меня Кли-кли. — Разве не видите, что он спит?

Я провалился в омут сна, прежде чем карета успела покинуть поместье графа Балистана Паргайда.

Глава 10

...И ключ решит, кому помочь

— Даже не думай, ты не пойдешь со мной! — прошипел я Кли-кли.

— Ничего подобного! Еще как пойду! — возразил мне шут.

— Я сказал, оставайся здесь!

— Гаррет, ты можешь меня оставить тут, но я все равно пойду за тобой! К тому же мой любимый медальон теперь на твоей шее. Будешь упрячиться, расстроюсь и отберу назад.

Я заскрежетал зубами и в который раз за последние пять минут посмотрел на стену, окружающую поместье Балистана Паргайда. Ночь. Тишина. Месяц и звезды скрылись за облаками, лишь два больших фонаря, висящие возле ворот, давали хоть какой-то обзор. Самый удобный расклад для таких, как я. Чем темнее, тем проще работать. Хотя когда рядом Кли-кли, про слова вроде «проще» следует забыть напрочь.

После того как мы побывали на приеме у графа в том самом поместье, возле стены которого я сейчас лежу на брюхе, прошли почти сутки. Самое время, чтобы проникнуть в особняк и забрать то, что нам принадлежит. Если честно, я хотел рискнуть и проникнуть во владения графа в ночь приема, но Миралисса настояла на том, что не стоит сгоряча совать руку в осиное гнездо. Даже мой довод о появлении Лафресы не помог. Эльфийка лишь усмехнулась и сказала, что узы порвать не так-то просто и посланнице Хозяина придется дожидаться благоприятного положения звезд.

Пока я вел светские разговоры с дворянами, остальные времени даром не теряли. Миралисса проверила дом на предмет магических сюрпризов и обнаружила, что на всех окнах второго этажа наложены защитные заклинания. Эграсса (как это ему удалось, не представляю!) достал подробный план дома, а Дикие, протащившие в поместье парочку бутылок хорошего вина из запасов мастера Квилда, разговорили пяток стражников и выведали не только расписание, но и маршруты патрулей. Так что сейчас я был во всеоружии. Осталось только залезть, взять ключ и уйти, пока его не хватились. Всего ничего, правда?

Итак, когда все было готово и я уже намеревался заняться делом, мне в попутчики навязались Элл, Эграсса, Маркауз, Угорь и Арнх. Конечно же я самым горячим образом возмутился против такой идеи. Мне еще не

хватало таскать за собой такой груз!

— А если тебя заметят? Кто тебя прикроет, Гаррет?

— Меня не заметят, — упрямо талдычил я им, но все было бесполезно, и эта пятерка отправилась вместе со мной, в то время как остальные спешно собирали вещи, чтобы если что, сразу же покинуть город.

Эльфы обрядились в свою походную темно-зеленую одежду, вымазали и без того смуглые физиономии темной дрянью и, перебросив за спину с'каши, взялись за луки. Алистан отложил в сторону меч из поющей стали, вооружился боевым топором, ранее принадлежащим Коту, облачился во все черное и вместе с Угрем и Арнхом, который напялил поверх своей любимой и неснимаемой кольчуги черную куртку, отправился защищать бедолагу Гаррета. Его милость как-то не заботил тот факт, что он по сути дела будет являться соучастником ограбления, что должно было опозорить порядочного дворянина на десять поколений вперед. (А вообще-то если задуматься, то позорить-то и не за что. Всем и так ясно, что дворяне воруют куда в больших размерах, чем обычные простолюдины.)

Эльфы двумя теньями залезли на стену и, натянув луки, замерли на ней, прикрывая Арнха, Угря и Маркауза, пока те перебирались через препятствие. Затем темные прыгнули в парк графа, и я остался в одиночестве. Эграсса попросил меня выждать пару минут перед тем, как они разведают местность (то бишь перережут всех, кто попадется под руку). Ну что же, если темные избавят меня от лишних патрулей, я плакать не буду.

Вот тут-то мне на голову и свалился Кли-кли. Уж не знаю, каким образом гоблину удалось ускользнуть от бдительной Миралиссы и не менее бдительного Дядьки, но факт остается фактом — сейчас шут лежал в кустах рядом со мной и упрямо доказывал, что без его помощи я пропаду. Отпущенные эльфом две минуты уже давно истекли, а я все еще спорил с Кли-кли.

— Ладно! — наконец сдался я. — Пойдешь со мной. Но только до дома! Если будешь шуметь и путаться под ногами, я собственноручно тебя пришибу!

Кли-кли согласно кивнул.

— Отстанешь, пеняй на себя, — предупредил я Кли-кли напоследок.

Я не стал дожидаться ответа, выскочил из кустов, подпрыгнул и кончиками пальцев зацепился за край стены. К счастью, никто из графских слуг не додумался рассыпать на самой стене битое стекло. В этом случае, меня не спасли бы даже перчатки. Да и как спасет тонко выделанная свиная кожа от острого стекла? К тому же пальцы на перчатках были обрезаны —

так удобнее работать с замками.

Я подтянулся, закинул правую ногу, забрался наверх, стараясь не напороться на фигурки-шипы. Чтобы не пораниться, пришлось раскинуть руки, балансировать на полусогнутых ногах.

— Гаррет, — заскулил внизу Кли-кли, отчаянно подпрыгивая, — не могу дотянуться!

Гоблин был слишком мал, чтобы достать до края стены. Меня так и подмывало оставить его внизу. Проблем было бы меньше, это точно!

Я скрипнул зубами от досады и принялся разматывать паутинку. Гоблину придется помочь, иначе Кли-кли мне такой свиньи не простит и закатит под стеной истерику.

— Держись за веревку, — прошипел я, спуская паутинку.

На стене рядом со мной появилась тень. Элл.

— Гаррет, чего ты копаешься?

— Гоблин на мою голову свалился! Кли-кли, перебирай ногами!

— Я переби-ра-ю! — пропыхтел гоблин. Естественно, у него ничего не получалось, и шут болтался из стороны в сторону, как мешок с камнями.

Я вцепился в веревку, одновременно пытаюсь сохранить равновесие на стене. Отклонение вправо или влево — и мне грозит встреча с шипами.

— Давай помогу. — Элл, невзирая на шипы, подвинулся ко мне и стал помогать вытаскивать гоблина.

Вот картинка! Две тени на стене пытаются втащить третью. На наше счастье, ни луны, ни звезд, ни зрителей, иначе бы были большие неприятности.

Наконец пыхтящий Кли-кли появился на стене.

— Что ты делаешь, гоблин? — Голос Эллы был далеко не дружелюбен.

— Разве не видно? Дышу свежим воздухом. И чего это они такие стены тут строят? Знал бы, ни за что не полез.

— Слезаем! Все разговоры потом, — сказал я, переступая шипы.

Пришлось повиснуть на руках, теперь уже с другой стороны стены, а затем разжать пальцы и приземлиться на траву. Я, конечно, мог спрыгнуть, как и Элл, но зачем? Зачем рисковать ногами без всякой нужды? Сломаешь что-нибудь ненароком, и привет! Кли-кли остался сопеть на стене.

— Кли-кли!

— Сейчас! — пискнул гоблин и рухнул на меня. Я вовремя успел вытянуть руки и поймать шута.

— А теперь объясняй, что ты здесь делаешь? — придвинулся Элл.

— Помогаю Гаррету. И не надо на меня так смотреть, дырку просверлишь!

— Он ведь все равно за тобой увяжется, а, вор? — Эльф задумчиво посмотрел на Кли-кли.

— Только до дома, — поспешил уверить Элла гоблин. — Что ты задумал?

— Связать тебя.

— Я королевский шут и не позволю, чтобы всякие клыкастые эльфы связывали меня веревками.

— Я теряю с вами время, — раздраженно бросил я. — Можете решать, что делать дальше, без меня!

— Хорошо, пускай идет с тобой. — У эльфа было два выхода из создавшейся ситуации. Или прирезать гоблина, или отпустить. Третьего не дано. — Учти, Кли-кли, если что, я самолично сдеру с тебя кожу.

— И все-то они грозятся... Понял тебя. Если что, так все!

— Удачи, Гаррет, мы будем поблизости.

— Что с патрулями, Элл?

Здесь, под кронами ночного парка, было очень темно, но мне показалось, что Элл усмехнулся.

— Троих мы сняли, так что западное крыло свободно. — Элл поднял с травы свой асимметричный лук.

Понял. Меньше стражников — меньше проблем. Сейчас мне надо было обежать поместье и подойти к окнам западного крыла. Именно к окнам, потому как центральный вход сегодня для меня заказан. Впрочем, как и другие входы-выходы в поместье. По словам Делера, распивавшего вино со стражниками графа, почти у каждой двери стоят караульные. Обычная практика у тех, кто опасается неожиданного нападения. Оставались окна, и только на заднем фасаде дома, потому как там ходит всего лишь один патруль и шанс быть обнаруженным несоизмеримо меньше, чем в другом месте. Проникнуть сразу же в восточное крыло здания не представлялось возможным — на окнах второго этажа этого крыла были решетки. Оставался только один вариант — попасть в дом через окна западного крыла, пройти по длинному коридору до балкона, выходящего в зал приемов, а оттуда по коридору с картинами до спальни герцога.

— Пора. Кли-кли, не отставай!

Сагот! Ну на кой я его с собой взял?!

В парке было темно, и мощные стволы деревьев вырастали перед нами черными силуэтами. Но вот показались огни дома. Факелы горели лишь около центрального входа в особняк. Тут же стояла четверка стражников. Точнее, стоял только один, трое других сидели на ступеньках и вели беседу.

О чем они разговаривали, я, не слышал — расстояние было слишком велико.

— Не спят, гады, — разочарованно зашипел Кли-кли.

— Работа у них такая.

— Да нет, я про тех, что в доме.

В окнах второго этажа горел свет. Не спят, а следовательно, у меня могут возникнуть проблемы. Неназываемый побрал бы этих полуночников!

— Куда теперь, Гаррет?

— Видишь во-он те деревца?

— Ну?

— До них, потом к стене здания и до окна.

— Нас же увидят!

— Меньше болтай и делай, как я, тогда не увидят. Впрочем, можешь оставаться в парке и дожидаться меня, я не возражаю.

— Думаю, я способен не привлекать к себе лишнего внимания, — тут же ответил шут.

Между парком и домом было пустое пространство метров сорок в длину. В основном зеленая постриженная травка и клумбы (а точнее, целые поля) роз. Я постарался пробежать это место как можно быстрее.

Вокруг нас властвовала тишина, лишь разыгравшийся ветер шумел в кронах деревьев. Ни криков птиц, ни песен сверчков. Нам с Кли-кли пришлось бежать прямо по клумбам, безжалостно давя каблуками кусты белых и желтых маленьких декоративных роз. Представляю, сколько проклятий завтра обрушит на наши головы садовник! Розы мстили, провожая меня одуряющим ароматом дешевых женских духов. Ненавижу розы!

Стена дома возникла внезапно, и я с облегчением прислонился к ней, переводя дух. Кли-кли пыхтел по соседству:

— Я и не знал, что работа вора такая тяжелая.

— И нервная. Не отставай!

Стена тянулась мимо нас по правую руку, я крался впереди, Кли-кли сразу за мной, едва не наступая на пятки. Как назло под стеной дома трава не росла. Чьей-то заботливой рукой здесь были насыпаны мелкие камни. Так что приходилось идти, как по сухому валежнику, — очень аккуратно.

Тьма вокруг была крошечной, как будто мы оказались глубоко под землей. Нас с Кли-кли сейчас, конечно, сложно разглядеть, но беда темноты в том, что и врага тоже не видно. Мы как раз дошли до угла здания, когда из темноты показался патруль стражников. Я остановился как вкопанный, и Кли-кли врезался мне в спину, удивленно ойкнув. В

следующие три секунды я успел сделать сразу несколько дел: накинуть на голову капюшон, зажать рот Кли-кли свободной рукой и постараться слиться со стеной в единое целое, благо мрака тут было на десять Неназываемых.

Кли-кли, надо отдать ему должное, даже не дернулся.

Трое стражей, переговариваясь между собой, медленно шли в нашу сторону. Все бы ничего, но у одного из них был факел. Через несколько секунд мы с гоблином будем как на ладони.

— А я ему говорю, чего ты дурня из себя строишь! Проиграл? Плати!

— А он?

— А чего он? Он за нож, ну я его и того...

— Смотри, Гарт, узнает начальник караула, кто Хрена пришил...

— Не узнает, если ты молчать будешь. Да я и не виноват! Зачем играть на боях медведей, если не можешь заплатить проигрыш?

— Хрен тоже хорош! Сам за нож схватился... Дураком был, дураком и умер! Ничего я никому не скажу. Не волнуйся.

— Спасибо, дружище, — проникновенно поблагодарил стражник.

Я стал медленно сползать по стенке, укрывая плащом и себя, и Кли-кли. Руку с физиономии гоблина пришлось убрать, иначе арбалет не зарядишь. Мой малыш оказался у меня в руках, и я, стараясь производить как можно меньше шума, потянул рычаг, взводящий тетивы, на себя. Едва слышный щелчок сказал мне, что болты встали в боевое положение. При добром расположении Сагота я успею заставить замолчать двоих, но остается третий, и у этого парня будет меч.

Стражники поравнялись с нашим ненадежным укрытием, и мой палец на спусковом крючке невольно напрягся.

— Прохладно нынешней ночью что-то, — пробурчал тот, что с факелом.

— Сейчас закончим обход и пойдем в караулку, у меня там припрятана бутылочка именно вот для такого случая.

— А если нас застукает Мейло?

— Не застукает, — беспечно отозвался стражник. Ребята протопали мимо и пошли своей дорогой. Ни один из них даже не посмотрел в нашу сторону. Действительно, какая опасность может поджидать со стороны стены?

— Мейло-то? Он родного папу застукает, не говоря уже о таком дурне, как ты!

— Чего-то тройки Клоса не видать.

— Клосу и его ребятам сегодня не повезло, Мейло отправил их в парк

охранять милорда графа от свирепых белок! — хохотнул факельщик.

— Им давно полагалось вернуться. Может, случилось чего?

— Конечно же случилось! Ты думаешь, что ты один такой умный? У Клоса, видать, тоже бутылочка под деревцем была припасена. Да не одна! Небось парни теперь до утра на травке подрыхнут.

Боюсь, что после знакомства с Эллом и Эграссой Клос с компанией больше никогда уже не проснутся.

— Пойдем поищем, что ли?

— А зачем? Охота тебе по темному парку шастать? Голоса стражников затихли в отдалении.

— Пронесло, — выдохнул Кли-кли. — Все стражники от рождения такие слепые или только эти?

— Когда как. Мы почти пришли.

Нам оставалось свернуть за угол и пробежать вдоль дальней стены здания до нужного окна. Я лег на землю и осторожно высунул нос из-за угла, проверяя — все ли чисто?

Никого.

На этой стороне дома не горело ни одного окна.

— Здесь.

Я достал паутинку и швырнул свободный конец веревки вверх, метя в балкон, нависший над нашими головами. Волшебная веревка-спутница без всяких там кошек или зацепов основательно прилипла к камню. Я для спокойствия собственной души подергал несколько раз, проверяя крепость моей путеводной ниточки в небеса. Не оторвешь! Я не зря потратил золотые на это чудо.

— Стой здесь, Кли-кли. Не шуми и не вздумай устраивать каких-нибудь фокусов! — Я ожег гоблина грозным взглядом.

— Да, Гаррет.

— И что бы ни случилось, не смей лезть за мной.

— Да, Гаррет.

— Если я не вернусь через час, найди Маркауза и убирайтесь отсюда.

— Да, Гаррет. — Маленький гоблин выглядел самым несчастным существом на Сиале.

— Я полез, если что случится, свистни, только тихо.

— Но, Гаррет, я не...

— Кли-кли, — раздраженно бросил я. — Просто сделай то, что я прошу.

— Хорошо, Гаррет, — смиренно согласился гоблин.

Я отстегнул застёжку, удерживающую плащ на плечах. Плащ хорош,

спору нет, он чернильно-черного цвета, как и вся моя одежда, но лазить в плаще по стенам, особенно высоким, дело неудобное и даже трудное.

— Гляди в оба, — дал я последние наставления шуту и дернул паутинку, отдавая ей приказ.

Веревка дрогнула и начала поднимать меня вверх. Мне оставалось только упираться ногами в стену и смотреть, как ко мне приближается балкон.

Где-то на половине дороги, в то время когда я находился между небом и землей, откуда-то снизу раздалось шипение то ли раскаленной сковородки, то ли умирающей от паралича змеюки. Пришлось остановиться и поглядеть вниз. Кли-кли засунул в рот почти все пальцы и теперь надувал щеки, пытаясь изобразить горниста.

— Ты чего? — с высоты зашипел я на него.

— Опасность! — Шут указал в ту сторону, откуда мы только что пришли.

По тропинке, кольцом окружающей весь дом, шел одинокий стражник. Вот уж не знаю, что он на свою голову тут искал, но точно не приключений. Парень, правда, смотрел себе под ноги, поэтому не видел торчащего прямо у него на пути Кли-кли.

Кли-кли заметался из стороны в сторону, не зная куда спрятаться, и я с досады заскрипел зубами.

— Ну где же она? — сплюнул стражник. Лица я его не разглядел, но голос был молодой.

Тут как назло страж оторвал свой взгляд от тропинки и увидел Кли-кли.

Я ГОВОРИЛ, ЧТО С ГОБЛИНОМ У МЕНЯ БУДУТ ПРОБЛЕМЫ!

— Эй! А ну стой! Ты что здесь делаешь?! — Рука стражника опустилась на эфес меча.

— Поди-ка сюда, — заговорщицки поманил Кли-кли стражника.

Сагот! Что делает этот идиот?!

Стражник, не убирая руки с меча и не спуская взгляда с Кли-кли, двинулся в сторону гоблина. Человека смутило то, что неприятель оказался крохотного роста и, уличенный в преступлении, не делал попыток убежать или выхватить оружие.

— Да иди, иди. Не кусаюсь я.

— Ба! Да ты же шут того герцога! — Стражник остановился прямо подо мной.

— Сам дурак! Ты чего пугаешь?

Я дернул паутинку и плавно стал спускаться вниз.

— Ты что здесь делаешь, маленький негодяй? Вот сейчас поймаю и уши надеру!

До башки этого дуралея было не больше одного метра.

Гоблин следил за моими чудесами эквилибристики одним глазом.

— Хочешь золотой? — Между пальцами шута заиграл желтый кругляшок.

Расчет Кли-кли оказался совершенно верным. Есть среди людей такие экземпляры, что, покажи им монетку, и они уже совершенно ничего не соображают.

— Хочу! — рявкнул парень.

Нисколько не удивлюсь, что в этот момент он отчаянно таращил глаза и всеми силами пытался уследить за монетой.

Я ударил его обеими ногами, целясь в затылок. На голове у него оказался полушлем, и удар вышел не таким уж сильным, но человеку этого вполне хватило. Он рухнул на колени, хватаясь за голову. Я разжал пальцы и упал на него сверху, срывая с головы съехавший шлем.

— Стукни его! — пискнул Кли-кли, прыгая на одном месте. — Стукни его!

— Какой ты... кровожадный... гоблин, — сплюнул я, убирая нож в ножны, прикрепленные двумя ремешками к правой ноге.

Парень оказался на удивление крепким. Мне пришлось два раза шарахнуть его круглым набалдашником рукояти ножа по затылку, да еще и добавить в висок для собственного успокоения. Только тогда стражник соизволил упасть и затихнуть.

Я развернулся к Кли-кли:

— Что это ты здесь устроил?

— Надо же было заговорить ему зубы, пока ты спускался, аки демон мщения.

— Я спрашиваю, почему ты не свистнул?

— Я не умею свистеть. Я же пытался тебе сказать, а ты даже не пожелал слушать! — оправдывался гоблин.

За моей спиной звякнуло. Я резко обернулся, но это был всего лишь Элл. Он как раз вытирал кинжал об одежду стражника. Мертвого стражника. Ибо не жилец тот, кому в сердце вогнали чуть ли не добрый метр холодной стали.

— Теперь не закричит. — Желтые глаза эльфа неодобрительно сверкнули. Дело надо доводить до конца, Гаррет.

— Заканчивай свои дела быстрее, вор. Время идет. — Из тьмы выступил Алистан Маркауз. — Кли-кли, с тобой я поговорю чуть позже.

Пойдешь с нами. Элл, бери тело за руки.

— Пойдите, — остановил я их. — Гоблин вас точно втянет в неприятности. С ним одна морока.

— А вот и не втяну! — обиделся Кли-кли. — Если бы не я, этот покойник тебя бы точно заметил.

— Слушай, шут, видишь вон те кусты? Они как раз напротив окна спальни графа. Спрячешься там, пока я тебя не позову. Я кину тебе ключ, и ты уберешься с ним как можно дальше. Элл, поможешь ему перебраться через стену.

— Хорошо.

Я подпрыгнул, схватился за конец веревки, и все началось с начала. Когда я перекинул ноги через перила и оказался на балконе, внизу уже никого не было — ни эльфа с графом, ни Кли-кли, ни тела покойника. Паутинка надежно угнездилась на своем привычном месте, у меня на поясе.

Балкончик был маленький, его создавали для красоты, тут едва ли могло поместиться два человека. Балконная дверь — застекленная ажурная деревянная решетка, казалась хрупкой и беззащитной преградой для таких ребят, как я. Но первое впечатление всегда обманчиво — от такой видимой беззащитности жди подвоха. К счастью, мне даже не придется гадать и тратить драгоценные пузырьки с заклятиями на обнаружение магии. Миралисса сказала, что на всех окнах второго этажа лежат защитные заклятия. Уж не знаю, как они работали, но того, кто ночью лез в дом с улицы, ожидал жгучий прием. Миралисса предложила создать рунное заклятие, чтобы я смог разрушить защиту, но я вежливо отказался. К рунной магии в последнее время у меня крайне негативное отношение. (С тех самых пор, как я прочитал один завалявшийся свиток рунной магии и прогнал всех демонов во тьму. Ну, или почти всех. Вухджааз и Щдуырук не в счет.) К тому же я не хотел испытывать на своей шкуре, что будет, если шаманством ударить по людской магии. Я также не мог рассчитывать на медальон Кли-кли — он нейтрализовал только шаманство, а не магию людей и светлых эльфов. Чтобы попасть в дом, мне придется воспользоваться собственными запасами.

Из маленькой зеленой сумки на поясе я выудил пузырек с черным, как окружающая меня ночь, порошком. Пробка чпокнула и осталась у меня в зубах. Я щедрым жестом сыпанул порошком прямо на дверь, закрыл пузырек пробкой и убрал ценную вещицу в сумку. С балконной дверью в это время ничего не происходило, и я уже начал подумывать, что на этот раз эльфийка ошиблась. Но нет, перед дверью, в тех местах, куда попал

черный порошок, появились пятна. Появились прямо в воздухе! Возникало ощущение, будто кто-то поднес свечку к листу бумаги. Вначале появились пятна, затем они слились между собой, разрослись и, мигнув, исчезли. Тихий щелчок. Все. По крайней мере, перед этой дверью мне теперь ничего не грозит.

Как я и думал, дверь заперта. Люди почему-то не горят желанием видеть меня в своих жилищах. И что я им такого сделал?

Я ухмыльнулся только мне понятной шутке. Сам шучу, сам смеюсь. Ха-ха, уважаемые господа!

Замок я открыл за несколько секунд. То, что поставили на эту дверь, даже не имело морального права называться гордым словом «замок». Так, мелочь. Я приоткрыл дверь, раздвинул руками воздушные занавески и скользнул внутрь дома графа Балистана Паргайда.

Темно, хоть глаза выколи! Куда это я попал? Надеюсь, что не в спальню старой девы, иначе крику не оберешься.

М-да... Начинается, подобные фразочки из меня так и лезут, когда я слишком сильно нервничаю...

Пол в комнате был покрыт ковром, так что шуму от меня было немного. Из-под двери, ведущей в коридор, пробивалась тоненькая полоска света. Глаза уже успели привыкнуть к темноте, и я получил более-менее приличный обзор. Я попал в комнату больших размеров со стеллажами, стоящими вдоль стен. Библиотека. Будь я здесь в другое время и по другому делу, обязательно проверил бы парочку стеллажей. Граф любит старину, поэтому не удивлюсь, если здесь могут оказаться книги начала Эпохи Сна, а то и Эпохи Свершений. По дороге к двери пришлось обогнуть столик, черным пятном выделяющийся на темно-сером фоне неосвещенной комнаты.

Тяжелая двустворчатая дверь библиотеки легко поддалась. Я выглянул в коридор. Пусто. Ну и правильно, в такое время самое лучшее занятие — это сон. На мою беду, какой-то старательный гад зажег масляные фонари. Они висели перед каждой дверью, и маленькие язычки пламени трепетали под стеклянными колпаками. — Теперь предстояло самое сложное — пройти весь коридор этого крыла, проскользнуть через несколько комнат, оказаться в коридоре возле балкона над залом приемов и по коридору с портретами попасть в спальню Балистана Паргайда. Затем оставалось сделать то, зачем я сюда пришел, и вернуться назад тем же путем.

Я постарался проскочить коридор как можно быстрее. Густой ворс ковра заглушал мои шаги, и не стоило опасаться, что меня кто-то услышит. Двери по правую и левую руку были заперты, из комнат не раздавалось ни

звука. Один раз я проскочил перекресток, где пересекались два коридора. Другой коридор, насколько я помнил, вел в крыло слуг и подвальные помещения. Света здесь было намного меньше, и я даже на миг хотел свернуть туда. Но путь по нему был намного длиннее, а мне не стоило задерживаться в доме больше, чем это требовалось.

Ага. Вот и нужная дверь. Я надавил на бронзовую ручку, но дверь не поддалась. Пришлось доставать отмычки и шуровать в замке, нащупывая пружину. Сказать, что я чувствовал себя неудобно, — значит не сказать ничего. Ковыряться в замке в то время, когда вокруг горят фонари и любой лунатик может увидеть тебя с другого конца коридора, — дело неблагодарное.

— Ай! Не говори глуп-постей! Я, ка-ажется, говорил, что... ик! Да... — раздалось из-за двери напротив.

— Ты пьян, О'лак, куда ты собрался?

— От... от-тлить, дурья твоя б-башка! Или ты предп-почитаешь... ик! Предпоч... тьфу! Ты хочешь, чтоб-бы я прямо тут... да?

Замок щелкнул, я ввалился в комнату и захлопнул дверь, прежде чем пьяница успел открыть свою. Я приложил ухо к двери, прислушиваясь к тому, что сейчас творится в коридоре. Человек вышел из комнаты и неровной походкой пошел прочь. Я почти сразу же перестал слышать его шаги — ковер заглушал все звуки.

Я находился в одной из множества комнат, находящихся в этом крыле. Комната для гостей. На великое воровское счастье, она оказалась пустой. Мне оставалось только подойти к балконной двери, открыть ее и оказаться на балконе, что я и сделал.

Было достаточно всего лишь одного взгляда, чтобы оценить обстановку и отпрянуть назад, в спасительную темноту. Как и было указано на плане, из этой комнаты балкон выходил во внутренний двор особняка графа. Если кто до сих пор еще не понял, особняк графа был построен в виде квадрата с маленьким внутренним двориком, в который вели двери первого этажа. Здесь был фонтан и пяток хлипких деревьев, их ветки едва доставали до уровня второго этажа. Под одним из деревьев сидел человек и курил трубку. Только благодаря огоньку я и смог сразу заметить стражника.

До сего момента мой план был очень прост: спуститься по паутинке во внутренний дворик, добежать до стены противоположного крыла и, взобравшись по веревке на балкон, оказаться в приятной близости от ключа. Теперь же проклятый стражник все мои труды мог свести на нет, он смотрел прямо в мою сторону, и, спустись я по веревке, вне всякого сомнения, даже несмотря на ночь, охранник меня заметит. Возвращаться же

назад и бегать по коридорам дело неблагоприятное и опасное, в любой момент могут застукать.

Оставалось одно — ждать. Длины паутинки все равно бы не хватило, чтобы достать до противоположной стены. Всадить в курильщика болт? В принципе можно, но я не был уверен, что в такой темноте смогу попасть ему точно в шею. Промахнусь — так он чего доброго будет орать, как боров под ножом мясника, весь дом перебудит. Я уселся прямо на пол и сквозь занавески принялся наблюдать, как вспыхивает во время затяжек огонек в трубке. Сагот, вот уж никогда не думал, что выкурить трубку — такое долгое дело. Наконец стражник встал, выбил трубку о ствол дерева, взвалил махину-арбалет на плечо и потопал к выходу из дворика. Я вздохнул с облегчением, но, как оказалось, радовался рано. Страж, не дойдя до двери, резко развернулся, пошел вдоль стены, опять развернулся... Патрулирует, собака! Не люблю я излишне усердных стражей — от них одна головная боль. Этот парень был из их числа.

Скрипеть зубами не имело смысла — так зубов не напасешься. Я вновь сел на пол и принялся считать шаги охранника. Шесть... Десять... Пятнадцать... Пять... Одиннадцать... Двадцать два...

Времени у меня мало, всего ничего, но рискнуть стоило. Я дождался, когда страж повернется ко мне спиной, и выскочил на балкон.

Паутинка прилипла, и я, перекинув себя через перила, спрыгнул с балкона, держась обеими руками за веревку.

Восемь...

Пожалуй, это был мой самый быстрый спуск по веревке. Не будь у меня на руках перчаток, содрал бы не только кожу, но и мясо. Но даже перчатки не могли спасти меня — ладони как будто обожгло огнем.

Десять...

Я потянул веревку на себя, и она, отлипнув от балкона, упала и тут же свернулась в моток.

Тринадцать...

Я прыгнул вперед. Там, под стволом хлипкой и чахлой дикой яблони, мрак был особенно густым.

Пятнадцать...

Стражник развернулся и пошел в мою сторону. Иди родной, иди. Ты не заметишь меня до тех пор, пока не наступишь. Охранник вновь отвернулся, и я, короткими перебежками, из тени в тень начал подбираться к нему. Наконец я оказался за спиной безостановочно шагающего как механическая игрушка стражника и приложил его рукоятью ножа по затылку. Парень изумленно хрюкнул и стал заваливаться на спину. Я

подхватил его и усадил на траву, прислонив спиной к стволу дерева. Арбалет его я на всякий случай разрядил и бросил болт в фонтан, затем немного подумал и отправил туда же сумку с еще девятью болтами. Арбалет я положил парню на колени и, отойдя, оценил проведенную работу. Сойдет, издали он был вполне похож на уснувшего. Очень рассчитываю, что охранник «проспит» до утра.

Залезть с помощью паутины на нужный балкон было делом одной минуты. Дверь здесь была приоткрыта, и небольшой сквознячок играл с белыми воздушными занавесками. Я сделал шаг в комнату, пригнулся и стал ждать, когда глаза привыкнут к темноте.

В комнате кто-то был, это несомненно, иначе отчего я слышу чье-то умиротворенное сопение? Постепенно из мрака выступила кровать у дальней стены. Чтобы выйти из комнаты, мне придется пройти мимо кровати. Я почти дошел до двери, когда под ногами скрипнула половица. Я остановился, сморщившись, как от зубной боли. Человек повернулся на другой бок и вновь засопел. Еще один шаг, и вновь скрип половицы.

На кровати нерешительно тявкнули. От неожиданности я едва не подпрыгнул. Собака? Как бы отвечая мне, тявканье повторилось.

— Что такое, Тоббиандр? — раздался сонный голос. Графиня Рантер! Вот в чью спальню меня угораздило ввалиться!

— Р-р-рав? Рав!

— Что там? Крысы?

Графиня привстала, слепо вглядываясь во мрак, но с кровати слезть не решилась. На мое счастье, ее проклятая псина тоже не отличалась храбростью и не спешила вонзить в меня зубы.

— Это все мерзкий граф, мой масенький! Говорила я ему, что крыс боюсь, а его люди поселили нас в такую комнату. Тут даже пол скрипит, чего уж говорить о крысах!

— Р-р-рав! — подтвердил Тоббиандр.

— Давай спать, мой хороший. Премерзкие крысы до нас не доберутся!

Тоббиандр для собственного успокоения еще раз тявкнул и затих. Мне пришлось отстоять все ноги, прежде чем я дождался сопения графини.

Постаравшись как можно тише покинуть комнату, я вышел в коридор, являющийся точной копией того, по которому совсем недавно проходил мой путь. Тот же ковер, то же освещение и та же пустота.

Я двинулся вперед, останавливаясь через каждые два метра и вслушиваясь в тишину. Дверь справа от меня была приоткрыта.

— А кто она?

— Помолчи. Некоторые вопросы могут довести до могилы.

Бледный!

— Я всего лишь спросил...

— А я всего лишь дал совет — поменьше болтай языком. Ты же знаешь, граф любит укорачивать слишком длинные языки. Да и не знаю я, кто она. Мне сказали встретить, я и встретил, остальное меня не касается.

— Ладно, ладно, Ролио. Забыли! Плеснуть винца?

— Нет. И прекрати курить эту дрянь, голова раскалывается!

— Да что ты заводишься-то? — Голос у человека был обиженный.

— Меня беспокоит эта баба...

Я осторожно снял стеклянный колпак с фонаря возле двери и погасил фитиль. Участок коридора погрузился в полумрак. Теперь из комнаты меня уже не увидят.

Я заглянул в дверную щель, и в нос мне ударил слабый запах красавки.

Бледный и еще один, тот, который курил, сидели за столом и кидали кости. Перед каждым высилась горстка разномастных монет. Ролио сидел ко мне спиной. Меня так и подмывало всадить ему болт промеж лопаток и враз избавить свою голову от возможных проблем.

— Прости меня, Ролио, но не о том ты, по-моему, беспокоишься. Тебе Заказ надо выполнять. Парень до сих пор еще на ногах, а уже больше месяца прошло.

— Ты занимайся своими делами, а я займусь своими! — прорычал Бледный.

Послышались шаги, парень, идущий сюда, топал, как во время парада на Парадной площади, так что я услышал его еще задолго до того, как он появился в коридоре. Отскочив от двери, я отчаянно озирался, ища, куда бы спрятаться.

— Ты чего? — послышался удивленный голос курильщика.

— Там кто-то есть.

— Где?!

— За дверью.

Я услышал, как отодвигается стул. В семи метрах впереди в коридоре были ниши, где стояли огромные, в человеческий рост, вазы с цветами. В нишах властвовала полутьма, и я бросился к ним, надеясь спрятаться за одной из ваз. Между вазой и стеной расстояние было совсем маленькое, и поместился я там с большим трудом. Отодвигать вазу вперед я попросту не рискнул, опасаясь, что она опрокинется.

Мимо меня по коридору прошел человек. Его изрядно качало, будто он шел не по полу, а по палубе попавшего в шторм корабля. Иначе говоря, парень был изрядно пьян. Он едва не налетел на Бледного, когда тот с

метательной звездой в руке выскочил в коридор.

— Идиот! — рывкнул Бледный с презрительной гримасой, отталкивая от себя человека. Человек рухнул на пол:

— С-спаси-бо.

— Вот видишь, Ролио, никто нас не подслушивал, — сказал Бледному напарник по игре в кости.

— Я-я не подсс-лушивал, да. Чес-с слово! Я заа-блу-дилсся!

— Заткнись!

Бледный бешеным взором оглядел коридор, вертя в руках звездочку, а затем нехотя убрал оружие за пояс:

— Пошли, Клоп. А ты иди спать!

— С-спасибо.

Бледный зло хлопнул дверью, оставив пьяницу на ковре. А нервишки-то у Ролио пошаливают — вот что значит невыполненный Заказ!

Я выскользнул из своего укрытия, пьяный пытался подняться с пола, и до меня ему не было никакого дела. Думаю, затей я вокруг него шаманскую пляску с песнями под бой бубна, он бы и то не понял, что здесь происходит.

Коридор кончился, я вышел на памятный мне балкон над залом приемов. Сейчас, без музыки, снующих слуг и разодетых в шелка дворян, зал казался пустым и холодным. Даже стражников у выхода нет. Ни свеч, ни факелов, ни фонарей. Тьма и спокойствие, лишь квадраты света от окон на полу. В высокие аркообразные окна заглядывал выбравшийся из-за облаков месяц.

Ковер кончился, пол на балконе и в коридоре был мраморным. К счастью, это обычный темно-красный с прожилками мрамор, а не исилийская "поющая" мраморная плитка.

Вновь я ощутил щекотку в животе и призывы ключа.

В коридоре с портретами горели редкие фонари, и тени разгулялись по стенам, играя друг с другом в пятнашки. Странно... Граф не любит света? Предки Балистана Паргайда смотрели на меня с портретов, и в их глазах я что-то не замечал дружелюбной насмешки. Как бы это странно ни звучало, но люди, изображенные на картинах, смотрели на чужака грозными взглядами.

На миг меня пронзил суеверный страх — я слышал сказку Фора, которую он рассказал мне еще в далеком детстве. Сказку о том, как люди с картин ожили и убили вора. Чушь! Суеверная чушь, и ничего больше. Я бросил быстрый взгляд на Суовика Паргайда и отвернулся. Сагот! Кем бы ни был художник, написавший портрет, этот сукин сын был явно талантлив! Не удивлюсь, что Суовик сейчас вывалится из картины прямо

на пол.

— Я здесь! Я тут! Узы зовут! — пел мне ключ.

Перед дверью спальни графа караула не было. Еще одна странность. Обычно высокородные любят ставить перед спальней парочку охранников, чтобы они защищали их беспокойные сны. Спрашивается, для кого я приготовил сонное заклятие?

Я достал отмычки, вставил одну из них в замочную скважину, повернул... Не заперто. Дверь прикрыта, но не заперта! Я толкнул ее от себя, ожидая увидеть в спальне все что угодно, вплоть до мертвого Балистана Паргайда с разорванным горлом (как некстати вспомнился покойник кронгерцог Патийский и Посланник, отправивший кузена короля во тьму).

Но нет, спальня оказалось совершенно пустой. Возле стены, занимая большую часть комнаты, стояла огромная кровать. Всем кроватям кровать! У окна маленький стол, на нем горящая свеча, рядом с ней массивная шкатулка. Граф любит поделки огров, и эта шкатулка не была исключением. Она оказалась сделанной из такого же темного металла, как браслет, подаренный Балистану Паргайду. Полустершиеся руны, изображения каких-то диковинных тварей, то ли животные, то ли кое-что похуже... Но не в шкатулке сейчас было дело, а в том, что в ней лежало. Ключ звал, и я как загипнотизированный сделал шаг в его сторону.

— Я здесь! Скорей! Бери! Узы зовут! Идем!

Шаги, раздавшиеся в коридоре, разрушили морок. Кто-то сюда шел, а я даже не закрыл за собой дверь!

Спрятаться в комнате было негде, на окнах решетки... Кровать! Я достал из-за спины арбалет и юркнул под кровать, надеясь, что идущий по коридору пройдет мимо комнаты и не обратит внимания на открытую дверь. Под кроватью было тесновато, но отсюда я мог видеть всю комнату. Пыли здесь не было, и угроза начать чихать в самый неподходящий для этого момент мне не страшна.

Из-под кровати я прекрасно видел, как в комнату вошел человек. Женщина. Ее ноги были обуты в туфельки красного цвета. Женщина прошла через всю комнату и остановилась возле столика со шкатулкой. В ноздри мне ударил аромат спелой клубники. Лафреса!

В коридоре вновь раздались шаги, и спустя несколько мгновений в спальню вошли высокие мягкие сапоги. Да-да, именно так, по крайней мере для меня. Красные туфельки, высокие мягкие сапоги — вот все, что я мог увидеть из своего убежища.

— Пора?

Я узнал голос графа.

— Да, звезды нам благоприятствуют. Как открывается эта шкатулка?

Граф подошел к столику, раздался музыкальный звон, затем несколько быстрых щелчков.

— Прошу вас, леди Йена.

— Не называйте меня леди, граф.

— Как вам будет угодно, ле...

— Лафреса. Так меня называет Хозяин.

— О! — понимающе окнул граф.

— Спаси! Скорей! Берут! Спаси! — Вопль ключа взорвался у меня в голове, и на мгновение в глазах стало абсолютно темно.

Ничего я не могу сделать, будь у меня хоть сотня арбалетов! Не думаю, что обычный арбалетный болт причинит Лафресе хоть какой-то вред. Оставалось только ждать и молиться богам.

— Граф, отойдите, я должна сосредоточиться.

Лафреса запела на незнакомом мне языке, и новые крики ключа зазвучали у меня в ушах. Ноги в красных туфельках отбивали странный и завораживающий ритм, который переплетался с тихой песней Лафресы и ртутным мороком растекался по замершей в ожидании комнате.

— Спаси! Не хочу! Наши узы крепки!

Боль в ушах была невыносимой, я сжал руками виски, но это нисколько не помогало.

Песнь Лафресы становилась все громче и громче, ее слова вплетались в музыку магии, звучали и гремели над моей головой. Я всем телом ощущал, как трещат узы, которыми связала меня с ключом Миралисса. Мне как будто дробили молотком пальцы.

— Наши узы крепки!

— Наши узы крепки, — как зачарованный, шепнул я.

— Крепки... — Мне послышался облегченный вздох.

Боль немного отступила, но стоило Лафресе повысить голос, и пальцы вновь заломило, а в уши как будто налили жидкого свинца.

— Наши узы крепки, — вновь шепнул я.

— Граф! Мне нужна кровь, я не справляюсь! — рывкнула Лафреса между завываниями.

Раскаленный огонь пролился мне на пальцы, но я уже знал, что делать. Они не могут порвать узы, пока я рядом. Ключ — это бессловесное и неживое, но в то же время разумное создание — на моей стороне.

С Клубникой встретится он в ночь,

И ключ решит, кому помочь...

Кажется, так звучала часть пророчества моего лучшего друга Кли-кли? Если честно, я рад, что ключ на моей стороне.

— Наши узы крепки, наши узы крепки, наши узы крепки, наши узы крепки, крепки, крепки, крепки, крепки, крепки...

Как тебе такая магия, Лафреса? Нравится?!

Пение прекратилось так же неожиданно, как началось, — сейчас было слышно лишь тяжелое дыхание Лафресы.

— В чем дело, лед... Лафреса? — Сейчас голос у графа походил на голос вороны — каркающий и противный.

— Не знаю, — обессиленно ответила она. — Эта дилетантка наложила на ключ такие узы, что я не могу с ними справиться. Граф, тот человек, что встречал меня, еще здесь?

— Вы о Ролио? Да, он пока здесь.

— Помнится, Игрок дал ему задание избавиться от конкретного человека, или я ошибаюсь?

— Совершенно верно.

— Пусть он сделает это немедленно — ключ сопротивляется мне, он чувствует близости связанного с ним. Пусть ваш человек избавится от помехи, и я попробую еще раз.

— Я немедленно распоряжусь...

— Пойдите! Помогите мне дойти до комнаты... Ключ забрал все силы...

— Вашу руку, миледи.

— Я же просила не называть меня леди! Впрочем, прошу прощения, граф. Я слишком сильно устала, чтобы оставаться вежливой.

Я вслушивался в отдаляющиеся шаги, а затем еще несколько минут переживал, чтобы полностью убедиться в отсутствии возможных неприятностей.

Тихо как в могиле. Я выполз из-под кровати, снял арбалет с взвода и убрал оружие обратно за спину. Сегодняшней ночью я счастливо отделался, но надо поторапливаться, Лафреса может вернуться в любой момент. Да и Бледного спустили с поводка, и теперь придется держать ухо востро и спать с ножом под подушкой.

Свеча, стоявшая на столе, прогорела наполовину, а шкатулка оказалась закрытой. Как бы ни вымотало шаманство Лафресу, служанка Хозяина не забывала о бдительности и захлопнула крышку, да, наверное, еще и магии добавила... Вероятность того, что на шкатулке печать волшебства людей или светлых эльфов, а не шаманства, — ничтожно мала, но не буду рисковать и проведу маленькую проверку. Я распахнул окно спальни и

выглянул наружу. Кусты под окном были недвижимы, и приходилось надеяться, что Кли-кли все еще прячется где-то там. Ветерок тут же задул свечу. Ну и тьма с ней! Благодаря ярко сияющему месяцу, в комнате и так достаточно светло. Добыв из сумки нужный пузырек, я уронил капельку на крышку шкатулки. Капелька упала, растеклась и осталась недвижимой. Волшебство людей здесь отсутствует напрочь, иначе капелька просто исчезла бы. Тут или шаманство, или вообще ничего... Буду надеяться на медальон Кли-кли.

Я облизал враз пересохшие губы и потянулся к шкатулке. Это все равно что брать руками угли или ядовитую змеюку... Страшно. А вдруг медальон гоблина, защищающий от заклятий шаманства, не сработает?

Ничего. Никакого эффекта. Ни грома, ни молний, ни гласа богов. Шкатулка казалась абсолютно нормальной, никакой магии. Неужели я ошибся в Лафресе?

Замочной скважины на шкатулке я не увидел, но крышка упорно не поддавалась. Шкатулка оказалась с секретом, эдак я могу провозиться до скончания веков, уж лучше взять ее с собой. Я попробовал поднять шкатулку, но лишь изумленно охнул. Тяжелая! Настолько тяжелая, что я едва смог приподнять ее над столом.

Тащить такую тяжесть через весь дом себе дороже. Я ощупал все выступы и неровности, надеясь обнаружить скрытую пружину, но крышка шкатулки осталась недвижимой. Припоминаю, что, когда шкатулку открывал граф, раздавалось несколько щелчков. Значит ли это, что шкатулка активируется сразу двумя, а то и тремя пружинами? Вполне вероятно. Я изменил тактику, зажал одним пальцем фигурку полуптицы-полумедведя, вторым пальцем череп в ногах этой твари и поддел ногтем крышку шкатулки. Бесполезно...

Хм-м... А что издавало музыку, прежде чем Балистан Паргайд отомкнул замок, позвольте спросить? Пришлось повторно и очень внимательно осмотреть стальной ящичек. Так и есть, на крышке выбита арфа, а во рту у полуптицы-полумедведя флейта. А ну-ка попробуем... Есть!

Флейта и арфа одновременно сместились внутрь, шкатулка тихонько тренькнула, несколько раз щелкнула, и крышка приглашающе распахнулась, предлагая насладиться тем, что она охраняла. На черном бархате лежал ключ. Тонкий, сотканный из хрустальной паутины и ледяных снов, он, казалось, должен был сломаться даже от горячего дыхания. Но это не так, слеза дракона, из которого сделан ключ, отступает только перед магией и алмазными резцами, которые должны действовать одновременно

и очень умело.

Я протянул руку к ключу, и тут медальон Кли-кли обжег холодом мою кожу. Вокруг ключа вспыхнуло марево желтизны и тут же погасло, оставив в моих глазах разноцветные круги от вспышки. Спасибо безделушке гоблина, если бы не найденный им медальон, даже не хочу думать, что со мной могло случиться.

Я взял ключ и сжал его в кулаке.

— Наши узы крепки, — шепнул мне ключ напоследок и затих.

Все, пора убираться из гостеприимного дома графа!

За моей спиной угрожающе зарычали. Я, стараясь не делать резких движений, повернулся в сторону двери, желая рассмотреть вновь прибывшего.

Собака. Большая. Очень. Здоровенный пес имперской породы. Размерами он превышал всех виденных мною до этого шавок — здоровенные лапы, огромная голова, обрубленный хвостяра, торчащие уши, гладкая и короткая шерсть... Зубы... Пес был светло-рыжим, с черной мордой и лапами. Зверь был напряжен, как взведенный арбалет, шерсть на загривке стояла дыбом... В горле у зверюги угрожающе клочкотало. Такой пес не залает и не позовет хозяина, он все сделает сам.

Я смотрел на пса, он смотрел на меня. Все так же стараясь не делать резких движений, я отошел к окну, но дальше путь был перекрыт — на окнах решетка. Выйти отсюда я мог только через дверь. Придется убить собаку, иначе отсюда не выбраться. Я потянулся за арбалетом. Пес взорвался ураганом клыков и злобно сверкающих глаз. В считанное мгновение зверюга преодолела разделяющие нас метры и замерла в одном сантиметре от самого дорогого, что у меня есть. Пес приподнял верхнюю губу, показывая мне коллекцию своих внушительных зубов. Нашел чем хвалиться, гад!

— Хорошо, хорошо! — заверещал я, показывая собаке пустые руки. Ничего нет! Ты чего подумал-то?! У меня просто спина зачесалась!

— Угу, как же! Так я тебе и поверил! — говорили колючие глаза собаки.

Пес еще раз угрожающе рыкнул, клацнул передо мной зубами и, пятясь, отошел на метр.

— И что теперь?

— Это ты мне скажи! — Клянусь Саготом, он это подумал!

— Слушай, я сюда попал по ошибке. Я, может, пойду, а? — Я чувствовал себя полным идиотом, разговаривая с собакой.

Пес наклонил голову, изучающе посмотрел на меня и вывалил розовый

язык.

— Нашел дурака.

Я решил подойти с другой стороны:

— Хор-роший пес! Просто замечательный! Такой кр-расивый!

Зверь убрал язык, сузил глаза и подозрительно посмотрел на меня, ощущая подвох в моих словах. Псина легла на пол и положила голову на передние лапы. Мол, послушаем, что еще тут расскажет этот двуногий.

— Ах, какой пес! — продолжал улещивать я его. В глазах у собаки застыла невероятная скука. — Отпусти меня, а?

Пес фыркнул. Он не собирается рвать меня на клочки, хотя для него это раз плюнуть. Зверюга решил дождаться, когда в комнату заглянет хозяин и меня возьмут с поличным. Так... Чем мы располагаем?

Ничем. До арбалета не дотянешься, эта проклятая тьмой собака ученая, думаю, попробуй я схватиться за нож — пес расстроится и отхватит у меня чего-нибудь. Что остается? Есть у меня в сумке несколько боевых заклятий, припасенных на самый крайний случай, стоит рискнуть.

Мою попытку залезть в сумку пес встретил угрожающим рычанием.

— Да я ничего! — Я поспешно отдернул руку от сумки. — Слушай, пес! Ну зачем я тебе?! Давай я тебе косточку принесу!

Зверь лишь зевнул в ответ. Что же делать-то? Я уперся спиной в подоконник и прошипел в окно:

— Кли-кли! Кли-кли!!

— Да! — пискнули снизу. — Чего так долго?!

— У меня проблемы!

— О! — донеслось до меня. — Какие?

— Собака!

— Так они вроде друзья человека?

Издавается он, что ли?

— Только она об этом не знает!

— Так избавься от нее!

Пес с интересом прислушивался к доносящемуся из окна писку, склоняя голову то вправо, то влево.

— Я даже руки не могу поднять! Ищи эльфов, пусть помогут!

— Где я их сейчас буду искать? Впрочем, никуда не уходи! Я скоро!

Как он там сказал? "Никуда не уходи"? Да, думаю, я последую его бесценному совету.

Шута не было долго. Очень долго. Пес откровенно скучал, дожидаясь, когда кто-нибудь придет и похвалит его за пойманную добычу. Я тихонько исходил потом. Когда в дверном проеме появилась низкорослая фигурка, с

головы до пят укутанная в черный плащ, сердце мое ухнуло куда-то вниз. Я уж подумал, что пришла стража.

— М-да, а он здоровый, — опасливо произнес Кли-кли, не спеша приближаться к зверюге.

Пес подскочил и, угрожающе рыча, отпрянул в сторону, стараясь одновременно уследить и за мной, и за гоблином.

— Где Эграсса и Элл?

— Я их не нашел. Милый песик!

Пес зарычал еще сильнее. Видно, его в жизни еще так не оскорбляли. У меня бы язык не повернулся назвать это «песиком», а уж тем более «милым». Все же странный народ эти гоблины!

— Ты смерти моей хочешь? Не зли его! Если ты их не нашел, то где же ты шастал?

— Я не шастал, я выручал тебя из неприятностей, — обиделся шут. Сейчас мы ему устроим.

Пес насторожился и на всякий случай показал нам зубы. Кли-кли на это лишь улыбнулся и достал из-за спины то, что он там держал.

Кошка! Или кот? Толстый, рыжий, откормленный, как боров! Где гoblin умудрился его добыть?

Кли-кли разжал руки, и кот шлепнулся на пол. По-моему, он еще не понял, что в его кошачьей жизни настал неприятный момент. Пес взвыл, будто призрак, увидевший изгоняющего духов, и ринулся к своей законной добыче.

Может, кот и не рос на улице (он был слишком откормлен и ухожен для этого), но дураком он не был — это уж точно! Рыжий взял когти в лапы и задал отчаянного стрекача, бросившись из комнаты с потрясающей для такой комплекции скоростью. Пес отставал от кота всего лишь на несколько шагов.

— Где ты его взял? — ошеломленно выдохнул я. Шут хитро улыбнулся:

— На графской кухне, конечно же! Видал, какой откормленный?

— Угу, — тупо ответил я, все еще не веря, что дурацкая затея сталконовского шута увенчалась успехом.

— Чего угу? Ключ у тебя? Так какой же тьмы ты тут глазами хлопаешь? Хочешь дождаться, когда пес доест кошака и вернется за нами? Уходим!

Мы выскользнули в коридор, промчались мимо картин, вылетели в зал, а оттуда в следующий коридор.

— Тс-с. — Я приложил палец к губам. Кли-кли кивнул и на цыпочках

стал пробираться вперед. Возле ваз, где я до этого прятался, мы остановились.

— Куда дальше, Гаррет?

Я напряженно думал. Тот путь, что был проделан мной в одиночку, никак не годится для двоих. К тому же через комнату графини с собакой. Лезть через соседние комнаты тоже не стоило, а то вместо доброй старушенции нарвешься на свирепого барона с мечом, который церемониться не станет и как пить дать попытается проткнуть тебя.

— Кли-кли, как ты попал в дом? — осенило меня.

— Через подвальное окошко. — Гоблин состроил кислую рожицу. — Ты слишком большой, чтобы через него пролезть. Но я могу разрубить тебя на кусочки и просунуть...

— Кли-кли, сейчас не время для шуток.

— Как раз самое что ни на есть время. Но если не желаешь сказать хотя бы вежливое «ха-ха», то и не надо! Можем попробовать через кухню.

— Кухню? — Плана первого этажа у меня не было, сориентировался я смутно.

— Это там, где готовят, — благожелательно пояснил мне Кли-кли. Чувствую, что сегодня гоблин решил отыгаться на мне за все те беды, что люди успели за века принести его племени. — Да, через кухню, она прямо по дороге к подвалу.

— Веди.

Дверь, где раньше сидел Бледный и тот, другой парень, была открыта настежь. Комната пуста, лишь слабый запах красавки.

Бледный уже получил приказ искать Гаррета...

Кли-кли привел меня на лесенку, которая вела на первый этаж. По ней мы спустились в крыло слуг. Стены тут были серые и не такие ухоженные, как на втором этаже. Никакого намека на богатую обстановку. Ни картин, ни ковров, ни статуй и ваз в нишах. Даже масляные фонари здесь были заменены на обычные факелы, коптившие стены.

— Куда теперь?

— Направо, — шепнул шут.

За дверью кухни гремела посуда и слышались разговоры.

— Там кто-то есть, — сказал я и так всем очевидную вещь.

— Уж мне ли этого не знать? Ты думаешь, легко было свистнуть кота у толстой кухарки?

Как же я сам не подумал о том, что кухня будет работать? Повара в таких домах обычно вообще не ложатся спать. Кто-то поддерживает огонь в очаге, кто-то решает, какой снедью потчевать Балистана Паргайда

нынешним утром, кто-то готовит для гостей... Со всей беготней я напрочь забыл об этом.

— Так какой же тьмы ты меня сюда привел?

— Ты попросил, вот я и привел. Да не смотри ты на меня так, Танцующий в тенях! Будто я не знаю, что в сумке у тебя три флакона усыпляющей дряни! Или ты все жмотничаешь и экономишь? Смотри, протаскаешь пузыри и в Авендум увезешь!

Слабость Кли-кли — пошарить по чужим сумкам, пока хозяева отсутствуют. Так что неудивительно, что гоблин знает о содержимом моей сумки.

Пришлось позвенеть бутылками, выбирая нужную. Я резко распахнул дверь и швырнул пузырек, успевая заметить вытянутые лица поваров. Дверь я сразу же захлопнул. Раздалось неблагозвучное "пф-ф-ф!" и стук падающих тел. Боюсь, граф Балистан Паргайд сегодня останется без завтрака.

— И что теперь? — поинтересовался гоблин.

— Ждем.

— Согласись, Гаррет, если бы не моя помощь, не сносить тебе головы.

— Угу. А теперь заткнись!

— И все-то мы серьезные. И все-то мы злые, — буркнул себе под нос гоблин. — Слушай, Гаррет, — после недолгого молчания вякнул он. — Мы не можем больше ждать, правда!

— Почему?

— Потому, — хрюкнул Кли-кли и указал мне за спину.

В конце коридора стоял мой давнишний знакомый — имперский пес. Морда у него была покарёванная и не очень-то довольная. Во взгляде зверя, обращенного на нас, не было ни капли желания творить мир во всем мире.

— Похоже, кота он не поймал, — заключил Кли-кли.

Пес сорвался с места и огромными скачками устремился к нам. Кли-кли взвизгнул, как пятилетняя девчонка, нашедшая у себя в тарелке живую мышь.

— Задержи дыхание! — крикнул я.

Мы ввалились на кухню и захлопнули дверь прямо перед носом у псины. Зверь на такое подлое свинство ответил оглушительным лаем. Кли-кли задвинул щеколду и побежал вдоль столов и горящих печей, перепрыгивая через тела уснувшей челяди. По полу еще клубились остатки сонного дыма, и я старался не дышать. Кли-кли толкнул дверь на противоположном конце кухни, и мы оказались на улице.

— Ишь как надрывается! — с восхищением присвистнул Кли-кли.

Интересно, что с нами будет, если он все же выберется оттуда?

Даже отсюда был слышен собачий лай.

— Кто-нибудь обязательно придет проверить, почему пес графа устроил такой шум. Надо уходить, и как можно скорее. Пошевеливайся, Кли-кли!

До парка пришлось передвигаться короткими перебежками, прячась от стражников в тени и кустах. Один раз Кли-кли едва не вылетел прямо под ноги очередному стражу, я успел втянуть гоблина в кусты в самый последний момент.

Парк встретил нас ночными шорохами и спящими деревьями.

— Где наши? — прошептал Кли-кли, вертя головой.

— Давай к стене, там разберемся!

Когда граф обнаружит отсутствие ключа, он будет в ярости. "В ярости" это еще мягко сказано, а уж про настроение Лафресы я вообще промолчу — она вновь не оправдала надежд Хозяина и ее ожидают большие неприятности.

На полпути к стене нас встретил Эграсса:

— Дело сделано?

— Да.

Эльф крикнул ночной птицей. Откуда-то из-за деревьев ему ответили.

— Отходим.

Когда мы подошли к стене, Арнх и Алистан уже перебрались через нее, Эл с луком наготове ждал нас.

— Вначале Кли-кли.

Эграсса запрыгнул на стену, я подкинул гоблина, эльф его поймал и переправил в руки тех, кто стоял с другой стороны. Настала моя очередь, я подпрыгнул, и Эграсса с Эллом втянули меня наверх. Последним на стене оказался Угорь.

— Пока все тихо. — Эл вслушивался в ночную тишину.

— Поверь, это ненадолго.

Лошади уже стояли у стены. Алистан и Арнх сидели в седлах, Кли-кли взбирался на спину огромного жеребца по кличке Перышко. Пчелка, увидев меня, приветливо фыркнула. Я достал ключ и перебросил его Алистану. Он поймал его в воздухе и кивнул:

— Молодец, вор.

Ого! Впервые в его голосе я услышал одобрение.

— Сегодняшней ночью мы должны убраться из Ранненга, — сказал граф и ударил лошадь пятками, отправляя ее вперед.

Я вознес благодарность Саготу. За те несколько дней, что мы здесь

пробыли, я всей душой успел возненавидеть этот город.

Глава 11

Черная река

По моим прикидкам, сейчас было не больше четырех утра, а "Ученая сова" уже кипела от приготовлений в дорогу. Мы въехали во двор трактира в тот момент, когда Халлас и Делер, ругаясь между собой, снаряжали в дорогу четырех вьючных лошадей. Нас увидели. На вопросительный взгляд Миралиссы Алистан Маркауз молча передал ей ключ.

— Гаррет, я знал, что ты справишься! — дружелюбно хлопнул меня по плечу Дядька.

Благодаря эльфийскому шаманству рука десятника, в которую угодил арбалетный болт, уже полностью зажила.

— Зато я вот не знал, — сказал я.

— Бывает...

Уж не знаю, что он имел в виду.

— Вор, на минутку! — подозвал меня Маркауз.

— Бери. — Миралисса протянула мне ключ. — Пусть лучше он будет у тебя.

В прошлый раз, когда она пыталась вручить мне на хранение ключ, я отказался, теперь же... Может, и вправду лучше носить его при себе, а то снова украдут?

Я молча повесил ключ себе на шею и убрал его под одежду.

— Лафреса попыталась разорвать узы, но у нее ничего не вышло, сообщил я эльфийке.

— Этого стоило ожидать. Не так-то просто разорвать узы Танцующего с тенями. Хозяин просто еще не знает, что гоблинские пророчества начали исполняться.

— Вы тоже верите в чушь нашего шута? — кисло спросил я у нее.

— А почему бы и нет? — Эльфийка перекинула косу, через плечо. — Его пророчества нас пока еще ни разу не подводили.

К нам подошел Дядька:

— Милорд Алистан, леди Миралисса... У нас все готово, можем отправляться.

— Хорошо. Мастер Квилд!

— Да, леди Миралисса? — подскочил трактирщик.

— Вы все сделали?

— Да, в точности, как вы мне сказали. — Квилд принялся загибать пальцы, перечисляя поручения. — Слуг отправил на две недели по домам, родственников вывез из города, трактир закрываю, скоро уйду сам. Вас я не видел, точнее, видел, но что вы делали, не знаю, я человек маленький...

— Именно так, мастер Квилд. Не тяните, уходите быстрее, вы можете попасть под горячую руку. Вот вам за труды.

Трактирщик принял полный кошель монет и рассыпался в благодарностях.

— Позвольте посоветовать, леди Миралисса. Уходить лучше через Грязные ворота, они на ночь никогда не закрываются, а стражники за монетку о вас и не вспомнят.

— Так мы и сделаем, мастер Квилд, а теперь прощайте!

Квилд еще раз поклонился, пожелал доброй дороги и скрылся в трактире, чтобы закончить последние дела.

— За монетку они о нас и не вспомнят, а за две очень даже и вспомнят, — сказал я, в общем-то ни к кому не обращаясь.

— Верно мыслишь, вор. Пусть мастер Квилд думает, что мы поедем через Грязные. Вреда это ни ему, ни нам не принесет. Попробуем покинуть город через Праздничные.

Басс сидел на крылечке и с интересом и видимым облегчением наблюдал за нашими сборами. Басс! Тьма меня раздери, я совсем забыл о нем!

— Твоя лошадь. — Элл протянул Бассу уздечку.

— Спасибо, я больше доверяю своим ногам, доберусь до дома пешком. Гаррет, можно тебя на минутку? Надо поговорить.

Элл преградил ему дорогу:

— Наговоришься еще. Ты едешь с нами.

— С вами?!

— С нами?! — выдохнул я. — Какой тьмы ему надо ехать с нами?! Этого еще не хватало!

— Тут мы с тобой мыслим совершенно одинаково, Гаррет. Я тоже считаю, что твоего знакомого нужно оставить здесь, но треш Миралисса думает иначе.

— Я сейчас с ней поговорю, — решительно сказал я. Путешествовать в одной компании с Бассом мне не очень-то хотелось.

— Все очень просто, мастер Басс. — Эльфийка дома Черной луны уже была рядом. — Мы не можем оставить тебя здесь...

— Ты начнешь болтать, — продолжил Элл. — А нам этого не нужно.

— Обещаю, что буду нем как рыба.

— Вы, люди, очень много обещаете, но мало выполняете. Хотя ты прав, если ты решишь остаться здесь, то точно будешь нем как рыба...

Дальнейшие пояснения не требовались — или лошадь и совместное путешествие, или кривой эльфийский клинок в горло.

— Гаррет! Ты хоть им скажи! — обратился ко мне Басс.

— Прости, но я ничего не могу поделать, — с сожалением покачал я головой.

Миралисса права — даже если Басс не проболтается, его могут найти люди графа... Басса, по эльфийским понятиям, проще убить, но раз уж я замолвил за него словечко, то темные сделали для него исключение, предоставив Бассу лошадь и возможность отправиться в путь вместе с нами.

— Это безумие! Видно, сам Неназываемый дернул меня связаться с вашей компанией! — Басс зло сплюнул, понимая, что выхода у него нет и придется разделить с нами дорогу. — Куда вы хоть едете-то?

— Об этом тебе знать не стоит, человек, садись в седло и помалкивай. Да, если вздумаешь сбежать, помни — я буду рядом.

Эл с первой минуты знакомства вспылал к Бассу огромной «любовью».

— Вот и совершай после этого добрые дела! — Все еще злясь, Басс залез на лошадь. Надо сказать, что вышло у него это довольно неуклюже.

— Не переживай, могло быть и хуже, — утешил я его.

Пчелка потянулась ко мне, прося лакомства, но у меня в карманах ничего не было, и я лишь развел руками.

— На. — Сурок протянул мне яблоко.

— Спасибо.

Пчелка весело схрумкала угощение и благожелательно покосилась на меня, прося добавки.

— Гаррет! — Кли-кли, казавшийся маленьким холмиком на спине своего огромного черного коня, подъехал ко мне. — Ты не мог бы отдать мне мой медальон?

— Конечно. — Я и забыл о безделушке Кли-кли. — Вот, спасибо.

— Не за что. — Гоблин повесил его себе на шею. — Ну что, готов в дорогу?

— Нет.

— Понятно, — усмехнулся шут. — Ночевки в открытом поле и баланда, сваренная Халласом, не для тебя.

Ответить я не успел, потому как, посылая проклятия небесам и зеленому гоблину, появился Делер:

— Кли-кли! Это ты взял последнюю бутылку вина?!

— Гаррет, я, пожалуй, поеду, — зашепшил шут. — Нет, ничего я не брал! Больно мне нужна твоя "Асминская долина"!

— А откуда ты тогда знаешь название вина? — подозрительно прищурился карлик.

— Так, на ум пришло.

— Кли-кли, сто... стой, кому говорят! Ах ты, ворюга полвершковая!

Что бы ни происходило в нашем мире — Кли-кли остается неизменным и верным своим привычкам.

* * *

Через Праздничные ворота мы проехали, не испытывая никаких трудностей. Заспанные стражники без всяких вопросов и с услужливостью, какая только была возможна, распахнули нам ворота и выпустили из города, не задав ни одного вопроса о целях столь поспешного выезда из города в ночную пору. Золото, врученное капралу, действовало лучше всяких грамот с печатями городского совета.

За два последующих дня мы преодолели расстояние, которое разделяло Ранненг и Иселину. Всю дорогу мы скакали с бешеной скоростью, чтобы как можно больше увеличить разрыв между нами и возможной погоней, снаряженной графом Балистаном Паргайдом. Тракт, по которому мы ехали, был многолюден и оживлен. И в Ранненг и из Ранненга спешили путешественники и мастеровые, шли обозы, тащившие на продажу всякую всячину. Деревни встречались через каждую лигу, и отряду не приходилось ночевать в чистом поле.

Басс был хмур и мрачен, всю дорогу за ним следовал или Элл, или Дядька. Хорошо, что мой дружок решил не рисковать и не предпринимал попыток к бегству, понимая, чем ему это грозит. На мой вопрос, неужели Басс поедет с нами до Храд Спайна, Миралисса лишь сказала, что найдет, где его пристроить.

— На границе много постов и крепостей. Посидит там, пока мы не вернемся, а потом уж пусть отправляется на все четыре стороны.

Сообщать о решении эльфийки Бассу я не стал. Не думаю, что он бы обрадовался этим новостям. На второй день Басс сдружился с Фонарщиком и принялся напевать песенки под музыку дудочки Мумра. На привалах Басс

играл с кем-нибудь в кости или карты и, как обычно, почти всегда выигрывал. Лишь ушлый Кли-кли мог переиграть бывшего ученика Фора. Оба шельмовали и мухлевали, но гоблин делал это даже лучше, чем Басс-проньера.

К пяти часам вечера второго дня пути мы выехали к Иселине.

Я увидел сверкающую ленту реки еще тогда, когда мы находились в лесу. Отблески солнца отражались в воде и били сквозь деревья прямо в глаза. Когда мы оказались на открытой местности, у меня захватило дух.

Отряд стоял на невысокой возвышенности, и широкая лента реки лежала перед нами как на ладони. За время путешествия я успел повидать множество речушек, речек и рек. Но все они не шли ни в какое сравнение с Иселиной. Передо мной лежала мать всех северных рек. Огромная, широкая и полноводная, она начиналась где-то там, где ручьи с Гор карликов сливались в могучую реку, протекающую через леса Заграбы и впадающую в Море Бурь далеко на северо-востоке.

Впереди лежал небольшой городок. Я не увидел ни стен, ни сторожевых башен. Это был даже не городок, а большая деревня, пускай дома в ней большей частью оказались двухэтажными. Неподалеку от городка возвышались мощные бастионы замка.

— Сурок, — спросил я у Дикого. — Что это за городок? Воин довольно странно посмотрел на меня и ответил:

— Болтник, Гаррет.

— Тот самый?

— Да.

Все знают и все помнят котел под Болтником, в который угодила четверть нашей армии во время Войны Весны. Люди стояли на берегу Иселины, ожидая, когда через нее начнут переправляться ударные силы орков. Никто тогда не знал, что выше по течению, в пятидесяти лигах отсюда, орки опрокинули людской заслон, отбросили людей к Ранненгу и ударили в тыл тем, кто дожидался их под Болтником. Первые прижали людей к реке, на другом берегу тоже было темно от лучников орков. Наша армия оказалась между молотом и наковальней. Почти никому не удалось вырваться из этого окружения; тех, кто ушел по воде или прорвался сквозь кольцо, — были единицы. В день, когда все это случилось, люди поняли, что не зря эльфы называли реку Иселиной, то есть Черной рекой. Черная река — черные дни. Правда, в те дни река была не черной, а красной от крови людей и орков.

Алистан не повел отряд в городок, мы обошли его стороной, и белые дома с красными черепичными крышами остались по правую руку. Все

понимали, что не стоит лезть туда, где возможны хоть какие-то, пускай и призрачные, неприятности. Горький опыт Ранненга пошел Алистану Маркаузу на пользу. Угорь и Арнх отправились в город узнать насчет переправы на тот берег, а мы остались в небольшом лесочке возле самой воды, чуть ниже по течению от Болтника.

Возле реки пахло свежестью и влажной травой. Берега заросли осокой и камышом, раскидистые ивы склонили ветки с серебристо-зелеными листьями к самой воде. Вокруг лошадей тут же закружилась пара слепней, названных Кли-кли «бзыками». Гоблин немедленно устроил на «бзыков» охоту.

Противоположный берег отсюда казался очень далеким. Я бы не стал ставить на то, что смог бы до него доплыть. Деревья на той стороне казались махонькими, не больше половинки моего мизинца.

— Чего, Гаррет, смотришь? Речек не видел? — Рядом со мной присел Халлас и принялся раскуривать трубку.

— Таких больших — нет.

— А по мне — лучше бы их совсем не видеть. Река — это лодка. А я ненавижу лодки!

— Если ты не понял, то наш гном очень боится плавать, — сказал Медок, стоявший неподалеку от нас.

— Гномы ничего не боятся! Просто лодки — это не для гномов, Медок!

— Для гномов мотыги, — подал реплику Делер. — Да не нервничай, Счастливчик! Переправишься ты без всяких мучений. К тому же не лодка это, а паром.

— Иначе говоря, большая лодка. Один хрен, где блевать! — хмуро выпустил колечко дыма Халлас.

— У него морская болезнь, — пояснил Медок Кли-кли.

Халлас задымил еще сильнее, угрюмо косясь на водные просторы.

— Морская болезнь еще ничего! Я вот плавать не умею, — с излишней гордостью проинформировал нас Кли-кли.

— То есть совсем? — Халлас посмотрел на шута.

— То есть как топор! И я несколько не боюсь.

— Ядрена кочерыжка! Я же говорил, что гномы ничего не боятся! — взорвался Халлас.

Вернулись Угорь и Арнх.

— Ничего не получается, милорд Алистан. — Лысина Арнха блестела от пота. — У них какой-то городской праздник. Никто не работает, оба паромы простаивают, все пьяны. Так что до завтрашнего утра с этого берега

мы никуда не денемся.

— А, тьма! — выругался Алистан.

На совете было решено перебраться поближе к паромам, чтобы с самого утра первыми переправиться на тот берег. Два парома находились в четверти лиги от города — деревянные махины с огромными барабанами, на которые наматывались толстые цепи, с помощью которых паромы ходили между берегами. Паромы располагались в ста метрах друг от друга и находились во владении совершенно разных людей.

— Глупость какая, — сказал Басс. — Как они семью-то кормят? Мало того что далеко от города, так еще рядом конкурент.

— Не скажи, — хмыкнул Дядька. — Они постоянно переправляют товары для Пограничного королевства, да и солдат перекидывают с берега на берег. Армия платит хорошо...

— Тут только два парома. Ближайшая переправа в сорока лигах к северу отсюда. Болтник — последний город в этих местах, — поддержал Дядьку Арнх. На том берегу лишь отдельные деревушки да замки дворян.

Паромщик был найден в своем доме. Старикан наотрез отказался перевозить нас сейчас даже за все золото Сиалы.

— Работники все на празднике, кто цепь выбирать будет? Сегодня ночью придут, проспятся, а завтра с утреца отчего же не перевезти таких замечательных господ? — кряхтел паромщик.

— Смотри, дед! Пойдем на другой паром, к твоему соседу!

— Да идите, господа хорошие, я вас держу, что ли? Только бесполезно это, клянусь богами. Там то же самое. До утра ничего не работает, праздник у нас.

Зато упрямый старик с радостью уступил свой дом Маркаузу, Миралиссе и Эграссе. Довольно щурясь и слушая, как бренчат у него в карманах денежки, паромщик потопал в город.

Нам мягких кроватей не досталось, пришлось ночевать на берегу реки. Дикае отнеслись к этому факту спокойно — им доводилось ночевать в снежной тундре Безлюдных земель, где только огонь и одеяло отделяют спящего от холода и смерти, чего уж тут говорить о ночевке возле какой-то речки? А вот Басс недовольно ворчал:

— Мало того что вы тащите меня незнамо куда, так еще и комаров заставляете кормить! А, тьма! — Басс ударил себя по лбу, враз припечатав нескольких кровопийц.

Тут Басс был прав — воздух просто звенел от комарья. Эти мелкие твари появились к самому вечеру и решили устроить себе шикарный пир. То и дело раздавались проклятия и оглушительные хлопки. Комары

отправлялись в свет десятками, но это, как видно, совершенно не волновало их голодных товарищей. К тому же сейчас не было ветра и ничто не могло сдуть кровососущую мелочь на середину реки. Кли-кли предложил замечательное шаманство гоблинов, которое, по его словам, должно было уничтожить всех комаров на десять лиг в округе, но, помня его волшебство с веревками, уничтожившее дом сторонников Неназываемого, мы послали Кли-кли с его замечательной идеей куда подальше. Комары продолжили свое пиршество. Меня лично бесило, что они все время норовили залезть в уши и в рот, при этом не переставая противно жужжать. Наконец даже Элл не выдержал и пошел за помощью к Миралиссе. Вернувшись, он бросил в костер, разожженный из дров, позаимствованных из поленницы паромщика, какой-то порошок, и по округе распространился пряный аромат травы. Комары теперь уже дохли сотнями, и буквально через несколько минут нашим мучениям пришел конец. Наступал вечер, и вода в реке приняла вид черного зеркала, в котором отражались плывущие по небу облака. Спустя несколько мгновений заходящее солнце бросило последние лучи на речную гладь, и она засияла, как расплавленная бронза.

— Плюх! — раздалось в окрестных камышах.

— Эк рыбешка-то как играет, видать, щука мальками промышляет, крикнул Дядька.

— Вот бы сейчас ушицы, — мечтательно причмокнул Арнх. — Надоела мне Халласова дрянь.

— Не хочешь — не ешь! — отрезал гном, услышавший последнюю реплику воина.

— Да ладно тебе обижаться, Счастливчик. Сам бы, небось, рыбку покушал, — добродушно ответил Арнх, опуская ноги в речную воду. — Ух! Теплая как парное молоко.

— Мало ли чего бы я покушал. Где бы еще это взять, вот в чем вопрос!

— А давайте просто наловим рыбы! — осенила Кли-кли гениальная идея. Я еще никогда в жизни рыбу не ловил!

— А снасть ты где возьмешь?

— Дык снасть — это не проблема. Возьмем веревку, пару гвоздиков, наживку и закинем подальше. Может, какой дурак и клюнет, — поглаживая бороду, сказал Дядька.

— Давайте! Ну давайте, а? — запрыгал непоседливый Кли-кли.

— Дядьку! — откликнулся Делер, кормивший лошадей. — Уважь Кли-кли.

— Ладно. Кли-кли, пока я снасть делаю, найди какую-нибудь наживку.

— Это я щас! Это я мигом! — закричал радостный Кли-кли, убегая на поиски.

— Ну просто ребенок, — хмыкнул Басс, подсаживаясь ко мне. — Ничего у них не получится, с такой снастью только лягушек ловить.

— Ты погоди судить-то, я на такую снасть еще в детстве во-от таких лещей таскал, — развел руки Дядька.

— Хватит там заливать, лучше идите к огню, жрать готово, — позвал Халлас.

Мы почти опустошили котелок, когда у огня появился Кли-кли.

— Брось это! — рывкнул Сурок, отодвигаясь от гоблина подальше. — Она уже воняет!

— Конечно же она воняет, она ведь дохлая, — сказал Кли-кли, держа на вытянутых руках дохлую кошку.

— Где ты ее нашел, Кли-кли?

— В канаве, возле дороги, ее телега переехала. Уже давно. Честно-честно! У нее в глазах даже червяки завелись, во!

— Да не порти же ты нам аппетит! — отодвинул от себя тарелку позеленевший Мумр.

— Так мне ее что, бросать, что ли? Сами же сказали, что наживка нужна, — озадаченно хлопая глазами, спросил Кли-кли.

— Но не дохлая же кошка! Думать надо, Кли-кли!

— Погоди, Фонарщик, — облизал ложку Дядька. — А почему бы и нет? Чем мы рискуем?

— Своими желудками, — вставил Халлас, стараясь не смотреть на облезлый трупик несчастной кошки. — Скажи, Делер?

— Халлас прав, — подтвердил карлик.

— Не отчаивайся, Кли-кли, сейчас мы насадим твою наживку на крючок.

— Ура! Вот здорово! Спасибо, Дядька! — Кли-кли едва не уронил кошку в котел с кашей.

Халласа от такого кощунства над его стряпней чуть удар не хватил, и гoblin поспешил убратсья на берег и дожидался Дядьку там. Я решил посмотреть, как будет проходить такая странная рыбалка, и, встав из-за «стола», пошел вместе с десятником к ожидавшемуся его Кли-кли. Дядька без всякой брезгливости взял кошку за хвост, приладил ее к самодельной снасти, раскрутил, как какую-нибудь пращу, и забросил в реку. Раздался громкий «плюх», и по воде разбежались круги.

— И что теперь? Щас клюнет, да? — От нетерпения гoblin подпрыгивал на месте.

— Может, сейчас, может, чуть погода. На, вот тебе веревка, намотай на руку, как дернет, так и ты дергай, — степенно сказал Дядька, передавая снасть Кли-кли.

Гоблин уселся на берегу и принялся смотреть на спокойную гладь воды, в которой уже стали отражаться первые звезды.

— Слушай, Дядька, — тихо шепнул я десятнику, когда мы, оставив Кли-кли в одиночестве, шли обратно к костру. — Ну я понимаю, Кли-кли. Но ты-то ведь должен знать, что поймать что-то на полуразложившуюся кошку — это надо очень постараться!

Дядька усмехнулся:

— Эх, молодежь, думаешь, я не знаю, Гаррет?

— Тогда зачем...

— Кли-кли, он ведь как ребенок. Гоблины взрослеют гораздо позже, чем мы, люди. Пускай расслабится и отдохнет. Одни боги знают, чего ему стоит все время быть шутком. Там, за Иселиной, начинается Приграничье, и ни у кого из нас уже не будет времени на отдых.

— Все настолько плохо?

— Приграничье, конечно, не Безлюдные земли, но орки там могут появиться в самый неожиданный момент. Для Первых запустить карательный отряд на наши земли — дело совершенно обычное, и нам придется держать ухо востро, иначе потерь не избежать. Мы уже двоих успели потерять... Проклятие! Какой я ко всей тьме десятник, если не смог их уберечь?!

— Хороший, Дядька. В гибели Кота и Горлопана твоей вины нет. — Вот и все, что я смог ему ответить.

— Забудь, — вздохнул Дядька. — Я просто слишком стар для таких походов. Давно пора забрать заработанные денежки да обосноваться в собственной таверне. Вот закончим это дело, я так и поступлю.

— Ты то же самое говорил, когда мы вернулись из последнего похода. Дядька, — вышел на свет Медок. — Горбатого могила исправит!

— А ну молчать, сосунок! Я пока еще здесь десятник, — добродушно осадил его Дядька. — Как же я вас одних оставляю-то, обалдуев?

На том разговор и прекратился.

От воды тянуло свежестью, звезды одна за одной вспыхивали на небе. Дикая расстилала на траве походные одеяла, готовясь ко сну.

— Так куда мы все-таки едем, Гаррет? — спросил Басс, подсовывая под голову свернутую куртку.

— Ты просто спи, человек, — усмехнулся эльф. — Как приедем, я первым сообщу тебе.

— Если в Приграничные земли, то хотелось бы успеть оставить потомство и составить завещание.

— Шутник твой дружок, Гаррет. Может, мы его вторым шутком сделаем? — сказал Сурок. — Тебе же сказано было, мил человек, — спи и ни о чем не беспокойся.

— Сплю, — недовольно буркнул Басс и закрыл глаза. Элл еще раз внимательно посмотрел на него и ушел в темноту — нести первую стражу.

* * *

— Клю... Клюет! Клюет! Клянусь Великим шаманом Тре-тре, она клюет! — орал шут.

Визгливые вопли гоблина били по ушам и прогоняли сон. Я разлепил глаза и зло выругался. Звезды все еще сияли на небосклоне, но заря уже разгоралась на востоке. Вся трава, одеяла и одежда были покрыты мелкой алмазной пылью росы. Со сна я зябко поежился — было еще холодно, и моя одежда за ночь пропиталась влагой.

Ивы застыли черными тенями на фоне неба и бледнеющих звезд. Возле одного из деревьев подпрыгивала маленькая и очень хорошо знакомая мне фигурка в своем неизменном плаще с острым капюшоном.

— Ключуло! Чес-слово, ключуло! — орала тень. — На помощь! Она ключула!

— А, чтоб тебя! — сказал я и рухнул обратно под одеяло.

Мое мнение разделяли и остальные проснувшиеся. Халлас, приподнявшись на локте и наблюдая, как гоблин вытанцовывает безумную пляску, гневно ворчал.

— Кли-кли, заткнись! — посоветовал Мумр, даже не разлепляя глаз. — Еще даже утро не наступило.

— Да как же вы не понимаете-то! Она ключула! Чес-слово, я не вру! Сами посмотрите! Ну скорей же! Я ее вытащить не могу!

— Дядьку! — сказал из-под шляпы, надвинутой на лицо, Делер. — Ты все это устроил, ты и иди смотреть, чего там у нашего брехуна ключуло. И заткни его.

— Да скорей же! Веревка лопнет! Вы не слышите, что ли, что она ключула?!

— Будь проклята та минута, когда я решил научить гоблина ловить

рыбу! — Дядька со вздохом встал с земли, накинул на себя кожаную куртку и потопал к беснующемуся гоблину.

— Дядька, смотри! Я рыбу поймал!

Это просто ни в какие ворота не лезет, теперь уже точно не заснуть!

— Гаррет, ты к Кли-кли идешь? — пробормотал Басс.

— Ну?

— Пни его за меня хорошенько, — сказал Басс и повернулся на другой бок.

Я посмотрел на него с плохо скрываемой завистью — Басса всегда было трудно разбудить.

— Пошли глянем, что там у него, — встав, проворчал Медок.

Над нетронутой водной гладью лежало разорванное одеяло тумана. Крики и вопли гоблина разносились далеко-далеко над рекой.

— Гаррет! Гаррет! Смотри! Я ее поймал! Она клюнула! Чес-слово, она клюнула! Раз — и хап! Она меня чуть в воду не утянула! Я ведь плавать не умею! Бульк, и все! Или я уже об этом говорил? Гаррет, я поймал — вот что главное!

Веревка, натянутая как струна, конвульсивно дергалась. Ушлый гоблин догадался несколько раз обмотать свободный конец снасти вокруг ствола ближайшей ивы.

— Утянула, говоришь? — Дядька жестом опытного рыбака попробовал дернуть веревку — Ух, хорошо сел! Да какой здоровый! Медок, пособи!

Десятник и мускулистый воин, кряхтя, стали выбирать из воды веревку, Кли-кли наматывал ее вокруг вкопанной в землю палки.

— Соп-противляется, гад! — крикнул Медок, когда резкий рывок из-под воды едва не сбил его с ног.

Выуживание неизвестного трофея затянулось на целый час. К этому времени от возбужденных воплей нашего горе-рыбака проснулся даже Басс, и теперь все расположились за спиной Медка и принялись выдвигать предположения: что же смог поймать надохлую кошку наш шут?

— Небось водяного подцепил. — Халлас никак не мог раскурить свою трубку. — Или русалку.

— Еще скажи, что короля кракенов, — засмеялся Делер, помогая Медку. Ты вечно любишь сочинять, Счастличик.

— Сам дурак! — не остался в долгу гном. — Что же это за рыба-то такая, которую час вытаскивают? Она вон даже хвостом не бьет и не сдается ни на минуту. Точно, русалка!

— Ну, про русалку это, конечно, ерунда, а вот какую-нибудь речную

тварь поймать можно. Раньше их тут было пруд пруди, — зевнул Сурок.

— А ты почему знаешь, грамотей? Сам видел? — Халлас все еще жаждал увидеть живую русалку.

— Да нет, старики рассказывали.

— Старики... Ставлю один золотой, что это обычная рыба, а никакая не русалка. — Басс подбросил монетку в воздух.

— По рукам! — заухмылялся гном. — Гони монету, ты проспорил.

— Это мы еще посмотрим, пускай вначале вытянут.

— Фу... Арнх, замени меня, — устало вздохнул Дядька. — Проще уж ее отпустить, чем так мучиться!

— Ни за что! — в один голос завопили Кли-кли и Халлас.

Битва с водяной тварью продолжилась. Когда наконец над водой появилось нечто черное и длинное, все уже порядком устали ждать.

— Бревно! — огорченно плюнул Делер. — Стоило ли тащить его столько времени?

— Эх! — огорченно сказал Арнх. — А я — то уж думал!

— Как бревно?! При чем тут бревно! Я не мог поймать бревно! — возмутился Кли-кли.

— Смирись, друг, — засмеялся Басс, и тут это бревно распахнуло пасть, в которой при желании мог поместиться целый человек.

— Мама! — Вот и все, что сказал Кли-кли, падая от неожиданности на спину.

— Сом! — заорал Дядька. — Да какой здоровенный-то!

Тут сом понял, что Диких пастью не впечатлить — в Безлюдных землях и не такое видали, — и попытался освободиться из плена. Вода вскипела, Медок упал на колени, но веревку из рук не выпустил, Арнх стиснул зубы, стараясь удержать огромную рыбину. Все, кто был на берегу, включая и меня, бросились им на помощь.

Общими усилиями сом оказался на берегу. Огромное черное тело было покрыто водорослями и ракушками, длинные черные усы, два белесых глаза-буркала свирепо косились на нас, рыба жадно открывала рот, грозясь слопать любого, кто осмелится подойти к ней достаточно близко. Из губ чудовища торчал целый арсенал разномастных крючков. Длинной рыбина была метров двенадцать, а об ее весе страшно было подумать.

— Что здесь у вас происходит? — К нам подошла Ми-ралисса.

— Миралисса, а я рыбу поймал! Чес-слово! Во какая большая, они мне все помогали ее тянуть, но поймал я! Правда, здорово?! — хвалился Кли-кли.

— И что ты с ней будешь делать?

— Даже не знаю... — задумался Кли-кли. — С собой возьмем!

— Есть эту дрянь? — скривился Халлас. — Да ему лет восемьдесят, не меньше! Мясо старое, болотом небось воняет! Ну его! Лучше давай отпустим!

— Отпустим? — задумался Кли-кли, а затем, решив проявить благородство победителя над побежденным, важно кивнул: — Можно и отпустить. Плыви, рыбка, и помни, что дохлые кошки доведут тебя до беды. Ну вы... это... Столкните его в воду, что ли?

Сом, сам не веря своему соминому счастью, поднял в воздух целый водяной столб и исчез в черной глубине реки.

— Ты, кстати, мне деньги должен, — напомнил Басс Халласу.

Гном недовольно фыркнул и полез в кошель.

— Гаррет, а ты видел, какую я рыбу поймал?! Здорово, да?!

— Молодец, Кли-кли, ты самый настоящий рыбак, — польстил я самолюбию гоблина.

— Нет, ты правда так думаешь, а? — Он даже остановился на мгновение, услышав от меня такие слова.

— Правда, — вздохнул я. — А теперь иди, сгрызи морковку и успокойся.

— У меня нет морковки, — разочарованно развел руками Кли-кли. — Еще позавчера кончилась.

— Сожалею.

— Эй, Кли-кли! Помоги Сурку принести дров, — распорядился Дядька.

— Это я щас! Это я мигом! — Неунывающий гоблин уже забыл о рыбе и унесся помогать Сурку.

Пока разожгли костер, пока Дядька, принявший дежурство по кухне у Халласа, приготовил еду, пока мы собрались, — наступило раннее утро. Небо уже полностью просветлело, солнечный свет прогнал звезды, и лишь бледный призрак месяца тонким серпом висел над самым горизонтом. Вернулся паромщик в окружении шести здоровых детей-работников и сказал, что мы можем отправляться хоть сейчас.

— Только, господа хорошие, вы все сразу не влезете. Вас вон сколько, да еще и лошадок немало. В два захода смогу перевезти.

— Ни к чему, — ответил Алистан, отсчитывая паромщику шесть серебряных монет. — Я вижу, что ваш сосед тоже на месте, так что остальные переправятся у него.

— Ничего у вас не получится, милорд, простите мне такие слова. Профессиональная гордость у нас. Он не станет моих клиентов возить, а я

его, так уж повелось. Придется вас в два захода, так что прошу покорнейше простить меня.

Соседний паромщик и его помощники угрюмо и недружелюбно смотрели на своего конкурента.

— В два, так в два, — согласился Алистан. — Дядька, распределяй ребят на два захода.

— Лодки, — буркнул Халлас, опасливо посматривая в сторону парома. Ненавижу лодки!

Лицо гнома было цвета нежной весенней зелени.

— Да ладно тебе, Халлас, — усмехнулся Арнх, звеня кольчугой. — Гляди, волн нету, вода гладкая, переплывешь, и ничего с тобой не случится.

— Вот только как начнет качать паром вве-е-рх вн-и-и-з, в-верх, вн-и-из, так ты и узнаешь, какой у нашего мотыжника желудок, — усмехнулся Делер.

— Заткнись, тыква! — сглотнул Халлас, со страхом смотря на реку. — И без тебя тошно!

— Ну так иди в кустики, чтобы народ не смущать, и побллой, посоветовал карлик.

Халлас застонал и сжал рукоять боевой мотыги.

— А ты песенку пой, — предложил гному Кли-кли. — Мне помогает.

— Правда? — В глазах у гнома сквозило недоверие вперемешку с надеждой. — А чего петь-то?

— Ну, спой "Молотом по топору". Или "Песнь безумных рудокопов". Делер хлопнул по спине Халласа. — Прошу на борт!

Гном сглотнул, позеленел еще сильнее, в сотый раз сообщил всем, что он ненавидит лодки, и шагнул на паром.

— Кли-кли, давай, — мотнул седой головой Дядька.

— Ну уж дудки! Я с Гарретом поплыву!

— Твое дело, тогда Фонарщик. Все, отчаливайте, мы следующие!

— Навались, ребятушки! — крикнул паромщик со своего места.

Работники налегли на барабан, зазвенела выбираемая цепь, и паром поплыл к противоположному берегу.

Здесь, на берегу, остались я, Кли-кли, Дядька, Арнх и Угорь вместе с вьючными лошадьми. Второй раз парням паромщика не придется так налегать на рукояти барабана.

К этому времени паром преодолел четверть пути, и безмолвную утреннюю тишину нарушило пение Халласа. Я не завидовал тем, кто сейчас был на пароме — певец из гнома, как из меня фея с крылышками. Халлас орал во всю глотку, фальшивя и заывая так, что его песня была

слышна даже в Болтнике. Жители городка вряд ли скажут гному спасибо за такое чудесное утреннее пробуждение.

— Во распелся-то, — хмыкнул Арнх, закидывая ножны с мечом себе за спину. К неизменной кольчуге прибавилась кожаная куртка с нашитыми на нее пластинами, поножи, наручи и кольчужные перчатки. Арнх поймал мой озадаченный взгляд. — Пограничное королевство близко, надо вернуться на родину во всеоружии.

— До Пограничного королевства недельный переход...

— Ну и что?

Х'сан'кор поймет этих жителей Пограничного королевства. Их мясом не корми, дай только напаять на себя побольше железа. Близость к восточным лесам Заграбы — владениям Первых — творит с людьми довольно странные штуки.

Между тем Халлас не успокаивался и надрывался за двоих, грозясь перепугать всю округу.

Безусый иль немолодой,
Мальчишка иль старик седой,
Коль дух твой молод!
Зимой и в летнюю пору
Услышишь, как по топору
Ударит молот!

Три раза Халлас не успевал закончить куплет и перегибался через борт парома, извергая утренний завтрак в воду.

— Эк его разобрало-то, беднягу! — сочувственно вздохнул Дядька.

Паром между тем ткнулся в берег, и маленькие фигурки людей, в которых я едва различал своих спутников, стали выводить лошадей. Одна из фигурок упала на берег, да так и осталась лежать. Кажется, это был Халлас.

Паром двинулся в обратном направлении.

— Готовимся. Арнх, подводи лошадей.

— Гаррет, а Гаррет! Ты меня за руку будешь держать?

— Кли-кли, тебе опять нейдет?

— Да нет, я серьезно! Я плавать не умею! А вдруг упаду?!

— Сядешь на середине парома и ничего страшного не случится, — успокоил я его, так и не поняв, то ли гoblin задумал очередную каверзу, то ли он действительно не умеет плавать.

— Я боюсь, — совершенно искренне шмыгнул носом Кли-кли.

Паром между тем набирал скорость, и через десять минут мы уже заводили на него оставшихся лошадей. Лошади не сопротивлялись. Перспектива прокатиться по речке их нисколько не пугала. Животные встали в специально сделанные для них на пароме стойла, и Дядька дал понять паромщику, что мы готовы отправляться.

— Навались!

Детинушки ухнули, барабан заскрипел, и мы поплыли.

О борта парома тихонько плескалась вода, доски пахли ряской и рыбой. Ивы на берегу постепенно отдалялись от нас.

— Кли-кли, что ты делаешь? — спросил я у гоблина, который свесил за борт ноги и полоскал их в воде.

— Чего делаю? Пытаюсь преодолеть свой страх перед водной стихией.

— Смотри, плюхнешься.

— Ты поймаешь, — беззаботно ухмыльнулся он.

Я сел с ним рядом и стал наблюдать, как медленно, но верно приближается к нам противоположный берег. На середине реки дул ветер, и паром стало плавно покачивать на незнамо откуда появившихся волнах.

Одна из лошадей испуганно всхрапнула и начала истерично ржать, норовя задними ногами выбить перегородку.

— Успокойте ее! Мне еще тут проблем не хватало! — крикнул паромщик.

Дядька бросился к лошади и принялся успокаивать перепуганное животное. Лошадь храпела, таращила глаза и дрожала. Ласковый шепот Дядьки постепенно успокоил ее, и лошадь лишь испуганно косилась на воду.

Звенела цепь, плескалась вода, доносился шепот Дядьки, берег медленно приближался. — Чего это они забегали? — Удивленный возглас Кли-кли отвлек меня от созерцания черной воды.

Наш отряд бежал по берегу, размахивал руками и что-то кричал. Кричали, несомненно, нам, но ветер и расстояние сносили слова в сторону, и я ничего не мог разобрать.

— Не знаю, — озадаченно сказал я. — Случилось что?

— Да не похоже... — протянул Кли-кли. В это время кто-то из эльфов натянул лук и по крутой дуге пустил стрелу в нашу сторону.

— Он с ума сошел? — просипел шут, наблюдая за полетом стрелы.

— Пригни голову, она на излете, — резко сказал я ему, но в этом не было особой нужды.

Стрела чиркнула в воздухе и, перелетев паром, упала в воду, за

нашими спинами.

— Эй! Да что они там?! — заорал Арнх, который тоже видел, как стрела падает в воду.

— Смотрите! На том берегу! — крикнул шут, переведя взгляд с того места, где упала стрела, на берег, откуда мы недавно отчалили.

А посмотреть было на что. Эльф не зря привлекал наше внимание, пускай и таким странным способом. На берегу, возле второго парома, суеилось неполных четыре десятка всадников с явным желанием поскорее переправиться на другой берег. Но это не самое главное — прямо на нас, медленно, неотвратно и абсолютно бесшумно надвигался полупрозрачный шар цвета багрового пламени. Он едва-едва не касался воды и размерами мог поспорить с хорошим амбаром. На берегу, откуда на нас летела смерть, застыла женская фигурка с воздетыми руками.

Лафреса!

— Это что за дрянь? — выдохнул паромщик.

Я знал, что это такое. Кронк-а-Мор. Точно таким же шаром, только в десять раз меньшим, убили Вальдера. От этой магии нас не спасет ни медальон Кли-кли, ни способности Миралиссы.

— С парома! Живо! — заорал я и, схватив за шкуру гоблина, прыгнул в воду.

Кли-кли от неожиданности взвизгнул и лягнул ногами воздух. Упал я неловко, не успев сгруппироваться, — слишком велико было желание как можно дальше отпрыгнуть от обреченного парома. Вода в реке оказалась теплой и черной, я открыл глаза, но в глубине почти нечего не было видно. Мелкие крупинки взвеси и сотни пузырьков окружали меня и барахтающегося Кли-кли. Я изо всех сил греб свободной рукой и ногами, пытаюсь как можно глубже уйти под воду. Кли-кли бился, как кролик в силке, и паниковал. Я видел его расширенные от ужаса глаза, но продолжал погружаться все глубже и глубже, не заботясь о состоянии здоровья гоблина. Надеюсь, ему хватит воздуха, прежде чем мы всплывем.

Бу-у-у-уммм-ммм!

Упругий удар шарахнул мне по ушам, на миг в глазах потемнело, и я потерял ориентацию, не понимая, где сейчас низ, а где верх...

Мерцающий потолок над головой показал мне, что я гребу в правильном направлении. Гребок свободной рукой, резкий толчок ногами, вновь гребок, вновь толчок. Казалось, я стою на одном месте, ни капли не приближаясь к благословенному воздуху. Когда наконец водная поверхность разорвалась над моей головой, Кли-кли почти перестал двигаться, но стоило ему сделать вдох, как он закашлял и задержался еще

сильнее.

— Я не умею плавать! Я не умею плавать, — пищал Кли-кли.

— Прекрати дергаться! — заорал я. — Утопишь и себя и меня! Прекрати! Слышишь?!

Это нисколько не подействую на гоблина, и я на несколько мгновений притопил шута. Когда я вновь приподнял ему голову над водой. Кли-кли кашлял, плевался и говорил гадости.

— Не дергайся! Иначе брошу! Слышишь меня, идиот?!

— Кха-буль! Буль! Да! Кха-кха! Слышу!

— Расслабься! Я тебя держу, не утонешь! Просто расслабься, лежи на воде и дыши!

Он лишь булькнул в подтверждение, что понял мои слова.

Я огляделся по сторонам, подгребая себе ногами. От парома осталась лишь память и куча щепок, разлетевшихся по всей реке. Несколько особо крупных деревяшек все еще горели, в воздухе пахло гарью и дымом. Метрах в сорока от нас виднелась голова плывущего человека, но кто это был, разглядеть я не смог. Еще кто-то спасся... А как же остальные?

Сейчас не время, чтобы оплакивать потери, Гаррет! Надо еще выбраться из воды! До берега было далековато, но я должен доплыть, если не хочу кормить рыб на дне. Ко мне уже плыли на помощь, но им еще понадобится много времени, чтобы преодолеть разделяющее нас расстояние.

И я поплыл. Размеренно загребая воду, считая каждый гребок и стараясь дышать как можно ровнее.

И-раз! И-раз! И-раз!

Сколько я сделал этих «и-разов», не знаю до сих пор. Много, очень много. Перед глазами была лишь плещущаяся вода, безжалостное небо да далекая полоска берега. Доплыву! Врете! Доплыву!

И-раз! И-раз! И-раз! Еще чуть-чуть! Еще немного! И-раз! И-р-раз!

Кли-кли непосильным грузом оттягивал мне руку, сапоги, одежда, арбалет, нож и сумка тоже тянули на дно. Надо бы избавиться от оружия, но я скорее брошу Кли-кли, чем свое снаряжение!

Руки и ноги наливались тяжестью, гребки становились все слабее и слабее, дышать становилось труднее, очень часто я видел перед собой лишь черную воду, и лишь иногда сверху выплывал краешек синего неба. Выплывал, чтобы сразу же скрыться. Я успел порядком нахлебаться воды, и меня мутило.

А берег — нечто размытое и нечеткое — был все еще далеко...

— Кли-кли, — просипел я. — Попробуй сбросить сапоги!

— Уже!

— Тогда отчего... ты такой... тяжелый?

— Кольчуга...

Тьма! Вот почему его все время тянет ко дну! Этот засранец напялил на себя кольчугу!

— Кли... Кли... я... тебя... убью!

— Только... на берегу!

На берегу! Я не доплыву до этого проклятого берега! И-раз! И-еще-раз! И-последний! И-еще-немножко! И-раз!

Когда чьи-то руки подхватили меня, я уже был на грани обморока.

— Гаррет, отпусти Кли-кли. Гаррет! — раздался рядом голос Сурка.

Я нехотя разжал руку, отпуская одежду гоблина.

— Все, до берега близко, не дергайся! — Эл дышал тяжело, не так уж и просто делать скоростной заплыв.

Если бы я мог, то хихикнул бы. Не дергайся! Вроде то же самое я говорил Кли-кли.

Когда мои ноги коснулись дна, и Эл с помощью Медка вытащил меня на берег, я не поверил случившемуся чуду. Добрался все-таки, слава Саготу!

Я обессиленно упал на четвереньки, и меня вырвало речной водой. Полегчало. Я сплюнул кислую слюну, и кто-то похлопал меня по спине:

— Жив, вор?

— Врод-де д-да, милорд Ал-листан? — Меня била крупная дрожь.

Странно... вода вроде была очень теплой. Где-то рядом хрипло и безостановочно кашлял Кли-кли.

— Хлебни. — Делер сунул мне под нос свою фляжку.

Я благодарно кивнул и сделал большой глоток. Через секунду в моем животе взорвалась гномья бочка пороха, обжигая нутро безумным огнем. В голове промелькнула безумная мысль:

— ОТРАВИЛИ!

Из глаз полились слезы, я попытался сделать вдох, но у меня ничего не получилось, и я закашлялся.

— Это тебе не пиво, это "Ярость глубин"! Пробрало? Давай, Гаррет, вставай, не время сейчас лежать! — сказал Делер, забирая у меня флягу.

Я с трудом сел и стал стаскивать с себя мокрую одежду.

— Эти идиоты перебили всех паромщиков. — зло прошипел сквозь зубы Халлас, смотря на тот берег через маленькую подзорную трубу. — Они отчаливают!

На противоположном берегу носились фигурки всадников, а человек

пятнадцать, может двадцать, как раз отчаливали на пароме с явным намерением добраться до нас. Лафресы я отсюда не видел.

— Что это за парни? Чего им надо? — Борода Халласа гневно топорщилась.

— Люди Балистана Паргайда, вне всякого сомнения, — ответил Алистан Маркауз, вытаскивая меч. — Готовьтесь, сейчас начнется. Леди Миралисса, вы можете чем-нибудь помочь?

— Только своим клинком и луком. Меня блокирует эта женщина.

— Элл? Эграсса?

— Слишком далеко, стрелы до того берега не долетят. Да и до парома пока тоже. Стрелять сможем шагов за четыреста...

— А эта ведьма еще раз не попытается по нам шандарахнуть этой хренотенью?! — опасливо спросил Мумр, опираясь обеими руками на гарду воткнутого в землю биргризена.

— Нет, такое заклятие надо готовить не менее пяти-шести часов, ответила эльфийка, наблюдая за приближающимся паромом. Тот уже успел преодолеть четверть разделяющего нас расстояния.

— Медок! Медок, не спи! Оплакивать их мы будем потом, к бою, воин! — приказал Алистан.

Молодой воин очнулся и, хмуро кивнув, взялся за огролом.

"Оплакивать? Кого? — тупо подумал я. Голова ничего не соображала, во рту до сих пор оставался привкус речной воды и тины. — Тьма! Неужели больше никому не удалось выбраться с парома?"

Дядька, Арнх, Угорь, паромщики... Все погибли?! Не может быть... Такого просто не может быть!

Угря в промокшей одежде я увидел не сразу. Оказывается, он плыл впереди меня. Грудь гарракца ходила ходуном, было видно, что и ему нелегко дался этот заплыв. Воин не бросил свои клинки, и я мог только представить, каких сил ему стоило самостоятельно доплыть до берега.

Эльфы, взявшись за луки, молча ждали, когда паром, уже находящийся на середине реки, приблизится на расстояние выстрела.

— Гаррет, отваливаем! — Ко мне подскочил Басс. — Сейчас здесь такое начнется!

— Он дело говорит, Гаррет, — сказал Халлас. — Вы не воины, вам лучше за нашими спинами переждать. Эх, была бы сейчас пушка, как бы я накрыл эту лодку!

— Пушка! — хохотнул Кли-кли, бросив выжимать свой многострадальный плащ. — Какой же ты молодец, Счастливчик! Ну конечно же пушка! Гаррет, не спи! Где твоя сумка?! Доставай пушку!

— Кли-кли, ты о чем? — спросил я, с ужасом думая, что после купания гоблин сошел с ума со страха.

— Да та самая! — ничего толком не объяснив, Кли-кли подскочил к брошенной мной сумке и, вывалив все, что в ней было, на землю, принялся рыться в магических пузырьках. — Вот он!

Кли-кли высоко поднял над головой пузырек с темно-вишневой жидкостью, в которой плавали золотистые искорки, и шарахнул его об землю. Почти сразу же из воздуха появилась самая настоящая гномья пушка.

— Ядре-е-ена кочерыжка, — вымолвил Делер, округлив глаза.

Халлас попросту ничего не мог сказать, он являл собой образец статуи, у которой отвисла челюсть и глаза вылезли на лоб. Кто-то за моей спиной втянул в себя воздух сквозь стиснутые зубы. Да я и сам, признаюсь, был порядком ошеломлен.

За всей этой дорогой и свалившимися на нас несчастьями я совершенно забыл о маленькой неприятности, случившейся еще во дворце Сталкона. Кли-кли тогда спер у меня точно такой же пузырек и разбил его об пушку гномов. Все дело в том, что шут использовал на пушке заклинание переноски, разбиваешь такой пузырек на какой-то вещи, она исчезает, разбиваешь другой — она вновь появляется. Вообще-то я планировал это заклятие для Храд Спайна, на случай обнаружения несметных сокровищ, но судьба распорядилась иначе и вместо изумрудов мы получили пушку.

— Халлас, действуй! — Голос гоблина вывел Счастливого из ступора и созерцания одной из великих тайн гномов.

Гном подскочил к орудию.

— Заряжено?

— Вроде да...

— Сейчас проверим... Да, все в порядке! Делер, Медок! Помогайте!

Втроем они стали разворачивать пушку в сторону приближающегося парома.

— И много у тебя в рукаве таких сюрпризов, дружище? — нервно спросил Басс.

Я ничего ему не ответил, все мое внимание было сосредоточено на Халласе, который колдовал над пушкой. Сейчас гном раскуривал свою трубку и одновременно командовал Делером и Медком.

— Упреждение надо взять небольшое. Упреждение! Ты знаешь, что такое упреждение, дубина?!

— Я тебе потом покажу, кто из нас дубина! — пропыхтел красный от

натуги Делер, пытающийся сдвинуть пушку еще на несколько сантиметров.

— Стоп! Все назад, сейчас мастер будет работать!

— Ты хоть умеешь с ней обращаться? — опасливо спросил Сурок.

— Я гном, и порох течет в нашей крови! — Халлас, прищулив глаз, наблюдал за паромом.

— Порох не течет, — сразу же влез карлик, но гном его проигнорировал.

— Учти, у тебя только один выстрел.

— Не сбивай меня, Кли-кли! — рявкнул гном. — Все, заткнули уши!

Я поспешил последовать совету гнома. Халлас поднес горящую трубку к какой-то выемке на пушке, отбежал и, засунув указательные пальцы в уши, принялся наблюдать.

Над пушкой поднялся сизый дымок...

— БАХ!

Пушка окуталась вонючим сизым дымом и отшатнулась назад. В воздухе свистнуло, а затем на месте парома в небо устремился шипящий столб огня и дыма, в котором смешались вода, люди, лошади, доски...

— Бу-у-м-ш-ш-ш! — донеслось до нас..

— В яблочко! — воскликнул гном. — Я попал! Попал!

— Да-а-а!!! — орал Кли-кли. — Вот вам!

От парома и людей, пливших на нем, не осталось ничего, кроме мусора на воде.

Люди графа на противоположном берегу тоже смотрели на то место, где совсем недавно плыли их друзья. Затем несколько всадников посоветовались, и вся кавалькада устремилась прочь от берега.

— Сейчас бы мне второе ядрышко — Халлас любовно погладил бок пушки.

— Куда они собрались? — спросил Фонарщик.

— Переправу искать, куда же еще! — сплюнул Медок. — Их человек двадцать вроде бы...

— Двадцать восемь, — сказал Элл, снимая тетиву со стрелы.

— Вот-вот. Уходить нам надо, сейчас переправятся...

— Не переправятся, — покачала головой Миралисса, провожая взглядом всадников. — Здесь Иселина растекается слишком широко, а до ближайшей переправы больше сорока лиг.

Я стал выжимать свою рубаху. Мокрая одежда липла к телу, мне было холодно и противно.

— Медок, — сказал Алистан, глядя на успокоившуюся водную гладь. Принимай командование... Теперь ты... Десятник.

Какой уж там десятник... От десятка Диких осталось шесть человек.

— Может, обойдется? — тоскливо спросил Медок. Он, как и все, смотрел на воду. — Может, они выше по течению выплыли?

— Не выплыли. Не могли они выплыть, Медок, — угрюмо сказал Угорь. — Я сразу за Гарретом в воду сиганул. Дядька просто не успел, он на самой середине парома был, с лошадьми. А Арнх... На нем кольчуга была, да и другого железа... Даже если и выпрыгнул, то камнем на дно ушел...

Все мрачно молчали. Как же мы теперь без седого степенного Дядьки и сверкающего лысиной жителя Пограничья? Не верилось, что их уже нет.

— Да пребудут они в свете, — глухо произнес Делер и снял с головы шляпу.

Кли-кли шмыгал носом и тер глаза, стараясь скрыть слезы...

Отправились мы в дорогу только через час, когда Дикие справили обряды по погибшим друзьям, а Халлас закопал пушку. Гном был настойчив и твердил, что главный секрет его народа не должен попасть в

чужие руки.

Настроение у всех было мрачное и подавленное, что и неудивительно. Мы отправились в путь, удаляясь от Иселины, которая для всех нас навсегда останется Черной рекой.

Глава 12

Продавшийся

Всю следующую неделю мы гнали наших коней на юго-восток, приближаясь к Приграничью, местности, примыкающей к Пограничному королевству и Заграбе.

На десятки лиг вокруг расстилалась холмистая равнина, перемежающаяся узкими речками, громкими ручьями и смешанным редколесьем. Деревень в округе было мало, за два последних дня мы увидели только одну, да и то обошли ее стороной, не желая попадаться на глаза жителям.

Земля в этих местах была благодатная, жирная, трава, росшая на ней, так и тянулась к солнцу, но желающих перебраться через Иселину и начать обживать эту часть королевства было не так уж и много. Впереди Приграничье, а за ним восточные леса Заграбы и знаменитый Золотой лес, где живут орки.

Алистан все сильнее и сильнее забирал к юго-востоку, обходя стороной торговые пути, пролегающие между Валиостром и Пограничным королевством. Как я понял, он рассчитывал через неделю вывести нас к границе между государствами, а уже оттуда, по прямой, направить отряд прямо к лесам Заграбы.

Все выючные лошади погибли на пароме, унеся на дно наши припасы и доспехи. Халлас и Делер долго сокрушались о потере брони, но сделать, понятное дело, ничего не могли. У нас остались лишь кольчуги, которые находились на тех лошадях, что переправились в первый заход, да эльфы сохранили доспехи, на нагрудниках которых были выгравированы гербы их домов. Сурок и Фонарщик вообще остались без какой-либо брони, если не считать курток из вареной кожи с нашитыми на них металлическими бляхами. Алистан Маркауз лишился своего копья. Продукты, сменная одежда, да и много еще чего осталось на дне реки. Но мы не голодали, дичи в этом крае было полно, и на нашем костре всегда жарилось мясо.

На четвертый день после злосчастной переправы через Иселину окончательно испортилась погода и полил дождь. Он не переставал донимать нас пять дней, и мне приходилось кутаться в плащ, любезно одолженный Эграссой.

Долгий дождь, льющий из низких серых облаков, — это всегда сыро,

холодно и мерзко. Особенно тяжело было вставать утром и разжигать костер. Ноги и руки не гнулись, казалось, что ты спал не на траве, укрывшись от падающей с неба воды плащом из непромокаемого дрокра, а на снегу. Кли-кли простыл, кашлял и хлюпал носом. Сурок лечил его травяными отварами, от которых гоблин долго плевался и кривил рожи, говоря, что такой горечи он не пил никогда в жизни.

Дождь лил, лил и лил. Земля превратилась в огромное озеро грязи, лошади то и дело скользили в этом месиве и спотыкались, грозя сбросить всадников на землю. Звонкие ручьи и маленькие речушки, десятками пронизывающие местность, располнели, разжирели и вышли из берегов. В низинах случилось форменное наводнение, иногда вода поднималась до стремян наших лошадей. Теперь приходилось долго выискивать какую-нибудь возвышенность на равнине, чтобы разбить лагерь на ночь. Лишь к одиннадцатому дню пути вода стала спадать, но дождь все равно продолжал накрапывать. На двенадцатый день мы достигли Приграничья, и Алистан распорядился, чтобы все надели кольчуги. Я терпеть не могу какие-либо железные одежды, чувствую себя в них как в гробу — тесно, тяжело и двигаться не очень-то удобно. Но в данном случае с моей стороны никаких возражений не последовало — очень не хочется получить стрелой в живот от невесть как забредшего на такое расстояние от Заграбы орка. Кли-кли, увидев, что я напялил на себя железную рубаху, одобрительно кивнул.

— Кли-кли, ты же вроде говорил, что тебе кольчуга не нужна, ты, мол, маленький, в тебя попасть трудно, — поддел я его, вспоминая, как едва не пошел на дно из-за гоблинской брони.

Он глянул на меня из-под своего капюшона и изрек:

— Маленький-то маленький, но здоровье следует беречь. Я ее еще в Ранненге достал...

Когда этот проныра только все успевает?

Кольчуг не было у Мумра, Сурка и Басса. Последний все дни был хмур и мрачен, как небо над нашими головами. Дождь не способствовал улучшению настроения Проныры, и я понимал, что было у него на душе. Когда тебя тащат незнамо куда, а рядом едет молчаливый эльф, настроение отнюдь не улучшается. Элл до сих пор приглядывал за Бассом, и любви к моему бывшему другу в желтых глазах темного я что-то не разглядел.

Бывшему другу... Дружбы как таковой между нами не осталось. Да, нас по-прежнему многое связывало, но это многое — всего лишь воспоминания, не больше. За тот срок, что мы не видели друг друга, я и Басс сильно изменились. По жизни мы шли своими дорогами, да и не смог

я его простить за тот стародавний поступок, когда он без предупреждения оставил меня с Фором и украл общие деньги.

Из-за дождя худо приходилось не только простывшему Кли-кли. Трубка Халласа ни в какую не желала разгораться, и гном был сердит на весь белый свет. Халлас все последние дни кутался в плащ и опасливо поглядывал на тучи — он боялся, что у него вновь разболится какой-нибудь зуб. Делер нахохлился под коротким зеленым плащом и бормотал себе под нос старинные песенки карликов. Это еще сильнее бесило Халласа, но погода не располагала к ругани, и гном лишь раздраженно ворчал и делал новую безуспешную попытку разжечь трубку. Медок, ставший новым командиром Диких, витал далеко от этих мест. В глазах желтоволосого великана появилась задумчивость и усталость. Воин был слишком дружен с Дядькой и никак не мог смириться с этой потерей. Алистан вообще ни на что не обращал внимания, он смотрел только вперед и гнал своего боевого коня к Заграбе. Эграсса и Сурок очень часто оставляли отряд и отправлялись назад проверить: не приближается ли погоня? Но на горизонте было пусто, и эльф с воином возвращались в отряд, лишь отрицательно качая головами.

Мумр попытался наиграть на дудке незатейливую мелодию, но стало еще тоскливее, и Фонарщик со вздохом убрал дудочку обратно в седельную суму.

Когда дождь взял недолгую передышку и перестал проливаться на нашу голову, все немного повеселели. Даже лошади, казалось, пошли быстрее и легче, не обращая внимания на так и не разошедшиеся тучи. О солнышке нам оставалось только мечтать.

На тринадцатый день пути на одном из низких холмов, поросшем до самой макушки высокой травой-горчанкой, мы увидели столб. Он был сделан из черного базальта, но даже это не могло спасти его от зубов времени. Столб здесь установили, по крайней мере, тысячу лет назад.

— Приграничье, — бросил милорд Алистан и послал коня вперед.

Приграничье — огромная территория, земли здесь принадлежат приграничным баронам. Не считая военных гарнизонов и крепостей, расположенных на границе между Валиостром и лесами Заграбы. Где-то здесь земли моего друга — барона Оро Габсбарга. Можно было бы заглянуть к нему на огонек, но не знаю, как он отнесется к лжедралану.

Во время одной из остановок, когда все были заняты своими делами, я подошел к Миралиссе, в одиночестве сидевшей возле шипящего костра, и задал вопрос, уже вторую неделю не дающий мне покоя:

— Как они смогли найти нас, леди Миралисса?

Она сразу поняла, про кого я спрашиваю:

— Не знаю, Гаррет. В последнее время я много чего не знаю и не понимаю... Нас не должны были найти так быстро, я ставила защиту... — Она вздохнула. — Быть может, эта женщина чувствует ключ...

Мне сразу же захотелось сорвать ключ с шеи.

— А может, ключ здесь ни при чем... Какая-то метка, по которой они нас ведут.

— То, что попало в паром, было Кронк-а-Мором?

— Да. Самая опасная магия огров, и сейчас ею владеет человек. Она не обладает опытом Неназываемого, и то, что в тот день сотворила ведьма, должно было убить ее на месте...

— Но не убило.

— Да. Дом Силы способен защитить своих слуг. — Говоря это, Миралисса внимательно смотрела на меня.

— Не понимаю, — покачал я головой. — Я слышу звон, но не знаю, где висит колокол. Дом Силы — для меня пустой звук, и не более того. Не пора ли прекратить играть в загадки?

— Время ответов еще не наступило, Танцующий в тенях. — На этот раз шут подошел незаметно и остановился у меня за спиной.

— Боюсь, что, когда время придет, будет уже поздно, шут, — довольно зло ответил я ему. — Мне надоели загадки! Мне надоели мои сны!

— Ты — Танцующий в тенях, поэтому и видишь такие сны, — торжественно произнес Кли-кли.

— Сейчас ты больше похож не на королевского шута, а на разжиревшего жреца, который говорит божественную чушь, чтобы состричь с прихожан еще немного монет.

— Что ты хочешь знать, Гаррет? — вздохнул шут, садясь рядом со мной.

— Все.

— Похвальное стремление, — хихикнул гоблин. — Но нельзя объять необъятное. Хорошо, я расскажу... ты уже не ребенок и, думаю, способен понять... Пожалуй, я расскажу тебе о Четырех Великих Домах и Сотворении. Эту историю мне поведал мой дед. Мы, гоблины, помним то, что забыли орки и эльфы, мы помним то, что вы, люди, никогда и не знали.

— Ты решил рассказать мне очередную гоблинскую байку? — не очень-то приветливо спросил я у него.

— Байку? Пожалуй. Ведь ты же ничего не имеешь против баек, а? Так я и думал. С чего бы начать? Когда мир был юн... Нет, не так... Когда Сиалы еще даже не существовало, когда даже боги были беззаботными

детьми, а об ограх никто и не слышал, во всей вселенной существовал только один мир. Сейчас его называют миром Хаоса. Он был Первым миром, он был Изначальным. В нем жили... — шут на миг замялся. — Наверное, люди... Однажды кто-то из этих людей открыл секрет, что тени их мира — это живые создания, пускай они и немного другие. Тени оказались семенами, прообразами других миров. Если человек умеет управлять тенями, если человек умеет танцевать с ними, он может взять любую тень мира Хаоса и построить новый мир. Свой мир. Ну, или попытаться построить — это уж как у кого получится. На такое были способны не все, один на миллион, может быть, два, но в те льдистые времена их было намного больше, чем сейчас. Людей, способных создавать из теней миры, стали называть Танцующими с тенями.

Я вздрогнул:

— Не хочешь ли ты убедить меня, что я тоже могу взять любую тень и слепить из воздуха целый мир, ничуть не хуже Сиалы?

— Отрицай ты или не отрицай, Гаррет, но ты Танцующий с тенями, от этого уже ты никак не отвертишься. А насчет теней, вот мой тебе ответ — нет. Не сможешь. Я же сказал — только из теней мира Хаоса можно было создать новый мир. Тени нашего мира — лишь тени теней теней теней Изначального мира. Они мертвы и не способны танцевать.

— То есть попади я в мир Хаоса, и все бы у меня получилось?

— Откуда я знаю? Это всего лишь сказка, да и не умеешь ты бродить между мирами...

— Ну и слава Саготу, — облегченно вздохнул я. — Валяй, ври дальше...

— Так о чем это я? А! Так вот, Танцующие брали тени и строили новые миры. Тысячи тысяч новых миров появились благодаря им. Но, творя миры, Танцующие брали для этого частичку своего мира, и пришло время, когда мир Хаоса умер. В нем не осталось теней, туда пришла тьма и огонь Изначалья. Люди ушли из него, расселившись по другим мирам, и дорога в Изначальный постепенно оказалась забытой. Никто из Танцующих того времени не попытался спасти мир Хаоса, хотя они могли это сделать легко. Зачем? Вокруг ведь столько новых и необычных миров, стоило ли трудиться и восстанавливать рухлядь?

— О чем ты задумался, Гаррет? — спросила молчавшая все это время Миралисса.

— О том, какой шутник создал наш мир. Значит, ты говоришь, Кли-кли, что Хаос уже не восстановить?

— Угу. Дорога в него забыта. А если бы и была, то нужна тень этого

мира, чтобы вдохнуть в него жизнь.

Я вспомнил о трех подругах-тенях, танцующих на багровых языках пламени и просящих меня спасти их мир. В животе засвербило, может, шут на самом деле прав? Может, в его сказке есть доля правды?

— К чему ты мне все это рассказываешь? Я и так ночами плохо сплю. И каким боком в твой рассказ попадает Дом Силы?

— Так это предыстория... Если честно, Гаррет-баррет, про эти дома я ничего толком не знаю... Дед шаман рассказывал, что существует Четыре Великих Дома, что их якобы создал тот Танцующий, который дал жизнь нашему миру. Но для чего он создал эти дома, никто не знает. В гоблинских книгах нет никаких намеков на это.

— Зато в Анналах Кроны есть упоминание, — вновь вступила в разговор Миралисса. — На самых первых страницах хроник есть маленький абзац, где говорится про эти дома. Их было четыре, четыре совершенно разных и непохожих друг на друга дома — Дом Любви, Дом Боли, Дом Страха и, наконец, самый главный дом — Дом Силы. Говорят, что те, кто побывал в этих домах, получали бессмертие. Сколько ни убивай таких людей, они рано или поздно возрождались в Доме Любви. Прошедшего Четыре Великих Дома можно убить навсегда, только когда он находится в одном из этих домов.

— Ради этого они и были сотворены?

— Да... То есть нет... Пойми, мы ничего не знаем, мы можем только предполагать. Один короткий абзац Анналов, написанный неизвестно кем, вызывает споры наших историков вот уже несколько тысячелетий. По этому абзацу создавались целые научные труды, но какова их достоверность? Известно лишь, что тот, кто прошел все Четыре Великих Дома, уже не просто человек, эльф или карлик — он что-то совершенно другое. Я не представляю, что делают в Домах Любви, Боли и Страха. Единственное, что нам известно, те, кто находится в Доме Силы, необычайно сильны в магии, а точнее, в ее начальной стороне — шаманстве. Это все, что мы знаем, Гаррет.

— Это все, что вы знаете? — эхом повторил я. — И эти знания вы так от меня скрывали? Глупая сказка о том, как якобы создали наш мир, и предположения, построенные на каком-то махоньком абзаце? Это и есть главная страшная тайна гоблинов и эльфов?!

Мне было смешно. Зайди в любую таверну, и там тебе еще не такое порасскажут. И история выйдет намного правдивее, чем у гоблина и эльфийки.

— Эти знания очень опасны, — мягко продолжила Миралисса. —

Особенно для некоторых людей. Когда они узнают, что могут стать даже выше богов и создать свой мир...

— Простите, миледи, но это глупости.

— Я же говорил, что еще рано и он ничего не поймет. — Гоблин с укором обратился к Миралиссе. — За ту историю, что мы тебе сейчас рассказали, Гаррет, Орден бы отвалил нам телегу золота.

— Это не говорит в пользу ума волшебников, — парировал я.

— Тьфу, дурак! — Шут в раздражении встал и пошел прочь.

Что-то он слишком болезненно реагирует на мой скептицизм.

— Может, когда-нибудь позже ты все поймешь, Гаррет, — вздохнула Миралисса, тоже вставая.

— Пойдите! — остановил я ее. — А почему вы решили, что я могу что-то знать о Доме Силы?

— Ты Танцующий в тенях... Впрочем, не обращай внимания, я просто пошла неверным путем, вот и все.

— А Хозяин? С чего вы взяли, что Хозяин в этом Доме Силы?

— Магический почерк... Тебе этого не понять, Гаррет, ты ведь не владеешь шаманством. То, что настигло нас в Харьгановой пустоши, то, что ударило по парому... Это совершенно другое, отличное от нашего... Такое могло родиться только с помощью легендарного и мифического Дома Силы.

Она, мягко ступая по промокшей траве, ушла, и я остался один. Думать. После рассказа эльфийки и гоблина загадок не убавилось, а прибавилось.

* * *

Ранненг утопал в цветах. Душистые розы всех расцветок заполнили город. Второй день не стихал праздник, и те, кто еще был способен стоять на ногах, высыпали на улицы, горланя песни, водя хороводы, обедаясь выставленной на столах бесплатной снедью и опиваясь вином и пивом, рекой хлещущими из огромных бочек. Город жил, веселился и пел. Так было и так будет. Раз в год, в конце августа весь народ прославлял богов.

Крики, гвалт, хохот, песнопения, музыка, запах вина, сдобы и жареного мяса — все это смешалось в праздничный ком радости, жизни и праздника.

Джок Имарго шел по улице и улыбался. Это был высокий

широкоплечий молодой человек с выступающим волевым подбородком, озорной улыбкой, карими глазами и жгуче-черными волосами. От него исходила волна спокойствия, уверенности и жизнерадостности. Его узнавали, ему махали, ему кричали, его приглашали присоединиться к той или иной компании, его звали распить кружечку пивка или закружиться в вихре заводного танца. Его было трудно не узнать — высокого, статного, с колчаном стрел на бедре и мощным двухметровым луком в руках. Кто же не знал Джокка Имарго, любимца публики, лучшего лучника последних четырех королевских турниров?

— Эй, Джок, иди к нам!

— Нет, к нам!

— Привет, Джок!

— Джок, потанцуй со мной! Ну, Джок!

— Смотрите, девочки, какой красавчик!

— Джок, сегодня ведь королевский турнир! Удачи тебе!

— Удачи, Джок, мы верим в тебя!

— Эй, Джок! Давай выпьем кружечку!

— Джок!

Он улыбался, кивал, махал рукой, отвечая на приветственные крики, но не останавливался. Сейчас его не интересовали ни кружки с пенящимся пивом, ни благосклонные красотки. Сегодня, в пять часов дня он станет пятикратным чемпионом в стрельбе из лука, и только потом у него появится возможность расслабиться и отпраздновать свой успех.

Сейчас еще было слишком рано — турнир начнется только после полудня, а состязания лучников будут в самом конце, когда пройдут финальные бои рыцарей, общая схватка и бои мечников. А пока у Джокка было время, и он спешил туда, куда звало его сердце.

На улице Фруктов народу было ничуть не меньше, чем в других частях города. Его пару раз окликнули, хлопнули по плечам, но он вежливо отказывался от приглашений присоединиться к пирушке. Возле большой лавки, торгующей фруктами и овощами, Джок остановился и, толкнув дверь, вошел. Приветственно звякнул колокольчик, сообщая хозяину о приходе нового покупателя. Впрочем, сегодня был праздник и ни о какой продаже товара не могло быть и речи. На самом видном месте стоял стол, вокруг которого собралась компания, дегустирующая пиво.

— А, Джок, мой мальчик! — приветственно махнул ему один из сидящих за столом. — Как я рад тебя видеть! Проходи, не стесняйся. Эй, кто-нибудь! Налейте парню пива.

— Спасибо, мастер Лотр, но я не могу. Сегодня турнир, я должен

сохранить ясную голову.

Владелец лавочки хлопнул себя по лбу:

— А я и забыл, вот память-то! Ну что, мой мальчик? Покажешь им всем?

— Постараюсь, — ответил Джок.

— Всади одну стрелу от моего имени. — Лотр протянул Джоку персик.

— Нелегко тебе сегодня придется, парень, — крикнул трактирщик, заведение которого находилось по соседству с лавкой мастера Лотра. — С таким-то соперником!

— Э, что ты говоришь, дурень? Разве найдется конкурент для Джока Имарго? — подняв кружку, сказал Лотр.

— Среди людей — нет, а вот среди эльфов... Я бы не поставил свой золотой на Джока, ты уж прости, парень...

— О чем ты говоришь, спаси тебя боги? Какие эльфы?

— А такие, Лотр. Самые обычные темные эльфы, с клыками. Из луков они стреляют намного лучше, чем люди.

— А при чем здесь турнир и эльфы, дери тебя тьма?! — включился в разговор владелец мясной лавки.

— А при том! Вы словно с луны свалились! Неужели не знаете, что сегодня к королю прибывает посольство темных из дома... как его... Черной розы, во! А посольство возглавляет кто? Посольство возглавляет наследник этого дома, с тьма-знает-каким-именем-огр-ногу-сломит. И этот наследник высказал желание поучаствовать в турнире, а точнее, в стрельбе из лука. Так что, парень, тяжело тебе сегодня придется. Эльфа просто так не победишь.

— Посмотрим, — безразлично пожат плечами Джок. Он не очень-то верил городским сплетням. — Мастер Лотр, а где Лиа?

— В саду, иди, проведай ее, — благодушно ответил Лотр. Когда Джок ушел, трактирщик ухмыльнулся и сказал:

— А когда я про эльфа сказал, видали, как он расстроился?

— Да чушь все это! Джок парень хороший, ничего он не расстроился.

— Ну, тебе виднее, Лотр, он же за твоей дочуркой приударяет, а не за моей, — хихикнул трактирщик, вылезая из-за стола. Тут ему делать больше нечего, он сказал все, что должен был сказать, и Хозяин будет им очень доволен...

Мастер Лотр среди своих знакомых слыл богатым лавочником. Продажа заморских фруктов оказалась делом прибыльным, он поставлял

свой товар к столам многих дворян столицы, включая и короля. Денежки лились рекой, и поэтому не было ничего удивительного, что внутренний двор лавки превратили в цветущий сад с тремя журчащими фонтанами. Возле одного из фонтанов на скамейке сидела девушка, сейчас она была занята вышиванием, и на белой ткани уже распустился кроваво-красный мак и небесно-голубой колокольчик. Рядом с девушкой сидел мальчуган лет семи. Паренек был занят тем, что пускал в фонтане кораблик.

— Лиа? — сказал Джок, подойдя к девушке. Она оторвалась от своего занятия и улыбнулась. Он всегда любил ее улыбку.

— Джок! Как я рада, что ты зашел!

— Неужели ты думала, что я о тебе забыл? — промолвил он.

— Нет, но сегодня ведь королевский турнир и ты должен быть там...

— Ни один турнир не стоит твоих глаз.

Лиа скромно потупилась и улыбнулась. Затем отложила вышивание в сторону, грациозно встала и взяла с огромного блюда с фруктами ягоду клубники.

— Хочешь?

— Спасибо, твой отец дал мне персик. — Он показал ей сочный плод с бархатистой кожицей.

— Зря. — Она откусила спелую ягоду.

— Я выиграю этот турнир для тебя, Лиа, — произнес Джок, садясь рядом с ее младшим братом, целиком занятым игрой в кораблики.

— Ах, Джок! Разве ты не слышал, что говорят про эльфа?

— Слышал, один из друзей твоего отца мне уже сообщил. Эльф он или не эльф, но я выиграю этот турнир для тебя. Все в городе узнают, что Лиа, дочь Лотра, самая красивая девушка Ранненга. Ни один эльф не встанет на пути моей стрелы!

Лиа сорвала с клумбы цветок и стала отрывать у него лепестки.

— Что ты делаешь?

— Гадаю, Джок. Выиграешь ли ты сегодня турнир.

— Это всего лишь цветок.

— Ты прав, — вздохнула она, — Джок, я так волнуюсь! Давай не будем полагаться на глупый цветок. Лун! Лун, подойди!

— Ну сто? — Братец Лиа с недовольной рожицей оторвался от игры.

— Иди скорей сюда, сейчас Джок нам покажет, как он стреляет из лука!

Мальчонка тут же бросил игру и прибежал к ним.

— Вот тебе яблоко, видишь ту статую воина, что в самом конце сада? Насади яблоко на копье и беги сюда.

— Я мигом! — Лун побежал исполнять просьбу сестры.

— Что ты делаешь, Лиа? — удивленно спросил Джок.

— Я загадала, — если ты попадешь в это яблоко, значит, выиграешь королевский турнир.

— Яблоко намного ближе, чем будет мишень на поле, — покачал головой Джок.

— Ну пожалуйста! Ради меня! — взмолилась Лиа.

Джок улыбнулся и кивнул. Он надел на руку перчатку, натянул тетиву на мощный лук и достал из колчана стрелу. Свою стрелу. Она была с фиолетовым оперением в золотую полоску. Все знали, каковы стрелы Джокка Имарго. Прибежал Лун, яблоко, установленное им, зеленым пятнышком высилось на копье статуи.

Джок наложил стрелу, плавно оттянул тетиву к уху, задержал дыхание и так же плавно отпустил. Тетива звонко щелкнула о перчатку, и стрела, гневно жужжа, отправилась в полет. Секунда, и вот она уже дрожит в большом и спелом яблоке.

— Уря! — весело закричал Лун и подпрыгнул.

— Ах, какой ты молодец, Джок! — Лиа радостно захлопала в ладоши. — Ты выиграешь этот турнир. Обязательно выиграешь! Ты куда?

— Достать стрелу.

— Погоди! — Она схватила его за руку, а затем, привстав на цыпочки, прошептала: — Оставь, я отдам ее тебе вечером.

Джок с изумлением и радостью посмотрел на нее. Лиа улыбнулась, поцеловала его в щеку и проворковала:

— А теперь иди! Вечером мы отпразднуем твою победу.

Он хотел ей что-то сказать, но Лиа приложила палец к его губам, еще раз очаровательно улыбнулась и, не оглядываясь, пошла к фонтану. Джок немного помялся и покинул сад. Пора готовиться к турниру, ведь Лиа ждет от него только победы.

Она выждала минут пять после того, как Джок оставил ее, затем вновь отложила вышивание и пошла к яблоку. Лиа извлекла стрелу и внимательно осмотрела ее. Стрела у нее, Лун слишком занят корабликом, отец пьет с друзьями, в ближайшее время никто не хватится ее. Стрелу Джокка надо как можно скорее отнести нужному человеку, и тогда ее ждет награда Хозяина. Она улыбнулась той самой улыбкой, которую так любил Джок.

— Что ты думаешь об этом городе, Эроч? — спросил Эндаргасса.

— Скопище варваров, треш Эндаргасса, — почтительно ответил пожилой эльф, ехавший рядом.

Эроч был эльфом старой закалки, и отношение к людям у него было исключительно пренебрежительное. Эндаргасса был не согласен со своим старым другом и к'лиссангом. Домам темных стоит держаться людей. Как бы люди ни были странны, некультурны, агрессивны и вероломны — за ними сила и только их воины, действующие вкупе с эльфами, способны уничтожить орков. Именно поэтому правители девяти темных домов собрались на совет и решили, что пришло время объединить силы людей и эльфов и выступить единой армией против орков. Именно поэтому старший сын главы дома Черной розы приехал в Валиостр с грамотой для короля. Именно поэтому младший брат Эндаргассы отправился с точно такой же миссией в Пограничное королевство.

— Ты не прав, Эроч, за людьми сила, и без них мы не справимся с нашими родственниками. — Эндаргасса уже не раз начинал этот разговор.

— Может, за людьми сила, треш Эндаргасса, но люди коварны, вероломны, жестоки и очень опасны. Мы можем справиться с орками и без их помощи.

— Тысячелетия войн с Первыми доказывают, что это не так, друг Эроч. Мы сражаемся с орками на равных, но никому не удастся взять верх. Армия людей — это та сила, что сможет переломить ход многовековой войны в нашу пользу.

— Люди сражаются в рядах, у них кавалерия, они не приспособлены воевать в лесу. По крайней мере, большинство из них.

— Значит, нам придется выгнать орков из леса, — безразлично пожал плечами Эндаргасса.

— Вашему отцу, прежде чем посылать нас, следовало вспомнить "Легенду о мягком золоте", треш Эндаргасса, — вздохнул Эроч.

— "Свой дом защищай лучше сам"? Как же, помню. Это всего лишь песня. Того, о чем говорится в ней, никогда не было на самом деле.

— Конечно, треш Эндаргасса, конечно. Но эта легенда хранит мудрость, гласившую, что не стоит доверять людям, иначе после орков они примутся за нас.

Эндаргасса лишь усмехнулся, — Эроч не был большим сторонником заключения союза с людьми.

— Люди вероломны, а вы даже не надели доспехов! — Последние слова телохранителя звучали обвиняюще.

Эндаргасса был одет в легкую шелковую рубашку с вышитой на груди черной розой и среди сорока девяти бойцов сопровождения, облаченных в сияющие доспехи из голубоватого металла, казался уязвимым.

— Если тебе хочется париться в железе при такой жаре — это твое

право, — сказал Эндаргасса. — К тому же ты рядом, что со мной может случиться?

Эроч ничего не сказал, лишь помрачнел еще больше и пристальным взглядом желтых глаз оглядел людскую толпу, выстроившуюся вдоль улиц, чтобы поглазеть на приезд эльфов.

— А вот и встречающие, — сказал Эндаргасса, видя, как навстречу его отряду скачут двадцать всадников, облаченных в тяжелую броню.

— Треш Эндаргасса, от имени нашего славного короля Сталкона Рваное Сердце рад приветствовать вас и ваших спутников в столице Валиостра! — произнес всадник в бело-зеленой броне. — Я граф Пелан Гельми, капитан королевской гвардии, и мне поручено проводить вас до королевского дворца.

— Хорошо, — кивнул эльф. — Мы следуем прямо за вами, милорд Гельми.

Граф кивнул, и они направились дальше. Всадники раздвигали праздничную толпу, давая дорогу почетному гостю короля. Милорд Гельми придержал свою лошадь и поравнялся с Эндаргассой.

— Как вы могли заметить, треш Эндаргасса, у нас в городе праздник, оттого на улицах столько народа.

— А я думал, что все они решили поприветствовать меня, — решил поддеть человека эльф.

— Конечно, и это тоже, — смутился милорд Гельми. — Знаете ли вы, что сегодня ежегодный королевский турнир? Его величество просит вас присоединиться к нему в королевской ложе.

— Всенепременно.

— В конце будут соревноваться наши лучники. Говорят, вы прекрасный стрелок, треш Эндаргасса. Не желаете присоединиться?

— Нет, благодарю вас. — Легкая улыбка тронула черные губы принца. Думаю, это будет не очень Ches...

В воздухе вжикнуло, и стрела ударила Эндаргассу в шею, пробив ее насквозь. Эльф закачался, схватился рукой за горло, захрипел и упал с лошади на мостовую. Раздались крики ужаса. Темные схватились за с'каши, люди за мечи, толпа бросилась врассыпную, давя друг друга, лошади, почуявшие кровь, обезумели. Эльфы кричали и выли, кто-то бросился к телу, желая остановить кровь, но все было кончено. Эндаргасса, старший принц и наследник дома Черной розы, был мертв.

— Стрелок на крыше! — кричал кто-то.

— Люди ответят за смерть моего господина! — ревел Эроч, прижимая к себе окровавленное тело принца.

Граф Пелан Гельми был бледен и испуган. Его окружало пять десятков мрачных и взбешенных темных, которые только что потеряли своего господина.

"Надо действовать, иначе дело дойдет до мечей", — промелькнуло у милорда Гельми в голове, и он распорядился:

— Чуч! Оцепите улицу! Бракес, скачи к королю! Мрак, ищите стрелка! Чтобымышь не проскользнула! Пару, сгоняй сюда всю стражу! Не стойте столбом! Действуйте!

Люди бросились выполнять распоряжения, граф спешился и наклонился над мертвым эльфом. Эроч стоял на коленях прямо в луже крови, с'каш лежал рядом. Он сломал и вытащил из шеи Эндаргассы стрелу, и теперь она двумя безобидными обломками лежала в крови.

— Если вы не найдете убийцу, мы сами отомстим за смерть треш Эндаргассы! — с ненавистью произнес Эроч.

Граф, испачкав в крови парадные дорогие перчатки, поднял с земли обломки стрелы:

— Чуч!

— Да, милорд? — сдерживая храпящую лошадь, подъехал один из воинов графа.

— Узнаешь? — он протянул лейтенанту гвардии обломок.

— Д-да... — Чуч был ошеломлен не меньше графа. — Это стрела...

— Думаю, мы схватим убийцу вашего господина в течение часа, перебивая своего подчиненного, обратился к Эрочу милорд Гельми.

Эльф долго смотрел на человека своими бесстрастными янтарными глазами, а затем нехотя кивнул:

— Мы подождем... Час.

До начала королевского турнира оставалось меньше часа, но Джок уже спешил к парку, где должны были проходить основные состязания. Во-первых, ему было интересно узнать, кто станет победителем всеобщей свалки, а во-вторых, стоило подготовиться, оценить ветер и осмотреть площадку, где ему предстоит соревноваться. Улица, прилегающая к парку, смутила его. Джок шел и никак не мог понять, что же здесь не так? Потом он понял — люди! Здесь не так уж и много людей, а ведь сегодня королевский турнир! Горожане отчего-то не спешили занять места на скамейках, дабы насладиться зрелищем сегодняшних поединков. Многие из тех, кто сейчас был на улице, смотрели на него — кто с любопытством, кто с испугом. Никто не приветствовал его, никто не желал удачи и победы.

Как только он проходил мимо людских кучек, за его спиной

слышались шепотки. Небось обсуждают заварушку, случившуюся возле Грязных ворот. Вроде убили кого-то из эльфов, Джок не придавал этому событию никакого значения, сейчас он целиком и полностью был настроен на королевский турнир, а все остальное его нисколько не заботило. Последний час перед глазами Джок висела красно-белая мишень, в центр которой он должен был вогнать как минимум восемь стрел.

Последние сто шагов до конца улицы и начала турнирных площадок Джок Имарго прошел в полном одиночестве. Людей отсюда как будто ветром сдуло. Ни единой души. Лишь впереди на его пути стояли солдаты из королевской гвардии. Джок нахмурился. Во-первых, что здесь делают гвардейцы, ведь обычно довольствуются охраной городской стражи? Во-вторых, солдат было намного больше, чем это требовалось. Как минимум двадцать пеших, половина из которых копейщики, а половина арбалетчики. Да еще и десяток конных, все закованы в броню, у всех воинственный вид. Командовал здесь, как понял Джок, рыцарь в бело-зеленой броне, по крайней мере, доспехи этого человека были самой богатой отделки. Люди молча ждали его приближения, никто не шевелился. Джок замедлил шаги и ахнул — турнирные флаги, а также сине-серое королевское знамя были приспущены.

— Неужели король умер?! — ошеломленно пробормотал Джок.

Это сразу проясняло, почему никто не спешил на турнир и отчего люди выглядели такими обеспокоенными и испуганными.

Лица у стражников хмурые и напряженные. Джок подошел к преградившим ему дорогу людям и обеспокоенно спросил у знакомого воина, с которым он несколько раз до этого пил пиво:

— Трамур, что вообще здесь происходит?

— Смотри-ка, сам пришел! — криво усмехнулся воин, поудобнее перехватывая копье. — Бросай лук, Джок!

— Что? — опешил Джок, бросив взгляд на бело-зеленого рыцаря, но тот молчал, смотровая щель в его горшкообразном шлеме делала лицо воина безучастным.

Трамур ударил Джок пяткой копья в живот.

Джок согнулся, роняя на мостовую лук, в животе растеклась лужа боли, из глаз брызнули слезы, и дышать сразу же стало очень тяжело. Второй удар обжег ему шею, мостовая дернулась, качнулась, подпрыгнула и со всей силы ударила Джок по лицу. Рот наполнился кровью, в голове властвовало смятение, он попытался встать, спросить, за что его бьют, но кто-то ударил его ногой, и он вновь рухнул на камни мостовой.

Его били ногами, руками и пятками копий, он пытался защититься

голову руками, свернуться, как зародыш сворачивается в материнской утробе, но от ударов некуда было деться и негде было спрятаться. Его били долго, очень долго, до тех пор, пока вкус крови во рту не стал привычным, а шум в ушах — приглушенным и вязким, как болото. Только тогда чей-то голос рявкнул:

— Хватит! Довольно, я сказал! Вы ведь не хотите отдавать темным мертвеца?

Больше Джок ничего не слышал, он провалился в спасительное небытие...

Последующие дни прошли для Джокка как в тумане. Он просыпался в какой-то узенькой камере, настоящем каменном мешке, его били, затем вели на допрос, где трое людей со скупающими лицами и эмблемами Королевских песочников задавали ему странные и пугающие вопросы. Поначалу Джок пытался оправдываться, пытался сказать, что он не виноват в этом страшном убийстве, но его снова били. Его никто не слушал. Песочникам нужно было только признание, иначе темные, одуревшие от жажды мести, устроят в королевстве бойню. На третьем допросе он сломался и признался во всех злодеяниях, что ему приписали. Ему уже было все равно, что с ним будет, лишь бы эти люди его сегодня не били. Лицо Джокка превратилось в кровавое месиво, нос сломали в нескольких местах, пальцы на руках раздроблены, ребра сломаны, кровоподтеки, синяки и рассечения просто невозможно сосчитать. Он почти не двигался, когда его бросали на провонявшую мочой солому камеры, лишь тяжело дышал, скулил и засыпал.

Иногда дверь камеры открывалась, и к нему приходили гости. В такие минуты он начинал тихонько и жалобно стонать, так как гости обычно избивали его. Потом пришло забытие, и больше недели Джок находился на грани смерти. Лишь помощь орденового волшебника помогла вернуть его из тьмы. Король посчитал, что Джоку Имарго умирать рано... пока.

Очень часто к Джокку приходили сны. Он спал, он грезил, он был далеко-далеко от холодного каменного мешка, в который его бросили по чьей-то злой воле. Джок почти не помнил своих снов, кроме одного... В этом сне к нему пришел человек, стражник, он открыл дверь камеры и, весело улыбаясь, сказал, что знает о том, что Джок не виноват и что преступление совершили слуги Хозяина. Хозяин ждет Джокка... После этого Джок плакал и крутился на соломе...

Потом был очень скоротечный суд, хотя он почти не запомнил его. Какой-то яркий свет в глаза, много белых пятен лиц и разговоры. Его о чем-

то спрашивали, он отвечал... Вот кто-то показывает высокому королевскому суду его колчан со стрелами, а затем этот человек достает его стрелу, только сломанную и отчего-то покрытую засохшей кровью.

— Я не виноват, — шепчет Джок, но его никто не слушает, лишь писарь суда скрипит пером по бумаге. — Это все слуги Хозяина...

Вот суд опрашивает красного и потеющего мастера Лотра. Мастер Лотр заикается со страху, озирается по сторонам, но говорит. Да, был в тот день у меня... Да, расстроился, когда узнал, что эльфийский принц, да пребудет он в свете, захотел выступать на турнире... Да, мелькнуло в его глазах что-то... кровожадность какая-то... И как он, старый дурак, не заметил-то сразу?

Еще какие-то люди... Друзья, знакомые, товарищи, родственники... Да, он хотел победить... Да, мог... Да, позор-то какой!

Потом была Лиа. Да, Джок был у нее и говорил, что всеми средствами победит сегодня на турнире... Дальше Джок уже не слушал, а лишь шептал разбитыми губами одно и то же слово:

— Лиа...

Все было кончено и решено. Подписанное им признание, его обгаренная кровью стрела, показания десятка свидетелей, все это привело высокий королевский суд к единственно верному решению.

Когда деревянный молоток опустился и худой старый судья в черной мантии и нелепом белом парике произнес лишь одно слово — «виновен», Джок увидел, как эльф, весь суд просидевший неподвижным камнем, посмотрел на него и улыбнулся. Штаны Джoka стали мокрыми, эта улыбка испугала его так, как не могли испугать все побои людей.

Его не казнили, с ним сделали гораздо более страшную вещь — его отдали в руки эльфов. Старый эльф с блеклыми желтыми глазами и сухими, как сено, волосами, эльф, который так напугал Джoka на суде, самолично заботился о нем. Его положили на повозку, заковали в кандалы и увезли из Ранненга. Дорога до Заграбы сложилась для Джoka в одну длинную нить скрипа колес, неба над головой, гортанных разговоров эльфов и боли. Боль приходила ежедневно, она раскаленными щипцами вцеплялась в Джoka, когда наступал вечер и эльфы останавливались на ночлег. В это время к пленнику приходил Эроч и доставал из кармана маленькую коробочку стальных иголок. Эльф всегда все делал молча, но каждый раз после пытки Джок думал, что все, он больше не выдержит и умрет прямо сейчас, он ждал прихода смерти, ждал ее с радостью и болезненным предвкушением. Но эльфы были слишком внимательны, чтобы потерять своего пленника

после пытки. Когда боль была особенно невыносима, когда она грозилась раздуться и разорвать голову, появлялся эльфийский шаман и приносил облегчение. Лечил шаман только для того, чтобы следующим вечером пытка повторилась. Изо дня в день, терпя невыразимые мучения, Джок умирал, проклинал богов, оживал, плакал и вновь умирал. Страшный сон никак не кончался...

Заграбу он помнил плохо... Зеленое, шелест листьев, звон ручьев, прохлада и боль... Его куда-то вели, кому-то показывали, сотни клыкастых эльфийских лиц, старый эльф с черным обручем на голове, молчание и снова боль...

Отчего-то все деревья росли здесь сверху вниз. И трава росла сверху вниз. А солнце заходило снизу вверх. Эльфы ходили по земле, которая оказалась вверху, вниз головой.

Он долго не мог понять, что происходит. Не мог понять до тех пор, пока не обратил внимание, что кровь, вяло капаящая из рассеченной щеки, стекает ему на лоб, а не на подбородок, а затем срывается и взлетает на землю, висящую над его головой.

Все оказалось очень просто, он висел на дереве, висел вниз головой, а веревка, перекинутая через толстый сук, надежно оплетала его ноги. Сколько это продолжалось? Час? День?

В лесу стемнело, наступила ночь, и где-то внизу сквозь темные кроны деревьев проступили звезды. Его никто не охранял. Зачем? Из эльфийской веревки так просто не выпутаешься, да и далеко ли пробежит по незнакомому лесу измученный человек?

Джок вновь провалился в забытие, стараясь побороть боль. Тихий шелест травы разбудил его, и, открыв глаза, он увидел под собой темный женский силуэт.

"Эльфийка!" — промелькнуло у Джока в голове.

Женщина молчала, молчал и он. Ему было все равно, он уже давно привык, что многие приходили смотреть на него. Пусть смотрит, лишь бы не била. Женщина издала смешок, и он вздрогнул.

— Кто... вы?

Слова давались ему с трудом, он уже давно ни с кем не разговаривал. Большинство времени он лишь кричал от боли.

— Бедняжка Джок, — вздохнула женщина.

— Лиа? Это... это действительно ты? — выдохнул он, не веря своим ушам.

— Лиа? Что ж, ты можешь называть меня так, — сказала она, выходя

из тени на лунный свет.

Она была такой же красивой, как тогда в саду, в тот злополучный день гибели эльфийского принца. Русые волосы, голубые глаза, скуластое лицо, пухлые губы. Лиа. Его Лиа. Та, что предала его.

— Но... как?

Как девушка могла оказаться так далеко от дома, в самом сердце страны эльфов?

— Слуги Хозяина способны и не на такое.

— Хозяина? Я не виноват! Я не мог этого сделать, только не я!

— Знаю, — она улыбнулась.

— Знаешь? Но почему тогда ты молчала? Надо сказать эльфам, надо объяснить им...

— Поздно. Сейчас темные не желают никого слушать, сейчас они жаждут мести. Разбираться, действительно ли ты виновен, они станут не раньше, чем через несколько месяцев. А этого времени у тебя, увы, нет. Эльфы решили сделать исключение из вековых законов — завтра тебя ждет Зеленый лист.

Джок дернулся на веревке, закачался, как маятник, и всхлипнул от ужаса. Он не хотел умирать... так.

— У тебя есть выбор, глупыш Джок. — Лиа подошла вплотную, и он почувствовал запах ее клубничных духов. — Или эльфы устроят тебе показательную казнь, или...

— Или? — эхом откликнулся Джок.

— ...или ты станешь верным слугой Хозяина. Лиа говорила долго, очень долго, и, когда она закончила, Джок сказал всего лишь одно слово:

— Да.

В глазах его разгоралась ненависть.

Лиа достала из складок своего платья кривой эльфийский нож, привстала на цыпочки и перерезала горло Джоку. На ее волосы, лицо, шею, платье обрушился горячий водопад. Она стояла, принимая эту страшную Купель Кровавой Росы. Стояла и улыбалась. Когда все кончилось, она посмотрела на мертвое тело, висящее перед ней, и сказала:

— Ты родишься вновь, родишься в Доме Любви и станешь самым первым, самым преданным слугой!

Через минуту на лесной поляне уже никого не было, лишь мертвец тихонько покачивался на веревке...

— Ты плохо спал этой ночью. Опять кошмары? — спросил у меня Кли-кли, кутаясь в плащ и зябко ежась от утренней прохлады.

— Угу, — угрюмо ответил я ему, скатывая одеяло.

— Про что на этот раз?

— Про Джока-принесшего-зиму.

— Ух ты! Расскажи! — заинтересовался гоблин.

— Отстань, Кли-кли, не до тебя! — После вчерашнего разговора у костра и нового сна мне было над чем подумать.

Кли-кли разочарованно хрюкнул и поплелся приставать к Фонарщику, который седлал наших лошадей. Погода с утра вновь испортилась, и моросил легкий дождик. Капли были такими мелкими, что я их едва мог разглядеть. Как бы не ливануло по новой, этот дождь успел нас всех порядком достать. Уж не знаешь, что лучше — отупляющая жара или такая вот промозглая погода. За ночь костер полностью прогорел, а оставшиеся после него угли задушил дождик. Вновь разжигать костер не имело смысла — пока с ним провозишься, потеряешь кучу времени. На ходу перекусив холодным мясом подстреленных вчера Эллом куропаток, мы отправились в путь.

Тоскливая холмистая равнина тянулась и тянулась мимо нас, не имея ни конца, ни края, тучи и полумрак дождливого дня навевали глубочайшую тоску. Через полтора часа скачки Алистан вывел отряд к старой, расплзшейся от дождя, едва заметной из-под луж и грязи дороге.

— Впереди, лиги через три, будет деревня, — сказал Элл.

— Надо пополнить припасы и купить лошадей, — кивнул Алистан Маркауз.

— Если они продадут, — сомневающимся голосом ответил Элл. — Тут лошадей не так-то просто достать.

— У крестьян всякая животи́на на счету, — поддакнул Медок.

— Там увидим, — сказал Алистан Маркауз и повел отряд по дороге.

Скорость нашего продвижения упала, копыта лошадей чавкали в грязи и бурлящих от дождя лужах. Пелена дождя висела над миром, и видно было не дальше чем на сто-сто пятьдесят метров. Дорога пошла вниз, спускаясь с очередного холма. Стекающие ручьи обгоняли нас и вливались в огромную лужу впереди. Так чего доброго скоро вновь представится возможность поплавать. Лошади шли по колено в воде. Дороги видно не

было, и мы, сбившись с пути, попали на старый уже затопленный погост. Верхушки могильных памятников торчали из воды, как маленькие островки, мы ехали мимо них, стараясь направлять лошадей друг за другом, чтобы, не дай Сагот, не провалиться в открытую могилу, которая вполне могла находиться под слоем воды.

— Куда это нас занесло? — хмуро спросил Медок, ни к кому не обращаясь.

— К мертвякам, разве не видно? — буркнул Халлас, не понимая, что некоторые вопросы бывают просто риторическими.

— Что может делать кладбище в таком месте, да еще такое затопленное? — Медок бесстрастным взглядом проводил проплывающий мимо нас притопленный гроб, видать вымытый водой из свежей и неглубокой могилы.

— Деревня близко, — ответил ему Сурок, поправляя край капюшона, чтобы защитить высунувшегося Непобедимого от дождя.

— Быстрее бы уж. — Шляпа Делера превратилась в нечто бесформенное и мокрое. — Сейчас бы в тепло, к огню, горячего вина и теплую постель со всеми радостями жизни.

— Не думаю, чтобы в такой глуши мы смогли найти для тебя трактир, скажи спасибо, если пустят переночевать в хлеву, — ответил Сурок, смахивая с лица дождевые капли.

— Дождь затяжной, это теперь на целый день, — хрипло сказал Басс, стараясь направить свою лошадь так, чтобы она шла параллельно Пчелке.

— Басс, в могилу хочешь угодить? Давай или назад или вперед, — обратился я к нему.

Басс обиженно зыркнул на меня из-под капюшона и придержал лошадь.

Кладбище кончилось так же неожиданно, как и началось. Из воды вновь появилось некое подобие дороги, взбирающейся на очередную возвышенность.

Деревня мне не понравилась сразу. Пять десятков приземистых деревянных домов расположились возле стены черного елового леса. Вскопанные и размокшие поля, жирная грязь на улицах, дым над крышами от печных труб, да еще и дождь. Все это враз вызвало у меня отрицательное отношение к деревушке.

Мальчишка, идущий с ведром в нашу сторону, увидел отряд, уронил ведро в грязь и с воплем побежал прочь.

Басс выругался сквозь зубы, видно не понимая, что выскользнувшие из-за стены дождя вооруженные всадники могут напугать не только

десятилетнего мальчика, но и взрослого человека. Мы поехали к центру деревни, все жители попрятались от дождя, и улица была пустой. Дождь шуршал по крышам, барабанил по капюшонам, плескался в лужах. Нас окружала тихая музыка дождя. Из одного дома вышел здоровенный мужик с топором и с тревогой посмотрел на нас.

— Как называется эта деревня? — спросил у него Медок.

— Верхние Выдры, — угрюмо ответил крестьянин, нервно перекладывая топор из руки в руку. — Нам не нужны неприятности.

— Их у вас не будет. Трактир в деревне есть?

— Прямо, метров через триста. Серый дом с вывеской, не ошибетесь.

Медок поблагодарил человека кивком головы и послал лошадь вперед. Мы поехали дальше, направляясь в указанную мужиком сторону. Я не удержался и оглянулся назад, но человек с топором уже исчез.

Трактир был так же уныл и неопрятен, как и другие дома Верхних Выдр. Над входом висела жестяная вывеска, но что было на ней написано, я разобрать не смог — слишком старой она была, краска давно уже стерлась, а обновить надпись трактирщик не спешил.

— Ждите здесь, — сказал Алистан Маркауз, спрыгивая в грязь и протягивая поводья Сурку. — Медок, идем.

Они скрылись в трактире, оставив нас мокнуть под дождем. Делер никак не прекращал стенаний, мечтая о жарком огне и горячей еде. Халлас в несвойственной ему вежливой манере попросил карлика замолкнуть.

Алистан и Медок вышли из трактира хмурыми и злыми.

— Трактир не работает, переночевать нам нельзя. Никто в деревне ничего не продает, тем более лошадей. Их у них меньше десятка.

— А настоять? — спросил Эграсса.

— Не думаю, кузен, что это хороший способ завоевать людскую любовь, — ответила эльфу Миралисса.

По лицу Эграссы было видно, что он думает о людской любви.

— Но переночевать-то нас пустят или нам опять мучиться под дождем? — влез в разговор Басс. — Мне до смерти надоел этот дождь!

— Нам всем надоел этот дождь, Басс, — громыхнул Медок, взбираясь на лошадь. — Милорд Алистан, может, попробуем поискать в домах? Авось кто и согласится нас приютить за пяток монет?

— Не стоит и пробовать. Трактирщик сказал, что это владения Балистана Паргайда.

Сурок выругался:

— Давайте убираться отсюда.

Мы не проехали и двухсот метров — улицу преградила толпа.

Угрюмая, злая и молчаливая. Здесь собрались чуть ли не все жители деревни. У многих в руках вилы, топоры, косы, цепы, а то и обычные поленья.

— Ой! — тихонько произнес шут. Я тут же оглянулся назад — дорогу нам перекрыли две телеги. Ловко.

— В чем дело? — крикнул Алистан Маркауз. Из толпы вышел давешний мужик с топором:

— Мы не хотим неприятностей!

— Мы уезжаем из деревни, пропустите!

— С радостью, но сперва бросьте оружие и отдайте нам лошадей!

— Что?! — взревел Халлас, потрясая мотыгой. — Чтобы гном отдал свое оружие шайке мерзких вонючих крестьян?! Не бывает этому!

Толпа угрожающе загудела и двинулась в нашу сторону.

— Будем прорываться, — сказал Алистан Маркауз и плашмя ударил мечом коня по крупу.

Огромный боевой конь сделал скачок, оказался перед людьми, смял тех, кто шел в первом ряду. Люди с воплями и проклятиями ринулись в стороны. Я направил Пчелку вперед, стараясь не отставать от остальных. Отряд прошел сквозь крестьян, как нож проходит сквозь масло. Тех, кто не догадался отскочить, затоптали лошади. Один парень едва не умудрился всадить мне вилы в бок, но Халлас разможил ему голову мотыгой, прежде чем я успел испугаться. Секунда — и я уже вылетел из толпы, отчаянно стуча по бокам Пчелки пятками и пригибаясь к ее шее. Воинственные крики толпы остались позади, мы неслись вдоль мрачных домов, желая поскорей вырваться из этой проклятущей деревни. Какая муха их тут всех перекусала, хотел бы я знать?

Впереди было нечто вроде перекрестка. Прямо на нашем пути стояло человек пятнадцать, и эти, в отличие от крестьян, были вооружены копьями и луками. И одеты не в пример лучше — шерсть и сталь. Алистан направил коня влево, проносясь мимо выставленных копий. Миралисса умудрилась сжечь одного из врагов заклинаньем. Пока остальные хлопали глазами и орали от испуга, отряд пронесся за Алистаном. Я скакал предпоследним, сразу же за Халласом. Гном на своем коньке успел проскочить опасное место, а на мою долю достались острые наконечники копий, мелькнувшие в пяти сантиметрах от лица. Пчелка встала на задние ноги и заржала. Я только каким-то чудом не сверзился с седла и не упал в грязь.

— Направо! — рывкнул Басс, видя, что дорога налево уже перегорожена копейщиками.

Я с трудом направил Пчелку вслед за лошадьё Басса — придется нам

прорываться вдвоем. Теперь мы скакали в противоположном направлении от наших. За спиной щелкнули тетивы, и одна из стрел, прожужжав у меня над ухом, впилась в круп лошади Басса, скачущего впереди меня. Лошадь, крича от боли, встала на дыбы и сбросила Басса на землю.

— Руку! — крикнул я, подлетая к нему и свешиваясь с седла.

Проныра вцепился в мою руку, подпрыгнул, я закинул его на Пчелку, позади себя, и Басс вцепился в меня не хуже пиявки.

— Надо выбираться отсюда! Гони!

Меня не стоило упрашивать дважды. Вновь вжикнули стрелы, но на этот раз мимо. Мы пронеслись сквозь всю деревню, больше не встретив ни одного человека, — ни своих, ни чужих. Я остановил Пчелку, только когда Верхние Выдры остались далеко за нашими спинами, скрывшись за завесой дождя.

— Неласковые ребята, чего они на нас взелись?

— Мы можем вернуться и спросить их об этом. — Басс соскользнул с Пчелки.

— Надо отыскать наших.

— При таком-то дожде? Ты их не заметишь, пока не столкнешься с ними нос к носу.

— И что ты предлагаешь?

— Я бы смылся, не находишь мы так глубоко в Приграничье. Отсюда в одиночку не выберешься.

Я слез с лошади и повернулся к Бассу.

— Ты не прав, нам надо как можно скорее найти отряд. Смотри, вон там деревня, — я указал рукой за спину Басса. — Нам просто стоит сделать крюк, и мы выйдем к отряду.

— Вдвоем на одной лошади? — Басс обернулся и задумчиво стал смотреть в сторону Верхних Выдр. Вот тут-то я и увидел это. Из спины Басса торчало две стрелы. Толстые, с палец толщиной, с белым оперением, одна застряла прямехонько под левой лопаткой, другая намного ниже и правее. Сердце и печень. С такими ранами люди не живут. Басс же, казалось, даже не чувствовал ни боли, ни стрел, да и на его одежде не было видно ни капли крови.

— Так что ты думаешь? Гаррет, я, кажется, с тобой говорю!

— А? Да так, задумался.

Видно в моих глазах что-то проскользнуло, потому что Басс внимательно, с прищуром посмотрел на меня и спросил:

— Что с тобой, дружище?

— Ты знаешь, — осторожно начал я. — Те парни все же хорошо

стреляют.

— С чего ты взял? Мы вроде как живы.

— У тебя из спины торчат две стрелы, ты не ощущаешь?

Еще один внимательный взгляд. Басс нашарил рукой одну из стрел и хмыкнул.

— Вот тьма! Если бы ты знал, как не вовремя это все случилось, — криво ухмыльнулся Басс, а затем ударил меня под дых.

Я не ожидал от него ничего подобного. Пчелка испуганно заржала и шарахнулась в сторону, я не удержался на ногах и упал на землю.

— Мне всего лишь надо было наблюдать за тобой и говорить женщине, где вы. — Голос Басса звучал жалобно. — Теперь Хозяин меня накажет.

Я поднял на стоявшего надо мной Басса глаза, и сердце у меня весьма ощутимо екнуло. Глаз у Басса больше не было, вместо зрачков и радужки плескалось море тьмы. Глаза Проныры были глазами старика из тюрьмы Хозяина. Теперь я не раздумывал, нож сам прыгнул в мою руку, и я с криком всадил длинное лезвие Бассу в живот. Тот даже не пикнул. Я не заметил, как он меня ударил, в груди разорвалась боль, не спасла даже кольчуга, и я снова оказался на земле.

— Ты знаешь, — скучающим голосом сказал Басс, вытаскивая из живота мой нож и взвешивая его в руке. — Ребята Маркуна действительно отправили меня под Пирс в тот день, когда я украл у вас с Фором деньги. Не повезло. Быть мертвым — очень плохая штука, Гаррет. Но Хозяин вернул меня из мира мертвых, я стал Продавшимся и всего лишь должен был присматривать за вами и сообщать женщине, где вы находитесь. Ну и что нам теперь с тобой делать?

Вжих! Черная стрела ударила Бассу в сердце.

Вжих! В горло.

Вжих! В живот.

Элл стоял не далее чем в десяти метрах от нас и с методичностью вбивал в Басса стрелу за стрелой. Без толку!

— Меня так просто не убить, — сказал Басс, выставя перед собой нож. — Я очень давно хотел сделать то, что сейчас сделаю!

Не обращая на меня никакого внимания, Басс бросился к Эллу. Эльф отбросил лук и достал из-за спины с'каш. Мой нож намного уступал длиной кривому клинку Элла, но Басса это несколько не смущало, он налетел на эльфа как весенний ураган. Тяжелое дыхание, мелькание рук, звон стали о сталь. Басс лишился левой руки по локоть, но продолжал атаковать. Из обрубка не вытекло ни капли крови.

Его черные глаза были безучастны.

Я всадил ему в затылок арбатетный болт, пробивший голову Басса насквозь. Теперь болт торчал у него из лба. Эта неприятность Продавшегоса тоже нисколько не смутила.

Я вспомнил, что говорил Посланник Лафресе.

— Элл! — заорал я, перезаряжая арбалет. — Голова! Сноси ему голову!

Басс зарычал, отвернулся от Элла и бросился на меня с ножом. Эльф подскочил сзади, кривой меч взвизгнул и отделил голову того, кто раньше был Бассом, от туловища. Голова упала в грязь и покатилась, тело, напичканное стрелами, отчаянно махало из стороны в сторону уцелевшей рукой, пытаясь задеть кого-нибудь из нас ножом. Тварь до сих пор оставалась живой и опасной. Элл подскочил к голове и дважды ударил извлеченным из-за голенища кинжалом по черным глазам. Раздался звук трескающейся скорлупы, глаза лопнули, и тело, конвульсивно дернувшись в последний раз, рухнуло в лужу и затихло. Элл, не теряя времени даром, оказался рядом с мертвецом и, вновь взявшись за с'каш, расчленил труп, отсекая тому руки и ноги. Я все еще стоял с опущенным арбалетом, когда эльф молча протянул мне мой нож. Я осторожно взял его, осмотрел и убрал в ножны. На клинке не было ни капли крови Басса.

— Он мне никогда не нравился. — Желтые глаза сверкнули.

— Что это такое? — ошеломленно спросил я.

— Один из видов упыря, магически созданный из убитого. Верный слуга. Они соображают, говорят, могут есть, помнят все, что было с ними до смерти, и их практически нельзя отличить от обычных людей. Это все, что я не знаю, спросишь у Миралиссы, если это тебе так интересно. Нам повезло, что он во время нашего пути был спокойным.

— Как ты нас нашел?

— Я же говорю — он мне никогда не нравился, — повторил Элл. — Лови свою лошадь, и поехали, дождь усиливается.

Я свистнул, подзывая Пчелку. Этому фокусу меня научил Кли-кли. Пчелка все еще была испугана, она косилась на лежащего в луже мертвеца, но, подчиняясь моему зову, подошла.

— Спасибо, Элл, — сказал я, забираясь в седло. — Сегодня ты спас мою шкуру.

Он ничего не сказал, только кивнул. Я объехал тело Продавшегоса и за всю дорогу до отряда больше ни разу не обернулся.

Глава 13

Суд Сагры

После Верхних Выдр погода изменилась в лучшую сторону. Боги на небе щелкнули пальцами, и сильный ветер за одну ночь прогнал тучи. Выглянувшее с утра солнце теплой рукой принялось сушить землю, избавляя ее от излишней влаги. Наконец-то можно было снять плащ и насладиться чудесной погодой.

По словам Алистана Маркауза, до Пограничного королевства отряд доберется к вечеру. При должной удаче и помощи богов мы наткнемся на один из гарнизонов. В Пограничье никому не отказывают в ночлеге.

После истории с Бассом Миралисса долго расспрашивала меня, что произошло. Эльфийка многозначительно кивала, переглядывалась с подъехавшим Кли-кли, но молчала и лишь в конце моего рассказа произнесла:

— Как говорят у людей, ты родился в рубашке.

На этом наш разговор и закончился. Ни эльфийка, ни гоблин не удосужились мне что-либо объяснить.

Улучив момент, я подъехал к Эллу. Эльф бросил на меня удивленный взгляд, но промолчал, ожидая, когда я сам начну разговор.

— Элл... я...

— Не трудись, Гаррет. Мне от твоих благодарностей ни горячо, ни холодно.

— Я в общем-то не об этом хотел поговорить, — смутился я.

— Да? — Быстрый взгляд. — Ты смог меня заинтриговать, продолжай.

— Ты ведь из дома Черной розы... Понимаю, может, тебя мой вопрос удивит, но ты что-нибудь знаешь о Джоке-принесшем-зиму?

— О принцеубийце? Каждый ребенок нашего дома знает о нем. Великолепная сказка, воспитывающая ненависть к человеческой расе. — Он ухмыльнулся, то ли шутя, то ли говоря абсолютно серьезно.

— Что с ним стало?

— Его казнили.

— Это вы говорите чужакам, а что произошло на самом деле?

— Ты и есть чужак, Гаррет, — безжалостно ответил Элл, затем помолчал и спросил: — Почему тебя это так интересует?

— Я видел сон, его не казнили, по крайней мере, так, как хотели.

— Раз видел сон, зачем же тогда меня спрашивать? — буркнул Элл. — Этому парню повезло: какая-то сердобольная душа вскрыла ему горло от уха до уха.

Эльф провел пальцем себе по шее, показывая, как было дело.

— Об этой истории мы не очень-то любим распространяться. Джоку удалось выскользнуть из рук наших палачей перед самой казнью. Везучий. Того, кто отправил его во тьму, мы так и не нашли. Ходил слухок, что это кто-то из орков пробрался и пошутил, но я в это не очень-то верю. Сказки.

— А...

— Гаррет, это было больше шестисот лет назад, сколько поколений сменилось, а ты хочешь, чтобы я вспоминал рассказы стариков! Я больше ничего не знаю.

— Понимаю... но неужели вы не могли догадаться сразу, что его подставили?

— Знаешь такое выражение — гнев застиляет разум? Вы, люди, искали... э-э-э... как это у вас... козла отпущения. Зачем доискиваться, кто виноват, если эльфа убила стрела этого Джока? У вас был выбор: или искать настоящего убийцу и влезть в войну, или отдать одну человеческую жизнь и забыть обо всем. Тогдашний ваш король поступил мудро, козел был найден, стрела была предъявлена, признание, пускай и выбитое, было, свидетели... Мои предки тоже хороши. Горе и ярость застлали им разум, на Принцеубийце мы хотели отыгаться за то, что случилось в Ранненге, — виновен он или нет. Мы пытались его допросить, но ваши побои и наши пытки... Он только твердил, чтобы его не били... В то время он был виновен, это только спустя три месяца, когда стали копать, выяснилось, что стрелок-то был другой, а Джок в это время находился совсем в другом месте.

— Другой стрелок? Кстати, все знают, что Джок был не виноват, но откуда пошло это знание?

— Вы, люди, как и мы, эльфы, тоже не очень любите рассказывать о своих ошибках. Он сам признался. Добровольно. Пришел, рассказал все как было, где прятался, как стрелял. Не сказал только, почему он это сделал.

— Он?

— Настоящий убийца.

— А никто не думал, что это просто сумасшедший, которому нечего делать?

— Откуда я знаю, Гаррет? Может, так оно и было, но люди этому стрелку поверили.

— Но было поздно. Джок-то уже был мертв.
Элл пожал плечами:
— Одна человеческая жизнь не сыграла большой роли.
— Ты ошибаешься, — тихо проговорил я. — Ты не знаешь, что произошло из-за той страшной ошибки.
— Да? — он посмотрел на меня. — Так Расскажи мне глупому.
— Забудь, теперь это всего лишь пустое сотрясение воздуха.
Эльф кивнул и выкинул наш разговор из головы. Но только не я. Теперь я знал и видел. Видел сном и знал кто, что и как. Надеюсь, я унесу эту тайну с собой в могилу.

* * *

Милорд Алистан решил выслать разведчиков, и теперь Угорь с Сурком уходили далеко влево или вправо, ища возможную опасность. Пока все было тихо, и я бы с удовольствием согласился, чтобы эта тишина продолжалась еще очень и очень долго, вплоть до самого Храд Спайна, но всему хорошему когда-нибудь приходит конец. После полудня вернулся Сурок и доложил, что в нашу сторону движется вооруженный отряд.

— Всадники, — сказал он, докладывая милорду Крысе. — Человек сто-сто двадцать, может, больше. Все вооружены, в доспехах. В полулиге отсюда.

— Люди Балистана Паргайда?

— Не похоже, но могу ошибаться, расстояние было слишком большое.

— Они тебя увидели?

— Обижают, милорд, — ухмыльнулся Сурок. — Если поторопимся — мы еще можем схорониться и попытаться избежать встречи.

— Не думаю, что это нам удастся. — Элл указал на появившегося вдалеке всадника. Человек заметил нас, развернул лошадь и поскакал в обратном направлении. — Они тоже не гнушаются разведчиками.

— Мы еще посмотрим, кто кого, — взялся за секиру Деллер.

— Навоюешься еще, — одернул ретивого карлика Медок. — Чтобы не дергались. Халлас, это тебя касается в первую очередь.

— Угу. — Халлас выбил трубку и убрал ее в седельную сумку. — Нем как могила.

К отряду присоединился Угорь, который сумел разглядеть немного

больше, чем Сурок.

— Это точно не Паргайд, если только он не собирается сбить нас с толку. У них два знамени — зеленое поле с черной тучей и молниями и желтое поле со сжатым стальным кулаком в пламени.

— Про первое ничего не могу сказать, это какой-то мелкий землевладелец, а вот второе знамя мне известно. Это знамя графа Альгерта Далли, хранителя Западной границы, — ответил милорд Алистан.

— Что он делает не в своих землях, любезный милорд? — спросил шут.

— Не обязательно он, это может быть отряд воинов, служащих ему.

— Я могу сказать, кому принадлежит первое знамя, милорд, — влез я в разговор. — Если не ошибаюсь, такой герб у барона Оро Габсбарга. Мы видели его на приеме у Балистана Паргайда, Кли-кли.

— Ах да! Такой большой и лохматый! Как же, как же. Припоминаю.

Напряжение в отряде немного спало. Не думаю, что воины Пограничья и люди барона сразу же изрубят нас в капусту. Это ведь не алчущий крови граф Паргайд. Именно его парни поджидали нас в Верхних Выдрах, Элл успел увидеть вышитого на их одеждах соловья. Приспешники графа настроили против нас жителей деревушки, когда кто-то вовремя передал им сообщение. Уж не знаю, как сообщение обогнало нас — то ли голубем, то ли вороном, то ли магией, но нам успели организовать теплую встречу.

Появилась колонна всадников. Они скакали прямо в нашу сторону, и я бы не сказал, что был очень рад этому обстоятельству. Когда на тебя прет такая силища, невольно хочется оказаться как можно дальше. Знамена трепетали на ветру, доспехи и наконечники копий сияли в лучах солнца, лошади дробили копытами землю... Колонна стремительно приближалась.

— Спокойно, ребята, — процедил Медок и, сам того не замечая, потянулся за огроломом.

Впереди ехали двое рыцарей, облаченных в тяжелые доспехи. У одного закрытый шлем в виде головы петуха с зелеными перьями. Второй без шлема, с густой черной бородищей. Я без труда узнал в нем своего знакомого — барона Оро Габсбарга. Сзади следовали оруженосцы, за ними знаменосцы, еще дальше воины в кольчугах и полушлемах с широкими стрелками, защищающими нос. У многих были копья и щиты.

Когда до нашего отряда всадникам оставалось не больше двадцати метров, человек в шлеме поднял правую руку раскрытой ладонью вверх, и воины остановились. К нам поехали барон с рыцарем, оруженосцы и знаменосцы.

— Назовите себя, — произнес «петух», подъезжая к нам. Из-за шлема

голос человека казался глухим и безжизненным.

— Ба! — вскричал барон, увидев меня. Его лицо выразило крайнюю степень изумления. — Будь я проклят, если передо мной не дралан Пар собственной персоной!

Оро сощурился, наткнулся взглядом на Угря и неуверенно спросил:

— Милорд герцог?

Видок у Угря не очень соответствовал герцогскому, да к тому же магия личины, наложенная на него Миралиссой, давно пропала, и теперь герцог Ганет Шагор был смугл и черноволос, и это не укрылось от взгляда барона.

— Не совсем, — произнес Алистан Маркауз, выезжая вперед. — Господа...

— Глазам своим не верю! Граф Алистан Маркауз собственной персоной, сожги меня молния! И вы здесь?! Воистину, я польщен, что такие люди оказались на моей земле! Неужели вы решили воспользоваться моим приглашением и посетить Фарахолл?! Лейтенант, позвольте, я представлю вам своих гостей. Это граф Алистан Маркауз, правая рука нашего славного короля Сталкона, капитан королевской гвардии, это...

— Позвольте, я сам представлю остальных людей вашему благородному спутнику, барон, — вежливо перебил Оро Габсбарга Алистан.

— Почту за честь, — прогрохотал «петух» и снял шлем.

Сурук вроде ахнул, потому как рыцарь оказался женщиной. Очень молодая девушка с наголо бритой, по моде воинов Пограничного королевства, головой.

— Это леди Алиа Далли, лейтенант гвардии, дочь Альгерта Далли, пророкотал барон.

— Господа, — девушка склонила голову в вежливом приветствии.

— Миледи, позвольте представить вам моих спутников. Треш Миралисса и треш Эграсса из дома Черной луны. К'лиссанг треш Миралиссы — Элл из дома Черной розы.

— А.. — изумленно пророкотал барон, таращась на Угря и меня, не понимая, почему Алистан не назвал наши имена.

— Угорь — воин. Гаррет — вор, — жестко разъяснил барону милорд Крыса.

— Вор? — Казалось, Оро врезали по голове дубиной. — Вор?!

— Правда, приятный сюрпризец? — вылез Кли-кли. — Кстати, обо мне, как всегда, все забыли. Позвольте представиться, королевский шут Кли-кли. На данный момент нахожусь в увольнении.

— Вор... — все еще изумленно твердил Оро, а затем ни с того ни с

сего оглушительно расхохотался: — А знает ли об этом дражайший граф Балистан Паргайд? Интересно, как все эти светские хлыщи отнесутся к тому, что они целый вечер провели в обществе воина и вора?!

— Это еще цветочки, — скромно изрек Кли-кли. Барон Оро Габсбарг несколько не расстроился, узнав правду. Странные это люди — бароны Приграничья.

— Господа, — произнесла Алиа Далли. — Могу ли я узнать, что привело вас в Приграничье?

— Охотно отвечу — мы направляемся в Заграбу.

— Заграбу? Но Заграба эльфов намного западнее этих мест, отсюда можно попасть только в Заграбу орков.

— Туда мы и направляемся, — ответила девушке Миралисса.

— Но, помилуйте боги, что вам там понадобилось?! — воскликнул барон. Есть куда более простые способы самоубийства!

— Действительно, Заграба — не то место, куда следует стремиться, согласилась с бароном Алиа Далли.

— Простите, миледи, но мы выполняем дело государственной важности, от которого зависит судьба всех Северных земель. Это все, что я могу вам сказать, остальное может узнать лишь ваш благородный отец. Надеюсь, вы проводите нас к нему?

— Конечно! — Алиа кивнула. — Ворота нашего замка всегда открыты для вас и ваших спутников, милорд Алистан. Мы как раз направляемся туда и с радостью проводим вас в Кротовый замок.

— Тогда не будем задерживаться, миледи, путь у нас долгий.

— Через несколько часов мы уже будем в Пограничном королевстве, а к завтрашнему вечеру — в замке. — Леди Алиа Далли вновь надела петушиный шлем, превратившись в безликого рыцаря. — Следуйте за нами, господа.

Отряд вновь двинулся в путь вместе с колонной воинов. Алистан и Миралисса присоединились к Алии Далли, все остальные старались держаться друг друга. Лишь Кли-кли решил поразвлечься, благо новой публики было хоть отбавляй. Не прошло и часа, как по рядам воинов гулял хохот, — шут наконец-то нашел, где можно развернуться.

Барон Оро Габсбарг ехал впереди, следом за Алистаном Маркаузом, беседующим с леди Алией, и иногда кидал на меня озадаченные взгляды. Меня, если честно, они немного нервировали. Сагот знает этого барона добренький, добренький, а потом ни с того ни с сего снесет голову.

Наконец барон не выдержал, придержал лошадь и, дождавшись, когда я поравняюсь с ним, спросил:

— Значит, вор?

— Да, милорд.

— Хм... здорово вы меня обманули... это затея милорда Крысы... э-э-э... я хотел сказать милорда Алистана Маркауза?

— Короля, — соврал я, чтоб уж полностью себя обезопасить.

— О! — сказал барон и задумчиво пожевал бороду. — У меня еще никогда не было в друзьях воров.

Оро Габсбарг обвиняюще наставил на меня свой палец, больше похожий на толстую колбаску.

— Я прошу прощения, если это задело вашу честь, милорд, — подбирая слова, ответил я ему.

Он внимательно зыркнул на меня своими маленькими черными глазками, неожиданно расплылся в улыбке, а затем от души хлопнул меня по спине. Я едва не слетел с Пчелки и не зарылся головой в землю.

— Да ладно! — добродушно прогудел барон. — Главное, чтобы человек был хороший! К тому же будет чем похвалиться перед своей леди-женой, когда я вернусь в Фарахолл!

Не помню, я говорил, что бароны Приграничья довольно странные люди или не говорил?

— Хотя мне тебя искренне жаль... э-э-э... как там тебя?

— Гаррет, милорд.

— Мне тебя искренне жаль — бродить по Заграбе еще то удовольствие!

— Понимаю.

— Как видно, не очень сильно, иначе бы ты ехал совсем в другом направлении. Может быть, Альгерт Далли сможет убедить милорда Алистана бросить эту глупую затею.

— Что он за человек?

— Хм-м? — Барон вопросительно посмотрел на меня и начал рассказывать. Его не очень-то смущала беседа с вором, да и поболтать он любил, лишь бы рядом был благодарный слушатель.

— Милорд Альгерт Далли? О! Камень, а не человек. Альгерт Далли — опора трона, хранитель Западной границы королевства. Солдаты в шутку прозвали его Доброй Душой. В бою он впадает в такую ярость, что громит всех направо и налево и по доброте душевной даже не замечает, что не оставляет врагов для своих солдат. Всех сам — прирожденный воин. Правда, есть у него одна странность — помешан на ножах...

Я удивленно посмотрел на барона.

— Ну, говорят, он всегда таскает с собой какую-нибудь железку. Нож

постоянно держит в руке, ест им, спит с ним, в баню тоже с ножом, и к бабе с ножом. Но это ведь мелочи, да, вор? У каждого свои странности.

— Истинно так, милорд. А его дочь?

— Леди Алиа? Она командует гарнизоном Кротового замка. Правая рука папаши. Девка вроде ничего, боевая, вот только башку брить... по мне это кощунство... Милорд Альгерт прислал ее с воинами ко мне в Фарахолл. Помнишь, мы разговаривали с тобой на приеме у графа?

То, что не дал мне Балистан Паргайд, обещал дать милорд Альгерт, оттого я и еду сейчас с ними. Взял двадцать своих людей и в Кротовый замок, благо не далеко... Ладно, заговорился я что-то, проедусь-ка. Еще увидимся, вор!

— Всенепременно, барон, всенепременно.

К вечеру мы оказались в Пограничном королевстве. Об этом нас известил очередной столб из черного базальта, стоявший возле самой дороги. Холмистая равнина осталась за нашими спинами, начались хвойные леса, перемежающиеся широкими полями. Дорога петляла меж елок, отряд растянулся по ней длинной колонной. По пути мы миновали две деревянные крепости с высоким частоколом и смотровыми башнями. Ночевать остановились прямо в поле, когда почти совсем стемнело. За час воины разбили лагерь. Вспыхнули многочисленные костры, на которых забурили котелки с едой. Десяток воинов с успехом атаковали лес и отвоевали у него дрова и длинные стволы молодых деревьев, из которых соорудили загон для лошадей. Рядом протекала маленькая речка, так что воды у нас было вдосталь. Люди леди Алии разбили большой шатер, куда были приглашены эльфы, барон и Алистан. Все-таки в высоком положении есть какие-то приятные стороны — ночевать можно с удобствами. Утомившийся за целый день Кли-кли упал на мое одеяло и заснул без задних ног. Мне пришлось коротать ночь на плаще, правда, особого неудобства я от этого не испытал. Было очень тепло, и если бы не вездесущие комары, я мог бы с чистой совестью сказать, что это была одна из лучших ночевок под открытым небом за все время нашего путешествия из Авендума. Засыпая, я понял, чего мне так не хватало все это время, — чувства безопасности. Ведь когда вокруг тебя находится больше ста воинов, чувствуешь себя как за каменной стеной.

Следующим утром Алиа Далли подгоняла отряд, намереваясь к вечеру оказаться в замке своего отца. Шли ходко. Я находился в голове колонны, сразу за высокородными, оруженосцами, знаменосцами, личной охраной и оттого пыль, поднятая копытами лошадей, не так уж сильно лезла мне в нос, чего не скажешь о воинах, едущих сзади. Проливных дождей, упавших на Приграничье, в этих землях как будто и не было. Дорога, по которой мы продолжали путь, оказалась сухой и пыльной. Через несколько часов пути, аккуратно после небольшой остановки и очередной ссоры Халласа и Делера, не поделивших маленькое кислое яблоко, из конца колонны к леди Алии прискакал всадник. Я находился недалеко и поэтому слышал весь разговор.

— Миледи, разведчики заметили всадников!

— Сколько?

— Двадцать человек. Едут прямо за нами, минут через шесть будут здесь. Знамен нету, но это не наши.

— Мы дождемся их, — сказала Алиа Далли. — Надо узнать, кого тьма посадила нам на хвост.

— Это за нами, миледи, — произнесла леди Миралисса. — Эти люди гонятся за отрядом от самого Ранненга.

— Враги?

— Для нас — да.

— Значит, и для меня, — кивнула головой девушка. — Дрон, скажи людям, чтобы были готовы.

— Не думаю, миледи, чтобы они напали на нас. Слишком неравны силы, протянул Эграсса.

— Посмотрим.

Двадцать человек? На той стороне Иселины их было двадцать восемь, если Миралисса действительно права и это люди Балистана Паргайда. Куда делись остальные?

Они вылетели из-за поворота дороги, увидели ораву закованных в металл людей, расстроились и придержали лошадей, заставляя животных перейти на шаг. Человек во главе отряда заметил нас и двинулся вперед, остальные последовали за ним. Граф Балистан Паргайд собственной персоной. Физиономия у Соловья была усталая и злая, насмешливой улыбки и след простыл. Я узнал еще двоих спутников графа. Первый — парень, встретивший нас у ворот, Мейло Труг, кажется. Черная шелковая рубашка, кожаная куртка и полное отсутствие брони. А еще меч — биргризен, точно такой же, как у Мумра, на черной рукояти оружия — золотой дубовый лист. Как говорил Кли-кли, Мейло — мастер длинного

меча. Фонарщик оценивающе посмотрел на клинок Мейло, но ничего не сказал. Второй — мой старый враг, имя которому — Бледный. Он нисколько не изменился, вот разве что лицо после магического ожога так до конца и не зажило. Ролио увидел меня и впился взглядом, как будто я задолжал ему сто золотых монет. Я мило улыбнулся Бледному, желая позлить.

Остальные воины были мне неизвестны. Я с радостью и несказанным облегчением увидел, что Лафресы в этом отряде нет.

— Клянусь своим мечом! Это становится уже совсем интересным! Граф, вы с вашими людьми тоже выбрались на прогулку? — изумился Оро Габсбарг.

— Барон, рад, что я встретил вас. Арестуйте этих людей!

— По какому обвинению? — спросил Алистан Маркауз.

— А-а-а! И вы в этой шайке, милорд? Интересно, что скажет король, когда узнает, что его человек занимается воровством?!

— Полегче, граф, иначе мы скрестим клинки, — сурово сказал Алистан, опуская руку на рукоять меча. — Предъявите свои обвинения.

— Обвинения? Вот они! Я обвиняю этих людей в том, что они обманом проникли в мой дом, выдавая себя за дворян! Я обвиняю их в краже моего имущества и убийстве моих людей! Арестуйте их, барон! — Голос Балистана Паргайда звенел торжеством.

— Увы, милорд, — усмехнулся Оро Габсбарг. — Я здесь не командую и ничем не могу вам помочь.

— Да какая разница, заberi меня тьма? Вы командир этого отряда, лейтенант? Хорошо! Арестуйте этих людей и отдайте их мне! Или хотя бы не вмешивайтесь, и мои люди все сделают сами!

— Сожалею, — проговорила из-под шлема Алиа Далли. — Но эти люди находятся под моей защитой, и, что бы они ни сделали, я не могу их арестовать. Также я не собираюсь передавать их в руки ваших молодчиков, граф.

— Да как ты смеешь?! Я граф и не собираюсь слушать какого-то там тупого лейтенантика! — побагровел Балистан Паргайд.

— А я графиня Алиа Далли, милорд! — Она сняла шлем и с яростным блеском в глазах посмотрела на опешившего Балистана Паргайда. — Сейчас вы не у себя дома! Сейчас вы в моей стране! И вы только что оскорбили меня! Потрудитесь извиниться, граф!

Балистан Паргайд пошел пятнами, но извинился. Не думаю, чтобы он испугался. Как говорил милорд Алистан, мечом граф владел знатно, но обострять ситуацию еще сильнее не стоило, особенно когда тебя окружает

такое количество воинов.

— Чудесно, — кивнула девушка. — Не смею вас больше задерживать, граф, всего хорошего.

— Но эти люди смертельно оскорбили меня! Они должны ответить!

— Не сейчас, граф, они под моей защитой, прощайте. — Алиа развернула коня, давая понять, что на этом их разговор окончен.

— Эти люди оскорбили моего господина, — неожиданно процедил Мейло Труг. — От его имени я требую суда Сагры! Именем стали, огня, крови и волей богов!

Сказанные слова произвели в рядах воинов Пограничья эффект взорвавшейся бочки с порохом. Я даже отсюда услышал, как заскрежетал зубами милорд Алистан. Этот Мейло сказал что-то важное?

— Я услышала тебя, воин, — кивнула леди Алиа. — Ты обвиняешь в преступлении какого-то конкретного человека или всех?

Тень улыбки пробежала по губам Мейло, он уже собирался ответить, когда в разговор вмешался Балистан Паргайд:

— Всех! Он обвиняет всех!

Улыбка на физиономии у Мейло скисла, похоже, сейчас граф, сам того не ведая, совершил какую-то глупость.

— Услышано, — поспешно сказала графиня. — Тебе будет предоставлена возможность доказать правоту своего господина, воин.

— Мы сделаем это здесь и сейчас! — вновь влез Балистан Паргайд.

— Нет, граф. По правилам закона Сагры, на суде должен присутствовать владелец той земли, на которой произнесен вызов. Сейчас мы на землях моего лорда-отца, и, чтобы суд свершился, вам придется проехать в Кротовый замок, где и будут оглашены правила поединка.

Поединок?! Она сказала поединок?! Мне это решительно не понравилось!

— Но... — недовольно начал Балистан Паргайд.

— Вы можете снять вызов, воля ваша, — невозмутимо произнесла Алиа Далли. — Правила этого не запрещают.

— Нет, мы поедем с вами, миледи.

— Как вам будет угодно, милорд, — ответила девушка.

Она не предложила графу и его людям свое покровительство.

Мы продолжили путь, люди графини как бы невзначай следовали за людьми графа, внимательно наблюдая за ними. Граф молча ехал рядом с Оро Габсбаргом. Взгляд Бледного неприятно холодил мне затылок.

— Сурок, — тихо спросил я у воина. — Что это за суд Сагры?

— Не знаю, Гаррет. Был бы с нами Арнх, он бы разъяснил законы

своей страны...

— Суд Сагры? Слышал я о такой штуке, ребята, — сказал Фонарщик. — Суд богини войны. Он раньше был очень распространен среди воинов Пограничного королевства. Когда возникало спорное решение или оскорбление чести воина, проходил суд Сагры. Поединок, одним словом. Этот ушастый вызвал нас на суд, и не один воин Пограничного королевства не посмел бы ему отказать в этом праве.

— Поединок идет до смерти? — Сурок скосил взгляд на Мейло Труга.

— Когда как. Все зависит от того, что скажет верховному лорду земли вызвавший нас. Если он скажет, что до смерти, значит, до смерти.

— Ты так спокойно говоришь об этом, Мумр, — криво усмехнулся я. Этот Мейло оказался хитрым парнем.

— Могло быть и хуже, — философски ответил Фонарщик, доставая дудочку.

— Куда уж хуже?

— Если бы граф не влез в разговор, то его слуга мог выбрать себе любого соперника. А тут милорд Паргайд сказал, что обвиняет всех.

— И теперь этому, как его? — спросил Сурок.

— Мейло, — подсказал я.

— И теперь Мейло придется драться со всеми нами?

— Как же! Разбежался! Теперь все решит жребий. Гаррет, не надо так нервничать, ты в любом случае в этом деле не участвуешь.

— Почему?

— Суд Сагры только для воинов. Ты, Кли-кли и Миралисса — не воины.

— Это я то не воин? — горя праведным гневом, возразил Кли-кли. — Да я воин получше всех вас вместе взятых! Я даже боевую песню знаю!

— Молодец, Кли-кли, только успокойся, — примиряюще сказал Медок.

— Эй, гоблин, — позвал Кли-кли седоусый воин, услышавший вопли шута. Спой свою песню.

— А что? Сейчас и спою!

И спел. Да так, что не успокаивался добрых десять минут.

— Хорошая песня, — довольно крикнул воин. — Душевная.

— Ну как? Я воин после этого?

— А то! — абсолютно серьезно сказал воин.

В рядах пограничников засмеялись, за один дневной переход суровые воины успели полюбить шутки и песенки Кли-кли. Наивные! Они просто еще не испытывали очарования от гвоздя в сапоге или ушата холодной

воды в постели.

Шут повернулся к нам и показал язык. Слышали, мол, что умные люди обо мне говорят?

Безлюдные места остались в стороне, часу не проходило, чтобы мы не проезжали мимо какой-нибудь деревеньки. Вот только в отличие от наших, валиостровских, эти деревеньки были обнесены частоколом, здесь же находились смотровые вышки с лучниками. Каждый крестьянин Пограничного королевства в любой миг мог сменить соху на боевой топор и дать отпор врагам.

— Как здоровье, Гаррет? — Бледный поравнялся со мной.

— Спасибо, не жалуюсь, а как ты, Ролио? Отошел от стычки с демонами? — не остался я в долгу.

— Так это ты... — протянул Бледный и усмехнулся. — Что-то я не припоминаю, что называл тебе свое имя.

— Ты никогда не отличался вежливостью, Бледный. Пришлось мне все узнавать самому.

— Тем больше у тебя причин печься о своем здоровье, Гаррет.

— О! Я буду очень заботиться о себе, Ролио! Просто очень. Что заставило тебя отправиться в такой долгий путь?

— Проблема по имени Гаррет. Ловко ты украл тот ключ, я оценил, можешь мне поверить.

— Польщен, честное слово.

— Ну, бывай, скоро увидимся.

— Рад был приятному общению.

За этим вежливым, как показалось бы стороннему человеку, разговором крылось очень и очень многое. И все же не думаю, что Бледный начнет действовать прямо сейчас. Вокруг слишком много людей, он не оберется неприятностей, если попытается отправить меня в свет. В тот миг, когда я вдруг ни с того ни с сего упаду с лошади и истеку кровью, Бледному перережут горло. Так что буду ожидать от него подлостей, лишь когда останусь один.

Кротовый замок мы увидели издалека — огромная серая машина, стены которой поднимались в небо на сорок метров, а двенадцать прямоугольных башен — на все шестьдесят. Стены ощерились баллистами и катапультами, угрожая любому, кто решит попробовать взять замок штурмом. Широкий ров заполнен проточной водой, попадающей сюда из находящейся рядом реки. Когда мы ступили на подъемный мост, стены угрожающе нависли над нами, проверяя, кто направляется в сердце замка.

Я задрал голову вверх — отсюда люди на стенах казались букашками.

Сейчас мощные дубовые ворота, обитые стальными листами, были приглашающе распахнуты, решетки подняты, но в случае нападения не всякий таран сможет справиться с такой преградой. Возле ворот на часах стояло два десятка воинов. Начальник караула поприветствовал леди Алию салютом, и мы въехали в ворота замка. Я оказался в коротком туннеле, стены которого щерились бойницами. Возле стены хищно замер "дикобраз" в который можно одновременно заряжать и выстреливать до сорока стрел. В высокой дали, на перекрытиях, на цепях висели чаши, в которые обороняющиеся заливали смолу и горячее масло. Да, дом Альгерта Далли — крепкий орешек, такой нахрапом не возьмешь.

Мы въехали во внутренний двор замка. Двором сие место называлось в насмешку, он вполне мог поспорить размерами с площадью. Здесь нас уже ожидали.

— Миледи Алиа, — поклонился один из воинов. — Ваш лорд-отец ожидает вас.

— Благодарю, Чиззет. — Леди Алиа спрыгнула с лошади. — Благородные господа, следуйте за мной. Просящий суда — тоже. Чиззет, позаботьтесь о размещении наших гостей.

Естественно, обычного вора на аудиенцию к милорду Доброй Душе не позвали, да я и не напрашивался, если честно. Милорд Алистан, барон Оро, эльфы, граф Паргайд и Мейло последовали за леди Алией, а мы отправились за Чиззетом.

* * *

Мы получили комнаты в башне Крови, как называли это место жители замка. Хорошие комнаты, с кроватями, тростником на полу и окнами, выходящими во внутренний двор.

Как сказал мне Угорь, в замке такого размера за раз могло находиться более шестисот человек. Огромная туча народа. Кли-кли, не признающий никаких кроватей, расстелил на полу одеяло и смылся совать свой любопытный нос в каждый угол замка. Я тоже было решил прогуляться и выйти во внутренний двор, но явился Алистан Маркауз. Граф сказал, что поединок состоится завтра утром.

— До смерти, — глухо уточнил капитан гвардии.

Мое хорошее настроение враз испортилось. Но это еще не все, если мы проигрываем, то ключ, с таким трудом добытый нами, достанется Балистану Паргайду — таков закон суда Сагры.

— Милорд Алистан, а если мы уйдем под покровом темноты?

— Из замка, вор? Суд Сагры для воинов Пограничья — святое. Мы или выиграем, или лишимся ключа. Третьего не дано.

— Я самолично разнесу голову этому хлыщу! — пригрозил Халлас. Решили, кто выйдет на поединок?

— Решит жребий. Идемте за мной, милорд Альгерт ждет вас.

— Я могу пойти с ними?

— Ты не участвуешь в жребии, вор.

— Но пойти я могу, милорд? — не отставал я.

— Можешь, — неохотно кивнул милорд Алистан.

В зале, куда нас привел граф, народу было порядочно — шерсть и сталь, мечи и бритые головы. Казалось, здесь собрались все мужчины замка. Кли-кли крутился в зале, развлекая пришедших сюда воинов, но как только он заметил милорда Крысу, цирк закончился, и шут присоединился к нашей компании.

— Где тебя носило? — спросил я у него.

— Осматривал местные достопримечательности. Кстати, на кухне есть морковка.

— Поздравляю.

Миралисса с эльфами уже была здесь, как и Балистан Паргайд с Мейло. Оро Габсбарг сжимал в своей лапе пивную кружку. Заметив меня, барон важно кивнул. Алиа Далли стояла за спиной низкорослого широкоплечего человека, подбородок которого покрывала двухнедельная щетина. Как и все воины в замке, этот человек был лыс, облачен в кольчугу и грубые штаны воина. В руках он задумчиво вертел кинжал с дорогой рукоятью из кости огра. Граф Альгерт Далли Добрая Душа, если не ошибаюсь. Мы подошли к столу, за которым сидел лорд, и остановились.

— Итак, ты не изменил своего решения? — обратился милорд Альгерт к Мейло, после того как удостоил каждого из нас внимательным взглядом.

— Нет, я требую суда Сагры.

— Хорошо, осталось выбрать соперника. Принесите жребий!

Один из воинов вышел из зала.

— Эй, гарракец! Лови. — Мейло Труг бросил Угрю медную монетку. — Я, кажется, задолжал тебе медяк.

Угорь поймал монетку и невозмутимо сунул ее за пояс.

— Благодарю, лишние деньги всегда пригодятся.

— Ты советовал выпороть меня кнутом? Я помолюсь Сагре, чтобы встретиться с тобой на площадке.

— Как тебе угодно. — Угорь невозмутимо поклонился, Халлас зло забормотал что-то себе под нос, нехорошо посматривая на Мейло Труга.

В это время в зале появился вышедший минуту назад воин и подошел к тем, кто должен был тянуть жребий, из кулака у него торчало несколько соломинок.

— Тот, кто вытащит короткую, встретится с этим человеком на суде Сагры завтра утром, — сказал Альгерт Далли. — Напоминаю, что вы вольны отказаться участвовать в жребии, но тем самым признаете свою вину... Вижу, желающих нет. Тяните, и да поможет вам Сагра!

Первым был Элл. Он смело протянул руку и вытянул длинную.

Эграсса. Длинная.

Мое сердце оглушительно стучало, как будто это я сейчас тянул жребий.

Милорд Алистан. Соломинка длинная.

Медок. Длинная.

Халлас. Длинная. Гном выглядел расстроенным, он очень хотел участвовать в бою. То, что одного с поединка вынесут ногами вперед, Халласа несколько не смущало. Как и всякий гном, Счастливчик был излишне самоуверен.

Угорь. Длинная. Мейло Труг разочарованно выпятил нижнюю губу.

Оставались Делер и Фонарщик.

Мумр. Короткая. Короткая, Сагот нас всех спаси! Фонарщику драться!

Воин Альгерта Далли разжал кулак, показывая всему залу, что последняя соломинка, которая должна была достаться Делеру, — длинная.

Мумр, казалось, несколько не расстроился, что завтра ему предстоит бой. Он хмыкнул, безразлично пожал плечами и спрятал соломинку в карман.

— Да будет так, — сказал милорд Альгерт. — Оружие?

— Длинный меч, — ответил Мейло Труг, сверля Мумра взглядом.

— Длинный меч, — кивнул Мумр.

— Завтра с утра за вами придут, а теперь приглашаю всех разделить со мной хлеб и мед.

Не знаю, как у других, но у меня кусок в горло не лез, и, когда я вышел из-за стола, еда на моей тарелке осталась нетронутой.

— Сейчас начнется. — Кли-кли нервно подпрыгнул, шмыгнул носом и откусил от морковки приличный кусок.

— Ты можешь не чавкать хоть какое-то время? — раздраженно зарычал я на него.

— Не могу, — отрицательно покачал головой королевский шут. — Когда я нервничаю, мне хочется кушать.

— Успокойся, Кли-кли, — попросил Медок. Командир Диких нервничал не меньше меня.

— Как ты думаешь, Медок! — Кли-кли невозмутимо оттяпал от морковки очередной кусок. — Каковы шансы у Мумра?

— Не знаю.

— Все зависит от того, как он им владеет, — разжал зубы дымящий трубкой гном.

— Поверь мне, этот Мейло мечом владеет хорошо, — вздохнул Кли-кли. Королевские турниры просто так не выигрывают.

— Наш Фонарщик тоже не сапог дырявый, — ответил гном. — Дубовый лист на рукояти так просто не достается.

Я пропустил их спор мимо ушей. Не до того мне было сейчас.

Утро выдалось прохладным, солнца видно не было, на небе — сплошные белые облака. Мы, как и многие жители замка, стояли вокруг находящейся во внутреннем дворе большой открытой площадки с хорошо утрамбованной землей. Ни фанфар, ни праздничных лент здесь не было, сейчас не турнир, а судебный поединок. Милорд Альгерт с дочерью, эльфы, Балистан Паргайд и Алистан Маркауз... Все, наверное, нервничают, как и я, но по их благородным физиономиям это не очень-то заметно... Забери меня тьма, я сейчас чувствую себя так, как будто сам должен выйти на эту площадку! Только Оро Габсбарг казался скучающим.

По рядам зрителей пролетел шепоток, я повернул голову и увидел Мейло Труга. Он спокойно вышел на площадку, повернулся лицом к знати, поклонился.

Мейло и сейчас оделся, как щеголь: красная шелковая рубашка с широкими рукавами, бордовые кожаные бриджи, начищенные до блеска сапоги, черные кожаные перчатки. Через правое плечо Мейло был переброшен биргризен. Длинной меч едва уступал росту человека. Воткни его в землю, и массивное круглое навершие рукояти меча достало бы

Мейло до подбородка.

Мумр появился спустя минуту. Он ступил на площадку с другой стороны замкового двора и остановился напротив Мейло. Фонарщик, как и Мейло, был в рубашке, но не из шелка, а из черной шерсти. Грубые штаны воина, мягкие сапоги... Поединщиков объединяло только одно — кожаные перчатки на руках и тяжелые биргризены. Ни тот, ни другой воин не имели никаких доспехов — на суде богини доспехи не нужны. Фонарщик — мастер длинного меча, Мейло тоже, так что поединок будет проходить до первой серьезной ошибки одного из бойцов. Одного хорошего удара таким клинком будет достаточно, чтобы отправить противника прямиком в свет.

На лбу у Мумра повязана черная лента, поддерживающая его длинные волосы и защищающая глаза от стекающего со лба пота. Меч Фонарщика, как младенец, лежал на сгибе левой руки, воин лишь придерживал его пальцами за крестовину.

Мейло сверлил глазами противника. Мумр ответил ему безучастным взглядом, казалось, что сегодня он вышел на утреннюю прогулку, а не на бой. Рядом с Мейло Трутом Мумр Фонарщик казался худеньким и щуплым. Биргризен в его руках выглядел несуразно огромным и тяжелым.

— Вы готовы? — Голос Альгерта Далли разнесся над площадкой.

— Да.

— Готовы, — сказал Фонарщик.

— Поднявший вызов, ты все еще хочешь оспорить право владения за своего милорда?

— Да, — не колеблясь, кивнул Мейло Труг.

— Суд свершится...

— Смертью, — продолжил Мейло.

— Да будет так, — кивнул Альгерт Далли, задумчиво вращая меж пальцев любимый нож. — Сталью, огнем, кровью и волей богов, говорю вам — Сагра над вами, и она решит, кто из вас прав и достоин!

Я уже не раз говорил: меч — не мое оружие, кроме арбалета я смог более-менее сносно освоить лишь нож. Фор — большой дока в фехтовальных делах — пытался обучить меня, но после нескольких уроков лишь обреченно махнул рукой. Единственное, что я вынес из тех мучительных упражнений с деревянной палкой, — поверхностные знания стоек и названия отдельных ударов. На этом все мои знания, а также умения на фехтовальном поприще заканчивались. Но спасибо моему старому учителю хотя бы за это, теперь, видя, как фехтуют стражники в замковом дворе или воины на турнире, я хотя бы иногда мог понять, почему один человек закрывается мечом так, а другой колет так.

Между тем на площадку, где должен был состояться суд, вышел жрец Сагры, как и все воины Пограничного королевства, облаченный в кольчугу и шерсть, извлек из ножен свой меч, воткнул его между ставшими друг против друга соперниками и начал читать молитву, прося богиню войны и смерти быть свидетелем этого поединка, наказать виноватого и защитить правого. Мейло с мечом, лежащим на правом плече, сверлил глазами Мумра. Фонарщик, все так же удерживая клинок на сгибе левой руки, лениво жевал соломинку, благодаря которой он сюда попал.

— Мама, — испуганно икнул стоявший рядом со мной Кли-кли и в ту же секунду жрец выдернул меч, сделал длинный шаг назад и сказал:

— Начали!

Никто из воинов не последовал его приказу до тех пор, пока жрец не покинул площадку. Все это время Мейло не сводил взгляда с Фонарщика, а тот, в свою очередь, лениво смотрел в только ему видимую точку, расположенную где-то над головой Мейло Труга. Каждый ждал, когда его противник начнет атаку.

Прошло шесть долгих ударов сердца, прежде чем Мейло, издав угрожающий рык, первым кинулся на врага. Он размашисто шагнул вперед, одновременно кладя левую руку на длинную рукоять меча, и биргризен, как пушинка, слетел с его плеча. Мейло ускорил полет меча поворотом корпуса и нанес страшный удар, целясь в грудь. Как только Мейло стал двигаться, Мумр, против моего ожидания, шагнул в сторону своего противника. Я, кажется, ахнул, казалось, что летящее лезвие врага перерубит Дикого пополам, но огромный биргризен Фонарщика, всего лишь секунду назад баюканный на руке, словно младенец, ожил и преградил путь мечу Мейло.

— Дза-анг! — пронеслось по двору замка, и Мейло отшатнулся назад.

Фонарщик крикнул и атаковал врага в беззащитный бок. Теперь уже Мейло удивил меня — он оказался почти рядом с Мумром и повернулся к летящему мечу спиной.

Толпа выдохнула.

Мейло забросил оружие себе за спину и плоскостью клинка остановил удар меча Мумра. Женская стойка! Вот как эта штука называется, если мне не изменяет память!

— Дза-анг!

Ни секунды не медля, Мейло продолжил разворот, повернулся, меч вылетел у него из-за спины и упал сверху, грозя перерубить противнику руки. Фонарщик проворно закрылся, направив острие своего клинка в лицо Мейло, встретил удар и тут же толкнул меч вперед, целясь в живот врага.

Мой взгляд не успевал следить за тем, что творится на площадке. Клинки порхали, как взбесившиеся мотыльки, с визгом рассекая воздух, с грохотом сталкиваясь, расходясь и вновь сталкиваясь. Порой все движения соперников сливались в одно размытое пятно, и я понимал, что они еще живы, только через несколько секунд, когда атака того или иного поединщика попадала на блок.

— Вжу-у-ух! Дзанг! Дзанг! Вжу-ух!

— А-а-а... У-у-у... О-о-о... — пела толпа, отвечая на каждый взмах, на каждый укол, на каждый удар.

Вот опять Мейло закрутился волчком, рубанул, казалось вкладывая в клинок свою душу. Мумр отпрянул, резко провалил рукоять меча вниз, заставляя клинок взмыть вертикально вверх, и удар Мейло пришелся в воздвигнутую перед ним стальную стену.

— Дза-анг!

Мечи плели в воздухе паутину, закручивались сверкающей вьюгой, то и дело ударялись друг о друга, взмывали ввысь, грозя поразить небо, и падали вниз, мечтая разрубить землю. Воины не сражались — они танцевали, играя со смертью в таинственную, завораживающую и почти неуловимую глазом игру, ставкой в которой были их жизни. Клинок Мейло, словно живой, подскочил высоко вверх, Фонарщик кинулся в образовавшуюся брешь и попытался нанести удар. Всего лишь попытался...

Балистан Паргайд не зря платил Мейло денежки. Тот быстро отступил назад, продолжил движение своего клинка и теперь уже клинок Мумра подлетел вверх, дав возможность Мейло нанести удар.

Фонарщик присел, принял удар клинком возле самой крестовины меча. Тут же резким движением выпрямился, толкнул эфес своего клинка вперед и вверх. Меч Мейло едва не попал в лицо своему хозяину, настолько неожиданной оказалась атака Мумра. Чтобы избежать встречи с отлетевшим клинком, Мейло отскочил назад, начал пятиться от наступающего на него Мумра.

От начала боя до этого момента прошло всего с полминуты, а лица обоих воинов блестели от пота.

Пес Балистана был порядком ошеломлен неожиданным натиском, теперь он смотрел на Фонарщика, едва не отправившего его к праотцам, настороженно и напряженно, ловя каждое едва заметное движение.

— Пора убивать, — буркнул Халлас. — Долго этими оглоблями не намахаетесь.

Гном прав, пускай сейчас тяжеленные мечи порхают, как перышки, но усталость рано или поздно придет — и тогда проиграет тот, кто устал сильнее.

Между тем Мумр одним движением подскочил к ошеломленному противнику и, поторопившись воспользоваться неожиданным преимуществом, ударил.

— А-ах! — пропела толпа, приветствуя смельчака.

Мейло успел собраться в самый последний момент, в ту самую секунду, когда, казалось, биргризен Фонарщика раздробит ему ребра. Он встретил падающий клинок, вкладывая в собственный меч всю свою быстроту и всю свою жажду жизни.

— Дз-з-зонг!

Мечи, издав жалобный стон, слились в мимолетном поцелуе. Слились лишь для того, чтобы ровно через секунду отскочить друг от друга.

И вновь плетение кружев в воздухе, попытка создать прекрасный,

сверкающий узор, окончанием которого должна стать смерть.

Мейло прыгнул к Мумру, с хаканьем нанося удары снизу вверх и напирая на Фонарщика.

— Х-х-ха!

— Дза-анг!

— Х-х-ха!

— Тса-анг!

— Х-ха!

— Дза-анг!

Последний удар Мейло было особенно силен, меч Фонарщика подскочил вверх, открывая брешь, и враг тут же ударил в беззащитную голову. Мумр толкнул свой меч навстречу, и их клинки застыли. Каждый из противников давил на меч другого, пытаясь вбить клинок в лицо врагу.

На несколько секунд над площадкой разлилась тишина.

Маленький Фонарщик юркнул под клинком слишком увлекшегося давлением Мейло и резко оттолкнул противника от себя. Мейло провалился вперед, превратился в размытое и едва различимое глазу пятно, крутанулся похлеще, чем шаман гоблинов, переевший на завтрак мухоморов. Росчерк молнии, тоненький взвизг меча...

Фонарщик сумел разгадать уловку и подпрыгнул.

— Мама! — Шут закрыл глаза руками, продолжая смотреть на бой сквозь растопыренные пальцы. — Скажите, что он жив!

— Жив! — Халлас, сам того не замечая, сжимал побелевшими пальцами рукоять боевой мотыги.

Гном был прав, Мумр твердо стоял на ногах, хотя на его лице появилось выражение злости и досады. Едва не попался.

— Счет не в нашу пользу, — буркнул Медок. — Мумру пора прекратить играть с ним.

Мейло с торжествующей улыбкой, почти без всякого замаха ударил обратной стороной лезвия клинка, желая поразить колено ближней ноги Фонарщика.

— Взи-иг!

Мумр резво поджал ногу, биргризен пролетел под ней, и Дикий, едва не потеряв равновесие, атаковал. Удар вышел слишком неуклюжим — воздух под мечом даже не зашелестел.

Дзанг!

Как только клинок Мумра встретился с блоком, Мейло тут же ударил острием. Удар внезапный. Удар коварный. Удар Мастера. От такой атаки мог спастись только Другой Мастер. Мумр отклонился, пропуская укол, и

Мейло тут же пихнул зазевавшегося Фонарщика ногой в живот.

— Х-хка!

— А тьма! — выругался Халлас.

Мумр отлетел назад, согнулся в три погибели и схватился левой рукой за живот.

Спина у меня в один миг стала мокрой — теперь все висело на волоске.

Мейло шагнув вдогонку за Мумром, нанес быстрый удар, желая как можно скорее покончить с противником. Как бы ни было больно Фонарщику, он не выронил оружия и смог, пускай и одной рукой, подставить под удар меч.

— Тса-а-анг!

Сила удара была такова, что биргризен едва не выскользнул из руки Мумра. Фонарщик, полусогнувшись, медленно отступил, тщетно пытаясь восстановить дыхание.

От Мейло тут же последовал новый удар. Вновь ответом Мумра был отчаянный блок. Теперь Дикий успел перехватить рукоять меча второй рукой.

— Дза-анг!

Мумр шатался как пьяный, он едва избегал сыплющихся на него ударов, стараясь потянуть время и прийти в себя.

— Н-на!

Весь замковый двор ахнул, я закрыл глаза, понимая, что это конец. Фонарщик не успевал закрыться от этого удара.

— Да-а! — Кто-то захлопал в ладоши. По рядам зрителей пронесся вздох облегчения.

Фонарщик до сих пор был жив. Он упал на колени и клинок Мейло прошуршал у него над головой.

Секунда, тянувшаяся вечность...

Мумр обеими руками выбросил меч вперед, коля наступающего на него противника. Мейло отшагнул назад, раскручивая свой клинок над головой, и Мумр рывком встал с колена. Труг все еще верил в свою звезду и очень надеялся, что Фонарщик не оправился от его предыдущего удара. Разогнавшийся меч всем своим весом стремительно рухнул на Мумра. Уйти от такого удара с такого расстояния было попросту невозможно, и Фонарщик совершил то единственное, что ему оставалось, — он шагнул вперед, заслонился мечом, повисшим вдоль его спины, и принял женскую стойку, ту самую, что в самом начале поединка использовал его враг.

— Дза-а-анг!

Удар был страшен. Меч Фонарщика от отдачи ударил своего хозяина плашмя по ягодицам. Раздался звонкий шлепок и вскрик Мумра.

— Ой! — сморщился Кли-кли

Больно, не спорю. Клинок Мейло соскользнул по мечу Фонарщика, врезался в землю, попал на камень и с противным скрежетом высек пучок искр.

Несмотря на боль, Мумр атаковал.

— Дзанг! Тса-а-анг! Дза-анг! — пели клинки.

— Тик-так-тик-так, — отсчитывали секунды жизни часы богов.

Мейло резко распрямил руки и нанес укол в шею. И вновь мои глаза не успевали следить за тем, что происходило на судебной площадке. Миг — и левая рука Фонарщика в перчатке уже лежит на середине клинка. Фонарщик, словно в руках у него обычный шест, оттолкнул от себя жало вражеского меча и попытался поразить острием биргризена шею противника. Мейло, не ожидавший такой наглости, отпрянул, но Мумра это не остановило. Держа свой меч, словно боевой посох, он попытался ударить Мейло наверху, метя в лицо. Удары Мумра были «неправильными» и смущенный Труг отступал, едва успевая уклоняться.

— Х-ха! Х-ха!

Широкие размашистые движения «посоха» Дикого ни на секунду не давали его противнику расслабиться. Казалось, сам воздух стонал от звона сталкивающихся клинков. Пот катился по лицу Труга.

Мумр пошел на хитрость — перенес на клинок, где уже лежала его левая рука, правую, положил ее недалеко от гарды и, превратив меч в крест, ударил, посылая тяжелый эфес меча в голову.

— Р-р-р-а-а-а! — волной прошло по рядам зрителей. То, что случилось дальше, произошло очень быстро... Фонарщик подался назад, Мейло тут же оказался рядом, собираясь атаковать... Следующий удар я пропустил, понял только, что Мумр оказался быстрее и ударил наверху меча в грудь Мейло.

Зрители ахнули, загудели. Клянусь Саготом, даже я услышал, как хрустнула кость!

— Есть! — выдохнул Халлас, не отрывая взгляда от боя.

Мейло вскрикнул от боли, попятился и прижал левую руку к груди. Фонарщик шагнул вперед, подхватил Мейло за лодыжку выставленной вперед ноги и резко дернул вверх. Рывок за ногу заставил Мейло потерять равновесие. Фонарщик отбросил свой клинок в сторону и освободившейся левой рукой нанес сильный толчок в грудь соперника, ускоряя его падение. Труг всем своим весом рухнул на утоптанную площадку, стукнувшись

спиной и затылком о землю. Кажется, боец Балистана Паргайда на миг потерял сознание, по крайней мере, он лежал без движения, хотя и продолжал сжимать правой рукой меч.

Мумр подобрал свой клинок, наступил на вражеский биргризен, бросил быстрый взгляд на Альгерта Далли и с силой вонзил меч в грудь попытавшегося встать Мейло, пригвоздив соперника к земле. Мейло дернулся и затих. Под воином стала растекаться кровавая лужа.

Фонарщик с усилием вырвал меч, отошел на несколько шагов от тела проигравшего, поклонился, покачнулся и, морщась, уселся прямо на землю, прижав руку к животу.

Альгерт Далли встал со своего места, и его голос разнесся над всем двором:

— Сталью, огнем, кровью и волей богов подтверждаю — суд свершился и виновный наказан! Да будет так!

— Что значит наказан?! — взревел взбешенный Балистан Паргайд.

— Вы сомневаетесь в суде Сагры, милорд? — Бровь Альгерта Далли удивленно поползла вверх.

— Нет, не сомневаюсь, — пересилил себя граф. Что-что, а дураком Балистан Паргайд не был.

— Хорошо, тогда я приглашаю вас на праздничный пир по поводу свершения суда.

— Благодарю, — скорчил рожу граф Паргайд. — Но у меня слишком много дел. Я и мои люди уедем немедленно.

— Как вам будет угодно, милорд! — Альгерт Далли не собирался задерживать графа. — Удачной дороги.

Граф Балистан Паргайд ответил на эти слова раздраженным кивком и, даже не посмотрев на тело Мейло Труга, покинул площадку.

Между тем лекарь уже крутился возле Фонарщика. Мумр болезненно морщился и шипел, пока лекарь смывал с его бедра кровь. Рядом суетились Дикие. Халлас вообще был доволен так, будто победа над соперником была только его заслугой.

Над Мумром склонилась Миралисса, небрежный жест рукой — и лекарь, поклонившись, отошел в сторону, предоставляя эльфийке право осмотреть воина.

— Ты знаешь, Гаррет-баррет, — Кли-кли задумчиво откусил морковку. Меня немного беспокоит наш общий друг — Балистан Паргайд. Две недели гнаться за нами и так отступить. Он слишком легко сдался, не находишь? Да и Лафреса куда-то запропала... Ой, чую, готовят нам какую-то гадость!

— Жуй свою морковку, Кли-кли, и помалкивай. Пусть Алистан с

Миралиссой беспокоятся, — сказал я ему, наблюдая, как эльфийка залечивает рану Мумра.

Но на душе отчего-то было беспокойно...

Глава 14

Перекресток

В этот день Фонарщик стал героем замка. Не секрет, что жители Пограничного королевства больше всего ценят в человеке умение владеть оружием, а Мумр сегодняшним утром доказал, что обращаться с мечом он умеет. Так что весь день воины замкового гарнизона ходили перед Мумром на цыпочках, словно тот был сделан из тончайшего низинского фарфора.

Милорд Альгерт Далли устроил пир, где собрались все воины замка. Мумра посадили на самое почетное место, навалили вокруг него еды на целый полк, да и мне с Дикими перепало от славы Фонарщика. Сидели мы рядом с ним, за одним столом с высокородными. По мне уж лучше забраться в самый темный угол зала, за дальний стол, а то чувствуешь себя как на еже. Кажется, проще всех было Халласу и Делеру, эта парочка, не смущаясь, пожирала и выпивала все, до чего могли дотянуться их руки, оглушительно рыгала и ежесекундно лезла в спор друг с другом.

От многочисленных тостов за милорда Альгерта, его прекрасную дочь, милорда Алистана Маркауза, славных эльфов, мастера Фонарщика, смерть оркам, Пограничное королевство и прочая и прочая и прочая уже кружилась голова. Делер раскраснелся от выпитого, Халласа тянуло в сон, Сурок еле ворочал языком и к вящей радости Кли-кли под визг высокородных барышень норовил запихать Непобедимого в кувшин с вином. Кли-кли радовался жизни и делился этой радостью с окружающими. Недовольны его выступлением были лишь личные дураки Альгерта Далли, смотрящие на маленького гоблина с плохо скрываемой завистью и ненавистью. Так, чего доброго, к концу праздничного вечера Кли-кли отмутузят.

Одно блюдо сменялось другим, песня шла за песней, и, когда сидение за столом стало просто невыносимым, меня толкнул локтем Медок, сидящий рядом:

— Слышал? Завтра с утреца выступаем, так что, если боги нам помогут, через два дня уже будем в Заграбе.

— Я не очень рад этому обстоятельству. По мне так за каменными стенами намного безопаснее, чем среди елок и палок, Медок.

— Безопасных мест нет, Гаррет, — хмыкнул Медок. — Смерть пролезет и сквозь каменные стены, тут уж кому как судьбой на роду

написано. Помнится, одна ведьма предсказала Арнху, что он утонет. Арнх только посмеялся, а вон видишь, как все сложилось... Волков бояться — в Заграбу не ходить.

— Если бы там были только волки...

— Тоже верно, — согласился Медок, отхлебывая из кружки. — Я же говорю — судьба.

— Пойду-ка я спать, Медок. — Я встал из-за стола. — Насиделся я уже.

— Сиди, Гаррет-баррет, и дуй свое вино, — подскочил Кли-кли. — Нечего тебе судьбу искушать.

— В смысле? — уставился я на шута.

— Прошел слушок среди стражников, стоявших на воротах, что Балистан Паргайд уехал.

— И что?

— Когда он с отрядом сюда приехал, их было двадцать, а когда уехал, то отчего-то восемнадцать. Одного пронзил Мумр, итого остается девятнадцать. Куда делся еще один?

— Бледный! — Во рту у меня сразу пересохло. — Пожалуй, я выпью еще немножко.

— Правильно, — одобрительно кивнул гоблин. — Одному шастать по замку тебе противопоказано.

— Его пробовали искать?

— Шутишь? Ну полазили, искали... В такой громадине можно быка спрятать, и никто не найдет, пока он не сдохнет и не завоняет. А уж о человеке и речи нет.

— И ты мне это говоришь только сейчас!

— Не хотел тебя расстраивать и портить аппетит. — Кли-кли невинно посмотрел на меня.

— Брысь с глаз моих долой. Ты хуже, чем чума-медянка!

— Не переживай ты так, Танцующий, мы ведь с тобой. Пожалуй, и я выпью за компанию, ты не знаешь, если я у них попрошу, мне принесут молока?

— Может быть... — Все мои мысли были заняты Бледным.

Я отчего-то ни на секунду не сомневался, что это он отстал от отряда графа и затаился в замке именно для того, чтобы отправить вашего покорного слугу в свет. Такие мысли хорошему настроению не способствовали, И я едва дождался, когда вся эта тягомотина с речами и пением за здоровье всех воинов закончится. Когда все же я оказался в комнате, то для успокоения души проверил окна, двери и дымоход.

Дымоход был слишком узок, вряд ли Бледный умудрился бы через него пробраться, на двери засов — мощный дубовый брус, окна в пятидесяти метрах над землей. Через окно сюда не залезть — если только Бледный не умеет летать.

Кли-кли, Халлас и Делер уже давно уснули, а я все никак не мог сомкнуть глаз. Я лежал на кровати и смотрел в потолок, пока сон наконец не сморил и меня.

* * *

Вопль боли и злости заставил меня подскочить на кровати, схватиться за арбалет и ословело завертеть головой.

— Что случилось? — орал сонный и ничего не понимающий Делер.

— Зажгите свет! — пищал Кли-кли.

— Эй вы! У вас все в порядке? — кричали из за двери.

— Кто вопил? — не унимался Делер.

— Да зажгите же свет!

— Откройте дверь! — кричал Медок. Чиркнуло, сверкнули искры, и в руках Халласа загорелась свеча.

— Чего орете, как бабки на рынке? Все уже кончилось, — буркнул гном и поднес свечу к факелу.

— Эй вы! Слышите меня? Откройте дверь! — надрывался Медок.

— Да не орите же! Сейчас открою! — Халлас сдвинул засов, отворяя дверь и впуская Медка с Угрем. Из коридора к нам в комнату заглядывали воины Альгерта Далли.

— Что у вас здесь произошло?

— Да верхолаз какой-то в окно пытался залезть, ну я его делеровской секирой и приголубил, чтоб не лазил ночами и честной народ не смущал, буркнул Халлас, кивая на окно.

Окно было распахнуто, возле стены стояла секира Делера, на полу валялась отрубленная кисть. Кто-то совсем недавно лишился левой руки.

Как оказалось, Халлас проснулся ночью, чтобы прогуляться по своим маленьким гномьим делам. Вернувшись в комнату, гном решил раскурить трубочку, но, чтобы дыма в комнате не было, открыл окошко. Буквально через минуту откуда-то с улицы появилась вначале одна рука, затем другая. Халлас верно решил, что нормальные люди в такое время спят, а не

ползают, как пауки, по отвесным стенам, потому взял лежащую поблизости секиру карлика и стукнул по ближайшей к нему руке.

— А там уж и вы заорали, — закончил гном.

— Медок, пойдем проверим — Угорь направился к двери.

— Зачем? — удивленно спросил Халлас. — Он с такой высоты гикнулся, теперь костей не соберет.

— Мы узнаем, кто это был.

Угорь, Медок и стражники ушли. Я осторожно высунулся в окно и посмотрел вниз. Как я и думал, тела на земле не было. Стражники бегали по замковому двору с факелами, но, как видно, они никого не видели, лишь слышали крики.

— Гаррет, это Бледного? — Кли-кли брезгливо держал отрубленную кисть за палец.

— А я откуда знаю, Кли-кли? Вроде похожа, пальцы тонкие, как у Ролио, но точно смогу сказать, если только увижу Бледного.

— Ясно, — Кли-кли швырнул обрубок в окошко.

— И какого ляду ты брал мою секиру, мотыгой, что ли, не мог? — тем временем недовольно бурчал Делер, заботливо протирая страшное лезвие секиры тряпицей.

— Жадный ты, Делер, — обиделся Халлас. — Одним словом — карлик. Вся ваша безбородая порода такая!

— Чья бы корова мычала, — не остался в долгу Делер. — Как чужое брать, так вы первые!

— Мы берем чужое?! Мы?! — начал распаляться гном. — А кто книги забрал? Кто спер наши магические книги?

— Чегой-то они ваши? Они наши, мы вам просто давали попользоваться!

Халлас аж задохнулся от возмущения. Пока гном подыскивал достойный ответ, вернулись Угорь с Медком. За ними шел Алистан.

— Пусто, — скривился Медок. — Ни тела, ни крови, будто никого и не было. Стража прочесала весь двор — ни следа.

— Вы все живы? — спросил Алистан Маркауз.

— Да, милорд, — ответил Халлас.

— Ключ у тебя, вор?

— Да, милорд.

— Хорошо, — кивнул граф и ушел.

— Давайте спать, — крикнул Халлас и закрыл окно. — Завтра опять целый день в седле, а я еще хочу нормально выспаться. Делер, закрывай дверь и туши факел.

— Я тебе слуга, что ли? — недовольно буркнул карлик, но дверь закрыл, напоследок сказав Угрю:

— Будите нас утром сами.

Делер опустил засов и сунул факел в ящик с песком. Через несколько минут тишины и покоя в темноте раздался голос Кли-кли:

— Гаррет, ты спишь?

— Чего тебе?

— Я вот тут подумал — теперь этот Бледный перестанет тебя доставать, да?

— Может быть. Если это действительно был Бледный.

— А кто же еще?

— Слушайте, мужики! — прошипел Халлас. — Давайте спать, берите пример с Делера!

С кровати Делера раздавалось тихое посапывание.

— Хорошо, хорошо, — шепотом сказал Кли-кли и замолчал.

Я закрыл глаза, но сон, как назло, не шел. Сагот! Бледный едва не добрался до меня сегодняшней ночью, какой уж тут сон?

— Гаррет, ты спишь?

— Ну? — вздохнул я.

— Слушай, а как ты думаешь, куда теперь направился Балистан Паргайд?

— Это тебе у него надо было спросить.

— Да заткнитесь же вы наконец! — взревел Халлас.

— Чего орешь, борода? Дай поспать, — сквозь сон пробурчал Делер и перевернулся на другой бок.

— Я не ору, это они спать не дают, — проворчал гном. — Кли-кли, заткнись!

— Молчу, молчу, — поспешно сказал гoblin.

Я зевнул и закрыл глаза.

— Гаррет, ты спишь? — опять раздалось шипение.

Когда же он успокоится-то? Вот назло не скажу ему ни слова.

— Гаррет? Да Гаррет же!

— Ы-ы-ы-ы! — застонал Халлас, а затем разразился отборной бранью, мешая слова из гномьего и человеческого языка. — Кли-кли, еще слово — и я за себя не отвечаю!

— Да я заснуть не могу.

— Так посчитай чего-нибудь!

— Чего?

— Быков! — взорвался гном.

— Хорошо, — вздохнул Кли-кли. — Один бык прыгает через ограду... Второй бык прыгает через ограду... Третий бык прыгает через ограду... Четвертый бык прыгает через ограду...

Халлас вновь застонал.

— Двадцать пятый бык прыгает через ограду, — между тем продолжал Кли-кли. — Два-ааа-а-адцать седьмой... прыгает... а-а-а... ограду...

Видать, гоблин все же уморился считать стада быков.

— Тридцатый бык прыгает через ограду. Ой! — По комнате разлилась тишина, а затем печальный гоблинский голосок изрек: — Все.

— Что все? Кончились? — заскрежетал зубами Халлас.

— Нет, — вздохнул Кли-кли. — Он ногу сломал.

— Кто?!

— Бык, конечно.

— Как?!

— Как-как... Прыгнул через ограду и приземлился неловко, вот и сломал, — невозмутимо ответил гоблин.

— А-а-а! — Надо мной что-то свистнуло, и Кли-кли испуганно ойкнул.

— Ты чего сапогами кидаешься, Халлас? — возмутился шут.

— Того! Если не заткнешься, ночевать будешь в коридоре!

Кли-кли вздохнул, поворочался на полу и затих. Я отчего-то не сомневался, что гоблин задумал какую-то каверзу. Но шли минуты, а Кли-кли не издавал ни звука.

Я все же умудрился заснуть, то ли сказала накопленная за день усталость, то ли сопение уснувшего гоблина подействовало на меня ничуть не хуже колыбельной...

* * *

Мы покинули замок Альгерта Далли на рассвете, когда просыпающееся солнце окрасило краешек неба в бледно-розовые тона. Кли-кли отчаянно зевал, сонно бормотал и грозился рухнуть с седла Перышка, если его не будут поддерживать.

Милорд Альгерт Далли вместе с женой и дочерью самолично явился проводить нас в этот ранний час и пожелать удачи. Тут же присутствовал Оро Габсбарг. Уж не знаю, что графу рассказали Миралисса и Алистан

Маркауз, но нам выделили в сопровождение сорок всадников под командованием некоего милорда Фернана, оказавшегося внебрачным сыном Альгерта Далли. В Пограничье, как сказал мне Кли-кли, к бастардам совершенно иное отношение, чем в Валиостре. Лишь бы воин был хорошим, а какая у него кровь — дело второстепенное. Фернан оказался года на три старше леди Алии. Он был похож на своего отца — такой же невысокий и крепко сбитый.

Наконец, милорд Альгерт щедро распахнул для нас двери своей оружейной. Трое замковых оружейников в самые скорые сроки подобрали броню для Халласа, Делера, Алистана Маркауза, Фонарщика и Сурка. Теперь весь наш отряд чувствовал себя более-менее защищенным, хотя замена все равно не шла ни в какое сравнение с теми доспехами, что ушли на дно Черной реки вместе с паромом. Фонарщик получил от графа персональный подарок — кинжал с дорогой рукоятью.

Воины Фернана должны довести нас до замка, в котором был размещен мощный гарнизон на случай внезапной атаки из Заграбы. Этот замок последний оплот людей, за ним начинается Заграба, куда без нужды не полезет ни один разумный воин Пограничья.

Наша дорога пролегла через хвойные леса, журчащие реки и укрепленные деревеньки. Три раза отряд окликали со смотровых вышек, еще раз пять нам попадались встречные патрули воинов.

Пограничье кипело, воины говорили о том, что орки зашевелились в Золотом лесу.

— За этот месяц два раза нападали на деревни, мастер Фонарщик, почтительно поведал Мумру один из воинов. — Да и отряд из Засечного кряжа хорошо потрепали. Раньше такого не было, орков видели раз в полгода, да и то издали, а теперь они пробуют нас на зуб по всей длине границы королевства, ищут слабины. Говорят, Рука собирает армию и мечтает сделать то, что не получилось у орков в Войну Весны.

— Неужто опрокинут? — Мумр, морщась, поерзал в седле. Вчера он слишком много принял на грудь, и сегодня его голова просто раскалывалась от боли.

— Опрокинут? — Воин на миг задумался. — Не знаю, мастер Фонарщик... Если дело дойдет до горячего, то точно попытаются, но не в наших землях. Пройдут западнее, там сплошные леса, гарнизонов мало, да и, простите меня за такие слова, воины Валиостра в последнее время мышей не ловят. Мимо тамошних крепостей любой проскользнет — хоть орк, хоть толпа Ужасных флейт, если они существуют, конечно.

— Не дай Сагра, начнется заварушка, придется нам одними мечами

махать, — сказал другой воин. — Пока основные силы подтянутся, пока у вас в Валиостре регуляры соберутся... Сколько времени пройдет? Я свою семью уже перевез поближе к Шамаре. Спокойнее там, столица все-таки.

— А эльфы? Эльфы разве вам не помогут? — спросил Угорь.

— Эльфы? — Воин с опаской посмотрел на едущих в начале колонны темных. — Знаете, что милорд Альгерт говорит про эльфов? Он говорит, что его от них и от их посулов тошнит уже.

— Помолчи, Сервин, — угрюмо сказал один из десятников. — Фернан не любит, когда ты начинаешь распускать язык.

— Но я ведь прав, Хрюч. Прав, и тебе это известно.

— Пусть так, но получить с'кашем под ребра мне не улыбается.

— М-м-м... — протянул Угорь. — По милорду Альгерту не очень было заметно, что его тошнит от эльфов.

— Вот еще! — возмутился всезнайка Кли-кли. — Неужели ты думаешь, Угорь-бугорь, что милорд Далли будет блевать при всем честном народе? Он, наверное, отошел в сторонку, чтобы его никто не видел. Ай!

Сурук отвесил гоблину несильную затрещину. Кли-кли обиженно посмотрел на воина и засопел.

— Эльфы... — неохотно начал десятник Хрюч. — Они многое нам обещают, но кто поймет этих темных? Они не такие, как мы. А насчет нашего милорда ваши спутники были его гостями, вот и весь сказ.

— Дом Черного пламени пообещал прислать шестьсот воинов на наши рубежи, но до сих пор так никто и не пришел. Эльфы, одним словом, — сплюнул под копыта лошади воин.

К обеду отряд остановился в безымянной деревушке. Лошадям дали отдых, нас приветливо встретили и, нисколько не смущаясь такой оравы ртов, накормили. Небольшой отдых пошел всем на пользу, и с новыми силами отряд отправился в дальнейший путь.

— Елки, елки, елки, — вздыхал Кли-кли, с тоской осматривая окрестные пейзажи.

— Что тебя так смущает? Можно подумать, что Заграба встретит нас цветущим садом.

Кли-кли презрительно фыркнул:

— Гаррет, ты даже не знаешь, о чем говоришь. Да, в Заграбе растут елки, но там есть другие деревья. Сосны, дубы, лиственницы, клены, златолисты, березы, рябины... всех и не упомнишь.

— Чем же тебе насолили елки?

— Не нравятся они мне, плохие деревья. Темные.

— И в них кто-то прячется, — сделал страшные глаза Медок.

— Угу, например, Балистан Паргайд со своей ведьмой! Как выскочит, как закричит ого-го-го-го! — поддакнул Делер.

— Тяжело с вами, дураками, — пригорюнился шут. — Я с ними о вечном, а они про какашки! Этот Балистан Паргайд так просто не сдастся.

— Ничего, мы ему еще настучим по рылу! — бахвальски сказал Халлас, поправляя любимый мешок.

— Как бы он нам не настучал, гном, — не согласился Угорь.

— Не посмеет, нас больше, — весело оскалился Халлас.

— У него Лафреса, она уравнивает шансы. Помнишь, что ведьма с паромом сотворила?

— А у нас Миралисса, — взъерошил бороду гном.

— А мой папка сильнее твоего, — ни с того ни с сего противным голосом пропищал Кли-кли. — Вот если бы я поймал Балистана Паргайда, то ударил бы его в живот!

— И? — спросил Сурок.

— И тогда бы он согнулся, — гордо ответил ему Кли-кли.

— Ну и что?

— И тогда бы я ударил его по спине.

— М-м-м? В чем смысл, Кли-кли?

— Тогда бы он разогнулся, — хитро ответил шут.

— Какой ты садист, — с уважением похвалил гоблина Делер.

— А потом бы я его снова ударил в живот! — сказал довольный похвалой карлика Кли-кли.

— И он бы согнулся, — мрачно заключил я.

— Верно, — хихикнул Кли-кли, видно представляя, какая физиономия будет у графа после таких пинков.

— И что из этого, Кли-кли? — не оборачиваясь, спросил ехавший впереди нас Медок.

Некоторые воины патруля, находящиеся рядом с нашей компанией, тоже прислушивались к разговору.

— Как в чем? Как в чем? — закудахтал Кли-кли, словно насадка, у которой только что сперли яйцо. — Смысл в том, чтобы стукнуть его по спине!

— И долго? — любопытствовал Медок.

— Чего долго? — не понял вопроса оторвавшийся от мечтаний Кли-кли.

— Долго ты его будешь так бить?

— Ну, если стукнуть пару тысяч разиков, то сгибающийся и разгибающийся граф просто переломится от натуги.

— Если только он не успеет помереть со смеху! — заржал Фонарщик.
— И с кем меня свела судьба? — горестно вздохнул Кли-кли, скорбно поднимая глаза к небу.

* * *

Несмотря на то что август уже перевалил за середину, по всем законам природы утро должно было выдаться таким же жарким, как и вчера. Как назло, погода испортилась, и не зная я, что сейчас август, решил бы, что это поздний октябрь. Мглисто и прохладно — вот, пожалуй, те два слова, которые подходили к сегодняшнему дню. Небо было полностью затянуто серо-сиреневыми пузатыми облаками, и я начинал опасаться, что мне вновь, как и во время путешествия по Приграничью, придется ехать под дождем. Прохладный ветерок тоже не способствовал улучшению хорошего настроения. Делер жаловался на боль в костях, Халлас на Делера, Кли-кли на них обоих. Думаю, не надо объяснять, какой в итоге поднялся гвалт.

— Вот, вступаем в Страну ручьев, как мы называем эту местность, зевнул Сервин, тот самый парень, что вчера начал разговор про орков. — Мы на самом краю обжитых мест. Часика через четыре будем в Кукушке.

— Кукушке? — переспросил Сурок. — Какой Кукушке?

— Замок это, где гарнизон.

— А-а-а... Сколько вас там?

— Четыреста, это если не считать прислуги и волшебников.

— Волшебников? — крайне подозрительно спросил Халлас. Гном отчего-то просто не выносил волшебников Ордена.

— Да, мастер гном, их самых. У нас в каждой крепости по волшебнику. На тот случай, если орочьи шаманы нагрянут.

— Если нагрянут орочьи шаманы, проще надеть белые тапочки, чем надеяться на этих ваших орденских фокусников! — презрительно фыркнул Халлас.

— Не скажите, мастер гном, волшебники ой как нужны! Помню, был я в сотне милорда Фернана, когда мы защищали Пьяные ключи, так там шаман на нас набрел, он всю сотню чуть в свет не отправил. Не будь рядом волшебника, я бы с вами сейчас не разговаривал, клянусь Сагрой!

Халлас лишь что-то пробормотал себе под нос и перевел разговор на другую тему.

Прискакал Элл и передал, что меня зовет Миралисса. Пришлось ехать за к'лиссангом в начало отряда. Эльфийка о чем-то любезно щебетала с Фернаном, но, заметив меня, придержала лошадь и спросила:

— Гаррет, ты ничего не ощущаешь?

— Н-нет, — немного подумав, ответил я ей. — А что я должен был почувствовать, леди Миралисса?

— Не знаю, — она вздохнула. — Ключ молчит?

— Да. — Поделка карликов после ночи в доме Балистана Паргайда не давала о себе знать.

— Понимаешь, Гаррет, меня очень заботит внезапная пропажа Лафресы. Ее не было в Кротовом замке с Балистаном Паргайдом, значит, она где-то еще, да и сам граф не очень-то был расстроен, когда его воин проиграл суд Сагры.

— У меня тоже создалось впечатление, что он припрятал в рукаве козырного туза.

— Козырного туза? — Она на миг задумалась. — Ах да! Карты... Да, ты прав, у него должен быть запасной вариант, иначе он бы так просто не сдался. Чувствуется рука этой прислужницы Хозяина, вот я и подумала, раз ты настроен на ключ, то должен почувствовать ее.

— Нет, ничего нет, леди Миралисса.

— Жаль, — искренне ответила она мне. — Хотя, с другой стороны, если ты не чувствуешь ее присутствия, значит, она далеко.

— Или близко, но ключ просто не способен ощутить ее силу, — промолвил Эграсса.

Мне больше нравился вариант Миралиссы, так я чувствовал себя намного безопаснее.

— Я больше тебя не задерживаю, Гаррет. — Миралисса дала понять, что наш разговор окончен.

— Леди Миралисса, можно задать вопрос?

— Слушаю, Гаррет.

— Балистан Паргайд наш враг, он служит Хозяину, а между тем вы свободно позволяете ему покинуть замок Альгерта Далли. Почему?

— Ты так и не понял, что в Пограничном королевстве законы отличны от законов Валиостра? Балистан Паргайд сидел за столом милорда Альгерта и, чтобы арестовать его... Здесь нужны более веские доказательства, чем наши слова. К тому же после суда Сагры граф имел право уйти, и никто не мог чинить ему препятствия.

Я кивнул в ответ на ее слова, в душе кляня проклятых пограничников с их глупыми законами.

— О чем она с тобой говорила? — любопытствовал Кли-кли.

— Ничего важного.

Шут недовольно скривился и спросил, с опаской поглядывая на мрачное небо:

— Ты знаешь, что мы уже сегодня будем в Заграбе?

— Сегодня? Но я, грешным делом, подумал...

— Головой надо думать, Гаррет, а не грешным делом. Толку будет в два раза больше, можешь мне поверить, — заметил шут. — Время уходит, так что сразу из замка пойдем в Заграбу, да и ночью идти намного безопаснее.

Лес поредел, угрюмые елки отпрянули в стороны, тракт вильнул влево, и впереди появилась большая деревня.

— Любезные вояки, как называется эта деревушка? — состроив важную мордочку, спросил у воинов Кли-кли.

— Перекресток, — нам опять ответил Сервин. — От нас до замка час ходу.

— А-а-а, — протянул Кли-кли, во все глаза глядя на далекие дома.

Фернан поднял вверх сжатый кулак, и отряд остановился.

— Что происходит? — Сурок оторвался от возни с Непобедимым.

— Не знаю, — ответил я ему.

— Странная деревня, — процедил Угорь, подтягивая «брата» и «сестру» поближе к себе.

— Вот-вот, — поддакнул Фонарщик, быстро повязывая ленту на лоб. — Я бы сказал, что о-очень странная.

— Чего в ней странного-то? — недоумевал я.

— Ты видишь людей?

— Вроде еще далековато, — неуверенно ответил я, шаря глазами по далеким домикам.

— Не настолько, чтобы не увидеть жителей, — возразил Сурок. — Смотри возле домов никого, на улице никого, смотровые вышки тоже пусты. Я лично не помню ни одной деревушки в этой стране, где на вышках не сидели бы лучники.

Дикий прав — на вышках было пусто.

— Гаррет, кольчуга на тебе? — забеспокоился гоблин.

— Под курткой.

Фернан, посоветовавшись с десятниками и милордом Алистаном, махнул рукой, и отряд медленно двинулся к деревне.

— Держи арбалет под рукой, Гаррет, — посоветовал мне Делер, нахлобучивая на голову шлем.

Тревога и напряжение воинов передались и мне, я достал арбалет, взвел его и зарядил болты. Первый обычный, второй огненный. Делер прижал секиру ногой к лошадиному боку и тоже взвел арбалет, который был раза в три больше моего. Некоторые воины отряда поступили так же.

— Пospешаем медленно, ребята. Фернан сказал смотреть в оба, — произнес десятник Хрюч, когда отряд въехал в деревню.

Прямая улица была пустой и тихой, как будто все вымерли.

— Почему у этой деревни нет частокола? — спросил я.

— Бесполезно, деревня слишком большая, — ответил Сервин, держа руку на рукояти меча. — Замучаешься обносить, да и Кукушка под боком...

— Сервин, Кассани, Урч, Одноглазый! — оборвал ответ воина Фернан. Проверьте дома, парами.

Воины соскочили с лошадей и по двое бросились к домам на правой и левой стороне улицы. Первый воин каждой пары держал арбалет, второй — меч. Мечник подбежал к двери ближайшего дома, ударил ее ногой, отворяя, прятнул в сторону, пропуская арбалетчика. С другой стороны улицы происходило то же самое. Воины Пограничья действовали, как механические часы карликов — четко и точно.

Секунды текли слишком долго, я уже начинал подумывать, что ребята провалились в погреб, так долго их не было. Наконец воины вышли из домов и вернулись назад.

— Никого! — сказал воин первой пары.

— У нас тоже, командир, дома пусты. Никаких повреждений, ничего не разбито, на столе еда, похлебка давно остыла.

— Уверен, что и в других домах будет то же самое, милорд Алистан, крикнул Медок графу.

— Может, у них какой-то праздник или свадьба?

— Никаких у нас праздников нет, — сказал воин с копьем. — И свадьбы с утра пораньше не бывают.

— Орки? — одними губами спросил Фонарщик.

— Не может такого быть, Кукушка рядом, Первые никогда бы не осмелились напасть на деревню в такой близости от гарнизона.

— Урч, Кассани, проверьте вышку! — отдал приказ Фернан.

Воины бросились исполнять приказание. Вышка находилась рядом, всего в десяти метрах от дороги, возвышаясь на краю поля. Пока ребята проверяли дома, трое воинов на лошадях не спускали с вышки глаз, держа под рукой арбалеты. Там, наверху, вполне мог прятаться стрелок.

Один из воинов, зажав в зубах нож, стал подниматься по шаткой лестнице, второй направил арбалет вертикально вверх на тот случай, если

из квадратной дыры в полу вдруг ненароком высунется враг. Воин с ножом забрался наверх, на секунду исчез с наших глаз, затем вновь появился и крикнул:

— Чисто!

— Что-нибудь там есть, Урч? — крикнул Фернан, поднимая забрало шлема.

— Лук, колчан стрел, кринка молока, командир! — после недолгого промедления ответил Урч. — Кровь! Здесь кровь на досках!

— Свежая? — крикнул один из десятников, обнажая меч.

— Нет, уже подсохла! И совсем мало, возле самого люка!

— Кассани, что на земле?

— Я ничего не вижу, командир, — сказал воин внизу. — Земля как земля, да и мы натоптали!

Элл подъехал к вышке на лошади, спрыгнул, отдал поводья воину и, сев на корточки, стал изучать землю.

— Гаррет, — опасливо позвал меня шут. — Ты ничего не чувствуешь?

— Нет.

— Вроде гарью пахнет.

— Не чувствую, — понюхав воздух, сказал я. — Тебе, наверное, показалось.

— Клянусь Великим шаманом Тре-тре, но в воздухе пахнет горелым.

— Кровь! — крикнул Элл. — На земле кровь! Эльф вскочил на лошадь, подскакал к Фернану, Алистану и Миралиссе.

— Его убили наверху, возможно, стрелой, и он свалился вниз.

— Понятно, — заиграв желваками, кивнул милорд Алистан и, натянув на голову кольчужный капюшон, надел закрытый шлем с прорезями для глаз. Элл и Эграсса как по команде взяли за свои полушлемы, скрывающие верхнюю половину лица.

— Нечисто здесь дело, ох нечисто! — Фонарщик нервно озирался по сторонам, выискивая возможного врага.

Но улица была пуста, как и дома вокруг нас. Даже не пуста, а мертва. Не было слышно ни пения птиц, ни мычания коров в хлеву, ни лая собак.

— Собаки! — вырвалось у меня.

— Ты о чем. Гаррет? — обернувшись ко мне, спросил Эграсса. Шлем делал его безликим.

— Собаки, Эграсса! Ты видел хоть одну? Ты слышал, чтобы они лаяли?

— Орки, — сплюнул один из воинов. — Эти твари ненавидят собак и убивают их в первую очередь.

— Тогда где тела? С собой утащили? — спросил Сурок.
— Некоторые кланы так поступают. — Кассани залез в седло. —
Делают из собачьих шкур украшения.
— Урч, слезай! — крикнул один из десятников.
— Постой! Командир, дым! — Урч ткнул пальцем куда-то в центр
деревни.
— Сильный?
— Нет, едва виден!
— Что горит?
— Из-за крыш домов ничего не разглядеть!
— Слезай!
Урч скатился с лестницы и сел на лошадь.
— Двигаемся вперед, не спим, прикрываем спину. — Фернан плавным
движением опустил забрало шлема.
— Ты знаешь, Гаррет, — шепотом сказал гоблин. — Я начинаю
бояться, что мы нарвемся на Первых.
— Я тоже, Кли-кли, я тоже.
— Может, все же они ушли на праздник, а тот воин ошибся? — видно
было, что шут не очень-то верит собственным словам.

* * *

Конечно же они не ушли ни на какой праздник...
Запах гари мы почувствовали еще домов за двадцать от пожарища.
Горел огромный амбар какого-то зажиточного крестьянина. Точнее, не
горел, а сгорел. Нас встретило едва дымящееся пепелище.
К запаху гари примешивался запах горелого мяса. Лошади начали
нервничать.
— Проверьте, — пророкотал из-под шлема Фернан.
Один из воинов неохотно сполз с лошади, прикрыл лицо рукавом и
пошел к пожарищу. Ступая по остывшим углям, переступая через
прогоревшие бревна, он поводил носком сапога по пеплу и побежал к нам.
Лицо у воина было бледным.
— Все сгорели, командир! Одни обугленные кости. Загнали в амбар и
подожгли, их там сотня.
Кто-то за моей спиной шумно вздохнул, кто-то выругался.

— Как это могло произойти?

— Кто-то за это ответит!

— Не распускать сопли! Вперед, шагом, — резко сказал Фернан. Арбалетчики, выдвинуться в первую линию.

— А мертвые, командир?

— Позже, — ответил Фернан.

Остальных жителей мы нашли на маленькой площади деревушки, где расположился трактир и деревянный храм богов. На площади было больше пяти десятков трупов. Все тела выпотрошены, будто рыбы, головы отрублены и свалены в одну большую кучу. Запах крови и смерти стучался в ноздри, гул от тысяч мух, слетевшихся со всей округи, звенел в ушах. Казалось, что по площади пробежала толпа безумных шутов, которая разбрызгивала кровь из ведер направо и налево.

Кто-то из воинов свесился с лошади, и его вывернуло наизнанку. Я и сам, признаюсь честно, едва не последовал его примеру. Пришлось приложить массу усилий, чтобы сохранить завтрак в желудке. Такого не должно быть, такое просто не имеет право существовать в нашем мире!

Мужчины, женщины, старики, дети... Все те, кто не сгорел в амбаре, лежали на затопленной в крови площади.

— На стене, — мотнул головой Сурок.

На стене трактира висело семеро. Их руки и ноги были прибиты гвоздями к доскам, животы вспороты, головы отсутствовали. Двоих женщин повесили, перебросив веревку через вывеску трактира, и их тела едва качались, подчиняясь слабым дуновениям ветерка.

Послышалось чириканье, и я повернул голову на звук. Маленькая тварь с серой кожей, размером не больше младенца, оторвалась от пожирания трупа и подняла на нас свою окровавленную морду, моргая красными плошками глаз. Вторая тварь, увидев, что мы смотрим на нее, зло зашипела.

Щелкнула тетива лука, и первая тварь, взвизгнув, упала, пронзенная эльфийской стрелой. Второй падалыщик проворно юркнул в сторону, и Элл промазал. Существо, гневно чирикавая, скрылось за домами.

— Гхолы, мать их! — заворчал Делер.

— Трупоеды уже пируют...

— Снимите тела, — отдал воинам приказ Фернан. Пограничники принялись перерезать веревки у повешенных и снимать со стены семерых мертвецов.

— Мне не нравится, как здесь пахнет, — простонал Кли-кли.

— Мне тоже, Кли-кли.

— У всех голов отрезаны уши, — сказал Угорь, бесстрастно рассматривая мертвецов.

— Груунские ухорезы, — ответил нам воин. — Это их работа.

— Ухорезы? — вскинул бровь Халлас.

— Каратели, любят пошастать по нашей земле и пособирать уши.

— Ясно.

— Фернан, скажите, мог кто-нибудь остаться в живых? — обратился к командиру воинов Алистан Маркауз.

— Из жителей? Сомневаюсь, — мрачно сказал Фернан, наблюдая, как воины бережно укладывают снятых со стены мертвых. — Хасал, как давно все случилось?

— Вчерашний вечер, командир. Пепелище едва дымится, кровь свернулась...

— Нам надо как можно скорее попасть в Кукушку, мы еще успеем догнать Первых и отомстить.

— Надо проверить остальную деревню, орки могли остаться, — покачала головой Миралисса.

— Зачем, треш Миралисса? Что им здесь делать?

— Кто поймет Первых, Фернан? Дальше улица разветвляется, по какой вы думаете повести отряд?

— Одноглазый, ты ведь отсюда? — обратился Фернан к воину с черной повязкой на левом глазу.

— Да. — Лицо у парня было зеленее весенней листвы. — Тетка, сестренки... Все...

— Соберись, воин! Куда ведут эти две улицы?

— Они друг напротив друга, командир, идут до конца деревни. Там дальше богаче жили, дома получше, да и сады начинаются...

— Я думаю разделить отряд поровну, милорд Алистан. Надо обследовать обе улицы, вдруг кто и выжил из жителей?

— Поступайте, как считаете нужным, вы здесь командир.

— Хрюч, Рот, со своими десятками по левой улице, Орел, Факел — вы со мной.

— Хорошо, командир.

— Элл, Медок, Халлас, Угорь, Гаррет, Кли-кли езжайте с Хрючем, — отдал приказ Алистан Маркауз. — Леди Миралисса, Эграсса, Сурок, Делер, Фонарщик и я будем следовать за отрядом Фернана.

— Стоит ли нас разделять, милорд? — недовольно спросил Делер, пробуя большим пальцем остроту лезвия секиры.

— Стоит, Делер, если что случится, пусть нас будет поровну, нельзя

ослаблять один из отрядов.

Делер кивнул, шлем скрывал выражение его лица.

— Двинулись, — скомандовал Фернан. — Рот, встречаемся в конце деревни.

— Да, командир.

— Если что, трубите в рога, — сказал напоследок рыцарь, посылая коня вперед.

— Береги бороду, борода! — прогудел Делер Халласу.

— О себе беспокойся, — беззлобно ответил гном, поудобней перехватывая боевую мотыгу.

Мы выехали на улицу, следуя за двумя десятками хмурых и настороженных воинов Фернана.

— Мразь, Тварь, — обратился десятник к двум братьям-близнецам. Впереди отряда, в тридцати шагах, так, чтобы я ваши задницы видел. Смотрите в оба, если что, сразу назад.

Два воина послали лошадей вперед, высматривая врага.

Элл тоже подстегнул лошадь и поехал рядом с десятником, держа стрелу на тетиве лука.

— По мне так все это глупость. — пробурчал Халлас — Неужто орки будут дожидаться, пока мы придем и пощекочем им животы?

— Первые могут устроить любую пакость, мастер гном, — сказал один из воинов. — А уж груунские ухорезы в первую очередь.

— Гаррет, Кли-кли, держитесь за мной, коли что, я их встречу, — сказал Халлас.

— Защитничек ты наш, — хихикнул Кли-кли, но, следуя совету гнома, придержал Перышко.

Два разведчика медленно продвигались впереди нас, но улица оставалась тиха и спокойна. Аккуратненькие домики с ярко окрашенными ставнями и дверьми сейчас выглядели зловещими и таящими в себе угрозу. Улица расширилась, дома и заборы, выкрашенные желтой и голубой краской, стали больше. Ворота дома, в саду которого росли медвяные подсолнухи, были снесены и лежали на земле. Здесь кто-то очень хорошо поработал топором. На крыльце лежал человеческий труп, утыканный стрелами. Как и у всех мертвецов в деревне, у этого тоже не было головы. Я отвернулся — хватит с меня мертвецов на сегодня.

Дома по левую руку кончились, потянулись сады. Густые заросли кустов вдоль дороги сочились угрозой, там могла спрятаться целая орочья армия, да и на ветвях яблонь, густо поросших зеленой листвой, вполне способны затаиться лучники. Воины внимательно посматривали на

заросли, но кусты оставались недвижимы, лишь однажды с ветки вспорхнула испуганная птица и, крича, скрылась за деревьями.

Мы подъезжали к концу Перекрестка — три дома справа, небольшое поле, а дальше еловый лес. По левую руку потянулось капустное поле, и Кли-кли заметил, что неплохо бы было слямзить пару кочанчиков на ужин, крестьянам они теперь все равно уже не понадобятся. Гоблин неуклюже намекал на то, что умыкнуть капусту должен я, но после того, что я увидел на площади, аппетит у меня был отбит напрочь, о чем я не преминул сообщить шуту.

Беда пришла, когда ее никто не ждал. Одновременно рухнули огромные ворота двух последних домов, и сквозь поднятую от удара падения пыль полетели стрелы.

Крики боли, шелест выхватываемого оружия, ржание лошадей.

— Орки!

— Первые!

— К оружию!

— Труби!

Запел и тут же умолк боевой рог. Воин, получив стрелу в горло, выронил рог и упал под копыта своей лошади. Пропел еще один рог, откуда-то из-за домов слышался звон оружия. Помощи нам ждать не приходилось, второй отряд тоже угодил в ловушку.

— Влямзались! — прокричал шут, смотря на меня безумными и расширенными от ужаса глазами.

Дальнейшее я помню слишком плохо и одновременно слишком хорошо. Я был собой, я видел себя со стороны и одновременно я мог разглядеть, что творится вокруг меня. Весь бой навсегда врезался мне в память, он прошел как в кошмаре, как в застывшем на морозе сне, который порубили топором на отдельные ледяные глыбы.

Еще раз щелкнули луки, и орки, обнажив ятаганы, бросились на нас. Бросились молча, и это, наверное, было самым страшным из всего, что происходило со мной за сегодняшний день. Как говорят, у страха глаза велики — в эти секунды мне показалось, что орков много, очень много, намного больше, чем нас.

Мы находились в самом конце отряда, и поэтому первый и самый страшный удар приняли на себя воины Пограничного королевства... и Элл. Я заметил, как стрела застряла в прорези его шлема, как эльф отклоняется назад, заваливаясь на спину...

Защелкали немногочисленные арбалеты воинов, несколько орков упали, остальные все так же молча неслись на нас. Пограничники

встретили Первых сталью, отражая атаку мечами и копьями. Гвалт стоял неопиcуемый, ругательства и крики, звон стали, хрипы. Орков несколько не смущало, что их противники на лошадях. На меня бросился орк, я выстрелил, промазал, выстрелил второй раз, огненный болт попал Первому в щит, с ревом взорвался, превращая врага в головешку.

— Медок, закрой меня, — проорал я, стараясь перекрыть шум битвы. Арбалет следовало перезарядить как можно скорее.

Орки все еще были заняты теми, кто находился впереди, они не очень рассчитали атаку, и мы, находящиеся в конце колонны, получили двадцать драгоценных секунд, чтобы ответить Первым дождем смерти. Наверное, ни разу в жизни я не заряжал арбалет с такой скоростью. Болты в ложе, рычаг на себя, прицелиться, задержать дыхание, нажать на один спусковой крючок, затем на другой. Битва с улицы переместилась на капустное поле, и, прежде чем орки успели добраться до меня, я уложил четверых, еще три болта прошли мимо, а два отскочили от доспехов врагов, будто те были заговоренные. Один из орков попытался прорваться ко мне, но его остановил огролом Медка. Тяжелый цеп ударил Первого в бок и отбросил в сторону.

— Бах! — ударило мне по ушам.

Пчелка в испуге встала на дыбы, и я очень изящно хрястнулся о землю. Пришлось откатиться в сторону, чтобы не попасть под копыта собственной лошади. Я вскочил с земли и оказался лицом к лицу со здоровенным орком. Арбалет я уронил во время падения, доставать нож времени не было, Первый явно намеревался снести мою буйную голову и отрезать уши. Ятаган противно вжикнул, я втянул голову в пятки, и вражеский клинок прошел выше, лишь всколыхнув волосы.

Вокруг кипела битва, орки наседали, люди пытались выжить, так что помощи мне ждать было неоткуда. Орк ударил с оттяжкой, я в ответ рухнул на землю, прокатился по грязюке, вцепился в ближайший кочан и швырнул его в голову наступающего орка. Первый небрежно отмахнулся от капусты ятаганом, разрубая ее на две равные половинки. Мне вновь пришлось отскочить, орк был донельзя проворен и...

— Бах! — вновь ударило по ушам.

Мимо щеки что-то просвистело, и голова орка разлетелась похлеще чем спелая султанатская дыня, обдав меня на прощание брызгами горячей крови.

Я обернулся на шум. Халлас стоял на земле, передвинув свой драгоценный мешок на живот. Вокруг гнома рассеивался сизый, вонючий дымок. Из рта он не выпускал обычную курительную трубку. В каждой

руке мой спаситель держал по толстой короткой трубке, очень похожей на миниатюрную пушку. Такого чуда я еще не видывал.

Между тем к гному бросились сразу три орка, которые поняли, что Халлас представляет для них самую большую угрозу. Гном без всякой суеты отбросил странные трубки в сторону, запустил в мешок обе руки, вытащил еще две точно такие же пушечки, поднес одну из них к дымившей во рту трубке, поджег фитиль, направил на спешащего к нему орка.

— Бах!

Орк изобразил в воздухе кульбит и упал.

— Бах!

В панцире второго появилась дыра, орк схватился руками за грудь и, закачавшись, рухнул лицом в грязь.

Третий орк остановился как вкопанный, и его тут же пригвоздил копьем один из воинов Фернана.

Один из орков обрушил топор на щит едва державшегося на ногах Одноглазого. Я вытащил нож и совершил самый безумный поступок в своей жизни. С разбегу я подпрыгнул и ударил орка обеими ногами в спину. Пришлось рухнуть на землю, орк, не ожидавший ничего такого, нырнул вперед, упал на колени и тут же распрощался с головой.

Одноглазый благодарно кивнул и врубился в свалку по соседству.

Тьма! Надо пробраться назад и подобрать арбалет.

— Умри, мартышка! — Два орка в шлемах заметили одинокого и безобидного человека с ножом. Я в отчаянии швырнул нож в одного из них, но орк играючи отбил оружие щитом.

— Гаррет, за спину! — выскочил Медок. — Подбери топор!

Я отпрянул, давая место его огролому. Боевой цеп упал низко, Медок целил в ноги, Первые резво подпрыгнули, стараясь разминуться с тяжелым шипастым билом. Дикий изменил направление удара, и цеп взлетел вверх, выбивая дух из менее ловкого орка. Второй орк постарался атаковать Медка, но я и топор мертвого Первого уже были рядом. Ударил я неловко, но от души. Топор врезался в щит и завяз.

— Убирайся отсюда!

Орк отшагнул назад, увлекая за собой топор. Я вовремя послушался совета Дикого и отскочил в сторону. Орк в отчаянии выставил перед собой ятаган, пытаясь защититься от удара Медка. Било огролома прошло выше, сделало оборот вокруг ятагана орка, наматывая цепь, и застыло, связав оба оружия. Медок потянул на себя, орк не растерялся и стал тянуть к себе. Медок выпустил рукоять огролома из рук, шагнул вперед и ударил кинжалом ошеломленного орка под шлем, в подбородок.

— Гаррет, я кому сказал? Убирайся к лошади! — Медок, подняв с земли чей-то меч, уже дрался со следующим Первым. Все капустное поле просто кипело от звона оружия, криков и крови. Битва длилась не более минуты, ну, может быть, двух. Мне же показалось, что с начала нападения прошла вечность.

Я подхватил с земли свой нож, огляделся, увидел Пчелку и ринулся к ней. Один из орков метнул копье, и оно, пробив звенья кольчуги, застряло в спине десятника Рота. Еще двое орков расправились с отчаянно отбивавшимся от них Сервином. Один отвлек на себя его внимание, второй топором перерубил ему руку.

Меня взяла злость. Тьма меня раздери, клянусь Саготом, я человек спокойный и не склонен к самоубийственным поступкам, но тут меня пробрало по самую печень. Наши гибли, падали, а я только метался по полю, уворачиваясь от ятаганов Первых. Я запрыгнул на спину того, что был с топором, и буквально вбил нож в затылок орка. Первый вздрогнул, обмяк и стал падать. Другой орк взревел и бросился на меня. Меня спас щит, выпавший из рук убитого мною орка. Я выставил его перед собой, держа обеими руками. Первый ударил раз, другой, третий. Желтые глаза горели ненавистью. Краем сознания я отмечал, что сквозь шум битвы пробивается чье-то заунывное тягучее пение на незнакомом мне языке. С каждым ударом, сотрясавшим щит, я отступал на несколько шагов назад. Орк вошел во вкус, и я еле-еле успевал подставлять защиту под падающий ятаган. Щепки так и летели, этому орку надо было идти не в воины, а в лесорубы. Я наступил на кочан капусты, поскользнулся и едва не упал.

Бах-звянг! Бах-звянг!

После десятого «бах-звянга», когда проклятый щит уже стал оттягивать руки, а орк вновь замахнулся для удара, я пошел на хитрость и не стал подставлять под ятаган щит, убрав его в самый последний момент. Орк весь вложился в удар и, не встретив привычной преграды, пролетел вперед, зло зарывчав. Чтобы не упасть на землю, Первый сделал несколько шагов, я отскочил в сторону, ударил его щитом в спину, надеясь шипом, находящимся в середине щита, пробить доспех. Удар заставил орка сделать еще пару шагов, и тут мне на подмогу подоспел Халлас.

Обратная часть его боевой мотыги, так похожая на чекан, с протяжным «з-звонг» пробила доспех Первого, убив того на месте.

— Гаррет, что бы я делал без твоей помощи! — усмехнулся в окрашенную кровью бороду Халлас.

— Сзади! — крикнул я ему, предупреждая о подкрадывающейся угрозе.

Низкорослый гном резво отскочил в сторону, крутанулся и атаковал нового врага.

Пчелка стояла на том самом месте, где я ее и оставил. Я даже не заметил, когда горячка боя успела откинуть меня на такое большое расстояние от собственной лошади. Арбалет лежал под копытами Пчелки, в грязи.

Передо мной появился Кли-кли. Гоблин плавным движением опустил руки на пояс, снял с него два тяжелых метательных ножа, которые исполнили в его пальцах сверкающую круговерть, и, схватив оружие за лезвия, швырнул в меня. Я не пригнулся, не шевельнулся и в общем-то даже не успел испугаться, так быстро все это произошло. Один из ножей взвизгнул возле моего правого уха, второй возле левого, едва не срезав его. Удивительно, но я все еще был жив. Мне достало ума обернуться назад. Враг находился у меня за спиной, уже успев замахнуться топором. В глазницах у него торчали метательные ножи гоблина. Орк постоял, покачался на пятках и упал лицом вниз, едва не придавив меня.

— Ты не расплатишься за спасение своей шкуры. — В руках у шута уже была вторая пара ножей.

Я не нашелся что сказать, со стыдом вспоминая, как все мы смеялись над умением гоблина владеть метательными ножами.

Я поднял арбалет и поспешно зарядил его.

— Мы проигрываем, нас только восемь против двенадцати! — заявил мне гоблин.

И когда он еще считать успевает?

— Знаю!

— Так не спи! Слышишь, шаман поет? Когда он закончит творить заклятие, нам станет совсем худо!

Шаман! Я похолодел, наконец понимая, какую беду может нести эта песня.

— Что ты от меня хочешь?

— Найди его и убей! Он где-то прячется!

Легко сказать — убей шамана!

Внезапно Пчелка ударила одного из орков, которого теснил воин Пограничного королевства копытом в незащищенную спину. Воин доделал все остальное.

— Я же говорил, что она боевая кобыла. — У шута даже в такой ситуации достало сил улыбнуться. — Я знаю, что дарить своим друзьям!

Пропели рога, и второй отряд под командованием Фернана, как стальной кулак, на полном скаку ударил в спину орков. Алистан пронесся

мимо меня и срубил голову одному из четверых орков, наседающих на Угря. Не могу сказать, что гарракец против четверых противников чувствовал себя неловко, но неожиданная помощь никому еще не мешала. «Брат» и «сестра» в руках воина порхали как бабочки, сливаясь в единый размытый сверкающий вихрь. «Сестра» колола, «брат» рубил. «Сестра» стремительно ударила сверху, целя в голову, орк закрылся щитом, и «брат» тут же вспорол открывшийся живот. Нисколько не смущаясь, я всадил болт третьему орку, попав ему под правую лопатку. Кли-кли юркнул вниз, подрезал сухожилие на ноге четвертого, и Угорь довершил дело, добив упавшего.

— Миралисса! — заорал я, разглядев эльфийку, вооруженную с'кашем. Кольчужный капюшон скрывал ее пепельно-серые волосы. — Шаман, Миралисса!

Она что-то прокричала на орочьем Эграссе и произнесла заклятие, выбросив вперед руку. Под ногами бегущего к ней орка появился лед, и враг, скользя, проехал по нему вперед, удивленно размахивая руками. Его с радостью встретил Фернан, опустив булаву на шлем Первого. Из-под шлема во все стороны брызнула кровь.

В воздухе появились полупрозрачные пузыри ядовито-зеленого света.

— Держитесь от них подальше! — прокричала Миралисса, заставляя свою доралиссскую лошадку совершить резкий скачок в сторону. — Эграсса штан нырг шаман дулле!

Эльф, не слушая ее, посылал стрелы, ориентируясь на звучащий голос. Можно было подумать, что Эграсса безумен, иначе зачем палить в абсолютно пустое место на поле? Стрелы волновали воздух, втыкались в землю, пение продолжалось, мыльных пузырей становилось все больше и больше. Кто-то из воинов закричал от ужаса и боли.

Удар опрокинул меня на землю, зубы звонко клацнули.

— Жить надоело?! — проорал Угорь.

Гарракец не спал и вовремя оттолкнул меня от летящего заклятия шамана. Очередная стрела эльфа застряла в воздухе, послышался вскрик, и пение смолкло. Прямо из ничего, можно сказать, из разряженного воздуха появился орк, обряженный в довольно странный головной убор, и повалился на землю.

— Иллюзия невидимости! — крикнул Кли-кли.

Со смертью шамана мыльные пузыри разом лопнули и исчезли.

Над капустным полем и пустой деревенькой больше не было слышно звона оружия. Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Я понял, что мы выиграли. Я понял, что мне по какой-то прихоти Сагота удалось

пережить эту битву.

* * *

— Спокойно, дружище, осталась пара стежков, и я закончу. — Угорь, ловко орудуя кривой иглой, накладывал швы на лоб Фонарщику.

Мумр шипел, морщился, но терпел. Орочий ятаган задел Фонарщика и срезал лоскут кожи с его лба. Когда бой закончился, все лицо и одежда Мумра были залиты кровью, и теперь гарракец суконной ниткой пришивал обратно свисающую на глаза Фонарщика кожу.

— Хватит меня мучить, Угорь, и так крови натекло! Лучше бы Миралиссу позвал.

— Миралисса занята, надо спасать тех, кто попал под магию шамана. Угорь наложил еще один стежок. — А что крови много, это не страшно, при ранах в лицо всегда так, гораздо опаснее было бы, если бы проткнули твой живот и оттуда не вытекло ни капли.

— Ловкий гад мне попался... — Мумр поморщился, когда Угорь стал вязать узел. — Теперь через весь лоб шрам пройдет.

— Говорят, они украшают, — хмыкнул Угорь. — Делер, дай свою "Ярость глубин".

Карлик оторвался от чистки лезвия секиры и протянул гарракцу флягу с пойлом. Угорь намочил тряпицу и безжалостно приложил ее ко лбу Мумра. Фонарщик взвыл, будто его посадили на горячие угли.

— Терпи, если не хочешь, чтобы рана загнила.

Фонарщик с искаженным от боли лицом кивнул и взял из рук гарракца тряпку.

— Ты не ранен, вор?

Милорд Крыса снял с головы шлем и теперь держал его в руках. Понятное дело, что капитан гвардии озабочен моим здоровьем. Сталкон как-никак поручил ему охранять меня, а я сегодня едва не отправился в свет. Вот смеху-то было бы, если бы милорд Алистан Маркауз не справился с поручением!

— Вроде нет, — тупо произнес я.

Бой закончился, но я все еще никак не мог отойти от той безумной горячки, что рождается под звон клинков. Сейчас я вместе с Кли-кли сидел на земле возле Пчелки и смотрел на перетоптанное капустное поле,

усеянное телами орков, людей и лошадей.

— У тебя кровь на лице.

Кровь? Ах да! После того как Халлас пробил голову орку из своего чудо-оружия, на меня вроде бы попала кровь.

— Не моя, милорд.

— Вот, вытрись. — Он был настолько любезен, что протянул мне чистую тряпицу. — Молодец, что выжил, вор.

Я усмехнулся: я-то выжил, а вот другим повезло намного меньше, чем мне. Орочья стрела попала Эллу прямо в смотровую щель шлема, убив эльфа на месте. Сурку больше никогда не кормить Непобедимого. Орочье копье пробило воина насквозь. Боюсь, что Медок не дотянет до утра, он попал под пузыри шаманства и теперь лежал без сознания, при смерти. Миралисса пыталась помочь ему и еще троим воинам, но выйдет ли это у нее, неизвестно.

Второй отряд тоже нарвался на орков, но там Первых было гораздо меньше, чем досталось нам. Поэтому Фернан с людьми успел расправиться с врагами и подоспеть к нам на помощь.

— Хорошо они нас, — обратился Фернан к Алистану, с силой вгоняя меч в ножны.

— Сколько?

— Восемнадцать убитых, не считая двух ваших воинов, милорд. Хасал, сколько раненых?

Лекарь оторвался от перевязки раненого.

— Легко — почти все. Четверо тяжело, Сервину отрубили руку и пробили живот, боюсь, он не переживет эту ночь, командир.

— А сколько орков?

— Никто и не считал, — скривился Фернан. — Не больше трех десятков.

Тридцать орков в противовес к пятидесяти. Мы еще легко отделались.

— Командир, что делать с двумя пленными?! — крикнул Одноглазый.

— Сейчас разберемся, — мрачно сказал Фернан.

— Идем, Гаррет, поглядим, — вскочил на ноги Кли-кли.

Лично мне неинтересно было смотреть на орков. По мне так пусть сразу отправляются во тьму, так намного безопаснее.

— Да идем же! — Кли-кли дернул меня за руку. — Чего сиднем сидеть?

Кляня на чем свет неугомонного гоблина, я встал с земли и поплелся за ним.

Двое Первых были оплетены веревками так, как будто они попали в паутину гигантского паука. Один из орков ранен в ногу, кровь еще сочится, но никто не озаботился перевязать ему рану. Рядом с Первыми стоял Эграсса, поигрывая кривым кинжалом. Эльф не спускал со своих кровных врагов взгляда.

Орки и эльфы. Эльфы и орки. Они настолько похожи, что неопытному человеку с первого раза достаточно сложно различить эти две расы. И те, и другие смуглы, желтоглазы, пепельноволосы, черногубы, клыкасты, говорят на одном и том же языке. Различия слишком незначительны для стороннего наблюдателя. В Первых и эльфах течет родственная кровь. Орки чуть ниже эльфов, чуть массивнее, чуть пошире в кости, у них чуть толще губы, чуть длиннее клыки. Эти маленькие «чуть» в некоторых случаях могут стоить жизни невнимательному человеку. Единственное явное отличие — орки никогда не обрезают свои волосы и заплетают их в длинные хвосты-косы.

За пленными пристально следили четверо воинов, один держал наконечник копья возле самой шеи Первого.

— Если хотите умереть быстро, ответьте на мои вопросы. Начнем с тебя, — Фернан обратился к раненому орку.

Орк стиснул челюсти, дернулся, забулькал, и из его рта потекла кровь.

— Сагра! — в ужасе воскликнул один из воинов. — Он откусил себе

язык!

Орк изогнулся дугой, и наконечник копья, коловший кожу Первого, насквозь пробил его шею. Пограничник, выругавшись, отпрянул и отдернул копье, но было поздно — ударивший в небо тугой алый фонтан засвидетельствовал смерть Первого.

— Кассани, тьма тебя заberi! Ты что как маленький?! — обругал воина Фернан.

— Они все ненормальные, командир! Он сам напоролся, — попытался оправдаться воин.

— Что ж, твой приятель отправился во тьму, тебе я такого шанса не предоставлю, — обратился Эграсса к оставшемуся орку. — Ты ответишь на вопросы этого человека, иначе у нас с тобой будет долгий разговор.

Орк презрительно посмотрел на эльфа и плюнул ему в лицо.

— Я не разговариваю с низшими!

Эграсса бесстрастно вытер плевков со щеки и сломал орку палец на руке. Первый взвыл.

— Ты ответишь, или я сломаю тебе оставшиеся девятнадцать пальцев. Голос эльфа был холоден, как лед Игл Стужи.

Я отвернулся и пошел прочь. Не испытываю радостных ощущений, когда кому-то ломают пальцы. Кли-кли присоединился ко мне:

— Гаррет, я до сих пор не верю, что мы выжили.

— Ну тогда ущипни себя за ухо, — посоветовал я ему.

Оставшиеся на ногах воины уже успели сложить тела павших на телегу, найденную в одном из дворов. На вторую уложили раненых. Медок был все так же бледен, хмурая Миралисса шептала заклятия над ним и другими воинами, попавшими под волшебство шамана орков.

— Как он? — с тревогой спросил Кли-кли.

— Плохо, из него выходит жизнь, я могу замедлить это, но не остановить. Здесь нужна помощь мага. И как можно скорее.

— В Кукушке есть опытный волшебник, миледи — сказал один из раненых воинов на телеге.

— Тогда нам надо быстрее привезти их туда, иначе они умрут.

— Мразь, бери ребят и впрягай лошадей в телеги! — крикнул Фернан.

Воины засуетились, подводя лошадей, потерявших своих хозяев в битве. Я вернулся к Диким.

Халлас сидел на земле и заботливо засыпал порох из большого серебристого рога в свои маленькие пушечки.

— Так вот что ты так долго прятал в мешке, борода, — хмыкнул Делер. Что еще за дурь вы придумали?

— Что хотели, то и придумали, — неохотно буркнул гном и стал поспешно убирать загадочное оружие в мешок.

— Халлас, ты позволишь? — Алистан Маркауз протянул руку к гномьему оружию.

Гном недовольно посмотрел на Крысу, но отказывать графу было как-то не с руки, и он нехотя протянул ему одну из своих пушек. Милорд Алистан повертел трубку и спросил:

— Как ею пользоваться?

— Это гномий секрет, милорд, — насупился Халлас. — Простите, не скажу.

— Да чего там, тут и дурак разберется, — влез в разговор Делер. — Вон фитиль, вон курок. Нажимаешь на курок, фитиль опускается, порох вспыхивает, и ядро летит! Велика гномья хитрость, ха! Просто маленькая пушка.

Халлас с досады заскрипел зубами:

— Сам ты пушка, шляпа! Это пистоль, наше новое изобретение. Вот погоди, посмотрим, как вы запоете когда мы к вам с таким оружием в горы нагрянем наши земли отвоевывать!

— Всегда рады, приходите в любое время. Мало вам, бородатым, поля Сорна, так мы добавим, мы не жадные! — Голос Делера звучал бахвальски, но глаза внимательно следили за пистолем в руках Алистана Маркауза.

— Нам бы несколько сотен таких пистолей, и с армией Неназываемого сражаться было бы намного проще, — мечтательно сказал капитан, отдавая оружие гному. — Как думаешь, Халлас, твои родичи выполняют такой заказ?

— Уж простите, милорд Алистан, за резкие слова, — глухо произнес Халлас, убирая оружие обратно в мешок. — Но гномы никогда не были дураками. Дай вам в руки такие пистолы, так вы сначала врагов перебьете, а потом от скуки за нас возьметесь. Вы, люди, на голову недалекие, вам бы только повоевать да врагам кровушку попускать. Такое оружие в таких руках... Наши правители никогда не пойдут на эту сделку.

— Жаль, придется нам мечами отбиваться.

Вернулся Эграсса и покачал головой.

— Он ничего не сказал.

— Тьма с ним, с орком, Эграсса! Поехали. — Миралисса торопилась как можно быстрее оказаться в замке. — Вы готовы, милорд Фернан?

— Да, миледи.

Отряд тронулся в путь, телеги заскрипели колесами. Перекресток остался позади, забрав из нашего отряда в свет еще две души.

Глава 15

На границе

Отряд шел со всей возможной скоростью. Эльфийка следовала рядом с телегой, ежеминутно проверяя состояние раненых.

— Надеюсь, с Медком все будет в порядке, — глухо пробурчал Халлас.

— Все надеются, борода, — ответил Делер и отхлебнул из фляжки. Будешь?

— Давай, — после недолгого раздумья сказал гном. — Раз больше ничего нет, то сойдет и карликовское пойло.

Фернан послал в Кукушку двух всадников, чтобы предупредить волшебника, лекарей и гарнизон. Все держали оружие наготове на тот случай, если в лесу, через который пролегает наш путь, окажется засада из орочьих недобитков.

— Факел! — крикнул десятнику воин с перевязанной левой рукой. — Сервин умер!

— Да пребудет он в свете, — прошептал кто-то из воинов.

— Гаррет! — Угорь протянул мне линга. — Подержи его у себя, зверек к тебе привык.

Я взял в руки лохматую крысу, совсем недавно потерявшую своего хозяина, и засунул за пазуху. Линг посопел, устраиваясь там, и затих. Что с ним делать дальше, решим позже.

Протрубил рог — возвратились гонцы, посланные Фернаном вперед. С ними прибыл отряд из восьмидесяти всадников.

Командир отряда, пожилой воин с хлипкой бороденкой, кивнул Фернану:

— В деревне остался кто-нибудь живой?

— Насколько я знаю, нет. Но надо похоронить убитых жителей.

— Мы займемся этим. Я оставлю двадцать всадников вам в сопровождение, до замка не больше четверти лиги, вас уже ждут.

— Благодарю, — только лишь кивнул Фернан.

Кукушка — красно-серая громадина с тремя башнями, двойными стенами и шестью насыпными валами — бурлил как растревоженный муравейник. Надо думать — орки в часе езды отсюда уничтожили деревню, а воины даже не знали об этом, пока мы им не сообщили.

— Лекарей! — гаркнул Фернан, как только мы оказались во

внутреннем дворе замка.

К телеге подбежали люди, кто-то притащил носилки. Раненым стали оказывать помощь тут же, оставив тех, кто попал под удар магии орка, на попечение Миралиссы.

К неустанно шепчущей заклятия эльфийке подошел лысый высокий человек, облаченный в черную кольчугу простого воина. На поясе у него висел меч, в руках был посох мага Ордена. Орденские волшебники Пограничного королевства не очень-то отличались от обычных воинов. Они в равной степени владели и мечом и магией. Не чета нашим магам.

— "Мыльный пузырь", миледи? — спросил он, положив руку на покрытый потом лоб Медка.

— Да, это Хра-з-тенр, — кивнула она в ответ. — С кем имею честь?

— Уолнер Сивый, маг Ордена Пограничного королевства, к вашим услугам, э-э-э...

— Миралисса из дома Черной луны, вы сможете мне помочь?

— Да, треш Миралисса. Эй, ребята! — Волшебник обратился к воинам. Берите носилки и несите пораженных людей в мои покои. Идемте, миледи, у нас с вами очень много дел.

Волшебник и эльфийка удалились. Следом за ними воины несли раненых.

— Паренек! — Делер поймал за рукав конюшего мальчика. — У вас тут храм Сагры есть?

— Да, мастер карлик, вон там.

— Ты чего, Делер? — спросил Халлас. — Набожным стал в одночасье?

— Дурак ты, борода! Пойду помолюсь за здоровье Медка.

Халлас почесал бороду и крикнул:

— Постой, шляпа, я с тобой схожу! А то заблудишься...

— А я никуда не пойду. — Фонарщика лихорадило от полученной раны. Угорь, помоги доковылять до лекарей, меня что-то шатает.

Мумр оперся на биргризен и встал на ноги. Гарракец подставил ему свое плечо и повел к суетящимся возле телеги лекарям. Мы с Кли-кли остались в одиночестве.

— Идем, Танцующий, я тебе кое-что покажу, — позвал меня за собой Кли-кли.

— Куда мы? — недоверчиво спросил я у него.

— Идем, ты не пожалеешь.

Делать все равно было нечего, наступал вечер, да и не думаю, что мы сегодня пойдем в Заграбу, так что я последовал за гоблином. Кли-кли

подошел к подъемнику возле стены.

— Ты куда, зеленый? — спросил человек, загружавший в подъемник камни для катапульти.

— Не будете ли вы так любезны, уважаемый человек, поднять нас на стену вместе с этими наизамечательнейшими камнями, так прекрасно гармонирующими с цветом вашего лица? — выдал Кли-кли.

— Чего? — округлил глаза работник.

— Поднять наверх нас можешь, дубина?! — Гоблин перешел на более простой и понятный язык.

— Вон лестница! — Человек ткнул грязным пальцем в сторону стены. Поработаете ножками, у меня работы полон рот, нет времени, чтобы еще и вас возить.

Кли-кли показал ему язык и протопал к лестнице, ведущей на стену.

— Кли-кли, ты можешь сказать, ради чего мне лезть двадцать метров? — спросил я у гоблина.

— Так неинтересно, Гаррет-баррет. Я испорчу весь сюрприз. Разве ты когда-нибудь жалел, что послушался меня? — Гоблин уже бодро поднимался по лестнице.

— Да, — совершенно искренне ответил я ему.

— У-у-у, — обиженно протянул шут, но идею залезть на замковую стену не бросил.

Я последовал за ним, подъем был легким, лестница извивалась вдоль стены змейкой, и идти по ней было достаточно легко. Замковый двор проваливался все ниже и ниже, люди, лошади, телеги уменьшались в размерах.

— Ты мне вот что скажи, — спросил я семенящего впереди меня Кли-кли. Где ты так ловко наострился орудовать метательными ножами?

— Что, понравилось? — Кли-кли засветился от неожиданной похвалы. — Я полон скрытых талантов не меньше, чем ты, Танцующий!

— Да что ты?

— Я шут. — Он пожал плечами. — Метать ножи не труднее, чем жонглировать четырьмя факелами или делать тройное обратное сальто.

— Ох и тяжелая же у тебя работа, дружище, — усмехнулся я.

Он остановился, посмотрел на меня сверху вниз и серьезно ответил:

— Ты даже представить себе не можешь, насколько тяжелая, Гаррет. Особенно когда приходится заботиться о таких дылдах, как ты!

— Это ты-то обо мне заботаешься? — возмутился я.

— Вот она, благодарность человеческая! — Гоблин скорбно воздел руки к небу (он в последнее время это очень часто делал). — Не я ли спас

твою шею от собачьих зубов?

— Ну ты, — пришлось согласиться мне.

— А сегодня? Сегодня чьи ножи остановили топор того орка? — продолжал допытываться гоблин, поднимаясь на очередной лестничный виток.

— Твои, — вздохнул я.

— О! — гоблин, не оборачиваясь ко мне, назидательно поднял палец вверх. — Что и требовалось доказать. Вы, воры, все такие?

— Какие?

— С короткой памятью на добрые дела, которые совершают ради вас!

— Да ладно, успокойся, Кли-кли. Я помню, что обязан тебе один раз.

— Как один раз?! — Шут аж споткнулся и едва не полетел вниз.

— Ты меня спас от собаки, а я тебя из речки, так что я должен тебе одно спасение, — ухмыльнулся я.

— А может, я умею плавать, а тогда просто притворялся? — с хитрым прищуром проговорил Кли-кли.

— Ну, тогда ты и в самом деле дурак.

— Ладно, Гаррет-баррет, признаю — я не умею плавать. Мы, кстати, пришли.

Я и не заметил, как оказался на стене. Она была широкая, здесь одновременно могли пройти три воина, при этом не испытывая никаких неудобств. Огромные зубцы, бойницы, синее небо и ветер. Здесь стены уже не защищали от него, и ветер дул прямо в спину. Представляю, каково здесь находиться зимой или во время урагана. Непобедимый вылез из-за пазухи и перелез на плечо.

— Ну и что ты хотел мне показать? — Ничего интересного, кроме катапульта, нескольких лучников, несущих стражу, и одного мастерового, укрепляющего камни стены, я здесь не увидел.

— Да не туда смотри, олух! — Кли-кли подтянул меня к самой бойнице, от усердия едва не столкнув со стены. — Сюда смотри!

Замок стоял на пригорке, и вид отсюда был великолепный. За крепостными валами, тремя рвами, небольшой речкой с ленивым течением, полем метров триста в длину, поросшим какими-то редкими кустиками, начинался лес. Заграба.

Огромная стена деревьев, величественная и прекрасная, смотрела на меня с того берега реки. Лес, размерами готовый поспорить с Валиостром. Леса Зеленого королевства простираются на тысячи лиг. Край лесов, где на заре времен гуляли боги, королевство, существовавшее на Сиале еще во времена Темной эпохи, когда об орках и эльфах еще и не слышали.

Загадочные, сказочные, волшебные, чарующие и в то же время кровавые, страшные и жуткие леса Заграбы. Сколько легенд, сколько мифов, сколько бесконечных историй, загадок и тайн пряталось под зелеными ветвями лесной страны? Сколько прекрасных, диковинных, опасных существ бродило по узким звериным тропам? Кто знает?

Прекрасные города эльфов и орков, знаменитые Листва и Лабиринт, заброшенные идола и храмы ушедших рас, останки городов огров, с которыми может поспорить лишь само время, и, конечно же, чудо и ужас всех северных земель — Храд Спайн.

— Моя родина, — голос Кли-кли звенел. — Чувствуешь запах?

Я вдохнул воздух. Пахло свежестью, лесом, медом и размятым в руках листом дуба.

— Да.

— Правда, она прекрасна?

— Правда, — совершенно искренне ответил я ему.

Огромный зеленый ковер простирался перед нами, уходил далеко за горизонт и скрывался в вечерней дымке. Заграба казалась бесконечной. Я сощурился, и на миг в сиреневатой дымке мне почудились величественные вершины Гор карликов, подпирающие небо. Конечно же мне всего лишь показалось, до великих гор сотни лиг, и отсюда их невозможно увидеть.

— Почему этот лес называют Золотым? — спросил я у приникшего к бойнице Кли-кли.

— Там растут златолисты. — Кли-кли безразлично пожал плечами.

— Темнеет, давай возвращаться. — Я бросил последний взгляд на лес. Не хочется поломать себе ноги во время спуска.

Я и не заметил, как к замку подступили сумерки. В замковом дворе зажгли факелы, людей было мало, тела мертвых уже сгрузили с телеги и унесли. Ни Угря, ни Алистана, ни Миралиссы.

— Ну и где нам теперь искать своих? Я не собираюсь как дурак бродить по этому замку.

— Чего-нибудь придумаем, — неунывающе сказал Кли-кли.

— Мастер Гаррет, мастер... — небольшая заминка. — ... Кли-кли?

К нам подошел старикашка в необъятном балахоне.

— Совершенно верно.

Старикашка вздохнул с облегчением и дернул головой:

— Следуйте за мной, вас ожидают.

Старикан прошаркал в одну из башен, провел нас через длинный холл, все стены которого были увешаны оружием, повернул на узкую винтовую лестницу, и мы оказались в зале, где уже находились Дикие, милорд

Алистан и Эграсса.

— А где Мумр? — Кли-кли уселся на лавку и подвинул к себе тарелку.

— Спит, ему нездоровится, — прочавкал Халлас, запихивая в рот кусок колбасы.

— С ним все в порядке?

— Небольшой жар. — Угорь отхлебнул пива. — Пару дней — и он будет в норме. Меня больше беспокоит здоровье Медка.

— Миралисса сделает все возможное, чтобы спасти его, — не поднимая глаз от тарелки, сказал Эграсса.

Весь дальнейший ужин прошел в молчании.

Появилась Миралисса, Эграсса вскочит и подвинул ей стул. Эльфийка благодарно кивнула, было видно, что она выжата до предела. Под глазами залегли тени, лоб прорезали глубокие морщины, волосы распущены и перепутаны.

Милорд Алистан молча налил эльфийке вина.

Она лишь отрицательно покачала головой и улыбнулась грустной улыбкой:

— Вино и еда подождут, мне следует сделать еще одно дело. Эграсса?

— Да, люди уже все приготовили, на улице стемнело. Можем начинать.

— Вы поели? — обратилась она к нам.

— Мы готовы, миледи, — ответил за всех милорд Алистан.

Кли-кли поспешно кивнул с набитым ртом.

— Идемте, — односложно сказала эльфийка и встала. Эграсса бросился к ней и подхватил под локоть.

— Леди Миралисса, — жалобно протянул Халлас. — Вы ни словом не обмолвились о Медке. С ним все в порядке?

— Да, опасность миновала, он выживет. Сейчас он спит, но боюсь, что дальнейший путь продолжить не сможет. Потребуется две недели, чтобы он смог встать с постели, а у нас нет времени, чтобы ждать. Оставим его в замке.

— Куда мы идем, Кли-кли? — спросил я у гоблина, когда Миралисса вышла из зала.

— Сейчас будут хоронить Эллу, так что поспеши, Танцующий. И линга не забудь забрать со стола, а то кто-нибудь примет его за крысу и приберет.

Я сгреб Непобедимого и посадил его себе на плечо. Ума не приложу, что мне с ним теперь делать?!

На улице уже полностью стемнело, но ворота замка не были заперты.

Только что вернулся отряд воинов, которых мы встретили по пути сюда. С ними было четверо жителей Перекрестка — все, кто умудрился скрыться в лесу, когда на деревушку напали орки.

Миралисса вывела нас через ворота и привела к реке. На той стороне на фоне звездного неба чернильной кляксой высилась Заграба. Возле самой воды был сложен погребальный костер. Кто-то не пожалел на него дров, и они грудой возвышались над землей на два метра. На самом верху находилось тело Элла, обряженное в шелковую черную рубаху. Рядом с ним лежали его с'каш и лук.

Мы остановились в отдалении, наблюдая, как Миралисса и Эграсса подошли к мертвому товарищу.

— Ну вот и еще один оставил нас, — сказал Алистан Маркауз.

— Двое, милорд, — поправил графа Угорь. — Завтра надо будет предать земле Сурка.

— Боюсь, даже на это у нас не будет времени, мы выходим с рассветом. — Капитан гвардии немного виновато покачал головой. — До Храд Спайна неделя ходу.

— Но похороны... — возмутился Делер, но Алистан Маркауз его перебил:

— О теле Сурка позаботятся, Делер.

К нам подошли Миралисса и Эграсса.

— Спи спокойно, к'лиссанг. Я и Эграсса позаботимся о твоём роде, — произнесла Миралисса и щелкнула пальцами.

Костер занялся сразу. Огонь рыжим конем взметнулся к небу, превратился в дракона, взревел, поглотил дрова и тело мертвого эльфа. Магическое пламя, созданное эльфийкой, наверное, было видно за лигу отсюда. Оно рвалось к звездам, отражалось в воде, выло и ревело, унося душу эльфа в свет. До костра было больше двадцати метров, но все мы отступили еще дальше, потому что жар стоял невыносимый. Внезапно огонь всхлипнул, прогоревший помост, где лежал Элл, рухнул вниз, в разверзнутую пасть жара и костер выбросил в холодные звезды сноп искр.

Миралисса запела низким грудным голосом. Песнь Прощания, песнь, которую поют эльфы над умершим сородичем. Никто не произнес ни слова, пока песнь не затихла, а от костра не остались мигающие и пышущие жаром угли.

— Вот и все. — Миралисса сделала несколько пассивных шагов руками, и внезапно поднявшийся ветер подхватил с земли угли и пепел Элла, смерчем

закрутил их в воздухе, наполняя ночь горячими светлячками, а затем бросил останки костра в реку.

Река встревоженно зашипела, зафыркала, спокойные воды всколыхнулись, брызнули паром, и вода поглотила то, что совсем недавно было нашим спутником.

— Гм... — после недолгого молчания крикнул Делер. — Хотел бы я, чтобы и меня похоронили так...

— Красиво, — закончил за него Халлас.

— У нас существует поверье, что, когда эльф умирает в бою, на небе загорается новая звезда, — сказал Эграсса. — Глупо, но красиво. Элл заслужил свою звезду.

— Как и все, кто был с нами, — ответил Алистан. — Идемте в замок, уже поздно.

А река все так же тихо и лениво несла свои воды, будто она и не глотала останки костра несколько минут назад.

* * *

— Гаррет, это твое. — Кли-кли ткнул пальцем на мешок с двумя лямками, стоявший возле моей кровати.

На дворе едва рассвело, а отряд уже встал. Нас ждала Заграба, и в животе у меня бродил холодок предчувствия. Хорошего или плохого, я еще сам толком не знал.

— Что в нем? — Я пристегнул арбалет.

— Твои вещи. Одеяло, паек, ну и по мелочи. Я позволил себе переложить все это барахло из твоих седельных сумок, плюс взял из кучи...

— Тебя кто просил? — грозно спросил я у него.

— Ой, Гаррет, — отмахнулся от меня Кли-кли. — Не надо никаких благодарностей, я встал намного раньше, чем ты, так что для меня это не составило никакого труда.

— Кли-кли, не притворяйся глупее, чем ты есть. Зачем ты разгрузил сумки?

— Затем, что ты не попросишь их на своей спине. Ведь не лошадь же ты в самом деле! По Заграбе удобнее ходить с мешком. Трапперы и немногие охотники, отваживающиеся заходить в леса, берут именно такие мешки.

— М-м-м, — осторожно начал я. — Кли-кли, мне показалось, что ты произнес слово «ходить». Я не ошибся?

— Нисколечко, все верно, я сказал «ходить». Лошади остаются в замке.

— Что?!

— Ты, Гаррет, как я вижу, ни разу не бродил по лесу, — хмыкнул Угорь, затягивая узел на своем мешке. — Попробуй поскакать на лошади через буреломы, болота и тьма знает что еще. Удовольствие еще то. Мы идем пешком. Как говорит эльфийка, отсюда до Храд Спайна ровно семь пеших переходов. То есть неделя. Вход в Храд Спайн в Золотом лесу. Если боги будут благосклонны к нам, скоро окажемся там.

Удивительно, но я не хотел расставаться с Пчелкой. За полтора месяца путешествия я уже не представлял, как можно обходиться без собственной лошади. А теперь мне придется сбивать себе ноги и переть на спине тяжеленный мешок.

Я не очень-то верил, что Кли-кли нормально уложил мои вещи, и вывернул содержимое мешка на кровать. С гоблина станется подложить мне в мешок с пяток тяжелых булыжников просто так, по доброте душевной. Булыжников, слава Саготу, не оказалось, зато нашлась куча ненужного и тяжелого.

— Что ты делаешь? — Кли-кли скептически смотрел, как я откладываю ненужные мне вещи.

— Избавляю свою спину от ужасных мучений, — буркнул я, отбрасывая в сторону чугунный котелок.

Следом за котелком полетел набор столовых приборов, подсвечник со свечами, моток веревки, молоток, швейные иглы, две пары сапог, запасная кольчуга и прочая и прочая и прочая. Когда я закончил, мешок значительно полегчал, теперь я со спокойной душой мог взять его с собой в путешествие, не опасаясь, что переломлюсь в самый неожиданный момент.

— Столько трудов насмарку, — скорбно вздохнул Кли-кли.

— Не тебе его нести, так что не ной, — сказал я, укладывая одеяло.

— Давайте поторапливайтесь. — В дверь заглянул Халлас. — Пора.

— Идем попрощаемся с Медком. — Кли-кли выскользнул за дверь.

Идя к Медку, мы наткнулись на Фонарщика. Дикий был бледен, рубец на его лбу выглядел ужасно, но на ногах Мумр стоял крепко.

— Ты как, живой? — участливо спросил у воина Кли-кли.

— Рано хоронишь, шут, — криво усмехнулся Фонарщик и тут же болезненно поморщился. — Я еще намереваюсь вернуться к Одинокому Великану. Вы к Медку?

— Ага, знаешь, где он?

— Да, я только что оттуда. Выходите из башни, через двор, в левую дверь, по лестнице на второй этаж и третья дверь справа.

— Спасибо, если нас будет искать Алистан, скажи ему, что ты нас не видел. Шевели копытами, Гаррет, время уходит!

Мумр посмотрел на меня с жалостью — когда Кли-кли садится кому-нибудь на шею, от него не отвяжешься никакими силами. Комнату Медка мы нашли без всяких трудностей. За одну ночь воин исхудал так, будто его не кормили целый месяц. Медок из великана и силача, каким мы все его помнили, превратился в скелет. Пергаментная кожа, грозясь лопнуть, обтягивала его кости, глаза лихорадочно горели, желтые волосы казались выгоревшими на солнце. Не знай я, что на кровати лежит Медок, подумал бы, что передо мной глубокий старик. Шаман орков славно поработал, и если бы не помощь Миралиссы и мага Пограничного королевства, лежать Медку в могиле рядышком с Сурком.

Медок не спал. Увидев нас, он слабо улыбнулся:

— Рад вас видеть. — Голос у него был хриплым и шипящим.

— Как ты? — пискнул Кли-кли.

— Паршиво. — Он усмехнулся. — Умудрился же я попасть под раздачу к этому шаману!

— Не переживай, Медок, главное, что жив остался.

— Спасибо, Гаррет, успокоил, — фыркнул он мне в ответ. — Делер обмолвился, что Сурок и Элл... Это правда?

— Да, — односложно ответил я ему.

— Что ж, выходит, я действительно легко отделался... Вы уже уходите, как я смотрю.

— Угу. — Кли-кли поспешно кивнул.

— Жаль, что я не смогу отправиться с вами, — вздохнул Медок. — Как не вовремя все это приключилось!

— Ты не переживай и выздоравливай, — засуетился Кли-кли. — Я вот тут тебе принес, поправляйся, в общем.

Кли-кли достал из-под плаща большое спелое яблоко и положил его на стол возле кровати Медка. Потом подумал и присовокупил к нему морковку.

— От чистого сердца.

— Я знаю, Кли-кли, — серьезно кивнул Медок. — Ты хороший парень.

— А то! — заухмылялся гоблин. Затем проказливо оглянулся на меня, наклонился к самому уху воина и что-то ему прошептал.

Медок вытаращил глаза и удивленно посмотрел на гоблина.

— Я не вру, — совершенно серьезно произнес Кли-кли. В глазах шута плясали демоны веселья.

Медок, откуда только силы взялись, оглушительно захохотал:

— Ну ты даешь! Ну... Никто не знает?!

— Неа, — ухмыльнулся гоблин.

— Вы о чем? — озадаченно спросил я.

— Ни о чем. Мы это так... Между нами, девочками, — ощерился в идиотской улыбке гоблин.

Медок захохотал еще сильнее. М-да... гоблин сегодня в ударе.

— Медок, присмотришь за ним? — Я снял с плеча Непобедимого и усадил на стол рядом с морковкой, которая сразу же заинтересовала линга. — Здесь ему будет намного лучше, чем с нами в лесу.

— Конечно, пускай остается.

— Ну, нам пора, бывай, Медок.

— Выздоровливай.

— Эй, — окликнул он нас, когда мы уже выходили. — Возвращайтесь с победой.

— Обязательно, Медок. Обязательно вернемся!

Не знаю отчего, но я почувствовал странную уверенность, что назло всем врагам и судьбе добуду для Ордена этот проклятый Рог.

До границы леса нас провожал Фернан с десятком воинов из тех, что ехали с нами от Кротового замка. Заграба встретила нас молчанием дремлющего леса, утро для которого наступит лишь через несколько часов.

— Дальше вам придется идти самим, — сказал Фернан. — Не знаю, что вам понадобится в этом лесу, но в любом случае желаю удачи.

— Позаботьтесь, чтобы Сурка похоронили достойно, — попросил Фонарщик, забрасывая биргризен на плечо.

— Я лично прослежу за этим, — торжественно кивнул Фернан.

— Ждите нас к концу сентября, — сказала Миралисса Фернану.

— Да, треш Миралисса, — подтвердил внебрачный сын Альгерта Далли и, развернув лошадь, направился обратно к замку.

Казалось, за спиной остался целый мир, знакомый и горячо любимый. Впереди меня ждала Заграба. Темная, неприветливая и чужая.

Когда я отвернулся от отъезжающих людей, почти весь наш отряд скрылся в лесу.

— Гаррет, ты решил остаться? — Кли-кли нетерпеливо переминался с ноги на ногу. За спиной гоблина висел маленький мешок.

— Давай, Кли-кли, покажи пример, я следом за тобой.

Гоблин ухмыльнулся и скрылся за деревьями. Я вздохнул, сделал шаг и оказался там, где не собирался оказываться ни за какие деньги, — я вступил в Заграбу.

Апрель-сентябрь 2002 г.

Алексей Пехов

Вьюга теней

Предисловие

Величественные леса Заграбы скрывают под кронами златолистов заброшенные города сгинувших рас, деревни воинственных орков, легендарный Лабиринт и могильники Костяных дворцов. Подземные катакомбы хранят в своих мрачных глубинах тайны Темной эпохи. Страшно подумать, что ждет того, кто по глупости своей решится потревожить покой этого места. Но там, где не пройдет герой, прокрадется мастер-вор. Уж не Гаррету ли, научившемуся танцевать с тенями, суждено сделать то, что неподвластно герою — добыть легендарный Рог Радуги и выбраться из Заграбы? А пока Зло вьется над королевством, армии врагов наступают, и пошатнувшееся равновесие вот-вот грозит разбудить вьюгу теней...

Глава 1

Золотой лес

— А чего ты ожидал, Гаррет? Фанфар?! — не переставал возмущаться Кли-кли, и его писклявые вопли разносились по всей округе.

Маленький зеленый гоблин довольно болезненно реагировал, когда я начинал критиковать леса Заграбы. Стоило мне раскрыть рот и выразить недовольство даже самым дохленьким цветочком, как королевский шут тут же бросался в яростную словесную перепалку, желая защитить свою родину.

— Да нет, просто я думал, что Заграба немного другая, — миролюбиво ответил я ему, уже жалея, что затеял этот разговор.

— А какой она, по-твоему, должна быть? — тут же спросил меня Кли-кли.

— Ну не знаю... — задумчиво протянул я, лишь бы только избавиться от надоедливого гоблина.

— Раз не знаешь, чего же ты тогда мне голову морочишь? — Голубоглазый шут в раздражении пнул кочку, так некстати подвернувшуюся ему под ногу. То ему не так! Это ему не так! Кому ты только такой достанешься?! Что ты хотел лицезреть здесь своим прекрасным и наивным взором? Величественные деревья в девяносто метров высотой? Или ручьи с кровью и обуров под каждым кустом? Прости, этого здесь нет. Заграба — лес, а не собрание детских сказок!

— Я это уже понял, — примиряюще кивнул я.

— Понял он, ха! — Кли-кли жаждал крови.

— Кли-кли, води себя потише, — не оборачиваясь, попросил идущий впереди гоблина Угорь.

Кли-кли обиженно посмотрел на высокого смуглого жителя Гаррака, надулся, замолчал, и в следующие два часа из него невозможно было вытянуть ни словечка.

Мы шли по Заграбе уже пятый день. Девять ненормальных, среди которых два темных эльфа, один гоблин, один широкоплечий карлик, один сварливый бородатый гном, один хмурый рыцарь, двое воинов и парень явно воровской наружности. В тот самый момент, когда мы вступили в Заграбу, Миралисса задала отряду бешеный темп, и к концу первого дня я едва не помер. На ночлег мы остановились на какой-то лесной полянке, и я начал подумывать, что на следующее утро уж точно не встану. Если всем остальным так нравится идти через лес — это их полное право, а я лучше полежу на травке и отдохну. Или пусть, коли охота, тащат меня на закорках, потому как, клянусь Саготом, сил для лесных прогулок у меня не осталось.

Утро следующего дня действительно выдалось тяжелым. Пришлось пересилить себя и, сжав зубы, топать, топать и топать. Но к обеду я как-то втянулся в этот размеренный, но быстрый темп и еще через день почти перестал замечать усталость. У меня даже закралось подозрение, что эльфийка подмешивает в котелок что-то из своих магических запасов, чтобы мы легче переносили дневные переходы.

С тех пор как мы вошли в леса Заграбы, костер разжигал Эграсса. Удивительно, но огонь, разведенный кузенком Миралиссы, почти не давал дыма. В первую ночь я немного нервничал — пламя могло привлечь к нам ненужное внимание, — но вечно осторожный эльф не очень-то беспокоился, а раз так, то и мне не стоило волноваться.

За те пять дней, что мы путешествовали по лесу, при всем моем скептическом отношении к Заграбе я повидал множество чудес. Мы шли

звериными тропами, которые то появлялись, то вновь терялись в зарослях папоротника и колючей ежевики.

Мы проходили через густые рощи черного заграбского дуба, сосновые боры, лесные полянки и лужайки, залитые солнечным светом и заросшие лесными цветами. Перепрыгивали через журчащие ручьи с хрустальной водой. Лес тянулся и тянулся, лиги рощ, густых непролазных буреломов, которые приходилось обходить, теряя драгоценное время, десятки полей и болотистых низин в тех местах, где разливались запруженные неизвестными существами ручьи.

И ни следа орков. Лишь белки встречали нас гневными криками "чак-чак!" и подолгу провожали отряд, перепрыгивая с ветки на ветку и с дерева на дерево. Позавчера, часа три пролазив по поваленному весенней бурей лесу, мы вышли на прекрасную лесную поляну, заросшую цветами, от ярких красок которых рябило в глазах. Но стоило идущему впереди всех Эграссе сделать шаг, как поляна взорвалась яркой радугой и цветы взмыли в небо, превратившись в тысячу бабочек всех цветов и размеров. Кли-кли в силу своего природного любопытства попытался поймать хотя бы одну, но по самую макушку угодил в чью-то нору. Пока мы его оттуда доставали, потеряли массу времени. Гоблину влетело и от Миралиссы, и от графа Маркауза.

Возле дубовой рощи, где звенел веселый ручей, гоняя кораблики упавших листьев, мы встретились с кабаном. Это был матерый секач, и на его спине вполне могло усидеть сразу два человека.

Делер, как самый умный и проворный, мигом оказался на дереве. И это несмотря на то, что возле земли у дерева не было ветвей, по которым следовало взбираться всякому уважающему себя карлику. Секач посмотрел на нас черными злобными глазками, яростно хрюкнул и двинулся вперед. Но Миралиссе было достаточно сверкнуть желтыми глазами, выставить перед собой руку, чтобы кабан встал как вкопанный, а затем, виновато похрюкивая, удалился. Делер с высоты своего убежища глянул на эльфийку с нескрываемым уважением и спустился вниз. Халлас не преминул отметить, что все карлики трусы. Делер же в свою очередь сказал, что гномы просто слишком неловкие и не умеют лазить по деревьям, поэтому им и завидно. Крепкий карлик и худенький гном едва не затеяли очередной спор, и пришлось вмешиваться Угрю и Фонарщику, чтобы оттащить вечных спорщиков друг от друга.

По лесу мы передвигались гуськом, следуя за Эграссой. Нашу маленькую колонну замыкал Алистан Маркауз. Рука графа не покидала рукояти любимого батарного меча, дубовый треугольный щит был

заброшен за спину.

Передвижение гуськом, как сказал эльф, уже три раза спасало нам жизнь. Халлас с истинным гномьим упрямством возмутился и произнес, что все это ерунда и ему не очень приятно наблюдать у себя под носом задницу карлика. Эграсса на это лишь усмехнулся:

— Как только мне представится такая возможность, я с удовольствием продемонстрирую почтенному мастеру гному сюрпризы Заграбы.

Халлас встопорщил бороду, хмыкнул и в тон эльфу ответил, что с превеликим удовольствием посмотрит на сюрпризы.

Случай представился в скором времени. Эграсса ткнул подобранной с земли палкой рядом с собой, и земля обрушилась, представляя нашему взгляду глубокую волчью яму, дно которой было усажено кольями, словно спина какого-нибудь ежа.

— Вот и подумай, гном, что бы было, если бы ты шел не за мной, усмехнулся эльф, сверкнув для убедительности клыками.

Халлас озадаченно крикнул, стянул с башки шлем, почесал в затылке, но на попятный пошел, только когда эльф обезвредил при нем еще две ловушки скрытый в кустах самострел и огромное бревно, висящее высоко в листве дуба прямо над тропинкой. Рухни такая штука на тропу, и кто-то бы оказался попросту раздавленным.

— А кто поставил ловушки, Эграсса? — любопытствовал Фонарщик, перекладывая страшный двуручный меч с левого плеча на правое.

— Кто знает. — Эльф хитро улыбнулся и посмотрел на низкорослого гнома. — Троп слишком много, чтобы проследить за всеми.

— Но ты-то ведь знаешь, где какая ловушка находится! — Мумр решил во что бы то ни стало добиться ответа на свой вопрос.

— Немного магии — вот и вся хитрость. — Смуглый эльф загадочно усмехнулся и поправил с'каш за спиной.

Понятное дело — темный не собирается делиться секретами своего народа с чужаками.

Однажды, после того как Кли-кли по грудь провалился в болото (ему приспичило отойти в кустики), на тропу перед нами вышел лось. Это был король лосей, размах его рогов оказался больше трех метров. Лось втянул носом воздух, безучастно поглядел на нас огромными бархатными глазами и, деловито переставляя длинные мощные ноги, скрылся в окружающем тропу ельнике. Кажется, в Заграбе просто нет маленьких животных. Что этот лось, что ранее встреченный кабан.

Халлас огорченно крикнул и пожалел, что не догадался прибить

зверюгу.

— Вот мяса бы наелись!

На что Делер весело расхохотался и сказал, что весь разум гномов ушел в их бороды, иначе они бы догадались, что не стоит связываться со здоровенными чудовищами.

Целый день в ветвях деревьев чирикали, стрекотали и пели птицы. Дубы шептали нам перед сном колыбельную леса, а совы умиротворяюще ухали в ночной тишине. На четвертый день нашего путешествия Миралисса сказала, что надо прибавить ходу и теперь отряд будет идти еще и ночью. Кто-то тихонько застонал (вроде это был я), но, естественно, никто не обратил на это должного внимания.

На небе появилась полная луна, света в лесу оказалось предостаточно, да и эльфы, похоже, видели в темноте не хуже кошек. Теперь мы шли большую часть ночи и ложились спать в предрассветные часы, чтобы после полудня вновь начать продвижение к Храд Спайну.

Ночью я и узнал, что такое волшебство Заграбы. В это время суток лес преображался, превращаясь в дикий, чужой, таинственный, но на свой лад прекрасный мир. Темные ветви-руки дубов и кленов, загадочный шепот в кронах — то ли это шепчет листва, разбуженная ветром, то ли общаются между собой неведомые существа. Шепотки, попискивания, легкие смешки раздавались с деревьев, из кустов и высокой травы. Иногда за нами следили яркие искорки крохотных глаз. Зеленые, желтые, красные. Ночные жители леса наблюдали, переговаривались, но не спешили вылезать из своих норок нам навстречу.

— Кто это такие? — шепотом спросил я у Кли-кли.

— Ты об этих говорунах? Мой народ называет их лесными духами. У каждого дерева, куста, лесной поляны или ручья свой лесной дух. Не обращай на них внимания, они совершенно безобидны.

— Это так, мелочь. — Делер попробовал пальцем одно из лезвий своей секиры. — Видел бы ты, какие лесные духи в Дремлющем лесу! Вот от тех неизвестно чего ждать, а эти сидят тихонько, никого не трогают...

— Только зырят, — закончил за Делера Халлас.

— Во-во, — в кои-то веки согласился с гномом карлик.

Но духи — это еще не все, что было в ночной Заграбе. Однажды мы увидели, как в лесу горел воздух. Тысячи светлячков порхали меж деревьев, вспыхивая изумрудным, бирюзовым и алым. Кли-кли поймал с десяток этих безобидных созданий и посадил себе на плечи. Несколько минут гоблин светился, как какой-нибудь святоша из рассказов жрецов, затем светлячкам наскучило кататься на королевском шуте, и они

упорхнули в яркий живой калейдоскоп своих собратьев.

Ночь была временем сов, бесшумно плывущих в лунном свете над лесными полянами. Птицы искали еду, вслушиваясь в звуки, раздающиеся из травы. Ночь была временем волков — мы несколько раз слышали их отдаленный вой. Ночь была временем существ, названия которых я не знал. Крики ночных птиц, больше похожие на хохот сумасшедшего, рев, уханье, чириканье, рычание. В ночи жили самые разнообразные существа, и не всегда они были добры к незванным гостям. Четырежды Эграсса и Миралисса уводили нас с тропинки, и мы, затаившись, пережидали опасность. Что нам угрожало и от чего мы прятались в кустах, эльфы объяснять не удосуживались. Но в такие моменты даже непоседливый гоблин и скандальный гном затихали и следовали всем эльфийским приказам.

К вечеру пятого дня по узкой тропке, петляющей меж заросших мхом лиственниц, мы вышли к Золотому лесу.

— Слава богам! — Фонарщик с облегчением бросил свой мешок на землю. Кажись, добрались!

— Ты прав, Мумр, — ответила Миралисса. — Отсюда до Храд Спайна полтора дневных перехода.

От ее слов у меня ни с того ни с сего неприятно кольнуло в животе. Вот оно! Почти дошли! То, что два часа назад казалось мне таким далеким и недостижимым, теперь лежит от нас всего лишь в двух днях пути.

— Лес как лес. — Халлас презрительно покосился на деревья с золотистыми листьями. — Вечно Первые строят из себя избранных! Можно подумать, что и дерьмо у них из золота!

— Надеюсь, тебе не представится возможности спросить их об этом, Халлас, — нехорошо усмехнулся Угорь. — Орки не склонны отвечать на такие вопросы.

— Идемте, надо продолжать путь. — Милорд Алистан снял сапог, вытряхнул из него попавший туда камешек и снова натянул обувку на ногу.

Золотой лес назвали так оттого, что кроме других деревьев, самых обычных, здесь росли златолисты. Это были величественные гиганты с темно-оранжевыми стволами и широкими листьями, будто бы отлитыми из червонного золота. Златолисты росли только здесь, в Золотом лесу, и древесина их очень ценилась во всех Северных землях, не говоря уже о таких странах, как обе Империи и Султанат. Если орки ловили дровосека, срубившего златолист, то поначалу отрубали ему руки его же топором, а

затем делали и уж вовсе ужасные вещи.

— Ты бы видел, Гаррет, как красив Золотой лес осенью! — разглагольствовал Кли-кли.

— Ты здесь бывал раньше? — спросил у шута Делер.

Кли-кли с театральным презрением посмотрел на карлика:

— К сведению некоторых, Золотой лес — это моя родина. Он тянется аж до самых Гор карликов — это вся восточная Заграба, так что нечего удивляться, что я знаю, как он выглядит осенью.

— Сейчас, кстати, уже осень, — поддел я гоблина.

— Начало сентября. — Шут презрительно фыркнул. — Вот погоди, начнется октябрь...

— К началу октября мне хотелось бы оказаться как можно дальше от Заграбы.

— Темнота-а-а! — обиделся Кли-кли.

— А далеко отсюда до твоего дома? — поинтересовался Фонарщик, машинально поглаживая свежий шрам на лбу.

— В гости собрался? — Кли-кли весело хихикнул. — Тогда тебе предстоит идти еще недельки три, пока не доберешься до центра территорий орков. Оттуда еще две недели до самой глухой чащобы леса, а дальше уж как судьба направит, может, и сможешь отыскать гоблинов, конечно, если они захотят, чтобы их нашли. Орки приучили нас к осторожности, да и вы, люди, в прошлом любили на нас поохотиться со славными собачками.

— А все же интересна история этого леса. Правда, что именно здесь впервые появились и эльфы и орки?

— Правда, — хихикнул Кли-кли. — И тут же вцепились друг другу в глотку. У эльфов вроде даже песенка есть об этом. "Сказка о золоте" называется.

— "Легенда о мягком золоте", Кли-кли, ты все перепутал, — поправил гоблина Эграсса, слышавший наш разговор.

— А, какая разница! — беспечно отмахнулся Кли-кли. — Сказка, легенда... Все равно мира в Заграбе не будет, пока жив хотя бы один орк.

— Эграсса, — попросил эльфа Мумр. — Не споешь нам эту легенду?

— Спою. На привал остановимся, и спою.

— Запрещенные песни решил петь, кузен, — хмыкнула Миралисса, срывая с ближайшего дерева золотисто-красный лист и разминая его пальцами.

— А почему она запрещенная? — тут же пристал к Миралиссе Кли-кли.

— Она не то чтобы запрещенная, просто петь ее в приличном эльфийском обществе считается верхом неуважения к окружающим. А так поют — в основном бунтующая молодежь, правда, по углам, чтобы не позорить честь предков.

— Что же там такого плохого? — вопросительно приподнял бровь Угорь.

— Эльфы там выставлены не в самом лучшем свете, Угорь, — ни с того ни с сего отозвался ранее молчавший милорд Алистан Маркауз. — А орки представлены благородными белыми овечками. Спорю на половину своих земель, что эту песню придумали люди.

— Милорд ошибается, песню сочинил эльф, очень давно. Вы ее слышали, милорд? — Эграсса, казалось, удивился тому, что Алистан знает об этой песне.

— Да, еще в молодости, я слышал ее от одного из ваших светлых собратьев.

— Эти могут. — Темный эльф поправил серебристый обруч у себя на голове. — Наши сородичи отказались от магии предков, так что не стоит удивляться тому, что они поют такие песни чужакам.

— Но и ты обещал нам спеть! — поддел Эграссу Кли-кли.

— Я другое дело! — гордо отрезал эльф.

Что бы ни говорили темные другим, но отношения между ними и светлыми родичами были не такими уж и безоблачными.

Мы шли еще часа три, прежде чем эльф скомандовал привал. Отряд остановился на поляне, заросшей мелкими лесными ромашками. Из-за белизны цветов казалось, что выпал снег. Осень была не властна над Страной Лесов. По крайней мере пока. Оттого здесь можно было встретить и бабочек и летние цветы.

На окраине полянки меж корней кряжистого граба журчал ручеек, так что в воде у нас недостатка не было.

— Сегодняшней ночью останемся здесь, — решительно сказала Миралисса.

Алистан кивнул. С тех пор как мы вошли в лес, он полностью снял с себя командование и во всем подчинялся Миралиссе и Эграссе. В чем милорду Крысе не откажешь, так это в мозгах. Граф прекрасно понимал, что эльфы о лесе знают намного больше, чем он, и стоит прислушаться к их словам и предложениям.

— Эграсса, ты обещал нам песенку, — напомнил эльфу после ужина Кли-кли.

— Давайте лучше спать, — зевнул Халлас. — Ночь на дворе.

Гном любил лишь песни своего народа. Нечто вроде "Молота по топору" или "Песни безумных рудокопов". Все остальное ему было абсолютно неинтересно.

— Ничего подобного! — отчаянно запротестовал гоблин.

— Халлас, тебе еще на часах сегодняшней ночью стоять, — напомнил гному Угорь. — Так что не укладывайся, все равно выспаться не удастся.

— А вот и нет! Первая стража твоя и Фонарщика, а мы с Делером заступаем только во вторую половину ночи, так что успею.

Халлас завалился на бок и тут же, не обращая внимания на других, захрапел.

— Так мы услышим песню? — любопытствовал Мумр, которому Миралисса только что закончила снимать швы со лба.

Благодаря шаманству эльфийки вместо грубого и уродливого шрама, напоминающего о страшной ране, через лоб Фонарщика проходил едва видимый розоватый рубчик.

— Услышите, я же обещал, — ответил Эграсса. — Просто для этой песни требуется музыка.

— Дык какие проблемы-то? У меня ведь дудка имеется! — Фонарщик полез в мешок за дудочкой.

— Боюсь, что для этой песни нужна музыка понежнее, — отказался от предложения Мумра эльф. — Да и шума от дудки много. Я сейчас.

Эграсса легко встал с травы, подошел к своему мешку и выудил из него дощечку размером не больше ладони. На дощечке были натянуты тонкие и едва видимые в темноте серебристые струны.

— Что это? — с интересом спросил Делер.

— Г'дал, — ответила на вопрос карлика Миралисса. — Эграсса любит поиграть на нем на досуге.

Эграсса любит поиграть? Вот уж чего не знал, того не знал! По крайней мере не замечал за эльфом такой странности во время нашего путешествия.

Грубые пальцы темного неожиданно ловко пробежали по тоненьким струнам, и странный инструмент издал тихий певучий звук. Эграсса продолжал волновать струны, и уснувшую поляну наводнила мелодия.

— Учтите, что петь эту легенду надо на орочем. Сейчас она будет не такой прекрасной, — предупредил нас Эграсса и запел:

Златые стрелы у эльфов в чести,
Оркам бронза милей,

Лес Золотой и Черный лес,
Холодная песнь ветвей.
Эльфы пришли во главе с Королем,
Орков привел Аргад,
И друг против друга, глаза — в глаза,
Рука с Королем стоят...

Эграсса умел петь, песня лилась тихо и красиво. Слова бежали, когда кипела далекая битва, струны плакали, когда умирал Рука орков, оставляя родичу-эльфу и кровному врагу последний совет.

Г'дал эльфа издал последний жалобный аккорд, и над поляной повисла гнетущая тишина.

— Красивая легенда, — наконец вздохнул Делер.

— Неудивительно, что эльфы не очень-то любят эту песню. Милорд Алистан прав: ваша раса выставлена не в самом лучшем свете, — изрек Мумр.

— Зато орки слишком уж благородны, — с презрительной миной ответила Миралисса.

— "Не в самом лучшем свете...", "слишком благородны...", — протянул Кли-кли. — Это всего лишь глупая песня, на самом деле ничего подобного не было!

— С чего это ты решил, что этого не было? — Делер растянулся на своем походном одеяле и широко зевнул.

— С того, что это всего лишь легенда, Делер. Легенда, в которой нет ни капли правды. Когда в Золотом лесу появились эльфы, никаких разговоров не было. Орки сразу полезли в драку. И уж точно никто другу другу не говорил "друзья".

— Но Элдониэсса был. Он первый и последний Единый Король нашего народа. — Миралисса немножечко остудила воинственный пыл Кли-кли. — Его дети создали Дома эльфов.

— А Аргад жил на восемьсот лет позже и, помнится, едва не дошел до Листвы, вы еле-еле отбросили его армию на самом рубеже Черного леса, хмыкнул гоблин. — А люди на Сиале появились через тысячу семьсот лет после описываемых событий, так что Элдониэсса, Аргад и человек никак не могли встретиться друг с другом. И эльфы отнюдь не такие идиоты, чтобы делать наконечники для стрел из золота. Это не больше чем легенда, треш Миралисса.

— Но признайся, Кли-кли, красивая, — сказал я.

— Красивая, — благосклонно кивнул маленький шут. — А еще очень поучительная.

— Поучительная? Чему же она учит, гоблин? — Алистан Маркауз поворошил палкой костер.

— Тому, что не стоит полагаться и доверять людям, иначе можно потерять свой дом навсегда, — ответил гоблин.

Никто не стал спорить и возражать. На этот раз королевский дурак был абсолютно прав: дай нам волю, и мы перебьем всех врагов, потом друзей, а затем и друг друга.

* * *

Ночью ко мне вновь пришли кошмары, и в какой-то момент, когда мешанина снов переполнила голову, я открыл глаза. Уже наступило утро, но все еще спали, если не считать Фонарщика. Халлас и Делер дрыхли, переложив свои обязанности на плечи безотказного Мумра. Заметив, что я проснулся, воин молча кивнул. Я немного полежал, удивляясь тому, что Миралисса не торопится вставать сама и будить других. Эльфийка решила дать отдых отряду перед последним рывком к Храд Спайну? Вполне вероятно.

Откуда-то с края поляны доносилось тихое мурлыканье Кли-кли. Гоблин бродил возле самого леса и напевал незатейливую песенку. Выходит, не только мне одному не спится.

— Чего поешь? — спросил я, подойдя к Кли-кли. — Сейчас всех перебудишь.

— Я тихонько. Землянички хочешь? — Кли-кли протянул мне шляпу Делера, доверху наполненную отборной земляникой.

— А Делер знает, что ты таким образом используешь его любимую шляпу? — скептически спросил я у гоблина, но предложенную землянику взял. От ягод шел изумительный дух, и я просто не смог устоять.

— Ты думаешь, наш карлик может расстроиться? — задумчиво пожевал губами Кли-кли, бросив быстрый взгляд в сторону спящего Делера.

— Какой ты проникательный, Кли-кли, — хмыкнул я и взял из шляпы еще горсть земляники.

— Ты опять стонал во сне, Танцующий. Плохие сны?

— Наверное. — Я небрежно пожал плечами. — По счастью, последнее

время я почти не помню своих снов.

— Мне это не нравится, — поморщился гоблин. — Кто-то не хочет, чтобы ты видел сны.

— И кто же этот кто-то?

— Хозяин, например. Или его служанка — Лафреса.

— Умеешь ты радовать друзей, — сказал я Кли-кли. — Пойдем, разожжем костер, пока все спят.

— Давай иди. Я сейчас землянику доем и принесу делеровскую шляпу обратно.

— М-м-м... Кли-кли, ты разве не видишь, что внутри шляпа окрашена соком? Ты же половину земляники подавил!

— М-дя? Об этом я как-то не подумал. — Гоблин задумчиво оглядел дело рук своих. — Просто давленная земляника, по-моему, капельку вкуснее, чем обычная. Может, мне шляпу в ручье постирать?

— Лучше не надо, сделаешь только хуже, — сказал я ему и пошел обратно.

Кли-кли как маленький, будто не знает, что Делер теперь будет орать целый день по поводу безнадежно изгаженной шляпы! Да еще шут про Хозяина с Лафресой так некстати вспомнил. Хозяин тот еще злыдень, он устраивает нам прелестную жизнь с самого начала путешествия, но кто он такой, мы так и не узнали. Но сволочь он всесильная и злопамятная и силенками может поспорить с кем-нибудь из богов. Но, как видно, просто прихлопнуть нас ладошкой парень не хочет, поэтому изгаляется, как может, а когда мы портим его очередной каверзный план, он нисколько не расстраивается, а в сжатые сроки придумывает новый, еще краше и опаснее. Хозяин, как и Неназываемый, не шибко хочет, чтобы мы добыли Рог Радуги из могильников. И если для Неназываемого это вопрос жизни и смерти, то для Хозяина (как я думаю) очередной каприз.

— Смотри под ноги, дылда! — рявкнули басом откуда-то снизу.

Я со страху едва не научился летать. Во всяком случае, подпрыгнул я знатно.

— Много всего я в жизни видел, но чтобы дылды так подскакивали никогда! Эй! Куда смотришь, идиот? Вниз смотри! Вниз!

Вроде голос никакой опасности не представлял... Я послушно посмотрел вниз.

На земле сидело существо, больше всего похожее на странную помесь кузнечика, стрекозы и козла. Да-да. Ноги у этого маленького существа были как у кузнечика, голова и туловище козлиные, а прозрачные сетчатые

крылья достались в наследство от крупной стрекозы. Все туловище раскрашено желто-черными полосами. Одним словом, возле моих ног сидел не кто иной, как самый настоящий сказочный стрекозел. Размерами существо было не больше ладони.

— Ну, долго ты еще будешь на меня глазеть? — раздался тот же самый голос.

Только тогда я заметил, что на шее стрекозла сидит человечек размером с мой мизинец. Золотые кудряшки, плаксивые черты лица, бархатный лиловый костюмчик, маленький лук. На меня это существо смотрело с изрядной долей раздражения.

— Флини! — ахнул я.

— Какая пронизательность, выпей мою кровь лесные духи! Ты всегда такой умный или только по утрам? Быстро води меня к эльфийке!

— Какой эльфийке? — опешил я от наглости мелюзги. Стрекозел взмыл в воздухе и завис передо мной, мельтеша крыльями. Флини на его шее неприязненно посмотрел на меня:

— Все дылды такие тупые или ты один такой несчастный на мою голову выискался? Треш Миралисса из дома Черной луны. Знаешь такую?!

— Да.

— Так не спи и проводи меня к ней, идиот! — заорал на меня флини.

— Что за шум? — К нам незаметно подошел Кли-кли. — А, флини приперся!

— Я тебе покажу "приперся", зеленый! — возмутился флини.

— Зеленый, говоришь? — Кли-кли опасно прищурился. — А ну заткни рот, мелочь золотоволосая, иначе худо будет!

— Да ладно, что ты взъелся? — сразу пошел на попятную флини. — Я же знакомлюсь!

— Вот и познакомились. Так зачем ты приперся? — Кли-кли специально выделил последнее слово, но флини сделал вид, что не услышал оскорбления, и пропел:

— Сообщение. Информация. Новости.

— Так иди и передавай, вон эльфы уже встали!

— Нужно, чтобы меня представили, сам знаешь, обычаи. — Флини недовольно скривился, будто ему в рот напихали кислого крыжовника.

— Да уж знаю, — вздохнул Кли-кли. — Все вы стрекозлиным молоком мазаны! Идем, что ли?

Стрекозел загудел крыльями и полетел рядом с плечом гоблина. Я шествовал за ними в качестве почетного эскорта.

— Леди Миралисса, позвольте представить вам флини... как тебя там,

мелкий?

— Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы, дубина, — прошипел, растягивая губы в улыбке, флини.

— Аарроо г'наа Шпока из ветви Хрустальной Капли...

— Росы, бестолочь! — раздраженно зашипел флини.

— А, какая разница? — Кли-кли отмахнулся от гудящего над ухом стрекозла. Но все же исправился и сказал: — Из ветви Хрустальной Росы.

— Я рада приветствовать брата из маленького народа возле своего костра. Что привело тебя сюда, Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы? — приветливо кивнула флини Миралисса.

— Сообщение. Информация. Новости, — ответил церемониальной фразой Аарроо и посадил стрекозла на землю.

— Ты специально искал меня, или твои знания для любого темного?

— Специально. Глава дома Черной луны послал нескольких моих братьев, чтобы они искали вас, треш Миралисса, но посчастливилось только мне. А все оттого, что я могу думать.

— Везет достойным, — серьезно ответила маленькому хвастуну эльфийка. Не желаешь отведать нашей пищи и выпить нашего вина?

— Охотно, — крикнул Аарроо и в предвкушении скорого пиршества потер маленькие ручки.

Эграсса уже позаботился о еде, и перед довольным флини появилась махонькая золотая тарелочка с кашей, приготовленной Халласом, и махонький кубок с душистым вином. Видать, эльф таскает эти миниатюрные вещицы специально для маленьких говорунов, путешествующих на стрекозлах.

Я тронул Кли-кли за локоть и отвел в сторону, чтобы, не дай Сагот, флини не услышал нашего разговора.

— Чего с этой мелюзгой так носятся? Не проще ли было вначале узнать, зачем он к нам пришел, а затем уже кормить?

— Ох Гаррет, — огорченно цокнул языком гоблин. — Конечно не проще! Это же флини! Им не надо прощать грубости, иначе эти летуны, сующие нос куда не попадая, сядут тебе на шею, но и древние обычаи не стоит вот так просто нарушать. Было бы что-нибудь срочное или опасное, он бы нам обязательно сообщил, а раз дело терпит, то стоит придерживаться их правил. Сейчас слопают кашу и сам все расскажет. Ты лучше скажи спасибо, что его послали к нам с сообщением, иначе едой бы мы не отделались. Вольные флини обычно берут за информацию чем-нибудь более существенным, чем набитый живот. Давай вернемся, я хочу послушать, что скажет этот пустобрех.

Флини почти закончил трапезу. Ел этот мелкий парень со скоростью оголодавшего великана. Стрекозел заглядывал в тарелку через плечо флини и тоненько, просяще мекал. Больше всего это меканье походило на писк несчастной тонущей мышки. Аарроо Как-Его-Там в который раз раздраженно отпихнул морду стрекозла в сторону.

— У вас больше ничего не осталось в том здоро-о-овом котелке? А то Флолидаль не отстанет от вас, пока его не накормят, — ворчливо проговорил флини, отхлебывая вино из кубка.

Эграсса взял деревянную ложку, зачерпнул из котелка, и стрекозел, загудев крыльями, упал на ложку с едой, словно голодный коршун на курицу.

Тем временем проснулся Халлас. Гном зевнул, увидел завтракающего флини, захлопнул рот, да так, что клацнули зубы, и принялся отчаянно протирать глаза. После этой поспешной процедуры Халлас вновь посмотрел на Аарроо, но тот, как и следовало ожидать, никуда не делся и, хмуро покосившись на удивленного Халласа, продолжил жевать.

— Странно, — задумчиво изрек гном и толкнул спящего Делера локтем в бок. — Эй, шляпа! Вроде мы вчера ничего не пили. Какого ж хрена мне мерещатся маленькие человечки?

Делер проснулся, покосился на Аарроо и изрек:

— Это флини, дятел бородатый!

— Какой к Неназываемому флини, Делер?! Флини только в сказках живут и не поедают кашу моего собственного приготовления!

— Гномы еще хуже людей, — недовольно изрек Аарроо, по всей видимости, обращаясь ко всем присутствующим на поляне. — Что до каши, милейший, то только из уважения к почтенной треш Миралиссе я не кидаю это варево вам в бороду. В жизни не пробовал такой премерзопакостной дряни!

Гном поперхнулся от такой наглости и не нашелся что ответить.

— Ну что же. — Отдуваясь, флини отодвинул от себя тарелку. — Все законы соблюдены.

Аарроо свистнул, подозвал к себе стрекозла, залез к нему на шею, сделал над нами круг и, зависнув в воздухе, нараспев произнес:

— Сообщение. Треш Эдданрасса, глава дома Черной луны, шлет своей дочери Миралиссе привет и скорбное сообщение. Треш Эдонтасса погиб в стычке с кланом Кровавых топоров. Там же погиб треш Эпевласса. Теперь треш Миралисса становится третьей в очереди за лиственной короной. Впереди только треш Меленасса и треш Эпилорсса. Треш Эдданрасса просит свою дочь как можно скорее вернуться домой, оставив все

остальные дела. Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ?

— Как это случилось? — резко спросила Миралисса.

— Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ? — упрямо гнул свое флини.

— Ответ. Пока не завершится дело, которое доверил мне объединенный совет Домов в прошлом году, я домой не вернусь.

— Услышано, — важно кивнул флини, и стрекозел сделал над нами еще один круг.

— Прямо как стрекоза, — завистливо присвистнул Мумр, следя за полетом волшебного существа.

— Информация. Бесплатно, — между тем пропел флини и скривил рожицу. Видно, бесплатно он делать ничего не любил. — Из Красного урочища, что за городом Чу, исчезли все птицы. А также кабаны, лоси, медведи, волки и почти все лесные духи.

— Почему? — коротко спросил Эграсса.

— Кабы я знал, информация не была бы бесплатной, — раздраженно ответил Аарроо. — Мне об этом сказал дух большого пня, что живет в трех лигах пути от этого места. Он сам ничего не знал, но в последнее время маленькие жители стараются держаться подальше от тех мест. И молчат будто воды в рот набрали.

— Глупая информация. — Халлас в раздражении дернул себя за бороду.

— Какова каша, такова и информация! — обозлился флини, и его стрекозел гневно зажужжал. — Если гном будет дразниться, узнавайте новости от кого-нибудь другого! Пусть этот бородатый вам их и рассказывает!

— Заткнись, Халлас, — тут же сказал Угорь.

— Прошу простить моего слугу, почтенный Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы, — примиряюще произнесла Миралисса.

— Слугу? — беззвучно спросили губы гнома.

Делер показал Халласу кулак. Гном стал красным, как раскаленный лист металла в горне у кузнеца, но не произнес ни слова.

— Так-то лучше, — довольно ухмыльнулся флини, и стрекозел сделал над нашими головами третий круг.

— Мы будем проходить через это урочище, леди Миралисса? — между тем задал свой вопрос Алистан Маркауз.

— К сожалению, да. Это самый короткий путь.

— Но есть и другие? — выделяя каждое слово, уточнил граф.

— Есть, но если мы пойдем через Красное урочище, то окажемся у

Костяных дворцов уже к завтрашнему вечеру. На обходном пути мы потеряем пять-шесть дней. Да и дорога будет пролегать прямо по границе с обжитыми землями орков. Это слишком опасно.

— Не опасней, чем место, из которого исчезли все лесные духи, — не согласился с кузиной Эграсса.

— Мы рискнем, Эграсса. — Эльфийка сверкнула глазами.

— Ты старше в роду, тебе и решать. — Эльф поднял руки вверх, показывая, что не собирается с ней спорить.

— Новости. — Флини дождался окончания разговора и пропел: — Целых три штуки. Цена первой новости — пляска этого упрямого гнома.

— Что? — взревел Халлас. — Гномы ни для кого не танцуют!

— Значит, мне повезло вдвойне! — злорадно заржал флини. — Хотите узнать первую новость, пусть гном танцует. Не хотите — я полетел. С порученным заданием я уже справился и общаюсь с вами только из чистой любезности.

— Ах ты, маленькая... — Гном вскочил и сжал кулаки. — Да я тебя вместе с твоим жужжащим вонючим козлом сейчас так пну!

— Он будет танцевать, — твердо сказал Алистан Маркауз.

— Что?! Да чтобы я...

— Это приказ, воин! Танцуй! — В голосе капитана гвардии зазвенела сталь.

— Танцуй, дружище. — Делер успокаивающе положил руку на плечо гнома. Ну подумай — танец для флини. Представь, что ты танцуешь для меня.

Это решило дело. Гном презрительно фыркнул:

— Чтобы гном танцевал для карлика? Я быстрее для флини станцую!

И станцевал. Вроде это был какой-то военный танец гномов. Во всяком случае, Халлас плясал с боевой мотыгой в руках, да и пляска больше напоминала бой, а не праздничный танец. Фонарщик наигрывал на дудке, помогая гному. Пожалуй, Золотой лес еще не видывал такого представления. Кли-кли весело хлопал в ладоши, Делер старался не лопнуть со смеху.

— Все! — сказал запыхавшийся гном.

— Вы, гномы, танцуете еще хуже, чем готовите, — безжалостно заявил флини.

Делер вовремя успел схватить Халласа и оттащил в сторону от греха подальше.

— Как насчет новости? — Миралисса несмотря ни на что старалась быть вежливой.

— Новость. В Золотом лесу видели людей. Они опережают вас на два дня. Больше двух десятков. Все вооружены. Одна женщина. Гербов на одежде не видел.

— Куда они направились?

— Шли к Красному урочищу. Два дня назад оно еще было спокойно.

— Готов прозакладывать душу, что это Балистан Паргайд со своими людьми, — нахмурился милорд Алистан.

— И Лафреса. Они будут возле входа намного раньше нас, — шмыгнул носом Кли-кли.

— Они оплошали с Ключом и решили устроить нам засаду у входа?

— Может быть, Гаррет, а может, и нет... — В глазах эльфийки застыло беспокойство. — Они могли рискнуть и попытаться взять самый сладкий кусок.

— Рог?

— Да. Если ты кому-нибудь расскажешь про наш разговор, я найду тебя, обратилась эльфийка к флини.

— Да уж понимаю, в эльфийские тайны лучше не лезть. Буду нем как могила, — недовольно буркнул флини.

— Никто из людей не был ранен? — спросил я у него.

— У одного не было левой кисти.

— Это они, — кивнул я.

— Какова вторая новость? — Эграсса посмотрел на флини.

— Цена второй новости — щепотка сахара.

— У нас нет сахара, — злорадно сказал Халлас. — Мы не кондитеры. Может, мне еще раз перед тобой станцевать? Последние слова гнома прозвучали с вызовом.

— Нет уж! Второй раз мое сердце такого зрелища не выдержит! Что у вас есть на обмен?

Мы переглянулись. Тьма знает, что может заинтересовать носителя новостей.

— У меня есть конфета! — неожиданно воскликнул Кли-кли.

— Покажи, — подался вперед Аарроо.

Кли-кли торопливо порылся в многочисленных кармашках своей одежды и выудил оттуда изрядно помятую, но завернутую в яркую золотистую бумагу конфету. Видать, заначка еще с Авендума. Флини внимательно изучил ее и со скучающей рожей, будто он делал нам вселенское одолжение, изрек:

— Дрянь, конечно, но сойдет. Бросай на землю.

По-моему, он ломался, конфета ему понравилась. Флини опустил

стрекозла прямо на брошенную конфету и стал привязывать ее к брюху своего ездового зверя.

— Новость. В Золотом лесу видели человека. Одет в серый плащ, лица не разглядели. Вооружен копьем. Идет быстро, почти не задерживаясь. В четырех часах полета от вас. Идет прямо сюда. Золотой лес на этой неделе будто медом намазан, все так и прут. Давно я не видал столько чужаков. Ах да! Связываться с ним не советую, древесные духи говорят, что он воин.

— Мы тоже не сапожники, — возмутился Делер.

— Когда древесные духи говорят, что человек воин, мы обычно к этому прислушиваемся, но дело ваше. Цена третьей новости — перстень вон того дылды с длинными усами. — Флини кивнул на Алистана Маркауза.

— Какой? — спросил граф.

— Ну уж точно не серебряный с твоим гербом, — язвительно сказал флини. — Вы, люди, слишком щепетильны в отношении этих родовых побрякушек. Просить их — большая глупость, все равно вы не отдадите. Мне по нраву вон тот, с красным рубином.

Алистан без всяких возражений снял с пальца перстень и положил его на землю. Флини довольно улыбнулся, и перстень, как и конфета, оказался под брюхом стрекозла.

— Стоит ли твоя новость этого перстня? — спросил я.

— Это уже вам решать, а не мне. Новость. Орки близко.

— Где? — Эграсса потянулся за луком.

— В развалинах города Чу. Их шестеро. Обычные разведчики. Вас не ждут. Просидят там еще дней пять.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал, — заухмылялся флини. — Один из них попал в ловушку и пробил себе ногу, сейчас он в бреду, так что боеспособны только пятеро. Можете прикончить их, можете обойти.

— Мы примем к сведению твою информацию. Это все?

— Да, новостей больше нет, прощайте.

Стрекозел, гудя, поднялся в воздух и, касаясь брюхом ромашек, полетел к лесу. Нагружен зверек был отменно, я вообще удивляюсь, как ему удалось взлететь с таким весом.

— Флини очень любят разные перстни и кольца, Гаррет, — просветил меня Кли-кли.

— Учту.

— Мерзкая сволочь! — Халлас проводил улетевшего флини злым взглядом.

— Что ты хочешь от флини? — деланно удивился Кли-кли. — Они зарабатывают тем, что разносят новости.

— А не продаст ли он нас тому же отряду орков? Думаю, у Первых найдется чем расплатиться за информацию о нашем местонахождении. — Я не доверяю флини.

— Он бы сделал это, если бы Первые стали с ним разговаривать. Но они флини ни во что не ставят, а те слишком горды, чтобы терпеть к себе такое отношение.

— Собираемся! — Эграсса поднялся с земли. — У нас еще целый день до темноты и ночь в запасе. Сегодня мы должны пройти как можно больше.

— Что будем делать с орками?

Вопрос Мумра не праздный, где-то впереди Первые, пускай они нас и не ждут.

— Убьем. — Эграсса посмотрел на Миралиссу, и та кивнула. — Их всего пятеро. Конечно, можно обойти, но негоже оставлять у себя за спиной Первых.

— А что делать с тем парнем, что идет за нами? Давайте мы с Делером задержимся и зададим ему парочку вопросов!

— Халлас, у тебя ни ума, ни фантазии! — Карлик в разговоре с напарником не церемонился. — Тебе бы только мотыгой помахать! Флини же сказал, что тот тип опасен и от него следует держаться как можно дальше! И даже победив его, как мы потом найдем отряд, ты подумал? Или гномы с сегодняшнего утра способны бродить по лесам и не плутать?

— Это не сложнее, чем ходить по штольням, — буркнул Халлас.

— Я не хочу заблудиться в лесу и выйти к орочьему жилью, — отрезал Делер.

— Никто здесь не останется, — прервал спор гнома и карлика милорд Алистан. — Если этот человек хочет идти за нами, пусть идет. Если догонит и нападет, мы дадим ему бой. Меня больше заботит поджидающий нас возле Храд Спайна Балистан Паргайд с псами и это урочище.

— О Балистане мы позаботимся, когда доберемся до него, милорд. — Угорь уже собрал мешок.

— Урочища тоже не стоит так уж сильно опасаться. — Миралисса закинула с'каш себе за спину. — Лесные духи могли уйти из него из-за сотни причин. Будем надеяться на лучшее.

— И ожидать худшего, — тихонько буркнул я, но эльфийка, по-моему, все же меня услышала.

— Кли-кли. — Голос Делера был очень тихим, но взгляд карлика не предвещал гоблина ничего хорошего. — Что ты сделал с моей шляпой?

Гоблин счел за лучшее спрятаться за моей спиной. Всегда так напроказничает, а отдуваться Гаррету.

Глава 2

Красное урочище

...

— Сам, что ли, не видишь по развалинам? Город конечно!

Мы с гоблином лежали, спрятавшись за грудой серых камней, изрядно поросших мхом. Рядом возвышалась высокая ребристая колонна из точно такого же камня и точно так же, как и весь город Чу, заросшая темным, густым мхом. Меж стволов златолистов и лиственниц возвышались руины древнего города. Здесь колонна, там стена, чуть дальше, возле кустов волчьей ягоды, арка с древними рунами, еще дальше-огромное здание с провалившимся куполом. И так покуда глаз хватало. Руины вырастали прямо из мягкого ковра мха, тонули в нем, задыхались в зарослях папоротника и остролиста, погибали под корнями могучих златолистов. Наверное, когда-то этот город был велик и прекрасен, но от бывшего величия остались лишь призраки прошлого. Сейчас это был всего лишь мертвый камень, поеденный молью времен.

— Понимаю, что не деревня. Что это за город?

— А я откуда знаю? — Шут пожал плечами. — Эти руины помнят исход огров в Безлюдные земли и приход на Сялу орков и эльфов. Не мне знать, кто жил в нем в те времена. Но поверь мне, Чу очень красив. Ну, или был очень красив.

— Ты и здесь успел побывать?

— Нет, конечно. Просто Чу — не единственный заброшенный город в Заграбе. Возле того места, где живет мое племя, есть один, он очень похож на этот. Мы называли его город Бу. Он сохранился намного лучше, чем Чу.

Вечерело, солнце уходило за горизонт, и уже не все лучи могли пробиться сквозь ветви деревьев. В лесу становилось сумрачно. Я подвинул свой миниатюрный арбалет к себе поближе и в сотый раз проверил, заряжен ли он. К моей глубокой радости и к вящему неудовольствию Клики, Алистан Маркауз оставил нас здесь, пока остальные не расправятся с орками. Ну и правильно! Вор и шут не созданы для драк и сражений. Гоблин на этот счет был иного мнения, но после недовольного ворчания все же решил остаться со мной.

— Кра-а-а! Кра-а-а! Кур-ра-ра!

Крик птицы тоскливым призраком разнесся над развалинами, отражаясь от стен и бередя покой заброшенного места. На миг на верхушке

покосившейся колонны-шпиля и на стволах деревьев блеснул голубоватый отблеск заклятия, сотворенного в двух сотнях метров отсюда. Блеснул и пропал, уступив место привычной тишине мертвого города.

— Началось, — сказал Кли-кли, приподнимаясь. — Это работа Миралиссы.

— Я ничего не слышу.

— Это к лучшему. Значит, не слышат и другие. Будем ждать.

И мы ждали. Минуты тянулись бесконечно долго.

Плотный густой ковер мха заглушал шаги, и мы слышали бегущего, только когда между нами оказалось не больше десяти метров. Кли-кли пребольно ущипнул меня за руку и кивнул в сторону колонны. Поначалу я принял бегущего за Эграссу. Вот только отчего у эльфа в руках не привычный с'каш, а ятаган? Конечно же это был не эльф, а орк. Две расы слишком похожи друг на друга, чтобы в первые секунды их можно было различить. Первый бежал прочь из города, постоянно озираясь по сторонам. Мы лежали за камнями, и орк не мог нас видеть.

— Чего ты ждешь? Уйдет ведь, — просипел Кли-кли, снимая с пояса первую пару метательных ножей.

Шут прав: если Первый скроется и избежит смерти, он предупредит своих, и тогда плакали наши головы. Расстояние до врага не ахти какое, и, чтобы промазать, надо было очень постараться.

Щелк!

Болт без труда пробил легкую кольчугу и застрял в спине орка. Тот споткнулся и рухнул лицом в мох. Никаких угрызений совести в том, что стреляю в спину убегающему, я не испытывал. Будь у Первого возможность и время, он бы без всяких раздумий попытался прикончить и меня и Кли-кли.

— Ты его убил? — Кли-кли испуганно жался ко мне.

— Вроде как, — неуверенно сказал я, не торопясь убирать арбалет.

— Вот в том-то и дело, что вроде как. Ему хватит ума притвориться! — Гоблин не спешил приближаться к телу.

— Кли-кли, у него в спине болт, который вошел туда чуть ли не по самое оперение. Как он может быть жив?

— Я бы все равно не стал к нему подходить, — предупредит меня Кли-кли.

Страх и сомнения всегда заразительны. Теперь и я смотрел на недвижимого орка с должной опаской. А вдруг Кли-кли прав и Первый всего лишь строит из себя покойника? Во всяком случае, ятаган до сих пор у него в руке.

— Хорошо, — вздохнул я. — Учти, я это делаю лишь для твоего успокоения.

Пришлось приблизиться к телу на несколько шагов и всадить в спину орка второй болт. Парень в ответ на такой неприкрытый садизм даже не дернулся.

— Ну, теперь ты убедился, что он мертвее камня?

— Почти что. — Шут осторожненько подошел к телу и ткнул мертвеца носком сапога. — Слава богам, ты его прикончил.

— Не такие уж они и страшные, да и умирают не хуже людей.

— Если застать их врасплох. — Голос Эграссы заставил меня резко обернуться и вскинуть арбалет.

— Бесполезно, Гаррет. Будь на моем месте орк, ты был бы уже мертв. К тому же арбалет у тебя разряжен. Что тут у вас?

— Орк, один из тех, кого вы должны были убить. Гаррет его подстрелил, но заметил Первого я, — затараторил Кли-кли, не собираясь приписывать всю победу мне.

— Нет, Кли-кли, этот не из тех. — Эльф перевернул тело и склонился над орком, бесстрастно изучая лицо мертвеца. — Миралисса наложила на них Сеть Недвижимости, и мы смогли расправиться со всеми, они даже пикнуть не успели. Четверо возле костра, еще один рядом с раненым, итого пятеро, не считая раненого. Мы прикончили всех.

— Тогда откуда взялся этот? Или сей орк — плод моего больного воображения? — недовольно спросил Кли-кли.

— Просто мерзкий флини не посчитал нужным сообщить о седьмом. — Из-за стены появился Халлас. — Я с самого начала говорил, что не следует доверять этой летающей сволочи!

— Где был седьмой, мог быть и восьмой, — задумчиво сказал Эграсса.

— А также девятый и десятый. — Гоблин не преминул насыпать соли на рану.

— Идемте к остальным, там решим, что делать дальше.

Мы пошли за эльфом, позади сопел Халлас. Эграсса уверенно вел нас через лабиринт заросших развалин. Везде властвовала разруха и упадок, но вместе с тем это место было... пожалуй, красиво. Красиво своей непонятной, загадочной красотой тысячелетий. Колонны высились наравне с златолистами или лежали разбитыми и заросшими мхом. На стенах некогда величавых зданий рос плющ. Статуя на постаменте, такая древняя, что нельзя было рассмотреть, кто перед тобой — человек, орк или кто-то другой, живший на Сиале еще до начала Седой эпохи.

В четверке орков, лежавших возле едва горевшего костра, стрел было

натыкано больше, чем требовалось, Миралисса и Эграсса постарались на славу. Чуть поодаль, под старой лиственницей, лежали еще два мертвеца. Обоих зарубили.

Эграсса кратко рассказал милорду Алистану про орка, которого я уколошил.

— Флини мог не увидеть его, если Первый сидел в секрете. — Миралисса задумчиво теребила рукав темно-зеленой куртки.

— Он просто не захотел увидеть, миледи. — Халлас все еще не мог забыть пляску для маленького распространителя новостей.

— Халлас, Делер, Мумр, Угорь! Разделитесь на двойки и найдите, где скрывался этот седьмой.

Угорь кивнул за всех, и Дикие скрылись меж развалин.

— Через час полностью стемнеет. — Милорд Алистан, прищурившись, посмотрел на небо. — Останемся здесь или продолжим путь?

— Все зависит от того, что найдут наши воины, — неохотно сказала Миралисса. — Но я за то, чтобы продолжить путь. Сейчас полнолуние, света достаточно, до утра можем свободно идти, а дальше отдых — и мы у Храд Спайна.

— Я тоже считаю, что мы не должны останавливаться сейчас, кузина. Преодолеем Красное урочище, и тогда уже можно будет отдохнуть.

— Гаррет, пошли глянем на покойников, — позвал меня Кли-кли.

— Я мертвецами не интересуюсь.

— Ну и зря!

Пока гоблин бродил среди трупов, я перезарядил арбалет, уложив в него два новых болта.

— Мастерски сработано, леди Миралисса. В лучших традициях Зеленого Взвода! Я оценил, — сказал эльфийке вернувшийся Кли-кли.

— Ну, раз даже ты оценил мою работу... — усмехнулась она.

— Нет, я серьезно. Кидаем Сеть Недвижимости, затем у нас пяток секунд, чтобы нашпиговать их стрелами. Думаю, даже когда Сеть лопнула, оставшиеся двое так ничего и не поняли и их легко зарубили. Кто прикончил раненого?

— Делер, — ответил Алистан Маркауз. — Ты-то откуда знаешь о работе диверсионных отрядов эльфов?

— Я вообще полиглот, — ни к селу ни к городу гордо ответил Кли-кли.

— Поля апосля глотать будешь. — Делер слышал лишь последнюю фразу шута. — Убираться надо, милорд Алистан. Упустили мы одного.

— Ушел. Двое их было, там дальше что-то вроде колодца. В нем эти

двое и сидели. Один, к несчастью для себя, вышел на Гаррета, другой ушел на юго-запад. Ушел целым, милорд, я уж думал попробовать догнать, но мох почти не сохраняет следы. — Лицо Угря было хмурым. — Да и не следопыт я. Сюда бы Кота, да пребудет он в свете...

— Что они делали в этом колодце? — спросил Алистан Маркауз, и Мумр молча протянул ему обрывок какой-то ткани. — Человек?

— Да, милорд, он мертв, да и лицо у него все исполосовано, но я его по одежке узнал, — кивнул Фонарщик. — Этот парень был среди людей Балистана Паргайда во время поединка.

— Все ясно. Орки теперь знают, что в Золотом лесу чужаки, и этого беглеца мы уже не догоним, — огорчилась Миралисса. — Надо поскорее уходить из города, пока не подспели Первые. Единственный шанс — добраться до спуска в Храд Спайн быстрее, чем орки нас нагонят.

— Вы намереваетесь укрыться от них в Костяных дворцах, миледи?

— Это не обязательно. Первые — не дураки. После того как на нижних уровнях могильников пробудилось зло, они обходят это место за лигу. Ничто, даже близость эльфов, не заставит орков совершить глупость и приблизиться к Восточным воротам Костяных дворцов.

— Тогда не будем задерживаться. — Алистан Маркауз кивнул Эграссе, чтобы он двигался вперед, указывая нам дорогу. Отряд ушел в ночь.

* * *

Ночью в лесу темнеет быстро. Только что из-под ног выбегала узкая, едва различимая тропка, а через минуту она уже скрылась во тьме, опустившейся на лес. Деревья, ветви, кустарники растворяются в обволакивающей паутине ночи, от них остаются одни воспоминания (мол, там была сосна, а вот там, где сейчас чернильный мрак, рос старенький клен), и только если поднять глаза к небу, можно увидеть силуэты переплетенных между собой ветвей, загораживающих высыпающий на небе горох звезд. Несколько долгих и очень томительных секунд ты едва плетешься, до боли напрягаешь глаза, чтобы хоть что-то увидеть в крошечном мраке. Затем нехотя из-за пазухи богов выкатывается полная луна. Она похожа на темно-желтый круг исилийского сыра, она толста, и ее поверхность, как и сыр, изрезана темными дырами и морщинами.

Луна рождает свет, отдает его ночной земле, и столбы лунного дара заливают спящий лес, играют меж ветвей и стволов дремлющих златолистов, отражают мать-луну в сонно шепчущем ручейке, танцуют на

полях зарождающегося ночного тумана, что белыми струйками поднимается из мха и тянется вверх. С лунным светом лес становится прекрасным и волшебным, словно из детской сказки. Луна преобразила руины древнего города Чу. Свет падал на изгрызенные зубами времени лица безымянных идолов, придавал им подобие жизни, волновал воображение.

— У-у-ух-ху-ху-у-у! — Уханье то ли совы, то ли еще какой птицы густыми волнами расплывается по столбам лунного света, отражается от лиственниц, златолистов и стен мертвых зданий.

Весь мир, вся Заграба сейчас дышали серебряными нитями, струящимися из веретена полной луны. Светло как днем, и лишь звезды недовольны проснувшейся луной. Они потускнели и даже отползли подальше от земли, чтобы не попасть под магию лунного света.

Отряд шел ходко, и идолы города Чу, с укором смотрящие нам в спину, остались далеко позади. Тропка петляла, то появлялась, то вновь исчезала в зарослях кустарника. Спустя час она совсем исчезла, и нам пришлось продираться сквозь густой ельник. Лохматые и колючие лапы норовили стегнуть по физиономии, приходилось закрываться руками и сгибаться в три погибели. Пока я лазил по этим колючим и не очень-то гостеприимным зарослям, успел проклясть все на свете. Мумр, идущий сейчас впереди меня, ругался на чем свет стоит. Угорь слишком быстро отпустил ветку, и еловая лапа стегнула Фонарщика по лицу. Вот уж не знаю, один ли я вздохнул с облегчением, когда меж елок вновь появилась тропка.

Тропинка пошла под уклон, еловый лес сменился лиственным. Сейчас мы топали по низкорослым холмам, заросшим кленами и кустами цветущего краснобровника. Наверное, при солнечном свете маленькие красненькие цветочки на кустах казались капельками крови, сейчас же цветы, впрочем, как и весь лес, были насыщены серебром луны.

Мы прошли по берегу озера, в черной воде которого отражались полная луна и звезды, поднялись на очередной холм, спустились, перепрыгивая через спешащий по неотложным делам ручеек. Краснобровника здесь оказалось намного больше, чем возле озера, он рос везде, куда падал мой взгляд, вытесняя другие кусты и даже деревья.

— Смотри-ка, один все же остался, — пробурчал за моей спиной Кли-кли.

— Ты о чем? — любопытствовал я.

— Да вон, меж веток краснобровника лесной дух, видишь, глазки сияют? А флини говорил, что они ушли из Красного урочища.

— Так мы что, уже идем через Красное урочище?

— А где мы, по-твоему? На улице Искр, что ли? — довольно неприветливо отозвался Кли-кли. — Ясное дело, что в Красном урочище.

— Не больно-то оно красное, опять ты что-то путаешь, Кли-кли, — недоверчиво хмыкнул Фонарщик.

— Раскрой глаза, Мумр, сейчас же ночь! А днем, да еще в начале сентября здесь красно от цветов краснобровника.

— Да и на урочище это место никак не тянет, — поддержал я Фонарщика.

— Дураки! — надулся шут и перестал с нами разговаривать.

Гоблин сегодняшней ночью был не в настроении. По-моему, он слишком сильно нервничал как раз из-за этого Красного урочища.

Я же ничего такого не чувствовал, да и Вальдер молчал. Правда, он молчит с тех пор, как я увидел сон о тюрьме Хозяина. Может, наконец мертвый архимаг оставил меня в покое и убрался восвояси? Ха! Надежда на такой исход небольшая.

Чем глубже мы уходили в Красное урочище, тем напряженной становилась тишина. Не было слышно привычного шепота ветра, шелеста ветвей, криков ночных птиц и звуков ночных насекомых. Ни светлячка... да и лесных духов больше видно не было. Лишь звуки наших шагов тихим шуршаньем плыли в ночи. Лес, казалось, вымер, тишина давила и вызывала смутную тревогу.

Сзади послышался тихий шелест оружия, извлекаемого из ножен. Я обернулся. Милорд Алистан шел с обнаженным мечом, лицо у графа было хмурым и встревоженным.

— Не нр-р-равит-тс-ся мне эта тишина, — растягивая слова, брякнул Кли-кли, обеспокоенно озираясь по сторонам.

— Тишина еще никого не убивала.

— Не скажи, Гаррет, очень даже убивала, — ответил наш всезнайка.

Следующие полчаса мы не сказали друг другу ни слова. Все вслушивались в разлившееся по Красному урочищу молчание, надеясь уловить хоть какой-то звук, кроме шороха наших шагов. Так всегда бывает. Никогда не обращаешь внимания на посторонние звуки. Всегда принимаешь их как само собой разумеющееся. Там птичка чирикает, там сверчок пиликает, здесь листочки шелестят. Но как только привычные уху звуки исчезают и наступает полная, БЕЗЗВУЧНАЯ тишина, ты понимаешь, как тебе не хватает всех этих посторонних и временами ненужных треньканий и пиликаний.

— Приехали, — прошипел сквозь стиснутые зубы Халлас и покрепче

сжал боевую мотыгу.

Тропинка упиралась в мост, казавшийся таким же старым, как и город Чу. Нисколько не удивлюсь, если мост построили те же строители, что и город. Но, в отличие от города, мост оказался целым. Каменный, тридцать метров в длину и два метра в ширину. По нему вполне могли пройти сразу два человека. По бокам тянулись высокие, в пол человеческого роста прямоугольные барьеры, заменяющие перила. Через каждые пять метров из перил вырастали колонны и поднимались на высоту двух человеческих ростов. Наверное, раньше они были тем, что держало крышу моста (сейчас не существующую). А может, никакой крыши никогда и не было и колонны созданы просто для красоты.

Мост связывал две стороны то ли оврага, то ли ущелья. Уж не знаю, как это называлось, но обрывистые берега резко уходили в темноту и в поднимающийся с невидимого сейчас дна серебристый туман.

— Вот и сердце урочища, — сообщил нам Кли-кли.

— Нам через мост? Что-то он не вызывает у меня особого доверия.

— Не беспокойтесь, милорд Алистан, мост крепче скалы, он простоял здесь не одно тысячелетие, — успокоила капитана гвардии Миралисса. — Не будем медлить.

— Пойдите. — Угорь поднял руку и внимательно осмотрел противоположную сторону урочища. — Леди Миралисса, Эграсса, возьмите луки, а я с Делером перейду мост.

— Угорь прав, если на той стороне засада, то нас всех почикут на мосту, словно жирных перепелок, — поддержал гарракца карлик, меняя любимую шляпу на шлем.

— Хорошо, — скупо кивнул Алистан Маркауз. — Идите.

Угорь и Делер ступили на мост. Карлик бежал впереди, лезвия его секиры грозно сверкали в лунном свете. Эграсса и Миралисса стояли с натянутыми луками. Воины перебежали мост и скрылись в кустах краснобровника. Я стал про себя считать. Когда счет дошел до шестнадцати, появился Угорь и махнул нам рукой. Настал наш черед переходить мост. На этой стороне остался только Эграсса со все так же натянутым луком и Фонарщик, прикрывающий эльфа от возможной опасности с тыла.

— Здесь глубоко? — спросил я у гоблина на середине моста.

— Я тут впервые, так же как и ты.

— Просто ты так хорошо знаешь эти места...

— Знать места — это не значит бывать в них раньше, Гаррет. Как гномы и карлики ориентируются в своих подземных лабиринтах? Они дети

гор, и им не надо каждый раз узнавать, где восток, а где запад. Гоблины, дриады, эльфы и орки — все мы дети Заграбы и никогда не заблудимся в ней. Мы всегда знаем, где находимся, независимо от того, в какой части леса оказались. Вам, людям, слишком сложно это понять.

Мы подождали Эграссу и Фонарщика и продолжили путь. Краснобровник начал редеть. Ели и лиственницы оттеснили кусты в сторону, проклятый запах цветов почти исчез, но тишина никуда не делась. Отряд все еще находился в Красном урочище.

Мы опять шли, шли и шли. Легкий мешок потихоньку стал тянуть меня вниз, кольчуга стерла все плечи, давила на спину, ноги постепенно наливались усталостью и болью. Давно пора было сделать привал, мы топали по лесу уже несколько часов, но Эграсса лишь увеличивал темп, стараясь как можно скорее вывести отряд из Красного урочища.

Первым почуял неладное Кли-кли. Он споткнулся, оглянулся и втянул в себя воздух ночного леса.

— Кли-кли, не останавливайся, — попросил гоблина Халлас.

— Что-то не так, — обеспокоенно сказал гоблин.

— Что не так?

— Не знаю, — буркнул шут и заторопился дальше.

Затем остановился Эграсса и поднял руку, чтобы мы не шумели. Эльф долго вслушивался в мрачную тишину ночного леса, а затем что-то сказал Миралиссе на гортанном орочем наречии.

Она ответила на том же языке, и Эграсса вновь повел нас вперед. Эльф и эльфийка поминутно оглядывались. Я тоже не сдержался и оглянулся, но позади нас была лишь узенькая тропинка, посеребренная светом луны, и мрачные стены елей, возвышающиеся по обе стороны от нее.

— Что происходит? — спросил Алистан Маркауз.

— Пока ничего, милорд, просто не отставайте. — Эльф почти перешел на бег.

Миралисса бубнила что-то себе под нос, иногда взмахивая руками. Я с ужасом понял, что она на бегу подготавливает какое-то заклятие. Выпей меня тьма, они могут сказать, что происходит, или нет?!

Кли-кли подпрыгивал впереди меня, мешок бил его по спине, и коротконогую гоблину было нелегко поддерживать тот темп, что задал нам Эграсса. Гоблин тихонечко повизгивал. Поначалу я думал, что это он так дышит от натуги, а потом понял: Кли-кли скулит со страху. Вот тогда-то я и напугался. Сильно.

— Кли-кли! — рявкнул я ему. — Давай сюда свой мешок, тебе будет легче идти!

Шут посмотрел на меня. Синие глаза были полны животного первобытного ужаса. Мне пришлось повторить свое предложение дважды, прежде чем он понял, чего я от него хочу. Кли-кли не стал спорить и сразу же передал маленький мешок с пожитками мне.

— Что происходит? — спросил я у него.

— Флейта! — пискнул шут.

— Какая, во тьму, флейта?!

— Просто иди быстрее, ладно?

Вот и весь сказ.

А затем я услышал это. Услышал и в первую секунду даже не поверил, что такое возможно. Тишину разорвала чистая хрустальная трель флейты. Едва слышный звук. Расстояние до неизвестного флейтиста, видать спяну вздумавшего поиграть в ночном лесу, было довольно большим. Флейта настолько неожиданно разрезала покой ночи, что я остановился как вкопанный и в меня тут же врезался Делер.

— Перебирай ногами, Гаррет, коли жить охота! Не знаю, что там за нашей спиной, но чувствую, что ничего приятного мы от него не дождемся!

Эграсса перешел на бег. Вновь раздалась трель флейты, теперь намного ближе, чем в прошлый раз, и тогда-то я понял, кто приближается к нам. Лишь одно существо издавало звуки, так похожие на трель флейты. Орки прозвали это чудовище Ужасной флейтой, или Х'сан'кором.

— Спаси нас всех Сагот! — вырвалось у меня.

— Это вряд ли! Просто беги, Гаррет!

И мы побежали. Каждый раз трели становились ближе и громче. Звуки флейты подстегивали нас не хуже, чем боевой кнут-ламия. Кем бы ни была тварь, именем которой нас пугали по ночам в далеком детстве, бегала она быстро, гораздо быстрее, чем мы.

— Я... думал... они... все... давно... вымерли... или... вообще... сказка, — просипел Фонарщик.

Мумр бросил свой мешок, сейчас ему хватало веса одного биргризена. Но тяжелее всех приходилось Алистану Маркаузу. Наконец капитан гвардии не выдержал, отбросил в сторону шлем, затем щит, потом настал черед малой булавы. Из оружия у Алистана Маркауза остались только меч и кинжал.

— Как... видишь... не... все, — ответил Кли-кли Мумру. — Этот... вполне... жив... и голоден. Он... не... сказка...

— Почему мы... бежим? — проскрипел я. Еще три минуты такого бега, и я рассыплюсь на тысячу маленьких Гарретов.

— Чтобы... не... съел... дурак! Ждем... когда... Миралисса...

сотворит заклятие!

"Быстрее бы! — подумалось мне. — Сагот, если ты меня слышишь, поторопи ее!"

Деревья слились в одну темную мелькающую массу. Мир сузился до узкой тропки, спины Кли-кли, хрипа, вырывающегося из моей груди, бормотания Миралиссы и воплей Х'сан'кора, вышедшего на охоту. Пот застилал глаза, волосы прилипли ко лбу, хотелось остановиться, упасть и умереть прямо здесь. Но все бежали, и мне не оставалось ничего другого, как бежать вместе с ними.

— Брось... мешок... оба, — скрипуче посоветовал Кли-кли.

Я с облегчением отбросил его мешок в сторону, затем скинул со спины свой, и бежать стало значительно легче. Еще бы сбросить кольчугу, но для этого следует остановиться, а остановка сейчас — это прямой путь в желудок твари.

Трель флейты... и ровно через секунду ей ответила другая.

— Их двое! — взвизгнул Кли-кли.

В этот самый момент Миралисса закончила бормотать заклятие, и кусты справа от дороги раздвинулись в сторону, открывая проход.

— Туда! — выдохнула эльфийка.

Нас не надо было уговаривать дважды. Кусты, как только мы сошли с тропы, сдвинулись за нами, примятая трава волшебным образом распрямилась, как будто ее и не топтали наши ноги. Отряд оказался в ельнике, где нас окружил густой мрак. Мигнуло, и по телу забегали мелкие мурашки.

— Теперь мы невидимы, но не стоит рисковать, ложитесь! — приказала Миралисса. — Кли-кли, твой народ знает защитные заклятия, на Х'сан'кора магия эльфов практически не действует. Помогай!

— Я не умею, — заныл испуганный гоблин. — Только самую малость, что дедушка научил!

— Делай, что можешь! — яростно прошипела эльфийка, распыляя по воздуху какой-то порошок.

Кли-кли кивнул и закрутился волчком. Прошло десять долгих секунд, и Кли-кли рухнул на траву, а мир на краткий миг полыхнул розовым. Не знаю, что это было, но Миралисса одобрительно кивнула.

— Хорошо, а теперь не шевелитесь и даже не дышите. Сейчас для Флейты вы всего лишь корни деревьев. По крайней мере на минуту...

Последние слова она пробормотала тихо-тихо.

Вляпались мы знатно. О Х'сан'корах практически ничего не известно, что вполне естественно — те, кто с ними встречался, обычно ничего

никому не рассказывают (по причине внезапной кончины). Так что все, что мы имеем об Ужасных флейтах, — это страшные легенды эльфов и гоблинов о таинственных чудовищах леса, да несколько гравюр с изображением трупов Флейт (я лично до сих пор не представлял, как выглядит эта тварь). Два обнаруженных тела Х'сан'коров особо храбрые трапперы, забредающие в глубину Золотого леса, продали за бешеные деньги (одно тело досталось Ордену, другое купил какой-то коллекционер). Да еще, лет триста назад, один особо храбрый и глупый барон Приграничья устроил на Х'сан'кора охоту. Половина отряда полегла, но тварь удалось захватить живьем. Пока к барону спешили пустившие слюну маги Ордена, Флейта не стал ждать, проломил клеть, куда его по глупости усадили, и перебил весь замок вместе с соседней деревушкой. А затем дождался магов и прикончил почти всех. Оказалось, что на тварь совершенно не действует боевая магия, поэтому лишились трех адептов и семи аколитов. Счастье, что среди орденских был архимаг, который и прибил чудовище, обрушив ему на голову близлежащую мельницу.

Но это дела давно минувших дней. Рядом с нами не было ни находчивого архимага, ни лишней мельницы. Сейчас мы лежали на земле, не шевелясь и едва дыша. Вновь раздалась трель флейты. Ох как близко, тьма меня разбери! Первой флейте тут же ответила вторая.

— Я бревно, я невидим, — тихонько зашептал я. Волосы на голове со страху встали дыбом.

Кли-кли пребольно пнул меня ногой и приложил палец к губам. Я моргнул глазами, мол, понял, затыкаюсь.

Из нашего укрытия открывался великолепный вид на посеребренную лунной тропинку. Ночная тишина то и дело прерывалась трелями флейт, и оставалось лишь молиться Саготу, чтобы нас не заметили.

— Они кого-то гонят! — прошипел Мумр и тут же заработал болезненный тычок от Угря.

То, что я увидел через мгновение, осталось в моей памяти навечно. По тропинке бежал человек. Даже не бежал, а летел, вкладывая в бег все свои силы. Незнакомый едва касался ногами земли, он огромными скачками убегал от преследующих его чудовищ. Вот его сапог задевает землю, толчок, человек пролетает добрых три метра, вновь касание земли и вновь длинный скачок. Могу поспорить, при сильном желании парень способен бежать наравне с лошадью. Серый плащ развевался за его спиной, как крылья ночной птицы, лицо скрыто капюшоном. В руках человек держал копье с черным древком и очень широким листовидным наконечником.

За четыре секунды человек появился, пробежал мимо нас и исчез за

деревьями. А потом появились они. Вновь запела флейта, и из-за поворота выскочило существо. Оно пробежало настолько быстро, что я даже не успел разглядеть его — росчерк красно-черно-зеленого с нелепо длинными ногами и руками. Миг, и тварь уже исчезла. Х'сан'кор был слишком увлечен преследованием добычи, чтобы обратить на нас внимание, к тому же благодаря Миралиссе и Кли-кли мы на какое-то время стали невидимы для его глаз.

Опять прозвучала флейта, говоря, что она уже близко, и пробежавший мимо нас Х'сан'кор ответил ей. Вторая тварь выскочила на тропинку, неожиданно споткнулась и остановилась прямо напротив того места, где мы прятались. Глаза, пылающие лиловым огнем, обратились в нашу сторону. Я вжался в землю. Теперь это существо можно было очень хорошо рассмотреть.

Высокая, в два человеческих роста фигура казалась нелепо худой, длиннющие ноги и руки, голова на точно такой же, как и тело, худой шее. Башка у Х'сан'кора больше всего была похожа на причудливый лягушачий череп, обтянутый кожей. Я не увидел у твари ни шерсти, ни чешуи, вся кожа Флейты была размалевана в красно-черно-зеленую полоску. Нос — черная впадина, огромные, на полморды, глазницы лилового пламени, короткие витые рога на голове, рот... Отчего-то я думал, что в нем будет много зубов, но, когда тварь раздвинула губы и оскалилась, я с удивлением обнаружил, что в пасти у нее не больше пяти кривых желтых пеньков. Никакой брони или одежды, зато в правой когтистой лапе нечто похожее на шипастую дубину, а в левой... в левой Х'сан'кор держал брошенный мной не далее как пять минут назад мешок.

В животе зашевелились ледяные черви. Оно не может нас увидеть! Оно не должно нас увидеть!

Тварь поднесла мешок к носу, понюхала, фыркнула и отбросила его в сторону. Где-то в отдалении прозвучала победная мелодия флейты, видно, первая тварь наконец настигла человека. Х'сан'кор, нюхавший воздух, отвлекся, склонил голову набок и стал вслушиваться в призыв товарища. Победная трель сменилась ревом боли, а затем в ночном лесу наступила оглушающая тишина. Было слышно, как колотится сердце лежавшего рядом со мной Фонарщика. В голове бился только один вопрос: почему тварь так сильно орала? Видно, этот вопрос мучил не только меня, Х'сан'кор сделал несколько неуверенных шагов по тропинке туда, откуда донесся рев.

Мир вновь мигнул розовым, колючие мурашки, беспрестанно бегающие по телу, пропали, заклинания Миралиссы и Кли-кли исчезли в

одночасье, и чудовище увидело нас. Тварь с грозным рычанием двинулась вперед, ломая кустарник.

— Рассыпаться! — Миралисса уже была на ногах. — Нападать на него со всех сторон, разом!

Эльфийка пела заклятие, воины подались назад, завлекая Х'сан'кору, а я смотрел, как к нам приближается эта похожая на ожившую смерть тварь. Лиловое пламя в глазах Флейты горело голодным огнем.

Взвизгнула стрела Эграссы, и я пришел в себя.

— Стреляй, Гаррет! — крикнули мне.

Я попал, болты угодили точнехонько в грудь лесного чудовища, и я стал перезаряжать арбалет, теперь уже огненными болтами, потому как от обычных никакого толку не было. Тварь их даже не почувствовала, впрочем, как и стрелы эльфа. В чудовище их уже было штук шесть, но оно не испытывало от этого никаких видимых неудобств. Перед Х'сан'кором полыхнула зеленая стена (точно такая же, как та, что сотворила Миралисса в гнезде слуг Неназываемого). Х'сан'кор остановился, взревел так, что у меня заложило уши, и грохнул дубиной по волшебной преграде. Видать, дубина твари оказалась непростой, потому как стена довольно заметно прогнулась.

— Я не удержу его долго! — закричала эльфийка. — Эграсса, Гаррет! По глазам! Выбейте их ему!

К этому моменту на Х'сан'коре уже не было живого места, эльф утыкал тварь стрелами по самую макушку. Чудовище сделало шаг назад, а затем с ревом вновь атаковало стену.

Эльфийка застонала от напряжения, пытаясь удержать преграду. Я разрядил арбалет в тварь, огненные болты взорвались и тут же погасли, не причинив врагу никакого ущерба.

— На него не действует боевая магия! — Кли-кли бросил первую пару метательных ножей. — Обычными! По глазам!

— У меня стрелы кончились! — крикнул Эграсса. Вновь рев, удар, вспышка стены и сдавленный стон Миралиссы.

— Возьми мои! — Эльфийка отчаянно шептала новое заклятие.

Эграсса бросился к ней, Кли-кли расстался с еще одним ножом, Халлас колдовал над небольшим костерком. Чего он делает, тьма его заберет?!

Перезарядка, рычаг на себя, прицелиться в лиловое пламя... Похоже, Х'сан'кор прекрасно понимал человеческую речь. Он увидел, что я целюсь в его самое уязвимое место, прекратил штурмовать стену, отделяющую нас от него, и в тот момент, когда я нажал на оба спусковых крючка, закрыл

глаза рукой.

Чпок! Чпок! Оба болта попали в руку. Тварь нехорошо глянула в мою сторону, обещая тысячелетия мучений, как только она до меня доберется, и как заведенная шарахнула дубиной по стене. Та издала жалобный стон, но выдержала и на этот раз.

Треньк, треньк! Вновь запела тетива эльфийского лука. Одна стрела попала в пасть, другая застряла в голове, только каким-то чудом разминувшись с глазом. Тварь сунула руку в рот, выдернула стрелу и вымолвила какую-то погань на корявом и совершенно непонятном языке. Очередная стрела, выпущенная Эграссой, сторела в воздухе, так и не долетев до цели. Такая же участь постигла мой болт. Этот гад и колдовать умеет?!

— Бесполезно! — Эльф убрал лук и обнажил с'каш.

Кли-кли выл и крутился волчком, творя заклятие. Миралисса закончила шаманство, и в свете луны и отблесках костерка гнома вся ближайшая трава поднялась в воздух, собралась в одном месте, сложилась в лезвие огромного ножа и ударила в грудь Флейты.

Не подействовало. Нож упал и рассыпался безобидной травой. Алистан Маркауз выругался, чудовище издало победный хохоток и обрушило дубину на едва державшуюся стену.

— Бах-бах! — Два выстрела из пистолей слились в один и отвлекли Кли-кли от заклятия.

Халласа окутало вонючим пороховым дымом. Левый глаз твари лопнул и погас. В реве врага смешались боль и ярость. Второе попадание пришлось несколько ниже, пуля пробила шею. Тело Х'сан'кора и так было черным от текущей из десятков ран крови, а теперь из его шеи упругими толчками выходила жизнь. Гном молодец, он вовремя сообразил, что поставленное Флейтой заклятие может действовать на стрелы и арбалетные болты, но ядра, или пули, как называет их Халлас, могут пройти магическую преграду. Так и случилось.

— Бах!

Гном великолепно владел оружием, и теперь погас правый глаз чудовища. Но, вопреки моим ожиданиям, Х'сан'кор все еще твердо стоял на ногах. Ослепший, да еще и воющий, как сотня поджаривающихся на сковородке грешников, он обрушился на стену. Стена вспыхнула в последний раз и лопнула, разлетевшись тысячью зеленых осколков. Я думал, от звона у меня голова взорвется. Миралисса беззвучно осела на землю. Три ели, находящиеся рядом с уничтоженной стеной, вспыхнули зеленым пламенем. Деревья горели от земли до самой верхушки, освещая

лес зеленым светом. Делер вопил и катался по земле, его куртка вспыхнула. К карлику бросился Угорь и принялся сбивать зеленое пламя с его спины. Огонь ревел и пожирал деревья, Х'сан'кор пронзительно визжал и слепо размахивал перед собой дубиной, надеясь задеть кого-нибудь из нас.

— Все назад! Валите отсюда, живо! — заорал Халлас.

Угорь помог Делеру подняться, и они побежали в глубь леса. Алистан и Эграсса подхватили лежащую Миралиссу и потащили ее подальше от чудовища. Я улепетывал следом за всеми, сейчас не было времени рассуждать, что к чему, у гнома в рукаве мог быть припрятан очередной сюрприз.

— На землю! — донесся до нас крик Халласа, и все как один послушно упали.

— Ко мне, ублюдок! Иди сюда! — Гном рядом с воющим Х'сан'кором казался мелкой букашкой.

Тварь слепо била по земле дубиной и шла на голос.

— Ну? Я здесь! Поймай меня, рогатая сволочь!

Х'сан'кор что-то прорычал, и его оружие разметало ближайшую молодую елочку в щепки. Когда Флейта поравнялся с разведенным костром гнома, Халлас что-то швырнул в огонь и со всей поспешностью своих коротких ног бросился прочь. От ослепительной вспышки, озарившей лес, я на миг перестал что-либо видеть. Затем раздался оглушительный хлопок, пламя взметнулось к самому небу, и земля ощутимо вздрогнула.

Когда яркие пятна исчезли из глаз, передо мной предстала картина разрушений, причиненных неизвестным оружием Халласа. Ели все еще продолжали гореть, и света было предостаточно, вполне можно разглядеть творящееся вокруг нас. Халлас стоял на четвереньках и отчаянно тряс головой. Лицо гнома оказалось залито кровью, борода опалена. На том месте, где совсем недавно горел костер, появилась неглубокая яма. Рядом с ней лежал Х'сан'кор, взрывом ему оторвало обе ноги, но, несмотря на это, тварь пыталась дотянуться лапой до дубины.

— Живучая сволочь! — произнес Мумр, поудобней перехватывая рукоять меча.

— Отрубите ему голову! — крикнул откуда-то сзади Эграсса.

— Гаррет, позаботься о Халласе! — приказал Делер, поднимая секиру.

Угорь, Делер, Алистан Маркауз и Фонарщик бросились к Х'сан'кору.

— Халлас, ты в порядке? — Я помог гному подняться.

— Я ни хрена не слышу, Гаррет! — проорал гном и затряс головой. — Ни хрена! Куда ты меня тащишь?!

— Подальше!

- Чего?! Говори громче!
- Подальше отсюда!
- Я сам идти могу!
- У тебя все лицо в крови!
- Кто?! А! Задело! Царапина!

Между тем Алистан подскочил к чудовищу и изо всех сил вонзил ему в грудь меч. Тварь взревела и слепо отмахнулась рукой. Удар пришелся в нагрудник милорда Алистана и сбил графа с ног. Мумр взмахнул биргризенем и остановил повторно опускающуюся на милорда руку. Меч перерубил Х'сан'кору запястье, и кисть повисла на лоскуте кожи. Тем временем Угорь всадил "брата" и "сестру" в другую руку, пригвоздив ее к земле, а Делер, широко размахнувшись, вбил лунообразное лезвие секиры Х'сан'кору в лоб. Тварь ревела, выла и размахивала обрубком руки, из которого хлестала кровь. Мумр подлетел к обездвиженной Угрем руке и, хакнув, тремя ударами перерубил ее возле самого плеча.

— Умри! Умри! Да умри же ты, сволочь! — Карлик обрушил на голову Х'сан'кора град ударов.

Тяжелое оружие крушило плоть и ломало кости. Флейта дергался, хрипел и... жил. Кто бы ни создал эту тварь на самой заре времен, но живучестью он наделил ее отменной, любой х'варр лопнет от зависти. В груди у Х'сан'кора kloкотало, Алистан Маркауз решил не церемониться и превратил ее в решето. Из рта чудовища доносились хрипы и невнятные обрывки фраз. По-моему, оно решило осчастливить нас новым заклитием. Так думал не только я.

— Да отрубите же ему башку наконец! — пронзительно взвизгнул Кли-кли.

— Гаррет, где моя мотыга? — Халлас зажимал левой рукой рассеченную бровь, а правой пытался оттолкнуть меня.

— Успокойся, они сами справятся!

— Как же, справятся! Башку долой, тупицы!

— Делер, справа! — рявкнул Мумр, раскручивая биргризен над головой. Угорь, милорд! Отрубите ему культю, чтоб не дергался! Начали! И э-э-эх!

Биргризен рухнул на шею чудовища. Затем секира. Потом снова двуручник. Карлик и человек работали, как заядлые лесорубы. Наконец Делер в третий раз опустил секиру, и Х'сан'кор замолк. Теперь уже навечно.

— Штихс фаста райк! — выругался на гномьем языке Делер и вытер рукавом пот со лба. — Запарились! Халлас, ты как?

— Что?! Жив. А твоя спина?

— Куртка сгорела, — скорчил физиономию карлик и закинул секиру на плечо. — Спасибо Угрю, он огонь вовремя сбил.

Ели все еще продолжали гореть, но зеленое пламя уже успело смениться обычным, немагическим.

— А скажи-ка мне, друг Халлас, что это ты в огонь бросил? — задумчиво спросил у гнома Кли-кли, изучая образовавшуюся в земле яму.

— Громче говори!

— Что в костер кинул?!

— Много будешь знать — быстро помрешь, — отрезал гном. — Рог с порохом, вот что! Из-за этой страхолюдной паскуды у меня осталась заряженной только одна пистоль! Ладно... Шут с ней, с пистолью! Главное, что все живы. Скажу ребятам в Великане, что Х'сан'кора завалил, так они ведь не поверят!

— Это ты-то завалил? Если б мы с Фонарщиком не оттяпали ему голову, то плакала бы твоя опаленная бороденка! — Делер не собирался оставаться в стороне от такого подвига.

— Вы не забыли о первом чудовище, милорд? — спросил я у Алистана Маркауза. — Где-то там, впереди, точно такое же, только, в отличие от этого, оно живехонько!

— Думаю, о той Флейте нам не стоит больше беспокоиться, Гаррет, — тихо вымолвил Эграсса. — Будь Х'сан'кор жив, он бы уже пришел на шум, что мы здесь устроили.

— Неужели человек убил его? — Халлас не мог поверить в такое.

— Видимо да.

— Значит, он еще опаснее Флейты, — заключил Угорь. — Что с леди Миралиссой?

Вопрос гарракца повис в воздухе, все смотрели на эльфа, который все это время оставался с эльфийкой.

— Теперь уже ничего, — ответил темный и убрал с'каш за спину.

Глава 3

У врат

Нам потребовался час, чтобы сложить погребальный костер. Деревьев вокруг было много, и секира Делера поработала на славу. Да и остальные ненамного отставали от карлика. Теперь груды дров, на которую положили Миралиссу, не уступала размерами погребальному костру, который мы сложили, когда умер Эл. Рядом с эльфийкой лежали ее с'каш и лук. Эграсса оставил себе только ее колчан.

Когда Эграсса подвел нас к Миралиссе, никто не поверил, что эльфийка умерла. Казалось, что она просто спит или отдыхает, закрыв глаза. Никаких ран, кольчуга из голубоватой стали осталась целой. И лишь когда мы подняли Миралиссу, чтобы отнести на костер, из ее правого уха вытекла одна-единственная капля крови.

Миралиссу убило ее же шаманство В тот момент, когда под напором Х'сан'кора лопнула и разбилась магическая стена, лопнула и разбилась нить жизни эльфийки. Принцесса дома Черной луны полностью вложила себя в магию, и сила отката заклятия не оставила ей никаких шансов остаться в живых.

Когда волшебное пламя костра превратилось в дикого ревущего дракона, грозившего сжечь луну и звезды, а Миралисса навсегда скрылась в рыжих языках пламени, Эграсса запел Песнь Прощания. Огонь яростно ревел, принимая душу Миралиссы, провожая ее в свет, но голос эльфа перекрывал этот рев. Отблески костра плясали на лицах воинов, молчаливо наблюдающих за беснующимся пламенем. Халлас и Делер сейчас казались

братьями — оба мрачны и молчаливы. Алистан Маркауз, крепко стиснувший зубы. Как всегда бесстрастный Угорь — на его лице ни тени эмоций, лишь в глазах цвета стали плещется усталость. Фонарщик, опирающийся на биргризен и с прищуром смотрящий в огонь. Эграсса, с остервенением поющий песнь. Кли-кли, рыдающий в три ручья и размазывающий слезы по щекам. И я... Какой? Наверное... опустошенный... и... очень уставший. Сейчас мне не хотелось ни-че-го.

— Кли-кли, прекрати рыдать. — Эграсса закончил песню.

— Я не рыдаю, — сдавленно прохныкал гоблин, стараясь скрыть от нас свои слезы.

— Я что, не вижу?

— Я же говорю, что не рыдаю, значит не рыдаю!

— Она знала, что делала, гоблин. Утешься тем, что, не выдержи Миралисса стену так долго, мы все стали бы мертвецами.

— Но...

— Она истинная дочь дома Черной луны и сделала это, чтобы мы завершили то, зачем сюда пришли. У нас, эльфов, совершенно другое отношение к смерти. Она погибла не зря, и хватит об этом!

Гоблин поспешно кивнул и высморкался в огромный носовой платок.

Мы продолжили путь, когда от костра остались лишь одни угли.

* * *

До рассвета оставалось не больше двух часов, и Эграсса, не считаясь с усталостью, вел нас вперед. Я до сих пор не верил, что совсем недавно мы потеряли Миралиссу. Кто угодно, но только не она. Я отчего-то считал, что с ней мы дойдем до самого конца. Но, как говорится, человек предполагает, а боги располагают. Пепельноволосая эльфийка с вечно вежливой полуулыбкой на иссиня-черных губах и загадочными желтыми глазами навсегда ушла от нас, исчезнув в огне.

Теперь мы продвигаемся к Храд Спайну лишь благодаря знаниям эльфа и в меньшей степени гоблина. Не будь их с нами — и отряд заплутался бы в лесах и нипочем не нашел бы Храд Спайн, даже будь он в ста метрах от нас. С гибелью Миралиссы мы понесли еще одну невосполнимую потерю — отряд практически лишился магической защиты. Да, Эграсса кое-что умел, но это кое-что ограничивалось поверхностными знаниями, которыми обладает любой из правящей семьи дома темных эльфов. Эльфийка тоже не являлась полноправной шаманкой,

но ее знания были не в пример глубже, чем у Эграссы. Был, конечно, еще Кли-кли — несостоявшийся ученик деда-шамана, но ему в этом вопросе вообще не стоило доверять, иначе окажешься с поджаренными пятками в самый неожиданный момент.

Когда мы покидали пепелище погребального костра, гоблин вытащил из тела расчлененного Х'сан'кора метательные ножи и напоследок зло пнул отрубленную голову. Я поднял брошенный Х'сан'кором мешок.

Сейчас Кли-кли плелся впереди меня и все еще продолжал хлюпать носом.

— Ты как, Кли-кли? — участливо спросил я у гоблина.

— В порядке, — гнусаво сказал он и украдкой вытер слезы. — В полном порядке.

— Мне тоже жаль, что она погибла.

— Угу. Почему так происходит, Гаррет?

— Не знаю, дружище, — из меня не очень хороший утешитель. — На все воля богов.

— Богов? Эта шайка существует здесь только благодаря тому, что какой-то Танцующий создал этот мир и разрешил им здесь поселиться! — Он вздохнул. — Ладно, не будем об этом.

Эграсса неожиданно вскинул вверх руку, призывая остановиться. Еще один едва заметный жест, и все потянулись за оружием. Эльф с наложенной на тетиву стрелой сделал шаг вперед и в сторону, пропуская воинов.

Тропа привела нас на небольшую лесную полянку, как и весь лес залитую лунным светом. На поляне лежали двое. Х'сан'кор, распоротый от шеи до паха и выпотрошенный, словно рыба на рынке, и разорванный человек в сером плаще. Ноги и нижняя часть туловища лежали рядом с Х'сан'кором, а верхняя половина оказалась отброшенной на самый край поляны.

— Оба мертвы, — сказал Алистан Маркауз, вгоняя меч в ножны.

— Как же несет от его потрохов! — скривился Халлас, закрывая рот и нос рукавом рубахи.

Гном прав, от мертвого Х'сан'кора воняло похуже, чем от сотни разлагающихся на жаре мертвяков.

— Да-а-а, — протянул Фонарщик. — Знатно парень тварь выпотрошил. В одиночку прибить Флейту — это даже не сказка, это...

— Легенда, — подсказал воину Угорь, внимательно рассматривая поляну, где произошел бой. — Прибить-то он прибил, но посмотрите на следы... Эграсса?

— Да, он вспорол ему брюхо вот этим. — Эльф держал в руках черное

копье незнакомца. — Но его это не спасло. Даже смертельно раненный Флейта опасен. Умирая, он успел разорвать человека на две половинки.

— Один удар на один удар, — пробормотал Угорь, разглядывая примятую траву.

— Ты о чем, воин? — спросил милорд Алистан, внимательно посмотрев на гарракца.

— Каждый из них нанес всего лишь по одному удару, милорд. Вот видите эти отметины на траве? Хотя я и не Кот, но вполне могу разобраться. Все закончилось очень быстро. Человек шагнул, ударил снизу вверх и вывалил Флейте все потроха.

— Он должен был быть очень быстр, чтобы совершить такое. Наравне с Х'сан'кором, — не веря словам Угря, сказал Делер. — Люди на такое не способны.

— Ты видел, с какой скоростью этот серый пробежал мимо нас? И видишь, что он сотворил с тварью? Так какого ж рожна тебе еще надо? — спросил у Делера Халлас.

— Не знаю, — неохотно буркнул карлик. — Просто что-то не верится.

— Но это так, — продолжил Угорь. — Парень убил тварь, но с Х'сан'кором он встретился впервые, и незнание повадок чудовища его погубило. Он думал, что нанес смертельную рану и потерял бдительность. Флейте, прежде чем умереть, хватило секунды, чтобы разорвать своего убийцу на две половинки.

— А ну-ка, Делер, рубани с его башки рога. — Халлас задумчиво поглаживал рукоять любимой мотыги и смотрел на мертвую тварь.

— Чего? — удивился предложению гнома карлик.

— Того! У тебя в руках секира или палка? Руби ему с башки рога!

— Зачем, заberi меня тьма?!

— А затем! Знаешь, сколько стоят рожки Х'сан'кора?

— Не знаю, их еще никому не продавали.

— Во-во! Именно что не продавали! Они бесценны! Вот и думай, сколько нам золотых за такое чудо тот же Орден, гори он в бездне, отвалит! Представляешь, купим сотню бочек самого дорожущего эльфийского вина, ту же "Янтарную слезу" к примеру.

— Лопнешь, Халлас, — подтрунил над гномом Фонарщик.

— Не лопну, Мумр. Я же не только для себя куплю! Отвезем к Одинокому Великану, пора забить наши погреба хорошим вином.

— Великану, говоришь? Вино, говоришь? Что же, давай попробуем!

Делер поплевал на ладони и взялся за секиру.

— Эх! — между тем сокрушался Халлас. — Надо было и у первой

твари рога повыкорчевать!

— Гаррет! — Кли-кли глазами указал на тело человека.

— Зачем? — Я вполне понял, что задумал гоблин.

— Я хочу увидеть его лицо. Угорь, ты с нами?

— Идем, — односложно ответил нам Дикий. Человек лежал лицом вниз, раскинув руки.

— Гаррет, — опасливо начал Кли-кли. — Переверни его.

— Сам переворачивай, — недовольно ответил я ему.

— Эй, Мумр! — гаркнул Угорь. — Зажги факел и дуй сюда!

— Сейчас!

— Гаррет, оттого, что ты стоишь, покойник не перевернется. — Кли-кли нетерпеливо переминался с ноги на ногу, как будто ему приспичило отойти в кусты.

— Вон пусть Угорь его переворачивает, — попытался отказаться я.

— Даже не подумаю. Мне он и задаром не нужен. Кстати, это, видимо, тот парень, о котором нам говорил флини, — ответил Угорь.

Как какая-нибудь грязная работа (ну там слазить в Храд Спайн за Рогом Радуги или покойника перевернуть), так сразу все вспоминают о Гаррете. С чего бы это? Я со вздохом перевернул мертвеца, а тут как раз подоспел Фонарщик с факелом.

— Чего вы, покойников не видели? — недовольно проворчал он.

— Поднеси факел поближе, — вместо ответа сказал Кли-кли. — Капюшон с него стяни, Гаррет.

Я сделал то, что просил гоблин, и мы увидели лицо убитого. Вот уж ожидал чего угодно, но только не того, что воин окажется молоденьким пареньком. Ему с очень большой натяжкой можно было дать лет восемнадцать, не больше. Бледное бескровное лицо, тонкие посиневшие губы, каштановые волосы, прилипшие ко лбу. Серый порванный плащ, грубая рубаха из некрашеной шерсти. На грудь свисает толстая серебряная цепь. На цепи дымчатый кристалл продолговатой формы.

Я наклонился над мертвым, стараясь рассмотреть загадочный камень.

— Кли-кли, живо зови Эграссу! — неожиданно произнес Угорь.

— Зачем? — изумился гоблин.

— Не нравится мне все это — его разорвали на две половинки, а вокруг ни капли крови.

И тут мертвец, от тела которого осталась лишь верхняя половина, распахнул глаза. Его рука метнулась ко мне со скоростью змеи и вцепилась в ворот куртки.

— Вы не должны... брать Рог... равновесие может быть, нарушено!

Я попытался вырваться, но рука держала крепко. Серые глаза смотрели прямо на меня, зрачки у парня были размером не больше булавочных головок... Покойник ожил! Но не это меня ужаснуло. У человека (а перед нами лежал именно человек) во рту блестели тонкие белые клыки.

— Не берите. слышите? Равновесие... — просипел человек. Кто-то с силой рванул меня за плечи, и рука незнакомца разжалась. Кли-кли орал и звал Алистана и Эграссу.

— В порядке, Гаррет? — спросил Угорь.

— Да. — Я постарался, чтобы мой голос не дрожал. Подбежал Эграсса.

— Что тут у вас?

— Он ожил и схватил Гаррета! — затараторил Кли-кли, испуганно кивнув на человека.

— Не пори чушь, шут, — нахмурился милорд Алистан Маркауз. — Его разорвало на две части, как он мог его схватить?

— Это правда, милорд, — подтвердил я слова Кли-кли и заработал недоверчивый взгляд капитана гвардии.

— Ничего удивительного, они говорят правду. — Эграсса встал перед телом на колени.

— Осторожнее! — предупредил эльфа Фонарщик.

— Не беспокойтесь, он мертв. — Эльф бесстрастно заглянул в глаза незнакомцу.

Эграсса прав, глаза воина уже подернулись поволокой смерти и остекленели.

— Как он мог прожить столько времени? — все еще не веря своим глазам, произнес Алистан Маркауз.

— Очень просто, смотрите.

Эльф без всякой брезгливости приподнял верхнюю губу человека. Мне не показалось — у парня действительно были тонкие словно иглы клыки.

— Это уже слишком, — потрясенно сказал капитан.

— Но это действительно так.

— В одну ночь встретить Х'сан'кора и... — Алистан Маркауз запнулся.

— Что вас так смущает? Вампира, милорд. Именно вампира.

— Вампиров не существует! — презрительно фыркнул Халлас, вертя в руках отрубленный рог Флейты. — Это такая же сказка, как...

Гном посмотрел на рог в своих руках и заткнулся.

— Сказка? Тогда кто меня схватил? Привидение? — Сердце у меня до сих пор еще бешено колотилось.

— Вампиры существуют, и если вы их не видели, это не значит, что это сказки. Вот почему ему удалось так лихо расправиться с Флейтой и выжить до нашего прихода. — Эграсса осторожно ощупал клыки вампира.

— Гаррет, он тебя не цапнул? — ни с того ни с сего спросил у меня карлик.

Я машинально поднес руку к шее.

— Нет, Делер, я в порядке.

— Милорд Алистан, а может, мы этого, вампира вашего... колом осиновым проткнем для острастки?

— Он мертв, Халлас, не говори ерунды, — ответил вместо Алистана Маркауза Угорь.

— Пока мертв, а потом как вскочит и начнет кровь сосать!

— Халлас, ты наслушался сказок. Вампиры почти как люди, просто они быстрее, сильнее и пьют кровь. Убить их можно обычной сталью, а уж никак не осиной, серебром, чесноком или солнечным светом. Все это вопиющая чушь, равно как и превращение вампира в туман или летучую мышь. Так! А это что?!

Эграсса увидел кристалл и, сняв его с тела, показал нам.

— Милорд?

— Это уже становится полным абсурдом! — Из груди Алистана Маркауза вырвался горький смешок.

— Что это? — поллюбопытствовал Фонарщик, смотревший на дымчатый кристалл, как на ядовитую змеюку.

— Это знак отличия Ордена Серых, Мумр, — ответил товарищу Угорь.

Халлас вроде бы потрясенно крикнул. Делер присвистнул и, сняв шлем, почесал затылок.

Орден Серых. Я мало что знаю о нем. Да, впрочем, как и все присутствующие. Все мои знания основаны на тихих разговорах в тавернах, непроверенных слухах и книге моего учителя Фора, в которой о Серых был всего лишь небольшой отрывок. Далеко в Холодном море есть остров, который народная молва прозвала островом Серых. Остров защищен магией, и никакой корабль не может пристать к нему без желания жителей. Маленький клочок суши получил свое название благодаря тому, что на нем расположился Орден Серых. Говорят, что Серые — великие и непобедимые воины. Их готовят с самого раннего детства, и ходит слух, что Серый в одиночку может выйти против пятнадцати опытных воинов и без всякого труда отправить их во тьму. Конечно же в каждой таверне найдется умник, который лично встречался с таинственным воином, и если этому умнику еще подлить выпивки, то он вам расскажет полную ярких

красок историю, как Серый перебил сотню рыцарей, а потом и целого дракона.

Сколько в этих слухах правды, а сколько лжи, я не знаю. Но даже самый глупый слух и самая сказочная история имеют в своей основе зерно истины.

Еще говорят, что Серые — хранители равновесия на Сиале. Они покидают остров, только когда миру грозит нешуточная опасность, способная поколебать весы равновесия в ту или иную сторону. Если говорить простыми словами (хотя это и неправильно), Серым не важно, куда перекашивается мир — в добро или зло, на белую или темную половину. Они хранят равновесие и в той или иной ситуации встают на более слабую сторону. Когда выигрывает добро, они рядом со злом, когда зло — они рядом с добром. Им не важно, какие цели или идеалы вы преследуете и чего хотите — мира во всем мире или зла во Вселенной. Если вы угрожаете равновесию, вас попытаются убедить остановиться. Если убеждения не помогут, то... Серые слынут опасными бойцами, а иногда и великолепными магами, и они найдут для вас другие способы убеждения. Орден Серых вне стремлений и вне сторон. Он не белый и не черный. Он Серый.

— Вы уверены, что это всамделишный Серый? — потрясенно спросил Халлас.

Эграсса встал с колен и бросил кристалл гному.

— Смотри, Халлас, такой кристалл Орден Серых выдает всем своим воинам. Во всяком случае, так говорится в наших хрониках. Я за свою жизнь ни с одним из их братьев не встречался.

— Выходит, что Серые — вампиры? — пискнул Кли-кли, с опаской поглядывая на неподвижное тело.

— Нет... наверное. Как говорят, в их Ордене есть и люди, и эльфы, и даже орки. Отчего бы не быть и вампиру? — Эграсса пожал плечами. — Меня заботит другое: что Серый делал в этом лесу?

— О нем нам рассказывал флини, — вновь повторил Угорь. — Вампир шел за нами.

— Знаю, но вопрос остается открытым. Что Серому понадобилось от нас? Последний раз эти воины уходили с острова во время Войны Весны.

— Он что-то сказал Гаррету, — брякнул Кли-кли. Все взоры обратились на меня.

— Что он сказал, вор?

— Что мы не должны брать Рог, иначе равновесие может быть нарушено, — вспоминая шепот Серого, совершенно искренне ответил я.

Над поляной повисла тишина.

— М-дя, — задумчиво протянул Кли-кли и почесал крючковатый нос. — Ты ничего, случаем, не перепутал, Гаррет?

Я бросил на гоблина раздраженный взгляд. За дурака он меня, что ли, принимает?

— Ладно, ладно! Верю! Значит, это не Серый. Не мог Серый такое сказать, ведь он на нашей стороне.

Услышав от Кли-кли такие слова, Делер не выдержал и заржал.

— Ты чего? — изумился гoblin.

— С чего это Серому быть на нашей стороне, глупый гoblin? Он на стороне равновесия, и если то, что говорит Гаррет, — правда... ну тогда нам очень повезло, что его прибил Х'сан'кор, иначе этот паренек попытался бы остановить нас любыми средствами. А я не настолько безумен, чтобы не понимать, что супротив Серого, и к тому же вампира, нам не выстоять. Нам очень повезло, Кли-кли.

— Дурак ты, Делер, — обиделся Кли-кли. — Он должен был быть на нашей стороне. Когда Неназываемый придет из-за Игл Стужи и, не дай боги, пройдет Одинокого Великана, равновесие пошатнется, а мы ведь пытаемся этого не допустить...

— Нет, Кли-кли, это настоящий Серый, — ответил шуту эльф.

— Но тогда... — протянул гoblin, покосившись на мертвеца.

— Тогда почтенный карлик прав, и нам крупно повезло — вампир погиб, захватив с собой еще и Х'сан'кора.

— Как он нас нашел? Как Орден Серых узнал о том, что мы пытаемся достать Рог Радуги?

— Ты это у меня спрашиваешь, Делер? — усмехнулся темный эльф. — Я знаю не больше твоего. У Серых свои способы узнавать тайны.

— Нам повезло, что он был один, — буркнул Алистан Маркауз.

— А если он был не один?

— Один, Гаррет, один, — успокоил меня Фонарщик. — Флини сказал...

Халлас громко фыркнул, показывая, как он относится к словам Аарроо.

— Серые ведь должны были знать, что мы достаем Рог из могильников, чтобы остановить Неназываемого, — гнул свое Кли-кли. — Почему они думают, что если Гаррет достанет его, то равновесие окажется нарушено?

— Может, они знают то, чего не знаем мы, Кли-кли? — Я вспомнил свой сон-явь, когда из-за Рога Радуги в Авендуме появилась Запретная

территория. — Ведь недаром же маги Ордена спрятали Рог в Костяных дворцах?

— Но если Серые так боятся появления Рога в мире... если он так опасен... может, не стоит его доставать? — неуверенно сказал Фонарщик.

— Мы слишком далеко зашли, чтобы теперь останавливаться, Мумр, — ответил ему милорд Алистан. — Да и Орден Серых может ошибаться. До Храд Спайна полдня пути, неужели мы остановимся на границе, возле самых ворот?

— Милорд, не подумайте, я не трус, просто если пошел такой расклад, и за нами прислали самого настоящего Серого...

— Никто не считает тебя трусом, Фонарщик, — перебил его Алистан Маркауз. — Тебе не меньше моего известно, как нам нужен этот Рог. Эграсса, ночь была тяжелой и все устали. Пора останавливаться на ночлег.

— Я уже думал об этом. — Эльф убрал кристалл мертвеца к себе в сумку и поднял с травы его копье. — Давайте пройдем еще метров пятьсот, не стоит ночевать рядом с мертвецами.

— Мы не будем его хоронить? — Угорь вопросительно посмотрел на Алистана Маркауза.

— Нет, — хмуро ответил тот. — Иначе мы провозимся всю оставшуюся ночь, идемте.

— Лес позаботится о теле, — сказал Эграсса и ушел с поляны.

* * *

Маленький костерок, разожженный эльфом, весело трещал и плевался искрами в звездное небо. Я так и не смог уснуть и просто лежал, наблюдая за холодным мерцанием звезд. Лучник, Рачий Хвост, Свинопас, Псы Сагры... Десятки созвездий смотрели на меня сквозь ветки деревьев. Корона Севера, растянувшись на половину неба, сияла Камнем, мерцая на небосклоне не хуже чем угли в костре.

Когда умирает эльф, на небе загорается новая звезда. Может, Эграсса и прав, поверье глупое, но сейчас я до рези в глазах вглядывался в ночное небо, стараясь рассмотреть звезду, которая должна была появиться после смерти Миралиссы. Бесполезно. Если эта звезда и появилась, то ее просто не видно из-за окружающих нас деревьев.

Падающая звездочка беззвучно рассекла ночное небо. Она пронеслась над моей головой и, в последний раз мигнув, скрылась за деревьями. Обычно когда видят падающую звезду, загадывают желание. Чего бы я

хотел?

Тех, кто умер в дороге, уже никогда не вернешь. Кот навсегда остался в Харьгановой пустоши возле старого оврага. Горлопан, пускай он и оказался предателем, в подвале близ Ранненга. Арнх, Дядька благодаря волшебству Лафресы — на дне Иселины. Сурок в земле Пограничного королевства, пепел Эллы стал частью реки, Миралисса упокоилась под тенью елей.

Все они остались где-то там... позади. Они приложили все силы, чтобы довести меня до Заграбы, не щадя своих жизней лезли в самый жар... Так пусть же этот проклятый Рог Радуги попадет ко мне в руки и Орден остановит Неназываемого. И еще... пусть больше никто из тех, кто сейчас спит возле костра, не умрет во время нашего путешествия.

Вновь холодная вспышка неба — и огненная полоса прочертила меж звезд новую огненную дорожку. Орки называют сентябрь Пор Заралло, или месяцем Падающих Звезд.

Еще одна звезда.

Если долго-долго смотреть на небо, то за ночь можно увидеть десятки падающих звезд, которые могут стать нашими желаниями, пускай даже эти желания скорее всего никогда и не сбудутся.

Кто-то кашлянул. Я повернул голову и увидел Делера. Карлик тоже не спал. Он, нахохлившись, сидел у костерка и неотрывно смотрел на пламя. Рядом тихонько посапывал Халлас, подложив под голову мешок товарища.

Я встал, осторожно перешагнул через Фонарщика и подошел к Делеру.
— Не спится?

Он оторвался от созерцания пляшущего пламени и посмотрел на меня.

— Шел бы спать, пока у тебя есть такая возможность, это мне еще час на страже стоять, пока Халлас не встанет.

— Не могу уснуть, — сказал я, присаживаясь рядом с карликом.

— Вполне тебя понимаю. После такого-то... — Он немного помолчал, а затем сказал: — Эльфийку жалко. Как-то глупо все это... нелепая смерть... от своего же волшебства...

Я ничего не сказал, да и не было в словах никакой необходимости. О Миралиссе скорбели все, хоть и старались этого не показывать. Просто... просто у Диких так заведено: когда умер друг, не давай волю слезам, а найди врага и отомсти.

Делер, кряхтя, повернулся, поднял с земли поленце и бросил его в костер. Огонь отшатнулся, потом осторожно лизнул угощение, пробуя его на вкус, а затем с голодной жадностью набросился на предложенную еду.

— Знаешь, однажды к нам в Горы карликов пришел Серый, — неожиданно начал Делер. — Это было очень давно, в последний год

Пурпурных лет, когда мы уже почти победили гномов. Оставалось совсем немного до полной победы, мы уже вытеснили родственничков к Воротам Гранхеля, когда явился этот Серый. Карлики — не дураки, гостя приняли честь по чести, отвели на Совет... Серый тогда сказал, что в наших же интересах помириться с гномами, и как можно скорее, иначе через сотни лет равновесие сместится. Он предупредил, что если гномы покинут горы и уйдут, то рано или поздно вернутся. Какая-то буйная головушка сразу же сказала, что, мол, пусть возвращаются, секир на всех хватит. Ты знаешь, что сказал Серый? Что мы заговорим по-иному, когда гномы принесут в горы порох, пистолы и пушки, которые изобретут из-за того, что мы их прогоним. А еще он сказал, что когда-нибудь творения бородатых захватят люди и рано или поздно рыдать будут и карлики и гномы. Сказал и ушел. Он даже не стал дожидаться нашего ответа, хотя и доралиссцу было бы понятно, каким будет ответ.

— Просто ушел? — не поверил я.

— Представь себе, Гаррет. Просто ушел. Не стал уговаривать, не стал рубить нас в капусту... Развернулся и ушел. Совет задумался, почему Серый так поступил, а потом они решили, даже если все, что он говорил, правда, то до смещения равновесия сотни лет. Серые решили ждать... Мы победили в той войне, бородатые ушли из гор в Стальные шахты Исилии, и все как-то утихомирилось на время. Поколения сменялись поколениями, эту историю в большинстве своем стали забывать... До того момента, пока гномы не изобрели этот тьмой драный порох. А затем пушки. Тогда-то наши умные головы вспомнили ту старую историю, а вспомнив — призадумались. Выходило, что не врал тогда Серый. Все так и было — порох, пушки... только о тех странных пистолях никто не слышал. А вот теперь я эту самую пистоль увидел в руках Халласа. Выходит, что недалеко тот день, когда гномы решатся вернуться на родину... А потом и вы захапаете их оружие, и тогда нам всем придется худо... Вот...

— Зачем ты мне все это рассказал, Делер?

Карлик задумчиво посмотрел на меня:

— А тьма его знает, Гаррет. Просто рассказанная мною история доказывает, что Серые редко ошибаются, а раз тот вампир сказал тебе, что, когда мы выудим из Храд Спайна Рог, равновесие нарушится, то так оно, скорее всего, и будет.

— Он сказал: "может".

— Знаешь гномью присказку? Ты сидишь на бочке с порохом, и фитиль горит. И вся твоя надежда на то, что, может быть, пойдет дождик и потушит огонь. Ты понимаешь, о чем я толкую?

— Прекрасно, — хмыкнул я, зная, куда клонит карлик.

— Ведь этот Рог создали огры, чтобы защитить себя же от собственной магии, так?

— Так говорит Орден.

— Ну тогда не мне тебе объяснять, как опасны вещи, сотворенные в Темную эпоху.

— Так ты тоже, как и Мумр, считаешь, что Рог должен остаться там, где сейчас лежит? На могиле Грока?

— Не знаю, Гаррет... Рог Радуги нейтрализует магию Неназываемого. Одно присутствие артефакта в Авендуме заставит колдуна отступить на веки вечные. Без магии он ничто... Так что Рог нам нужен. С другой стороны, это "может быть"... Не принесем ли мы в мир нечто более страшное? Его ведь не зря так хорошо спрятали, правда?

— Более страшное, чем Неназываемый?

— Да.

— Остается лишь довериться богам, Делер.

Карлик тихонько хмыкнул и поворошил палкой уголья, вспугнув стаю искр.

— Не надо было мне начинать этого разговора. Теперь будешь сомневаться, Гаррет. Достань этот треклятый Рог, а уж затем разберемся что к чему... Иди спать.

— Сейчас, — сказал я и остался сидеть на месте.

— Ты видел, какое у Серого было копьё? — понимая, что я не хочу спать, спросил карлик.

— То, что забрал Эграсса?

— У нашего эльфа губа не дура, — усмехнулся карлик. — Да, именно это копьё.

— Копьё как копьё. — Я едва заметно пожал плечами. — Просто немного странное...

— Эх, люди... Вы вечно кичитесь своим превосходством над нами, но во многих вопросах словно дети малые. Странное... — ворчливо протянул Делер. Под странным ты понимаешь форму или что-то другое?

— Форму, — ответил я, хотя знал, что мой ответ неверен.

— Так я и думал, — вздохнул карлик. — Это не совсем копьё, это краста. Им и рубят и колют. Оно довольно редко встречается, особенно в Северных землях. Это придумка Мамбары, страны, что далеко за Султанатом. Но сейчас не о том речь. Никто из вас, людей, не обратил внимания на древко и металл клинка. А Эграсса и я сразу заметили. Да и Халлас, небось, тоже, хоть и молчит.

— А что с древком и металлом?

— На древке древние руны. Их едва видно, но это первый язык гномов. Язык времен Великих Грахеля и Чигзана — первого карлика и первого гнома. Не спрашивай, что там написано, я воин, а не Мастер, и смог узнать всего лишь несколько рун. Таким копьем можно пробиться через любой магический щит.

— Ого!

— Вот тебе и "ого". А что до металла, который пошел на клинок... Когда-то, еще в Эпоху Свершений, его называли Дымчатой сталью. Слышал о такой?

— Нет.

— Что и неудивительно. За время Пурпурных лет мы многое забыли. Секрет сплава утерян, и боюсь, что навсегда. А раньше... Раньше гномы и карлики работали сообща. Одни искали руду и создавали сталь, другие придавали ей нужную форму и призывали магию. Рубиновая кровь никогда не сравнится с Дымчатой сталью. Последняя резала все. Не важно, на что падал клинок — на шелковый платок, камень или на самый лучший доспех.

— Сколько же она стоила? — вырвалось у меня.

— Много, — усмехнулся Делер. — Так много, что такой клинок мог позволить себе только король, ну и Серые... Представь, что перед тобой латник первой линии. Тяжелый доспех, башенный щит. Он ничем не хуже черепахи, такого пока мечом прибьешь, семь потов сойдет... А тут ты просто замахиваешься, шарахаешь латника по шлему, и клинок из Дымчатой стали разрезает человека, словно нож масло, на две одинаковые, но мертвые половинки. Вместе со шлемом, доспехами и щитом. Вот такие пироги...

— Значит то, что взял себе эльф, сейчас очень дорого стоит.

Я заработал презрительный взгляд карлика.

— Дорого? Оно бесценно! Подари его королю и можешь просить герцогство, а также сотню кораблей, летний дворец и еще всего до кучи...

— Жалеешь, что не ты первый его взял? — хмыкнул я.

— Есть немножко, — неохотно признался Делер. — Но только немножко. Ни я, ни Халлас ростом не вышли, чтобы работать крастой. Да и секира мне намного привычнее, чем эта оглобля. Просто вдруг возникла безумная мысль: а вдруг наши мастера, изучив клинок, смогли бы изготовить точно такой же? Ладно, это бесполезный разговор, все равно без гномов у нас ничего не получится.

— Так помирись.

— Ты сам-то понял, что сейчас предложил? — фыркнул Делер. —

Разбитую на тысячу осколков вазу из низинского фарфора уже невозможно собрать, как и дружбу гномов и карликов.

— Но ты ведь с Халласом дружишь?

— Мы — это особый случай. — Карлик покосился на спящего гнома. Вылазки в Безлюдные земли... Как я могу доверять напарнику, если он не друг?

М-да, Делер и Халлас — действительно случай особый. Сейчас очень редко можно видеть картину, когда гном и карлик мирно сосуществуют друг с другом. После Пурпурных лет от былой дружбы между родичами не осталось и следа. Исход гномов из Гор карликов в Стальные шахты Исилии, битва на поле Сорна... Ничто теперь не разобьет ненависть, вспыхнувшую между двумя некогда дружественными расами.

Делер подбросил в костер новую порцию дровишек:

— Давай, Гаррет, спать, завтра трудный день, будешь как вареная рыба. Или ты берешь пример с эльфа?

— Эграсса тоже не спит?

— Угу, не спит. Он там, недалеко.

— Пойду-ка я пройдуся перед сном, — сказал я, вставая с бревна.

Делер лишь махнул рукой, мол, походи.

Ночь близилась к концу, звезды потускнели, полная луна стала бледнеть. Эграссу я нашел метрах в двадцати от лагеря. Эльф — темный силуэт на фоне светлого ствола златолиста. Эграсса сидел на земле, положив руки на колени. Его глаза были закрыты.

Под моими ногами зашелестела трава, Эграсса сделал едва уловимое движение, и вот уже на меня смотрит стрела, готовая сорваться с тетивы лука. Я замер, предоставляя эльфу возможность меня рассмотреть.

— Что ты здесь делаешь? — неприветливо спросил меня Эграсса, но лук убрал.

— Делер сказал, что ты здесь.

— И что?

Я заколебался. Действительно, "и что"? Какой тьмы я сюда приперся? Желтые глаза внимательно следили за мной.

— Мне тоже жаль, что так случилось с Миралиссой.

Молчание.

— У нее ведь есть дочь?

— Откуда ты знаешь?

— Она мне сама говорила, Эграсса.

— Говорила... Она очень сильно надеялась на вас, людей... уважала и считала, что вы не так уж плохи, просто сами не знаете об этом...

Большинство эльфов так не считают. Ей не следовало покидать дом. Нам никому не следовало этого делать.

— Я...

— Просто достань этот Рог, Гаррет. Просто достань. Докажи и мне, и моим родичам, что Миралисса не ошибалась. Ступай, ты мне мешаешь.

Вот и весь сказ. Кто поймет, что на душе у этих эльфов?

— Гаррет! — окликнул он меня.

— Да?

— Так ты добудешь Рог?

— Добуду.

— Без сомнений и колебаний?

— Без сомнений и колебаний, — помедлив, ответил я ему.

Эграссу мои слова вроде убедили, во всяком случае, он больше не сказал ни слова.

Когда я вернулся к костру, Делер уже спал. Стражу нес Халлас. Услышав меня, гном вскинулся, схватился за мотыгу, но, узнав, неодобрительно плюнул в костер.

— Так и до разрыва сердца можно довести, Гаррет, — пробурчал он.

Я виновато развел руками, завернулся в одеяло и провалился в сон без всяких сновидений.

* * *

— Теперь можно не опасаться Первых. — Эльф оперся на свое новое оружие.

— Зато следует опасаться людей Балистана Паргайда, их больше двадцати человек. — Милорд Алистан проверил, хорошо ли выходит меч из ножен.

— И Лафреса, — напомнил Кли-кли. — Она стоит двадцати воинов.

Шут прав: Лафреса опасна, особенно теперь, когда рядом с нами нет Миралиссы.

— Идемте, только тихо, до ворот осталось совсем немного, — предупредил нас Эграсса и двинулся в путь.

Мы шли по роще, где росли одни златолисты. Эти деревья были не чета тем, что мы видели раньше. Огромные древние стволы больше пятнадцати метров в обхвате, кроны деревьев уносились на недостижимую высоту и, казалось, подпирали само небо. Из земли кое-где торчали оранжевые корни, каждый толще бедра взрослого мужчины раза в четыре.

Сквозь золотистые кроны на землю падали копыя солнечных лучей, пронизывающие не разошедшуюся с утра туманную дымку. Вот именно такой я представлял Заграбу в своем воображении величественной и прекрасной.

— Тр-rrrrrrr... Тр-rrrrrrr...

— Эк дятел старается, — уважительно крикнул Делер.

— Тихо! — просипел Эграсса, вслушиваясь в лесной шум.

Ветер тихонько шелестел в кронах недовольно ропщущих златолистов, дятел без устали добывал себе пропитание, оглашая лес звонким "тр-rrrrr". Щебетали птички, в траве гудели насекомые, лес жил своей жизнью, словно сейчас не начало осени, а середина лета.

— Люди... близко.

Эльф прислонил красту к дереву, натянул на лук новую тетиву и достал из колчана стрелу.

— Я пойду, проверю... Если услышите шум, будьте готовы...

— Угорь, иди с Эграссой, — приказал Алистан Маркауз.

— Да, милорд. Гаррет, одолжишь арбалет?

— Уже заряжен. — Я протянул гарракцу оружие и два дополнительных болта.

— Если все в порядке, я свистну, — сказал Эграсса. — Угорь, за мной.

Эльф и человек скрылись в густых зарослях можжевельника. Довольно долго не было слышно ничего, кроме звуков леса, и все напряженно вслушивались в птичьи трели и шелест ветвей. Наконец до нас долетел приглушенный расстоянием свист.

— Вперед! — скомандовал Алистан Маркауз. — Кли-кли, не путайся под ногами.

— Когда я путался-то? — проворчал Кли-кли, обнажая метательные ножи. Это Гаррет путается.

Я усмехнулся, но ничего не сказал и взял в руки копые эльфа.

Эграсса и Угорь ждали нас на маленькой тенистой поляне, окруженной кольцом златолистов. У меня даже возникла мысль: а по воле ли природы растут эти деревья? Слишком ровный, слишком идеальный круг они образовывали. Казалось, что от всего остального мира поляну защищает мощная темно-оранжевая стена древесных стволов. В самом центре поляны находился холм. Высотой он был в пять человеческих ростов. Эдакий прыщ на теле земли.

Возле холма стояли Эграсса и Угорь, а у их ног лежали трое. Люди. Двое из троих покойники — стрелы эльфа без труда пробили кольчуги людей Балистана Паргайда. Одному стрела попала прямехонько в сердце,

другому, до сих пор сжимающему в руке малый топор, в глаз. Третий человек был жив — он корчился с арбалетным болтом в ноге.

— Кто тут у вас?

— Это мы и пытаемся узнать, милорд, — хмыкнул Угорь и передал мне арбалет. — Первого Эграсса сразу пристрелил, второй схватился за топор и получил в глаз. А третий... третий решил сбежать, пришлось продырявить ему ногу.

— Кто вы и что здесь делаете?! — резко спросил у пленного Алистан Маркауз.

Тот только скулил и держался за пробитую ногу.

— Да что вы, милорд, как будто и так не знаете?! — удивился Кли-кли. Это псы Балистана Паргайда, по рожам же видно!

— Сейчас он все расскажет. — Эльф наступил человеку на раненую ногу, тот взвыл от боли и потерял сознание.

Халлас достал флягу с водой и плеснул человеку в лицо. Никакого эффекта. Пришлось отвесить пару пощечин. Человек вздрогнул и открыл глаза.

— А теперь мы поговорим. — Эльф приставил к груди человека кривой кинжал. — Сколько вас?

— Что? — Человек облизал пересохшие губы.

— Сколько вас? — повторил свой вопрос Эграсса и кольнул человека кинжалом. Это подействовало.

— Трое, нас было только трое! Не убивайте, милорды! Я все скажу! — зачастил человек, расширенными глазами смотря на темного эльфа.

— Где остальные?

— Они все... ушли.

— Врешь. — Эграсса вдавил кинжал. Человек взвизгнул и заорал:

— Я говорю правду, они все ушли, а нас оставили охранять! Я ничего не делал, правда! Не убивайте!

— Может, этот хмырь и вправду ничего не знает? — прогудел Делер.

— Как же! Эграсса, оставь его на меня, я живо выбью из него эту дурь! — предложил Халлас, свирепо вращая глазами.

— Куда они ушли? — не обращая внимания на предложение гнома, спросил Эграсса.

— В могильники, они все ушли в эти тьмой проклятые могильники, милорд эльф!

— Когда?

— Два дня назад.

— Сколько человек туда спустилось?

— Десять.

— Врет, — сказал Кли-кли, сделав в уме нехитрые подсчеты.

— Это уже не важно... Граф тоже ушел со всеми?

— Да, милорд.

— А женщина? — вырвалось у меня.

— Ведьма? И она с ними. Это все она придумала! Это она решила спуститься туда!

— Зачем они туда пошли? — Эграсса безжалостно продолжил допрос.

— Нам не говорили. Мне и ребятам просто надо было находиться здесь и ждать, когда вернутся остальные, вот и все. Я больше ничего не знаю!

— Очень жаль, — сказал эльф и погрузил кинжал человеку в грудь по самую рукоять.

Пленный вздрогнул и затих. Эграсса без всяких эмоций выдернул кинжал из тела и вытер его об одежду мертвеца.

— Зачем его надо было убивать? — недовольно спросил Фонарщик. — Он же сдался.

— Что нам делать с пленным? — Эльф зло сверкнул глазами. — Он прибавил бы нам лишних забот. К тому же он мог попытаться прирезать нас.

— Делер, Халлас! — Алистан Маркауз подозвал карлика и гнома. Похороните этих троих. Нам здесь долго торчать незачем.

На том разговор и прекратился, разве что Халлас с Делером недовольно бурчали, что они солдаты, а не могильщики.

— Ну и как тебе это, Гаррет? — спросил у меня Угорь, когда я отошел в сторону.

— Эльфы. — Я пожал плечами, думая, что меня спрашивают о том, как я отношусь к недавнему убийству.

— Да я не об этом, — поморщился Угорь. — Я про спуск в Храд Спайн.

— А где он? — брякнул я.

Кли-кли трагически вздохнул:

— Гаррет, ты безнадежен! А это что такое, если не спуск?

— Холм?! — изумился я.

— Холм, — скорчив рожицу, передразнил меня Кли-кли. — Ты разуй глаза-то! Какой, подавись костью, холм?! Иди обойди его!

— Ладно, ладно! Только не вопи, — успокоил я его. — От твоего визга у меня голова раскалывается.

Это действительно был спуск в Храд Спайн, по крайней мере, при более внимательном изучении холм оказался рукотворным строением. Не удивительно, что я ошибся — за давностью постройки (как-никак начало Темной эпохи!) задняя сторона сооружения поросла травой и кустами. Когда я обошел холм и оказался с другой стороны, то понял, что с эпохой немного приврал. Конечно же ворота были не из времен Темной эпохи (хотя именно в это время неизвестные существа заложили первые и самые глубокие ярусы Храд Спайна). Ворота появились намного позже — во времена расцвета эльфов и орков. Просто когда в Костяных дворцах пробудилось древнее зло и эльфы с орками (а затем и люди) оставили могильники на растерзание времени, ворота пришли в упадок и поросли лесом. Ведь раньше здесь не было никакой Заграбы и уж тем более Золотого леса. Просто за несколько тысячелетий деревья наступали. Наступали до тех пор, пока не поглотили ворота и не спрятали их от чужих глаз.

С этой стороны холм как будто вертикально резанули ножом. И вместо травы и кустов здесь зиял прямоугольный вход высотой в три человеческих роста. Солнечные лучи падали на каменный пол, под углом уходящий во тьму.

Я поежился.

— Ну и как тебе это, Гаррет? — вновь спросил меня гарракец.

— Неужели мы дошли? — Мне до сих пор в это не верилось.

— Еще как дошли! Вот смотри! — Кли-кли подбежал к входу, сунул туда голову, нисколько не боясь, что кто-нибудь ее откусит, и громко крикнул:

— Бу!

— У... у... у... у... у! — ответило гоблину эхо.

— Ты это, Кли-кли... — К нашей компании присоединился Фонарщик. Поостерегся бы глупости делать.

— Да не бойсь, Мумр, не сожрут! — беспечно отмахнулся от него шут. Это всего лишь вход, коридор тянется на тысячи метров, постепенно уходя вглубь. Отсюда до первого яруса еще топать и топать.

— Ты просто знаток, Кли-кли. А не скажешь мне тогда, что написано над входом и что это за статуи по бокам?

— Орочьим не владею, Гаррет, это ты у Эграссы спроси, чего тут накалякано. Что до статуй, то это никакие не статуи. Их вытесали прямо из камня, видишь? Да и разрушены они слишком сильно, теперь уже и не определишь, кого они изображали.

— Эй вы! Историки! — крикнул Халлас. — Пошли лагерь

обустраивать, наглядитесь еще!

* * *

— Итак, — начал Алистан Маркауз, когда все (кроме Фонарщика и Угря, отправленных на дежурство к входу в Храд Спайн) собрались. — Балистан Паргайд с людьми уже внизу.

— Чтоб их там кто-нибудь сожрал! — искренне пожелал нашим врагам добрейший гоблин Кли-кли.

— Они опережают нас на два дня, вор. У тебя ведь есть карты Костяных дворцов, как думаешь, где сейчас они могут быть?

— Дворцы или люди? — бесхитростно влез в разговор шут и сразу же получил от милорда Алистана сердитый взгляд.

— Где угодно, милорд, — подумав, ответил я графу. — Уже на первом ярусе начинается настоящий лабиринт, если у них нет карт...

Все и так поняли, что я хотел сказать. Без карты в Костяных дворцах вы гарантированно покойник. По счастью, у меня карты были, не зря я в свое время полазил по Закрытой территории Авендума. Так что дорогу до восьмого яруса, где находится могила Грока и Рог, я найду. То есть я смогу найти дорогу, но вот доберусь ли до цели?

— Думаю, надо выступать немедленно. — Алистан Маркауз дернул себя за ус.

— Скоро ночь, милорд. Давайте подождем до утра, — осторожно начал Халлас. — Нечего по темноте лезть в эту дырищу.

— Ночь, день... Какая разница, Халлас? Там, внизу, все равно вечная ночь. Паргайд и эта женщина хотят опередить нас и взять Рог, чтобы принести его Хозяину.

— Они не смогут опередить нас, милорд. — Я, сам того не замечая, язвительно усмехнулся. — У них нет Ключа, а без Ключа им не открыть Створки третьего яруса. Если у них нет карты и Лафреса решит идти в обход... Ну что же, это займет у них пару месяцев.

— Пару месяцев? — недоверчиво переспросил Делер.

— Под нами Храд Спайн. — Эграсса постучал ногой по земле. — Не хочу разрушать твои радужные иллюзии, Делер, но Костяные дворцы намного больше всех ваших подземных городов в Горах карликов. Храд Спайн похож на гигантский слоеный пирог, он растянулся на десятки лиг в глубину и ширину. Здесь поработали огры, орки, люди и еще неизвестно кто. Так что Гаррет прав. Если идти не через Створки, можно потерять

очень много времени, ища обходные пути.

— И нарваться на очень ба-а-альшие неприятности, — вякнул Кли-кли.

— Так ты тоже предлагаешь подождать до утра? — спросил капитан у эльфа, не обращая внимания на гоблина.

— Лучше идти отдохнувшими.

Крыса поджал губы и нехотя кивнул.

— Ладно, так и поступим. Тогда давайте решим, кто пойдет с Гарретом, а кто останется снаружи.

— Думаю, это решать Гаррету. — Эграсса посмотрел на меня.

— Решать должен вор? — изумился Алистан Маркауз и посмотрел на эльфа не шутит ли тот.

— Именно. Ему лучше знать, кому следует идти с ним, а кому остаться.

— Ладно, — процедил граф. — Что скажешь, вор?

Я набрал в грудь воздуха и изрек:

— Со мной никто не пойдет.

— Что?! Ты совсем ошалел?!

Я боялся, что Алистана Маркауза хватит удар.

— Нет, милорд Алистан. — Я решил сказать все, что думал о безумной идее совместного похода в Храд Спайн. — Когда вы вели нас от Авендума, я не вмешивался, милорд, и делал то, что вы говорили. А когда мы шли по Заграбе, даже вы прислушивались к Эграссе. Мне не нужны спутники в Костяных дворцах. Вы для меня будете только обузой.

— Мы воины, Гаррет, а не обуза, — с обидой произнес Делер. — Кто тебя спасет от тех же зомбиков?

— Вот в том-то и дело, Делер, — вздохнул я. — Один я проскользну мимо покойника незамеченным или просто убегу, а с вами я буду ввязываться в каждую стычку. Я не смогу там присматривать еще и за вами.

— Мы сами можем за собой присмотреть, вор. — Алистану Маркаузу не очень нравилось то, что я говорил. — Как я буду тебя охранять, если останусь здесь?

— Вы довели меня до Храд Спайна и выполнили свой долг, милорд. К тому же, как говорят, нижние ярусы затоплены и придется плыть, а на вас слишком много железа.

— Значит, мне придется снять доспехи.

— Милорд, я пойду быстро, а с вами... Просто не мешайте мне выполнять Заказ.

— А люди Балистана Паргайда?

— Шанс встретить их в таком лабиринте невысок.

Пришлось еще целый час доказывать, что мне проще идти в одиночку. Милорд Алистан скрипел зубами, хмурился, но все же в конце концов сдался.

— Хорошо, вор, будь по-твоему. Хотя я не очень доволен своим решением.

На языке у меня вертелась колкость, но я благоразумно промолчал. Нечего злить милорда Крысу по пустякам.

* * *

— Карты Храд Спайна у тебя? — спросил Кли-кли.

— Да, — вздохнул я.

С самого утра гоблин доставал меня похлеще, чем компания жрецов, рассказывающих высокобожественную чушь.

— А как с факелами?

— Две штуки.

— Издеваешься? — ядовито осведомился шут.

— Нисколько. Двух факелов мне вполне хватит, чтобы добраться до первого яруса.

— А дальше будешь идти на ощупь?

— Ты же сам мне говорил, что в подземных дворцах достаточно света.

— Если магия еще работает, а если нет? Да и не везде в Храд Спайне дворцы...

— У меня есть "огоньки".

— Так чего же ты мне голову-то морочишь?! Сразу не мог сказать? — не на шутку рассвирепел Кли-кли. — Ладно, как с едой?

— Кли-кли, ты нарочно меня доводишь? Ты уже два раза спрашивал! У меня два десятка сухарей. Я неделю могу не думать о еде.

— Теплая одежда?

— Угу.

Тьма знает, каково на большой глубине. Я взял у Угря шерстяной свитер двойной вязки. Такие свитера Дикие Сердца надевают во время зимних патрулей по Дремлющему лесу. Греет сия одежда не хуже чем печка. А уж самое главное достоинство — это то, что свитер можно свернуть в настолько тоненький и махонький сверток, что он без всякого труда поместится в полупустой холщовой сумке, переброшенной через плечо.

— А ты...

— Хватит, Кли-кли! — взмолился я. — Ты своими вопросами меня в могилу загонишь! Сделай перерыв хотя бы на полчаса.

— Через полчаса ты уже будешь вне пределов моей досягаемости, возразил мне Кли-кли и безжалостно продолжил: — Стих помнишь?

— Какой?

— И он меня еще спрашивает? — трагически воззвал к небесам шут. Забыл тот свиток, что показывал на совете у короля?

— А! Ты о стишке-загадке? Прекрасно помню.

— Повтори.

— Кли-кли, поверь, я его прекрасно помню.

— Тогда повтори. Ты что, не понимаешь, что этот стих — ключ ко всему? Там говорится о том, чего нет в картах.

— Тьма с тобой. — Проще рассказать, чем спорить с премерзким гоблином. — Тебе с самого начала?

— Лирику можешь опустить.

— Ладно, — прорычал я. — Но если после этого ты от меня не отстанешь, я самолично тебя придушу.

Пришлось напрямь память и пересказать Кли-кли стих-загадку.

Обнаружил я этот стишок совершенно случайно. Он был нацарапан на маленьком клочке бумажки, затерявшемся среди бумаг и карт Храд Спайна, найденных в заброшенной башне Ордена. Стишок написал маг, относивший Рог Радуги в Костяные дворцы. И чего уж скрывать, благодаря сему литературному творению я мог увидеть свой будущий путь, просматривая карты Костяных дворцов во время вечерних остановок отряда.

— Сойдет, — довольно кивнул Кли-кли после того, как я закончил декламировать последнее четверостишие. — Не забывай про стих. И, кстати, помни, что один отрывок изменен, но, впрочем, я тебе уже говорил. В Книге Пророчеств...

— Я помню, — поспешно перебил я его. Сейчас мне хотелось одного — побыстрее сбежать в Храд Спайн, чтобы не слышать наставлений Кли-кли.

— Бяка ты, Гаррет, — обиделся Кли-кли. — Я же хочу как лучше! Ладно, фиг с тобой, потом вспомнишь доброту гоблина, но будет поздно. Наклонись.

— Чего? — не понял я.

— Наклонись ко мне, говорю! Я слишком мал, чтобы до тебя дотянуться!

Пришлось исполнить, что он просил, хотя я ожидал от шута прощальной каверзы. Кли-кли встал на цыпочки и надел мне на шею медальон в виде капельки. Тот самый, что он нашел в Харьгановой пустоши на могиле мертвой волшебницы. Медальон обладал воистину бесценным свойством — он нейтрализовывал боевые заклятия шаманства, направленные непосредственно на его владельца.

— В былые времена эльфы и орки понаставили во дворцах магических ловушек. А эта штука сможет тебя обезопасить хотя бы от некоторых.

— Спасибо, Кли-кли, — проникновенно поблагодарил я его за внезапную щедрость.

— Ты мне его назад принеси, — ворчливо сказал гоблин. — Да и себя заодно притащи, и лучше с Рогом.

Я хмыкнул.

— Ну что, вор, пора, — сказал милорд Алистан.

— Да, милорд. — Я в десятый раз мысленно пробежался по снаряжению, проверяя, не оставил ли чего, и забросил арбалет за спину. — Ждите меня две недели. Если ничего не случится, я вернусь.

— Мы подождем три недели.

— Хорошо. Если не вернусь к этому сроку, уходите.

— Если ты не вернешься к этому сроку, пойдет кто-то другой. Без Рога я к королю не вернусь.

Я кивнул. Милорд Крыса — человек упорный и не отступит, пока не будет так, как он хочет.

— Вот, Гаррет. — Эграсса протянул мне браслет из красной меди. Надень его на руку.

Браслет как браслет, правда, очень старый и с орочьими поистершимися рунами.

— Что это?

— По нему я буду знать, что ты жив и где находишься. К тому же он даст тебе безопасный проход через стражей Кайю.

Я изумленно воззрился на эльфа, но тот лишь пожал плечами и улыбнулся.

— Говорят, что он защищает, его для этого и создавали, но не больно-то на него рассчитывай. Лично я не проверял.

Я благодарно кивнул и надел браслет на левую руку. Видно, Сагот решил, что сегодня Гаррет должен быть при побрякушках. Ну и плевать, в стишке упоминались стражи Кайю, а раз эльф считает, что браслет спасет меня от слепых сторожей эльфийских гробниц, следует с благодарностью воспользоваться предложенным подарком.

— Да помогут тебе боги, — пожелал мне эльф на прощание.

— Не подведи своего короля и свое королевство, Гаррет, — напыщенно произнес милорд Алистан, в кои-то веки назвав меня по имени.

— Удачи! — Угорь крепко пожал мне руку. Делер и Мумр поступили также. Халлас помялся, попыхтел, а потом протянул мне пистоль:

— Вот! Последняя. Бери, что ли?

— Спасибо, Халлас, но лучше не стоит. От нее слишком много шума, да и, если ярусы затоплены, порох отсыреет, — отказался я.

— Удачи, Танцующий в тенях, — шмыгнул носом шут.

— Ждите меня через две недели, — сказал я им еще раз и, развернувшись, пошел к черному провалу, ведущему в сердце древних могильников.

Глава 4

Дорога к створкам

Факел шипел и яростно плевался. Видно, он не очень-то хотел, чтобы я тащил его за собой в мрачную тьму подземелья. Что же, вполне понимаю его отчаянное нежелание следовать со мной. Самоубийц, по собственной воле спускающихся в заброшенные могильники, можно пересчитать по пальцам одной руки (может и побольше, но таких людей действительно не так уж и много).

Два раза я останавливался и оборачивался назад. В первый раз это случилось, когда я прошел по коридору не больше ста пятидесяти шагов. Просто захотелось в последний раз посмотреть на солнечный свет. Далеко-далеко позади виднелся маленький светлый прямоугольник. Выход. Там, за спиной, остался мир солнца, мир живых, а под ногами лежал мир тьмы и мертвых. Когда я обернулся во второй раз, свет уже пропал и за спиной была одна лишь тьма.

Пол шел под уклон, уходя все глубже и глубже под землю. Абсолютно пустой коридор, стены выложены желтым песчаником или очень похожим на него камнем. Под потолком гулял легкий сквознячок, но этого было достаточно, чтобы от каждого дуновения пламя факела дрожало и бесновалось. Моя тень, огромная и черная, плыла по стене, отзываясь на призывное дрожание огня факела. Спустя какое-то время на стенах появились картинки и надписи на орочем языке. Поначалу они были тусклы и едва заметны, но стоило пройти еще двести метров, и уже можно было различить изображения и буквы. На первые я не очень-то засматривался, вторые просто не понимал. Лишь однажды, когда факел высветил из тьмы огромную эпическую битву огров и созданий, как две капли похожих на тех, что были изображены на шкатулке Балистана Паргайда, где ранее хранился Ключ, я остановился. Полуптицы-полумедведи сражались с огами меж стилизованно нарисованных деревьев. Внизу была какая-то подпись закорючками, но что она говорила, для меня так и осталось тайной.

Я пошел дальше, оставив картину далеко позади себя. Еще тысяча метров, и стены запестрели от изображений и ярких красок, которые отчего-то были неподвластны зубам времени. Тьма давила, и я возблагодарил богов, что у меня есть свет (хотя, с другой стороны, свет мог принести мно-о-о-жество неприятностей своему владельцу, в особенности

если его увидит кто-нибудь большой и в меру голодный).

Шел я уже достаточно долго, в коридоре не было ответвлений, и он лишь все сильнее и сильнее вгрызался в землю. Вот уж не знаю, как глубоко я спустился, но не преминул вознести искреннюю благодарность Саготу за то, что не испытываю страха перед глубиной.

Шаги гулким эхом отражались от пола, бились о стены и затихали под высоким потолком. Факел стал затухать, и пришлось остановиться, чтобы зажечь новый. Я и не заметил, как быстро пробежало время. Сколько же я топаю по этому коридору, если у меня погас факел? Я отбросил старый факел к стене и пошел дальше. Что удивительно, здесь не ощущалось холода, запаха сырости и затхлости. Сухой теплый воздух дул в лицо, поднимаясь вверх, к выходу. Откуда на такой глубине дует ветерок, я задумываться не стал. Вентиляционные шахты, магия или что-то другое? Тьма его знает. Ну дует и дует. Главное, что не кусает.

Начались лестницы. Вначале маленькие, не больше трех-четырех ступеней, затем все длиннее и длиннее. Коридор, лестница, вновь сто метров коридора и новая лестница. Все глубже, все ниже, все темнее.

Я решил сделать перерыв и остановился. Прислонился к стене, пристроил факел так, чтобы он не погас, вытянул ноги и глотнул воды из фляги. Подумать только, столько протопал, а до первого яруса до сих пор так и не дошел. Я передохнул, затем извлек из сумки дрокр, развернул его и достал старые карты Храд Спайна. Не знаю, где я сейчас нахожусь, но скоро коридор начнет закручиваться спиралью. Шесть огромных витков, уводящих в бездну, к первому ярусу Костяных дворцов. А мне нужно еще дальше — на восьмой ярус. Именно там находится могила полководца Грока, на погребальном камне которой и лежит Рог Радуги.

До восьмого яруса долгие и тяжелые дни пути. В лучшем случае неделя. Неделя до восьмого, а сколько же идти до сорок восьмого? А еще глубже, туда, где ярусы не имеют названий и куда не входили живые существа вот уже девять тысячелетий?

Коридор повернул, затем еще раз. Я накручивал круги, спускаясь все глубже и глубже.

Свет высветил очередную надпись, и я остановился как вкопанный. Надпись была на человеческом языке. Я приблизил к стене факел. Так я и думал — буквы темно-ржавого цвета. Писали кровью. Кто-то очень старательно, большими буквами, вывел всего лишь два слова: "НЕ СПУСКАЙСЯ!" Я постоял перед этим предупреждением, прошел несколько шагов вперед и наткнулся еще на одно слово — "УХОДИ!". Кто-то не пожалел ни времени, ни собственной (надеюсь) крови, чтобы

предупредить таких, как я, о том, что живым здесь делать нечего. Спасибо за предупреждение, неизвестный парень, но мне отступать уже поздно. Придется идти вперед и выполнять Заказ короля.

Еще спустя вечность, после шестого витка, в коридоре стало светлеть. Поначалу я подумал, что это обман зрения, но тьма пропала, уступив место густым сумеркам. Спустя двести шагов в коридоре заструился слабый серый свет, казалось, что его излучают стены. Видимость стала вполне приемлемой, и пришлось побороться с самим собой, чтобы не затушить факел прямо сейчас. Сагот знает, может быть, свет в коридоре — это явление временное, брошу факел, а через сто метров вновь стемнеет и мне придется за ним возвращаться. Но не темнело! Сейчас пол под ногами накренился еще сильнее, он уже стал напоминать крутую горку. Приходилось идти очень осторожно и медленно, чтобы, не дай Сагот, не оступиться и не поехать вниз на заднице. Свет никуда не делся, и, немного поколебавшись, я отбросил факел в сторону. Горка внезапно кончилась, пол стал горизонтальным, коридор повернул, и я увидел то, что уж и не чаял увидеть, — вход на первый ярус Костяных дворцов.

Ну, с входом я немного загнул, от входа как такового совершенно ничего не осталось. Лестница, соединяющая Преддверье Храд Спайна с первым ярусом, обвалилась, и от нее осталась только верхняя часть, ведущая вниз, в зияющий провал в полу.

Я аккуратно подошел к дыре и глянул вниз. М-дя, как говорит мой достославный дружок Кли-кли, когда ему что-то очень не нравится. Четыре ступеньки — и пустота. Пол находился от меня на расстоянии восьми метров. Обломки лестницы грудой камней лежали внизу. Странно все это... Очень странно... Какая гадина ее обрушила?

Да-да, именно обрушила, как иначе объяснить тот факт, что уцелевшие ступеньки лестницы изрядно покрыты копотью, а порой и оплавлены. Кто-то просто не хотел, чтобы я спустился вниз, и предусмотрительно накрыл лесенку заклятием. Имя этому "кому-то", вне всякого сомнения, Лафреса. Вот только я немножечко не понимаю логики служанки Хозяина. Во-первых, неясно, каким боком она вместе с Балистаном Паргайдом и его людьми теперь собирается возвращаться назад. Во-вторых, с ее стороны по меньшей мере очень странно думать, что я не смогу спуститься. Нет, конечно, прыгнуть с такой высоты это прямой путь к превращению собственных костей в мелкое крошево, но ведь кроме прыжков существуют и другие способы оказаться внизу. Например, эльфийская веревка-паутинка, прилипающая к любой поверхности и самостоятельно втаскивающая своего хозяина на любую высоту.

Лафреса отнюдь не дура, и уж она-то была уверена, что я смогу спуститься на первый ярус. Значит, дело тут нечисто и меня поджидает не теплая встреча. Лучше сто раз убедиться, что никакой опасности нет, а затем уже лезть в глотку к демону.

Пришлось лечь на пол и свеситься в дыру, дабы изучить место будущего приземления со всей тщательностью и кропотливостью. Ничего не изменилось. Великолепно освещенный коридор и груда камней, осколков и мелкой пыли на полу. Что до горящих факелов здесь все понятно, они горят несколько тысячелетий и будут гореть еще столько же. Шаманство не дает погибнуть огню, и я очень надеюсь, что, чем глубже я буду спускаться, тем больше света окажется в залах, иначе даже на "огоньках" я долго не протяну. Но об освещении поговорим как-нибудь потом, сейчас меня уж очень сильно смущает это странное разрушение лестницы.

Пришлось залезть в сумку на поясе и выудить пробирку с магическим реактивом. Я вновь лег на живот и пролил несколько капель вниз, прямо на грудку обломков.

То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Я, по правде говоря, от неожиданности едва не сверзился вниз. Потому как на грудке обломков сидело существо. До этого оно было накрыто магическим заклятием, и, пока я не поплескал волшебной жидкостью, тварь казалась невидимой. В общем, она разлеглась как раз под дырой и, раззявив пасть, терпеливо ждала, когда к ней спустится ужин. Нисколько не удивлюсь, что это чудовище родилось в голове Лафресы. Ну не может существовать в мире тварь, состоящая исключительно из одной пасти и рядов, рядов, рядов ослепительно белых кинжалов-зубов! В принципе если очень постараться и порядком поднатужиться, то в глотку сей голодной твари вполне можно запихать рыцаря на лошади.

Коварная бестия эта Лафреса. Такой великолепный капкан собиралась мне устроить. Прямо так и представляю, как спускаюсь по веревочке вниз и с превеликим изумлением оказываюсь в желудке очень голодного создания. Какой бесславный конец, да еще и на первом ярусе Костяных дворцов!

Ну и что прикажешь с тобой делать, тварь голодная? Ишь как ощерилась! Захотелось лупануть из арбалета ей прямо в глотку, но, боюсь, тут нужен не арбалет, а целая баллиста. Обычным болтом ее не возьмешь. Да и медальон Кли-кли, вероятно, будет бесполезен против такой твари.

Я со злости пошарил по полу, поднял каменный осколок от лестницы размером чуть больше моего кулака и швырнул точнехонько в середину разверзнутой пасти. Капкан сработал идеально — стоило камню упасть, и

рот твари резво захлопнулся.

— Клац!

Чтоб у тебя несварение желудка случилось!

Камень пасти не понравился, и чудовище, оглушительно "чпокнув", исчезло.

Это еще что за?.. Капкан на один раз? Сработал и больше не нужен?

Но я слишком подозрительная натура, чтобы вот так просто купиться на внезапное исчезновение создания. Поэтому я не пожалел еще нескольких капель эликсира, обнаруживающего скрытые ловушки магического содержания. Никакого эффекта. Пасть действительно приказала долго жить.

Спускался я по веревке все же с некоторой опаской. Тьма знает, а вдруг тварь вернется в самый неожиданный момент и оттяпает мне ноги? Поэтому для собственного успокоения и душевного равновесия, когда до пола оставалось не более двух метров, я отцепил от веревки руку, залез в сумку и бросил на пол заготовленный булыжник. Камень громко стукнулся об пол, тем самым доказав, что внизу меня никто не поджидает. Я спустился, мысленно приказал веревке отцепиться, а затем смотал паутинку и прикрепил к поясу. Что же, пора в путь.

Сейчас я находился в небольшом пустом зале с восемью горящими факелами. В каждой стене было по проему, и мне пришлось потратить несколько секунд, чтобы сориентироваться с планами. Где север, а где юг, на такой глубине определить было попросту невозможно, но, на мое счастье, Зал Прихода, как его называли на картах, обладал очень четким указателем для всех тех, кто по глупости решил наведаться в Костяные дворцы. Правда, для того чтобы определить стороны света, пришлось задрать голову к потолку. Там чьими-то умелыми руками была выложена огромная стрела, говорившая путнику, где находится север. Судя по стрелке, мне нужно идти в правый дальний проем.

По закону всемирного свинства именно этот проем вел в самый темный и самый узкий коридор. К тому же в отличие от трех других — широких и более светлых, этот поднимался вверх, а не шел вниз. Я остановился перед выходом и внимательно прислушался. Ни шороха. Ни звука. Лишь в четырех десятках шагов от меня горит одинокий факел. Сюда ли мне? Пришлось лезть в сумку и сверяться с картами. Да, вроде сюда. Я вновь бросил тоскливый взгляд в более приветливые коридоры, но делать нечего, карта не врет.

Проход в следующие залы построили таким узким, что плечи касались стен, и мне приходилось, словно крабу, идти полубоком. К тому же,

излишне напуганный рассказами о пробудившемся зле костей огров, я часто останавливался и вслушивался в тишину. На мое счастье, тишина так и оставалась тишиной, никаких посторонних и необъяснимых звуков я не слышал. Я прошел мимо первого факела, второго, третьего. Коридор все так же едва заметно вел вверх, и я все сильнее начинал беспокоиться, что иду не туда, даже несмотря на то, что карта показывает именно это направление. Восьмой уровень, насколько я мог представить, должен находиться ниже первого, а не выше его. Надо мной Заграба, а не сердце могильников. Возле седьмого факела я остановился и попытался вытащить его из гнезда. Бесплезное занятие сидит как влитой и даже не шевелится. Ну и тьма с ним, я и так найду дорогу!

Подъем завершился, коридор под прямым углом вильнул в сторону и вывел меня на маленькую площадку с двумя ответвлениями. Здесь так же светло, как и в первом зале, и сверяться с картой не было нужды, я и так помнил, куда надо идти.

* * *

Дорога до лестницы, ведущей на второй ярус, заняла у меня шесть часов. Не так уж и много, если разобраться. Скажу честно, первый ярус меня не очень-то и впечатлил. Не могу соврать, что я разочаровался, но слухи о Храд Спайне оказались излишне преувеличены. Очень надеюсь, что во время всего последующего пути дорога будет такой же скучной и унылой. Собственно говоря, от первого яруса нельзя было ожидать ничего другого. На первом даже люди никогда и никого не хоронили, он скорее являлся проходным двором, да и до ярусов огров отсюда далековато, а Створки третьего яруса надежно защищали верхние уровни от глубинного зла. Захоронения людей начинались на втором и в меньшей степени на третьем уровне (где хоронили покойников в обход Створок). Ну и на шестом, где лежали кости воинов-героев. Могила Грока, находящаяся на восьмом ярусе, скорее исключение из правил.

Весь первый ярус оказался переплетением залов, коридоров и комнат. Дважды я запутывался, сверялся с картой и возвращался назад, ища нужное ответвление. Везде меня встречали унылые стены из серого базальта, ничем не украшенные, а порой и небрежно обработанные. Три раза я натыкался на лестницы, ведущие вниз, во тьму, но разумно избегал по ним спускаться. Неизвестно, в какие дали они могли меня завести, к тому же в картах о них не было ни слова. Четырежды я делал остановки и отдыхал,

унылость и полумрак этого места нагоняли смертельную тоску, глаза и голова нещадно болели, ноги ныли, и когда я дошел до нужной лестницы, то вздохнул почти что с облегчением.

Тишина молчаливых залов давила на уши, хотелось завывать, лишь бы услышать хоть какой-нибудь живой звук. Удивительно но на такой глубине оказалось не холодно, а скорее даже тепло. И главное, ни дуновения, ни сквознячка, пламя факелов горело ровно, не дрожало, и тени не плясали на стенах. Вместе с тем воздух в залах был свеж и чист, словно я бродил по Заграбе, а не по глубокому подземелью. Наверное, и здесь не обошлось без магии.

В общем, от первого яруса у меня осталась размытая картина впечатлений. По крайней мере, четверостишие из стиха-загадки, по счастью, не сбывалось. Какое? Вот это самое:

Коль смел ты и быстр, коль храбр ты и ловок,
Коль легок твой шаг и остра твоя мысль,
Избегнешь расставленных нами уловов,
Земли, воды, пламени ты берегись.

Ничего из этого пока не случилось, ну и слава Саготу. Очень надеюсь, что и далее ни одно из четверостиший глупого стишка магов Ордена не сбудется.

Но даже никого не встретив, я изрядно устал. Хотя бы оттого, что все время по старой привычке держался стен, бегал из полутени в тень, стараясь избегать освещенных мест, и через каждые две минуты останавливался и вслушивался в тишину. Так что устал я не только физически, но и морально.

Для отдыха нашлось очень удобное место, в дальнем углу зала, где по стенам растекся густой полумрак. За все время пути я изрядно проголодался, а потому без всякого колебания умял половину сухаря. Сухарь — пластинка не больше ладони, наделенная волшебными свойствами. Съел половинку и как будто отужинал на королевском пиру, попробовав сто одно блюдо. Сытно, но не очень-то вкусно. Сухарь великолепно подавляет голод, хотя и совершенно не способствует утолению ваших гастрономических пристрастий. В самом лучшем случае эта штука по вкусу напоминает хлеб. В худшем — прелое сено. Есть можно, но особого удовольствия не испытываешь, если, конечно, ты не лошадь. Сжевав сухарь, я запил все это водой из фляги и устроился на ночлег. Сегодня я слишком устал, чтобы продолжать путь, следовало хоть немного отдохнуть и набраться сил. Я положил рядом с собой арбалет и уснул. Не могу сказать, что спал как младенец. Храд Спайн — не самое лучшее место для приятных снов. Я летел по границе полусна-полуяви, то погружаясь в него, то вновь выныривая на поверхность. Это была излишне чуткая дрема, во время которой пришлось раз шесть открыть глаза и схватиться за арбалет, но никакой опасности не было, зал неизменно оказывался пустым, лишь факел мерцал на дальней стене. Не знаю, что заставляло меня просыпаться, но, даже несмотря на эти частые пробуждения, сон пошел на пользу. По крайней мере, проснулся я отдохнувшим и что самое удивительное — целым и невредимым. За время сна никто не решился откусить мне ногу или голову, за что я тут же возблагодарил Саготу.

Перед широкой каменной лестницей, уплывающей вниз, во тьму, я ненадолго замешкался. Неизвестно, что скрывается там, во мраке, а проверять на собственной шкуре остроту зубов какого-нибудь страшилища не хотелось. Но сколько бы я здесь ни простоял, Рог Радуги сам ко мне не

приползет. Я вздохнул, достал "огонек" и встал на первую ступеньку лестницы, ведущей ко второму ярусу.

На лестнице царила тьма-тьмущая, и если бы не холодный магический свет "огонька", спускался бы я целый час. Какая-то сволочь то ли по забывчивости, то ли по злему умыслу не озаботилась понатыкать в стены факелов. Лестница спускалась все ниже и ниже. Она не закручивалась спиралью, не плясала, как опьяневшая гадюка, она тянулась и тянулась, уводя меня вглубь, и слабый свет моего волшебного фонарика едва-едва дотягивался до потолка. Прежде чем выйти на второй ярус, я насчитал одну тысячу двести сорок четыре ступеньки. Кто строил это длиннущее чудовище, вырубая ступеньки прямо в теле земли, навсегда останется очень большой загадкой, но мысленно я промыл ему все кости, особенно в те моменты, когда подумывал: каково будет подниматься и отчего никто не догадался создать подъемники, как в пещерах гномов или карликов? Ладно, пусть горе-строителям судьями будут боги, потому как я опоздал ныть и стонать лет, наверное, на тысячу, а то и больше. Теперь уж точно никто не прибежит и не построит персональный подъемник для Гаррета-тени.

* * *

Удивительно, но второй ярус очень отличался от первого. Во-первых, все потолки здесь были не прямыми, а сводчатыми. Во-вторых, стены уже не казались голыми и безжизненными. То в одном, то в другом зале виднелись сохранившиеся изображения и даже надписи, некоторые на человеческом. Правда, буквы оказались древними и вычурными. В основном это были указатели, направляющие в ту или иную секцию и говорящие, где какое захоронение. Также здесь было много каменных горгулий, натканных чуть ли не через каждые сто шагов. Все статуи казались абсолютно разными, по крайней мере, пока я шел, ни одной одинаковой не заметил. Неизвестные скульпторы создали горгулий всех размеров и изобразили их в самых невероятных позах. Многие статуи были настолько мерзкими, что без дрожи в коленях не согласишься. Горгулий выдалбливали прямо в стенах, и от этого они напоминали парочку знакомых мне по приключениям в Авендуме демонов. По крайней мере, те тоже очень любили вылезать из стен, причем в самый неожиданный момент, а уж рожами могли испугать даже этих каменных истуканов.

Изо рта одной горгульи серебристым звонким ручейком выбегала нитка воды и падала в неглубокую чашу, которую статуя держала в своих руках. Я осторожно попробовал воду. Вроде не отравленная. Так что, пользуясь случаем, я вдоволь напился и наполнил изрядно опустевшую флягу.

В-третьих, на втором ярусе напрочь отсутствовали факелы. Огонь трепетал либо в раскрытых ладонях горгулий, либо под самым потолком в маленьких клетушках. Но по большей части пламени не было совсем, и светило прямо с потолка, причем в некоторых местах потолок едва светился, и тогда по залу растекались густые сливки сумерек.

Костяные дворцы подтвердили славу самых гигантских могильников в мире, потому как, несмотря на архитектуру, картинки на стенах и десятки горгулий, дворцы оставались могилами для тысяч и тысяч ушедших в свет. Уже возле самого входа на второй ярус меня поджидали два саркофага. Каменные ящики с массивными и, как видно, тяжелыми крышками. Ради любопытства я подошел к одному и прочел на крышке имя человека и дату его смерти. Парня похоронили семьсот с лишним лет назад. Помнится, когда мы еще были в Ранненге, Кли-кли настоятельно рекомендовал мне, как только я окажусь в Храд Спайне, поднять крышку и заглянуть внутрь саркофага. Проверить, правда ли там лежит покойник. Я не настолько

безумен, чтобы следовать глупым гоблинским советам. Надо быть настоящим силачом, таким как Медок, чтобы сдвинуть каменюку хотя бы на четверть дюйма. Да и огрести по ушам от того, кто сейчас спит вечным сном в саркофаге, можно в любой момент. Мертвых лучше не тревожить, особенно без всякой на то необходимости.

Так что я пошел своей дорогой, иногда, любопытства ради, останавливаясь возле того или иного гроба, чтобы узнать имя усопшего. Но любопытство вскоре иссякло, приходилось отчаянно вертеть головой, чтобы, не дай Сагот, не свернуть не в тот коридор, да и саркофагов стало так много, что если бы я читал имена всех усопших, то проторчал бы здесь лет десять.

Ящики иногда высились один на другом, поднимаясь до самого потолка, или прятались в нишах стен, сейчас больше всего напоминающих пчелиные соты. Причем очень часто на крышках саркофага оказывалось выдолбленное изображение покойного. Еще чаще, особенно в дальних от лестницы залах, мертвецов хоронили прямо в стенах, затем замуровывая ниши, или в полу, оставляя как напоминание о мертвом человеке могильные плиты.

Залам, коридорам, галереям, штольням, проходам, комнатам и лестничным пролетам, казалось, никогда не будет конца. И везде меня встречала кладбищенская тишина, многочисленные могилы и горгульи, провожавшие зашедшего сюда незрячими каменными глазами.

На первого мертвеца я наткнулся после долгих блужданий по второму ярусу, как обычно проигнорировав несколько лестниц, ведущих на третий ярус. (Я желал попасть на третий только через Створки, благо именно для этого у меня и имелся Ключ. А идти в любой проход мимо Створок ничем не лучше, чем сразу сигануть в омут головой или войти в горящий дом голышом.)

Покойник разлегся на полу, раскинув руки и ноги, явственно говоря, что он мертв уже не один месяц, о чем свидетельствовали изрядно истлевшая одежда и избавленные от плоти кости. Если честно, именно таких покойников я уважаю больше всего, потому как от них меньше всего неприятностей. Сей вид мертвецов всегда лежит — никого не трогает, не хрипит, не желает тебя съесть или сотворить еще какую подлость. Образцовый мертвец, в общем. А вот одежда его мне не понравилась, потому как она оказалась серо-синего цвета. Ясно, что это не какое-то гражданское платье, а военный мундир. Мундир гвардейца королевской гвардии. О том, что при жизни человек был военным, свидетельствовал и сломанный меч, валявшийся рядом с останками.

Как сюда попал гвардеец Сталкона? Что ж, вероятно, я способен ответить на этот вопрос — парень мог оказаться участником первой экспедиции, той, что отправлялась за Рогом Радуги еще зимой-весной этого года. Тогда на поверхность не вернулся никто, а Алистан Маркауз потерял в Костяных дворцах больше сорока своих людей. Этот парень был одним из них. А может, я и ошибаюсь и покойник — участник второй экспедиции, которая тоже нашла свой последний приют в мрачных глубинах подземелья.

Череп оказался расплюсчен, словно на нем усердно потоптался мамонт из Безлюдных земель. Интересно знать, что могло убить парня? Я наклонился, внимательно изучая покойника, и тут мой взгляд уткнулся в черную сумку, на которой лежал мертвец. А ну-ка, посмотрим, что там...

Я без всякой брезгливости (кости они и есть кости) отодвинул остов несчастного в сторону и поднял с пола сумку. Ткань от пропитавшей ее крови была жесткой и темной. В сумке лежала книга, но, увы, то, что в ней было написано, я разглядеть не смог — она оказалась почти вся залита кровью. Я попробовал перелистнуть страницы, но они слиплись, и лишь несколько из них поддались на мои настоятельные уговоры. Тьма! Ничего невозможно прочесть, хотя и видно, что книгу использовали для того, чтобы писать на полях.

... 6 м... та

попал в л... вушк...

М-да, ничего не разберешь. Может, на последних страницах дела пойдут получше? Посмотрим...

Пока я листал книгу, мне попалась еще одна едва-едва различимая надпись.

28 ...арта

Ст...рки заперт... ..бум найти обхо...й путь. Синий св...т несёт сме...ть!

Ага! Значит, отряд дошел до Створок, ведущих на третий ярус. Что за синий св... т? Сват? Свет? Или еще что-нибудь этакое? Посмотрим-посмотрим, что там дальше.

На последней странице не было ни капли крови, но единственная уцелевшая запись оказалась очень неразборчивой, и мне потребовалось небольшое усилие, чтобы прочитать закорючки. Казалось, что писавший очень торопился.

2 апреля

Лейтенант погиб, тварь расплющила его в лепешку. Сиарт и Шу ушли к лестнице, я попытаюсь задержать врага, да поможет мне Сагра.

Бедняга... Что же такое выползло к нему из глубин и разmozжило голову? Я с опаской осмотрел пустой зал и вход в следующий. Как и следовало ожидать, никаких страшилищ на горизонте. Что бы ни убило несчастного, оно уже давно ушло отсюда, поэтому, нисколько не таясь, я вошел в следующий зал. Здесь не было ни одного склепа, лишь высокие четырехгранные колонны с широким основанием. Казалось, им нет конца. Потолок здесь едва светился, и от этого зал казался бесконечным и мрачным. Я, стараясь держаться поближе к колоннам, быстрым шагом начал двигаться по залу. Тьма его знает, что на меня нашло, но это место мне жутко не нравилось. Я прошел где-то четверть пути, и вот тут-то и начались неприятности.

По всему залу разнесся страшный скрежет, и я, не ожидавший ничего подобного, замер. Восемь секунд оглушающей тишины, и вновь скрежет. За две колонны от меня на стене появились три длинные и глубокие царапины. Казалось, что чьи-то мощные невидимые когти прочертили на камне борозды. Я, не веря своим глазам, испуганно клацнул зубами, и тут же под все тот же безумный скрежет на ближайшей колонне появились новые царапины. От пронзительных звуков сводило челюсти.

Больше раздумывать и медлить я не стал и задал хорошего стрекача в обратном направлении. Колонна позади взорвалась облаком осколков. Что-то пребольно ударило меня в правое плечо, и я едва устоял на ногах.

Бум-м-м! Бум-м-м!

Тяжелые шаги и скрежет раздавались прямо за спиной, но я несся изо всех сил и не оборачивался. Колонны мелькали справа и слева, выход из зала сделался несравнимо далеким, с пояса соскользнула, казалось бы, так хорошо закрепленная веревка-паутинка и шлепнулась на пол. Не могло быть и речи, чтобы остановиться и подобрать ее — своя жизнь дороже всех волшебных веревок мира. Что бы за мной ни гналось, но дело свое оно знало, и еще три колонны позади меня лопнули каменным крошечком. Такое впечатление, что взбесившийся великан лупил по ним кулаками. Только вот какой надо обладать силищей, чтобы разнести каменную колонну толщиной с вековой дуб?

Я юркнул в зал, где лежал мертвец, перескочил через покойника, пробежал все помещение и остановился у дальнего выхода. Чем бы ни была эта тварь, но выход из колонного зала слишком узок для нее. Шаги приближались, но, клянусь Саготом, я никого не видел!

Вновь заунывный скрежет, а затем большая часть стены у входа в колонный зал пошла трещинами, застонала, словно живая, и рухнула горой обломков.

Бум-м-м! Бум-м-м!

Невидимое чудовище наступило на скелет гвардейца, разнеся того в мелкую пыль, и с явным намерением сделать то же самое с милягой Гарретом двинулось в мою сторону.

Не стану врать, я, кажется, взвизгнул, а затем бросился бежать. Просто бежать, не думая о том, куда следует поворачивать, и не опасаясь заблудиться. Сейчас надо спасти свою шкуру. Позади меня раздавались страшные "бум-м-мы" и грохот рушащихся стен. Я бросился в коридор, свернул налево, направо, вновь налево...

* * *

Грохот твари уже давным-давно затих, а остановиться не хватало смелости. Я понял, что заблудился, лишь в тот момент, когда бежать уже не было никаких сил. Послав все и вся во тьму, я уселся на пол и прислонился спиной к саркофагу. Будь что будет, но Гаррет больше бегать не намерен. Чем дольше носишься по полутемным коридорам, тем меньше шансов найти обратную дорогу. Плечо, куда угодил осколок колонны, ныло. Видать, теперь будет здоровенный синячище. Сейчас мне следовало отдохнуть, отдышаться и подумать, где я в данный конкретный момент нахожусь.

Собственно говоря, все начиналось так же невинно, как и на первом ярусе, и я излишне и непростительно расслабился, не ожидая никакой беды. Вот и доигрался! Мало того что заблудился, так еще и веревку потерял. А без паутинки назад не вернешься, милочка Лафреса обрушила лестницу, и восемь метров до потолка мне не преодолеть до тех пор, пока люди не научатся более-менее прилично летать. Перспектива подохнуть в Храд Спайне увеличилась в десятки раз. Пытаться вернуть веревку нет никакого смысла — не уверен, что смогу отыскать дорогу назад, да и соваться в логово Разрушителя стен не очень-то и хотелось.

Итак, выход под солнышко закрыт для меня на веки вечные. Если, конечно, не отыщется другой или не найдется новая эльфийская веревка-паутинка. То, что есть другие выходы из Костяных дворцов, я нисколько не сомневался. По крайней мере, существовало четыре центральных спуска в Храд Спайн. Восточный — тот, через который я вошел. Западный — где-то в самом сердце Заграбы, но до него идти сотни лиг. Еще было два входа возле отрогов Гор карликов, но с тех пор как в могильниках пробудилось зло, карлики завалили ближайшие к их королевству входы от греха

подальше. Так что о перечисленных спусках я могу забыть. Но кроме центральных должны быть и менее значительные входы. Обязательно должны быть, весь вопрос в том, смогу ли я их отыскать? Просто так бродить по первому ярусу и тешить себя зыбкой надежной на чудо в мои планы не входило, поэтому я извлек из сумки карты и при тусклом свете занялся кропотливым их изучением. Пришлось провозиться более получаса, чтобы отыскать старую лестницу первого яруса, ведущую на поверхность. По моим подсчетам, если лестница, конечно, сохранилась и продержалась все эти тысячелетия, от Створок до нее было две лиги по второму ярусу и пять лиг по первому. Огромное расстояние, но эта лестница лучше, чем совсем ничего. Что ж, после того как (то есть если) я смогу добыть Рог, у меня появится шанс выбраться из могильников, пускай я и окажусь за тьму-тьмущую от того места, где меня ожидает отряд. Но уж лучше я окажусь в совершенно незнакомой мне лесной чаще, чем подохну от голода в этих каменных унылых залах. (И какая только сволочь придумала сказку, что здесь невероятно красиво?)

Сейчас же основной проблемой и главным жизненным вопросом было то, что я не имел никакого понятия, в какой части второго яруса нахожусь. Панический забег наперегонки с Разрушителем стен полностью лишил меня ориентации в пространстве, и теперь в верном нахождении пути могут помочь только карты. Следовало найти какой-то приметный и необычный зал, затем отыскать его на карте и сориентироваться.

Задачка, на первый взгляд очень легкая, на самом деле оказалась очень непростой. В этом секторе все залы и все коридоры оказались похожи один на другой. Полутьма, захоронения и сотни горгулий. Чем дольше я бродил в каменном лабиринте усыпальниц, тем в большее отчаяние впадал.

Зал, коридор, комната, перекресток, зал, зал, коридор, полутьма и горгульи. Эти проклятые твари с мерзкими рожами нервировали меня почище чем сотня гоблинов-шутов, обкурившихся красавки. Ноги гудели, пришлось сделать очередной перерыв и перекусить. Я все еще нахожусь где-то на ярусе людей, но на стенах, как это было раньше, не наблюдалось ни одного указателя или пометки. По Храд Спайну я мотался уже полтора дня, но так и не смог добраться до Створок. А ведь где-то еще бродит Лафреса с прислужниками Хозяина. Будет крайне неприятно наткнуться на них в самый неподходящий для этого момент.

Наконец, когда я уже собирался взвыть во весь голос, чтобы хоть что-нибудь услышать в давящей на глаза полутьме, я вышел к громадному залу, где все саркофаги были установлены в виде огромной восьмиконечной звезды. При ближайшем рассмотрении зал тоже оказался в форме звезды,

но только пятиконечной. Вновь пришлось лезть за картами. Зал-звезду я нашел довольно быстро, его не заметил бы только слепой. Проследив по картам путь до Створок, я тихонько присвистнул. Да-а-а-лековато меня занесло. Топать и топать. И путь в отличие от пути, указанного магами Ордена на карте, казался несоизмеримо опаснее. Здесь не были указаны расположение ловушек. Все то, что я обходил за лигу, теперь могло находиться прямо у меня под ногами. Возвращаться назад не имело смысла — я так хорошо заплутал, что путь обратно и дальнейшее путешествие к третьему ярусу будут намного длиннее, чем дорога отсюда до Створок. К тому же я ни на миг не забывал о твари, едва не расшибившей меня в лепешку. Вот радости-то было бы, попадись я ей под ноги!

Я отправился в путь, между делом кляня почему свет проклятых магов, запрятавших Рог Радуги на такую несусветную глубину, строителей Костяных дворцов, создавших бесконечный лабиринт, тварей, которым не сидится на месте, и себя за то, что так плохо закрепил паутинку на поясе.

* * *

Не прошло и полчаса с тех пор, как я покинул зал-звезду, а в одной из смежных с коридором комнат что-то блеснуло. Этот блеск я заметил краем глаза, но подействовал он на меня, как запах травки-красавки на любителя этого зелья или как жирный червяк на голодного карася. То бишь я остановился как вкопанный и дважды протер глаза, дабы удостовериться, что у меня не внезапное видение. Протирание глаз нисколько не помогло — блеск никуда не делся.

Собственно говоря, в маленькой круглой комнатке стояли два каменных гроба, на крышках которых лежали мечи. Из коридора я не мог различить, насколько хорошо сохранились клинки, но, думаю, они были точно такими же, как в тот момент, когда навечно упокоились в подземелье вместе со своими хозяевами. Воздух здесь был сухой и очень теплый, так что ни о какой влаге и сырости, грозящей металлу ржавчиной, не могло быть и речи. Но тьма с ними с мечами. Такого барахла полно в любой оружейной лавке, пускай у лежащих на гробах клинках и были очень дорогие ножны. Мое внимание привлекло совершенно другое: на ближайшей ко мне каменной усыпальнице лежала самая настоящая корона. Тяжелый золотой обод, из которого вырастали маленькие золотые мечи. Но и золото сейчас было не главным. В короне находились камни — целых четыре штуки. Каждый размером с приличное голубиное яйцо. И камушки

эти мерцали насыщенным темно-синим цветом. Клянусь всеми богами и демонами, но таких булыжников не было даже в короне Сталкона, а оттого у меня возникло стойкое и непроходящее желание завладеть короной и выковырять из нее сокровище. Выходит, не врал людская молва, говорившая, что есть в Костяных дворцах несметные богатства, да такие, что им позавидуют некоторые королевские сокровищницы. Правда, меня немного смущал тот факт, что корона лежала на виду. А нет ли здесь какого-то подвоха?

Я осторожно заглянул в зал, внимательно изучая пол. Вроде ничего опасного, все плиты плотно подогнаны друг к другу.

В стенах никаких отверстий. Так что не стоит опасаться стрелы в брюхо или огненного шарика в задницу. Но вот потолок... Потолок был немного странноват. Он сужался в виде конуса, кончик которого был направлен точнехонько на саркофаг, где покоилась корона. Не знаю, может, это такая оригинальная задумка строителей — создавать замороженные потолки?

Жадность боролась с осторожностью, и жадность победила. Камни оказались для меня уж очень большим кушем, и я не мог оставить их лежать на могиле неизвестного мертвеца еще пятьсот лет. Я сделал аккуратный шаг и оказался в комнате. Еще один шаг. И еще один. Корона была все ближе и ближе.

Едва слышное "з-з-з" привлекло мое внимание. Я задрал голову и увидел, что по конусу растекается розовое сияние.

"Прочь!" — рывкнуло у меня в голове.

В два прыжка я вылетел в коридор, и в этот самый момент тоненький писк комара сменился визгом ошалелого гоблина, и ослепительный розовый луч, упавший с потолка, в один миг расплавил корону и развалил гробницу.

Из комнаты стеной повалила пыль, мелкая каменная крошка и прах, а я зло выругался, сетуя на потерю сокровища и на гадов, установивших ловушку. В глазах плясали яркие пятна, в ушах все еще стоял звон. Благодаря своей вселенской жадности я едва не отправился в свет. Спасибо Вальдеру — мертвый архимаг вовремя предупредил меня об опасности.

— Спасибо, Вальдер, — просипел я, но, как и следовало ожидать, в голове у меня молчали.

Душа погибшего на Закрытой территории мага не считала своим долгом общаться по пустякам. Я вздохнул. От Вальдера не было ничего слышно с тех самых пор, как я побывал в тюрьме Хозяина. Архимаг молчал уже больше трех недель, и я стал забывать о его существовании. Вальдер

появился как всегда неожиданно и как всегда в тот самый момент, когда моей шкуре грозила оч-чень большая опасность.

Пройдя несколько залов, я нарвался на новую ловушку, по счастью уже активированную. Короткий отрезок коридора с дырой вместо пола. Яма глубиной в три метра, утыканная острыми стальными шипами. Внизу лежал скелет, сквозь ребра которого, словно побегии молодых деревьев, торчали шипы. Бедняга не заметил ловушки и поплатился за это жизнью.

Проблема была в том, что Гаррет, увы, не блоха. Даже если я разбегусь, то не смогу преодолеть в прыжке пятнадцать с лишним метров. Реальность такова, что на половине полета рухну в яму. Тупик. Обходного пути нет, и либо я преодолею яму, либо придется потерять еще один день, чтобы возвратиться назад, а уже оттуда искать дорогу к Створкам.

При внимательном изучении провалившегося пола я увидел, что в стенах имеются широкие длинные щели, где вполне могли находиться исчезнувшие плиты. Значит ли это, что здесь какой-то скрытый механизм и если его активировать, то плиты встанут на свои места и закроют яму, предоставив мне возможность пройти дальше? Вполне вероятно. После дальнейших изысканий я заметил на потолке выступающий прямоугольный блок. А вот и разгадка. Сейчас до потолка мне было ничуть не ближе, чем до луны, особенно если учесть тот факт, что паутинка безвозвратно потеряна. Но оставался еще арбалет. Я прицелился и нажал на спуск. Болт щелкнул по стене рядом с блоком, высек искру и, отскочив, упал в яму. Ладно, попробуем по-другому. Я лег на пол, так чтобы выступающая часть потолка оказалась прямо надо мной, обеими руками поднял арбалет и нажал на спуск.

Звеньк!

Блок плавно и беззвучно утонул в потолке, слившись с ним в единое целое. В стене что-то тихонько загудело, а затем из дыр выползли плиты и ме-е-едленно двинулись навстречу друг другу. Я не стал ждать, когда плиты сомкнутся и создадут монолитный пол — слишком велика вероятность того, что ловушка окажется взведенной. Прыгнул на левую движущуюся плиту и, стараясь не хряснуться в яму, поспешил вперед. Я успел встать на нормальную поверхность до того, как плиты с глухим "п-ф-ф" сомкнулись. М-да-а-а. Теперь за спиной был абсолютно ровный пол. Как будто и не было никакой ямы с минуту назад.

Еще два зала и вновь коридор с узкими длинными прорезями в стенах, только на этот раз прорези находились на уровне моих бедер. Оч-чередной сюрприз, приberi его тьма! Выстрел болтом в пол к успеху не привел — все осталось без изменений. Я решил пойти другим путем и подошел к

разбитому саркофагу. Вот уж не знаю, кто постарался разбить крышку гроба, но теперь до останков можно было легко добраться. Желтый череп скалился на меня из усыпальницы. Я взял его в руки (думаю, покойнику все равно, что с ним делают) и бросил на пол коридора. Из дальних прорезей выскочили полукруглые лезвия, взвизгнули в воздухе, долетели до входа, щелкнули, остановились. Наступи я на пол, и меня тут же разрезало бы на двух маленьких Гарретов. В то время как лезвия исчезали в стене, а ловушка перезаряжалась для нового путника, я проскочил мимо и был таков.

Пока все уловки-западни выглядели излишне топорными, а это говорило лишь о том, что все ловушки — поделки людских рук. Думаю, эльфы и орки были бы намного изобретательнее в способах отправки в свет нежелательных посетителей священных дворцов.

Прошло довольно много времени, и усталость взяла свое. На этот раз я устроил себе гнездышко на руках большой и страшной горгульи. Пришлось потрудиться, чтобы залезть в сложенные чашей каменные ладони, но здесь я себя чувствовал, как у Сагота за пазухой. Пережевав половинку сухаря, сняв сапоги и положив под голову сумку, а под руку взведенный арбалет, я уснул как младенец.

* * *

Не знаю, сколько я проспал — в подземельях время течет незаметно. Ни солнца, ни звезд. Приходилось ориентироваться на голод и усталость, а если считать, что от усталости не осталось и следа, то вполне возможно предположить, что продрых я долго. По крайней мере, в животе требовательно урчало, и мне потребовалось запихать в него очередную половинку волшебной снеди.

От долгого лежания в каменных ладонях все тело затекло, и я с трудом встал, потянулся и надел сапоги. Пора было двигаться в путь, до Створок оставалось пройти не больше десяти залов. Я специально остановился и поспал, чтобы прийти к Створкам свежим и отдохнувшим. Первый и второй ярусы — это цветочки, а вот дальше в необозримой глубине меня ждали сюрпризы. И если все зло Костяных дворцов — это ловушки и невидимое чудовище, крушащее колонны, то можно сказать, что Гаррет легко отделался. Но вот интуиция почему-то говорила, что главные неприятности еще впереди.

— Ходим, ходим, ходим, а никакого толку! Ты понимаешь, что мы

заблудились в этих проклятых коридорах?!

Неожиданно прозвучавший голос заставил меня инстинктивно пригнуться, хотя, даже стой я во весь рост, меня бы никто не увидел. Сложенные руки горгульи служили великолепным укрытием.

— А все из-за тебя! — раздался второй голос.

— Из-за меня?!

— А кому приспичило отлить?! Из-за тебя все ушли дальше, и мы не смогли их найти! Какой же я дурак, что остался с тобой!

— Не паникуй. Милорд Балистан Паргайд своих людей не бросает.

— То-то последние восемь часов он нас так усиленно ищет, — фыркнул второй.

— Есть-то как хочется! Куда нам теперь идти?

— Один хрен! Давай вперед. Будь проклят тот день, когда я полез под землю!

— Граф обещал заплатить по сто золотых каждому.

— Покойникам деньги не нужны. А мы — покойники, все припасы остались у Лорга.

Голоса стали отдаляться, и я позволил себе подпрыгнуть, схватиться за край чаши-рук и подтянуться. Два воина, облаченные в кольчуги и при мечях, устало плелись в ту сторону, откуда я совсем недавно пришел. Заблудились бедные. Ну, туда им и дорога. Через два зала ловушка, которая расплющит их в кровавый блин. Выходит, что Балистан Паргайд и Лафреса добрались-таки до второго яруса. Неприятное известие. Надеюсь, они успели потерять достаточно людей в залах.

Я дождался, когда люди скроются в дальнем коридоре, спрыгнул вниз и поспешил своей дорогой. Здесь путь был прямой, словно улица Смотра, а значит, до первого перекрестка я могу идти совершенно смело. Два барана, только что протопавших подо мной, должны были активировать все ловушки, а так как они все еще живы, я вполне могу заключить, что ни одной западни на дороге не предвидится. Следующие шесть залов я преодолел бегом (на тот случай, если заблудившиеся решат вернуться назад). В седьмом зале, стены которого пестрели от черных провалов коридоров, ведущих во все стороны, я замешкался, покопался в бумагах и шагнул в четвертый по правую руку. Коридор выглядел по меньшей мере странно — семь шагов и резкий поворот налево, еще семь шагов и вновь налево, затем направо, и так достаточно долго. Эдакая ломаная змейка, построенная руками безумного ребенка. К тому же здесь было настолько узко, что в некоторых местах приходилось угрем продираться между сдвинувшихся стен.

Я возблагодарил Сагота, когда оказался у лестницы. Здесь меня встречали два каменных изваяния. Знакомые твари — полуптицы-полумедведи. Интересно, в чьей больной голове родилась мысль придумать таких образин? Уж точно не в человеческой. Чем ниже я спускался по ступенькам, тем выше поднимался потолок и тем темнее становилось вокруг.

Лестница кончилась, и я оказался в зале. Огромном. Необъятном. Совершенно темном, хоть глаза выкалывай. Я уже было собрался лезть в сумку за "огоньком", но тут пол тихонько засветился и прямо из-под ног куда-то вдаль побежала ярко освещенная дорожка. Снова магия, но эта хотя бы не грозит мгновенной смертью. Дорожка все бежала и бежала, указывая путь, а затем остановилась у дальней стены, и тут же на стене вспыхнул большой прямоугольник. До него было так далеко, что я поначалу не понял, что это такое, а когда понял... Когда понял, возблагодарил Сагота. Впереди сияли Створки.

Глава 5

Сквозь дремлющий мрак

Шаги громким эхом отпрыгивали от пола, выложенного белыми мраморными плитами, и словно летучие мыши, испугавшиеся света факела, метались под потолком, отражаясь и множась. Идя к Створкам по освещенной дорожке, я начал сомневаться, что плиты под ногами сделаны из обычного мрамора. Насколько я знаю, светящегося мрамора в природе не существовало. Меня так и подмывало сойти с тропинки в полумрак, чтобы быть менее заметным, но, тьма меня возьми, световая дорожка ведь специально создана для того, чтобы по ней шли пришедшие сюда, и Сагот знает, что меня ждет, если я сделаю в сторону шаг. Створки становились все ближе и ближе, но на них я почти не смотрел. Меня больше заботило то, что плиты, по которым я проходил секунду назад, тускнели, темнели и гасли. За моей спиной крадется темнота. Не очень-то приятное ощущение. Стен зала я не видел, они тонули в черной бархатистой мгле и были недостижимы для света, излучаемого дорожкой.

Перед самыми Створками неровным полукругом светились сразу два десятка плит, образующих площадку метров в двадцать в поперечнике. Отсюда вправо и влево от Створок отходило два коридора с высокими потолками, где мерцали маленькие голубые огоньки, заливающие ходы бледным голубоватым светом, переходящим в дымку точно такого же цвета. Куда вели эти два абсолютно идентичных хода, я не знал. В бумагах старой башни Ордена о них не было ни слова.

К Неназываемому таинственные коридоры, я не собирался устраивать по ним ознакомительные прогулки, сейчас в целом мире существовали только я и Створки, возвышавшиеся надо мной на высоту семнадцати метров. Я снял с руки перчатку и осторожно коснулся ладонью поверхности Створок. Они оказались теплыми, словно в них жил какой-то внутренний жар, и в то же время ледяными, как будто их вырезали из единой глыбы темного льда. А еще они были очень гладкими. Я даже не стал предполагать, из какого материала их сотворили, но внешне он был очень похож на черное непрозрачное стекло. Готов поспорить на выручку от ста будущих Заказов, что, стучи по Створкам хоть рота великанов, хоть армия магов всех мастей — преграда даже не дрогнет. Эльфы сотворили великолепную вещь, и тому, кто не владел Ключом, проход дальше был заказан (представляю, как взбесились орки, когда обнаружили, что самый

легкий и быстрый путь к гробницам их предков оказался заперт эльфами до скончания веков).

Сейчас Створки едва сияли темно-синим светом, но даже он несколько не мог помочь мне отыскать то место, где одна Створка соприкасалась с другой. Я встал у края Створок и, приложив к ним руку, прошел все десять метров от одного края до другого. Ни-че-го. Абсолютно ровная, совершенно цельная поверхность, если не считать искусно выполненных на ней мастерами-скульпторами темных и светлых эльфов изображений, повествующих о схватках своего народа с Первыми. Изображения поражали своей красотой, выразительностью и вниманием к мелким деталям. Вот эльф, вооруженный с'кашем, опустил ногу на тело поверженного противника. Складывалось впечатление, будто все изображенное неизвестными скульпторами происходит у тебя на глазах. Фигуры казались живыми, был виден каждый волос, каждое колечко кольчуги, каждая морщинка в уголках глаз уже немолодого эльфа. А вот исполинский дуб. Можно разглядеть каждый листочек, каждую щербинку на толстой коре. Связанные орки висят на нем вниз головой, в раскосых глазах стынет вселенский ужас. Внизу стоят эльфы. Много эльфов. Насколько я знаю расу Вторых, ребята собираются устроить оркам Зеленый лист.

Все это, конечно, впечатляло, но на Створках не было самого важного — замочной скважины, куда следовало вставить принесенный мною Ключ. Я проглядел все глаза, два раза прошел из угла в угол, но не нашел ни одной зацепки. Мало того что меня немного нервировал окружающий мрак огромного зала и голубая полумгла двух коридоров, так еще и со Створками было что-то не так. Самое досадное, что я никак не мог понять, что же так меня смущает с того самого момента, как я к ним подошел. Это "что-то" постоянно от меня ускользало, может быть оттого, что я слишком сильно волновался, находясь перед одной из великих легенд этого тысячелетия.

Спокойно, Гаррет, спокойно. Давай трезво оценивать ситуацию. Ключ у тебя, и его создали именно для того, чтобы отомкнуть Створки. Значит, он ДОЛЖЕН их отомкнуть, а тебе надо всего лишь поднапрячь то, что находится у тебя в башке, и найти замочную скважину. Я зашел и так и эдак, и сяк и не сяк... Пусто. Может, это такая эльфийская шутка — создать неоткрывающиеся Створки? Тогда какой тьмы они пыжились и связывались с карликами, чтобы те сделали Ключ? Ведь не для собственного же удовольствия? Была бы жива Миралисса, и все оказалось бы намного легче и проще. Эльфийка могла знать что-то такое, чего не знал

Эграсса. Просто держала тайну до того момента, как мы придем к Храд Спайну, но сказать ее так и не успела...

Разгадку я все же нашел. Она крылась в фигурах, изображенных на Створках, а точнее, в одной из них. В левом нижнем углу был изображен высокий эльф. Правая рука протянута вперед, ладонь открыта, а в ладони почти незаметная из-за цвета материала — стекла — выемка. Даже не выемка, а так, маленькая бугристость, теряющаяся среди десятков выдавленных в Створках фигур. Размеры выемки как раз подходили для того, чтобы положить туда ключ.

Выудив из-под рубахи цепочку, где болтался тонкий и изящный льдисто-хрустальный Ключ, я вложил его в ладонь эльфа. Ключ мигнул фиолетовым, и вся фигура эльфа на миг засияла. Из прозрачного Ключ стал точно такого же цвета, как и Створки. Эльфийский артефакт слился с ними в одно целое. Затем ровно посередине огромных ворот снизу вверх пробежала светящаяся фиолетовая линия, и Створки медленно и абсолютно бесшумно принялись раскрываться в мою сторону. Пришлось отступать назад, чтобы какая-нибудь из них меня не задела. В груди что-то тихонько лопнуло, и я понял, что узы, которыми Миралисса связала меня и Ключ, порвались. Ничего удивительного: я же отомкнул Створки, и теперь узы больше не нужны. Ключ сделал свое дело.

— Узы были крепки, — промурлыкал Ключ. — Беги!

Бежать? Но они же еще не раскрылись?

— Беги прочь! Запах врага! Узы были крепки! — напоследок шепнул Ключ и замолк.

Запах врага? О чем он говорит?

Я принялся и почувствовал слабый запах клубники. Лафреса!

— Убейте его! — рявкнул из темноты мужской голос.

Может, местами я плохо соображаю, может, я туп как пробка, может, я не умею владеть мечом, но одного у меня не отнимешь — когда прижмет, я мыслю со скоростью молнии, а бегаю еще быстрее. Не верите? Что ж, спросите у доблестной стражи Внутреннего города, сколько раз они смогли меня догнать. Не думаю, что они ответят вам правду, но так и быть, скажу сам. Меня еще никому не удавалось поймать (исключая того памятного случая, когда за дело взялся барон Фраго Лантэн и я получил нынешний Заказ).

Когда граф Балистан Паргайд проорал команду, я уже находился далеко от Створок и что было сил улепетывал по левому коридору. В отдалении кто-то орал, что меня надо догнать, другие требовали, чтобы я немедленно остановился или хуже будет. Естественно, я даже не думал

останавливаться. На мое счастье, у поджидавшего, пока я открою Створки, отряда не было при себе арбалетов, иначе бы я уже отправился в свет. Теперь им оставалось только одно — догнать меня и продырявить. Естественно, я не собирался принимать участие в столь неприятном процессе и, услышав за спиной голоса преследователей, поднажал еще сильнее. У меня было небольшое преимущество перед шакалами Хозяина — я сорвался с места намного раньше, чем они, да и бегать в кольчугах и при мечах немного тяжелее, чем без оных.

Я несея по нескончаемому коридору, залитому голубым светом, молясь Саготу лишь о том, чтобы он даровал мне перекресток, дабы я смог запутать следы. Как назло, по пути не было ни одного ответвления, лишь коридор раздвинул стены в стороны, приподнял потолок и погасил каждый второй голубой огонек. Стало еще мрачнее, видимость ухудшилась, создавалось ощущение, что я бегу по призрачному миру, купаясь в голубоватой патоке дымки. Сине-голубой свет вызывал ощущение нереальности происходящего, я попал в иллюзорный мираж сна, который никак не хотел кончаться.

Фш-ш-ш... Фш-ш-ш... Ф-ш-ш-ш...

Огоньки под потолком проносились надо мной яркими размытыми пятнами. Пол здесь, как и в Створчатом зале, был выложен белой мраморной плиткой с золотыми прожилками, но, по счастью, не светился. Топот преследователей, впрочем, как и их воинственные вопли, был прекрасно слышен. До идиотов пока еще не дошло, что громко орать в местах вроде Храд Спайна опасно для здоровья. Фора у меня есть, и я позволил себе оглянуться назад, дабы оценить шансы выжить в сегодняшнем забеге. Коридор залит густой голубой дымкой, и видно не далее чем на пятьдесят шагов. А я оторвался на гораздо большее расстояние, так что в поле зрения пока никого не наблюдалось.

Раздумывать нет времени — псы Балистана Паргайда вот-вот будут здесь, и тогда меня сможет спасти одно лишь чудо. По стенам коридора тянулись широкие бордюры, с которых на меня скалились каменные горгульи, каждая высотой в два человеческих роста. Скульптор изобразил тварей совершенно одинаковыми — у всех головы в виде человеческих черепов и неестественно длинные руки с тремя пальцами. Горгульи наклонились над дорожкой, и казалось, что еще секунда — и какая-нибудь из скульптур оживет и спрыгнет вниз. То, что я задумал, вполне могло пройти.

Я вскочил на бордюр, закинул ногу на бедро горгульи, подтянулся, вцепился в шею статуи и спрятался между ее спиной и стеной коридора.

Великолепное место. Во-первых, вряд ли преследователи станут смотреть вверх. Во-вторых, меня не видно, а в-третьих, я все прекрасно видел.

На секунду мне показалось, что каменная спина горгульи едва заметно дрогнула. Естественно, это полная чушь, в голубом мареве могло привидиться и не такое. Я извлек из-за спины арбалет и принялся ждать гостей.

Спустя десять долгих, но отнюдь не томительных секунд появились преследователи. Граф Балистан Паргайд снарядил в погоню четверку воинов. Эти ребята ничем не отличались от тех двоих, что заблудились в лабиринте второго яруса. Кольчуги, мечи и свирепое желание догнать некоего Гаррета, переживающего опасность за спиной статуи. Как я и думал, парни даже не удосужились посмотреть по сторонам. Все их силы были направлены на вопли и размахивание мечами. Четверка пробежала мимо моего укрытия и с победными криками скрылась в голубой дымке. Что же, пускай догоняют, бег, как говорят, полезен для здоровья. А я лучше посижу здесь и подожду, когда они набегаются и уберутся подальше.

Как же все-таки мастерски провела меня Лафреса! Хотя я сам виноват — недооценил опасного противника. А ведь знал же, что она не последняя фигура в играх Хозяина и к тому же еще и волшебница каких поискать! Так что ничего удивительного, что женщина смогла найти дорогу к Створкам и избежать ловушек, а также подготовить для меня встречу. Не буду даже предполагать, как она догадалась, что я тоже достигну Створок, но выводы служанка Хозяина сделала правильные. Без Ключа ей не удалось отомкнуть Створки, поэтому Лафресе оставалось только одно — ждать, пока олух, связанный с Ключом узами, не отомкнет для нее Створки. Я поступил так, как она и предполагала, и тогда уж вступили в игру люди Балистана Паргайда, жаждущие моей кровушки. Да, возле Створок витал слабый запах клубники, он смущал меня, но внимание на него я не обратил, и если бы не волшебный Ключ...

Долгий и ни с чем не сравнимый вопль боли и ужаса потряс коридор, заставив меня испуганно икнуть. Шаткое мгновение тишины, а затем еще один захлебывающийся крик. И еще один. Волосы на голове зашевелились и встали дыбом. Я как можно теснее прижался к спине горгульи, пытаясь раствориться в воздухе.

— Спаси меня, Сагра! Спаси меня, Сагра!!! А-а-а-а!!! Спаси меня, Сагра!!!

С криками и мольбами из дымки выскочил человек. Единственный из той четверки, что совсем недавно преследовала меня. Человек отбросил меч и что было сил несясь обратно к Створчатому залу, призывая на помощь

Сагру. Как и следовало ожидать, богиня войны не откликнулась на призыв человека. Зато откликнулся кое-кто другой. Горгулья, находящаяся на противоположной от меня стороне коридора, повернула голову на вопли воина. Поначалу я даже подумал, что это обман зрения, вызванный странным светом, заливающим коридор, но вот шевельнулись пальцы на руках, дрогнули плечи, и, когда человек пробежал под ожившей горгульей, каменный монстр проворно спрыгнул с бордюра и всей тяжестью обрушился на воина.

Кляк!

От парня осталось мокрое место, он даже не успел понять, что его убило. Длинные каменные руки чудовища приподняли тело за ноги, размахнулись и ударили мертвеца головой о бордюр. Раздался звук треснувшего ореха. Камень окрасился темным. Все так же молча горгулья вернулась на свое привычное место и застыла в прежней позе, вновь обратившись в безжизненный камень. Будто и не было той страшной картины, что я увидел минуту назад. Я старался успокоить бешено колотящееся сердце, но это было выше моих сил. Сохрани Сагот, никак не могу оторвать взгляда от чудовища, убившего человека! Но тварь не шевелится и не подает признаков жизни. Как же, меня теперь не обманешь!

Спина горгульи, за которой я все это время прятался, вновь едва заметно дрогнула. Да нет, почудилось... Или НЕ почудилось? Я не дышал. Голова на каменной шее пришла в движение...

Я говорил, что, когда крепко прижмет, старина Гаррет соображает быстрее молнии? Ах говорил! А я, случайно, не рассказывал, что бегаю очень быстро? И это было? Тогда ничего удивительного, что во время этой канители я мог забыть все сказанное ранее.

Итак, я что есть сил неси к Створчатому залу, а где-то у меня за спиной просыпалась от долгого сна горгулья. Конечно же я не собирался дожидаться пренеприятнейшего момента полного пробуждения каменного монстра и сделал ноги, прежде чем меня успели схватить.

Фш-ш-ш... Фш-ш-ш... Ф-ш-ш-ш...

Голубые огоньки слились в длинные росчерки. Сейчас мне приходилось бежать в обратном направлении. Во тьму Лафресу и Балистана Паргайда с его людьми! Как-нибудь прорвусь! В Створчатом зале у меня был хоть какой-то шанс, хоть какая-то капелька удачи и внезапности, а беги я в противоположную сторону — гарантированно попаду в свет. Да и сквозила у меня в голове одна глупая идея: выскочи я к Створкам и горгулья вполне способна обратить свое внимание на кого-нибудь из людей Паргайда и забыть про меня. Немного эгоистичный

поступок, но эффективный, с этим не поспоришь.

По коридору разносился скрежет каменных когтей. За мной несло что-то большое и очень недружелюбное. Я поддал скорости, дабы не оказаться в каменных объятиях преследователя. Горгулья, стоявшая впереди, потянулась и стала слезать с бордюра, но я уже пролетел мимо, не давая очередному ожившему порождению тьмы опомниться. До выхода из коридора уже было недалеко, но дорогу мне преградила третья тварь. Горгулья с горящими голубыми угольками вместо глаз встала прямо на моем пути. Остановиться сейчас — совершить большущую и непростительную глупость, поэтому я камнем рухнул на пол, проехал на животе по мраморной плитке и прошмыгнул между ног твари. Вроде бы та даже не успела ничего понять. Я вскочил и дал деру. За спиной раздался жуткий грохот — это преследовавшее меня чудовище не успело остановиться и врезалась в горгулью, под которой я так ловко проскользнул.

Коридор выплюнул мою быстроногую светлость обратно в Створчатый зал. Светящийся пол возле Створок. Тьма в глубине зала. И никого. Так я и думал: Балистан Паргайд не стал дожидаться, когда его люди меня укокошат, и пошел к третьему ярусу, благо, на его счастье, один идиот успел отомкнуть Створки. Сдавленное разочарованное стенание донеслось до меня из коридора. Я обернулся.

Купаясь в лучах голубого света, на границе коридора и Створчатого зала стояла горгулья. Стояла и смотрела на меня. Смотрела в бессильной ярости того, кто не может достать принадлежащее ей по праву сильного. По праву охранника. Секунда — и горгулья, развернувшись, потопала назад, так и не решившись переступить через границу голубого света.

Я облегченно крикнул и попытался отдышаться. Недаром в дневнике убитого гвардейца было написано, что синий свет несет смерть. Фу! Так, неровен час, и помереть можно. Кли-кли меня предупреждал. Гоблин частенько насмехался и говорил, что если я выживу в Костяных дворцах, то они запомнятся мне именно беготней. От одного убежишь. Потом от другого. Затем от третьего. "Замечательная" вещь эти Костяные дворцы!

Я едва не упустил момент, когда Створки стали закрываться. Все это происходило абсолютно бесшумно, и когда я обратил внимание на волшебные ворота, они уже закрылись на четверть. Так недолго и здесь остаться! Я бросился к ним, лихорадочно ища фигуру эльфа, в руке которого я оставил Ключ. Створки продолжали безжалостно закрываться. Тьма! Нужен Ключ! Эграсса оторвет мне голову, если я вернусь назад без эльфийской реликвии! Тьма! Тьма! Тьма! Тьма! Сожри мои мозги демоны

бездны! Ладонь эльфа была абсолютно пустой! Проклятая Лафреса забрала Ключ!

Не время посылать проклятия небесам — между Створками осталась небольшая щель, и я бросился вперед. Иначе, чтобы попасть на третий ярус, мне придется прогрызть дыру в Створках зубами.

Я успел. Угроза быть раздавленным сдвигающимися Створками заставила меня пошевеливаться, и я выскочил на другую сторону, словно пробка из бутылки игристого вина. Створки бесшумно сомкнулись за мной, не оставив каких-либо шансов вернуться назад этой дорогой. Теперь или я отниму ключ у Лафресы (что невероятно), или пройду через бездну ужаса и найду другой выход (что еще менее вероятно). Мне оставался единственный путь вперед и только вперед, надеясь, что какая-нибудь добрая душа пришибет волшебницу и я сниму с ее тела ключ.

* * *

Прижавшись спиной к гладкой черной поверхности, я вглядывался в темноту. Перед Створками еще жил какой-то мало-мальский свет, а вот дальше... Через тридцать шагов уже ничего не было видно. Густой бархатистый мрак. Я стоял на едва освещенной гранитной площадке шириной чуть больше Створок и длиной шагов в пятнадцать. Вся площадка усыпана костями по самое не хочу. Слева и справа пол переходил в стены пещеры, уходящей во мрак. Потолка не видно, он слишком, он чудовищно высок и отсутствие яркого света надежно скрывало его от моих глаз. Площадка с неровными обломанными краями срывалась в бездну, залитую пустотой. Похоже, Створки впустили меня в непостижимо огромную естественную пещеру, обнаруженную строителями Храд Спайна множество тысячелетий назад. Третий ярус намного ниже того места, где я сейчас нахожусь, и к нему ведет каменный мостик, начинающийся от волшебных ворот и кончающийся где-то там. Мне придется пересечь пещеру по мосту. М-да... Не очень обнадеживающая перспектива, особенно если учесть, что мост всего четыре шага в ширину и у него отсутствует всякое подобие перил. Как бы не свалиться, а то буду лететь вниз, пока не помру с голоду. Не вовремя проснувшееся любопытство заставило меня поднять с камней то, что раньше было плечевой костью, и бросить это в бездну. Я тут же пожалел о своем минутном порыве — мало ли кого можно растревожить брошенной косточкой. Жалеть жалел, но считать не забывал, авось узнаю глубину бездонной пещеры. Я бросил

считать на девяносто трех, поняв, что так ничего и не услышу. Если кость и упала, то расстояние оказалось слишком велико, чтобы мои уши смогли расслышать звук удара.

С тех пор как захлопнулись Створки, прошло больше пятнадцати минут, и пора двигаться в путь, отринув на время соображения о том, как мне выбираться обратно. Сейчас я попросту тянул время и не спешил вступать на мост. Спорю на полновесный золотой, что мост длиннее, чем жизнь огра, а между тем никаких опор, отходящих от него вниз, я не видел. На чем держится весь этот вес? Какая магия заставила камень превратиться в узенький мост? Да и слуги Хозяина все еще могли быть где-то поблизости, а встреча с ними на площадке шириной в четыре шага фатальна для здоровья. Лафреса, Балистан Паргайд, Бледный и еще дюжина людей. Думаю, они как никогда будут рады меня видеть. С одной стороны, наткнись я на них, и как пить дать произойдут неприятности. С другой стороны, упусти я их сейчас и потеряй в лабиринте дворцов и залов, и о Ключе можно забыть. Как и о шансе вернуться из глубин под солнечные лучи. Нечего раздумывать! Надо действовать! Как там дальше в стишке-загадке?

А дальше — иди же! Распахнуты Створки.

В Уснувшего Шепота залов покой.

Здесь мозг человека, и эльфа, и орка.

В безумии гаснет... Погаснет и твой.

Очень обнадеживающая перспектива, особенно если учесть, что Створки отнюдь не распахнуты, а до залов Уснувшего Шепота предстоит долгий путь по тонкой каменной нитке, протянувшейся между мраком и бездной.

Я отбросил колебания, зажег "огонек" и, вступив на мост, пошел вперед. Стараясь идти посередине и не смотреть вниз, я держал волшебный фонарик на вытянутой руке и втайне от самого себя надеялся, что свет во мраке не привлечет ко мне излишнего внимания недружелюбных личностей, которые вполне могли здесь обитать. Прямой словно струна мост, и идти было в общем-то удобно, надо всего лишь забыть о том, куда забросила меня нелегкая, и не подходить к краю. Тишина и тьма. Тьма и тишина. Как описать Костяные дворцы, если выбросить слова тьма, тишина и полумрак? Никак. Потому что Храд Спайн — это именно тьма подземелий, тишина древних могил и полумрак, властвующий в мрачных залах, иногда освещенных непонятным образом.

Сейчас каждой частичкой своего тела я ощущал неизмеримое давление тьмы, тишины и нескольких лиг камней, земли и — Сагот знает

чего еще. "Огонек" едва-едва прогонял мрак и высвечивал мост на семь шагов вперед и на семь шагов назад. Света было недостаточно, и я чувствовал себя одинокой букашкой, оказавшейся за пазухой у демона. Мост имел едва заметный уклон, и постепенно я спускался все ниже и ниже. Здесь было прохладнее, чем на втором и первом ярусах, но в коридорах и залах частенько ощущались откуда-то берущиеся сквозняки, а в пещере не чувствовалось ни дуновения.

Далеко-далеко впереди полыхнула быстрая череда молочно-белых вспышек. Отсюда вспышки казались миганием крохотной раскалившейся песчинки. Но этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы я остановился как вкопанный и сжал "огонек" обеими руками, чтобы его свет не был виден. Теперь свет "огонька" пробивался сквозь пальцы и освещал руки и лицо бледно-розовым светом. Еще одна череда молочно-белых искорок. Отсюда до них больше тысячи метров. Три долгих томительных минуты я слепо вглядывался во мрак, но вспышки больше не повторялись. Чего бы там ни напридумывала Лафреса (а я уверен, что это ее проделки), все было кончено. Я сел, скрестил ноги и на всякий случай выждал еще десять минут, пропуская идущий впереди меня отряд вперед. Это не лишняя предосторожность, пускай слуги Хозяина не подозревают о моем присутствии и считают, что я остался где-то за Створками. Теперь я несколько не беспокоился, что люди увидели свет "огонька", — слишком велико расстояние между мной и компанией Балистана Паргайда. "Огонек" по сравнению со вспышками магии Лафресы — это все равно что уголек супротив пламени лесного пожара.

Минут через двадцать ходьбы я услышал ровный тихий гул. Так гудят растревоженные пчелы в улье, так гремит вода, падая с большой высоты. Но до источника непонятного шума надо было еще дойти, и я шел, шел и шел. Все ниже, ниже и ниже. Прямой мост, незнамо как державшийся под гнетом времен, едва заметно опускался, теперь я оказался метров на триста ниже, чем Створки. Чем дальше я шел, тем сильнее становился неизвестный гул.

Тело одного из воинов Балистана Паргайда лежало прямо на дороге, вся поверхность камня была щедро залита свежей кровью. У покойника отсутствовала голова. На мосту ее тоже не наблюдалось, из чего я заключил, что она свалилась вниз. Думать о том, с какой стати человек потерял голову, не приходилось. Видать, излишне горячий граф снес ее у послушавшегося приказа слуги. Правда, это не очень похоже на Паргайда. Не его стиль. Скорее уж тут поработал мой дружок Бледный. Морщась, как от зубной боли, я наступил сапогами в кровь и перешагнул через мертвеца.

Теперь придется искать воду, чтобы вымыть обувь. Многие твари чуют вожденный аромат за лигу, и привлекать к себе внимание без всякой на то нужды не стоило.

Я бросил невольный взгляд на мертвеца и замер. Что за меч снес голову несчастному? Если это меч, то он был самым тупым во всем мире. Срез оказался неровным, кожа свисала лохмотьями, мясо местами вырвано, позвонки... Все было измочалено, как будто кто-то просто оторвал человеку голову. Я наклонился над телом и поднес к нему "огонек", дабы лучше рассмотреть рану. Это меня и спасло.

Из мрака выскользнуло нечто, просвистело надо мной и вновь исчезло в темноте. От неожиданности я едва не свалился с моста. Выпрямившись и озираясь по сторонам, я испуганно размахивал "огоньком" из стороны в сторону, стараясь разогнать темноту. На этот раз я услышал хлопанье крыльев и вовремя отскочил в сторону. Страшные когти, собиравшиеся оторвать мне голову, загребли воздух. Существо издало разочарованный скрежет и вновь упорхнуло во мрак. Я бросил источник света на мост и, присев на землю, лихорадочно принялся отцеплять арбалет. Арбалет, конечно, не магия Лафресы...

Теперь оно упало на меня сверху, издав вопль победителя. Я откатился в сторону, чуть не рухнув с моста. Существо отчаянно забило крыльями, чтобы не врезаться в твердую поверхность, и я тут же выстрелил. Естественно, промазал, и тварь соскользнула куда-то вниз.

Пока я разбирался с первой, вторая бестия появилась в круге света, и мне пришлось прыгнуть вперед, чтобы избежать встречи с ее когтями. Вновь разочарованный скрежет-крик. А теперь представьте, каково это — заниматься акробатическими трюками на узенькой площадке. Мне едва-едва хватало места, чтобы разминуться с летунами. Я схватил "огонек" и побежал вперед, питая надежду, что твари от меня отстанут. Как же! Размечтался!

Хлопанье крыльев за спиной известило о приближении преследователя. Я рухнул на мост, тварь, обдав ветерком, пронеслась надо мной, и прежде чем она успела вылететь из круга света, второй болт, остававшийся в арбалете, вонзился в нее. Существо издало скрежет боли, рухнуло на мост и в конвульсиях застучало перепончатыми крыльями. Вторая тварь, забыв про меня, упала на своего недавнего товарища и принялась вырывать из умирающего здоровенные куски мяса. Я недолго думая достал два коротких болта, уложил их в арбалетные ложа, потянул рычаг, взводящий тетивы, и, прицелившись, вбил оба болта в голову твари. Та незаметительно подохла, за что я поспешил выразить Саготу горячую

благодарность.

На поверку летуны оказались не такими уж и большими. Чем-то похожие на летучих мышей, с длиннющими перепончатыми крыльями, маленькими телами, головой с подковообразным носом, большими ушами и огромными черными плоскими глазами. Зато вот коготки задних лап размерами могли поспорить с приличными кинжалами. Каждое существо было едва ли крупнее средней собаки. Но самое удивительное, что летучие мышки оказались обычными живыми существами без всякой примеси магии. Интересно, чем они тут питаются, когда по мосту не ходят люди? Ведь не каждый же век повезет оторвать голову у ничего не подозревающего путешественника? Брезгливо сморщившись, я ногой спихнул оба создания в бездну и поспешно пошел дальше, держа арбалет наготове.

Лафреса небось неплохо поработала и пожгла уйму таких вот порхающих в непроглядной темноте тварюшек, но не стоило задерживаться, потому как незнамо сколько бестий уцелели и желали полакомиться свежим мясом. Я вновь двинулся по мосту, думая о том, что должен же он когда-нибудь кончиться.

* * *

Гул превратился в грохочущий рокот, рокот сменился громом, гром перешел в рев. В воздухе витала свежесть и почти неосязаемая водяная пыль. Теперь я знал, что там, впереди. Водопад. Не было ни времени, ни желания выяснять, откуда он здесь взялся. Очень незаметно стало светлеть. Из призрачной тьмы появились стены. Они слабо сияли мертвенным бледно-зеленым светом. Стены пещеры сдвинулись, где-то высоко-высоко заискрился неровный потолок. Рев стоял неопишуемый, стены сомкнулись еще больше, от моста до них было не более сорока метров. Влага, висящая в воздухе, росой оседала на одежде и холодила кожу. От гула падающей воды грозила расколоться голова. Мост стал мокрым, и камень блестел в свете "огонька". Слава Саготу, что здесь не скользко, а то зазеваюсь и загремлю вниз. Еще двести метров, и вот они — водопады. На правой и левой стене появились огромные, метров в тридцать гротескные головы полуптиц-полумедведей. Пасти-клювы широко раскрыты, и из них с ревом вырываются потоки воды. Водопад по правую и водопад по левую руку. Черная вода, едва различимая в бледно-зеленом свете, царящем в пещере, ревела, бесновалась и неслась куда-то вниз. Я поравнялся с головами на

стенах и за несколько секунд промок до нитки (к тому же еще и оглох). Откуда здесь вода? Какой-то подземный приток Иселины или что-то совершенно другое? Мне сразу же вспомнилась легенда про Реку Мертвых, текущую в мрачных глубинах земли и несущую души грешников во тьму.

Сагот! Когда я проходил мимо ревущих как сто тысяч демонов бездны водопадов я боялся, что или оглохну на веки вечные (про припасенные затычки для ушей я и думать забыл), или меня сметет водяным потоком. Казалось, протяни руку — и дотронешься до одного из двух водопадов. Да и головы уже не раз виденных птицемедведей грозили поразить чужака или хотя бы напугать до мокрых штанов. Впрочем, штаны-то как раз у меня и вправду были мокрыми, как и вся остальная одежда.

Водопады подземной реки остались позади, провожая меня затихающим гулом. Стены вновь разошлись, их бледно-зеленый свет погас, приглашая прийти мрак (последний не преминул воспользоваться приглашением и тотчас явился).

Тьма меня заберет, но я зверски устал и поэтому расположился прямо на мосту, решив перекусить. Заодно пришлось раздеться и отжать пропитанную влагой одежду. Я мелко дрожал и ежился после невольного купания в брызгах водопада. Затем, приведя свой гардероб в более-менее божеский вид, пришлось уделить внимание желудку, и я добыл изрядно промокший сухарь. "Огонек" в последний раз мигнул и погас. Я ругнулся и зажег новый. Сколько же времени я прусь через мост? По моим подсчетам, с тех пор, как я оказался в Храд Спайне, прошло почти три дня, а я до сих пор где-то между вторым и третьим ярусом.

После краткого отдыха пришлось продолжить движение. Мост к этому времени перестал быть прямым и принялся закручиваться серпантинном, ускоряя мой спуск. Серпантин прервался провалом. Дальше моста не было. Точнее, он был, но только через два метра, а между двумя половинками лежала пустота. Пришлось отходить назад и штурмовать маленькую пропасть с разбега. Миг, и бездна, мелькнув под ногами, уступила место твердой поверхности. Еще пять раз мост заканчивался провалами, но они были не более полутора метров в длину, и я без всякого труда преодолел опасные участки. Очень странно, что мост обрушен, и еще более странно, что его отдельные половинки без всяких опор держатся в воздухе, словно прибитые невидимыми гвоздями.

Спустя вечность стены вновь сошлись, мост сделал последний виток, и передо мной показался выход, а точнее, вход на третий ярус.

Зал. Даже не могу найти слов, чтобы описать то, что высветил "огонек". Стоило лишь отдать ему надлежащий приказ, и круг света расширился до сорока шагов (все прекрасно видно, но жизнь волшебного фонарика сокращается на несколько часов). Все виденное мной в Храд Спайне до этого не шло ни в какое сравнение с первым залом третьего яруса, передо мной лежал уровень эльфов и орков, к созданию которого не прикасались человеческие руки. Где потрескавшийся камень? Где базальт и гранит? Где простецкая архитектура и отделка стен? Куда подевались грубые статуи и едва обтесанные гробы? Все это осталось наверху, а здесь... Здесь разметалась потрясающая и ни с чем не сравнимая красотища.

Зал — черное вперемежку с ярко-алым. Очень красивое сочетание, если приглядеться. Черные стены с красными прожилками и вкраплениями, изящные черные полуарки с красным орнаментом, очень похожим на орошью буквы, потолок, где красные линии и штрихи сливались между собой в изображение большой паутины. Пол выложен черной матовой плиткой с теми же красными прожилками, что и на потолке. Между каждой плиткой — тоненькая красная прослойка. Свет "огонька", падая на красное, заставлял зал искриться и придавал этому месту совершенно волшебный и сказочный вид.

В груди неприятно закололо, и я понял, что не дышу с того самого момента, как вошел в зал. Я воистину оказался во Дворцах, слава о красоте которых ходила по всей Сиале, и даже гномы с карликами приходили в Храд Спайн, дабы поглазеть на красоту могильных залов. Но те времена давно канули в Лету вместе с Эпохой Свершений. Храд Спайн перестал быть безопасным, дорога в него заброшена, и уже редко кто решается прийти сюда. Эльфы и орки, карлики и гномы, люди и гоблины. Все они помнят о том, что таится под зелеными кронами Заграбских лесов, все они рассказывают внукам легенды, предания, мифы и сказки о былом величии подземных дворцов. С тех пор как на нижних ярусах проснулось зло костей огров и еще незнамо кого, все ушло, все погибло, все поблекло.

Отчего-то на третьем ярусе непроглядно темно. Не было уже ставшей привычной магии светящихся стен, и если б не "огоньки", мне пришлось бы продвигаться по залам, как слепому кроту (с той лишь разницей, что в отличие от крота я бы далеко не ушел). Моих шагов практически не было слышно, но я заставил себя идти осторожно и уменьшил свет "огонька" до

его стандартного размера. Нечего уподобляться солнышку, ребята Балистана Паргайда могут оказаться поблизости.

Черно-красный зал сменился точно таким же, а из него было сразу три прохода в три абсолютно идентичных первому зала. А из них еще в три. И так до бесконечности. Лабиринт по своей запутанности не уступал верхним ярусам.

Везде, в каждом зале замершая черно-алая красота то одним, то другим краешком появлялась в лучах фонарика и вновь скрывалась, кутаясь в ночь. Застывшая колонна там, изящная арка здесь. Сколько же я повидал залов за эти часы? Не будь у меня бумаг из заброшенной башни Ордена, и я давно бы затерялся в лихо закрученном лабиринте. Наверное, именно это и произошло с опережающими меня где-то на час-полтора слугами Хозяина. Если бы не Лафреса, я бы живо записал ребят в кандидаты на отправку во тьму. Но голубоглазая женщина каким-то внутренним чутьем, не имея ни одной карты, находила нужную дорогу в лабиринте Костяных дворцов-могильников.

Каждый зал третьего яруса представлял собой огромную могилу. На третьем уровне находились самые поздние захоронения эльфов и орков. Могилы появлялись здесь в последние годы Мертвого перемирия, которое обе расы хранили многие тысячи лет. Во время перемирия ни Первые, ни эльфы не трогали друг друга в Костяных дворцах, но когда-нибудь всему приходит конец. Кровь пролилась, и перемирие рухнуло. Эльфы поставили Створки и перекрыли Первым (впрочем, как и себе) легкий путь к могилам предков.

В отличие от людей старшие расы не устанавливали памятных надгробных плит, а просто замуровывали своих мертвецов (или их прах) в стены, да так, что могил-ячеек попросту не было видно и тот, кто не знал о них, никогда бы даже не предположил, что за искусной лепкой, или рисунком, или колонной лежат кости умерших столетия, а то и тысячелетия назад орков и эльфов.

* * *

Третий ярус, затем четвертый. И все это в полной, крошечной темноте. Я находился в Храд Спайне уже шесть дней. Я ел, спал и шел дальше. Шел через залы, коридоры и галереи. Все дальше, все глубже... И везде ни души. Ничего жуткого и зубастого. Какие бы существа ни жили здесь столетия назад, они давно померли или ушли на более глубокие ярусы. Ни

одного явного присутствия человека или какого другого создания.

Лишь на четвертом ярусе я наткнулся на хоть какое-то отличие от всего виденного мною за последние два дня. Здесь не было нетронутого спокойствия, здесь явственно пахло смертью. Стены зала покрыты материалом, похожим на дубовую кору, потолок — переплетение каменных ветвей, полузастывшая в мраморе трава. Причудливое сочетание запахов розы, корицы, кардамона, имбиря, шиповника и тления.

Мертвецы. Много, больше трех десятков. Скелеты, обтянутые желтой пергаментной кожей, в стальных доспехах, отливающих небесной синевой, и с кривыми мечами — скашами. Эльфы. В центре зала останков было особенно много. Свет "огонька" вырвал из тьмы лежащий на боку гроб из черного заграбского дуба. Ко мне гроб был повернут дном. Стараясь не тревожить костей погибших эльфов, я обошел зал, чтобы увидеть того, кто лежал в гробу. Наверное, когда на эльфов напали и застали их врасплох, те, кто несли гроб, уронили его и, ударившись об пол, тот раскололся. Эльфы встали на защиту мертвого, но погибли сами. С точки зрения большинства людей умирать из-за мертвеца — наиглупейший поступок, но для эльфов все совершенно иначе. Для клыкастых созданий слово "дом" и слово "род" превыше собственной жизни. Крышка гроба отлетела на метр, и покойник наполовину вывалился из своего последнего пристанища. Интересно, видел ли дух эльфа, как те, кто принес его, гибнут? На голове эльфа была надета корона. Платина обода и черные бриллианты, перемежающиеся искусно сделанными розами из потемневшего серебра. Передо мной лежал владыка одного из темных эльфийских домов. Я бросил быстрый взгляд на доспех лежащего слева от меня воина — на нагруднике гравировка Черной розы. В одной из книг Королевской библиотеки была краткая история о попытке сорокалетней давности донести тело умершего владыки до двенадцатого яруса. У темных ничего не получилось, их слишком крепко прижали, и эльфы оставили тело владыки на четвертом уровне, а сами отступили, теряя бойцов. Только жалкая часть из почти двух сотен ушедших под землю смогла выбраться из Костяных дворцов.

Странно все это. Очень и очень странно...

Что странно? А то, что эльфов перебили и даже не поморщились, впрочем, как и вторую экспедицию короля Сталкона, а меня игнорируют самым бесстыжим образом. Не то чтобы я жаловался — по мне так пусть вообще никого не встречу, — но все же отсутствие на нижних ярусах мало-мальски ужасных тварей, о которых так любит рассказывать молва, вносило смутные опасения. Куда они могли подеваться?

Стоп! А вот это уже не мое дело! Пускай хоть во тьму провалились,

главное, чтобы меня не трогали.

Сагот знает, что на меня нашло, но я все же совершил по моим меркам глупый поступок. Я подошел к останкам короля, уложил их обратно в гроб, с натугой перевернул внезапно оказавшийся очень тяжелым ящик. Во время этих манипуляций корона, продержавшаяся на челе мертвого короля больше сорока лет, упала на пол. Я поднял ее, и в свете "огонька" черные бриллианты вдруг заиграли и зажили новой жизнью. Я не смог подавить возглас невольного восхищения. Сагот! Эта игра, эти переливы были необычайно красивы. Представляю, что будет, если показать камушки солнечному свету. Корона на втором ярусе, которую расплавил луч, сорвавшийся с потолка, не шла ни в какое сравнение с короной главы дома Черной розы. Ну разве можно сравнивать лошадиное дерьмо с нектаром богов? На несколько секунд я застыл, борясь с собственным "я". Одна моя часть предлагала забрать бесценную вещь, ведь мертвецу она уже не нужна, а мне принесет баснословные деньги. Но другое "я" пронзительно взывало к благоразумию и тому факту, что еще никому не удавалось ограбить эльфа из правящего дома, и совсем не важно, жив он или мертв.

На этот раз жадность разочарованно вздохнула и отступила. Тьма меня задери, к Саготу алмазы! Эльфы мстительны даже после смерти. Я без всякого сожаления о совершаемой глупости осторожно надел черный обруч на голову мертвеца. Покойся с миром, король, и забудь, что я ненароком тебя потревожил.

Мой взгляд натывается на с'каш с нефритовой рукоятью. Клинок валяется у меня под ногами. Я наклоняюсь, поднимаю оружие, и металл с волнистым рисунком тускло блестит в свете волшебного фонарика. Клинок, достойный владыки дома. Кладу кривой меч эльфу на грудь, в ноздри бьет едва ощутимый запах дикой розы. Складываю руки-кости на рукояти меча. Сначала левая рука, а затем правая. Правое запястье мертвого внезапно изгибается, оказывается поверх моей ладони, разжимается, кожу обдает холодком. Рука эльфа падает на с'каш, прежде чем я догадываюсь испуганно отдернуть свою. Отдергиваю и прижимаю к себе, все еще не веря, что так легко отделался. Мертвый эльф держал меня всего лишь какую-то долю секунды, но ладонь до сих пор обжигает холодом. Испуганно отшатываюсь от гроба, краешком сознания отмечаю, что инстинктивно сжал кулак, в который мертвец умудрился что-то вложить. Испуганно разжимаю кулак, словно в нем притаился злющий огненный скорпион.

Мимолетный росчерк падающей звезды. Успеваю заметить, что звезда черная. Звездочка падает на пол, и раздается едва слышный звук.

Нагибаюсь и поднимаю упавшую красоту. Уже не холодную, а теплую. Не могу удержать очередной вздох восхищения.

У меня на ладони лежит перстень, не уступающий в изяществе короне владыки дома Черной розы. Тело перстня — переплетенные между собой нити черного серебра и платины, а сердце — черный бриллиант. Не удивлюсь, если камень обладает магией — на его гранях, разбуженных светом "огонька", плясал весь радужный спектр миров. Конечно, стоимость перстня никогда не сравнится со стоимостью короны, но и этого черного бриллианта достаточно для восьмилетнего безбедного существования в собственном маленьком дворце.

Верчу перстень в руках, соображая, каким образом он здесь появился. В голову стучится одна и та же мысль: мертвый король сам вложил перстень мне в ладонь. Но как?! Нет, меня не очень уж сильно удивляет, что дух мертвеца вдруг преисполнился благодарности к человеку и отдал ценную вещь. Во тьму удивление! В нашем мире и не такое случается! Мертвецы благодаря не исчезнувшему с Сиалы Кронк-а-Мору довольно часто оживают, правда, обычно ими не движут благородные побуждения. Такие твари стремятся вырвать сердце, а не подарить перстень. Здесь же было совсем другое. Не Кронк-а-Мор на несколько мгновений оживил эльфа, тут поработала совершенно иная магия. Но сейчас меня интересовал совсем иной вопрос — откуда у мертвого взялся перстень? Ясно помню, что на пальцах эльфа раньше ничего не было.

Подхожу к гробу и пристально смотрю на высохшее лицо с провалившимся носом и запавшими глазами. Игра света и теней сделала лицо мертвого почти живым, почти одухотворенным, но очень и очень старым. Слабый запах роз щекочет ноздри, я бросил на покоящегося короля последний взгляд и отошел назад, крепко сжимая перстень в кулаке и понимая, что это дар. Нежданный от эльфийского народа, но все же дар. Снимаю перчатку с правой руки, надеваю перстень, вглядываюсь в грани камня. В глубине бриллианта вдруг зарождается золотая искорка, она вспыхивает, гаснет и вновь вспыхивает. Вспышка. Темнота. Вспышка. Искорка едва трепещет медленно, лениво, размеренно, словно в бриллиант и в самом деле заключено самое настоящее сердце.

Озарение приходит как всегда неожиданно. М-да. Ну и туп ты, братец Гаррет! Интересно, кто глупее — я или доралиссцы? Мое сердце бьется с точно такой же ритмичностью, что и камень. Точнее, камень мерцает в такт биению сердца. Не знаю, что за перстень у меня сейчас на руке и какие последствия будут от его ношения, но понимаю, а точнее ощущаю узы единения, точно такие же, как порванные узы Ключа. Ощуаю себя в

камне и камень в себе. Это чем-то похоже на щекотку и длится не более трех секунд, затем мерцание камня затухает и бриллиант вновь становится обычным бриллиантом. Надеваю перчатку на руку, пряча под ней бесценную вещь. Разбираться с перстнем буду позже, когда выберусь из Костяных дворцов (точнее, если выберусь). Бросаю последний взгляд на зал-дерево, накидываю капюшон черной куртки на голову и следую своей дорогой, оставляя так и не похороненного эльфа во вновь сгустившемся мраке.

* * *

Мертвая тишина, разбуженная звуками моих шагов. Мне не хватит слов, чтобы описать всю красоту подземных дворцов. Черное и красное, оранжевое и золотое, синее и цвет морской волны, сочный пурпур и тусклая охра, холод голубого мрамора и жар огненного гранита. Искрящиеся от слюды стены и величественные колонны из чистого янтаря, уходящие в необъятную высь. Статуи орков и эльфов завораживающей красоты, бассейны с проточной водой, дно которых выложено бирюзой, составляющей причудливый узор сказочных цветов. Воздушные лестницы с тонкими перилами, казалось выточенные искусным мастером из единой глыбы зеленоватого горного хрусталя, и балконы, сплетенные из тонких нитей неизвестного мне металла, проходящие на вторых ярусах залов. Всполохи черного серебра стен и потолка, красота увядшей осени в каждом жесте, в каждой позе статуй, тихое, едва слышное "хм-м-м-ммм" — песнь залов, хранящих покой мертвых. Ни дуновения самого слабого сквозняка, ни звука, кроме песни залов, ни шепота, ни лучика света. Какая бы магия раньше, ни освещала эти места, она умерла вместе с уходом эльфов и орков из Храд Спайна. Все дальше и дальше я спускался под землю, и мне даже не хотелось думать, сколько лиг камня лежит сейчас у меня над головой. Кто, каким чудом, какими силами смог сотворить такое застывшее великолепие на такой непостижимой для разума глубине? И это только четвертый ярус, а ведь существуют сорок восьмой и Безымянные, куда не решались спускаться даже огры в пору расцвета и величия своей расы. Тот, кто создал Храд Спайн на заре времен, наверное, был равен богам, а то и превосходил их.

Мрак дремал, мертвецы спали вечным сном в нишах древних могил, и лишь я не знал покоя и, уже не обращая внимания на красоту подземных дворцов, топал и топал вперед, с каждой секундой, с каждым шагом

приближаясь к своей цели, своему Заказу — к Рогу Радуги.

* * *

Шел второй день моего путешествия по четвертому ярусу и седьмой день в Храд Спайне. Неделя прошла, и я очень удивлялся тому, что не свихнулся от гнетущего чувства одиночества.

Неделя. Целая неделя, проведенная Сагот знает где. Половина пути пройдена, осталось всего четыре яруса. Ха! Всего! Я до сих пор не дотопал до мест, о которых говорилось в путеводном стихе. Неделя промелькнула как скомканный и едва запомнившийся мне кошмар. А тьма! Я уже навряд ли успею вернуться к нужному сроку, и с милорда Алистана станется самому спуститься сюда. От первоначального количества сухарей и "огоньков" у меня оставалась где-то половина, и я потихоньку начинал беспокоиться, что скоро придется урезать свой рацион, потуже затянуть пояс и научиться бродить в кромешном мраке. К тому же на всем ярусе отсутствовала вода, и приходилось зверски экономить ту малость, что сейчас плескалась на самом дне фляжки. Отчаянно чесалось лицо — недельная щетина давала о себе знать.

Я уже давно должен был добраться до лестницы на пятый ярус, но лестницы не было, будто ее демон языком слизал. Я стал волноваться, что по ошибке свернул не в тот зал и заблудился. Карта почти не помогала. По ней я мог определить, где выход, но узнать, в каком месте я сейчас нахожусь, не было никаких шансов. Все залы этого сектора были похожи друг на друга, индиго и охра стен переплетались с перламутром колонн и бирюзой пола (зверское для глаз сочетание). Сейчас я искал единственный зал. Зал, где был вход в длинную и абсолютно прямую галерею, которая должна была привести меня к нужной лестнице. Искал уже четвертый час. Искал и не находил.

Повезло мне неожиданно (если, конечно, язык повернется назвать это везением).

Это место было не таким, как все предыдущие. Маленькая комнатка с закрытой железной дверью на противоположной стене и узеньким люком в полу, закрытым стальной решеткой. Я подошел к двери, отчаянно соображая, на кой кому-то потребовалось устанавливать здесь преграду, в особенности если учесть, что раньше в Храд Спайне я не замечал изобилия дверных перегородок. Понимая, что пропустил поворот и свернул не туда, я пошел прочь из комнаты, но на полпути меня поджидал великолепный и оч-

чень неожиданный сюрприз. Стена сдвинулась, словно живая, и закрыла выход, заперев меня в помещении.

— Не понял, — довольно глупо заявил я в темноту.

Гул с потолка был мне ответом. Я поспешно приказал "огоньку" засиять на полную мощь и высказал богам крайне нелицеприятную для их ушей фразу. Богохульство? Да еще какое! Но в данном конкретном случае мне было плевать на это. Потолок двигался! И двигался в мою сторону, грозя через пару минут насадить Гаррета на торчащие на черную зависть всем ежам Сиалы двухметровые шипы.

Переборов столбняк, я бросился к железной двери и еще раз поспешно ее осмотрел. Замочная скважина... Есть! Руки немного дрожали, потолок медленно и неотвратно опускался. На одном из зубчатых шипов висел человеческий череп. Кому-то лет двести назад не повезло, и он, как и я, свернул не в тот зал. Отмычка вошла в скважину, издала извиняющее "дзан!" и сломалась. Я тупо уставился на огрызок, оставшийся в замке. Вот те на! В ярости отбросив в сторону сломанную отмычку, я ударил плечом в дверь и зашипел от боли. Дверь даже не подумала поддаться. Скорее сломаюсь я, чем она! Сделали дверь на совесть, и здесь не справился бы даже человек комплекции Медка. Для такой дверки великолепно подойдет таран, которым вышибают ворота в замках.

Таран я, естественно, не припас, как-то не подумал, что он мне понадобится, и пришлось отчаянно озираться в поисках спасения. Потолок преодолел половину пути и, кажется, еще и ускорил свое движение. Мой взгляд упал на люк в полу. Вцепившись обеими руками в решетку, я потянул ее изо всех сил и едва не лопнул от натуги. Решетка, как и следовало полагать, не сдвинулась. Казалось бы, столько столетий стоит, пора бы уж проржаветь, ан нет! Для проклятой железяки закон времени оказался не писан.

Надо действовать, и действовать быстро, иначе живым из этой ловушки я не выберусь! Неизвестные строители, неизвестно зачем построившие этот неизвестный люк, предоставили мне шанс избежать гибели, и я не собирался его упускать. Я выудил из сумки горсть пузырьков, выбрал тот, на стенке которого был нарисован череп в огне, а остальные бросил обратно. Швырнул волшебную склянку на решетку, стекло звякнуло и разбилось, а я отлетел на максимально возможное безопасное расстояние. Яркий всполох огня! На карачках ползу к люку, молясь Саготу, чтобы все сработало как надо. Шипы с потолка едва ли не корябают спину. Возле люка остро воняет ландышами и пеплом, хочется чихать, глаза режет неимоверно, истощившийся от усилий осветить весь

зал "огонек" едва горит. Решетка, закрывающая люк в полу, исчезла. Не думая о последствиях, ныряю в люк. Секунда полета, ударяюсь о каменный пол, шиплю от боли.

Скрежет где-то наверху говорит о том, что шипы потолка встретились с полом. "Огонек" прощально мигает, на миг вспыхивает с прежней силой и гаснет. Великолепно! Место, куда я попал, настолько узкое, что приходится показывать чудеса природной ловкости, лишь бы только добраться до сумки на поясе. Двумя пальцами выуживаю из внутреннего кармана новый фонарик, зажмуриваюсь, зажигаю и, выждав несколько секунд, начинаю осматривать свое нечаянное убежище.

Мизерная квадратная комнатуха, из которой уходит идеально круглая каменная кишка, в которой я едва-едва могу поместиться. Скрючиваюсь в три погибели, смотрю вверх. Квадратный люк, через который я сюда прибыл, и нависший потолок, хищно оскалившийся на меня шипами.

Та-а-а-ак! Вел-ликолепно! Путь назад перекрыт, если только потолок не соизволит подняться на свое законное и положенное ему природой место. Я с надеждой посмотрел на него, но тот даже не шелохнулся. Ясненько. Что остается? Правильно! Каменная кишка.

Скрючиваюсь еще сильнее, практически ложусь и свечу в кишку. Видимость не больше пяти метров, дальше — тьма тьмущая. Ну что? Можно, конечно, подохнуть, как крыса, запертая в ловушке, но мне отчего-то не хочется так рано отправляться в свет. Придется ползти по узенькому проходу и надеяться, что он не сузится до ширины игольного ушка. Отцепляю арбалет, снимаю с пояса сумку с магическими безделушками, снимаю вторую сумку, холщовую, где у меня лежит теплый свитер и которую я приготовил для Рога Радуги. Отстегиваю ремешки, удерживающие нож на ноге. Складываю на холщовую сумку все другие вещи, кладу в проход. Буду толкать перед собой, а то, не дай Сагот, застряну посреди дороги и помру от голода. "Огонек" я водрузил поверх всего хлама, дабы он освещал мне предстоящий путь.

Я лег на живот и пополз, толкая перед собой свою немногочисленную поклажу. Приходилось извиваться словно змея и работать локтями и коленями, чтобы передвигаться с как можно большей скоростью. "Огонек" бил прямо в глаза, и пришлось уменьшить его свет до минимально возможного. Я полз, извивался и протискивался, обдирая себе колени и локти. В кишке нельзя даже голову приподнять — потолок навис прямо надо мной.

Не хочу думать, сколько метров я вот так прополз. Едкий пот попадал в глаза, сверток, который я толкал перед собой, наливался тяжестью. Я уже

пару раз успел проклясть тьму и свою глупость, заставившую влезть в каменную ловушку. Надо было сидеть и ждать, когда поднимется потолок, а не совать голову в пасть смерти! Камень давил со всех сторон, вызывая приступы страха, грозящие повергнуть меня в глубокую пучину паники. Казалось, что воздух сгущается, становясь таким же твердым, как окружавший меня камень, и дышать становилось очень и очень трудно. В такие минуты мне приходилось останавливаться, закрывать глаза и считать про себя до тех пор, пока кровь не переставала греметь в ушах. Метров через семьдесят, когда стало уж совсем невмоготу, а стены сузились настолько, что приходилось попросту ввинчиваться между ними как штопор, впереди забрезжил едва видимый тусклый свет. Я с еще большим рвением и усердием принялся продвигаться вперед, к неожиданному подарку богов — свету. Последние шесть метров оказались особенно тяжелыми и стоили мне огромных усилий. Я едва не сломал ногти, впиваясь пальцами в скалу, дабы проползти еще хоть немножко. Даже думать не хочу, кто и для чего потратил свое драгоценное время на выдалбливание в теле земли этого ужасного прохода.

Наконец я оказался у разветвления. Прямо передо мной было рваное отверстие, ведущее туда, где есть свет, кишка же поворачивала влево и уходила еще глубже, почти сжав стены и оставляя для прохода щель такую узкую, что через нее смог бы проползти не всякий таракан, что уж говорить обо мне?

Из дыры, выходящей в зал, до пола было не более двух метров. Первыми вниз полетели толкаемые всю дорогу вещи, а затем и я сам. Пришлось довольно сильно извернуться, дабы приземлиться не на голову, а на ноги, но я успешно справился с этой небольшой задачей и очутился в ярко освещенном помещении.

Оглядываться времени не было — я поспешно собирал валявшиеся на полу вещи. Сумку через плечо, другую на пояс, нож на бедро, покрепче затянуть ремешки, арбалет за спину. Кажется, все. Теперь можно и осмотреться, благо впервые на ярусе я встречаю ярко (именно это слово) освещенный зал. Довольно нелепая для эльфов и орков архитектура — нечто излишне прямолинейное, грубое и неказистое. На каждой из стен по большой каменной роже полуптицы-полумедведя. Светильники наподобие моего "огонька", но гораздо больших размеров.

Горящие глаза привлекли мое внимание. Привлекли и больше не отпустили. У первой рожи они были зелеными, у второй — огненно-красными, у третьей густо-желтыми и у четвертой — глубокого цвета предгрозового неба. Ладони у меня враз вспотели, потому как глазки были

не чем иным, как драгоценными камнями, каждый из которых совсем чуть-чуть уступал размерами моему кулаку. Если собрать все камушки, можно больше не работать. Можно обогатиться на сотню лет вперед, и цена Заказа, те пятьдесят тысяч, что обещал мне Сталкон, если я притараню Ордену Рог Радуги, покажется попросту смехотворной. Да за один такой камень карлики продадут мне половину своих гор!

Сейчас я даже не раздумывал и, достав нож, подошел к ближайшей ко мне зеленоглазой морде. Всадив клинок между драгоценностью и обычным камнем, я стал действовать ножом, словно рычагом, и начал расшатывать гигантский изумруд.

Драгоценность неожиданно легко поддалась и оказалась у меня в руке, а из пустой глазницы на пол просыпался зеленый водопад. Я даже забыл закрыть рот. В течение десяти секунд на пол высыпалось целое состояние из мелких (то есть теперь, после камня-глаза мелких) изумрудов. Они просом рассыпались по гладкому полу и искрились зелеными капельками в свете фонарей. Сунув глаз-изумруд в сумку, я дрожащими руками принялся за сбор его мелких братьев. Меня не покидала лихорадочная мысль, что как только я очищу все глазницы от спрятанных в них сокровищ, то стану богаче иных королей. Смущал только тот факт, что раньше меня никто не догадался почистить этот зал. Неужели проходящих здесь не заинтересовали камушки? Да ни в жизнь не поверю! С другой стороны, я попал в сокровищницу по каменной кишке, и зал находился немного ниже четвертого яруса. Может, его просто никто не заметил?

Возле головы с желтыми глазами начиналась деревянная лестница, ведущая прямо к потолку, где был люк. Именно так можно было выбраться из зала. От собирания изумрудов меня отвлекла выросшая за спиной тень. Я совершенно неизящно, прямо с четверенек, отпрыгнул в сторону, и на то место, где я только что стоял, опустился ятаган, звонко звякнув о мраморную плитку пола. Я обернулся, увидел своего почти состоявшегося убийцу и обомлел — в трех метрах от меня стоял самый настоящий скелет. Скелет не человеческий — это я понял сразу. Скорее всего, орк — слишком широкий костяк, да и клыки соответствующего размера. В правой руке ятаган, в левой маленький круглый щит, в черных провалах глазниц горят мириады багровых искр пробудившейся магии. Тьма знает каким боком держались его кости, но тварь бросилась ко мне, отчаянно размахивая ятаганом. Вот уж не думал, что скелеты настолько проворны. Парень не уступал мне в скорости, ятаган превратился в одно размытое пятно. Как я понял, невесть откуда взявшийся здесь страж намеревался напластать Гаррета на сотню маленьких ломтиков. Ни о каком сопротивлении не могло

быть и речи — как прибить мертвые кости? Скелет едва не загнал меня в угол, но, на мое счастье, рядом была лесенка, и я принялся со всей возможной скоростью карабкаться вверх. Сейчас мне было не до драгоценных камушков — следовало спасать свою жизнь. Преодолев четверть из тех одиннадцати метров, что отделяли потолок от пола, я почувствовал, что лестница подрагивает. Бросил быстрый взгляд вниз и стал перебирать руками и ногами с удвоенной скоростью. Скелет не собирался останавливаться на полпути. Отбросив щит в сторону и зажав в зубах ятаган (видок еще тот!), мертвец стал проворно карабкаться следом за мной. Надо сказать, что лазил он по лесенкам намного проворнее, чем я. На высоте девяти метров он меня настиг. Ничего не оставалось, как пойти на отчаянные меры. Я вцепился руками в перекладину, поджал ноги и, дождавшись, когда нас с противником разделяло совершенно мизерное расстояние, что есть сил опустил оба сапога на желтый череп. Скелет скрипнул, словно сверчок, попавший в огонь, разжал пальцы и рухнул вниз. Девять метров он пролетел беззвучно и, ударившись об пол разлетелся вдребезги. Череп полетел в одну сторону, ребра — в другую, позвонки — в третью. Ну вот и долазился!

С высоты весь зал был как на ладони, и на месте головы, из которой я выдрал камень, была видна большая дыра. Сама же башка каким-то образом оказалась отодвинута в сторону. Не удивлюсь, если, забрав изумруд, я вызвал к жизни веками спящего в нише охранника. Так что речи не могло быть, чтобы спуститься обратно и добыть камни из других голов — себе дороже. Небось за каждой башкой по скелету, и я совершенно не уверен, что мне удастся повторить трюк с лестницей во второй раз. После пережитого у меня даже не было никакого желания доставать второй изумруд. А ну как меня будет ожидать еще один сюрприз? Нет уж! Дудки! Фор всегда говорил мне — довольствуйся малым и никогда не ставь деньги выше собственной жизни. Старый вор и жрец Сагота как всегда прав. Я лучше буду следовать его советам и утешусь тем, что лежит у меня в сумке.

Через минуту я оказался в уже привычной тьме пурпурно-серебряных залов четвертого уровня. Пришлось воспользоваться новым "огоньком". Я осмотрел место, где очутился, и хмыкнул. Все что ни делается — к лучшему. Прямо из зала, куда я попал, начиналась галерея, ведущая к лестнице на пятый ярус.

Так я и знал, что стих-загадка магов, запрятавших Рог Радуги на могиле у Грока, окажется неточным. Я думал, что залы Уснувшего Шепота начнутся сразу же за распахнутыми Створками, то есть как говорилось в стихе, но действительность куда хуже. Не попав после Створок в залы Шепота и преспокойно протопав третий и четвертый ярусы, я и думать забыл о строчках стиха. Мало ли что привиделось магам Ордена, спускавшимся в Костяные дворцы? Естественно, я и не надеялся, что нежданно-негаданно попаду в залы Шепота, оказавшиеся совсем не залами, а именно той самой галереей, что вела к пятому ярусу. Говорил же я, что у магов Ордена своеобразное чувство юмора и еще более своеобразные ассоциации. Обозвать галерею залами отважится не каждый идиот. Разумеется, никто меня не предупредил о том, ГДЕ я нахожусь, да и на картах была указана лишь галерея без всяких там названий. Но, впрочем, буду рассказывать по порядку.

Собственно говоря, из зала в галерею я вступил во вполне приподнятом настроении. Нашелся выход с четвертого яруса, причем нашелся совершенно неожиданно, после четырех часов безуспешных поисков. Как тут не радоваться?! В общем, бодрым шагом, освещая себе дорогу "огоньком", я шагнул из зала и пошел...

Когда впереди загорелся светлячок, я понял, что здесь что-то не то. После темных пространств и залов я как-то настороженно стал относиться ко всякого рода неожиданным проявлениям благосклонности богов. Я остановился, сощурился, пытаюсь рассмотреть, что на этот раз является источником света, но расстояние оказалось слишком большим и понять можно было только то, что огонек стоит на месте и не двигается. От греха подальше я погасил свой фонарик. По мере приближения чуть дальше первого огонька загорелся второй, за ним третий, а потом появилась целая цепочка. Я уже подошел настолько близко, что увидел висящие на стене факелы, точно такие же, что и на первом ярусе. Факелы, горящие тысячелетиями. Галерея — сплошь черный мрамор с белыми крапинками. Мраморный пол, мраморные стены, мраморные колонны балкона по правую руку. Я подошел к краю и посмотрел вниз. Света едва хватало, чтобы увидеть пол находившегося под галереей зала.

— Ш-ш-ш-ш... — послышалось мне.

Я остановился и прислушался. Да, уши меня не обманули, в галерее раздавалось странное шипение. Осмотрелся, но источника звука поблизости не было, казалось, шипение раздается прямо в голове. Странно. Списав неожиданный звук на не в меру разыгравшееся воображение и перестав обращать на него внимание, я продолжил путь.

Еще шагов через сто мне стало казаться, что между "ш-ш-ш" начали проскакивать едва различимые слова, но, как я ни напрягал слух, смысла их понять так и не удалось. Может, это какие-то странные шутки строителей? Надырявили стен, пустили сквознячков, вот они и шипят, словно беззубые демоны, заболевшие почесухой, или змеи, которых переехала телега.

На мертвеца я наткнулся шагов через двадцать. Груда костей, вот и все, что осталось от человека. Хотя постойте, у человека не растут клыки из нижней челюсти. Как и скелет, едва не порубивший меня в капусту, этот был или эльфом, или орком, но, на мою счастливую звезду, костяк не собирался на меня нападать. Шипение к этому времени сменилось сплошным совершенно непонятным бормотанием, будто говоривший набил рот горячей кашей. Новый покойник поджидал меня через двадцать метров, а за последующие пять минут я насчитал двадцать шесть костяков, непонятно отчего умерших и непонятно как здесь оказавшихся. Бормотание теперь уже настойчиво стучалось в мое сознание, такое впечатление, что какой-то гад запихал мне в голову целый улей злых пчел, к тому же еще и умеющих произносить слова. Я смог выловить из нестройного гудения отдельные слова вроде "кровь", "смерть", "умри", "мозг" и в том же духе. Скажем так, я слышал не те слова, что могли меня обрадовать. Это бормотание и участвовавшие "находки" начинали меня заметно нервировать, призывали послать всех к Х'сан'кору и поискать обходной путь. Но никаких обходных путей на ближайший десяток лиг не предвиделось, и пришлось двигаться дальше, стараясь не обращать внимания на настойчиво звучащие в голове голоса. Не получалось, побори меня тьма! Я запел незатейливую песенку, стараясь вытеснить голоса, но и это почти не принесло желаемого результата.

Следующий покойник несказанно меня удивил. Это были не старые кости, а вполне свежий труп. Готов прозакладывать душу, что этот парень еще несколько часов назад был жив, здоров и не предполагал умирать. Почему я так решил? Да потому что я видел его в Кротовьем замке вместе с Балистаном Паргайдом. Отсюда можно сделать вывод, что Лафреса со своими ягутниками уже прошла по галерее и обогнала меня на несколько часов. Ловкая стерва! Проигрываешь забег, Гаррет!

Но хоть с этим мертвецом было все более-менее понятно. Даже тупому дуралиссцу ясно, отчего помер этот парень. Он попросту несколько раз всадил себе полметра железа в грудь, то бишь покончил жизнь самоубийством. Рука до сих пор сжимала рукоять засевшего в груди кинжала. Хотя, с другой стороны, воина могли пришить его же оружием. Если же я прав и это самоубийство... Довольно странно сводить счеты с

жизнью, особенно без веских на то причин, не находите? Ладно, это не мое дело.

Бормотание пульсировало в голове тупой болью, я морщился, скрипел зубами и никак не мог понять, что за напасть со мной приключилась. Объяснение появилось немного погодя, когда из полумрака, разлившегося между двумя факелами, на меня выскочила фигура и схватила вашего покорного слугу за отвороты куртки. Я даже испугаться как следует не успел.

Это был человек. Живой, но вот с головой у него были явные проблемы. Как говорит незабвенный Кли-кли, колпак у парня съехал основательно. Этот тоже был человеком Паргайда, пускай я раньше его и не видел. Волосы растрепаны, глаза, в которых плещется целый океан безумия, на выкате, челюсть трясется, руки вообще ходят ходуном.

— Ы-ы-ы-ы! Ты-ы-ы-ы! Спас-и-и-и-и! Зло! Там зло! Оно ждет! Ы-ы-ы-ы! Оно схватит меня! — Человек выл и нес полную околесицу.

Я попытался отцепить его руки от своей куртки, но не тут-то было парень прицепился, словно голодный клещ.

— А-а-а! — завыл он. — Так ты из них! Ты тоже хочешь моей смерти?! Ы-ы-ы-ы-ы!

Он стал подталкивать меня к балкону, я, естественно, принялся сопротивляться. Мы застыли друг перед другом, отчаянно борясь. Этот спятивший гад выл, как стоя облапошенных демонов. Я догадался боднуть его головой в нос. Парень от неожиданности ослабил хватку, я рванулся в сторону, закрутил его и оттолкнул. Видит Сагот, я и не думал, что так получится, но сумасшедший отшатнулся, сделал несколько шагов назад, замер на самом краю балкона, закачался, пытаясь сохранить равновесие, и с отчаянным криком рухнул вниз. Послышался удар. Я подбежал к краю и посмотрел вниз. Распростертое тело безумца лежало на полу, а под ним растекалось темное пятно крови. Мертв. Вот тьма! Один пыряет себя ножом, другой окончательно лишается разума. Какого здесь творится?

Еще пяток шагов, и шепот победным хором взвыл у меня в голове, заставив рухнуть на колени и сжать голову руками. Меня накрыла волна мерзости и вселенского ужаса. Я слышал не только слова. Разве могут слова так туманить сознание? Здесь было все — видения одно страшнее другого, запах разложившихся трупов, вкус могильных червей на языке, ощущения, словно копаешься в животе у покойника. Голоса требовали, звали к себе и пели песнь, заставляя выть от ужаса и гремящей боли. Все чувства перепутались, но все и вся кричало и жаждало моей смерти, призывало достать нож и всадить себе в горло. Песнь гремела, звучала и

мягкими скользкими пальцами настойчиво теребила разум. С каждым словом, с каждым аккордом пробудившегося шепота все новые и новые ужасы проникали мне в уши, вставали перед глазами, ощущались на языке...

Теперь я понимал, что попал в залы Уснувшего Шепота, но сделать уже ничего не мог. Голоса оказались сильнее меня, и я медленно и неотвратно сходил с ума. Хотелось сделать несколько шагов и прыгнуть с балкона вниз, или разбить себе голову о стену или взяться за нож. Сделать хоть что-нибудь, но прекратить ЭТО! Рука сама, помимо моей воли и едва теплящегося сознания, потянулась к рукояти ножа. Видит Сагот, я пытался бороться, но эта борьба была равносильна попытке прутиком разбить каменную глыбу. Голоса ТРЕБОВАЛИ умереть, и им нельзя было не подчиниться.

Как и в Харьгановой пустоши, Вальдер едва-едва прошептал:

— Помогу!

Голоса взвыли в унисон с льющейся песней и внезапно отдалились на самую границу слышимости. Рука вновь стала послушной.

— Быстрее, Гаррет, я могу подарить тебе лишь минуту! Больше теперь не в моих силах! — раздался голос мертвого архимага.

Я стал действовать. Рывком встав на ноги, отскочил назад, туда, где голоса еще не имели надо мной власти. Руки дрожали, но все же я смог быстро выудить из сумки заранее приготовленные хлопковые пробки и запихать их в уши. Бормотание вновь приблизилось и стало почти различимым. Еще десять драгоценных секунд мне понадобилось, чтобы добыть пузырек с жидкостью, которая на пару минут нейтрализует любую враждебную магию (по крайней мере, мне так сказали). Не знаю, поможет ли мне это, но раздумывать времени не было, я сорвал печать зубами и влил содержимое пузырька себе в рот. По языку растеклась горечь, желудок запротестовал и вздрогнул, едва не заставив меня вывернуться наизнанку. Пришлось сделать усилие и удержать влитую в себя дрянь.

— Все, больше не могу! — произнес Вальдер, и созданная им плотина, вздрогнув, рухнула.

Голоса вернулись, но сейчас это были всего лишь голоса, говорившие мерзости, не подкрепленные видениями. Горькая жидкость действовала, но надолго ли? Отбросив все сомнения и колебания, я ринулся вперед, надеясь пробежать галерею до того момента, как защитная магия ослабнет настолько, что шепот голосов вновь обретет силу.

— Убей себя! Иди во тьму! Умри! Умри! Умри! Убей! Кровь! Убей! — в бессильной ярости шептали голоса. — Остановись! Подожди! Умри, это

так легко!

Я не обращал на шепот внимания и, стиснув зубы, несясь вперед и только вперед. Факелы светлячками проносились мимо меня. Постоянно приходилось перепрыгивать через лежащие на полу кости. Я наткнулся на двух людей Балистана Паргайда, но где же остальные? Почему не видно трупов? Неужели Лафреса и с шепотом смогла справиться?

Голоса почувствовали слабинку, придвинулись, зашептали, грозя всеми кошмарами и всей болью мира. Пришлось приложить усилие, чтобы не остановиться и продолжить бег. Горечь на языке постепенно пропадала, и с исчезающей горечью возвращался шепот и песня. Последние пять метров галереи я пролетел тремя огромными прыжками, уже без всякой защиты от магии. Голоса победно взвыли, впились в мозг, но я уже преодолевал последний метр и шепот не успел связать мой разум сетями безумия.

Я попросту вылетел из галереи в зал, и голоса тут же смолкли. Медальон Кли-кли обжег кожу холодом, и я, так и не успев понять, что же со мной произошло, со всей дури врезался в графа Балистана Паргайда.

Пришлось немного полежать, похватать ртом воздух и дожидаться, пока из глаз не исчезнут искры. Столкновение выбило из меня весь воздух и заставило рухнуть на пол. Проклятый Балистан Паргайд, так не вовремя попавшийся мне под ноги!

СТО-О-ОП! Балистан Паргайд?!

Озарение, что рядом находится алчущий моей крови граф, заставило меня вскочить с пола и схватиться за арбалет. Так и есть. Граф Балистан Паргайд собственной персоной, а также один из его воинов стояли и смотрели на меня. Смотрели мертвыми глазами. С бешено колотящимся сердцем, не опуская арбалета, я рассматривал застывших людей.

Граф Балистан Паргайд замер, так и не донеся левую ногу до пола. Воин из дружины графа навеки застыл с удивленно вытаращенными глазами и отвисшей челюстью. Оба в свете факелов казались вырубленными из мутного льда, да еще изрядно присыпанного инеем. Опасности ребята вроде не представляли, но я не спешил убирать оружие. Приблизился к воину и осторожно дотронулся до его руки. Пальцы обожгло холодом. И вправду лед. Кто-то добренький шутики ради превратил слуг Хозяина в ледяные статуи. М-да... Нелепый, но абсолютно заслуженный конец для одного из могущественнейших лордов Валиостра и слуги Хозяина. Интересно, что за магия сотворила с двумя людьми такое чудо? Ловушка-шаманство? Иначе как тогда объяснить, что медальон-капелька Кли-кли внезапно стал холоднее льда?

Мне сегодня вдвойне повезло. Во-первых, нежданно подавший о себе

ведь Вальдер спас мою шкуру в галерее, во-вторых, медальон, найденный гоблином в Харьгановой пустоши, нейтрализовал ловушку. Хвала Саготу за все хорошее, что он для меня делает!

Из-за Балистана Паргайда я не сразу обратил внимание на серпантин лестницы, вгрызающейся в пол и ведущей на пятый ярус. Ну что же, очередная веха пути пройдена.

Глава 6

Хозяева мрака

Считать ступеньки в Храд Спайне уже вошло у меня в привычку. Отвлекает от мрачных раздумий, знаете ли. Вот только на этот раз счет не очень-то и помогал. На пятьсот семьдесят третьей ступеньке мрачные мысли так на меня надели, что я сбился со счета и продолжать уже не стал. Лафреса все еще опережает меня в гонке за Рогом Радуги, к тому же у нее Ключ, без которого я из дворцов не выберусь. Она безошибочно находит дорогу в лабиринте мертвых залов, да еще и идет словно по улице Смотра, не обращая внимания на притаившуюся угрозу и расплачиваясь за безопасный проход людьми покойного Балистана Паргайда.

Кстати об этих баранах! Неплохо было бы посчитать, сколько их осталось со служанкой Хозяина. После того как Халлас подбил из пушки паром и отправил на дно Иселины половину людей графа, посланных за нами в погоню, в отряде преследователей оставалось двадцать восемь человек. Мейло Труга прикончил Фонарщик в поединке Сагры, итого двадцать семь. Одного в Красном урочище поймали орки, еще троих мы прибили у входа в Храд Спайн. Значит, двадцать три. Минус те двое, что заблудились на втором ярусе, и те четверо, что погибли от рук горгулий. Семнадцать. Один с отрубленной головой на мосту, еще двое в галерее Шепота, и Балистан Паргайд с воином. Сколько осталось? Двенадцать. Это вместе с Лафресой и Бледным. По мне уж пусть все помершие в Костяных дворцах остались бы живыми, а милашка Лафреса и Бледный отправились во тьму, но судьба распорядилась иначе.

Итак, их осталось двенадцать, хотя думаю, что гораздо меньше. Кто знает, какой дорогой вела свой маленький отряд голубоглазая ведьма и сколько тел осталось мною незамеченными. Вполне вероятно, что служанка Хозяина пробирается дальше совершенно одна. Конечно, для меня это лучше, но не намного. Леди Йена вполне способна справиться с десятком таких, как я, недаром Посланник освободил ее из темницы и отправил за Ключом. Очень надеюсь, что миледи споткнется и свернет свою прекрасную шею.

Первая главная опасность — залы Уснувшего Шепота, предсказанные в путеводном стихе-загадке, остались позади, но все только начинается. Как там дальше было в свитке?

Сквозь залы Уснувшего Эха и Мрака,
Минуя слепых сторожей Кайю,
Под взгляд Великанов, сжигающих в пепел,
К гробницам Великих, погибших в бою...

Обнадеживающие строчки, не правда ли? Они попросту заставляют меня изо всех сил бежать вниз, навстречу неожиданностям. Во всяком случае, некоторые любознательные и не в меру сумасшедшие гоблины считают, что бежать следует. Но что возьмешь с королевских дураков?

* * *

Проснулся я от кошмара, хотя и не помнил, что за ужасы мне снились. От сна осталась только кинжальная боль в груди и огромная усталость, словно я и не спал вовсе. Отдых, который я устроил себе на последних витках лестницы, не принес долгожданного облегчения, и в путь я двинулся в весьма подавленном настроении. Усталость последней недели тяжким грузом давила на плечи и прижимала к земле.

Только сейчас я стал понимать, что путешествие по Храд Спайну получилось не таким уж и легким, как казалось мне раньше. Я со стоном встал (каменные ступеньки, увы, не самое удобное место для сна) и размял затекшие руки и ноги. Сотни мелких иголочек принялись бродить по телу, покалывая то здесь, то там. Как ни странно, но это мелкое неудобство взбодрило меня лучше любого другого средства, и на пятом ярусе я оказался в уже вполне бодром расположении духа.

Пятый ярус. Самый первый зал — и вновь неожиданная смена декораций. Где золото, где изыски, где очарование статуй и радующая глаз красота стен? Все это осталось на третьем и четвертом уровнях подземных дворцов. Здесь же однотонные каменные стены с весьма посредственными рисунками на них и пол с небрежно подогнанными друг к другу разноцветными плитами в два квадратных метра каждая. Идя по залу, я обратил внимание на то, что все плиты имеют разную и местами не соответствующую эстетике и вкусу любого приличного художника расцветку. Скорее всего, кто-то выложил с помощью плит большую мозаику, но из-за ее огромных размеров я никак не мог понять, что было изображено на полу.

В каждом зале была своя мозаика, своя расцветка пола, но из-за скудного света "огонька" рассмотреть общую картину не представлялось возможным. Вот уж не знаю, почему именно эти залы называли залами Уснувшего Мрака, по мне так сие почетное звание можно смело присуждать любому неосвещенному помещению, начиная с третьего яруса. Почти в каждом тьма крошечная. Собственно говоря, рассказывать о пятом ярусе совершенно нечего. Полдня я топал по подземному лабиринту, лишь иногда сверяясь с картами и меняя "огоньки", количество которых неумолимо сокращалось. Я старался не думать о том времени, когда мне придется шляться по подземелью на ощупь (а что это когда-нибудь случится, я несколько не сомневался).

Здесь, в залах Уснувшего Мрака, оказалось намного прохладнее, чем на верхних ярусах. Я не могу сказать, что было холодно, — нет! Просто... свежо, что ли? То ли сказывалась глубина, то ли то, что залы по сути дела были большими природными пещерами с кое-как обработанными стенами-могилами, полом-мозаикой и сталактитами-сталагмитами, сросшимися между собой и превратившимися в сказочные колонны. Пятый ярус казался безразмерным, а залы-пещеры бесконечными. Чем дальше я шел, тем больший упадок бывшего величия Костяных дворцов окружал меня мертвой паутиной времени. Колонны бугрились от наростов времени, кое-где с потолка капала вода, и на мозаичном полу уже появились новые наметки будущих колонн. Стен я не видел, они были где-то там — очень далеко от меня, и долгое время я топал, ориентируясь лишь на колонны и выложенную красными плитками дорожку.

Дорожка иногда ветвилась на две, три, четыре, а то и восемь новых дорог, и приходилось долго листать бумаги, до боли напрягая глаза и мозги в попытке сравнить орочьи закорючки в картах и на плитах пола. Сагот, от этой постоянной тьмы можно было запросто сойти с ума! Я душу готов продать за порцию хорошо прожаренного мяса, пинту пива и лучик солнечного света. Слава богам, хотя бы в воде я не нуждался. Ее тут было предостаточно. Однажды я даже прошел по горбтому мостику над маленьким озерцом с черной и гладкой словно зеркало водой.

Подземные пещеры кончились и вновь сменились мрачными залами Костяных дворцов. Потеплело, вода перестала капать со стен, запах сырости исчез, уступив место едва ощущаемому запаху тления.

Последнее мне очень не понравилось. С какой стати воняет, если время захоронений этого яруса исчисляется столетиями и все, что могло гнить, уже должно быть сгнившим и в меру костлявым? Этот аромат застарелой смерти вызывал у меня смутные опасения, но запах есть запах,

ничего более неприятного пока не происходило.

В залах Уснувшего Мрака дул слабый ветерок. Он пел где-то под потолком, выдавая вечное мрачное "Хммм-ммм-ммм". Впервые услышав этот звук, я подумал о возвращении шепота из галереи четвертого яруса, но спустя вечность холодного пота и дрожи в коленях до меня дошло, что это всего лишь ветер и невинная шутка строителей залов. Теперь я даже перестал обращать внимание на посторонний звук и шел своей дорогой, не отвлекаясь на всякого рода странности.

Шел до тех пор, пока не наткнулся на стену. Стена отчего-то была немного выпуклой. Довольно странное решение архитектурного вопроса. На картах ничего такого не было, и я позволил себе роскошь приказать фонарику загореться в полную силу. Волшебный свет вырвал из тьмы огромный столб колонны, обхватить который смогли бы человек десять. Мда, толщине и высоте каменного чудовища могли позавидовать многие деревья Заграбы. А в зале таких колонн оказалось очень много. Я шел мимо гигантских каменных исполинов и чувствовал себя жалкой мелкой букашкой, неведь как оказавшейся в этом месте. Угрюмые серые великаны вырастали в лучах света, безмолвно нависая над незванным гостем и грозя обрушить на него далекий свод потолка.

Вначале я почувствовал опасность, а затем уже увидел ее. Да, собственно, тревожное чувство не покидало меня во время всего путешествия по залу с колоннами. Это извечное "хм-м-м", эта серая угрюмость, этот едва ощутимый запах тления... В один момент, когда нежданные мурашки в сотый раз пробежали вдоль моей спины, я по какой-то сейчас уже неясной мне причине решил, что следует как можно быстрее обернуться. Не знаю, было ли это моим желанием или желанием Вальдера. Одного мимолетного взгляда мне хватило, чтобы засунуть "огонек" под куртку и приказать ему погаснуть.

Далеко-далеко, в самом начале колонного зала рассыпалась едва видимая цепь оранжевых точек. Никаких сомнений в том, чем были эти точки, у меня не было — факелы. Четыре десятка огоньков мигали, на краткое мгновение исчезали за одной из колонн и вновь появлялись, пускай медленно, но неуклонно продвигаясь в мою сторону. Готов заложить свою душу, но факелonosцы не могли быть людьми Балистана Паргайда. Тех, кто спустился с Лафресой в Костяные дворцы, должно быть не больше двенадцати человек, а здесь... Здесь счет шел на пять-шесть десятков. Так что по залу шествовал кто-то другой.

Надеясь, что "огонек" я успел спрятать вовремя и шедшие с факелами не видели маленькой искорки, я прятал за колонну, поближе к стене и

подальше от центра зала. Бежать в темноте вперед глупо — шанс врезаться лбом во что-то твердое очень велик (не говоря уже о том, что заблужусь я на все сто). Лучше затаиться, благо даже четырех десятков факелов не хватит на то, чтобы осветить безграничные просторы зала, и у меня есть вполне реальная возможность переждать опасность в укромном и очень темном уголке. Сейчас меня заботил лишь один вопрос: незнакомцы ищут именно меня или у них рядовая ежедневная прогулка с осмотром местных достопримечательностей? Тьма их знает! На всякий случай я приготовил арбалет, накинул капюшон на голову и прижался к стене.

"Хммм-ммм-ммм". Ветер древних залов пел колыбельную для уснувшего мрака вечности. Звук ветра тоскливой нотой едва звучал в ушах, и ничто, кроме моего отчаянно бьющегося сердца, не могло его заглушить. Долгое время я слышал лишь стук своего сердца и колыбельную, баюкающую тьму залов. А затем залы Уснувшего Мрака вздрогнули, и ночь пробудилась.

Они приближались, ничуть не скрывая своего присутствия. В громкой поступи десятков ног чувствовалась уверенность хозяев, идущих по своему собственному дому и не боящихся никаких опасностей. Вот уж чего-чего, а встреч на сегодня я не планировал, поэтому и затаился, словно мышка, почуявшая приход голодного кота.

Шаги были все ближе и ближе... Вот на дальних колоннах появился оранжевый отблеск факелов, вот уже слышно тяжелое сопение неизвестных. С одной стороны, хорошо — раз сопят, значит, живые. С другой стороны...

Додумать я не успел, потому как наконец увидел ИХ, и мне сразу же захотелось оказаться за десяток лиг отсюда. Почему? Да потому что не каждый день можно увидеть, как оживают изображения со стен. Как-то не ожидал увидеть живыми тех, кого с такой маниакальной тщательностью изображали в виде статуй, рисунков и мозаики создатели Костяных дворцов. Полуптицы-полумедведи, о которых (УВЕРЕН!) не знал даже Орден. Высокие, такого же роста, как огры, массивные, почти квадратные, с толстыми руками-лапами и босыми когтистыми ногами, эти существа шли мимо меня. Большие вытянутые головы, чем-то похожие на медвежьи, с маленькими ушами, круглыми птичьими глазами и небольшими изогнутыми клювами. Клювы в свете факелов блестели, будто стальные.

Странные создания были облачены в свободные одежды цвета фиалок. Балахоны почти полностью скрывали тела существ, оставляя для обозрения лишь кисти рук, ступни и голову, которые были покрыты короткой шерстью рыжего цвета. А может, это была не шерсть, а перья. Никаких украшений и никакого оружия. В созданиях чувствовалась сила, уверенность и... старость. Даже не старость, а древность тысячелетий, способных возрастом поспорить с самой вечностью.

— Они — это сам мир, — внезапно прошептал Вальдер. — Они пришли на Сиалу в момент ее рождения. Первыми были не огры и уж точно не орки... Эти существа жили в самом начале Темной эпохи. Некогда великая и чуждая даже для огров раса, которой теперь уготовано жить здесь. Чужие нам... Абсолютно другие... Смотри, Гаррет, вот они — Первые дети этого мира.

Не знаю, откуда о полуптицах-полумедведях узнал архимаг, но смотрел я на тварей во все глаза.

Сейчас они проходили в пятнадцати метрах от меня. Шли гуськом, друг за другом, громко сопя и переваливаясь с ноги на ногу. Каждый третий нес то, что поначалу я принял за факелы. Это были черные бугристые и отполированные до блеска деревянные посохи, на каждый из которых нанизано по черепу. Черепа эльфов и орков, людей и даже огров — они

излучали яркий оранжевый свет, так похожий по цвету на огонь факелов.

Фигура сменялась фигурой, казалось, что веренице не будет конца. Сопение, звук шагов, царапанье когтей по плитам пола. Они проплывали мимо меня, корабли древности и былой силы, ушедшие на дно веков, и их огромные тени злоеюще скользили по телам колонн. Наконец последний, высоко держа факел-череп, прошел мимо меня, и наступила темнота.

Откуда, из каких глубин Костяных дворцов вышли эти существа, как они прожили все тысячелетия Сиалы, чего хотят и к чему стремятся? Не знаю, опасны ли они, но слава Саготу, что я разминулся с полуптицами-полумедведями. Тьма знает, как Первые (действительно Первые!) отнесутся к незваному гостю. Может, встретят с распростертыми объятиями и проведут по безопасному пути до самой могилы Грока к Рогу Радуги, а может, без всяких разговоров сделают из моего черепа новый светильник. Что-то подсказывало мне, что второй вариант куда как вероятнее первого.

И все же я не мог оставаться на месте. Колонна существ следовала в нужном мне направлении, поэтому очень осторожно, едва дыша, я пошел за Древними. Я держался в отдалении, чтобы, не дай Сагот, не быть услышанным или того хуже — не попасть в круг света черепов-светильников. Перебегая от колонны к колонне, следуя за полуптицами-полумедведями, я преодолел весь гигантский зал. Цепочка огней впереди меня дрогнула, рассыпалась на три, растеклась по коридорам-лабиринтам, и воцарилась тьма.

За все время я не услышал от этих существ ни слова. Куда направились птицемедведи, какие цели преследовали, чего хотели? Конечно же я не стал догонять ушедшие создания и задавать им глупые вопросы. Куда бы ни ушли существа — мне с ними было не по пути. Как в фигуральном, так и буквальном смысле. Моя дорога вела в едва заметный узкий коридор, начинавшийся меж двух последних колонн зала, а разделившиеся на три отряда Древние ушли по другим коридорам. Возникло сильное искушение достать карты и посмотреть, куда эти создания могут направляться, но я самым безжалостным образом подавил в себе предательское любопытство. Меньше знаешь, лучше спишь. Я не сомневался, что только что прошедшие по колонному залу полуптицы-полумедведи пришли сюда из глубин Безымянных ярусов, куда никто не решался заглянуть в течение последних семи тысячелетий.

— Чего они хотят, Вальдер? — вырвалось у меня. Удивительно, но на этот раз архимаг соизволил мне ответить:

— Они ждут, Гаррет.

— Ждут?! Но чего?!

Он долго молчал. Очень долго. Я уж подумал, что не дождусь ответа.

— Шанса. Шанса вернуться в наш мир. Они — ошибка богов, а может быть, и того, кого называют Танцующим в тенях. Они были созданы как... как эксперимент, как первые существа. Они чуть не уничтожили Сиалу и были наказаны... Они ждут, когда кто-нибудь разобьет оковы цепей, что удерживают их в недрах земли. Ждут и мечтают, чтобы ИХ мир стал прежним. Без орков, огров, эльфов и уж, конечно, без людей. Ждут, когда Держащие Цепи, те, кого мы привыкли называть Серыми, замешкаются и нить равновесия лопнет, как это едва не произошло в одну из лютых зимних ночей много лет назад...

От слов мертвого архимага меня пробрало до костей. Я понял, на что он намекает.

— Рог Радуги?

— Скорее всего. Это они пробудили зло, спящее здесь. Свое собственное зло. Они чувствуют, что время близко...

— Но откуда ты все это знаешь?

Нет ответа. Вальдер исчез, оставив меня в сомнениях и раздумьях.

* * *

Скудный ужин, сон, почти не принеший облегчения, и вновь дорога. Коридор привел меня в пещеру, где наконец-то не надо было тратить "огоньки" и тыкаться носом в стены. Размерами пещера не уступала залу с колоннами. Красновато-оранжевые стены, потолок, с которого срывались столбы света, прекрасно освещавшие округу. Клянусь, свет не был волшебным. Это оказался солнечный, самый настоящий солнечный свет! Первые две минуты мои глаза, совсем от него отвыкшие, отказывались что-либо видеть, я щурился и смаргивал невольные слезы. Пришлось изрядно помучиться, чтобы привыкнуть к неожиданному подарку богов и нормально видеть. Солнечный дар, вырывающийся из потолка, находившегося от меня на высоте шестидесяти с лишним метров, казался светом вечернего солнца, пробивающимся сквозь густую лесную листву. Это было нечто теплое, ласковое, не слишком яркое и конечно же (особенно после мрака подземелий) непостижимо прекрасное. Пожалуй, впервые за неделю гуляния по Костяным дворцам я был благодарен строителям и магам, создавшим в одной из глубоких пещер такое чудо.

Пещера была настолько большой, что неизвестные строители поместили в ней маленькую крепость. Да-да! Самую настоящую крепость!

Стены высотой метров в двенадцать, сорванные и разбитые створки ворот. Четыре изящные воздушные башенки с острыми, будто копья, шпилями (поправка — три со шпилями, а по четвертой словно ударили волшебным кулаком. От башни остался лишь один огрызок). Еще одна, башня в самом центре, точно такой же архитектуры, как четыре другие, но несоизмеримо большего размера. Изящная крепость. Но крепкая. Возникни сейчас у кого-нибудь желание там обосноваться и устроить оборону, то даже профессиональным воинам, решившим штурмовать укрепление, придется туго (на мой неискушенный воровской взгляд).

Первоначально я даже не заметил крепость, потому как ее стены практически не отличались цветом от стен пещеры. До невесть как оказавшегося здесь бастиона пришлось достаточно далеко идти. Я потопал по красноватой дорожке, змейкой выющейся между высоких каменных наростов-пальцев, повсеместно растущих прямо из пола. Дорожка была усыпана мелким каменным крошечком, и камушки то и дело скрипели под подошвами сапог.

Когда я подошел ближе, то понял, что крепость обойти не получится. Ее стены упирались в стены пещеры, а без потерянной паутины штурмовать преграду высотой в двенадцать метров у меня, увы, не получится. Сколько бы лет ни простояла стена, я не увидел на ней ни щербинки. Остается одна возможность попасть на другую сторону пещеры — пройти в зияющий провал, пересечь внутренний двор и надеяться, что есть ворота на противоположной стене крепости. Входить в крепость, как вы понимаете, мне не улыбалось. Уж слишком много костей перед входом. Серые старые кости...

У многих мертвецов меж ребер застряли стрелы. Оборонявшиеся лучники сняли богатую жатву. Много оружия, но настолько старого и ржавого, что касание сапога заставляло его рассыпаться в прах. Щиты, шлемы, луки с истлевшими тетивами, доспехи с едва видимой гравировкой Черной розы, Черного пламени, Черного камня, Белого листа, Белой воды. Эльфы темных и светлых домов, сражавшиеся, а точнее нападавшие плечом к плечу. Я даже знаю, против кого могли объединиться некогда единые эльфийские дома. Только против своего главного и извечного врага, против ближайших родственничков орков. Рядом с сорванными створками ворот валялись останки тарана. Ха! Несмотря на то что под стенами погребло с сотню бойцов, эльфам все же удалось разбить неприступный красный орешек.

Что может ждать меня внутри? Все, кто воевал, давно превратились в память и едва ли будут мне мешать. Я постоял, подумал, прикидывая свои

шансы, затем вздохнул, достал арбалет, вытащил один из обычных болтов и заменил его на огненный. Делать нечего, либо возвращаться, либо лезть в крепость.

Удивительно, но ни в воротах, ни в узком коридоре с бойницами для встречи незваных гостей меня ничто не схватило. Теперь вместо камушков под ногами скрипели старые кости. Эльфов и здесь ожидал прием. В коридоре чувствовался запах затхлой сырости старых деревянных перекрытий потолка и терпкая горечь миндаля. По меньшей мере странный аромат для такого места. Коридор вывел меня во внутренний двор крепости.

Прямо напротив красным столбом возвышалась центральная башня. Весь двор, как и площадка перед воротами, усыпан костями. Схватка здесь происходила нешуточная, орочьи и эльфийские скелеты порой переплетались в самых немыслимых позах. С'каши и ятаганы кривыми ржавыми полумесяцами валялись под ногами. Во многих местах земля, стены и кости покрыты сажей, а то и оплавлены. Западная часть двора завалена красноватыми глыбами и обломками разрушенной башни. Кроме стрел и мечей в дело шла магия.

Эльфов полегло много, очень много, но не возникало никаких сомнений, кто вышел победителем из этой схватки. В стене центральной башни, на высоте десяти метров были вплавлены тела восьми орков. Не исключаю, что после того как эльфийские шаманы и маги свершили казнь, орки еще долго, о-о-очень долго мучились.

Удивительно, но казалось, время не тронуло, пощадило мертвых, казалось, что они погибли всего лишь минуту назад. Их плоть не растаяла, словно воск свечи, не сгнила, как протухшее мясо, и не усохла, словно заморская слива. После путешествия по Пограничному королевству, общения с воинами Альгерта Далли и схватки у Перекрестка я немного разобрался в нашивках самых известных кланов орков. У орков, оборонявших крепость, нашивки были бело-черными, почти выцветшими. О таких клановых отличиях я раньше не слышал. Если выберусь из Храд Спайна, спрошу у Эграссы ради любопытства, какой клан орков носит бело-черные цвета.

Прямо перед башней росло большое старое дерево, чем-то напоминающее воина-карлика, отдыхающего после долгой дороги. Кряжистое, крепкое и низкорослое. Такое же древнее, как и красная крепость, что теперь хранит кости павших воинов. Вот только в отличие от давно умершей и заброшенной крепости старое нелепое растение все еще

жило. Все ветви долгожителя усыпаны мелкими белыми цветочками, и казалось, что дерево укуталось в пушистое снежное одеяло. Цветы благоухали миндалем, и их горький аромат ощущался даже во рту. От запаха уже начинала болеть голова, и я поспешно двинулся прочь. Не стоит задерживаться во дворе крепости больше, чем это требуется.

Иду широкими осторожными шагами, стараясь не наступать на кости. Глупо, но ничего не могу с собой поделать — детские суеверия все еще сильны и что-то подсказывает мне, что не стоит без причины будоражить останки эльфов и орков. Все же мне не всегда удастся разминуться с желтоватыми костяками, облаченными в ржавые доспехи. Слишком много скелетов, иногда ногам не остается ничего другого, как вдавить кости в рыхлый песок крепостного двора. Вот и сейчас я не рассчитал и наступил на череп.

КРАНК!

Череп оглушительно лопнул и развалился, словно у меня под ногой была не кость, а переспелая гарракская дыня. Я брезгливо дернулся, на миг отвлёкся от костей и бросил взгляд на дерево.

Сердце в груди сделало безумное сальто, вспарило в небеса, а затем рухнуло вниз и запуталось в кишках. Цветы у дерева теперь были не белыми, а красными! Кроваво-красными! Кровь скапливалась на лепестках в виде огромных капель, а затем срывалась вниз, орошая кости и песок. Тяжелые капли, словно дождь из кошмара какого-нибудь ненормального, срывались с ветвей, сочились из всех пор древесного ствола и падали вниз. За несколько секунд под деревом уже успел образоваться маленький пруд. Пруд рос и рос, расширялся и словно какой-то хищник поглощал лежавшие на песке кости.

Мучительный, нескончаемый, пробирающий до костного мозга вопль боли раздался откуда-то сверху и заставил меня пригнуться и втянуть голову в плечи. Я поднял глаза вверх, ожидая увидеть падающего на меня грифона-дракона не-пойми-еще-кого, но вот... Вот только на меня никто не собирался падать. Кричал один из орков, вплавленных в тело башни. Кричал безостановочно и мучительно. Его лицо исказилось от вселенской боли. Вот тут-то меня и пробрало...

Я, не разбирая дороги и расшвыривая попавшие под ноги кости, бросился прочь. Орк орал, как свинья, попавшая под нож неумелого мясника. Я метнулся из одного конца двора в другой, стал прыгать по валявшимся камням разрушенной башни, не удержался, рухнул вниз, едва не попав в растекающуюся по двору кровь, откатился в сторону, вскочил, зажимая руками уши, и побежал. Понял, что уронил арбалет, развернулся,

отбросил в сторону чьи-то ребра, подхватил оружие, вновь бросился прочь, заметался... Вопль мучившегося создания сводил с ума и поднимал со дна моего сознания льдинки страха.

Так и остался у меня в памяти размытый от бега двор, красный столб башни, горечь миндаля, истекающее кровью дерево и крик обреченного на вечные муки орка. Страх заставлял бежать, страх заставлял скулить, страх заполнил почти все сознание, и я лишь каким-то чудом смог выскочить через проломленную дыру в стене, находящейся на противоположной от ворот стороне. Крики орка подталкивали в спину и заставляли бежать по красной дорожке все быстрее и быстрее. Два раза я падал, отбивая колени, вновь вскакивал и продолжал бежать. Остановился лишь после того, как вопли вечно живого и вечно умирающего существа поглотило расстояние.

Я уперся руками в колени и отдышался. А тьма! Только и знаю что бегать! Так ни на какие Костяные дворцы здоровья не напасешься!

Я оглянулся назад, на покинутую крепость. Отсюда она казалась не больше маленькой шкатулки, в которой некоторые недалекие личности хранят дурацкую мозги дрянь. Ай да Гаррет! Это ж надо было умудриться за один присест пробежать такой кусок пещеры!

Солнечный свет, бивший все время моего путешествия по оранжевой пещере, постепенно мерк и становился не таким ярким и живым. Случись такое на поверхности, и я, не задумываясь, сказал бы, что начинается закат и наступают сумерки. Впрочем, наверное, так оно и было, а значит, не стоит стоять и глазеть, как пещера погружается во тьму. Зачем тратить и так уже порядком оскудевший запас "огоньков", если можно поспешить и преодолеть расстояние до выхода из оранжевой пещеры засветло? Поспешным шагом, ежеминутно косясь на темнеющий потолок, я направился по красной дорожке к далеким стенам пещеры. Каменное крошево скрипело под сапогами, словно осколки древних костей.

* * *

Когда я подошел к стене пещеры, редкие солнечные лучи уже не могли осветить местность. Собрался было воспользоваться новым волшебным фонариком, но случилось чудо. Каменные столбы-пальцы, меж которых вилась дорожка, разом мигнули, полыхнули и засияли холодным бледно-голубым светом. Точно такие же камни, только размером поменьше, росли прямо из стены, и их сияние указало мне на ранее незаметную тропку, которая причудливым серпантинном взбиралась по стене куда-то ввысь.

Делать нечего, тропка должна привести меня к выходу, это вроде единственный путь, если только я не захочу пойти вдоль стены, надеясь найти еще какой-нибудь способ выбраться отсюда. Но стоит ли заниматься глупостями и терять время, если пещера даже в картах не указана? А вдруг другого выхода нет?

Несмотря на подъем, идти оказалось легко, и, преодолев девять витков серпантина, я поднялся на довольно большую высоту. Тропка была узкой, и приходилось прижиматься к стене, чтобы чувствовать себя хоть немного увереннее. Зазевайся, не заметишь плохо лежащий камень — и тут же сверзишься вниз. Конечно, под ногами не пропасть в сто метров глубиной, но, рухну я с тропки, костей точно не соберу. Вниз я старался не смотреть до тех пор, пока серпантин, вырубленный прямо в отвесной скале, не привел меня к выходу.

Стоило отдохнуть. Я расположился на ровной площадке явно искусственного происхождения, добыл сухарь, поболтал фляжкой, проверяя, сколько осталось воды, и разочарованно цокнул языком, понимая, что там не больше чем на три-четыре глотка. Скоро будет туго, если только я не отыщу какой-нибудь источник или пруд, чтобы пополнить скудные запасы. Сухарь как всегда оказался безвкусным и жестким, словно подошва старого военного сапога.

Жуя сухарь, я наслаждался открывающимся передо мной видом. До потолка отсюда было не более шести метров, а до пола все пятьдесят. Вся пещера как на ладони. Сотни искорок-столбов яркими холодными светляками горели ровным волшебным огнем, озаряя местность. Пол и стены тонули в голубых кругах света, исходящего от столбов. Красиво. Волшебная, непередаваемая красота. Столбы-фонари, находящиеся слишком далеко, сливались в одну яркую линию. Островки голубого света топили пещеру в нереальном сказочном сне. Даже ночным огням Заграбских лесов далеко до такой красоты.

Наслаждаться красотой можно бесконечно, но, сидя здесь, Рог Радуги не добудешь. Я с сожалением встал, отряхнул крошки с рук, убрал флягу и вошел в просторный коридор, на стенах которого осталась копоть факелов. Ковырнул копоть ногтем. Свежая. Готов поставить золотой против тухлого яйца, что на вскидку отвечу, чьи факелы здесь напачкали. Ребята Хозяина. Видать, Лафреса наколдовала себе и своему отряду крылья, иначе как объяснить, что слуги Хозяина меня все время опережают? Что же, придется догонять.

Солнечный янтарь стен и немногочисленные волшебные факелы, едва разгоняющие темень залов. Слава Саготу, сейчас мне не надо тратить запас "огоньков" — света, для того чтобы беспрепятственно продолжать путь, предостаточно. Несмотря на полумрак, обитающий в этом секторе Костяных дворцов, в залах, начавшихся после Оранжевой пещеры, чувствовался уют и тепло домашнего очага. Наверное, такое ощущение создавалось из-за янтаря, которым строители облицевали стены залов. Янтаря ли? Не уверен. Во всей Сиале не сыщется такое количество янтаря. Это что-то другое, пускай и очень напоминающее янтарь. Какой-то другой камень, но с точно таким же, как и у Слез деревьев (так называют янтарь орки и эльфы), цветом и насыщенностью. Какой-то кварц? Или слюда? Не знаю.

Бесконечные узоры стен, складывающиеся в весьма небрежные рисунки. Рисунки — нечто вроде хроники. Передо мной расстилались все мало-мальски значимые события истории Сиалы за Неназываемый знает сколько тысячелетий. Но рассматривать все художества орков и эльфов не было ни времени, ни желания. У меня нет в запасе лишнего миллиона лет.

Пол из красного минерала точно такой же фактуры, как и стены, оказался зеркальным. Так что сейчас по залам шли сразу два Гаррета, только один был здесь, а другой там — в зеркальном полу. Плиты отчего-то были скользкими. Повинуясь какому-то детскому порыву, я разбежался и заскользил, словно у меня под ногами не пол, а настоящий лед.

Я понял, куда попал, после того как пропутешествовал около часа по сектору Янтаря (как я стал называть это место) и вышел к двум четырехметровым статуям возле входа в очередной зал. Справа стоял орк, слева эльф. Оба в одинаковых свободных одеждах с поясами в виде цепи, оба с несвойственными им двуручными мечами с волнистым лезвием. Эльф и орк закрывали руками уши. На полу какая-то надпись на орочем, но, как это бывало и раньше, я проигнорировал непонятные закорючки. Предупреждение? Пожелание доброго пути? Сагот их знает! Какой тьмы ломать себе голову и беспокоиться, если все равно ничего не поймешь?!

Так что особо не раздумывая, я прошел мимо застывших скульптур в следующий зал. Хотя признаюсь, что после оживающих горгулий к статуям я относился с вполне понятной подозрительностью.

... бам! баМ! БАМ! БАМ! БАМБАМ!! БАМ-БАМ-М-м-м!!

Вот уж действительно неожиданно! Я едва не оглох от гремящего эха

собственных шагов! Оно все нарастало, нарастало, затем перешло в рев прорвавшегося водопада, зазвучало как разящий гром богов и сгинуло без следа, оставив на прощание звон в ушах.

— Тихо, — шепнул я, и эхо тут же подхватило это слово, разнеся его чуть ли не по всему Храд Спайну.

— тихо! тихО! тиХО! тИХО! ТИХО! ТИХО-О-О-О! ХО-о-о!

Я сморщился, как от зубной боли. Лучший способ заявить о своем присутствии на весь мир — это заорать в залах Уснувшего Эха. Малейший шум и разбуженное эхо загрохочет так, что покойники должны повыскакивать из гробов за лигу от этого места.

Я сделал парочку пробных шагов, стараясь как можно меньше шуметь. Бесполезно. Даже осторожная ходьба вызывала неизменное и магически усиленное во множество раз эхо.

Пришлось снять сапоги и идти босиком. Удивительно, но эта мера помогла, и эхо почти не просыпалось, так что дальше я шел беспрепятственно и не опасался быть услышанным на другом ярусе Храд Спайна. Вот только проклятуший зеркальный пол оказался ужасно холодным.

Спустя какое-то время, когда пальцы на ногах попросту отказывались что-либо чувствовать, дорога вывела меня к подземной реке, заключенной в плен мраморных берегов. Черная лента безмятежной воды появлялась из дыры в янтарной стене, разделяла зал на две половины и исчезала в точно такой же дыре в противоположной стене. Разделяя зал, подземная речка самым наглым образом перегораживала мне дорогу. Раньше через нее был перекинут мостик, но сейчас от него остался лишь каменный огрызок не больше четверти метра. От мраморного берега до воды не более полуметра, можно достать рукой, и я не преминул воспользоваться предоставленной возможностью и наполнить флягу.

В ширину канал оказался в три, три с половиной метра, так что вполне можно перепрыгнуть с разбега, что, собственно, я и сделал, предварительно обувшись. Пол оставался все таким же скользким, и прыжок вышел достаточно неловким. Сердце екнуло, казалось, из-за плохого прыжка я не долечу и рухну в воду, но уже через секунду ноги коснулись противоположного берега. Пол проворно выскользнул из-под ног, я рухнул и проехал на боку метров десять, если не больше. Я же говорил — самый настоящий январский лед! Хорошо хоть ничего себе не отбил.

— А тьма! — выругался я и только тут понял, что эхо не стало повторять мои слова.

Залы Уснувшего Эха остались позади.

Лабиринт Пятой руки. Именно так называлось место, в которое я попал. Череда узких извилистых коридоров и комнат с бесчисленным количеством входов и выходов. Один неверный шаг, один неверный поворот — и останешься в лабиринте навсегда. Здесь можно петлять годами, бродить из одной комнаты в другую, сотню раз проходить одной и той же дорогой и так и не найти спасительный выход, находящийся в пяти метрах от тебя. Страшное место. И унылое, как затяжной дождь в октябре. Хорошо что хоть не темное — факелы-светильники горели так же исправно, как в Янтарных залах.

Намаялся я в Пятой руке знатно. Дорога, словно взбесившаяся змеюка, петляла из комнаты в комнату, из зала в зал. В узких коридорах с низким потолком воздух оказался спертым, и хотелось расцарапать себе грудь, чтобы дышать стало хоть немного легче.

Один раз я чуть заикой не стал. Вошел в зал и увидел на стене огромную тень. Как оказалось, это была моя тень, в десятки раз увеличенная висящим на стене факелом. Трижды я находил скелеты былых путешественников. У последнего еще не успела истлеть одежда. Это кто-то из первой экспедиции Сталкона, но каким чудом человеку удалось без Ключа пробраться через Створки на пятый ярус, навсегда останется загадкой.

Можно сказать, что после часа блужданий по узкому душному подземелью я готов был отдать половину своей крови, лишь бы выбраться. Ну, я и выбрался, правда, спустя еще целый час. Просто в один прекрасный момент, следуя указанию карты, я повернул направо, вышел из лабиринта и оказался в двух шагах от пропасти. Возле выхода горел последний факел. Он-то и помешал мне шагнуть в бездну. Я очутился на маленькой площадке в шесть шагов шириной. Позади дыра, из которой я вышел, покидая лабиринт Пятой руки, впереди и внизу бездна. Вверх, в темноту, уходила гладкая стена. Площадка плавно перетекала в тропку, вырубленную прямо в стене. Тропа шириной в шаг. Шаг влево — и плечо упирается в холодный базальт стены, шаг вправо и... ничего. Пустота. Пропать.

Видать, тропку прогрызали в скале прямо зубами. Грубая и небрежная работа, сделанная на скорую руку. Из-за постоянных неровностей и выступающих камней приходилось прижиматься к скале и ползти с черепашьей скоростью. То и дело по левую руку появлялись темные провалы, ведущие в глубь скалы. Я старался как можно быстрее миновать

их. Тьма знает, что оттуда может выскочить. Тропинка сузилась до четверти шага. Теперь я едва мог поставить ногу, и угроза рухнуть со скалы возросла многократно. Приходилось впиваться ногтями в базальт, чтобы хоть как-нибудь удержаться. Впереди и немного справа появилась горизонтальная цепь, состоящая из шести огней. Тропка кончилась как раз возле огней и плавно перетекла в площадку, ведущую в точно такой же вход, как и тот, который вывел меня из лабиринта Пятой руки. В дыру лезть нет смысла, мне совсем не в ту сторону. Я повернулся к огням и к тому, что на картах было изображено тонкой, едва различимой на желтоватой бумаге линией и называлось Волосом Нирены.

Это был всего лишь мост, вот только шириной он не уступал последним метрам тропки. Да к тому же еще и круглый! На него едва можно поставить ногу. И вправду самый настоящий волос! Куда уж тоньше-то! И такого чуда целых тридцать метров с гаком. Пойди попробуй перейди, если ты, конечно, не канатоходец с Рыночной площади! Я не боюсь высоты, но это чудо архитектурной мысли не по моим зубам. Все, на что я окажусь способен, — это сделать с десяток ма-а-ахоньких шажков до момента неизбежного падения. Над мостом, прямо в воздухе, дрожа и мигая, как какие-то огненные сердца, висело шесть больших волшебных фонарей.

Что же, мое созерцание моста не прибавит ему толщины и не приблизит ко мне противоположную сторону. Гаррет не дурак, у Гаррета в башке кроме Вальдера есть еще и мозги. Я решил не выпендриваться и преодолеть мост самым удобным и безопасным способом — просто улегся на Волос Нирены, оплел его ногами и стал подтягиваться руками. Полз я со скоростью гусеницы, которая, на свою беду, нажралась листьев травки-красавки. Но полз ведь! Лучше уж передвигаться медленно, но наверняка, не боясь упасть. Ну... или почти не боясь упасть. Вниз я старался не смотреть, и совсем не потому, что было глубоко и страшно. Причина крылась в том, что я попросту не видел дна. Подо мной была чернота. А какого, я вас спрашиваю, смотреть вниз, если все равно ничего не увидишь?

Преодолев четверть пути, я решил, что честно заслужил небольшой отдых, и остановился, обхватив мост руками и ногами, словно он был самым большим сокровищем в моей жизни. Откуда-то снизу поднимались едва уловимые потоки теплого воздуха. Надо сказать, что ощущать сие чудо было очень неприятно, потому что ветерок нес попросту одуряющую вонь выгребной ямы. Дышал я исключительно ртом, но и это не очень-то помогало. От вонючки аж глаза слезились. Пришлось вновь вспомнить об

отведенной самому себе роли гусеницы и ползти дальше, проклиная мост и все то, что достает меня в Костяных дворцах вот уже целую неделю.

Представляю, какое очаровательное зрелище открылось бы для того, кто находился бы на "берегах" (в особенности для хорошего стрелка). Распластанная по мосту и еле ползущая фигурка — великолепная мишень. Но вокруг меня никого живого не было, а оттого никто не мог насладиться видом Гаррета, вступившего в отчаянную схватку и мостом. Все же победитель в этом поединке вскоре определился, и им был я. На все попытки моста сбросить меня я неизменно отвечал упрямым отказом и продолжал ползти вперед до тех пор, пока не оказался на противоположном берегу. Отчего-то болели ноги, и пришлось сесть. Ай да я! Неужели мне удалось преодолеть очередную преграду на пути к заветной цели?

Глаза болели, будто туда насыпал целую телегу песка не в меру проказливый гоблин. В который раз я широко зевнул и плеснул из фляги себе в лицо, стараясь прогнать сон. Не помогло. Да и неудивительно! Больше двадцати часов на ногах, практически без всякого отдыха. Усталость давала о себе знать, требуя настойчиво и безжалостно отдыха, не собираясь идти ни на какие уступки. Так и быть, отдохну, чтоб ей пусто было! Вон, сяду возле стены, где потемнее, и отдохну. Опасности вроде никакой, да и подобраться ко мне будет сложно — с одной стороны мост, а с другой точно такая же, как и на той стороне, узенькая тропинка. Сейчас вот тут посижу, отдохну немножечко... совсем чуть-чуть... глаза закрою, а то от рези аж выть хочется... просто закрою, а спать не буду... ни за что не буду... не буду...

Глава 7

Танец солнечных зайчиков

Все же мне не удалось обмануть самого себя и не уснуть. Не знаю, сколько прошло времени, но проснулся я внезапно, словно кто-то что есть силы пихнул меня локтем в бок. Я резко открыл глаза и, приходя в себя, уставился на мост. Вроде никого... Но ведь кто-то шел по мосту! Я же видел!

Лишь через несколько секунд я стал понимать, что "увиденный" человек являлся лишь частью приснившегося мне кошмара. Сон. Всего лишь сон. Но в голову будто налили свинца, липкие пальцы пережитого ужаса едва-едва разжались. Я со стоном поднялся с каменного пола и стал разминать затекшие ноги и руки, иногда опасливо поглядывая на Волос Нирены, словно ожидая увидеть возвращение сна, теперь уже совершенно реального. Но нет, ничего такого. Только волшебные фонари таинственно перемигиваются между собой, будто знают что-то такое... Что? Это же всего лишь фонари, пускай и трижды волшебные. Никаких мыслей или разума у них и в помине нет. Бр-р-р! Хватит себя накручивать, а то такое привидится, что за десять лет не расхлебашь! Пора двигаться дальше, я и так потерял несколько драгоценных часов.

Ладно, это я попросту ною, если кто не понял. Конечно же сон был необходим, и грех стонать по пустякам. Не передохни я сейчас, и пришлось бы делать это в лабиринте Сорок третьей руки. Да-да, есть в Храд Спайне и такое чудо! Не знаю, куда делись лабиринты, находящиеся между Пятым и Сорок третьим, но в картах лабиринт, расположенный напротив Пятой руки (то есть на этом "берегу"), называли не иначе как Сорок третьим.

Здесь так же, как и в Пятом, горели волшебные факелы. Здесь тоже было душно и тесно. Здесь также иногда попадались останки заблудившихся несчастных. Но бродил я по нему гораздо меньше времени, чем в Пятой руке. Как-то незаметно даже для самого себя после тьма знает какого поворота я вырвался из запутанных объятий лабиринта.

Карты называли место, куда я попал, восемьдесят шестым северовосточным Лестничным залом. Зал черного оникса. Черный камень жадно пожирал свет "огонька", и видимость была препаршивой. Я не рисковал увеличивать яркость, теперь приходилось беречь каждый новый волшебный фонарик, растягивать его жизнь на как можно более долгий срок, чтобы дотянуть до выхода наружу.

Я даже старался не думать, в какую переделку угодил. Там наверху, в прошлой жизни, я считал, что, спускаясь в Костяные дворцы, ввязываюсь в самую большую и опасную авантюру столетия. Только теперь я понял, что это нечто гораздо большее, чем большая и опасная авантюра. Я не могу подобрать слова, чтобы хоть как-то охарактеризовать нынешнюю ситуацию. Один. Совсем один. В почти крошечной темноте, спускаясь все глубже и глубже, с остатками припасов, исчезающих с катастрофической скоростью, без Ключа, без всякой надежды вырваться наружу и преодолеть Створки. На что я надеюсь? Наверное, только на чудо. На Очень Большое Божественное Чудо. Конечно, боги так и горят желанием спасти некоего Гаррета и даже занимают очередь. Что, не верите? И я не верю. Ха-ха! Вот такая глупая шутка. Вы погодите, когда сойду с ума в этой непроглядной утробе, вот тогда-то мы всласть и поохочем. М-да... В последние дни настроение у меня хуже некуда. То ли еще будет?

Десятки черных лестниц вздымались вверх или, закручиваясь штопором, уходили вниз. Среди лестниц никакого разнообразия, все абсолютно одинаковые, будто архитекторы подчинялись какой-то жесткой и непонятной мне системе. Долго-долго иду мимо них, иногда касаюсь пальцами прохладного камня, вслушиваюсь в тишину. Оникс пожирал все звуки. Во всяком случае, я так думал, пока не услышал крик. Даже не услышал, а, скорее всего, почувствовал. Кричали недолго, крик оборвался через секунду после того, как я его расслышал, да и расстояние оказалось чересчур далеким.

Я остановился, прислушался. Минуты сменялись минутами, но больше криков слышно не было. Пройдя Лестничный зал насквозь, протопав через несколько холлов, я оказался перед входом в зал, где был свет, и поспешно загасил "огонек". Клянусь всеми богами, но следующий зал в картах указан не был. Вход высотой и шириной не уступал Створкам. Вновь, как и перед залами Уснувшего Эха, меня встречали две статуи. Справа орк, слева эльф. Двуручный меч орка сломан, и Первый с бесстрастной физиономией выкалывал стилетом себе правый глаз. Вместо левого уже зияла пустая глазница. Меня аж передернуло — огромная, в пять человеческих ростов статуя казалась живой. Скульптор (впрочем, как и все строители Храд Спайна) был наделен талантом самих богов. Эльф сохранил свой меч в целости, но оружие демонстративно лежало у босых ног, рукоятью в мою сторону. Я хмыкнул (ну не каждый же день увидишь, как эльф добровольно отказывается от своего оружия!). Глаза эльф решил поберечь и не пихать в них всякого рода острые предметы и попросту прикрыл их руками. М-да... Вот и пойдешь пойми, что хотели сказать этими

статуями строители! На полу вновь оказались надписи. Я уж было хотел пойти дальше, но выдавленные в плитах буквы полыхнули серым жемчужным светом, призывая обратить на них самое пристальное внимание. Ну я и обратил.

Поначалу это были орочыи закорючки, затем они дрогнули,

расплылись и собрались в квадратики, кружочки и треугольнички, которыми пользовались для письма гномы и карлики.

Еще несколько мгновений, и гномы караули перемешались между собой, незнамо как превратились в человеческие буквы и окончательно застыли, мерцая жемчугом.

* * *

Здесь вечным сном спят шестьдесят девять правителей дома Белого листа. Если ты гном, карлик, человек или дитя иной расы и можешь прочесть эти строки, то заклинаем тебя — не тревожь тех, кто охраняет покой мертвых, и поищи другой путь.

Ну а если ты презренный орк или упрямец, не желающий прислушаться к голосу разума, или попросту не умеющий читать невежда — входи, прими судьбу, предначертанную тебе богами, и не жалуйся, что тебя не предупреждали.

* * *

Буквы еще несколько секунд посверкали, сложились в орочки закорючки и погасли, вновь став всего лишь обычными буквами, выдавленными в плитах пола. Пожалуй, впервые с момента попадания в Храд Спайн я крепко подумывал о том, чтобы плюнуть на все и поискать другой путь к шестому ярусу. Я отношусь к тем людям, что обычно прислушиваются к внутреннему голосу разума и оттого живут долго и по возможности счастливо. Ну не будут же эльфы ни с того ни с сего предупреждать путника о грозящей опасности, особенно если учесть то, что раньше перед встречаемыми мною ловушками никаких сопроводительных надписей не было. Стоит поостеречься и не лезть в гадючье гнездо без веских причин. До основной дороги, ведущей к спуску на шестой ярус, оставалось пройти всего лишь несколько залов, пройти по прямой, никуда не сворачивая (если только карты мне не врали). Обходной путь занял бы у меня лишних полтора дня блужданий по лестницам, коридорам и залам, а именно этих лишних полутора дней у меня сейчас как раз и не было. Я и так уже достаточно сильно выбивался из графика. И все сроки, отпущенные мне милордом Алистаном, летели ко всем собачьим демонам.

Все же пребывание в Костяных дворцах повлияло на мои мозги с самой неблагоприятной стороны. Потому как с недавних пор ценность времени у меня встала на одну ступеньку выше ценности собственной жизни (скажи кому из моих знакомых, так не поверят же!). В итоге в башке у меня произошло мимолетное потемнение сознания, и очнулся я уже после того, как сделал два десятка шагов по залу, куда мне категорически не советовали соваться. Вот так и свершаются самые большие глупости во Вселенной. Мол, не делал, не хотел, это оно само случилось. Ноги не туда завели, руки сами ножом пырнули, а голова не виновата, хотя именно ей теперь придется отвечать за оплошности рук и ног.

Страх во мне бурлил не хуже чем гейзеры на острове Дракона. Вот-вот выплеснется через край.

"Спокойно, без паники! — шепнул мне внутренний голос. — Ничего страшного не случилось, ты еще можешь вернуться. Попытайся успокоиться. Осмотришься!"

В кои-то веки мне посоветовали что-то приличное. Я несколько раз глубоко вздохнул, стараясь успокоить дыхание и грохотавшие барабаны сердца. Действительно, я прошагал по запретному залу целых двадцать шагов и, несмотря на грозные предупреждения у входа, все еще был живехонек. Неужто эльфы попросту решили взять меня на испуг? Стоило осмотреться и решить, возвращаться назад или идти вперед.

Зал оказался не очень "большим". Всего лишь с турнирное поле величиной. Стены сложены из огромных каменных блоков, каждый из которых размером с небольшую карету. Достаточно грубая архитектура, особенно если учесть, что здесь покоятся шестьдесят девять владык одного из светлых эльфийских домов. Этот зал не идет ни в какое сравнение с той красотой, что встречала меня на последних ярусах. Даже странно. А похоронены ли здесь эльфийские короли или это очередная сказочка для легковерных? Теперь не проверишь, ниши между каменными блоками давным-давно замурованы, да и вряд ли по обычным костям можно определить, королевского рода покойник или самого что ни на есть сиволапого.

Совершенно хаотичное нагромождение колонн. Тут три, здесь одна, а там сразу восемь. Восьмигранные, высокие и очень тонкие, за такой едва спрячешься. Самое странное в зале — по полу медленно и хаотично ползали пятна света. Казалось, что с потолка на пол падают солнечные лучи, но, естественно, никаких лучей и солнца здесь и в помине не было.

Картина получалась довольно странной и отчего-то зловещей. Полутемный, едва освещенный бледным, излучаемым светом стен, зал, где

каждая колонна отбрасывает густую, просто чернильную тень и по полу медленно, величественно и абсолютно бессистемно ползают четыре десятка солнечных пятен. Каждое размером в добрых полтора метра. Там, где я стоял, никаких солнечных зайчиков не наблюдалось, но впереди... Это можно было назвать и скопищем, и роем. Что-то здесь нечисто, пойду-ка я назад. Сейчас я готов потратить проклятые полтора дня, но только не проходить через зал. Сказать, что неведомые световые пятна, ползающие по полу, словно овечки, бродящие по заливному лугу, будили во мне смутные опасения, значит ничего не сказать.

К Неназываемому всякие странности и загадки! Буду искать другой путь, авось не рассыплюсь! Разворачиваюсь к выходу и тихонько ругаюсь. Невесть откуда взявшиеся восемь солнечных зайчиков преградили мне дорогу, и теперь, чтобы выйти из зала, мне придется пройти прямо по ним. Наступать на неизвестно что никакого желания не было, и оставался только один выход прыгать через пятна, благо, на мое счастье, между выстроившимися передо мной "зайчиками" были небольшие черные промежутки чистого пола. Полтора метра способен перепрыгнуть даже паралитик, если у него будет веская причина для таких прыжков.

Будто читая мои мысли, пятна пришли в движение и слились в одно большое пятнище.

— Сволочи! — ни с того ни с сего вырвалось у меня.

Пятна, естественно, не поняли и даже не дрогнули (не говоря уже о том, чтобы отодвинуться в сторону и дать человеку дорогу). Казалось бы, чего проще — возьми и пройди по полу. Какая, собственно говоря, разница освещен пол или погружен в тень? В общем-то никакой, но вот смущали меня эти "зайчики" и их брожение. Я даже лупанул по пятну из арбалета, надеясь хоть на какой-то эффект, но ничего не произошло, лишь болт глухо звякнул об пол.

— А вот не пойду, и все тут. Не пойду, хоть режьте! — пробормотал я и отвернулся от выхода.

Придется пересечь зал, ведь должен же быть какой-то путь через это!

Я остановился у самой границы ползания пятен. Дальше идти пока не решался. Все же в этом на первый взгляд бессмысленном брожении должна быть какая-то система, но я пока никак не мог понять принцип движения пятен. Они ползали со скоростью парализованных мамонтов, а если точнее, чуть медленнее скорости никуда не спешащего или прогуливающегося по городскому парку человека. Что бы это ни было, но оно никуда не спешило и ползало в свое удовольствие. Ползало никак не меньше тысячелетия, прошу заметить. Одни пятна решили, что лучше всего ползти вправо,

другие — влево, третьи — по диагонали, четвертые — по окружности, пятые — до спирали, шестые — только по им понятной ломаной линии. Иногда они наползали друг на друга, на мгновение сливались в одно большое пятно, вновь разделялись и ползли своей дорогой. Но всегда между пятнами оставались достаточно большие промежутки, так что при должной ловкости можно попросту бегать между вялыми световыми ползунами. Возле самой границы пятен было не так уж и много, но чем ближе к центру зала, тем больше. Особенно много их оказалось возле какой-то кучи, что располагалась метрах в восьмидесяти от меня. Как я ни напрягал глаза, четко рассмотреть то, что лежало на полу, не мог никак. Попытаться пройти зал, держась поближе к одной из стен, не стоило и думать. Световых "зайчиков" возле стен ничуть не меньше, чем в центре зала.

А затем я увидел то, на что ранее не обратил внимания. Нет, конечно же я не разгадал принцип ползания пятен по полу, но зато увидел места, куда пятна категорически отказывались заползать. Тени от колонн! Они длинными темными линиями лежали на полу, и ни одно пятно не рисковало пересечь эту преграду. Может, обычный каприз пятен, а может, все дело в том, что колонны усыпаны мелкими рунами. Тени — эдакие маленькие островки в крошечном шевелении пола. Что же, у меня есть неплохая возможность пересечь зал, двигаясь из тени в тень и минуя пятна. Единственная проблема в том, что тени от колонн оказались расположены на полу под совершенно разными углами, словно в полутемном зале находилось множество источников света, заставляющих тени ложиться как богам на душу придется. Ладно, даже такие небольшие островки — это лучше чем ничего. В принципе все недоверие к световым пятнам может оказаться просто очень большой глупостью, но не зря же находится предупреждение перед залом, да и то, как мне перекрыли выход, подсказывало, что не стоит рисковать и вышагивать, как по улице Сматра.

Ладно, вечно здесь простоять все равно не удастся. Помоги мне, Сагот!

Я переступил границу, как только очередное световое пятно проплыло мимо. Прыжок! Еще! Еще! И еще! Остановка. Два пятна двинулись мне навстречу, я отскочил назад, едва не наступив на третье. Влево! Вправо! Прямо! В три прыжка я преодолел расстояние, отделявшее меня от первой тени, и, оказавшись в безопасности, облегченно перевел дух. В общем-то все не так уж и сложно, главное не зевать и оставаться внимательным, чтобы ненароком не наступить на пятно. До следующей тени восемь метров пустого пространства.

Вперед!

Бежал я, словно заяц, надеющийся запутать следы и оторваться от долгой погони. Приходилось то и дело останавливаться, пропускать пятна, отпрыгивать в сторону, прыгать вперед, сразу через два пятна или бежать в противоположном направлении. Ни с того ни с сего заныла левая рука. Там угнездилась тупая боль, и во время резких движений я невольно морщился. Вполне возможно, что застудил. Сон на холодном каменном полу еще никому не шел на пользу.

Пятна то ли сообразили, что я пьяным доралиссцем скачу меж ними, то ли просто решили немного поразвлечься, но ползать стали намного быстрее и хаотичнее, так что к пятому теневому островку я добрался изрядно вспотевшим и запыхавшимся, словно на мне вспахали весь Валиостр. Да к тому же я трижды едва не опростоволосился и только каким-то чудом умудрился не наступить на "зайчика". Боль в левой руке принялась с деловитой основательностью грызть кости. Пришлось прислониться спиной к колонне, сесть на пол и порыться в маленькой сумке, чтобы выудить что-нибудь подходящее из магических эликсиров. Во время чехарды по залу все содержимое отделения сумки, где хранились пробирки, каким-то необъяснимым образом перемешалось. Я выругался и, сетуя на беспорядок, занялся сортировкой. Несколько ничего не значащих пузырьков пришлось рассовать по карманам куртки. Пусть полежат, пока не найду для них свободной ячейки. Наведение порядка заняло минуты две, и пятна за это время даже не подумали остановиться, а лишь еще сильнее взвинтили темп. Пузырек с целебным содержимым, который должен был на время убить любую боль, ни капли не подействовал, и я послал проклятие на голову Хонхеля, всучившего мне некачественный товар. Не могу сказать, что движения разболевшейся рукой причиняли мне уж очень сильную боль, но безостановочный зуд доставлял неудобство.

Пятна словно взбесились, и в одном месте дорогу мне пересек сплошной поток. Пришлось изловчиться и совершить один из самых лучших прыжков в своей жизни. Дальше стало легче. Тени от колонн накладывались одна на другую, и в течение следующих двадцати метров я шел по ломаной черной дорожке. Боль в руке стала просто невыносимой, и пришлось стиснуть зубы. Дорога, сложенная из теней, кончилась. Отсюда до середины зала не более десяти метров, а до следующей спасительной тени все тридцать. И разделяющее нас с тенью расстояние заполняли ползающие пятна, да еще в таком количестве, что черных участков пола практически не было видно. Вот ведь задачка! Попробуй преодолей такой участок, да еще и "зайчика" не задень.

Потом я соизволил обратить внимание на кучу, лежавшую не далее

чем в пятнадцати шагах от того места, где я находился. То, что издали представлялось мне непонятным, вблизи оказалось не чем иным, как нагромождением человеческих тел. Люди Балистана Паргайда. Конечно же для Лафресы и Бледного места среди мертвецов не нашлось. Семеро покойников лежали на полу в позах, которые не сможет вообразить ни один нормальный человек. "Нелепые" и "противоестественные" — вот, пожалуй, самые пристойные слова для описания того, что я здесь увидел. Создавалось впечатление, что у покойников с самого рождения отсутствовали кости.

У одного шея повернута под таким углом, что затылок смотрит вперед, а лицо назад. К тому же локти и колени сгибаются в совершенно противоположном направлении, а не так, как им велит мать-природа, и оттого человек напоминает странную пародию на паука. Другой мертвец попросту завязан в узел, у третьего ноги переплетены так, что страшно становится. Многочисленные кровавые полосы на полу свидетельствовали о том, что смерть застигла несчастных в различных точках зала, а уж потом покойников стащили в одну кучу. Кто-то даже пытался отбиваться, вон валяется меч, но, как видно, безуспешно — трупа убившего людей существа я что-то не видел.

Плохо. Очень плохо. Гаррет, как всегда, вляпался во что-то о-очень поганое. Теперь главное — успеть узнать об этом "поганом" до того момента, как оно отчекрыжит голову. Поэтому пусть даже неполная информация о противнике — уже половина победы. В этом я достаточно часто убеждался, идя на дело в Авендуме. Всучи осведомителю серебряную монетку — и у тебя уже есть наиподробнееший план дома вплоть до того места, где будущая жертва прячет ларец с фамильными драгоценностями. Ну да речь сейчас не об этом...

По крайней мере, пока я внимательнеешим образом изучал скрюченных мертвецов, никто не спешил со мной расправиться. В зале ничего не изменилось, лишь лужа крови, накопившаяся под телами, стала несколько больше.

И тут пришло озарение...

— Ну и туп же ты, братец Гаррет! — выругался я и в раздражении стукнул себя по лбу.

Вот где скрыта истина! Ведь не зря же, тьма меня раздави, перед входом были слова: "Не тревожь тех, кто охраняет покой мертвых"! И статуи не смотрели и притворялись незрячими или слепыми. Слепые сторожа, вечно охраняющие покой эльфийских владык! Ведь не зря же в путеводном стихе была строка, о которой так не вовремя я соизволил

забыть! И не случайно так ноет рука, на которой надет браслет из красноватой меди, врученный мне Эграссой! Именно от стражей этого зала он сейчас меня защищает, пускай защита и проходит через боль.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове со скоростью шторма. Вот уж не знаю, что теперь делать. То ли бояться того, что может произойти, то ли радоваться, что до сих пор жив. Очень долго приходил в себя. Думал. Страшился. Не решался начать движение меж солнечных пятен. Выжидал. Косился на тела несчастных (что нисколько не прибавляло смелости и оптимизма). Наконец, набрался храбрости, послал все и вся к Неназываемому, бросился вперед, преодолел середину зала, даже не взглянул на мертвецов, отлетел в сторону от неслышно подползшего сзади пятна, совершил умопомрачительный кульбит, стараясь разминуться сразу с тремя пятнами, движущимися прямо на меня. До растянувшейся на полу тени было не больше пяти шагов, я уже рассчитывал, как буду двигаться дальше и... И в итоге прозевал одинокого "зайчика", наступив на него самым краешком подошвы.

Сказать, что за один удар сердца я оказался на безопасном островке... значит ничего не сказать. Какой там к Х'сан'кору удар сердца! В пять, в десять, в сто раз быстрее!

Арбалет сам по себе оказался у меня в руках, медный браслет причинял жгучую боль, но я даже не думал о том, чтобы снять амулет темных эльфов. Сейчас браслет являлся единственной защитой, единственным спасением против сторожей, охраняющих находящийся здесь прах мертвецов. Световые пятна во всем зале остановились, а затем над тем пятном, в которое я так неловко угодил, стали появляться махонькие золотистые искорки. Вначале одна, затем сразу дюжина, потом сотня... Искорки появлялись прямо в воздухе, на миг вспыхивали ослепительным золотым светом, а затем начинали пульсировать в такт биению моего сердца! Искорок становилось все больше и больше, и вот уже можно различить чей-то пока еще не очень ясный силуэт. Еще мгновение, и передо мной стоит блестящее золотое существо, созданное миллионом махоньких искорок.

Кайю. Величайший миф эльфов, величайший ужас орков. Две тысячи лет тому назад, когда в Костяных дворцах эльфы вцепились в глотку оркам и в залах-усыпальницах рекой потекла кровь враждующих сородичей, случилось то, что никак не должно было случиться. Орки в отместку принялись разорять могилы эльфов, причем выбирали могилы только высших родов Черного леса, расшвыривая останки мертвецов по залам и оставляя кости на поругание мраку. Первые покусились на самое главное

для любого эльфа — на честь дома и память предков. Эльфы пытались бороться, пытались оставлять возле могил охрану, ставили ловушки, шептали заклятия... Но на всякое нападение есть адекватный ответ, любая охрана когда-нибудь должна устать, всякая ловушка может быть обезврежена и всякое заклятие можно перебороть другим заклятием. Разорение могил продолжалось, и тогда кто-то из эльфийских домов решил вызвать из других миров этих самых Кайю, чтобы они охраняли могилы от поругания Первых. То, что произошло дальше, можно узнать из легенд орков и эльфов, рассказываемых особенно темными ночами. Но с тех пор никто из орков больше не смел разорять эльфийские некрополи.

И вот один из неподкупных, безжалостных, неубиваемых слепых стражей стоял в пяти метрах от меня. Кайю казался сложенным из тысяч мерцающих искорок, долго смотреть на это существо было невозможно — от яркого золотого блеска начинали слезиться глаза, фигура бездушного стража расплывалась и дрожала, словно морок во время особенно жаркого полдня. Я мог разглядеть лишь силуэт Кайю. Существо оказалось на голову ниже меня. Две руки, две ноги, голова. Никаких тебе хвостов, рогов или зубов. Да что там зубов! У твари даже рта не было! Во всяком случае, среди искорок головы никакого подобия рта я не увидел. А вот глаза... У Кайю на том месте, где должны были находиться глаза, зияли две большие пустые дыры. Существо оказалось совершенно слепым.

Ну, слепое не слепое, а мое местоположение оно вроде определило безошибочно. Во всяком случае, направилось в мою сторону, причем нисколько не торопясь, будто бы было уверено, что я никуда от него не денусь. Я запаниковал и всадил в Кайю сразу два арбалетных болта. Они взвизгнули, пролетели сквозь тело существа, не причинив тому никакого вреда (разве что искорки в месте попадания на мгновение отпрянули в сторону, предоставляя болтам дорогу), и звякнули где-то в полумраке дальней стены. Тварь неувлимым движением оказалась в шаге от меня, взмахнула рукой, я испуганно заорал, понимая, что это все, но рука Кайю лишь зачерпнула воздух возле моего уха, а затем стражник прошел мимо и остановился, предоставляя мне разглядывать его спину. Вот уж не знаю, кто из нас удивился больше, — я или он. Кайю постоял секундочку, видно размышляя, отчего это я все еще жив, а затем повторил попытку. Тот же результат. Словно какая-то сила воздвигла между нами преграду. Охранник меня видел (как это ни странно звучит), но не мог причинить вреда. Спасибо Эграссе и его браслету!

Между тем Кайю шагнул на ближайшее световое пятно, и искры, составляющие его тело, золотым дождем осыпались на пол и растворились

в пятна. Все пятна в зале вновь пришли в движение. Это как понимать? Это значит, что меня решили отпустить, что ли?

Браслет жег руку все сильнее и сильнее, и недалек тот миг, когда боль станет настолько невыносима, что мне придется снять защитный амулет (если только я не собираюсь потерять сознание). Следует рискнуть и, пока не поздно, добраться до выхода. Не стоит играть с судьбой и ждать неприятнейший из моментов, когда Кайю устроят какую-нибудь пакость.

Уже не обращая никакого внимания на пятна, я быстрым шагом (но не бегом!) направился к выходу. Как только нога коснулась первого же пятна, вновь появился Кайю. На этот раз золотые искорки сложились в фигуру стража намного быстрее. Тварь уже не пыталась атаковать. Я наступил еще на одно пятно, потом еще на одно... Не из каждого пятна появлялся Кайю, случись такое — весь зал был бы ими битком набит. Всего появилось пять охранников. Теперь они, образовав полукруг, следовали за мной. Сказочно красивое и вместе с тем страшное зрелище. Пять золотых созданий "смотрят" в мою сторону, затем рассыпаются искрами, втягиваются в пятно на долю секунды исчезают и вновь появляются, но уже возле пятна, на которое я только что наступил. Так мы и прошли весь зал. Я — торопливым шагом, ежесекундно оглядываясь через плечо, и пятерка тварей в четырех шагах у меня за спиной. Стоило мне покинуть зал, и Кайю прекратили преследование. Я смотрел на них, они — на меня. Затем игра в гляделки им надоела, и хранители праха эльфийских владык рассыпались затухающими искрами. Пятна на полу замерли и стали поджидать нового гостя, что нагрянет сюда тьма знает через сколько столетий. Боль в руке потихоньку затихала, защищавший меня амулет успокаивался и становился обычным и ничем не примечательным медным браслетом.

Я миновал зал Кайю и остался жив. Это следовало отметить, что я, собственно говоря, тут же и сделал. Правда, вместо вина пришлось довольствоваться обычной водой из подземной реки, а вместо перепелов грызть половинку сухаря.

Из зала, резко ныряя вниз, отходил широкий коридор. Через сорок шагов появились ответвления, и я начал считать перекрестки, чтобы не пропустить нужный мне поворот. У восемнадцатого ответвления я остановился и повернул направо, уходя из центрального холла. Там, впереди, он переходил в лестницу, ведущую на шестой ярус, и я несколько не сомневался, что Лафреса с оставшимися людьми Балистана Паргайда пошла именно этой дорогой. Я же поступлю хитрее и сверну с главной дороги. На шестой ярус ведет множество путей, и тот, что указан в путеводном стихе, намного короче дороги, выбранной служанкой Хозяина

(хотя и опаснее). Я сокращу расстояние вчетверо и окажусь в самой середине нужного мне сектора шестого яруса, тогда как Лафресе придется протопать его с самого начала и потерять чуть ли не целых два дня. Таким образом, я сильно обгоню соперников. Вдруг мне удастся подготовить встречу и отвоевать Ключ? Почти все (если не все) спутники Лафресы погибли в Костяных дворцах, и мои шансы на победу возросли многократно. Главное, чтобы "огоньков" и еды хватило на обратный путь. Наконец я вступил в зал.

Тут-то меня и поджидали великаны, чей "взгляд сжигает в пепел". Конечно же не настоящие великаны из тундры Безлюдных земель, а всего лишь статуи, ничуть не похожие на великанов, но зато великанского размера! Каждая высотой в тридцать метров! Великаны стояли напротив друг друга, сжимая в корявых ручищах каменные молоты. Таким молотом можно разнести замковую стену при условии, что найдется на Сиале существо, способное его поднять. От великанов веяло древностью и затаившейся угрозой. Чей резец мог создать из камня таких колоссов? Как их доставили на такую глубину и главное — для чего? Вместо лиц у статуй гладкая поверхность сплошного шлема с высоким гребнем и узкой смотровой щелью. Обе статуи смотрели вниз, себе под ноги. Меж двух колоссов находилось нечто вроде бассейна, хотя с того места, где я стоял, никакой воды видно не было.

Под взгляд Великанов, сжигающих в пепел,
К гробницам Великих, погибших в бою...

Возможно, бассейн не что иное, как спуск в сектор Героев шестого яруса. Собственно, именно туда мне и надо, но вот фраза о том, что исполины вроде как без всякого труда обращают в пепел любого, кто рискнет попасть под их взгляд, заставляла осторожничать. Войдя в зал, я старался не лезть вперед, а искать разгадку, прижавшись к стене. А разгадка должна быть, ни один дурак не станет строить спуск так, чтобы в него было невозможно попасть. Значит, чтобы добраться до бассейна, великаны должны на время закрыть глаза. Но как их заставить это сделать? Они ведь статуи! Какой-то механизм? Вроде ничего такого не видно. Признаюсь честно, в этот раз мне пришлось здорово повозиться и поломать голову. Но в голову ничего умного не приходило. Статуи казались

монолитными и неподвижными. Какая-то мерзкая мыслишка прошептала:

— А вдруг все слова про сжигание в пепел глупости? Чтобы некоторые простофили вот так постояли, помучились и ушли несолоно хлебавши.

Я прогнал прочь мерзкий голосок. Ага! Глупости! Предупреждение перед залом Кайю тоже было глупостью. До поры до времени. Еще не хватало сунуться без проверки к выходу. Поэтому надо было провести махонький эксперимент и подставить под взгляд гигантов что-нибудь другое. Вся беда в том, что "что-нибудь" здесь не валяется и зашвырнуть к ногам великанов какую-нибудь штуковину не представлялось возможным. Из своих вещей тоже ничего не бросишь — все, что есть у меня сейчас в наличии, слишком важно и ценно. Даже лишний болт жалко потратить, их осталось не так уж и много. Но проверить огненный взгляд все же стоило, а оттого я запустил руку в холщовую сумку и выудил самый маленький из изумрудов. Вот ведь как бывает. Сказал бы мне кто-нибудь две недели назад, что я готов пожертвовать целым изумрудом ради дрянного арбалетного болта, я бы лишь покрутил пальцем у виска, давая понять этому чудаку, что ему давным-давно пора наведаться в больницу Десяти мучеников, а точнее — в комнату с мягкими стенками. Это же каким психом надо быть, чтобы лишиться драгоценного камня и оставить дешевый болт?!

Изумруд я положил на гладкий пол, а затем ловко пнул его ногой. Камушек прощально мигнул мне зеленой звездочкой, скользнул по полу, попал под взгляд великанов и исчез в ослепительной вспышке.

— Ах ты!

Пришлось вновь заняться насущной проблемой проникновения на шестой ярус. Я перелопатил все бумаги, добытые в Закрытой территории. Обратил особо пристальное внимание на ту часть, что ранее представлялась ненужной и таскаемой с собой только для довеска. Куча невнятных набросков, изображающих архитектуру некоторых залов, непонятная вереница значков, выстроенных в цепочку, еще какая-то муть... М-дя. И в бумагах ни шиша. Тухлая была идея. Но ведь разгадка где-то рядом! Нутром чую!

Когда я осторожно подбирался к великанам, то чуть не заработал себе косоглазие и вскипание мозгов. Одним глазом я старался смотреть на головы статуй и мысленно проводил по полу границу действия их огненного взгляда. Другим пытался заметить хоть какую-нибудь зацепку для разгадки. Наконец, пришлось остановиться, иначе мне грозила поджарка с последующим испепелением.

Теперь великаны оказались совсем рядом, и с того места, где я остановился, было прекрасно видно, что статуи не так уж и совершенны и резец мастера достаточно грубо обработал камень. И еще я заметил одну вещь, именно ту, ради которой стоило заработать косоглазие и даже геморрой. Каждый из великанов стоял на достаточно высоком круглом постаменте. В принципе ничего особенного, ну постамент, ну и что? Готов отдать на выбивание еще один гномий зуб, если эти постаменты при должном хотении нельзя развернуть в сторону (вместе с великанами, естественно)! Во всяком случае, наметанный взгляд опытного человека сразу заметит скрытый механизм. Не зря же старина Фор вбивал в меня прописные истины! Осталось только найти, каким образом активируется механизм, и дело в шляпе.

Зал с великанами вновь подвергся тщательному осмотру. Я искал нечто похожее на рычаг или выступающий блок, но вроде ничего такого не замечалось. Тут мой взгляд упал на пол, скользнул по гладким бордовым плитам, остановился на закорючках и значках неизвестного мне алфавита (если, конечно, это был алфавит, а не художества какого-нибудь психа). Где-то я уже видел подобные закорючки. Ну конечно же! В "ненужной" части бумаг! Именно среди рисунков и невнятных набросков имелаась бумага с цепочкой подобных символов. Я вновь достал сверток дрокра из сумки и, развернув его, стал копаться в манускриптах. Вот она! Действительно, память меня не подвела. На бумаге изображены те же буквы, что и на полу. Кто-то добрый составил ключ, но забыл упомянуть о том, когда и как его применять.

Я нагнулся и, найдя символ, который был первым изображен на бумаге, надавил на нужную плиту. Плита без всяких возражений ушла вниз. Все оказалось просто до безобразия (особенно когда под рукой бумага с разгадкой). Всего пришлось поочередно нажать на четырнадцать из представленных здесь семи десятков символов. Как только последняя из четырнадцати плит ушла вниз, в зале раздалось тихое гудение, словно где-то под полом пришли в движение противовесы и блоки, а затем великаны начали медленно поворачиваться ко мне спиной и огненным взглядом к дальней стене.

Я издал победный вопль, словно нашел у себя под кроватью сокровища династии Сталконов.

Путь оказался свободен, теперь грозные великаны уже не смотрели на бассейн, и я неспешным шагом Гордого и Очень Довольного Победителя направился в нужном направлении. Вновь загудело, постаменты дрогнули и принялись медленно разворачиваться в обратную сторону. Гордый и Очень

Довольный задал стрекача, стараясь преодолеть разделяющее его и бассейн расстояние до того момента, как взгляд великанов вновь начнет угрожать смертью, и не думая, словно в омут головой, прыгнул в черную дыру.

— А-а-а-а-а тьма-а-а-а! — издал я испуганный вопль...

Дыра казалась безразмерной и очень глубокой. Первые двадцать метров я пролетел как камень. Я уже стал прощаться с жизнью, и в этот самый момент воздух сгустился, мое падение замедлилось, и начался мягкий плавный спуск. Мне хватило храбрости и ума перестать орать и зажечь "огонек". Я медленно падал в узкой шахте. Ее стены проплывали мимо и исчезали где-то вверху. Возникни у меня желание, я вполне бы мог дотянуться до них рукой. Только по какому-то капризу богов в самом начале падения я не разбил голову о стену. Один раз мимо меня проплыло черное жерло какого-то туннеля. Проплыло и скрылось во мраке — я даже не успел решить, стоит ли мне "сойти" с этой "дороги". Пришлось опускаться дальше. Ноги висели над бездной, и чувствовал я себя не очень уютно. Спустя метров двести падение еще более замедлилось, и я оказался в одном из залов шестого яруса, в самом сердце сектора Героев.

Глава 8

Пятнашки с покойниками

Шестой ярус — это запредельная граница для людей. Даже в века, когда зло костей огров, зло птицемедведей, теперь свободно разгуливающих по Костяным дворцам, еще не пробудилось, редко кто из человеческого племени набирался отваги спускаться ниже шестого яруса. Ходили слухи, что были ненормальные, забредающие даже на двенадцатый ярус, но живыми психов после этого никто не видел.

Сектор Героев, расположенный на шестом ярусе, единственное доказательство присутствия людей на этой глубине. Отчего-то ни эльфы, ни орки не спешили хоронить мертвецов в этом секторе, и люди живенько воспользовались досадной оплошностью старших рас. Когда Первые и эльфы ушли из Храд Спайна, Костяные дворцы целиком остались на попечение людей, и те сразу же стали "заселять" пустующий сектор наиболее влиятельными (при жизни конечно же) покойниками. В течение пяти с половиной веков в секторе Героев ставили гробы и склепы.

Удостоиться чести быть похороненным на уровне Героев могли только очень великие и известные люди. Полководцы, воины, проявившие себя в битвах, высшее дворянство и даже короли. Потом сюда стали спускать всех без разбору, и в итоге сектор так набили костями, что некоторые даже подумывали, что стоит почистить древние могилы и вместо старых покойников притащить на освободившееся место новых. Но в итоге всем стало лень спускать мертвецов вниз, и захоронения продолжились на верхних ярусах. Глубже шестого оказалось лишь одно людское захоронение — могила Грока, куда я, собственно говоря, и направляюсь.

Люди поняли, почему эльфы и орки не спешили хоронить покойников в секторе Героев, только когда в Храм Спайне пробудилось зло. Почему-то именно здесь осязаемое всего проецировалось Дыхание бездны. Таким зловещим словечком умные головы из Ордена обозвали фигню, поднимающуюся с Безымянных ярусов и шуткующую с покойниками. Как шуткующую? Ну, например, старые кости, веками пролежавшие в гробах, ни с того ни с сего начинали обрастать плотью, а потом шастать по залам. В итоге живых покойников в секторе Героев расплодилось больше, чем тараканов на грязной кухне. Хорошо хоть они не лезли наверх, а сидели как приклеенные в одном секторе, питаясь поднимающимися с глубин эманациями зла.

А еще в Ордене говаривали, что творящееся на шестом — попросту детская забава и приходящее из глубин вовсе не Дыхание бездны, а всего лишь его отголосок. Я в отличие от того же Халласа (которого начинает трясти от одного слова "Орден") орденом волшебникам склонен доверять, впрочем, как и рукописям Королевской библиотеки. Судя по всему, прежде чем я окажусь на седьмом ярусе, меня могут поджидать оч-чень большие неприятности, которые я не расхлебаю даже солдатским сапогом.

На меня напала мелкая нервная трясучка, и я старался успокоить себя тем, что по шестому ярусу мне следует протопать всего лишь жалких три часа, а это всего ничего по сравнению с тем же четвертым, где я потерял уйму времени. Да и мысль, что Лафресе и компании придется пройти весь сектор от начала до конца, обнадеживала и грела душу. Я пожелал недругам нарваться на полк мертвяков, дабы они прочувствовали на собственной шкуре, каково мне было бродить по Запретной территории.

Надо сказать, что шел я очень осторожно, почти так же, как в самом начале своего появления в Костяных дворцах. Ежеминутно останавливался и вслушивался в давящую на мозги тишину. Здесь было темно, лишь через каждые двадцать-тридцать шагов шипели волшебные факелы, едва-едва

разгоняющие тьму. Тени и мрака предостаточно, есть где спрятаться как мне (я это умею), так и другим (надеюсь, что они как раз не умеют). В любом случае освещенные участки я пролетал как молния, внутренне содрогаясь от перспективы попасть в цепкие объятия мертвяка.

Бурые гранитные стены, низкие потолки (иногда приходилось идти скрючившись), узкие проходы, обилие гробов, по виду ничем не отличающихся от усыпальниц первого и второго ярусов. Лишь спустя минут сорок непрерывной ходьбы узкие, едва освещенные коридоры стали чередоваться с гигантскими (но также слабо освещенными) залами. Иногда тишину разрывал звук падающих капель. Тогда я замирал и в испуге хватался за сумку с магическими побрякушками, лишь спустя несколько секунд осознавая, что никакой опасности поблизости нет. Запах здесь витал... Не могу сказать, что неприятный, но необнадеживающий. Затхлость, застарелый пот и едва ощутимый дух гнилого мяса.

На первый "плохой" гроб я наткнулся после того, как в сотый раз перепроверил наличие световых кристаллов в сумке. Создавалось впечатление, что какой-то умник заложил в гроб порох, поджег фитиль, а затем накрыл сверху крышкой. В общем-то теперь каменная крышка зияла развороченной дырой, через которую как раз мог пролезть живой человек. Или НЕ живой. Я отпрянул от гроба и огляделся. Вроде ничего такого особенного, если покойник и решил прогуляться перед вечным сном, то ушел он достаточно далеко. Дальше — хуже. Вскоре в каждом зале наряду с уцелевшими гробами я мог увидеть от одной до дюжины развороченных усыпальниц.

На первого покойника я наткнулся совершенно неожиданно (так всегда бывает), попросту я не разглядел его в полумраке зала и едва не наступил, лишь в самый последний момент успев отдернуть ногу. Покойник оказался женщиной. Она лежала лицом вниз и была облачена в прекрасно сохранившуюся одежду позапрошлого века. Пепельная кожа на руках подернута язвами едва начавшегося разложения, длинные и некогда очень красивые волосы спутаны. От покойницы совершенно, то есть абсолютно не пахло мертвечиной. Судя по одежде, похоронили ее здесь давненько, и в принципе от нее за прошедшие века должны остаться одни лишь кости, а никак не плоть, почти не тронутая временем. Это все шутки пробудившегося Кронк-а-Мора. Спасибо Саготу хотя бы за то, что она просто лежит и никого не трогает.

Видно, некоторые мертвецы все же умеют читать мысли, потому как труп издал глухой стон, от которого у меня душа ушла в пятки, и попытался встать с пола. Вставала она достаточно неуклюже, и я успел

прийти в себя. Перво-наперво я отпрыгнул подальше от ее рук, а затем вытащил из сумки горошину светового кристалла и бросил его под ноги уже поднявшейся и заметившей меня покойнице. Как известно, ожившие покойники не выносят солнечного света. На краткое мгновение в подземный зал заглянуло самое настоящее солнце, и хрипящий мертвец рухнул на пол. Солнечный свет, ранее заключенный в тюрьму волшебного кристалла, разрушил магию Кронк-а-Мора, удерживающую оживший труп в этом мире. Теперь плоть покойницы отваливалась от костей целыми пластами и таяла, источая ужасающую вонь. Действительно, умерщвление плоти оказалось похоже на таяние куска сахара, брошенного в горячую воду. Мне от вида мгновенного разложения и заполнившего зал запаха сильно поплохело, и, закрыв нос и рот рукавом куртки, я отвернулся. Когда немного полегчало и я решил посмотреть, что случилось с мертвецом, то увидел лишь отдельные фрагменты костей и клочок волос, плавающий в луже того, что ранее было человеческим телом. Кости постепенно таяли и разваливались, будто кто-то из гномов по ошибке вылил на мертвую целую бочку кислоты. Бр-р-р!

Я вышел из зала, сетуя на то, что вонь накрепко въелась в мою одежду. Теперь не отстираешь. Остановившись в ближайшем коридоре, я сделал то, что давно было пора сделать, — заменил обычные болты на огненный и световой. Затем закрыл наконечники специальными фарфоровыми колпачками, чтобы лучившийся от волшебных болтов свет не выдавал моего присутствия.

Увы и ах, мои встречи с ожившими мертвецами только начинались. Чуть дальше по коридору я встретился с еще одним. Этого я услышал задолго до того, как различил его темный неуклюжий силуэт. Тварь стонала и хрипела ничуть не хуже гребца, выпускающего дух на пиратской галере. Я быстро отступил назад, подальше от факела, и спрятался за одной из каменных усыпальниц, сжимая в руке световой кристалл. Зомби прошлепал мимо и, не заметив меня, свернул в один из смежных коридоров. Прежде чем продолжить путь, я выждал минутку, чтобы уж наверняка не встретиться с ходячим трупом.

Оживших мертвецов оказалось на удивление много. В некоторых залах можно было встретить до двух десятков покойников различной степени подпорченности. Одни бродили из угла в угол, будто заводные игрушки карликов, другие оставались недвижимы, и складывалось впечатление, что покойники до поры до времени решили вздремнуть. Естественно, что все это воняло, хрипело, сипело, рычало, да и выглядело отвратительно.

Вся моя дальнейшая дорога больше всего походила на игру в прятки. Я

прятался, они искали. Точнее бродили, по счастью даже не подозревая, кого и где следует искать. Я не питал радужных иллюзий по поводу доброты зомби. Доброта им неизвестна, так же как и ненависть. Все, что знают ожившие огрызки, — голод. Жрать они готовы постоянно, а от запаха крови попросту дуреют и в лепешку разобьются, лишь бы только добраться до вожаемой добычи. Так что если меня обнаружит кто-то из беспокойной братии, придется либо сматываться (а беспорядочный бег чреват столкновением с другими мертвецами), либо принимать бой (а в дураков, воюющих с покойниками, я себя зачислять не спешу). Поэтому как только я видел очередного не лежащего спокойно в гробу мертвяка, то прятался в тени или за каким-нибудь гробом (а то и в нем).

Хуже всего приходилось в узких коридорах, когда бредущая тебе навстречу гниль загораживает проход. Приходилось резво скакать обратно и молиться, чтобы с другой стороны коридора мне не попался еще один шатун, иначе я окажусь попросту в мышеловке. Но кроме узких коридоров было еще одно место, где витала уж очень большая опасность, — излишне освещенные залы. Через них так просто не проскользнешь. Обязательно найдется глазастая гнида, которая тебя заметит. Пока Сагот миловал, но вечно так продолжаться не может. Законы всемирного свинства едины для всех и каждого.

Как я предполагал, так и случилось. Дважды меня замечали и хотели сожрать. В первый раз я попросту напоролся на мертвяка, из-за полумрака перепутав его с какой-то вычурной и оригинальной статуей, неведь кем поставленной среди гробов. Когда я понял, что передо мной никакая не статуя, было уже поздно. Меня заметили. Тварь поплелась в мою сторону, выставив перед собой руки-крюки. "Поплелась" — это еще очень мягко сказано. Мертвец еле передвигался. Да и не мудрено: из тела покойника торчали кости, а сгнившие мышцы почти не помогали передвигаться. Я вообще удивлялся, как он ходить-то может. Тварь натужно булькала и пыталась добраться до Гаррета.

— Ну куда тебе рыпаться! — усмехнулся я и был таков.

Покойник решил поддержать мой забег, но безнадежно отстал в паутине коридоров и остался несолоно хлебавши. Ха! Если кто-то хочет поймать Гаррета, то ему следует быть немножечко порасторопнее!

Затем меня засекли в зале с гробами, приспособенными прямо к стенам. Я по глупости и недосмотру решил проскользнуть мимо факела. Естественно, бродивший поблизости кусок гнилого мяса решил отобедать моей печенью несмотря на то, что нижняя челюсть у покойника отсутствовала напрочь. Этот гад в отличие от первого, пытавшегося

закусить Гарретом, каждый день занимался зарядкой, и прежде чем я успел опомниться, меня едва не сграбастали. Парень оказался "свежаком". Создавалось впечатление, что он умер всего лишь сутки назад, а теперь встал проверить, много ли родственников скорбит о нем и не стоит ли сожрать фамильное завещание. Пришлось отбежать и всадить в грудь преследователя огненный болт.

Громыхнуло, и во все стороны полетели ошметки. От одного я избавился, но на шум сбегались все окрестные покойники в количестве шести с половиной (верхняя часть мертвеца, передвигавшаяся на руках) штук. Естественно, они очень обрадовались моей невесте каким чудом свалившейся на них персоне, и пришлось потратить два световых кристалла, чтобы их утихомирить. Из зала пришлось отступать со всей поспешностью — разрушение плоти тварей вызывало такие миазмы, что хоть помирай.

Вонь мертвечины никуда не пропала, но мой нос перестал мучиться и теперь попросту отказывался различать запахи. В залах оказалось прохладно. Намного прохладнее, чем на верхних ярусах. По счастью, до того, чтобы замерзнуть, было еще очень далеко, но я начинал беспокоиться, что на нижних ярусах будет хуже и мне все же придется натянуть на себя свитер, таскаемый в холщовой сумке.

Потом пошли пустые залы, словно покойники разом решили исчезнуть. Я, собственно говоря, не очень сильно расстроился этому обстоятельству (а точнее, совсем не расстроился) и в приподнятом настроении миновал огромный участок подземных могильников, так никого и не встретив.

Вновь узкие коридоры с низким потолком. В коридорах объявились лестницы в пять-шесть ступенек. Сектор Героев спускался все ниже и ниже. А затем в залах и коридорах стала появляться вода.

Вначале я почувствовал запах сырости и тухлятины, затем стены заблестели от влаги, кое-где с потолка падали капли, так и норовя попасть мне за шиворот. Наконец, настал момент, когда последние три ступеньки, ведущие в очередной зал-склеп, были скрыты под слоем воды. Здесь оказалось не так уж и глубоко, мне по щиколотку, но идти через зал все равно было очень противно и страшно. Противно оттого, что вода была стоячей и от нее РАЗИЛО, а страшно... Тьма знает, что или кто может находиться под водой. Вновь ступеньки, и вода добралась до колен. Каменные усыпальницы скорбными островками вырастали из черной

маслянистой глади спокойной воды, и я перебрался на ближайший гроб. Гробов много, и в дальнейшем я просто перешагивал с одного на другой, здраво рассудив, что такой способ путешествия гораздо лучше "водного". Главное — не разбудить спящих внутри саркофагов покойников, а все остальное — мелочи жизни.

В следующих залах уровень воды не увеличился, зато количество усыпальниц уменьшилось, и от путешествия по ним пришлось отказаться. Зал за залом оказывался затопленным, я шел по колено в воде, стараясь соблюдать осторожность и не выходить на освещенные факелами пространства. В некоторых местах с потолка срывались капли, в одном из залов попросту шел дождь. В коридоре, где глубина достигла метра, из-под воды бил небольшой фонтанчик.

Мокрая одежда доставляла неудобство. К счастью, я уже преодолел полузатопленный участок сектора Героев и по коротеньким лестницам поднялся выше уровня залов, залитых водой. До лестницы на седьмой ярус оставалось совсем ничего, а потому я позволил себе немного передохнуть. Выбрал самый темный уголок, вылил из сапог воду, отжал штаны. Есть не хотелось, что и неудивительно. От витавших здесь ароматов потеряет аппетит даже непривередливый гхол.

Хрипы я слышал загодя и успел подготовиться. Ну вот, не ждали! Я так надеялся, что мертвяки остались позади. Покойник, раскачиваясь из стороны в сторону, вышел из бокового ответвления и пошел в мою сторону. Вся беда была в том, что в темноте мне скрыться не удастся, вокруг парня кружилось целое облако мух. Или это было нечто очень похожее на них. Каждое насекомое тихонько жужжало и источало бледно-зеленый свет. Получался достаточно яркий круг, освещающий покойнику путь. Впервые на своем веку вижу, чтобы мертвецы догадались озаботиться освещением. Свет разгонял мрак, и укрыться в тени от такого чуда мне не удастся. Пришлось вновь потратить кристалл. Тварь захрипела, осела на пол, и мухи, гневно жужжа, взметнулись к потолку. Покружились и светящимся облаком улетели туда, откуда пришел зомби.

Еще раз восемь я натыкался на блуждающих по залам мертвяков, окруженных мухами. Ребята сияли, словно спустившиеся с небес посланники богов. Кому расскажи, ведь не поверят, что я видел эдакое чудо.

Опять появилась вода, причем если раньше залы были затоплены, то теперь вода плескалась в бассейнах и протекала в каналах, через которые были переброшены горбатые узкие мостики. Факелов на стенах прибавилось, в некоторых залах под потолками тысячами свечей-звездочек горели люстры. Иногда меж мрачных колонн и седых каменных гробов медленно и величаво летали блуждающие огоньки, каждый размером с приличный кулак.

В тот момент когда я залез на поперечную балку, пропуская под собой одного не в меру прыткого зомби, сектор Героев вздрогнул. Пол задрожал, заходил ходуном, стены затряслись, словно от озноба. Колонна, к которой я прижался, стараясь удержаться на ногах, пошла мелкими трещинами. Несколько гробов, висящих под самым потолком, рухнули на пол и раскололись, разбрасывая по всему залу останки умерших. Даже вода в канале пошла волнами и выплеснулась на берег. Затем до моих ушей донесся приглушенный расстоянием гул, и неожиданное землетрясение стихло.

Я с опаской посмотрел на потолок. Слава богам, он не обрушился и меня не завалило каменными глыбами. И слава Саготу, что я не шел вдоль стены, иначе один из упавших гробов вполне мог сотворить из меня лепешку.

Я осторожно пошел дальше, с удивлением поглядывая на причиненные землетрясением разрушения. В одном из залов рухнуло сразу двенадцать колонн, и я чуть ноги не переломал, пробираясь через завал. Стоит ли говорить о таких мелочах, как разбитые гробы, перевернутые могильные плиты и разваленные мостики через каналы? Хотя очень меня порадовал покойник, которому придавило ноги каменной глыбой. Завидев живого человека, тварь, оскалив желтые пеньки зубов, зашипела и попробовала дотянуться до меня. К счастью, у зомби ничего не получилось — огромный булыжник надежно обездвижил поганца на ближайшую тысячу лет. Разве что этот гад догадается отгрызть себе ноги. Опасности для меня тварь не представляла, поэтому, разом выбросив его из головы, я пошел своей дорогой. До лестницы оставалось пройти три зала.

Ну конечно, в предпоследнем зале меня ожидал сюрприз из шести с лишним десятков покойников. Как они вообще тут уместиться-то умудрились? Стоят рядами, как самые настоящие солдаты, словно ждут чьего-то приказа. Я быстренько отпрянул назад во тьму коридора, покуда меня не заметили недружелюбно настроенные личности. Да-а-а уж... Мимо такого скопища так просто не то что человек, комар не пролетит. Враз заметят. Я вложил в пустующее ложе арбалета второй световой болт и

вышел в зал.

Удивительно, но меня даже не соизволили заметить. Все как один мертвецы глазели в совершенно противоположную сторону. Чего у них там такое?

На меня напало какое-то удалое безумство, и я ни с того ни с сего громко ляпнул на весь зал, сам испугавшись собственного голоса:

— Не уделите мне минутку внимания?!

Застывшее море мертвых пришло в движение, взволновалось и захрипело. Вот обернулся один, затем другой, потом десять, двадцать, и вот уже весь зал смотрит на меня. Изъеденные проказой разложения лица. Кожа желтого, черного, серого и зеленого оттенка. Язвы и дыры. У кого-то нет носа, у кого-то глаза, кто-то потерял челюсть или целую руку.

Первый болт я вбил прямо в толпу. Свет, стоны, вонь...

Второй раз я выстрелил в потолок, и свет полился на толпу зомби не хуже чем от солнца.

Я резво отступил в коридор как можно дальше от зала, и со всей поспешностью перезарядил оружие двумя новыми болтами. Вернулся. От запаха я чуть не умер. Пол пузырился и булькал, плоть таяла, кости разваливались. Из присутствовавших ранее в зале мертвецов лишь пятеро дергались и хрипели. Я, не церемонясь, послал к потолку еще один световой болт и вновь отступил в коридор.

В коридоре проторчал добрых двадцать минут, ожидая, когда в зале хоть немного спадет вонь. Сейчас находиться там было выше моих сил. А если честно, из-за банального отвращения я просто не мог идти по жидкому бульону, который совсем недавно являлся человеческой плотью. Но все же никуда не денешься, пришлось идти. Я попросил Сагота дать мне силы и, замотав лицо обрывком подкладки куртки, вошел в зал. Запах никуда не исчез, от него щипало глаза и бунтовал желудок, и пока меня не вывернуло наизнанку, я бросился через зал бегом. Под ногами мерзко хлюпало, пол был скользким, и я чудом не шандарахнулся в мерзость, залившую гранитные плиты.

Извилистый ломаный коридор, восемь ступенек вниз, коридор, поворот, коридор. Зал.

— Чтоб вас всех разорвало! — зло выкрикнул я.

Никакой лестницы на седьмой уровень не было.

Я опоздал всего лишь на полчаса. Если бы шел быстрее, то мог бы добраться сюда до начала злосчастного землетрясения. Теперь же было поздно. То ли в этом зале строители Костяных дворцов приложили чуть меньше усилий и не укрепили потолок, то ли у меня такая удача... Случившаяся в секторе Героев тряска обрушила колонны, удерживавшие потолок, и теперь передо мной громоздилась мешанина из каменных блоков, мусора и до сих пор не осевшей пыли. Теперь лестница навеки завалена камнями, и потребуется не один год, чтобы разобрать завал.

Что делать-то? Как говаривает в подобных ситуациях Кли-кли — снять штаны и бегать. Из-за клубившейся в зале пыли дышать было сложно, и пришлось вернуться в коридор. Здесь я уселся прямо под факелом и занялся исследованием карт и путеводных бумаг.

Исследование не обнадеживало. В секторе Героев эта лестница была единственной, и теперь, чтобы спуститься вниз, мне придется возвращаться на место моего первого появления на шестом ярусе. А оттуда... Оттуда топтать в такие дали, что аж пот со страху прошибает. Проще уж завал разобрать. Сектор Героев не такой уж и маленький, а сколько покойников встретится на пути... пока я не достигну лестницы. Да и количество кристаллов и волшебных болтов не безгранично и когда-нибудь должно подойти к концу.

Я жутко устал, но спать здесь равносильно самоубийству. Вероятность проснуться оттого, что кто-то давно мертвый и шибко голодный откусывает тебе ногу, крайне высока. Так что пойду-ка я дальше, пока силенок хватит, а там уж поглядим, спать или не спать...

* * *

Я затерялся в переплетении коридоров и залов сектора Героев. Шел, шел и шел. За три часа ходьбы и краткой полудремы на гробу второго "этажа" я не встретил ни одного самого завалящего покойника. Как будто их и не было вовсе. Размочаленные усыпальницы говорили об обратном, и я держался настороже до тех пор, пока не начались "спокойные" места (то есть гробы были целыми и трупами не воняло). Вот тут-то я и дал маху. То бишь расслабился и сразу же был наказан кем-то с особо извращенным чувством юмора.

Из тьмы на меня выпрыгнуло нечто. Оно было настолько проворным, что мне едва хватило времени, дабы отпрянуть в сторону, и когтистая рука твари задела лишь сумку с магическими побрякушками, висевшую у меня

на правом боку. Естественно, никакая сумка не создана для того, чтобы выдержать такой удар. Ремешки, удерживающие ее у меня на поясе, лопнули. Весь магический запас, арбалетные болты и куча важных и полезных вещей рухнули на пол. Времени подбирать их не было, слава Саготу, что сам жив остался. Пока мертвяк (а это был именно мертвяк, но уж очень проворный) терзал мои вещи, я отскочил назад и всадил в него огненный болт. Громыхнуло, и горячая волна сбила меня с ног, а в ушах зазвенели небесные набаты. Когда я поднялся, взору предстала следующая картина — куски дымящейся плоти загадили все стены, а на том месте, где валялась моя порванная сумка, топталась целая бригада мертвецов. Твари недолго думая направились ко мне.

То ли эти покойники просто были "неправильными", то ли какой-то добряк натер им задницу жгучим гарракским перцем, но ребята передвигались не в пример быстрее обычных зомби. То есть с такой же скоростью, как живые люди. Раздумывать было нечего, все равно сумку теперь уже не вернуть. Я разрядил второй болт в толпу, забросил арбалет за спину и побежал. Стоило спасать собственную жизнь, а об утрате сумки я поплачу позднее.

* * *

Все еще бегу. Кли-кли не зря меня предупреждал о том, в Храд Спайне постоянно приходится бегать. Вот я и бегу.

Бегу. Бегу. Бегу. Бригада не в меру голодных и не в меру покойных ребят едва не наступает мне на пятки. Вот уж не думал, что иссохшие и мумифицированные тела обладают такой прытью. Я нырнул в смежные коридоры, пронесся сквозь залы, пытался путать следы, но ничего из этого мне нисколько не помогло. Преследователи не отставали, и это лишь придавало мне прыти, хотя, признаюсь честно, я начинал уставать. Наконец оказавшись в темном холле, я отпрянул к стене и, приготовившись к неизбежному, обнажил нож.

Меня не заметили. Дюжина дохляков пронеслась дальше, а я недолго думая побежал в обратном направлении. Свернул в паутину узких коридоров. Постарался запутать погоню и одновременно вернуться в зал, где осталась сумка. Без оружия, карт, еды и прочих припасов я гарантированно покойник. Не получилось. Донесшиеся до меня хрипы известили о том, что ребята вновь напали на мой след. Я выругался и продолжил бегство. А что мне, собственно говоря, оставалось делать?

Выходить на покойников с одним ножом я еще не готов. Коридор стал плавно поворачивать направо. Бегу, оставив позади ответвление еще более узкое, чем это. Бегу. Поворачиваю. Бегу. Поворачиваю. Бегу... И нос к носу сталкиваюсь с толпой точно таких же, как и мои преследователи, тварей. Секундное замешательство. И я, и они удивлены неожиданной встречей.

Прихожу в себя на мгновение раньше, чем они. Разворачиваюсь и бегу обратно, навстречу первой партии. За спиной слышится хрип, и эта группа тоже вступает в погоню за призом, имя которому Гаррет. Прибавляю ходу и бегу на пределе своих возможностей. Я должен добежать до перекрестка раньше, чем впереди покажется погоня. Темные угловатые фигуры, едва видимые в отблеске одинокого факела, появились прямо у меня на пути.

И все же я успел. У ответвления в другой коридор я оказался на долю секунды раньше, чем они. Костлявые руки-крюки загребли лишь воздух, я же юркнул в проход, и тут в моих преследователей врезалась вторая бригада покойников. В образовавшейся свалке мне вновь удалось сделать ноги без всякого вреда для своей шкуры. Но Х'сан'кор меня сожри, как же тяжело бежать!

Хрипы за спиной. Настыр-р-рные ребята свалились по мою душу! Вперед. Налево. Вперед. Налево. Направо. Направо. Направо. Вперед. Перескочить через канал. Вперед. Вперед. Направо. Вперед. Налево. Обогнуть так некстати подвернувшийся гроб. Вперед. Налево. Тупик. Назад. Направо. Вперед. Направо. Налево.

Вылетаю в коридор и ошеломленно смотрю в спины целой толпы зомби. Тех самых, что вот уже битых пятнадцать минут несутся за мной бодрым галопом. Стоят, принохиваются. Вроде я у покойников такой способности не замечал. Тут один из трупов оборачивается, "смотрит" черными провалами глазниц...

Бегу. Опять бегу. Снова бегу. Влетаю в зал, где шастают несколько самых обычных мертвяков. Один плетется мне навстречу, загораживает дорогу. Врезаюсь в него со всей дури. Резкая вонь тухлятины. Оба падаем. Я делаю кувырок через голову, вскакиваю, кляня почему зря так некстати подвернувшуюся под ноги образину.

Хрипы за спиной. Мне остается лишь бежать. И я бегу.

Глава 9

Сделка

К исходу второго дня (хотя кто возьмется определить, сколько прошло времени?) желудок прекратил гневно урчать и требовать пищу, но голодная боль никуда не пропала. Даже попытка задобрить голодуху бутылкой самого лучшего в моей жизни вина ни к чему хорошему не привела, я лишь напился, словно доралиссец, под завязку накачавшийся вонючим крудром. Поначалу, конечно, мне было хорошо и беззаботно, но вот когда я проснулся, голова болела жутко и вина, как назло, осталось лишь на самом доньшке бутылки.

Нет-нет! У меня не начался бред. Я на самом деле вот уже два дня ничего не ел и подпитывался лишь бутылкой "Майдингской лозы" четырехсотлетней выдержки. Вино было, надо признать, отменным, такого не сыщешь даже в погребах королей и жрецов, но я отдал бы бесценную бутылку всего лишь за один сухарь, если бы только здесь нашелся тот, кто способен предложить мне такой обмен. Невольно вспоминается потерянная сумка с оставшимися припасами.

Вот уже второй день с того момента, как ожившие мертвецы решили поиграть со мной в пятнашки, я сижу в своем убежище.

Точнее, на своем убежище. А что? Иногда и каменный гроб можно так обозвать. Как я попал на гроб (слава Саготу, что не в него)? Да очень просто! В тот злополучный миг, когда меня взяли в клещи, пришлось быстренько искать безопасное местечко. А гроб, находящийся на втором ярусе зала, именно таким местечком и является, так что я недолго думая забрался сюда. Хм... Хотя теперь было бы очень интересно услышать, как мне удалось забраться на вплавленный в стену гроб, располагающийся на высоте пяти метров от пола. Правда, в том состоянии, что я тогда находился, можно было бы и выше запрыгнуть. Например, на луну. Тогда я все делал в спешке, но сейчас сомневаюсь, что смог бы проделать нечто подобное еще раз.

Ладно, я забегаю вперед. Вот как все было на самом деле...

* * *

Я влетел в зал. Совсем небольшой, у одной из стен плескался

махонький бассейн. Два выхода. Восемь факелов. Подстегиваемый хрипением, бросился вперед, и тут из обоих выходов валом поперли покойники. Еще и преследователи через вход влетели. Счет шел на секунды, я разбежался, одним прыжком преодолел три метра водной глади бассейна, оказался на гробу и, карабкаясь по едва заметным выступам и буграм на стене, залез на гроб второго яруса. Отдышался. Осмотрелся. Вид отсюда открывался замечательный. Подо мной пять метров пустоты, а затем вода. Впереди — зал, битком набитый покойниками. Дохлаки здесь собрались чуть ли не со всего сектора Героев. Стоят, не двигаются и молча смотрят. То ли это мне так "повезло" и все, что здесь случилось, — нелепая случайность, то ли мертвецы все же могут соображать и самостоятельно устроили мне ловушку, то ли их кто-то сюда согнал.

В любом случае спуститься в зал — это быть съеденным. Вырваться из кольца мне не удастся. Сидеть здесь — умереть от голода, что-то не заметно, что меня собираются кормить. Оставалось лишь думать, надеяться на спасение и играть с мертвецами в гляделки. Хотя последнее мне довольно быстро надоело — рожи у моих сторожей были отвратительнейшими и к играм не располагали.

Первым делом я конечно же отдышался и немного пришел в себя. Бег на столь огромные дистанции забирает все силы. Потом, когда дыхание пришло в норму и сердце отказалось выпрыгивать из груди, я осмотрел свое убежище. Каменный ящик три метра в длину и метр в ширину — вполне найдется место, где может разместиться незваный гость. Массивная крышка, на которой написано: "Любимый виночерпий герцога Патийского-шестого". По странному стечению обстоятельств имя виночерпия накорябать на камне почему-то позабыли. Впрочем, как и дату смерти. Зато кто-то шибко оригинальный оставил на гробу замшелую бутылку. Я скептическим взглядом осмотрел неожиданный сюрприз. Выдавленное на стекле название и цифры говорили о том, что это вино и что ему по меньшей мере четыреста лет. Делать было совершенно нечего, я достал нож, срезал печать с пробки. За неимением штопора протолкнул пробку в бутылку. Понюхал. Попробовал. Одобрительно крикнул. Вино тянуло на очень звонкую монету.

Я все еще надеялся выбраться отсюда живым, но через часок поняв, что мерзкие образины даже не подумывают о том, чтобы разойтись, убил в себе всякую надежду на благоприятный исход. Либо я спущусь и меня сожрут, либо я помру от голода. Впрочем, даже если зомби свалят обратно, я слишком заплутал во время бегства и теперь уже никогда не найду дорогу к сумке, в которой находятся карты Храд Спайна. А без карт... Без карт я не

попаду на восьмой ярус и уж тем более не выберусь наружу. То бишь я все равно что мертвец. У меня осталась лишь холщовая сумка за спиной со свитером и изумрудами, но там ни карт, ни еды...

В итоге я убил бутылку вина, и мне стало хорошо. До самого момента пробуждения...

* * *

Вот такие вот дела. Проснулся я часов шесть назад, а в зале ничегошеньки не изменилось. Мертвецы до сих пор не разошлись. Душок от мертвых стоял отменный, как в берлоге самого грязного из гголов. Не продохнуть.

— Ну, чего смотрите, твари?!

Естественно, никакого ответа я от них не получил. Никто даже не зашипел. Меня самым наглым образом попросту проигнорировали. Пальнул бы по гадам из арбалета, но жаль больше нет болтов. Поэтому оставалось только кинуть в толпу пустой бутылкой. Та несколько раз кувыркнулась в воздухе и, вмазавшись в одного из дохляков, снесла ему половину подгнившей головы, даже не встретив никакого сопротивления со стороны черепа, будто его у покойника и не было. Мертвеца несколько не смутило данное обстоятельство, и он остался стоять. Эх! Вот уж не думал, что буду мечтать о стае голодных гголов! Как бы маленькие твари оприходовали сих покойников!

— Развлекаешься?

Голос, раздавшийся в зале, был для меня такой неожиданностью, что я подпрыгнул. Со страху. Он стоял в тени колонны, и я видел лишь едва очерченный темный человеческий силуэт с массивными крыльями. Золотые глаза смотрели на меня с затаенной насмешкой. На покойников Посланник не обращал никакого внимания, впрочем, как и они на него.

— Нечто в этом роде. — Как ни старался я казаться спокойным, голос выдал предательского петуха.

Слуга Хозяина! Посланник! Здесь! В зале! Рядом со мной. Во рту пересохло, ладони вспотели, позвоночник растаял. Теперь не оставалось никаких сомнений в том, кто и зачем согнал сюда мертвецов.

— У меня к тебе предложение. — Посланник, казалось, не заметил моего испуга.

— Какое? — У меня хватило духу не упасть в обморок.

— "Майдингская лоза" четырехсотлетней выдержки. Ты мне бутылку, а я тебе целый сухарь, идет?

Я так и остался сидеть с открытым ртом. Вроде прямо сейчас он не собирался меня убивать.

— Ах, совершенно забыл, ты ведь только что выбросил бутылку, да еще и пустую. Так что я свое предложение снимаю.

Посланник размахнулся и бросил сухарь в толпу зомби.

Кажется, я заскрежетал зубами. Эта тварь попросту издевалась надо мной.

— Ты далеко прошел по Костяным дворцам, вор. Не каждый может этим похвастаться. Обидно вот так попасться, да еще из-за этих тупых образин. Скажи-ка, долго ты намерен здесь просидеть?

— Пока не надоест, — Не знаю, что задумал Посланник вкупе с Хозяином, но меня они уже не запугают. Я настолько испуган, что дальше некуда.

— М-м-м? Я думаю, что тебе это уже надоело. Или я не прав?

Я промолчал, и мне показалось, что Посланник улыбнулся.

— Ладно, Гаррет. Давай без всяких проволочек приступим к нашему делу.

— К какому делу, Посланник?

— О! Я вижу, ты знаешь, как меня зовут! — Он снова хохотнул. — Сам догадался или подслушал, когда шастал по владениям моего господина? Как твоя рана? Вижу, что в Изначальном, куда ты смылся, все так же хорошо лечат!

И снова я ничего ему не ответил, и снова он сделал вид, что не заметил этого.

— Меня прислал Хозяин. Прислал, чтобы предложить тебе выход из западни. Тебе это интересно, или мне уйти?

— Мне интересно, продолжай.

— Хорошо. Откажись от Заказа, забудь про Рог Радуги и будешь вознагражден.

— И чем же ты вознаградишь? Еще раз вспорешь мне живот?

— Ну зачем же так сразу? Если бы я хотел, то убил бы тебя прямо сейчас. Сколько там тебе обещал король? Пятьдесят тысяч? Как тебе предложение скажем в триста? Мало? Может, тебе больше нравится цифра восемьсот? Назови свою цену, вор.

Угу. Верю. Может, я и получу это золото, но только оставят его на моей могиле. Если оставят. Так что на сомнительные договоры я не клюю. Особенно на договоры вот таких парней.

— Меня вполне устраивает цена, предложенная королем. Заказ...

Посланник громко фыркнул, выражая презрение:

— Заказ? Ты что, из толпы дворян?! С каких это пор воры держат слово?

Да что все привязались к слову "вор"! Вначале тени мира Хаоса, затем этот. У меня тоже есть свои профессиональные принципы! К тому же я не ненормальный и нарушать Заказ не собираюсь. Себе дороже.

— А... Ты боишься нарушить Заказ и расстроить своего любимого Сагота? — Он словно читал мои мысли. — Вы, люди, слишком трясетесь перед теми, кого привыкли называть богами. Не беспокойся, вор. Боги всего лишь шайка никчемных прихлебателей, и они зависят от слова Хозяина. Можешь не бояться, никто не будет тебя карать за отказ от Заказа.

Хозяин об этом позаботится, как только ты дашь свое согласие.

Боги зависят от Хозяина? Вот так новость!

— Мне здесь деньги ни к чему, — проямлил я. — Золотом не наешься.

— Забыл упомянуть, что, если ты согласишься на предложение, тебя доставят куда угодно. А может, тебе попросту не нужны деньги? Изумрудов в твоей сумке вполне хватит на покупку небольшого графства, куда тебе еще? Может, ты хочешь чего-нибудь другого? Скажи, и если это в силах Хозяина, ты это получишь. Согласись, хороша цена? Получишь все что угодно, стоит лишь забыть о Роге Радуги.

— Бессмертие? — наугад ляпнул я.

— Бессмертие? Может быть...

Я удостоился очень подозрительного взгляда.

— Кто такой Хозяин? Почему он не хочет, чтобы Рог Радуги покинул Храд Спайн? — Я настолько обнаглел, что решил идти напролом.

— Что же, времени у нас полно, и Хозяин разрешил мне ответить на некоторые из твоих вопросов. Ты ведь никуда не спешишь?

Золотые глаза сверкнули, я счел, что отвечать на этот вопрос не стоит. И так все ясно.

— Мой повелитель — Хозяин этого мира. Он создал Сиалу из тени мира Изначалья, он...

— Танцующий с тенями! — вырвалось у меня.

— Теперь я понимаю, что твоя просьба о бессмертии была всего лишь проверкой. Ты очень многое узнал... К сожалению.

Проверкой? Но я и не думал его проверять! Просто так сказанул.

— Правильно, вор. Когда-то давно Хозяин был Танцующим с тенями и сотворил этот мир. Вижу, что тебе уже известно намного больше, чем мы предполагали. Впрочем, не удивительно, ты ведь тоже Танцующий с тенями.

Я вздрогнул.

— Не отрицай, вор. Ты Танцующий, иначе я бы с тобой не церемонился.

— Не отрицаю.

Я что, дурак, загонять себя в петлю? Раз сейчас выгодно быть Танцующим, значит, я им буду. Назови он меня ослом, я бы и на это согласился без всяких возражений.

— Вот и хорошо. — В его голосе послышалось удовлетворение. — Ты Танцующий, и только поэтому тебе предлагают право выбора. Убивать тебя все равно без толку, и пока ты не окажешься в одном из Великих Домов, ты

бессмертен.

— А я думал, это распространяется только на тех, кто прошел все Дома, — ляпнул я, не подумав.

— У Танцующих есть преимущество.

Ага, так я тебе и поверил, гнида золотоглазая!

— Ну так вот, Рог Радуги, — между тем продолжал он, — Ты ведь видел их, правда?

— Кого?

— Первых детей Хозяина? Падших?

Я понял, что он говорит о птицемедведях, и кивнул.

— Они были Первыми, и Хозяин наделил их силами, почти что равными своим. Они приняли этот дар и захотели стать новыми Хозяевами мира. Решили сыграть в Игру. Тогда-то Падшие и были низвергнуты и заключены в сердце Костяных дворцов. Тебе этого достаточно, вор?

— Я все еще не услышал, при чем тут Рог Радуги. Посланник вздохнул:

— А с тобой тяжело. Хорошо, слушай дальше. Хозяин не смог уничтожить Первых детей и лишь погрузил их в сон, но Вторая раса, те, кого вы привыкли называть ограми, в один из не самых лучших дней по ошибке разбудила в Храд Спайне спящее зло. Вот в то самое время огры и создали Рог Радуги. Создали намного раньше, чем принято считать. Рог Радуги сдерживал Падших, и они не могли выбраться и овладеть изначальной силой этого мира. Им оставалось лишь ждать, когда цепи лопнут. Так что Рог Радуги сделали не только для того, чтобы сдерживать Кронк-а-Мор, первородную магию. Наиглавнейшая цель у огров была другой — не допустить Падших на Сиалу. А огры дорого заплатили за свое любопытство. Они создали Рог, спасли мир, но ценой гибели своей расы. Потому как то, что вы сейчас называете ограми, не больше чем животные. Ради спасения мира они потеряли разум и оказались во власти первородной магии. Пока Рог Радуги находится здесь, Падшие не смогут выбраться в мир Сиалы.

— Рог Радуги лежит в Храд Спайне не так уж долго. Не все те тысячелетия, о которых ты только что мне рассказал.

— Верно. Пока Рог находился у эльфов, все было в порядке, и если бы не противоборствующая Хозяину сторона, ничего бы не случилось. Но я не собираюсь рассказывать тебе все. Просто вспомни, что случилось, когда Орден пытался с помощью артефакта остановить Неназываемого.

— Очень хорошо помню. Маг-отступник говорил, что ему поручил это Хозяин!

— Ты слеп, Гаррет! Хозяин тут ни при чем. Во всяком случае, Хозяин Сиалы.

И вновь я остался сидеть с раскрытым ртом.

— Удивлен? У каждого мира свой Хозяин, и между Танцующими всегда идет Игра. Один спасает свой мир, другой пытается изменить его в худшую сторону. Игрой и борьбой мир проходит проверку на жизнь.

— А чьей игрушкой является Неназываемый?

— Много знать вредно, вор. Так каков твой ответ?

— Твой Хозяин служит злу, Посланник!

И вот тогда-то он рассмеялся. Веселым искренним смехом. Он хохотал и хохотал, не останавливаясь и не успокаиваясь. Хохотал до тех пор, пока даже эхо не устало повторять его смех.

— Что есть зло, вор? Просвети меня! Что есть добро? Кто сможет определить, что есть первое и что есть второе? Где та неуловимая грань между добром и злом?!

— Твой Хозяин пытался убить меня и моих друзей!

— Это и есть зло? — Он насмешливо хмыкнул. — Выходит, зло у каждого свое? Если человек хочет убить тебя, это зло. Если этот же человек дал тебе золотой, спас тебе жизнь и убил другого, незнакомого тебе парня, это добро? Ответь мне, вор!

Я молчал, но он и не ждал моего ответа.

— Орк убил лесоруба, и, конечно же, с точки зрения семьи последнего, совершенно ужасное зло. А вот с точки зрения орка он сотворил несомненное добро и спас священные деревья от посягательства человека. Вот видишь, вор, зло становится добром, а добро злом, стоит лишь посмотреть на них с разных берегов реки Жизни! Тебя пытались убить, но тебе везло, везло как самой тьме, вор! Хозяин стал подозревать, кто ты есть на самом деле, после того, как разбилось заклятие Лафресы. А уж после того, как ты сам по себе попал в его дом, выжил после моего удара и не дал порвать узы Ключа, все встало на свои места. И попытки убить тебя прекратились. Танцующий с тенями не убивает Танцующего.

— Вот только Лафреса и ее люди об этом забыли.

— Она действует на свой страх и риск. Хозяин не успел ее предупредить.

Или не захотел. В любом случае я ни капли не верил в историю про Рог Радуги.

— С покушениями на твою драгоценную персону мы разобрались. Что еще ты можешь назвать злом?

— Хозяин выпустил демонов из тьмы.

— И что? Тебе не понять Игры, тебе не понять, зачем были нужны демоны.

— Так объясни!

— Ну уж нет, Гаррет! Я тебе обещаю, что ты еще вспомнишь о демонах и поймешь, зачем Хозяину следовало их выпускать и приносить Коня Теней в Авендум.

— Принес, а затем так же спешно попытался его отобрать.

— Конь сделал свое дело, да и другой Хозяин...

— Ты пытаешься убедить меня, что по Сиале бродит толпа Хозяев! — Я и сам не заметил, как перебил его.

— Ну что ты! На Сиале только один Хозяин, но есть еще и тот, кто ведет Игру.

— Зачем ему это?

— Зачем? Такова Игра.

— Игра? — переспросил я.

— Что тебя удивляет, вор? Жизнь слишком скучна для тех, кто творит миры. И они иногда играют в Игры. Только и всего. И уж не тебе жаловаться на демонов. Помнится, если бы не случайно найденный и никому не известный свиток, демоны до сих пор носились бы по Авендуму. Вот видишь, ты тоже поучаствовал в Игре. И сейчас эта Игра продолжается, и Рог Радуги является козырной картой. Хозяин старается не допустить его возвращения в мир.

— Для них все это лишь глупая игра?

— Глупая? Благодаря Игре этот мир живет.

— Я не верю тебе!

— А мне этого и не надо. Я разговариваю с тобой лишь потому, что мне велел Хозяин.

— Хорошо! — Я распалялся все больше и больше. — Но ты ведь не будешь отрицать, что Неназываемый появился благодаря твоему Хозяину?!

— Не буду, — очень спокойно ответил Посланник.

— Значит, ты не будешь отрицать, что Неназываемый — зло?

И вновь эхо зала повторило смех слуги.

— Зло?! Я думал, мы закончили с этой темой, Танцующий! Для тебя он, может, и зло... Он ведь хочет свергнуть твоего короля и разрушить королевство... Историю пишут победители, вор! Так было и так будет! Отчего-то все забыли упомянуть ту малость, что династия Сталконов вырезала всю семью того, кого сейчас называют Неназываемым! Всех! Подчистую! Это ли не зло? И не добро ли, что теперь он хочет отомстить?

— Это не добро. Это месть.

— Пусть так, — не стал спорить он. — Пусть так. Но Неназываемый нужен этому миру. Он сдерживает вас, не дает слишком сильно разгуляться и забыться.

— О чем ты?

— Когда на Сиале жили Падшие и огры, а Игра еще не началась, Хозяин старался не вмешиваться в дела мира, но потом появились молодые расы, и среди них вы, люди. Все изменилось. Вы хуже маленьких детей. Вас приходится направлять, указывать цель. Иначе, оставшись без присмотра, вы наворотите таких дел, что Игра закончится, так и не успев разыгаться. Не имея цели, вы рушите все, на что падает ваш взгляд. Настанет день, и вы погубите этот мир. А Хозяину бы этого очень не хотелось, поэтому он и дает вам множество целей. Например, Неназываемого.

— Я не понимаю.

— Что и немудрено. Ты Танцующий только по крови. Чтобы понять, надо стать им по духу, надо пройти сквозь Великие Дома, но у тебя все еще впереди. Что было бы, не угрожай Неназываемый Валиостру с севера?

— Все жили бы счастливо, — буркнул я.

— Сомневаюсь. Может, это было бы возможно лет шестьсот назад, когда королевство было не так сильно, но сейчас, когда ваша армия самая сильная во всех Северных землях, очень сомневаюсь. Без постоянной угрозы с севера вы бы обратили свое внимание на юг. Война с Мирануэхом. Сколько тысяч останется на полях сражений? Затем орки. Они всегда вам мешали, и вы бы их истребили в конце концов. И опять тысячи жизней. А у орков своя цель в этом мире. А потом бы пришел черед союзников. Что мы имеем в итоге, Гаррет? Не будь Неназываемого, который словно меч висит над Валиостром, — и весь север Сиалы утонул бы в крови. И Неназываемый — не единственная сдерживающая людей сила.

— Оставь эти разглагольствования для философов, Посланник! — Меня взяло зло. — Вот-вот колдун придет в Валиостр, и все будет так, как ты сказал, только после падения Валиостра этим займутся орки!

— Ты не понимаешь цели Игры, Танцующий.

— Плевать я хотел на такие игры! Как кто-то может все решать за других?!

— Это его мир, не забывай.

— И если это его мир, то ему позволено разрушить союз темных и людей и тем самым спасти орков? — возразил я, припоминая давешний сон.

— Орки нужны этому миру, и Хозяин не хочет, чтобы они исчезли по

вашей прихоти.

— Еще одна сдерживающая сила?

— Не только, — уклончиво произнес Посланник и спросил: — Так что ты мне ответишь, вор? Согласен забыть про Рог Радуги?

Я молчал, усиленно соображая, что мне отвечать Посланнику, затем выдал:

— А что будет, если я не соглашусь?

— Да ничего!

— Ничего? — Я не мог ушам своим поверить.

— А ты чего ожидал? Что я начну тебя пугать? Ничего не будет! Ты просто останешься сидеть там, где сидишь, пока не сдохнешь от голода. Конечно же ты возродишься в Доме Любви... через какое-то время, когда про Рог уже все забудут. Думаешь, Хозяину так уж важен этот Рог? Все, что ты видишь перед собой, все твои друзья, весь мир — всего лишь большая Игра, которой вы никогда не поймете. Останься Рог здесь — и Хозяин выиграет. Забери ты Рог, и Хозяин все равно выиграет, пускай это будет в десять раз сложнее! Даже если Серые ничего не сделают, даже если равновесие нарушится, даже если вырвутся Падшие и разрушат Сиалу, Игра попросту пойдет по другому витку. От тебя ничего не зависит. Просто если Рог останется нетронутым, Игру выиграть проще, вот и все дела.

Мне не нравился весь наш разговор, все эти сказки про Падших, других Хозяев, глупую Игру... Я не верил Посланнику.

— Отчего же эти Падшие сами не возьмут то, что лежит под их носом?

— Время вопросов подошло к концу, мне нужен твой ответ.

— Раз от меня ничего не зависит, мой ответ — нет.

Золотые глаза внимательно изучали меня. После долгого молчания Посланник наконец сказал:

— Что же, Хозяин знал, что ты ответишь именно так. Жаль, вор. Тогда предлагаю заключить сделку.

— Какую? — осторожно спросил я у него, подозревая подвох.

— Я предложу тебе два варианта, как выбраться из западни, а ты за это выполнишь Заказ Хозяина.

— Какой?

— Кто знает, что потребуется украсть для Хозяина в скором будущем? Сейчас мне достаточно твоего слова.

Я молчал.

— Так ты согласен? — В его голосе проскользнула недовольная нотка.

Чем я рискую? Конечно же у Хозяина есть какой-то план, иначе он не позволил бы мне завладеть Рогом, будь я хоть трижды Танцующим с

теньями. Но мне плевать на игры богов, или кто там управляет миром?

— Согласен.

— Чудесно! Первый способ выбраться отсюда — это покончить с собой. У тебя ведь есть нож? Ты Танцующий, и ты бессмертен. Как только умрешь, окажешься в доме Любви.

— Этот вариант мне не подходит, Посланник.

Конечно, радостно узнать, что ты бессмертен (хотя я в это не верю), но уж чего я не собирался, так это вспарывать себе горло от уха до уха.

— Тогда второй вариант тебе понравится больше. Под тобой бассейн. Нырнув в него и проплыв, ты выйдешь на Ярус меж ярусов. С него можно попасть в любое место Костяных дворцов. Ищи дверь с красным треугольником. Пройдя через нее ты сразу окажешься на восьмом уровне, совсем рядом с могилой Грока. Все время иди прямо, никуда не сворачивай и окажешься у цели. До скорой встречи, вор, оставляю тебя в приятной и надежной компании.

— Постой! Кто такой Игрок?

— Игрок? — Кажется, он хмыкнул. — Игрок — старый и хитрый лис.

— Его имя!

— Узнаешь в свое время, вор. Больше вопросов у тебя нет?

— Если ты здесь, то почему сам не возьмешь Рог?

— Если бы я мог, этого разговора бы не было.

— Как долго мне плыть под водой?

— О! Совсем недолго! Не больше шести минут.

Мгновение — и его уже нет в зале.

Вот тут-то меня и начало колотить. Все еще не верилось, что разговаривал с Посланником, все еще не верилось, что он меня даже пальцем не тронул, все еще не верилось, что я знаю, кто такой Хозяин и чего он хочет.

* * *

Шесть минут без воздуха! Я послал проклятие желтоглазой твари, очень надеясь, что оно ее непременно настигнет. Еще с час я не решался ничего предпринимать. Во-первых, я не доверял Хозяину, все время устраивающему козни, а тут неожиданно решившему мне помочь. Раз ему ТЕПЕРЬ надо, чтобы я достал Рог, то почему бы сразу меня к нему и не переправить? Во-вторых, я попросту боялся того, что может скрываться под черной водой. Да и не было во мне уверенности, что я смогу продержаться

без воздуха столько времени. Но делать-то ведь нечего, правда? Мертвые все еще ждали, когда я спущусь к ним, и вроде как стали проявлять нетерпение. Как бы ко мне не полезли...

Нырять придется в сапогах. Да, плыть будет не очень-то удобно, но бродить по Костяным дворцам без обуви еще неудобнее. Ради сапог придется чем-то жертвовать. Это хоть как-то облегчит плавание. Конечно же куртка! Я скинул ее с себя, оставшись в одной черной рубахе. Из карманов куртки вытащил пробирки с заклятиями, которые попали туда во время сортировки в зале Кайю. Три штуки. Две "пугалки", почти такие же я использовал в Ранненге, когда за нами неслась шайка Неназываемого. Третья... Третью, с черной жидкостью, Хонхель сунул мне в довесок (что по меньшей мере странно для жадного карлика). И до сегодняшнего часа я не думал, что она мне понадобится. Пузырек предназначен для того, чтобы свободно дышать под водой. Сегодня он сослужит мне очень хорошую службу, пускай дышать с его помощью можно будет чуть дольше минуты.

За курткой настал черед арбалета. Я в последний раз прикоснулся к верному другу, а затем без всяких сожалений положил его на куртку. Все равно без болтов он бесполезен, а лишний вес под водой мне не нужен. Что дальше? Нож? Нет, пожалуй, расстаться со всем оружием будет последней глупостью. Нож оставлю. Из сапога я добыл старую добрую бритву и положил ее рядом с арбалетом. Настал черед холщовой сумки. Ее придется взять с собой. Если я доберусь до Рога, будет в чем его нести. Свитер, плотно завернутый в дрокр, тоже следует поберечь. А вот изумруды долой. Конечно же, не все. Я оставил себе "глаз" и ровно четверть от мелочи. Не такой уж и большой вес. Единственный "огонек", чудом оказавшийся на дне сумы, был встречен радостными воплями. Что еще оставить? Да вообще-то больше нечего. Медальон Кли-кли, браслет Эграссы и кольцо короля эльфов почти ничего не весили, да и лишними магические побрякушки еще никогда не были.

Ну вот и все. Надеюсь, что когда-нибудь кто-нибудь наткнется на лежащие здесь вещи и они ему помогут.

Пора.

Я встал на краю гроба лицом к стене и спиной к залу, затем повис на руках, вцепившись в крышку усыпальницы любимого виночерпия герцога, разжал пальцы, пролетел пять метров и упал в бассейн.

Глава 10

Ярус между ярусов

Девяносто восемь. Девяносто девять. Сто!

Я вынырнул, хватая ртом воздух и кашляя. Вечернее солнце медленно уходило за горизонт и совершенно не грело. После часового пребывания в воде я мелко дрожал и хотел только одного — вылезти из реки Хрустальной Мечты, высохнуть и выпить чего-нибудь горячего. Например, вина со специями.

— Сколько? — Голос Фора отвлек меня от мечтаний.

— Сто сорок семь! — не моргнув глазом соврал я.

— Врешь, ты просидел под водой не больше минуты.

Я угрюмо посмотрел на учителя. Фор, словно кот, щурился на садящееся солнце и грыз махонькое зеленое яблоко.

— Минута — тоже много, — возразил я, не собираясь сдаваться и уступать в этом вопросе.

— Мало! — возразил мой учитель.

— Здесь холодно. — Я попытался давить на жалость.

Ага. Как же! Проще у карлика выклянчить золотой, чем разжалобить Фора во время урока!

— Чего это тебе холодно? Сегодня на редкость погожий день.

— Вот залезь в воду вместо меня, и я погляжу, какой он погожий, — недовольно буркнул я себе под нос, но Фор услышал.

— Для четырнадцатилетнего неумехи ты слишком много разговариваешь, — беззлобно бросил он и швырнул огрызком, который не преминул угодить мне точнехонько в лоб.

— У-у-у, — протянул я и обиженно потер ушибленное место. — Почему этой ерундой занимаюсь я, а не Басс?!

— Потому что из Басса никогда не получится приличного вора.

— А из меня получится?

— Если ты будешь поменьше врать и спорить, то, может, и получится.

— Я не так уж много и вру! — возмутился я.

— А споришь тоже мало?

У меняхватило ума промолчать.

— Давай, малыш, начинай. Ты еще успеешь нырнуть пару раз, прежде чем настанет пора идти домой.

— Хорошо, учитель, — обреченно вздохнул я. — Только зачем мне это

надо? Я ведь не рыба!

— Задержка дыхания очень важна. Любая лишняя секунда может увеличить шансы на спасение жизни.

— Это как?

— Ну, если в доме, куда ты заберешься, сработает ловушка с ядовитым газом и тебе придется не дышать до тех пор, пока ты не выберешься из опасной зоны. Или кто-то ушлый сбросит тебя с Пирсов. Связанным. И тебе потребуется некоторое время, чтобы развязаться. Или ты нырнешь и будешь сидеть под водой, чтобы в тебя не всадили стрелу. Видишь, сколько причин, чтобы ты перестал ныть и занялся обучением?

— И ничего я не ною! До каких пор мне так нырять?

— Пока ты без всякого труда не просидишь там как минимум две минуты.

— Две минуты?! — ужаснулся я.

— Но лучше три, — безжалостно добил меня Фор.

— Три минуты?!

— Слушай, Гаррет! — Мастер-вор внимательно посмотрел на меня. — Ты решил стать моим учеником или эхом?

— Учеником.

— Раз учеником, давай ныряй! Время идет.

Ага. Именно этого я и добиваюсь. Чем дольше буду заговаривать зубы Фору, тем меньше мне сидеть под водой. Солнце почти скрылось за морем, в которое и впадала река Хрустальной Мечты.

— Все равно я сегодня не смогу просидеть три минуты, — позлорадствовал я.

— Не только сегодня, но и завтра. Но не переживай, малыш, у нас для тренировок целое лето, а как придут холода, я наполню бочку и ты продолжишь тренировки дома.

Удар ниже пояса. Чувствую, наставник не отстанет от меня, пока я не просижу под водой эти долбанные три минуты. Я обиженно посмотрел на Фора, глубоко вздохнул и нырнул.

* * *

Эх, старина Фор! Знал ли тогда мой учитель, что непрерывное сидение в бочке с водой когда-нибудь спасет мне жизнь?

Вода в Костяных дворцах из-за скудности освещения всегда казалась мне черной. Но стоило только нырнуть, и становилось понятно, что

прозрачностью она не уступает слезе. "Огонек", прикрученный к левому предплечью полосками, безжалостно вырезанными из брошенной куртки, великолепно освещал колодец, по которому я спускался все ниже и ниже. На глубине четырех метров колодец заканчивался. В одной из стен круглая нора. Туда. Теперь горизонтальный коридор. Здесь "огонек" уже не требовался, стены излучали бледно-зеленый свет.

Я плыл не суетсяь, делая мощные гребки руками и помогая себе ногами. Вперед и только вперед.

Минута.

Круглый лаз неожиданно пошел вверх и кончился. Я со скоростью щуки, покидающей свою нору, вырвался из него и оказался под самым потолком полностью затопленного зала. Вода была настолько прозрачна, а стены сияли так сильно, что пол в девяти метрах подо мной было видно как на ладони. Вплоть до самой мелкой мраморной плитки, вплоть до изображений на каменных крышках гробов. Пол медленно проплывал подо мной. Стена. Приходится поднырнуть, чтобы через проход попасть в следующий зал.

Две минуты.

Здесь все также, как и в предыдущем зале. Темные призраки гробов, статуи у стен. Эльфийская красота. И я точно помню, что на картах ничего подобного нет. Плыву, держась чуть ли не под самым потолком, замечаю новую "нору". В груди постепенно растекается тяжесть, в глазах темнеет. Я и так на пределе. Ныряю в "нору". Легкие горят огнем, откупориваю пробку пузырька, черная жидкость медленно и тягуче смешивается с водой. Секунду ничего не происходит, и я начинаю паниковать.

Три минуты.

В испуге открываю рот и... дышу. Черная жидкость растворилась в воде, теперь вокруг меня нечто вроде большого пузыря с невидимыми стенками. Можно вполне сносно дышать. У меня чуть больше минуты.

Плыву с удвоенной силой. Коридор кажется нескончаемым. Развилка. Три направления. В какое из них? Среднее! Прямой путь! Туда, только туда!

Волшебный пузырь лопається, и я едва успеваю запастись воздухом. Вновь впереди тупик, ход вертикально уходит вниз. Три метра по колодцу, выплываю из раззявленной пасти горгульи. Зал. Из-за тысяч маленьких пузырьков, поднимающихся к потолку, практически ничего не видно.

Минута.

Плыву "на ощупь", но противоположной стены не видно, хоть ты тресни. Пытаюсь опуститься к полу и не могу. Ощущаю, как сотни

колючих пузырьков подбрасывают меня вверх. Даже не пробую бороться. На это просто нет времени. Плыву. В груди нарастает боль.

Две минуты.

Я уже шесть минут под водой, но вожаденного выхода нет. Или Посланник соврал, или я ошибся коридором. Стена! Наконец-то. Мечусь из стороны в сторону, как головастик, попавший в кипящий котел. Нет выхода! И нового пузырька с заклятием тоже нет! Судорожными движениями поднимаюсь к самому потолку.

Есть!

Пузырьки веселой толпой устремлялись в рваную щель в потолке! Рвусь следом за ними, оказываюсь еще в одном колодце, но теперь уже уходящем точнехонько вверх. Там, впереди, мерцает что-то неуловимо прекрасное. Работаю ногами, в глазах темно, начинаю подумывать, что срочно пора учиться дышать водой или собирать вещички перед дорогой в свет. Серебристое мерцание уже рядом, больше всего это похоже на тонкую пленку, растянувшуюся от стенки до стенки. Пузырьки свободно проходят сквозь нее. Значит, и я смогу. Касаюсь пленки, по всему телу пляшут иголки... Лечу... и я уже не в узком коридоре, а где-то...

* * *

Сижу на берегу огромного подземного озера. А может, и не огромного, но "огонек" не может осветить другого берега. Вдыхаю пьянящий аромат воздуха. Дрожу. Пока плыл, вода казалась очень теплой. Да она и была теплой, но стоило выползти на берег и откуда не возьмись напал та-а-акой озноб, что хоть костер разжигай (рад бы разжечь, да дров нет). Сразу же сбросил с себя всю одежду и вытащил из насквозь промокшей сумки свитер, завернутый в дрокр. Спасибо эльфийской ткани, одежда оказалась сухой, словно и не побывала несколькими минутами раньше в воде. Одеваюсь. Сразу полегчало. В довершение к теплому свитеру я еще попрыгал и подрыгал ногами и руками. После долгого купания это обычно помогает прийти в норму.

Не знаю, как я оказался в озере, не знаю, где оно находится, то ли в пещере, то ли в зале, но Посланник не обманул — это Ярус меж ярусов. Потому что ничего подобного в секторе Героев уж точно нету.

А тьма! Все равно холодно! Выжимаю одежду, но без солнца она будет сохнуть еще Сагот знает сколько времени.

Отправиться в путь мне пришлось намного раньше, чем высохла одежда. Волшебный фонарик у меня всего лишь один, и его силы уже на исходе. А вокруг тьма, и стоит поторопиться, если, конечно, я не хочу, как крот, тыкаться носом в стены и идти на ощупь. Что случится после того, как погаснет "огонек", я старался не думать. Ну да, признаю, была у меня глупая надежда на то, что появится освещение, или я набреду на склад факелов, или (что было бы очень хорошо) на лавку карлика, торгующего магическими побрякушками. А пока я только мечтал и шел, точнее, бежал по совершенно прямому коридору, стены которого в свете "огонька" цветом походили на запекшуюся кровь.

Нельзя бежать вечно. В боку давно уже засела тупая игла, и пришлось перейти на шаг. Я устал и очень, просто ОЧЕНЬ хотел есть. Два дня вынужденной голодовки и водопой (иначе не назовешь) на берегу пещерного озера (хотя от воды после подводной прогулки меня и так уже мутило) не способствовали покою желудка. За кусок хлеба отдам правый глаз. Или левый. Естественно, никто не собирался проводить такой обмен или подбросить мне буханку хлеба, и приходилось слушать не только эхо собственных шагов, но и голодные протесты в животе.

Наконец настал самый неприятный момент. Вначале свет волшебного фонарика побледнел, расплылся, затем "огонек" неуверенно мигнул и погас. Вновь вспыхнул, испуганно затрепетал, пытаясь разгореться с новой силой, сверкнул. На мгновение озарил коридор на целых двадцать метров и теперь уже окончательно угас, подарив мне слепоту. Сейчас я оказался беспомощнее новорожденного котенка.

Я в раздражении отбросил погасшую палочку в сторону. Доигрался. А Фор ведь меня предупреждал. Уж лучше камера в Серых камнях, чем вот так бродить по мраку, ожидая неизвестно от кого неизвестно какой бляки. Поныв в свое удовольствие, я приложил левую руку к стене и поплелся (именно так, и никак иначе) вперед.

Все дальнейшее очень напоминало мне путешествие по тюрьме Хозяина. Тогда я плелся точно также. Держась рукой за стены и таращась в темноту. Таращся не таращся — все едино. Сейчас я не увижу собственных пальцев на руке, даже ткни я ими себе в глаза. Говорю же, ТЕМНО.

Врать не буду, я не знаю, сколько времени так плелся. Скорость не ахти какая, боишься провалиться в какую-нибудь яму, Сагот знает как оказавшуюся вдруг у тебя под ногами, или нарваться на хитроумную

ловушку. Что до ловушек, то после недолгого размышления я попросту выбросил мысль об их присутствии из головы. Чего нервы тратить, если я все равно не могу рассмотреть самой примитивной западни? Трижды я отдыхал, один раз пытался дремать, но голодные боли не давали уснуть.

Нога вверх, нога вниз. Держаться стены. Не останавливаться. Идти. О том, что все мои потуги, скорее всего, останутся безнадежными, я старался не думать. Гнал от себя поганые мысли прочь, но они возвращались с новой и новой силой.

Под подошвами сапог раздался едва слышный хруст, и я остановился. Нагнулся, пошарил у себя под ногами. Пальцы нащупали что-то маленькое, с неровными, острыми краями. Или черепки, или осколки костей. Откуда здесь взяться черепкам? Вот-вот. Неоткуда. А вот костям в Костяных дворцах самое место.

Тогда, спрашивается, откуда здесь кости? Конечно же можно предположить, что это останки похороненных, но кто будет хоронить покойников там, куда практически невозможно попасть? Да и знали ли орки с эльфами об этом месте? А если это не захоронения, то... То кто-то, как и я, пытался пройти по этому коридору, но остался здесь навсегда. Но скольким же людям и нелюдям надо было прогуляться в этих местах, чтобы кости хрустели под ногами, словно снежный наст? Многим, а это в принципе невозможно (разве что сюда забредали уже не первое тысячелетие). Почему кости (если это кости) так мелко раздроблены? Зря я задал этот вопрос, сразу же стал нервничать.

Хруст, хруст. Хруст, хруст.

Этот мерзкий звук начинал меня раздражать. И смущать. Что-то в нем было не так. Я остановился.

Хруст.

Не понял... Это что еще за чудо такое?! Сделал еще несколько шагов, напряженно прислушиваясь.

Хруст. Хруст.

Остановился.

Хруст. Хруст.

Вот ведь странность-то! Еще одна шутка строителей подземелий, связанная с загадками эха? Желая проверить свою теорию, я громко выкрикнул:

— Хей!

Ни-че-го. Никакого ответного "хей" или хотя бы "эй-эй-й". Никакого козлом дрانого эха, как говаривал Дядька, да пребудет он в свете. Правая рука как бы невзначай упала на рукоять ножа. Уже догадываясь, в чем тут

дело, я прошел еще немного вперед.

Хруст-хруст.

Остановка и уже привычное: хруст.

Это не эхо! Это чужие шаги! Кто-то шел следом за мной! Он старался идти в такт моим шагам и останавливался, когда останавливался я. Правда, все делал очень неумело, потому-то я его и слышал. Я весь обратился в слух, но тот, кто находился у меня за спиной, не шевелился и не издавал ни звука. Прижавшись спиной к стене, я усиленно боролся с паникой. Главное не делать резких движений, кто знает, как мой невидимый попутчикотреагирует на размахивающего ножом человека. Конечно же я ничего не видел, а вот тот, кто находился рядом со мной, должен прекрасно видеть, раз уж его угораздило поселиться в таком неосвященном местечке.

С минуту ничего не происходило, а затем кто-то очень осторожно коснулся моего левого плеча. Коснулся и тут же отпрянул. Мне пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не заорать и не броситься прочь. Снова касание, теперь уже гораздо более уверенное. Я пошевелился, и вновь меня оставили в покое.

— Ступай прочь! — каркнул я не своим голосом. Нет ответа.

Касание. Я отмахнулся, но тварь оказалась слишком проворной и отскочила, прежде чем я успел ее задеть.

— Ступай прочь! Слышишь?!

Нет ответа. И вдруг:

— Ступай прочь! Слышишь?!

Голос у того, кто стоял в темноте коридора, оказался тоненький, свистящий. Казалось, что существо пробует слова на вкус.

Тычок в грудь.

— Ступай прочь? — спросили у меня.

С этим срочно надо что-то делать. Я зашарил в сумке. Изумруды, изумруды... Полсумки изумрудов за факел! Всю сумку! Наконец пальцы нащупали один из двух стеклянных цилиндров.

— Слышишь! — меня ущипнули.

Да как больно! Что дальше? Гаррета попробуют на зуб?

Я закрыл глаза и бросил пузырек с волшебным эликсиром на пол. Бумкнуло, вспыхнуло. Кто-то испуганно взвыл. Остатки эликсира медленно угасали, но я мог различить нескладную, скорчившуюся словно от боли тень. Не раздумывая, я выхватил нож и, размахивая им крест-накрест, бросился вперед. Прежде чем эликсир перестал действовать, а ослепленное создание вновь обрело способность видеть, я трижды ударил гадину ножом. С каждым моим ударом на том месте, где появлялись раны,

разливалось свечение ядовито-зеленого цвета. Со страху, да еще и впопыхах я, по всей вероятности, не задел ни одного жизненно важного органа существа. Оно, шипя и истекая светящейся кровью, оттолкнуло меня от себя и со всей поспешностью бросилось во тьму.

Я перевел дух только после того, как кричащее от боли странное создание окончательно затихло где-то вдали. Клинок до самой рукоятки заляпан кровью, да и на полу ядовито-зеленых фосфоресцирующих пятен осталось предостаточно. Кровь оказалась странной, но в данном конкретном случае мне на это было начхать, главное, что благодаря ей у меня появился свет. Клинок попросту лучился зеленым светом. Вот тебе и освещение, хотя самосветящаяся кровь освещала не более чем на два шага. В любом случае два шага лучше, чем ничего. Вытянув руку с ножом вперед, я направился дальше, очень надеясь, что в округе больше нет никаких страшилищ.

Кости перестали хрустеть под сапогами метров через пятьдесят. Как назло, тварь убежала вперед по коридору, и меня совершенно не грела мысль о повторной встрече. Мерзкая вражина истекала кровью, и теперь на полу пролегла дорожка из ярко-зеленых пятен. Эдакая путеводная ниточка сквозь мрак. Сейчас я шел достаточно быстро и уверенно (если сравнивать с моим недавним ползаньем во тьме). Вот только кровь на ноже начала засыхать и терять свои волшебные свойства. Еще с пяток минут — и вновь окажусь в темноте. Я прибавил ходу, и прежде чем зеленая кровь окончательно угасла, впереди забрезжила еле заметная искорка света. Кажется, мне все же удастся выбраться из темноты.

* * *

Воспрянув духом, я двинулся навстречу желтой искорке. От нее отделился маленький огонечек, дернулся и скрылся из виду. Тут-то меня и осенило, что я вижу свет отнюдь не освещенного зала, а факелов или фонарей. То, что один из светлячков двинулся, вселяло в меня очень большие опасения. Я так некстати вспомнил о птицемедведях и их светильниках-черепаках. Это местечко вполне в их духе и очень им подходит. Но искорка, от которой отделился огонек, оставалась недвижима, и после недолгих уговоров я продолжил путь.

* * *

Проклятый коридор остался за спиной, и я очутился в... наверное, это была пещера. Я попросту не мог оценить ее настоящих размеров. Здесь дул самый настоящий ветер. Здесь пахло землей, свежей весенней травой и грибами. Шляпки грибов, походившие на огромные купола соборов, источали ровный желтый свет. Этот свет озарял все вокруг на два десятка метров, и я прекрасно видел росшую в пещере траву и тропинку, уходящую куда-то во мрак. Также я видел то, что осталось от твари, напавшей на меня в коридоре, тело без головы, двух рук и одной ноги. Вокруг трупа копошилось четыре... хм... ну можно сказать, что муравья. По крайней мере, на муравьев эти создания походили больше всего. Правда, на земле вряд ли встретишь муравьев с руку величиной, да еще и совершенно белого цвета, словно они все извалялись в муке. Шесть ног, отчаянно пляшущие усики на вытянутой голове, здоровенные жвалы и отсутствие всякого намека на глаза. Муравьишки деловито сустились возле трупа. Вот один из них отпил (или откусил) ногу твари и потащил куда-то в глубь пещеры. Деловые ребята.

На меня они не обращали никакого внимания и вроде даже не собирались нападать, что меня, как человека мирного и отнюдь не злого, несказанно обрадовало. Я обошел бригаду насекомых-переростков сторонкой и направился к заинтересовавшим меня грибам. На одной из грибных шляпок сидел еще один муравей. Я остановился, не решаясь приближаться. Сагот знает, что учудит насекомое, если оторвется от своего занятия и почует меня. Муравей между тем отгрыз от уже изрядно подпорченной грибной шляпки кусок и, перебравшись на ножку гриба, пополз к полу, сжимая вожаделенную добычу челюстями. Я подождал, покуда муравей с добычей скроется из виду, и только после этого пошел к грибочку. Чем я хуже муравья? Мне тоже следует отрезать небольшой фонарик для собственных нужд.

Не тут-то было. Откуда ни возьмись появившийся муравей преградил мне дорогу. Этот парень был не рабочим, а воином, о чем говорили и его размеры (на локоть больше своих братьев), и здоровеннейшие жвалы (такие без труда враз перекусят ногу). Я помахал рукой, стараясь привлечь его внимание. Никакого эффекта, лишь усики дернулись. Я сделал шаг к муравью, тот в ответ раздраженно щелкнул жвалами. Понятно. К грибу меня не пустят.

— Будь у меня арбалет, ты бы вел себя приличнее.

И на это стражник никак не прореагировал. Чего со мной разговаривать, если арбалета у меня нет?

К этому времени муравьишки-трудяги уже добыли по достойному кусу

из тела коридорной твари и уползли вместе с добычей, оставив на травке какие-то жалкие ошметки. Попробуем по-иному.

Я подцепил ножом самый большой из ошметков и бросил его под ноги стражнику. Тот подозрительно пошевелил усиками, осторожно исследовал кусок и, видимо оставшись довольным подношением, без всяких возражений пропустил меня к грибу. Я отрезал от грибной шляпки кусок размером с кулак и, оставив муравья сторожить мясо до прихода кого-нибудь из рабочих, пошел по тропинке.

Света от гриба было даже больше, чем от "огонька", и после томительно длинного коридора, соединяющего зал с Подземным озером и этой пещерой, свет был попросту подарком богов. Тропка оказалась такой же прямой, как извилина доралиссца. Никаких перекрестков, никаких ответвлений. Знай себе иди и ни о чем не думай. Ха! Легко сказать — ни о чем не думай! А еда? Помилуй меня Сагот! Сейчас я был готов умять целого быка, фаршированного тремя баранами, которые в свою очередь должны быть фаршированы перепелами или чем там полагается фаршировать такие блюда? В общем, если до кого не дошло, я очень хотел ЖРАТЬ. От куска гриба, находящегося в моей руке, исходил дивный дух, и я то и дело глотал слюну, чтобы не захлебнуться и не погибнуть смертью храбрых. Или смертью голодных. Но отведать гриб не позволял пока еще не полностью обезумевший от голода рассудок. Во-первых, я не шаман гоблинов, чтобы жрать сырые грибы, а после создавать всякие безумные книги предсказаний. Во-вторых, я не хочу корчиться на травке в предсмертных конвульсиях, если вдруг гриб окажется всего лишь ядовитой поганкой. Так что приходилось стоически бороться с самим собой, чтобы не отбросить все опасения и не начать лопать источник освещения.

Гроздь грибов, на которую я наткнулся при выходе из коридора, в пещере оказались не единственной. То и дело взгляд натыкался на грибные островки света. Естественно, каждый гриб находился на учете и охранялся одним, а то и двумя стражниками-муравьями. Чем дальше я уходил в глубь пещеры, тем больше муравьев попадалось мне на пути. В основном это были снующие по своим делам рабочие, но иногда приходилось встречаться со стражниками. Эти тоже не обращали на меня никакого внимания, надо было всего лишь не делать резких движений и не подходить к воинам близко. Рабочие суетились, как видно, на благо своего муравейника. Одни куда-то спешили, другие кормили стражников, запихивая неаппетитные комки черного цвета в широко раззявленные жвалы. Третьи тащили камни, кусочки грибов, палки (откуда они здесь взялись?) и тьма знает что еще.

Один раз пришлось остановиться и ждать, пока две дюжины рабочих перегонят стадо махоньких (не больше моей ладони) беленьких жучков. Тля. Я сделал шаг вперед и тут же отскочил в сторону, так как один из рабочих повернулся ко мне задницей и выдал едкую и вонючую струю какой-то жидкости. По счастью, муравей промазал, но на запах сбежались все окрестные вояки и взяли меня в кольцо. Я стоял ни жив, ни мертв до той поры, пока стадо и пастухи не скрылись во мраке пещеры. Только после этого кольцо муравьев-воинов распалось, и меня пропустили, напоследок предупреждаяще щелкнув жвалами.

После этого случая я унял свое любопытство и перестал приставать к насекомым. Зачем провоцировать здешних обитателей, особенно если учесть, что, коли им придет в голову разрезать меня на кусочки, не отвертишься? Попросту повалят и затопчут. Против такого количества не спасет никакое оружие.

Но мне все же пришлось нарушить свой зарок и подступить к муравьям и их собственности вплотную. Это случилось уже после того, как количество попадавшихся мне муравьев заметно уменьшилось и теперь в минуту я встречал от силы двух-трех насекомых, а не пятьдесят, как это было раньше.

Свет гриба вырвал из тьмы следующую картину: возле тропинки росли низенькие колючие кусты и вокруг них ползала парочка муравьев-рабочих. Ребята срывали с веток темно-зеленые плоды, каждый из которых размером мог поспорить с яблоком. Похоже, муравьишки обедали. Я дождался, пока парни насытятся и уползут восвояси, огляделся и, не заметив присутствия стражников, начал срывать плоды и запихивать их в сумку, трезво рассудив, что раз от этих яблок недохнут Насекомые, значит, и я не помру... наверное. Длиннющие шипы на ветках кололи руки даже сквозь кожу перчаток, я морщился, шипел, но причинять ущерб муравьиному хозяйству не переставал и успокоился только тогда, когда сумка оказалась набитой под завязку. Как только это произошло, я быстренько свалил, пока муравьи не застали меня на месте преступления.

Все же потребовалось большое мужество, чтобы решиться попробовать плод. Сверху он был покрыт плотной кожурой, и пришлось поработать ножом. Ноздри защекотал аромат сливы и малины. Желудок призывно заурчал. Пахнет вроде ничего. Я откусил кусочек и опомнился лишь после того, как умял четыре плода. Удивительно, но голод исчез, будто я слопал целого жареного гуся. Если фрукты все же окажутся ядовитыми и я помру, то помру сытым.

Сразу же стало веселее. Я даже приободрился, и дальнейшая дорога

перестала казаться тоскливой и бесконечной. Минут через сорок Пещера муравьев, как я стал называть это место, осталась позади. По широким ступеням я поднялся в следующую пещеру. Колонны здесь напоминали зубы дракона, и казалось, что я нахожусь где-то в середине пасти огромного чудовища. Гриб светил исправно, тропка и не думала никуда исчезать, так что без всяких проблем и неожиданных неприятностей Гаррет-тень добрался до конечной цели своего путешествия. Колонны-клыки прянули в сторону, открывая мне вход в довольно маленькую пещерку. Тропка разветвлялась на восемь частей, ведущих из пещеры в восемь коридоров. Туда мне не надо, мое путешествие по Ярусу меж ярусов, если верить словам Посланника, закончится здесь. В стенах пещеры была уйма дверей, отлитых из бронзы, которая под гнетом времен давно уже стала темно-зеленого цвета. Массивные ручки из того же сплава, и никакого намека на замок или засов.

Я сошел с тропы и по мягкой траве дошел до ближайшей двери. Я нашел на ней то, что нужно, хотя пришлось изрядно повозиться. Маленький синенький кружок в нижнем углу двери. Теперь остается найти дверь с красным треугольником, помолиться Саготу и войти на восьмой ярус. Я пошел вдоль дверей, ища нужную метку.

Зеленый кружок, желтый квадратик, красный квадратик, черный ромб, пурпурный кружок, треугольник, но вот только оранжевый. Я проходил мимо дверей, на которых были начертаны кружочки, квадратики, ромбики и треугольники всех цветов и расцветок. Среди них не было лишь красного треугольника. Наконец последняя дверь, круг завершен. На двери зеленая линия. Неужели я пропустил нужную мне дверь? А может, такой метки попросту нет? Может, эта такая веселая шутка Посланника? Следует еще раз внимательно проверить значки. А вдруг я все же просто пропустил метку?

Первая дверь. На двери кружочек. Красный. Бр-р-р! Что такое? Я точно помню, что раньше здесь был кружок синего цвета! Следующая дверь, и теперь вместо зеленого кружка белый ромб. Следующая дверь — вместо желтого квадратика коричневый треугольник. Стоило сделать круг, и все метки изменились. Спокойствие, Гаррет! Сейчас не время удивляться чудесам. Я вновь исследовал все двери и вновь не нашел красного треугольника. Все что угодно, выбор фигур и расцветок, как на Большом Рынке в Ранненге, вот только махонький красный треугольник словно корова слизала.

Третий круг. Первая дверь. Зеленый квадрат. Сколько же это будет продолжаться? Спокойно, Гаррет, спокойно. Нет повода для паники. Будем

ходить по кругу столько, сколько нужно. Будем рассматривать двери, пока не найдем искомую. Ненароком касаюсь рукой холодной бронзы и тут же отскакиваю назад.

На какое-то мгновение дверь стала прозрачной. Я видел то, что было за ней! Не могу преодолеть любопытства и вновь прижимаю ладонь к металлу. Пару секунд ничего не происходит, затем по металлу пробегает мелкая рябь и дверь становится совершенно прозрачной. Я вижу перед собой Створки. Подхожу к следующей двери. Кладу руку. Огромный ярко освещенный зал заполнен грудami алмазов. Не знаю, где в Костяных дворцах находится такое чудо, но тому, кто там окажется, несказанно повезет. Обогащится навеки.

Следую дальше, смотрю сквозь двери, не забывая искать красный треугольник. Десятки безликих залов всех ярусов. После Створок я не увидел ни одного мало-мальски знакомого места. За то время, что я переходил от двери к двери, возникало столько различных картин Храд Спайна, что в голове была самая настоящая куча мала. Запомнился лишь скелет, бродивший по какому-то холлу из угла в угол, и багровые искры в каком-то зале. Представьте себе полный, крошечный бархат ночи, на фоне которого рассыпаются очень далекие багровые искорки, так похожие на огненные снежинки мира Хаоса. Не сомневаюсь, что эта дверь вела на один из самых глубоких ярусов Костяных дворцов.

Еще одна дверь. Прикладываю руку. Громко охаю от неожиданности. За дверью властвует ночь. Силы месяца едва хватает, чтобы осветить поляну, окруженную величественными златолистами. Недалеко от спуска в Храд Спайн горит маленький огонек. Его робкое трепетанье пробуждает в сердце странную тоску. Возле костра лежат люди. Все спят, и лишь фигура часового застыла на самой границе света огня и ночи. Страж пошевелился, и я узнал Угря.

Вот он шанс! Вот она возможность прямо сейчас вырваться из Храд Спайна! Стоит лишь открыть дверь, шагнуть, и я окажусь на свободе. Открыть дверь, и не будет больше этих проклятых стен, гробниц, подземелья. Больше не будет страха, усталости, бесконечных кошмаров во время краткого отдыха, голода и беготни. Послать погоню за Рогом Радуги во тьму, отправить Заказ куда подальше и забыть эти дни, словно они были одним страшным сном. Рука помимо моей воли легла на дверную ручку, и дверь совершенно легко отворилась. В лицо пахнуло свежестью осенней ночи и дымом костра. Я вдыхал этот аромат как самый великий дар богов. Один шаг, и кошмар кончится. Всего лишь один шаг. Я приоткрыл дверь пошире, и дверные петли тихонько скрипнули. Этого звука вполне хватило,

чтобы Угорь встрепенулся и осторожно направился в мою сторону. Не знаю, видел ли он что-нибудь или просто шел на звук, но мне очень хотелось заорать и привлечь к себе его внимание.

— Посмотри на соседнюю дверь, Гаррет, — шепнул мне Вальдер.

Его голос разрушил наваждение, и я посмотрел туда, куда он советовал. В углу двери, находившейся от меня по правую руку, был нарисован треугольник. Красный. Кляня почему зря всех богов вкупе с Хозяином и шутницей-Судьбой, я захлопнул дверь к свободе и, сцепив руки в замок, сделал шаг назад. Меня била крупная дрожь, и немудрено! Я едва все не заперол. Чуть не сжег мосты. Проклятие! И что на меня нашло?!

— Спасибо, Вальдер.

— Я просто подумал, что тебе не захочется вновь пройти все восемь ярусов. — Впервые за время нашего знакомства он усмехнулся.

— Ты правильно подумал. — Я все еще не мог прийти в себя. — Еще раз спасибо.

— Не очень-то благодари, у меня в этом деле свой интерес.

— Какой же? — спросил я его.

— Вся моя несмерть началась из-за Рога Радуги, когда... ну ты сам знаешь, о чем я.

Я действительно знал. Это был первый из череды снов-видений.

— Вот я и тешу себя надеждой, что... — Он помедлил, словно боясь испугать трепетный росточек надежды. — Что, если Рог вновь окажется рядом, я смогу покинуть этот мир и успокоиться. Так что видишь, Гаррет, даже бесплотный дух ищет выгоду.

— Будем надеяться, что ты прав, Вальдер, и Рог тебе поможет.

— Будем, — вздохнул он.

— Ты слышал наш разговор с Посланником?

— Да.

— Он говорит правду?

Недолгое молчание.

— Да. Рог Радуги — это та сила, что может нарушить равновесие.

— А Хозяин? Все, что Посланник рассказал о нем, тех существах и обо мне, — это правда?

— Не знаю.

— Но если Рог способен нарушить равновесие, быть может, не стоит...

— Возьмешь ты Рог или нет, равновесие может нарушиться. От Рога теперь ничего не зависит.

— И что же мне делать?

— Выполни Заказ и молись Саготу, — произнес Вальдер и затих.

Выполни Заказ и ни о чем не думай. Ха! Я подошел к Двери с красным треугольником, набрался духу и, распахнув ее, вышел на восьмой ярус Костяных дворцов.

Глава 11

Рог радуги

Я оказался в маленькой комнатке, где пахло старостью, пылью и свечами. Чего-чего, а уж свечей здесь было предостаточно. Вся комната заставлена подсвечниками. Мощный металлический стол, заваленный книгами и свитками, тяжелые драпировки из темно-вишневого бархата на стенах, пол устилает потускневший от времени и чуть ли не расползающийся под ногами султанатский ковер. В дальнем углу, рядом с выходом из комнаты, маленький шкаф с полками, забитыми банками и колбами. На одной из стен картина в тяжелой вычурной позолоченной раме. Теперь уже никто не разберет, что изобразил неизвестный художник, — все краски выцвели. Возле стола два сундука, окованных бронзой.

Я оглянулся назад, но двери, благодаря которой оказался в этой комнате, больше не было. Она просто-напросто растворилась в воздухе. Теперь вернуться на Ярус меж ярусов не было никакой возможности, и остается надеяться, что дверь с красным треугольником привела меня именно на восьмой ярус, а не на тридцатый или первый.

Подойдя к столу, я из чистого любопытства поднял крышку ближайшего сундука. Нет, сокровищ там не нашлось. Сундук оказался доверху наполнен отборной пшеницей. Очень странный выбор. Кому могло прийти в голову тащить с первого яруса такую бесполезную вещь? Вторым сундук был заполнен зерном пшеницы наполовину. Я в раздражении захлопнул крышку сундука и обратил внимание на стол с книгами и пожелтевшими свитками, покрытыми толстеннейшим слоем пыли. Я даже не собирался их трогать, но неведь с чего решивший заговорить Вальдер произнес:

— Подожди. Подойди к ним.

Я подошел к столу и взял первую попавшуюся книгу.

— Я не понимаю эти загогулины. — Я без всякого интереса посмотрел на обложку.

— Я понимаю. Это старый орочий. Магическая книга. Она бесценна.

Ну, может, она и бесценна, но я не собираюсь переть ее наружу. Книжка была тяжелее, чем объевшийся черешни Кли-кли.

— Возьми вон ту, с железной обложкой.

Я разгреб свитки, взметнув целое облако пыли, и выудил требуемую

Вальдером книгу. Размером книжечка была чуть больше ладони и толщиной в два пальца. На железной обложке гномья письменность.

— Малая книга заклинаний гномов.

Мне показалось, или в голосе Вальдера послышалось благоговение? Впрочем, было чему удивляться! Все книги гномов запрятаны в Зам-да-Морте, и к ним нет доступа ни гномам (карлики к своим горам бывших родственничков не подпустят на пушечный выстрел), ни карликам (которые так и не смогли разгадать, как открывается магическая сокровищница). Поэтому то, что я сейчас держал в руках, представляло огромнейшую ценность для обеих рас. Я повертел в руках книжку в осторожно положил ее на место. Брать я ее с собой не собирался, впрочем, как и извещать Халласа и Делера о своей находке. Ни к чему это. Махонькая книжечка в железном переплете вполне могла разжечь пожар, который окончится новой битвой на поле Сорна. Пусть книга как лежала, так и лежит в этой комнате. Во всяком случае, я не буду тем, кто развяжет очередное смертоубийство между карликами и гномами.

— Тебя что-нибудь еще интересует, Вальдер?

Нет ответа.

Я пожал плечами и двинулся к выходу из комнаты. Пора брать Рог Радуги и улепетывать из этих негостеприимных мест.

* * *

Раскатал губу! "Брать Рог Радуги"! До этой дудки еще надо добраться! А добраться оказалось не так-то и просто!

Выйдя из комнаты-библиотеки, я попал в широкий не то коридор, не то зал. Как и на шестом ярусе, здесь царили полумрак и густая тень. Восковые факелы трещали и пытались осветить подземные дворцы, но силенок на это у них, увы, не хватало. Вокруг вроде все тихо, но я не забывал об осторожности и ежеминутно останавливался и прислушивался. Ничего такого ужасного или таинственного, хвала Саготу, не было. На восьмом ярусе оказалось прохладно, постоянные сквозняки из боковых коридоров пробирали до костей.

У меня не было карт, но, помня слова Посланника, я шел только вперед и никуда не сворачивал. Конечно, глупо доверять Посланнику, но пока все его слова были правдой, и я не считал, что импровизация — самый лучший выход из неприятной ситуации, в которой я оказался благодаря потере путеводных карт.

Через полчаса ходьбы факелы на стенах стали попадаться реже, а потом и совсем исчезли, и вновь пришлось доставать грибок-огонек. Череда залов с рядами массивных приземистых колонн вдоль стен, сводчатыми потолками и четко выраженными контрфорсами. От архитектуры так и веяло грубой небрежностью и поспешностью, хотя я уверен, что залы создавали орки и эльфы. Вот только сделали все Молодые расы абы как, на скорую руку, словно им не терпелось как можно быстрее уйти с восьмого яруса. Собственно говоря, вполне здоровое желание для любого разумного существа, правда, в чем тут дело, я понял только спустя минут сорок с того момента, как последний факел остался у меня за спиной.

Свет моего грибка вырвал из мрака необъятного зала достаточно интересную картину. Это не нарисует даже умалишенный из больницы Десяти мучеников. Ему просто в голову не придет, что такое может существовать. Признаюсь честно: мурашки по спине забегали, во рту пересохло, и язык прилип к небу. Не каждый день "повезет" лицезреть эпизод из действия, которым нас так часто пугают жрецы (это я про их истории о приходе тьмы на Сиалу и тому подобных сказках). В общем, прямо передо мной высилась девятиметровая стена. В принципе ничего особенного, если не обращать внимания на то, что вместо кирпичей строители использовали человеческие черепа.

Тысячи черепов смотрели на меня темными провалами глазниц и скалили зубы в сардонических усмешках. Тысячи? Или больше? Сколько черепов пошло на то, чтобы создать такую стену? Это была страшная и вместе с тем завораживающая картина. Жуткая красота и нереальность происходящего. Кто и каким образом создал это? Зачем? И где он нарыл такую гору человеческих черепов? И не окажется ли моя башка еще одним кирпичиком в страшной стене? Вот сколько вопросов. И ни одного ответа.

Стена полностью перегораживала мое дальнейшее продвижение. Я прошелся вдоль нее, но уперся в стену зала. Пошел в обратном направлении и обнаружил проход в виде арки, свод которой был выложен ребрами. Я проскочил через арку и...

Вот вам и "и"! Теперь-то я уверен, что Костяные дворцы получили свое название благодаря этому месту. Передо мной лежал склад, хранилище, коллекция, сокровищница человеческих костей! Груды останков и остовов, некогда бывших людьми. Такое не могло присниться даже в самом страшном сне. Стены зала выложены черепами, потолок — скрещенными между собой ребрами и лопатками, огромные люстры состояли из целых метров позвоночных столбов, реберных решеток и

черепов, внутри которых горел магический огонь, прекрасно освещающий Костяные залы. Я шел мимо этих останков и, бросая взгляды на кости, ежился, словно от холода. Не очень-то приятно ходить по гигантской открытой могиле — складу человеческих смертей. Явственно веяло жутью. Казалось, что души тех, кого так и не удосужились похоронить за прошедшие столетия, смотрят на меня через темные провалы глазниц многочисленных черепов.

Среди залежей костей ни одного целого скелета. Тот, кто собрал экспонаты для огромного и страшного музея, не жалея времени, позаботился о том, чтобы разодрать остовы и рассортировать кости. Вдоль стен теснились (громоздились, лежали, вздымались, высились) кучи различных костей. Во мне бурлил совершенно детский — страх. Ходить меж гор останков, молча внимающих вечности и всему живому, — это ли не вселенский ужас?

А затем начались пирамиды. Как и следовало ожидать, в их постройке тоже использовались черепа несчастных покойников. Каждая пирамида вздымалась на высоту десяти с лишним метров. Отстроена словно по линейке, черепа идеально подогнаны друг к другу. Думаю, что в каждой такой пирамидке было использовано несколько тысяч голов мертвецов. В каждом строении темный треугольный провал-ниша. Не знаю, кой тьмы его делали, лично я ни за какие коврижки туда не полезу.

Отдаленный звон я услышал после того, как миновал восьмую пирамиду. Создавалось впечатление, что кто-то повесил на себя цепи и насыпал в карманы мелких монеток.

Звонг, звонг. Звонг, звонг.

Шаги неизвестного приближались, и я заметался, ища, куда бы спрятаться. Вот так всегда бывает — никогда не стоит зарекаться. Видать, Сагот меня услышал и решил пошутить, потому как единственное место, где сейчас можно спрятаться, — ниша в пирамиде. Раздумывать некогда, вот-вот неизвестный звонарь окажется рядом, и тогда тьма знает что случится. У меня только нож, и веры в свою способность отбиться от неизвестно чего не так уж и много. Ниша оказалась достаточно просторной, и я без всяких помех в ней поместился. Гриб пришлось убрать в сумку, свет выдавал мое присутствие. Мир вокруг меня погрузился во мрак.

Звонг, звонг — шаги все ближе и ближе.

Внезапно из тьмы проступили стены пирамиды, находящейся как раз напротив меня. Неизвестный звонарь нес факел. А затем я увидел это. Как я и предполагал, ни цепей, ни денег в карманах (из-за отсутствия последних)

у создания не имелось. Просто каждый его шаг по полу превращался в звон. Звонарь оказался из многочисленной породы беспокойных покойников. Во всяком случае, лицо у него было мумифицировано и высохло, словно изюм, нос отсутствовал напрочь, щеки вырваны, и сквозь дыры видны зубы. Глаза черные, агатовые, мертвые. Как у Басса. Тварь была облачена в сапоги с неимоверно длинными шутовскими носами, в ярко-оранжевое трико и колпак придворного дурачка, правда, на колпаке вместо бубенцов висели миниатюрные золотые черепа. В левой руке создание держало факел, а в правой кистень. Видок у Звонаря был одновременно и страшный, и нелепый до невозможности. Я сидел в своем убежище, словно мышка. Звонарь продолжил осмотр вверенной ему территории и канул во тьму. Я дождался, когда стихнут его шаги, и вылез из пирамиды. Надо как можно быстрее миновать Костяные залы, иначе нарвусь на неприятности. Нож супротив кистеня — не самое эффективное оружие.

Вновь заслышав звон, я, уже не раздумывая, забрался в очередную пирамиду, и шут-покойник опять меня не заметил. Еще четырежды мне приходилось прятаться от патрулирующих Костяные залы созданий.

Кости, горами сваленные вдоль стен, уже как-то перестали смущать и пугать, не до того мне было. Теперь у Гаррета-тени лишь одна забота — не нарваться на Звонарей.

Костяные пирамиды прянули в стороны, и я очутился... Наверное, это можно было назвать площадью. Совершенно свободное пространство без всякого намека на кости. Грибок-огонек давал немного света, поэтому пришлось идти вперед наугад, надеясь, что поблизости нет Звонарей. В самом центре площади находилась статуя. Пожалуй, здесь следует сказать, что моя нижняя челюсть чуть было не отбила мне ноги — настолько неожиданным оказалось представшее моему взору творение.

Мне довелось лицезреть саму Смерть. Она казалась вырезанной из единого куска кости, по своей структуре и ослепительной жемчужной белизне очень напоминающей бивень мамонта. Правда, размер статуи немножко смущал. Шесть метров в высоту — это вам не шутка. Либо материал всего лишь напоминает драгоценную кость, либо раньше мамонты были немножко больших размеров, а теперь измельчали от голодухи и плохой жизни в Безлюдных землях.

Смерть сидела на массивном троне, сложенном из человеческих костей. Ее босые ноги опирались на огромный череп, который, как и статуя с костяным тронem, тоже являлся частью Монументальной скульптуры. Смерть была облачена в простенькое платье без рукавов, более

приличествующее обычной крестьянке, идущей на местный праздник сбора урожая, а не Королеве Жизней и Судеб. Лицо скрыто под полумаской-черепом, и для стороннего наблюдателя остаются видны только полные губы (сейчас крепко сжатые и напряженные) и идеальный подбородок. Пышные белесые волосы рассыпаны по обнаженным плечам. Мастерство скульптора не вызывает никаких сомнений, волосы кажутся настоящими, фигура — почти что живой. Обычно в храмах служанку Сагры Смерть всегда изображают с оружием (косой или серпом на длинном древке-посохе), здесь же ничего такого не было.

Вновь слышался приближающийся звон шагов, и я, кинув прощальный взгляд на Смерть, бросился прочь, очень надеясь, что еще не скоро наши дороги с Хозяйкой Жизней пересекутся и мы встретимся с ней лишь на самом последнем перекрестке. Хозяйка Жизней? Последний перекресток? Откуда я знаю эти названия? То ли память Вальдера шалит, то ли это знания Танцующего с тенями.

Эх! Как бы на Звонаря не нарваться! Не нарвался, хвала Саготу. Добрел до стены черепов, нашел арку, прошел сквозь нее и очутился в обычных подземных чертогах-могильниках.

* * *

Сон был наводнен кошмарами, словно исилийский каравай, набитый изюмом. Мне снилась Смерть, снилось, что она возвышается надо мной, снилось, что ветер Хаоса развеивает ее белые волосы и льняное платье, словно желает сорвать его, снилось, что она наклоняется, собираясь положить к моим ногам букет нарциссов, словно говоря, что я принадлежу только ей. Снилось, как снежный буран, состоящий из жгучего вихря и багровых огненных снежинок, вырывает цветы из ее рук, уносит прочь, а затем срывает с лица Смерти полумаску-череп. Она закрывается руками и отворачивается, прежде чем я могу рассмотреть ее лицо.

— Не время, — шепчет ветер Хаоса, развеивая гриву ее бесподобных волос.

— Не время, — мурлыкают огненные снежинки, закручиваясь вокруг Смерти в искрящемся танце.

— Уходи, он нужен нашему миру, — просит непреклонную Королеву невесть откуда появившееся багровое пламя.

— За все надо платить. Вы согласны? — Ее голос необычайно молод и звонок.

— Он наш, — хором отвечают три тени. — Мы заплатим. Та кивает и отступает в сторону, давая теням дорогу, а затем исчезает. Смерть терпелива. Она умеет ждать.

* * *

Просыпаюсь. Долго вглядываюсь в темноту у своих ног, боясь увидеть бледные и раздавленные вихрем нарциссы. Боюсь услышать рев багрового пламени и ветра мира Хаоса. Страшусь встречи с тенями. Сон. Это всего лишь сон, наполненный чередой бессмысленных кошмаров. Но Сагот, до чего же все было реально! Встаю, на ходу запихивая в рот один из плодов, добытых в Пещере муравьев. Делаю несколько шагов и замираю. По телу волнами разбегаются мурашки.

Одиноко блестя в свете грибка-огонька, на полу лежит махонький золотой череп. Бубенчик с колпака Звонаря. Пока я спал, тварь стояла в двух шагах от меня, но не убила, а ушла обратно. Но зачем было оставлять на полу эту изящную безделушку? Намек? Предупреждение о том, что Смерть помнит обо мне? Что сон — это не совсем сон и все, что я увидел в последнем кошмаре, суцая правда?

Х'сан'кор его знает! Даже не берусь предполагать, для чего мне оставили череп, но уж точно — брать я его не буду. Я обошел лежащий на полу бубенчик Звонаря и углубился в переплетение залов восьмого яруса.

* * *

За все три с половиной часа пути я не встретил ничего опасного и ужасного (слава Саготу!). Я все также придерживался совета Посланника и шел только вперед, по центральному холлу яруса, никуда не сворачивая. Вскоре в залах вновь появились факелы, нужда в грибке-огоньке отпала, и я убрал его в сумку.

Архитектура залов восьмого уровня вновь кардинально изменилась. Грубость и небрежность гранита канули во тьму, уступив место удивительной четкости и изяществу серебра и мрачному спокойствию черного мрамора. Каждый зал был сокровищницей, серебра здесь хватило бы на пяток замков. Прекрасные серебряные вставки в черном мраморе колонн, изумительной красоты скобы для факелов, балконы второго уровня, сложенные из тончайших мраморных плит, перевитых серебряными

нитьями, из одного зала в другой вели распахнутые настежь двери, изготовленные из лучшей древесины Сиалы — заграбского дуба. Мощные дверные петли из драгоценного металла, искусные дверные ручки, изображающие каких-то неведомых мне животных. На каждой двери рисунки, выполненные с применением серебряной краски. В основном чести быть увековеченными удостоились деревья.

Пожалуй, Серебряные залы превосходили красотой Янтарные залы и ничем не уступали ало-черным дворцам четвертого яруса. Я по мере сил и возможностей восторгался застывшей красотой серебра и холодом мрамора, но все же не забывал поглядывать по сторонам и не выходить на освещенные участки. Красота красотой, осторожность осторожностью, но неприятность случилась — центральный холл поворачивал под прямым углом налево. В общем-то в этом ничего такого уж страшного не было, если не вспоминать совет Посланника все время идти только прямо и никуда не сворачивать. Так что если следовать логике, то мне надо идти дальше по коридору и не забивать себе голову всякими глупостями, а если поступать как прежде, то... то мне вон в ту махонькую серебряную дверь, что спрятана меж двух мраморных выступов. Никаких замочных скважин или тому подобной людской чепухи я не заметил. Если в двери секретный замок и если его создавали эльфы или орки, то мне придется очень и очень сильно потрудиться, а в итоге надежда на то, что я открою дверь, все равно останется очень маленькой. А если уж подумать о таких чудесных и замечательных вещах, как дополнительные секретные замки, двойные пружины и любовь клыкастых к различного рода ухищрениям, сиречь ловушкам, то я могу ожидать от двери множество впечатлений, которые ничем не уступят тем, что я перенес возле Створок.

Поначалу я осмотрел дверь с безопасного расстояния. Нечего лапать то, что внушает тебе смутные опасения, — это одно из главных правил мастера-вора. Лучше уж все основательно изучить, а затем уж лезть руками в гномью топку.

Дверь оказалась невысокой, мне по грудь, и если (повторяю, если) мне удастся ее отомкнуть, придется идти, согнувшись в три погибели. На двери не было живого места от различных фигурок, какие-то сплошные листочки-фигочки, ягодки и тому подобная очаровательная дребедень (не скрою, очень красиво выполненная). Вообще-то красота Храд Спайна — это тема отдельного разговора, и если настанет пора, когда зло, пробудившееся в могильниках, исчезнет или хотя бы уснет на время, сюда нагрянет такая толпа народу (в основном карлики и гномы), что хоть деньги за вход бери.

Но вернемся к двери. Ключом к ней может быть все что угодно, а скрытая пружина вполне могла находиться под каким-нибудь листом или ягодой. Стоит лишь правильно надавить, и дверка распахнется ничуть не хуже, чем приснопамятная секретная шкатулка покойного Балистана Паргайда.

Ну что же... Приступим.

Приступать не пришлось. Только я собрался нажать на понравившийся мне серебристый листок клена, как увидел между мраморной стеной и дверью зазор толщиной не больше волоса. Словом, только я ткнул пальцем в дверцу, как она не преминула отвориться. Мда, братец Гаррет, столько демагогии, и все впустую. "Секретные пружины". "Ловушки". Дверь оказалась даже не заперта.

Сразу за дверью начинался узкий коридор с очень низким потолком. Пламя в махоньких лампадках, находящихся в не менее махоньких стенных нишах, трепетало, словно раненый мотылек. Идти пришлось скрючившись, потолок нависал прямо надо мной, и создавалось впечатление, что делали сей проход для низкорослых карликов, гномов и гоблинов, а уж никак не для людей, орков и эльфов. На мое счастье, коридор оказался не слишком длинным, и, пройдя несколько десятков шагов, я уперся в очередную серебряную дверь. Эта дверь тоже оказалась незапертой. Открываю, позабыв об осторожности, нагло вхожу в просторный зал, оглядываюсь, понимаю, что здесь мне никто не рад, и со всей возможной скоростью вылетаю обратно в коридор. Захлопываю дверь, жалея о том, что у нее нет никакого засова.

Как там у нас говорится в путеводном стишке?

Зазубренным строем, обнявшись с тенями,
Усопшие рыцари молча стоят,
И только один не умрет под мечами,
Один, что сам тени стал ближе, чем брат.

Что же, это четверостишие вполне соответствовало тому, что я увидел в зале. Прижимаясь к стенам зала в тенях, падающих от квадратных колонн, зазубренным ломаным строем друг напротив друга стояли орки и эльфы. Вот только Кли-кли утверждает, что строки изменены и в знаменитой книге пророчеств гоблинов Бруг-грук это звучит иначе:

Измучены жаждой и прокляты тьмой,
Немертвые грешники кару несут,
И только один не умрет под клыками,
Один, что с тенями танцует, как брат.

Вот уж не знаю, кто из милордов стихоплетов прав и чьи стишки более верны. Во всяком случае, и первая, и вторая версия стишка откровенно предупреждает, что если забыть об осторожности, то можно враз распрощаться с ушами.

Никто не пытался открыть дверь с той стороны. Вроде никакой угрозы для меня на данный момент не существовало, и я, приоткрыв дверь, заглянул в зал. Ничего не изменилось. Орки с эльфами продолжали стоять вдоль стен и сверлить друг друга глазами. Я осмелился войти в зал и с безопасного расстояния принялся изучать фигуры. Как оказалось, это были скульптуры воинов. Сделаны в натуральную величину, все в доспехах, все с оружием. Такое впечатление, что еще несколько секунд — и статуи оживут и набросятся друг на друга.

Колонны, проходящие по центру зала, излучали серебристый свет, но возле стен властвовала густая тень, и от этого большинство статуй выглядело зловеще. Помня, что в Храд Спайне иногда оживает то, что никак не должно оживать, через зал я пошел с изрядной опаской. Вся беда в том, что центр зала прекрасно освещен и соваться туда — верх глупости, а если двигаться в тени, то придется пройти почти вплотную к оркам или эльфам. Меня не покидала отнюдь не глупая мысль: а ну как оживут? И все же я выбрал последний вариант. Раз в стишке рекомендуют, что следует идти в тени и не вылезать на свет, значит, мы так и поступим. Я выбрал сторону эльфов (у этих ребят в руках почти не было копий, а следовательно, у меня был большой простор для маневра).

Статуй в необъятном зале было несколько сотен. Кто-то излишне усердный умудрился сварганить целую армию. Надо ли говорить, что фигуры не были одинаковыми и совершенно не походили друг на друга. У каждого эльфа свое лицо, своя поза, броня, оружие. Поначалу мне показалось, что скульптуры стоят хаотично, и только спустя какое-то время стало понятно, что это строй. Сложный и в то же время весьма эффективный. Впереди эльфы в тяжелой броне, с очень широкими

с'кашами, насаженными на длинное древко, за ними лучники в легких кольчугах. За лучниками три ряда мечников, сохраняющих промежутки, чтобы в случае чего лучникам было куда отступать. Подняв копья и закрывшись от возможной опасности тяжелыми вытянутыми щитами, напротив эльфов застыли орки. У них тоже были лучники, мечники и ребята с мощными двуручными топорами. Я же говорю — целая армия.

Я прошел мимо рядов каменного воинства, и никто, ни одна из статуй даже не подумала пошевелиться и накромсать из меня маленьких Гарретов. Войдя в следующий зал, остановился и перевел дух. Казалось, что боги хлопнули в ладоши и остановили время в самой середине кипящей битвы. Забуренный строй распался, теперь статуи орков и эльфов оказались перемешаны. Первые и Вторые дрались между собой по всему залу. Скульптурная композиция боя просто продирала до печенок.

Множество эльфов и орков уже лежало на полу. Кто со стрелой, застрявшей в смотровой щели шлема или между сочленением доспеха, кто с разрубленной кольчугой, кто с копьем в животе, кто с отрубленной рукой, кто распрощался с головой. Прямо передо мной застыл орк, вбивающий копьё в эльфа, пытающегося встать с земли. Чуть дальше в жестокой схватке сошлись ятаганы и с'каши двух десятков непримиримых врагов. Я шел мимо застывшей битвы, обходил бойцов и смотрел. Вот оскалившийся орк закрывает щитом упавшего товарища и не замечает, что эльф, вооруженный орочьим топором, находится у него за спиной. Вот Второй пытается удержаться в седле, а Первый схватил лошадь за уздечку и уже готовится перерубить ятаганом эльфийскую ногу. Вот эльф и орк, лежащие на полу, сплелись в клубке смерти, и каждый из борцов пытается удержать руку другого и в то же время поразить противника своим кинжалом.

Иду дальше, позабыв о всякой осторожности, смотрю на статуи словно замороженный. Жду, когда застывшее время оттает, жду, когда по подземелью разнесутся рев, звон оружия и крики сражающихся.

Вот в самом центре зала немногочисленный отряд Первых, выстроив с помощью копий кругового "ежа", пытается сдержать эльфийских всадников. Вот эльфы выпустили стрелы в десяток напавших на них орков и тянутся к колчанам за новыми смертями. Шестеро Первых, несмотря на кольчуги, остались лежать на полу, но четверо, один из которых ранен стрелой в ногу, продолжают бежать к врагам. Интересно, если бы бой был настоящим, они бы успели добежать до Вторых до того, как лучники дадут новый залп?

Иду вперед.

Вот эльф в отчаянии пытается закрыться рукой от падающего на него

топора озверевшего орка с нашивками клана Груунских ухорезов.

Иду дальше...

Командиры Первых и Вторых затеяли поединок на копьях, а вокруг вперемешку, забыв о вражде, стоят эльфы и орки и наблюдают за боем. Эльф держит Первого за косу и заносит с'каш, чтобы отхряпать врагу голову. Эльф лежит, придавленный собственной лошадьё, его рука повернута под неестественным углом. Орк, одиноко стоящий в тени, целится из лука в командира одного из эльфийских отрядов.

Иду дальше. Невесомым перышком скольжу между фигур, проскальзываю под так и не уколловшими копьями и так и не опустившимися мечами.

С интересом смотрю, как эльфы и орки пытаются справиться с невесть откуда взявшимся огром, вооруженным каменным молотом. Мой взгляд натывается на орку. Я впервые вижу женщину расы Первых. Она очень напоминает Миралиссу, разве что волосы забраны не в косу, а в длинный хвост. Орка вооружена двумя кривыми саблями и запечатлена скульптором во время быстрого разворота. Кривая сабля распорола эльфу горло, а вторая стремится вперед, навстречу другому противнику. Подхожу к орке вплотную, вглядываюсь в гладкое лицо, на котором лежит печать дикой красоты и отчаяния. Не удерживаюсь, касаюсь пальцем ее щеки. Секунду ничего не происходит, а затем по щеке статуи пробегает ряд извилистых и тоненьких трещинок. Трещинки захватывают все лицо, разветвляются и множатся, а затем частички камня начинают осыпаться, открывая настоящее лицо воительницы. На меня пустыми глазницами смотрит череп с остатками истлевшей плоти. Вся дикая красота орки исчезла в один миг.

Только теперь я понимаю, что это не камень, а всего лишь тонкая глазурь, покрывающая некогда живые фигуры. Понимаю, что в огромных залах собраны вовсе не статуи, а некогда живые и мгновенно застывшие в вечном сне орки и эльфы, с которыми кто-то сыграл злую шутку, заставив усопших играть. В не прекращающуюся уже не одно тысячелетие войну. Я больше не смотрю на битву и стремлюсь как можно быстрее покинуть залы. Пробираюсь сквозь ряды эльфов, стараясь ни до кого не дотрагиваться, чтобы не разрушать оболочку мертвых воинов.

И все-таки интересно, была ли тут битва на самом деле? Если это действительно было, то какая же сила и магия могла враз превратить бойцов в статуи, простоявшие тысячелетия? Ответа на этот вопрос у меня конечно же не находилось, а оттого я лишь прибавил ходу, вполне разумно полагая, что свинство случается в самые неожиданные моменты и меня тоже вполне может накрыть какая-нибудь гадская магическая ловушка. Не

очень-то приятно осознавать, что и тебя кто-нибудь увидит через тысячу лет вот таким вот в виде статуи "Гаррет, спешивший к Рогу Радуги, но так до него и не добравшийся".

Залы Воинов кончились так же неожиданно, как и начались. Дальше не было ни одной статуи. Что же, пожалуй, в первый раз на моей памяти ни одна строчка из четверостишия не исполнилась. Никто не собирался насаживать меня на меч или на клыки. Также осталось непонятно, почему "измучены жаждой" и "немертвые грешники". В общем-то я несколько не расстраивался, что ничего такого сугубо неприятного не произошло, но... стих ведь до этого никогда не врал, а тут такое неожиданное расхождение между словом и делом. Может, я прошел в удобное и безопасное время?

— Точнее, кое-кто прошел раньше тебя и обезопасил дорогу, — шепнул Вальдер, и я от неожиданности вздрогнул.

— Вальдер! — прошипел я. — Ты ведь хочешь и дальше сидеть в моей башке, верно? Так будь любезен, не пугай меня так больше, иначе я умру от разрыва сердца и тебе придется искать другое пристанище!

Нет ответа.

Тут только до меня дошло, что архимаг говорил о... СТОП! Кто мог пройти раньше меня и обезопасить дорогу?! Ответ напрашивался сам собой.

— Лафреса?

На этот раз он посчитал своим долгом ответить:

— Здесь ощущаются остатки Кронк-а-Мора. Кто-то усыпил этих... Возможно, Лафреса.

— Но как ей удалось?! Я же ее намного опережал!

— Откуда мне знать? — произнес архимаг и затих.

Лиха беда начало! Мне только не хватало колдуньи под носом! Как бы там ни уверял Посланник, что Хозяин больше не имеет на меня зуб, я не такой дурак, чтобы лицом к лицу встречаться с колдуньей, которая ради меня и Ключа полезла в Храд Спайн. Надо ли говорить, что пылкой любовью леди Йена ко мне вряд ли воспылала и держаться от нее следует как можно дальше.

Черeda безликих, скупO освещенных залов с лестницами, ведущими в глубину Костяных дворцов. Прохожу через галерею, затем снова зал. Вхожу и, как говаривает Кли-кли, — тихо обалдеваю. Круглый зал размером метров в шестнадцать. Зеркальные стены, зеркальный потолок, пол скрыт от глаз тонким слоем густого молочного тумана. Странно. Очень странно.

Мир мигает, на глаза накатывается давящая волна. Мгновение — и

странные ощущения пропадают. Пропадают вместе с выходом. Теперь на его месте продолжение зеркальной стены. Оборачиваюсь. Входа тоже нет. Кто-то решил замуровать меня в круглом зале.

Стараюсь не паниковать, подхожу к тому месту, где раньше был выход, касаюсь рукой зеркала в тщетной надежде оттолкнуть его в сторону и открыть проход к свободе. Как оказалось, при ближайшем рассмотрении и внимательном изучении стены зала не зеркальные, а серебряные. Они составлены из массивных плит чистого серебра, которое долго-долго полировали речным песком, доводя до зеркального блеска. Но самое интересное состояло в том, что идеальные зеркальные стены отражали все, что есть в зале, но отчего-то забывали показывать мою воровскую персону. Двигаюсь вдоль стены, иду по кругу, пытаюсь разгадать загадку зала, пытаюсь найти выход. Первый круг. Второй. Третий. Никакой зацепки. В зале что-то изменилось, но не могу понять что. Затем замечаю, что туман исчез и теперь пол покрывает мелкая красно-желтая мозаика. Иду как зачарованный. Круг — и мозаика уже зелено-синяя. Круг — и она черно-белая.

Дурь какая-то получается. Или пол безостановочно решил менять свою расцветку, или... Да нет, чушь! Хотя... Хотя вполне может быть верным вариант, что, идя все время по кругу, кружась в маленьком зеркальном зале Храд Спайна, я в то же время двигаюсь вперед. Значит ли это, что таким образом можно дойти до выхода? Видимо, да, мне, собственно говоря, больше ничего и не остается.

Еще несколько кругов — и впереди, прямо из воздуха, появляется человек. Выхватываю нож, потому как дорожка свела меня с Бледным. Он не двигается, все его внимание поглощает зеркало, напротив которого стоит наемный убийца и мелкий прихвостень Хозяина. Я громко стучу ногой по полу. Никакой реакции. А вдруг Ролио, охотящийся за моей тушкой с самого Авендума, всего лишь притворяется и ждет момента? Нет, вроде не похоже.

Держа нож наготове, приближаюсь к заклятому врагу. Оказываюсь рядом. Он так и не пошевелился. Стоит лишь протянуть руку с ножом, и Бледный покойник. Я так давно этого хотел, но сейчас не спешу, с удивлением смотрю на его лицо.

Бледный так и не оторвал взгляда от зеркала. Глаза убийцы вытаращены от ужаса и готовы вот-вот выскочить из орбит, губы искажены в страдальческой гримасе, из угла рта на подбородок и грудь стекает тонкая нитка слюны. Левая кисть у Ролио отсутствует. Я осторожно дотронулся ножом до его плеча. Ноль внимания. Меня пробрало любопытство, и я

заглянул в зеркало. Ничего особенного не увидел. Лишь Бледного и зал. Моего отражения опять же не было. Странное зеркало еще в одном странном и загадочном месте Храд Спайна.

Одежка у Ролио потрепанная и кое-где порванная, на роже несколько кровоподтеков. Из оружия только кинжал и несколько метательных звезд на поясе. После недолгого размышления звезды я взял себе. Хотя с этим оружием я и не в большой дружбе, но, когда карманы пусты, грех жаловаться на найденный медяк. Ни еды, ни личных вещей у убийцы не было, и я лишь разочарованно цокнул языком.

Я не стал его убивать. Не знаю, что меня остановило, но... Ну не смог я! От него сейчас не исходило никакой угрозы. Разум Ролио бродил где-то далеко-далеко, а перерезать горло безвольному телу я не обучен. Не то воспитание, и квалификацией, видно, не вышел. Так что оставил я его наедине с зеркалом в мире грез. Правда, отходя, я не поворачивался к Бледному спиной. Очень неприятно получить между лопаток чем-нибудь острым. Когда я все же отвернулся от убийцы и сделал буквально три шага, раздались булькающие хрипы. Бледный лежал на полу, а из его рта беспрерывным алым потоком хлестала кровь. В глазах Ролио вновь пробудился разум и ужас осознания скорой смерти. Он заметил меня, попытался скривить губы в своей извечной насмешливой улыбке и умер. Его глаза потускнели и закатились, кровь изо рта перестала хлестать и заливать одежду и пол. Я спокойно посмотрел на тело того, кого в течение последних двух месяцев так хотел отправить во тьму, и пошел своей дорогой, все равно последних слов для врага у меня не было.

Как и следовало ожидать, на следующем кругу тело Ролио и его кровь попросту исчезли. Я бросил на зеркало невольный взгляд и ошеломленно замер. Чего я не ожидал, так это того, что зеркало покажет мне...

* * *

Знакомая комната. Массивный стол, стулья с вычурными спинками и глубокое кресло возле окна, забранного фигурной деревянной решеткой. Ближайшая стена размалевана картиной на какую-то божественную тему. Стол ломится от тарелок с едой и бутылок с вином. За столом сидит человек и уплетает курицу. Человек поднимает взгляд от тарелки, тянет здоровенную толстую ручищу к бокалу с вином и замечает меня.

— Эй, малыш! Чего так долго? — Фор приветливо машет мне рукой. Заходи, пока еда не остыла, не стой на пороге! Я в изумлении смотрю на

него.

— Ну что же ты, Гаррет? Как все прошло? Не стой столбом, я как раз хотел тебе сказать, что наше дельце, кажется, принесет немалый доход и нам следует...

* * *

Отскакиваю от зеркала, как от заболевшего чумой-медянкой. Меня колотит. А Х'сан'кор! Ведь как прихватило-то! Чуть не купился! Но ведь это действительно был Фор! Старый учитель! Вот только нет его больше в Авендуме. Свалил в Гаррак сразу же после моего отъезда с отрядом. В Гарраке намного безопаснее, чем в нашей столице. Пристально всматриваюсь в зеркало, но ни комнаты, ни Фора там не вижу. Морок исчез, и серебро вновь отражает лишь зал.

Иду вперед...

* * *

Закат в ясный летний вечер — это всегда прекрасно, особенно когда находишься на высоком холме, откуда видны все окрестности. Внизу раскинулась широкая лента реки. В лучах заходящего солнца ее вода приобрела цвет расплавленной меди. На другом берегу селение — то ли большая деревенька, то ли маленький городок. Ласковый летний ветер дует мне в лицо, приносит с собой запах воды, клевера и дымка от маленького костра. Слышится приглушенное расстоянием мычание стада коров, которое пастух гонит домой.

На холме растет большое раскидистое дерево, под деревом горит костерок, на нем — весело булькающий котелок. От котелка идет изумительный дух ухи. Возле костра сидят трое. Самый старший, с густой седой бородой, так похожей на свалявшуюся овечью шерсть, деловито и важно помешивает стряпню деревянной ложкой. Двое других — высокий лысый воин со шрамом, пересекающим лоб, и маленький пухленький со смешными усами, играют в кости, беззлобно переругиваясь между собой. Из-за дерева появляется четвертый. В одной руке он держит сеть, в другой — щуку.

— Хороший улов, Сурок, — одобрительно кивает лысой головой Арнх и бросает кости.

— А Сагра! Ты опять выиграл! — Кот огорченно качает головой. — Вот невезуха так невезуха! Дядька, когда мы жрать-то будем?!

— Когда все соберутся, — недовольно бурчит в бороду десятник Диких.

— Э-э-э как ты загнул! — протянул Сурок, бросая щуку и сеть в траву. Когда они еще к нам придут! Мы десять раз успеем проголодаться!

— Вон Гаррет уже пришел, — сообщил Арнх и встал с травы. — Ты к нам насовсем или как?

— Или как, — тупо бормочу я.

— Уху будешь, Гаррет? — Дядька пробует варево ложкой и, крякая от удовольствия, снимает котелок с огня.

— Вы же умерли, — тупо говорю я им.

— Да? — Сурок и Кот озадаченно переглядываются между собой.

— Я так живее всех живых и очень хочу жрать, — наконец отвечает Кот. Так ты идешь?

Я отрицательно качаю головой и пячусь от костра.

— Ну, раз ты не голоден, мы приступим, а ты сходи к воде за остальными, сколько их можно ждать?!

Киваю и не перестаю пятиться. Это не мое место! Это всего лишь сон! Это другой мир! Другая реальность! Здесь мои друзья живы и даже не думают умирать.

— Эй, Гаррет! Передай Халласу, что я сегодня жаренку готовить не нанимался! — Крик Дядьки настигает меня в тот момент, когда картинка в зеркале уже пропадает.

Иду вперед и вижу Лафресу. Она стоит и смотрит в зеркало метрах в десяти от меня. Достая нож, делаю шаг...

* * *

— Вухджааз умный демон! — Старый знакомый вылезает из стены и хватает меня за грудки.

— Отвали! — Я бью его ножом по лапе, и от неожиданности он разжимает пальцы.

— Со мной так нельзя разговаривать, — изумленно бормочет демон, обдавая меня ароматом помойки. — Вухджааз умный демон!

— А Щдуырук еще умнее! — нагло говорю я ему и отступаю.

— Хш-ша? — Кажется, мне удалось его разозлить. — Иди сюда, и я высосу мозг из твоих костей!

— Смотри, кто у тебя за спиной! — ляпаю я, и вытягиваю руку.

Он оборачивается, и я, воспользовавшись этим, отступаю и оказываюсь в зеркальном зале.

* * *

Лафреса отрывается от зеркала, замечает меня и сощуривает глаза. Затем делает шаг в противоположную от меня сторону и застывает перед очередной зеркальной стеной. Следую ее примеру и оказываюсь...

* * *

Лесная поляна, окруженная частоколом высоких елей. Трава черным-черна от тел эльфов. В живых только двое. Они стоят и молча смотрят на тело поверженного Х'сан'кора. Кто эти двое, рассмотреть не могу, лишь вижу, что это мужчина и женщина. А потом понимаю...

Делаю невольный шаг к ним. Оба услышали шелест травы и обернулись. Мужчина натянул лук, и стрела смотрит мне прямо в лицо. Золотой глаз эльфа внимательно отслеживает любое мое движение. Другого глаза нет — это старая память об орочьей стреле.

Элл.

— Что тебе надо, человек? — Голос у Миралиссы хриплый.

— Я...

— Убирайся, это наш лес! — Единственный глаз к'лиссанга сверкает.

— Зачем ты сюда пришел? — Миралисса вытирает со щеки кровь, струящуюся из ее уха.

— За Рогом Радуги.

— Рог Радуги? — Она грустно качает головой. — Слишком поздно. Теперь Рог у Первых, и даже мы ничего не можем сделать. Эльфы проиграли битву, и Листва разрушена. Тебе здесь не место.

— Хорошо, — говорю я и отступаю.

Передо мной не те эльфы, которых я знал. Эти совсем другие. Чужие.

Элл не спускает с меня своего единственного глаза и что-то говорит эльфийке на орочьем. В его словах слышится вопрос.

— Дулле, — кивает та и отворачивается, теряя ко мне всякий интерес.

"Дулле". Вроде я уже слышал это слово. Прыгаю в тот самый момент, когда эльф пускает в меня стрелу...

* * *

Падаю на пол, с ужасом смотрю в пустое зеркало. "Дулле" по-орочьи это "стреляй". Не вспомни я слово, которое как-то говорила Миралисса Эграссе, и лежать мне со стрелой в башке. Иду дальше, спешу ко все так же опережающей меня Лафресе, ожидая, какие еще сюрпризы принесут мне зеркала...

* * *

И зеркала звали, предлагали, просили, умоляли, требовали, угрожали и хотели затянуть меня в себя навсегда. Передо мной вереницей ярких картин проскальзывали лица тех, кого я знал, лица тех, кого я когда-нибудь узнаю, и тех, кого я так никогда и не увижу.

— Гаррет! Иди сюда!

— Гаррет, иди к нам!

— Умри!

— Чего тебе стоит остановиться?!

— Заходи, ты теперь с нами!

— Привет, Гаррет!

— Эй, Гаррет, видишь меня?!

— Пожалуйста, ну пожалуйста, добрый господин!

Уже просто не обращаю на них внимания, отталкиваю от себя, вырываюсь из липкой паутины зеркал, благо научился отличать явь от видений. Не всегда это получается сразу, иногда картины так ярки и сильны, что требуется сделать над собой немалое усилие, чтобы отринуть морок.

Лафреса тоже идет вперед, и идет с трудом. Я то нагоняю ее, то вновь отстаю, замирая перед тем или иным зеркалом.

А затем Лафреса пропадает, и я остаюсь в полном одиночестве. Шаг, еще шаг и еще...

— Эй, Гаррет! — зовет меня Горлопан со зверски объединенным лицом. — Иди поговорим!

Я лишь качаю головой и прохожу мимо зеркала.

— Остановись, хулюган! — просит Болт и достает из-за спины бутылку дешевого вина. — Ты только посмотри, что у меня есть!

Иду мимо.

— Именем короля, вор! — Барон Фраго Лантэн с десятком стражников пытаются заступить мне дорогу. — Иди сюда, иначе Серые камни тебе обеспечены!

Даже не обращаю на них внимания.

— Хочешь золота, Гаррет? — Маркун трясет перед моим носом целым мешком золота. — Только остановись!

Я лишь хохочу, и мне в спину несется его визгливая брань.

— Кто мне заплатит за трактир? — в отчаянии ломает руки Гозмо.

Пожимаю плечами.

— Эй, Гаррет! — окликает меня знакомый голос. — Иди сюда!

Останавливаюсь, долго смотрю на отражение и делаю шаг в сторону зеркала...

Гляжу на него, а он на меня. У нас есть время изучить друг друга. Сейчас в наших руках целая вечность, и нам незачем спешить.

— Ну и как я тебе? — с искренним интересом спрашивает он у меня.

— Если честно, то не очень.

— Ничего удивительного, у меня был плохой образец для примера. — Он усмехается, и усмешка выходит какой-то ядовито-гадкой. Неужели и у меня такая?

Продолжаю смотреть на него. Точнее, на своего двойника, на себя. На точную копию мастера-вора Гаррета-тени. Бледное лицо, черные круги под запавшими усталыми глазами, черная щетина бороды, грязная, измятая, порванная одежда. Видок еще тот. Некоторые покойники, не говоря уже о нищих, и то краше.

— Кто ты?

Достаточно своевременный вопрос, не находите?

— Я? Я это я. Или ты. Все зависит от того, с какой стороны на нас посмотреть и что в итоге ты захочешь увидеть.

— Ты вроде звал меня? Так говори, чего надо, у меня своих дел полон рот, не хватало еще с собственными отражениями беседовать!

— Кто из нас отражение, вот в чем вопрос, Гаррет. — Его глаза нехорошо прищуриваются.

— Мы будем играть в словесную перепалку, двойник?

— Ты что-то имеешь против словесных перепалок, двойник?

— Да.

— Вот и первое различие между нами, ты не любитель поговорить, Гаррет.

— Что тебе надо? — Его рожа (моя рожа) начинает выводить меня из себя.

— Ну-ну, спокойнее! — В его глазах пляшет насмешка. — Гляди на мир веселей, отражение! Здесь много хорошего и прекрасного, просто ты не умеешь этим пользоваться.

Молчу. Жду.

— Ну хорошо. — Он вздыхает. — Зачем тебе все это?

— Что все?

— Не понимаешь?

— Нет, — совершенно искренне отвечаю ему.

— Все эти проблемы, все эти потуги спасти кого-то или что-то, все эти друзья, все эти моральные комплексы и прочая дребедень, от которой нет никакой прибыли. Зачем ты ввязался в эту авантюру? Раньше ты таким не был. Раньше ты больше походил на меня.

— Я рад, что теперь между нами нет ничего общего.

— Да полно тебе, Гаррет! Со всей этой беготней ты превратился в размазню и тряпку, зависящую от других людей! Вспомни золотое времечко, когда был только ты и ночь, когда ты полагался только на себя и не держал за пазухой десяток друзей, обязательств и правил. Разве раньше нам было плохо? Вспомни то время, когда ты играючи проникал в дом какого-нибудь толстозадого хмыря и обчищал его до нитки! Вспомни то время, когда, не думая о последствиях, ты всаживал болт в того, кто оказывался на твоём пути! Раньше ты убивал легко, и раньше ты бы не оставил Бледного жить!

— Я никогда не убивал того, кто мне просто мешал, отражение! Если бы это было так, то половина Авендума оказалась бы на кладбище. Я всегда защищался, чтобы спасти свою жизнь. Не путай себя и меня. От убийства я не ощущаю никакого удовольствия! Если у нас с тобой посиделки ради воспоминаний, то я лучше пойду. Наш разговор ни к чему не приведет.

Делаю шаг назад, и спина упирается в холодное серебро зеркала. Он смеется, и этот смех мне не нравится. Сейчас мы с ним совсем не похожи, сейчас мы совершенно разные люди.

— Отсюда ты сможешь выйти только со мной, Гаррет.

— Кто ты? — вновь спрашиваю у него.

— Я ведь уже говорил, кто я такой. У тебя плохая память?

— Ты позвал меня не для пустых разговоров, так? Ты ведь всегда ищешь свою выгоду, двойник?

— Выгоду? А ты не совсем безнадежен, отражение. — В его глазах просыпается затаенная искорка интереса. — Да, наметилась очень выгодная сделка, и я по старой дружбе хочу предложить тебе долю в одном

маленьком дельце.

Решаю играть по его правилам.

— Маленькое дельце подразумевает маленькие барыши. — Усмехаюсь, стараясь скопировать его усмешку. Он вновь смеется:

— Ай да Гаррет! А я уж подумал, что совсем тебя потерял! Не беспокойся, в этом маленьком пустяковом дельце очень большой куш.

— Что мы должны сделать?

— Мы? Клянусь тьмой, мне это нравится! Собственно говоря, ничего. Как тебе такой расклад костей? Получить кучу золота за ничегонеделание?

— Всегда готов поучаствовать в таком сложном деле. — На этот раз скопировать его усмешку оказалось намного проще.

— Отлично! Тебе всего лишь не надо вытаскивать из Костяных дворцов ту проклятую дудку, и нам отвалят целый мешок золота.

— Целый мешок? — Я скорчил удивленную и сомневающуюся гримасу. — А ты в этом так уверен?

— Не беспокойся, дружище. Я уже обо всем договорился.

— И кто же Заказчик?

— Ну, скажем так, сторонний наблюдатель. Его имя тебе ничего не скажет.

— Я в принципе ничего не имею против, вот только прежний Заказ...

— Ах оставь. Я не верю в глупые приметы и гнев богов. Ну как, ты согласен?

— Пожалуй, да. — Я кивнул, и отражение расслабилось. — Правда, у меня есть небольшое дополнение по поводу моих прежних слов.

— Какое? — Он стал приближаться ко мне.

— Помнишь, я говорил, что убиваю без удовольствия?

— Ну? — В глазах двойника застыло непонимание.

— Я солгал, — сказал я и, выхватив нож, ударил свое отражение в грудь.

Он или понял, или почувствовал и успел отскочить в сторону. Я лишь разодрал его одежду. Мгновение, и в его руке тоже появился нож.

— Глупец! — выплюнул он и бросился на меня.

Очень сложно драться с самим собой. Я всегда знаю, куда ударю, а если знаю я, то знает и он. Ножамы мы владели одинаково, и итогом минутного кружения среди зеркал явилось лишь несколько неглубоких порезов у каждого из нас.

Сейчас он ударит в горло и, когда я шагну вперед и влево, попытается достать мое плечо на обратном доводе.

Он ударил в горло, я сделал шаг вперед и влево, и отражение тут же

попыталось достать меня в правое плечо. Я знал это и встретил его нож своим. Тут же перешел в атаку, метя ему в лицо, схватил свободной рукой за грудки, притянул к себе и тут же получил ногой в живот. Отскочил назад, пригнулся, избежав рубящего удара, разорвал дистанцию и постарался восстановить дыхание.

— Стареешь, — ухмыльнулся он, сдувая с ножа клочок волос, срезанных с моей головы.

Я ничего не сказал, и он вновь бросился на меня. Кружение, звяканье ножа об нож, шипение сквозь зубы, когда кто-то из нас получал очередную царапину. Никто не мог победить, все мои попытки достать двойника разбивались о мою (или его?) защиту. Наконец, тяжело дыша, мы остановились друг напротив друга.

— Тяжело бороться с тем, кто читает твои мысли, правда, отражение? — Спросил он и облизал свое окровавленное запястье.

— Легко, — сказал я и бросил в двойника горсть мелких метательных звезд, взятых у Бледного.

Конечно же он прочитал, что я сделаю, конечно же он попробовал уклониться, но на этот раз у отражения ничего не вышло. Я швырнул звезды не целясь, да еще и левой рукой, и он не знал, в какую сторону следует отклониться. После броска каждая из пяти звездочек полетела по своей, совершенно хаотичной траектории (я ведь говорил, что метатель из меня неважный). Три прошли мимо, но две попали. Первая угодила двойнику точнехонько в правое запястье, и он уронил нож, дернулся, чтобы уйти с пути еще двух звезд, летящих в него, и нарвался на третью, угодившую ему в левую ногу. Он с проклятием рухнул на пол. Я в два прыжка оказался рядом, зашел двойнику за спину и приставил нож к его горлу.

— Как глупо я попался, — деревянным голосом проговорило отражение, стараясь не дергаться. — Думаю, ты этого не сделаешь.

— Почему?

— Достаточно сложно убить самого себя. Ты знаешь, существует примета, что, убив своего двойника, отправляешься во тьму следом за ним?

По его виску скатилась одинокая капелька пота.

— Не ты ли мне говорил, что не веришь в глупые приметы? — спросил я у отражения и перерезал ему глотку.

Зеркала вокруг меня лопнули, и я вновь оказался в зеркальном зале, только теперь на месте одного из зеркал зиял выход. Тело двойника, лежащее на полу, задрожало и растеклось белесым туманом.

Я прошел испытание собственным "я", а потому дорога была открыта,

и, сделав шаг, я вышел из зеркального зала.

Вначале я даже не понял, куда попал. Это был самый обычный и ничем не примечательный зал без всякого выхода. Я недоуменно прошел вперед, не понимая, где же я ошибся и что привело меня в тупик. И тут-то это и случилось. Зал изменился.

Сначала я ничего не понял и чуть было не перепугался до мокрых подштанников. Во всяком случае, мой желудок ухнул куда-то вниз и мне показалось, что я падаю в бездну. Вполне простительная реакция любого человека, внезапно оказавшегося где-то между небом и землей. Пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не запаниковать и сообразить, что я, как и прежде, стою на полу, а не болтаюсь тьма знает где.

Не знаю, была ли тут магия или еще какой секрет, но стен, пола и потолка зала сейчас как бы не существовало. Создавалось впечатление, что я нахожусь в ночном небе. Вокруг меня мерцали звезды. Тысячи тысяч ярких звезд. Сказочная, завораживающая картина. Звезды были на стенах, на полу и на потолке, а в середине зала сиял ровный круг бледной луны. Фиолетовой луны, имя которой — Селена. А раз Селена рядом, то и до Рога Радуги всего ничего.

Пока я шел к луне, сердце гулко стучало. Я почти сделал это! Сделал то, чему сам до сегодняшней минуты не верил!

Ру-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о!

Чистый глубокий и в то же время тоскливый призыв разнесся меж звезд. Где-то там, наверху, у могилы Грока дует ветер, и Рог Радуги вторит ему вечным зовом.

Ру-у-у-у-у-у-У-у-о-о-о-о! У-у-у-у-у-а-а-а-а-р-р-р-у-у-у-у!

Этот звук пробирал до мурашек. Он звал. Тоскливая песнь ветра и Рога брала за живое.

Я так и не дошел до Селены. Прямо мне под ноги ударила ослепительная нитка молнии, я отскочил в сторону и зажмурился, отчаянно пытаюсь восстановить зрение после яркой вспышки. В воздухе пахло грозой и магией. Когда способность видеть вернулась, на противоположной стороне Селены среди звездного неба я увидел Лафресу. Она больше не пыталась атаковать и лишь ждала, когда я приду в себя.

Казалось, что она и сейчас находится на балу, а не в сердце Костяных дворцов. Во всяком случае, Лафреса нисколько не походила на человека, проболтавшегося в могильниках целых две недели. Ее походная одежда была совершенно чистой и даже не помятой, в ушах сережки в виде серебряных паучков, широкий кинжал на поясе. С момента нашего с ней знакомства на приеме у Балистана Паргайда леди Йена нисколько не

изменилась. Невысокая, с русыми волосами, сейчас собранными в короткий хвост, на высоких скулах играют фиолетовые отблески луны. Ее голубые глаза больше не задумчивы, а настороженны, они ловили каждый мой жест, каждое движение. На открытой ладони ее правой руки мерцал маленький багровый шарик. Я знал, что это такое, а потому мне стоило большого труда отвести взгляд от ее руки и вновь посмотреть Лафресе в глаза.

— Леди Йена.

— Я рада, что ты меня помнишь, вор. — Ее пухлые губы скривились.

Голос женщины в корне отличался от ее внешности. Он был очень, очень усталым.

— Ведь ты же хочешь дожить до старости? — ни с того ни с сего спросила она у меня.

— Есть такая задумка.

— Тогда советую тебе отойти от Селены и не вставать у меня на пути, иначе мне придется тебя остановить.

— Вроде ваш Хозяин запретил меня трогать.

— Если ты не будешь крутиться под ногами. Ты ведь не хочешь кормить червей, правда?

— Вроде Посланник обнадежил, что я бессмертный. — Я продолжал тянуть время.

— Все принадлежащие Домам бессмертны. Но только не в самих Домах. Этот зал — преддверие Дома Боли, и здесь и я, и ты смертны. Так что в сторону, вор!

— Как скажете, леди Йена. — Я услышал все, что хотел, и стал медленно отходить к стене. Я не самоубийца, чтобы влезать в разборку с одной из самых сильных колдуний.

Она продолжала внимательно следить за моими движениями. А я продолжал молиться Саготу, чтобы все получилось и леди Йене не вздумалось швырнуть в меня багровым шариком вопреки воле Хозяина. Лафреса дождалась, когда я упрусь спиной в стену, и только потом двинулась к Селене. Видать, все же опасалась Танцующего с тенями (это я себе льщу). Перед фиолетовой луной она на миг заколебалась, а затем шагнула на Селену. Ее тут же окутало ласковое бархатное сияние. А затем, затем леди Йена, окруженная светом луны, начала медленно подниматься над полом к звездам. Она засмеялась, и ее смех, смех искреннего детского восторга, заметался среди звезд, и те ответили Лафресе, закружившись вокруг фиолетового сияния веселым хороводом. Признаю, это было очень красиво.

Леди Йена и думать обо мне забыла, но я не рыпался, я смотрел, как она возносится к звездам, и ждал. Хотел бы я, конечно, сказать, что напоследок она торжествующе и злобно рассмеялась мне в лицо или сказала нечто вроде "Рог Радуги теперь мой", но ничего такого не было.

Звезды и столб света, вырастающий прямо из Селены, увлекли леди Йену к Рогу Радуги, призывно певшему: "У-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о".

Я ждал и дождался. Селена из фиолетовой стала черной, и ее свет померк. Звезды, танцевавшие с Лафресой, вспыхнули горящими багровыми полосами, оставляя за собой искрящиеся хвосты, стали падать с небес, но ни одна из них так и не долетела до пола, растаяв в воздухе. Потеряв световую опору, служанка Хозяина, не издав ни единого крика, с тупым звуком упала прямо в центр луны.

Падение с высоты тьма знает скольких метров всегда смертельно, в данном случае оно оказалось смертельно вдвойне. Смерть в одном из Великих Домов является окончательной даже для тех, кто ранее был бессмертным и возрождался в Доме Любви. Лафреса сама сказала мне о том, где мы находимся, и, помня о предупреждении Сагота не вставать на Селену, я не трепыхался, а позволил Лафресе испытать на себе одну из ловушек Костяных дворцов. Слава богам, все прошло удачно. Золотой, заплаченный за совет старого нищего, принес свои плоды. Ведь если бы один попрошайка, откликающийся на имя Сагот, не посоветовал мне не наступать на Селену, неизвестно, как бы все сложилось.

Я смотрел, как под переломанным и исковерканным от падения телом растекается темное пятно крови. До последнего момента не верилось, что смогу обыграть ту, которую в другие времена звали Лиа.

— у-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о — Тоскливая песнь Рога, находящегося где-то наверху, снова вернула меня в действительность.

Я задрал голову к потолку, силясь рассмотреть то место, где лежит Рог Радуги, но конечно же ничего не увидел. Слишком высоко.

Пока я глазел и ловил ворон, тело Лафресы стало медленно погружаться в Селену, словно это был не пол, а какая-то вязкая то ли слизь, то ли грязь. Через несколько секунд леди Йена, доставившая отряду массу хлопот, навсегда исчезла в черной луне, а еще через миг Селена вновь стала фиолетовой, а на "небе" вспыхнули тысячи звезд и созвездий, словно в зале ничего и не произошло.

В середине Селены что-то сверкнуло. Я сощурил глаза, пытаюсь разглядеть, что там такое, но, увы, не получилось.

После смерти леди Йены я не очень-то стремился приближаться к опасному месту, но, разумно рассудив, что, пока не встану на волшебную

луну, мне ничего не грозит, подобрался к Селене почти вплотную. В центре луны лежал Ключ. То ли магия карликов и Кронк-а-Мора была неприятна волшебству, использованному для сотворения этого зала, то ли я такой везучий, но Ключ был рядом, только руку протяни. Ну я, не будь дураком, и протянул. Вот только не дотянулся, к сожалению. Чтобы взять Ключ, мне придется наступить на Селену, а к такому геройству я пока еще не готов. В принципе безвыходная ситуация, но, подумав головой, все всегда можно решить. Лямка от сумки, обвязанная вокруг рукояти ножа, и несколько забросов импровизированной удочки принесли мне богатый улов. Во всяком случае, теперь Эграсса не открутит мне голову за потерю эльфийской святыни. Ключ я повесил на шею, благо Лафреса не озаботилась снять его с цепочки. р-р-у-у-у-у-о-о-о-о!

Пора выдвигаться. Ключ имеется, и меня еще ожидает долгий обратный путь, правда, совершить его предстоит без карт... Гм, гм. Об этом я подумаю чуть погодя, когда Рог Радуги будет у меня в руках. Весь вопрос — как до него добраться? Селена исключается. Я видел, что случилось с ныне покойной Лафресой, и испытывать судьбу и полагаться на свет волшебной луны не собирался. Должен быть другой путь. Во всяком случае, по словам Сагота, рекомендовавшего мне поработать ножками. Осталось только найти этот путь.

Я прошествовал по звездному небу, ища лестницу, ведущую наверх.

Р-р-р-у-у-у-у-у-ту-ду-у-у-у!

— Слышу, слышу, — буркнул я, идя вдоль стены.

Язык не повернется назвать ЭТО лестницей. Всего лишь каменные прямоугольные ступеньки, вбитые в небо меж звездных скоплений. К тому же очень неудобные. Чтобы залезть наверх, придется изрядно попотеть. Но делать-то нечего, сам Рог Радуги ко мне не спустится. Я встал на первую ступеньку, подпрыгнул, зацепился за вторую, подтянулся. Вновь встал, подпрыгнул, подтянулся. Мир мигнул, и магия звездного неба пропала. Подо мной вновь лежал самый обычный и ничем не примечательный, но ярко освещенный светом, струящимся из стен, зал восьмого яруса.

Лезть пришлось долго, и я достаточно сильно запыхался. Балансировать на узкой ступеньке, где едва можно поставить ноги, оказалось самым сложным делом. Вниз я старался не смотреть. Сейчас я забрался на такую высоту, что, не приведи Сагот, закружится голова — и точно придется падать вслед за Лафресой. После череды каменных блоков-ступеней, когда руки уже были готовы отвалиться, появились вбитые в стену металлические скобы. Лезть стало гораздо проще, и спустя какое-то время я очутился на широкой каменной площадке.

Здесь гулял достаточно ощутимый ветерок.

У-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о-о!

С этого места звук Рога был намного глубже и четче. Проклятая дудка где-то рядом. Где-то совсем рядом. Вновь мигание мира, и вновь я словно оказываюсь в самом центре звездного неба. Где-то внизу горит фиолетовая искра Селены, и ее едва можно различить среди россыпи звезд. Вот уж не ожидал, что мне удалось так высоко забраться.

Так. Куда теперь? Скобы заканчивались, дальше начиналась гладкая стена, едва различимая среди волшебных звезд. Лестница, ведущая вверх, оказалась там, где я ее меньше всего ожидал увидеть. Она висела над пропастью в трех метрах от площадки, на которой я сейчас находился. И в который раз за время пребывания в Костяных дворцах я пожалел о потере веревки-паутинки. Будь со мной сия удобная штуковина, и до лестницы, висящей среди звезд, добраться было бы самым что ни на есть плевым делом. Теперь же у меня была одна-единственная попытка, один-единственный шанс на прыжок. Проманись я, не долети до лестницы, не зацепись за нее — и участь моя будет точно такая же, как у милашки Лафресы.

Я еще раз задумчиво изучил лестницу, уходящую в звездное небо. В принципе попытаться можно, все равно деваться-то некуда. М-да... Сагот сохрани!

Под ногами мелькнули звезды, лестница выросла, устремилась куда-то вверх, и я едва успел схватиться руками за самую нижнюю из перекладин. Перекладина оказалась жутко скользкой, и только по воле богов мои пальцы не сорвались и я не отправился в свой последний полет на встречу с Селеной. Подергался, поизвивался ужом, поскрипел зубами. Подтянулся, перебросил левую руку на верхнюю перекладину, затем снова подтянулся, закинул ноги на нижнюю и полез.

У-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о-о-о-о!

Ветерок разгулялся, и теперь Рог пел ежеминутно, оглашая тишину Звездного зала мощным боевым ревом. Х'сан'кор меня задери, я устал лезть по этой бесконечной лестнице. Когда же она кончится? Кончилась, да просуществует Сагот вечность! Я вывалился в ярко освещенный коридор, оставив звезды за спиной.

У-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о-о-р-а-а-а!

От зова Рога дрожал пол, но теперь уж я не спешил. Ничего с ним не случится, подождет, пока отдышусь. Двадцать метров коридора, и вновь звездное небо раскинуло одеяло над моей головой. Жемчужный мост, висящий меж звездных огоньков. Пройдя по нему, я вышел к могиле Грока.

Это было прекрасное аметистовое сооружение. Нечто среднее между летней беседкой и маленьким некрополем. Четыре тонкие изящные колонны поддерживали купол нежно-голубого цвета. Под куполом находилась надгробная плита, на которой были высечены слова: "Гроку, великому воину от благодарной страны".

— Добрался, — выдохнул я, все еще не веря, что достиг цели своего путешествия.

Я стоял у могилы Грока — знаменитого полководца прошлого и брата Неназываемого. Никакого священного трепета или еще чего-нибудь такого. Ну великий полководец, ну легенда, ну спас страну от орков во время Войны Весны. Ну и что? Я вот тоже страну почти что спас, а, судя по обрывочным сведениям, Грок был не таким уж и героем, раз с его подачи у нас появился Неназываемый.

На могиле на самом видном месте лежала моя цель — Рог Радуги. Он ничуть не изменился с тех пор, как я впервые увидел его во время своего сна-яви в Закрытой территории. Большой витой рог, отливающий бронзовым блеском, инкрустированный перламутром и голубоватой костью огра. Красивая, искусно сделанная вещь. Настоящий боевой рог, которым не постыдился бы владеть даже король.

— Позволь? — В голосе Вальдера проскользнули молящие нотки.

— Валяй, — сказал я и открылся, давая ему полную свободу.

Вот теперь я увидел совершенно другой Рог. Его окружал радужный ореол, который едва мерцал от уходящей из Рога силы. Силы, которая держала Неназываемого в Безлюдных землях. Силы, которая удерживала Падших в глубинах Храд Спайна, не давая им вернуться на Сиалу. Силы, созданной ограми. Силы, погубившей эту расу и спасшей других. Она уходила, исчезала, словно вода, просачивающаяся сквозь песок. Время магии, наполняющей Рог, было сочтено.

— Ты можешь вновь вернуть в него магию? — спросил я у архимага, не отрывая взгляда от Рога.

— Нет, на это потребуются силы всего Совета. Прости.

— Ничего, — сказал я ему, хотя и питал в душе смутную надежду, что Вальдер справится и мне не потребуется носить с собой такую опасную игрушку. — Рог рядом. Теперь ты сможешь уйти?

— Нет... Он слишком слаб. Может быть, позже, когда его наполнят силой. Прости.

— Не извиняйся. Твоя компания начинает мне нравиться. Это лучше, чем разговоры с самим собой.

Тихий, едва слышный смешок в ответ. Затем:

— Бери его, Гаррет, и пойдем домой.

Вальдер прав, нечего раздумывать. Я облизал разом пересохшие губы и с гулко грохочущим сердцем подошел к могиле.

Вот он. Лежит передо мной. Спасение и гибель этого мира. Козырная карта в глупых играх Хозяев. Что будет, если я осмелюсь вынести его из Храд Спайна? Спасет ли это хоть кого-нибудь или принесет лишь очередные беды и горе? Как поступить? Выбор — это ведь так страшно! Решать судьбу мира и держать в своих руках власть! Знать, что благодаря твоему поступку чаши весов могут попросту перевернуться и все полетит огру в пасть. А стоит ли брать эту вещь? Стоило ли ребятам из отряда отдавать за нее жизни?

Я стоял и не знал, что мне делать и как поступить. На меня словно ступор напал. Я не мог двинуть ни рукой, ни ногой, словно замороженный. Стоял и смотрел на Рог Радуги, а он лежал и молчал, ожидая, когда пришедший к могиле Грока человек наконец-то решится.

— Без сомнений и колебаний, — произнес я, словно заклинание, обещание, данное Эграссе, а затем, послав во тьму все и вся, подошел и поднял с могилы Рог.

Последнее, что я помнил, — небо вспыхнуло и второй раз за день заплакало огненным дождем умирающих звезд.

Глава 12

Мотылек

Сон. Сон — это всегда облегчение, сон, как водопад, который смывает с путника накопившуюся усталость. Сон нужен каждому, но иногда вместе со сном приходят кошмары. Они — вечные спутники сна, они всегда где-то рядом, всегда ждут, что ты зазеваешься, дашь им волю — и вот тогда-то и наступит самый сладостный миг для осмелевших и набравшихся силы кошмаров. Они вихрем ворвутся в сознание, оттеснят сон и, как клещи, вопьются в отдыхающий мозг.

У всякого кошмара своя цель. Один приползает, чтобы напугать и напиться из колодца страха своей жертвы, другой является лишь эхом вашей совести, третий разбередит старые раны, четвертый пробудит сомнения и нерешительность, пятый заставит сойти с ума или покончить с собой, шестой...

Яркий. Ослепительный. Лучезарный. Нереальный. Потрясающий. Искрящийся. Блистающий снег. Он толстым пуховым одеялом лежит на пустых улицах Авендума и нежится под лучами беззлобного декабрьского солнца. Снег хрустит, мириады красивых, идеально правильных снежинок ломаются под моими подошвами. Иду по пустым улицам, вслушиваясь в этот хруст. Пытаюсь услышать еще хоть что-нибудь, но город то ли спит, то ли затаился в ожидании грядущего и не собирается шуметь. Во Внутреннем городе Авендума тоже никого нет, даже извечных и падких на золотишко стражников, охраняющих покой богатеев этой части города. Снежное покрывало выглядит совершенно нетронутым, словно по нему вот уже целую неделю никто не осмеливается ходить. Делаю несколько поворотов, ухожу с центральной улицы, прохожу два квартала, где дома занесены снегом, и оказываюсь на такой же пустой, как и улицы города, площади. В трехстах метрах от меня величественно возвышается прекрасная башня Ордена.

Сейчас зима, и башня кажется вырубленной из цельной глыбы светло-синего льда. Еще один из многих фокусов Ордена, благодаря которым каждый новый сезон камни, из которых сложено строение, кажутся то ледяными, то деревянными, то огненными.

Между мной и башней стоит фигура, облаченная в серый плащ. Незнакомец скидывает капюшон, и я узнаю его. Я уже однажды имел удовольствие пересечься с этим человеком. Человеком? Нет, вампиром.

Бледное бескровное лицо, тонкие посиневшие губы, каштановые волосы. Серый порванный плащ, грубая рубаха из некрашеной шерсти. На груди толстая серебряная цепь, дымчатый кристалл продолговатой формы искрится на солнце не хуже чем крупный бриллиант или слеза дракона. Человек небрежно держит в руках красту. Он не угрожает, в этом нет никакой нужды, и наконечник его причудливого копья смотрит в небо.

Останавливаюсь, смотрю в безучастные глаза Серого. Молчим. Не знаю, сколько времени проходит, но никто из нас не хочет разорвать затянувшуюся нить молчания.

Солнечный диск внезапно заволакивает тонкая дымчатая пелена, и буквально через несколько секунд вместо голубого неба — низкие седые тучи. Что-то белое и ничтожно маленькое беззвучно падает между нами. Снежинка. Следом за первой из туч потянулись другие. Они падали в абсолютной тишине и безветрии. Мир тускнел, зимние сумерки со скоростью легкой кавалерии захватывали город.

— Ты знаешь, зачем я здесь. — Он не спрашивает, он утверждает.

— Догадываюсь, — неохотно говорю я и кривлю губы.

— Вы все слишком далеко зашли. Цепи, удерживающие Падших, могут лопнуть в любой миг, и мир содрогнется. Отдай мне это, пока чаши весов окончательно не сместились.

Мне даже не стоит думать о попытках потягаться с воином на равных. Я знал, что случится, если откажусь и не отдам свое сокровище, — краста в мгновение ока разрубит меня пополам, и Серый все равно завладеет Рогом Радуги. Этот парень мне не по зубам. Обидно терять то, к чему стремился долгие месяцы, будучи всего лишь в нескольких шагах от выполнения Заказа. Я молча снял с плеча холщовую сумку и протянул ее вампиру.

— Он там? — Вампир посмотрел на сумку.

— Да.

Он делает шаг, протягивает руку и берет то, что является целью моей жизни.

Редкие снежинки уступили место густому снегопаду, пробудившийся ветер закружил по площади поземку. От снега каштановые волосы Серого стали белыми, но он, кажется, не обратил на это никакого внимания. Яркий зимний день, властвующий в городе несколько секунд тому назад, сменился невесть откуда напозшей глубокой непроглядной ночью.

Удар сердца, и в ночном небе родились огненные звезды. Они появились на горизонте, приблизились и рухнули на площадь. Почти все упали в снег и, рассерженно зашипев, погасли. Одна едва не задела меня, лишь каким-то чудом разминувшись с ногой.

Я прекрасно рассмотрел "звезду" — это оказалась стрела с красно-зеленым оперением. Серому повезло меньше, чем мне, и сразу четыре горящие стрелы ударили ему в грудь, словно лучники знали, куда следует целиться. Воин покачнулся, рухнул на колени, но так и не выпустил из рук красту и сумку с Рогом. За первым залпом "звезд" последовал второй, гораздо более многочисленный и слаженный. Но на этот раз стрелы не долетели до площади и упали на крыши дальних домов. Тут же на Авендум рухнула третья волна, но это оказались уже не стрелы, а огромные огненные шары, выпущенные из катапульта. Они проламывали крыши домов, взрывались с громким "Ф-у-уух!" и расплескивали вокруг себя языки пламени, вызывая пожары. Я вовремя успел заметить падающий на площадь горящий шар и что было сил бросился прочь, разом забыв о Сером и Роге Радуги.

За спиной вздохнул великан, мягкая горячая рука подтолкнула меня в спину, и я понял, что вопреки всем законам природы научился летать. Лечу... Секунду... Миг... Одно биение сердца парю над площадью, словно орел. А затем со всего маху падаю в сугроб, выросший возле стены одного из домов.

— Ф-у-уух! — запоздало вздыхает великан.

Вылезаю из сугроба, куда меня занесла нелегкая (спасибо Саготу, что не убился), выплевываю снег изо рта, ошалело озираюсь по сторонам.

Площадь превратилась в островки снега и огня. Ветер беснуется, гоняет стадо снежинок из стороны в сторону, бросает их в огонь, где они гибнут тысячами, но так и не могут потушить разбушевавшееся пламя.

Серый все так же стоит на коленях, он даже не пытается встать, и я понимаю, что со времени первого падения стрел прошло не более десяти секунд. Нас с вампиром разделяет пламя, но я вижу путь, выложенный белыми островками снега. Сейчас или никогда! Достāju арбалет, в котором каким-то чудом уже находятся два огненных болта. Стоит рискнуть. Делаю первый шаг к пока еще оглушенному вампиру.

Тишина лопается, словно мыльный пузырь, откуда-то издаleка слышатся голоса боевых горнов, призывающих жителей Авендума к оружию. Тревожно звучит колокол Собора.

— Тревога! Тревога! Вставайте! Вставайте!

Мимо пробежали три десятка воинов. В руках копья, мечи, алебарды и арбалеты. Серо-синие повязки на руках — королевская гвардия, черно-оранжевые — городская стража. Не обращая на меня никакого внимания, воины выстроились перед выходом с площади и перегородили узкую улицу. Первый ряд встал на колено и выставил копья, второй ряд составили

алебардчики вперемежку с арбалетчиками. Последние дали залп из-за спин товарищей. Часть солдат принялась перезаряжать оружие, часть отбросила арбалеты в сторону и взялась за мечи. Из пелены снегопада с ревом появился вал воинов. На их шлемах развевались красно-зеленые плюмажи. Тьма! Солдаты Рачьего герцогства в городе! Как это произошло?!

Начался бой. Арбалетчики дали повторный залп, и несколько врагов упали. А затем началась свалка. Красно-зеленые гибли на копьях и алебардах, но защитников Авендума было слишком мало, а враги валили и валили из-за снежной завесы нескончаемым потоком. Тут и ежу понятно, что солдаты короля и стражники Лантэна долго не продержатся. Минута-другая и "раки" прорвутся на площадь.

Надо брать Рог и нести его в башню, пока не стало слишком поздно. Разворачиваюсь и бегу к Серому. Вампир, опираясь на красту, пытается встать. Бегу что есть сил, но меня опережают...

Из тени башни Ордена появляется... тень? Фигура? Силуэт? Я знаю, что это живой человек, но могу рассмотреть лишь размытое пятно. Он скользит по огню и снегу, оказывается рядом с Серым... Несмотря на ранения, вампир быстр, нечеловечески быстр, его краста взрывается росчерком дымки, визжит, словно паленая кошка, но человек-пятно отшатывается, оказывается за спиной Серого и атакует. Багровый шар разрывает воина на две половинки, а человек-пятно, уже начисто забыв о своем противнике, проворно наклоняется и поднимает с земли мою сумку.

Ветер бесчинствует и плюется снегом прямо в глаза. Не слышно ни колокола, ни боевых рогов, ни битвы. Все исчезло. В целом мире лишь я и он. Незнакомец смотрит на меня. Это всего лишь мимолетный взгляд, но я понимаю, что убийца Серого принес победу в Игре одному из Хозяев. Моргаю, прогоняя с ресниц мерзкие снежинки, и человек-пятно пользуется этим, чтобы исчезнуть. Набираюсь смелости и подхожу к лежащему на снегу Серому. Как и ожидалось, вампир все еще жив.

— Игрок Хозяина перешел на другую сторону... овладел... цепью... Вы не должны... были брать Рог... теперь... равновесие нарушено...

Я недоумевающе смотрю на него и ничего не могу понять. Игрок отказался служить Хозяину Сиалы? Неужели сбылось предсказание Серых? Неужели Танцующий с тенями, создавший Сиалу, проиграл? И тут мир замер. Останавливаются снежинки, останавливаются языки огня на площади и в остовах горящих домов, в воздухе застывают горящие стрелы, замирают воины, держащие мечи и копья. Мгновение всепоглощающего ничто.

Та-дам! Та-дам! Как гулко стучит сердце!

А затем мир вздрагивает. Мир взрывается. Мир умирает. Я или не я вижу, как рушатся законы магии, как рвутся цепи тысячелетий, вижу, как мир скатывается к своему первому, изначальному дню, когда не было ничего того, что мы привыкли называть Сиалой. Растревоженные моря уничтожают страны, пробуждаются вулканы, с неба падают звезды, сжигая своим жаром целые города. Ворота иных миров распахиваются, и на Сиалу приходят демоны и те, кто хуже их. Весь мир кружится в последнем предсмертном танце, агонии, вьюге пробудившихся теней древности. Пожары, безумства, эпидемии, голод, войны и создания тьмы уничтожают мир и очищают дорогу тем, кто так долго ждал этого сладостного мига — мига разрушения равновесия. Из Храд Спайна темным валом, черным потоком, ступая по костям и пеплу умерших рас, движутся те, кого Серый назвал Падшими, а я — птицемедведями.

Я кричу. Кричу до хрипоты, и мир, точно кривое зеркало, разбивается вдребезги и заставляет меня проснуться...

Просыпаюсь в темноте. Здесь жарко, так жарко, что трудно дышать. Каждый вдох грозит опалить легкие, глаза едва ли не лопаются, и я еще могу удивиться тому обстоятельству, что у меня только каким-то чудом не вспыхнули одежда и волосы. Закрываю лицо рукавом, но желаемого облегчения это не приносит, дышать все еще трудно.

— Тысяча демонов! — пробормотал я. — Куда меня занесло на этот раз?

— Туда, где ты был дважды и пришел вновь. Не мы ли говорили тебе, что узнавшие дорогу в Изначальный мир всегда сюда возвращаются?

Все ясно, я вновь каким-то непостижимым образом оказался в мире Хаоса, и меня снова встречали три последние тени Изначального мира. Из-за того что здесь было темно, я так и не смог разглядеть их и лишь слышал голоса.

— Именно вы и говорили, леди.

— Рады, что ты нас не забыл. Здравствуй, Танцующий.

— Мое почтение. В этот раз у вас жарко.

— Наш мир умирает, и то, что ты принес сюда, лишь ускоряет его агонию.

Я машинально протянул руку и нащупал сумку, в которой лежал Рог.

— Сон, — облегченно пробормотал я, вспоминая видение, во время которого погибла Сиала.

Какая-то из теней горько рассмеялась:

— Сон? А может быть, грезы? Может, ты увидел будущее?

Или прошлое?

— Или то, что теперь уже никогда не случится? — поддержала свою сестру другая тень.

— Не знаю.

— И мы не знаем, что может привидеться Танцующему и куда эти видения могут привести. Чаши весов уже дрожат, и тебе следует торопиться.

— Торопиться куда? — довольно тупо спросил я у темноты.

— К последнему броску костей. Туда, где закончится эта партия Игры. Ее все еще можно выиграть несмотря на то, что Рог вновь вышел из подземных чертогов Тюрьмы Падших.

— Уходи, Танцующий. Присутствие артефакта ускоряет гибель нашего Дома.

Темноту прорезали три прямоугольника света, и я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, передо мной было три выхода, ведущих куда-то в белесый свет.

— Что это? — Я обернулся к теням, которые теперь стали различимы.

— Это? Это твой выход из нашего мира.

— Но здесь три двери!

— Мы знаем. — Вторая, кажется, усмехнулась. — Тебе придется выбрать одну из них.

Я почувствовал какой-то подвох.

— Здесь нет ловушки, Танцующий. Это всего лишь двери Судьбы. Все последующие события зависят от того, через какую дверь ты решишь уйти.

Приятная перспектива, ничего не скажешь!

— Что за этими дверями?

— Никто не знает. Выбирай сердцем и иди. Прощай, — сказала Третья.

— Прощай, Танцующий.

— Прощай, — эхом повторила Первая тень.

А побери меня тьма! Какая разница, через какую дверь выходить! Все равно все будет плохо, в этом я уверен на все сто! Я двинулся к ближайшей от меня, правой двери.

На полпути к ней я остановился. В голову так некстати забралась мыслишка, что в этот раз тени показывали мне дорогу из мира Хаоса без моей просьбы. Наверное, это из-за Рога Радуги, который отравляет Изначальный мир и грозит ему полным крахом. В прошлый раз они просили меня остаться, просили помочь им, вернуть жизнь их миру,

превратившемся в кошмар благодаря Танцующим с тенями. Теперь же я не услышал от них ни слова о помощи.

Обернувшись, я увидел, что все это время они молча наблюдали за мной.

— Что с ним будет?

Они поняли, о чем я говорю.

— Мир Хаоса умрет. Не сегодня, так завтра. Он слишком долго цеплялся за жизнь, но всему когда-нибудь приходит конец.

— И за все надо платить, — говорит Третья, и я сразу же вспоминаю Смерть, сказавшую теням эти слова.

Тени заплатили за мою жизнь жизнью своего мира.

— А что будет с вами, леди?

Нет ответа. Я жду, и наконец Третья не выдерживает и отвечает:

— Этот мир наш. Мы последние и останемся здесь до конца.

Я понимаю, что совершаю глупость, но ничего не могу с собой поделать. Не люблю быть обязанным кому-либо, и если есть возможность выплатить долг... Поворачиваюсь спиной к выходам из Изначального мира, и они тут же затягиваются тьмой. Но в этот раз тени не сливаются с мраком, я прекрасно вижу их силуэты.

— Ты понимаешь, что теперь тебе не выйти отсюда? — В голосе Первой слышится явственный страх.

— Я выйду сквозь огонь, как раньше.

— Огонь уже умер, Танцующий!

— Потанцуем, леди? — спрашиваю, я не обращая внимания на их последние слова...

* * *

Когда я покидал этот мир, ему уже ничего не грозило. Ревело багровое изначальное пламя, и огненные снежинки кружились вокруг меня в медленном чарующем танце. Среди вечной пустоты и огненного безумства — островок, заросший высокой серебряной травой. В середине острова появилось маленькое озеро с гладкой как зеркало водой, в которой отражались всполохи пламени и багровые снежинки. Над озером возвышался молодой белопенный каштан с льдисто-огненными листьями. Скоро его плоды созреют и дадут жизнь еще сотням таких же островков. А пока этот остров — первый кирпичик в возрождении мира Хаоса. На время я могу оставить Изначальный мир и заняться собственными делами. Он

будет жить и вместе с тенями дожидаться меня или другого Танцующего. Свой долг трем теням я выплатил сполна...

* * *

Проснулся я оттого, что в лицо тыкалось что-то мокрое и жутко холодное. Пришлось открыть глаза и посмотреть на гада, мешающего мне нормально выспаться. Передо мной стояло существо. Большое, косматое и довольно опасное. Обур — гигантский медведь Заграбских лесов.

Я постарался не двигаться, может, тварь сочтет меня несъедобным и пойдет ловить кабанов. Неожиданно обур лизнул меня в лицо. Ожидал чего угодно, но только не такого вот поворота. Я осоловело вытаращился на зверюгу. Тот не нашел ничего лучшего, как тихонечко заскулить в ответ.

— Кис-кис, — глупо хихикнул я, все еще не отойдя от столь неожиданной встречи.

Достаточно сложно свыкнуться с мыслью, что одна из самых грозных зверюг Заграбских лесов не собирается тебя есть (во всяком случае, прямо сейчас). Обур в ответ еще раз облобызал мое лицо.

Я осторожно сел, пытаясь выбросить из головы возвышающуюся надо мной тушу и рассмотреть то место, где я очутился. По всему получалось, что на этот раз меня занесло в Заграбу. Во всяком случае, этот уголок ничуть не походил на Храд Спайн. Елки, златолисты, пожухлая трава, синее небо над головой. Невесть каким чудом меня вынесло из Костяных дворцов на поверхность. Небось проделки Рога Радуги.

Рог! Я в панике зашарил вокруг себя, разом забыв о нависшем надо мной обуре. Слава Саготу, Рог лежал рядом, зарывшись в ковер опавшей листвы. Я не медля спрятал реликвию в сумку.

Обур вновь попытался дотянуться до меня языком, но, видя, что мне ничего не угрожает, я оттолкнул от себя косматое рыло и поднялся с земли. Сразу же все встало на свои места. Обур перестал казаться огромным и стал просто большим. А еще я заметил, что на ногах он стоит не так уж и уверенно, да и черные глазки были совершенно пустыми. Страшный и ужасный обур оказался обуренком, у которого совсем недавно открылись глаза. Видать, он каким-то образом выполз из берлоги и принял меня за собственную мамку. Этого мне только не хватало! А если мамаша заметит пропажу своего единственного и драгоценного, наткнется на меня и решит, что я причастен к исчезновению обуренка? Я уже себе не завидовал. Встреча с гигантской разъяренной медведицей еще никому не помогала

поправить пошатнувшееся здоровье. Пора сваливать!

К сожалению, из моей гениальной идеи ничего не вышло. Обуренок плелся за мной как привязанный.

— Фу! Сидеть! Пшел на место!

Ничего из арсенала собачьих команд мне не помогло. Зверюга лишь тупо таращилась на меня и тихонько пищала. Я вздохнул, отломал от ближайшей елки ветку и несильно хлестнул медвежонка по носу. Тот испуганно взвизгнул, отскочил в сторону и пронзительно заголосил, жалуясь на судьбу-злодейку и призывая мамку. Мамка не преминула откликнуться — из-за деревьев раздался рассерженный рев медведицы. Услышав столь неприятный звук ломающегося кустарника, я задал стрекача. Встречаться с мамашей и объяснять, что я тут ни при чем и просто проходил мимо, не имело никакого смысла. Поэтому единственным выходом из создавшейся щекотливой ситуации был галоп по пересеченной местности.

Ух я и побежал! Один раз даже упал и пропахал носом прелые листья, так как какой-то мерзкий древесный корень подвернулся мне под ноги. Остановился я только когда понял, что медведица, кажется, раздумала снимать с меня шкуру. Я в изнеможении рухнул на мягкую подкладку из золотых листьев, перевернулся на спину и сквозь полуголые ветки златолистов принялся смотреть в небо.

Эх, благослови меня Сагот, как хорошо-то! После мрачных темных лабиринтов, где пахнет затхлостью и мертвым временем, вид обычного неба приводил меня в детский восторг. Не знаю как меня вынесло из Храд Спайна обратно в Заграбу, но это к лучшему, пускай даже неизвестно, в каком месте лесов очутился и как далеко отсюда до ворот, где меня ожидают друзья. Заграба — это хорошо. Это намного лучше Костяных дворцов. Тут уж я как-нибудь прокормлюсь, да и шансов нарваться на крупные неприятности несоизмеримо меньше, чем под землей. А если уж говорить честно, останься я в Храд Спайне — и в могильниках на одного мертвеца станет больше, потому как обратный путь, да еще и без карт, для меня был бы непосильным. Так что хвала всем богам, что я очутился в Заграбе.

С другой стороны, следует поразмыслить, где я все-таки оказался? Нет, что в Заграбе и в Золотом лесу — это и вождю доралиссцев понятно, но где точно и как долго мне придется добираться до отряда? Хотя о чем я говорю? Добираться до отряда... Я не знаю, где теперь ворота Храд Спайна, а бродить по Заграбе, не зная дороги, — это все равно что... бродить по Заграбе, не зная дороги. Глупое и пустое занятие. К тому же

если исходить из того, что я протопал по Костяным дворцам тьма знает сколько лиг и в итоге выбросило меня в Заграбу прямо над могилой Грока, то добираться до ворот Храд Спайна я буду достаточно долгое время. Остается лишь один шанс — идти на север и надеяться, что я выберусь из Золотого леса и окажусь в более знакомых, а то и обжитых местах. А там поглядим, что к чему. Ну и еще, конечно, следует положиться на амулет Эграссы, который не только спас меня от Кайю, но, будем надеяться, подскажет эльфу, где меня искать. Думаю, отряд уже знает, что я выбрался из подземелий, и спешит мне навстречу...

Большой золотой лист прочертил в небе золотую дугу и приземлился мне точнехонько на лицо. Я снял зловредного — летуна и отбросил в сторону. Листья падают. Сожри меня самый мерзкий из семейства демонов! До меня только сейчас дошло, что, пока я торчал в подземелье, сентябрь подошел к концу. Неудивительно, что листья опадают и небо приняло бездонный светло-фиолетовый оттенок. Конечно, это не Авендум, где в конце сентября уже достаточно холодно и идут проливные дожди, но и в Заграбе чувствовалось легкое дыхание осени. Надо успеть выбраться из лесов до той поры, когда начнутся настоящие ливни и холода, а потом и заморозки. Без плаща и в одном свитере рано или поздно я помру от холода и слякоти.

"Надо выбираться", — в сотый раз подумал я. Надо так надо... На мое счастье, хоть я и был городским жителем, но уроки Фора не прошли даром, и я еще был способен определить, где находится север. Ну я и пошел. Потихоньку. Следовало найти какую-нибудь звериную тропу, так идти будет намного легче, чем продираться через кустарник и высохшую траву. Еще меня немного заботила перспектива оказаться перед каким-нибудь болотом или встретиться с волчьей стаей.

Заграба как всегда была прекрасна. Сейчас она оделась в осенний наряд и поражала своей яркостью. Лес купался в красках увядания, золота и огня. Ярко-желтые заросли краснобровника, уже расставшегося со своими цветами, плавно переходили в золотые рощи златолиста, которые в свою очередь сменялись огненно-красными всполохами заграбской рябины и осины. А синие листья слез горя казались невообразимо сказочными островками в королевстве золотой осени. И лишь мрачные суровые ели бунтовали против вездесущей осени и нарушали праздник сентябрьского увядания грязно-зеленым цветом. Вся земля была покрыта толстым нетронутым слоем опавших листьев. В лесу властвовало безветрие и тишина засыпающего в преддверии зимы великана. Казалось, что в Заграбе я совершенно один.

Шел до самой темноты и — о чудо! — нисколько не устал. Пускай я и не нашел никакой тропинки, но идти было сравнительно легко. Ни буреломов, ни завалов, ни болота. Лишь однажды мою дорогу пересек тоненький ручеек, петляющий меж массивных корней златолистов. Звонкий парень был настолько добр, что поделился со мной водой.

Темнело в лесу, да еще и осенью, достаточно быстро, и я еле-еле успел присмотреть себе лежбище у развороченного ствола старой ольхи. В одно мгновение тусклые нарождающиеся сумерки сменились непроглядной теменью. Небо стало мглистым, на нем не было ни звездочки, и лишь маленький медяк полной луны выглядел тусклым подобием того, что светило нам с неба в середине лета. Я кое-как перекусил изрядно опостылевшими мне плодами из Муравьиной пещеры. Спать не очень-то и хотелось, и я просто сидел и таращился в темноту ночного леса. Спустя какое-то время на соседних деревьях стали появляться разноцветные огоньки — это просыпались лесные духи. Красные и зеленые искорки удивленно изучали невесть каким образом появившегося в их лесу человека. Нисколько не сомневаюсь, что сейчас между духами идет горячее обсуждение чуда по имени Гаррет. Ну и пусть обсуждают, мне не жалко, лишь бы не трогали. В компании лесных духов было не так одиноко. Я наблюдал за мигающими глазками до тех пор, пока меня не сморил сон.

* * *

Над ухом трещала сорока, и мне пришлось открыть глаза. На ветке сидела бело-черная птица и зыркала на меня то одним, то другим глазом.

— Уйди, злыдня! — Я кинул в нее палкой, и сорока, гневно треща и оглашая лес возмущенными воплями, скрылась за деревьями.

Ругнувшись сквозь зубы, я встал и поежился. С утра в лесу было свежо, чего уж говорить о ночи? К ее середине я дал знатного дубаря и только каким-то чудом умудрился уснуть во второй раз. Если так будет продолжаться и дальше, то в одну из следующих ночей точно околею или подхвачу простуду, это как пить дать.

Судя по туману, скопившемуся возле самых корней деревьев, сейчас раннее утро и солнце появилось на небе не так уж давно. Кстати, сегодня небо меня уже не радовало, так как стали появляться облачка крайне нехорошего цвета. Как бы не было дождя. Осенний дождь — это одно из самых мерзких происшествий для путешественника.

За весь прошедший день, хвала Саготу, дождь так и не пошел, и я

протопал по Заграбе достаточно приличный отрезок пути. К вечеру наткнулся на звериную тропу, и моя скорость заметно возросла. Ни Вальдер, ни Рог Радуги никаких признаков жизни не подавали. Смешно сказать, владею одним из самых мощных артефактов в мире и никакой пользы от этого не имею. Ни тебе теплой одежды, ни верного арбалета, ни еды. Мог бы хоть в Авендум меня сразу переправить, а не заставлять тащиться по осенним зарослям!

Тропа нырнула в густые дебри какого-то жутко разросшегося куста, подозрительно похожего на дикий шиповник, я сдуру решил преодолеть их нахрапом, и в итоге вся Заграба могла слышать мои ругательства по поводу проклятых колючих недоумков, разросшихся на пути у мирного человека. Зато, когда заросли кустов оказались позади, тропка вывела меня на берег маленького лесного озера с высохшим тростником по берегам и ржаво-коричневой водой, подернутой мелкой рябью. Я напился, а потом пошел прочь. До темноты было еще около часа, и у меня было время присмотреть более уютное местечко для ночевки, чем берег озера. Если летом ночами, а особенно по утрам от воды веет прохладой, то осенью от нее несет холодом, а у меня нет никакого желания мерзнуть больше, чем того требуют сложившиеся обстоятельства.

К сожалению, от озера никаких троп не было, и мне пришлось топтать, как Сагот на душу положит. Когда озеро и маленький голый овражек остались за спиной, в лесу появились достаточно большие проплешины, заросшие низенькими молоденькими сосенками. Тут уж я вообще пошел как по улице Смотра и хотел было заночевать в этом месте, однако мой нос забил тревогу. Я почувствовал слабый, едва уловимый и смешивающийся с ароматом осени запах дыма.

— Или это пожар, или кто-то разжег костер, — пробормотал я, прижимаясь к ближайшему сосновому стволу и вытаскивая нож.

Любой другой заплутавший в лесах поступил бы иначе и с воплями радости бросился бы к огню и разумным существам, что его разожгли, но я, знаете ли, ученый. Это вполне мог быть отряд орочьих разведчиков или того лучше какой-нибудь из эльфийских отрядов, забравшихся на территорию орков. Первые и Вторые любят устраивать тихую резню в угодах друг друга. То, что вокруг меня законная территория орков, я нисколько не сомневался, но, на мое счастье, кривая на орков еще не вывела (и дай боги, чтобы не вывела).

Если рассуждать здраво и впереди эльфы, то не стоит лезть к ним напролом, словно кабан через сухой кустарник. Ребята нашьпигуют меня стрелами по самое не хочу и только потом станут разбираться, кто появился

к ним на огонек. Это потом, конечно, следует назвать имена Эграссы и Миралиссы и попросить помощи, а пока надобно быть осторожным. У меня только два глаза, и я не хочу получить в каждый из них по стреле. Также не следует забывать о перспективе встречи с орками. Если это они жгут дрова, то мне следует как можно быстрее отсюда сваливать и молиться, чтобы поутру следопыты Первых не наткнулись на следы чужака и не бросились за мной в погоню.

Кто кроме эльфов и Первых еще мог бы разжечь костер? Гоблины. Но я не думаю, что это кто-то из маленьких зелененьких ребят. Племя гоблинов достаточно осторожно и не будет жечь костры в таких местах. А уж территория Золотого леса и вовсе не располагает к неосторожному поведению. Так что, скорее всего, гоблины отпадают. Кто еще? Люди? Очень сомневаюсь. В сердце Заграбы представители моего племени заходят крайне редко и по очень большой нужде. Но если у костра люди, то это или авантюристы, или воины Пограничного королевства, или полные глупцы. В любом случае, пока я здесь кукую, ничего не узнаю. Пришлось двигаться вперед, ориентируясь на едва ощутимый запах дымка.

Проплешины и сосны кончились, и лес вокруг меня вновь захватили величественные златолисты вкупе с низенькими осинами и березами. Видимость сразу же ухудшилась, и теперь поди пойми, что скрыто за красно-золотой стеной листвы и частоколом древесных стволов. А если еще присовокупить ко всем неприятностям такую штуку, как подступающие сумерки, вот-вот грозящие смениться очередной непроглядной ночью, то становилось и вовсе худо. Запах дыма усилился, и это говорило, что я иду в правильном направлении. Под ногой предательски хрустнула ветка, хрустнула едва слышно, но я застыл и сморщился, словно мне наступили на любимую и горячо лелеемую мозоль. Ах как не вовремя! Спасибо воровской удаче, я пока что слишком далеко от огня, и меня не могут услышать.

"Следует быть осторожнее, Гаррет", — в сотый раз подумал я и, переложив нож из правой руки в левую, вытер вмиг вспотевшую ладонь. Давно я так не нервничал.

Наконец меж древесных стволов мигнул огонек костра. Я нырнул к ближайшему златолисту и, прижавшись к стволу, стал всматриваться в густеющие сумерки. Вновь мигнул огонек, задрожал, исчез и опять появился.

"Осторожнее, Гаррет! Осторожнее! Поспешай медленно!"

Ну я и поспешил. Крайне медленно. Едва ли не на карачках. Чтобы, не дай Сагот, меня не заметили. Вначале огонек костра был размером всего

лишь с жалкую песчинку, потом с мой ноготь, затем в половину ладони. Сумерки сменились ночью. Запах готовящейся еды, запах мяса, которого я не пробовал вот уже кажется сотню лет, бередил разум и заставлял желудок призывно урчать. Огонь манил, и я осторожно приближался к нему, все ближе и ближе. Тихо и незаметно.

До костра еще оставалось метров пятьдесят, и я остановился, спрятавшись за очередным древесным стволом. Силился рассмотреть, кто сидит возле огня, но тщетно. Из моего укрытия обзор был поганым, и кроме отблесков огня я ничего рассмотреть так и не смог.

Я сделал шаг вперед, и тут же на меня обрушилось небо. Оно со всей силы хрястнулось мне на спину и заставило зарыться лицом в листья. Я дернулся, попытался вслепую отмахнуться ножом, но кто-то излишне расторопный крайне невежливо наступил мне на руку. Я взвыл и разжал пальцы. Они мне были как-то дороже, чем нож. Попытался перевернуться — не получилось. Брыкаться не имело смысла — тот, кто упал на меня с дерева, уселся мне точнехонько на лопатки, и ногами я его достать не мог. Впрочем, как и сбросить — гад отличался изрядным весом. Поначалу я думал, что на меня упала рысь или еще какая лесная кошка, но кошки, насколько я знаю, не обездвигивают руку, держащую оружие. Трепыхаться я бросил только после того, как второй враг уселся мне на ноги и заломил левую руку за спину. Я взвыл. Парень едва не вырвал мне руку из плеча. Затем настал черед правой руки, но я разом поумнел и перестал сопротивляться. В итоге процедура вышла не такой уж и болезненной. Тот, кто сидел у меня на спине, ничего не говорил, лишь держал свою лапищу на затылке и заставлял вдыхать запах прелой листвы и сырой земли. К этому времени второй надежно связал мне запястья веревкой. Все это было сделано быстро и совершенно молча. Угу! Чем дальше, тем веселее. Наконец тот, кто сидел у меня на ногах, встал, но его товарищ даже не подумал совершить благородный поступок и слезть с Гаррета. Он лишь схватил меня за волосы, оттянул мою голову на себя, так что слезы из глаз брызнули, а затем приставил мне к горлу что-то острое и жутко холодное. Я счел за умное впериться в небо и помалкивать.

— Так, так, так, — проговорил тот, кто стоял. — Как-то глупый мотылек, прилетел на огонек... Кого на огонек нам духи леса принесли?

— Мартышку, полагаю, — проговорил тот, кто держал меня за волосы.

— Переверни его.

Волосы мне сразу же отпустили и нож убрали, а затем достаточно бесцеремонно перевернули, но, чтобы я не рыпался, предусмотрительно поставили ногу мне на грудь, да так, что я едва мог вздохнуть.

Разглядеть, кто стоит надо мной, я не смог. Темные силуэты. То ли люди, то ли эльфы, то ли орки.

— И вправду мартышка, — хмыкнул перевернувший меня. — Карад драг'су'ин'тар? (Отправим его во тьму? (Орк.))

— Кро! Алле бар натиш, китал у Багард. (Нет! Отведем к костру, Багард сам разберется. (Орк.))

Тьма знает, о чем эти ребята талдонили, но этот язык, вне всякого сомнения, — орочий. Разумно рассудив, что люди вряд ли будут болтать на таком ужасе, я вычеркнул их из списка. Остаются орки или эльфы. Между тем эти двое продолжали трепаться друг с другом, причем один постоянно говорил "кро", а другой все время поминал какого-то "тара". Вроде ребята никак не могли прийти к единому мнению. Я попытался сказать свое веское слово и пошевелился. Тут же нога стоявшего на мне парня надавила несколько сильнее, и я, напоследок огорченно клякнув, заткнулся. Наконец говоривший "тара" сдался.

— Хорошо, одним больше, одним меньше. Берем его. — Эти слова уже были для моих ушей. Меня рывком поставили на ноги.

— Будешь дергаться, мотылек, не долетишь до огня. Мы обожжем тебе крылья прямо здесь, это понятно или мне тебя ударить?

— Я понял.

— Вот и чудесно. — Меня довольно невежливо толкнули в спину. — Мисату но алдди Олаг. (Приглядывай за мотыльком, Олаг (орк.))

— Мисата. (Пригляжу (орк.))

Глупец! Я как-то не подумал, что вокруг костра могут быть выставлены секреты и охрана.

Меня вновь толкнули в сторону костра. Что же, мои пленители были правы — я словно мотылек полетел на огонь, и в итоге мне обожгло крылышки.

Глава 13

В плену

Вежливыми манерами мои спутники не отличались, и если тот, кто сидел у меня на ногах, лишь поторапливал, то второй постоянно толкал в спину, и я едва не падал. Наконец мы вышли на небольшую лесную полянку, где горел костер. Возле костра сидело человек (или не человек) десять. Еще несколько стояли или лежали в отдалении от огня, и я попросту не мог их сосчитать. Многочисленная компания.

— Гхей Багард! Масату нер ашпа туг Олагэ перега! (Эй, Багард! Посмотри, кого мы с Олагом поймали! (Орк.)) — крикнул Здоровяк.

Фигуры у костра зашевелились и встали на ноги. Меня подтолкнули поближе к огню. У ребят, пленивших меня, была смуглая кожа, желтые глаза, черные губы, клыки, волосы цвета пепла.

"Эльфы!" — обрадовался я, а затем пригляделся и очень, очень расстроился. Сбылись мои опасения. Из двух зол я угодил к худшему. Эльфы никогда не собирают волосы в хвосты, эльфы не такие массивные, и эльфы никогда не носят ятаганы.

Вековая тьма и все боги Сиалы вкупе с проклятушим Хозяином! Первые! Я угодил в лапы к оркам! Хотя мне немножечко повезло. На желто-коричневых одеждах Первых были нашивки клана Ходящих по ручью, а это намного лучше, чем встреча с теми же Груунскими ухорезами. Во всяком случае, меня не будут убивать сразу.

— Где вы нашли это? — спросил невысокий орк.

— Ходил вокруг костра, Багард, — переходя на человеческий язык, заговорил Нездоровяк.

— Мартышка была одна?

— Да, прежде чем его схватить, мы осмотрели окрестности. Он был один. Олаг подтвердит.

Нездоровяк кивнул. Орки вновь перешли на свой язык, быстро переговариваясь. Я стоял, словно баран, и ожидал, что же из всей этой канители выйдет. Вроде Багард был главным в этом отряде, во всяком случае, он произнес несколько резких фраз, и шестерка Первых скрылась в ночных зарослях.

— Оружие? — Багард вновь заговорил на людском языке.

Олаг протянул командиру мой нож. Багард бесстрастно повертел клинок в руках и передал одному из орков, стоявших рядом с ним.

— Это все, Фагред? — Вроде Первый был немножечко удивлен.

— Да, — кивнул Здоровяк.

— Обыскивали?

— Нет.

— Он не слишком похож на воина, — сказал один из орков.

— Сейчас мы все узнаем, к костру его!

Фагред и Олаг подхватили меня под руки и поволокли к огню. Я, понятное дело, ожидая того, что сейчас мне начнут поджаривать пятки, начал сопротивляться, но орк, завладевший моим ножом, от души дал мне под дых, и сопротивляться сразу как-то расхотелось. Теперь была только одна забота попытаться вдохнуть. Меня бесцеремонно усадили возле огня, и Фагред стал задавать вопросы:

— Кто ты? Сколько вас? Что ты делаешь в нашем лесу?

Каждый вопрос орк сопровождал звонкой оплеухой. Если учесть размер его лапищ — а орк был ничуть не меньше того же Медка, — то я вполне справедливо опасался за целостность своей головы. Увы, ответить я ничего не успевал, потому как оплеухи сыпались на меня с той же скоростью, что и вопросы.

А вопросы чередовались в крайне быстром темпе. Когда Фагред стал задавать их по пятому кругу, все более распаляясь от моего молчания, раздался голос Багарда:

— Хватит!

Фагред, недовольно ворча, отошел.

— Обыщите его.

Меня вновь поставили на ноги, сняли сумку, ловко прошлись по одежке.

— Недл кро. (Ничего нет (Орк))

— Говорил же я, что это на воина не похоже, — пробурчал один из орков и подбросил в огонь еловых веток.

К этому времени вернулась шестерка воинов, посланных Багардом в разведку. Один из Первых отрицательно покачал головой и убрал стрелу в колчан.

— Если он не похож на воина... — Желтые глаза Багарда внимательно изучали меня. — Шокрен, проверь мартышку!

Из тени вышел орк, и я похолодел — у парня на голове был странный головной убор, слишком уж сильно смахивающий на шляпу шамана. Вот только шамана до полной кучи мне и не хватало! Шокрен чем-то неуловимо напоминал Багарда, видать, ребята были родственничками. Шаман подошел и, не прикасаясь ко мне, молча провел открытой ладонью.

— Шея, — буркнул Шокрен, и чьи-то проворные руки враз избавили меня от медальона-капельки Кли-кли. Шаман удовлетворенно кивнул. — Рука, левая.

Браслет Эграссы лег рядом с медальоном Кли-кли.

Шокрен довел ладонь до моих сапог и сказал:

— Все, он чист.

— Что за безделушки? — Олаг вертел в руках браслет из красноватой меди.

— Долго объяснять. — Шокрен убрал медальон-капельку к себе в сумку, а затем взял из рук Олага браслет.

Подержал в руках, внимательно изучил, а затем бросил на траву и скомандовал:

— Все назад!

Орки послушно отошли, причем Олаг взял заботу обо мне на себя и без всяких разговоров оттащил в сторону. Между тем шаман что-то пробормотал, сложил пальцы левой руки в замысловатый кукиш, и браслет Эграссы расплавился, превратившись в маленькую лужицу.

— Теперь они тебя не найдут, мартышка, — усмехнулся шаман.

— Поводок? — со знанием дела спросил у Шокрена Багард.

— Да.

— Низшие?

— Их поделка.

Низшие? Так Первые называют эльфов, если не ошибаюсь. Кстати, теперь Эграссе будет достаточно проблематично меня найти.

— Так наш мотылек спутался с этим стадом? — нехорошо хмыкнул Фагред.

— Дайте мне его сумку, — внезапно сказал шаман.

Кто-то из Первых тут же протянул Шокрену мою сумку. Надо ли говорить, что случилось, когда шаман выудил из нее Рог Радуги? Естественно, обычные орки ничего не поняли, но Шокрен, Багард и Олаг многозначительно переглянулись. У шамана так вообще руки затряслись.

— Что это? — вытянув шею, осторожно спросил Фагред.

— Это то, что поможет Руке в битве с Низшими, — благоговейно пробормотал Багард. — Запомните этот день, воины.

— Ай да мотылек! — Олаг криво усмехнулся. — Какие еще сокровища ты нам приволок?

Шокрен аккуратно положил Рог на расстеленный кем-то из воинов плащ и вновь взялся за мою сумку. Горсть плодов с презрением была отброшена в сторону, затем из сумки появился Ключ. Слеза дракона

сверкнула в свете костра, и из глоток Первых вырвался единый восхищенный выдох. Похоже, все знали, что сейчас сжимал в руке шаман. Тот держал Ключ двумя пальцами, словно боялся, что реликвия возьмет и исчезнет.

— Ключ от Створок! — выдохнул один из воинов.

— Верно, легендарный Ключ. Вот только как реликвия Низших попала к человеку? — Шокрен посмотрел на меня. — Ты был в Храд Спайне?

— Да. — Я не видел смысла врать.

— Это оттуда? — шаман кивнул на Рог.

— Да.

— Хорошо. — Видимо, орк был вполне удовлетворен моими односложными ответами.

— Больше никаких подарков мотылек нам не принес? — поинтересовался Фагред.

Шаман молча перевернул сумку, и на орочий плащ обрушился изумрудный дождь. Кто-то из Первых тихонько хмыкнул.

— Что с ним делать, Багард? — спросил Фагред.

Командир отряда безразлично пожал плечами:

— Нам лишние рты не нужны.

Огромный орк понимающе усмехнулся и взялся за нож.

— Погоди, Багард. — Шокрен складывал все сокровища обратно в сумку. Эта мартышка не так проста, как кажется. Когда будет свободное время, я с ним поговорю, да, думаю, и Рука тоже.

— Рука далеко, — нахмурился Багард. Орки отчего-то совершенно не желали разговаривать на своем языке.

— Отошлю к нему ворона с посланием, он решит, как распорядиться всем этим. В любом случае Мотылек послужит хорошей ставкой на Празднике середины осени. Отправь мартышку к остальным.

— Хорошо, — согласился Багард, а затем заговорил на орочьем.

Первые, видимо, потеряли ко мне всякий интерес и, возбужденно переговариваясь, стали рассаживаться вокруг костра. Шаман перекинул мою сумку через плечо, думаю, теперь он с ней не расстанется, даже если на него нападут все темные эльфы Черного леса. Проклятие! Орки завладели Рогом Радуги и Ключом! Узнай об этом Эграсса, его паралич от огорчения разобьет! Вроде бы орки не обращали на меня никакого внимания, и я решил рискнуть, то есть смыться. Лучше бегать по Заграбе со связанными руками, чем оставаться в обществе Первых. Естественно, за глупость следует платить, ну я и расплатился. Фагред, как оказалось, глаз с меня не спускал, и пробежал я не больше шести метров. Проклятый

желтоглазый ублюдок догнал меня, сбил с ног и со всей дури прошелся кулаком по затылку. Да так прошелся, что в глазах вспыхнуло сразу пять лун и я потерял сознание.

— Да оставь ты его, все равно долго никто из нас не проживет.

— Это мое дело, лучше дай воды, человек.

— Разбежался, зеленый. На этого типа Первые порцию не выделяли!

— Дай ему воды, Киор.

— Дай ему воды, Киор. Дай ему воды... Вечно ты так! Бери, зеленый.

На лоб легло что-то до жути приятное и холодное. Я счел за лучшее открыть глаза.

— С пробуждённицей вас.

Я изумленно уставился на говорившего. Вроде не сплю, а видения продолжают. Или это все-таки сон?

— Кли-кли, ты?! — прохрипел я, пытаюсь сесть. Лучше бы я этого не делал. Земля и деревья враз закружились, и я со стоном рухнул на подстилку из еловых веток.

— Ошибся, паренек, — между тем хмыкнул гоблин и убрал с моего лба мокрую тряпицу.

Да я и сам теперь видел, что это не Кли-кли. Гоблин был гораздо старше королевского шута. Его кожа казалась светло-зеленой и потускневшей, кустистые брови, нос крючком, половины зубов как не бывало, и глаза не нежно-голубые, а фиолетовые. Да и сам гоблин был похож на маленькую сморщенную зеленую обезьянку.

— Я...

— Ты совершил достаточно большую глупость, пытаюсь убежать от Первых. Как тот громила тебя не убил, вот чему я не перестаю удивляться! Как ты?

— Голова болит, — поморщился я и сделал вторую попытку встать.

На этот раз получилось, и земля даже не закружилась.

— Не волнуйся, скоро твою голову отчекрыжат, и ничего болеть не будет, — закашляли сбоку от меня.

Я счел нужным скосить глаза и увидел говорившего. Это был огромный детина, по глаза заросший густой черной бородой. Он с вызовом выдержал мой взгляд и снова закашлялся.

— Это Киор, — пояснил гоблин, и любви в его голосе к этому лохматому чуду природы я что-то не услышал. — А это Мис.

Рядом с Киором сидел сухощавый мужик лет сорока пяти. Лысый, кареглазый, усатый. У него было кое-как перевязано правое плечо. Мис

приветливо кивнул:

— Добро пожаловать в нашу невезучую компанию, парень.

— Воин? — спросил я, найдя в себе силы кивнуть ему в ответ.

— Угу, — ответил мне Мис и закрыл глаза.

Что ж, я не ошибся. Вот только как воина Пограничного королевства занесло в эти дебри?

— У тебя имя есть? — между тем спросил меня гoblin.

— Гаррет.

— А я Гло-гло, — ощерился зеленый. — Будем знакомы.

Над Загрой просыпалось утро, но света было мало, так как небо обложило тучами и вот-вот должен был пойти дождь. Костер в середине поляны едва горел, большинство орков спали. Лишь несколько часовых у самой кромки леса несли службу. Правда, не сомневаюсь, что Багард расставил секреты по всем окрестностям. Это же сколько я провалялся? Целую ночь?! Крепкая, однако, у Фагрета рука! В затылке пульсировала тупая боль, и я, морщась, приложил к нему левую руку. Тут только до меня дошло, что руки уже не связаны.

— А незачем, — словно читая мои мысли, ответил гoblin. — Куда ты тут сбежишь? Вон глянь!

Я посмотрел в сторону, указанную гoblinом. На суку ближайшего дерева тихонько покачивался повешенный за ноги человек.

— Это напарник нашего Киора, — охотно пояснил мне Гло-гло. — Он вчерась вздумал сбежать, ну его и подвесили в назидание остальным. И живот на всякий случай вспороли.

— Помолчал бы, зеленый! — зло сверкнул глазами Киор.

— Намолчался уже, хватит! — Гoblin уселся рядом со мной и зашептал мне на ухо: — Не обращай на него внимания, Гаррет. Киор — браконьер, охотился в орочьих угодьях на золотую кошку, а Первые его поймали. Вчера, кстати, поймали, часа за три до твоего появления. У орков был удачный денек.

— Ясно, — пробормотал я, хоть как-то пытаюсь остановить поток его красноречия.

— Ты-то как в Загре очутился?

— Гулял, — хмыкнул я.

— Ох уж эти мне тайны, — вздохнул Гло-гло. — Это ты Киору можешь рассказывать, что просто гулял. Думаешь, я не видел, что Первый достал из твоей сумки?

— Откуда ты знаешь, что это такое? — любопытствовал я.

— Я как-никак шаман.

Я недоверчиво хмыкнул.

— Обычно шаманы в руки к оркам просто так не попадают.

— Это если они перед этим не потеряли бдительность, — огорченно вздохнул Гло-гло. — Я и вправду шаман.

— Тогда что ты здесь делаешь?

По мне, раз гоблин шаман, то уж должен был найти способ смыться.

— То же, что и ты. Вот. — Гоблин показал мне руки, на которые были напялены варежки.

Странные, надо сказать это были варежки. Во всяком случае, на каждой варежке был замок и стягивающая цепочка. Выходило нечто вроде кандалов. Просто так их не снимешь. Хотя замочки были пустяковые, и думаю, постаравшись, я смог бы их отомкнуть. На каждой из варежек были начертаны какие-то руны.

— Это зачем?

— Чтобы я колдовать не мог, — расстроенно прокряхтел шаман. — Варежки ограничивают движения пальцев, а руны не дают волшебству работать, и пока на мне эти орочьи штуки, ни о каких заклятиях и речи быть не может. Попытаться-то я могу, но что в итоге у меня выйдет, неведомо даже лесным духам.

— И после этого некоторые еще пытаются утверждать, что шаманство лучше волшебства? — в общем-то ни к кому не обращаясь, пробормотал я.

Но Гло-гло услышал и, приняв мои слова на свой счет, обиженно засопел.

— Дай срок, освобожу руки, тогда-то они у меня попляшут! — мстительно процедил гоблин, с прищуром наблюдая за спящими орками.

— Если только тебе раньше руки не отрубят, — "обнадежил" Гло-гло Мис.

— Не отрубят, — беспечно отмахнулся гоблин. — До Праздника середины осени я могу ничего не опасаться.

— А что будет потом? — спросил я.

— Суп с котом! — отрезал все еще дувшийся на меня Гло-гло.

Между тем стал накрапывать мелкий дождик. А мелкий дождик поутру — это не самый приятный подарок. Лагерь постепенно просыпался. Несмотря на дождь, орки вновь разожгли костер. Багард сновал среди Первых, отдавал приказания, и воины достаточно бодренько их исполняли. Я заметил шамана, так и не расставшегося с моей сумкой. Вроде бы я даже закрипел зубами с досады. Ну что мне стоило не лезть на рожон, а обойти костер стороной и дождаться, когда меня нагонит эльф?! Так и лезет в голову фраза, услышанная еще в седые времена моей жизни близ Рыночной

площади Авендума. Тогда в нашем бараке жила одна женщина, и была она великолепной рассказчицей. Многие считали ее ведьмой и называли Темной звездой, хотя на самом деле звали ее Гатти и никакой ведьмой она не была, уж я-то знаю это точно. Так вот, однажды она сказала: пошел стричь овец, а вернулся бритым наголо. Это просто про меня, не находите? Пошел куда не надо, и орки тут же остригли меня по самое не хочу.

Орки занимались своими делами, мы мокли под дождем. Идиллия, одним словом. Так прошло часа два, и, несмотря на непрекращающуюся изморось, я умудрился задремать. Разбудили меня отчаянные тычки Гло-гло. Я сонно захлопал глазами, пытаюсь выяснить, что происходит.

— Началось, — произнес Мис, а затем грязно выругался.

— Чего началось? — не понял я, но никто из моих товарищей по несчастью не счел нужным ответить.

Все как один смотрели на середину поляны. Я, так и не получив разъяснений, тоже стал наблюдать за суетящимися орками. Кто-то заливал костер, кто-то поспешно складывал вещи. Двое орков приволокли из леса огромный пенёк. Это еще на кой?

— Сколько их?

— Сколько кого? — Мис удосужился мне ответить.

— Орков.

— Девятнадцать. Они — передовой отряд, за темными гнались. Эльфами. Отряд эльфов хорошо погулял в орочьих угодьях, а команда Багарда ринулась в погоню и в итоге поймала не только эльфов, но и всех нас, — сплюнул Гло-гло.

— Они поймали эльфов? — Положительно я сегодня очень туго соображал.

Впрочем, со мной такое частенько бывает после того, как приложат по башке чем-нибудь тяжелым.

— Ну не всех... — протянул Гло-гло, наблюдая, как Фагред устанавливает пенёк на середине поляны. — Тех, кому не повезло погибнуть в бою. Вон они, кстати.

Из-за дерева, где висел один из пленников, восьмерка орков вытолкнула четверых эльфов. Было слишком далеко, чтобы я мог рассмотреть лица пленных и гербы их домов, но то, что один из четверых был женщиной, — несомненно. Выглядели эльфы не очень живописно, словно побывали в комнате, набитой взбесившимися кошками. На Вторых живого места не было, обработали их хорошо. Один из эльфов еле шел, и его поддерживали двое товарищей. Эльфов вывели на середину поляны, где уже собрались все орки, и Багард коротко кивнул.

— Что они хотят с ними сделать? — спросил я, хотя уже и так знал ответ.

Расправа была быстрой и кровавой. Орки не стали изощряться в пытках и тому подобных эльфийских шалостях. Первые попросту поочередно уложили эльфов на импровизированную плаху, и огромный Фагред топором отрубил темным головы. Орки бесстрастно наблюдали за казнью, а когда все было кончено, отволокли тела к висевшему на дереве покойнику.

— Вот и все, — кашлянул гоблин.

— Похоже, еще не все, — процедил Мис, внимательно наблюдая за действиями орков.

Я проследил за его взглядом, и в животе у меня все заиндевелось. Багард указывал Первым на нашу притихшую кучку. От отряда отделились трое воинов, которые пошли в нашу сторону.

— Я просто так не дамся, — пробормотал воин Пограничья. — Пусть поищут себе другого барана на заклятие.

Мис сжал рукой невесть откуда взявшийся у него короткий острый сучок. Таким вполне можно было ударить в глаз или в шею. Весь вопрос — дадут ли орки ему это сделать? Двое воинов подошли к нам, и я поджал ноги на тот случай, если Мис решит действовать и мне придется пнуть ближайшего орка под ноги. Но Первые, не обращая никакого внимания на меня и Миса, схватили разом побледневшего Киора под руки и поволокли к плахе. Траппер орал и вырывался до тех пор, пока третий орк не саданул его пяткой копья в живот.

— Почему его? — хриплым голосом спросил я.

— Он браконьер, — неохотно сказал Гло-гло. — Когда его поймали, нашли несколько шкур золотых кошек. А браконьер для орков все равно что лесоруб.

Воящего Киора подтащили к плахе, но не положили на нее, а просто растянули на траве, как для четвертования, и Фагред поднял свой страшный топор. Два быстрых удара — и вопль браконьера перешел в хрип.

— Спаси нас Сагот, — пробормотал я и отвернулся. Орк отрубил человеку обе руки по самые плечи.

— Сагот здесь не поможет, — сказал Мис. — Сюда бы два десятка наших Лесных котов, да с луками...

Киор между тем затих. Никто из орков не подумал перевязать страшные раны, и браконьер очень быстро умер от потери крови, а если боги были милостивы, то он потерял сознание сразу после расправы. Орки между тем подвесили обезглавленные тела эльфов рядом с уже висящим

приятелем Киора и теперь насаживали головы темных на вбитые в землю колья.

К нам подошел Олаг, внимательно осмотрел всех троих и произнес:

— Посмотрите на висящее мясо и запомните: то же самое будет с вами, если хотя бы один из вас вздумает бежать. Вам понятно, мартышки, или мне объяснить еще раз?

— Не считай нас глупее себя, орк, — кашлянул Гло-гло. — Мы не глухие и все поняли.

Похоже, шаман несколько не опасался, что Первый сделает ему больно. Олаг хмыкнул и посмотрел на гоблина, словно впервые его увидел.

— Ну, раз тебе понятно, зеленый, собирай мартышек в путь, мы выступаем.

Сказал и ушел.

— Куда мы выступаем? — спросил я, ежась от проклятой влаги, льющейся с неба.

— Туда, — неопределенно буркнул гоблин и закутался в плащ.

* * *

Ни о каком побеге не могло быть и речи. Нас троих поставили в середину цепочки, и сбежать так, чтобы тебя не заметили, было достаточно проблематичным делом. Также не стоило забывать, что сзади шествовал Олаг, беспечно мурлыкая песенку, и Фагред с топором. Последний внушал мне заметные опасения, потому что как только я встречался с ним взглядом, орк мечтательно улыбался и поглаживал свое оружие. Понятное дело, о чем думал этот парень. Он не успокоится, пока не снесет мне черепушку. Так что мне придется постараться и отсрочить удовольствие этому громиле на как можно более длительный срок.

Дождь, по счастью, кончился, но было не настолько тепло и сухо, чтобы я чувствовал себя уютно. Так что приходилось ежиться, стучать зубами и молиться, чтобы боги распугали тучи и показали солнышко. Впереди меня семенил маленький Гло-гло. Он постоянно кашлял, кряхтел и тихонько ругался сам с собой. Орков вроде бы это забавляло.

— Эй, парень! — позвал меня Мис.

— Ну? — спросил я, не оборачиваясь. Незачем привлекать к себе лишнее внимание Первых.

— Ты вроде Сагота поминал. Ты вор?

— В точку попал, — сказал я, перешагивая через лежащую на

звериной тропе толстую ветку.

— Как тебя сюда занесло?

— Прекратить разговоры, мартышки! — рявкнул Фагред. — Наговоритесь на привале!

Пришлось заткнуться, благо я уже успел понять, что Фагред шутить не любил и терпимостью Олага не отличался.

Багард вел отряд куда-то на юг, в глубь Заграбы. Не могу сказать, что мы путешествовали по лесу прогулочным шагом, но и не очень-то торопились. Даже коротконогий Гло-гло был в состоянии поддержать заданный орками темп. Багард, надо отдать ему должное, беспечною не страдал, поэтому несколько орков все время шли впереди нас, разведывая местность на предмет возможных неприятностей вроде эльфийских стрелков или задремавшего Х'сан'кора. Мимо, спеша к голове нашей маленькой колонны, протопал Шокрен. На плече шамана примостился здоровый ворон. Я бросил полный вожделения взгляд на свою сумку, болтающуюся на боку у орка. Шокрен заметил мой интерес и нахмурился. Я видел, как шаман нагнал Багарда и, указав на меня, что-то сказал ему. Багард задумчиво кивнул и остановился, дожидаясь, когда я до него доковыляю. Ой, что-то сейчас будет!

Багард дождался, когда я с ним поравнялся, и пошел рядом.

— Мой брат сказал, что тебе следует выдать куртку.

Признаюсь честно, эта фраза поставила меня в тупик.

— Был бы очень благодарен, — осторожно проговорил я.

— Мне не нужна благодарность мартышки, — отрезал орк. — Ты низшее существо и, что самое забавное, даже не можешь этого понять. Фагред, скелл драго си ллост! (Фагред, дай ему свою куртку(Орк))

Тьма знает, чего там Багард протявкали, но идущий позади нас Фагред недовольно заворчал:

— Прза? Шедо тна гхону! (Зачем? Он все равно подохнет!(Орк))

— Не сейчас. Он может понадобится Руке, или ты хочешь, чтобы мартышка сдохла от холода в дороге?

Огромный орк сразу перестал спорить и спустя минуту протянул мне выуженную из заплечного мешка кожаную куртку с капюшоном. Одежка к тому же оказалась еще и с меховой подкладкой. Просто какой-то день сюрпризов! Правда, куртка была несколько большего размера, чем требовалось, но, понятное дело, я и не думал жаловаться. Сразу стало теплее. Вот только радости в желтых глазах Фагрета по поводу жертвования куртки Гаррету я не увидел. Боюсь, он поставил в памяти еще одну зарубку на предмет расправы над некой не в меру говорливой

мартышкой.

Трижды мы останавливались на привал. Один раз нас соизволили покормить, а затем снова погнали в дорогу. Когда Багард остановил отряд на ночевку, я без всяких колебаний рухнул на землю.

— Не время спать, Мотылек! — Фагред пребольно пнул меня прямо в бок. Вначале следует сделать себе постельку.

Пришлось встать и, скрежеща зубами на проклятого орка, сгрести в кучу опавшие листья. Затем мне и Мису дали задание наломать еловых веток, и только после этого орки оставили нас в покое. Приперся Шокрен, поводил руками и вновь свалил.

— Это что?

— Это такая маленькая тревога, — охотно объяснил мне Гло-гло. Выйдешь за границу круга, и начнется шум, все орки сбегутся.

— Что-то я не вижу никакого круга.

— Ну ты даешь, человек! — искренне удивился старый шаман. — По-твоему, орк дурак? Все так и задумано, чтобы ты его не увидел!

Стемнело. Орки разожгли костер и словно забыли о нас. Да и чего им о нас вспоминать?! Волшебство Шокрена делает за них всю работу. Затем Первые стали готовить ужин, и мне приходилось глотать слюну, чтобы не захлебнуться. Удивительно, но, когда еда была готова, пришел Олаг и еще один орк. Они оставили нам вполне приемлемую порцию мяса и флягу с водой. Выходит, морить нас голодом в планы Первых не входило.

За едой постепенно разговорились. Гло-гло насел на меня по поводу Рога Радуги, и пришлось рассказать настырному гоблину краткую и хорошо подчищенную версию истории. Вроде бы старый шаман остался доволен моим рассказом и отстал.

— А ты как здесь очутился, Мис? — спросил я воина Пограничья, когда с едой было покончено.

— Да эти... — неохотно кивнул в сторону Первых пожилой воин. — Ты знаешь, что такое дальний рейд?

— Представляю, — ответил я ему. — Это нечто вроде забавы у Диких, когда они до Игл Стужи доходят?

— Во-во, — хмуро подтвердил Мис. — То самое. А у нас дальний рейд это прогуляться по Золотому лесу и посмотреть, хорошо ли ведут себя орки и не собираются ли они чего-нибудь учудить. Ну вот и попали мы с ребятами в переделку. Эти на нас с деревьев словно переспелые груши посыпались, никто из наших пикнуть не успел, всех перещелкали за милую душу. А меня этот ихний колдунец скрутил. На забаву.

— Понятно, — сочувственно ответил я Мису. — Гло-гло, ты так и не

сказал, зачем мы им живые нужны и куда нас ведут.

— Зачем ты им живой нужен, и так понятно. Будет к тебе со временем важный разговор. А мы им живые — ради забавы, хотя, я думаю, и ты не избежишь нашей участи. — Гоблин отвечал, развалившись на еловых ветках.

— Ты о чем?

— Будто не догадываешься? — весело закудаhtал Гло-гло.

— Вот не поверишь, ничего не понимаю.

— В Лабиринт нас ведут. В Лабиринт, парень! Знаешь такое чудненькое местечко?

— Слышал, — сказал я, перепугавшись до безумия.

— Слышал, — передразнил меня гоблин. — У этих желтоглазых крыс скоро Праздник середины осени. А какой это праздник без гоблина в Лабиринте? Ты думаешь, они такие добрые, раз меня не убили? Это они меня до их сраного Лабиринта берегут, потому и стерпят почти любую гадость, что я им скажу!

— Эй вы! Обезьяны! Пожрали? Тогда дрыхните, завтра снова в дорогу! — Рыкнул кто-то из часовых.

* * *

Была середина ночи, а я так и не смог заснуть. Видно, сказывалась новость о том, что меня собрались засунуть в Лабиринт. Костер едва горел, орки спали, и лишь тени часовых то и дело пересекали поляну. Этой ночью было не так холодно, как предыдущей, хотя, по словам Гло-гло (сейчас тихонько посапывающего у меня под боком), уже наступил октябрь. Звезды на небе так и не появились, но бледный призрак луны присутствовал. Я все еще думал, что нахожусь во власти очередного кошмара, и надеялся вот-вот проснуться в Костяных дворцах. Рог Радуги в лапах орков, я в плену, впереди маячит безрадостная перспектива Лабиринта, а друзья-соратники не могут прийти мне на помощь просто потому, что какой-то не в меру умный шаман взял да и расплавил браслет. Бежать, во всяком случае пока рядом Шокрен и Фагред, не представляется возможным. Да и куда мне бежать? Вокруг чащобы, а орки здесь как дома, враз найдут, и тогда поминай как звали. Да и Рог останется у шамана... Что остается? Остается только ждать подходящего случая и улыбки удачи. Теша себя безумным призраком надежды, я наконец-то провалился в сон.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего. Моросил мерзкий дождик, но на этот раз я чувствовал себя вполне комфортно, благо куртка Фагрета защищала от мелких капризов осенней погоды. Мы топали по желто-красному, все еще не отошедшему от ночной дремы лесу.

Полдня нам пришлось плутать по болоту, заросшему сухим камышом. Тьма знает, зачем Багард нас сюда привел, но я вдоволь напрыгался с кочки на кочку. Скажу вам, что впечатления от прыжков достаточно яркие. Когда находишься в воздухе, а под тобой темная нетронутая гладь воды, где скрыта вечно голодная бездна болота... Каждый прыжок приходилось рассчитывать, но в итоге одного орка отряд Первых все же недосчитался.

Это случилось под вечер, когда уже все устали прыгать по проклятому болоту. Один из орков не рассчитал длину прыжка и рухнул в воду всего лишь в полтора метрах от островка, на котором росла одинокая чахлая осинка. Достать Первого не успели. Он сразу ушел под воду с головой, и сколько бы ни бесился командир орков, отобрать воина у бездны не удалось. В итоге после пятиминутных попыток нащупать палками утонувшего орки продолжили путь, а черная и сразу же успокоившаяся торфяная вода выдала нам на прощание всего лишь несколько пузырьков.

Фагрет рвал и метал, и я старался не попадаться ему под руку. Тяжелее всего было Мису, который после каждого прыжка морщился и шипел, сказывалась боль в плече. Гло-гло так вообще должен был загреметь в болото. Шаман гоблинов не отличался большим ростом и прыгучестью. По приказу Багарда Олаг отдал свое оружие на попечение дружка Фагрета и взял Гло-гло себе на закорки.

Гоблин, конечно, не удержался и тут же съязвил, что свершилось форменное чудо — впервые гоблин катается на шее орка. Олаг тут же снял Гло-гло с закорок, взял его за шкурку и погрузил в болото по пояс, любезно поинтересовавшись, не собирается ли зеленая гнида заткнуться и, если нет, не разжать ли Олагу руку и не отправить ли никчемное низшее существо прямоком в Лужу бездны? Гло-гло, враз поняв, что его шутку Олаг не оценил, нижайше заверил Первого, что он будет нем, как белка, обожравшаяся орехов. Видимо, орк удовлетворился обещанием Гло-гло и вновь закинул гоблина себе на плечи, даже не посмотрев на то, что шаман насквозь мокрый. Гло-гло, кстати, сдержал свое обещание и до того момента, как отряд добрался до нормальной земли и Олаг освободился от

ноши, гоблин не произнес ни слова, лишь кряхтел, когда Первый перепрыгивал с кочки на кочку.

— Гло-гло, — обратился я к гоблину. — А чего мы через болото поперлись?

Мы шли по широкой тропинке, протянувшейся меж старых обветренных каменюк, разбросанных в зарослях то ли терновника, то ли еще какой неизвестной мне растительности.

— Через Лужу бездны-то? — уточнил шаман. — Так быстрее, пусть и опаснее. Если бы мы обходили болото, потеряли дня четыре, а так за половину денька управились.

— Поскорей бы уж привал, — сплюнул идущий позади меня Мис и тут же словил тычок Фагреда.

— Устали, мартышки? — поинтересовался орк. — Только скажите, и я облегчу ваши страдания. Навечно.

Естественно, никто и не подумал ему отвечать. Мало удовольствия получить еще один пинок от эдакой скотины.

— Через полчаса стемнеет, — буркнул Мис.

— Почти пришли. — Гоблин потер ноющую спину. — Сейчас сами все увидите.

И действительно, не прошло и десяти минут, а кусты растительности сменились красными кленами, а те в свою очередь уступили место мощным кряжистым дубам. Каменюки перестали быть каменюками и стали походить на древние развалины. Еще несколько минут, и я уже шел по городу, пускай этот город и был разрушен намного сильнее, чем город Чу. На земле остались лишь едва видимые остовы бывших фундаментов зданий да разбросанные вокруг деревьев каменные глыбы и плиты. Ни одного целого строения за все время нашего пути по развалинам я так и не увидел. Лишь однажды я заметил поваленную колонну, больше чем наполовину вросшую в землю. Дубы здесь стояли чуть ли не сплошной стеной, и мне пришлось протискиваться между стволами, чтобы попасть в центр кольца, образованного деревьями. Очередная шутка природы, или деревца посадили чьи-то заботливые руки? Очень уж мне это место напомнило кольцо златолистов у входа в Храд Спайн. Броди я по этим местам один, без чуткого надзора орков, никогда бы не догадался, что за стеной деревьев может что-то скрываться.

Прямо в центре большой поляны, уже изрядно поросшей побегами молодых дубков, возвышалась круглая каменная площадка, а из нее вырастал высокий ослепительно белый иглообразный обелиск. Он словно бы впитывал в себя окружающий свет и даже на фоне величественных

деревьев казался истинным совершенством.

— Единственное, что уцелело в этом городе, — безразлично кивнул в сторону сооружения Гло-гло, никак не разделяя наших с Мисом восторгов по поводу красоты этого места. — Все остальное — труха времени.

— Это город Бу? — спросил я у старого гоблина, припоминая давние рассказы Кли-кли.

— Нет, это Безымянный город, — ответил Гло-гло. — А откуда это ты знаешь о городе Бу?

— Знакомый гоблин просветил.

— Ох уж мне эти знакомые гоблины. Как ты там говорил его зовут? Кли-кли?

— Да.

— А где он сейчас?

— Где-то возле входа в Костяные дворцы.

Гло-гло недовольно нахмурился, но промолчал.

Нас, как пленников, усадили у самой границы дубов, и Шокрен вновь очертил волшебный круг, чтобы мы, не приведи боги, не слиняли. Мартышек к обелиску пускать никто не собирался. А жаль. Очень уж мне хотелось дотронуться до странного камня. Я физически ощущал исходящее от него тепло.

— Гло-гло, ты не знаешь, кто построил это чудо? — поинтересовался я у располагавшегося на ночлег гоблина.

— Те, кто был до орков и огров, — ответил мне гоблин, когда я уже стал думать, что шаман решил пропустить мои слова мимо ушей. — Давайте спать, думаю, сегодня нас кормить уже не будут.

Гло-гло ошибся, буквально через час нам принесли еду и, о спаси меня боги Сиалы, вино! Настоящее орочье вино, которое редко кто из людей мог попробовать по причине нежелания орков делиться с мартышками такими вещами (единственное, что орки могли выдать людям задарма, — это ятаган в шею). Так что когда стемнело, мы устроили себе маленькое пиршество. Олаг был настолько любезен, что принес факел на длинном шесте и установил его рядом с нашей тюрьмой, у которой не было ни стен, ни решеток.

— Первые даже решили осветить нашу трапезу, — прочавкал вмиг проснувшийся Гло-гло.

— Жди! — фыркнул Мис, нюхая вино во фляге. — Это чтобы за нами присматривать было сподручнее.

— Да уж не дурак! — хмыкнул Гло-гло, запихивая в рот здоровый кусок мяса.

— Чего это они так расщедрились? — спросил я, поглядывая на сияющий во мраке обелиск.

— Так мы же ценные пленники. Да и завтра никуда идти не надо. Теперь небось проторчим здесь дней шесть, не меньше. Можем расслабиться.

— А ты-то откуда знаешь, зеленый? — Мис протянул флягу мне, и я в ответ благодарно кивнул.

— Я все же шаман как-никак, — обиделся гоблин. — Часа два назад, аккурат после болота, к Шокрену ворон с посланием прилетел.

— Ты еще и читать на расстоянии умеешь? — изумился я.

— Да какое там! — отмахнулся Гло-гло. — У нас, гоблинов, просто слух хороший. Куда лучше, чем у вас, верзил. Ну я и услышал, как Шокрен этому Багарду говорил. Смысл сводился к тому, что надо вести отряд в Безымянный город и ждать у Обелиска древних, когда подойдет другой отряд орков. А так как тот отряд только у Лисьих холмов, то идти им до нас как минимум дней шесть.

— Кстати, а ты не знаешь, сколько отсюда до Восточных ворот Храд Спайна? — как бы между прочим спросил я у шамана.

Гло-гло быстро зыркнул на меня из-под насупленных бровей и ответил:

— Если в ваших лигах, то не знаю, не понимаю я по-вашему. А если днями... Ну ты будешь топать все две недели, а то и больше, я за полторы, если приспичит, управлюсь. А орки и эльфы, коли прижмет, в неделю обернутся. Думаешь, твои знакомые тебя еще ждут?

Я пожал плечами:

— Даже если и ждут, то думают, что я под землей.

— Или мертв, — "обнадежил" меня Гло-гло. — Браслет-то твой уничтожен, и тот, кто его тебе дал, вполне может посчитать тебя покойником.

— Весточку бы им послать, — попросил я у гоблина, надеясь, что шаман тут же устроит для меня чудо.

— Как? Птичку попросить? Или мотылька? Так такое только в сказках бывает. Все, давай спать, завтра наговоримся. Скоро полночь.

* * *

Кошмары — это мой бич. А уж после Храд Спайна ночи не проходило, чтобы на меня не обрушивалась какая-то гадость. Вот и сегодняшней

ночью мне снилось, что я вновь нахожусь в комнате с опускающимся потолком, только на этот раз никакой дыры в полу не существует, и мне остается только метаться из угла в угол и ждать, когда шипы потолка до меня доберутся. Просыпаюсь за секунду до того момента, как меня должно приплюснуть. Сажусь, трясую головой. Кое-как прихожу в себя, осматриваюсь.

Судя по луне, до рассвета еще больше трех часов. Факел, оставленный Олагом, потух, и никто не позаботился заменить его новым. На поляне весело полыхало сразу четыре костра, да и от обелиска света было вполне достаточно, чтобы видеть лежащих тут и там орков. Не спал только один тот, кто поддерживал огонь. Странно... Первые настолько уверены в себе, что даже не выставили охрану... Впрочем, я их понимаю, это место вселяло во всех присутствующих чувство безопасности и защищенности.

Все спят, а это великолепный шанс сбежать, если бы не проклятуций защитный круг Шокрена. Интересно, не будь у Гло-гло на руках варежек, он смог бы разрушить магию орочьего шамана? Я вот уже второй день цеплялся за пока еще безумную идейку — освободить старого гоблина от его волшебных кандалов. К сожалению, замки, удерживающие варежки на руках гоблина, при должном изучении оказались довольно хитрой штукой, и отомкнуть их с помощью обычной щепки и думать не приходилось. Нужно было что-нибудь тонкое и железное, а такой безделушки в наличии ни у меня, ни у Миса, ни у Гло-гло не находилось. Так что оставалось только ждать, что представится шанс и я смогу отомкнуть миниатюрные замки.

"А вдруг Гло-гло просто треплется?" — подумалось мне.

Может, из него такой же шаман, как и из Кли-кли? Тогда освобождать гоблина от оков было бы явным самоубийством. Но выбора-то нет, не так ли?

Наконец удовлетворившись тем фактом, что если мне суждено зажариться от магии гоблина, то зажарюсь я в компании орков, я вновь улегся с намерением поспать хотя бы до утра, но не вышло, так вас растак! Совершенно случайно я бросил взгляд на остатки нашей трапезы и так и остался лежать с открытым ртом. Прямо на недоеденном куске жареной лосятины сидел стрекозел. А рядом с ним крутился флини, пытаясь отвертеть плотно завинченную крышку фляги с вином (мы с Мисом специально оставили немного вина на завтра). Мое сердце отчаянно заколотилось. Только бы не спугнуть! Только бы не улетел!

Я осторожно приподнялся на локте и прошептал:

— Эй, флини!

Он подскочил и, развернувшись, выхватил миниатюрный кинжальчик. Стрекозел тоже оторвался от еды и, тревожно мекнув, подлетел к своему хозяину. К моему глубокому сожалению, этот флини был мне не знаком и не имел ничего общего с Аарроо г'наа Шпоком. Даже кудряшки у малыша были не золотыми, а черными, хотя на сей счет спорить я бы не стал. Как говорится, ночью все кошки серы.

— Отвали, дылда! — Флини угрожающе взмахнул своим смехотворным оружием.

— Не думал я, что флини воры.

— Я не вор! — Оскорбился парень. — Это еда ничья!

Я огорченно цокнул языком:

— Еда моя, и ты это прекрасно знаешь.

— Ну и ладно! — буркнул флини, в раздражении забираясь на стрекозла. — Смотри не подавись, жадина!

— Постой! — поспешно шепнул я.

— Чего тебе? — довольно неприветливо спросил он меня, но стрекозел завис в воздухе. Я отчаянно подбирал слова:

— Мне нужно, чтобы ты передал сообщение.

— Не катит! — фыркнул недомерок. — Я с вашим народом не желаю иметь никаких дел!

— Я заплачу!

— Не катит! Что ценного может быть у пленного, которого орки обыскивают по пять раз на дню?

Но улетать гаденыш не спешил. Ждал. А вдруг у меня все же найдется что-то такое... И это "что-то" у меня нашлось. Шокрен прозевал или не почувствовал дар мертвого короля эльфов. А может, перстень и не обладал никакими магическими штучками, и биение сердца в черном бриллианте просто-напросто было каким-то фокусом. Так или иначе, а перстень, спрятанный под перчаткой, все это время находился на моей руке, но теперь с ним придется расстаться. К сожалению, я недолго владел этой драгоценностью, но сейчас у меня есть шанс с толком распорядиться подарком мертвого короля. Я помнил слова Кли-кли о том, что флини сходят с ума по всяческим перстням и кольцам. Снял с руки перчатку и показал карапузу перстень. Даже сейчас, в свете белого обелиска и холодной луны, в глубине камня отчаянно трепетал огонек, вторя бешеной пляске моего сердца.

— О-о-о-о... — неожиданно тоненьким голосочком протянул флини.

Маленькое создание было не в силах оторвать от перстня взгляда. Я сел, и стрекозел опустился к моим ногам. Сняв перстень с пальца, я

покрутил его в руке, заставляя черный бриллиант ловить скупые лунные лучи и превращать их в ледяную феерию пламени. По-моему, флини находился в глубочайшем экстазе.

— Это достаточно ценно, для того чтобы ты выполнил простую работу?

Парень нашел в себе силы кивнуть, но взгляда от перстня так и не отвел:

— Я Иирроо з'маа Олок из ветви Озерной Бабочки. Что я должен сделать за это?!

— Ты можешь освободить нас и вывести так, чтобы орки ничего не заметили?

— Нет. — Он с сожалением вздохнул. — Может, я смогу сделать для вас что-то еще?

Флини был сама любезность.

— Я отдам тебе перстень, если ты передашь сообщение.

— Согласен! Какое, кому и куда? — поспешно затараторил маленький разносчик новостей.

— Лети к Восточным воротам Храд Спайна, найди Эграссу из дома Черной луны или милорда Алистана Маркауза и передай им, что Гаррет жив и он в плену у Первых. Рог тоже у орков, и меня ведут к Лабиринту. Также скажешь, где ты меня встретил. Это ясно?

Флини, как заморский попугай, повторил все сказанное мной. Я удовлетворенно кивнул и положил перстень на землю. Стрекозел тут же упал на драгоценность, и флини поспешно, боясь, что я передумаю, привязал перстень к брюху своего летающего зверька. Я наблюдал за флини и, если честно, немного нервничал. Душу грызли вполне понятные сомнения — парень получил плату вперед, а сделает ли он работу или полетит прямиком домой, да еще и посмеется потом в компании своих родственничков над тем, как здорово облапошил дылду?

Наверное, на моей физиономии что-то такое было, потому как флини зыркнул на меня и понимающе усмехнулся:

— Расслабься, человек. Мы всегда выполняем свою работу, это профессиональная этика.

Ни хрена себе он словечки знает! Ну, раз "профессиональная этика", значит, могу быть спокоен.

— Их может не быть у ворот.

— Мне не впервой. — Флини безразлично пожал плечами. — Поищу по окрестностям. Давно они могли оттуда уйти?

Я прикинул:

— Три-четыре дня.
— Отлично! Бывай, человек!
— Когда ты окажешься у спуска в Храд Спайн?
— Сегодня к полудню, — ответил флини и, заметив мой недоуменный взгляд, ухмыльнулся: — У нас есть свои маленькие тайны путешествия по Заграбе, иначе новости, что мы разносим, потеряли бы свою ценность из-за упущенного времени.
— Поторопись, флини.
— Не учи ученого, человек! То, что ты мне отдал, — бесценно, и я, так и быть, из чистой любезности, после того как найду твоих друзей, предупрежу кого надо. Вперед, Лозирель!
Прежде чем я успел спросить, кого это флини решил предупредить, стрекозел скрылся в ночном лесу, унося своего маленького седока и мою большую надежду.
— Будем надеяться, что флини найдет твоих друзей и они успеют нас вытащить, — прозвучал голос, и я, вздрогнув, обернулся.
На меня с усмешкой смотрел старый гоблин. Гло-гло все то время, что я разговаривал с флини, и не думал спать.

* * *

В профессии вора одна из неоспоримых добродетелей — умение ждать. На крыше здания, в темном пыльном закутке, по горло в дерьме — не важно где ты находишься и кого поджидаешь, но если ты терпелив, то тебе всегда будет сопутствовать удача. Поэтому после того как флини улетел, я постарался выбросить его из головы, иначе время бы тянулось катастрофически медленно.

Прошло четыре дня, а орки и не думали никуда уходить. На нас Первые в общем-то не обращали никакого внимания, разве что Олаг проверял, не затеваем ли мы какой каверзы, да Фагред бросал в нашу сторону хмурые взгляды. Внимания обращать не обращали, а кормить — кормили. Не секрет, что впечатление от орков всегда строится на досужих вымыслах и легендах. Редко кому из писавших научные труды о расе Первых удавалось увидеть этих самых Первых живьем. Поэтому и в моем представлении (в особенности после краткого знакомства с орками на капустном поле и в некоторых снах-явях) Первые были жестокими, грубыми и неотесанными созданиями, а в итоге... В итоге по характеру они так походили на эльфов, что впору было диву даваться. Правда, чему тут

удивляться? Ближайшие родственнички, побори их тьма! Единственное отличие — орки на дух не переносили чужаков и считали все другие расы намного ниже себя.

Но вернемся к заблуждениям. Я вот лично думал, что нас, по крайней мере, будут держать на голодном пайке, ежедневно избивать, вгонять под ногти раскаленные иглы и чинить тому подобные зверства. В итоге все оказалось совсем иначе — никто и не думал нас трогать (пара тычков от Фагрета не в счет), а кормили и вовсе замечательно, и наша еда ничем не отличалась от еды орков, правда, вина больше не давали.

Погода улучшилась, ветер унес тучи и дождливые облака куда-то на юг, к Горам карликов, и небо вновь поражало осенней синевой, так красиво гармонировавшей с желтыми листьями деревьев. К тому же еще и потеплело. Наверное, последняя, ну, может, предпоследняя более-менее теплая неделя в этом году. Пускай Заграба и находится на юге нашего королевства (ха! Это у наших дворян такое мнение. Эльфы и орки считают несколько по-иному, и королевство лесов к Валиостру никоим образом не относят), но скоро и сюда приползет северная мерзопакостная погодка. Пока же можно было вдохнуть полной грудью запах еще не опавших листьев, понежиться под ласковым и не жестоким, едва теплым октябрьским солнышком и в сотый раз попытаться изобрести Великий и Ужасный план похищения Рога Радуги и побега. Конечно же ничего умного в голову не приходило, а планы, начинающиеся с "отнять у орка ятаган, порубить всех в капусту и стать победителем и героем", отвергались сразу и безо всяких сожалений. Так что оставалось только ждать, ждать и еще раз ждать.

Дважды к Шокрену прилетали вороны, но что было в принесенных посланиях, нам оставалось только догадываться. Гло-гло все дни сидел нахохлившись под старым залатанным плащом и лишь иногда язвительно отвечал на наши вопросы или вставлял ничего не значащие реплики во время наших с Мисом диалогов. Основным занятием старого шамана оставалось быстрое и едва слышное бормотание себе под нос. То ли гoblin совсем из ума выжил на старости лет, то ли даже несмотря на варезки готовил какое-то заклинание. Скорее всего, мое второе предположение было верным, так как, если рядом появлялся кто-то из орков, Гло-гло вмиг затыкался, а уж как на горизонте начинала маячить рожа Шокрена, старый шаман и вовсе притворялся спящим.

Я, припоминая выкрутасы Кли-кли и то, как он спалил дом с шайкой Неназываемого, старался держать ухо востро. Не приведи Сагот, гoblin решит побаловаться волшебством. Да нет, я, конечно, не сомневаюсь в

способностях гоблина, просто, имея на руках варежки, он вполне может чего-то там перепутать, не довести палец до нужного положения, и в итоге его хитрое шаманство подарит нам, к примеру, не крылья, а воз гарракского перца в зад. А такое при должном "везении" и "умении" вполне могло произойти. Огрехи волшебства, так сказать.

Мис поначалу не был склонен к задушевным беседам, но со временем оказалось, что житель Пограничья — прекрасный собеседник. Рана воина постепенно затягивалась, а орки, проявив неслыханную заботу, выделили чистую тряпку и какую-то мазь для лучшего заживления. Гло-гло сунул в мазь нос, остался доволен полученным результатом и, посоветовав Мису почаще менять повязки, вновь принялся играть в шепталки.

На пятый день заявили Олаг и улыбающийся Фагред. У последнего в руках был моток веревки. В голову сразу же прыгнула нехорошая мыслишка о том, что кого-то сейчас вздернут.

— Мотылек, вставай! — приказал Олаг.

Как вы, должно быть, догадались, это предложение расстроило меня до такой степени, что я даже остался сидеть на месте.

— Куда вы его ведете? — вступился за меня гоблин.

— Не твоя забота, зеленый! — рыкнул Фагред.

— Вставай, Мотылек! Шокрен ждать не любит! Или мне тебя поднять? — поинтересовался Олаг.

Здрavo рассудив, что Шокрен — это не виселица, я встал на ноги, и Фагред тут же накинул мне петлю на шею, а другой конец веревки намотал себе на руку. Вот на таком импровизированном поводке меня и отвели к шаману орков.

Шокрен о чем-то разговаривал с Багардом, но, увидев, что привели меня, прекратил обсуждение.

— Перо ат за нукоку на тенши (Ведите это за мной (орк)), — сказал шаман и последовал в сторону обелиска.

Иногда я начинаю очень жалеть, что не знаю орочьего языка.

Фагред дернул веревкой, тем самым едва не сломав мне шею, и потащил за Шокреном. Олаг шел рядышком и иногда подталкивал в спину. Ну право слово, словно барана на ярмарку ведут! Естественно, возмущаться я не стал, так как упрячиться — это прекрасный шанс получить от Фагрета зуботычину.

Меня привели к краю леса, Шокрен уселся на землю и вперил в меня задумчивый взгляд. Разумеется, Гаррету сесть никто не предложил. Так что пришлось стоять, да еще и с этим глупым поводком на шее, и изображать из себя скупающего идиота. Вроде шаман немного расстроился, что его

обработка взглядом не дала желаемого результата и, состроив недовольную рожу, произнес:

— Мне нужно прояснить несколько деталей твоего появления в нашем лесу и узнать, как ты умудрился добыть Рог. Ты будешь отвечать или мне сказать Фагреду, чтобы он подвесил тебя ненадолго?

— Я буду отвечать, — поспешно вякнул я.

— Са'руум! — прошипел стоявший за моей спиной Олаг.

(Са'руум (орк) — уважительное обращение к шаману у орков).

— Я буду отвечать, са'руум, — послушно повторил я.

— Хорошо. Если я почувствую, что ты мне врешь, Фагред тебя подвесит.

Я покосился на довольную рожу огромного орка. Этот гад спит и видит, чтобы Шокрен уличил меня во лжи.

А затем посыпались вопросы. Естественно, несмотря на орочьи угрозы, я не собирался трепаться о Заказе. За четыре дня безделья вполне можно было придумать вполне правдивую легенду, просчитать все шаги, сделать пару отходов, и в итоге не то что какой-то шаман орков, даже мой дражайший знакомый, глава Ордена Валиостра Арцивус, никогда бы не отличил правду от лжи. Так что ушам Шокрена и моих охранников-поводырей была поведена душещипательная история старого и очень богатого графа, который поручил вору добыть для его коллекции какой-то неизвестный мне Рог. Отвалили гору золота, помогли добраться до Храд Спайна, а там боги направили. Взял Рог, по дорожке пособирал изумрудики и каким-то образом очутился в Заграбе. Как очутился? Знать не знаю, ведать не ведаю. Магия какая-то, шутки тьмы одним словом. Как ко мне Ключ попал? А очень просто, господин са'руум. Он у того, стало быть, графа в коллекции уже был, ему эльфы продали.

Олаг тут же громко фыркнул, показывая всему лесу, как он относится к эльфам, продающим собственные реликвии людям, но Шокрен цыкнул на воина и вновь начал задавать мне свои нескончаемые вопросы. Как добирался? С каким отрядом? Были ли в отряде эльфы? Угу, скажи вам, что эльфы были, так ко мне сразу же присобачат ярлык эльфийского прихвостня.

— Эльфов не было, — ляпнул я и тут же пожалел о сказанном.

Рожа у Фагрета стала какой-то уж очень, просто очень довольной.

— Ты врешь, — бесцветным голосом ответил мне Шокрен. — В городе Чу ты и твои друзья-мартышки убили наших воинов. Фагред единственный, кому удалось отступить. Подвесьте его!

— Вы убили моего брата! Раненого! — Фагред с силой дернул веревку,

и я рухнул на колени, хватаясь руками за затягивающуюся петлю.

"Жаль, что не удалось прикончить тебя!" — подумалось мне. А тьма, так вляпаться! Разговаривать с шаманом так же трудно, как с Вухджаазом. Опять пришлось импровизировать.

— Были эльфы! Были! — взвизгнул я, видя, как Олаг перебрасывает веревку через сук ближайшего дерева. — Только это были не совсем эльфы!

Шокрен вскинул руку, показывая воинам, чтобы они немного повременили с экзекуцией.

— Чего ты там лопочешь, мартышка? Как это не совсем эльфы?!

Как я там говаривал? Врать, так до синей луны?

— Они были ублюдками!

— Мы и без тебя знаем, что все эльфы ублюдки! — Фагред вновь потянул за веревочку.

— Да нет же! Отцами у них были люди, а матерями эльфийки!

Чем невероятнее вымысел, тем он больше похож на правду. Не знаю, возможно ли то, что я сейчас сочинил (вроде ничего такого нигде не было), но орки заглотнули наживку вместе с удочкой. Первые всегда были не лучшего мнения об эльфах и, услышав ТАКОЕ, поверили сразу и крепко. Олаг вроде выругался, на Фагреда смотреть было страшно и одновременно смешно, казалось, его вот-вот стошнит. Шокрен задумчиво потирал подбородок.

— Я знал, что они садисты, но чтобы с мартышками... так... — Олаг даже не посчитал нужным говорить на орочьем.

— Хорошо, тащите это обратно. У меня к нему еще несколько вопросов, — буркнул Шокрен.

Поняв, что вешанье пока отменяется, я немного повеселел. "Несколько вопросов" растянулись на добрый час, но, отдаю себе должное, я ни разу не запутался, хотя допрашивал меня шаман знатно. Наконец он встал с барабана и сказал:

— Уберите это, я узнал все, что хотел.

С этими словами орк направился к обелиску, а меня повели обратно к Мису и Гло-гло, которые находились на другой стороне поляны. На середине дороги Фагреду приспичило поиграться — он стал дергать веревку и, ухмыляясь, предлагать мне поиграть с ним в собачку.

— Давай, Мотылек, скажи "гав"! Ну чего тебе стоит? Ну же, давай! Скажи "гав"!

Каждое предложение сопровождалось рывком веревки. Я стоически молчал.

— Плохая собака! Плохая! Скажи "гав"!

— Хватит, Фагред, — одернул орка его товарищ. — Этот может еще понадобится.

— Шокрен узнал у него все, что хотел. Говори "гав", Мотылек, иначе мне придется тебя наказать!

— А когда придет время, на кого ты будешь ставить? — внезапно окрысился Олаг. — На зеленого или на ту раненую мартышку?!

Фагред нахмурился, задумался, а затем кивнул:

— Ладно, ты прав, Олаг. Пока можешь не гавкать, Мотылек, но твое время скоро придет. А вековый лес! Багард зовет. Пригляди за мартышкой, я сейчас вернусь!

Фагред передал веревку в руки Олага и потопал к командиру орков.

— Садись, — приказал Олаг и, показав пример, уселся прямо на покрывающие всю землю желтые листья.

Пришлось сесть. В принципе сейчас, один на один, я мог бы попытаться справиться с орком, но меня останавливали две вещи — кинжал, который Олаг вытащил, как только отошел его напарник, и то, что сейчас мы находились на просматриваемом месте. Пока я добегу до деревьев, меня попросту изрешетят стрелами. Так что приходилось сидеть рядом с Первым и ждать, когда вернется Фагред.

— Ты глупая мартышка, — неожиданно произнес Олаг. — Неужели тебе было сложно подыграть Фагреду?

— Я не считаю себя глупой мартышкой и не хочу развлекать твоего друга.

В разговоре с Олагом можно было позволить то, на что я никогда бы не решился в разговоре с Фагредом.

— Не мартышка? — В глазах орка зажглась едва заметная искорка любопытства. — А кто ты?

— Я? Но уж точно не обезьяна.

— Все люди обезьяны! — безапелляционно изрек Олаг. — Вы хуже животных, вы низшие, вы такая же ошибка богов, как и эльфы, что появились сразу за нами. Этот мир должен был принадлежать нам! Мы! Мы были его единственными хозяевами до тех пор, пока не появились низшие. Да, вы умеете говорить, но дай мне два месяца сроку, и я научу говорить ворона. Умение говорить не означает умение мыслить! Вы все, вы, появившиеся на нашей земле, вы, вырубавшие наши леса и не пускающие нас в наши же земли, вы ничуть не лучше грязных и вонючих обезьян, которые научились разговаривать и делать оружие!

Стадо тварей! Не будь вас, и на Сиале было бы намного лучше! Мы,

орки, Первые дети богов! Высшие! Почему мы должны делить Сиалу с эльфами, которые пришли в Заграбу на все готовенькое, когда мы уже выбили отсюда последних огров, потеряв тысячи?! Но эльфы это еще куда ни шло! Они жестоки и коварны, они много попортили крови моим братьям, но рано или поздно мы сомнем их! А вот люди...

Вы появились самыми последними, даже доралиссцы, это отродье козьих матерей, появились раньше вас! Вы появились в нашем мире, и мы прозевали эту угрозу! Глупцы! Пока мы воевали с эльфами и пытались выковырять из проклятых гор карликов и гномов, вы разбежались по всему миру и стало поздно. Больную чумой деревню следует сжигать сразу! Но вы даже хуже чумы! Вы хуже тараканов! Вы плодитесь со скоростью эльфийской стрелы и отличаетесь безумием бешеного волка! Вы можете только убивать и уничтожать все прекрасное, что есть в нашем мире! Люди — тупые мартышки, и вы не остановитесь до тех пор, пока не разорвете Сиалу на тысячу кусков, не упьетесь кровью как вином! Наш прямой долг — всеми силами остановить вас, стереть людскую расу с лица Сиалы, да так, чтобы даже памяти о вас не осталось! А когда последний из ваших детей утонет в океане, мы вернемся и расквитаемся с эльфами и со всеми остальными, что водят с вами дружбу.

Если опрокинем вас, значит, и других сомнем! То, что не получилось в Войну Позора (Война Позора — орочьё название Войны Весны), получится сейчас! Пока мы говорим с тобой, мартышка, Рука выводит моих братьев по оружию из наших городов, и скоро, очень скоро мы выступим из Заграбы, маршем дойдем до Авендума и Шамара, а затем настанет черед и других берлог людей! Мы не оставим камня на камне от вашего стада, потому что таким, как вы, не место в нашем мире. А то, что ты принес сюда, поможет нам в битве!

Я молча внимал. Проникновенная речь настоящего фанатика, впрочем, все они фанатики. Глаза орка горели золотым огнем, он то и дело сжимал кинжал, видимо собираясь пустить его в ход, если я начну ему возражать. Первые, Первые... Интересно, что бы он сказал, если бы узнал о Падших?

— Вы, не знающие чести животные, требуете от нас преклонения! Требуете союза! Требуете отдать вам наш лес, принадлежащий по праву Первых, пришедших на Сиалу! Как вы вообще что-то можете требовать от нас?! Как прожорливые червяки могут просить нас о чем-то, ответь мне, мартышка! Чем вы лучше животных?! Ну чем?! Эльфы хоть и достойны смерти, но хотя бы знают, что такое честь и гордость, а скот вроде вас достоин только смерти. Даже старший сын вашего короля и то безумен!

— Оставь его, Олаг, — неожиданно мягко произнес подошедший

Фагред. Он все равно ничего не поймет.

— Да, — выдохнул Олаг и убрал кинжал за пояс. — Не поймет. Вставай, Мотылек, и помни, если до того момента, как мы дойдем до вашего загона, ты еще раз посмеешь открыть рот, я вырежу тебе язык.

Я и не думал разговаривать. Меня тревожила очень нехорошая новость, что проскользнула в речи орка. Боюсь, что нынешней осенью Первые решили пощупать границы союзных королевств и устроить нам новую Войну Весны.

Глава 14

Лабиринт

Гло-гло ошибся — отряд орков, который мы поджидали все это время, явился не на шестой день, а на седьмой, да еще и к самому вечеру. За неделю мне орки обрыдли. Как говаривал милорд Альгерт, меня от них просто тошнило и меня они просто бесили. Конечно, больше всего неприятностей исходило от Фагреда — здоровенный орк просто не знал, что бы еще такое сотворить, и если бы не Олаг, синяков на мне было бы гораздо больше.

К шестому дню Багард стал заметно нервничать и ежечасно поглядывать на солнышко, поджидая, когда же соизволят припереться его родичи. Напряжение немного спало, когда к Шокрену прилетел очередной ворон. Гло-гло и в ус не дул, словно это орки были у него в плену, а не наоборот. Старый шаман все продолжал бормотать себе под нос гоблинские скороговорки и на мои опасливые взгляды лишь отвечал загадочными улыбочками, что, признаюсь, нервировало меня еще сильнее.

Мис последнее время больше спал или сидел, уставившись в одну точку, и иногда я не мог до него дозваться. Впрочем, и я от ничегонеделания потихоньку сходил с ума и старался либо спать (пока сапог Фагреда не прогонял сон), либо наблюдать за действиями и повадками орков, пока какая-нибудь клыкастая тварь не советовала мне (прошу отметить, что советовала она крайне невежливо и грубо) пойти поспать.

Слова Олага о том, что Первые после стольких столетий покоя решились пощекотать животы Валиостра и Пограничного королевства, никак не шли у меня из головы. Ну Пограничье, может, и устоит, а вот южные границы родного Валиостра (при разболтанных гарнизонах, где уже не помнят, как держать меч) дрогнут. И погонят Первые нашу армию до самой Иселины. Пока очухаются вояки, пока оттянут силы с севера и от Мирануэха, пройдет минимум неделя, а за это время орки много бед натворят. Да и выстоим ли мы, даже если армия подоспеет? Одна надежда на баронов — таких, как Оро Габсбарг, — да на города вроде Майдинга и Мойцига, что совсем рядом с Заграбой. Их стены смогут задержать армию орков, пускай и на непродолжительное время. Будем надеяться, будем надеяться...

Не забывал я о маленьком флини: если он выполнил мое задание и

нашел отряд, то помощь должна уже спешить. Вопрос — успеют ли?

Ну так вот, насчет прибывшего отряда орков. К вечеру где-то за деревьями прокричала птица. Орки, сидевшие возле костра и рядом с обелиском, встрепенулись, и кто-то из Первых прокричал на манер невидимой птицы. Птица ответила, и спустя несколько мгновений на поляну высыпали орки. Они все шли и шли, и, когда последний вышел из-за деревьев, я успел насчитать семьдесят шесть Первых — это без пленных. Основной массой пленников оказались эльфы, но было и четверо людей. Все люди — воины Пограничья, и Мис, заметив их, встрепенулся.

— Я их знаю! Это парни из гарнизона, что у Пьяного ручья. Как же их угораздило-то?! Неужто ты прав, Гаррет, и эти нелюди выступили?!

— Не думаю, — сказал Гло-гло. — Будь это так, пленных было бы гораздо больше. Наверное, как и ты, сунулись в Золотой лес и схлопотали по макушке!

— Все может быть, — вздохнул Мис.

— Сейчас опять начнется!

— Ты о чем, Гло-гло?

— Да все о том же, Гаррет. Эльфам сейчас бошки будут оттяпывать!

Гоблин оказался прав, но не совсем. Казнили только двух эльфов, да и то не здесь, а отвели куда-то в лес. Остальных под усиленной охраной и под приглядом Шокрена отвели к обелиску, да там и оставили вместе с людьми, видно, до лучших времен.

— А может, и не отрубят, — немного задумчиво протянул Гло-гло. Может, решили на этот раз сделать небольшое исключение и загнать темных в лабиринт.

— Ты не видишь, какие у них нашивки? — спросил я у гоблина.

— Да те же самые, что и у остальных, — Ходящие по ручью. Так себе клан, слабенький.

— Да нет же! Я про эльфов спрашивал!

— А-а-а... Вроде дом Черной воды. Те еще злыдни, они ближе всех к Золотому лесу из Темных домов, орки от них плачут кровавыми слезами, но теперь, видно, пришел черед эльфов плакать.

— Эльфы не плачут, — возразил Мис.

— Все плачут, Мис, все.

— Ну, тебе виднее, — не стал спорить с гоблином воин. — Вон, опять наши дружки идут.

К нам действительно направлялась неразлучная парочка — Олаг и Фагред.

— Готовьтесь, мартышки, через пять минут выступаем. Надеюсь, в

ваши тупые головы не закралась мысль сбежать? Если да, лучше скажите нам сразу. Уж лучше потерять голову сразу, чем болтаться на дереве выпотрошенными, словно рыбы.

Естественно, никто из нас бежать не собирался, а если и собирался, то мысли известить об этом Первых не возникло. Олаг удовлетворенно кивнул и, поправив ятаган, потопал к обелиску. Фагред было последовал за ним, но задержался. Он радостно осклабился и, схватив меня за волосы, прошептал на ухо:

— Вчера к Шокрену прилетел ворон, Мотылек. Ты больше не нужен, так что готовься побегать по лабиринту.

Сказав это, он, очень довольный собой, поспешил догнать Олага.

— Сожалею, мой мальчик. — Гло-гло, утешая, похлопал меня по плечу.

— Да я, собственно, не очень-то и расстроился, — нисколько не кривя душой, ответил я гоблину. — Рано или поздно...

— Мы еще повоюем! — хитро подмигнул мне гoblin.

Что же, очень надеюсь, что, если мы начнем воевать, орки запомнят нас на века, потому что таких воинов, как старый, немного свихнувшийся шаман и вор, по собственной глупости угодивший к Первым, надо было еще поискать.

* * *

— А этот Олаг не врал, — сказал Гло-гло, взбивая самый настоящий соломенный матрас. — Орки ушли. Все деревни пустые, женщины, дети, старики и минимум воинов. Первые оттянули силы на север. Ой, что-то будет!

— Не глупо ли? — Мис лежал, закинув руки за голову и вперившись в низкий потолок. — Пока они будут с нами разбираться, в их дома придут темные...

— Не скажи... Уверен, что на запад тоже оттянуты немалые силы и между Золотым и Черным лесом теперь прослойка из орочьих гарнизонов. Ни один эльф не просочится.

Может, гoblin и прав, кто знает? Во всяком случае, за те пять дней, что мы топали по Заграбе, орки только и говорили о великом походе. Мы все больше и больше отклонялись на юг, забираясь в сердце орочьих лесов. На пути нам то и дело попадались орочьи деревеньки. Впрочем, называть их деревеньками я бы не стал. Это были хорошо укрепленные и

замаскированные поселения. Сам лес защищал их обитателей от нападения врагов. Воинов в таких крепостях как раз столько, чтобы продержаться в случае неожиданного нападения. Дома мирных жителей выглядели основательными — из камня и дерева, а еще были домики, располагающиеся в два, а то и три яруса прямо на деревьях. Между деревьями были протянуты невесомые мостики, так что можно было вполне свободно перемещаться с одного дерева на другое, но только при том условии, что вы не боитесь запредельной высоты. Эти древесные мосты и домики были идеальным местом для лучников в том случае, если враг прорвет линию обороны и хлынет в селение. Пока противник будет бегать вниз, лучники соберут с него достойную плату, да и при попытке забраться на толстые, величественные деревья защиты от стрел не будет, и многие тоже полягут.

Последние две ночи мы провели именно вот в таких деревеньках. Нас троих держали отдельно от других пленных — как сказал Гло-гло, мы являемся собственностью Багарда. Мы его ездовые лошадки на Празднике середины осени. Нас берегли, кормили, укладывали спать под крышей какой-то лачуги, где нашлись даже соломенные матрасы. Но и охраняли нас знатно — кроме уже ставшего привычным круга Шокрена возле двери поставили стражника.

Погода за время нашего путешествия ничуть не изменилась. Все дни были очень ясными и солнечными, пускай и достаточно прохладными. Никакого намека на дожди, хоть сейчас и была почти середина осени.

— Завтра во второй половине дня будем у лабиринта, — как бы невзначай проинформировал нас Гло-гло. В животе у меня тут же неприятно закололо.

— А послезавтра гребаный орочий праздник, так что готовьтесь.

Гоблин вновь занялся бормотанием себе под нос, словно нас тут и не было вовсе. Побери меня Неназываемый, у всех гоблинов такая любовь испортить ближнему своему настроение перед сном! Или это мне так везет на придурковатых представителей зеленого племени?

* * *

И опять старый гоблин оказался прав! На следующий день, как только мы подошли к низеньким скалам, заросшим огненно-красным кленовым лесом, до лабиринта было рукой подать. Во всяком случае, так сказал гоблин — лично сам я никакого лабиринта не увидел. Кругом лес, кругом

эти низенькие скалы, больше похожие на холмы, кругом осенняя тишина. И маленькая орочья деревенька без всякого намека на стены или оборонительные сооружения.

— Это и есть лабиринт?! — Я еще ни разу так не разочаровывался.

— Да нет. — Гоблин невозмутимо пожал плечами, посмотрел на меня и тут же споткнулся о подвернувшийся ему под ноги корень. — А лесные духи! Чтоб вас всех! Лабиринт дальше, Гаррет.

— А ну заткнуться, твари! — рыкнул какой-то орк и угрожающе ткнул копьём в нашу сторону.

Пришлось повременить с разговором. Нас троих посадили в глубокую яму, что находилась на самом краю деревни. Сверху яму на всякий случай накрыли стальной решеткой.

— Весело, — крикнул Мис. — До решетки не достану, даже если прыгну. Коли пойдет дождь, вымокнем.

— Главное, чтобы не утонули, а вымокнуть — это не так уж и страшно, ответил Гло-гло. — Так о чем это я? А! Лабиринт! Так вот... лабиринт сразу за тем лесочком, что был от нас по правую руку. Минут десять ходьбы отсюда.

— То есть в десяти минутах от деревни расположен город? — уточнил я.

— Кто сказал? — выпучил на меня глаза Гло-гло.

— Ты сказал.

— Я ничего ни о каком городе не говорил, — возразил старый шаман. — Я говорил о лабиринте.

— А разве лабиринт и город — это не одно и то же? Ну, как Листва у эльфов.

Шаман бросил на меня крайне подозрительный взгляд и, поняв, что я и не думаю шутить, презрительно фыркнул:

— Так то Листва, а то лабиринт! Листва — это город Черного пламени, самый большой в Заграбе и бывшая, так сказать, столица эльфов до того, как между светлыми и темными пробежала кошка и появились Дома. Так сказать, первый изначальный город. А лабиринт... Тут ваши "знатоки" все перепутали. Лабиринт — это не город, лабиринт — это такое сооружение. Лабиринт в общем. В нем орки не живут, сюда Первые вообще-то приходят один раз в год, как раз к Празднику середины осени, чтобы, так сказать, развлечься и гоблинов попускать.

— Вот оно что... — протянул Мис.

— Только не ждите забитых трибун. Этот год будет самым неурожайным на аплодисменты. Орки вздумали повоевать, и не думаю, что

здесь соберется больше трехсот Первых.

— Ну и ладно... Хотя я думал, что Шокрен встретится здесь с Рукой и передаст ему Рог.

— Да нет, Гаррет. Рог — он не к спеху, да и Руке пока без надобности. Что он с ним будет делать? Пока Первые лоб в лоб не столкнутся с Неназываемым, которого они якобы номинально признали господином, Рог им без надобности. Да и чтобы с ним позабавиться, если я не ошибаюсь, потребуется не один Шокрен, а оч-чень могучая кучка ихних колдунцов. Так что Шокрен поначалу насладится бегам в лабиринте, а потом уже со всеми отрядами направится на север. По крайней мере, я так думаю.

— Он здесь единственный шаман?

— Откуда же мне знать? Я не провидец какой-нибудь. Надеюсь, что один, и буду очень надеяться, что он не так силен, как о нем думают, иначе цена моей магии — медяк.

— Ты варежки вначале сними, а потом колдуй, — хмыкнул Мис.

— Завтра тяжелый день. — Гоблин не стал спорить с воином. — Советую набраться сил, да помогут нам боги.

Я, конечно, тоже надеялся на богов, но обычно так случается, что, когда крепко прижмет, все боги находятся очень и очень далеко и приходится самому справляться со всеми кознями судьбы. Так что у меня вся надежда была только на себя да еще на отряд, который уже давно должен быть здесь.

* * *

— Поешь, Гаррет, — с набитым ртом предложил мне Гло-гло и протянул еду, которую еще ранним утром спустили нам в яму. — Сегодня ты должен быть сытым.

— Спасибо, не хочется, — буркнул я.

Мне действительно совершенно не хотелось есть, кусок попросту в горло не лез, хотя выпался я на удивление хорошо. Гоблин и Мис завтракали так, что аж за ушами трещало, а я все никак не мог отвлечься от доносившегося до нашей ямы гула. Орки, тьма их заberi, с раннего утра начали развлечение и уже успели кого-то вывести в лабиринт. Были ли это эльфы, или пленные воины Пограничья, или еще кто, я не знал. Рев толпы то затихал, то вновь усиливался, напоминая мне ворчание отдаленного грома.

— Развлекаются, падлы! — сквозь зубы процедил Мис, вслушиваясь в

крики толпы.

Никто ему не ответил. Я был на взводе, а Гло-гло все продолжал долдонить себе под нос гоблинскую скороговорку. Наконец, настал и наш черед принять участие в представлении. Решетка ушла в сторону, и на фоне облачного неба появилась рожа Фагреда. Он и еще какой-то незнакомый нам орк опустили в яму лестницу и гаркнул:

— Эй, лысая обезьяна! Пора на выход!

Мис не торопясь встал, потянулся.

— А мы? — тихо спросил я.

— Мы в следующий заход, — так же тихо ответил мне Гло-гло.

— Не поминайте, коли что, — попрощался с нами Мис и полез по лестнице наверх.

Он вылез из ямы, и орки вновь уложили решетку на место.

— Слушай меня очень внимательно, парень, — внезапно зашептал Гло-гло, опасливо поглядывая вверх. — Я до этого молчал, потому что не знал, с кем из вас пойду в связке, и сказать раньше — это значит почти упустить тот крохотный шанс, что у нас остался. Если уж лесные духи выбрали тебя в мои спутники... Слушай и запоминай, времени рассказывать второй раз у меня не будет. Молчи и просто слушай! Мне уже доводилось побегать по лабиринту, давно, больше тридцати лет назад. Тогда мне удалось уйти от Первых целым, так что я знаю, о чем говорю. В лабиринт всегда запускают шестерых-три пары. Каждую пару сковывают одной цепью. И сковывают совершенно по-разному, как лесные духи шепнут. Самый приемлемый вариант — рука-рука. Но могут быть и другие — рука-нога, нога-нога. Или еще хуже — нога-шея или рука-шея. Последние два для нас неприемлемы — если тебе навесят цепь на шею, а мне на ногу, мы долго не пробегаем, так что будем молиться, чтобы ничего такого не произошло. Когда нас поведут к лабиринту, не забудь хромать...

— Это зачем? — перебил я Гло-гло.

— Да слушай же ты! — окрысился гоблин. — Хромай, да так, чтобы все поверили. Иногда Первым приходит в голову идея, что их пленники слишком быстро бегают, а это не очень хорошо. Чтобы бегали медленно, некоторым из них подрезают сухожилие на ноге. Ты, надеюсь, не хочешь ползать по лабиринту? Правильно, что не хочешь.

Когда нас выпустят в лабиринт, мы должны будем добежать до его центра. В центре есть камень, нам достаточно встать на него, чтобы выиграть. Только это не так уж и легко, точнее, практически невозможно. Одна пара из пятидесяти добегают до камня. Если мы побежим по той дороге, которая ведет к камню, мы обречены, но есть обходной путь. Я

наткнулся на него в прошлый раз, когда по глупости побежал не в ту сторону. Путь охраняется "столбами", и если мы преодолеем их, то сможем пробраться через узкий лаз к камню. Шанс очень небольшой, но это лучше, чем бежать как все. Так что не сопротивляйся и не стой столбом, когда я понесусь в совершенно другую сторону.

— Что нас ждет в лабиринте, какие опасности?

— Во-первых, Охотники. Четверка орков. Их задача добыть наши головы, но и мы в свою очередь можем прикончить Охотников, и ни один из Первых, наблюдающих за этим дурацким спектаклем, ничего нам за это не сделает. Как Охотники будут нас ловить — все вместе или по отдельности, — я не знаю. Каждый раз у них это по-разному. Во-вторых, ловушки. Как простые, так и магические. С последними, думаю, я смогу справиться. В-третьих, твари. Они — порождения орочьей магии и бывают разных видов, но самые опасные из них это "столбы". Всех их можно убить, главное знать как, но будем надеяться, что нам не придется заходить столь далеко. Запомни главное — делай все, что я тебе буду говорить, как бы странно это ни казалось. Это понятно?

— Вполне. А орки об этом твоём тайном лазе знают?

— Знают, но не считают нужным его заделывать. Это вносит приятную сумятицу в их ставки. Слава лесным духам, что они даже и не подозревают, что я уже имел сомнительное удовольствие погулять по лабиринту.

— Эта информация могла бы спасти жизнь Мису.

— Что я тут могу сказать, Гаррет, — вздохнул Гло-гло, даже не собираясь оправдываться. — Может, ты и прав и это бы его спасло, а может, и не прав и он бы просто запутался в переплетении коридоров и не нашел нужной комнаты. Я знаю всего лишь одно: скажи я ему — и мой шанс выжить стал бы неизмеримо меньше. Орки никогда не допустят, чтобы второй раз за день кто-то уподобился крысе и пробрался по лазу к камню. Такая вот правда жизни.

Я ничего не сказал гоблину. Наверное, он был прав. А может, и нет. Кто знает? Не мне его судить.

Я вслушивался в отдаленный рев толпы и гадал: когда же наступит наш черед? Ждать, пока за нами придут, пришлось долго. Больше двух часов. Меня немножечко трясло, точнее колотило. Проклятая нервная дрожь выбивала из колеи, и я жаждал лишь одного: чтобы проклятушее ожидание раз и навсегда закончилось. Ну оно и закончилось. Решетка вновь отъехала в сторону, вновь опустилась лестница, вновь появилась рожа Фагреда.

— Ваш дружок отбыл в мир иной. Вылезайте, обезьяны, настала ваша очередь.

Значит, Мису не удалось. Да пребудет он в свете!

Как только я вылез из ямы, меня тут же повалили и связали руки, затем то же самое проделали с Гло-гло.

— Идете за мной, молчите, слушаете. Это понятно? — спросил один из орков.

— Нам понятно, — ответил Гло-гло.

— Перебирай ногами, Мотылек. — Фагред подтолкнул меня вперед, на этот раз в толчке не было никакой грубости. Бережет ездовых лошадок, гад.

Во всяком случае, я не забыл наказ старого шамана и картинно хромал, припадая на правую ногу.

— Что у тебя с ногой? — тут же пристал Фагред.

— Подвернул, когда в яму спускался, — соврал я. Фагред озабоченно нахмурился, но ничего не сказал.

— Прежде чем вы войдете в лабиринт, вас скуют цепью, — начал просвещать нас орк. — В лабиринте вы должны найти лежащий на земле треугольный камень. Встаньте на него, и игра закончится. За вами пойдут четыре Охотника — пытаться убить их не возбраняется. У вас есть право выбрать любое оружие из представленного. Время нахождения в лабиринте не ограничено. Это все. Вам понятно, или мне повторить еще раз?

— Мы все поняли, — ответил Гло-гло.

Интересно, орки действительно думают, что мы ничего с первого раза не понимаем? Крики толпы стали четче, деревушка осталась позади, клены разошлись в стороны, и перед нами открылась долина, зажатая покрытыми лесом скатами. В долине не росло ничего, в ней также не было никакого намека на реку. Создавалось впечатление, что в этих местах когда-то поработала магия. Во всяком случае, в пятидесяти метрах от нас долина заканчивалась обрывом, гигантской ямой, которая тянулась между нависшими скалами покуда хватало глаз. В скалах было вырублено нечто вроде смотровых площадок. Многие площадки оставались пустыми, на других можно было увидеть орков. Гло-гло немного ошибся в своих подсчетах — здесь было не двести и даже не триста Первых. По моим прикидкам, на горах, наблюдая за действием, разворачивающимся в яме, находилось более полутысячи орков. Выходит, не все отправились в поход на север.

— Ждем здесь, — буркнул Фагред, когда нас подвели к самому краю ямы.

Мне представилась уникальная возможность заглянуть вниз. Яма была

глубиной метров в двадцать пять. И вся перегорожена стенами, наставленными как попало, и именно этот хаотический беспорядок создавал то, что привыкли называть лабиринтом. Я был немного разочарован. Вот уж не думал, что грандиозное строение орков — это обычная, пускай и жутко огромная яма, в которой просто наставили перегородок. Перегородки были выполнены из какого-то дикого ползучего растения и несмотря на середину октября, зеленого. По крайней мере, мне так показалось.

— Гло-гло, что это там за цветочки? — тихонько прошипел я.

— Советую держаться от стен как можно дальше, — в ответ прошипел гoblin. — Это желтые глазки, и мало того что они жрут все что ни попадя, так еще и ядовиты.

— Спасибо, ты меня обрадовал.

В это время подоспел Олаг, и нас провели вдоль края ямы к лесенке, уводившей вниз. Спустившись, мы оказались в некоем загоне, отгороженном от основной части лабиринта мощной решеткой. Кроме нас с Гло-гло и шедшей за нами пятерки орков (в которую входили и Олаг с Фагредом, следившие, чтобы нам раньше времени не испортили шкуру), здесь находился еще добрый десяток Первых, а также двое людей и двое эльфов. Последние, хоть и были грязны и изрядно биты, держались подчеркнуто гордо, словно это орки, а не они были пленниками и лабиринт принадлежит им весь без остатка.

— Последняя партия? — спросил у Олага орк в кожаном фартуке.

— Да.

— Приступаем.

— Рука-рука, — ткнул он пальцем в эльфов.

— Нога-нога. — Настал черед людей.

Двое Первых стали старательно заковывать будущих беглецов по лабиринту в цепи. Кожаный фартук подошел к нам, на мгновение задумался и выдал:

— Шея-нога.

Гло-гло сдавленно застонал, но тут вылез Фагред и, схватив кожаного фартука за рукав, оттащил в сторону. Я смог заметить, как один из МОИХ изумрудов исчез в руке Кожаного фартука. Орк вновь подошел к нам, подумал и выдал:

— Рука-рука.

На мою левую руку надели тяжелый браслет, соединенный с точно таким же цепью длиной около метра. Второй браслет достался гoblinу и сковал его правую руку.

— Смотри не подведи нас, Мотылек, — угрожающе прошипел мне на ухо Фагред. — Мы слишком много на тебя поставили.

— Как быстро ты бегаешь? — спросил у меня кожаный фартук.

— Разве ты не видишь, что он хромает?! — Влез гоблин и тут же получил подзатыльник от Фагреда.

Но кожаный фартук, к счастью, от меня отстал.

— Как быстро ты бегаешь? — Кожаный фартук теперь обращался к одному из двух воинов-людей.

— Быстро, — хмуро ответил человек. — Так, что ты не догонишь.

— Это хорошо, — серьезно кивнул Кожаный фартук и отошел в сторону.

— Выбирайте оружие, и без глупостей!

Никто глупить не собирался, даже гордые и молчаливые эльфы. Не очень оригинальная идея — бросаться с мечом на орка, когда тебя держит под прицелом шестерка лучников.

На двух больших столах, находившихся возле самой решетки, была навалена целая гора оружия. Еще столько же лежало у стен. Естественно, ничего метательного или стреляющего. Ни луков, ни арбалетов, ни дротиков, ни метательных ножей, ни даже самой завалящей и простой пращи. Орки умны и не хотят, чтобы кто-то из пленников покусился на жизнь зрителей. Так что пришлось выбирать из колюще-режущего ассортимента. Пока мы с гоблином шастали меж столов, эльфы взяли себе по с'кашу, а парочка людей ограничилась мечом и одноручным топором. Я бы, конечно, взял нечто вроде копья или протазана — таким оружием можно любого врага (ну или почти) удержать на расстоянии, — но для этого требуется, чтобы обе руки были свободными. Да и с копьем много не набегашь. Так что после недолгих колебаний я выбрал короткий и широкий меч, который использует панцирная пехота. По длине он не слишком отличался от моего ножа, хотя и был шире и тяжелее его. Да и ножны прилагались, так что я мог не таскать оружие в руках. Гоблин осмотрел железки и разочарованно фыркнул, но затем, покопавшись в самой дальней куче, выудил длинный султанатский кинжал с пламевидным лезвием. Он для пробы несколько раз взмахнул оружием и засунул его себе за пояс.

— Все, выходите! — приказал кожаный фартук, и по его знаку орки стали поднимать решетку.

Эльфы не стали ждать, когда решетка поднимется, и, выскочив вперед, оказались в лабиринте. Темные что есть силы бросились прочь. Видно, у ребят тоже был какой-то план. По крайней мере, вместе с нами

преодолевать лабиринт они не собирались. Затем настал черед людей. Гло-гло тоже не стал терять времени даром и, потянув меня вперед, выскочил в лабиринт. Решетка за нашими спинами начала медленно опускаться, и в ее ужасном скрипе я едва смог различить крик кожаного фартука:

— Эй, бегун!

Мы все как по команде обернулись, и один из орочьих лучников всадил стрелу в ногу человека, который сказал, что он очень быстро бежит.

— Попробуй теперь побегать быстро, мартышка!

Орки заржали.

— А ты говорил, что они сухожилия подрезают, — буркнул я, направляясь к упавшему человеку.

— Времена меняют... БЕРЕГИСЬ!

Гло-гло отпрыгнул в сторону и рванул меня за собой. Как ни мал был гoblin, а силой он обладал еще той, и я едва удержался на ногах. Из прохода, куда совсем недавно убежали эльфы, выскочило два существа. Больше всего они походили на обычные человеческие скелеты, правда, несколько повыше ростом и с четырьмя руками вместо двух. А еще эти существа оказались точно такого же темно-зеленого цвета, как и стены лабиринта. Похоже, твари были не из костей и мяса, а из растений. По скалам загулял восторженный рев орков. Представление началось.

— Бежим! — проорал гoblin, пытаюсь перекрыть рев зрителей. — Им ты уже ничем не поможешь!

Кляня почему зря всех богов и проклятущего гоблина, я бросился за ним, плюнув на тварей, подбирающихся к двум воинам, и, следуя за гоблином, нырнул в какой-то узкий коридор с высоченными стенами. Маленький шаман оказался не в меру проворным, и я едва за ним поспевал.

— Влево... пропустить три коридора слева... направо... вперед... снова влево... — бормотал гoblin, ведя меня по только ему известному пути.

Я опасливо оглянулся назад, но зеленые твари, кажется, и не думали нас преследовать.

— Кто это был? — спросил я у Гло-гло.

— Порождения орочьего шаманства, в принципе неопасны, если не лезть им под ноги, — мелочь пузатая.

— То-то ты от них так дернул!

— Не отвлекай меня! Теперь вроде направо... Да! Сюда!

И гoblin вновь побежал вперед, увлекая меня за собой. За следующие три минуты бега я был полностью дезориентирован в зеленом лабиринте и послушно, словно собачка, бежал за гоблином. Наконец Гло-гло резко

свернул влево, и мы оказались в тупике.

— Приехали! — пропыхтел я, и горы ответили нам радостным гулом.

Скажите на милость, как орки могут нас видеть?! А ведь видят же, побери их демоны тьмы!

— Куда ты меня завел, Гло-гло?

— Помолчи немного и дай мне подумать! Я здесь тридцать лет не был, да и память уже не та. Та-а-ак где же я мог ошибиться?

— А может...

— Заткнись!

Пришлось последовать гоблинскому совету и подождать, когда его озарит очередная светлая идея. Я в который раз пожалел, что связался с гоблинами. У этих ребят ветер в голове, и они все всегда делают шиворот-навыворот.

Пока гоблин думал, я нетерпеливо переминался с ноги на ногу и опасливо поглядывал в глубину зеленого коридора. Слава Саготу, все было тихо (если не считать криков орков и отчаянного спора гоблина с самим собой). Теперь я мог как следует рассмотреть лабиринт. Зеленые заросли вздымались на десятиметровую высоту, и нечего было думать, чтобы в случае чего перелезть через стену. Мало того что высота запредельная, так еще все эти заросли настолько густы и шипасты, что просто страшно становится. А вот пол в лабиринте меня сильно удивил — все выложено мелкими серыми плитками, плотно подогнанными друг к другу. И кругом ни пятнышка грязи, словно здесь ежедневно убираются.

— Я не заметил ни одной ловушки.

— И не заметишь, — буркнул гоблин. — Все ловушки расположены на центральных тропах, а сюда обычно ни один дурак не забегает.

— Кроме нас с тобой, — съязвил я.

— Угу. Пошли, умник, я знаю короткий путь!

Гоблин повел меня в обратную сторону. Убедившись, что идет в правильном направлении, Гло-гло перешел на бег. Мы вновь погрузились в пучину лабиринта и носились меж зеленых стен, пока впереди не показалась тварь, как две капли воды похожая на тех двух, что напали на нас возле самого входа. Только этому созданию кто-то ретивый отрубил одну из четырех лап. Завидев чужаков, зеленый скелет бодрой трусцой направился в нашу сторону.

— А тьма! — выругался я и достал меч.

Гло-гло, видать, спятил, потому как ринулся навстречу нашей смерти, да еще и возмущенно зарычал, когда я попытался его остановить. Пришлось бежать следом за ним и надеяться, что он знает, что следует

делать. Гоблин внезапно остановился, выставил вперед руку, крутанулся вокруг своей оси, увлекая меня за собой, и, что-то быстро прошептав, зашевелил пальцами в рукавицах. Поначалу ничего не случилось, а затем спешащая к нам тварь остановилась, и на ней стали распускаться многочисленные желтенькие цветочки. То же самое сейчас происходило и с ближайшим участком стены.

— Отойдем-ка подальше на всякий случай, — совершенно спокойным тоном проронил Гло-гло. — Как бы чего не вышло.

Мы отступили назад.

— Второй раз так не получится, это заклятие лежало у меня еще до того, как мне надели варежки, — самодовольно объявил Гло-гло.

Между тем на стене и напавшем на нас существе живого места не было от желтеньких цветочков. Затем цветочки лопнули, и тварь развалилась, превратившись в нечто очень напоминающее высохшее сено. То же самое приключилось и с частью стены. Она попросту развалилась, открывая проход в соседний коридор. Как назло, из дыры тут же вылез не в меру удивленный орк. Первый был вооружен копьем с широким наконечником, что меня несколько не обрадовало. Заметив нас, орк перестал удивляться и занялся делом. Каким? Как это каким?! Конечно же попыткой добыть в качестве военного трофея бесценную голову некоего Гаррета, ну и гоблина по возможности. Надо ли говорить, что ни я, ни Гло-гло просто так, за здорово живешь не собирались отдавать собственные головы в лапы какого-то там Охотника. Поэтому мы понеслись в обратном направлении. Орк, на наше несчастье, соображал достаточно быстро и поэтому, потрясая копьем, устремился за нами в погоню. Орки-зрители заулюлюкали.

Я опять подчинился воле Гло-гло и просто бежал за ним. Гоблин добежал до перекрестка, куда-то там повернул парочку раз, и мы оказались в коридоре, который шел параллельно тому, где мы наткнулись на орка.

— Этот Первый думает, что он умнее меня, — неожиданно хихикнул старый шаман.

Точно свихнулся! Нашел время радоваться!

Разгадка радостного настроения гоблина открылась спустя несколько секунд — в стене зияла огромная дырища, появившаяся здесь благодаря гоблинскому шаманству, и, нырнув в нее, мы оказались в коридоре, откуда совсем недавно нам пришлось убегать.

— Теперь прямо... направо... прямо, миновать четыре перекрестка... так... третий... четвертый... на пятом налево...

Я удивлялся, как в голове у гоблина, побывавшего здесь всего один

раз, смог отложиться такой точный маршрут. Мы выскочили на достаточно большую круглую площадку, в которую открывались сразу шесть проходов, и бросились вперед.

— Третий по правую руку!

До нужного хода мы не добежали, так как Гло-гло прошипел:

— Замри и даже не шевелись!

Я покосился на шамана, превратившегося в некое подобие статуи. Чего это он? Затем мой взгляд переместился с гоблина на центр площадки. Там невесть откуда объявилось нечто зеленого цвета, похожее на помесь огромного мыльного пузыря и паука, с той лишь разницей, что вместо ног у существа были человеческие руки в количестве то ли шести, то ли восьми штук. Ни головы, ни глаз, ни рта я не заметил. Существо сидело, поджав под себя ноги-руки, и тихонько булькало.

— Гаррет, не дергайся и молчи. — Гоблин не спускал цепкого взгляда с паука. — Пока мы не двигаемся, оно нас не тронет.

— Что это? — опасливо прошептал я.

Гоблин не посчитал своим долгом мне ответить. Тут на площадку с копьем наперевес вылетел очень довольный собой орк. Заприметив паука, Охотник как-то сразу поскуцнел и тоже остановился. Паучок вскочил на ноги (точнее на руки), пробулькал к орку пару метров и вновь уселся на землю, как видно потеряв застывшую добычу из виду. Первый сверлил нас яростным взглядом желтых глаз, и я, не удержавшись и несмотря на катастрофическую ситуацию (судя по виду гоблина и орка), подмигнул Охотнику. Вроде мой жест расстроил орка до невозможности, и он даже зарычал. Паучок тут же придвинулся к орку еще на пару метров, и тому пришлось заткнуться. Хм, забавно, значит, Охотники, спускаясь в лабиринт за нашими головами, рискуют точно так же, как и мы.

Гло-гло вновь стал шептать себе под нос, а затем издал что-то вроде щелчка пальцами. Все это было сделано несмотря на то, что у шамана на руках до сих пор находились дурацкие варежки. Орк завопил от неожиданности и подскочил на целый метр, словно ему воткнули в зад раскаленную иглу. Паук проворно бросился вперед и схватил вопящего Первого всеми восемью руками. Что было дальше, я уже не видел, так как что есть мочи бежал следом за Гло-гло. Думаю, орку не стоило завидовать. Что же, от одного из Охотников мы избавились, и теперь их осталось трое. Наконец Гло-гло решил, что после такого длительного забега неплохо бы нам передохнуть, и остановился на одном из перекрестков.

— Что... это... было? — хватая ртом воздух, просипел я.

— Это? Да есть... такое чудо... в чащобах. Появилось... после того,

как... эльфы и орки экспериментировали в боевом... шаманстве. Вот и доэкспериментировались до такого чуда. В принципе оно совершенно безопасно.

— Ты вроде то же самое говорил о тех четырехруких.

— Нет, оно и вправду безопасное. Его главное не трогать. Пузыребрюх просто очень дорожит своей территорией и считает всех зашедших к нему врагами. Так что надо не двигаться и ждать, когда он уползет. Он даже никого не ест, просто пережевывает в мелкую кашу, а затем выплевывает.

— Очень обнадеживающая перспектива — превратиться в кашу. Кстати, здорово ты с этим орком придумал.

Гло-гло отчего-то недовольно нахохлился и пробурчал:

— Вообще-то моя магия должна была ударить в пузыребрюха молнией, а из-за варезек вышло так, что орк подскочил.

М-дя. Спасибо богам, что не произошло ничего более страшного.

— Кстати, при чем тут молния? Разве гоблины владеют боевой магией? Ведь у вас только защитное шаманство.

— Кто сказал?

— Ну вы и сказали вроде...

— Вот потому и сказали, чтоб всякие Ордена к нам в леса не лезли. Больно нам надо с вашими волшебниками секретами делиться. Идем, что ли? Слышишь, как орки разорались?

— Пускай поорут, может, осипнут, — безжалостно ответил я шаману, практически перестав обращать внимание на шум наблюдающей за нами толпы. Далеко нам еще?

— Где-то столько же, — на секунду задумавшись, выдал мне гoblin.

Я застонал. Эта беготня меж колючих зарослей уже начинала мне надоедать.

— Ну и как тебе лабиринт? — хихикнул Гло-гло.

— В Храд Спайне было страшнее. Пешая прогулка, — разочаровал я гоблина.

— Ну и чудненько! Впе-э-э-эред!

Лево, лево, право, право, вперед, снова налево, потом направо, затем прямо, затем назад, поскорей от очередного четырехрукого скелета. Беготня! Эти четырехрукие, несмотря на свою проворность, оказались жутко тупыми. Мы добежали до тупика и, дождавшись последнего прыжка твари, попросту упали на землю. Тварь, словно большой кузнечик, пролетела над нашими головами и вмазалась в стену. Стена тут же ожила, оплела зеленое создание ветками и всосала в себя.

— Ух! — Это все, что я смог вымолвить, увидев эдакое чудо.

— Ничего удивительного. — Гло-гло отряхнул свой плащ. — Они и стена порождены единым заклятием, так что, если касаются друг друга, попросту сливаются.

— И все-то ты знаешь!

— Я шаман, мальчик мой, а не какой-нибудь шарлатан! А шаман должен многое знать, иначе его племя долго не протянет. Давай, шевели ногами, идти осталось недолго.

Ну мы и прошли недолго, так как на ближайшем перекрестке наткнулись на второго Охотника. По счастью, он стоял к нам спиной и всматривался куда-то в даль, держа наготове наложенную на тетиву стрелу. Засаду, что ли, решил устроить?

От нас до Первого было не больше семи метров. Всего ничего, но лично я не был уверен, что, попытавшись напасть на Первого, не схлопочу стрелу. Мы с Гло-гло переглянулись, и он указал глазами на мой меч. Я покачал головой. Гоблин сделал страшную рожу. Я вздохнул и ме-э-эдленно принялся вытаскивать меч из ножен. Орк, на мое счастье, даже не подумал обернуться. Тут, как назло, звякнула наша цепь, и Первый стал разворачиваться, одновременно поднимая лук. На раздумья времени не было, и я изо всех сил швырнул тяжелый короткий клинок в орка. Свершилось невозможное. Наверное, сегодня удача была на моей стороне, потому как, сделав несколько оборотов в воздухе, меч врезался в грудь так и не успевшего выстрелить орка. Удар был настолько силен, что Охотник отлетел назад и долбанулся спиной о стену.

— Забери меня лесные духи! — восторженно покачал головой Гло-гло. — А я и не знал, что ты так умеешь.

— Я тоже, — ответил я гоблину, с сожалением наблюдая, как тело орка, а также и мой меч постепенно исчезают в толщи зеленой изгороди.

— Давай, Гаррет, осталось два перекрестка, и мы пришли. Надуем всех Первых! — Гло-гло, не обращая внимания на труп орка и на потерю меча, потопал дальше.

— Ты уверен, что за тридцать лет орки не заделали твой лаз?

— Не уверен, но надо надеяться на лучшее. Вот тебе и весь сказ.

Ровно через два перекрестка гоблин схватил меня за руку и сказал:

— Смотри.

Перед нами была точно такая же площадка, как и та, где мы встретили пузыребрюха. Правда, никаких выходов из нее не было, а на самой полянке торчали три высоких столба зеленого цвета. Два из них были столбы как столбы — хоть сейчас их колоннами в какой-нибудь дворец определяй, а вот у третьего невесть от чего прямо из середины тела выросли две руки,

сильно похожие на клешни богомола, вот только раз в сто побольше и поострее.

— И что нас ожидает на этот раз? — простонал я.

— Это как раз те самые "столбы", — вякнул гоблин. — Те, что без клешней, сейчас спят, а этот злыдень сторожит. Они жутко проворны, но если мы сможем проскочить мимо них, то как раз окажемся возле прохода.

— А где проход-то? — Вроде пока на нас не обращали никакого внимания, и я немного расслабился.

— Так вон же он! — Гоблин невозмутимо ткнул пальцем в противоположную сторону площадки.

Мне пришлось напрячь глаза, чтобы разглядеть гоблинский лаз.

— Ты издеваешься?! — чуть ли не во весь голос заорал я. — Да туда даже беременная мышь с трудом пролезет!

— Положим, в тот раз я туда пролез без всяких проблем, — ворчливо ответил мне гоблин.

— Но я же не ты! Я туда не влезу!

— Еще как влезешь!

— И какой тьмы я тебя послушался?! — простонал я.

— Такой, что благодаря мне ты, очень даже может быть, выживешь. — Шамана ничто не могло смутить. — Поверь, мальчик мой, лаз намного больше, чем кажется. Все, больше медлить нельзя, а то дождемся, пока придет кто-нибудь из оставшихся Охотников или еще какие твари набегут. Просто изо всех сил дуй к лазу и не попадайся под клешни "столбу".

— А другие?

— Другим понадобится полминуты, чтобы проснуться. Готов? — Я судорожно сглотнул и кивнул.

— На счет три... Три! Бежим!

Проклятый гоблин не предупреждал, что он не собирается говорить "один" и "два", так что я едва не упустил момент и бросился за ним, кляня на чем свет всех зеленых созданий. Не успели мы преодолеть и четверти пути, как "столб" совершенно беззвучно и очень быстро поехал в нашу сторону. Удар сердца, и он уже навис над нами. Пришлось проявить всю свою сноровку, чтобы избежать нежелательной встречи с падающей клешней. Избежал, но "столб" тут же ударил снова, неведомо каким образом успев развернуться. Я отпрыгнул в одну сторону, Гло-гло в другую, и клешня ударила по сковывавшей нас цепи почти рядом с рукой гоблина. Цепь лопнула, и у Гло-гло остался только браслет, а у меня все остальное. Оглашая лабиринт отборными ругательствами, я принялся на бегу наматывать цепь на руку и заодно попытался догнать улепетывающего во

все лопатки гоблина. "Столб" висел у меня на пятках, так что я рыбкой нырнул в узкий лаз следом за Гло-гло. Где-то за спиной по каменным плиткам ударили клешни, и я отчаянно заработал руками и ногами, протискиваясь как можно дальше от "столба". На наше с гоблином счастье, тварь не стала штурмовать стену и оставила нас в покое.

— Гло-гло, чтоб тебя! — зарычал я на ползущего впереди гоблина. Давай помедленней, я не успеваю!

Шаман послушно приостановился и подождал, пока я до него доползу.

— Ну, как мы ловко, а? — гордо хихикнул гoblin.

— Ну если не обращать внимания на то, что этот твой "столб" едва нас не прибил и что в твоём лазе теснее, чем под кроватью самого жадного из торговцев, то да... это мы ловко.

— Не беспокойся, ты тут вполне помещаешься! — Гло-гло был слишком доволен собой, чтобы обращать внимание на мое нытье. — Только голову не поднимай, а то тебя стена враз оприходует.

Мог бы и не напоминать. Я и без него знал, что, дернись я влево или вправо, тут же коснусь зеленых стен лаза.

— Далеко нам так ползти?

Шаман не рискнул поворачиваться ко мне лицом. Любое неосторожное движение в этом месте могло закончиться смертью, которая, вне всякого сомнения, будет одной из самых нелепых в истории Вселенной. Это все равно что сбежать из Серых камней и, поскользнувшись на ровном месте, сломать себе шею. Так сказать, закон всемирного свинства в действии.

— Так далеко нам ползти по твоему крысиному лазу?! — вновь спросил я у гоблина.

— Сто пятьдесят метров осилишь?

Я заскрипел зубами и сказал:

— Куда же я денусь? Осилю. Главное, чтобы лаз не стал еще уже.

— Не станет. Поползли.

И мы поползли. Сходное "удовольствие" я получал только в Храд Спайне, когда мне пришлось ползти по длинной и узкой каменной кишке. Но там я опасался застрять, а здесь старался не дотрагиваться до стен. Когда мы, по моим подсчетам, преодолели большую часть пути, Гло-гло внезапно остановился, перестал пыхтеть и выдал:

— Это, Гаррет... тут небольшая неприятность.

— Какая? — с дрожью в голосе спросил я, уже представляя, что гoblin нос к носу столкнулся с очередным страшилищем лабиринта.

— Тут покойник на дороге разлегся.

— Живой?

— Какой живой?! Говорю же покойник!

— Ну, я про ожившего...

— Это при дневном-то свете?! — фыркнул гоблин. — Нет, самый обычный покойник. Скелет.

— Так в чем проблема?

— В том, что он разлегся прямо на нашей дороге. Я-то может, через него перелезу, а вот насчет тебя очень сильно сомневаюсь.

— Только не говори мне, что придется ползти назад! — зло просипел я, даже не пытаясь приподнять голову.

— Ни в коем случае! Я его сейчас разберу!

— Это как?

— Это по косточкам. Жди.

Пришлось лежать и слушать, как сопит гоблин. Наконец даже мое терпение закончилось, и я прошипел, словно простуженный уж:

— Ну скоро там?!

— Все, разобрал родимого! Надеюсь, покойничек на нас не в обиде. Так, сейчас черепушку уберу с дороги... А чтоб тебя! Вот... Все, поползли!

Не знаю, как это удалось гоблину, но на дороге я встретил всего лишь несколько вдавленных в землю (в лазе не было никаких каменных плиток) костей, все остальное Гло-гло скормил стене. Дальнейший путь к спасению прошел безо всяких происшествий, и, когда мы с шаманом вылезли из лаза, нас встретил рев на трибунах. Мы опять оказались на круглой площадке, в центре которой лежала массивная серая плита треугольной формы. А между плитой и нами стоял третий Охотник. Завидев нас, он улыбнулся, отвесил поклон (что само по себе несколько удивительно) и обнажил ятаган. И доралиссцу понятно, что за простое "спасибо" нас к камню не пропустят. Первый не спешил атаковать, видимо, ждал, когда мы сами попытаемся пробиться к камню. Глядя на его ятаган, я пожалел о такой несвоевременной утрате меча.

— И что мы будем делать? — не разжимая губ, процедил я. — Эта гнида спит и видит, как бы нас нарубить на мелкие ломтики.

— У меня есть кинжал. — Гло-гло извлек из-за пояса свою восточную безделушку.

— Рассчитываешь, что этот парень увидит твою зубочистку и умрет от хохота? — спросил я, не отводя взгляда от улыбающегося орка.

— А если ты бросишь кинжал в Охотника? Как меч.

— Два чуда за один день — это слишком жирно. Не получится. Как там поживает твоя магия?

— Исключено. В варезках может получиться такое, что лучше даже и

не пытаться.

Орк, как видно, начал терять терпение и поманил нас к себе пальцем, все так же сохраняя улыбку на физиономии.

— Давай-ка, Гло-гло, обходи его по кругу, — решил я. — Сразу двоих он не достанет.

— Глупости.

— Так хоть кто-то доберется до камня. Давай.

Гоблин не стал спорить и начал обегать орка по кругу. Первый не ожидал от мартышек такого оригинального хода и, враз перестав улыбаться, бросился наперерез гоблину. Гло-гло вломил еще быстрее. Я бросился к камню, и орк, тут же забыв о гоблине, стал ждать меня. Я несся к нему, раскручивая над головой цепь, коей у меня был целый метр. Шаман молодец, послушался меня, не стал лезть в драку и, запрыгнув на камень, вмиг исчез. На моем пути встал орк. Я бросил цепь вперед, силясь ударить орка в лицо, тот ловко, словно танцуя, оттек в сторону и взмахнул ятаганом. Я достаточно неуклюже рухнул на землю, перекатился, отмахнулся цепью. Видимо, орк и не пытался убить меня сразу, а решил развлечь зрителей. Теперь я оказался между орком и плитой и, не собираясь упускать такую удачу, ломанул к камню, оставив орка с широко разинутой варежкой. Неужели этот кретин ожидал, что я начну испытывать судьбу и выйду с жалким обрывком цепи против ятагана?! Воистину Первые слишком сильно недооценивают людей! Может, мы и обезьяны, недостойные жить на Сиале, но уж точно не дураки!

— Стой, трус! Дерись! — взревели сзади, но было поздно, я уже запрыгнул на плиту.

Бац! И вот я в загоне кожаного фартука. Рядом, ухмыляясь, стоит Гло-гло. Кое-кто из орков доволен и потирает руки, кто-то ругается почем зря. Ухмыляющиеся рожи Олага и Фагрета на миг показались родными и любимыми. Небось и они, и их командир вместе с шаманом выиграли сегодня гору ценностей, или на что там орки играют?

— Давайте руки, обезьяны! — пробурчал кожаный фартук. — Я сниму с вас цепи.

— Поздравляю, Гаррет! — заухмылялся Гло-гло. — Теперь можешь причислять себя к тем немногим, кто прошел лабиринт и остался жив.

— Рано радуешься, зеленый, — буркнул кожаный фартук. — Посмотрим, как вы побежите завтра, когда лаз перекроют.

Я так и остался стоять с открытым ртом, до той поры пока Олаг и Фагред не выпроводили нас с гоблином наверх.

— Ты ничего мне не говорил о втором заходе в лабиринт! — обвиняюще заявил я Гло-гло после того, как нас вновь отправили в яму.

— Не хотел тебя расстраивать раньше времени, — осторожно начал гоблин.

Я сжал зубы и досчитал до десяти. Вроде полегчало. Во всяком случае, желание паниковать и закатывать истерику пропало. — Гло-гло, — очень проникновенно начал я. — А когда ты мне собирался рассказать?

— Сегодня вечером, — тут же ответил Гло-гло.

— А сколько раз я должен спуститься в этот тьмой проклятый лабиринт?

Гоблин замялся и постарался на меня не смотреть.

— Так сколько? — Я решил быть безжалостным.

— Праздник начинается в середине осени и длится восемь дней.

— Восемь дней? — словно эхо повторил я вслед за шаманом.

Значит, мы должны еще семь раз развлечь Первых и рискнуть собственной шкурой.

— Ну подумай, если бы я тебе сообщил об этом сегодня с утра, каким бы ты вошел в лабиринт?

— Восемь дней?! — Я все еще никак не мог поверить в такое форменное свинство.

— Ну вот видишь? — вздохнул гоблин. — Именно об этом я и говорил.

— И что? Кому-то удавалось продержаться все восемь дней? — Вопрос я задал, надо сказать, риторический.

— Да нет, — неохотно ответил шаман. — Таких, кто продержался восемь дней, еще не было. Максимум три.

— Тогда на что нам рассчитывать, Гло-гло?

— Может, я что-нибудь и смогу придумать. Эх! Кабы не было варежек, я бы всю эту деревеньку разнес по бревнышкам!

Я помолчал. Говорить было не о чем. Только сейчас я стал понимать, в какую навозную кучу угодил.

— Как же тебе удалось избавиться от назойливого внимания орков во время твоего первого посещения лабиринта?

— А-а-а... — Гоблин довольно осклабился, припоминая былое. — Я тогда после первого забега по лабиринту сразу и сбежал. В то время никаких ям не было, да и орки нас охраняли с грехом пополам. А если

учитывать, что они напились в честь праздника будь здоров, то сбежать в далекую и прекрасную пору моей юности было достаточно просто и легко. Не то что теперь.

— Значит, и этой ночью орки будут навеселе...

— Да, но мы с тобой не стрекозлы, в вышину воспарить не можем, а если бы и могли, то решетка нас не пустит.

В этот самый момент решетка отползла в сторону, и к нам заглянули Олаг с Фагредом.

— Хорошо бегаєте, мартышки. Багард и Шокрен вами очень довольны. Вот вам от них.

Орки спустили нам сумку с едой и двумя флягами.

— Жрите и набирайтесь сил. Завтра вам снова придется бежать.

Решетка вновь встала на свое место, но Фагред не успокоился и напомнил, что не спускает с нас глаз.

В этот вечер мы устроили себе пир. Еды нам навалили много, причем разной и первой свежести. В одной фляге оказалась вода, в другой вино.

Орки тоже не сидели сложа руки, и мы то и дело слышали их песни и гул барабанов. Веселятся гады и в принципе имеют на это полное право. Ведь не они же сидят в проклятуей яме!

* * *

— Пс-с-с! Пет! Эй! Гаррет, ты здесь?!

Сквозь сон раздавалось шипение взбесившейся сковородки. Я решил не обращать на посторонний шум внимания и поспать еще немного, но не тут-то было! Шипение и не думало стихать, а потом еще прибавились и тычки под ребра. В последнем был виноват Гло-гло. Пришлось проснуться.

— Что? — спросил я у гоблина.

— Там кто-то есть!

Я посмотрел вверх, но облака скрыли звезды и луну, и ночь была темной, так что нечего было пытаться хоть что-нибудь разглядеть. Сверху вновь послышался писк:

— Пс-с-с-с! Гаррет, ты там?!

— Кто эт... Кли-кли, ты?!!

— Ну наконец-то! — обрадованно затараторил королевский шут. — Я уже думал, что этот флини нам наврал!

— Ты один?

— Нет, с Эграссой.

— Можете поднять решетку? — Вот уж не думал, что можно ТАК сильно радоваться. Да я чуть ли не в пляс пустился!

— Нет, Гаррет, — ответил Эграсса. — На ней замок. Если будем сбивать, орки услышат. Ты знаешь, у кого ключ?

— Подождите секунду! Если я стяну с тебя варежки, ты сможешь убрать решетку тихо? — поинтересовался я у молчавшего все это время Гло-гло.

— Да.

— Ключ не нужен. У вас есть что-нибудь тонкое и острое?

— Зачем тебе?

— Так есть или нет?

— Нет! — прошипел Эграсса.

— У меня есть! Гвоздик! — сообщил Кли-кли.

— Кидай сюда! — обрадовался я, стараясь не думать, на кой гоблину в походе гвоздь и в чей сапог он его задумал со временем положить.

— Бросил!

Я, естественно, ничего не увидел и не услышал. Теперь ищи-свищи этот гвоздь! На мое счастье, Гло-гло обладал куда лучшим слухом, чем я, и смог нащупать брошенное Кли-кли спасение. Гвоздь оказался о-очень маленьким и о-очень тоненьким. Словно по заказу делали.

— Нашел? — раздалось сверху.

— Да, теперь ждите.

— Быстрее давай! Орки могут нагрянуть в любую минуту.

— Не торопи меня! — прошипел я и принялся отчаянно орудовать в замке левой варежки Гло-гло. Шаман покорно ждал.

— Сколько осталось до того момента, как начнет светать? — тихо спросил я у него.

— Около двух часов, — так же тихо ответил он мне. — Может, немного дольше, минут через десять начнется дождь.

— А ты почему знаешь?

— Шаманы должны знать, когда пойдет дождь.

— Как лягушки? — глупо хихикнул я.

Мне показалось, или гоблин действительно улыбается в темноте? В этот самый момент тихонько щелкнул замок, и шаман снял варежку. Я занялся вторым замком.

— Если пойдет дождь и не поднимется тревога, у нас есть прекрасная возможность попытаться запутать следы.

— А если не выйдет?

— Представь, что с нами сделают почти полтысячи протрезвевших

Первых, которым мы испортили праздник.

Я невольно поежился, и тут щелкнул второй замок. Теперь Гло-гло был свободен от своих варежек.

— Как хорошо-то, — буркнул он. — Прижмись к стене и скажи своим друзьям, чтобы они отошли подальше от решетки.

— Эграсса! Кли-кли!

— Да? Как успехи?

— Замечательно! Давайте прочь от ямы. Метров на десять! Сейчас будет фокус!

— Но ты...

— Кли-кли, не спорь хотя бы сейчас!

— Но...

— Мы ушли, — ответил Эграсса.

Скорее всего, эльф попросту бесцеремонно сгреб Кли-кли за шкуру и оттащил в сторону. В темноте я не видел, что делает гoblin, просто в яме внезапно загудел ветер, рванул вверх, и решетка совершенно беззвучно улетела куда-то в небо.

— Вот и все, — вздохнул Гло-гло. — Зови своих, пускай вытаскивают нас.

— А решетка нам обратно на головы не рухнет? — Признаюсь, я был восхищен демонстрацией, устроенной гоблином.

— Не бойся, мой мальчик.

Тут к нам в яму опустилась лестница, и я первым стал выбираться наверх. Возле самого края ямы меня подхватили чьи-то сильные руки, и я оказался на земле. Здесь было намного светлее, чем внизу, и я мог разглядеть довольного Кли-кли, Алистана Маркауза и Эграссу.

— Жив, вор?

— Да, милорд.

— Ну и фокус ты тут учинил! — затараторил Кли-кли. — Р-раз, и она в небо улетела! Я даже своим глазам не поверил!

— Я не один, — предупредил я своих спасителей, и тут как раз подоспел Гло-гло. — Это почтенный Гло-гло, шаман.

— Ой! — тихонько пискнул Кли-кли, заметив шамана, и отчего-то спрятался за эльфа.

— Очень приятно, почтенный, — кивнул милорд Крыса. — А теперь, если никто не возражает, давайте уходить отсюда, пока орки не нагрянули.

— Рог у них, — выдал я.

— Уже нет, — ответил Эграсса и протянул мне сумку. **МОЮ СУМКУ!!!**

— Как? — вымолвил я, не веря своим глазам.

— Флини постарались. За то кольцо, что ты им дал, они теперь по гроб нам обязаны, — объяснил эльф.

— А Шокрен?

— Какой Шокрен?

— Шаман, у которого была моя сумка, — пояснил я.

— Получил стрелу в шею, — обрадовал меня милорд Алистан. — Поэтому нам и следует уходить, пока не забили тревогу.

Я не стал спрашивать, как им удалось пробраться в сердце орочьей деревни и незаметно от всех убить шамана и снять с него сумку с Рогом.

— Идите за мной, только тихо, — предупредил нас Эграсса и двинулся вперед.

Я последовал сразу за эльфом, но меня обогнал Кли-кли и поспешно пристроился впереди. Гло-гло и Алистан замыкали шествие. Где-то на краю деревни горели костры и звучали песни. Из высокой сухой травы черным призраком вырос Угорь. Заметив меня, он едва заметно кивнул, затем смерил Гло-гло удивленным взглядом, но так ничего и не сказал пока Алистан Маркауз не спросил у него:

— Все тихо?

— Да, только вот к яме двое шли, пришлось попотеть.

Теперь я разглядел двух мертвецов. Не удержался, подошел ближе. Так и есть. Олаг и Фагред. Оба убиты одолженными у Кли-кли метательными ножами.

— Шума не было? — обеспокоенно спросил милорд Алистан.

— Они даже не поняли, что случилось, — хмыкнул Угорь. Гло-гло смачно харкнул на тело Фагреда.

— Все, к деревьям!

Мы бегом преодолели поляну и оказались под сенью спящих кленов. От древесных стволов отделились две низкорослые фигуры.

— Говорил же я тебе, что у них получится, борода!

— А не торчали бы мы в лесу, то еще лучше бы получилось, шляпа! Здорово, Гаррет, сто лет не виделись! Ух! Да ты себе бороду отрастил, прямо как я! А это кто еще с тобой?

— Вроде гоблин. — Делер подошел поближе.

— Второго шута я не выдержу! — простонал Халлас, но Эграсса живо заткнул обоих.

Что-то зашелестело по листьям кленов, и мне на лицо упали первые дождевые капли.

— Уходить надо, почтенные, и уходить быстро! — Гло-гло взял

инициативу в свои руки.

— Ну нас еще гоблин будет учить! — недовольно пробурчал Халлас.

— Сейчас следует идти на восток, — как ни в чем не бывало продолжил старый шаман. — Как только выйдем за пределы скал, пойдем по ручью, он течет точнехонько на север. Возле воды я смогу запутать наши следы.

— Решено! — Эграсса отчего-то сразу поверил гоблину. — Покажешь дорогу?

— Да, идемте.

И мы углубились в мокрый лес. Дождь шептал листьям колыбельную, было мокро, холодно и очень темно. Я шел за Халласом и поэтому не сразу заметил, когда к отряду присоединился Мумр. Фонарщик попросту появился рядом, по-дружески пихнул меня кулаком в плечо и поспешил вперед, докладывать Алистану.

— Угорь, — позвал я идущего за мной гарракца. — Орки совсем не выставляют охрану на ночь?

Меня немного смущало, что все кончилось настолько просто.

— Пятерых по периметру мы убрали, а так было тихо, — ответил Угорь. Чего им бояться в собственном доме, да еще и в канун праздника, о котором нам рассказал Эграсса? Думаю, не будь праздника, мы тебя бы так просто не вытащили, чего уж говорить о Роге.

— Это флини нам все рассказали. — Сбоку объявился Кли-кли. — И про Рог и про тебя.

— Это кольцо для них такое ценное?

— Для них — да. Мы, кстати, сюда еле успели. Неслись галопом, чтобы тебя выручить, а ты даже спасибо не сказал!

— Спасибо, Кли-кли.

— Не за что, — благодушно отозвался шут. — Я очень рад, что ты выжил, Танцующий в тенях. Честное слово.

— Я тоже.

— Кстати, как ты с ним познакомился? — Гоблин кивнул в сторону идущего впереди отряда Гло-гло.

— Мы с ним вместе по лабиринту бегали.

— А-а-а, — несколько удивленно протянул гоблин и на время от меня отстал.

Дальнейший путь проходил в молчании. Гло-гло взвинчивал темп, да так, что нам иногда приходилось за ним бежать. Дождь не прекращался, а все больше усиливался, и я поплотней закутался в куртку ныне покойного Фагрета, чтоб его кости Х'сан'кор сожрал! Шли без всякого отдыха целый

час, и я представлял, каково было воинам, которые спешили через половину Заграбы мне на помощь, а теперь вместе со мной убегали от орков. Когда стало светать, мы покинули местность старых скал и оказались возле весело журчащего и очень широкого ручья. Теперь наш путь пролегал вдоль его берега. Еще минут через двадцать Эграсса попросил Гло-гло остановиться и, подняв руку, попросил тишины.

— Что происходит? — спросил я у Кли-кли.

— Ш-ш-ш, — зашипел он на меня.

Я, как и все, стал вслушиваться в утреннюю тишину и шум дождя. Наконец я тоже услышал этот звук. Он почти сливался с дождем, и поэтому сперва я даже не понял, что это такое.

— Бум-м-м! Бум-м-м! Бум-м-м!

Едва слышный, едва различимый грохот боевых барабанов орков, поднявших тревогу.

— Заметили-таки, что яма пуста, а шаман отбросил копыта! — сплюнул Халлас.

— Надо торопиться.

— Куда уж дальше торопиться-то, Гаррет? И так несемся не покладя ног! — недовольно буркнул Делер.

— Не покладая, а не непокладая, — поправил карлика гном.

— А если кто меня будет учить, так я того стулом по башке, непокладая рук! — упрямо заявил Делер.

— Идите-ка под деревца, мне тут покумекать надо, — бросил Гло-гло.

Милорд Алистан было принялся возражать, но Эграсса только покачал головой. Граф недовольно насупился, но решил последовать совету эльфа. Дождь к этому времени перешел в мелкую пакость, нечто среднее между изморосью и дождичком, так что стало немного полегче, да и деревья давали какую-никакую, а защиту. Все отошли от старого гоблина и принялись наблюдать, как он крутится волчком, машет руками и ворошит листья. Все это продолжалось довольно долго, и милорд Маркауз стал немного нервничать, впрочем, как и остальные.

— Долго мы будем смотреть, как изгаляется старый дуралей? — наконец не выдержал Фонарщик.

— Он не старый дуралей! — тут же окрысился Кли-кли. — Это Гло-гло, один из самых великих шаманов нашего времени!

— А ты почему знаешь? — ехидно спросил Халлас.

— Знаю, и все! — недовольно надулся Кли-кли и уставился на носки своих сапог. — Он, кстати, является хранителем Книги Пророчеств Великого шамана Тре-тре.

Мумр поглазел на прыгающего шамана и уважительно присвистнул.

— Бум-м-м! Бум-м-м! Бум-м-м! — едва слышно пели барабаны орков.

— Так, не ровен час, нас догонят, милорд! — Теперь уже не выдержал терпеливый Угорь.

— Ой! — пискнул Кли-кли и закрыл глаза руками.

Фонарщик витиевато выругался. Все остальные уставились на то, что сделал Гло-гло. А посмотреть было на что! Гоблин закончил колдовать, и все листья в пределах видимости опали с деревьев и зависли в воздухе. Затем к висящим в воздухе прибавились листья, до этого преспокойно лежавшие на земле. Далее произошло и вовсе странное — создавалось впечатление, что тысячи рук принялись рвать несчастные листья и не успокоились до той поры, пока от каждого листочка не осталась сотня очень маленьких кусочков. Миг, и лес наполнился угрожающим гулом, который издавали тысячи крыльев созданий, появившихся из кусочков листьев. Над лесом зависла густая, темная, колышущаяся живая туча. А затем каждый кусочек этой огромной и необъятной тучи принялся расти, и рос до тех пор, пока не вымахал размером с добрый кулачище.

— Спаси нас боги! — попытался перекричать гул Халлас.

— Не спасут! — крикнул Угорь.

А затем гоблин махнул рукой в ту сторону, где звучали барабаны, и туча, состоявшая из волшебных ос, устремилась прочь. Их были тысячи, и это действительно было очень страшно. Одна из ос вырвалась из тучи и полетела к нам. Она зависла в трех метрах от нас, и я прекрасно рассмотрел ее сияющие серебром безучастные глаза, мохнатое черно-желтое брюшко и страшное фиолетовое жало. Оса посмотрела на нашу замершую кучку и, видимо удовлетворившись увиденным, полетела догонять своих сестер.

Пошевелились мы лишь после того, как гул крыльев стих вдали.

— Ну ни хрена ж себе листики! — выдавил из себя Халлас, опасливо поглядывая на Гло-гло.

— Рад, что тебе понравилось, гном. — Гло-гло, устало морщась, подошел к нам. — Неделю подготавливал это заклятие, так что самому было интересно, что из этого получится. Теперь мне надо отдохнуть полчаса. Можете никуда не торопиться — Первые сейчас будут слишком заняты, чтобы еще и о вас вспоминать. Всех мои летуны не поубивают, шаманы Первых тоже не зря шаманами называются. Они опомнятся секунд через пятнадцать после того, как увидят, что к ним прилетело, но, пока они их нейтрализуют, три сотни покойников среди орков я гарантирую.

Цифра впечатляла, впрочем, как и заклятие.

— Гном, у тебя вода есть?

Халлас поспешно протянул свою фляжку Гло-гло. Тот отхлебнул, вернул флягу обратно и произнес:

— Все, погуляйте с полчаса под дождичком, а я тут под деревцем посижу и сил наберусь.

Эграсса вновь согласился с гоблином, и мы отошли в сторону, оставив шамана одного. Без листьев лес был голым, а от этого казался еще холоднее.

— Ты видел это? — пораженно спросил у Фонарщика Делер.

— А ты? Ни за какие посулы Сагры я бы не согласился поменяться с орками местами.

— Я же говорил вам, что это САМ Гло-гло! — сделал страшные глаза Кли-кли. — А вы, раздолбаи, меня не слушали! Скажите спасибо, что он вас в червяков не превратил!

Халлас испуганно покосился на гоблина. Гло-гло сидел, закрыв глаза, и, казалось, спал.

— Это очень сильный шаман. Самый сильный из виденных мной. Чтобы сотворить Пчел возмездия, потребовалось бы пятеро наших шаманов из Первого десятка! — тихо сказал эльф милорду Алистану.

Тот, как всегда, молчаливо кивнул и уселся под ближайшим кленом.

— Думаю, мы ничего не потеряем, если подождем, когда он придет в себя.

— Вы заметили, что барабаны смолкли? — вякнул из-под капюшона шут.

Мы прислушались. Действительно, в Заграбе стояла полная тишина, лишь осторожно журчал ручей, стараясь не привлекать к себе внимания великого шамана. У меня постепенно начала появляться одна очень интересная мыслишка. Если предположить, что...

— ... Да Гаррет же! — Голос Кли-кли вырвал меня из задумчивости. — Ты, конечно, ничего не слышал из того, что я тебе здесь говорил?

Гоблин стоял, уперев руки в бока.

— А? Прости, Кли-кли. Задумался.

Шут вздохнул и вновь спросил меня:

— Где твой арбалет? Орки отобрали?

— Нет, в Храд Спайне оставил.

— Расскажешь, как там было?

— Не сейчас. Может, как-нибудь потом.

— Понимаю, — вздохнул Кли-кли.

— Тяжело пришлось, Гаррет? — участливо спросил Халлас.

— Угу.

— Но все же ты сделал то, что сказал тебе король. Молодец, Гаррет. Я рад, что ошибался в тебе, — неожиданно подал голос капитан гвардии.

— Спасибо, милорд Алистан.

Я стянул капюшон и подставил лицо под струи вновь усилившегося дождя. Кто-то тихонько ойкнул.

— Что с твоими волосами, Гаррет? — спросил Угорь.

— А что с ними?

Кли-кли поспешно выудил из одного из своих кармашков маленькое зеркальце и протянул мне. В зеркале я увидел, что виски у меня совершенно седые.

Глава 15

Шаман и шут

К счастью, никто не стал донимать меня своими вопросами, и минут десять я проторчал возле ручья в полном одиночестве. Надо было немного успокоиться и подумать, а седина на висках — это пустяки, главное, что голова осталась целой. Затем, когда ускользавшая от меня все это время идея окончательно созрела, я отошел от ручья и направился напрямик к сидевшему под деревом Гло-гло. Халлас проводил меня взглядом, но ничего не сказал, впрочем, как и другие. Я подошел к Гло-гло и присел на корточки рядом с гоблином. Старый шаман даже не соизволил открыть глаза. Спит?

— Ты что-то хотел спросить, мой мальчик? — неожиданно заговорил Гло-гло.

— Да.

— Не обращай внимания на то, что я закрыл глаза. Я тебя слушаю.

— Мне интересно, как, обладая заклятиями такой мощи, гоблины гибли под мечами людей и ятаганами орков?

— Неужели ты думаешь, что ваши историки решились бы сказать правду? — криво усмехнулся гоблин. — Мы не овцы, Гаррет. Мы гибли, но забирали с собой многих врагов.

— То есть...

— То есть не верь рассказням, что гоблины — беззащитное племя. Да, мы малы ростом, но наше шаманство наиболее близко к Кронк-а-Мору и мы дорого продавали свои жизни. Знаешь, почему люди ни с того ни с сего стали за нами охотиться?

— Ну... — протянул я, не решаясь продолжать.

— Нет, не оттого, что у нас рожи страшные, хотя про ваши физиономии я вообще молчу. И не оттого, что вы посчитали нас союзниками орков. Все гораздо проще и сложнее. Мы владеем почти изначальной магией, а вашему Ордену издавна не давали покоя наши знания, а точнее их боевая сторона, и поэтому они шли на все, лишь бы только завладеть нашим шаманством и нашими книгами. Естественно, мы не хотели делиться — эти знания не для людей, — и в итоге Орден не успокоился, пока почти не уничтожил нас. Или, точнее сказать, пока люди не потеряли сто с лишним тысяч в наших лесах. Не удивляйся, что ты ничего об этом не слышал. Никто не слышал. Это дела давно минувших

дней, а Орден никогда не рассказывает о своих поражениях. — Гоблин еще раз усмехнулся и открыл глаза.

— Но...

— А у гоблинов это не тайна. Мы всегда рады припомнить, как утерли нос вашим волшебникам и солдатам. Теперь к нам не лезут, да и мы не спешим выходить из лесов. У нас свое дело, у вас свое. Я ответил на твой вопрос?

— В связи с рассказанным тобой у меня есть еще один.

— Давай.

— Никогда не поверю, что шаман такой силы, как ты, мог так просто угодить в лапы к Багарду.

— А ты умен, Танцующий, — хмыкнул гоблин, и я вздрогнул от неожиданности.

— Откуда ты...

— Знаю, и все. Я ведь только что сказал, что у гоблинов своя цель в этом мире. Я не буду надоедать тебе долгими лекциями о равновесии и Великих Домах, ты и так, как я понял, многое знаешь. Последнее время моей главной целью, впрочем, как и целью моего отца и отца моего отца...

— Я понял, — поспешно прервал я гоблина, подозревая, что перечисление всех предков старого шамана может продолжаться так долго, что я просто забуду о своем вопросе.

— Понял он, — недовольно покосился на меня Гло-гло. — Тебя не учили, что старших перебивать нехорошо? Так о чем это я? А... Так вот, целью моих предков, ведущих свою родословную от Великого безумного шамана Тре-тре, было ожидание Танцующего. То есть тебя.

— Очень приятно, — скептически хмыкнул я.

— Не язви. Мы должны были дождаться, когда в наш мир придет Танцующий, как это предсказал в Великой книге Бруг-грук Тре-тре. А когда Танцующий явится, мы должны были научить его, как попасть в Изначальный мир и как вернуть ему жизнь.

— О! — Вот и все, что я сказал.

— Но, как я вижу, тебе все это удалось и без моей помощи, — несколько разочарованно буркнул гоблин. — Не отрицай, я вижу в твоих глазах блеск изначального пламени, и этот иней на висках... Знающему он может многое рассказать. Вот такие вот дела.

— Ты все еще не ответил на мой вопрос.

— Правда? — Гло-гло скорчил удивленную физиономию. — Мне не повезло, я последний в роду Тре-тре по мужской линии, и ты появился слишком поздно. Когда звезды указали на тебя, я был слишком стар и на

мне лежала слишком большая ответственность, чтобы уйти из Заграбы. Пришлось действовать другим путем, надеясь, что там, где не справился я, справятся другие. На тебе печать, мой мальчик, печать, которую видит любой гоблин моего рода. Он ее даже не видит, он ее чувствует за сотню лиг. Так что я знал, когда ты выбрался из Храд Спайна, я знал, что должно было случиться дальше, и мне это жутко не понравилось. Пришлось импровизировать, но игра стоила свеч. Попасть в лапы орков было достаточно просто, а дальше оставалось дожидаться, когда ты попадешь к ним, и сыграть роль придурковатого шамана. Вот так.

— Но получилось ведь не так, как ты хотел, правда?

— Да уж. Я не рассчитывал, что в отряде орков будет шаман, и что меня опознают, и я лишусь своего умения. Не будь на мне варежек, мы сбежали бы в первую же ночь после нашей встречи.

— Не проще ли было не попадать в плен, а просто предупредить меня, чтобы я к оркам не лез?

— Не проще! — отрезал старый шаман. — Я знал, что случится, но не знал, где мне тебя искать. Вы, Танцующие, еще те ребята. Вас магией поиска так просто не нащупать. Пришлось действовать через орков.

— А в лабиринте-то ты был?

— Был. Все сказанное мной про лабиринт — истинная правда. Хотя, если честно, я не рассчитывал вернуться в него спустя тридцать лет.

— Ты рисковал.

— Риск полностью оправдался. Не приди твои друзья, я бы использовал заготовленные козыри.

— Это какие?

— Это теперь уже не важно. Ну что? Пора в путь, пока Первые не очухались.

— Еще один вопрос.

— Ух! Ты любопытен сверх всякой меры. Ну что еще?

— На кой вам понадобился Танцующий?

— Рав-но-ве-сие! Я хочу, чтобы мои потомки жили на Сиале еще тысячи лет, а такой тип, как ты, может отправить все равновесие коту под хвост одним щелчком пальцев.

— Рог?

— Да забудь ты об этой дудке! Рог — это всего лишь Рог. И по сравнению с тобой он все равно что мотылек супротив пламени свечи! Все, хватит вопросов!

— Справятся другие, — пробормотал я, поднимаясь с земли.

— Что? — не понял Гло-гло.

— Ты говорил, что там, где не справился ты, справятся другие. Это о ком?

Я задал вопрос и сразу же нашел на него ответ, стоявший недалеко от нас и поглядывающий опасливыми голубыми глазами из-под надвинутого на лицо капюшона.

— Ты же все понял, чего спрашивать-то? — усмехнулся шаман. — Сам идти не мог, пришлось послать... ученичка. Кли-кли, иди сюда!

Королевский шут опасливо приблизился.

— Ученичка? — глупо переспросил я.

— А что тут удивительного? — хмыкнул Гло-гло. — Больше все равно некого было посылать. В Бруг-груке было сказано, что ты встретишься с королем Валиостра, так что, чтобы точно на тебя наткнуться, пришлось ученичку стать шутом.

— Кли-кли? — обратился я за разъяснениями к угрюмо молчавшему гоблину.

— Да? — невесело пискнул он из-под капюшона. — Все это правда, Гаррет. Я жутко извиняюсь, если причинил тебе неудобства. Но так было надо.

— Ты мне лучше скажи, где я тебе приказал все время находиться?! — между тем грозно сдвинул брови Гло-гло.

— Рядом с Гарретом, — проямлил шут.

— Громче! Не слышу!

— Рядом с Гарретом!

— Так почему же в Костяные дворцы он полез один, и мне пришлось бросить все дела племени и примчаться его выручать, пока ты неизвестно чем зани...

— Но дедушка! — обиженно перебил не на шутку разошедшегося шамана Кли-кли.

— Дедушка?! — вытаращился я.

— А что тебя так удивляет, Гаррет? Вполне естественно, что в ученицы я взял родную кровь.

— Деда! — пискнул Кли-кли и испуганно на меня покосился.

— Просто Кли-кли неоднократно говорил, что его дедушка быш шаманом, вот я и подумал, что раз был, то, значит, умер.

— Так ты меня еще и похоронила?! — свирепо завращал глазами Гло-гло. Ну, спасибо!

— Но я...

— И в кого ты такая пошла? Опять позоришь своих предков!

Кли-кли пытался оправдаться, Гло-гло костерил его почем свет, говоря,

что такой ученицей его, видно, лесные духи наградили. Я внимал, ничего не понимая. Старый шаман от переизбытка чувств, кажется, начал заговариваться.

— Кли-кли! — встрял я в разговор, когда Гло-гло решил сделать маленький перерыв и отдышаться, — Почему он обращается к тебе как к девчонке?

Вроде гоблин сейчас собирался сквозь землю провалиться. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

— Дурак-человек! — всплеснул руками Гло-гло. — Я же тебе людски сказал, что я последний в роду великого шамана Тре-тре по мужской линии! Кли-кли — моя внучка.

— Кли-кли! Ты... Ты ОНА?! Ты девчонка?!!

Гоблину (гоблинше?!!) хватило совести не встречаться со мной взглядом и пробормотать что-то себе под нос. Я различил едва слышное "да".

Я как стоял с открытым ртом, так и сел. Надо сказать, что это был удар! Таких неожиданных сюрпризов жизнь мне еще не преподносила! Это было немыслимо! Кли-кли оказался ею! Гоблиншей! Девчонкой! Все это долгое время он, а точнее она, водила нас за нос! Да как ловко-то! Тут-то у меня открылись глаза на некоторые странности шута, которые теперь не казались такими уж странностями. Видок у меня, наверное, был еще тот, и Гло-гло понимающе ухмылялся, а Кли-кли готова была сквозь землю провалиться. Когда я более-менее пришел в себя, то счел за лучшее расхохотаться. Так меня еще никто не надувал!

— Ты... ты не сердишься? — испуганно спросила она у меня.

— Нет, Кли-кли! — Я покачал головой. — Если и сержусь, то только на себя, потому что сразу не понял.

— И не понял бы, — с некоторой ноткой превосходства в голосе ответила мне она. — Для людей все гоблины на одно лицо.

— Но, заberi меня Х'сан'кор, почему?!

— Так проще, Гаррет. — Она едва заметно пожала плечами. — Многие двери для меня открылись, в том числе и в королевский дворец. Да и с вами со всеми так было гораздо проще. Знай милорд Алистан, кто я на самом деле, он вряд ли разрешил мне путешествовать с вами. Случись такое — и я бы не смогла за тобой присматривать.

— Вряд ли бы он что-нибудь сделал. Ведь ты привез... привезла письмо короля с его разрешением на твое участие в кампании.

— Письмо — банальная подделка, — хмыкнула Кли-кли. — Неужели ты думаешь, что король послал бы своего шута на такое дело?

— Тяжело было играть мужскую роль, ученица? — встрял в разговор Гло-гло.

— Да я привыкла, деда. Тяжелее было быть шутком и дураком. Хотя... когда ты шут и у всех на виду, никто тебя не замечает, никто не принимает всерьез, не считает угрозой, и ты можешь делать то, что непозволительно другим.

— Неужели никто так и не догадался, кто ты есть на самом деле, Кли-кли?

— Я же говорила, Гаррет. Для людей мы все на одно лицо.

Шут прав. А тьма! Не могу привыкнуть! Она права. Как часто мы видим гоблинов в Валиостре? Не часто. Как часто мы видели гоблинш? Еще реже, чем гоблинов. А точнее, никогда не видели. Ходили слухи, что женщины гоблинов никогда не покидают Заграбы и никто их не видел. Вот и верь слухам после этого.

— Да-а-а... — Я покачал головой, все еще не веря в произошедшее.

— Ну правда... — Она наморщила лоб. — Правда, Миралисса знала. Мне пришлось ей сказать. Она помогала направлять и спасать тебя.

— Направлять? Спасать?

— Сколько раз благодаря мне ты остался жив, а? А о скольких разгах ты так никогда и не узнаешь?!

Я промолчал.

— Вот она, благодарность! А ты думаешь, в первый раз было просто выпихнуть тебя в Изначальный мир? Я и Миралисса едва не опухли. А направить тебя... А! Что там говорить! Всего и не упомнишь! — махнула она рукой.

Мне оставалось лишь пораженно внимать ее откровениям. Ай да Кли-кли!

— Так что кроме Миралиссы, да пребудет она в свете, и тебя, никто не знает. Ну и еще я Медку перед отходом сказала.

Гоблинша ухмыльнулась. Так вот почему Медок гоготал без остановки, когда Кли-кли что-то шепнула ему на ухо!

— И что теперь? — спросил я.

— Что теперь, мой мальчик? — переспросил меня Гло-гло. — Если говорить о далеко идущих планах, то теперь тебе надо как можно быстрее оказаться в Авендуме и передать Рог Радуги этому вашему Ордену. Ты оказался гораздо сильнее, чем я думал... В лучшую сторону, конечно же. Так что опасаться за равновесие пока не приходится. Нет, не надо мне говорить про Рог, Падших и Великую Игру Хозяев. Я все это прекрасно знаю и без тебя. По сравнению с тем, что ты мог учинить, грядущее

возможное, прошу заметить, возможное смещение равновесия — всего лишь маленькая досадная неприятность.

— А что я мог учинить?

— Чего уж об этом теперь говорить? — произнес Гло-гло. — Ты ведь прошел Зеркало выбора и выбрал свою дорогу. По крайней мере, я спокоен, а значит, и тебе не стоит волноваться. Тебе сейчас не обязательно знать все подоплеку пророчеств. Все узнаешь в свое время, у тебя в руках почти что вечность в буквальном и фигуральном смысле этого слова. Сейчас важен лишь Рог, все остальное — второстепенно.

— Мастер гоблин! — окликнул Гло-гло Эграсса. — Вы отдохнули?

— Сейчас иду! — ответил шаман. — Отдохнуть-то отдохнул, но теперь в течение недели не смогу наколдовать ничего сложнее обычного огненного шарика. Надо ли говорить, Гаррет, что тебе не обязательно распространяться о нашем разговоре?

— Не надо.

— Вот и замечательно. А ну-ка помоги старику подняться. Создание этого треклятого заклятия сожрало все мои силы.

Я протянул гоблину руку и помог встать ему на ноги.

— Спасибо, мой мальчик. Пойду поговорю с эльфом и вашим усатым предводителем.

Гло-гло побрел к нетерпеливо поджидающим нас воинам. Я было пошел следом, но тут меня окликнула Кли-кли:

— Эй, Гаррет!

— Да? — Я обернулся.

— Ты и вправду не очень сильно на меня сердишься? Ну... за это... ты понял, о чем я.

Я немного помолчал, подбирая слова. Все это время она не отводила от меня настороженного взгляда.

— И вправду, Кли-кли, — наконец ответил я. — На тебя нельзя долго сердиться.

Мне показалось или в ее глазах мелькнуло несказанное облегчение?

— Чесслово?

— Честное благородное слово мастера-вора, Кли-кли.

— Ну и ладушки! — разом повеселела она. — Только ты никому не говори. А то они надо мной трястись будут. Опекать, чтобы ничего не случилось.

— Ты так боишься, что о тебе будут заботиться?

— Просто ты не знаешь наших гнома и карлика, как знаю их я. Делер хуже наседки, узнай он правду...

Я растянул губы в ехидной улыбке, представляя физиономию Делера, узнавшего, что Кли-кли вовсе не он, а она. Да и Халлас небось от удивления собственную бороду проглотит. Кли-кли, видать, прочла мои мысли и беззлобно пихнула в бок кулаком. Гоблин перед тобой или гоблинша — скучать все равно не придется.

* * *

Дождь прекратился только к утру следующего дня. За это время мы протопали тьма знает какое расстояние и порядком оторвались от возможного преследования. Во всяком случае, рокота барабанов орков мы больше не слышали. Ночевали рядом с какими-то огромными валунами, которые кое-как прикрывали нас от дождя. Остановка была до жути короткой. Казалось, я только-только закрыл глаза, а Фонарщик уже тряс меня и поднимал в дорогу. Милорд Алистан наконец соизволил заметить, что я безоружен, словно монашка Сильны. Мумр тут же вручил мне свой кинжал, а Делер порывался отдать маленькую секиру, что постоянно висела у него за спиной рядом со щитом, но я отказался. Не мое это.

— Боевым шестом владеешь, Гаррет? — неожиданно поинтересовался Эграсса.

— Нет. — Вопрос меня несколько удивил. — Разве что дорожным посохом, да и то чуть-чуть.

— Все едино. Значит, справишься и с копьем. Бери. — Эльф протянул мне красту Серого. — Мне хватит с'каша и лука, а вот тебе с копьем будет сподручнее. По крайней мере, некоторое время сможешь удерживать врагов на расстоянии.

— Спасибо. — Я взял оружие.

— Только если будешь вращать, не забывай, что один конец утяжелен. Не хотелось бы видеть, как копье вылетает у тебя из рук в самый неподходящий момент, — предупредил меня Эграсса, и вопрос об оружии больше не поднимался.

Теперь, имея в руках наследие Серого вампира, я чувствовал себя увереннее. Да и кольчуга, оставленная на время моей прогулки по Храд Спайну на хранение Мумру, вселяла некоторую уверенность. Есть пришлось на ходу чем боги одарили.

А боги в этот день были не слишком к нам благосклонны, и можно сказать, что я и не наелся-то по-людски. Так, червячка заморил.

Гло-гло с самого утра взял бешеный темп и повел нас вдоль ручья,

который от ночного дождя раздулся до невероятных размеров. Кли-кли семенила впереди, сразу за Гло-гло, и я постоянно ловил себя на мысли, что до сих пор никак не могу привыкнуть к тому, что гоблин оказался гоблиншей.

У отряда было несколько приподнятое настроение, что, впрочем, и понятно — орки, кажется, не собирались нас преследовать. Халлас на радостях даже замурлыкал "Песнь безумных рудокопов":

Вгрызается бобр зубами в кору,
Чтоб с нею забраться под воду.
Барсук землю роет, построив нору,
— Мы так же срезаем породу!
Мы — Кости земли, мы — Предсмертный морок,
Мы — Ярость! Вперед, Рудокопы!...

— Ну вот, — беззлобно пробурчал Делер, выслушав песню до конца. Опять раскудаhtался Счастливчик.

— Просто тебе завидно, что у твоего народа таких песен не сыщется даже в Замда-Морте, — хмыкнул Халлас, предвкушая старый добрый спор.

— В Замке Смерти сыщется много всего, и ты это прекрасно знаешь, — не стал спорить с гномом карлик.

— Да уж слышал, — разом посерьезнел Халлас и песен больше не пел.

К обеду совсем распогодилось, и выглянуло солнце. Идти стало веселей. Гло-гло неожиданно стал забирать левее, и ручей, что так долго был нашим спутником, скрылся за деревьями. Теперь мы шли не на север, а на запад. Милорд Алистан был явно недоволен этим обстоятельством, и Гло-гло пришлось объяснять, что недалеко орочий город и следует сделать крюк, если мы, конечно, не желаем воспользоваться гостеприимством Первых.

Изрядно поплутав по лесным дебрям, к вечеру мы вновь оказались возле старого знакомого — ручья и, пока еще было светло, дошли до густого ельника, что сжимал ручей в своих лохматых колючих объятиях. Здесь, надежно скрытые от чужих глаз огромными елями, мы и заночевали. Эграсса запретил разжигать костер — орки были близко, — и ночь пришлось коротать без огня. Сумерки упали на лес неожиданно, впрочем, осенью так всегда бывает. Халлас и Делер сразу же уснули (им нести

службу вторую половину ночи), Гло-гло увел Кли-кли в сторону, но о чем старый шаман говорил со своей внучкой и ученицей, для меня осталось тайной. Вроде давал какие-то советы, и, очень надеюсь, не по мою душу. Я тоже стал укладываться спать и только улегся, основательно закутавшись в теплое одеяло, как кто-то потрепал меня по плечу. Мумр.

— Да?

— Покажи его, а? — В голосе Мумра мелькнули просящие нотки.

— Кого его? — не понял я.

— Рог. А то возле лабиринта мы его толком рассмотреть не смогли. Уж очень любопытно, ради чего мы пошли на все это.

— Так темно же! Эграсса запретил огонь разжигать. Первые могут учуять дым.

— Выход есть, — неожиданно проговорил Эграсса, и между его ладонями затрепетал маленький огонек. — Я не очень хорошо знаю шаманство, но три минуты света могу нам обеспечить.

Волшебного света оказалось как раз столько, сколько нужно для того, чтобы можно было разглядеть лица друг друга. Кроме Делера и Халласа никто и не думал спать. Все ждали, когда Гаррет явит им Рог. Пришлось встать и открыть сумку, с которой я теперь ни на минуту не расставался.

— Так вот он какой... — пробормотал Угорь, с удивлением разглядывая Рог.

— Ты позволишь? — отчего-то робко спросил у меня милорд Алистан.

Я с готовностью протянул ему Рог Радуги. По мне — пусть хоть насовсем забирает. Уж он-то сбережет эту дудку для своего любимого короля.

— Интересно, что будет, если я в него сейчас дуну? — входя в образ дурака, спросила Кли-кли.

— Я тебе дуну, шут! Так дуну! — пригрозил милорд Алистан гоблину, возвращая мне Рог.

Меня опередил Гло-гло. Он ближе всех стоял к капитану гвардии, и Рог оказался в руках старого шамана. Гло-гло закрыл глаза, прикоснулся к артефакту лбом, сморщился, словно слопал тарелку кислого крыжовника, и вынес свой приговор:

— Он слаб. Очень слаб. Сила почти покинула его, она продержится не больше нескольких недель, а затем... — Гло-гло не закончил, но и так всем было понятно, что будет потом.

— Значит, надо поторапливаться, — сказал Алистан Маркауз.

— У нас еще уйма времени, милорд. В начале ноября С'у-дар, перевал, проходящий через Иглы Стужи, уже занесен снегом, и Неназываемому

понадобится уйма сил, чтобы вылезти из своей берлоги. Да и от Игл Стужи до Одинокого Великана путь неблизкий. До крепости армия колдуна доберется не раньше середины января, успокоил графа Фонарщик.

— Мумр прав, милорд. Зимняя кампания слишком сложна. Безлюдные земли занесены снегом, Дремлющий лес зимой становится опасным даже для слуг Неназываемого, Рачье герцогство раскачается только месяца через два.

Угорь задумчиво покачал головой.

— Враг будет ждать весны, когда перевалы освободятся от снега.

— А если не будет? — спросил Эграсса. — Если Неназываемый почувствует слабость, не боитесь попасть под бросок кобры?

— Если не будет, то эта зимняя кампания заберет четверть его армии, треш Эграсса.

Воины углубились в споры и обсуждение возможных вариантов нападения врага. Кли-кли отчаянно зевнула, прикрывая рот ладошкой, да и я, признаюсь честно, держался из последних сил. А вот другим хоть бы что. Железные они, что ли? Прежде чем заснуть, я убрал Рог Радуги обратно в сумку, а заодно проверил наличие других вещей. Ключ присутствовал, а вот изумруды, которые я с таким усердием протащил через половину Костяных дворцов, бесследно пропали. Я бы рассмеялся, но слишком уж хотелось спать. Проклятые орки все же умудрились украсть причитающееся мне, чтоб им пусто было!

* * *

В середине ночи вновь начался дождь, но я укрылся эльфийским плащом и до самого утра проспал без задних ног. Последние дни я спал без всяких сновидений. Стоило лишь закрыть глаза, и я проваливался в какое-то вязкое и темное болото, из которого меня вытаскивал Мумр. Вот и сегодня я проснулся лишь после того, как Фонарщик потрепал меня по плечу. Эх! Совсем я от такой жизни хватку потерял! Раньше просыпался на каждый подозрительный звук, а теперь по вечерам наваливалась жуткая усталость, и разбудить меня могли только залпы гномьих пушек.

Я вылез из-под плаща и сонно захлопал глазами. Дождь, на наше счастье, кончился, зато неведь откуда взялся туман. И это в конце октября! Конечно же это Загаба, но у нас в Авендуме в это время года туман — большая редкость, если не сказать — чудо. Туман тягучей молочной завесой повис меж елей, и деревья, находящиеся от нас в пятидесяти

метрах, уже были скрыты под его пологом. Я проснулся последним, все остальные уже встали. Халлас раздавал скудный паек. Заметив меня, гном подмигнул и всучил кусок черствого хлеба и ломоть вяленого мяса. Вот и весь завтрак.

— Сколько времени? — простонал я.

— Тьма его знает, Гаррет, — обронил Делер, востривший точильным камушком лезвия любимой секиры. — Небывалый туман, так что сказать ничего не могу, но рассвело не далее как пятнадцать минут назад.

— Выступаем. Гаррет, скатывай одеяло. — Алистан Маркауз не собирался ждать, когда я окончательно проснусь.

Сейчас мы шли медленно, неизвестно что скрывалось в тумане, и наткнуться в нем на орочий секрет — плевое дело. Так что приходилось идти с оглядкой на возможные неприятности. Кругом властвовала абсолютная тишина, все звуки пожирала туманная пелена, и даже журчащий ручей теперь звучал как-то приглушенно и зловеще. Кли-кли ежилась и опасливо вертела головой. Заметив, что я на нее смотрю, она построила рожицу, но все же сказала:

— Ненавижу туман, мы в нем как слепые.

— Не бойся, Кли-кли, — подбодрил ее Халлас. — Если бы в тумане что-то было, мы бы давно влипли в неприятности. Сам ведь знаешь.

— Знаю, — буркнула она. — Но все равно как-то мне нехорошо. Что-то должно случиться. Носом чую.

— Вот только панику не надо наводить, шут, — попросил Угорь, но, несмотря на свой скептический тон, проверил, легко ли выходят из ножен "брат" и "сестра".

Гоблинша лишь разочарованно вздохнула.

О ее предупреждении мы вспомнили минут через сорок. Уже стало достаточно светло, но туман и не думал исчезать, а оттого мы не сразу смогли расслышать этот звук.

— Бум-м-м! Бум-м-м! Бум-м-м!

Туман съедал звуки, и рокот барабанов я скорее ощущал кожей, чем ушами.

— Орки! — просипел Делер, хватаясь за секиру.

— Достали все-таки!

Халлас витиевато выругался, мешая людской и гномий языки. В краткой речи гном успел помянуть орков, появившихся на Сиале по какому-то недоразумению. Дальше пошло перечисление сношений, которыми занимаются Первые в свободное от стука в барабаны время. От столь внушительного списка извращений любое разумное существо должно было

возненавидеть Первых на всю оставшуюся жизнь. Делер потрясенно внимал злой речи своего напарника, Кли-кли вроде как несколько смутилась. Уверен, что она слышала подобное и до этого момента, но в столь большом количестве — никогда. В другое время я бы восхитился умению Халласа плести столь сложную ругательную вязь, но сейчас было не до того — орки вновь сели нам на хвост. Милорд Алистан и Эграсса тоже не собирались выслушивать гномьи тирады.

— Халлас, молчи! — рыкнул граф.

Гном заткнулся на середине особо цветистого оборота, и Эграсса лег на землю, разгреб листья, сказал несколько слов на гортанном наречии и стал слушать. Барабаны не смолкали.

— Они в полутора часах от нас. Очень быстро продвигаются.

— Сколько их, треш Эграсса? — спросил граф, сжимая рукоять меча и сисясь хоть что-то разглядеть за стеной тумана.

— Не знаю, милорд. Я не мастер вязать такие заклęcia. Все, что могу сказать, — их много.

— Не очень-то помогли нам твои пчелки, шаман! — с неприкрытой ехидцей обратился к Гло-гло Халлас. — Ну и что ты теперь намерен делать?

— Взять тебя за ноги и отдубасить твоей башкой орочью армию! — вспыхнул Гло-гло. — Если бы не мое заклęcie, тебе бы уже поджаривали пятки!

— Не обращайтесь на него внимания, почтенный! — вмешался в перебранку Делер. — Это он не со злобы, а по скудоумию.

Халлас от такой несправедливости поперхнулся, пошел красными пятнами, сжал кулаки, но в драку не полез. Сейчас не время для драк и споров.

— Вы можете нам помочь, почтеннейший? — взял быка за рога милорд Алистан.

— Если милорд граф имеет в виду очаровательных пчелок или какую-нибудь бурю с молниями, то мой ответ — нет. Я теперь еще долго не смогу сотворить что-нибудь внушительное. Так, по мелочи.

— А Кли-кли? — ляпнул я.

— Не та специализация, Гаррет, — покачал головой Гло-гло. — Ему еще учиться и учиться.

— Только колдующего шута мне сейчас и не хватает! Хоть что-то вы можете?

— Да, я в силах увести от вас погоню, по крайней мере на время. И вот, возьмите. — Гло-гло протянул милорду Алистану нечто напоминающее

комок грязи.

По-моему, это и была грязь.

— Что это? — скривился Фонарщик.

— Ваше спасение. — Гло-гло вытер руки о плащ. — Если совсем припрет к стенке, раздавите этот комок в кулаке, и те, кто вас преследует, пойдут за тем, кто раздавит грязь.

— В чем смысл? — не понял Угорь.

— Смысл в том, что тот, кто активизирует заклятие, побежит прочь от отряда, а орки последуют за ним, считая, что гонятся за всеми. Беда в том, что этот одиночка, скорее всего, погибнет, орки след не отпускают и рано или поздно нагонят. Так что, милорд, сами решайте, кто из вас побежит в случае чего. Я смогу увести тех, кто сейчас идет за нами, и увести далеко, мне на это сил, спасибо лесным духам, еще хватит, так что опасайтесь не тех, кто за спиной, а тех, кто впереди. Преследователи, раз они выжили, скорее всего, успели сообщить родичам о беглецах, а впереди два крупных орочьих поселения. Лес наводнен Первыми, так что смотрите в оба. Идите вдоль ручья до озера, поворачивайте на северо-запад, и через четыре дня Золотой лес кончится. Может, прорветесь. Треш Эграсса, надеюсь, вам улыбнется удача.

Эльф кивнул.

— Я все сказал, идите быстро, старайтесь не останавливаться, но и не зевайте. Кли-кли, на минуту.

Гло-гло увел внучку в сторону и стал ей что-то втолковывать. Остальные занялись проверкой вооружения.

— Гаррет, проверь свои сапоги, — посоветовал мне Угорь.

— Зачем?

— Быстро пойдем. Точнее, побежим. Если натрут ногу, времени остановиться не будет.

Я счел за лучшее последовать совету Угря. Подбежала Кли-кли, и Гло-гло обратился ко всем нам:

— Да сохраняют вас лесные духи, — а затем добавил только для меня: — Береги себя, Танцующий, и сделай то, что должно.

Не знаю, что он имел в виду под словом "сделай", но я на всякий случай кивнул:

— Спасибо, что вытащил меня из лабиринта, Гло-гло.

Старый шаман лишь усмехнулся и, кивнув на прощание, скрылся за деревьями.

— Вперед, — сказал Эграсса и побежал вдоль ручья.

Глава 16

Песнь флейты

Бежать дальше не было сил, и я попросту рухнул на землю. Сейчас надо полежать, отдышаться, набраться сил. Но мечтам не дано было осуществиться. Меня с двух сторон подхватили под руки и рывком поставили на ноги.

— Догоним... Убьем... Догоним! — пели барабаны за стеной тумана.

— Беги, Гаррет! — просипел Угорь.

— Еще немного! — поддержал товарища Фонарщик. — Давай, парень! Ты справишься!

Я, хватая ртом воздух, кивнул. В боку нещадно кололо, но бежать надо, никуда не денешься.

— Взяли! — рывкнул Угорь, и они вдвоем с Мумром потащили меня вперед.

Я по мере сил и возможностей перебирал ногами. Халлас и Делер последовали примеру Мумра и Угря и взяли в оборот уставшую Кли-кли. У той даже не было сил сопротивляться. Выходит, только я и гоблинша не выдержали двухчасовой гонки. Воины тоже устали, а тут еще мы на них повисли, словно спелые груши. Минут десять я пользовался услугами Угря и Фонарщика, а затем побежал сам.

— Сможешь? — на всякий случай спросил меня гарракец. — Давай копье.

Я едва заметно покачал головой и, стиснув зубы, побежал.

— Догоним... Убьем...

К полудню туман так никуда и не исчез. Казалось, Заграба решила навеки спрятать нас от глаз всего мира в своих дремучих пущах. Но мне сейчас было все равно. Когда спустя вечность Эграсса понял, что лишь он один может поддерживать заданный темп, а остальным требуется срочный отдых, эльф скомандовал привал. Я где стоял, там и упал.

— Как тебе такие гонки? — просипела Кли-кли, ловя воздух ртом.

— Я не привык к забегам на столь длительные дистанции, — ответил я. — Как сам?

— Со мной все в порядке. А вот Делеру, тащившему меня на закорках, последние сорок минут пришлось тяжеловато.

— Не беспокойся, дружище, я в порядке. — Делер, как и все, дышал словно пробитые кузнечные мехи.

— Что-то я не вижу, — фыркнула Кли-кли. — Больше так не делай. Я и сам смог бы бежать.

— Я что, по-твоему, слепой? Думаешь, не видел, как у тебя ноги подкашивались?

— Барабаны стихли! — влез в нашу беседу Угорь. Он сидел, прислонившись спиной к стволу старого златолиста.

Я стал вслушиваться в наступившую тишину, но тяжелое сопение гнома зверски мешало.

— Халлас, прекрати сопеть! — попросил Мумр.

Гном яростно хрюкнул, но спорить не стал и постарался не пыхтеть. Действительно, рокота орочьих барабанов, суливших нам все земные муки, больше не было слышно.

— Неужели отстали? — облегченно спросил Мумр.

Фонарщику пришлось тяжелее всего. Бегать по лесу с биргризенном, да еще и за мной приглядывать — не очень легкое занятие.

— Или Первые решили преследовать нас молча, что для них совсем нехарактерно, или гоблину удалось сбить их со следа, — задумчиво протянул Эграсса. — Сколько вам потребуется времени для отдыха, милорд?

— Сколько у нас есть?

— Чуть больше десяти минут, затем придется отправиться в путь, если мы не хотим, чтобы на нас наткнулись орочьи патрули. Пойдем вдоль ручья, благо он течет на север. Орки не боги, они вполне способны потерять наш след, и если мы поторопимся, то выберемся из Золотого леса через неделю. А потом нам потребуется еще неделя, чтобы выбраться из Заграбы.

— Мы расшевелили Первых, так что вряд ли они оставят нас на границе Золотого леса, Эграсса, — возразил Угорь.

— Может, ты и прав, а может, и нет, — ответил гарракцу темный эльф. Если не будем шуметь и привлекать к себе внимания, я вполне смогу вывести вас из Заграбы. Только ради всех богов — идите очень тихо. Туман густой, орки близко, и я предпочитаю, чтобы не они первыми заметили нас, а мы узнали об их присутствии.

* * *

По мне, так восьмерка орков передвигалась очень тихо, а вот на слух Эграссы — они слишком сильно шумели, так что нам не составило труда

схорониться и навалиться на врага всем скопом. Первых нельзя было отпускать, они могли наткнуться на наши следы и, поняв, что мы их облапошили, броситься в погоню или еще того хуже — предупредить приятелей. В этом случае весь эффект внезапности будет утерян, и мы вновь окажемся в роли лисицы, убегающей от своры гончих. Я бы, конечно, с радостью никуда не лез, но нас было восемь на восемь, и сейчас каждый клинок на счету, так что в драку пришлось лезть наравне со всеми.

Все закончилось, едва успев начаться. Орки не подозревали о нашей засаде, и эффект внезапности сыграл для них роковую роль. Кли-кли и Угорь одновременно бросили метательные ножи, а Эграсса взялся за лук. Прежде чем орки что-то поняли, четверо уже были мертвы, еще четверо схватились за ятаганы. Один из орков бросился к Эграссе как к самому опасному, но дорогу Первому преградил Мумр, которому было велено защищать нашего единственного лучника во что бы то ни стало. Фонарщик встретил Первого "глупцом", ("Глупец", или срединная железная дверь, — одна из защитных стоек в фехтовании двуручными клинками) и орк купился на этот хитрый прием.

Мумр не собирался поднимать меч для удара, он просто "вошел" и нанес стремительный укол орку в пах, тут же "утек" в сторону, оказался за противником и одним плавным движением перерубил Первому ногу. В этой кратковременной стычке я не успел принять участия. Алистан, удерживая батарейный клинок двумя руками, сшибся с другим орком, но противники успели обменяться всего лишь одним ударом, так как Эграсса всадил орку в спину стрелу. Такая же участь постигла орка, наравшегося на Делера. Несмотря на бой, карлик заметил Эграссу, который уже держал стрелу на тетиве. Делер не стал геройствовать, а проворно отскочил в сторону, давая эльфу возможность выстрелить, не опасаясь попадания в карлика. Орк получил стрелу в глаз и свалился на землю. Последнего из четверки свалил Халлас. Первый пытался ударить гнома топором, но Счастличик схватился за древко топора врага, ударил орка мотыгой в ногу и, когда Первый отпустил свое оружие и стал заваливаться на спину, гном перехватил топор и опустил его на голову упавшего врага. Весь бой занял чуть больше двадцати секунд.

— Видал, как я его? — спросил у Делера гордящийся собой Халлас.

— Неплохо, — похвалил гнома карлик и тут же добавил ложку дегтя: — Вот только что было бы, если бы орк был немножечко порасторопнее и догадливее?

— Ты это о чем? — нехорошо нахмурился гном.

— Это я о том, что только дураки берутся за древко топора у его

основания. А если бы Первый подкрутил древко второй рукой? Ты бы как пробка из бутылки игристого вина в кусты улетел!

— Тоже мне вояка! — оскорбился Халлас. — Думаешь, я не видел, как ты от того орка отпрыгнул?

— Хватит, Халлас, — успокоил разбушевавшегося гнома Угорь. — Главное, что все целы. Что будем делать с телами, Эграсса?

— Спрячем, может, их и не найдут какое-то время.

— Как мы их, а, Гаррет? — спросила меня Кли-кли. — Прямо как орехи. Видел, как я нож кинул?

— Нет.

— Эх! Многое упустил, — разочарованно вздохнула она.

— Ты мне лучше скажи, когда туман пойдет на убыль?

— А я откуда знаю? Тут уж как лесные духи распорядятся.

— Кли-кли, вытаскивай свои ножи и мои стрелы, а все остальные берите этих за руки и за ноги и тащите подальше от ручья, — приказал эльф. — Все же я рискну применить немного магии, может, это собьет орков со следа.

Тела мы спрятали меж корней двух старых и почти переплетенных между собой дубов. Сверху насыпали гору пожухлой листвы. Угорь и Халлас еще раз прошлись по месту битвы и постарались уничтожить все следы крови. Эграсса между тем накладывал на могилу какое-то заклятие.

— Зря пыжимся, — вздохнул Мумр, вытирая пучком листьев лезвие своего меча. — Тут натоптано, словно стадо мамонтов гуляло. Землю на место не поставишь и листья обратно не уложишь. Была бы здесь леди Миралисса...

— Тут уж ничего не поделаешь, Мумр, — согласилась с ним Кли-кли. — Я мог бы попробовать, но не уверен, что мое колдовство не послужит колоколом для всех шаманов орков.

— Даже не думай об этом, Кли-кли! Мало нам неприятностей, так еще ты со своими фокусами. Я еще не забыл, как ты спалил сторонников Неназываемого и нас чуть не поджарил! — фыркнул Делер. — Давай уж, пока есть такая возможность, проживем без твоих заклинаний.

— Мое дело предложить. — Кли-кли нисколечко не обиделась на слова карлика. — Тогда нам просто лучше быстренько свалить, пока не грянуло.

— Мудрые слова, шут, — угрюмо бросил Алистан Маркауз и вогнал меч в ножны. — В путь!

* * *

Боги миловали, и за весь остаток дня нас никто не обнаружил. Однажды Эграссе почудилась отдаленная барабанная дробь, но это был всего лишь ветер, гулявший в ветвях порядком избавленных от листвы деревьев. Ручей, сопровождавший нас все эти два дня, разросся до размера небольшой речушки, которая, в свою очередь, втекала в большое озеро, к которому мы вышли уже в сумерках. Туман и подступающая темнота сделали свое дело, и противоположного берега озера видно не было.

Заночевали на берегу, устроив себе лежбище в густых зарослях высохшего камыша. Мумр отошел в сторону и спугнул одинокую утку, но Эграсса даже не подумал ее подбить. Приготовить птицу было не на чем, так как разжигать огонь эльф нам запретил. Пришлось довольствоваться остатками скудных запасов. Халлас ворчал, что еще два дня, и нам придется научиться есть листья.

Ночь выдалась тревожной и очень зябкой. Холодные порывы ветра, завывающего в волнующемся море камыша, пробирали до костей, и я, дрожа от холода, несколько раз просыпался. Жуткие звуки. Затем вновь засыпал. Впрочем, стоило мне уснуть, как тут же снилось, что через высокие камыши крадутся орки и вот-вот на нас нападут. Я снова просыпался и долго смотрел на колышущуюся стену сухой травы, смотрел до тех пор, пока опять не засыпал.

Милорд Алистан поднял нас еще засветло, и мы, укутанные густым туманом, продолжили путь на север.

* * *

К тому времени как рассвело, мы прошли изрядный кусок пути. Озеро осталось далеко за нашими спинами, но проклятый туман и не думал растворяться под первыми солнечными лучами, и от этого Заграба казалась лесом из сказки о призраках. Из молочной пелены вырастали темные силуэты древесных стволов. Казалось, что вся округа умерла или затаилась, ожидая, когда туман сгинет из леса. Такое же молчание в Заграбе было, только когда мы проходили через Красное урочище. Стоило мне подумать о том, что произошло с нами в урочище, и сердце неожиданно кольнуло тупой иглой. Я одернул себя и постарался не думать о неприятностях. Еще не хватало накаркать Х'сан'кора по нашу душу. Но чем больше я старался

не думать о страшном, тем сильнее в голову лезли всякие неприятные мысли. Тупая игла из сердца никуда не делась, и я морщился и шипел, когда следовал особенно сильный укол. Наконец я не выдержал и шепотом спросил у Кли-кли, которая в прошлый раз первая что-то почувствовала:

— Кли-кли, тебя ничего не беспокоит?

Она приостановилась, втянула носом воздух и, немного подумав, ответила:

— Насморк.

— Да я не про то! — капельку разозлившись на ее недогадливость, отмахнулся я. — Ты ведь в Красном урочище почуял неладное.

— Почуял, — согласилась она. — Так там опасность была. А здесь я ничего такого не ощущаю. Разве что лес спит, но это из-за тумана всегда так бывает. Если и есть опасность, то она самая обычная, я такую почувствовать не могу. А вот ты... Ты Танцующий с тенями, может, поэтому... Делер, иди скажи Эграссе, что нашему Гаррету как-то беспокойно. Как бы беды не вышло.

Делер не стал спорить, он даже нисколько не удивился, лишь внимательно зыркнул на меня из-под рыжих бровей и пошел к находящемуся впереди отряда эльфю.

Никого предупредить карлик так и не успел. Все произошло быстро и очень неожиданно. Из тумана молча вынырнули тени с обнаженными ятаганами, двое или трое прыгнули с деревьев, находящихся по сторонам от нашей тропинки, и в довершение земля в двух местах взорвалась фонтанами листьев и из замаскированных ям выбралось несколько тварей, очень напоминающих помесь обезьяны и волка. Засада была организована мастерски. Видать, нас очень давно поджидали, и на этот раз мы, а не Первые попали врасплох.

— Орки! — заорал Мумр, срывая с плеча биргризен.

— Лирде драаст! П'ун эдрон! (Взять живыми. Кроме эльфа! (Орк)) крикнул один из орков.

Кто-то из Первых дунул в маленький ловчий рожок, и неожиданно громкий звук разнесся по всему лесу, растревожив туман. В руках Эграссы уже был лук, и проклятый трубач, забыв о своем рожке, схватился руками за застрявшую в его груди стрелу. Но было поздно — где-то далеко-далеко, на самой границе слышимости, прозвучал другой рожок. Прежде чем бой закрутил меня в смертельном вихре, я успел увидеть, что Угорь сдерживает двоих орков и не дает им приблизиться к Эграссе. Затем мне стало не до чего. Я и Кли-кли ближе всех находились к ямам, и обезьяноволки, рыча, бросились в нашу сторону. Они двигались очень проворно, но как-то

боком, словно крабы. Тощие, обросшие грязно-желтой шерстью с бурыми подпалинами, внушительным набором волчьих зубов и мощными ошейниками, утыканными шипами.

— Грууны! — пискнула Кли-кли и бросила в ближайшую тварь один из четырех ножей.

Нож угодил грууну точнехонько в бок. Ручная тварь орков взвизгнула, перекувырнулась через голову и задержалась, загребая лапами землю и листья. Остальные пять тварей, нисколько не смутившись гибелью товарища, продолжали переть на нас.

— Бах! — грохнуло у меня за спиной.

Халлас использовал свою последнюю пистоль. От неожиданного звука один из груунов остановился как вкопанный, и Делер, только что расправившийся со своим орком, швырнул в зверя извлеченной из-за спины малой секирой, а точнее метательным топором. С глухим звуком оружие раздробило грууну голову. Раздробило, но не убило. Истекающая кровью тварь от боли и ярости, как видно, лишилась последних мозгов и вцепилась в ногу ближайшему орку.

— Берегись! — заорала Кли-кли.

Я совершенно машинально выставил перед собой красту, и груун со всего маху напоролся на острие копья. Кли-кли бросила следующий нож, но на этот раз не так удачно, и оружие впилося твари в ляжку. Пока зверюга визжала и крутилась на месте, оставшиеся в живых кинулись на меня одновременно и с двух сторон. Я отчаянно дернул красту на себя, освобождая оружие от повисшего на нем тяжелого тела. Один из груунов вытянулся в прыжке, целясь мне в горло, и получил в бок стрелу. Спасибо Эграссе. Тварь со всего маху врезалась в меня, и мы упали на землю. Я проворно откатился в сторону, едва не потеряв копье, а на то место, где я только что находился, всеми четырьмя лапами упал последний из груунов. Все же расстояние было слишком небольшим, и зверюга задела меня передней лапой. Когти без труда вспороли куртку, и меня спасло лишь то, что под ней находилась так нелюбимая мной кольчуга. Не обращая внимания на боль от удара, я пихнул тварь обеими ногами в морду. Груун взвизгнул, отлетел в сторону, умудрился приземлиться на лапы и вновь прыгнул на меня. Я уже был на ногах и сумел подготовиться. Копье встретило грууна в воздухе, и Дымчатая сталь без труда перерубила обезьяну на две половины. Я даже не почувствовал никакого сопротивления. Кли-кли между тем прикончила раненого грууна и теперь поспешно извлекала из трупов свои ножи. Где-то справа визжал меч милорда Алистана. Эграсса сменил лук на с'каш и спина к спине с Угрем

отражал атаки нападающих на них орков.

— Сзади, Гаррет! — гаркнули мне, по-моему, это был Мумр.

Я не мешкая отпрыгнул в сторону. Орк, собиравшийся снести мне голову, видимо, расстроился до невозможности и поэтому полез напролом. Взвизгнул метательный нож, но Кли-кли угодила Первому прямо в центр щита, на котором была изображена какая-то диковинная птица. Копье длиннее ятагана, у меня было небольшое преимущество, и я удерживал орка на расстоянии до тех пор, пока Кли-кли не бросила следующий нож. Этот угодил в плечо. Угодил и отскочил. Видно, под желтой курткой орка скрывался доспех. Я не мешкая рубанул крастой, орк проворно закрылся круглым щитом, но копье Серого без труда разнесло дубовый щит, а также руку Первого. Я крутанулся вокруг своей оси, и орк лишился второй своей руки. Люблю волшебные игрушки!

— Караде тиг су'ин тар! (Отправьте их во тьму! (Орк)) — вновь гаркнули на орочьем.

Так, с этим покончено, как там у других дела? Угорь и Эграсса держатся, Делера не видать, Мумр успешно отмахивается своей оглоблей сразу от троих, Халлас только что прикончил Первого, разбив ему мотыгой лицо, Кли-кли бросилась на помощь Фонарщику... А вот милорд Крыса долго не продержится, тот парень с копьем, что подбирается к нему сзади, сейчас насадит нашего графа на вертел. Я заорал, привлекая внимание орка, и, потрясая крастой, бросился на помощь Алистану Маркаузу. Орк принял вызов и, перехватив копье двумя руками, словно шест, шагнул в мою сторону. Он бил то острием, то "пяткой", и мне едва хватало времени, чтобы отражать его удары. Ни о какой контратаке не могло быть и речи. Тут бы выжить. Первый оказался жутко проворен, он едва не заехал мне "пяткой" в лицо, и меня спасло то, что я успел отклониться назад. Но, проделав это, я потерял устойчивость, и орк атаковал серединой древка, находящегося между его рук, попросту оттолкнув меня от себя. Едва не упав, я что есть силы вмазал Первому древком красты по пальцам. Орк взвыл от боли, выпустил копье из левой руки, и я ударил той частью древка, что была ближе к "пятке", Первого под колени. Враг рухнул, и я, не задумываясь, пригвоздил его к земле. Выдернул красту, поспешно огляделся.

Милорд Алистан добивал последнего из своих противников. Орк закрывался от ударов батарного клинка уже порядком изрубленным щитом, но минуты Первого были сочтены. Кли-кли вроде цела. Эграсса и Угорь уже спешат нам на помощь, они расправились со своими противниками. Халлас, находящийся от меня дальше всех, теснит орка. Гном выбил из рук

Первого ятаган, и теперь орку приходится защищаться только кинжалом. Гном сделал шаг вперед, чтобы навсегда покончить со своим противником, но споткнулся о тело грууна и на мгновение потерял равновесие. Первый тут же воспользовался гномьей оплошностью, оказался рядом со Счастливым и, схватив того за бороду, дернул на себя, одновременно ударяя кинжалом в незащищенное лицо гнома. Гном упал, а орк занес кинжал для последнего удара. Я бросился на помощь, хотя понимал, что опоздаю, но меня опередил Делер. Он взревел и двумя руками швырнул в склонившегося над гномом орка свою страшную секиру. Оружие превратилось в воздухе в размытый сияющий круг и врезалась в Первого, раскроив верхнюю часть торса и голову.

— Делер, сзади! — крикнул Угорь, но было уже поздно.

Оказавшийся за спиной карлика орк ударил Делера коротким широким клинком, так непохожим на привычные орочьи ятаганы. Удар был такой силы, что острие меча вышло из груди воина. Дикий зашатался и рухнул на колени. Прежде чем орк успел высвободить меч, вновь взявшийся за лук Эграсса превратил Первого в подушечку для иголок.

Все было кончено. Орк, ударивший Делера мечом, был последним. Все бросились к Халласу и Делеру. Груун, получивший от Эграссы стрелу в бок, все еще был жив и, скуля, пытался достать стрелу зубами. Я задержался, чтобы добить зверюгу. Охотничьи рожки орков вновь подали голос, но на этот раз гораздо ближе.

— О свет! — простионала Кли-кли, рухнувшая на колени возле Халласа. — О свет! Сколько крови! Сколько крови!

Она без остановки твердила про кровь, и в ее глазах плескалась паника. Я впервые видел нашу шутессу в таком состоянии.

— О свет! Как же это, а? — Рядом с гоблиншей валялся орочий кинжал с зазубренным клинком.

Стоило мне только увидеть гнома, и я понял, что дело плохо. Удар орочьего кинжала пришелся в правую щеку. Лезвие было зазубрено, и от этого рана получилась неровной. Правая половина лица Халласа представляла собой одну сплошную рваную рану. Орк ударил оружием сверху вниз — от этого пострадал глаз Счастливого. Теперь на его месте зияла кровавая дыра. И кругом кровь. Много крови. Гном был пока еще жив, но, кажется, без сознания.

Эграсса бесцеремонно отодвинул Кли-кли в сторону и начал действовать, шепча орочью скороговорку и сыпля прямо на открытую рану какой-то желтый порошок.

— Угорь! Что с Делером?! — каркнул Фонарщик, суется возле

Халласа.

— Умирает! — донеслось до нас.

— А тьма! А тьма! А чтоб вас всех! — взвыл Мумр. — Гаррет, дуй к Угрю, может, еще можно...

Я, уже не слушая, бросился на помощь к Угрю. Тут же был и милорд Алистан. Гарракец не рискнул вытаскивать меч из спины карлика, это бы усилило и без того сильное кровотечение. Делер был в сознании и пытался что-то сказать, но лишь беззвучно шевелил губами.

— Ему можно помочь? — спросил я.

— Разве что чудом, — хмуро бросил Алистан Маркауз. Но чуда не произошло. Через минуту, так ничего и не сказав, рыжий карлик умер.

— Да пребудешь ты в свете, — пробормотал Угорь и осторожно закрыл Делеру глаза.

Как же нас так угораздило вляпаться! Как глупо все получилось! Делер мертв, Халлас на пороге смерти. Кто недоглядел?

— Гаррет, потом будем горевать! — Угорь яростно тряхнул меня за плечо. — Очнись!

Гарракец прав: сейчас не время. Мумр незнамо откуда добыл чистые тряпки и перевязывал рану гнома. Тряпки враз пропитались кровью, но

после магической помощи Эграссы кровь хотя бы немного приостановилась.

Рожки орков предупредили о том, что Первые спешат к нам изо всех сил, и тут же справа им ответили другие.

— У нас мало времени, Мумр.

— Знаю! — зарычал воин, бинтуя голову гнома. — Уже заканчиваю!

— Делер? — задал вопрос эльф.

— Мертв.

Кли-кли ойкнула и закрыла лицо руками. Я похлопал ее по плечу, пытаюсь хоть как-то утешить.

— Пора уходить! Орки скоро будут здесь!

— Я закончил! — Руки у Фонарщика были в крови. — Но долго ему не продержаться, боюсь, мы только отсрочили конец.

— Будем надеяться на лучшее. Нет времени делать носилки, гнома придется нести, — сказал Алистан.

— Кли-кли, — обратился я к хлюпающей носом гоблинше, — возьми красту.

Гнома придется нести мне, потому как, если нас настигнут орки, воины должны быть готовы отразить нападение.

— Ты один не справишься, — остановил меня Фонарщик. — Угорь, на тебе мой клинок.

Гарракец кивнул и взвалил биргризен себе на плечо.

— Взялись, Гаррет! Только ради всех богов, осторожнее! — Мы аккуратно подняли раненого гнома.

— А Делер? — всхлипнула Кли-кли. — Разве мы его не похороним?

— У нас нет на это времени, гоблин. Лесные духи позаботятся о его теле, — ответил Эграсса.

Кли-кли неохотно кивнула и как-то сникла. Рожки орков перекликались в тумане.

— Уходим, пока не поздно!

Покидая поле битвы, я бросил последний взгляд на Делера. Пока мы пытались спасти Халласа, Угорь успел позаботиться о мертвом. Он извлек орочий меч, положил на грудь карлика его секиру и сложил руки мертвого на ее древке. Мумр на ходу шептал слова погребальной песни Диких Сердец. Мы прошли метров двадцать, когда Кли-кли неожиданно развернулась и бросилась назад.

— Стой, Кли-кли! — гаркнул я, но она даже не подумала остановиться. — Стой, дурак!

— Что он делает?! — выругался милорд Алистан. — Вернись, шут!

— А тьма! Только этого нам еще не хватало!

Гоблинша вернулась спустя минуту. В руках она держала шляпу-котелок карлика. Милорд Алистан помянул тьму, но головной убор Кли-кли устраивать не стал, как видно отложив ее до более спокойных времен.

Быстро с раненым гномом не побегаешь, но нам это как-то удавалось... пока. Когда руки вот-вот должны были отвалиться, нас с Мумром сменили Угорь и Алистан Маркауз. Во время пути еще дважды менялись и столько же раз останавливались, чтобы проверить состояние гнома. Надо ли говорить, что Халлас держался только каким-то чудом, но Эграсса лишь огорченно качал головой:

— Его часы сочтены. Эту ночь Халлас не переживет.

— Посмотрим! — зарычал Угорь, злясь на весь белый свет.

— Мы не сможем нести его вечно, этим мы лишь делаем ему еще хуже.

— Ты предлагаешь его бросить?!

Желтые глаза эльфа сверкнули бешенством, и он положил руку на рукоять своего кривого ножа.

— Ты забываешься, — Тон у эльфа был уж очень холодным.

— Только дуэлей мне сейчас не хватало! — рассвирепел милорд Алистан. — Угорь!

Угорь заиграл желваками, но все же сказал:

— Прости Эграсса, погорячился.

Темный эльф едва заметно кивнул.

— Понимаю. Но мы не можем бежать вечно. Первые не далее как в десяти минутах от нас. Второго такого боя нам не выдержать, к тому же у них могут быть луки.

— Нам придется принять бой, — согласился гарракец. — Лучше это сделать сейчас, пока мы еще не падаем от усталости.

— Этот бой будет последним.

— Пусть так, эльф. Пусть так. Но я не собираюсь ждать заклятия и попытаюсь продырявить нескольких Первых.

Эграсса повернулся к милорду Алистану:

— Милорд?

— Мне нужна минута, я думаю, — сдвинув густые брови, сказал капитан гвардии.

— Хорошо. Гаррет, Кли-кли, будьте рядом с Халласом. Угорь, справа. Мумр, слева. Постарайтесь продержаться подольше и не подпускать их, пока у меня не кончатся стрелы. Видите вон тот златолист...

Эльф продолжал отдавать приказания, но я уже не слушал. Забери

меня Неназываемый! Неужели это все?!

— Главное, чтобы не было лучников, — тихонько сказала Кли-кли.

Ее пальцы мелькали в отчаянном плетении какой-то сложной фигуры.

— Ты уверена в том, что делаешь? — осторожно спросил я у нее.

— Я еще никогда не была так уверена, Танцующий. Это, конечно, не Пчелы возмездия, но Пылевой молот им вряд ли придется по вкусу.

— Сколько их?

— Столько же, сколько на нас напало. Не больше семнадцати.

— На нас напало семнадцать орков?!

— И пять их собачек-груунов. А ты не заметил? Если бы не Эграсса с луком, нас бы потрепали гораздо сильнее.

— Послушайте меня! — неожиданно сказал молчавший все это время Алистан Маркауз. — Не стоит начинать бой сейчас. Кли-кли, лови!

Он что-то бросил гоблинше, и та ловко поймала маленькую вещицу. Это оказался серебряный перстень с личным гербом графа.

— Милорд, не надо! — испуганно вскрикнула Кли-кли.

— Надо, шут, это ваш единственный шанс. Если доберешься, отдашь моему сыну.

— Что происходит? — ничего не понимая, спросил Мумр. Впрочем, не только он один ничего не понимал. Не все так умны, как Кли-кли или Угорь.

— Вы уверены, милорд? — спросил гарракец. — Может, лучше я?

— Я уверен, — ответил капитан гвардии. — Шаман знал, поэтому и отдал мне эту вещь. Я попробую увести их от вас как можно дальше. Эграсса, веди отряд!

— Не беспокойтесь, милорд. Я доведу их до самого Авендума, торжественно кивнул темный эльф. — Возьмете красту? С ней вы продержитесь дольше.

— Нет, я привык к мечу. Гаррет!

— Да, милорд? — Во рту отчего-то пересохло.

— Передай Рог Арцивусу, чтобы он загнал ту тварь обратно в снега. Если не сделаешь, я тебя с того света достану!

Я лишь кивнул. Граф достал комок Гло-гло, сжал его в кулаке, и тут же из воздуха появились наши призрачные двойники. Милорд Алистан развернулся и, не оглядываясь, побежал на запад. Наши двойники последовали за ним, оставляя на земле вполне реальные следы.

— Эграсса, надо торопиться. Заклинание Гло-гло не продержится вечность, и скоро мы опять будем оставлять следы.

— Ты прав, Кли-кли. Гаррет, Мумр! Поднимайте гнома.

Звуки рожков давно стихли, а мы все бежали и бежали. На душе было пусто — мы живы только благодаря тому, что милорд Алистан увел орков. Умом я понимал, что графа никто из нас больше никогда не увидит, во всяком случае, в этой жизни... но вот в сердце еще теплилась надежда. Может, обойдется? Может, ему удастся обмануть орков, а потом догнать нас?

— Пока я не увижу его тело, буду считать милорда живым, — словно читая мои мысли, тихо произнесла идущая рядом со мной Кли-кли. — Что я теперь скажу королю?

Ее вопрос остался без ответа.

— Надо остановиться, — пропыхтел Мумр. — У него вновь открылось кровотечение.

Я скосил глаза на Халласа. Действительно, из-под повязки сочилась кровь.

— Эграсса! Угорь! — позвала Кли-кли идущих впереди воинов. — Нам надо остановиться.

— Не время, — отрезал Эграсса.

— Если мы не остановим Халласу кровь, он умрет!

— Хорошо, но делайте все быстро. Ловчие отряды потеряли наш след, но это всего лишь отсрочка.

Мы опустили Халласа на ковер из осенних листьев, и Кли-кли с Угрем стали суетиться над раненым гномом.

— Гаррет, Мумр, на минутку, — позвал нас эльф. — Я постерегу, а вы пока достаньте две длинные крепкие палки. Пока есть время, попробуем соорудить носилки.

— Двумя палками не обойдешься, треш Эграсса, — ляпнул я.

— Знаю, привяжем между ними плащи из дрокра. Ткань должна выдержать. Не мешкайте, у нас и вправду почти не осталось времени.

Мумр извлек из-за пояса Халласову мотыгу, положил ее рядом с крастой и взялся за двуручник. Долго искать требуемое эльфом не пришлось. Фонарщик просто-напросто снес биргризенном два молоденьких деревца, затем обрубил им ветки, и у нас в руках оказались две жерди. Мы притащили их к тому месту, где Кли-кли все еще продолжала заботиться о гноме, и из эльфийских плащей и двух жердин соорудили вполне сносные носилки, куда и положили Халласа.

— Как он? — спросил я у Кли-кли.

— Плохо. Я так и не смогла остановить кровь. Была бы здесь Миралисса...

— Миралиссы больше нет, Кли-кли, — безжалостно отрезал Эграсса. Уповай не на мертвых, а на богов. Жизнь гнома у них в руках. Угорь, взялись.

Теперь гнома понесли эльф и гарракец, дорогу указывала Кли-кли, а мы с Фонарщиком шли позади носилок. Спустя час я сменил Угря, а Мумр — Эграссу. Нести Халласа на носилках оказалось намного удобнее, чем на руках. Мы пошли быстрее, да еще и Кли-кли вывела нас на широкую звериную тропу, которая вела прямо на север. Во второй половине дня начался промозглый осенний дождик, и мне пришлось укрыть Халласа своим плащом, благо самому хватало куртки покойного Фагреда. Теперь наш изрядно поредевший отряд вел Эграссу, а освобожденная от почетной должности проводника Кли-кли вертелась у нас под ногами и следила за состоянием Халласа. Иногда гном начинал стонать, и гоблинша брала его за руку, начиная что-то тихонько шептать. Когда гном затихал, Кли-кли просто молча шла рядом, лишь иногда оглядываясь назад. Понятное дело, она, как и я, надеялась на то, что вернется милорд Алистан. Кли-кли заметила мой мимолетный взгляд:

— Ты заметил, Танцующий, что туман рассеивается?

Ну не так уж он и рассеялся. Видимость, конечно, стала лучше, но все равно деревья кутались в туман.

— Есть немного, — согласился я с ней. — Наверное, это из-за дождя.

Кли-кли тихонько фыркнула, но ничего не сказала.

— Как долго нам еще идти по Золотому лесу?

— Если Халлас выживет, то полторы недели, может, и больше. Если... она помедлила. — Если не выживет, то неделю.

Вот такая правда жизни — раненый гном замедляет наше продвижение. Конечно, не было и речи о том, чтобы бросить Халласа, но... Эграсса мог пойти на такое, если уж нас очень сильно прижмет. Выбирая между товарищеским долгом и долгом пред всем остальным миром, уверен, что эльф выберет, по его мнению, меньшее зло, а это может очень не понравиться Угрю. Что случится потом, я старался не думать.

Два часа мы шли по дождливому холодному лесу. Слава богам, что это юг Валиостра. На севере королевства уже давно должны начаться первые заморозки, и лужи по утрам, скорее всего, уже покрываются тоненькой корочкой льда. Хотелось бы выбраться из Заграбы до начала ноября, когда здесь станет совсем холодно и неудобно. Халлас уже не стонал. Цветом его лицо могло поспорить со снегом в Великаньих пустошах. Ни Кли-кли, ни

Эграсса ничем не могли помочь гному. Мы все уже давно знали, что ночь Халлас не переживет, но упорно продолжали нести носилки, словно пытаюсь обогнать саму смерть.

— Бум-бум! Бум-бум! Бум-бум! Бум! Бум-бум!

— Орки! Совсем рядом! — выдохнула Кли-кли, выхватывая ножи.

— Принесла нелегкая! — сплюнул Фонарщик.

Вот тьма! Казалось, что ороczy барабаны гремят вон за теми златолистами. Близко. Очень близко. Эграсса проделал уже виденный мною трюк с прослушиванием земли. Когда эльф встал на ноги, лицо его не выражало ничего хорошего.

— До Первых не более пятнадцати минут бега. И их много.

— Насколько много? — решился я задать волнующий всех вопрос.

— Больше четырех десятков. Сейчас мы на землях клана Груунских ухорезов.

Фонарщик витиевато помянул всех ороczyх матерей. Не надо было никому объяснять, что против стольких Первых нам не выстоять. Да что там сорок! Даже пятнадцати орков было бы достаточно, чтобы отправить нас в свет. Мы слишком устали от бесконечной гонки по Заграбе.

— Нужна поляна! — неожиданно сказала Кли-кли. — Эграсса, мне нужна большая поляна!

— Что ты задумал?

— Я приготовил Пылевой молот, осталось лишь нарисовать активирующую руну. Сейчас заклинание — наш единственный шанс выстоять! Чтобы все прошло удачно, вокруг не должно быть деревьев, нам нужна поляна, и по возможности большая.

— Кли-кли, ты уверен в своем заклинании?

— Забери меня лесные духи — да! На этот раз вам придется мне довериться. Или заклинание, или ваши мечи! Я бы поставил на заклинание.

— Будь по-твоему, Кли-кли. Значит, говоришь, поляна?

Барабаны грохотали, словно сердца демонов. Кли-кли бежала впереди нас, мы же вчетвером несли носилки. Бежали что есть сил, но тропа тянулась и тянулось, и никакой поляны или свободного от деревьев пространства, как назло, не наблюдалось.

— Стой, Кли-кли! — рывкнул Эграсса. — С тропы! Налево! Не знаю, что там почуял эльф, но гоблинша тут же последовала его совету и бросилась в густой ельник. Нам приходилось сложнее — с носилками в густом лесу не больно побегаешь.

— Кладем! — приказал Угорь.

Мы опустили носилки на землю, и гарракец, крикнув, взял гнома на

руки.

— Вперед! Уберите с дороги ветки, ни хрена не вижу!

Эграсса потянулся за с'кашем, но я протянул ему красту. Волшебное копье Серого сносило ветви елей словно былинки, эльф без всяких усилий прорубал для нас просеку в густом ельнике, уже ничуть не заботясь о том, что орки обнаружат нашу дорожку. Нас в любом случае найдут.

— Бум-бум! Бум! Бум-бум!

Ельник кончился, и мы вывалились на большую черную поляну, едва подернутую зыбким туманом.

— Как ты узнал? — вырвалось у Фонарщика.

— Почуял. — Эльф неожиданно улыбнулся. — Думаю, и Кли-кли тоже. Здесь прошел пожар. Видите, как обгорели деревья?

Под сапогами хлюпала черная грязь, родившаяся от встречи дождя, золы и почвы. Скользко, а значит, сражаться будет сложно. Да еще и этот дождь. Мы остановились на середине поляны, окружавшие ее деревья отсюда казались черными призраками, прячущимися в тумане. Мало того, что туман, так еще и этот дождь... Ничего не видно. Мумр бросил на землю плащ, и Угорь уложил на него Халласа.

— Когда все начнется, стойте у меня за спиной и не лезьте вперед, пока я не скажу. Хорошо? — попросила у нас Кли-кли, поспешно рисуя пальцем в грязи нечто, напоминающее толстую гусеницу с крылышками.

— Хорошо. Как закончишь, отойди к Халласу и не лезь вперед. — Эграсса заменил тетиву на своем страшном луке. — Угорь, прикрой меня по мере сил. Мумр, Гаррет, на фланги. Не лезь вперед, вор.

— И не подумаю, — хрипло ответил я ему.

— Бум-бум! Бум! Бум-бум! Бум-бум!

— Они близко. Ты готов, Кли-кли?

— Все готово, — смешно шмыгнув носом, ответила гоблинша, а затем сбросила с головы капюшон. — Самое время для того, чтобы начать молиться.

— Не самое лучшее время вы выбрали. Особенно для такой магии.

* * *

Звонкий молодой голос, раздавшийся за нашими спинами, прозвучал совершенно неожиданно. Мне даже показалось, что этот голос на миг заглушил рокот барабанов. Эграсса резко развернулся. Стрела была готова вот-вот сорваться с тетивы его лука. Покидая ножны, зашелестели "брат" и

"сестра" Угря, биргризен крутанулся над головой Фонарщика. Кли-кли отвлеклась от своего рисунка и тихонько ойкнула. Нас самым банальным образом застали врасплох, а чуткий гоблин и опытный эльф даже ничего не почувствовали.

Когда я увидел говорившую, то, пожалуй... пожалуй, удивился. Ожидал увидеть что угодно, вплоть до Х'сан'кора верхом на пузыребрюхе, но вот четверых девчушек в таком месте... Это уж совсем ни в какие ворота не лезет! Их было четверо, и они были очень похожи друг на друга. Словно сестры. В голове промелькнула мысль: "Каким образом четыре двенадцатилетние девочки смогли так далеко забраться в лес и куда смотрят их родители?"

Совсем еще дети. Невысокого роста. Короткие черные волосы, намокшие от дождя. Глаза... большие, круглые, что твои пуговицы. Чернющие. Эти глаза чем-то напоминали глаза Продавшихся, но в отличие от упырей Хозяина, зенки которых были мертвее самого черного из агатов, глаза нелепой четверки были живыми. Я бы даже сказал — безумно живыми. На левых щеках незнакомок красной краской была нарисована ломаная линия, очень похожая на молнию. Правда, по одной "молнии" было только у трех девочек, тех, что стояли немного позади четвертой. У четвертой, которая заговорила с нами, молнии были намалеваны на обеих щеках, да и под глазами были проведены две тоненькие красные линии. Значит ли это, что она главнее тех троих? Девчушки были обряжены в нечто похожее на куртки. Кожа-шерсть-мех. Короткие юбочки, состоящие из длинных кожаных ленточек. Никакой обуви. Ни осенний холод, ни дождь, их, как видно, нисколько не смущали. Хотя я бы поостерегся ходить в такую погоду босиком. Из украшений — лишь тонкие нитки сердоликовых бус и браслет из точно такого же, как и бусы, камня. Из оружия — прямые кинжалы с широким основанием и узким острием.

Эграсса опустил лук и неожиданно преклонил колено. Кли-кли отвесила очень почтительный поклон. Я, Угорь и Фонарщик выглядели несколько удивленно. Ладно Кли-кли, но чтобы эльф королевского рода преклонял колено перед какими-то маленькими девчонками! Было чему удивляться.

— Сын дома Черной луны приветствует Дочерей леса! — произнес Эграсса.

Я вытаращил глаза. Дочери леса! Так эльфы и орки называют дриад! Неужели сейчас передо мной стоит очередная сказка Заграбских лесов? О дриадах болтали всякое, но немногим людям доводилось встречаться с Дочерьми леса, впрочем, эльфы, орки и гоблины тоже недалеко от нас

ушли. Те, в чьих жилах поет кровь Заграбы, никогда не спешат показываться на глаза другим расам. Эльфы и орки считают себя чуть ли не хозяевами Заграбы, но они всего лишь одни из многих, кто обитает в Королевстве лесов. Дриады — вот кто живет Заграбой и вот кто повелевает ею. Они лишь терпят присутствие других в своем лесу, и Молодые расы это понимают и стараются не докучать дриадам. Даже гордые и нетерпимые орки склоняют голову перед Дочерьми леса. Во всяком случае, так говорят. Дриадам нет дела до склок между орками и эльфами, пока те не причиняют вред лесу. И уж тем более им нет никакого дела до людей. Дриад больше заботит, как живет Заграба. Они следят за лесом и помогают ему, начиная с ночных мотыльков и выводка луговых мышей и заканчивая семейством обуров и рощей златолистов. И я представлял все что угодно, но только не то, что дриады окажутся так похожи на обычных человеческих детей.

— Черная луна... — Стоявшая впереди других дриада усмехнулась. Горды, как пламя, и вспыльчивы, как вода! (Намек на дом Черного пламени и на дом Черной воды) Как твое имя, эльф?

— Эграсса, госпожа. Я к вашим услугам.

— К услугам? Мы не нуждаемся ни в чьих услугах. Нам помогает лес. Но я забыла хорошие манеры, прости. Меня зовут Звонкий Ручеек. — Маленькая девочка с необычной серьезностью посмотрела на эльфа.

Тот лишь склонил голову еще ниже.

— Мы рады встретиться с Владычицей дриад, — тихонько пискнула Кли-кли.

Ого! Вроде мы столкнулись с какой-то важной шишкой. Барабаны рокотали за нашими спинами, и Мумр, не удержавшись, оглянулся. Звонкий Ручеек заметила это и произнесла:

— Не беспокойся, человек. У нас есть немного времени, прежде чем случится то, что предопределено. Встань, эльф, негоже королю стоять на коленях даже перед Владычицей дриад.

— Госпожа ошибается, я не король, — сдержанно сказал Эграсса и встал с колен.

— Госпожа лишь торопит события, — в тон эльфу ответила дриада. — Я смотрю в будущее, хотя вижу немного. Все подернуто рябью из-за того, что этот человек несет в себе вьюгу.

Звонкий Ручеек посмотрела на меня:

— Ты достал из Колыбели мертвых то, что не следовало доставать, и теперь оно в моем лесу. Раньше, когда это было у эльфов, я закрывала глаза, но теперь, когда его сила слабеет, я не хочу гибели Заграбы. Вам нужно покинуть лес, и как можно скорее.

— Поверьте, госпожа, — смиренно ответила Кли-кли, — мы этого и хотим. У нас и в мыслях не было причинять вред лесу.

— И это говорит та, что едва не сотворила боевое заклятие, способное превратить рощу златолистов в щепки, — покачала головой Звонкий Ручеек, но, на счастье гоблинши, никто из отряда вроде не обратил внимания на эти слова Владычицы дриад. — Я вижу, ваш товарищ ранен.

— Орки.

— Орки. — Она грустно кивнула. — Флини рассказал мне о том, что происходит, но прийти я смогла только сейчас. Солнечный Зайчик позаботится о вашем друге.

Одна из трех молчавших дриад склонилась над раненым, но я сейчас думал о флини. Маленький паренек обещал мне, что предупредит кого следует, но я и не думал, что речь идет о дриадах!

Барабаны продолжали грохотать.

— Орки горды и упрямы, — вздохнула Звонкий Ручеек. — Рог ослепил их. Они не захотели слушать дриад и предоставить артефакт своей судьбе.

— Орки посмели послушаться? — с ужасом прошептала Кли-кли. — Но...

— Но они собираются прийти сюда и забрать Рог, — жестко произнесла дриада. — В этом деле дриады Первым не указ.

— Но ведь госпожа не допустит, чтобы Первые завладели Рогом? — жалобно протянула Кли-кли, вслушиваясь в барабанную дробь.

— Не допущу, хотя я и хотела бы, чтобы Рог никогда не покидал мрачных глубин Колыбели мертвых. Первые сделали свой выбор, а я свой. Лес превыше всего, и я выведу вас из Заграбы.

— Простите, что вмешиваюсь. Не подумайте ничего плохого, я человек простой, — протянул Фонарщик. — Как четыре маленьких дриады с кинжалами смогут остановить Первых?

Кли-кли зашипела сквозь стиснутые зубы, но дриада лишь грустно улыбнулась:

— Там, где не поможет сталь, поможет лес, человек.

За деревьями раздался оглушительный треск, и Угорь вновь схватился за клинки.

— Убери оружие! — холодно бросила гарракцу одна из дриад.

Угорь бросил вопросительный взгляд на эльфа. Эграсса, не отрывая взгляда от деревьев, едва заметно кивнул. Через лес к нам ломилось что-то большое. На губах Звонкого Ручейка застыла загадочная улыбка. Кусты на краю поляны заколыхались и, затрещав, рухнули. Из тумана вынырнули

огромные тени.

— Спаси нас, Сагра! — выдохнул Угорь. — Это же...

— Это Гром, Смерч, Град, Ураган, Метель и Рокот, — в голосе Звонкого Ручейка проскользнула гордость. — Они согласились помочь мне.

Я и не заметил, когда Кли-кли успела схватить меня за руку. Похоже, она была испугана не меньше, чем я. И было отчего испугаться!

Когда отряд вошел в Заграбу, мы наткнулись на кабана. То был здоровый матерый секач, и я думал, что это был король кабанов. Что больше зверя найти просто невозможно. Оказалось, что я ошибался. И ошибался очень сильно. Тот кабан не шел ни в какое сравнение с пятеркой, застывшей перед нами. Это были боги леса. Короли кабанов. Каждый достигал высоты четырех с лишним метров, а их вес я даже не мог предположить. Они были чудовищно огромны, огромны настолько, что мы все казались перед ними не больше жалких букашек. Длинные вытянутые бугристые морды, огромные темно-желтые клыки, способные одним ударом вспороть брюхо мамонту, бурая блестящая шерсть, черные умные глазки.

Наверное, я до конца жизни не забуду величие этих прекрасных животных. Они взяли нас в полукруг и ждали, когда Владычица дриад выскажет свой приказ.

— Мы не приказываем, человек. — Звонкий Ручеек посмотрела мне в глаза. — Мы не в силах приказывать лесу. Мы всего лишь просим помощи. Веди своих воинов, Рокот!

Один из кабанов, раззявив страшную пасть, взревел, да так, что я чуть было не оглох, и бросился на звук орочьих барабанов. Четверка кабанов, воинственно визжа, последовала за своим вожаком. Пять лесных богов добежали до деревьев и, ломая густой подлесок, скрылись.

— Рокот и его воины остановят Первых. Вряд ли кто уйдет от их клыков и копыт, так что у вас есть несколько дней.

— Благодарю, Владычица, — прижав правую руку к сердцу, произнес Эграсса. — Мой дом перед тобой в неоплатном долгу.

— Я запомню твои слова, эльф и попрошу вернуть долг, когда придет время, — серьезно кивнула дриада.

— Госпожа, если орки найдут тела своих товарищей, они поймут, что произошло, и нас вновь начнут преследовать.

— Они не найдут тел, — сказала Солнечный Зайчик, отходя от Халласа. Воины Рокота всегда съедают своих врагов.

Стоило мне представить, как гиганты пожирают трупы орков, и по спине забегали мурашки. Как раз в этот момент барабаны орков смолкли.

Спустя секунду раздался тягучий звук рога. Орки трубили тревогу. Но звук оборвался, едва успев начаться, и в лесу наступила тишина.

— Вот и все, теперь вам пора уходить, — обратилась к эльфу дриада. Солнечный Зайчик?

— Серьезная рана, Владычица. Я сделала все, что могла.

— Он будет жить? — вырвалось у Фонарщика.

— Да. Сейчас у него жар, но через два дня он уже сможет стоять на ногах. К сожалению, я не смогла спасти его глаз.

— Лес не всемогущ, — вздохнула Звонкий Ручеек. — Главное, что он выживет.

Лес не всемогущ? Очень сомневаюсь. Во всяком случае, самый искусный целитель не смог бы сделать то, что сделала дриада. Вылечить такую рану и выдернуть гнома из цепких объятий смерти сможет не каждый маг Ордена. А эта дриада, так похожая на двенадцатилетнюю девочку, смогла.

— Мумр, возьми Гаррета и сходите за носилками, — тихо сказал Эграсса.

— Незачем, — остановила нас Звонкий Ручеек. — Я не собираюсь терпеть Рог в своем лесу больше, чем это требуется.

— Что это значит, госпожа?

— Это значит, что пешком вы будете выбираться из Заграбы слишком долго. Лес это не устраивает. Если сила покинет Рог, недалеко от Колыбели мертвых случится страшное. Так что чем дальше вы окажетесь от места, что называется Храм Спайном, — тем лучше для леса. Мне не придется еще сильнее впутываться в дела людей и эльфов.

Дриада вздохнула. Как видно, ей не очень нравилось то, что она собиралась сделать.

— Вы предоставите нам лошадей? — удивился я.

— Лошадей? Нет. Лошади будут продвигаться по лесу не так уж и быстро. У меня есть для вас кое-что другое. Пушистое Облачко?

Дриада, стоявшая рядом с Солнечным Зайчиком, кивнула и звонко свистнула. На поляну вышла четверка лосей. Сохатые подошли и замерли возле дриад.

— Спасибо, что ответил на нашу просьбу, Бегущий-в-лунном-свете, поклонилась Звонкий Ручеек. — Этих пришельцев следует как можно скорее доставить в земли людей.

Карие глаза лося внимательно оглядели нас. Затем прекрасное животное склонило рогатую голову и согласно фыркнуло.

— Благодарю тебя, друг. Не стоит медлить, Эграсса из дома Черной

луны. Тебе и твоим людям пора отправляться в путь.

— Как нам на них сидеть и ими управлять? — Фонарщик с недоверием и некоторым испугом покосился на лосей.

— Ими не надо управлять. Пушистое Облачко и Солнечный Зайчик отправятся с вами, так что тебе нет нужды волноваться.

Мумр вновь покосился на замершего перед ним лося, судорожно сглотнул, но так ничего и не сказал. Залезали на лосей в полном молчании. Первым на спину ближайшего зверя заскочил Угорь. Он протянул руку Мумру и помог Фонарщику устроиться позади себя. Мне достался лось, размерами ничуть не уступающий Бегущему-в-лунном-свете. Я как раз прикидывал, как мне на него взгромоздиться, когда животное избавило меня от всех проблем, опустившись на колени. Я быстро устроился на влажной от дождя спине. Кли-кли, не собираясь меня отпускать, уселась сзади и вцепилась мне в куртку. Лось плавно выпрямил ноги, и я, чтобы ненароком не упасть, схватился одной рукой (вторая держала красту) за лосиные рога. Зверь вроде бы не возражал против такой фамиллярности. С помощью эльфа дриады водрузили Халласа на третьего лося. С гномом осталась Солнечный Зайчик, крепко обхватившая раненого за талию. На Бегущем-в-лунном-свете оказались Эграсса и Пушистое Облачко.

— Еще раз благодарю тебя, Владычица, за помощь, что ты нам оказала, произнес Эграсса на прощание. — Двери моего Дома открыты для Дочерей леса, и в нем не будет зла. Клянусь честью рода.

— Благодарю не меня, король. Благодарю лес. — Маленькая девочка с мудрыми глазами посмотрела на возвышавшегося над ней Эграссу. — Может, я и найду время прийти в твой Дом, когда будет мир и равновесию ничто не будет угрожать. Я на это надеюсь. Но полно, я уже слышу, как сюда идет Рокот со своими воинами. Вам следует уходить, после битвы они всегда хотят есть, а орков было недостаточно, чтобы насытить Детей леса. Если им придет в голову закусить вами, даже я не смогу их остановить. Вам лучше уйти.

Звонкий Ручеек отвернулась от нас, на прощание махнула рукой, и Бегущий-в-лунном-свете, воспринявший ее жест как приказ, сорвался с места и резвой рысью направился к укутавшимся в туман деревьям.

Звонкий Ручеек была права — лоси оказались намного лучше самых распрекрасных лошадей. До самой ночи четверка животных безостановочно мчалась по Заграбе. Там, где лошади давно бы пали, переломали ноги или попросту не прошли, лоси шли вперед. Бегущий-в-лунном-свете пер напролом, и под его мощными копытами ломался кустарник. Болотистые лесные низины, распухшие от непрекращающегося

дождя, и древесные завалы преодолевались бегом или мощными стремительными прыжками. Лоси были неустойчивы, и за полдня мы преодолели расстояние, которое лошади осиливают за полтора, да и то в лучшем случае. Поначалу я боялся сверзиться с лося, но все мои опасения оказались напрасными. Зверюга, несмотря на непроходимую чащобу, шла настолько ровно, что, увидев это королевские парадные лошади, они бы попросту умерли от зависти.

Когда стало смеркаться, Пушистое Облачко попросила Бегущего-в-лунном-свете остановиться и легко спрыгнула на землю. Мы последовали ее примеру, затем сняли с лося Халласа. Гном так и не пришел в сознание, но теперь хотя бы был не так бледен, как утром. Халлас тихонько стонал.

— У него жар, — сказала Солнечный Зайчик, спрыгивая с лося. — Рана уже почти затянулась, но он все еще слаб.

— Это и есть магия леса? — поинтересовалась Кли-кли. — Я еще никогда не слышала, чтобы раны затягивались всего лишь за полдня.

— У леса нет магии, у леса есть сила, и он делится ею с нами. Прости, я не могу этого объяснить. Несите гнома к златолисту, перед сном я еще раз его осматрю.

— Разожги костер, — попросил Эграсса Угря. Гарракец глазами указал на дриаду, но Эграсса лишь покачал головой.

— Они ничего не имеют против огня.

Даже несмотря на дождь и отсыревшую древесину, Дикому удалось развести огонь в самые кратчайшие сроки. Правда, от костра не было никакого проку, один дым. Лоси скрылись в лесу, и Пушистое Облачко сказала, что они вернутся к рассвету. Солнечный Зайчик принялась ухаживать за Халласом. Кли-кли крутилась рядом. Пушистое Облачко раздала нам свежий то ли хлеб, то ли лепешки. Так что мы не голодали. Затем дриада подошла к златолисту, прижала ладонь к древесному стволу и попросила дерево защитить нас от дождя. Клянусь своим первым Заказом, но дерево ее послушалось! Оно, казалось, склонилось над нами, и его ветки сплелись в нечто очень похожее на огромный зонтик. Стало гораздо легче (вода за шиворот больше не лилась). Пушистое Облачко порекомендовала нам ложиться спать.

— День завтра тяжелый, — сказала она. — Вам следует выспаться, если не хотите упасть со своих коней.

Эграсса было собрано назначить на ночь стражу, но дриада лишь состроила презрительную рожицу:

— Спите спокойно. Пока мы рядом, опасность вам не грозит.

— А Первые?

— Они не осмелятся напасть на Дочерей леса. Ничего не бойтесь.

Эграсса, казалось, вполне удовлетворился словами дриады и не мешкая завалился спать. Его примеру последовал Угорь.

Мумр еще немного посидел у костра, повздыхал, а затем пошел спать.

— А ты чего, Гаррет? — спросила меня Кли-кли.

— Не хочется, — соврал я, — Ты давай, не стесняйся. Я еще посижу.

— А мне тоже не хочется, — нашлась гоблинша и осталась сидеть рядом со мной.

Солнечный Зайчик села напротив и не мигая стала смотреть в пляшущие язычки костра. Пушистое Облачко скрылась в темноте леса. Куда она ушла, я не знал. Мы молчали, и постепенно Кли-кли начала клевать носом. Затем сон все же сморил внучку Гло-гло, и она прикорнула, привалившись к моему плечу. Даже хрюкать начала. Устала, да это и не мудрено — все мы сегодня очень устали. Тяжелый день. Мерзкий день. Черный день. Такой же, как и многие другие в последние месяцы. Отряд понес невосполнимые потери. Я все еще не мог поверить, что рыжий карлик, который еще утром спорил с гномом, теперь мертв и оставлен на милость лесных духов.

Делер заплатил своей жизнью за жизнь Халласа, и эта страшная цена была бы напрасной, если бы не дриады. Как же теперь гном без своего напарника и друга? Делера теперь нет, впрочем, как и многих других из нашего маленького братства, отправившегося в дорогу вместе со мной за Рогом Радуги. Алистан ушел в туман, уводя за собой орков, и сгинул. Самое страшное, что мы теперь так никогда и не узнаем, что случилось с графом, как он умер. Умер? Я рано хороню капитана королевской гвардии. Ведь я не видел его тела, значит, для меня он останется живым. А может, он действительно жив? Может, милорду Алистану удалось уйти от Первых и теперь он идет по Заграбе один-одинешенек?

Я почувствовал взгляд и посмотрел на Дочь леса.

— Он не придет, человек. — Дриада грустно вздохнула.

— Откуда ты... вы знаете, госпожа?

— Мне сказал лес и лесные духи. Ты не слышишь... Поверь, мне очень жаль, что мы не смогли прийти раньше.

— Как... — В горле неожиданно появился скользкий комок. — Как он умер?

— Ты действительно хочешь знать? — В ее больших черных глазах отражалось пламя костра. — Нужна ли тебе эта боль? Он мертв, разве этого недостаточно?

— Для меня — нет.

— Хорошо же, смотри. И не говори потом, что я тебя не предупреждала.

Ее черные глаза неожиданно полыхнули густой зеленью, и прежде чем я понял, что происходит, мир окутал мрак.

* * *

Ловчие рожки победно перекликались за его спиной, но сил еще было много, так что можно бежать и бежать, уводя орков подальше от отряда. Он очень надеялся, что Эграсса сможет вывести людей из проклятого леса, и тогда у Валиостра появится надежда. Призраки, созданные заклинанием старого шамана, молча скользили за его спиной, исправно оставляя на земле и на листьях следы. Он бежал быстро, но старался экономить силы и не сбить дыхание, для предстоящего боя. Никаких иллюзий на спасение граф Алистан Маркауз не питал. Он знал, что Первые рано или поздно его нагонят, и знал, что вряд ли он выстоит против них. Можно пробежать еще минут пять, а затем каждый следующий шаг, каждый метр будут забирать его силы, и чем дальше он будет бежать, тем проще Первым взять его живым. А живым к оркам граф Алистан попадать не желал.

Лес тянулся и тянулся, никакого просвета среди сдвинувшихся кленов не было, кругом сплошной туман и долгая гонка, гонка почти что на пределе его сил и возможностей, уже ничего не решала. Самая пора искать место для смерти. Он не думал, что умрет так, среди дождя, среди тумана и унылого осеннего леса. Он не очень-то боялся смерти, Алистан Маркауз достаточно повидал ее на своем веку, он больше всего боялся, что о том, как он умер, так никто и не узнает.

В ранней юности ему виделось, что он погибает героем на поле боя, защищая знамя или закрывая собой тогда еще молодого короля. Красивая смерть, достойная песен. Но смерть не выбирают, это она делает свой выбор, когда прийти к человеку и забрать его в свет. Или во тьму. Конец всегда один, и какая разница, где погибать — в бурлящей битве или в туманном лесу? Он устроит Первым маленькую войну и дорого продаст свою жизнь, главное, чтобы орки не воспользовались луками и пошли в бой. Конечно же он мог и не уводить за собой погоню, поручив это или Угрю или Фонарщику, но смог бы он потом нормально спать, зная, что вместо себя послал в объятия смерти другого? Он привык первым идти в бой, первым направлять своего коня на ряд пикинеров. Всегда первый, всегда на острие удара. За это его и уважали воины.

Рожки вновь загудели, и граф помянул тьму. Первые сокращали разрыв, и следовало поторопиться, если, конечно, он не хочет принимать бой, прижавшись спиной к какому-нибудь клену. Алистан Маркауз никогда не обращался к богам со своими мольбами, считая, что богов по пустякам тревожить не стоит. Он берег свою единственную молитву, берег на тот случай, когда стоит воззвать к Сагре. И он воззвал, всей душой прося грозную богиню войны даровать ему место для боя, да такое, чтобы она, увидев его маленькую войну, его самую важную в жизни битву, одобрительно кивнула.

И богиня слышала графа. Клены остались позади, лес расступился, и милорд Алистан Маркауз оказался возле глубокого оврага, дно которого скрывал густой туман. Через овраг перекинут мост. Он чем-то напоминал мост, находящийся в Красном урочище. Такой же старый и такой же удобный для обороны. Каменный, десять метров в длину и два метра в ширину. При должном желании по нему вполне могли пройти сразу двое, но вот развернуться для нормальной атаки мог бы только один. По бокам тянулись высокие, в пол человеческого роста прямоугольные барьеры, заменяющие мосту перила. Через каждые пять метров из перил вырастали колонны и поднимались на высоту двух человеческих ростов. Десять метров — неведь какое расстояние, и, несмотря на туман, противоположный берег прекрасно видно. Там раскинулся древний и почти не тронутый временем город. Стены шли впритык к краю оврага, а мост упирался в каменные и сейчас, увы, закрытые ворота.

Великолепно, он перейдет мост и подождет Первых. У него есть несколько минут для того, чтобы передохнуть. Надо встать у начала моста, и тогда бой будет один на один, оркам просто не будет места для атаки или обхода с флангов, а если что, ворота, находящиеся в двух метрах от края оврага, прикроют ему спину.

Он медленно перешел мост и, когда повернулся лицом к звучащей из-за стены кленов песни врагов, призраки шаманства исчезли. Заклинание Гло-гло перестало действовать. Что ж, оно выполнило свою работу, теперь графу предстояло выполнить свою.

Оставалось лишь ждать, когда орки явятся по его душу. На какой-то миг капитан гвардии пожалел, что на нем всего лишь легкая броня, а не его знаменитые доспехи. Да чего уж теперь жалеть? Ни шлема, ни щита, благодаря которому можно было продержаться очень и очень долго. Из оружия лишь меч и кинжал. Несмотря на дождь, граф избавился от плаща и кинул его себе под ноги. Теперь плащ не будет стеснять его движений, да еще и закроет собой мокрую землю и не даст ему поскользнуться. Милорд

Алистан отбросил ножны в сторону и взял батарейный клинок двумя руками. Меч был несколько длиннее обычных клинков, конечно, он уступал размером и биргризенам, и эспадронам, и биденхандерам, но был вполне достаточен для того, чтобы второй руке нашлось место на рукояти. Он готов. Оставалось лишь ждать.

Рог запел совсем близко, а затем из-за пелены тумана показались орки. Шесть, десять, пятнадцать, семнадцать. Семнадцать Первых. Орки заметили Алистана Маркауза, и один из них поднял сжатый кулак. Враги замедлили бег и перешли на шаг, подозрительно оглядываясь по сторонам, как видно опасаясь засады. Граф усмехнулся. Первые остановились возле самого моста.

— Где твои спутники, человек?! — крикнул один из них.

— Далеко, — тихо сказал граф, но его услышали.

— Сдавайся, иначе умрешь!

Милорд Крыса едва заметно покачал головой. Вперед вышли два орка, и граф, холодея, понял, что все пошло не так, как он рассчитывал. Против лучников он уязвим и не продержится даже минуты.

— Что, Первые, испугались?! — что есть сил рявкнул Алистан Маркауз, и его голос разнесся над оврагом и покинутым городом. — Или вы не орки?! Те, кто считают себя высшей расой, испугались мартышки?! Ну что же вы, Первые?! Неужели у вас не хватит духу выйти на меня с ятаганом, и вы возьметесь за оружие детей и трусов?! Вас семнадцать, а я один! Вперед, орки! Докажите глупой обезьяне, что вы действительно Первые! Вам всего лишь надо обнажить ятаган и перейти мост!

Капитан гвардии хотел сыграть на орочьей гордости, и это у него получилось. Во всяком случае, один из орков остановил лучников и стал совещаться с другими воинами. Граф ждал. Ждал и молился. А затем он почувствовал взгляд, сверливший его в спину, и резко обернулся.

Она стояла за ним. Женщина была облачена в простенькое платье без рукавов, пышная грива белесых волос рассыпана по обнаженным плечам, лицо скрывает полумаска-череп. В руках незнакомка держит букетик бледных нарциссов. Она неотрывно смотрела на Алистана Маркауза пустыми провалами глазниц.

— Нет!!! — Он зло и яростно затряс головой. — Нет! Только не так! Не от стрелы! — Она молчала.

— Мне нужно время! Совсем чуть-чуть! А затем я уйду с тобой! Дай мне всего лишь несколько минут, во имя Сагры! Я заберу с собой столько, сколько смогу!

На секунду ему показалось, что Смерть откажет, но она задумчиво

сорвала лепесток с нарцисса и бесшумно отошла назад, к воротам.

"Я подожду, но недолго".

Он скорее почувствовал, чем услышал ее слова, и, еще крепче стиснув рукоять меча, зарычал, предвкушая грядущий бой. Орки перестали совещаться, и один из них отозвал лучников.

— Последний раз предлагаем тебе сдаться, крыса!

Крыса? Что ж, он и в самом деле был Крысой. Он удостоился чести носить ее на своем гербе. "Не загоняйте крысу в угол" — вот его родовой девиз. Орки просто не знают, как опасна крыса, которую загнали в угол. Ей нечего терять, и она дорого продаст свою жизнь.

— Вперед, Первые! Я покажу, на что способны крысы!

Это решило дело. Орки вступили на мост и, не торопясь, начали приближаться. Первым шел высокий орк, вооруженный ятаганом и круглым щитом. Хорошее оружие, но у врага нет даже кольчуги, лишь куртка из толстой грубой кожи и легкий полушлем. Алистан Маркауз пошел навстречу врагам. Лучше всего встретиться на середине моста, будет куда отступить.

Отчего-то в этот момент милорду Алистану вспомнилось детство. В девять лет он впервые взялся за меч, но наука фехтования юному графу не давалась. Он не мог почувствовать ритм, музыку, пляску меча. Это продолжалось до тех пор, пока учитель не догадался принести на Оружейный двор флейту. Старый воин хорошо играл, флейта пела в его руках, и музыка, разносящаяся по Оружейному двору, помогла девятилетнему мальчонке почувствовать оружие. Музыка флейты вела его и меч за собой, подсказывала, когда следует ударить, когда сменить стойку или закрыться от удара. Старый Мастер был доволен сыном своего сюзерена.

Шли годы, на могиле первого учителя Алистана Маркауза уже давно выросли цветы, но песня флейты навсегда осталась в сердце графа. Стоило лишь взяться за рукоять меча, и победная песнь флейты просыпалась, пела в его ушах, помогая и в боях и в турнирных поединках. Наверное, благодаря песне флейты он в конце концов и стал одним из лучших мечей Валиостра.

Вот и сейчас флейта пела ему, пела в последний раз. Веселая, удалая мелодия подхватила Алистана Маркауза и бросила в бой.

Пой, флейта! Пой!

Он встретил первого орка "срединным кабаньим клыком" и, не дожидаясь нападения, ударил первым. Противник, на свою беду, находился в левосторонней стойке, удерживая щит перед собой. Его левая нога

оказалась лакомым кусочком, и батарный клинок, сверкнув розовым росчерком, стремительно рухнул, перерубая плоть и кость. Орк закричал и упал. Милорд Алистан нанес несколько быстрых и сильных ударов по орочьему шлему. Меч, сталкиваясь с металлом шлема, издавал звон колокольчиков, и ему подпевала флейта.

Пой, флейта! Пой!

Второй орк, несмотря на смерть своего товарища, бросился вперед. "Правосторонний бык", быстрый укол, орк закрывается щитом и тут же наносит стремительный ответный удар. Ятаган с неприятным шелестом вспарывает воздух и натывается на "корону". Батарный клинок, выставленный графом, плашмя принимает удар, отталкивает ятаган от себя, бьет в лицо, смещается и ухаает в щит.

Пой, флейта! Пой!

Орк отшатывается, спотыкается о труп своего товарища и тут же расстается с ятаганом и правым предплечьем.

Пой, флейта! Пой!

Добить Первого не удастся. Очередной орк перепрыгивает через раненого товарища и бросается в яростную атаку. У него в руках ятаган и длинный кинжал. Другие Первые уносят лишившегося руки орка подальше от кипящей схватки. На этот раз графу попался опытный противник, причем отсутствие щита не делало его более уязвимым. Ятаган и кинжал плели перед орком сложный серебристый узор, через который возможно было пробиться. Сшибка. Еще одна. И еще. Каждый раз, встречаясь с вражеской сталью, батарный клинок яростно визжал, и ему вторила неслышная оркам флейта.

Пой, флейта! Пой!

Орк перешел в атаку, ятаган рухнул сверху, встретился с "окном", попробовал обойти неожиданную преграду, и в этот момент Алистан Маркауз закрутил вражеский клинок, отбросил его вправо и "вошел", изо всех сил ударив орка наверху меча в подбородок.

Пой, флейта! Пой!

Тяжелый шар, расположенный на рукояти меча, раздробил кость, и орк, потеряв сознание от дикой боли, мешком рухнул на землю. Алистан Маркауз не собирался оставлять противнику жизнь. Сейчас не время благородных рыцарских поступков, сейчас у него всего лишь одна цель — забрать с собой как можно больше Первых. Тяжелый батарный клинок, словно перышко, крутанулся вокруг правого запястья, и граф, перехватив меч посоховым хватом, с силой вонзил оружие в лежащего противника.

Пой, флейта! Пой!

Еще не время умирать! Еще немного танца и песен!

Тут же пришлось отскочить назад, размахивая перед собой клинком, дабы не подпустить к себе следующего врага. Времени перехватить меч более удобным хватом не было, но для того чтобы удерживать орка на расстоянии, подходил и посоховый. Мощные взмахи снизу вверх были слишком опасны, чтобы под них лезть. Орку приходилось выжидать и, медленно наступая, прикрываться щитом.

Пой, флейта! Пой!

Первый не был дураком и понимал, что в таком бешеном темпе человек долго не продержится. Оставалось лишь дожидаться момента, когда враг раскроется, и прикончить уставшего воина. Орк упустил этот момент. Батарный клинок пошел на замах, неожиданно крутанулся, и рыцарь, успевший поменять хват, застыл в "гневной стойке".

Пой, флейта! Пой!

Орк остановился. Сейчас у него не было никакой возможности подойти к графу, если только он не хочет нарваться на быстрый укол.

— Ну что же ты, мартышка? Сам позвал, а теперь прячешься!

Алистан Маркауз не ответил. Пока все шло в его пользу, но долго так продолжаться не может. Левая щека отчего-то была влажной, и с подбородка противно капало. Пот? Он скосил глаза — вся куртка была залита кровью. А тьма! Все же орк с кинжалом был быстр. Граф и не заметил, когда Первый успел дотянуться до него. Странно, что сейчас он не чувствует никакой боли. То, что левая половина лица распорота, — вне всякого сомнения. Хвала Сагре, что удар пришелся ниже глаз, иначе льющаяся со лба кровь помешала бы бою.

Все. Хватит ждать! Пора!

Пой, флейта! Пой!

Флейта пела, меч ей подпевал. Ятаган рассекал воздух, щит принимал на себя мощные вертикальные удары. Когда батарный клинок вновь упал, орк не стал тупо подставляться, а оттянул щит на себя, тем самым погасив удар. Меч завяз в щите, и Первый, торжествуя, замахнулся ятаганом и открылся. Неожиданно оказавшийся в левой руке Алистана Маркауза кинжал ударил в брешь и, без труда пробив орочью куртку, застрял в том месте, что у воинов называется "кровавым яблоком". Орк захрипел, выронил ятаган, схватился за рукоять кинжала, торчащего у него между ключицами, граф отскочил назад, резким поворотом высвобождая меч.

Пой, флейта! Пой!

Щека горела, словно палачи зашили в нее горсть горящих углей, но сейчас не до боли, на него бросились сразу два противника. Первый, с

копьем, ринулся напролом, словно кабан. Второй, с топором, ловко запрыгнул на левый бортик мостка, грозя ударить сверху. Алистан Маркауз подскочил под падающий топор и что есть сил ударил стоявшего на узком бордюре орка локтем промеж ног. Тот потерял равновесие и рухнул в овраг.

Пой, флейта! Пой!

Резкая боль в правой руке. Копьеносец времени даром не терял и ударил копьем наотмашь, попав древком по предплечью. Первый надеялся, что рука человека онемееет и он выронит меч. Не вышло. Алистан Маркауз перехватил клинок левой рукой и пнул подошедшего на опасное расстояние орка ногой в живот. Первый упал на спину, перекувырнулся через голову, вскочил и как ни в чем не бывало вновь бросился на капитана гвардии.

Пой, флейта! Пой!

Держа оружие двумя руками над головой, словно это было не копье, а какой-нибудь боевой багор, орк наносил стремительные жалящие уколы в шею и грудь Алистана Маркауза. Графу удавалось, хоть и с большим трудом, отбивать удары.

Пой, флейта! Пой!

Пот градом катился по его лицу, смешивался с кровью, текущей из раны. В ушах звенело, ноги наливались свинцом, воздуха не хватало. Он уже не знал, сколько времени пятится по мосту. Все внимание графа было сосредоточено на золотистых глазах противника.

Пой, флейта! Пой!

Каждый ждал, когда его противник допустит ошибку, когда приоткроется, зазевается, внезапно споткнется или попросту не успеет закрыться от удара. Меч в руках Алистана Маркауза с каждой секундой становился все тяжелее и тяжелее. Вот он едва успевает отбить жало копья вправо, вот продолжает движение клинка и переводит его в рубящий удар, пытаясь достать Первого...

Орк оказался быстрее. Он практически лег на землю и выбросил свое короткое копье вперед двумя руками. Узкое четырехгранное острие пробило кольчугу Алистана Маркауза и ударило графа в правый бок. И опять он не почувствовал боли. Лишь ощущение, как будто ударили молотом.

Пой, флейта! Пой!

В горячке боя никогда не ощущаешь боли, лишь потом, когда битва остается позади, наваливается усталость. Сейчас же он действовал так, как должно. Перехватил застрявшее в боку копье левой рукой, с усилием оттолкнул от себя, радуясь, что острая пятка ударила не ожидавшего такого поворота события орка в грудь, сместил копье вправо, давая себе

возможность подойти к ошеломленному противнику.

Пой, флейта! Пой!

Первый распрощался со своей буйной головой, и граф прижал левую руку к правому боку. Поднес перчатку к глазам. Кровь была нереально черного цвета. Плохо дело. Граф знал, что случается, когда сталь пробивает печень. Это конец.

Руки с тонкими изящными пальцами требовательно легли ему на плечи. Он яростно зарычал, дернул плечами, сбрасывая руки, заставляя Смерть отойти назад.

— Не время! Я успею забрать еще одного!

Пой, флейта! Пой!

Мост кончился, и сразу двое Первых кинулись на него. Еще один попытался обойти Алистана Маркауза с фланга. Ему приходилось держать меч одной рукой, а другая сжимала раненый бок. Это хоть как-то остановит кровь и даст ему лишнюю минуту.

Пой, флейта! Пой!

Весели Смерть! Порадуй ее своей песней, да так, чтобы она навсегда запомнила этот бой! Как досадно, что, кроме нее и желтоглазых тварей, никто не увидит его лучшей битвы!

И флейта пела, а меч из Поющей стали вторил ей яростно и отчаянно. Отойти, ударить, поймать на контрудар, отойти в сторону. Еще удар. И еще. Прижаться спиной к воротам. Ударить. Закрыться.

Пой, флейта! Пой!

Он выбросил левую руку вперед, и кровь с перчатки попала в глаза орку. Тот на миг потерял темп, и граф, перехватив меч двумя руками (теперь уже плевать на рану), подрубил орку ногу и пошел напролом.

Пой, флейта! Пой!

Песнь флейты гремела над Заграбой, разносилась над миром. Интересно, слышат ли в отряде, как поет флейта? Наверное, нет, они теперь далеко. Очень далеко. Граф победоносно улыбнулся.

В глазах стало темно, в ушах шумело, и отчего-то кружилась голова. Он отмахивался вслепую, действуя интуитивно, предугадывая каждый следующий удар. Ну, еще немножко!

Пой, флейта! Пой!

Клинок натывается на что-то твердое, на миг останавливается, рукоять меча едва не вырывается из его рук, а затем слышится чей-то короткий булькающий вскрик.

Пой, флейта! Пой!

Ну что, Смерть, видишь?! Это гораздо лучше, чем стрелы. Он еще

повоюет. Орки запомнят этот бой и будут рассказывать о нем своим внукам. Почему же так темно? Почему так тяжело? Это снова твои руки, Смерть?! Не время! Еще не время! Ты слышишь, как поет флейта?! Ты слышишь музыку?!

Пой, флейта! По...

Глава 17

Из леса

На следующее утро Солнечный Зайчик ни словом не обмолвилась о том, что я увидел прошлой ночью, да и я у нее больше ничего не спрашивал. Кли-кли, видно, что-то подозревала, так как все утро подозрительно косилась в мою сторону, но, слава Саготу, с расспросами ко мне не приставала. За прошедшую ночь туман, державшийся в Заграбе последние двое суток, исчез.

Гному поутру стало гораздо лучше, во всяком случае, он был не так бледен, как вчера, да и дыхание стало ровным. Пока Пушистое Облачко выдавала нашему маленькому хмурому отряду невесть откуда взявшийся свежий хлеб, сыр и мясо, Солнечный Зайчик шептала над Халласом заклятия. Только мы собрались перекусить, как вернулись лоси. Пришлось жевать на ходу, Бегущий-в-лунном-свете не собирался ждать, когда мы соизволим утолить голод, сидя на траве.

Лоси бежали весь день, лишь дважды останавливаясь по просьбе дриад. Похоже, зверюги несколько не устали, несясь напролом через самые глухие лесные чащобы, чего не скажешь о нас, сидевших на их спинах.

Дриады с нами почти не разговаривали, отделяясь лишь короткими ничего не значащими фразами. Лишь с Эграссой маленькие Дочери леса были подчеркнута вежливы и приветливы. На Кли-кли они вообще внимания не обращали, да и гоблинша не очень-то этого жаждала. Все последнее время она была очень задумчива и печальна. Уже ставшее таким привычным дуракаваляние кончилось. Шут исчез, умер. Кли-кли стала сама собой, и это было очень непривычно. Если честно, я ловил себя на мысли, что начинаю скучать по никогда не унывающему шуту Кли-кли.

Краткий перерыв вновь сменялся бешеной лосиной рысью по осеннему лесу. Животины словно от огня бежали, только успевай держаться. Хорошо, что мне хватило ума вернуть Эграссе его красту. Вряд ли в компании дриад нам что-то угрожало, так что нужды в оружии не было, а после того как эльф взял у меня копье, удерживаться на лосе стало гораздо проще.

Остановились лишь в сумерках, да и то это было желание дриад, а не лосей. Мне показалось, что наши рогатые лошадки, дай им волю, смогли бы бежать без усталости пару деньков и никакая темень их, похоже, несколько не смущала.

Костер горел, Мумр тихонько наигрывал на дудочке. Я уже и думать забыл о том, когда последний раз слушал игру Фонарщика. Дриады, впрочем как и лоси, исчезли в ночном лесу, предоставив нас самим себе. Солнечный Зайчик сказала, что они будут неподалеку, так что нам нечего волноваться.

— Куда они уходят? — спросил Угорь, когда незатейливая мелодия дудочки окончательно затихла.

— Дриады уходят разговаривать с лесом, — немного помолчав, ответил Эграсса. — Узнают новости, советуются, может, еще что-нибудь. Не знаю... Ни мы, ни орки так и не научились слушать лес. Так что мне нечего вам рассказать. Может, Кли-кли знает больше.

— Да нет. Я знаю столько же, Эграсса. С лесом могут разговаривать лишь его Дочери. Ну и флини... иногда. Наши старики говорят, что раньше гоблины могли разговаривать с Заграбой, но это в прошлом. Теперь лес молчит, и нам для разговоров остаются лишь самые болтливые из лесных духов... Слишком многое оказалось утеряно в Седую эпоху...

Кли-кли замолчала и уставилась в огонь.

— Халлас очнулся! — крикнул Фонарщик, ходивший проводить гнома.

Халлас действительно пришел в себя и теперь, привалившись к дереву, осторожно ощупывал повязку. Заметив нас, гном криво усмехнулся и зашипел от боли.

— Кто мне накрутил такое чудо?

— Лежи, Халлас, — подскочила Кли-кли. — Тебя ранили.

— Раз говорю и жив, значит, не серьезно, — хмыкнул гном, но повязку тербить бросил. — Как это меня так?

— Ты ничего не помнишь?

— Да помню что-то, — задумчиво протянул гном. — А подземная бездна! Голова кругом идет, и рожа вся огнем пылает! Чего молчите? Крепко он меня зацепил?!

— Ты глаз потерял, — жестко сказал Угорь, решив ничего не скрывать от гнома. — Досталось тебе здорово. Если бы нам не помогли, по тебе бы уже пели "Прощение".

Халлас пожевал губами, подумал:

— Значит, мне повезло. Глаз не башка — проживу как-нибудь... А где Делер? И милорда Маркауза что-то не видно... Чего замолчали-то?

— Им повезло меньше, чем тебе, — вновь произнес Угорь. — Они

погибли.

— Делер... Как? — прокаркал гном.

Угорь рассказал.

— Оставьте меня, — дослушав рассказ, буркнул гном и отвернулся.

Фонарщик собрался что-то сказать, но Угорь лишь едва покачал головой. Мы вернулись к костру, но Кли-кли, несмотря на просьбу гнома, осталась рядом с ним.

— Они были очень дружны. Даже странно, — грустно проговорил Угорь. — Когда Счастливчик пришел к Одинокому Великану, они с Делером чуть друг друга не пришибли. А потом так случилось, что десяток Халласа попал во время рейда в засаду рачьего герцога. Орденский маг их подвел. Гнома должны были вздернуть, но Делер его вытащил чуть ли не с эшафота. С тех пор гнома и прозвали Халласом. Они с карликом были не разлей вода, хотя и дня не проходило, чтобы не поругались...

— Вы как хотите, а я иду спать, — вздохнул Мумр, подхватывая свой биргризен. — Завтра опять целый день скакать.

— Эграсса! — Я достал из сумки Ключ. — Думаю, лучше, если ты возьмешь его себе.

Эльф посмотрел на Ключ и, молча взяв, повесил его себе на шею.

— Какие они, Гаррет?

— Кто?

— Створки.

Я задумался.

— Я не смогу это описать.

— Понимаю. — Эльф неожиданно улыбнулся. — Их никто не может описать. Наверное, когда-нибудь придется спуститься и увидеть творение рук мастеров моего народа. Там ведь очень красиво, правда?

— Не всегда, — осторожно ответил я. — Я не сторонник красоты, которая может укусить, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Говорят, там много сокровищ. Ты много прихватил с собой, Гаррет? — Уголки губ гарракца дрогнули в едва заметной усмешке.

— Не так уж и много, — вспомнив о пропавших изумрудах, буркнул я. Все, что я вытащил из Храд Спайна, отняли орки.

— Сочувствую, — произнес Эграсса.

— Эграсса, можно задать вопрос? — Я решил сменить тему.

— Попробуй.

— У какого орочьего клана черно-белые нашивки?

— Черно-белые? Ты что-то путаешь, такого клана нет. С чего это тебе пришло в голову спрашивать?

— В Костяных дворцах я видел тела орков, на одежде которых были черно-белые нашивки.

— Такого клана нет. Теперь уже нет. Это клан Сгинувших, мы истребили его еще в Седую эпоху.

— Сгинувшие? — Кли-кли села рядом, затем поймала взгляд Угря и сказала: — Халлас уснул. Так Сгинувшие... Это ведь вы их так называли? Клан Аргада?

— Да, гоблин, именно клан Аргада. Мы потрудились стереть его с лица земли, и нам это удалось.

— С чего такое рвение, Эграсса?

— Аргад довел своих воинов почти до Листвы. Мы не смогли стерпеть такой пощечины. Сгинувшие запретили другим орочьим кланам лезть в их битву. Рано или поздно, но мы смогли победить. Последние сотни Сгинувших спрятались в Костяных дворцах, в какой-то из семи крепостей, что являлись пропускными пунктами, через которые беспрепятственно могли проходить любые желающие. Черно-белые словно сошли с ума, они стали нападать на всех, даже на своих собратьев. Другие кланы от них отвернулись, а нам это было на руку. Мы взяли ту крепость, а Аргада вместе с его полководцами наши шаманы вплавили в центральную башню. Живыми. Так говорят наши легенды. С тех пор через ту крепость редко кто отваживался проходить. Мои предки перестарались, и души мертвых до сих пор мстят путникам.

— Я прошел, — как бы между прочим выдал я.

— Ты хочешь сказать, что видел Аргада? — Эграсса смерил меня недоверчивым взглядом.

— Если какой-то из покойников, вплавленных в башню, был Аргадом, то да.

— Значит, ты везучий, если целым и невредимым прошел через крепость.

— Или ваши легенды ошиблись, — тихо ответил Угорь.

— Просто Гаррет Танцующий — вот и весь сказ, — выдала свое веское мнение Кли-кли. — Другой бы не прошел.

— Спасибо тебе, Кли-кли, — ядовито ответил я ей. — Ты вселил в меня уверенность в моей исключительности.

— Но ты и вправду исключительный! — возмутилась она. — Ты Танцующий с теньями! Великая книга Бруг-грук не врет!

— Ты повторяешься, шут, — вздохнул я. — Скажи что-нибудь новенькое.

— Дриады идут, — произнесла Кли-кли, и из темноты в круг света

вступили Солнечный Зайчик и Пушистое Облачко.

— Лес говорил с нами, — произнесла Солнечный Зайчик, не спеша присаживаться.

— Нам стоит узнать о том, что он вам сказал?

— Да, эльф. Орки выступили. Война началась.

Я охнул, Кли-кли пискнула, Мумр, которому не удалось уснуть, затейливо выругался, Угорь и Эграсса остались бесстрастными, словно им сообщили не о войне, а о том, что завтра нам на завтрак не выдадут сладкую булочку.

— Когда они выступили?

— Несколько дней назад.

— Это все, что мы должны знать?

— Нет, но мы ничего не понимаем в войне и не сможем рассказать вам так, как требуется. Лишь смутим и запутаем. Звонкий Ручеек послала к нам флини, скоро он будет здесь.

— Как скоро? — Эграсса взял на себя все разговоры с дриадами.

Пушистое Облачко закрыла глаза, словно вслушиваясь в Ветер, что гулял в голых ветвях деревьев.

— Он будет у костра через несколько минут. Но, думаю, вам стоит узнать, что завтра нам придется изменить направление.

— Как?!

— На запад. Мы не хотим, чтобы вы, выйдя из Леса, оказались в руках орков.

Угу. Они не хотят, чтобы Рог Радуги попался в орочь лапы. До нас им нет никакого дела.

— Мы переправим вас на западный берег Черной реки. Вы окажетесь совсем рядом с людским городом. Мойциг, если я правильно помню. Орки обошли его стороной. Скоро прилетит флини, советую его выслушать. Завтра мы выйдем из Золотого леса.

Дриады вновь скрылись за деревьями. Видно, они не очень-то жаловали наше общество.

— Что же получается? — Фонарщик задумчиво потер щетинистую щеку. — Если завтра из Золотого леса... То при такой скорости через три, нет, через два дня мы уже покинем Заграбу?

— Будем уповать именно на это. — Угорь сжимал и разжимал кулаки. — Сейчас на юге королевства горячо!

— Но если мы выйдем на западном берегу Иселины, то из Заграбы мы сразу попадем в Валиостр?

— Ты всегда был гением, Гаррет, — съязвила Кли-кли. — Да, ты

совершенно прав. Мы окажемся на самом южном из всех югов юге Валиостра. Южнее некуда. От Мойцига до Ранненга всего девять дней пути. Оттуда еще неделя, и мы дома.

— Не надо, Кли-кли, — попросил Угорь. — Не стоит ничего загадывать. Неизвестно, что с нами случится.

— Но если ничего не случится, то скоро будем на месте.

— Кли-кли, ты все сказал? — осведомился я.

— Угу.

— Не возражаешь, если я продолжу?

— Угу.

— Спасибо.

— Угу. Не за что, Гаррет.

Я ожег ее взглядом, но она состроила невиннейшую из рожиц, словно она тут и ни при чем.

— Так вот я о чем. Просто мне думалось, что мы из Заграбы выйдем в Пограничном королевстве, как раз у Кукушки.

— У Кукушки? Нет, Гаррет, ты это загнул. И си-и-ильно. Где Кукушка, а где мы?! — фыркнула Кли-кли и протянула руки к огню.

— Находясь в Храд Спайне, ты и не заметил, сколько прошел, а, вор? — сверкнул глазами Эграсса. — А ведь это лиги. Ты выбрался из Костяных дворцов настолько далеко от ворот, а потом еще и с Первыми сколько прошел? Мы едва успели к лабиринту.

— Это уж точно! — поддакнул Фонарщик.

— Так что не стоит пытаться идти к Кукушке. Это крупнейший крюк.

— А как же Медок?

— Думаю, его уже нет в замке. Милорд Алистан, да пребудет он в свете, еще перед Заграбой оставил Медку письмо. Если Медок выздоровел, то он уже давно должен скакать к Авендуму с письмом для короля.

— А лошади? Не думаю, что лоси домчат нас до столицы.

— У нас достаточно денег, чтобы купить новых лошадей.

Золота-то достаточно, но Пчелку жалко. Все-таки я уже привык к собственной лошади, а тут придется садиться на новую. К тому же Пчелка была королевским подарком.

Вначале мы услышали жужжание, а затем к нам метнулась маленькая тень стрекозла. На животине восседал мой старый знакомый, тот, что получил в награду эльфийское кольцо и, по сути дела, вытащил мою задницу из лабиринта.

— Иирроо з'маа Олок из ветви Озерной Бабочки рад приветствовать треш Эграссу и его спутников! — пропел флини, и стрекозел заложил круг

над костром.

— Я рад приветствовать брата из маленького народа возле своего костра. Что привело тебя сюда, Иирроо з'маа Олок из ветви Озерной Бабочки?

— Новости, — прозвенел хрустальный голосочек. — Бесплатно.

Последнее, как следовало из тона Иирроо, было не очень хорошо. Флини привыкли получать за свои труды звонкой монетой.

— Не желаешь отведать нашей пищи и выпить нашего вина? — произнес Эграсса церемониальную фразу.

— Хе! — отозвался черноволосый флини. — Еда дриад, а вином и вовсе не пахнет. Нет, спасибо за предложение. На этот раз дела слишком спешные и слишком важные. Еда подождет. А вот от того, чтобы куда-нибудь Лозиреля посадить, я бы не отказался. Мы полдня на крыльях провели.

Не дожидаясь разрешения, стрекозел спланировал на землю и, высунув язык, облегченно мекнул.

— Рад видеть, что ты выбрался из лап Первых, дылда! — обратился ко мне флини. — Вы не возражаете, треш Эграсса если я буду говорить с земли? Боюсь, в ближайшие десять минут Лозирелю следует отдохнуть.

Никто не возражал.

Новости, что рассказал нам Иирроо, были не самыми приятными. На этот раз орки хорошо подготовились — поражение в Войне Весны не прошло для Первых даром. Рука собрал всех, кого только мог, а когда все было готово, ударил. Ударил быстро и стремительно. Орков было так много, что Военный вождь Первых рискнул разделить свою многотысячную армию на три кулака. Первый кулак обрушился на Пограничное королевство, второй ударил по Валиостру и сейчас быстрым маршем продвигался к Ранненгу, практически не встречая на своем пути никакого сопротивления. Третий кулак ударил по юго-западным провинциям Валиостра, но основная сила удара пришлась на Черный лес.

— Ваши соплеменники, треш Эграсса, не ожидали ничего подобного. Прежде чем Дома успели дать достойный отпор... — Флини помялся, не решаясь оглашать дурные новости.

— Продолжай. — Лицо Эграссы словно высекли из камня.

— Они лавиной прошли по Черному лесу. Дом Черной воды принял бой, сдерживая Первых, пока остальные дома собирали воинов. Из Черной воды никто не выжил, весь дом уничтожен. Оркам удалось дойти до Листвы. Древний город полностью разрушен. Черное пламя едва не погибло. Почти все, кто был в родстве с великим Элодсой Разрушителем

законов, — пали. Сейчас этим домом правит Мелессана Ночная лиса. Черная луна вовремя подросла и закрыла брешь, принял на себя основной удар Первых. Затем подросли другие дома и кто взял верх, я не знаю.

— Ясно. — Эграсса погладил рукоять с'каша.

— Это еще не все плохие новости, треш Эграсса.

— Разве могут быть хуже?

— Черная луна закрыла собой Черное пламя. Теперь весь дом Черного пламени стал вашими к'лиссангами. Пламя сказало, что это дело их чести быть верными тем, кто их спас.

— Это невозможно, — отрезал Эграсса. — Черное пламя — главенствующий дом. Они не могут служить нам. Ночная лиса видно, сошла с ума от горя!

— Мелессана слишком молода, но слова сказаны, и совет Черного пламени их одобрил.

— Мой дядя ни за что не пойдет на такое неслыханное нарушение закона!

— Треш Эдданрасса, глава дома Черной луны, погиб, защищая Пламя. Его дочь — треш Меленасса умерла рядом со своим отцом. Сожалею.

Эграсса заскрипел зубами.

— А Эпилорсса?

— Треш Эпилорсса должен надеть лиственную корону, но он больше месяца назад ушел с отрядом из трехсот лучников в Авендум.

— Кто же сейчас управляет домом?

— Ваш младший брат, треш Эграсса. Он ждет, когда вы вернетесь.

— Корона будет моей только после Эпилорссы! — отрезал Эграсса. — У меня есть дело, порученное объединенным советом домов! Сейчас я не могу вернуться. Ты передашь мое сообщение брату?

— Да. Передам бесплатно.

Я дернул бровью. А флини ли перед нами? Тот заметил мое сомнение и сказал, обращаясь ко всем:

— Времена нынче мрачные. Если мы не поможем эльфам и орки победят, то нам некому будет рассказывать новости. Может, мы и жадные, но не глупые. Ваше сообщение, треш Эграсса?

— Передай моему младшему брату, пусть опирается на совет и дожидается возвращения Эпилорссы. Я вернусь, как только смогу. И нужно что-то делать с Черным пламенем.

— Ты ведь знаешь, что следует делать, эльф, знаешь и страшишься. — Пушистое Облачко тихо вышла из мрака. — Однажды уже был такой случай.

— В любом случае это решение придется принимать Эпилорссе, когда он вернется, — отрезал Эграсса — Только глава дома...

— А уверен ли ты, что твой брат вернется с севера? Уверен ли ты, что он захочет лиственную корону? Ты ведь знаешь, как он относится к власти. Звонкий Ручеек видела королем тебя. Лучше поспешить домой, эльф. Мы доведем твоих друзей до людских земель. Брак короля Луны и королевы Пламени, решит все вопросы. Они не будут к'лиссангами.

— Это дело чести Пламени. Если целый Дом решил служить нам в течение восьми лет — это их право. Брак с Ночной лисой объединит наши Дома навечно, а на это совет не пойдет. Если один Дом будет сильнее всех других, это рано или поздно приведет нас к единому королю. А единая власть в Черном лесу рано или поздно закончится расколом. Сейчас у меня нет права возвращаться.

— Это вопросы политики. В любом случае ты свое слово сказал. Торопись, флини.

— Постой! — окликнул Угорь уже взбравшегося на стрекозла Иирроо. — Ты рассказал об эльфах. А что с людьми?

— Сожалею, но мне это не ведомо. Знаю, что Пограничное королевство стоит насмерть, знаю, что второй кулак, самый большой, движется к Ранненгу, знаю, что часть третьего кулака завязла под Майдингом. Город стоит. Мойциг Первые обошли стороной. Эти земли пока не затронуты войной, и если поспешите, то успеете проскочить. Это новости вчерашнего дня, может, сейчас есть что-то еще, но я не знаю. Сожалею. Прощайте!

Стрекозел натужно загудел, сделал прощальный круг и скользнул в темноту леса. Затем Угорь, Мумр и Эграсса затеяли спор о том, что могло произойти в Валиостре и какую бучу нам устроили орки. Военный вождь орков оказался хитрым парнем — он связал по рукам и ногам Пограничное королевство и эльфов, а основные силы двинул на Валиостр. Помощи нам ждать не от кого. Своими силами Валиостр, может, и справился бы, но на южной границе гарнизоны слабы, войск мало. Силы оттянуты большей частью на север и к границе Мирануэха. Мягкое подбрюшье юга открыто: бери — не хочу. Никто не ожидал, что Первые решатся повторить Войну Весны. Так что дай Сагот, чтобы армия подросла хотя бы к Ранненгу. Приграничье и весь юг придется возвращать с боем. Это при условии, что мы выстоим у Ранненга, а пограничники и эльфы сдержат орков у себя. Если Пограничье и Черный лес падут и новые толпы орков ринутся на нас — все пропало. При плохом раскладе нас погонят аж до Холодного моря. Обнадеживающая перспектива, не правда ли? И никакого Неназываемого

не понадобится. И Рога. Все кончится задолго до того, как волшебник явится к нам из-за Игл Стужи.

На следующее утро Халлас уже вполне уверенно держался на ногах. На присутствие дриад и лосей гном совершенно никак не прореагировал. Счастливчик был мрачен, хмур и почти не разговаривал. Услышав известия о начавшейся войне, которые ему поведала Кли-кли, гном лишь мрачно кивнул. Единственное слово прозвучало, только когда Фонарщик протянул Халласу его мотыгу. Гном произнес "спасибо" и закинул мотыгу себе за спину. Кли-кли, помявшись, отдала Счастливчику шляпу Делера. Гном покрутил подарок в руках, кашлянул и надел шляпу на голову.

— Когда с меня стянут эти бинты? Я уже в порядке.

— Когда придет время, — ответила Солнечный Зайчик, поглаживая шею одного из лосей.

— И когда оно придет?

— Скоро.

Халлас фыркнул, но в спор с дриадой вступать не стал. Так же гном промолчал, когда выяснилось, что ему придется ехать за спиной Дочери леса.

Весь холодный осенний день нам вновь пришлось провести в дороге. Лоси еще больше прибавили ходу, да так, что окружающий мир слился в одно размытое коричнево-золотое пятно. Теперь главной заботой было не по сторонам смотреть, а как бы с лося не брякнуться и не потерять Кли-кли, которая ухитрилась даже поспать чуток, прижавшись к моей спине.

После обеда Золотой лес кончился. Фонарщик возблагодарил Сагру. Потянулся обычный осенний лес. Здесь на деревьях уже не было листьев. Что и немудрено — последние дни октября. Скоро начнутся настоящие холода, да и снег не задержится. Вот тогда-то мы и померзнем. Как это дриады по такой погоде босиком ходят?

Близость Дочерей леса была гарантией нашей безопасности, и по ночам мы разжигали огромные костры, не опасаясь того, что нас могут обнаружить орки. Огонь ревел, и становилось немного теплее. Во всяком случае, Кли-кли, подхватившей простуду и безостановочно чихающей, жар костра был на пользу. О Гло-гло и миссии ученицы старого шамана мы больше не говорили, придя к негласному соглашению, что вроде ничего такого и не было. Раз Кли-кли надо приглядывать за мной, пусть приглядывает. По крайней мере, я к этому уже привык, и Кли-кли гораздо лучше кого-нибудь другого. Эграсса думал о своем, он разрывался между нами и долгом перед своим Домом. Фонарщик приглядывал за Халласом. Гном совсем оправился от раны, но все так же был мрачен, словно осеннее

небо над нашими головами.

На второй день после нашего выхода из Золотого леса Пушистое Облачко сказала, что на ночлег мы останавливаться не будем. Халлас ядовито заметил, что суток езды на лохматой зверюге даже гном не выдержит и он на такой расклад не согласен. Также Халлас крайне непочтительно (гному было все равно, что перед ним дриада. Гномы дриад отродясь не видели и не понимали, зачем с ними говорить вежливо) осведомился, когда с него соизволят снять давившую на рожу повязку. Солнечный Зайчик вздохнула и совершенно по-людски сказала гному, что повязку она снимет немедленно, но, если Халлас после этого и не подумает заткнуться, она скажет Бегущему-в-лунном-свете, чтобы он раздавил гнома копытами. Халлас крякнул и согласился, что сделка вполне честная. Счастливчик долго рассматривал свое лицо в зеркальце Кли-кли, а затем бесстрастным голосом попросил у Мумра какую-нибудь тряпку, чтобы закрыть пустую глазницу. Фонарщик выдал Халласу широкую полоску черной ткани, и гном теперь походил на какого-нибудь пирата или Веселого висельника. Что же, гном обладал железными нервами. А вот случись со мной такое, я бы просьбой о повязке на глаз точно не ограничился, потому как правая сторона лица Халласа представляла собой один страшный розовый шрам. И неподготовленного человека лицо гнома могло напугать не меньше чем кинжал, сунутый под ребра.

Скакали всю ночь, и на этот раз даже я умудрился заснуть. Разбудило меня то, что лось остановился. Было раннее утро, темные силуэты деревьев вздымались на фоне едва посветлевшего неба. Пахло морозной свежестью и водой. Я, ежась, слез с лося, затем помог спуститься Кли-кли.

— Иселина, — сказала мне она.

Было так холодно, что при разговоре изо рта вырывались облачка пара.

Если рядом и протекала Черная река, то я ничего не видел. Вода была черной, как и окружающий нас лес.

— И что теперь? — буркнул Халлас, кутаясь в плащ.

— Спасибо, Бегущий-в-лунном-свете, — обратилась Пушистое Облачко к лосю.

Зверь фыркнул, обдал дриаду паром и, развернувшись, скрылся в лесу. За ним последовали остальные "кони". Миг, и лоси уже исчезли, даже кусты не затрещали, словно нас возили не животные из плоти и крови, а неосязаемые духи.

— Теперь? Теперь мы поплывем, — ответила гному Солнечный Зайчик.

— Сейчас?!

— Да.

— А не слишком ли темно и холодно для заплыва, любезная леди?

Клянусь всеми богами, но в глубине души Солнечный Зайчик, наверное, жалела, что вылечила гнома. Во всяком случае, она проигнорировала вопрос Халласа и ничего ему не ответила. В отличие от Пушистого Облачка.

— Подожди немного и все поймешь.

Делать нечего, пришлось ждать. В ветвях соседнего дерева я заметил две маленькие голубенькие точки.

— Смотри, Кли-кли. Лесной дух.

— Я его давно увидел. Он присматривает за этим участком леса.

— А где все остальные? — спросил Угорь. — В сентябре этих ребят в Заграбе было гораздо больше.

— В спячке. Они теперь до весны улеглись. Оставили наблюдателей, чтоб за лесом приглядывали, а сами дрыхнут.

— Не повезло парню, — посочувствовал я лесному духу. — Теперь ему всю зиму здесь торчать придется.

— Что уж тут поделаешь? Жизнь такая. Хочешь, возьми его с собой. Будет у тебя зверушка, — предложила мне Кли-кли.

— Мне и тебя вполне хватает, — ляпнул я и тут же схлопотал от Кли-кли преболезненный тычок в бок.

В этот момент из леса вылетел шарик, источающий ровный золотистый свет, и уселся на плечо Солнечного зайчика. При ближайшем рассмотрении шарик оказался здоровым светлячком. Но меня удивил не размер. Просто я еще не встречал живых светлячков в конце осени. По всем законам мироздания, насекомое должно было давным-давно помереть или забиться на зиму в какую-нибудь щель, а не летать, словно огонь святоши, по лесу. Но для этого светлячка законы мироздания, как видно, были не писаны. Или он попросту не успел с ними ознакомиться.

— Теперь мы можем идти к воде. Все готово, — сказала Солнечный Зайчик и уверенно пошла в сторону реки. Света светлячка вполне хватало, чтобы видеть дорогу.

— Так я и думал! — недовольно изрек Халлас, когда мы спустились к реке. — Лодка! Ненавижу лодки!

— Это не лодка, а плот, — опровергла утверждение гнома Кли-кли.

— Какого ляду разница? Лодка, плот, паром, корабль или корыто? Ненавижу все плавающее!

— Предпочитаешь остаться в лесу? — спросил Эграсса.

Халлас вздохнул и нехотя забрался на плот.

Плот был большим, так что места хватило на всех. Я, Угорь, Фонарщик и Эграсса взяли за шесты, дриады с гоблином и гномом, который враз почувствовал себя плохо, разместились в центре. Эльф перерубил толстую веревку, которая удерживала плот у берега, затем пришлось немного поднапрячься, и, работая шестами, мы вывели наше новое средство передвижения на середину реки.

— Откуда здесь взялся плот? — спросил Фонарщик, наваливаясь на шест.

— Небось дриады постарались, — ответил я воину.

— Какая, собственно, разница откуда? Главное, что он есть. А уж дриады тут постарались или Сагра нам его послала, мне совершенно все равно, буркнул Угорь и, вытащив шест из воды, аккуратно положил его у своих ног.

Я тоже убрал шест, плот потихоньку плыл, до дна уже было не достать так стоило ли дальше напрягаться?

Когда уже совсем рассвело, светлячок вспорхнул с плеча Солнечного Зайчика и с протяжным гудением полетел к лесу. Лес мрачным унылым великаном вздымался по обе стороны Черной реки, словно пытаясь сжать ее в своих объятиях. Ибелина здесь была не в пример уже, чем возле Болтника. Эльфийская стрела при должном умении лучника вполне была способна перелететь с одного берега на другой. А вот течение оказалось таким же ленивым, как и там, где мы впервые переправлялись через реку. Так, чего доброго, мы из Заграбы будем неделю выплывать. Не проще ли было на лосях добираться? Так думал не только я. Эграсса озвучил мои сомнения, но Пушистое Облачко лишь сказала, что в скором времени мы поплывем быстрее. Эльф кивнул, гоблинша полезла с расспросами (дриады их попросту проигнорировали), а я начал думать: уж не собираются ли Дочери леса ускорить течение реки?

Фонарщик высказал мнение: не пора ли нам перекусить? Его предложение все восприняли с радостью. Ну или почти все... Когда Кли-кли предложила гному кусочек, Халлас молча зыркнул на гоблиншу единственным глазом, встал, на негнущихся ногах подошел к дальнему краю плота и, свесившись к воде, принялся плевать. Кли-кли лишь огорченно вздохнула и умяла порцию гнома. Не пропадать же добру?

После того как завтрак закончился, Пушистое Облачко попросила Угря и Мумра взять лежащие на плоту веревки и привязать их к скобам. Я давно уже заметил и толстенные веревки, сплетенные из волокон арта, и две мощные железные скобы, вбитые в бревна плота. Оставалось лишь гадать, для чего все это.

— Один конец веревок оставьте свободным. И привязывайте крепко! — сказала дриада.

Угорь и Фонарщик справились с этой работой на совесть.

— И что теперь? — поинтересовался на время прекративший ныть и стонать Халлас.

— Ждем, — бросила ему Пушистое Облачко.

Видно, гном все же умудрился достать дриад.

Ждать пришлось недолго. Кли-кли пискнула и ткнула пальцем в сторону кормы. Халлас охнул и даже нашел в себе силы вскочить, Мумр схватился за биргризен, Эграсса — за лук.

— Нет нужды в стрелах, эльф! — резко бросила Пушистое Облачко. — Это друзья.

Эльф кивнул, но лук убирать не спешил.

Их было двое, и они летели над рекой, быстро догоняя наш плот. Мерные взмахи длинных крыльев и непередаваемая грация полета. Вот существа снизились, прошли над водой, едва ли не касаясь животами речного зеркала, догнали плот, нырнули в небо, обдав нас ветром, и принялись набирать высоту.

— Драконы! — охнул Халлас, придерживая шляпу. — Клянусь подземной бездной и мотыгой — это драконы!

— Хуже! — ответил ему эльф. — Это виверны!

Виверны к этому времени уже набрали приличную высоту, на миг зависли в пасмурном осеннем небе и рухнули вниз.

— Не спите! — крикнула Пушистое Облачко. — Когда они будут пролетать над нами, бросьте веревки!

Фонарщик громко помянул чью-то мать и вместе с Угрем кинулся к веревкам. Виверны вновь нагоняли плот. На миг я встретился взглядом с пылающими раскосыми глазами виверны, и тут Дикие подбросили в воздух свободные концы веревок. Мощные лапы ловко поймали их, и аккуратно свернутые в кольца веревки принялись разматываться с катастрофической скоростью.

— Держитесь! — крикнула Солнечный Зайчик.

"Интересно, за что нам тут держаться?" — успел подумать я, и тут веревки натянулись.

Плот резко рванулся вперед, и я, не удержавшись, рухнул на спину. Спасибо, что не в воду! Устояли лишь дриады да Угорь с Эграссой. На Халласа упала Кли-кли, и теперь над рекой разлеталась отборная брань на гномьем языке.

Виверны, мерно взмахивая крыльями, тащили за собой плот, да так

самозабвенно, что вода за бортом просто кипела. Любая шхуна, увидь, с какой скоростью движется плот, почернела бы от зависти и завершила бы жизнь самоубийством, нарвавшись брюхом на ближайший риф. С такими темпами мы через несколько дней окажемся у моря Бурь (если, конечно, вивернам не надоест нас тащить).

Твари, буксирующие наш плот, размером были не больше коровы, но силой обладали чудовищной. Широкие крылья, длинная гибкая шея, узкая клиновидная змеиная башка и прочий набор "радостей жизни". Виверн часто путают с драконами, но это, наверное, со страху. Драконы гораздо большего размера, они не отличаются большим желанием попадаться людям на глаза и влезать в их дела, а также не обладают склочным кровожадным характером. Виверны опасны, на их пути лучше не попадаться. Они взбалмошны, вспыльчивы, агрессивны и обладают плохим чувством самосохранения (то бишь иногда бросаются даже на отряды эльфийских лучников). Связаться с виверной — это все равно что запустить к себе в штаны разъяренную гадюку. Рано или поздно тебя все равно цапнут. Обычно виверн в наших краях встретишь редко, на севере они обитают лишь в Заграбе и на южных отрогах Гор карликов, а вот в Низине или в лесах И'альяла их полным полно. Твари еще те, любят пожирать скот, да и человеком с удовольствием закусят. Так что вдвойне удивительно было наблюдать, как эти создания нам помогают. Дриады опять показали себя настоящими Дочерьми леса. Только им такие чешуйчатые крылатые твари и могут подчиняться.

Халлас разразился очередной бранной тирадой, сводившейся к тому, что он в гробу видал всякие лодки, всяких виверн и всяких ослов, затащивших порядочного гнома на середину реки. Мумр попросил Счастливого не доводить дело до беды и заткнуться, иначе наши крылатые лошадки сожрут гнома вместе с его любимой мотыгой, да и нас заодно. Халлас немного подумал, поправил съехавшую с глаза повязку и замолчал. Но нехорошо поглядывать на виверн и бормотать себе под нос гадости не перестал.

Кли-кли неприязненно наблюдала за машущими крыльями созданиями, и я стал опасаться, что она сотворит какую-нибудь глупость, дабы поддержать шутовский образ. Например, кинет в виверн чем-нибудь тяжелым — и поминай как звали. Я постарался занять ее разговором и поподробнее расспросить о Гло-гло и его планах по поводу моей столь популярной среди гоблинов персоны. Но только мы начали разговор, как к нам присоединился Мумр, а затем и Угорь. Пришлось поменять тему. Фонаришк размечтался о том, что неплохо бы было хорошенько пожрать, а

в этом лесу кроме Х'сан'коров, орков и виверн ничего не водится.

Угорь на нытье Мумра лишь понимающе ухмылялся, но стоически молчал, а затем вообще взялся за приведение в порядок "брата" и "сестры". Халлас вновь вспомнил, что он ненавидит лодки, и совершил пару экскурсий к краю плота, а затем обессилено задремал на плече у Фонарщика. Эграсса и Солнечный Зайчик разговаривали на орочем, и понять, о чем идет речь, для нас не представлялось возможным. Хотя, думаю, Кли-кли орочий язык прекрасно понимала. Она еще та хитрюга. Лишь Пушистое Облачко была занята. Дриада расположилась на "носу" плота и следила за тем, чтобы наши лошади не отклонялись от середины реки.

К полудню и так облачное небо еще сильнее затянуло, и часика через два стал накрапывать дождик. На плоту, посередине реки, да еще и вода, льющаяся с неба, — не самый приятный денек. Мы кое-как закутались в плащи, но даже это не спасало от холода и влаги.

— Последний дождь в этом году, — шмыгнула носом Кли-кли.

— С чего ты взял?

— У нас на такие вещи нюх, Мумр-бубр. Раз говорю, что последний, значит последний. Уже наступают холода.

— Холода уже давно, — возразил Кли-кли Халлас. — Я по утрам разогнуться от холода не могу.

— Это ерунда, — отмахнулась от гнома Кли-кли. — Это не холода. А вот теперь похолодает, и если с неба что-то и повалит, то только снег.

— Знаток ты у нас, Кли-кли, — усмехнулся Угорь.

— А то! — согласилась гоблинша с гарракцем и, покосившись на свинцовое небо, огорченно вздохнула.

* * *

Виверны держались середины реки, мерно взмахивали крыльями и тащили плот. Берега проносились мимо нас с такой скоростью, словно мы оседлали волшебного коня из глупой сказки доралиссцев и сунули ему в зад раскаленную кочергу.

Чувствовалось, что удовольствия от своей работы виверны не испытывают. Один раз они даже в воздухе умудрились повздорить, и быть бы вселенской драке, если бы не грозный окрик Пушистого Облачка. Виверны трудились до самого вечера и лишь в сумерках побросали веревки и, устало взмахивая крыльями, скрылись в вечернем небе.

— И как понимать такое вот самоуправство? — ожил Халлас. — А кто дальше потащит?

— Привык к удобствам, морячок? — хохотнул Мумр.

— Не стоит утруждать виверн больше, чем требуется, гном. — Волосы Пушистого Облачка были мокрыми от дождя, но, похоже, это ее несколько не смущало. — Они сделали свое дело и теперь спешат в гнездо.

— Нам тоже надо во что-то вроде гнезда. Авендумом кличут, — зло буркнул гном.

— Мы почти приплыли, Халлас. Это уже границы Заграбы. Завтра к утру будем в Валиостре, — успокоил гнома эльф.

— Будем, если не потонем, — недовольно пробурчал гном. — А с веревками что делать? Их же теперь из воды по такой холодрыге придется доставать!

— Да ладно тебе, Халлас, не так уж и холодно, — пискнула Кли-кли.

— Веревки нам больше не нужны, можете их обрубить, — сказала Солнечный Зайчик.

— А костер здесь нельзя разжечь, а? — просяще заканючила гоблинша. Нам ведь еще целую ночь плыть!

— Какой костер, Кли-кли? — удивился Мумр. — При таком-то дожде! Да и к берегу придется грести, тут дров нету. Или ты собираешься разжигать огонь с помощью своего плаща?

— Нет! С помощью твоей головы! — рассвирепела Кли-кли и до самой ночи больше ни с кем не разговаривала.

Глава 18

Маргендская подкова

— Ты уверен, что здесь нет орков, Эграсса? — спросил Фонарщик у эльфа.

— Да, — ответил эльф, но лука из рук не выпускал.

Это меня немного нервировало, впрочем, как и других. Мы привыкли доверять чутью темного. Сейчас Эграсса был напряжен и собран, словно на нас вот-вот должны были напасть.

— С чего такая уверенность? — поинтересовалась Кли-кли.

— Ведь ты сам слышал, как флини говорил о том, что возле Мойцига орков нет.

— Когда это было! От Майдинга до Мойцига пять конных дней пути. Орки лошадок недолюбливают, но вполне способны преодолеть такое расстояние за этот срок. Флини мы видели давненько, так что я не удивлюсь, если все успело десять раз измениться и эти земли кишат Первыми.

— Не каркай, — беззлобно бросил гоблинше Халлас, семенящий впереди меня.

— А я и не каркаю, просто немного тревожусь.

— Бери пример с Угря.

— Он всегда спокоен. Я так не могу.

— Тогда хотя бы не ной, а то я не услышу, когда к тебе орк подкрадется, — посоветовал гном гоблинше.

— Я спокоен, Кли-кли, потому что склонен доверять словам дриад. Раз они нас сюда вывели, значит, здесь более-менее безопасно, — произнес молчавший все утро Угорь.

— Вывести-то вывели, но с нами не пошли! — проворчал Халлас, все еще не забывший, как Солнечный Зайчик напоследок напоила его каким-то горьким настоем.

— Они Дочери леса. Вне Заграбы у них нет сил. Да и люди их скорее примут за девчонок, чем за владычиц Королевства лесов, — вступилась за дриад Кли-кли.

В отряде надолго повисла тишина. Все были слишком заняты выискиванием возможной опасности, и разговор сам собой прекратился...

Ранним утром этого дня наш плот пристал к левому берегу Иселины.

Отсюда до границы Заграбы было не более трехсот метров. Дриады первыми покинули плот, затем дождались, когда мы окажемся на берегу, и повели отряд вперед. В начале ночи дождь кончился, а уже к середине ударил легкий морозец, и теперь земля и стволы деревьев были покрыты тонкой пленкой инея. Редкие лужи затянулись ледяной корочкой.

Спустя несколько минут мы вышли из Заграбы. Впереди, покуда хватало глаз, раскинулась холмистая равнина, заросшая редким серым редколесьем. Отряд оказался на южной границе Валиостра.

Дриады вновь перешли на орочий и обменялись с Эграссой несколькими фразами. Затем молча кивнули нам, на миг задержали взгляд на сумке, в которой был спрятан Рог, и скрылись в лесу. Казалось, что кусты и черные, лишившиеся листьев деревья расступились перед Дочерьми леса.

Эграсса поправил серебряный обруч и молча повел нас прочь от Заграбы. Метров через пятьсот я не удержался и оглянулся. Вряд ли когда-нибудь еще придется увидеть легендарный лес.

Заграба темной молчаливой стеной застыла позади нас. Она слишком отличалась от кипучей зеленой страны, что я видел со стены Кукушки, да и на золотое королевство осени сейчас нисколько не походила. Обычный, пускай и огромный лес. Ноябрь съел все краски. Недаром эльфы и орки называют его Серым месяцем.

Но это все лирика, а правда жизни состояла в том, что была вполне реальной вероятность нарваться на якобы не существующих в этой местности Первых. Заграбу мы покинули два часа назад, местность пока была мирной. Не заметно, что здесь проходила тысячная армия — на земле никаких следов, кроме наших. Эграсса вел отряд вдоль реки, и, по его расчетам, скоро мы должны были выйти к Мойцигу, раскинувшемуся на левом берегу Иселины. Обходить стороной этот город не стоило, нам нужны лошади (представляю, как должны взлететь на них цены из-за начавшейся войны) и новости о том, что творится на рубежах королевства.

Эта война случилась очень не вовремя. Даже если мы выстоим и Первые не опрокинут нас в Холодное море, потери будут слишком велики и до весны армия может не оправиться от такого удара. Вся надежда на Арцивуса и Орден. Может, они смогут что-то сотворить с Рогом Радуги и тогда Неназываемый не придет по наши души.

Спустившись с невысокого, поросшего осинами холма, мы вышли на довольно широкую дорогу и пошли по ней. Благодаря морозцу грязь, образовавшаяся на дороге в результате вчерашнего дождя, застыла в виде причудливых бугорков и оспин. Идти не очень-то удобно, но это намного

лучше жидкой кашицы, которая, не будь холодов, надолго задержала бы нас в пути.

Я уже четырежды успел пожалеть об отсутствии у нас лошадей. За последнее время я вдосталь набродился на своих двоих. Слава Саготу, что сапожник не обманул и моя обувь не развалилась где-нибудь в лабиринте.

— Вы заметили странность? — неожиданно начал разговор Угорь.

— Верно мыслишь, воин, — отозвался Эграсса. — Мне это тоже не нравится.

— Вы это о чем? — непонимающе спросила Кли-кли и на всякий случай судорожно вцепилась в метательный нож.

— Мы уже час идем по дороге, но так никого и не встретили, — пояснил Угорь.

— Чего же тут странного? — Мумр перекинул биргризен с одного плеча на другое. — Кто поедет в Заграбу? Дорога ведь туда ведет?

— Не скажи, — возразил Эграсса. — Возле Заграбы, насколько я помню, несколько рыбацких деревушек, и в это время рыбаки должны были продать рыбу и возвращаться из Мойцига.

— Может, у них не клевало? Или рыбу продавать нет нужды, — предположил я.

— Это во время войны-то? Да цены на жрачку так должны подскочить, что любой рыбак за день месячную выручку получит! Мотаться в город и продавать — вот что надо делать рыбакам! — прогудел Халлас.

— Тогда не знаю...

— Я знаю! Клянусь подгорной киркой, Гаррет, дело тут нечисто. Огребем по башке! Клянусь Яростью глубин, огребем!

— Теперь ты у нас начал каркать, — кольнула гнома Кли-кли.

— Действовать надо, а не идти по дороге, как стадо баранов! Нас тут любой лучник почикает, только стрелы считай! Эграсса, дай я пойду впереди! Авось, если напоремся, успею вас предупредить.

— Нет, — после недолгого раздумья покачал головой эльф. — Пойдем я и Угорь. Вы продолжайте идти по дороге, если что случится, мы вам подадим знак. Гаррет, держи копье.

Эльф передал мне красту и вместе с гарракцем бегом бросился вперед. Мы подождали, когда воины скроются за очередным холмом, и только после этого продолжили путь. Еще с полчаса ничего не происходило, а затем раздался свист.

Сердце у меня мгновенно провалилось в пятки, но Фонарщик развеял мой страх:

— Это Угорь, пошли быстрее. Там что-то интересное.

— Интересное не выглядит опасным?

— Было бы там что-то опасное, он бы совершенно не так свистел, Гаррет. Но все же постарайся держаться у меня за спиной.

— Постараюсь и обещаю не высовываться. И Кли-кли придержу, дабы не лез под ноги. — Что бы кто ни говорил, а я обладаю массой хороших качеств, и главное из них — благоразумие.

Дорога взбиралась на очередной низенький холм, и мы поспешили вперед. На вершине холма появился Угорь и махнул нам рукой. Поднявшись, мы увидели то, что привлекло внимание наших разведчиков, — впереди лежал Мойциг.

— И кто мне говорил, что Первые сюда не добрались? — прорычал Халлас.

Его вопрос остался без ответа. С холма открывался замечательнейший вид на реку, огромное неровное поле, кое-где поросшее редколесьем, и город, располагающийся в четверти лиги от нас. Справа, между полем, городом и рекой, возвышались мощные серые стены небольшого замка. Как я знал, еще два замка находились по ту сторону Мойцига. Задумка строителей заключалась в том, что город находился в середине треугольника, образованного тремя замками.

Вполне удачное оборонительное решение — прежде чем идти на штурм городских стен, надо было разобраться с замками, иначе существовала неплохая возможность схлопотать удар по флангам или в тыл от замковых вояк, предпринявших вылазку, когда враг, позабыв обо всем, ломится в городские ворота.

Но и штурм одного из бастионов мог оказаться палкой о двух концах. Пока разбираются с одним замком, придет помощь из другого, да и из города не упустят возможности укусить. Так что Мойциг был воистину крепким южным орешком, и взять его лобовым штурмом было практически невозможно, разве что одновременно начать штурм всех трех замков и города, а такое возможно лишь при очень большой армии. Тысяч десять как минимум. Если бы все орки нагрянули под стены Мойцига, а не разделились на три отдельные армии, у них был бы шанс, а так... так это было заведомо проигрышным делом, о чем и говорило поле.

Оно было черным-черно от трупов. Слишком далеко, чтобы я мог разглядеть детали, но и бобер бы понял, что Первые взялись штурмовать ближайший замок и нарвались на фланговый удар подоспевшей армии Мойцига и других бастионов. Замок, который пытались захватить орки, устоял, но часть его стен и три из шести башен были разрушены. Не удивлюсь, если здесь поработало орочьё шаманство. Но даже магия не

смогла помочь Первым, и они не устояли против человеческой армии. Я ни на мгновение не сомневался, кто победил в этой битве.

— Сколько их? — машинально вырвалось у меня.

— Если на глазок, то не больше полутора тысяч, — прищурившись единственным глазом, выдал Халлас. — Знатно их покروшили. Жаль, что мы не успели принять участие в драчке.

Лично я нисколько не жалел о том, что мы слегка запоздали к побоищу. Тьма поймет этих гномов, им бы только мотыгой кому-нибудь доспех проломить.

— Не думаю, что полторы тысячи-то, — возразил Фонарщик. — Наших тоже должно было лечь порядком. Так что орков было не больше тысячи.

— Чего гадать-то? Давайте подойдем и посмотрим! А лучше спросим у кого-нибудь!

— Разбежался, Халлас! По мне, так туда лучше не лезть! Пристукнут свои как каких-нибудь дезертиров, и поминай как звали. Раз тут у нас такие пироги, предлагаю обойти город стороной. Чего шею в петлю совать?

— Идти придется, Мумр. Без лошадей до следующего города будем добираться слишком долго.

— А на кой нам город, Эграсса? Зайдем в любую деревню и купим лошадок.

— Ага! — Кли-кли прямо-таки источала волны цинизма. — Так тебе и продадут! И парадную уздечку с седлом еще в придачу накинут! Думать-то тоже иногда надо! Да во всех окрестных деревнях не найдется самой завалающей кобылы! Всех животных в армию согнали, а коли не согнали, то крестьяне своих пахотных лошадок не отдадут.

— Значит, Гаррету придется украсть у них лошадей, — невозмутимо парировал Мумр.

— Я не конокрад, — буркнул я и поспешно добавил: — К тому же это могут расценить как мародерство и вздернуть нас на ближайшем дереве.

— Нам придется идти. — Слова Фонарщика о дезертирах эльфа нисколько не смутили. — Сейчас информация намного важнее лошадей. Стоит послушать, что здесь знают, прежде чем отправляться в Авендум. Первые могли взять местность в кольцо, а этот отряд мог оказаться всего лишь авангардом.

С этими словами Эграсса стал спускаться с холма. Остальные двинулись следом. Кли-кли на всякий случай вцепилась в мой рукав, но на этот раз я не пытался высвободиться из ее цепких пальчиков. Пусть идет.

— На что они рассчитывали? — произнес я. — Тысячью взять такой

укрепленный город просто невозможно.

— Ну почему же невозможно? — услышал меня Угорь. — Очень даже возможно. Насколько я помню военную историю и историю Войны Весны, такой случай уже был. В ту войну девятьсот Первых нахрапом взяли Майдинг, захватив врасплох и разгромив втрое превосходящие силы людей, а затем удерживали город до подхода своей основной армии. Наверное, эти парни решили повторить подвиг предков.

— И в итоге обломали зубы! — безжалостно закончил Халлас. — Это же надо было такое удумать! Тысячью пытаться взломать оборону! Даже карликам было бы ясно, что горожане прослышат о продвижении орков по восточному берегу Иселины и успеют подготовиться! Вот олухи эти орки! Тупее их только доралиссцы!

— Первые не были глупы, Халлас. — В голосе Эграссы послышалась горечь и... боль? — Они были молоды, а молодости присуща самонадеянность.

— Не понимаю.

— У Эграссы зрение лучше твоего, — разъяснила гному Кли-кли. — Вот погоди, дойдем до места, где проходило сражение, сам все поймешь.

— А может, мы обойдем стороной это место?

— В чем дело, Гаррет? — нахмурился Фонарщик. — С каких это пор ты стал бояться покойников?

"С тех самых пор, как прогулялся по Храд Спайну!" — подумалось мне, но я благоразумно промолчал. Просто не понимаю, зачем нужно переть напролом и шагать через мертвецов, когда есть совершенно свободный клочок пространства, стоит лишь немного забрать левее.

Эграсса, кажется, считал также, как и я, потому что свернул с дороги, и, когда мы подошли к полю битвы, основная масса убитых осталась по правую руку, но и того, что мы увидели, было вполне достаточно.

Эльф оказался прав — насколько я мог рассмотреть, орки и вправду были молодыми. Очень молодыми. Совсем еще дети. Они решили повторить подвиг предков, но в итоге встретили смерть.

— Мальчишки... — прошептала Кли-кли. — Вот странно, Гаррет. Они наши враги, страшные враги. Они ненавидят всех, кто другой, но сейчас мне их жаль.

— Ты прав, шут. Дети не вправе находиться там, где за мечи должны браться настоящие воины. Что ими двигало? Зачем это глупое нападение? Они ведь знали, что нет никаких шансов на победу, — произнес Угорь, стараясь не смотреть на лица мертвецов.

— Может, их окружили и заставили принять бой, Угорь? —

предположил я.

— Следы говорят обратное. Их никто не окружал, да и Заграба рядом. Они могли бы прорваться. Кстати, Первых больше тысячи. Все тела, что здесь есть, ороczy. Людей уже успели убрать.

— Интересно, когда произошла эта битва?

— Побоище, Гаррет, — поправил меня Эграсса. — Это поле — поле побоища, а не поле битвы. Глупым щенкам не оставили никаких шансов. Ты чувствуешь, Кли-кли?

— Да.

— О чем вы, побори меня тьма?!

— О магии, Халлас. Тут использовали магию.

— Не слепой, гоблин. Слава богам, один глаз у меня еще есть! Замок вон как порушили!

— Это сделали люди.

— Что?!! — в один голос спросили мы с Фонарщиком.

— Здесь не было никакого шаманства, лишь волшебство. А значит, это поработали или люди, или светлые эльфы. Последнее, как ты понимаешь, весьма сомнительно.

— Зачем же тогда было рушить собственный замок, умник?

— Откат, Халлас. Так называемый откат. Цена волшебства. Здесь использовали одно из сильнейших заклятий вашего Ордена. Смею предположить, что грохнули какой-то мерзостью, которая на время обездвигила всех орков. Заклинание должно было быть так сильно, что откат не смогли проконтролировать, и он шандарахнул по замку. Но большая часть удара пришлась по тем же оркам. Видишь, как земля вдавлена и что с телами?

— Я думал, это кавалерия их так помяла, — процедил Угорь.

— Следов копыт нету.

— Уже вижу, Кли-кли. Зато следов подкованных сапог полно.

— Ага. Тех, кого не примял откат, доби́ли подоспевшие защитники. Первые все равно не могли сопротивляться и отправились во тьму. Не очень-то честную битву затеяли люди.

— По мне, так туда оркам и дорога. — Мумр сплюнул себе под ноги. Сидели бы в своей Заграбе и не лезли к нам в королевство. А что до войны... Как раз вот это и есть война, Кли-кли, а на войне все средства хороши. Это на какой-нибудь дуэли ты можешь проявить благородство и дать противнику время, чтобы тот поднял выпавший из рук меч. Здесь если ты лишаешься меча, то сразу лишаешься и головы. Не важно, зачем ты пришел на войну, сколько тебе лет и насколько ты благороден, — или

выигрываешь и вырываешь победу, или гниешь на поле. Третьего, дорогой гоблин, на войне не дано.

— И все равно это нечестно, — упрямо нахохлилась Кли-кли. — С ними не было даже шамана. На оружие надо отвечать оружием, а не магией.

— И слава Сагре, что не было! — распалялся Фонарщик. — Будь здесь шаман, и наших полегло бы раза в три больше. Это война, Кли-кли. Может, ты потом поймешь...

— Да я понимаю, — неохотно протянула гоблинша. Пока разговаривали, вновь вышли на дорогу, ведущую в Мойциг. Полуразрушенный замок, в котором, как видно, не было ни души, и мертвое поле остались в стороне. Город был все ближе и ближе.

— Как давно произошла битва? — нарушил я тягостное молчание.

— Судя по тому, что тела орков не успели сжечь, а воронье еще способно летать, — не раньше вчерашнего вечера, — ответил мне Угорь.

— А ворота-то в Мойциг открыты настежь! — удивилась Кли-кли. — Или горожане после битвы совсем перестали бояться, или что-то случилось.

— Да ничего не случилось! — прищурился Угорь. — Вон на стенах сколько людей!

Ну если черные точки — бегающие по стенам люди... До города было все еще слишком далеко.

— Нас, кажется, заметили! — сказал Эграсса, наблюдая, как из городских ворот вылетает отряд всадников.

— Немудрено, — пожал плечами Фонарщик. — Мы на открытой местности, нас всякий норовит увидеть. Давай-ка, Эграсса, отойди назад. Мы в случае чего...

Фонарщик не счел нужным договаривать, но и так все было понятно. Парни, спешащие к нам, могут оказаться излишне горячими и скорыми на расправу. В пылу скачки вполне возможно перепутать эльфа с орком.

На слова Мумра Эграсса лишь нехорошо сверкнул глазами, но за с'кашем, слава Саготу, не потянулся. По-моему, Фонарщик так и не понял, что нанес эльфу смертельное оскорбление.

— Я не привык прятаться за чужие спины!

— Не сердись, Эграсса! — поспешно встрял Угорь. — Фонарщик дело говорит, лучнику лучше находиться во второй линии.

— Ты собираешься воевать? — Правая бровь эльфа насмешливо поползла вверх.

— Нет.

— Тогда это ни к чему, — поставил точку в неприятном разговоре Эграсса.

— Халлас! — окликнул я гнома, начиная немного нервничать. — Не хватайся за мотыгу!

Всадники приближались. Четверка воинов направила лошадей левее и стала обходить нашу маленькую недвижимую группку. Все четверо были вооружены луками. Основная группа неслась прямо на нас и не собиралась придерживать лошадей. Мне это все больше и больше не нравилось. Краста, как назло, была у Эграссы, а кинжалом против человека на коне, да еще и вооруженного копьем, не очень-то повоюешь. Один из всадников всадил шпоры в лошадиные бока и оторвался от своих товарищей на два конских корпуса. Что этот парень собирается делать? И почему он опустил копье? Земля под ногами начала подрагивать.

— Гаррет, стой! — шепнула Кли-кли, впиваясь рукой в мою одежду. Побежим — ударит копьем!.. Стоим... Стоим...

Лошадь — огромная черная зверюга, словно выбравшаяся из самой тьмы, вылетела на нас. В последний момент, когда казалось, что нас сомнет эта туша, всадник осадил лошадь. Та встала на дыбы, ударила воздух передними копытами, едва не раскроив голову Угрю. Гарракец "утек" в сторону, не спуская с всадника взгляда, но тот видел только одну цель — Эграссу. Как только лошадь коснулась земли передними копытами, неизвестный воин что есть сил ударил копьем, метя эльфу в грудь. Быть бы тому нанизанным на "вертел", если бы не Фонарщик. Щуплый Дикий каким-то непостижимым образом оказался между всадником и темным. Биргризен с шелестом рассек воздух, врезался в копье, отбивая его в сторону и вверх, и пошел на очередной замах, который должен был завершиться ударом в незащищенный бок врага, но тут подоспели другие всадники.

Тот, что скакал первым, от души врезал напавшему на нас человеку пяткой копыта по щиту. Воин не ожидал ничего подобного и не удержался в седле. На миг передо мной мелькнуло белое и донельзя удивленное совсем еще молодое лицо, и парень со всего маху рухнул на землю, прямо под ноги Фонарщику.

— Совсем мозги потерял, Боррик?! — рявкнул один из всадников. — Или ослеп?!

Воин, лежащий на земле, лишь таращил глаза и отчаянно хватал воздух ртом. Видать, крепко он с седла треснулся.

— Простите моего человека, треш эльф, — обратился все тот же всадник к Эграссе.

— Эльф? — наконец смог выдавить из себя тот, кого всадник назвал Борриком. — Я думал, это один из орков.

— Плохо думал! Да я тебя до конца службы на стену отправлю ворон считать! Ты у меня год в седло не сядешь! Еще раз приношу свои глубочайшие извинения за это недоразумение, треш...

— Эграсса. Эграсса из дома Черной луны, — ответил темный, сверля взглядом пытающегося встать с земли Боррика.

Не будь здесь столько всадников, воин уже познакомился бы с эльфийским с'кашем. Сейчас же Эграсса счел за лучшее не обострять отношений и оставить расправу с этим малым на более спокойное время.

— Я Нэол Ираген, лейтенант гвардии Мойцига, — представился всадник.

Нэолу Ирагену было за сорок. Кошачьи усы, густые брови, сросшиеся на переносице, и крайне унылая физиономия мелкого дворянчика, никак не вязавшаяся с пронзительной остротой голубых глаз и уверенной посадкой в седле.

— Эти... люди с вами, треш Эграсса? — на слове "люди" лейтенант гвардии запнулся, так как гоблина и гнома к людям отнести было довольно сложно.

— Да, это мои воины.

Уж не знаю, что подумал Нэол Ираген, но я и Кли-кли заработали парочку недоверчивых взглядов. Ну что поделаешь, не похожи мы с гоблиншей на воинов.

— Что привело эльфа в наш город, когда Черный лес в огне? — Лейтенант постарался, чтобы его вопрос не прозвучал грубо.

— Приказ короля. — Эграсса достал бумагу Сталкона, ту самую, что мы показывали двум магам Ордена еще в Вишках, и протянул всаднику.

Воин взял бумагу и внимательно изучил королевскую печать. Надо заметить, что милорд Нэол несколько удивился, но это практически не отразилось на его лице, лишь густые брови удивленно поползли вверх.

— Когда началась война, нам приказали проверять случайных и неожиданных путников, — осторожно начал лейтенант, возвращая эльфу бумаги. — Сейчас кто только не ходит по дорогам. Дезертиры и шпионы в том числе. Ваше появление очень странное, да еще и эти бумаги... Вы ведь понимаете, треш Эграсса, что мы не можем просто так вас отпустить?

— Что вы предлагаете?

— Нам надо все проверить, и лучше, если мы проводим вас в город, к начальнику гарнизона.

— Мы ничего против этого не имеем. — Эграсса небрежно пожал

плечами.

— Вот и чудесно! — облегченно вздохнул Нэол Ираген, понимая, что эльф не собирается упрямиться. — Боррик! Отдай треш Эграссе свою лошадь!

Парень к этому времени уже пришел в себя и безропотно подвел черную животину к Эграссе. Еще пятеро всадников спешили, отдавая нам своих лошадей. Мне досталась серая в яблоках кобылка, вроде бы спокойного нрава. Во всяком случае, пока я забирался в седло, смотрела она на меня более-менее благосклонно. Кли-кли лошадь не предоставили. Гоблинша уже собиралась обидеться и учинить скандал, но я усадил ее впереди себя. Вроде маленькая проныра осталась довольна таким раскладом.

Двигаясь к Мойцигу, мы оказались в центре отряда всадников, которые как бы невзначай взяли нас в кольцо на тот случай, если странные путники вдруг решат, что в городе им делать нечего и зададут стрекача.

— Что с армией? Майдинг еще держится? — нарушил затянувшееся молчание Угорь.

Один из воинов открыл рот, чтобы ответить, но заметил предупреждающий взгляд Нэола Ирагена и проглотил все заготовленные слова.

— Подожди немного, воин, — сказал лейтенант гвардии. — Комендант все расскажет.

Угорь кивнул и больше ни о чем не спрашивал. По мне, так к чему такие тайны? Разве королевская бумага их не убедила? Считать нас дезертирами по меньшей мере глупо. Да и на шпионов мы не тянем. Орки никогда не будут использовать людей как шпионов. Или будут? Если вспомнить о Первой людской ударной армии, перешедшей на сторону орков во время Войны Весны, то опасения жителей Мойцига не напрасны.

— Фонарщик! — неожиданно окликнул Дикого Эграсса.

— Да?

— Спасибо.

Мумр, не ожидавший от эльфа благодарности, довольно сощурился и растянул губы в улыбке от уха до уха.

* * *

Мойциг кипел и бурлил. Размерами город раза в три уступал тому же Ранненгу, а уж с Авендумом его и вовсе нельзя было сравнивать, но это не

мешало жителям южного городка на день почувствовать себя самыми счастливыми и удачливыми горожанами во Вселенной. Праздничной атмосфере, властвовавшей на городских площадях и улицах, могли позавидовать все города мира. Праздник носился в воздухе, слышался в разговоре горожан и стражников у ворот, звенел в песнях гуляющих в трактирах и кабаках. Словно и нет войны. Сегодня жители города были победителями. Они и только они разгромили целую тысячу (а то и больше!) орков. И какая разница, каким способом была вырвана победа? Победителей не судят, не так ли? Сегодня люди радовались и пытались взять от жизни все, но уже завтра вновь наступят суровые дни и война для них продолжится.

По запруженным народом улицам мы ехали недолго. Нэол Ираген привел наш отряд к городским казармам. Солдат здесь было не меньше, чем горожан на улицах. Воины, похоже, собирались в поход. Все носились из угла в угол, сотники идесятники орали, отдавая приказания, кто-то собирал вещи, кто-то седлал лошадей. Ребята собирались задать кому-то жару? Давно пора.

Нас привели в казарму и оставили в обществе находящихся здесь солдат. Эграсса и Угорь ушли вместе с лейтенантом гвардии к коменданту, а мы коротали время за столом. Слава богам, нас не собирались морить голодом. Кли-кли есть не стала, и стоило мне на мгновение упустить ее из виду, она тут же исчезла. Небось побежала за эльфом или вынюхивает новости.

— Не нравится мне все это, — прочавкал Халлас, вылавливая из котелка с похлебкой особенно аппетитный кусок мяса. — Праздник праздником, победу надо отпраздновать, но и дурить не стоит. На кой, я вас спрашиваю, хрен надо держать городские ворота открытыми? Орки всегда славились стремительностью своих атак. Прощелкают клювами их приход, помяни мои слова, Гаррет! Стражники могут и не успеть ворота закрыть, что тогда делать-то? На улицах воевать гораздо труднее, чем на стенах.

— Не нервничай, Халлас, все обойдется, — философски изрек Фонарщик и протяжно рыгнул. — Этот Нэол на дурака не похож. Раз ворота открыты, то опасаться нечего. Думаю, его разведчиков в окрестностях города не меньше, чем блох на шелудивой собаке. Орков за лигу заметят.

— Как ты не понимаешь, Мумр! — возмутился гном. — Порядок во всем быть должен! Если ворота открыты, это форменное раздолбайство! Мы, гномы, никогда до такой глупости не опустимся.

— Был бы тут Делер, да пребудет он в свете, он бы тебе ответил, —

буркнул Фонарщик.

Халлас сразу поскуучнел, поковырялся ложкой в похлебке и отодвинул от себя котелок.

— Чего-то долго они ходят. Надеюсь, что этот комендант не самодур и не станет нас задерживать дольше, чем следует.

— Кто же нас задержит с королевскими-то бумагами? — совершенно по-детски изумился Мумр.

— Кто же нас задержит, — передразнил товарища гном. — Больно нам эти бумаги под Вишками помогли. Маги на них и не взглянули как следует. Было бы у них желание, они бы ими еще и подтерлись. Если бы не та рука-чудовище, тьма знает, что бы с нами случилось. Кто даст гарантию, что на этот раз все обойдется? Молчишь? Правильно! Никто не даст никакой гарантии. А ты, Гаррет, что разумеешь?

— Да в общем-то ничего, — сказал я.

— Как это ничего?! — оскорбился Халлас. — Как это?! У тебя что, нет своего мнения на данный счет?

— Халлас, хватит трещать, — успокоил я гнома. — Ты что, Эграссе и Угрю не доверяешь?

На такие слова Халлас лишь выпучил свой единственный глаз и покрепче стиснул ложку, собираясь пустить ее в ход.

— Вот, — рассудительно произнес я и подвел черту в возникшем разговоре: — Значит нечего опасаться. Эльф с Угрем найдут способ убедить этого коменданта.

Халлас хмуро покосился на меня из-под повязки и вновь подвинул к себе котелок.

— Все равно, тут все раздолбай. Нас без охраны оставили.

— Куда ты отсюда побежишь, скажи на милость? — Мумр облизал ложку. — Народу кругом полно, и твой уход не пройдет незамеченным.

— Эй, постойте! — Один из проходящих мимо нашего стола солдат резко затормозил. — А я вас знаю!

Мы трое вылупились на него. Солдат как солдат. Могу поклясться, что его физиономию я раньше не видел. А вот герб, нашитый на куртке воина, был мне очень знаком — черная туча на зеленом поле. Герб моего дражайшего друга — барона Оро Габсбарга. Выходит, этот парень один из солдат барона. Вот только каким ветром его так далеко занесло?

— А мы тебя не знаем, — достаточно неприветливо буркнул Счастличик. — Не встречались.

— Ошибаешься, почтенный! В конце этого лета, в Кротовьем замке. Вспомнили?

— Нет.

— Я был в дружине милорда Габсбарга. Ух! Слушай, а ведь это ты тот парень, что пригвоздил к земле Меило Труга? — Последние слова воина были обращены к Фонарщику.

— Ну я, — нехотя признался Мумр.

— Эй! Ребята! — заорал на всю казарму воин, привлекая к нам всеобщее внимание. — Это тот парень, о котором я вам рассказывал! Он самого Труга в замке Доброй Души по стенке размазал!

Что тут началось! Похоже, о подвигах Фонарщика были наслышаны все воины королевства. Во всяком случае, наш стол окружила плотная толпа народа, и всякий норовил хлопнуть Мумра по плечу. Те, кто не дотягивались до Мумра, отрывались на мне и Халласе, словно это мы вдвоем с гномом махали двуручником во внутреннем дворе замка Альгерта Далли на том памятном поединке суда Сагры.

Халлас даже оттаял и заухмылялся, находясь в центре внимания. Парень с гербом Габсбарга надрывался вовсю, наверное в сотый раз пересказывая историю и ход поединка. Народ восхищенно внимал. Сквозь толпу, наседающую со всех сторон на наш стол, протиснулся седовласый ветеран. На плече воина громоздился огромный цвайгхандер. На рукояти двуручника был явственно виден золотой дубовый лист. Мастер меча. Воин почтительно поклонился, Мумр не ударил в грязь лицом и тоже ответил поклоном. Воин вежливо попросил господина Фонарщика, конечно, когда у того найдется время, преподать ему несколько уроков. Мумр согласился.

Халлас крикнул и как бы невзначай намекнул, что хорошо бы было пивка немного. Кто-то из молодых воинов опрометью бросился из казармы, и спустя неполных пять минут перед нами стояли пузатые пивные кружки. А тьма! Я со всеми этими гуляниями по Заграбе успел забыть, какой у пива вкус. Так что наслаждался, предоставив Халласу, оказавшемуся в окружении благодарных слушателей, травить байки.

Гном, раздувшись от гордости, поведал всему миру, как он самолично вытащил меня из лабиринта и вот этой вот самой мотыгой прибил в Золотом лесу девяносто восемь орков и одного Х'сан'кора. С орками Счастливчик конечно же крупно приврал, но ему поверили. Да и как тут не поверить, когда тебе в доказательство предоставляют самый что ни на есть настоящий рог лесного чудовища?! К концу легенды все воины казармы были готовы броситься ради гнома в огонь. Уверен, что через три дня сказку Халласа будет знать вся армия. Слава богам, что он не додумался приплести еще и дракона с принцессой до полной кучи.

Я уже начинал ловить на себе вопрошающие взгляды. Наверное,

некоторые из присутствующих здесь предположили, что, раз я путешествую с такими отчаянными и уважаемыми личностями, значит, и я легендарный герой и по меньшей мере голыми руками скрутил шею Неназываемому. Знай ребята, что я прошел через Храд Спайн и сейчас в моей сумке Рог Радуги, они бы точно уверились, что мы — троица великих героев из Седой эпохи.

Гном разделялся с третьей кружкой пива и не затыкался ни на минуту. Я улучил момент и привлек к себе внимание воина Габсбарга.

— Ты-то здесь как оказался? — спросил я у солдата.

— Я теперь адъютант и личный посланник милорда! — гордо ответил парень. — Меня сюда прислали за подмогой.

— Подмогой? У барона что-то случилось?

— Барона?! — солдат хохотнул. — Бери выше, дружище!

Но тут, как назло, объявилась Кли-кли и, не церемонясь, перебила Халласа, разглагольствующего о том, как он запрягал в плот кровожадных виверн:

— Заканчивай, нас Эграсса зовет!

Гном разочарованно крикнул и, одним глотком осушив кружку, встал со скамьи:

— Извиняйте, братцы! Дела. Бум живы, свидимся, дораскажу.

Все дружно пожелали нам удачи и пошли по второму кругу хлопать по плечам. Когда я все же вылез вслед за гоблиншей из толпы, плечи ныли, как будто я целый день таскал что-то тяжелое.

— Куда ты нас повел? — спросил я у Кли-кли.

— В более спокойное место. Туда, где можно нормально поговорить, — ответила она.

— Так, значит, нас не звал Эграсса? — насупился гном.

— Конечно же нет!

— Такую историю не дал рассказать! — пожалел Халлас.

— Ты и так наврал им с Замда-Морт. Пора было тебя остановить.

— О чем ты хотел с нами поговорить?

— О многом. Я кое-что узнал и думаю, вам это будет интересно, Угорь нас уже ждет.

— А Эграсса?

— Комендант пригласил его отобедать, Гаррет.

— Это значит, что все уладилось?

— Я всегда говорил, что наш Танцующий — самый настоящий гений! — хмыкнула Кли-кли, выводя нас во двор.

— И это, по-твоему, уединение?

— Тут, по крайней мере, на нас не обращают внимания. Еще вопросы будут?

— Что за мешок ты прешь? Не надорвешься?

— За собой следи, — фыркнула она. — Мы, кстати, пришли.

Гоблинша привела нас к какому-то зданию, бесцеремонно пнула дверь ногой, и мы оказались в просторной комнате. За столом восседал Угорь и грыз куриную ножку. Еды, надо отметить, было предостаточно.

— Хорошо устроился! Кто за все это заплатил? — Халлас задал животрепещущий для любого гнома вопрос.

— Никто. Милорд комендант был настолько любезен, что снабдил нас едой со своего стола и выделил комнату, пока Эграсса обедает в обществе его светлости. Присоединяйтесь к пиршеству.

— Да мы в общем-то уже в казармах поели, — хотел было отказаться гном.

— Ну, дело ваше. Мне больше достанется. — Тут же Халлас, потирая руки, пошел к столу.

— Ладно, вы лопайте, а я буду рассказывать о тех делах, что приключились в Валиостре, пока мы по Заграбе ходили. Угорь уже все знает. Да ты жуй, Халлас, жуй. Все обстоит гораздо лучше, чем мы думали.

— Насколько лучше? — осторожно спросил я у Кли-кли.

— Намного. Оркам дерут задницу на всех фронтах! — скорчив довольную физиономию, сообщила она нас.

— Чего-о-о-о?! — вытаращил глаза Халлас.

— А того, мой любезный гном. Как оказалось, нахрапом нас не возьмешь. Каким-то образом за два дня до начала войны стало известно о вторжении. Пограничные гарнизоны большей частью успели подготовиться и отошли.

— Отошли? — Я немного не уловил соответствие между словами "подготовиться" и "отошли".

— Ну да. Пограничники вообще никуда отступить не собирались, а вот наши поперли назад. А им навстречу доблестная армия Валиостра. Бездушные егеря, Псы Удачи, Ершистые, Бродяги, Клоуны Гимо, Оболтусы судьбы и многие другие. Под Верхними Выдрами, знакомое название, не правда ли? Под Верхними Выдрами вступили в бой и так вма-а-азали Первым по рогам, что те очухались только денька через два. К тому времени нашей армии уже и след простыл. Опять отступили, теперь уже за Иселину. Орки словно обезумели, пошли вперед и вновь схлопотали. К этому времени уже и северная армия подросла. Под Ранненгом дали генеральное сражение и армию орков расчленили на три части. Первую,

самую многочисленную, погнали аж до самого Пограничного королевства, что там случилось, мне пока неизвестно. Вторая кое-как доползла до своего ненаглядного Золотого леса, а третья застряла в окружении в графстве Маргенд, до коего отсюда рукой подать. Вы не представляете, как я рад! Центральную армию орков разбили в пух и прах!

— Н-да... — протянул я, не веря своим ушам. — А это точно?

— Конечно, точно, глупая твоя голова! Сам комендант Эграссе рассказал! Он как только увидел бумаги с королевской печатью, прямо залебезил. Вон, если мне не веришь, у Угря спроси.

Доблестная армия Валиостра на этот раз действительно оказалась доблестной, и кошмара, произошедшего в Войну Весны, на этот раз не случилось. Остановлены и отброшены назад. Ха-ха! Вот что значит своевременная информация и сорок тысяч северной армии, которую король собирал для торжественной встречи Неназываемого.

— А как обстоят дела с первой и третьей орочьими армиями?

— Пограничники вроде стоят и будут стоять, пока наши не подоспеют. Так что первой можно только посочувствовать. Скоро уберутся в свой Золотой лес и не будут высовываться еще лет триста. Такое сокрушительное поражение они будут до-о-олго помнить. Что касается третьей, то там все просто. Эльфы оправились, и вроде положение в Черном лесу, по последним сведениям, выровнялось. Что же касается тех, кто пошел на Майдинг... — Кли-кли заговорщицки усмехнулась. — Их ждал не менее неприятный сюрприз, чем тех, кто попер на Ранненг и нарвался на Диких егерей и пограничные гарнизоны. Наши ребята там тоже не спали, а потом подоспела помощь и...

— Постой, Кли-кли! — перебил гоблина все это время молчавший Фонарщик. — А там-то откуда помощь взялась?

— А про наши пятнадцать тысяч, что на границе с Мирануэхом постоянно торчат, забыл?

— Я-то не забыл, но вот только Мирануэх, наверное, тоже. Весь запад теперь в полном распоряжении "усачей"!

— Не бойсь! И тут у нас все здорово! На Майдинг выползло двадцать тысяч Первых. Так мирануэхский король не стерпел такую несправедливость и прибавил к пятнадцати тысячам наших, десять тысяч своих пикинеров и четыре тысячи кавалерии.

— Чего-о-о-о?! — Теперь уже мы трое вытаращили глаза.

— Ага. Орки его величеству чем-то очень насолили, и его величество решил вмешаться и помочь северному соседу.

— Не верю. Все что угодно, но чтобы Мирануэх! Сколько веков

грызлись за Спорные земли, и вот на тебе!

— Разве жрецы не учат нас быть щедрее, Гаррет? — хихикнула гоблинша. Тьма знает, что подвигло короля Мирануэха на столь щедрый и своевременный ход, но и мой разлюбезный Сталкон шаркнул ножкой и подарил Мирануэху Спорные земли.

Халлас подавился вином и закашлялся. Угорь стукнул гнома по спине.

— Невелика потеря. Столько лет бодаться из-за двадцати лиг никому не нужных болотистых земель... Только северяне на такое способны.

— Ну, это у тебя в Гарраке земель навалом, а у нас все на счету, защитил родное королевство Фонарщик. — Но что сделано, то сделано. Значит, от Майдинга орков отогнали, Кли-кли?

— Не только отогнали, но и окружили и полностью перебили! — пропела гоблинша. — Победа на всех фронтах! А затем союзная армия не успокоилась и полезла в Черный лес, помогать братьям-эльфам. Если наши военачальники имеют хоть капельку мозгов, они вычистят Золотой лес от Первых.

— Засим — ура! — поднял бокал Халлас.

— Так выходит, что покусившиеся на Мойциг — из недобитков центральной армии?

— Да нет, Мумр. Их из Заграбы выманили. Нашим повезло, выследили самого кланового вождя Груунских ухорезов, когда он со своей швалью в родной лесок пробирался. Ну и вздернули его на городских воротах, так сказать, в назидание тем, кому в Золотом лесу не сидится. А эти щенки ничего не поняли и выползли под глаз Сагры. Решили отбить тело. Ну, их и посекали... Так, Гаррет. Теперь с тобой. Пока ты в казарме прохлаждался, я кой-куда успел сбегать и разжиться кое-чем. — С этими словами гоблинша залезла в мешок и выложила на стол арбалет, а затем два десятка коротких болтов. — Вот... а то ты совсем без нормальной железяки скиснешь.

Я взял арбалет в руки. Конечно, не мой малыш, оставленный в залах Храд Спайна, но тоже неплохо. Раньше у меня был точно такой же. "Оса" — оружие легкое и очень надежное.

— Где ты его добыл?

— Спер конечно же! Из ихней оружейной. — Она гордо надулась.

— А если меня теперь с ним поймают? — хмыкнул я, удивляясь наглости Кли-кли, посмевавшей слямзить из-под носа солдат оружие.

— Если тебя поймают, Танцующий, то тебе и отдаться. Я свое дело сделал, а дальше уже твои проблемы.

— Спасибо, Кли-кли, — с сарказмом поблагодарил я свою "благодетельницу".

— Не за что, — в тон мне ответила Кли-кли и ехидно осклабилась. — Вы, кстати, быстрее челюстями шевелите. Мне вас еще надо за теплой одежкой сводить. Зима на носу, а вы в этом рванье щеголяете.

— Всей толпой пойдем воровать? — сделав страшный глаз, поинтересовался Халлас.

— Плохого же ты мнения о гоблинах, Счастливчик, — расстроилась гоблинша. — Ну почему же сразу воровать? Эграсса обо всем договорился с комендантом. Осталось только взять чего потеплее и сваливать из Мойцига. Когда доберемся до Авендума, уже ударят настоящие морозы, и вы все, да-да именно вы, скажете маленькому гоблину спасибо за теплую одежду, потому что если бы не я, вы бы все от холода околели.

— Ты вроде только что говорил, что об одежде позаботился Эграсса, а не ты, — невинно заметил Угорь.

— А ему кто, по-твоему, сказал?! — враз озлобилась Кли-кли.

— Ты и сказал, — ответил Эграсса, входя в помещение. — Собирайтесь, через час из Мойцига выходит вооруженный отряд. Отправимся с ними.

— Зачем с ними-то? — нахмурился Халлас. — Али заблудимся?

— Ты забываешь, что, хоть орки и разбиты, шанс нарваться на разрозненные отряды Первых все еще очень высок. Тебе бы хотелось лишиться и второго глаза?

На слова эльфа гном лишь бахвальски ответил, что пусть орки только попробуют до него добраться. Если такое случится — чья-то мотыга кому-то пробьет черепушку.

— Мойцигские воины тоже следуют в Ранненг, Эграсса?

— Нет, Угорь. Они спешат в графство Маргенд. Часть центральной армии Первых взята в окружение всего лишь в дне пути отсюда. Отряд Нэола Ирагена спешит принять участие в предстоящем сражении.

— А орков-то много? — поинтересовался Счастливчик, приглаживая бороду.

— Около пяти с половиной тысяч.

— Мне вполне хватит, — решительно потрянул головой гном, и шляпа Делера сползла ему на глаза. — Чего сидите?! Давайте быстрее, а то всех орков без нас перебьют!

Я было хотел сказать, что оно и к лучшему, но промолчал. Чего расстраивать гнома? Халлас сейчас радовался, словно ребенок, которому пообещали долгожданную игрушку.

Мы покинули Мойциг спустя полтора часа под приветственные вопли горожан, провожающих своих воинов в победный (никто в этом не сомневался) поход. Комендант был настолько любезен, что предоставил нам не только новую одежду, но и лошадей. Мне достался темно-коричневый жеребец с явной склонностью к убийству своих хозяев. Во всяком случае, животное все время норовило пуститься в галоп и отправить своего незадачливого седока напрямик в могилу. По какой-то насмешке богов это был кавалерийский конь, у которого была только одна цель — нестись вперед сломя голову, и желательно под звуки горна. После смирной "боевой кобылки" Пчелки сей экземпляр лошадиной породы наводил на меня тоску и тихий ужас. Приходилось прилагать массу усилий, чтобы сдержать горячего парня и не грохнуться с седла. Угорь следил за потугами умирения демона безумия, овладевшего конем, с жалостью, наконец не выдержал и предложил обменяться лошадьми. Я, пока гарракец не передумал, тут же сполз с седла и пересел на смирную в меру лохматую и упитанную лошадь, неизвестной породы. Вот эта лошадь мне по нраву! Побежит, только если я захочу или если за ней погонится огр с большим зубом.

— Как зовут эту лошадь, Угорь? — спросил я.

— Лошадь. — Гарракец улыбнулся уголком рта.

Кто-то из воинов, ехавших позади нас и слышавших разговор, откровенно заржал. Не знаю, что его так насмешило.

— Ну, Лошадь так Лошадь, — хмыкнул я, потрепав животное по шее. — Это имя ей очень идет.

Поменяв коня, я наконец-то немного расслабился и с интересом косился на Угря. Последний вел себя на удивление тихо, словно Кли-кли, задумавшая очередную пакость. Время шло, а пакости не происходило. Похоже, коняга признал нового седока и решил не шалить без надобности. Мне лишь оставалось позавидовать мастерству Угря, его умению обращаться с лошадьми.

— Смотри, Гаррет. Видишь вон тех огурцов?

— Каких еще огурцов, Кли-кли?

— Да вон тех, в серых плащах.

— Орденских, что ли?

— Их самых. Именно эта шестерка остановила Первых под Мойцигом.

— Ну и молодцы. — Лично мне никакого дела до магов не было.

Интересно, что бы они сказали, узнай о Роге Радуги. На миг у меня возникло желание отдать им волшебный артефакт и распроститься с магией на веки вечные. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не избавиться от Рога прямо сейчас.

Дорога уходила на север, и, судя по словам всезнайки Кли-кли, по ней мы попадем прямо в Ранненг, надо всего лишь миновать маленькое графство Маргенд, земли которого раскинулись вдоль западного берега Иселины чуть ли не до Болтника.

Из Мойцига вышел отряд конных, насчитывавший шестьсот воинов. А еще раньше, два дня назад, из города в направлении Маргенда выступило полторы тысячи тяжелой пехоты. Кошачьих алебард и Разгуляк Рого. Первые быстрым маршем пришли в город из-под Майдинга, сразу после того как орки на том участке фронта были разбиты и потребовалась срочная переброска сил на восток, к Иселине. Что же касается Разгуляк, так эти ребята были расквартированы в Мойциге и попросту рвались в бой.

Все воинские сплетни мне поведал воин Габсбарга, ехавший в нашей сотне. Парень болтал без умолку, но, как только я собрался спросить о делах барона, его вызвали куда-то вперед, к Нэолу Ирагену, и вопросы пришлось отложить на потом.

Судя по всему, скоро наш многочисленный конный отряд должен был догнать пехоту и большой обоз, ползущий ко Второй южной армии, взявшей остатки недобитых Первых в кольцо. Судя по разговорам воинов, к завтрашнему полудню мы уже прибудем на место и поможем своим загнать орков в реку. Больше всех этого хотел некий Халлас, как-то не задумывающийся о том, что лично его в рубку с орками, скорее всего, и не пригласят. Мумр так и сказал об этом гному, но тот лишь гневно встопорщил бороду и сказал, что он перестанет быть гномом, если не завалит в предстоящей битве хотя бы десяточек жалких орков.

Эграсса ехал где-то впереди отряда вместе с Нэолом Ирагеном, так что мы были предоставлены самим себе. Точнее, не мы, а гоблинша. Кли-кли, лишившись эльфийского надзора, решила вновь взвалить на себя роль наилюбимейшего и наигениальнейшего королевского шута. Через час от шуточек-песенок-стишков и прочих выкрутасов гоблинши гоготало добрых две сотни воинов.

Спустя десять минут уже весь отряд был наслышан о маленьком и остром на язык гоблине, путешествующем в первой сотне. Естественно, тут же другие пять сотен наперебой принялись звать Кли-кли к себе. Маленькая затейница была жутко довольна. Кли-кли в очередной раз стала душой всей честной компании и развлекала воинов до наступления

сумерек, когда отряд остановился на ночлег возле большой и совершенно не тронутой войной деревушки. Как оказалось, местные жители уже ждали нас, и пусть на такую ораву домов для ночлега не хватило, но местный барон, примчавшийся из ближайшего замка со своей немногочисленной дружиной, успел все подготовить для встречи дорогих гостей и победителей. Благодаря Эграссе нам даже выделили дом, где можно было переночевать. Пока мы с Угрем и эльфом устраивались на новом месте, Кли-кли успела куда-то улизнуть. Халлас и Фонарщик тоже не задержались надолго. Их чуть ли не на руках унесли к центру деревушки, где в самом скором времени должно было начаться празднество по случаю прибытия славных воинов. Думаю, теперь у гнома будет много слушателей. Солдаты звали и нас, но я отказался сразу же, Угорь немного подумал и тоже отрицательно покачал головой. Эграссу за праздничный стол пригласил барон, и эльф, решив проявить вежливость, ушел.

— Слушай, Угорь. А где хозяева?

— Ушли. Сегодня дом в нашем распоряжении. Даже если Халлас напьется и разобьет пару печных горшков — нам никто и слова не скажет, можешь не волноваться.

— С чего ты взял, что я волнуюсь? Мне не впервой находиться в чужих домах во время отсутствия хозяев.

— Верю, — ухмыльнулся воин. — А насчет дома... Крестьяне даже рады, что могут оказать нам такую услугу. Во-первых, на них неожиданно-негаданно свалился самый что ни на есть настоящий праздник. Во-вторых, кормит нас барон, а не они...

— А кто кормит барона? — ехидно спросил я, но гарракец пропустил мой вопрос мимо ушей.

— В-третьих, — невозмутимо продолжил Угорь, — предоставление нам дома на одну ночь — сущий пустяк. Не победи воины орков, вполне возможно, что этого дома уже бы не было.

— Ладно, ну этот дом демону в ухо! Пойдем, что ли, на улицу? Чего одним здесь сидеть?

На дворе к этому времени уже стемнело. Я вдохнул холодный, уже совсем зимний воздух.

— Пахнет первым снегом. — Угорь словно читал мои мысли.

— Прохладно, — согласился я. — Ноябрь в этом году на юге выдался холодным.

— Разве это холод? Всего лишь легкий морозец, — хмыкнул мой собеседник. — Видишь, какие звезды тусклые? Когда сильный мороз, они горят, словно камни в королевской короне.

— У нашего Сталкона в короне не так уж много камней.

— Я говорил о гарракской короне.

— О! — сказал я, понимая, что сморозил глупость.

Мы помолчали, вслушиваясь в веселые крики и хохот, раздававшиеся в ночи.

— Веселятся, словно и нет никакой войны, — пробормотал я.

— Почему бы и не повеселиться? Война и бой будут завтра, а сегодня у них есть шанс забыть обо всем. Разве это плохо?

— Да нет, — смутился я. — Наверное, хорошо.

— Что тебя гнетет, Гаррет?

Я помолчал, подбирая слова. Как назло, нужные слова в голову не приходили.

— Так просто не объяснишь. Слова Серого, Хозяин, Рог Радуги и, конечно, равновесие со всеми вытекающими последствиями. Очень неприятно думать, что я, сам того не желая, таскаю у себя на боку самую ядовитую из змей.

— Просто не думай об этом.

— Что?

— Вот посмотри на это. Что ты видишь? — Он извлек из ножен "сестру".

— Оружие, — тупо ответил я.

— Правильно, оружие. Сейчас оно опасно?

— Нет, — подумав, ответил я.

— Правильно. "Сестра" у меня в руках. Все зависит от того, кто держит оружие и какие цели он преследует. Рог Радуги — такое же оружие, как "сестра", и он у тебя в руках. Я не считаю, что ты хочешь отправить наш мир в небытие.

— Но он не всегда будет у меня.

— Орден позаботится о Роге. Или ты и магам перестал доверять?

— Нет, но слова Серого...

— Слова Серого всего лишь слова — и ничего больше. Моя старая бабка, да пребудет она в свете, всегда говорила, что пророчество никогда не свершится, если мы этого не захотим.

— Успокоил, — кисло усмехнулся я, но не думаю, чтобы в темноте воин смог разглядеть мою жалкую ухмылку. — Пойдем, что ли, ко всем? Может, и на нашу долю вина оставят?

— Вряд ли лейтенант позволит солдатам принять на грудь. Да и они сами не дураки: идти в бой с похмельной головой — небольшое удовольствие. Так что больше чем на кружку пива мы с тобой можем не

рассчитывать. Давай поспешим, иначе Халлас вылакает нашу порцию.

Как назло, под утро приперся Фонарщик. Мумру взбрендило немного поспать, и в итоге от его храпа проснулись все остальные. Халлас, расстеливший одеяло на полу прямо под столом, выругался и швырнул в Дикого сапогом. Удивительно, но на сей раз этот способ подействовал....

Конный отряд покинул деревню, когда горизонт на востоке расчертила жемчужно-алая нитка рассвета.

— День будет ясным, — произнес Фонарщик, и из его рта вырвалось облачко пара.

— И очень, очень холодным, — расстроено просипела незнамо как умудрившаяся охрипнуть Кли-кли. — Кто из вас, умников, догадался снег накаркать? Молчите? Э-эх...

Первого в этом году снега было еще слишком мало, поэтому он превратил землю в буро-белое лоскутное одеяло. Кли-кли не права, это сейчас холодно, а вот к полудню солнышку будет вполне по силам растопить снежок и превратить дорогу в грязное месиво.

С самого раннего утра отряд шел то галопом, то рысью. Несколько раз останавливались или заставляли лошадей идти шагом, чтобы дать им хоть какой-нибудь отдых. В лучах взбирающегося на небо солнца Иселина, находящаяся от нас по правую руку, играла и исходила яркими бликами. По словам Кли-кли, мы уже находились в графстве Маргенд. Вскоре предположения гоблинши подтвердились — мы наткнулись на деревню с сожженными, но большей частью просто покинутыми домами. В отличие от той деревеньки, где мы ночевали, сюда война добралась. Спустя какое-то время нас заметил разъезд легкой кавалерии, что рыскал по окрестностям в поисках улизнувших из окружения орков. Командир разведчиков сообщил, что Разгуляки Рого и Кошачьи алебарды вместе с обозом уже прибыли к Маргендской подкове и битва вот-вот должна начаться. Кто-то из воинов глубоко посочувствовал несчастным разведчикам, которым придется ловить по полям заячьи хвосты, когда другие через несколько часов пойдут в бой. По мне так лучше носиться по графству в поисках возможной опасности, чем самому лезть к оркам на "сладкие пирожки". Естественно, я держал эти мысли при себе, а то, чего доброго, меня неправильно поймут.

Представьте на минутку, что Иселина является прямой палкой, середина которой состоит из мягкого металла. Представили? А теперь представьте, что кто-то из богов от нечего делать взял эту палку и, положив ее на свою могучую шею, надавил на концы. От такого усилия мягкий металл выгнулся дугой и принял форму подковы. Именно эта речная петля, вогнутой частью обращенная на запад, а выпуклой — на восток, и получила название Маргендской подковы. Петля идеально прямой Иселины являлась тем самым местом, где орки попались в расставленную ловушку.

Вторая южная армия загнала Первых в полукольцо речной подковы и перекрыла все пути к отступлению. У Первых было лишь два выхода — или попытаться преодолеть Черную реку вплавь (что в принципе невозможно из-за ширины реки и холодной погоды), или попытаться прорвать блокаду.

Мы подобралась к Маргендской подкове после полудня. Народищу здесь было, хоть сразу вешайся. Вся Вторая южная армия в сборе. В четверти лиги от нас, прямо на той стороне большого и совершенно голого поля виднелись река и темная стена орочьих щитов. Я даже вздрогнул, увидев такое количество врагов.

— Чего они ждут? — Я нервно облизал губы. Так и подмывало вынести на обсуждение идею смыться отсюда как можно скорее.

— Когда на них нападут. На прорыв они не пойдут — видишь, сколько здесь лучников? — объяснил мне Угорь. — Их так потреплют, что атака захлебнется, едва успев начаться.

— Их уже потрепали. — Несмотря на потерю глаза, Халлас прекрасно видел, что поле усыпано мертвецами.

Сотни три-четыре покойников. Играющие с ветром за попытку прорыва взяли с орков хорошую плату.

— А что бы ты на их месте делал?

— Ждал.

— Чего?

— Ждал бы, когда командир людей допустит ошибку.

— А если он не допустит?

— Значит, орки покойники, — безжалостно закончил за гарракца Эграсса. — Они в любом случае покойники. Кто бы ни командовал вашей армией, Гаррет, он умен, как сама тьма. Лучшего места, чтобы расправиться с Первыми, просто не придумаешь.

— Тогда чего же все эти люди ждут?

— Ждут, когда их станет еще больше. Или ты не знаешь, что трое на

одного — это самое оно? Первых просто задавят числом.

Эльф, как всегда, прав, хотя это и не очень приятная, а тем более вовсе не героическая правда. Втроем бить одного гораздо сподручнее, чем выходить против врага один на один.

Наш прибывший отряд встречали приветственными криками и вопросами о том, какие новости из Майдинга и Черного леса. Солдаты (те, кто не стоял в оцеплении) занимались своими обыденными делами (грелись у костра, правили оружие, готовили пищу, резались в кости) и словно бы и не собирались принимать участие в скором сражении. Знаю, что это впечатление было обманчиво и, не пройдет и пяти минут с того момента, как протрубят боевые рога, — все воины будут стоять в строю.

С двумя всадниками к нам приблизился Нэол Ираген.

— Треш Эграсса, думаю, вам следует вместе со мной подъехать к командующему армией. Если вы покажете ему бумагу с королевской печатью, герцог выделит отряд, который сопровождает вас до Ранненга.

— Благодарю, милорд, но дальнейший путь мы сделаем самостоятельно.

— Понимаю вас, треш Эграсса, но все же продолжаю настаивать на своем предложении. Дороги опасны, стоит ли рисковать, когда есть возможность не дразнить демонов?

Эграсса засомневался, но потом все же разум взял верх над гордостью и эльф кивнул:

— Мы следуем за вами.

— Думаю, вашим друзьям лучше подождать здесь, — осторожно проговорил лейтенант гвардии Мойцига.

— Они пойдут со мной, — процедил эльф.

— Как угодно, — не стал спорить воин. В это время заиграли горны, и солдаты, подхватив оружие, побежали из лагеря.

— Орки напали?! — с ужасом ахнул я.

— Что? Нет, просто обычная готовность. Скоро начнется, — ответил мне Фонарщик.

— Эх! Вот бы и мне с ними! — Халлас тоскливым взглядом проводил перекидывающихся пошлыми шуточками Бездушных егерей.

— Даже не думай лезть в эту мясорубку, Халлас, — предупредил гнома Угорь.

— А что будет, если подумаю?

— Ты меня знаешь.

Халлас действительно слишком хорошо знал гарракца и понимал, когда тот шутит, а когда говорит правду. Так что гном лишь вздохнул и

надулся.

Тем временем мы приблизились к огромному шатру, который, вне всякого сомнения, являлся главным местом в этом наспех сооруженном лагере. Возле шатра реяли знамена. На самом высоком древке колыхалось знамя с гербом Габсбаргов. Я усмехнулся — барон-то оказался тщеславным парнем. Мой дружок может крепко схлопотать, если командующий армией увидит, что стяг захудалого барона из Приграничья висит выше знамен всяких там графов и прочих великосветских шишек.

Бездушные егеря в бело-малиновых туниках, надетых поверх доспехов, охраняли знамена. Возле входа в шатер стояла многочисленная стража, обряженная в оранжевые штаны (одна штанина широкая и короткая, другая узкая и длинная) и ярко-красные туники. Волосы и усы этих оригиналов были выкрашены в ядовито-зеленый цвет, а носы — в красный. Оружие у парней тоже было несколько странным: на поясах — свернутые в несколько колец боевые кнуты-лами, в руках — гизармы, а за спиной — широченнейшие мечи в ножнах, обтянутых чьими-то шкурами, которые тоже не избежали участи быть покрашенными в ужасный зеленый цвет. Такими мечами самое оно рубиться в свалке. Они будут даже лучше, чем секиры.

— Это что еще за огородные пугала? — поинтересовался я.

— Это Клоуны Гимо, Гаррет. Я очень тебе советую с ними не связываться. И не вздумай ухмыляться словно идиот! Я не собираюсь хлестаться с ними из-за твоей глупой рожи! — ответил мне Фонарщик.

Про Клоунов Гимо ходило несколько историй, и в основном плохих. Говорят, что эти парни не очень-то в ладу с собственной головой, в особенности если над ними подтрунивать. Шутки они не понимают, поэтому их старались не злить. Однако воинами они были отменными. Нередко даже можно было услышать такой риторический вопрос: кто сильнее — Дикие Сердца, Бобровые шапки, Веселые висельники или Клоуны Гимо? Но вопрос так и оставался невыясненным, потому что эти отряды никогда не выходили на поле битвы друг против друга.

— Куда? — спросил один из Клоунов, когда мы слезли с лошадей и подошли к шатру.

Нэол Ираген молча показал воину какую-то бумагу. Тот недовольно скривил губу, явно сожалея, что нет повода подраться, и убрал гизарму, давая нам пройти.

— Держите гоблина подальше от ценных вещей, — бросил нам вдогонку зеленоволосый Клоун.

Кли-кли возмутилась и собралась было объяснить солдату, что она

думает об идиотах, обряженных в такую одежду, но Халлас быстренько увлек гоблиншу за собой.

— ... Не согласен, граф! Мне доверили жизни людей, и если мы можем обойтись малой кровью и придавить этих гнид, не вступая в затяжной бой, то так этому и быть! Не надо, милорд! Я знаю, что вы хотите мне сказать. Честь и доблесть оставьте на следующую войну. Насколько я вас знаю, вы-то вперед не полезете, а будете наблюдать за битвой, сидя на белом коне. Я командую армией, и это мое решение! Солдаты пойдут в бой, если только у меня не останется никакого выбора! Ваше магичество, что с боевыми заклятиями?

— Ничего не можем сделать, милорд. У них десяток шаманов, и они блокируют любое наше заклятие, впрочем, как и мы их. Эта битва будет без помощи магии.

— А! Все демоны бездны! Как не вовремя! Ладно, но, если их шаманы дадут слабину, Орден, надеюсь, знает, что следует делать?! Нет-нет, ваше магичество! Я в вас совершенно уверен, простите меня за мой вопрос. Грэно! Грэно!! А! Я тебе сейчас акну! Так акну! Баржи выведены?! Отлично! Мастер Кун, сколько вы посадили на них ваших людей?

— Четыреста, милорд. По двести лучников на каждую баржу.

— Хорошо. Тогда не смею вас задерживать, отправляйтесь к своей тысяче и настройте ребят на то, что сегодня их колчаны опустеют. Господин Штургель! Сколько у вас в распоряжении людей? Мало! Чертовски мало! Что говорите? Они уже здесь? Великолепно!..

В шатер набилось народу поболее, чем в некоторые бочки набивают моченых яблок. Тут были все командиры отрядов, тысячники и даже сотники. Не считая множества дворян. Кто-то получал приказ и, поспешно кланяясь, удалялся, кто-то вбегал в шатер с докладом. Было душно и тесно, нас отодвинули к самому входу. Я не сразу разглядел отдающего приказания командующего, а когда разглядел ахнул. Командовал этой братией барон Оро Габсбарг собственной персоной! Я чуть было себе язык не прикусил от удивления. Барон — все такой же огромный и бородатый гигант, каким я его в последний раз видел у милорда Альгерта Далли. Разве что теперь милорд Габсбарг не гнушался высказать высокородным хлыщам все, что думает. Самое удивительное, что господа дворяне, у которых на рожах была видна вся их благородная родословная вплоть до Эпохи Свершений, бледнели, багровели, но терпели баронскую бесцеремонность и манеру речи.

— Спаси меня Сагра, милорд! Вы так же безумны, как ребята Гимо! Нет! Не разрешаю! У меня нет лишней кавалерии. Шесть сотен всадников,

пускай они и тяжеловооруженные, но на ороczy копья я их не пошлю. По крайней мере до тех пор, пока ребята мастера Куна вволю не наиграются с луками. Вы храбры, милорд, но вам следует поучиться осторожности у милорда Белого коня. Кавалерия останется в резерве. Вы меня поняли, милорд?! Вот и чудно! Грэно! Что у нас с центром?

— Бездушные готовы, милорд.

— Как и Ершистые, милорд.

— Как и Тухлые коняги, милорд.

— Итого три тысячи. — Оро Габсбарг задумчиво потерел нижнюю губу. Выдержите лобовой удар?

— А то, милорд!

— Что же, быть посему...

Люди стали поспешно покидать шатер. Оро Габсбарг, склонившись над столом и водя толстым пальцем по карте, что-то втолковывал зеленоволосому командиру Клоунов. Затем барон оторвался от карты, и маленькие черные глазки уставились прямо на меня. Секунду ничего не происходило, а затем красная рожа милорда растянулась в довольной улыбке.

— Клянусь Фарахоллом, если передо мной не вор со всей честной компанией! — взревел барон. — Вот уж не думал, что нынче из Заграбы возвращаются живыми!

Барон, несмотря на свою огромную фигуру, каким-то образом оказался рядом и от души хлопнул меня по плечу своей огромной ручищей.

— Вы знакомы?! — ошеломленно пролепетал Нэол Ираген.

— Представьте себе, лейтенант! Гимо, будь добр, введи милорда в курс дела, пока я беседую со старыми знакомыми. Грэно! Грэно!! Где мой конь?! Вина неси! Быстро! Проходите, господа, проходите! Не стойте у входа. Треш Эграсса, если не ошибаюсь? Рад видеть вас у себя в шатре. Мастер Фонарщик, слава о вашем искусстве разнеслась по всему Пограничному королевству. Но я не вижу милорда Крысу и других...

— Они погибли, милорд.

— Жаль, — опечалился бородач. — Говорил я Алистану Маркаузу, что Заграба — опасное место... Да пребудет он в свете. Но вы хотя бы выполнили приказ короля?

— Да, барон, — сдержанно ответил я.

— Барон? — удивился Габсбарг, а затем расхохотался и вновь саданул меня по плечу. — Ну конечно же вы ничего не знаете! В Заграбе же нет сплетников и тупоумных родовитых хлыщей! Где же она... А вот!

Барон запустил руку в ворох карт и вытащил на свет тяжелую золотую

цепь.

— Как это вас угораздило стать герцогом, милорд? — несказанно удивилась Кли-кли.

— Что, малыш, считаешь, что барон Приграничья не может в один прекрасный день стать герцогом и командующим почти десяти тысяч воинов? — ухмыльнулся в бороду Оро Габсбарг. — Грэно! Ты принесешь это растреклятое вино или мне дать тебе в рыло, чтоб пошевеливался?! Беда с этими адъютантами, господа. Помню, раз послал его за гусем, очень я, знаете ли, люблю жареного гуся, да чтобы еще с яблоками и...

— Ну вот наконец и вино! Налей моим гостям, дурак! И давай эти паршивые доспехи! Сам я в них сейчас не влезу. По мне, уж лучше кольчуга, чем такой панцирь. Грэмо, затяни потуже! Вот! Так о чем это я? А!

Пока Халлас расправлялся с вином, Оро Габсбарг поведал нам о том, как на него свалилось герцогство. Все началось с того, что люди барона еще в начале сентября поймали разведчиков Первых. Орки, естественно, не сочли нужным объяснять, зачем их понесло на родовые баронские земли. Орков перебили, а одному Первому "повезло" попасть на допрос. По воле богов, в дружине Габсбарга нашелся человек, способный развязать орку язык. Тот-то и рассказал о планах Руки и скорой войне. Барон поверил, поднял на дыбы всю округу. Всех крестьян поставил под копье, всех неспособных держать оружие отправил к Фарахоллу.

Ему даже удалось взбаламутить несколько пограничных гарнизонов, коими командовали его старые дружки-товарищи. В итоге набралось человек четыреста разношерстной компании. Барон на этом не успокоился и разослал гонцов по соседним баронствам, а также в Ранненг, Шамар, к Ордену и конечно же к королю. Кто-то поверил, но большинство подняло провинциального дворянина на смех. Милорд Альгерт Далли, верный своему обещанию, прислал барону триста латников.

А потом Первые вылезли из Заграбы. Помощи от Пограничного королевства ждать не приходилось, они сами увязли в битве с орками. Тысяча людей против тридцати пяти тысяч орочьей центральной армии — это даже не смешно. Оро Габсбарг был не дурак и начал отступать к Иселине. Отступали организованно и без паники, опережая катящуюся армию орков на один дневной переход. Барон не успокаивался и рассылал депешу за депешей. К отступающей армии присоединялись все новые и новые баронские дружины, и вскоре армия Габсбарга уже насчитывала десять тысяч воинов (правда, четверть ее состояла из ополченцев, которые, кроме вил, в жизни ничего более угрожающего в руках не держали).

Где-то наверху все же сподобились разобраться в депешах барона, да и маги, получив предупреждение, на всякий случай приглядывали за Заграбой и Приграничем. Так что о вторжении орков узнали сразу, даже раньше, чем очередные депеши Габсбарга успели добраться до Ранненга. Первая южная армия успела вовремя и, соединившись с силами барона, встретила орков в пустошах Приграничья. Двадцать три тысячи встретились с тридцатью пятью и выдержали удар. Местность располагала к хорошей обороне, и люди стояли, не давая оркам прорваться к Иселине. Король в это время уже перебрасывал с севера две армии. Оставалось лишь дожидаться помощи и надеяться, что Майдинг выдержит и не откроет дорогу Первым к западному берегу Черной реки.

Так уж получилось, что во время очередной атаки орков погиб командир Первой южной армии, и только благодаря действиям Оро Габсбарга армия не побежала. Глубокой ночью измученные и усталые солдаты, которых осталось не больше четырнадцати тысяч, отступили за Иселину, предварительно разрушив паромы и все, что могло плавать в радиусе нескольких лиг.

Пока орки налаживали переправу, подоспела Первая северная армия. На берегу Иселины объединенные силы вновь хорошо потрепали орков, но в решающее сражение ввязываться не стали, а отступили под стены Ранненга. И вот тут люди встали крепко. Два дня никто не мог взять верх, а затем подоспели свежие силы Второй северной и восемь тысяч наемных отрядов, и армия орков была разгромлена в пух и прах. Как раз к этому времени из столицы прибыл пакет. Сталкон был наслышан о заслугах ранее никому не известного барона и теперь платил долги.

Отныне и вовеки веков Оро Габсбарг и его наследники становятся герцогами, правда, без права на корону. Во владения барона отходят земли части Приграничья и бывшее графство Маргенд со всеми вытекающими. Также за боевые заслуги и героические подвиги герцог назначается командующим Второй южной армией.

— Вот так я и стал герцогом. Многим это не понравилось, но их никто не спрашивает. После поражения под Ранненгом орочья армия раскололась. Тысяч двенадцать смогли переправиться через Иселину, за ними в погоню отправились основные силы. Ничего, ребята загонят их сразу в Пограничное королевство, все южные пути перекрыты, и Первые попадут между молотом и наковальней. Часть орков смогла смыться в свой Золотой лес, ну и пусть их! А эти, что сейчас в Подкову попали, переправиться со всеми не смогли. Ну, я их с ребятами и погнал подальше на юг. Вот позавчера утром догнали, и так удачно вышло, что орки здесь оказались...

Мне только и оставалось, что кольцо замкнуть. Теперь уже не вырвутся! Вчера пытались прорваться, но лучники хорошо поработали. А расквитаемся с гадами, пойдем в Приграничье, мне еще свои земли надо отвоевывать, да и Первой объединенной надобно помочь. Закончил, Грэно? Тогда подай мне мою секиру, и пойдем громить черепушки. Треш Эграсса, вам нужно сопровождение? Я распоряжусь, а хотите, задержитесь, глянете, как мы этих сучьих котов задами в воду окунем!

— Конечно же мы останемся! — загорелись глаза у Халласа. — Ведь останемся, Эграсса? Два часа роли не сыграют!

— Сколько там Первых? — не ответив, спросил эльф у напоявшего на голову шлем герцога.

— Шесть с половиной тысяч против моих девяти.

— Это может быть опасно. Численный перевес не так уж и велик.

— Знаю и поэтому не хочу бодаться с орками лбами. Врубимся в свалку потеряем три-четыре тысячи. Первые понимают, что шансов у них нет, поэтому драться будут до последнего. Кавалерию тоже непустишь, мне приказано беречь всадников для войны на равнинах Приграничья.

— Простите, милорд, но кавалерия в тылу опасна для ваших же солдат. Если тот дворянин решит, что настало время вступить в бой, он помнет вашу пехоту.

— Не помнет, мастер Фонарщик. Я к нему человечка с арбалетом приставил. — Барон хитро усмехнулся. — Если вздумает делать глупости, одним графом в Валиостре станет меньше. Политика, понимаете ли! Ну, пора на поле!

* * *

Мы стояли на самом краю спешно укрепленного лагеря и наблюдали, как армия Габсбарга сближается с орками. Первые разделили свои силы на два равных квадрата по три тысячи в каждом и, ощерившись копьями, ждали накатывающийся стальной вал людей. Вид отсюда открывался неважный, здесь была низина, а не холм, к тому же расстояние до реки и орков было достаточно большим, и силы Первых отсюда казались двумя темными прямоугольниками.

— Кр-р-расотень! — прорычал Халлас. — Чуешь, Гаррет?!

— Чую. Лошадиным навозом воняет.

— Тьфу ты!

Если бы я следил за сражением с облаков, то Вторая южная армия с

воздуха казалась бы идеально прямой линией. Правый и левый фланги шли наравне с центром, а за основными силами шагом выступал отряд кавалерии, находящийся в резерве.

— По мне, так лошадей надо было пустить вперед, — буркнул я, заметно нервничая.

— Много воры понимают в сражениях, — ответил мне Халлас. — Здесь же река рядом. Низина. Почва болотистая. Нормального разбега у кавалеристов не получится, и налетят они на орочьи копья как пить дать!

— Халлас! Побойся богов! Какая болотистая почва?! Снег на дворе! Да земля на метр уже успела промерзнуть!

— Отстань, Гаррет! Чего ты ко мне с этой кавалерией привязался? Сказано, что нельзя ее здесь использовать, значит, нельзя! Поле глянь какое! Лошади пока разворачиваться будут, своих подавят! Такая куча мала начнется, хоть плачь!

Армия тем временем остановилась, не дойдя до орочьих щитов четырехсот метров. Минута проходила за минутой, но противоборствующие стороны не шевелились. Наконец до нас донеслись мерная дробь и крики. Орки стучали в барабаны и щиты.

— Вызывают на бой. — Эграсса криво усмехнулся и накинул на голову капюшон. — Сами напросились.

На левом и правом флангах армии Габсбарга запели горны, и тут же с барж, находящихся на середине реки, прямо за орками, взлетели сотни огненных точек. Четыреста лучников начали обстрел орков огненными стрелами. Правый фланг, на котором находилась тысяча Играющих с ветром, накрыл стрелами ближайший орочий "прямоугольник". Орки попали под перекрестный обстрел. По отрядам Первых прошла рябь — прямоугольные щиты поднялись над головами врагов, защищая их от стрел. Волны стрел падали на противника одна за другой, не давая ему опомниться. Наконец орки не выдержали и качнулись в сторону. Командиры выводили своих солдат из-под обстрела с барж.

— Они постараются как можно быстрее преодолеть пустое пространство. Мумр, сам того не замечая, стиснул рукоять меча. — Вступить в бой — это единственный шанс избежать стрел.

Четыреста метров, что отделяли орков от людей, Первые преодолели за неполных полторы минуты. Воины бежали плотным строем, стараясь не раздвигать щиты, не давать стрелам шанс найти цель. Орки проигнорировали правый фланг, развернуться на него — значит проворонить время и потерять под стрелами еще сотню. Первые стремились ударить в центр, опрокинуть его и тем самым вырваться на

свободу. Второй орочий отряд неся к самому слабому (с виду) левому флангу, состоящему из баронских дружин и Клоунов Гимо.

— Сотен восемь они уже потеряли, — процедил Эграсса, для которого черные точки трупов на белом поле свежего снега были видны так же, как мне мои пальцы.

Лично я с такого расстояния ничего нормально разглядеть не мог и больше ориентировался по комментариям Халласа и Фонарщика.

Прежде чем орки сшиблись с людьми, Играющие с ветром успели дать еще несколько залпов. Стрелы прошивали открывшийся левый бок прямоугольника, спешащего к центру, и орки даже на бегу несли немалые потери.

— Как минимум три сотни, — удовлетворенно заключил эльф.

Двести метров...

Сто...

Первый ряд орков, даже несмотря на щиты, внезапно рухнул — в бой вступили склоты Трепачей, стоявших за спинами линейной пехоты. Солдаты организованно отступили назад и принялись перезаряжать оружие.

Сшибка! Центр и левый фланг приняли на себя удар орочьих армий. Даже отсюда мы слышали грохот и гвалт битвы. Казалось, дрожала сама земля. Реяли и падали знамена, падали лишь для того, чтобы через секунду вновь взмыть в небеса. Ревели барабаны орков. Над рекой разносились низкие, пробирающие до костей, звуки боевых рогов. Стало совсем ничего не ясно. Как я уже говорил, было слишком далеко, чтобы разглядеть детали, люди отсюда были размером не больше оловянных солдатиков. Да к тому же воины армии смешались друг с другом, и шла самая настоящая сеча. Правый фланг наших стал разворачиваться лицом к центру, не решаясь вступить в бой (или выжидая чего-то). Левый был слишком занят свалившимися на них неполными тремя тысячами пришельцев из Золотого леса. Бой разгорался все сильнее и сильнее.

— Какого хрена правый фланг спит?! — заорал Халлас. — Да помогите же центру, идиоты!

Но гнома конечно же никто не слышал. Кавалерия тоже стояла как вкопанная, всадники даже не собираясь помогать.

— Кажется, все пошло не так, как планировали! — тоненько пискнула Кли-кли.

— Все пошло не так! Первые не собирались принимать смерть под стрелами и бросились не на правый, к лучникам, а на не ожидающий подвоха левый!

— Еще не вечер, Угорь.

— Да какой там вечер, Эграсса?! — простонал гном, всплеснув руками. Они же отступают!

Халлас был прав. Центр армии, не выдержавший орочьего натиска, медленно отступал. Люди еще могли устоять, вцепиться в землю зубами, сдвинуть ряды, но малодушие уничтожало и не такие армии. Сначала не выдержали стоявшие в задних рядах Трепачи. Они развернулись и побежали к лагерю. Затем дрогнули остальные отряды, и центр стал стремительно проваливаться все глубже и глубже. Орки, окрыленные победой и видящие перед собой лишь отступающих людей, совершенно забыли о тихо и мирно стоявшем все это время правом фланге. Центр уже достаточно сильно отступил назад, и орки, преследующие людей, оголили левый бок и тыл. Внезапно загудел рог, и центр прекратил бегство. Трепачи остановились и, поспешно развернувшись, бросились назад. Орки так ничего и не поняли, а когда у кого-то из них хватило ума обернуться, было уже слишком поздно. Разгуляки Рого и Кошачьи алебарды, до этого не участвовавшие в сражении, словно таран ударили в спину слишком увлекшихся преследованием орков. Первые оказались в клещах. Над полем разнесся многоголосый стон, и началось форменное избиение. Теперь гвалт был такой, что хоть уши затыкай. Звуки рогов напоминали рев смертельно раненных мамонтов. Даже небеса грохотали в унисон ударам оружия о щиты. Центр и правый флаг все больше и больше сближались, а орков становилось все меньше и меньше.

— Сейчас начнется! — проорала гоблинша. — Шаманов порубили! Орки остались без магической поддержки!

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую! Смотри!

С неба с треском сорвалась ослепительно-голубая нитка молнии и ударила в самую середину зажатых Первых. Затем последовало еще несколько быстрых ударов. Маги Ордена вступили в игру. Пока мы наблюдали за тем, что творится в центре, на поле произошли изменения. Пять сотен господина Штургеля и тысяча лучников — другая часть правого фланга, спешили через поле на подмогу все еще каким-то чудом державшемуся левому флангу Оро Габсбарга. На этот раз орки не зевали и, оставив порядком потрепанный левый фланг людской армии, начали организованно отступать к Иселине.

Я пропустил тот момент, когда милорд Белый Конь успел ввести в бой резерв. Он рискнул и выиграл, а победителей не судят. Останься орки на месте, и всадники не решились бы ударить, боясь помять своих же, но

сейчас Сагра дала людям шанс, и кавалерия, едва не задев своих же лучников, словно молот рухнула на не успевших поднять копья орков. Всадники в два счета разметали уцелевших врагов по полю. Запел рог, отзывая кавалерию назад. Разворачиваясь, кавалерия потопталась на том, что раньше было орочьими солдатами, напоследок задев уцелевших левым крылом. И отошла через широкую брешь, которую создали разошедшиеся в стороны воины левого фланга.

Тем временем центр и правый фланг полностью разделались со своей частью работы и теперь, топчась на месте, разворачивались в сторону реки. Помощь не потребовалась. Орков, разметанных по всей береговой линии, осталось не более шести сотен, и за дело вновь взялись Играющие с ветром мастера Куна. Первые не смогли оправиться от удара кавалерии, создать плотный строй и теперь десятками гибли под стрелами, метаясь вдоль берега Черной реки.

— Сегодня Валиостр заплатил за поражение под Болтником. — Глаза Фонарщика горели.

Даже наитупейшему из всех доралисских вождей было ясно, что это победа.

Подоспели Трепачи, и их тяжелые склоты внесли свою лепту в избиение армии Первых. Затем Орденские маги, тоже решившие урвать себе кусочек славы в этой битве, взялись за дело, и черная вода Иселины возле самых барж вспучилась и, превратившись в огромную змею-кнут, ударила по берегу, сметя оставшихся в живых орков в воду. Спустя несколько мгновений все было кончено и дружный победный рев тысяч людей накрыл Маргендскую подкову.

* * *

Через неделю после битвы у Маргендской подковы мы оказались в Ранненге. Герцог Габсбарг, прежде чем его армия начала форсировать Иселину, выделил нам в сопровождение сорок всадников. Предосторожность оказалась излишней — за все время пути до южной столицы мы не встретили никакой, даже самой что ни на есть маленькой опасности. Чуть ли не на каждом перекрестке и в каждой не пострадавшей от войны деревушке можно было видеть солдат в бело-малиновых туниках, надетых поверх кольчуг и теплых курток. Бездушные егеря неусыпно следили за порядком и отлавливали тех, кто пытался поймать рыбку в мутной воде, появившейся в нашем славном королевстве после

приключившейся войны. Несколько раз мы натыкались на развешенные вдоль дороги тела. Бездушные на то и были Бездушными, что вешали мародеров, дезертиров, насильников, спекулянтов и прочую мелкую рыбешку без суда и следствия. Может, это было жестоко, зато эффективно.

Пока добирались до Ранненга, наступила самая настоящая зима. И это несмотря на то, что была середина ноября. Снега навалило много, да и холода стояли такие, что хоть вторую пару перчаток надевай. Думаю, всем понятно, что сидеть в такую погоду на лошади — удовольствие небольшое, так как спустя несколько часов скачки перестаешь чувствовать собственные руки и ноги. По примеру Фонарщика я замотал свою физиономию шарфом, и это хоть как-то оберегало от холодного ветра, так и норовившего плюнуть в лицо. Для себя я решил, что если когда-нибудь еще соберусь путешествовать, то только летом. Лучше уж пусть солнце печет голову и шею, чем холод жжет руки и ноги.

Всадники Габсбарга довели нас до Ранненга и, не задерживаясь даже на день, умчались прочь, догонять Вторую южную армию. Есть же на Сиале безумные люди, которым не терпится по своему собственному желанию вступить в бой!

Если честно, то после летних приключений я не воспылал любовью к Ранненгу. То, что я увидел сейчас, еще больше укрепило меня в убеждении, что в южной жемчужине Валиостра нам делать совершенно нечего. Город задыхался от наплыва беженцев, которых война согнала с насиженных мест. Отчего-то все решили, что городские стены являются надежной защитой от орков, да и выжить здесь легче, чем в какой-нибудь крестьянской глубинке. Поэтому народу сюда навалило столько, сколько не приснится в страшном сне. Естественно, городская стража перестала впускать в Ранненг всех желающих, и под стенами города с катастрофической скоростью появлялись палатки, шатры, землянки и все то, что могло сойти за жилье. Вокруг города горели костры, на топливо шел не только заметно поредевший ближайший лес, но и все, что под руку попадет. Кругом грязь, да такая, что я начал опасаться, что в Ранненге, несмотря на холода, в самом скором времени вспыхнет какая-нибудь особенно мерзкая зараза. А нам только чумы-медянки для полного счастья и не хватало.

— И что теперь, Эграсса? — скептическим голосом осведомилась Кли-кли. — Неужели ты жаждешь остановиться в такой помойке?

— Нет. Попробуем пробраться за городские стены.

— Не выйдет, бороду даю на отсечение! Ничего у нас не выйдет. Там толпень такая, что и пытаться не стоит. Нам ведь только переночевать надо,

да? Может, найдем какой-нибудь трактир за пределами городских стен? Раньше их было много.

— Не уверен, что найдем свободные места, Халлас. Но давай попробуем.

Лошади продирались сквозь грязную многолюдную толпу, запрудившую дорогу. Воняло дымом многочисленных костров и отбросами. Кто-то возле ближайшей землянки готовил ужин. Я толком не присматривался, но, кажется, жарили крыс. То и дело взгляд натывался на стражников. Ребята предпочитали не рисковать и наблюдали за соблюдением закона в составе отрядов, насчитывающих десять, а то и более человек.

Как и предполагал Эграсса, все места в трактирах оказались заняты. Лишь в шестом по счету нам предложили переночевать на конюшне всего лишь за три золотых монеты. Халлас чуть собственную бороду не проглотил, но Эграсса, не раздумывая, заплатил. Сейчас было не до экономии. Таковую же сумму пришлось выложить за скудный и жалкий ужин. Халлас бродил по конюшне мрачнее тучи и мечтал о том, что бы он сделал с трактирщиком, будь на то его воля. Гном переживал так, словно выложил деньги из своего кармана. Счастливчик не мог успокоиться до тех пор, пока все не стали укладываться спать.

Мне снилось, что на мою голову медленно опускается меч. Я пытался вырваться из зыбкого сна, убежать, но ничего не получалось, и меч был все ближе и ближе. Затем меч упал, и я проснулся. Как оказалось, это Угорь отчаянно тряс меня за плечо. Вроде еще была глубокая ночь, но уже никто не спал. В скудном свете масляного фонаря Фонарщик и Эграсса поспешно седлали лошадей, Кли-кли и Халлас складывали вещи.

— Гаррет, вставай! — вновь сказал мне Угорь.

— Что случилось? — Я ничего не понимал. — К чему такая спешка?

Щека Угря дернулась.

— Вставай! Одинокий Великан пал!

Глава 19

Поле фей

Это казалось сущим безумием. Это было как продолжение сна. Кошмар, который вдруг стал явью. Кошмар, от которого невозможно было избавиться. Даже спустя два дня с тех пор, как мы вихрем вылетели из Ранненга и направились в Авендум по Новому тракту, мне да и моим товарищам все еще не верилось, что Одинокий Великан, самая знаменитая и неприступная крепость Северных земель пала. Разрушена. Уничтожена. Стерта с лица земли армией Неназываемого.

Все считали, что, пока Рог Радуги не лишится последних сил, Неназываемый и носа не покажет из-за Игл Стужи. Все считали, что раньше середины весны нам и думать нечего о колдуне. Кто рискнет ломиться через Безлюдные земли зимой? Это же сущее безумие! Неназываемый рискнул и нанес страшный удар. Орден прозевал это нападение, все были слишком заняты югом и орками, и армия колдуна без труда добралась до Одинокого Великана.

Дикие не ожидали нападения, но все же удерживали врага под стенами крепости целых четыре дня. Удерживали до тех пор, пока были силы.

По стране расползались слухи один другого хуже. Кто-то говорил, что все Дикие погибли. Кто-то, что части воинов удалось оставить крепость и отступить. Одни талдычили, что стены бастиона уничтожил Кронк-а-Мор, другие, что среди Диких были сторонники Неназываемого, которые открыли ему ворота. Мне сразу же вспомнились слова Горлопана о том, что среди воинов крепости были те, кто избрал служение ядовитому плющу. Об этих словах, как видно, помнил и Угорь. Теперь гарракец корил себя за то, что не послал летом весточку в Одинокого Великана. Но что теперь-то сожалеть?

Мы стремились к Авендуму, стремились не щадя коней. Все еще можно было поправить, надо всего лишь добраться до Арцивуса и совета Ордена, а они-то уж вольют в Рог Радуги силы. Неназываемый без своей магии не опасен, а с его армией мы как-нибудь справимся. Должны справиться. Я до сих пор не мог поверить, что колдун так ловко подгадал время для нападения на Валиостр. Именно сейчас, когда наши силы оттянуты за Иселину, север был особенно уязвим. Если король решится дать генеральное сражение... Успеет ли он набрать нужное количество солдат? Естественно, не все воины ушли на юг. Кто-то ведь должен был

остаться на северных рубежах. Хоть кто-то...

Новый тракт был запружен народом. Если после известия о вторжении орков все бежали на север, то теперь беженцы сотнями уходили на юг или на запад, надеясь, что там их Неназываемый не достанет. Пешие, конные, на повозках, телегах, санях, а то и в каретах люди мечтали лишь об одном — как можно дальше оказаться от места, где скоро начнется война. На лице каждого, словно маска, была печать испуга.

Эграсса нещадно подстегивал лошадь, пер напролом, через толпу, невзирая на крики и ругань и нисколько не боясь задавить кого-нибудь лошадью. Мы старались не отставать. Это была гонка. Самая настоящая гонка, призом в которой была победа в войне. Безумная скачка, в которой проверялась выдержка людей и лошадей. Кто сдастся первыми? Кто запросит пощады?

Первая лошадь пала на второй день. Удивительно, но это оказался конь Угря, которого я выменял на свою лошадь. Гарракец вовремя успел соскочить с падающего животного и тем самым избежать травм. Дальнейший путь воин продолжил на лошади Кли-кли, усадив гоблиншу позади себя. Но такая гонка долго продолжаться не могла, и уже к вечеру наши кони едва могли стоять на ногах. Еще чуть-чуть — и оставшийся до Авендума путь нам придется идти пешком.

На окраине большой и богатой деревни Эграсса остановил отряд:

— На ночь останемся здесь. Надеюсь, в трактире найдутся свободные места.

— Я готов спать на улице, лишь бы лошадей свежих найти, — произнес Угорь. — Трактир в этой дыре один?

— Вроде да.

Не говоря ни слова, мы направились к одноэтажному бревенчатому зданию. На нем висел знак гильдии трактирщиков и название трактира, намалеванное на жестяном листе — "БГ".

— Оригинальное имечко, ничего не скажешь! — презрительно фыркнула Кли-кли. — Если и хозяин под стать имечку трактира, то я опасаюсь за свой живот.

— Можешь подремать в сугробе, а с утра мы тебя разбудим, — предложил я ей.

— Добрый ты парень, Гаррет. Я просто млею, — не осталась в долгу гоблинша.

Трактир оказался не так уж и плох. По крайней мере здесь было чисто. И что самое главное — народу не очень и много. Я насчитал одиннадцать человек вместе с толстым трактирщиком. Увидев нас, трактирщик

несколько занервничал. С чего бы это? На разбойников мы вроде не похожи. Разве что Халлас, но гном больше напоминал низкорослого пирата или Веселого висельника, а никак не представителя лихого люда, промышляющего на дорогах нашего королевства. Остальные присутствующие в зале на нас никак не прореагировали и продолжали дуть свое пиво.

— Места есть? — взял быка за рога Фонарщик. Трактирщик хотел было соврать, но бросил взгляд на угрюмого эльфа и передумал.

— Да, благородные господа.

— Хорошо, тогда мы остаемся.

Трактирщик бросил на нас умоляющий взгляд, незнамо отчего вспотел, но промолчал и повел показывать комнаты. Мне как всегда полагалось делить жилье с Фонарщиком и Кли-кли. Устроившись, мы первыми вернулись в зал. Никто из наших еще не подошел, да и в трактире ничего не изменилось. Как сидели с десятков пьянчуг, так и продолжали сидеть. Мы расположились у стойки и, ожидая, пока Халлас, Угорь и Эграсса спустятся к нам и будет готов ужин, заказали по кружке пива. Кли-кли, естественно, потребовала молока, и что удивительно — ей его сразу же предоставили. Трактирщик продолжал усиленно потеть. Вот странно — здесь конечно же натоплено, и натоплено знатно, но не настолько же! Когда этот странный дядька наливал нам с Мумром пива, промахнулся мимо кружек. У него сильно дрожали руки.

— Лошадей в деревне купить можно? — между делом поинтересовался у хозяина Фонарщик.

— Может, и можно, господин. Я, если честно, про то не ведаю.

— Как не ведаешь? Ты же здесь живешь!

— Да я, право, не интересовался раньше ими. Вот кто чего из съестного продает, это я сказать могу. Колбаса, например.

— Да на кой нам твоя колбаса! — отмахнулся Фонарщик. — А собственных лошадей продаешь?

— У меня нет лошадей.

— Чего врешь-то? Я когда лошадь в конюшню отводил, самолично десятерых зверюг видел! Али скажешь, что они не твои?

— Не мои, господин. Это постояльцев.

— Ясно, — разочарованно протянул Фонарщик и уткнулся носом в пивную кружку.

— Новости с севера есть? — Настала моя очередь задавать вопросы.

— Бегут люди, — вздохнул трактирщик и нервно глянул мне за спину. Пришла беда, когда не ждали.

— А что король?

— Армию собирает. Со дня на день битва будет. Так говорят.

— А Орден?

— Маги-то? Ждут чего-то. Это их винят в том, что Неназываемый пришел.

— Кто винит?

— Все.

С этими словами трактирщик отошел, оставив нас в одиночестве.

— Странная ситуация, не находишь, Гаррет? — задумчиво процедила Кли-кли. — Наш хозяин что-то уж слишком нервничает, словно ему к горлу приставили ножик.

— Может, ему твоя физиономия не понравилась.

— Может, — серьезно кивнула головой маленькая гоблинша. — А может, тут что-то другое.

— Что, например?

— Ты не заметил еще одну странность? В конюшне десять лошадей, в зале десять человек. Они сидят по двое и занимают пять столов. Причем сидят так, что закрывают выход из трактира.

В голове тревожно звякнул колокольчик.

— Совпадение, — сказал я, теперь понимая, что мне так не понравилось в этом трактире.

— Угу. — Она незаметно опустила левую руку на рукоять метательного ножа. — Именно совпадение. Мумр, ты нас слушаешь?

— Еще как! — Фонарщик, сощутив глаза, смотрел на металлическое блюдо, прислоненное к стене. Блюдо было отполировано до зеркального блеска, и в нем прекрасно отражался весь зал трактира.

— Ну так вот, еще одна странность в том, что они хоть и сидят по двое, но совершенно не разговаривают. Прямо могильная тишина.

— Мы тебя поняли, Кли-кли. Ты пой песенку, и погромче, — предложил я ей.

Кли-кли послушно запела незатейливую песню.

— Что будем делать, Фонарщик?

— Пить пиво и ждать, когда спустятся наши.

— Похоже, они тоже этого ждут.

— Знаю. Решили взять всех разом. Арбалет у тебя заряжен?

— Как всегда. Кто они такие?

— Не все ли равно, кто перережет тебе глотку? — Мумр не отрывал взгляда от блюда.

Кли-кли продолжала петь и плести пальцами невидимый мне узор.

— Не вздумай! — процедил я, обращаясь к ней. Она словно и не услышала. Громкие шаги, раздавшиеся из коридора, что примыкал к трактирному залу, известили нас и странных неизвестных о приближении по крайней мере двоих постояльцев. Лично я без труда узнал шаркающие шаги Халласа. Хозяин трактира проворно нырнул под стойку. Это послужило сигналом к действию.

Кли-кли небрежно щелкнула пальцами, и позади нас на долю мгновения полыхнула яркая вспышка. Раздались вопли боли и ярости. Двое гадов закрывали глаза руками, еще один не переставая вопил и катался по полу. Остальные хоть и были ошеломлены неожиданным волшебством, бросились к нам. У всех в руках было нечто острое и опасное для жизни.

Кли-кли, не церемонясь, бросила первую пару ножей, я лупанул из арбалета, принялся перезаряжать оружие, гoblinша отправила в полет вторую пару. Мумр преградил дорогу нападающим, размахивая биргризенем из стороны в сторону. Ребята, опасаясь быть нашинкованными, поостереглись лезть напролом, и тут в зал ввалились Халлас с Угрем.

Дикие не стали разбираться, из-за чего весь сыр-бор. Чтобы начать действовать, им вполне хватило увидеть нас, прижатых к трактирной стойке, и пятерку нехороших и до зубов вооруженных парней. Оба врубались в свалку. Мумр тоже не зевал. Столы и скамьи так и падали. Я стрелять поостерегся, боясь попасть в своих. А вот Кли-кли, не раздумывая, швырнула мою пивную кружку и попала одному из напавших на нас аккурат в голову. Халлас безжалостно прикончил упавшего, и последний из оставшихся в живых разбойников, поняв, что дело плохо, бросился к двери. Я выстрелил и, как назло, промазал. Парень выскочил на улицу, Угорь бросился за ним. Раздался вопль, и спустя мгновение в трактир вошел хмурый Эграсса с окровавленным кинжалом.

— Только не говорите мне, что этот был последним и вы не догадались хотя бы одного оставить в живых.

— Он был последним, Эграсса. Ты через окно вылез?

Эльф не ответил.

— Все было не столько неожиданно. Мы даже не подумали о "языке".

— Я сам виноват, Угорь. Не надо было мне приканчивать беглеца. Ну что уж теперь поделать?

— Чего хотели эти хмыри? — Халлас нехорошо поглядел на валяющиеся на полу трупы..

— А где трактирщик?! — осенило меня.

— Я здесь, благородные господа, — испуганно пролепетали из-под

стойки.

Мумр запустил под стойку руки и явил всему свету испуганного трактирщика.

— Вот ты-то нам и расскажешь, что было нужно твоим друзьям!

— Они не мои друзья! Нет! — с ужасом проблеял перепуганный человек.

Если Фонарщик не перестанет строить такие грозные рожи, то этот дядечка точно в обморок хлопнется.

— Не твои?! Тогда кто они такие?! Рассказывай!

И трактирщик, стеная и заламывая руки, рассказал. Парни приехали в трактир под вечер прошлого дня, напугали его до смерти, приставили нож и посоветовали вести себя тише воды ниже травы, словно ничего не случилось. Постояльцы трактира были не дураками и смылись из опасного места, даже не соизволив заплатить. Ни стражи, ни егерей поблизости нет, так что оставалось лишь молиться богам да надеяться, что все закончится хорошо. Раньше он этих ребят не видел, но они точно не разбойники. Сразу видно, что люди серьезные.

— Серьезные! — хмыкнул Мумр, отпуская трактирщика. — Может, и серьезные, но дураки еще те. Так просто дали себя перебить.

— Может, они не нас ждали? — предположил я.

— Да нет, именно нас. — Угорь перестал изучать карманы убитых. — Все так, как я и предполагал.

На ладони гарракца лежало золотое колечко с гербом ядовитого плюща.

— Слуги Неназываемого.

Я и думать о них забыл, зато они забыть о нас не могли.

— Слуги Неназываемого?! — с ужасом повторил трактирщик, враз побледнев — Нет, добрые господа! Я не знаю этих душегубов! Горе-то какое! Если местные узнают, кто тут лежит, они же мой трактир подпалят! В первую ночь как пить дать красного петуха пустят!

— Хватит ныть — грубо оборвал стенания несчастного трактирщика гном. Хочешь, чтоб трактир еще сто лет простоял, избавься от мертвецов. И порядок наведи! А мы, так и быть, на завтра забудем твою рожу и ничего не скажем ни Бездушным, ни Королевским песочникам.

Трактирщик, во весь голос воздавая хвалу богам и добрым господам, опрометью бросился исполнять приказ гнома.

— Как они нас нашли, хотел бы я знать?

— Какая разница как? Главное, что нашли, Гаррет. Неназываемый не оставил надежды заполучить твою дудку.

— Она не моя, Фонарщик Что нам теперь делать?
— Что делать, что делать... Не знаю, как вы, а я иду спать, — вздохнул Халлас и слез со скамьи. — Время позднее.
— А ужин? — изумилась Кли-кли.
— Чего-то мне расхотелось. Дракой насытился.
— Одно хорошо, — усмехнулся Эграсса, — нам не надо будет искать и покупать лошадей.

* * *

На этот раз я знал, что я сплю. Я знал, что, несмотря на кажущуюся реальность, этот кошмар можно прекратить, стоит лишь открыть глаза — и ничего не будет. Я мог проснуться, мог, но не хотел. Тихий шепот в моей голове, шепот Вальдера безостановочно твердил, что этот сон очень важен. Я пытался возмутиться, пытался отбросить от себя его шепот, но архимаг умел быть убедительным. Я сдался. Оставалось лишь смотреть и запоминать, ежесекундно твердя себе, что все, что сейчас творится со мной, уже было, пускай и совсем недавно. Все это не со мной... Не со мной... Это только сон...

* * *

День обещал быть ясным несмотря на то, что прошлым вечером опять пошел снег и все небо затянуло тучами. Даже мороз, вот уже неделю сжимающий весь север в своих холодных объятиях, на время отступил, и солдаты перестали опасаться, что оружие примерзнет к рукам.

С самого раннего утра армия Сталкона ожидала появления войска Неназываемого. Конная разведка докладывала, что до передовых отрядов противника не больше двух часов пути. А еще говорили, что против неполных двадцати восьми тысяч армии Валиостра Неназываемый поставит как минимум шестьдесят. Страшная, колоссальная цифра!

Лейтенант королевской гвардии Изми Маркауз полной грудью вдохнул в себя свежий утренний воздух. Сегодня им придется туго. Королю и его командующим и так удалось сотворить чудо и даже при отсутствии двух северных армий набрать восемнадцать тысяч регуляров, три тысячи наемников и семь тысяч ополченцев. Король ждал еще пятнадцать тысяч, которые маршем шли к Авендуму от границы с Исилией, но даже дуракам

было ясно, что эти тысячи не успеют и доберутся, лишь когда битва будет выиграна или проиграна.

— Что думаете, лейтенант? Припечет?

— Припечет, Вартек. Придется постараться.

— Место уж больно плохое.

— Ничего лучше не нашли. Не у Авендума же встречать гостей? Стены нас не спасут, а здесь сама земля на нашей стороне. Как ребята?

— Спорят, кто первым убьет вражеского воина.

— Они же знают, что королевская гвардия не вступит в бой, пока худо не придется. Наша задача — беречь короля.

— А Бобровые шапки на что? — недовольно пробурчал Вартек. — Я слышал, что нас всех в левый резерв центра ставят.

— Я тоже это слышал, — пожал плечами Изми. — Успеем еще секирами намахаться. Или не терпится?

— Вы бы надели броню, граф, — вместо ответа посоветовал Вартек.

— Успеется, маркиз.

— Легкая кавалерия уже вступила в стычку с передовыми силами, вон за тем леском. Так что, может, и не успеется.

— Граф! — подбежал воин с бумагой. — От командующего центром.

Изми пробежался взглядом по строчкам и кивком показал посыльному, что тот свободен.

— Вартек, давайте к нашим. Оставьте с королем сто, нет, лучше сто пятьдесят гвардейцев, а со всеми остальными на левый склон.

— Так все-таки нас запихнули в резерв! — Вартек нахмурился.

— Исполняйте, гвардеец! — Голос Изми Маркауза стал жестким.

— Да, лейтенант! — Вартек подхватил с земли припорошенный снегом шлем и побежал исполнять распоряжение.

Прежде чем пойти к королю за последними указаниями, Изми еще раз оглядел поле. Кто-то с какой-то дури назвал огромное, чуть ли не в лигу длинной поле, Полем Фей. Отчего в голову пришло это название, лейтенант королевской гвардии не знал, да и не хотел знать. Ну, Поле Фей. Было бы легче сражаться, если бы оно называлось, к примеру, Полем Божьих Коровок или Полем Великого Пророчества? Вот-вот. Не легче. Так какая, собственно говоря, теперь разница? Не случайно именно это поле и было выбрано на военном совете для генеральной битвы. Оно располагалось в четырех днях пути от Авендума, как раз там, где должна была пройти армия Неназываемого. На южном краю поля высился Прыщ — высокий холм с пологими спусками. Именно на его вершине находилась королевская ставка. Тут же гномы установили два своих дальнобойных орудия и одно

ранее не виданное чудовище — мортиру. Вторую мортиру вместе с гномьим расчетом, к сожалению, так и не успели перебросить из Исилии.

Огромный холм был основой всей обороны, и именно на нем располагался центр армии Сталкона. Две тысячи линейной пехоты, пять тысяч кавалерии и шесть тысяч Играющих с ветром. Мощная сила, особенно если учесть, что противнику придется забираться на холм под огнем лучников, находящихся на возвышенности, да и удар кавалерии под горку выходил куда более сокрушительным. За центр Изми не очень-то и волновался. Шесть тысяч лучников способны остановить кого угодно. Да и на левом и правом флангах центра находилось еще по тысяче легкой кавалерии. На левом склоне холма он со своими людьми, на правом — Лунные жеребцы, ребята лихие, если что — и лучникам помогут, и к правой армии их перебросить всегда можно будет. За холмом расположили обоз и лекарей.

В полулиге, как раз напротив Прыща, через поле, темнел Регский лес. С севера, огибая лес, справа и слева на поле выходили две дороги. Они шли параллельно друг другу, как раз через все поле.

Левая дорога пересекала Винный ручей и проходила между Прыщом и другим лесом — Лузским. Правая также располагалась между холмом и в меру широкой и не в меру быстрой речкой Кизевкой. Прямо на дороге между холмом и речкой находилась небольшая деревушка — Точеные Луки. Именно она и послужила основой для базирования правой армии. Решение расположить солдат в Точеных Луках оказалось гениальным. Если противник поперет по правой дороге, то ему обязательно надо будет пройти через деревню, иначе придется или лезть на холм под огонь лучников или плыть по Кизевке.

За фланги правой армии можно было быть спокойным — они надежно защищены. За неделю армия превратила Точеные Луки в маленькую крепость. Вырыли ров, куда пустили воду из реки, насыпали крепостной вал, натыкали в него кольев на зависть всем ежам Сиалы, разобрали почти все дома и весь строительный материал пустили на сооружение стен и вышек для лучников. Стен построили аж целых две, и если случится так, что враг возьмет первую, у защитников будет время, чтобы отступить за вторую. Теперь в Точеных Луках засели две тысячи арбалетчиков и три тысячи мечников, набранных из разных отрядов. Гномы поставили на первой стене три пушки. Метрах в девятиста позади Точеных Лук застыла черная стена двухтысячного резерва.

Куда большие опасения у Вартека возникали по поводу левой армии. Девять тысяч пехоты, четверть из которой были ополченцами и

стражниками из Авендума, стояли на дороге между Прыщом и Лузским лесом. Солдат разделили на баталии так, чтобы полностью перекрыть пространство между холмом и лесом. Баталии стояли метрах в пятидесяти за Винным ручьем. Несмотря на свою небольшую ширину — всего какой-то жалкий метр, — ручей был глубоким и не думал замерзать. Раньше тут был мост левой дороги, но старательные солдаты его разобрали, и теперь вражеской кавалерии следует очень постараться, чтобы пересечь ручей. Во всяком случае, места для разгона им не будет. Да и вражеская пехота, преодолевая ручей, потеряет строй, а значит, прежде чем успеет сдвинуть щиты, получит тяжелый болт в качестве первого подарка. Между левой баталией (основой для которой послужили Веселые висельники, снятые с двенадцати кораблей) и Лузким лесом поставили триста эльфийских лучников. Эльфы сами настояли на том, чтобы их направили именно в это место. Изми надеялся, что луки темных помогут левой армии продержаться. Левая армия Сталкона был самым уязвимым местом в предстоящей обороне. Поэтому и сюда пришлось поставить двухтысячный резерв.

Изми посмотрел вдаль, туда, где возвышалась едва различимая стена Регского леса. На самом берегу Кизевки, прямо у дороги, змеей выворачивающейся из леса, высился замок Нуад. Высокие двадцатипятиметровые стены и четыре круглые башни грозно высились над правой дорогой. Гарнизон замка — четыреста человек — был пополнен пятьюстами Играющими с ветром. Врагу придется или взять замок штурмом и запоздать с наступлением на правую армию, или пройти этот отрезок пути под непрекращающимся обстрелом, ведущимся защитниками Нуада. Также Неназываемого ждал неприятный сюрприз в виде двух гномьих пушек.

А если враг все же пройдет, в тыл ему ударят триста всадников, до поры до времени скрывающихся за стенами замка. Не ахти какие силы, но и они способны доставить множество неприятностей противнику.

Перед Изми вырос его оруженосец:

— Милорд?

— Подготовь мои доспехи.

Паренек кивнул непокрытой головой, и Изми пошел к королевскому шатру. Королевские гвардейцы и Бобровые шапки взяли шатер Сталкона в кольцо. Еще несколько воинов, вооруженных страшными фламбергами, охраняли королевское знамя.

В шатре кроме короля и его младшего сына — Сталкона Весеннего Жасмина, что сейчас командовал кавалерией центра, находился глава

Ордена магов Арцивус и еще двое неизвестных Изми волшебников. Мужчина и женщина. Посохи обоих помечены тремя полосками. Птицы высокого полета, пускай и не архимаги. Король заметил лейтенанта, приветливо кивнул и подал знак, чтобы тот подождал, пока закончится разговор.

— Это реальный выход из ситуации, ваше величество, — продолжил Арцивус, кутаясь в теплый плед.

— А если ветер подует не в ту сторону? На нас?! Мы потеряем армию еще до начала сражения! — отрывисто бросил королевский сын.

— Уверяю вас, — прогудел незнакомый Изми маг. — На людей это заклятие не действует и...

— Напомните мне, господин Балшин, — оборвал король мага. — Мы говорим о том же заклятии, что не далее как летом полностью уничтожило всех жителей деревушки к югу отсюда? Как там она называлась?

— Вишки, ваше величество, — неохотно произнесла женщина.

— Благодарю вас, госпожа Клена. Вы очень любезны. Именно Вишки. Та самая деревня, где вы едва не пленили людей, исполняющих мой особый приказ?

— Это было досадное недоразумение, — попытался защитить магов глава Ордена. — Вору и эльфам ничего не угрожало.

— Охотно верю, — согласился король, хотя в его голосе не было ни капли доверия. — Конечно же им ничего не угрожало, кроме ваших экспериментов, стоивших мне целой деревни. Когда весной я давал разрешение, ваше магичество, на этот безумный эксперимент, то никак не предполагал, что будут жертвы среди мирного населения.

— Поверьте, ваше величество, мы тоже, — заговорила Клена. — Те книги огров, что были у нас, таили в себе ошибку. Она исправлена, и истории с Вишками не повторится.

— Вы должны дать разрешение, ваше величество, — продолжал убеждать короля старый маг.

— Нет, Арцивус! Вы ведь понимаете, какой это риск?

— Понимаю, — по-птичьему наклонил голову волшебник. — Но вы ведь знаете мою квалификацию... я ручаюсь, что заклятие сработает как надо.

Король молча барабанил пальцами по столу.

— Разведчики докладывают, что у Неназываемого пятнадцать тысяч огров. Пятнадцать тысяч! Они в один присест сметут наш левый фланг и даже не остановятся. После Неназываемого это самая большая опасность, что угрожает Валиостру. Чтобы убить одного огра, понадобится как минимум восемь наших солдат. У нас нет таких сил. Мы можем... —

Арцивус специально выделил последнее слово. — Можем спасти королевство, если уничтожим огров. Именно для этого я столько лет изучал древние книги этой расы, именно поэтому госпожа Клена и господин Балшин так долго экспериментировали с тем заклятием и добились успеха, пускай путем проб и ошибок.

— Ничего себе ошибка! — заметил принц. — Несколько сотен человек погибло за пару секунд, а вы называете это ошибкой.

— Вам надо лишь отдать приказ, и спустя две минуты ни одного огра в Валиостре не останется. Это очень сильно ослабит армию Неназываемого, ваше величество, — не обращая внимания на младшего Сталкона, продолжил магистр Ордена. — Уверяю вас, пострадают только огры.

— Хорошо! — наконец решился король — Действуйте, и да поможет нам Сагра!

Арцивус кивнул, и Балшин с Кленой, поспешно поклонившись, вышли из шатра.

— Полагаюсь на ваш опыт, ваше магичество. Когда ждать результата?

— Через две-три минуты. — Тонкие губы архимага дрогнули в усмешке.

— Так быстро?! — удивился король. — Но не вы ли говорили мне, что из-за равновесия между силами колдуна и Ордена такие сильные заклинания невозможны?

— Это самое простое из всех известных мне заклинаний, ваше величество. Его было трудно подобрать, но теперь с ним справится ученик первой ступени. Что же до равновесия, к сожалению или к счастью, все это верно. Пока есть сила в Роге Радуги, совет Ордена способен поглощать силу Неназываемого. Хуже обстоит дело с его свободными шаманами. Мы не сможем уделять им время.

— И что? Моим солдатам суждено быть зажаренными какими-то шаманами?

— У Ордена есть пять свободных боевых магов. Это те, которые не потребуются нам для создания круга. Если ваше величество позволит, я отправлю их в войска.

— Конечно.

Арцивус, кряхтя, поднялся с кресла, оперся на посох и, подозвав своего ученика — Родерика, покинул шатер.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, отец.

— Знаю. Арцивус меня еще ни разу не подводил. Как твои люди?

— Кавалерия рвется в бой.

— Прикажи им спешиться. Лошадей отправьте в обоз.

— Но...

— Слушай, что я говорю. Спешиться всем. От кавалерии в центре толку не будет. Когда заговорят гномьи пушки, лошади взбесятся и в лучшем случае нарушат строй, а в худшем разнесут всю линию обороны. Уж лучше пять тысяч спешившихся кавалеристов усилят линейную пехоту и остановят тех, кто будет прорываться к Играющим с ветром, чем уничтожат своих же товарищей по оружию. Спешиться. Я знаю, что говорю.

— А если на нас выйдет тяжелая кавалерия Рачьего герцогства?

— Что ж, прикажешь лучникам стрелять по лошадям. Не по-рыцарски, зато эффективно.

— Хорошо отец, я так и сделаю.

— Изми, мальчик мой. Забери от моего шатра всех своих людей. Я обойдусь "бобрами".

— Обязанность королевской гвардии — охранять своего короля.

— В мирное время. Во время войны для этого существуют Бобровые шапки. Забирай всех своих людей, вскоре каждый человек будет на счету.

— Жаль, что здесь нет моего отца, — с горечью произнес Изми. — Он бы смог убедить ваше величество.

— Я тоже жалею, что граф Алистан сейчас далеко.

— Ваше величество! — В шатер влетел очередной адъютант. — Конные лучники борона Тогга столкнулись с передовыми частями Неназываемого и после скоротечного боя отступили из Регского леса под прикрытие Нуада!

— Началось. Командующих армиями ко мне!

— Плотнее крепи! Да плотнее, кому говорят?! Мать твою, ты девку гладишь или рогатку забиваешь?! Так рогатку?! А какого хрена она у тебя в небо смотрит?! Чтобы воробушков не подпускать?! Наклони ее, дурья твоя башка! Вот! А теперь крепи! Да так крепи, чтобы ни одна падла на лошади до нас не добралась! Даже не надейся на ручей, он тебя от кавалерии не спасет, а вот добрая рогатка и тем паче пика вытащат нас из этой выгребной ямы! И на кой Сагра мне послала в подчинение таких тупых обезьян?!

Джиг с интересом слушал, как какой-то сотник из его баталии костерит ополченцев. Хоть какая-то забава перед боем. Стражник левой рукой прижал к себе алебарду, достал из кармана новую головку чеснока, почистил, запихал в рот и с наслаждением начал жевать.

— Опять ты эту дрянь жрешь? — скорчив кислую мину, спросил

стоявший справа от Джига.

— Не нравится, Клоп? — ухмыльнулся воин.

— А кому понравится, когда ты благоухаешь, как целый Чесночный ряд с Рыночной площади?! Ты этим чесночным духом не только меня с ума сведешь, но и Неназываемого.

— Хорошо бы.

— Ну правда, Джиг! Хватит уже! Ты полдня только и делаешь, что жрешь свой чеснок!

— Не нравится, можешь уйти. Милорду Лантэну сейчас каждый стражник в Авендуме нужен. Не выстоим мы, вся оборона будет на бароне. Еще не поздно вернуться.

— Не говори ерунды! — раздраженно бросил Клоп. — Я не для того тащился четыре дня, чтобы в самый последний момент свалить домой.

— Тогда не ной.

— Я и не ною. Просто зло уже берет. Полтора часа торчим курам на смех, и никого! У меня ноги озябли.

— Вы не знаете, кормить нас будут? — спросил кто-то из воинов первой линии.

— Это ты у нашего тысячника спроси! — посоветовали откуда-то сзади. Видно, какой-то арбалетчик.

— Я вас накормлю вот этим, если не заткнетесь! — гаркнул проходящий вдоль первой линии баталии сотник и показал кулак. — Словно дети малые! Потерпеть не можете!

— Вот ты тут вместо нас с годендагой али алебардой постой, а мы на тебя посмотрим! Говорим же, мороз ноги жжет!

— Ноги не жопа, пожгут, перестанут! А если такой умный, вали домой, к мамочке, и народ мне не баламутить! Ополченцы и так позеленели и животом маются! Еще ты пугаешь!

— Кто там позеленел, а? — вновь донеслось из задних рядов. — Мы не позеленели, мы посинели! От холода!

По шеренгам центральной баталии левой армии пронесся гогот.

Джиг тоже усмехнулся. Быть может, из ополченцев и выйдет толк, благо многого от них в этой битве не потребуется, если, конечно, противник не разорвет строй. Баталия сильна, пока она является цельным и сплоченным организмом. Джигу и Клопу угораздило попасть в третью фронтальную шеренгу центральной баталии. Первые две шеренги по диаметру баталии составляли пикинеры. Парней заковали в железо по самую макушку и выдали вместо пик сущие оглобли, на которые было не стыдно и мамонта насадить. Сейчас пики, словно деревья, смотрели в небо,

но, как только начнется бой, им найдется применение. Да и тяжелая броня пикинеров объяснялась просто — ребята удерживали пику двумя руками и ни о каких щитах не могло быть и речи, а так как основной и самый страшный удар принимают две первые шеренги, им и носить все это железо.

В третьей шеренге баталии стояли алебардисты. У них было единственное и очень простое задание — бить по башке тех, кто каким-то образом умудрился пробиться. Сразу за шеренгой Джига находились три ряда арбалетчиков. Их роль и того проще — выстрелить и как можно быстрее отойти в пустующий центр баталии, освободив место для четвертой и пятой шеренги пикинеров, вооруженных семиметровыми пиками. Этих парней называли "удильщиками". Сейчас все, кто находился за арбалетчиками, стояли, сохраняя промежутки, чтобы стрелкам было куда отступить после залпа. Сразу за "удильщиками" находилось несколько шеренг совершенно разномастной братии, основной задачей которой было создавать давление на первые ряды в случае столкновения баталии со строем линейной пехоты. Ну и конечно, если шеренги будут порваны, заткнуть на время брешу, пускай и собственными телами. С этим делом вполне могли справиться и не обученные работать в баталии воины и ополченцы. В самом центре баталии находились командир, знаменосец, несколько Бобровых шапок, трубачи и барабанщики, которые подавали сигнал для маневра. От центра вновь начинались шеренги, но теперь они шли в обратном направлении. Таким образом, баталия представляла собой грозную силу и была хорошо защищена от ударов с флангов.

— Эй, дружище! — окликнул Джига стоявший впереди него пикинер. Сделай доброе дело, поправь мне меч, а то сполз гад.

— Конечно. — Стражник вновь прижал к себе алебарду и поправил короткий широкий меч пикинера так, чтобы он находился поперек живота. Такое на первый взгляд нелепое положение оружия объяснялось тем, что при работе пикинер не должен задевать пяткой своего оружия эфес меча.

— Спасибо. У тебя лишнего чесночку не найдется?

Джиг молча протянул чеснок. Пикинеру все же пришлось на мгновение убрать одну руку с пики и взять у стражника чесночную головку.

— Спасибо.

— Ты меня не благодари, ты лучше пикой работай, когда придет время.

— Сделаю.

— Ну вот и славно. Клоп, куда засмотрелся?

— Да вон, на соседей, — хмыкнул стражник. — Повезло парням,

ничего не скажешь. Прямо как за пазухой у Сагры. Говорил же я, что надо было к ним идти.

Слева от баталии Джига стояла еще одна. Эта была самой крайней и находилась ближе всех к Лузскому лесу.

— Почему за пазухой? — не понял Джиг, обдав Клопа ядреным чесночным духом.

— Потому что у них полно Бобровых шапок и Веселых висельников. Да еще и триста эльфийских лучников под боком!

— Ну что до Висельников, то у них с мозгами не все в порядке. Что до "бобров", так их поставили в третью линию, и алебардистов в ту баталию не брали. А клыкастые... Сагра поймет этих эльфов. По мне так ну их во тьму. Они добрые, добрые, а потом кинжал под ребро сунут!

— Уж пусть лучше они кинжал сунут, чем Неназываемый своей магией меня во тьму отправит. К тому же у эльфов луки, а я слышал, что темные ими владеют куда лучше Играющих.

— Тебе нечего волноваться, парень, — встрял в разговор пикинер. — От нас до желтоглазых не больше трехсот шагов. Так что если что, и до наших врагов дострельнут.

— Я не буду волноваться, когда все это кончится. — Ничто не могло улучшить настроение Клопа.

— Расступитесь! Да расступитесь же! — Все взоры обратились на тысячника баталии. С ним было еще двое каких-то людей. Явно не воины.

— Вам, господин, сюда. Вот прямо за ним и вставайте. — Молодой человек в кирасе и легком шлеме, вооруженный коротким мечом, встал прямо за Джигом.

— Эй! Командир! — крикнул кто-то из "удильщиков". — Это как понимать?! Ты что, не видишь, что строй разрушаешь?! На кой нам тут мечник понадобился? Или он через головы будет прыгать?!

— Помолчал бы лучше, бестолочь зеленая! Это не мечник! Это милорд маг! Если хочешь, я могу его на другую сторону баталии поставить.

— Ну, если маг... тогда нет... извиняюсь я, господин хороший.

— Берегите его магичество, ребята. Он вам душонки сбережет, если шаманы Неназываемого шалить будут.

— Сбережем! — дружно рявкнули шеренги.

На лицах многих солдат явственно проступило облегчение. Никто не говорил, но все думали: что произойдет, если по баталии ударят магией? Солдаты способны сражаться с солдатами, но как воевать с шаманами? Сагра услышала их молитвы и прислала магов.

— Вот теперь мы повоюем! — Клоп крепче перехватил алебарду.

Настроение у него явно пошло на поправку. Тысячник увел второго мага вглубь баталии.

— Эй, соседи! Со-се-ди! Как вы там?! Не замерзли?! — крикнули из стоявшей справа от них баталии.

— А что, хотите прийти и погреть?! — ответил им задорный голос. Вроде опять кто-то из ополченцев. По шеренгам вновь загулял хохот.

— Да сидите уж, лапти! Просто если станет холодно, милости просим к нам! — не растерялись соседи.

— А если у нас станет жарко, тогда вы к нам! Мы щедрые! Всегда теплом и вражиной поделимся! — неожиданно для себя гаркнул Джиг.

Шеренги поддержали его слова дружным ревом.

— Ты это, слушай. — Клоп неловко ткнул Джига локтем в бок. — На вот тебе, может, пригодится.

— Что это? — Джиг посмотрел на протянутый ему комок то ли тины, то ли сухой травы, перевязанный потускневшей от времени тоненькой синей ленточкой.

— Ну... — помялся Клоп — Помнишь, я как-то в караулке говорил, что у меня бабка ведьмой была?

— Ну?

— Так это ее работа. Амулет. Она говорила, что он заклятия гадкие от владельца отводит.

— Ну?

— Да что ты заладил, ну да ну! — разозлился Клоп. — Берешь или нет?

— А тебе?

— У меня такой же есть.

Джиг пожал плечами, взял пучок травы и заткнул его за пояс. Он не верил сказкам Клопа, но береженого Сагра хранит. Хуже от этого мусора уж точно не будет, да и Клоп успокоится.

— Эй! На кобыле! Как там дела?! Драка будет, или можно по домам?! — спросил один из пикинеров у гонца, перемахнувшего через Винный ручей и направившего свою лошадь между двумя баталиями к холму.

Всадник осадил коня.

— Недолго осталось ждать! — Гонцу приходилось кричать, чтобы дальние шеренги его слышали. — Конные разъезды уже покинули Регский лес. Разведчики вступили в бой на правой дороге, совсем рядом с Нуадом!

— Кто там у них?!

— В основном жители севера! Племена, что живут на Берегу огров! Ну и варвары, разумеется!

— Этим опасаться пока не стоит, — буркнул Клоп. — Толпа.

— А кто по нашу душу?

— Раки! Идут по левой дороге, в получасе от вас!

— Сколько их?

— Много! Восемь тысяч кавалерии и пехоты тысяч пятнадцать!

Кто-то присвистнул, кто-то выругался, кто-то помянул Сагру.

— Шаманов не заметил? — спросил стоявший за Джигом маг.

— Чего не видел, того не видел, ребята! Бывайте! Даст Сагра, свидимся!

— И тебе удачи!

— Береги себя!

Но всадник уже умчался к холму и не слышал пожеланий солдат.

— Ну вот и дождались, Джиг. Уже скоро.

— Ты вроде как задрожал.

— Это у меня всегда так, когда я взятки в страже брал. Нервное. Пройдет. Восемь тысяч кавалерии!

— Выстоим. Они через лес пик до нас не доберутся, не боись. Хотя лучше боись.

Вдоль баталий пошли жрецы Сагры, наставляя воинов перед битвой. Джиг, как и все воины, забормотал молитву, посвященную богине войны.

Откуда-то с севера донеслось два еле слышных хлопка.

— Магия! — ахнул пикинер, с которым Джиг совсем недавно поделился чесноком.

— Какая к Неназываемому магия?! — успокоил заволновавшихся солдат сотник. — Пушки недомерков на Нуаде заговорили! Видать, там уже пошла потеха!

Воины вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что творится на противоположной стороне Поля Фей, но длинный темный "язык" Регского леса заграживал замок и мешал рассмотреть, что там происходит.

— Смотрите! — крикнул кто-то.

Джиг перевел взгляд с леса на левую дорогу. На той стороне поля появились первые силы армии Неназываемого.

* * *

— У нее имя есть? — спросил гном, раскуривая трубку.

— Вообще-то это он.

— Ну хорошо, у него имя есть?

— Непобедимый.

— Что же, вполне подходит, — одобрительно кивнул канонир, с интересом разглядывая лохматую крысу, надежно угнездившуюся на левом плече Медка. — А меня Одзаном, стало быть, кличут, а ребята — Перцем зовут.

— Медок.

— Да я уж знаю. Мне тысячник сказал. Из Диких, если не ошибаюсь?

— Да.

— Слышал я о том, что с вами у Одинокого Великана произошло. Горячо было?

— Не знаю, я в это время был в другом месте.

— А... Я слышал, что пятидесяти вашим удалось выжить и выбраться?

— Сорока семи.

— А... Они в твоей сотне?

— Нет, в центре, насколько я знаю.

— Хм? — Гном выпустил колечко дыма. — А тебя тогда каким чудом в правую армию занесло?

— Сказали, что сотник нужен.

— Стало быть, ты со своими ребятами теперь наши бороды охранять будешь?

— Стало быть, так.

— Экий ты немногословный, братец, — пожаловался гном.

— Уж какой есть.

Вдали вновь раздалось: "Бум! Бум!" Гном встал во весь свой небольшой рост, достал маленькую подзорную трубу явно карликовской работы и навел ее на замок, находящийся как раз по прямой линии от Точеных Лук.

— У них там жарко. Уже минут сорок палят. И враг чего-то к нам не спешит. Неужто Лепзан за нас всю работу сделает? А ведь был дурак дураком. Раньше не мог фитиль нормально поджечь, а вон ведь теперь как палит! Помню, случилась у нас в Стальных шахтах одна история...

Медок не слушал словоохотливого гнома и, прислонившись к стене, закрыл глаза. На Поле Фей он оказался достаточно неожиданно. С тех пор как маг в Кукушке сказал, что Дикий здоров и полностью излечился от последствий орочьего шаманства, прошло не так уж много времени. От силы месяц-полтора. Покинув Пограничное королевство, Медок добрался до Ранненга, а оттуда до столицы. Здесь надлежало передать письма, что

ему оставил Алистан Маркауз. Когда все дела были сделаны и Медок решал, что делать дальше — дожидаться возвращения отряда в Авендуме или сразу отправляться к Одинокому Великану, — разразилась катастрофа. Неназываемый вторгся в королевство.

Король стал собирать армию, и Медок, не колеблясь, пошел добровольцем. Случай столкнул его с Изми Маркаузом, который помнил желтоволосого воина еще по схватке с огром в королевском дворце. Лейтенант гвардии сразу же предложил Дикому взять под свое командование сотню. Медок поначалу отказывался, говорил, что его место с товарищами, с теми, кто выжил после падения Одинокого Великана, но милорд Изми умел убеждать.

Теперь под командованием Медка находилось шесть десятков отчаянных рубак, набранных в Точеные Луки из всех отрядов, и сорок арбалетчиков из отряда северян Шега. Прорва народу. Медок, который раньше не командовал более чем десятком, поначалу испугался, но за неделю общения понял, что разницы между десятком и сотней практически никакой. Отдавай приказы да смотри, чтобы ребята не лезли на рожон, когда не надо.

Теперь его сотне отдали приказ охранять одну из трех пушек, расположенных в Точеных Луках. Почему именно его сотне поручили защиту гномьего расчета, а не другим пяти тысячам солдат, находящимся в укрепленной деревне, Медок не знал.

— Смотри-ка! Этим счастливчикам повезло, клянусь горном моего деда!

Возглас гнома вывел Медка из задумчивости. Дикий встал, поднял с земли огролом и посмотрел налево. К холму на полном скаку неслась кавалерия. Еще один такое же отряд направлялся в сторону левой армии.

— По четыре тысячи в отряде! — сощутив глаза, высказал свое мнение Ротт — командир арбалетчиков сотни Медка. — Похоже, "раки" выставили всю свою кавалерию. Левым тяжело придется!

— Поднимай ребят, Ротт! — отдал приказ Медок, следя за накатывающимся на холм красно-зеленым валом. — Если споткнутся на холме, попрут на нас.

БАМ! — содрогнулись небеса, и Медок от неожиданности втянул голову в плечи.

— Мортира с холма жажнула! — хохотнул Перец, задрав голову к небу.

Медок тоже посмотрел вверх и увидел, как дымная свеча возносится к солнцу, на миг замирает в наивысшей точке, словно бы раздумывая, стоит ли ей падать, и с визгом несется к земле. Гномы на холме просчитались,

кавалерия уже миновала тот участок, где должно было упасть ядро, и мощнейший взрыв лишь взметнул в небо землю. Единственным положительным моментом этого выстрела было то, что лошади задних рядов, не ожидавшие ничего подобного, перепугались и на некоторое время в рядах противника воцарился полный хаос.

— Куда палите, мерзавцы?! — заорал Перец, потрясая кулаками, словно его могли слышать. — В молоко лупите, карликово племя! Вы же ее теперь полчаса перезаряжать будете! Косорукие! Кто у них там в расчете?! Жиргзан! Разворачивай орудие! Боги дадут, забубеним кавалерии в левый фланг! Когда нам теперь еще придется пострелять?!

* * *

После выстрела мортиры лошадь все еще продолжала нервничать, и Изми Маркауз вновь потрепал ее по шее. Животным не нравился незнакомый шум, но тут уж ничего не поделаешь. На левом фланге центра все еще было спокойно, резерв не требовался, основная часть битвы была впереди, и воинам королевской гвардии оставалось лишь смотреть, как кавалерия "раков", пришедшая по левой дороге, разделилась на две равные части и, набирая темп, нацелилась на пехоту центра и баталии левой армии.

* * *

— Бах!

— Бах!

За спиной принца бухнуло, и два ядра, просвистев над головами пехоты, понеслись к приближающейся кавалерии. Первое ядро, не причинив противнику никакого вреда, просвистело над всадниками и упало далеко в поле. Второе угодило прямо в несущихся солдат-кавалеристов, сшибло несколько человек и взорвалось в центре атакующего порядка. Даже отсюда были слышны крики людей и вопли раненых и испуганных лошадей. Атакающий строй кавалерии "раков" вновь сломался, и там началось форменное безумие. Всадники едва справлялись со взбесившимися лошадьми, и ни о какой атаке сейчас не могло быть и речи. Сталкон Весенний Жасмин даже пожалел, что гномы не стали выжидать, а выстрелили несколько раньше. Кавалерия даже не успела подобраться к его армии, и двухметровые луки Играющих с ветром сейчас просто не достали

бы до всадников. А какой разгром мог бы получиться, если бы паника охватила лошадей несколько ближе к позициям, чем они сейчас находились!

— Молодцы, гномы! — крикнул кто-то из стоявших позади пехоты лучников.

Принц обернулся. Стрелки, находящиеся от них всего-то в десяти метрах, времени зря не теряли. Каждый принес на холм две длинные заостренные жердины. Теперь вокруг лучников возвышался целый лес. Прежде чем добраться до облаченных в легкую броню Играющих, врагу понадобится пробраться через эту преграду. Под стрелами. Ну а если все же угораздит добраться, то воины повесят луки на плечо и возьмутся за мечи.

— Бух!

Сталкон подумал, что ослышался, но это действительно выстрелила пушка. Левый фланг кавалерии вздыбился, во все стороны полетели ошметки человеческих и лошадиных тел.

— Это из Точеных Лук пальнули, милорд! — обратился к принцу его оруженосец.

— Вижу. Им тоже не терпится повоевать.

Тем временем в рядах кавалерии сложилось некое подобие порядка, и "раки" под улюлюканье стоявших на холме отступили вглубь Поля Фей. Принц рассчитывал, что враг оправится от пережитого не раньше чем через пятнадцать минут. Именно столько времени гномам требовалось, чтобы остудить и перезарядить орудие. А еще Сталкон надеялся, что в следующий раз гномы попадут оба раза.

* * *

Загудел рог, и сотники отдали приказ:

— Алебардисты! В четвертую шеренгу!

— В четвертую шеренгу! Поменяться с пикинерами!

— Арбалетчики, приготовиться! Пятая и шестая линия пикинеров, не спать!

— Пригото-овиться арбалетчикам!

Джиг, словно дело происходило на учениях, а не на войне, без всякой суеты перестроился в четвертую шеренгу и встал полубоком, чтобы у арбалетчиков была возможность свободно пройти мимо него. Клоп, словно отражение, повторил все действия напарника. Единственной заминкой

оказался маг, не знающий, что ему делать, но оказавшийся поблизости десятник приткнул волшебника в пустеющий промежуток.

— Алебардисты, в четвертую шеренгу! — донесся приказ из соседних баталий.

Все командующие избрали стандартный вариант защиты от кавалерии. Именно из четвертого ряда при нападении всадников алебардисты могут свободно работать оружием, нанося рубящие удары алебардами сверху или колющие — через плечи впереди стоящих пикинеров. Из четвертой шеренги алебардисты не могли помешать первому и тем паче второму ряду, и алебарды не задевали пик. Бывшие четвертая и пятая шеренги "удильщиков" соответственно становились пятой и шестой.

Вновь запел рог, и по баталиям разнеслось:

— Пер-вые шеренги, на коле-но! Пики го-о-о-товь!

Все первые шеренги пикинеров каждой стороны всех трех баталий опустили на колено, воткнули "пятки" пик в мерзлую землю, наклонив оружие так, что, если кавалерия попыбует взять баталию нахрапом, ей придется продраться через лес пик.

— Втор-рые шеренги! Пики о-овсь!

Второй ряд опустил пики, держа их над плечами сидевшей первой шеренги, на уровне бедра.

— Тр-реть-и шеренги! Пики о-всь.

Лес пик третьих шеренг упал и присовокупился к пикам первого и второго ряда. Воины, стоявшие впереди алебардистов, держали оружие на уровне груди, чтобы не мешать сражаться второму ряду.

Кавалерия была уже близко, метрах в стапятидесяти от Винного ручья. Всадники опустили копыа, готовясь вспороть баталию, разнести ее таранным ударом, словно молотом. Джиг наблюдал за всадником первой линии, который, казалось, несется прямо на него. Всадник в рогатом шлеме с зеленым плюмажем, в ало-зеленой тунике, скрывающей крепкий панцирь, опустил длинное, украшенное многочисленными ленточками и флажками копые. Джиг задержал внимание на наконечнике копыа, но из-за постоянного мельтешения ленточек на древке разглядеть ничего не удавалось.

В воздухе запели стрелы — это отряд эльфов, стоявший у Лузского леса, начал обстреливать правый фланг кавалеристов. Пускай эльфы обращаются с луками точно боги, но их всего лишь триста против нескольких тысяч. Темные нанесут приличный урон, однако не остановят кавалерию.

Грохот стоял неопиcуемый. Земля содрогалась под ударами тысяч

копыт. Низко прогудел рог, и сотники, надрываясь, заорали:

— Пер-рвая линия ар-тов! Пли!

Под ухом у Джига сухо щелкнул склот. На место первой линии арбалетчиков уже встала вторая.

— Пли!

И снова смена шеренг.

— Пли!

Третья шеренга стрелков поспешно отступила в центр баталии, туда, где их товарищи уже перезаряжали арбалеты.

— Пят-ая и шест-ая шер-ренги! Р-разом! Пики о-всь!

Пятая и шестая шеренги "удильщиков" уже успели встать на те места, где раньше стояли арбалетчики, и, перебросив пики на левую сторону, дабы не мешать второму и третьему ряду, замерли.

Теперь все три баталии, стоявшие на левой дороге, казались очень большими, очень рассерженными и очень опасными ежами, к которым было невозможно подступить.

Между залпами арбалетчиков и сменой построения прошло не более восьми секунд. В этот промежуток времени Джиг как-то потерял из виду кавалерию. Арбалетчики здорово потрепали передние ряды, да и эльфы продолжали поливать врага стрелами, и теперь лошадям задних рядов приходилось идти по телам убитых людей и лошадей, что замедлило их продвижение. Да и Винный ручей сыграл свою роль — если первые ряды (теперь в большинстве своем мертвые) успели перемахнуть через преграду, то задние заметили ручей слишком поздно, и несколько десятков лошадей и всадников полетели кувырком, внося еще большую сумятицу в свои ряды. Приходилось осаживать коней, выбиваться из ритма атакующего строя и тем самым терять знаменитую мощь удара тяжелой кавалерии. Но не по всей длине Винного ручья была свалка. Многие всадники продолжали нестись на баталии, словно собираясь выковырять из центра ненавистных арбалетчиков.

— Держать строй, обезьяны!

— Сто-о-о-ять! Не бежать! П-и-и-ики!

— Держа-а-а-ать!

— С-т-о-о-о-о-о-и-и-и-и-и-м!

Кавалерия накатывала, все ближе, ближе, ближе...

— А-а-а-а-аа-аа-аа-ааа-ааа-ааа-ааа-ааа! — Все баталии издавали один и тот же рев. Рев солдат, ожидающих удара. Рев солдат, готовых к этому удару! В низком реве слышались и предвкушение битвы, и ругательства, и страх, и желание напугать лошадей и их седоков.

Всадники не были дураками и не собирались лезть на пики. Кавалерия всегда пугает и всегда считает, что пехота должна побежать. И очень часто пехота бежит, бежит, хотя спасением для нее является не бегство, а плотный строй. Большинство "раков" вовремя развернуло коней, и теперь часть кавалерии неслась параллельно баталиям, а часть устремилась в промежутки между ошестинившимися пиками квадратами пехоты. Арбалетчики боковых сторон не решались стрелять по врагу, опасаясь попасть в своих товарищей в противоположных баталиях, зато стрелки задних сторон не мешкали и, как только кавалерия вылетела в тыл, открыли сокрушительный огонь. К ним присоединились стрелки передней части баталии, уже успевшие перезарядить свое оружие.

Но все же среди всадников, атаковавших левую армию, находились и такие, что без всякого страха направили закованных в броню лошадей на пики. Часть из них была глупцами, часть отчаянными храбрецами (то есть безнадежными глупцами), кто-то впал в боевую ярость и удаль, кто-то просто не смог и не успел вовремя остановиться или справиться с лошадьёю. Фронтальная часть баталий приняла удар нескольких сотен всадников.

Грохот! Крики! Отчаянный визг боли людей и животных! Лязг! Скрежет металла о металл.

От удара кавалерии шеренги качнулись назад. Кто-то едва не упал.

— А-а-а-а-а! — Один из всадников не удержался в седле и, словно выпущенный из катапульты камень, пронесся над пехотой и упал где-то в задних рядах.

Впереди была форменная свалка. Пикинеры самозабвенно кололи любого, кто рисковал приблизиться на расстояние удара пикой. Кто-то из всадников поставил своего коня на дыбы и повел прямо на баталию. Конь напоролся животом сразу на четыре пики, рухнул вниз, подминая под себя двух пикинеров первого ряда, всадник ловко соскочил с несчастного коня, замахнулся мечом, стараясь продержаться, пока не появится подмога, но Клоп не спал, и тяжелая алебарда ухнула храбрецу прямо промеж рогов его шлема. Джиг недолго думая добавил от себя, воткнув алебарду человеку под шлем.

Пока на их участке несколько солдат высвобождали пики из тела коня, другой всадник проделал тот же самый маневр, и конь смял часть второй шеренги. В образовавшийся промежуток вклинилось еще двое всадников, а затем еще. И еще. Кавалеристы теряли лошадей, но дело свое делали — участок фронтального строя центральной баталии был разорван и

находящиеся поблизости "раки" времени зря не теряли.

Джиг рванулся вперед. Задача алебардиста — погасить порыв нападающих, и он, сам не понимая как, оказался в рубке. "Раков" было от силы человек пятнадцать, и только трое из них были на лошадях. Пикинеры, оставив попытки освободить пики, взялись за мечи. Джиг ударил древком алебарды в спину одного, подсек ногу другому, что есть сил, хорошенько размахнувшись, пробил шипом алебарды тяжелый панцирь какого-то благородного воина. Клоп, неведь как оказавшийся поблизости, перерубил ногу коню, и всадник упал прямо на заботливо выставленную пику какого-то воина. Клоп встать не успел, кавалерист, находившийся поблизости, ударил сверху вниз и пригвоздил стражника копьём к земле. Джиг закричал, ударил алебардой. Всадник подставил щит. Джиг ударил еще раз, зацепил крюком алебарды врага за шею, рванул на себя, стаскивая с лошади. Вновь подоспел кто-то из пикинеров и расправился с оглушенным в результате падения с лошади и теперь беспомощно лежащим на земле человеком.

— В строй! — рывкнули Джигу, и какой-то воин попросту впихнул его в баталию.

Он послушался — Клопа уже не вернуть. Прорыв кавалерии был остановлен, пикинеры восстановили шеренги. Место Клопа занял его сосед по шеренге.

— Ар-ты, пли!

Вновь запели арбалеты. Теперь к фронтальным шеренгам арбалетчиков прибавились стрелки задних рядов, уже успевшие расстрелять тех всадников, что проскочили в тыл баталий.

Неся сокрушительные потери под стальным дождем арбалетных болтов, остатки кавалерии Рачьего герцогства благоразумно отступили.

— Первая шеренга с колена! Алебардисты! В третью шеренгу и — раз! Воль-н-наа! Пики в воздух! Рогат-ки из зем-ли! На десять шагов! Под барабанный счет! На-зад!

Джиг послушно топал, отходя вместе со всей баталией назад. Впереди остался участок, устланный телами людей и лошадей.

— Эй, приятель!

Джиг не сразу понял, что обращаются к нему. Это был пикинер, с которым стражник поделился чесноком.

— Рад, что ты остался жив.

— Я тоже.

— Здорово ты того гада за шею с кобылы стянул! Молодец!

— Мало ему! Он Клопа убил.

— Видел. Жаль парня, но и мы их здорово потрепали.
— А они нас?
— Десятка три полегло.
— Сто-ять! — отдали приказ, и баталия остановилась. Правая и левая баталии, следуя примеру центральной, тоже отошли назад, сохраняя линию обороны.
— Отдых! — пронеслась по рядам команда. Только сейчас Джиг понял, насколько сильно он вспотел во время этого скоротечного боя.

* * *

Изми облегченно вздохнул. Несмотря на его опасения, левая армия выдержала удар кавалерии, и не только выдержала, но и нанесла ей заметный урон. На земле осталось больше тысячи "раков", в основном погибших под огнем арбалетчиков и луками эльфов. Теперь отступившие части Неназываемого вновь соединились с кавалерией, которая несколько минут назад пробовала на зуб центр. Сейчас уцелевшие после первой атаки на левую армию и центр всадники перестраивались в широкий атакующий порядок. По подсчетам Изми, их было чуть меньше семи тысяч.

— Я не ошибаюсь, милорд? Похоже, они решили прорваться на холм?
— Прищуriv глаза, спросил Вартек. — Гномы так и не успели перезарядить пушки.

— Опусто забрало и будь готов вести людей на подмогу, если "раки" сомнут пехоту.

* * *

— Работайте, карликовы дети! Работайте! — костерил канониров Перец. Видите, что на поле творится?! Центр — это не левая армия, у них столько пик не наберется! Надо подсобить!

— Да мы и так работаем, Перец! Сам же видишь! — пыхтя, пробасил рыжебородый Жиргзан.

— Значит, медленно работаете! Быстрее перезаряжайте!

— погоди, Перец! — Медок на время позаимствовал у гнома трубу и теперь рассматривал то, что творится у Нуада. — Разворачивай пушку.

— Чего?! Это еще зачем?!

Дикий молча протянул гному его трубу. Тот посмотрел в указанном

направлении и заорал:

— Ух мать! Похоже, и до нас докатилось! Разворачивай ее! Разворачивай! И засунь это ядро себе в жопу! Картечью заряжай!

— Боюсь, мой принц, гномы не успеют дать повторный залп, — произнес стоявший рядом со Сталконом телохранитель. На эту должность к Весеннему Жасмину было приставлено двое "бобров".

— Трубите готовность!

Он видел, как кавалерия пыталась прорвать левую армию, но ничего не получилось. Теперь вновь соединившиеся силы "раков" попытаются опрокинуть центр. Вполне разумное решение, особенно если учесть, что пик здесь практически нет, и по сравнению с баталией линейная пехота кажется совершенно незащищенной.

— Передайте лучникам, чтобы целились в лошадей! — не отрывая взгляда от приближающегося противника, отдал приказ командующий центром.

— Уже сделано!

— Ваше магичество! Вы способны помочь нам в этой проблеме?

— Я не владею атакующими заклинаниями такой силы, ваше высочество, произнес маг, присланный Арцивусом. — Вряд ли мне удастся за раз уничтожить хотя бы пять десятков.

— А если не за раз, а за пять раз?!

— Тогда боюсь, что уже не смогу защитить солдат от магии шаманов.

Принц поджал губы.

— Но думаю, что смогу сделать для вас кое-что полезное.

— И что же?

— Ледяной каток, — сказал маг и улыбнулся.

* * *

Изми Маркауз проклял ту минуту, когда его и его людей отправили в резерв. Центру сейчас потребуется помощь. Большая помощь. Такая туча всадников лавиной пройдет по холму и остановится только в Авендуме. Похоже, зря король спешил кавалерию. Так бы у них был шанс. Теперь же на все воля Сагры и удачи. На левой дороге уже показалась пехота "раков", и ее было до безобразия много. Она рассредоточивалась вдоль Регского леса с явным намерением разом атаковать все три армии Валиостра. В таком количестве они вполне способны проверить этот трюк. Да и от

Нуада к Точеным Лукам уже спешило несколько сотен воинов северных племен. Замок все еще продолжал огрызаться и трепать всех, кто двигался по правой дороге, и противник, судя по тому, что видел Изми, не прекращал попыток взять самый северный оплот армии Валиостра. Но большая часть войска Неназываемого проходила мимо Нуада, не обращая на ливень стрел никакого внимания. Похоже, армия колдуна вступала в битву прямо с марша, и в этом был единственный плюс обороняющихся. Приди враг всем скопом, выжди, и оборона была бы раздавлена, словно спелая ягода. А так у Валиостра оставался шанс — надо было лишь бить тех, кто шел впереди, затем следующих и так до бесконечности, пока хватит сил. Слава Сагре, что противник лишился огров.

* * *

— Ты глянь! Ты глянь! Какая силища-то прет! Похоже, ребятам в центре будет туго! — выкрикнул кто-то из пикинеров.

— Ты погоди их хоронить, парень, — сплюнул сосед Джига. — Посмотрим, как эти лошадаики копыями поорудуют в горку-то.

* * *

Кавалерия наступала, всадники пустили лошадей в галоп и опустили копья. Вот враг прошел участок, где лежали тела тех, кто погиб от выстрелов гномьих пушек, и начал подъем на холм. С центра Поля Фей подъем на холм казался не таким уж и крутым. Но действительность обычно оказывается куда хуже, чем мы предполагаем. Лошадям, обремененным броней и всадниками, оказалось не так-то просто преодолеть этот подъем.

— Дуга три пальца! Ориентируясь на сотников! Пли!

От шести тысяч лучников отделилось облако стрел, пронеслось над пехотой и рухнуло на первые ряды всадников "раков". Затем последовал еще один залп. И еще. Даже несмотря на тяжелые доспехи, люди гибли, потому что при таком количестве стрел хотя бы одна да проникнет между сочленением брони. Но основной удар пришелся по лошадям. Не имея надежной защиты, лошади гибли, оставляя всадников без всякой возможности уйти из-под огня. Похоже, командир кавалерии не ожидал нарваться на такое количество лучников. Горн протрубил отход, и тут

случилось невероятное: земля под копытами лошадей и под ногами людей превратилась в лед и началось форменное избиение. Лучники стреляли без перерыва, посылая во врага стрелу за стрелой. Сотники ежесекундно орали команды, меняя угол обстрела и делая поправку на ветер. Стрелы визжали в воздухе, иногда заглушая крики умирающих людей и лошадей. Хладнокровный расстрел продолжался. Первые ряды пехоты и спешенных рыцарей не утерпели и начали обстрел "раков" из арбалетов.

* * *

— Они их разгромили, милорд! Клянусь Сагрой, разгромили! — вскричал Вартек.

— Вижу, милорд, — произнес Изми Маркауз, наблюдая, как около шести сотен спешившихся всадников врага бросились в отчаянную атаку на линию пехоты.

Битва была скоротечной и кровавой. "Раков" не любили, и они платили валиострцам той же монетой. Когда схватка подошла к концу, от кавалерии Рачьего герцога, которую он, скорее всего, собирал и обучал не один год, не осталось ничего, кроме памяти. Люди Сталкона пленных не брали.

— Ах, поberi меня тьма! — Вартек от переизбытка чувств ударил себя кулаком по ноге. — Все бы отдал, чтобы оказаться на месте самого занюханного из пехотинцев центра!

— Не вы один, маркиз! Не вы один!

* * *

— Погоди ты!

— Куда уж годить? — возмутился рыжебородый гном. — Стрелять надо!

— Я тебе стрельну! Жди, кому говорят?!

— Да чего ждать?! Они сейчас по нашим головам пройдут, Перец!

— А хоть бы и по головам! Сказано ждать — значит жди! — рассвирепел командир орудия.

— Ротт! — окликнул Медок командира арбалетчиков.

— Да, сотник?

— Ребята готовы?

— А то!

— Действуете, когда посчитаете нужным!

Арбалетчик кивнул и подготовил к бою стоящий на стене мощный армейский арбалет. Такие используют для обороны замков и крепостей. В это чудовище разом заряжалось шесть длинных и тяжелых стальных болтов. Естественно, что весило это чудо военной мысли прилично и таскать его за собой — пупок надорвать, а вот отстреливать врага из-за стены — самое дело. Помимо сокрушительной пробивной силы, которой позавидуют даже склоты линейной пехоты, "град" обладал еще и такой необходимой и бесценной штукой, как скорострельность.

Медок хлопнул себя по шлему, опустил носовую стрелку и выглянул из-за стены. По правой дороге на них катилась буро-серая, совершенно неорганизованная толпа варваров и северных племен. Благодаря вылазкам за Одинокого Великана Медок знал и тех и других. Варвары облачались лишь в шкуры мамонтов, белых медведей и вареную кожу с нашитыми на нее костяными пластинами тюленей, а вместо шлемов использовали черепа животных. Безлюдных земель и поэтому выглядели достаточно устрашающе. Вооружались они топорами и дубинами, практически не признавая луков. Во время схваток очень часто впадали в боевое безумие. Медок не кривил душой — варвары Безлюдных земель хорошие бойцы, но им далеко до воинов северных племен. Спроси у Дикого, с кем бы он сразился, будь у него выбор: с тысячей варваров или с пятью сотнями воинов северных племен, и Медок без колебания выбрал бы варваров. Там был бы шанс закончить бой малой кровью. С северными племенами так не получится. Низкорослые, черноволосые и узкоглазые люди были великолепными охотниками, а тем паче воинами. Они мастерски владели короткими копьями и с их помощью могли добыть не только нерпу, но и голову врага. С детства воспитанные как охотники и воины, эти люди ко всему прочему были очень выносливы и жили там, где не мог жить никто из людей, — на Берегу огров.

Теперь же эти воины, не зная таких слов, как "стратегия" и "тактика", "резерв" и "обход с флангов", перли на Точеные Луки с явным намерением взять укрепленную деревню. Самое страшное, что у них это могло получиться.

Катапульти, установленные за второй стеной, начали обстрел наступающих горшками с зажигательной смесью и камнями. К катапультам присоединились немногочисленные отряды Играющих с ветром.

— П-а-а врагу! — рывкнул Ротт. — Свободный огонь!

Примеру Ротта последовали другие командиры арбалетчиков, и Точеные Луки разразились стальным градом. Растратив все шесть болтов,

Ротт стащил арбалет со стены, передал заряжающему и тут же получил новый. Медок пользовался обычным склотом. Прицелился в высоченного бородатого варвара с размазанным синей краской лицом, задержал дыхание и нажал на спуск. Болт без всякого труда пробил череп-шлем.

— Неплохо! — одобрительно кивнул Перец и тут же заорал: — Стрелки!

Воины северных племен принялись обстреливать стену из коротких составных луков. Одна из стрел попала в шею зазевавшегося гнома, что держал тлеющий фитиль. Другая стрела отскочила от кирасы воина, перезаряжающего "град" Ротта. Еще одна пробила ногу мечнику, стоявшему за арбалетчиками.

— Лекаря! — заорал Медок. — Ротт! Усильте огонь!

— Куда уж больше?! — командир арбалетчиков взялся за склот. — Метко твари стреляют!

— Ух мать! Ну я им сейчас задам! — Перец схватил оброненный убитым гномом фитиль и поднес к пушке.

Медок вовремя закрыл уши руками. Пушка рывкнула, стену заволокло дымом. Сразу же за этим орудием выстрелили и два других находящихся дальше по стене орудия.

— Вечно гномы всякую хренотень изобретут! — закашлялся один из арбалетчиков.

Сизый, вонючий дым ел глаза. Перец вопреки всем ожиданиям уже костерил своих подчиненных, чтобы те пошевеливались и поскорее перезаряжали пушку. Когда дым рассеялся, стала видна картина разрушений, которые были причинены нападающим. Картечь прогрызла в рядах противника широкую кровавую просеку. Воины северных племен в панике отступили, а вот шесть сотен варваров то ли по скудоумию, то ли из-за боевой удали перли вперед и уже преодолевали ров.

— Мечники! Гото-о-овьсь! — едва не сорвав себе голос, заорал Медок. Перец! Оставь на время пушку и давай со своими ребятами за щиты!

— Хрена лысого! — выругался гном и, отбросив в сторону какую-то штуку (ею гномы прочищали жерло пушки), схватился за боевую мотыгу. — Чтобы гномы отсиживались за спинами других! Да не бывать этому! Жиргзан! Подай мне шлем!

* * *

Под Нуадом кипела битва, враг, видно, во что бы то ни стало решил

расправиться с непокорным замком. До баталий, стоявших на левой дороге, вновь долетела отдаленная канонада орудий.

— У меня там племянник, — неожиданно сказал пикинер.

— Тебя как зовут-то, братишка?

— Бансом.

— А я Джиг.

— Руки замерзли, скоро даже через перчатки к древку примерзают, пожаловался Банс.

— Чесночку хочешь?

— А он согреет?

— Вон кто тебя скоро согреет. — Джиг кивнул в сторону надвигающейся на них пехоты "раков". — Через две минуты здесь будет жарче, чем у гнома в топке.

— Сколько же этих ублюдков?

— Столько же, сколько и нас. Если не больше.

* * *

С холма Изми Маркауз прекрасно видел, как пехота врага разделилась на три неравные части и двинулась к позициям армии Валиостра. Меньший отряд, находившийся дальше всех, едва ли не бегом двигался к Точеным Лукам. Около десяти тысяч "раков", разделенные на пять отрядов, перли на левую армию. Остальные "раки" и тьма-тьмущая варваров наступали на центр.

— Почему наши маги ничего не предпринимают, милорд? — возмутился Вартек. — Ведь весь Совет Ордена находится на холме!

— Весь Совет, любезный маркиз, трогательно взявшись за руки, стоит в кругу, — пророкотал из-под шлема один из гвардейцев. — Благодаря им Неназываемый пока еще ничего нам не сделал.

— Командир! — примчался запыхавшийся гвардеец. — Король отдал приказ следить за левой армией и, если им потребуется помощь, вступить в бой!

— Ну наконец-то! — восторженно зарычал Вартек.

— Что-нибудь еще? — Изми Маркауз обратился к гвардейцу.

— Говорят, все огры подошли!

По рядам гвардейцев загулял удивленный и радостный ропот.

— Кто говорит?

— Все. Я самолично слышал от одного из разведчиков.

— Превосходно. Можешь вернуться в строй.

* * *

— Отбились, м-мать их. Упорные сволочи оказались! — Перец от переизбытка чувств махнул окровавленной мотыгой.

Атака варваров захлебнулась. Две тысячи арбалетчиков по всему фронту левой армии устроили в нестройных рядах нападающих настоящую бойню. Тех немногих, кому все же удалось пересечь ров и насыпной вал, прикончили мечники. Ни один из варваров даже не подумал отступить. Теперь под стеной валялась груда тел. Медок начинал опасаться, что после нескольких таких атак противник будет подниматься на стену по телам своих товарищей, словно по лестнице.

— Жиргзан! Да брось ты эту гадость! — обратился Перец к рыжебородому гному, с интересом изучающему трофейный шлем-череп. — Давай заряжай! Видел ведь, как эти узкоглазые драпанули?!

— Второй раз не побегут.

— С чего это ты так решил, сотник?

— Они хорошие бойцы, пускай и суеверные. В следующий раз они поймут, что, когда гремит гром, не все умирают, и продолжают атаку.

— Медок! — Подошел тысячник.

— Да, командир?

— Потери?

— Восемь погибших и семь раненых.

— Вот, принимай к себе в отряд. — Тысячник указал на молчаливого бледного паренька. — Это его магичество Родерик. Поможет твоим ребятам в случае чего.

Родерик несколько нервно кивнул и испуганно покосился на двоих мечников, которые как раз перебрасывали через стену труп варвара.

— У вас кольчуга есть, ваше магичество? — как можно вежливее спросил Медок.

В то, что парень маг, Дикий не очень-то верил. По его мнению, даже Кли-кли заткнул бы этого мага за пояс.

— Да. — Молодой маг поспешно кивнул. — Мне учитель еще два дня назад сказал достать.

— И кто у нас учитель? — дымя трубкой, поинтересовался Перец.

— Его магичество Арцивус, — с достоинством произнес Родерик.

— А это кто? — бесхитростно поинтересовался гном.

Родерик от такого вопроса едва не лопнул от возмущения. Он уже собрался выдать гному отповедь, но за стеной запели рога. Враг вновь пошел в атаку.

За спиной грохнуло, небеса отозвались эхом, и дымная комета, выпущенная из мортиры, рухнула прямиком в середину переднего квадрата пехоты, надвигающейся на центр. Удар был страшен. Всех, кто попал под взрыв, разметало, словно они были сделаны из бумаги. Ядро мортиры напомнило Изми ногу бога, который по ошибке нечаянно наступил на людей.

— Сюда бы еще с десятков мортир, и я бы посмотрел на этих прихвостней Неназываемого! — потряс секирой Сталкон Весенний Жасмин.

— Почему не стреляют пушки, мой господин? — спросил один из "бобров".

— Слишком далеко. Гномы хотят стрелять наверняка.

* * *

Пехота надвигалась пятью отрядами. В первой линии три отряда, каждый уже выбрал себе по баталии. За этими тремя, на расстоянии в тысячу метров, двигались еще два.

Сквозь шеренги людей и ряды поднятых пик Джиг со странным безразличием смотрел на надвигающуюся на их баталию стальную черепаху. Только у одного из трех первых отрядов были пики, не уступающие по длине пикам баталий. С этим отрядом должна была столкнуться левая баталия, где были "бобры" и Веселые висельники. Ребята выстоят, этим подразделениям не впервой сражаться с врагом, который ничем им не уступает. В первой шеренге отрядов, прущих на центральную и правую баталию, были высокие прямоугольные щиты и короткие копья.

— У них арбалетчики! — крикнул кто-то из пикинеров.

Джиг похолодел. Если у пехоты склоты, то первым шеренгам, несмотря на их броню, придется худо. С близкого расстояния болт прошьет доспехи насквозь, словно они сделаны из бумаги, а не из славной исилийской стали. Хорошо, что хоть не лучники — при навесной стрельбе баталия становится еще более уязвимой. Чтобы противостоять вражеским стрелкам, нужно прикрытие из арбалетчиков и лучников. Дуэль-перестрелка никогда не обходится малой кровью.

Эльфы принялись обстреливать отряд, надвигающийся на баталию Висельников.

— Пропустите меня! Да пропустите же! — Маг, все это время молча стоявший за Джигом, продирался вперед. Пикинеры, похоже перепуганные перспективой ловить арбалетные болты, не очень хорошо соображали, кто пытается пробиться мимо них в первый ряд.

Джиг пронзительно свистнул и заорал:

— Пропустите мага вперед, сучьи пни! Быстрее давайте, иначе болты нам с вами придется ловить!

Это подействовало, и пикинеры подались в сторону, освобождая мага дорогу. Тот выскочил вперед, встал перед первой шеренгой и вытянул руки, направив их раскрытыми ладонями в сторону отряда пехоты, уже почти добравшегося до Винного ручья. С ладоней мага сорвался ослепительный огненный луч. Он ударил в первый ряд щитов, враз испарив их вместе с людьми, добрался до второго ряда, третьего, четвертого, арбалетчиков...

Враги взвыли! Слышались вопли погибающих и сгорающих заживо людей. Кто-то кричал от ужаса. Многие стоявшие в баталии удовлетворенно выругались, видя, какой урон нанес врагу всего лишь один человек.

Маг между тем повел лучом вправо, затем влево, продолжая сжигать десятки людей. И пехота не выдержала. Она дрогнула и рассыпалась, в панике заметавшись по берегу Винного ручья. Даже сюда долетал запах горелого мяса.

Луч, исходящий из ладоней мага, внезапно погас, и маг кулем повалился в снег. Кто-то из первых рядов бросился к упавшему, подхватил, втянул в баталию.

Недремлющие сотники заорали:

— Арбалетчикам приготовиться! Пер-рвая шер-ренга! Залп! Втор-рая шер-ренга! Залп! Тр-ретья залп!

Арбалетчики выстрелили и отошли назад. На их место встали еще девять шеренг стрелков, снятых с тыла и флангов баталии.

— Залп! Залп! Алп! Алп!

Мечущуюся вражескую пехоту накрыло стальным дождем.

* * *

— Ух! Маги взялись за дело!

Изми не слушал, он, как и все, следил за битвой, происходящей в

левой армии. Неизвестный маг без труда разнес центральный отряд нападающих, но правый и левый продолжали двигаться вперед и уже успели пересечь Винный ручей. Да и два задних отряда войска Неназываемого были недалеко.

— Милорд!

Изми Маркауз отвлекся от картины боя и посмотрел на подошедшего к нему солдата с огромным двуручником. Бобровая шапка, вне всякого сомнения.

— Милорд, его величество прислал мой отряд в ваше распоряжение.

— Сколько у тебя людей?

— Двести человек.

Неплохо. Двести "бобров" — больше, чем он рассчитывал получить. Для резерва.

— Хорошо. Выдвигайтесь вон к той рощице, за левой армией. Но в бой пока не лезьте.

— Да, милорд.

Что-то подсказывало Изми, что левой армии в самом скором времени понадобится помощь.

* * *

— У них там арбалетчики, командир.

— У, кур-рвы! — Командующий шестью тысячами Играющих с ветром, что сейчас стояли сразу за пехотой и спешенными рыцарями, погрозил кулаком небесам. — Сколько их там?

— Не знаю.

— Ну так узнай! Да побыстрее! А то они нам всю пехоту перецелкают! Нарк!

— Да, командир?

— Бери свою тысячу и давай вперед! Поставь ребят среди мечников. Пусть оттуда палят прямой наводкой! Если кто из пехоты будет бочку катить, скажешь, что я приказал! Действуй!

— Около трех тысяч! — прибежал запыхавшийся солдат. — Разведка говорит о трех тысячах! Идут впереди пехоты.

— Да уж вижу, как они идут, чай не слепой. За спиной гроыхнули пушки, солдат пригнулся, командир Играющих даже не обратил внимания.

— Значит, их в два раза меньше, чем нас, — задумчиво процедил старый воин, наблюдая, как ядра, выпущенные из пушек, угодили в

дальние ряды пехоты противника. — Тем лучше. Ничего они нам не сделают, паря. Луки куда как дальнобойней, и стрелять мы умеем. Слухай мою команду! Дуга два пальца! Поправка на ветер четверть пальца вправо! Поцелкаем кур-рвинных детей до того момента, как они начнут стрелять! Пли!

* * *

Воин легко перемахнул через стену, и Медок едва успел отскочить в сторону. Коротким копьём с широким зазубренным наконечником низенький черноволосый противник владел мастерски. Оружие выплетало круги и зигзаги, и Дикому приходилось пошевеливаться. На этом участке стены, несмотря на непрерывный огонь арбалетчиков, противнику все же удалось прорваться в Точеные Луки. Теперь по всей стене кипел бой. Следовало продержаться до прихода подкрепления.

Узкоглазый воин неожиданно взвился в воздух с явным намерением ударить Медка копьём сверху. Дикий прынул в сторону, широко отмахнулся огроломом, и шипастый шар выбил дух из врага, не озаботившегося защитить себя каким-либо доспехом.

Из-за стены высунулся варвар, на голове коего красовался череп белого медведя. Страшный топор ударил в спину рыжебородого гнома, сражавшегося с воином, облаченным в цвета Рачьего герцогства. Огролом рухнул на медвежий череп, разнес его на осколки, заодно смяв голову варвара.

— М-мать! — Перец ткнул факелом в лицо другому воину и затем пихнул его мотыгой в пах.

— Сотник! Прикрой моих ребят! — Ротт и два десятка арбалетчиков притащили перезаряженные "грады".

Человек семь принялись методично отстреливать тех, кто перебрался через стену, остальные открыли стрельбу по перебирающимся через неглубокий ров. Подоспело подкрепление из пяти десятков мечников, и общими силами врага удалось скинуть со стены. Незнамо каким чудом выживший в этой мясорубке маг швырнул на прощание в толпу врагов несколько огромных огненных шаров.

— Куда огонь?! — заорал Перец. — Куда огонь?! Здесь же порох!

— Ротт! По отступающим! Перец! Давай к пушке! Ваше магичество, уйдите со стены, иначе на шальную стрелу нарветесь!

* * *

Первая и вторая шеренги левой баталии на несколько секунд раздвинулись, пропуская вперед "Бобровых шапок". Воины, вооруженные двуручниками, соблюдая широкие промежутки, бросились вперед, прямо на выставленные пики врагов. За "бобрами" медленно двигалась баталия. Широкими размашистыми движениями "бобры" перерубали пики и врубались в шеренги противника, ломая строй. Конечно же не все смогли избежать встречи с вражеской пикой, но основная масса "бобров" справилась с задачей и уничтожила опасность, грозящую своей баталии. Глубоко вгрызаясь в ряды атакующих, размахивая двуручниками, точно косами, мечники наносили перепуганной и ошеломленной пехоте страшный урон, а сзади уже напирала баталия. Она с грохотом протаранила пехоту, ударила пиками и словно мамонт, который оказался в посудной лавке, поперла вперед. Медленно и неотвратно баталия следовала сразу за построившимися в клин "бобрами".

Правая баталия тоже сшиблась с пехотой "раков", но, как там обстояли дела, Джиг уже не видел. По шеренгам передали приказ:

— Алебардисты, в шестую шеренгу!

Баталия готовилась нанести таранный удар, а во время такого удара алебарды не нужны, и воинов переводят назад, заменяя их шеренгу пикинерами.

— С первую по шестую шер-ренги! Пики, овсь!

— Под бар-рабаны! Бе-е-егом!

В центре отряда загрохотал барабан, баталия, выставив пики, качнулась.

Бум... Бум... Бум... Бум... Бум... Бум... Бум-бум... Бум-бум-бум-бум! Барабаны наращивали темп, и баталия, все более разгоняясь, неслась вперед, туда, где на место выжженной магом и расстрелянной арбалетчиками пехоты уже накатывал двухтысячный отряд второй линии. Джиг исправно давил в спину стоявшего впереди пикинера и орал "а-а-а", сжавшись в ожидании скорого удара.

* * *

Не выдержав обстрела засевших на холме лучников, выжившие арбалетчики противника, так и не сделав ни одного выстрела, бросились

назад и большей частью были помяты своей же пехотой. С "линейными" было сложнее, они, несмотря на подъем, перли вперед, стараясь как можно быстрее преодолеть участок, обстреливаемый лучниками. Многие закрывались от стрел щитами. Один из отрядов врага даже умудрился создать вполне приличную "черепашу", но вышел на ледяной участок холма, развалился, и лучники тут же перестреляли невезучих воинов.

— Сомкнуть щиты! Копья! Арбалетчикам стрелять по своему усмотрению! — приказал Сталкон.

Принц отдавал себе отчет в том, что несмотря на урон, наносимый лучниками, враг на этот раз все же до них доберется. Задние ряды лучников прекратили переставший быть эффективным обстрел и, взявшись за мечи, слились с рядами пехоты. Теперь огонь вели лишь тысяча Марка и немногочисленные арбалетчики, но и они вскоре вынуждены были прекратить огонь. Неровный залп лучников "раков" был остановлен магом, заставившим большинство стрел сгореть в воздухе. Вражеская пехота вытолкнула вперед несколько сотен воинов, вооруженных двуручниками, с явным намерением сломать ровный строй пехоты центра.

— "Бобры", не спать!

И "Бобровые шапки" не спали. Щиты на короткий миг разомкнулись, пропуская воинов легендарного отряда вперед. Когда у врага кувалда, тебе тоже нужна кувалда — неоспоримое правило войны. По всему фронту завязались одиночные и групповые стычки на двуручных клинках. "Раки" были хороши, но все же им было далеко до "Бобровых шапок". Перевес был на стороне Валиостра, но все же сын короля отдал приказ горнисту:

— Труби отход!

Горн несколько раз протрубил отход, и мечники отступили за щиты, прежде чем до них успела добраться разъяренная гибелью товарищей вражеская пехота. Прежде чем щиты сшиблись и началась рубка, кто-то из лучников успел выстрелить еще раз.

* * *

— А ты неплохой маг, парень, — пропыхтел Перец Родерику. — Почаще бы делал эти шарики-огонечки — тебе цены бы не было.

— Как могу, господин гном, — криво усмехнулся молодой маг.

Было видно, что волшебство, разнесшее ровный строй наступавшей на Точеные Луки пехоты, далось ему нелегко. Да и Медку тоже досталось. Последствия шаманства орков все еще давали о себе знать, и сейчас Дикий

чувствовал себя очень уставшим, словно махал огроломом по меньшей мере целую неделю.

— Сотник, ты вроде запыхался малость! А ведь едва за полдень перевалило, — окликнул Медка гном. — Жив?

— Жив. На, поддержи Непобедимого.

— На кой мне нужна твоя сумасшедшая крыса? Думаешь я не видел, как она тому варвару в рожу вцепилась?

— Поддержи, говорю! Мне надо к тысячнику смотаться!

Гном, ворча, усадил линга себе на плечо.

— Надеюсь, она не отгрызет мне бороду. Побыстрей давай!

— Ротт! Пока меня нет, за главного.

— Понял, — невозмутимо ответил командир арбалетчиков.

Тысячника Медок нашел в центре деревни, где располагался временный госпиталь. Кто-то располосовал ему лицо, и теперь за командира взялись лекари. Медку пришлось ждать, когда они закончат работу.

— Ты кого мне принес? Кого принес?! — между тем орал парень, носящий знак гильдии лекарей.

— Так у него же вся одежда была в крови! — пытался оправдаться человек с белой повязкой на рукаве — санитар.

— У него порез! Понимаешь ты, дурья башка! Обычный глубокий порез!

— Ну он же орал, словно его режут!

— Сколько раз я вашему брату говорил, что первым на операционный стол надо нести того, кто молчит! Раз орет и требует помощи — значит выживет! Ничего с ним не случится! А если лежит, молчит и бледен словно покойник значит дело худо! И если вы еще раз принесете сюда легкораненых, я не знаю, что с вами сделаю! Их всех на телеги и в основной госпиталь, за холм! Пускай там сортируют и думают, что с ними делать! Мне только тяжелых, с ранениями брюшной полости и с потерей конечностей. Это ты своим подчиненным в башку вбить можешь?

— Ты ко мне, сотник? — окликнул отвлекшегося Медка тысячник.

— Да, командир. Надо бы к берегу Кизевки две сотни мечников и хотя бы сто арбалетчиков перекинуть. Резервы еще есть?

— Резервы-то мы найдем. — Перевязанный тысячник внимательно посмотрел на Медка. — Вот только я не понял, зачем мне туда ребят перебрасывать?

— Не думаю я, что северные племена в третий раз попрут на стену.

— А куда же им деваться-то? Не по речке же плыть?!

— Именно по речке.

— Понимаю, если бы это лето было, так сейчас почти уже зима. Глянь, холодина какая! Кто же в воду полезет, когда она, того и гляди, льдом затянется?

— Им не привыкать плавать в ледяной воде. В Безлюдных землях как-никак живут.

— Ну ты тоже выдумал!

— Просто не хотелось бы, чтобы сотня этих ребят внезапно оказалась у нас в тылу.

Тысячник внимательно посмотрел на Медка, а затем кивнул:

— Хорошо. Я распоряжусь. Ступай к своим, с минуты на минуту ожидается новый штурм. Кстати, слышал, что Орден всех огров уложил?

* * *

Бой казался бесконечным. Секира в руках принца потяжелела, но он безостановочно, словно волшебный механизм карликов, продолжал рубить и рубить. Уже давно не было никакой ровной линии, по всему фронту кипели отдельные стычки. Четырежды врага удавалось отбросить, и четырежды он возвращался с явным желанием на этот раз уж точно раздавить проклятую пехоту. Цвет северного дворянства Валиостра, те, кто раньше был в тяжелой кавалерии, послужили песчинками, вокруг которых строились жемчужины отрядов. Практически все лучники вступили в рукопашную (хотя ребята и старались не связываться с тяжелыми пехотинцами), и лишь небольшая группка самых опытных Играющих с ветром, коих было не больше шести сотен, отошла в сторону от кипящей битвы и вела выборочный огонь по противнику.

Сталкона берегли и защищали, прикрывали ему спину и не давали противнику выстрелить в королевского сына. Но все равно, несмотря на все ухищрения, наследник короны дважды оказывался на земле. В первый раз его сбил с ног удар боевой кувалды, угодившей в щит. На счастье, один из двоих приставленных к нему для охраны "бобров" выжил в рубке и, широко отмахиваясь от наседающих противников цвайгхандером, не давал им приблизиться до тех пор, пока Весенний Жасмин не встал на ноги. Второй раз в шлем угодил арбалетный болт. К счастью, удар пришелся по касательной, и болт отскочил, не причинив принцу никакого вреда. Но все равно оглушенный Сталкон рухнул на колени и на миг потерял всякую ориентацию. Этим воспользовался кто-то из варваров и если бы не Пепел

— командир уцелевших Диких Сердец, не пережить Весеннему Жасмину эту битву.

Пушки и мортира молчали. Сейчас стрелять было бесполезно — больше своих поляжет. Оставалось только стиснуть зубы и рубиться. Сталкон принял на порядком изрубленный щит очередной удар варвара, ударил снизу вверх, затем еще раз, теперь уже в обратном направлении, пихнул бородатого дикаря, щитом в лицо и раскроил секирой шкуру и плоть. Пора было заканчивать этот бой, и как можно быстрее. Словно услышав эти слова, король прислал в поддержку пехоте правый кавалерийский резерв центра, ударивший противника во фланг.

* * *

Нуад держался, положение в центре выправлялось, нежданное появление кавалерии расстроило ряды Неназываемого. Лунные жеребцы появились как нельзя вовремя. У Точеных Луков пока затишье, отброшенные варвары, северные племена и часть легкой пехоты "раков" отошли для перегруппировки. А вот у левой армии дела обстоят не так уж и хорошо. Левая баталия занята разгромом противника, центральная только что врезалась в отряд пехоты второй линии, правая еще как-то держится, но противник им попался упорный, и вот-вот ровные шеренги баталии дрогнут.

— Вартек! Скачи к двум сотням "бобров"! Скажи, чтобы зашли в тыл пехтуре, насевшей на правую баталию! Исполни! — решил Изми.

— Командир! Похоже, эльфам придется туго!

— Вижу! Исполни, что я сказал! Горнист! Труби атаку!

* * *

Багровые шары, внезапно появившиеся в рядах правой баталии, методично принялись уничтожать солдат, и люди дрогнули.

* * *

— Правая баталия отступает, ваше величество!

— Вижу. Скачи к резерву, пусть закроют дыру. Интересно было бы

знать: как маги умудрились подпустить шамана так близко?

* * *

Прежде чем Джиг успел что-либо понять, первые две шеренги погибли. А ведь вначале все было так хорошо! Баталия успешно протаранила отряд пехоты второй линии, Джиг, следуя приказу, вновь оказался в третьей шеренге, и пошла знатная рубка. Тех, кто умудрялся добраться до пикинеров, ждали тяжелые алебарды. Затем внезапно из-под доспехов передних шеренг повалил темно-лиловый дым, и доспехи упали на землю, а их хозяева самым немыслимым образом исчезли в разреженном воздухе. Одним из первых погиб пикинер Банс. Затем настал черед шеренги Джига. Оружие и доспехи соседних воинов звякали и падали на землю. Через секунду Джиг остался единственным выжившим из всей линии. Баталия все еще перла вперед, не успев понять, что произошло с первыми рядами. Прямо перед собой Джиг увидел трех людей, облаченных в черные плащи. Ни доспехов, ни оружия. Один человек вскинул руки, и в грудь Джига ударила серебряная стрела. Ударила и тут же исчезла, не причинив стражнику никакого вреда.

— Шаманы! — Испуганный крик из задней шеренги перекрыл даже грохот сражения.

— А-а-а-а! — с выпученными глазами заорал Джиг, понимая, что это конец.

Он занес алебарду и что было сил ударил оказавшегося поблизости колдуна. На миг перед Джигом промелькнуло бледное и донельзя удивленное лицо шамана, а затем в физиономию Джига ударила струя крови. Колдун с раскроенной головой упал под ноги обезумевшему воину.

— Их можно убить!!! — гаркнул Джиг. — Колдунов можно убить!!! Бей их, ребята!!!

С этим воплем стражник замахнулся алебардой, и враз опьяневшие от собственной храбрости люди, ломая строй, бросились вперед, чтобы первыми добраться до ненавистных шаманов. Джиг подцепил крюком алебарды ногу уже начавшего творить заклинание колдуна, потянул к себе, опрокинул, проткнул живот. Соседи добили уцелевшего и с ревом кинулись на дрогнувшую пехоту, увидевшую жестокую расправу над казалось бы такими могучими волшебниками.

* * *

— Заклинания прекратились, ваше величество! Должно быть, колдунов убили!

— Какая теперь разница? — горько спросил король.

Правой баталии больше не существовало. Враг бил побежавших в спину, и спустя несколько минут от баталии осталось не больше трехсот человек. К счастью, вовремя подоспел двухтысячный резерв и те двести "Бобровых шапок", что он отдал в распоряжение юного Маркауза. Из парня выйдет толк. Отец им будет гордиться. Оставалось лишь надеяться, что гвардейцы смогут спасти эльфов. Хотя нет, вряд ли. Не успеют.

* * *

Эпилорсса из дома Черной луны выругался и потянулся к колчану за новой стрелой. Люди слишком увлеклись сражением и совершенно упустили из виду второй отряд второй линии. Около двух тысяч человек разворачивались у Винного ручья с явным намерением перебить кучку эльфов у Лузского леса.

— Дулле! Дулле!

Помощи им ждать неоткуда. Соседи добивали уцелевших врагов, центральная баталия, несмотря на шаманов Неназываемого (а Эпилорсса почувствовал магию), продолжает рубку, правая из-за колдовства и паники почти полностью уничтожена. Эльфы могли бы скрыться в лесу, но до него не так уж и близко, а показывать врагу спины, когда еще можно драться, не для них. И они дрались, посылая во врага стрелу за стрелой. Противник перешел на бег, подбадривая себя криками. Многие, получив стрелу в лицо или в сочленение между доспехами, падали, но эльфов было слишком мало, а участок, разделявший их и врагов, был и того меньше. Всех перебить они все равно не успеют.

Эльфы стояли в четыре линии. Первая стреляла с колена, в десяти шагах за ними располагались эльфы, стреляющие из "положения стоя". Еще через десять шагов вновь эльфы стреляли с колена, но стрелки были сдвинуты на два корпуса вправо, чтобы нечаянно не угодить в спины стоящим впереди товарищам. За этой линией располагалась еще одна, последняя. Здесь эльфы опять же стояли.

Эпилорсса отдал новый приказ, и первая линия вскочила, бросилась

назад, встала за четвертой и вновь открыла огонь. Настал черед отступать второй шеренге. Затем третьей. Затем четвертой. Затем вновь за спины товарищей отошла первая. Эльфы отступали, постоянно огрызаясь стрелами. Едва ли не каждый выстрел находил цель, но до линии щитов было уже рукой подать.

Защелкали арбалеты. Эльфы, находящиеся в первой и во второй линиях, падали, сраженные болтами. Что-то ударило Эпилорссе в грудь, и он упал. Эльф никак не мог понять, почему ему так больно, почему он не сражается и отчего лицо так сильно обжигает снег. Красный снег.

* * *

— По отступающим кур-рвам! Свободный о-гонь!

Лучники, вновь вставшие за спинами отбившейся от врага пехоты центра, принялись осыпать отступающих врагов стрелами.

* * *

— Картечью, пли! — рявкнул Перец и сунул в уши пальцы.

Пушка грохнула, стену в Точеных Луках вновь заволокло сизым дымом, а спустя несколько секунд в поддержку трех орудий мортира, стоявшая на холме, прислала большой огненный подарок.

* * *

От левой баталии, практически полностью расправившейся со своим врагом, внезапно отделился клин, состоявший из тысячи Веселых висельников. Люди в черных одеждах, оглашая Поле Фей слитным ревом, ударили в правый фланг отряда Неназываемого, готовившегося раздавить уцелевших эльфов.

* * *

— Вон они! Вон они! Ух мать! — Один из мечников указал в сторону Кизевки. — Да сколько их там!

— Стреляйте! — отдал приказ командир, и арбалетные болты взволновали речную воду.

* * *

— Дуга один палец! Слитно! Разом! Пли!
— Бух! Бух! — ответили пушки.

* * *

Клин морской пехоты с разгону влетел в неприкрытый бок отряда противника и, не встречая никакого сопротивления, принялся пробиваться к центру, сея на своем пути ужас и смерть. На помощь Веселым висельникам уже спешила их баталия, а в тыл врага заходила центральная, уже полностью расправившаяся с первым отрядом второй линии. Враг, начисто забыв об эльфах, принялся защищаться.

* * *

— Эй, Медок! — Ухмылка на физиономии Ротта выглядела самым глупейшим образом. — А ты был прав! Эти парни действительно решили искупаться!

— Ты стреляй давай! — буркнул Медок. — Перец! Ты чего делаешь?!

— Подсоби! — пропыхтел гном, держа в руках тяжеленное ядро. — Когда еще ребята мне пушку перезарядят?! Как далеко кинешь?

— Ты что задумал? — Медок взял ядро из рук гнома.

— Ты здоров как бык, сотник. Через ров перебросишь?

— Если раскручу.

— Бросай, — сказал гном и поджег фитиль ядра.

* * *

Если бы не Висельники, не видать бы эльфам своей Заграбы. Изми Маркауз осадил коня перед шеренгой темных и проорал:

— На лошадей! Позади всадников, ребята! Быстро!

Эльфы не стали мешкать и запрыгивали на коней позади гвардейцев. Некоторые при этом продолжали стрелять. Очнулись вражеские арбалетчики. Несколько гвардейцев упали, но большинство уже скакали прочь, увозя эльфов на безопасное расстояние. Изми уходил последним. Сейчас следует сгрузить эльфов и догнать тех, кто наседали на правую баталию. Отступающие еще не успели пересечь Винный ручей, и лейтенант гвардии надеялся добить оставшихся. Вартек скакал, прижавшись к лошадиной шее. В спине у него Изми заметил арбалетный болт. Доспех все же подвел.

— Жив?!

Маркиз едва заметно кивнул головой. Изми Маркауз схватил его лошадь под уздцы. Следовало как можно скорее доставить раненого к лекарям.

* * *

Точеные Луки, несмотря на массовые непрекращающиеся атаки, держались превосходно. Все же хорошо, что король не поскупился и заплатил гномам. Без пушек воевать было бы гораздо сложнее. Левая армия полностью восстановила фронт и вновь заняла свои позиции. Правда, теперь у нее нет резерва, а центральная баталия порядком поистрепалась в битве.

— Какой сюрприз нам приготовит Неназываемый, мой принц? — спросил Пепел, убирая красивый клинок из черной стали в ножны.

— Что ты скажешь о них, Дикий?

Пепел, сощутив глаза, посмотрел в сторону Регского леса. По полю, закинув дубины на плечи, вышагивало три десятка огромных фигур.

— Так я и думал, — хмыкнул командир Диких Сердец. — Если нет огров, в дело пойдут великаны.

— Приготовиться! — отдал приказ принц. — Лучники! В первые ряды!

* * *

ЭТО услышали все, кто был в этот день на Поле Фей. Казалось, что в морозном воздухе лопнула струна. Тихий певучий звук разнесся над полем, а спустя несколько секунд на Нуад рухнул багровый огонь.

* * *

— М-мать! — Перец схватился за подзорную трубу. — У них там порох взорвался?!

— Боюсь, что нет. — Медок, все еще не веря в произошедшее, покачал головой.

Весь Нуад был охвачен огнем.

— Это Неназываемый! Это Неназываемый! — Белый как снег Родерик расширенными глазами смотрел на воинов.

— Что ты мелешь?! — не выдержал Ротт.

— Это сам Неназываемый ударил! Орден не справился!

* * *

— Мой принц! Орден покидает холм!

— Да что там у них происходит?! — взорвался младший Сталкон.

* * *

— Видно что-нибудь?

— Нет. Вначале земля затряслась, а потом дым повалил, — ответил Джиг.

— Это я и сам вижу! — буркнул стоявший рядом сотник.

Из-за языка Регского леса, за которым находился Нуад, поднимался иссиня-черный столб дыма.

Неожиданно небо над правой, восстановленной с помощью резерва, баталией, замерцало. Все задрали голову, дивясь на такое чудо. Через минуту мерцание прекратилось, и на баталию упал гигантский сгусток огня, разом спаливший несколько тысяч человек.

Земля содрогнулась, и шеренги баталии Джига повалились одна на другую. Послышались испуганные крики.

— Спокойно! Всем встать! Встать, я сказал!!! — орал какой-то сотник.

Испуганные люди вставали. Все смотрели на то место, где раньше находилась правая баталия. Теперь там не было ничего, кроме черной воронки. Казалось, что сама земля горит.

— Что это?!

- Да чтоб меня козел отодрал!
- Тикать надо!
- Магия!
- Всем заткнуться!
- Да пребудут они в свете!

Джиг задрал голову вверх и увидел, как небо над ним начинает мерцать.

— Там! — гаркнул Джиг, вытягивая руку.

— Все назад! — крикнул пришедший в себя маг. — У нас есть время! Назад! Сотники, отдавайте приказ!

— Назад! Под барабанный бой! Бегом! Сохраняйте строй, обезьяны, если не хотите подавить друг друга! Вперед!

Центральная баталия бросилась прочь. Следом за ней пошла та, что стояла у Лузского леса. Люди бежали что было сил, но ни один не бросил оружия и не попытался толкнуть своего товарища в спину. Все понимали, что толпа — это верный путь в могилу.

Спустя минуту на то место, где стояла левая армия, упали две огненные капли.

* * *

- Левая армия бежит, ваше высочество!
- Сам вижу, ... тьма!

Принц увидел, как два огненных шара рухнули туда, где должна была находиться отступающая армия. Грохот за спиной едва не оглушил его. Он обернулся и, не веря своим глазам, уставился на то место, что совсем недавно было вершиной холма. Теперь там появилась ровная дымящаяся площадка. Ни пушек, ни мортиры, ни королевского шатра.

— Король убит! — разнеслось по рядам воинов.

— Проклятие! — сквозь зубы выругался младший Сталкон и, взяв себя в руки, заорал: — Пепел! Останови их! Если они побегут, все пропало! Надо отступать через Точеные Луки! — Даже дурак понимал, что сражение на Поле Фей проиграно.

— Сделаю все, что в моих силах, мой король!

* * *

Горнисты в Точеных Луках надрывались и безостановочно трубили отступление. Армия в спешке, но пока без всякой паники отступала за холм, к Авендуму. Все видели, как удар накрыл вершину холма. Все знали, что там был король. Все понимали, что после такого выжить никто не мог.

Медок видел, как два багровых огня рухнули на позиции левой армии, но выжил ли кто-нибудь из воинов, ему было неизвестно. Слишком далеко, да и холм мешает.

— Люди построены, командир! — сказал Ротт.

— Бросайте "грады", ребята. Иначе не успеем уйти, если по нам жахнут.

— Не жахнут. — Родерик перестал паниковать и пришел в себя.

— А ты откуда знаешь?

— Если бы Неназываемый мог, то уже давно бы ударил. Даже он не всесилен.

— В любом случае надо отходить. Скоро враг опять начнет штурм. Перец идем!

— А пушка?! Пушка как же?!

— Идем! Нет времени ее тащить! Я тебе новую потом куплю!

— Как же! — буркнул гном и принялся высыпать порох из бочонка. — Купит он! В любом случае врагу моя драгоценная не достанется! Взорву!

Медок думал уже о том, как армия выстоит у Авендума. Пока они проиграли сражение, но не войну.

Глава 20

Игрок

Мой смех разбудил всех, а я все никак не мог остановиться. Столько сил потрачено, столько жизней загублено, и все оказалось напрасно! Мы не успели.

Похоже, больше всех за меня перепугалась Кли-кли. Думаю, вы бы тоже испугались, если бы какой-нибудь идиот вдруг ни с того ни с сего стал хохотать среди ночи. "Лекарство" от смеха нашлось у Угря. Он попросту отвесил мне пару крепких затрещин, и смех как рукой сняло.

— Я в порядке, — задыхаясь, сказал я гарракцу. — Хватит меня лупить. Простите, ребята, но это действительно было очень смешно.

— Что произошло, Танцующий? Ты здоров? — озабоченно спросила Кли-кли.

— Все в порядке, малышка. — Я и сам не заметил, как обратился к гоблинше. К счастью, окружающим было не до Гарретовых оговорок, так что никто не обратил на это внимания, включая Кли-кли. — Просто еще один плохой сон.

— Что-то я не припомню, чтобы после плохих снов ты хохотал, — буркнул Халлас. — Чаше орал. Выкладывай, что на этот раз тебе приснилось.

Пришлось рассказать им о той битве. Естественно, не все, а только то, что мы проиграли.

— Если король погиб, то дело плохо. Это армию не воодушевит, задумчиво сказал Мумр, разом поверивший в мой сон.

Это не только не воодушевит армию, это аннулирует мой Заказ. Заказчик мертв, а значит, сделка расторгнута. Так что я могу не везти в Авендум, под стенами которого вот-вот вспыхнет бойня, Рог Радуги. Также можно навсегда забыть о помиловании и тех пятидесяти тысячах золотом, что были мне обещаны королем.

— Если битва случилась прошлым днем, то у нас еще есть немного времени. До Авендума осталось не так уж много. Мы можем попытаться успеть.

— Мы успеем, Халлас! Клянусь своим домом, что успеем! Угорь, Мумр! Седлайте лошадей! Халлас, расплатись с трактирщиком!

Дикие бросились исполнять поручения.

— Слушай, Гаррет. Ты не мог бы мне дать Рог Радуги на минуточку?

— Зачем он тебе понадобился, Кли-кли? — спросил я, но все же достал из сумки Рог и протянул ей.

Она взяла Рог в руки, повертела, понюхала, побормотала над ним какую-то чушь, достала из кармашка какой-то порошок, насыпала.

— Эграсса? Видишь?

— Я не силен в шаманстве, Кли-кли. Нет, я ничего не вижу.

— Я тоже ничего не увидел, — вздохнула она. — Держи, Гаррет. Теперь мне стал понятен твой сон.

— И?

— Ты говорил, что как будто лопнула струна. Это Рог Радуги потерял Силу.

— Ты хочешь сказать, что...

— Именно это я и сказал. Сейчас это всего лишь рог. Пустышка. Во всяком случае, пока им не займется Орден. Рог потерял Силу, и равновесие пошатнулось. Неназываемый теперь способен пользоваться магией на нашей территории.

— Значит, мы должны поспешить! Собирайтесь, мы выезжаем! — сухо бросил эльф.

— Вальдер! — позвал я. — Вальдер! Это правда?

— Да, — спустя минуту соизволил сказать мне мертвый архимаг. — Рог Радуги потерял свою силу.

— Но это значит, что Падшие вырвались из Костяных дворцов!

— Не так все просто, дружище. Да, Рог потерял силу, и Падшие способны подняться до самых верхних ярусов Храд Спайна, но не выйти. Рог — это Ключ. Пока Ключ не повернется и не разрушит весы равновесия, Падшие не вырвутся на Сялу. А повернуть Ключ способен только Хозяин. Или другой Хозяин, или... Игрок.

— Ты знаешь имя Игрока?

...Нет ответа.

— Гаррет, о чем задумался?

— Ни о чем, Кли-кли. Идем, лошади, наверное, уже готовы.

* * *

Все следующие дни запомнились мне бешеной скачкой и холодом, постоянно пытающимся пробраться мне под одежду. За время пути до Авендума мы загнали по три пары лошадей. Приходилось покупать новых. Из-за разразившейся катастрофы цены на все товары, в том числе и на

лошадей, взлетели до небес, но Эграсса не скупясь платил золотом.

Новости были одна другой хуже. К сожалению, мой сон не врал — армия на Поле Фей проиграла сражение. Однако нельзя было сказать, что армия разбита — большинству солдат, выживших после атаки Неназываемого, удалось беспрепятственно отступить к Авендуму. Король, да пребудет он в свете, погиб. Вместе с ним погиб почти весь военный штаб и по крайней мере двое архимагов. Теперь в стране новый король — младший сын Сталкона Девятого Сталкон Весенний Жасмин. Орден делал все возможное и невозможное, чтобы остановить Неназываемого, но, как видно, у наших магов ничего не получалось.

Часть населения спешно покинула столицу и окрестности. Бежали все кто мог и кто не собирался защищать стены столицы. Лично я таких людей не винил, по мне, так это сущее безумие — воевать сталью против магии. Если бы не Рог Радуги, я бы, наверное, тоже уже находился на полпути к Исилии или Низине. Что меня удерживало от разумного бегства — я не знал.

* * *

— Щас опять жахнут! Слушай, Эграсса! Я все понимаю, но это! Да это все равно, что муравью перебежать через полянку, по которой носится вся королевская кавалерия! Они даже не заметят, как нас затопчут!

— Заткнись, Халлас! Мы думаем! — крайне невежливо попросил Угорь.

К Авендуму мы прибыли поздним утром, как раз к началу битвы. Войска Неназываемого собирались штурмовать стены. Пока что там шел поединок магов и шаманов. То и дело воздух разрывался от свиста камней, треска молний, рева пламени и воплей каких-то волшебных тварей. Ко всему этому прибавилась отдаленная канонада орудий, установленных на городских стенах. Неназываемый в игре мускулами вроде пока не участвовал. То ли еще не дополз до Авендума, то ли решил посмотреть, на что способна его армия.

Мы вполне разумно забрались в небольшую рощицу, находящуюся между Авендумом и дорогой на юг. Вид отсюда открывался замечательный. Однако и дураку было ясно, что просто так, за здорово живешь до таких близких и таких несравнимо далеких стен города нам не добраться. Кругом ребята Неназываемого, и нас враз заметят.

Вдоль городских стен выстроилась наша армия. Не так уж и мало

народищу, но по сравнению с силами Неназываемого — капля в море. Пригород уничтожили полностью. От него осталось лишь темное пятно на снежном поле. Прямо перед рощицей, как назло, торчало несколько сотен варваров, и нам приходилось ждать, когда они попрут на стены, иначе из рощи не выберешься.

— Вряд ли мы проберемся в город через ворота, Эграсса, — рассуждал Угорь. — Да и наши нас же и подстрелят по ошибке.

— Вряд ли мы вообще доберемся до этих ворот, — раздраженно бросил гном. — Терпеть не могу магов! Вот! Опять! Чтоб их подбросило!

Тысячи ледяных сосулек накрыли мешающий нам отряд варваров. Люди за несколько секунд превращались в кровавое месиво. Тут же под городскими стенами расцвел огненный цветок. Шаманы врага решили не оставаться в долгу. Противники планомерно уничтожали пехоту друг друга. Если так будет продолжаться и дальше, то вскоре здесь никого, кроме магов, и не останется. Кажется, такого же мнения придерживались и командующие обеими армиями. Загудели рога, зарокотали барабаны, и темные массы, вздрогнув, двинулись навстречу друг другу.

— Пора!

— Да погоди ты, Мумр! — Халлас продолжал лежать в снегу и разглядывать поле сражения. — Пусть немного повоюют, чтобы на нас внимания не обратили!

— Гаррет, ты в этом городе жил, — обратился ко мне Эграсса. — Можно попасть в Авендум не через городские ворота?

— Можно, — подумав, ответил я ему. — Но нам это не подойдет.

— Почему?

— Вряд ли нам позволят забраться на стену по веревке. К тому же веревки такой длины у нас нет.

— Это единственный способ?

— Ну... Можно попробовать через городскую канализацию, но там...

Пришлось прерваться, так как огненный метеорит шарахнул в соседнюю рощицу и сжег отряд кавалерии противника.

— Но там все перекрыто решетками. Да и, опять же, придется пробираться к стенам. Хотя есть одна идея... Городские стены врезаются в Холодное море. Думаю, рыбаки, живущие возле города, давно подались в бега или ушли в город. Если постараться, можно найти лодку.

— Ничего у вас не выйдет! В Бастионе, что охраняет вход в городскую гавань, гномы с пушками. Они любую лодку враз на щепки пустят. А нас на рыбий корм!

— Не пустят, Халлас! — успокоила гнома Кли-кли. — Мы тебя в лодке

поставим, чтоб в Бастионе видели и не стреляли.

— Чтобы я?! В лодку?! Да ни за что! Не полезу!

— Еще как полезешь! Хочешь, чтобы Неназываемый ушел восвояси, полезешь! И орать на своем языке, чтобы гномы слышали, будешь. А то действительно пальнут из пушки. — Эграсса не обращал на нытье гнома никакого внимания. — Возьми мотыгу и разбей вот это.

Эльф протянул гному какой-то кристалл.

— Что это? — заинтересовалась Кли-кли.

— Мне еще в Заграбе Маркауз передал. А ему Арцивус. Сказал, как будем близко, разбить — и Орден узнает.

— Действительно, куда уж ближе? — проворчал Халлас, замахиваясь мотыгой.

Кристалл гному удалось разбить только со второй попытки. Камень лопнул, словно простая стекляшка и... И ничего не случилось.

— И что теперь? — тупо произнес я.

— Откуда я знаю? — Эграсса уже был в седле. — Мне было велено разбить его, когда придет время. Мы это сделали, теперь ход за Орденом. Далеко отсюда до Холодного моря, Гаррет?

— Прилично. Надо пересечь поле, вон тот лесок, а потом еще полторы тысячи метров до берега.

— Прорвемся! Всем держаться вместе и не отставать! Если кто потеряет лошадь или просто упадет, орите.

Тут эльф прав, вокруг гремела битва, и того, кто находился сзади, попросту могли не услышать.

Мы вылетели из рощи и направились в сторону темнеющего леса. Спаси нас Сагот! Как же до него далеко! Пространство перед нами было пустым, но это ненадолго. Я вбивал каблуки в лошадиные бока и думал только о том, чтобы не упасть. Влетели на горку, съехали, оказались в пустом (относительно) военном лагере Неназываемого. Похоже, "раки" очень удивились нашему появлению. Дорогу нам заступил только один, но Угорь смял храбреца лошадью, и мы точно вихрь вылетели прямо в тыл вражеским пикинерам. Нас не заметили, ребята были слишком заняты тем, что уворачивались от сыплющихся на них с неба изумрудных искр. Падая на землю, искры превращались в здоровенных змеюк, плюющихся зелеными шарами. Пришлось забираться влево, мы подъехали чуть ли не к городским стенам, и лошадь Халласа тут же схлопотала стрелу в круп от какого-то нетерпеливого лучника. Мумр на полном скаку (и как только ему удалось?!) стащил гнома с обезумевшего от боли животного и бросил его поперек своей кобылы.

— Свои же стреляют! Давай в поле! — крикнул эльфу Угорь.

Баталия справа от нас врубилась в разрозненные ряды варваров и северных племен. Вновь пришлось осаживать коней и нестись в противоположном направлении. До леска мы все же добрались, но вот облегчения нам это не принесло. Нас тут же окружили всадники. Поначалу я испугался, что это парни Неназываемого, но потом удосужился обратить внимание на то, что ребята были одеты в серо-синюю форму королевских гвардейцев.

— Кто такие?! — рявкнул один из всадников. Другие воины благоразумно держали руки на копьях.

— Свои мы! — пропыхтел Халлас и сполз с кобылы Мумра.

Естественно, нам не поверили. К счастью, и убивать не спешили, присутствие эльфа и гнома, незнамо как оказавшихся среди кучки то ли дезертиров, то ли бродяг, то ли шпионов Неназываемого, заставляло не делать поспешных выводов. Эграсса без всякой суеты вновь предъявил изрядно помятую за время путешествия бумагу с королевской печатью. Это возымело хоть какое-то действие.

— Что вы здесь делаете?! — спросил гвардеец.

— Нам надо пробраться в город, милорд. Вы сможете помочь?

— Сомневаюсь. Ворота могут быть открыты только на северной стене. Все остальные завалены. Да и пробраться через всю битву на другую сторону города слишком сложно.

— Смотрите! — ахнул кто-то.

Посмотреть было на что. Над кипящей битвой и сражающимися людьми к городу медленно летело два огромных багровых шара. Эти шары были гораздо больше того, что швырнула Лафреса в наш паром, когда мы пересекали Иселину. Первый шар коснулся стены, и громынуло так, что я едва устоял на ногах. Огонь, дым, камни и люди взлетели к небесам, а в стене остался пролом шириной метров, наверное, сто пятьдесят. Возле второго шара вспыхнул голубой сгусток света. Он что есть сил шарахнул по творению Неназываемого. Багровый шар полетел в обратном направлении и взорвался, врезавшись в толпу великанов.

— Могут магии, когда захотят! — довольно потирая руки, хохотнул гном.

— Горнист! Пора! Труби атаку! — крикнул командир гвардейцев. — Не знаю, кто вы такие, господа, но желаю вам удачи!

— Один вопрос, милорд! У берега есть лодки?!

— Не знаю, эльф!

Сотня всадников вырвалась из леса и под звуки горна понеслась в бой.

Лесок, даже не лесок, а просто большая роща, оказался тихим. Больше никаких "секретов" мы не встретили. А вот выйдя из леса и почти оказавшись у моря (я уже чувствовал соленый запах), мы самым что ни на есть подлым образом напоролись на двух великанов. Тьма знает, что эти синешкурые громилы делали так далеко от битвы, но, увидев нас, они подхватили дубины и бодрой трусцой направились в нашу сторону.

— Назад! — гаркнул Угорь. — Мы с ними не справимся! В лес! В лес!

Клянусь Саготом, но несущиеся на нас парни высотой были в добрых восемь метров. Синяя лохматая шкура не прибавляла этим чудесам природы никакого очарования. А уж если бросить взгляд на дубины, что сжимали в лапах чудовища, то и вовсе все желание познакомиться и мило провести время с этими созданиями исчезало напрочь. Так что не мешкая отряд развернул лошадей и бросился обратно в лес. Уже находясь у деревьев, я обернулся и увидел, что Кли-кли и не думала бежать. Кобыла гоблинши в панике уносилась прочь, а Кли-кли стояла на коленях и рисовала на снегу, едва ли не под ногами у великанов, какую-то картинку. А, поberi меня демон! Нашла время заниматься рисованием!

Я выругался и отчаянно заработал уздечкой. Эту зеленую дуру следует спасать! Я направил лошадь прямо к гоблинше, не обращая внимания на предостерегающие вопли, раздающиеся за моей спиной. Я понял, что не успею. Великаны уже были рядом с Кли-кли, и один из них заносил над ней огромную дубину. Сейчас, рядом с великанами, Кли-кли казалась особенно маленькой. Я заорал, чтобы она сматывалась. Кли-кли закончила рисовать на снегу и ткнула пальцем в великанов. В воздухе возникло нечто похожее на дымчатый молот. И он ударил в грудь великанов. Синешкурых ребят отбросило на сто с лишним метров, словно они ничего не весили. Похоже, штука, сотворенная гоблиншей, выбила из чудовищ дух.

— Ты последних мозгов лишилась?! — заорал я на Кли-кли, осаживая лошадь.

Она улыбнулась мне самой из наиглупейших своих улыбок.

— Это тебе, братец, не сыроежку слопать! Это Пылевой молот, а не какое-нибудь фигли-мигли! — дрожащим голосом произнесла она и хлопнулась в обморок.

Я, проклиная всех богов, слез с лошади.

— Что с ним? — Эграсса и компания уже подоспели.

— Он в порядке! Наверное, это из-за заклинания.

Халлас спрыгнул с коняги Фонарщика и принялся деловито натирать физиономию гоблинши снегом. Та сразу же пришла в себя.

— Ты в состоянии сидеть в седле? — спросил у нее Угорь.

— Если только ты поделишься лошастью. Эти великаны перепугали мою клячу — теперь ее не поймашь.

За лесом грохнуло. Опять маги.

— До моря недалеко. Если мы все еще хотим попасть в город, то следует поторопиться.

До моря действительно было недалеко. Рыбацкая деревушка, как и Пригород, оказалась сожженной на тот случай, если враг решит воспользоваться строительным материалом для постройки осадных машин. Зато на берегу лежал вполне приличный рыбацкий баркас. Увидев море и волны, Халлас сразу как-то поскуцнел и заявил, что баркас, называемый умными людьми не иначе как корытом, потонет сразу же, как окажется в море.

Берег оказался слишком крутым, и лошадей пришлось оставить. Ну не искать же обходную дорогу? Так можно и на десяток великанов нарваться!

До баркаса мы не дошли каких-то жалких десять метров. Дорогу нам преградили трое. Один был орком, двое других оказались людьми. У всех оружие, у всех серые плащи и дымчатые кристаллы на серебряных цепочках. Серые сподобились появиться в самое неподходящее время.

Зашуршали извлекаемые из ножен "брат" и "сестра". Эграсса сделал гарракцу предупреждающий жест рукой и покачал головой. Против троих Серых нам не выстоять при всем нашем желании. Мы смотрели на них, а они на нас. Рядом рокотало свинцовое зимнее море.

— Отдайте Рог, — сказал один из людей. — Он не принадлежит вам.

— И вам. Он не принадлежит никому, — ответила Кли-кли. — Но сейчас он нужен нам.

— Если Рог останется у вас, равновесие может быть нарушено.

— О каком равновесии идет речь?! — вспыхнул всегда спокойный Угорь. — Вы видели, что творится у города?!

— Мы в последний раз просим отдать Рог.

— А если не отдадим? То что тогда, орк?! — Эграсса нехорошо усмехнулся и сжал красту.

— Также советую вам вернуть нам кристалл и оружие нашего брата, — все так же невозмутимо продолжил Серый.

Вот тут-то это и случилось. Оглушительно бабахнуло, и прямо из разреженного воздуха появилось четверо с посохами архимагов Совета. Один из Серых погиб сразу. Двое других ловко отскочили в сторону. Орк прыгнул к ближайшему магу, а оставшийся в живых человек обнажил парные сабли. Прежде чем умереть, орк захватил с собой одного из магов.

Два волшебника взяли уцелевшего Серого в оборот. Тот бросился на

ближайшего архимага, взмахнул саблей. Маг едва успел подставить под удар посох. Посох и сабля встретились, на мгновение полыхнуло, и Серый отлетел назад, к самой кромке моря. Эграсса выстрелил из лука и попал встающему с морской гальки человеку в спину. Тот развернулся в сторону новой опасности, и тут же архимаги набросили на Серого волшебную сеть, горящую изумрудным огнем. Как оказалось, заклятие не только спеленало человека, но и разрезало его на десятки кусков. Я отвернулся.

— Нам повезло, что это были солдаты, а не маги, — пробормотала Кли-кли. — Знай Серые волшебство, орденам пришлось бы хуже.

Один из архимагов, достаточно молодой и чем-то внешне похожий на Вальдера, отбросив посох в сторону, подбежал к нам:

— Вы достали Рог?!

— Да, ваше магичество, — поклонился Эграсса.

— Сейчас не до этикета, темный! — отрывисто бросил маг. — Мы получили ваше сообщение, и весь Совет уже собран! Где артефакт?!

Я полез в сумку. Черeda взрывов донеслась до нас со стороны города.

— Еще час, и нечего будет спасать! Быстрее! — Архимаг выхватил Рог из моих рук. Бахнуло, и трое волшебников исчезли, даже не озаботившись прихватить с собой тело погибшего товарища. Нас, естественно, архимаги с собой не пригласили.

— И что нам делать теперь? — ядовито осведомился Халлас.

— Теперь? — Эграсса задумчиво посмотрел на море. — Теперь будем ждать.

Мы остались на холодном и продуваемом ветром морском берегу. Ждать.

* * *

Война с Неназываемым окончилась так же неожиданно, как и началась. Уцелевший Совет Ордена не подкачал и наполнил Рог Радуги силой по самую верхушку. Колдун сразу же потерял способность колдовать, а без колдовства армия Неназываемого оставалась лишь армией, а на нашей стороне был Орден. Великаны, почувствовав, что их владыка потерял силы, в страхе бежали. Огры, пришедшие в Валиостр, сдохли от заклятия магов гораздо раньше. Так что в основном нам противостояли люди — варвары, северные племена, остатки воинов Рачьего герцогства и куча другого отребья. Их все еще было гораздо больше, чем наших солдат, но даже несмотря на проломы в стене, обстрелы города из катапульт,

страшную атаку шаманов, не растерявших своих сил, Авендум держался. Битва длилась еще пять дней, то затихая, то вновь возобновляясь. На второй день молодой король оттянул все войска в город, решив не давать генерального сражения и не выходить в поле. Гномы сняли с бастиона все пушки и перенесли на стены. Началась оборона.

Бывали дни, когда тот или иной участок стены по шесть-семь раз переходил из рук в руки. Нас отбрасывали, мы вновь скидывали противника за стены, а он опять лез. И так продолжалось до бесконечности. Мы едва вновь все не потеряли, когда сторонники Неназываемого из числа городских жителей едва не прорвались к Рогу Радуги. Но Арцивус берег артефакт как зеницу ока, и предателей встретила сталь и магия. Те из сторонников Неназываемого, кто по глупости своей решил сдаться в плен, был четвертован или попросту повешен на городской стене в назидание агрессорам.

Несмотря на потери, мы выстояли. В один из дней раздался рев рогов, и подоспевшая Вторая южная армия, а также Первая западная и Третья ударная, усиленная ребятами из Мирануэха и добровольцами из Исилии, от всей души ударили в тыл ничего не подозревавшему противнику. Сталкон собрал все силы и вывел их за стены, вмазав агрессорам в лоб. И противник дрогнул и побежал. Армия погнала отступающего противника на север и гнала его до самого Одинокого Великана. Все сходились в одном — Неназываемый нескоро оправится от такого удара и решится напасть на королевство не ранее как через лет пятьсот-шестьсот.

Пока армия была занята войной на севере и добиванием тех, кто никак не хотел добиваться, столица потихоньку приходила в норму. Дел у всех было по горло, но каждый горожанин ходил радостный и довольный, словно он самолично засунул Рог Радуги в зад проклятому колдуну. Но победа победой, а жить как-то надо. Армию содержать тоже. Так что налоги поползли вверх. Удивительно, но теперь, отдавая кровную деньгу королевским сборщикам налогов, народ почти не роптал. Все как-то сразу уяснили, что лучше крепкая и сытая армия, чем Неназываемый на шее. Помню, как-то раз Фор сказал замечательную фразу: "Иногда королевству, чтобы встряхнуться и согнать с себя пыль, требуется война". Наверное, мой старый учитель, ныне пребывающий в далеком Гарраке, был прав. Война — это страшно, но после нее на многие вещи смотришь по-иному.

Например, на спекулянтов. Эти ребята, несмотря на то что городские склады отнюдь не были пустыми, а корабли и караваны из Исилии и Мирануэха доставляли продукты регулярно, решили взвинтить цены и

немножечко нажиться на своих же согражданах. Для расправы со спекулянтами не потребовалось ни указа короля, ни Королевских песочников, ни Бездушных егерей. Славные, добрые и милые жители Авендума отловили самых отъявленных барыг, забили им гвозди во все части тела, а затем подвесили на городской стене рядышком со сторонниками Неназываемого.

Как рассудили жители — между слугами Неназываемого и спекулянтами, искусственно создающими дефицит продуктов, нет никакой разницы. В принципе они были правы. Во всяком случае, король в это не вмешивался, хотя кое-кто поговаривал, что именно Сталкон (или его люди, не суть важно) прислал самодеятельным палачам гвозди. Расправа пошла на пользу всем, кроме прибитых спекулянтов. Больше никто не решался поднимать цены и воровать продукты.

Люди потихоньку возвращались в город, слушали на площадях глашатаев, повествующих о победах армии на севере и объединенных сил Валиостра, Пограничного королевства и темных эльфов на юге над орками, а затем отстраивали порушенные войной дома и налаживали жизнь. Постепенно все становилось по-прежнему.

Что до нашей маленькой компании, то тут все пошло кувырком. Как только маги разобрались с Неназываемым, меня взяли в оборот. Ко мне приставили Родерика, и тот ходил за мной точно хвост. А если серьезно, меня и всю нашу компанию на целый месяц запихали в королевский дворец. Что там делали с остальными — не знаю, но лично меня по три раза на дню допрашивал кто-нибудь из архимагов. В основном меня расспрашивали о Храд Спайне. Архимаги задавали вопросы, я рассказывал, Родерик записывал. И так до бесконечности. Дважды я имел счастье видеть Арцивуса.

Старик за время моего путешествия еще больше сдал. Похудел да и кашлять стал сильнее. Казалось, холод съедает его. Он постоянно кутался в теплое одеяло и дрожал. Родерик ежечасно приносил своему учителю лекарство. Мне было жаль магистра Ордена, и слепой видел, каких сил ему стоили все эти разговоры. Архимаг тоже задавал мне вопросы, но куда более щекотливые, и мне приходилось юлить и врать. Не хотелось рассказывать Ордену про Хозяина, мир Хаоса и тому подобное.

Казалось, я рассказал Ордену все, что мог, но маги все спрашивали и спрашивали. Пришлось рассказывать во второй раз, в третий раз и даже в четвертый. Из меня вытягивали все, самые мельчайшие детали, и конца-краю этому видно не было.

Своих друзей я практически не видел. Лишь Кли-кли, взявшаяся

опекать молодого короля (это она так мне говорила), иногда забежала ко мне и делилась новостями. Халлас, Угорь и Фонарщик были вместе с Дикими, оставшимися в живых после Одинокого Великана и Поля Фей. Медок и Непобедимый, слава Саготу, выжили в битве при Авендуме и теперь тоже были рядом со своими друзьями. Король пока не отпускал Диких и держал их подле себя. Что касается Эграссы, то он стал главой дома Черной розы, так как треш Эпилорсса погиб в битве на Поле Фей и лиственная корона перешла к двоюродному брату Миралиссы. Сейчас Эграсса был вместе с теми эльфами, что пришли сражаться за Валиостр, но, по словам Кли-кли, через пару недель темный отправится в Заграбу.

Наконец, когда я тьма знает по какому разу рассказал свою историю магам, они махнули на меня рукой и сказали, что я могу идти на все четыре стороны.

* * *

- Пи-и-раги! Пи-и-ираги!
- Какого хрена прешь?! Не видишь, что я иду?!
- Да кто ты такая?! Старая выдра!
- От выдры и слышу!
- Доблестная армия Валиостра!
- Слышали?! Вчера в Портовом городе грабанули карету, везущую кучу золота!
- Врешь небось? Чего карете с золотом делать в Портовом городе?
- Говорят, корабли из Исилии будут приходить в три раза чаще.
- Слава королю, если бы не он...
- Да здравствует король!
- А правда, что темные перебили всех орков и теперь пошли на карликов войной?!
- Ну и дурак ты, братец, раз такую ерунду рассказываешь!
- Пи-и-раги!

Ничего в нашем мире не меняется. Даже если с начала войны прошло всего лишь полтора месяца, народ уже занят своими повседневными делами. Например, сплетничает.

Середина января выдалась донельзя холодной и снежной, но горожан это несколько не смущало, и улицы были полны празднующегося народа. Отмечали очередную победу — армия отбросила последних врагов за Одинокого Великана.

На сегодняшний поздний вечер у меня была запланирована встреча со всей компанией в одном из трактиров Внутреннего города. Наконец-то появится возможность увидеться. Но это вечером, а сейчас мне абсолютно нечего делать. И чтобы хоть как-то убить время, я решил сходить кое-куда и проверить одну очень занимавшую меня в последнее время штуку.

Пока шел к улице Сонного Пса, думал о том, чем мне следует заняться в ближайшие недели. Ничего путного в голову не приходило. Поездочка в дальние края порядком выбила меня из колеи городских событий и дел, и теперь следовало наверстывать упущенное. Да и берлогу надо новую подыскивать.

Любопытство свое я удовлетворил. "Нож и Топор" вопреки всему стоял на прежнем месте. Несмотря на учиненный прошлым летом во время памятной драки за Коня Теней разгром, трактир был как новенький. Дыры, что проломили демоны в стенах, оказались мастерски заделанными, да и весь трактир выглядел так, словно Вухджааз и Щцуырук к нему ближе чем на сто метров никогда не подходили. Даже вывеска осталась прежней. Я толкнул дверь заведения и вошел.

Громилы, стоявшие на входе, были мне незнакомы, зато меня они, как видно, очень хорошо знали и пропустили без всяких вопросов, разве что воинский салют не отдали. В зале сделали ремонт, и теперь здесь было как всегда шумно и многолюдно. Воровская братия и мошенники разных мастей заняли все столы и лавки. Служанки сновали меж столов и разносили снедь и пиво. Меня конечно же заметили и конечно же не подали виду, что узнали, хотя на лицах многих знакомых и малознакомых я видел удивление и даже некоторый испуг. К чему бы это? Я кивнул двум-трем своим знакомцам и направился напрямик к стойке.

Старина Гозмо, как всегда, стоял на боевом посту. Когда старый плут меня увидел, его чуть удар не хватил. Вытянутая физиономия трактирщика стала тоскливой до невозможности. Бывший вор то бледнел, то багровел. Наконец он нашел в себе силы вымолвить:

— Гаррет?!

— Рад, что ты меня не забыл, Гозмо.

— Какого?! Откуда ты взялся?

— Не понял. — Похоже, мне тут были не очень рады.

— Ну, — смутился Гозмо. — Говорили, что ты навсегда покинул Авендум. Как и Фор.

— Кто говорит?

— Все говорят. Рад, что это не так.

Как же, верим.

— Вижу, твои дела идут как и прежде.

— Не твоими стараниями, — буркнул трактирщик. Кажется, он пришел в себя от удивления. — Ты, думаю, видел, что ребята Маркуна вкупе с доралиссцами и этими двумя чудовищами здесь устроили?! Знаешь, сколько денег мне пришлось убить, чтобы восстановить все как было?! Не боишься, что я выставлю тебе счет?!

— Не боюсь. — Я мило улыбнулся ему. Гозмо от этой улыбки прикусил язык.

— Согласись, что порушенный трактир куда лучше, чем загубленная репутация, Маркун на шее и прощание с жизнью?

— Гангрена ты, Гаррет.

— Стараюсь. Мой стол свободен?

— Угу.

— Пиво. Темное.

Я, усмехаясь, направился к столу. Гозмо, если честно, получил в ту ночь по заслугам. Хотя я и был рад узнать, что старый прохиндей и его заведение живы-здоровы.

Мне принесли заказанное пиво, так что в следующие несколько минут я ничего не делал и просто наслаждался. Тут неожиданно кто-то присел на свободный стул. Я оторвался от изучения кружки и взглянул на незваного гостя. Маленький, черноволосый, со сросшимися у переносицы густыми бровями и каменным лицом. Ого! Какие люди решили почтить меня своим присутствием! Сам Ургез, глава гильдии наемных убийц!

— Пива? — предложил я ему.

— Благодарю, в следующий раз, — ухмыльнулся он. Интересно, что ему от меня потребовалось?

— Прошел слух, что ты вернулся в город, — решил проверить.

— Слухи очень быстро распространяются, — согласился я с Ургезом. Не прошло и десяти минут с момента моего появления в "Ноже и Топоре", а об этом уже знает все городское дно.

— Так о слухах я и пришел поговорить. Не возражаешь, мастер-вор?

— Отнюдь, мастер-убийца. — С такими людьми, как Ургез, всегда следует быть вежливыми.

— Ходил слухок, что один наемный убийца очень хотел добыть твою голову. Также говорят, что обитель Сагота подверглась нападению. Несколько удалых молодцов хотели добраться до старины Фора. Хочу сказать, что к гильдии эти люди не имеют никакого отношения. Моим ребятам нет нужды портить дружбу с ворами, а тем паче со служителями Сагота.

— Я знаю, что это не твои люди.

— Ну вот и славно. От себя хочу сказать, что у гильдии к этому залетному есть парочка вопросов. Он, как говорят, прикрывался моим именем, а я этого не люблю. Так что мы его ищем.

— Нет нужды, Ургез. Его больше нет.

— Тем лучше. — Глава гильдии несколько не удивился. — Бывай, Гаррет.

— Бывай, Ургез.

С делами было покончено, и глава гильдии убийц ушел. Что ж, неприятности улажены. Я, если честно, рад, что парни Ургеза не имеют никакого отношения к тем нескольким покушениям, что едва не отправили меня в свет прошлым летом. Воевать с Ургезом опасно для здоровья.

— Разрешешь присесть?

Похоже, у меня сегодня незапланированный вечер приемов. На этот раз возле столика застыл Шелоз. Позади него маячила шестерка молодых бычков-охранников.

— Присаживайся.

Шелоз сел, охранники остались стоять.

— Прошел слух, что ты вернулся в город, — решил проверить.

Они сговорились, что ли? Шелоз, если кто не знает, был тем самым парнем, что воевал с Маркуном за право управлять гильдией воров.

— Вернулся.

— Я всегда уважал тебя, Гаррет...

— Взаимно.

Шелоз и впрямь был неплохим человеком и вором. Думаю, под его управлением гильдии будет гораздо лучше, чем при Маркуне.

— Знаю, что раньше у тебя были проблемы с гильдией, впрочем, как и у всех нас. Эта толстая свинья Маркун лишь воровал деньги для себя. Сейчас все изменилось. Так что хочу сказать тебе, что, если возникнет желание вернуться в лоно родной гильдии, мы все будем рады. Естественно, возьмем без всяких вступительных взносов и процентов с Заказов.

— Почетный член? — усмехнулся я.

— Почему бы и нет? Уважаемые мастера не должны платить деньги за свою работу. Достаточно того, что они состоят в гильдии и делают ей имя.

— С чего такая щедрость, Шелоз?

— Ну... — Он помялся. — Если раскрыть карты, Гаррет, то я лично обязан тебе избавлением от Маркуна. Да и многие ребята тоже, можешь мне поверить. Без этой жирной пиявки все пошло на лад. Считай, что это

моя маленькая благодарность. Не люблю быть должником. Так что ты подумай о возвращении.

— Хорошо, Шелоз. Я подумаю.

— Отлично. Увидимся, мастер.

— Увидимся, мастер.

Шелоз с ребятами свалил, а я действительно стал прикидывать, стоит ли возвращаться в гильдию или продолжить работу на вольных хлебах? И тот, и другой вариант сулил свои плюсы и свои минусы, так что было о чем подумать. Время незаметно подошло к тому, что мне пора было отправляться в путь. Я кивнул на прощание Гозмо и вышел на улицу.

* * *

Уже было темно, да и народу на улицах поубавилось. Пошел снег, и при полном безветрии снежинки плавно и совершенно беззвучно падали на мостовую. А тьма! Кажется, я просидел в заведении у Гозмо несколько дольше, чем планировал. Следует поспешить.

Пошел переулками, срезая путь. Так было намного быстрее, хотя прогулки через подворотни Портового города для неопытного человека в достаточно большом проценте случаев заканчивались потерей кошелька, а то и жизни. Так что, петляя в полутемных и полупустых переулках, я не терял бдительности и держал арбалет под рукой. Всегда найдется идиот, жадный до чужих денег.

Сагот миловал, по дороге мне не встретилось ни одного человека. Правда, однажды посчастливилось наткнуться на десяток стражников. Ребята проводили меня крайне недобрыми взглядами, но на этот раз вопросы задавать не стали. Я свернул в переулок Вонючих Клопов, из него вышел на улицу Яблок, проскочил через Малый Кислый переулок, завернул в темную арку и...

И тут кто-то проворно и очень крепко схватил меня сзади за плечи. Я дернулся, потянулся за оружием, и неизвестный тут же одной рукой блокировал мне руку, а второй так сжал шею, что я едва мог дышать, не говоря уже о том, чтобы дергаться. Парень, стоявший за моей спиной, был зверски селен. Закричать, что ли?

— Вряд ли это тебе поможет, Гаррет, — произнес насмешливый голос, и я, вздрогнув, прекратил всяческое сопротивление.

Посланник! Чтобы его тьма забрала!

— М-м-м? Как вижу, ты меня узнал, вор. Что ж, тем лучше. Сейчас я

тебя отпущу, но не вздумай делать глупости. Ведь ты же умный человек, правда?

Я промолчал.

— Ну вот и хорошо, — хмыкнул самый главный слуга Хозяина. — Как я вижу, ты добыл Рог.

— Представь себе, — вымолвил я, отчаянно соображая, что ему могло от меня потребоваться. — Ведь ты и твой Хозяин не предполагали, что я смогу добраться до Рога Радуги?

Тихий смешок.

— Не льсти себе, Гаррет. Ты думаешь, Хозяин не знал, как пойдет Игра? Рог был у тебя только потому, что Хозяин этого захотел.

Он разжал руки, и я, сделав шаг от него, обернулся. Он стоял в полумраке, и я видел лишь темную тень и золотые глаза.

— Зачем ты пришел?

— Гаррет, — вздохнул Посланник, и его глаза сверкнули. — Пора платить долги.

— Долги?!

— Неужели ты забыл о договоре?

— Я помню наш договор, Джок. — Я и сам не заметил, как назвал настоящее имя Посланника.

— Это очень хорошо, Гаррет. — Он, казалось, не обратил никакого внимания на мою оговорку. — Хозяин просит тебя исполнить Заказ.

Я вздохнул. Очень не хочется ничего делать ни для какого Хозяина, но сделка есть сделка. Да и от Посланника, способного появиться где угодно и в любое время, так просто не избавишься. Как назло, в переулке не было никого, кроме нас.

— Каковы условия Заказа?

— О! Все очень просто, вор. Сегодня до полуночи ты должен выкрасть из башни Ордена Рог Радуги.

Вас когда-нибудь били кувалдой по башке?

— ЧТО-О-о?! Твой Хозяин издевается?! Я не буду этого делать!

— Почему?

— Почему?! Это невозможно! Мало того что он просит забраться в БАШНЮ ОРДЕНА, так еще и украсть Рог Радуги! Да там через каждый метр по волшебнику!

— Вот что я тебе скажу, Гаррет. Ты достанешь этот Рог. Достанешь сегодня до полуночи. И не только потому, что согласился на сделку. Ты сам захочешь достать артефакт в самые кратчайшие сроки, как только я тебе расскажу, что произошло.

— И что же произошло? — По мне пусть хоть луна упадет, по собственному желанию Рог доставать я не буду.

— Игрок предал Хозяина.

— Не улавливаю связи.

— Игрок предал моего Хозяина и теперь служит другому Хозяину. Сегодня великая ночь, Гаррет. Ты даже не представляешь, насколько великая. Сегодня решается партия Игры. Если Игрок последует приказаниям противника моего Хозяина, то равновесие рухнет и наши с тобой общие знакомые вырвутся из Костяных дворцов. Если это случится, Сиала вернется к началу Темной эпохи. Моему Хозяину очень бы не хотелось все создавать заново. Рог Радуги — это то, что сможет поколебать веса равновесия.

— Хорошо, хорошо. Давай по порядку. При чем тут Рог и этот Игрок?

— Если Игрок использует Рог, то Игра будет проиграна.

— Так сделайте так, чтобы этот ваш Игрок не завладел Рогом.

— Он уже завладел.

— О! — многозначительно произнес я, соображая. — Ну так убейте Игрока.

— На то он и Игрок, что Хозяева не имеют права его убивать.

— Мне показалось, что ты говорил о том, что Хозяин знал, как пойдет Игра? Неужели он не мог предугадать, что Рог попадет не в те руки?.. Стоп! Кто такой Игрок?

— Верно мыслишь, Гаррет. Верно. Хозяин все просчитал, но нет тех, кто не ошибается, особенно если приходится полагаться на людей. Люди слабы, и Игрок не оказался исключением. Хозяин знал, что Рог попадет к Игроку, но не предполагал, что старый лис перебежит в чужую нору.

— Старый лис?! Ну конечно же! — осенило меня. — Арцивус!

— Молодец! — Он усмехнулся.

— Нет. Не может быть!

— Почему? Ты все правильно разгадал, хотя я опасался, что ты догадаешься гораздо раньше, чем следует. Хозяин знал, что ты обязательно передашь Рог Радуги Ордену, а значит, Арцивусу.

— Но почему Арцивус? — Я мог поверить во все что угодно, но чтобы славный старикан Арцивус оказался Влиятельным...

— Что так тебя удивляет? Игроком может стать только маг. Хозяин за службу обещал ему знание и власть.

— А что обещал другой?

— Молодость и бессмертие.

— Тогда все понятно.

А затем Посланник стал рассказывать. Именно Арцивус выбрал мою кандидатуру для похода за Рогом. Он думал, что я не справлюсь и Рог останется в Храд Спайне. Затем, когда звезды сказали другое, он решил убить меня. Но тут вмешался Хозяин и запретил магу трогать меня лично. Зато Арцивус нашел Бледного. Именно кольцо архимага показывали в королевской библиотеке два мастера-вора и именно поэтому убили старика Болта.

Люди Арцивуса украли Коня Теней. Архимагу волшебная вещь, способная повелевать демонами, нужна была для своих нужд (к этому времени Хозяин из другого мира уже смог соблазнить старого мага), и он не хотел делиться им с Орденом. Но так уж вышло, что на сцене вновь появился вездесущий Гаррет и Арцивусу пришлось спасти Коня Теней, дабы не вызвать подозрения Танцующего Сиалы.

Когда после разборки с Конем Теней я ехал в карете магистра Ордена, жизнь моя висела на волоске. Старина Арцивус вовсе не собирался везти меня к королю, он слушал мой рассказ, проверяя, догадался ли я о том, что магистр Ордена замешан в истории с картами Храд Спайна и Конем Теней, и вез меня в "ласковые руки" шайки убийц. Меня спасли слова, что бумаг Храд Спайна при мне нет. Арцивус отпустил меня и натравил убийц на Фора, разумно предполагая, что бумаги могут быть у него.

— Я мог бы продолжить, вор, но время дорого. Ты должен украсть Рог у Игрока.

— И все равно слишком много нестыковок в твоём повествовании, Посланник, — сказал я. — Рог в руках Арцивуса уже больше месяца. Почему именно эта ночь? Он мог все провернуть сразу после того, как Рог получил силу. Во время штурма города, когда все заняты, без всяких помех.

— Да, он мог бы воспользоваться Рогом в самом начале, но не добился бы того результата, которого ожидает его новый Хозяин. Только в сегодняшнюю ночь можно соединить Коня Теней и Рог Радуги.

— Спорю на что угодно, что твой Хозяин знал о предательстве Игрока давно. И уж точно он догадывался, что произойдет сегодняшней ночью. Так?

— Предположим.

— Тогда, во имя Сагота, почему нельзя было выкрасть Рог раньше?! Почему сегодня?! Почему ты не сказал мне об этом за неделю?! За месяц?!

Мне показалось, что он усмехнулся.

— Тогда бы не было риска. Остроты Игры. Интереса. Ты — козырная карта Хозяина. Ему хотелось посмотреть, как ты сможешь разобраться с делами в самый последний момент.

Подумать только! Мир стоит на краю пропасти, а Хозяин все еще играет в игрушки!

— Тогда почему Арцивус отпустил меня? Развязал руки?

— Он знает, что ты Танцующий с тенями, но он знать не знает о твоей сделке с Хозяином и думает, что ты совсем ничего не знаешь. Так ты достанешь Рог?

— У меня ведь нет выбора, да? — Я горько усмехнулся.

— Боюсь, что так. Или Рог Радуги избежит рук Игрока, или... Ты просто не представляешь, на что способен Рог, если его соединить в такую ночь с Конем Теней! Весы рухнут, Дома Силы падут, и от вашего... от нашего мира мало что останется. Игра будет проиграна. Насовсем. Ты ведь этого не хочешь?

— Мне нет дела до вашей Игры. Но я постараюсь достать Рог. Каков задаток?

— Твоя жизнь. Как тебе задаток? Хорош?

— Вполне.

— Плата?

— Добудь Рог, и ты больше никогда меня не увидишь.

Лично меня такая плата устраивает как никого другого.

— Я прошу принять Гаррета-тень мой Заказ.

— Я принимаю Заказ.

— Услышано, вор. Напоследок, советую успеть до полуночи. В полночь Игрок начнет ритуал, и тогда вряд ли ты сможешь украсть артефакт у него из-под носа.

— Я вообще сомневаюсь, что смогу проникнуть в башню Ордена. Не рассчитываю, что, заметив меня, волшебники не будут задавать вопросов.

— Никого из магов нет в башне. Арцивус всех отослал.

— Мне не легче. В башню еще надо попасть.

— Тут я тебе помочь не могу. В башню Ордена мне дороги нет.

— Зачем? Какой смысл? Разве магистр не понимает, что после того, что он сотворит, всему придет конец?

— Почему не понимает? Очень даже понимает. Но миров много, ему будет куда уйти.

— Если Игра закончится, то что?

— Что? О! Выигравший получит приз, а Игра начнется по новой.

— Приз? Какой приз?

— Ты ведь был в мире Хаоса и тенях?

— Да.

— Тот, кто выигрывает Игру, получит в качестве приза одну из теней

Изначального мира. Представь себе — с ее помощью можно создать совершенно новый, идеальный мир. Мир, где будут учтены ошибки, допущенные в других мирах. Победа— это реальный шанс создать совершенство и выставить его на следующую Игру.

Говоря эти слова, Посланник наконец-то вышел из тени на лунный свет. Я вздрогнул. Он в общем-то не очень изменился со времен моего сна-яви. Если не считать того, что теперь парень был черен как смоль, имел крылья за спиной и золотистые глаза, внешне он все еще оставался Джеком Имарго. Во всяком случае, лицо не претерпело никаких явных изменений.

Тьма побори всех Хозяев и их дурацкие Игры! Миры для них — не более чем козырные карты! Они играют, а мне расхлебывать!

— Что мне делать, когда я добуду Рог? — вздохнул я.

— Просто добудь. Тем самым ты помешаешь ритуалу, партия Игры кончится, Игрок станет узвимым, Хозяин его убьет, Рог останется у Ордена, и все закончится.

Сказал, взмахнул крыльями и исчез, словно его и не было.

* * *

С тех пор как я расстался с Посланником, прошло уже больше часа. Как проникнуть в башню Ордена, я совершенно не представлял. Да и планов башни я не знал. С виду она не такая уж и большая, но, помня заброшенную башню в Закрытой территории, можно было ожидать и от этой чего угодно. Например, шуток с измерениями и пространствами. Внутри башня вполне могла оказаться куда больше, чем снаружи. Не хотелось бы в ней заплутать.

Тут боги, как назло, заставили меня вспомнить о том, что Кли-кли однажды хвасталась мне, что она, мол, была в новой башне Ордена и теперь с закрытыми глазами найдет в ней любое помещение. Врала! Клянусь зенками Посланника — врала! Но выбора-то у меня сейчас не было.

Я успел перехватить гоблиншу, когда она уже заходила в трактир, где у нас была запланирована встреча. Пришлось оттаскивать ее в сторону и задавать вопросы. Конечно же она разом почуяла неладное и вцепилась в меня так, что я волей-неволей выложил ей все. Узнав про Арцивуса, она лишь кивнула и, поняв, что от меня требует Хозяин, навязалась в спутницы.

Я уговаривал. Я уламывал. Я убеждал. Я угрожал. Давил на совесть, просил прислушаться к разуму — ничего не помогало. Кли-кли встала в

позу оскорбленной невинности и выдала, что либо она идет со мной, либо мне придется самому выпутываться из сложившейся ситуации. Окончательно меня добила фраза, что она знает, как войти в башню, не привлекая внимания. Я согласился. Право слово, если ей не дорога своя голова, почему я должен о ней заботиться?! Мы не стали звать наших, оставив их в трактире в неведении. Ни к чему рисковать в данном предприятии жизнями своих друзей, да и мечи вряд ли тут помогут.

Площадь, на которой возвышалась бледно-голубая громадина Ордена, оказалась совершенно пустой и покрытой снегом. Я вздрогнул. Так некстати вспомнился сон, где я разговаривал с Серым. Вещий сон. Равновесие действительно может рухнуть. При свете луны и волшебных фонарей башня казалась вырубленной из ледяных глыб. Зловещая картина. Лишь на самом верхнем этаже горели огни.

— Ну и как войти в башню, не привлекая внимания? — спросил я у гоблинши.

— Сейчас покажу.

Она прошествовала к вычурной, покрытой завитками двери и остановилась.

— Вот.

— И как это понимать? — ядовито прошипел я.

— Ты сказал, чтобы я показала тебе дорогу в башню, вот я и показала, — не моргнув глазом произнесла Кли-кли.

— Кли-кли, — сказал я, стараясь взять себя в руки. — Кли-кли, ты издеваешься, да?

— Ничего я не издеваюсь! Единственный путь в башню Ордена лежит через дверь, или ты думаешь, что маги не озаботились перекрыть все другие выходы?

Мог бы и сам догадаться! Купился, как дурак!

— Ты вообще-то в башне была?

— Была. Вместе с королем. Только дальше первого этажа меня они почему-то не пустили.

— Тогда зачем ты мне нужна?

— Чтобы спасти твою шею. И в магии я кое-чего смыслю.

— Кли-кли! Не прикидывайся глупее, чем ты есть! Ты же прекрасно понимаешь, что с магистром Ордена тебе не справиться.

— Слушай, Гаррет. Займись делом. Мы с тобой, как два дурака, торчим возле двери в башню Ордена. Давай работай отмычками, а то, неровен час, нас кто-нибудь увидит.

— Боюсь, что маги вряд ли озаботились поставить на дверь замки. Тут

что-то другое.

— Так проверь! Я вор или ты?!

Действительно, торчать под дверью башни — глупость. С гоблиншей я поговорю после (если будет это после).

Я протянул руку к дверному кольцу. Осторожно потянул на себя. Дверь даже не шелохнулась. Потянул сильнее. Тот же эффект. М-дя.

— Откройся, — прошептал Вальдер, и дверь башни неожиданно легко поддалась.

— Ого! — восхищенно выдохнула Кли-кли. — Как тебе это удалось?!

— Повезло, — буркнул я, в который раз благодаря судьбу за то, что она свела меня с мертвым архимагом. — Жди меня на краю площади. Если не выйду через час, иди к королю.

— Угу, — сказала гоблинша и, юркнув в дверь, оказалась в башне. — Так я и побежала, Гаррет-баррет. Неужели ты думаешь, что все славные подвиги я оставлю для тебя?

— Кли-кли...

— Я знаю, что я Кли-кли. Оставь этот тон. От меня ты не избавишься.

— А если я тебя свяжу?

— Пр-редупр-реждаю! Я буду кусаться!

Я плюнул. Ну ее во тьму! Хочет неприятностей, пусть идет!

— Ладно! Но чтобы под ногами у меня не крутилась!

— Когда это я крутилась у тебя под ногами? — спросила Кли-кли и тут же прикусила язык.

Мы находились в ярко освещенном холле первого этажа башни. Холл вел к трем коридорам и лестнице.

— Не шуми, — предупредил я на всякий случай свою спутницу.

— Башня гораздо больше, чем кажется. — Теперь настала очередь Кли-кли предупреждать меня.

— Знаю, — ответил я ей и позвал Вальдера: — Вальдер!.

— Да?

— Ты знаешь, куда надо идти?

— Я в этой башне впервые, но их все строят по одним и тем же чертежам. Думаю, тебе следует идти на лестницу.

— А дальше?

— Если магистр собирается провести ритуал, то это случится в зале Совета. Магическое зеркало усилит его заклятия.

— Понял.

— Ты знаешь, мне эта история с Рогом и башней что-то напоминает. Как я вижу, не только Земмел решил поиграть в Игры великих. Будь

осторожен. — Сказал и затих.

— Долго ты будешь стоять, уставившись в одну точку? — осведомилась Кли-кли. Естественно, она не слышала моего разговора с архимагом.

— Нам на лестницу.

Лестница из темно-фиолетового мрамора серпантинном ввинчивалась в башню. Поначалу мы шли осторожно, опасаясь, что кроме Арцивуса в башне кто-то есть, но спустя три этажа пошли увереннее.

— Сколько осталось до полуночи?

— Больше часа, — пропыхтела она. — Успеваем. Главное не нарваться на Арцивуса.

Пятый этаж. Шестой. На седьмом я бросил быстрый взгляд в ярко освещенный коридор и увидел, что вдалеке, привалившись к стене, сидит человек. На миг я похолодел, подумав, что это Арцивус. Нет, вроде Сагот миловал. Да и сидел человек как-то странно.

— Кли-кли, — позвал я гоблиншу, уже поднимающуюся по лестнице дальше.

— Да?

Молча указал глазами на неизвестного.

— Надо проверить!

— Тебе делать нечего?

— Надо проверить, Танцующий. Нельзя оставлять у себя в тылу непонятно кого.

— Хорошо, только осторожно. — Я извлек арбалет.

Мы шли по коридору. Человек не шевелился. Затем я разглядел, кто это, и бросился вперед.

Кто-то разбил голову Родерику. Весь пол и стена, к которой он привалился, были в крови.

— А тьма! — выругался я. — Кто же его так?

— Вестимо кто. Не суетись, Гаррет. Паренек мертв. Наверное, он что-то понял, и его старый учитель решил избавиться от своего ученика. Небось шарахнул посохом по затылку, и все дела.

— Он мне однажды жизнь спас. Жалко парня.

— Скоро нас всех нужно будет пожалеть, если мы не поторопимся. Давай, Гаррет. Ему мы теперь ничем не поможем. Слушай, а чего дверь открыта, а?

Только сейчас я обратил внимание на то, что ближайшая к нам дверь приоткрыта. Кли-кли тут же сунула свой любопытный нос туда.

— Ух! Ты глянь, Гаррет, что здесь!

Я глянул. Немереных размеров зал был под завязку набит коробками и всякими странными штуками. Не удивлюсь, если это склад магических побрякушек.

— Склад артефактов! — Кли-кли думала то же, что и я. — Может, Рог еще здесь?

— Давай проверим, — тут же согласился я. — Только быстро!

На складе было все, начиная со стеллажей, на которых находились свитки с заклятиями, и заканчивая совершенно непонятными светящимися предметами. Не было только Рога Радуги и Коня Теней.

— Похоже, мы тут ходим без толку, — первой сдалась Кли-кли.

— Похоже, — вздохнул я и уставился на стеллаж, заставленный разноцветными сияющими шариками.

Один из шариков привлек мое внимание. Он был серого цвета, полупрозрачный, и в нем можно было разглядеть силуэты двух фигур. Я направился к стеллажу, и тут башня тихонько содрогнулась.

— Что это? — испуганно озираясь, спросила Кли-кли.

— Не знаю, — озадаченно произнес я.

— Начался! — произнес Вальдер. — Ритуал начался!

— Как начался?! — во весь голос заорал я. — Ведь еще нет полуночи!!!

— Гаррет, ты о чем? — изумленно спросила Кли-кли.

— Плохо дело, Кли-кли. Арцивусу не терпится!

— И что нам делать?

— Пусть гоблинша уйдет!

— Что?!

— Пусть она уйдет, Гаррет. Она слишком сильная шаманша, я и так слаб. Когда она рядом, становится совсем плохо. Сегодня мне понадобятся все мои силы.

— И как я ей скажу? Ты понимаешь, что она ни одному моему слову не поверит?!

— Гаррет, ты чего?

— Дай я с ней поговорю.

Я расслабился, позволяя Вальдеру действовать.

— Да что с тобой проис... ой!

Она изумленными глазами уставилась на меня, как видно прислушиваясь к словам Вальдера. Я не слышал, о чем он с ней говорил, но Кли-кли поспешно кивала.

— Держись, Танцующий! — наконец сказала она мне. — Я приведу помощь.

Гоблинша бросилась прочь. Башня вновь вздрогнула.

— Чего это она?

— Так будет лучше. Нам с тобой следует остановить магистра.

— И как нам это сделать?

— Пока еще не знаю. Возьми его.

— Кого?

— Тот шар. Пригодится.

— А если они выберутся?

— Это отвлечет Игрока на время.

Я схватил шар, в котором были заключены два демона. Холодный. Что ж, может, тогда Посланник и был прав — демоны сыграют в этой истории свою роль.

— Оставь арбалет. Сумку тоже. Все это будет ненужно, — продолжал распоряжаться Вальдер. — Хорошо. А теперь вперед, дружище!

Я выскочил в коридор и, сжимая в руках шар, бросился к лестнице.

— Как их освободить? — на бегу спросил я у Вальдера.

— Это магическая тюрьма. Я чувствую, что наверху закручиваются такие силы, что стоит поднести к ним шар — и тюрьма попросту рассыплется! Доверься мне.

И я доверился. Да мне больше ничего и не оставалось.

Теперь башня уже дрожала безостановочно. Мелкие толчки сотрясали лестницу и стены, и я начинал опасаться, что, не приведи Сагот, все строение развалится.

Дверь в зал Совета оказалась распахнута настежь, так что в одно мгновение я смог оценить все то, что происходит. Наверное, сейчас на все творящееся в зале я смотрел глазами Вальдера.

Зал Совета, как и зал в старой башне, имел круглую форму. Пол в центре зала — огромное волшебное зеркало. Оно отражало не виданные на Сиале созвездия, и где-то в самой глубине зеркала проскальзывали багровые всполохи. На зеркальном полу, на расстоянии пяти метров друг от друга лежали Рог Радуги и Конь Теней. Вокруг Рога уже разлилось постоянно меняющее свой цвет сияние. От Коня Теней то и дело отлетали багровые искорки. Они взмывали к прозрачному потолку и гасли. К Рогу и артефакту доралиссцев тянулись толстые щупальца Силы. Между волшебными предметами медленно и неотвратно разрасталось черное пятно. Рядом с пятном, воздев руки к потолку, застыла тщедушная фигурка мага. Арцивус стоял к нам спиной, и я сразу же пожалел, что оставил арбалет внизу.

— Бесполезно, — ответил мне Вальдер. — Сейчас обычное оружие

совершенно бесполезно.

— И что нам делать?

— Ждать. Еще не время.

Арцивус продолжал распевать заклинания на грубом языке, и башня то и дело вздрагивала. В зеркале все сильнее и сильнее полыхало багровое пламя. Черное пятно, находящееся прямо напротив Игрока, уже успело стать размером с приличную карету. Правда, черным теперь оно было только по краям, а вот в середине — прозрачным. И сквозь это пятно был виден совершенно другой, странный мир. Мир другого Хозяина.

Кажется, Арцивус собирался открыть проход для своего нового повелителя. Рог Радуги теперь сиял нестерпимым блеском, и на него невозможно было смотреть без боли. От Коня Теней к стеклянному куполу башни взлетал непрекращающийся сноп искр. Неужели никто из архимагов и обычных волшебников столицы не чувствует того, что происходит в башне Ордена? Да никогда в это не поверю! Даже я (или все-таки Вальдер?) ощущаю силу творящегося волшебства.

Песня магистра Ордена взвилась, и я почувствовал, как Весы равновесия задрожали. Еще немного, и магия Арцивуса уничтожит все на десяток лиг в округе, не говоря уже о том, что, не выдержав таких магических колебаний, Весы равновесия попросту перевернутся.

А тьма! Опять думаю, как Вальдер!

— Пора! — неожиданно сказал мертвый архимаг. — Бросай!

Я как можно сильнее швырнул серый шар. Он пролетел почти через весь зал Совета и упал прямо за Арцивусом. Магистр Ордена был слишком занят заклятием и ничего не заметил. Шар лопнул и исчез.

— Вперед! Схвати Рог! — приказал Вальдер. — Освободи меня!

Я заколебался, не решаясь вбежать в зал, и тогда архимаг не мешкая взял под контроль мое тело. Я бросился вперед, к ярко сияющему Рогу. Только бы Арцивус не увидел меня раньше времени! Только бы не увидел!

Тем временем вместо маленького шара появились два здоровых демона. Один серый, другой черный в малиновую крапинку. Этих-то ребят магистр Ордена ну никак не мог не заметить. Слишком приметной компанией были эти демоны. Арцивус прервал заклятие на полуслове, и между его ладонями появился стремительно растущий бирюзовый шар атакующего заклятия.

— Вухджааз умный, — сообщил всем присутствующим серый демон и бросился на Арцивуса.

Бирюзовый шар сорвался с ладоней мага и ударил Вухджааза в грудь. Никакого эффекта. На демонов не действует боевая магия. Арцивус

поспешно выкрикнул несколько слов, Конь Теней полыхнул, и демон, взыв, отлетел в сторону, да так и остался лежать на полу, конвульсивно дергаясь. Похоже, в сражениях с выходцами из тьмы артефакт доралиссцев давал куда больший эффект, чем всякие волшебные шарики.

Шдуырук выругался, протянул когтистые лапы к Коню Теней с явным желанием заграбастать вожака для всякого демона штуку. Но бараноголовый явно забыл, что демон может обладать Конем Теней, если только кто-то из людей или доралиссцев по собственной воле передаст могучий артефакт ему в лапы. Конь Теней плюнул в наглеца искрами, и Шдуырук, взыв, словно тысяча грешников, отшатнулся назад, тряся обожженной, а кое-где и обугленной лапой.

Все описанное выше заняло не больше трех секунд. Я как раз успел преодолеть большую часть пути до Рога. Арцивус, кажется, заметил меня, но не стал отвлекаться на мелочи и, наставив на Шдуырука палец, принялся произносить заклинание. Демону совершенно не улыбалось разделить судьбу своего "умного" братца, поэтому он, повторно выругавшись, бросился в сторону и, пробив рогатой башкой одно из огромных стрельчатых окон, смылся. Надеюсь, он разобьется в лепешку.

Тем временем все внимание Арцивуса переместилось на меня. Рог Радуги был рядом, вот он — стоит только руки протянуть. Ну я и протянул. Радужное сияние обожгло кожу даже через перчатки, я даже успел коснуться Рога, когда произошло сразу несколько событий. Как только я дотронулся до Рога, меня словно ударило молнией.

— Свободен! — выдохнул Вальдер.

Арцивус заверещал, и меня отшвырнуло прямо к телу мертвого Вухджааза. Я попытался встать, но голова кружилась, грудь болела, и мне пришлось лежать на полу и наблюдать, как вполне реальный Вальдер устроил Арцивусу магическую дуэль. Архимаг обрушил на магистра Ордена поток волшебных ударов, и Арцивусу не оставалось времени, чтобы гадать, откуда в зале Совета появился этот странный и искушенный в магическом искусстве человек. Игрок ударил, Вальдер отразил, ударил, и теперь уже старому магу пришлось защищаться. Башня дрогнула, и я, сплевывая кровь, незнамо как появившуюся во рту, подумал, что на этот раз уж все. Рухнет. Ан нет, боги миловали!

Поединок между тем продолжался. Вальдер с трудом отразил багровый шар, что метнул в него Арцивус. Шар воспарил к потолку, и стеклянный купол башни Ордена с оглушительным треском лопнул. Мириады острых стеклянных осколков рухнули в зал. Настоящий дождь. Оба мага тут же прикрылись от смертельного ливня сияющими куполами.

Вальдеру пришлось еще и меня закрывать. Затем поединок возобновился, и маги продолжили кружить по залу Совета, обмениваясь ударами. Каждый раз башня тряслась, как во время землетрясения. Казалось, сам воздух выл и стenal от магии, но никто из противников не мог одержать верх.

Я, приложив кучу усилий, встал на четвереньки и тихонько пополз к Рогу Радуги. Интересно, чем это меня так приложил Арцивус и как я умудрился выжить? Вроде на меня не обращали внимания, и я в который раз, сплюнув кровью, пополз несколько резвее.

Между тем Вальдер выкрикнул какую-то фразу и что есть сил оттолкнул от себя Арцивуса. Арцивус попятился назад и, прикоснувшись спиной к черной дыре, с криком исчез.

— Закрой портал, Гаррет! — заорал Вальдер. — Возьми Рог и закрой портал! Закрой, пока не стало совсем поздно!

Архимаг метнулся в черную дыру следом за Арцивусом.

Я полз. Башня дрожала. Весы равновесия колебались. Мир замер в ожидании. Я полз. Башню уже просто колотило. Мне даже показалось, что волшебное зеркало дало трещину. До Рога осталось совсем немножко.

На этот раз радужное сияние встретило меня болью. Я заорал, из глаз брызнули слезы, но Рог я все же схватил. Схватил на мгновение и тут же отбросил от себя как можно дальше. Рог Радуги вылетел за границу волшебного зеркала, и его сияние тут же погасло. Портал захлопнулся с оглушительным треском.

Грохот. Вспышка. Все тело пронзило холодом. Я разинул рот в немом крике, и меня поглотила ночь.

ЭПИЛОГ

Пчелка узнала меня и, радостно фыркнув, потянулась за угощением. Я отдал ей заранее припасенное яблоко и потрепал по шее. Я тоже был рад встрече. Как оказалось, когда Медок отправлялся из Кукушки в Авендум, он взял именно мою лошадь, за что я не уставал возносить Дикого. Конюх уже оседлал Пчелку, и мне оставалось лишь навьючить на нее седельные сумки и отправиться в путь.

После того что случилось в башне Ордена, я провалился в кровати до середины весны. Не знаю, что спасло меня в ту ужасную ночь — сила Вальдера или простая удача, — но прибывшие на "пожар" маги были несколько удивлены, когда обнаружили лежащего возле разрушенной башни человека, сжимающего в руках Рог Радуги.

Все время, что я пробыл в беспомощности, меня окружали заботой и вниманием. В общем, когда я пришел в себя, оказавшиеся рядом с

постелью маги первым делом спросили, что произошло в башне и как мое здоровье. Именно в такой последовательности. Слава Саготу, Кли-кли рассказала орденам почти все, что знала, и меня не очень сильно донимали. Маги были слишком заняты спасением репутации Ордена и восстановлением башни, чтобы допрашивать вора. Так что они почти поверили моему предположению, что Арцивус-де ошибся в заклинании и из-за этого произошел магический взрыв. Что до Рога, то я действительно не знал, как он очутился в моих руках. Я точно помнил, что, прежде чем потерять сознание, отбросил его.

От меня отстали. Во всяком случае пока.

Все время лежать в кровати было безумно скучно. К тому же меня не баловали посещениями, и даже Кли-кли, первое время не отходившая от моей постели, в связи с какими-то дворцовыми неурядицами практически ко мне не заглядывала.

А если и заглядывала, то на минутку и тут же исчезала, даже не поделившись со мной новостями.

— Ты все же решился?

Я обернулся. Невесть как оказавшаяся в конюшне Кли-кли, прислонившись к стене, грызла морковку. На плече у нее восседал Непобедимый.

— Угу, — смутился я. — Пора. Хватит оттягивать.

— То есть ты намеревался смыться из города, даже не попрощавшись? — нахмурилась она.

— Я пробовал тебя найти.

Это было правдой, но во дворец меня не пускали, и в течение недели я не мог подать гоблинше никакой весточки. Она как в воду канула.

— Знаю, — вздохнула она. — Прости, тут дел навалилось. У нас новый король, слышал?

— Да уж весь город об этом твердит, — усмехнулся я.

К Сталкону Лишенному Короны внезапно вернулся рассудок, а так как он был старшим сыном Сталкона Девятого, то и прав у него было побольше, чем у Весеннего Жасмина.

— Как смотрит на это Весенний Жасмин?

— Даже рад. Он никогда не цеплялся за власть и с радостью передал брату корону. Ты знаешь, я думаю, что это Арцивус виноват в том, что принц лишился рассудка.

— Мне пришла в голову та же мысль, Кли-кли. Весь вопрос в том, зачем это было нужно магистру?

— Кто поймет Игрока? Хотя я думаю, что принц каким-то образом

узнал, что Арцивус — не такой уж и добренький. Вот магу и пришлось... Убивать носителя королевской крови он не решился, так что превратил в дурака. А когда умер, заклятие пропало.

Мы помолчали. Я проверял сумки, Кли-кли грызла морковку. Непобедимый шевелил розовым носом.

— Я вижу, ты подружилась с лингом.

— Ага. Медок решил, что мышке на королевских харчах будет лучше. Я против зверька ничего не имею.

— Ты надолго задержишься в Авендуме?

— Не знаю. Я пока здесь нужна. Во всяком случае, останусь, пока все не уляжется. Затем вернусь домой. Надо помогать деду.

— Шаманить? — усмехнулся я.

— Шаманить, — усмехнулась она в ответ. — Может, и тебе не стоит уезжать?

— Стоит, — вздохнул я. — Меня в Авендуме теперь ничего не держит. Со всеми делами я уже разобрался, да и маги... Стоит уйти, пока они не вспомнили обо мне и Роге Радуги. Хозяин, несмотря ни на что, выиграл эту партию Игры.

— Будут и другие партии. Хотя лет через триста, если маги опять посеют Рог, Валиостр ожидают неприятности.

— Я столько не проживу. Будут искать другого дурака, чтобы он им Рог доставал, — хмыкнул я.

— Еще как проживешь. — Она серьезно посмотрела на меня. — Ты ведь Танцующий.

— Что слышно о Щдуыруке? — спросил я, меняя тему разговора.

— Как в воду канул. Думаю, он доставит Ордену много хлопот. Демонологи стоят на ушах, но пока никаких следов так и не обнаружили.

М-да. Щдуырук — это проблема. Буду надеется, что обо мне он не вспомнит.

— Как там наши?

К глубокому сожалению, я так и не смог их увидеть.

— Эграсса в Заграбе. Он теперь глава дома. Думаю, у нашего эльфа дел по горло, орки все же крепко потрепали темных. Да и женитьба на наследнице Черного пламени намечается. Болтают об объединении темных домов. Глядишь, Эграсса еще и самым главным в Черном лесу заделается! — Она хрюкнула от восторга. — Ребята вернулись к Одинокому Великану. Тебе велели передавать привет, они уже просто не могли здесь сидеть. Халлас перед отъездом сбавил рога Х'сан'кора Ордену за гору золотых. Купил, как они и хотели с Делером, целый караван вина,

да и всего остального до кучи. Слышал, Одинокого Великана уже восстанавливают?

— Жаль, я не смог с ними попрощаться, — огорчился я.

— Жаль. Кстати, Угорь просил тебе передать. — Она протянула мне длинный сверток.

— Что это?

— Откуда же я знаю? Или ты думаешь, что я буду копаться в чужих вещах?

Я вежливо промолчал и развернул сверток. Так я и думал — "брат" и "сестра" Угря.

— Гарракец сказал мне, что ты знаешь, что следует сделать с клинками.

— Знаю. Как же он теперь без них?

— Король всем подарил новое оружие. Краше прежнего.

Я завернул клинки в ткань и пристроил их рядом с седельными сумками.

— Если увидишь Угря, скажи ему, что я все сделаю, как он просил.

— Хорошо. Слушай, по поводу Заказа...

— Да?

— Ну, ты ведь понимаешь, что пятьдесят тысяч тебе не заплатят? Заказ-то аннулирован.

— Не волнуйся, Кли-кли, понимаю.

— Но король, узнав о том, что произошло, решил, что это не очень-то справедливо, тем более в отношении королевской фамилии.

— И? — подтолкнул я ее.

— Ну вот тебе королевское помилование. — Она протянула мне свернутую в трубку грамоту. — Корона прощает тебе все прегрешения. Так что Фраго Лантэн теперь будет локти кусать. И вот тебе денежка. Сколько смогли...

— И сколько смогли? — спросил я, принимая из рук гоблинши увесистую сумку.

— Ты ведь понимаешь, что после войны казна совсем пуста, — осторожно начала Кли-кли.

— Слушай, ты можешь просто сказать, а?

— Сто пятьдесят золотых. Тебе хватит на первое время.

— Что же, — кивнул я. — Совсем неплохо.

Убирая деньги, я думал, что помимо этих ста пятидесяти у меня еще есть около двухсот тех, что я взял из тайника Фора. Старый учитель оставил эту заначку специально для меня. Так что вполне приличное

состояние.

— Вот еще что. Эграсса попросил отдать тебе это.

Кли-кли положила мне в руку нитку желто-дымчатых топазов. Тех самых, что были на Миралиссе во время приема у Балистана Паргайда. Я втянул в себя воздух. Эти камни стоят дорого. ОЧЕНЬ дорого.

— Боюсь, что я никогда не решусь их продать, Кли-кли.

— Знаю, — улыбнулась она. — Думаю, и Эграсса знал. Кстати, он сказал, что двери дома Черной луны для тебя всегда открыты.

— Вряд ли я снова окажусь в Заграбе. Но за предложение спасибо.

Мы вновь замолчали. Пора было уезжать, и каждый из нас это понимал.

— Куда ты теперь?

— Вначале в Исилию, оттуда на корабле до Гаррака. Проведаю Фора — он сейчас в Хозге — да и дело Угря надо закончить. А там... Там поглядим. Быть может, в Низину.

Она едва заметно кивнула.

— Пора?

— Да.

— Наклонись.

— Чего?

— Наклонись, дубина!

Я послушно наклонился, и она чмокнула меня в щеку:

— Вот теперь можешь ехать.

Я забрался в седло.

— До свидания, Кли-кли.

— Нет. — Она грустно покачала головой. — Не до свидания. Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся, и ты, думаю, это так же понимаешь, как и я.

— Ну, может, когда-нибудь, — неловко произнес я.

— "Когда-нибудь" и "никогда" очень похожи. Мир слишком велик, чтобы мы встретились, да и ты когда-нибудь уйдешь к теням. Я это знаю. Так что не до свидания. Прощай, Танцующий с тенями.

— Прощай, — вздохнул я. — Мне будет тебя не хватать.

— Взаимно. — Она прочистила горло. — Только когда поедешь, не оглядывайся до самых городских ворот. У нас, гоблинов, это плохая примета.

Я кивнул, в последний раз посмотрел на нее и тронул пятками бока Пчелки. Я сдержал слово и ни разу не обернулся. Хотя очень хотелось.

Несмотря на раннее утро, Куриные ворота, ведущие из города на запад, были открыты настежь. Стража, играющая в кости, не обратила на одинокого путника, которому с утра пораньше взбрело в голову покинуть Авендум, никакого внимания. Впрочем, наши славные служители закона не обратили внимания и на нищего, что сидел с глиняной чашкой для милостыни возле самых ворот. На бродяге был выдавший виды линялый плащ с капюшоном. Он сидел прямо на земле, скрестив обутые в грязные башмаки ноги и, заметив меня, протянул пустую чашку. Я остановил Пчелку, залез в кошель и бросил нищему полновесный золотой, благо он его заслужил. Нищий, получив монету, с достоинством кивнул, и я, кивнув в ответ, поехал дальше.

Отъехав от Авендума на четверть лиги, я выбросил грамоту с королевским помилованием в придорожную канаву. Жил столько лет без нее и еще столько же проживу. Обернулся. Стены Авендума были подернуты легкой утренней дымкой. Я вдохнул полной грудью прохладный воздух. Сагот меня побери, как же хорошо! Весна как-никак!

— Вперед, Пчелка, — сказал я и больше не оборачивался.

Сентябрь 2002 — март 2003 г.

Глоссарий

Авендум— столица северного королевства Валиостр. Крупнейший и самый богатый город Северных земель.

Анналы Кроны— наиболее подробная и самая древняя историческая хроника, которую эльфы ведут с того момента, как они появились в мире Сиалы.

Бездушные егеря— части армии Валиостра, в мирное время выполняющие функции милиции. Используются в боевых действиях, участвуют в подавлении бунтов, заговоров. Вылавливают и уничтожают опасные банды и отдельных преступников.

Безлюдные земли— леса, тундры и ледяные поля, заселенные различными существами. Некоторые из них пытаются проникнуть в Северные земли Сиалы, и лишь неприступные горы Отчаяния, Одинокий Великан и Дикие Сердца сдерживают их вторжение в мир людей. Огры, великаны, свены, хвар-ры, зимние орки и десятки других рас и существ населяют эти огромные северные территории. Тут тоже живут люди, дикари и варвары, подчинившиеся Неназываемому. В Безлюдных землях, на полуострове Рачья Лапа, существует единственное людское государство — Рачье герцогство.

Далеко на севере Безлюдных земель, за Иглами Стужи, находится жилище Неназываемого, о котором благоговейным шепотом рассказывают плененные разведчиками Диких Сердец дикари.

Биргризен (гном.) — игра слов. Бир — руки, гризен — меч. Буквально двуручный меч. Огромный меч, лезвие которого может быть до полутора метров, с массивной рукоятью, тяжелым, обычно круглым противовесом и широкой крестовиной. Иногда возле крестовины оружейники добавляли массивные клыки-отроги для остановки продвижения клинка противника вскользь.

"Бобровые шапки", или "бобры" — воины Валиостра, вооруженные тяжелыми двуручными мечами. Каждый воин носит звание "мастер длинного меча" и свой отличительный знак от других подразделений — бобровую шапку. Эти войска используют в качестве ударного резерва, для спасения боя в той или иной ситуации. Также во время сражений "бобры" удостоиваются чести нести охрану знамени и короля, заменяя королевскую гвардию.

Больница Десяти мучеников— городская больница Авендума,

созданная по приказу Грока на том самом месте, где прорвавшийся через оборону людской армии отряд орков остановили десять воинов из гарнизона Авендума (640 г. Э. С.).

"Брат" и "сестра" — название двух клинков особой школы фехтования, распространенной в Гарраке, обычно только среди знати. Во время боя оружие находится на разных вертикальных уровнях друг от друга. "Братом", узким обоюдоострым клинком, находящимся в правой руке на уровне живота, как рубят, так и колют. "Сестрой", более коротким клинком, не имеющим режущей кромки, наносят только колющие удары. "Сестра" располагается в левой руке. Рука поднята вверх и согнута в локте. Это оружие носят либо за спиной, либо в одних сдвоенных ножнах.

Вампир— существо-легенда. До сих пор неизвестно, есть ли оно или это всего лишь сказки пьяных крестьян. По легенде, вампирами могут становиться только люди и темные эльфы. Вампирам приписывают волшебные свойства, такие, как превращение в летучую мышь или в туман. Орден магов ставит существование вампиров под сомнение.

Вастарская сделка. Вастар — король Гаррака, который в 223 г. Э. С. заключил союз с драконом, чтобы тот помог ему напасть на соседние королевства. Ничего из этого у короля не получилось, дракон не стал вступать в бой с людьми, и армия Вастара была разгромлена.

Великаны— одна из рас, обитающих в Безлюдных землях. Огромные, в три человеческих роста, свирепые существа с синей кожей.

Веселые висельники— солдаты, набираемые в армию из бывших каторжников, преступников и пиратов. При вступлении в ряды армии Валиостра им прощаются все бывшие прегрешения. Выполняют функции морской пехоты.

Война Весны— война, начавшаяся в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.). С одной стороны в ней участвовали люди и темные эльфы, с другой орки Заграбы.

Волшебство— волшебники людей и светлых эльфов владеют высшей магией, основанной на ранней магии, или шаманстве орков и темных эльфов.

Гаррак— королевство на юге Северных земель Сиалы.

Гарринч(гном., букв. Хранитель сундуков) — существо, обитающее в степях Унгавы. Выдрессированный гарринч — великолепный сторож для сокровищниц.

Гвардия короля Валиостра— личная гвардия короля. В нее набирают только дворян. Гвардейцы носят цвета короля — серый и синий. Командует гвардией капитан.

Гномы— как и их более крупные братья, карлики, появились в мире Сиалы сразу же за орками и эльфами. Поселившись в Горах карликов, гномы и карлики углубились в недра гор. Гномы — низкорослые бородатые существа со сварливым характером. В Горах карликов они существовали на правах младших братьев. Гномы — неважные ремесленники, и у них никогда не получалось сделать такую же красивую и искусную вещь, как у карликов. Гномы великолепно работают со сталью, добывают руду и другие богатства земли. Они хорошие строители и землекопы.

Спустя несколько тысячелетий жизни в Горах карликов гномы ушли из старого дома, навсегда рассорившись с родственниками-карликами.

Гномье племя нашло себе новое пристанище в Стальных шахтах Исилии. За проживание в шахтах они платят королевству ежегодную дань — литу, а также поставляют сталь. Гномы изобрели печатный станок, затем им стал известен секрет изготовления пороха.

Карлики говорят, что гномы украли его у их соотечественника, возвращавшегося из путешествия из-за Хребта мира. Разгоревшаяся между бывшими родственниками битва на поле Сорна (1100 г. Э. С.) закончилась вничью. Стороны понесли огромные потери и разошлись по домам.

Гномы тщательно скрывают секрет пороха и продают пушки.

Гномы не имеют своей магии, их последний маг погиб на поле Сорна, а книги гномов спрятаны глубоко в Горах карликов в надежном тайнике, до которого невозможно добраться из-за вражды с карликами.

Гоблины— маленькие существа, живущие в самой глубине лесов Заграбы. Шаманство гоблинов считается самым мощным после шаманства огров, но оно практически не имеет атакующих заклинаний.

Горы карликов— огромная горная цепь, высотой с которой может сравниться только Хребет мира, протянувшийся через Северные земли с востока на запад, разделяя их на две части. Зам-да-Морт, или Замок смерти, — самая высокая и величественная вершина Гор карликов.

Горы Отчаяния— низкие, но неприступные скалы, разделяющие Валиостр и Безлюдные земли. В них только один перевал, на котором расположен Одинокый Великан.

Грок— 1) легендарный полководец Валиостра, сдержавший армию орков у Авендума, в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.) до прихода подмоги темных эльфов. На одной из центральных площадей города ему поставлен памятник; 2) младший брат-близнец полководца Грока, носивший такое же имя. Маг, получивший имя Неназываемый.

Гхолы— трупоеды-падалыцики. Обычно этих существ можно обнаружить на полях битв или на старых кладбищах. Если по какой-то

причине еда пропадает, то гхолы могут залечь в спячку на несколько месяцев.

Джанга— быстрый ритмичный танец, очень популярный в Загорье.

Джашла— королевство горцев возле Хребта мира.

Дикие Сердца— отряд воинов, несущих службу у Одинокого Великана

Долгая зима— так эльфы называли отрезок времени в сто сорок лет 501–640 гг. Э. С. Долгая зима произошла после нелепой гибели эльфийского принца дома Черной розы в Авен-думе во время городских празднеств. Закончилась в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.), во время Войны Весны, когда эльфы пришли на помощь Гроку и его людям в битве с армией орков. В подтверждение окончания Долгой зимы Гроку был подарен Рог Радуги.

Доралисцы— раса козлолюдей, обитающая в степях Унгавы.

"Дракон" Гаррака— гвардия короля Гаррака.

Д'сан-дор (орк.), или Дремлющий лес— лес, находящийся в Безлюдных землях близ отрогов гор Отчаяния.

Загорье, или Вольные земли — земли у южных отрогов Гор карликов. Туда бегут все, кто недоволен властью или законами королевства. Крестьяне, младшие сыновья, опальные дворяне, авантюристы и преступники. Для таких людей в Загорье всегда найдется земля и работа.

Заказ— договор, который заключают между собой мастер-вор и клиент. Вор обязуется доставить нужную вещь, а в случае неудачи вернуть задаток и процент от общей суммы сделки. Клиент обязуется расплатиться после получения интересующего его предмета. Расторгнуть Заказ можно только с обоюдного согласия обеих сторон.

Закрытая территория (Запретная территория) — район Авендума, возникший в результате попытки с помощью Рога Радуги нейтрализовать Кронк-а-Мор в 872 г. Э. С. Закрытая территория обнесена волшебной стеной, и почти никто не решается туда проникнуть. Говорят, что там обитает зло.

Зам-да-Морт (гном.), или Замок Смерти— самая высокая и величественная вершина Гор карликов.

Звено Борга— названо по имени полководца древности, создавшего построение Цепь, где каждый воин (звено) являлся незаменимым во время отражения нападения.

Зеленый лист— одна из самых страшных пыток темных эльфов, которую они применяют лишь к оркам (единственное исключение — Джок Имарго). О ней практически ничего не известно, лишь слухи, в которых

говорится о нечеловеческих муках пытаемого. пытка может продолжаться годами и без перерыва.

И'альяла— леса Северных земель Сиалы возле Хребта мира. Сюда переселились светлые эльфы из лесов Заграбы после раскола эльфийских домов.

Иглы Стужи— ледяные горы далеко в Безлюдных землях.

Играющие с ветром— так в армии называли опытных лучников, не важно, к какому отряду они принадлежали. Играющие, несмотря на сильный ветер, мешающий полету стрелы, почти всегда попадали в цель.

Империя— после рождения в императорской семье двух сыновей-близнецов Империя распалась на два государства — Приозерную и Заозерную империи. Эти два королевства постоянно воюют друг с другом за право объединения под властью одной из династий, ведущих свою родословную от двух братьев-близнецов.

Имперская собака— порода сторожевых собак, выведенная в Империи.

Иселина (орк.), или Черная река— начинается в Горах карликов, протекает через восточную часть лесов Заграбы, пересекает Валиостр, разделяется на правый и левый рукава и впадает в Восточный океан.

Исилия— королевство, граничащее с Валиостром и Мирануэхом.

Канийской ковка— оружие, изготовленное из стали, добытой в Стальных шахтах Исилии. Сталь обрабатывают в знаменитых кузнях столицы королевства Кании. После специальной обработки иковки она приобретает рубиновый цвет и специфическое свойство — встречаясь со сталью другого вида, издавать мелодичный звон колокольчиков либо яростный визг, — поэтому сталь канийскойковки еще называют Поющей, Визжащей сталью или Рубиновой кровью.

Карлики— низкорослая раса, живущая в Горах карликов. Они похожи на своих братьев — гномов. Удивительно, но их сильные руки с толстыми пальцами творят изумительные и потрясающие вещи, которые ценятся во всех уголках Сиалы. Не важно, что это — оружие, инструменты или произведения искусства.

К'лиссанг (орк.) — буквально Хранящий Верность. Эльф, давший родовую клятву и поступивший телохранителем к эльфу более знатного рода сроком на девять лет. Если Хранящий Верность погибает за время своей службы, вся его семья переходит в род эльфа, которого охранял к'лиссанг.

Королевские песочники— тайная полиция короля, защищающая интересы государства и самодержца. Названы так за свою эмблему —

песочные часы.

Кронк-а-Мор— шаманство огров.

Лабиринт— древнее сооружение орков, располагается в лесах Заграбы. В лабиринт орки запускают пленников и делают ставки, кто из несчастных дольше проживет.

Леса Заграбы— занимают огромную территорию. Местами прекрасные, местами страшные и опасные вечнозеленые леса скрывают множество загадок и таинственных существ. В лесах Заграбы живут темные эльфы, орки, гоблины, дриады.

Леса И'альяла— расположены возле Хребта мира. В них живут светлые эльфы.

Линг— маленький зверек, живущий в тундре Безлюдных земель. Очень похож на лохматую крысу, но с куда большими зубами и когтями.

Мастер длинного меча— звание, которое получал воин, в совершенстве владеющий тремя техниками работы с двуручным мечом (классический хват, хват за один из клыков, по-соховый хват). На рукояти меча — золотое тиснение в виде дубового листа.

Мирануэх— королевство, граничащее с Гарраком, Исилией и Валиоостром. Постоянно воюет с Валиоостром из-за Спорных земель.

Неназываемый— имя мага Валиоистра, которое ему дали после предательства в последний год Тихих времен (640 г. Э. С).

Обур— гигантский медведь из лесов Заграбы.

Огр-шач (о/не), или огролом, — оружие, внешне напоминающее тяжелый цеп. Та часть, которой наносится удар, имеет грушевидную форму, и на ней находятся шипы.

Огры— раса из Безлюдных земель. Единственная старая раса Сиалы, оставшаяся в этом мире. С самого начала огры получили очень сильную и разрушительную магию — Кронк-а-Мор. Считается, что они — дальние родственники орков и эльфов. Эльфы говорят, что разум огров забрали боги если бы они остались такими же умными, как раньше, то захватили бы и уничтожили весь мир Сиалы.

Одинокий Великан— крепость, которая перекрывает единственный перевал в горах Отчаяния, ведущий из Безлюдных земель в Валиоостр.

Орден магов— имеется в каждом королевстве. Только Загорье и Джашла не имеют Ордена. В состав Совета каждого Ордена входят архимаги. Возглавляет Орден магистр.

Орден Серых— орден воинов — хранителей равновесия мира. Орден находится на острове Серых, далеко в Холодном море. Серые — великолепные и непобедимые воины, которые уходят со своего острова,

когда мир кренится в ту или иную сторону.

Орки— первая новая раса Сиалы. Эльфов считают своими кровными врагами, хотя те являются их прямыми родственниками. Орки считают, что они Первые и должны править всем миром, а все остальные расы — это досадная ошибка богов. Кроме лесов Заграбы орки обитают в Безлюдных землях (снежные орки).

Пограничное королевство, или Пограничье— королевство рядом с северными отрогами Гор карликов и лесами Заграбы.

Поле Сорна— поле, на котором произошла битва (1100 г. Э. С.) между гномами и карликами. Пушки и боевые мотыги встретились с секирами и мечами. В этой битве победителей не было.

Пурпурные годы— промежуток времени, во время которого карлики с гномами вели ряд жестоких войн друг с другом, итогом которых был исход гномов из Гор карликов.

Рачье герцогство— единственное государство на территории Безлюдных земель.

Река Хрустальной Мечты— узенькая речушка в Авендуме, протекающая через Портовый город и впадающая в Холодное море.

Рог Радуги— легендарный артефакт, созданный ограми в противовес собственной магии — Кронк-а-Мору, если она выйдет из подчинения. Рог был захвачен темными эльфами, а впоследствии они передали его людям (Гроку) как подтверждение добрых намерений и заключение вечного союза между темными эльфами и Валиостром. Каждые двести-триста лет Рог нужно насыщать магией, чтобы он не потерял своих свойств. После появления Закрытой территории Рог был похоронен вместе с Гроком в Храм Спайне. Его магия сдерживает Неназываемого в Безлюдных землях.

Рука— военный вождь орков.

Рыночная площадь— известная площадь Авендума, где постоянно проходят театрализованные представления.

Сагот— один из двенадцати богов мира Сиалы. Покровитель воров, мошенников, плутов и шпионов.

Сагра— одна из двенадцати богов мира Сиалы. Богиня войны, справедливости и смерти. Покровительница воинов.

Свены, или Поющие— существа Безлюдных земель, похожие на лохматые летающие шары, которые появляются на просторах Безлюдных земель в самые лютые морозы. Поют Песнь, убивая все живое.

Серые камни— самая надежная и страшная тюрьма-крепость Валиостра, из которой за все время ее существования ни разу не было совершено побега.

Сильна— богиня любви, красоты и природы.

С'каш (орк.), или крюк— ятаганообразный клинок, но, в отличие от ятаганов орков, имеет заточку на внутренней, вогнутой стороне.

Склот (гном.), или штопор— тяжелый военный арбалет, предназначен для пробивания тяжелых доспехов воинов, идущих в передних рядах.

Спорные земли— земли между Мирануэхом и Валиостром, возле лесов Заграбы.

Стальные шахты— горы и рудники в Исилии, где добывают лучшую сталь Северных земель. Здесь живет раса гномов.

Степи Унгавы— степи на самом юге Северных земель.

С'у-дар (огр.), или Ледяной перевал— единственный путь из Безлюдных земель в цитадель Неназываемого, проходящий через Иглы Стужи.

Султанат— государство, расположенное далеко за степями Унгавы.

Тихие времена— отрезок с 423 по 640 г. Э. С., во время которого Валиостр не вел ни одной войны. Это времена благоденствия и расцвета королевства. Они закончились, когда огромная армия орков из лесов Заграбы вторглась в Валиостр.

Треш (орк.) — вежливое обращение у эльфов к эльфу знатного рода. Иногда его используют другие расы во время разговора с высокородными эльфами.

Филанд— королевство возле южных отрогов Гор карликов.

Флини— маленькие существа, живущие в лесах Заграбы. Иногда находятся в услужении у эльфов, разносят новости и сплетни.

Халлас— счастливчик судьбы (игра слов: хала — счастливчик, лас судьба).

Хребет мира— цепь самых высоких гор Сиалы. Проходит с севера на юг почти через весь континент. Хребет труднопроходим, за ним располагаются почти неизведанные земли.

Х'варры, или Снежные падалычики— обитают в Безлюдных землях.

Холодное море— северное море Западного океана, омывающее берега Валиостра и Безлюдных земель.

Храд Спайн (огр.), или Костяные дворцы— огромные подземные катакомбы и дворцы, где огры, орки, эльфы, а затем и люди хоронили павших воинов.

Х'сан'кор (орк.), или Ужасная флейта— чудовище-людоед, обитающее в лесах Заграбы. Его очень сложно убить.

Шаманство — изначальная магия Сиалы. Первыми ее стали использовать огры, затем орки, темные эльфы, гоблины. Именно от шаманства произошла магия людей и светлых эльфов.

Эльфы— вторая молодая раса Сиалы, появившаяся почти сразу за своими родственниками — орками. Через несколько тысячелетий жизни в лесах Заграбы у эльфов произошло разделение на светлых и темных.

Светлые эльфы не удовлетворились тем, что давало им шаманство. Они принялись изучать волшебство, используя как основу магию людей.

Темные эльфы, в отличие от светлых, предавших память предков, продолжают использовать изначальную магию этой расы — шаманство.

Имена всех женщин темных начинаются на "м". мужчин на "э". Если эльф является выходцем из правящей семьи Темного дома, то к имени прибавляется "-сса".

Э. С. — эпоха Снов, последняя эпоха Сиалы (1123 г.). События, описанные в книге, происходят в последний год Э. С. До этого времени были, эпоха Свершений (эпоха, во время которой на Сиале появились люди, — около 7000 лет назад), Седая эпоха (эпоха, отсчет которой пошел, когда на Сиале появились орки и эльфы); Темная эпоха (неизвестно, кто, кроме огров, существовал в те далекие времена на Сиале и что тогда происходило).

Языки Сиалы— существуют три группы языков на Сиале. Первая группа орочий, на нем общаются орки и эльфы. Вторая группа — гномий, на нем разговаривают гномы и карлики. Третья группа — человеческий, или всеобщий. Также существуют другие языки и диалекты. Например, язык огров или гоблинов.